

ISSN 2409-0875 (Online)
ISSN 2308-1856 (Print)

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова

Золотоордынская цивилизация

Golden Horde Civilization

№ 8. 2015

Посвящается памяти
ГОРЕЛИКА МИХАИЛА ВИКТОРОВИЧА

Казань – 2015

Научный ежегодник «Золотоордынская цивилизация». 2015. №. 8. 408 с.+6 с. цв. вкл.

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГБУ «Институт истории имени
Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан»

Центр исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А.Усманова

Ежегодник основан в феврале 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–56244 от 28 ноября 2013 г.
выдано Роскомнадзором

Выходит 1 раз в год

Научный редактор издания

И.М. Миргалеев

Ответственный редактор

Э.Г. Сайфетдинова

Редактор английских текстов

Роман Хаутала

Редакционная коллегия:

Р.С. Хакимов (председатель),
И.М. Миргалеев (Казань),
М.Г. Крамаровский (Санкт-Петербург),
Юлай Шамильоглу (Мадисон, Висконсин, США),
Э.С. Кульпин-Губайдуллин (Москва),
Роман Хаутала (Оулу Финляндия),
Тасин Джемил (Бухарест, Румыния),
И.В. Зайцев (Москва),
В.В. Трепавлов (Москва), Тимоти Мей (США),
А.К. Муминов (Астана, Казахстан),
И.Л. Измайлов (Казань),
Э.Д. Зиливинская (Москва), В.А. Иванов (Уфа),
Чжао Чжу-ченг (Тайбей, Тайвань),
Н.Д. Руссев (Кишинев, Молдова),
Хироюки Нагамине (Саппоро, Япония),
Ц. Энхчимэг (Улан-Батор, Монголия),
Виктор Спинеи (Яссы, Румыния),
Ильяс Кемалоглу (Камалов) (Стамбул, Турция)

Технический редактор

Л.С. Гиниятуллина

Адрес редакции:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19

Research Annual “Golden Horde Civilization”. 2015. №. 8. 408 p.+ 6 p. of colored inserts

FOUNDER

State Budgetary Institution “Shigabutdin Marjani
Institute of History of Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan”

Usmanov Center for Research
on the Golden Horde and Tatar Khanates

Annual was founded in February 2008

Certificate of registration of the mass media
ПИ № ФС77–56244 given by Roskomnadzor
on November 28, 2013
Published once a year

Academic editor of publication

I.M. Mirgaleev

Executive editor

E.G. Sayfedinova

English texts editor

Roman Hautala

Editorial board:

R.S. Khakimov (chairman), I.M. Mirgaleev (Kazan),
M.G. Kramarovsky (Sankt-Peterburg),
Uli Schamiloglu (Madison, Wisconsin, USA),
E.S. Kulpin-Gubaydullin (Moscow),
Roman Hautala (Oulu, Finland),
Tasin Jamil (Bucharest, Romania),
I.V. Zaytsev (Moscow), V.V. Trepavlov (Moscow),
Timothy May (USA),
A.K. Muminov (Astana, Kazakhstan),
I.L. Izmaylov (Kazan), E.D. Zilivinskaya (Moscow),
V.A. Ivanov (Ufa), Zhao Zhu-cheng (Taipei,
Taiwan), N.D. Russev (Kishinev, Moldova),
Hiroyuki Nagamine (Sapporo, Japan),
C. Enhchimeg (Ulan-Bator, Mongolia),
Victor Spinei (Iasi, Romania),
İlyas Kemaloglu (Kamaloglu) (Istanbul, Turkey)

Technical editor

L.S. Giniyatullina

Editorial Office Address:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 00 19

E-mail: zolotayaorda.cent@mail.ru www.civil.goldhorde.ru

На обложке: Тяжеловооруженный монгольский всадник. Конец XIV в.
Выполнен по реконструкции М.В. Горелика (источник: электронный ресурс)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	5
Измайлов И.Л., Миргалеев И.М. Памяти Михаила Викторовича Горелика	6
Хакимов Р.С. По следам «tatar» (информация о поездке в префектуру Симанэ, Япония)	9
Роман Хаутала. Грамоты венгерского короля Андрея II, предоставленные Тевтонским рыцарям в Трансильвании: латинские тексты, переводы и комментарии	13
Timothy May. The Mongol Art of War and the Tsunami Strategy	31
Горелик М.В. Вооружение и военная организация войск Монгольской империи (первая половина XIII в.)	38
Тимохин Д.М. К вопросу о причинах поражения хорезмийской армии в войне с монголами (1219–1221 гг.)	53
Юрченко А.Г. Полчища Чингиз-хана: анатомия мифа	65
Roman Hautala. The Teutonic Knights' Military Confrontation with the Cumans during Their Stay in Transylvania (1211–1225)	80
Измайлов И.Л. «Народ там свирепый»: монгольские завоевания Волго-Уральского региона (1223–1240 гг.)	90
Возный И.П. Характеристика вооружения и реконструкция атаки монголо-татар феодалной усадьбы в Черновке	110
Кушкумбаев А.К. Институт бахадуров в военной организации империи джучидов	137
Refik Turan, Güray Kırpık. Tugh (Tuğ) as a Turkish Hegemonic Symbol from the Altays to the Alp Mountains	148
Бобров Л.А., Белоусова Н.Е. Находки золотоордынского вооружения в Азии и проблема влияния оружейных комплексов Восточной Европы на военное дело народов Сибири, Центральной и континентальной Восточной Азии XIII–XV вв.	156
Сейдалиев Э.И. Военное дело кочевников Северного Причерноморья в IX–XIII вв. и Крымского ханства: сравнительный анализ на основании письменных источников	166
Сальников А.В. К вопросу о наличии в комплексе вооружения северокавказского воина золотоордынских шлемов	191
Кулешов Ю.А. Об одной разновидности золотоордынских боевых ножей	197
Чёрный А.В. Географические ориентиры битвы на Синей воде	211
Селиверстов Д.А. Войны и войско Дмитрия Донского	222
Пилипчук Я.В. Битва на реке Ворскла (источниковедческие аспекты)	285
Миргалеев И.М. Татары Дешт-и Кыпчака в переписке Аксак Тимура с Баязидом	299
Маслюженко Д.Н. Военное дело кочевых узбеков в ханстве Абу-л-Хайра (по материалам письменных источников)	304
Пилипчук Я.В. Татарская политика Казимира IV, 1480–1492	312
Худяков Ю.С. Древковое колющее оружие сибирских татарских воинов	328
Аксанов А.В. Когда началась кампания по завоеванию Казанского ханства?	338
Пенской В.В., Пенская Т.М. «Исланова стравка»	345
Бобров Л.А., Рюмшин М.А. «...И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в.	357
Брайан Глин Вильямс. Татарские воины на службе у османского султана	379
Худяков Ю.С. Вооружение и военное искусство воинов Сибирского татарского ханства	392
Новые книги. Отзывы и рецензии	407

CONTENTS

A Word from Editor	5
Izmailov I.L., Mirgaleev I.M. In Memory of Mikhail Viktorovich Gorelik	6
Khakimov R.S. On the Trail of “Tatara” (information on the travel in Shimane Prefecture, Japan)	9
Roman Hautala. Chapters of the Hungarian King Andrew II Granted to the Teutonic Knights in Transylvania: Latin Texts, Translation into Russian, and Commentaries	13
Timothy May. The Mongol Art of War and the Tsunami Strategy	31
Gorelik M.V. Arms and Military Organization of the Mongol Empire Troops (the first half of the 13 th century)	38
Timokhin D.M. To a Question about the Reasons for the Defeat of Khwarezmian Army in the War against the Mongols (1219–1221)	53
Yurchenko A.G. Hordes of Genghis Khan: Anatomy of a Myth	65
Roman Hautala. The Teutonic Knights’ Military Confrontation with the Cumans during Their Stay in Transylvania (1211–1225)	80
Izmailov I.L. “The People There are Ferocious”: The Mongol Conquest of the Volga-Ural Region (1223–1240)	90
Vozny I.P. Characteristics of the Mongol-Tatars Weapons and Reconstruction of Their Attacks of the Feudal Manor of Chernovka	110
Kushkumbayev A.K. Institute of Bahadurs in the Military Organization of the Jochid Empire	137
Refik Turan, Güray Kırpık. Tugh (Tuğ) as a Turkish Hegemonic Symbol from the Altays to the Alp Mountains	148
Bobrov L.A., Belousova N.E. Findings of the Golden Horde Arms in Asia and the Problem of the Impact of Eastern European Weapon Systems on the Warfare of the Peoples of Siberia, Central and Continental Eastern Asia during the 13 th –15 th centuries	156
Seydaliyev E.I. Warfare of the Nomads in the Northern Black Sea Region during the 9 th –13 th centuries and the Crimean Khanate: A Comparative Analysis Based on Written Sources	166
Salnikov A.V. On the Question of the Presence of the Golden Horde Helmets in the Weaponry Complex of the Northern Caucasian Warrior	191
Kuleshov Yu.A. On a Variety of the Golden Horde Combat Knives	197
Chernyy A.V. Geographical Guidelines for the Battle of Blue Waters	211
Seliverstov D.A. Wars and the Army of Dmitry Donskoy	222
Pilipchuk Ya.V. The Battle on the Vorskla River (source study aspects)	285
Mirgaleev I.M. The Tatars of Dasht-i Kipchak in the Aksak Timur Correspondence with Bayazid	299
Maslyuzhenko D.N. Warfare of the Uzbek Nomads in the Khanate of Abu al-Khair (based on written sources)	304
Pilipchuk Ya.V. The Tatar Policy of Casimir IV, 1480–1492	312
Khudyakov Yu.S. Spear Piercing Weapons of the Siberian Tatar Warriors	328
Aksanov A.V. When Did the Campaign for the Conquest of Kazan Khanate Begin?	338
Penskoy V.V., Penskaya T.M. “Islanova stravka” (Islam-Giray’s Raid)	345
Bobrov L.A., Ryumshin M.A. “... And against them, they could not withstand anywhere and they are not able to fight against them”. Arms and Military Tactical Aspect of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar Wars during the first half – middle of the 17 th century	357
Brian Glyn Williams. Tatar soldiers in the service of the Ottoman Sultan	379
Khudyakov Yu.S. Weapons and Military Art of the Siberian Tatar Khanate Warriors	392
New Books. Feedback and Reviews	407

Слово редактора

Уважаемые коллеги! Предлагаем Вашему вниманию очередной выпуск научного ежегодника «Золотоордынская цивилизация». Этот выпуск получился тематическим – он посвящен военному делу Золотой Орды, ее предшественников и поздnezолотоордынских государств. После издания в 2011 году сборника «Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения»¹, многие специалисты по военному делу предложили продолжить издание тематического сборника. На что мы с удовольствием согласились и решили этот выпуск ежегодника посвятить вопросам военной истории.

Военное дело является важным аспектом золотоордынской тематики. Однако многие стороны его теоретической базы, поиски аутентичных источников и их критика, ввод археологических находок по военному делу в широкий научный оборот и т.п. все еще являются весьма актуальными. Хотя имеется немало хороших работ по военному делу Золотой Орды, однако приходится констатировать, что в этом направлении работает ограниченное количество специалистов. Поэтому и впредь в наших изданиях мы будем стараться уделять пристальное внимание данной проблематике. Возможно, один из последующих выпусков ежегодника также посвятим этой теме.

И.М. Миргалеев

к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А.Усманова
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

¹ Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и составитель И.М.Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011.

Памяти Михаила Викторовича Горелика

И.Л. Измайлов

*(Институт археологии им. А.Х.Халикова
Академии наук Республики Татарстан)*

И.М. Миргалеев

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

В дни подготовки данного выпуска ежегодника в печать, когда практически весь он был сверстан, в редакцию пришла скорбная весть о безвременной кончине Михаила Викторовича Горелика – давнего друга, коллеги и постоянного автора всех наших изданий.

Трагическое событие случилось 12 января 2015 г., когда М.В. Горелику шел шестьдесят девятый год. Он был полон творческих планов и новых идей, с большим энтузиазмом рассказывал о написанных статьях и планируемых книгах. К величайшему сожалению, реализовать все это он уже не успеет...

Путь в науку у Михаила Викторовича, как и у многих талантливых людей был сложен и тернист. С детства он увлекался историей и в школьные годы участвовал в работе археологического кружка при Государственном историческом музее. Вместе с другими кружковцами он ездил в археологические экспедиции и навсегда влюбился в древности и вещественную историю. Закончив в 1964 г. школу с художественным уклоном он поступил на вечернее отделение кафедры истории и теории искусства исторического факультета Московского университета, одновременно стал сотрудником Исторического музея. Старание и хорошая успеваемость позволили ему в 1965 г. перейти на очное отделение, где он полностью сосредоточился на учебе. Именно тогда он избрал для себя тему, поглотившую его навсегда – искусство Востока, история костюма и вооружения народов Азии.

Успешное окончание университета по специальности «История зарубежного искусства», позволили ему поступить в аспирантуру по истории восточного искусства, что в те годы требовало незаурядных талантов и усердия. К счастью, они в избытке присутствовали у молодого аспиранта.

Годы учебы в аспирантуре были посвящены изучению сложнейшей и мало разработанной проблемы месопотамской школы миниатюры и особенностей творческого «почерка» их представителей. Она требовала разнообразной подготовки. Его автор должен был прекрасно знать искусство Востока, разбираться в творческой лаборатории миниатюристов и видеть детали отличий различных школ. Тем не менее, в 1973 году М.В. Горелик успешно защитил диссертацию на тему «Месопотамские школы миниатюры второй половины XII – первая половина XIII вв.», получив ученую степень кандидата искусствоведения. Судя по отдельным статьям автора по этой теме и их актуальности, можно сказать, что его работа не потеряла значения и по сей день и настоятельно требует публикации. Думаю, что если бы М.В. Горелик продолжил разрабатывать эту тему, то мир бы узнал прекрасного специалиста по восточной миниатюре. Однако его манило не «чистое искусство», а история Востока – манящая, таинственная и воинственная.

Следуя своему призванию, Михаил Викторович в 1973 году поступил в Институт Востоковедения АН СССР, где продолжил успешно работать до своих последних дней. За время своей работы в институте он разрабатывал весьма сложную тему вооружения народов Востока с древнейших времен до первых веков до н.э. Сама постановка проблемы – изучить и представить развитие вооружения, воинского снаряжения и военного дела всего Старого Света от Малой Азии и Северного Причерноморья до берегов Тихого океана на широком хронологическом фоне от IV тысячелетия до IV в. до н.э. Может повергнуть в шок любого исследователя, если представить себе, сколько на этой территории и в то время было стран и проживало народов. Еще большей проблемой должна была стать проблема источников. С одной стороны их слишком мало (особенно

письменных), а с другой – они чрезвычайно разнообразны и отрывочны, здесь и археологические предметы, и граффити, и рисунки, и терракотовые статуэтки и еще многое, многое другое. В дальнейшем эта многотрудная работа увенчалась прекрасным фундаментальным трудом – «Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.)» (1993, 2003), сразу ставшим библиографической редкостью. В этом классическом оружиеведческом труде представлены возникновение и эволюция вооружения на протяжении самых «темных веков» – древности и ранней античности. Этот труд, не имеющий аналогов в мире, является подлинным открытием неизвестных страниц истории Востока – начальных страниц истории оружия и военного дела в зоне первых цивилизаций и их соседей. В действительности – это подлинное открытие ранних этапов истории оружия и сложения военной культуры, ставшей основой для всей последующей военной культуры античности и средневековья.

Но не все складывалось гладко – в милитаризованной стране Советов нельзя было писать и говорить о войне, даже если речь шла о глубокой древности. Ложно понимаемая борьба за мир вела к негласному запрету на эти темы.

Наряду и параллельно с огромными трудами в области изучения оружия народов Востока Михаил Викторович активно и целеустремленно разрабатывал тему вооружения евразийских кочевников и в первую очередь монголов Чингиз-хана и татар Золотой Орды. Уже в одной из первых своих статей, вышедшей в 1974 году под броским заголовком «Загадка завоевателей». В ней он представлял аргументы, развенчивающие мифы о войске Чингиз-хана, как дикой ватаге одетых в бараньи тулупы конных лучников, побеждавших своих врагов не умением, а исключительно числом. В качестве позитива он предлагал обратиться к археологическим данным и изобразительным материалам (вот когда пригодилось знание персидской миниатюры!), которые изображали монголо-татар в виде тяжеловооруженных конных копейщиков, с разнообразным оружием. Популярная журнальная статья не позволяла развернуть аргументацию, но логика была ясна, а материалы убедительны. Но не для всех...

Между тем, эта, а позже и ряд других статей М.В. Горелика, которые стали выходить из печати и где доказывалось, что не только монголы Чингиз-хана, но и татары Золотой Орды, а до них и другие тюркские народы Евразии имели прекрасную латную конницу и изощренную тактику полевого боя. Подобные аргументы и логика подрывали многие мифы отечественной науки, в том числе и оружиеведения. В печати стали появляться весьма критические статьи, упрекавшие автора в незнании источников, прежде всего археологических, несистемности их анализа и хронологических неувязках. Нельзя сказать, что все критические высказывания оппонентов были неверными, но их тон (особенно у некоторых молодых московских археологов), а главное – попытка вернуться к прежним доводам о победах толп монгольских лучников, не могла быть принята. Как ни сурова и несправедлива была порой критика, но Михаил Викторович всегда сохранял спокойствие и старался отвечать новыми статьями, где приводил все более свежие данные, в том числе и археологические, а также изобразительные. Постепенно его аргументы стали находить все больше и больше сторонников и сейчас, вряд ли, кто-то будет спорить с тем, что монголо-татары имели латную кавалерию, а их победы основывались на совершенной тактике полевого боя и технике осад. Закономерным, хотя и во многом предварительным итогом исследований М.В. Горелика в этой области стала книга «Армии монголо-татар X–XIV вв.» (М., 2002), логично построенная и прекрасно иллюстрированная. Можно сказать, что в определенной степени «загадка завоевателей» решена в пользу монголо-татар.

Вместе с тем, автор продолжал разрабатывать все новые и новые темы. В поле его зрения было вооружение хазар и кабаров, алан и адыгов, венгров и болгар. Вокруг них разгорались новые споры и скрещивались аргументы, привлекался интерес к старым вопросам и артефактам. В центре этого движения был Михаил Викторович, заражавший других своими энциклопедическими знаниями и аргументированной их подачей, всегда принципиальной и острой...

Еще в студенческие годы Михаил Викторович стал заниматься графическими реконструкциями вооружения и костюма. Во многом это, видимо, объяснялось стремлением «увидеть» людей прошлого в их собственных костюмах. Но если людей из античной Греции и Рима или западноевропейского средневековья, еще можно было увидеть на страницах учебников, то народы Востока туда никак не попадали. Пришлось все делать самому. М.В. Горелик стал изучать возможности графической реконструкции и пробовать свои силы в ней. Сначала это были черно-белые реконструкции к своим статьям, потом реконструкции костюма из различных комплексов, напри-

мер, скифских погребений и, наконец, для целого ряда изданий научных, научно-популярных и детских потребовались цветные иллюстрации – реконструкции костюма и вооружения. На этом поприще он достиг блестящих успехов. Темы и делать графические реконструкции уже очень много, но пока никто не превзошел Пожалуй, ни один серьезный труд по истории от томов «Детской энциклопедии» до академической «Истории татар» не обходился без его реконструкций. Для многих из сегодняшних историков и археологов путь в мир истории начался с этих прекрасных иллюстраций. Умеющих рисовать на исторические М.В. Горелика в научности подобных реконструкций и художественной выразительности.

Для историков Татарстана Михаил Викторович всегда был добрым другом и коллегой. Он принимал самое деятельное участие практически во всех наших коллективных трудах и во всех научных форумах. Вклад, который он внес в разработку истории не только Татарстана, но и всего Волго-Уральского региона бесценен. К нашему величайшему сожалению наше сотрудничество прервалось самым трагическим образом. Но хотя и Михаила Викторовича и нет больше с нами, но нам остались шедевры его творчества и его научные труды.

Вечная добрая память о друге и коллеге, безвременно ушедшем от нас в расцвете таланта, полного задумок и новых идей, сохраниться в наших сердцах. Пока мы будем помнить о нем и его вкладе в науку – он будет жить с нами вместе.

Сведения об авторах: Искандер Лерунович Измайлов – главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук (420012, ул. Бутлерова, 30, Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

Ильнур Мидхатович Миргалеев – руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); dilnur1976@mail.ru

In Memory of Mikhail Viktorovich Gorelik

I.L. Izmailov

*(A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

I.M. Mirgaleev

*(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

During the preparation of this collection to press, the editors received the sad news of the untimely death of Mikhail Viktorovich Gorelik, a longtime friend, colleague, and regular contributor to all of our publications.

This tragic event happened January 12, 2015, when M.V. Gorelik was sixty-ninth year old.

Hardly any serious work on the history could do without his reconstructions: ranging from volumes of “Children’s Encyclopedia” to academic “History of the Tartars”. Many of the current historians and archaeologists have begun their way into the world of history with these beautiful illustrations.

For historians of Tatarstan, Mikhail Viktorovich was always a good friend and colleague. He took an active part in almost all of our collective work and research forums. He made an invaluable contribution to the study of history both of Tatarstan and the entire Volga-Ural region. To our great regret, our collaboration was interrupted in the most tragic manner. But though Mikhail Viktorovich is no longer with us, we have the masterpieces of his creativity and his academic works.

In our hearts persist an eternal good memory of a friend and colleague, prematurely gone from us in the prime of his talent, full of dreams and new ideas. As long as we remember him and his contribution to research – he will live with us!

About the authors: Iskander Lerunovich Izmailov – Senior Research Fellow, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420012, Butlerova st., 30, Kazan, Russian Federation); ismail@inbox.ru

Il'nur Midkhatovich Mirgaleev – Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); dilnur1976@mail.ru

По следам «tatar» (информация о поездке в префектуру Симанэ, Япония)*

Р.С. Хакимов

(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

21–22 января 2015 г. состоялась поездка делегации Республики Татарстан в префектуру Симанэ для ознакомления с выплавкой металла по технологии, называемой «tatar». В Японии из получаемого высококачественного металла куют знаменитые мечи *катана*. В ходе поездки удалось посмотреть четыре музея, посвященных этой технологии. Считается, что этот способ выплавки металла попал в Японию примерно в VII в. с Корейского полуострова и исторически связан с татарами. Префектура Симанэ отличается значительным количеством железистого песка и лиственного леса, необходимого для производства угля. Поскольку песок содержит незначительное количество железа (около 1%), его обогащают с помощью промывки в воде. На оставшихся после обогащения руды породах выращивают рис. Влажный климат способствует быстрому воспроизводству лиственного леса, а потому Симанэ был главным производителем металла и мечей самураев в Японии.

Особенность технологии выплавки металла методом «tatar» заключается в мехах для поддува воздуха, которые поддерживают температуру в горне в пределах 800–1500 градусов. В прежние времена меха качали ногами с двух сторон двое рабочих в течение трех суток непрерывно, в результате чего в горне выплавлялся монолит весом до трех тонн. Его дробили и отбирали лучшие куски, из которых ковали мечи, а остальное шло для хозяйственных нужд. Поскольку главным технологическим изобретением был непрерывный и энергичный поддув воздуха, а его надо было поддерживать на хорошем уровне с помощью ног рабочих. Так в японском языке появилась фраза: «татарская поступь», «татарский шаг».

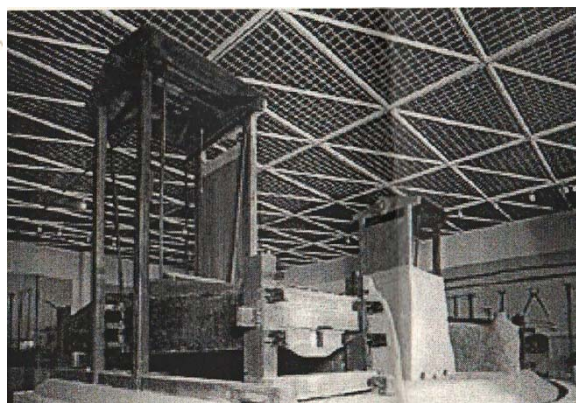
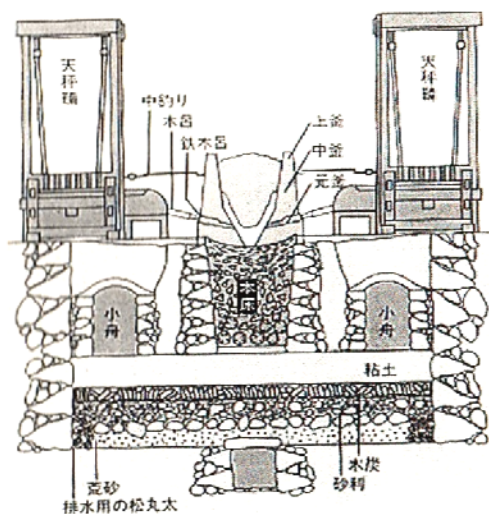
В 1925 г. в Японию завезли европейские методы выплавки стали, после чего технология «tatar» потеряла прежнее значение. В 1944–1945 гг. выплавка металла иковка мечей самураев была запрещена оккупационными властями и возродилась только в 1970-е гг. и считается культурным достоянием.

Существует вероятность привнесения татарами этой технологии в Японию, но она нуждается в доказательствах. Как известно, Алтай, Хакассия, Тува, Минусинская котловина с древнейших времен славились производством металла. Именно тюрки считались основными производителями металла на Алтае. По сообщениям китайских хроник, которые приводит Н.Бичурин [2], «Ашина с 500 семейств бежал к жужаньцам, и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаньцев». В начале VI века тюрки были известны как кузнецы, платившие дань жужаньцам железными изделиями: «Предки Дулги [Тукюе] из рода в род жили на южной стороне Алтая и добывали железо для жужаньского хана: и посему хан сказал: ты мой плавильный невольник». Весьма любопытно сообщение Рашид-ад-дина [3], который пишет: «Согласно тому, что изложено в предисловии к этой благословенной книге, монгольские племена были одной из групп общей массы тюркских племен, их облик и речь сходны между собою... Все их юрты простираются от пределов страны уйгуров до границ Китая и Джурджэ в тех областях, которые ныне называют Могулистан... Примерно за две тысячи лет до настоящего [времени] у того племени, которое в древности называли монгол, случилась распря с другими тюркскими племенами и закончилась сражением и войной. Имеется рассказ, [передаваемый со слов] заслуживающих доверия почтенных лиц, что над монголами одержали верх другие племена и учинили такое избиение [среди] них, что [в живых] осталось не более двух мужчин и двух женщин. Эти две семьи в страхе перед врагом бежали в недоступную местность... А имена этих людей были: Нукуз и Киян. Они и

* Фото к статье см. на цветной вклейке.

их потомки долгие годы оставались в этой местности и размножились». Со временем, им стало тесно. «Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами (мера веса, соответствующая ноше осла – *P.X.*), зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали [из них] кузнечные мехи. [Затем] сложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали то место; что разом этими семьюдесятью мехами стали раздувать [огонь под дровами и углем] до тех пор, пока тот [горный] склон не расплавился. [В результате] оттуда было добыто безмерное [количество] железа и [вместе с тем] открылся и проход. Они все вместе откочевали из этой теснины на простор степи. Говорят, что раздувала меха главная ветвь [племени], восходящая к Кияну. Точно так же раздувало [мехи] и то племя, которое известно под именем нукуз, и племя урянкат, принадлежащее к их ветвям». Таков сюжет, встречающийся также у других летописцев в более лапидарной форме. Абуль-Гази [1] сообщает: «Тут один кузнец сказал: в таком-то месте есть железная руда: гора изменится в долину, если в ней растопить железо. Они пошли, осмотрели место и согласились на умное мнение кузнеца. На плечах наносили дров и углей и на широте горы положили слой дров и слой угольев, завалили ими вершину горы, и уступы боков ея, и скаты ея, и, сделав из кож семьдесят мехов, на семидесяти местах поставили их и стали сильно дуть. Когда всемогуществом Божиим огонь возгорелся, гора расплавилась и растеклась, открылась дорога такая, что мог пройти навьюченный верблюд. Несколько дней и ночей они выбирались из гор». Сходные сообщения есть и в китайских хрониках, приводимых Н.Бичуриным. Так о енисейских киргизах начала VI века сказано: «В каждый дождь обычно получают железо, называют его: цзя-ша. Делают оружие, крайне острое; постоянно вывозят к тукюек».

В рассказе о расплавлении железной горы и выходе на степные просторы важны два момента: во-первых, факт возвышения тюркских племен благодаря открытию новой технологии выплавки железа; во-вторых, понимание особенности технологии, связанной с раздуванием мехов для подачи воздуха, что позволило вырабатывать высококачественную сталь.

Сам факт изобретения представлялся столь значительным, что другие племена также претендовали на эту историческую роль. «Несколько других племен претендуют на [участие в] раздувании мехов, но вышеупомянутые племена не признают за ними [этого]», – пишет Рашид-ад-дин. Летопись также утверждает, что то место, откуда вышли Нукуз и Киян не было слишком тяжелым для жизни, «целью же расплавления ими горы было [лишь] открытие иного пути для [своей] славы» и к этому был причастен род Чингиз-хана: «Так как Добун-Баян, который был мужем Алан-Гоа, происходил из рода Кияна, а Алан-Гоа из племени куралас, то родословная Чингиз-хана, как было изложено [выше], восходит к ним. Вследствие этого [люди] не забывают о той горе, плавке железа и кузнечном деле и у рода Чингиз-хана существует обычай и правило в ту ночь, которая является началом нового года, готовить кузнечные мехи, горн и уголь; они раскаляют немного железа и, положив [его] на наковальню, бьют молотом и вытягивают [в полосу] в благодарность [за свое освобождение]». Цифру в семьдесят мехов нужно считать скорее за количество

горнов, вырабатывавших железо, нежели связывать с конкретным событием. Кстати, в Японии до сих пор руду добывают осыпая гору – они в буквальном смысле гору переплавляют в сталь.

По сообщению Рашид-ад-дина трудно судить о конкретной дате появления высокотехнологичной металлургии. Он говорит о двух тысячах лет до Чингиз-хана, однако это свидетельство представляется несколько легендарным. Бичурин, комментируя схожий сюжет о потомках Огуз-хана, взятый из других источников, относит его к истории хуннов по времени между II в. до н.э. – II в. н.э. При этом он замечает, что «повествования азиатских историков о подвигах Огуз-хана даже в порядке времени сходятся с китайской историей». В летописях важно отметить факт усиления тюрков в начале новой эры, что связано с производством железа по новой технологии, использовавшей меха для повышения температуры плавления. Более конкретную дату появления этой технологии могут дать археологические материалы. Но уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что ко времени основания Тюркского каганата, т.е. к середине VI века тюрки производили такое количество высококачественного металла, что могли снаряжать громадные армии как оружием, броней, конской упряжью, так и обеспечивать хозяйство утварью, телегами, инструментами. Ко времени Чингиз-хана производство металла уже приобрело масштабы промышленного производства.

Сохранившиеся археологические памятники в Хакасии демонстрируют горны с двумя мехами для поддува воздуха, примерно такими же были первые примитивные образцы «tataraga» в Японии. Затем японцы развили эту технологию, что дало возможность увеличить объемы плавки металла.

Наблюдения, сделанные в Японии наводят на мысль о необходимости проведения специального семинара, посвященного этой технологии с привлечением историков и археологов из России, Японии и Кореи.

В ходе визита в префектуру Симанэ между Институтом истории им. Ш.Марджани АН РТ и Университетом Симанэ было подписано соглашение о сотрудничестве, которое предполагает несколько направлений совместной деятельности, в том числе изучения происхождения технологии «tataraga», поиск архивных материалов о татаро-монголах XIII–XIV вв. и сбор архивов татарской эмиграции конца XIX – начала XX вв.

Список литературы

1. Абулгази. История Абуль-Гази. / Пер. и предисл. Г.С. Саблукова. Казань, 1854. 20 с.
2. Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1950–1953.
3. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Том 1. Книга 1. М.-Л., АН СССР, 1952.
4. Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1979. 192 с.
5. Kuroiwa Toshihiro. Tataru: nihonkorai no seitetsu gijutsu (Татара: древняя японская технология стали). Tamagawadaigaku shuppan-bu, 1976. 251 p.
6. Mitsunaga Shinichi. Tataru seitetsu (Сталь «татара»). Okayama: Kibitoshupan, 2003. 163 p.
7. Nihon seitetsushi ronshu: Tataru kenkyukai souritsu niyugoshunen kinen (Журнал истории японской стали: к двадцатипятилетней годовщине основания Исследовательской группы по изучению метода «татара»). Hiroshima: Tataru Kenkyukai, 1983. 771 p.
8. Nohara Ken*ichi. Tataru seitetsu-gyo-shi no kenkyu (Изучение истории сталелитейной промышленности методом «татара»). Keisuisha, 2008. 227 p.
9. Okada Hirokichi. Tataru kara kindai seitetsu e (Soshu kindai Nihon no gijutsu to shakai). Современная сталь «татара» (Технологии и общество в Японии периода модернизации). Book 2. Heibonsha, 1990. 318 pp.
10. Sagara Eisuke. Tataru seitetsu ishimaginzan to chiiki shakai: Kinsei kindai no Chuugokuchihou (Сталь Татара, серебряный рудник Ивами и ранняя и современная история области Тюгоку). Seibun doshuppan, 2008. 576 p.
11. Tanabekano tataru kenkyu to bunsho mokuroku: tanabeka bunsho chosa houkoku-sho. (Доклад по изучению архива дома Танабе). Un*nan-shi kyoiku iin (Комитет по образованию города Юннан), 2012. 416 p.
12. Tataru kenkyu, dai 1-kan (Исследования способа литья «Татара». Том 1. Материалы исследовательской группы по изучению способа литья «татара»). Jijinsha.
13. Watanabe Tomomi. Tataru seitetsu no kindai-shi (Современная история метода литья «татара»). Yoshikawakobunkan, 2006. 314 p.

Сведения об авторе: Рафаиль Сибгатович Хакимов – директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, доктор исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); history@tataroved.ru

On the Trail of “Tatara” (information on the travel in Shimane Prefecture, Japan)

R.S. Khakimov

(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

January 21–22, 2015, the delegation of the Republic of Tatarstan visited Shimane Prefecture to study the metal smelting technology called the “tatara”. In Japan the famous *katana* swords are made from this high-quality metal. During the trip, the delegation visited four museums devoted to this technology. Researchers suggest that this method of metal smelting came to Japan about the 7th century from the Korean Peninsula and is historically linked with the Tatars. Shimane Prefecture has significant resources of the ferruginous sand and deciduous forests essential for the production of coal. Because sand contains small amounts of iron (about 1%), it is enriched by washing in water. After the ore enrichment, the remaining layers are used for rice cultivation. The humid climate contributes to the rapid reproduction of deciduous forest and therefore Shimane was a major producer of metal and samurai swords in Japan.

References

1. Abu al-Ghazi. *The History of Abu al-Ghazi*. / Per. i predisl. G.S. Sablukova. Kazan, 1854. 20 p.
2. Bichurin N.Ya. [Iakin]. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of Information on the Peoples Living in Central Asia in Ancient Times]. Moscow-Leningrad, Akademya nauk SSSR Publ., 1950–1953.
3. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Tom 1. Kniga 1. Moscow-Leningrad, Akademya nauk SSSR Publ., 1952.
4. Sunchugashev Ya.I. *Drevnyaya metallurgiya Khakassii. Epokha zheleza*. [The Ancient Metallurgy of Khakassia. The Iron Age]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979. 192 p.
5. Kuroiwa Tosiro. *Tatara: nihonkorai no seitetsu gijutsu* (Tatara: drevnyaya yaponskaya tekhnologiya stali) [Tatara: Ancient Japanese Technology of the Steel Manufacturing]. Tamagawadaigaku shuppan-bu, 1976. 251 p.
6. Mitsunaga Shinichi. *Tatara seitetsu* (Stal' Tatara) [The Tatara Steel]. Okayama, Kibitoshuppan publ., 2003. 163 p.
7. *Nihon seitetsushi ronshū : Tatara Kenkyūkai sōritsu nijūgoshūnen kinen* (Zhurnal istorii yaponskoy stali: k dvadtsatipyatiletney godovshchine osnovaniya Issledovatel'skoy gruppy Tatara) [Journal of the History of Japanese Steel: To the 25th Anniversary of Foundation of the Tatara Research Group]. Hiroshima-shi: Tatara Kenkyūkai, Shōwa, 1983. 771 p.
8. Nohara Ken'ichi. *Tatara seitetsu-gyō-shi no kenkyū* (Izuchenie istorii staleliteynoy promyshlennosti Tatara) [The Study of History of the Tatara Steel Industry]. Xī shuī, Inc., 2008. 227 p.
9. Okada Hirokichi. *Tatara kara kindai seitetsu e (Soshō kindai Nihon no gijutsu to shakai)* (Sovremennaya stal' Tatara (tekhnologiya i obshchestvo v sovremennoy Yaponii) [The Modern Tatara Steel (Technology and Society in Contemporary Japan)]. Part. 2. Heibonsha, 1990. 318 p.
10. Sagara Eisuke. *Tatara seitetsu ishimiginzan to chiiki shakai: Kinsei kindai no Chūgokuchihō* (Stal' Tatara, serebryanny rudnik Ivami: rannee i sovremennoe Tyugoku) [The Tatara Steel, Iwami Silver Mine: Early and Modern Chugoku]. Seibun dōshuppan, 2008. 576 p.
11. Tanabekano tatara kenkyu to bunsho mokuoku: tanabeka bunsho chosa houkoku-sho. Un*nan-shi kyoiku iin, 2012. 416 p.
12. Tatara kenkyu, dai 1-kan. Jijinsha.
13. Tomomi Vatanabe. *Tatara seitetsu no kindai-shi* (Sovremennaya istoriya metoda lit'ya «tatara») [The Modern History of Tatara]. Yoshikawakobunkan, 2006. 314 p.

About the author: Rafail' Sibgatovich Khakimov – Director, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (AS RT), Vice-president of AS RT, Academician of AS RT, Dr. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); history@tataroved.ru

Грамоты венгерского короля Андрея II, предоставленные Тевтонским рыцарям в Трансильвании: латинские тексты, переводы и комментарии

Роман Хаутала

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

Настоящая статья содержит латинские тексты, переводы на русский язык и комментарии к четырем королевским грамотам, предоставленным венгерским монархом Андреем II (1205–1235) тевтонским рыцарям, соответственно, в 1211, 1212, (примерно) 1215 и 1222 годах. Данные исторические документы содержат ценнейшие сведения о периоде пребывания тевтонских братьев в Трансильвании. В 1211 году венгерский король предоставил рыцарям в неограниченное владение землю Бырса в юго-восточной Трансильвании, где они пребывали вплоть до их окончательного изгнания из королевства Венгрии в 1225 году.

Текст первой королевской грамоты, содержащейся в данной статье, показывает, что решение Андрея II пригласить тевтонских братьев в Трансильванию было вызвано участвовавшими набегами куманов на королевство, и что главным стремлением венгерского монарха было воспрепятствовать нападениям кочевников путем установления прочного контроля над землей Бырса. Степень важности порученной тевтонским рыцарям задачи подчеркивалась рядом привилегий, которые помогли создать благоприятные условия для увеличения местного населения с целью обеспечить тевтонским братьям постоянный приток материальных средств и живой рабочей силы, которые они могли бы использовать для организации обороны Бырсы от нападений кочевников.

Содержание последующих королевских грамот показывает, что братья не только в полной мере использовали предоставленные им привилегии для установления прочного контроля над землей Бырса, но и приступили к территориальной экспансии в землях, которые находились под контролем куманов. В особенности последняя грамота 1222 года позволяет составить мнение о размахе завоеваний тевтонских рыцарей за счет владений кочевников в юго-восточном Прикарпатье.

Одновременно, содержание королевских грамот позволяет частично выяснить причины ухудшения в отношениях между тевтонскими рыцарями и венгерской короной, приведшее к первой попытке Андрея II конфисковать земельные владения тевтонских братьев в конце 1221 года и, возможно, к окончательному изгнанию рыцарей из королевства Венгрии в 1225 году.

Ключевые слова: взаимоотношения королевства Венгрии с кочевниками в Средневековье, куманы, Трансильвания, тевтонские рыцари, королевские грамоты.

Настоящая статья содержит латинские тексты и переводы на русский язык четырех центральных документов, касающихся пребывания тевтонских рыцарей в Трансильвании с 1211 по 1225 год. В своей первой грамоте 1211 года (см. № 1), венгерский король Андрей II официально утверждает за тевтонскими братьями неограниченное владение землей Бырса в юго-восточной Трансильвании и обосновывает свое постановление необходимостью защиты региона от куманов. Таким образом, содержание первой грамоты показывает, что решение Андрея II было вызвано участвовавшими набегами куманов и что главным стремлением венгерского монарха было воспрепятствовать нападениям кочевников путем установления прочного контроля над землей Бырса. Регулярные вторжения куманов в землю Бырса показали неэффективность прежней оборонительной системы региона, предусмотренной для отражения спорадических набегов малочисленных отрядов кочевников; и поэтому венгерский король принял решение поручить оборону Бырсы ордену тевтонцев, обладавшему значительным военным потенциалом. Степень важности порученной рыцарям задачи подчеркивалась рядом привилегий, предоставленных венгерской короной с целью создать благоприятные условия для увеличения местного населения и обеспечения тевтонских рыцарей постоянным притоком материальных средств и живой рабочей силы, которые они могли бы использовать для организации обороны Бырсы от нападений кочевников.

Вторая королевская грамота 1212 года (см. № 2) указывает на ожесточенный характер столкновений братьев с куманами; что, вероятно, отражает усиление давления кочевников, стремившихся воспрепятствовать тевтонским рыцарям закрепиться в земле Бырса. В свою очередь, Андрей II выказывает в своей второй грамоте очевидное удовлетворение в отношении военных успехов тевтонских рыцарей и предоставляет им новые привилегии, предохранявшие братьев от посягательств чиновников королевского казначейства.

Следующая далее королевская грамота (см. № 3), составленная примерно в 1215 году, утверждает за тевтонскими рыцарями владение “недавно построенной крепостью Крейцбург”, находившейся за пределами территории, предоставленной Андреем II тевтонским рыцарям в 1211 году. Таким образом, содержание третьей королевской грамоты показывает, что братья не только в полной мере использовали предоставленные им привилегии для установления прочного контроля над землей Бырса, но и приступили к территориальной экспансии.

Последняя грамота Андрея II, предоставленная рыцарям в 1222 году и скрепленная золотой королевской буллой (см. № 4), является самым содержательным документом среди всех источников, касающихся периода пребывания тевтонских братьев в Трансильвании. В первую очередь, данный документ предоставляет ценнейшие сведения о территориальной экспансии братьев. В своей грамоте венгерский монарх предоставляет правителям Бырсы новые территории, простиравшиеся “вплоть до пределов бродников”, то есть до южной Молдавии, как и до Дуная в северо-восточной Валахии. Таким образом, данное постановление отражает размах завоеваний рыцарей в Кумании. С другой стороны, в своем дарственном акте венгерский король сообщает, что он восстанавливает рыцарей в прежних правах и предоставляет им новые привилегии в качестве компенсации за ущерб, понесенный тевтонскими братьями в ходе попытки Андрея II изгнать рыцарей из их владений в конце 1221 года.

Остается только догадываться о причинах, вызвавших ухудшение в отношениях между тевтонскими братьями и венгерским монархом, поскольку ни данная грамота, ни последующее послание папы Гонория III [55, no. VII [= UB no. 34], s. 172–174], удостоверяющее ее содержание, не предоставляют никаких пояснений по этому поводу. Вполне возможно, что конфликт между венгерской короной и рыцарями был вызван спорами о статусе их новых территориальных приобретений. Также возможно, что Андрея II раздражала самовольная инициатива тевтонских братьев в возведении каменных крепостей, несмотря на то, что предыдущие грамоты короля не содержали позволения по этому поводу. Гнев короля мог быть вызван и обвинениями рыцарей в незаконной чеканке собственной монеты, подтвержденными впоследствии в ходе дознания епископов Варада и Дьёра. К проступкам братьев могла быть причислена и склонность рыцарей принимать в своих владениях подданных короля, незаконно переселявшихся в землю Бырса [55, s. 74, 101–102, 112–113; 48, p. 50–51; 11, s. 15, 19; 27, s. 23, 31, 35, 37–39].

Оригиналы всех четырех грамот были утеряны, и их наиболее точные тексты сохранились в папских посланиях. Тексты трех первых грамот приводятся ниже в соответствии с изданием Харальда Циммерманна [55, no. I, II, IV [= UB no. 19, 22, 22add], s. 162–166], основывавшемся на копии в ватиканском регистре (Reg. Vat. 15 fol. 90^v–92^r n. 59) послания папы Григория IX, адресованного Андрею II 26 апреля 1231 года [55, no. XXVI [= UB no. 60], s. 200]. В свою очередь, четвертая королевская грамота приводится в соответствии с критическим изданием того же Циммерманна [55, no. VI [= UB no. 31], s. 169–172], основывавшегося в своей редакции на сопоставлении оригинала послания папы Гонория III, адресованного тевтонским рыцарям 16 декабря 1222 года [55, no. VII [= UB no. 34], s. 172–174], с рядом более поздних копий грамоты.

В отношении последней грамоты, следует упомянуть и определенные сомнения в ее подлинности, основанные на следующих соображениях. Во-первых, текст грамоты не воспроизводится в копии предыдущих королевских грамот, заверенной папой Григорием IX 26 апреля 1231 года [55, no. XXVI [= UB no. 60], s. 200]. Во-вторых, Григорий IX сообщает в послании своему легату в Венгрии от 31 августа 1232 года [55, no. XXVIII [= UB no. 65], s. 202–204] о том, что он ознакомился с содержанием королевской грамоты, которая была скреплена золотой буллой; имея в виду грамоту Андрея II от 1222 года, поскольку только в этом дарственном документе указывалось, что он был скреплен золотой буллой, а не простой печатью. Эти наблюдения позволяют предположить, что настоящая грамота была подделана тевтонскими рыцарями после апреля 1231 года и что содержание подделанной грамоты стало известно понтифику только в августе 1232 года. Однако следует отметить, что уже в своих посланиях венгерскому принцу Беле от 26 апреля 1231

года и королю Андрею II от 30 апреля 1231 года [55, no. XXV, XXVII [= UB no. 59, 61], s. 198–199, 201–202], понтифик ясно указывает на факт предоставления рыцарям территорий в Кумании, выказывая очевидное знакомство с содержанием настоящей грамоты. Поэтому, несмотря на ряд других несоответствий в тексте настоящей грамоты, в письме Гонория III и более поздних копиях грамоты; предположения о подложном характере настоящего документа остаются не до конца обоснованными, позволяя утверждать аутентичность приводимого ниже текста [55, s. 4, 7–9, 26, 54, 60, 62–63, 65, 68–69, 72, 85, 90–93, 95, 97, 110–111, 157; 51, p. 146; 39, p. 189; 48, p. 51; 11, s. 11–12; 34, p. 336, 339–342, 344, 346, 348, 356].

№ 1.

1211 год, после мая.

Грамота венгерского короля Андрея II о предоставлении
тевтонским рыцарям земли Бырса в Трансильвании.

Латинский текст

In nomine sancte trinitatis et individue unitatis. Andreas Dei gratia Hungari(e), Dalmati(e), Croatie, Ram(e), Seruie, Galit(ie) Lodomirique rex in perpetuum. Inter regalis excellentie insignia, quibus recolende memorie antecessorum nostrorum recolenda memoria insignitur, istud excellentius et commendabilius pre ceteris invenitur, commendandis hospitibus largioris liberalitatis dexteram porrigere, quorum conversatio et utilis esse regno discernitur et oratio Deo commendabilis esse repperitur. Hinc est quod pie recordationis parentum nostrorum vestigia pio desiderio amplectentes, et eterne vite bravium cum eis post presentem cursum apprehendere cupientes, cruciferis de hospitali sancte Marie, quod quandoque fuit in Jer(usa)l(e)m, sed modo peccatis exigentibus situm est in Acaron, caritatis intuitu quandam terram Borza nomine, ultra silvas versus Cumanos licet desertam et inhabitatam contulimus pacifice inhabitandam et in perpetuum libere possidendam, ut et regnum per conversationem eorum propagatam dilatetur et elemosina nostra per orationem eorum ad remedium anime nostre et parentum nostrorum coram summo Deo deportetur. Preterea eis concessimus, quod si aurum vel argentum ibi in predicta terra Borza inventum fuerit, una pars ad fiscum pertinebit, reliqua ad eos devolvetur. In super libera fora et tributa fororum eiusdem terre eis totaliter indulgimus, et ad munimen regni contra Cumanos castra lignea et urbes ligneas construere eos permisimus. Statuimus etiam, quod nullus woiuoda super eos descensum habeata, liberos denarios et pondera eis remisimus, et ab omni exactione immunes et liberos eos esse permisimus. Nullius iudicio sive iurisdictioni nisi solius regis subiaceant, iudicem inter se eligentes super se constituent. Nos vero premissos cruciferos in possessionem suprascripte terre Borza per pristaldum nostrum Fecate Juna nomine iussimus introduci, qui predictam terram perambulavit et eam ad verbum Michaelis woiuode certis metis circumsignatam ipsis assignavit. Prima vero meta huius terre incipit de indagibus castri Almage et procedit usque ad indagines castri Noilgiant, et inde progreditur usque ad indagines Nicolai, ubi aqua defluit que vocatur Alt, et sic ascendendo per Alt usque ubi Tortillou cadit in Alt; et iterum vadit usque ad ortum eiusdem Tertillou, et ab ortu aque que Timis vocatur progreditur usque ad effluxum aque que Borsa nominatur; deinde, sicut montes nivium complectuntur eandem terram, tendit usque in Almagia(m). Terra vero hec tota, sicuti predicti montes et flumina ipsam circumeunt, vocatur Borza. Licet autem istud, quod caritatis gessimus intuitu, apud eum, qui caritas est, nulla celet temporum oblivio, nos tamen ad cautelam in posterum presentem elemosinam sigilli nostri iussimus corroborari testimonio. Datum per manus magistri Thome aule regie cancellarii et Vesprimien(sis) prepositi, anno ab incarnatione Domini MCCXI. Venerabili Joh(ann)e Strigonien(sis) archiepiscopo, reverendo Bertoldo Colocen(sis) electo et bano existentibus, Calano Quinqueecl(es)ien(sis), Bolezlao Wacien(sis), Cathapano Agrien(sis), Symone Waradien(sis), Desiderio Cenadien(sis), Wilh(e)l(m)o Transiluan(o), Gothardo Zagrabien(sis), Petro Geurien(sis), Roberto Vesprimien(sis) ecclesias feliciter gubernantibus. Poth palatino et Mussunien(sis) comite, Michaele woiuoda existentibus, Petro Bachien(sis), Jula Budrigien(sis), Bancone Bichorien(sis) et curiali comite regine, Marcello Keweien(sis) et curiale comite, Nicholao Posonien(sis) comitatus tenentibus. Regni nostri anno septimo.

Перевод

Во имя единой и неделимой Св. Троицы. Андрей, милостью божьей король Венгрии, Далмации¹, Хорватии², Боснии³, Сербии⁴, Галиции⁵ и Лодомерии⁶, во веки веков. Среди знаков отличия королевского величия, которыми украшается воспоминание о наших незабвенных предках, наиболее превосходным в сравнении с прочими и заслуживающим похвалы представляется стремление протянуть гостям заступническую десницу щедрых вольностей; поскольку и их деятельность признается полезной королевству, и их молитва Богу заслуживающей одобрения⁷. Именно поэтому, добродетельно желая следовать по стопам наших досточтимых родителей и стремясь вместе с ними завоевать награду вечности по окончанию настоящего ристалища; мы направили, во имя милосердия, крестоносцев из госпиталя Святой Марии, – который в свое время находился в Иерусалиме, но, по причине грехов наших, ныне располагается в Акре⁸, – в землю под названием Бырса⁹, располагающуюся за лесами¹⁰, в сторону куманов¹¹. Хоть и безлюдную и необитаемую¹², они

¹ Данные титулы короля не обязательно означали, что упомянутые регионы являлись фактической частью королевского домена. Так, средневековая Далмация не представляла собой административной целостности и, несмотря на завоевание региона венгерским королем Коломаном I в 1105 году, не стала постоянным владением венгерской короны. Например, в 1136 году Бела II был вынужден отвоевывать Далмацию, после ее захвата Венецией [10, p. 152; 22, p. 36, 50; 8, с. 54, прим. 160].

² Начиная с венгерского завоевания 1091 года, Хорватия рассматривалась автономной частью королевства и управлялась баном, то есть особым сановником, назначаемым венгерским королем [14, p. 344, 346; 10, p. 152; 22, p. 35; 8, с. 52, прим. 153; 52, p. 249; 37, p. 46].

³ В 1136–1137 годах венгерский король Бела II захватил боснийские территории в бассейне реки Рама, после чего венгерские источники неизменно именовали Боснию термином “Рама”. Бела II предоставил Боснии автономный статус, подчинив ее бану, назначаемому венгерской короной. Однако уже в 1150 году Босния была завоевана византийским императором Мануилом I Комнином, и в дальнейшем венгерские войска неоднократно вторгались в боснийские территории [14, p. 352; 10, p. 166; 22, p. 50].

⁴ В конце XII века венгерский король Имре вмешался во внутренний конфликт сербской династии Неманичей и присвоил себе титул короля Сербии. Андрей II продолжил называть себя совраном Сербии несмотря на то, что Стефан II Неманич вернул себе сербский трон в 1204 году при поддержке Болгарского царства [22, p. 88].

⁵ Впервые титул короля Галиции использовал Бела III в 1189 году. Андрей II возобновил использование этого титула в 1205 году в связи с началом его агрессивной политики по отношению к княжеству, проявившейся в организации 14 военных кампаний между 1205 и 1233 годами [22, p. 89–90].

⁶ Наименование “Лодомерия” происходит от названия города Владимир-Волынский и обозначает Волынь. Несмотря на то, что Волынь не находилась во владениях венгерской короны, Андрей II представлял себя в качестве ее законного соврана, начиная с 1205 года [12, p. 30–31; 22, p. 90; 45 s. 12, nota 1].

⁷ Очевидное указание на гостеприимную политику венгерских монархов Иштвана I Святого, наделившего рядом привилегий первых иммигрантов в королевстве; и Гезы II, способствовавшего началу германской колонизации Трансильвании [55, s. 37]. В частности, Иштван I рекомендовал, в приписываемых ему “Наставлениях” сыну Имре, приглашать в королевство “гостей”, носителей различных языков и умений, поскольку “королевство с одним языком и обычаем является слабым и хрупким” [25, p. 320–321; 12, p. 138–139, nota 4; 18, p. 343; 33, p. 59; 16, p. 40, 103; 22, p. 38, 69].

⁸ Связь тевтонских рыцарей с Иерусалимом ясно подчеркивалась в первых папских буллах, подтверждавших создание ордена; несмотря на то, что он был основан после утери Иерусалима в 1188 году. Тевтонские рыцари представляли себя наследниками первого немецкого госпиталя в Иерусалиме, основанного для германских паломников в начальный период существования латинского королевства на Ближнем Востоке и получившего автономию в 1143 году по решению папы Целестина II. Сами тевтонские рыцари появились в Акре в 1197 году, и двумя годами позже они получили от папы Иннокентия III официальное подтверждение об учреждении их штаб-квартиры в Акре [1; 36, p. 187–188, 271–272; 31, lxvi, p. 270–273; 43, p. 270].

⁹ Земля Бырса включала в себя более обширные территории, в сравнении с современной Цара-Бырсей вокруг города Брашов. Бырса располагалась в юго-восточной части Трансильвании на площади в 1600 кв.км. Контроль над Бырсой имел важное значение для защиты королевства от вторжений кочевников через карпатские горные проходы. Однако в 1211 году Бырса была подчинена венгерской короне только номинально [54, p. 28; 48 p. 29; 11, s. 12].

¹⁰ Дословный латинский перевод венгерского термина “Erdő-elü/Erdély”, которым, начиная с середины XI века, обозначалась Трансильвания [23, p. 25; 19, p. 138].

¹¹ Здесь имеется в виду “Кумания” или “земля куманов” средневековых венгерских источников (среди документов, касающихся пребывания тевтонских рыцарей в Трансильвании, данное название встречается впервые в письме папы Григория IX от 26 апреля 1231 года: 55, no. XXV [= UB no. 59], s. 198–199), распо-

могут безмятежно заселить ее и навеки иметь в неограниченном владении¹³, дабы через их деятельность расширилось и королевство¹⁴, и чтобы, во спасение нашей души и наших родителей, акт нашего милосердия стал известен вышнему Богу их молитвой. Кроме того, в случае, если там, в упомянутой земле Бырса, будет найдено золото или серебро, мы позволили им присваивать себе часть, оставшуюся от той, которая будет принадлежать королевскому казначейству¹⁵. К тому же, мы предоставили им полную свободу на открытие рынков в упомянутой земле и освобождение от таможенных сборов¹⁶ и разрешили им строить деревянные крепости и деревянные города¹⁷ для защиты королевства от куманов¹⁸. Также мы постановили, что никакой воевода не может требо-

лаговшаяся в южной Молдавии и северо-восточной Валахии [12, p. 164, nota 2; 51, p. 145; 50, p. 422, 426, 437; 2, с. 28–29; 48, p. 28]. Существует предположение, что эти территории находились под контролем дунайских куманов, перекочевывавших в прикарпатские области в летние месяцы и возвращавшихся осенью в нижнее Подунавье [53, с. 124; 9, с. 44]. Однако в своей второй грамоте (см. № 2), Андрей II сообщает, что тевтонские рыцари “претерпевали постоянные нападения куманов, не боясь подвергать себя изо дня в день смертельной опасности”. Указание на непрерывные нападения кочевников показывает, что куманы вторгались в Бырсу не только в летние месяцы, как это должны были делать подунайские куманы, согласно упомянутому выше предположению. Скорее, здесь шла речь о круглогодичных набегах кочевников, обитавших в регионах, граничивших с юго-восточной Трансильванией.

¹² Королевская грамота, предоставленная тевтонским рыцарям в следующем году (см. № 2), указывает на присутствие в Бырсе значительного числа колонистов, которые не могли появиться там в течение всего лишь одного года. По всей видимости, земля Бырса была заселена немецкими колонистами уже до появления там тевтонских рыцарей [55, s. 38; 29, p. 157–158; 39, p. 182; 27, s. 27].

По этому не следует понимать под выражением “безлюдная и необитаемая земля” то, что территории Бырсы находились в полном запустении до появления там тевтонских рыцарей. Скорее здесь имеется в виду, что земля Бырса находилась в стадии колонизации и ее жители еще не рассматривались как постоянное население региона [29, p. 157; 16, p. 22].

¹³ Следует отметить определенное противоречие, содержащееся в королевской грамоте. Если в начале Андрей II подчеркивает, что он “направил” рыцарей в земля Бырса, указывая тем самым на их зависимость от венгерской короны; то здесь он говорит о неограниченном владении рыцарей, предоставляя возможность иной интерпретации характера дарения, послужившей в дальнейшем поводом для споров в отношении статуса владений тевтонских рыцарей в границах венгерского королевства [55, s. 57; 40, s. 43; 271, s. 31]. Так, содержание последующих папских посланий, касающихся обстоятельств изгнания рыцарей из Трансильвании, показывает, что венгерский монарх оставлял за собой законное, с его точки зрения, право лишить их земельной собственности при первом серьезном проступке (см., например, первое папское послание, адресованное по этому поводу Андрею II 12 июня 1225 года: 55, no. XVII [= UB no. 45], s. 186–188). Однако с точки зрения папы Гонория III и, впоследствии, Григория IX, король имел право наказать рыцарей, в случае доказуемости их вины; однако тевтонское владение Бырсой, по мнению понтификов, имело неотчуждаемый характер.

¹⁴ Также, как и в предыдущем случае, Андрей II не уточняет, получили ли право тевтонские рыцари расширять свои владения за счет завоеваний за Карпатами, или же всякая новая территория, ими завоеванная, автоматически становилась частью королевского домена. И также, как и в предыдущем случае, данная двусмысленность стала одной из причин дальнейших трений между венгерской короной и тевтонскими рыцарями [23, p. 87].

¹⁵ То есть тевтонские рыцари получали право на половину возможных доходов от разработки месторождений драгоценных металлов [45, s. 12, nota 3; 53, s. 533, nota 3].

¹⁶ До тевтонских рыцарей эту привилегию в Трансильвании получили только саксонские переселенцы. Следует отметить, что эта привилегия касалась только строителей рынков, присваивавших себе таможенный сбор с ввозимых на рынок товаров: все индивидуальные транзакции, осуществляемые на рынках, продолжали облагаться королевским налогом [23, p. 57–58, 109].

¹⁷ Позволение возводить деревянные фортификационные сооружения (предполагавшее косвенное запрещение возводить каменные фортификационные сооружения) не обязательно отражало попытку ограничить военную мощь тевтонских рыцарей на случай их неповиновения венгерской короне; но вполне могло соответствовать местной практике строить крепости исключительно из дерева. Тевтонские рыцари, в свою очередь, в полной мере использовали свой ближневосточный опыт возведения каменных крепостей на месте уже существующих деревянных [360, p. 190–191; 29, p. 157–158]. Несомненно, при этом они в определенной мере нарушали предписание данной грамоты; и признание за ними права возводить каменные крепости, содержавшееся в королевской грамоте 1222 года (см. № 4), по всей видимости, представляло собой формальное позволение продолжить фортификационную деятельность, предпринятую рыцарями в начальный период их пребывания в регионе.

¹⁸ Более содержательное пояснение причин, побудивших венгерского короля передать землю Бырса в управление военизированного ордена тевтонцев, представляют последующие послания папы Григория IX

вать от них расходов на постой¹⁹. Мы оставили за ними вольные деньги²⁰ и фунты²¹. Мы предоставили им иммунитет и избавление от всякого военного налога²². Да не будут они подчинены никакой судебной власти или юрисдикции, за исключением королевской. И пусть они утверждают над собой своего судью, ими же избранного²³. Мы распорядились ввести упомянутых крестоносцев во владение вышеназванной земли Бырса посредством нашего пристава по имени Фекате Юна, который разграничил упомянутую землю и передал ее им в пределах, установленных по воле воеводы Михаила. Первый предел этой земли начинается от засеки крепости Хелмяг²⁴ и следует до засеки крепости Унгра. Оттуда он доходит до засеки Миклошоара, где течет река, которая называется Олт. И поднимается по реке Олт до того места, где в нее впадает Прежмер. И снова следует далее до истока той же реки Прежмер. И от истока реки, которая зовется Тимиш, продвигается вплоть до истока реки, которая называется Бырса²⁵. Поскольку Карпаты²⁶ окружают эту землю, отсюда ее граница простирается до Хелмяга. Вся же эта земля, окруженная, таким образом, упомянутыми горами и реками, называется Бырса. И хотя наше приношение во имя милосердия не утаится в забвение времени от того, кто и *есть любовь*²⁷; мы, тем не менее, распорядились подкрепить настоящее приношение удостоверяющей печатью в качестве меры предосторожности на будущее. Написано рукою магистра Томаса, канцлера королевского двора и пресвитера Веспрема, в год 1211 от воплощения Господа; в то время, когда преподобный Иоанн был архиепископом Эстергома²⁸ и почтенный Бертольд был избранным архиепископом Калочи и баном²⁹; когда Ка-

[55, no. XXV, XXVII, XXVIII, XXX [= UB no. 59, 61, 65, 68], s. 198–199, 201–204, 206–207]; сообщающие, что до появления рыцарей, куманы регулярно вторгались в Трансильванию именно через землю Бырса, приводя, по словам понтифика, венгерское королевство “в большое смятение”.

¹⁹ Изначально воспринимаемая в качестве привилегии предоставления приюта высшим королевским сановникам, в XIII веке эта обязанность трансформировалась в прямой налог, ежегодно выплачиваемый в натуре. В частности, воевода Трансильвании получал от подчиненных ему аристократов по 6 быков, 500 хлебов, 2 бочки вина, от 5 до 75 пернатых и т.д. [23, p. 52, 54–55; 29, p. 152; 22, p. 70].

²⁰ То есть подушный налог, взимаемый с вольных жителей, под которыми понималась привилегированная часть населения королевства, имевшая юридический статус (то есть право представлять себя в суде) в связи со своей непосредственной зависимостью от короля или высших королевских сановников [23, p. 43; 33 p. 52–53, 69; 22, p. 66, 68, 70; 40, s. 43; 11, s. 13–14; 53, s. 533, nota 4].

²¹ То есть коллективный земельный налог, взимаемый с переселенцев, в среднем, в размере 3 фунтов серебра с каждой общины или поселения в обмен на право использования земли [23 p. 52–53; 29, p. 152; 11, s. 13–14; 53, s. 533, nota 4].

²² См. более подробно по поводу этого налога в: 11, p. 10.

²³ Таким образом, рыцари получили право применять в Бырсе исконное германское право, то есть привилегию, обычно предоставляемую “гостям” венгерского королевства (23, p. 109).

²⁴ Оборона границ средневековой Венгрии осуществлялась путем организации особых пограничных зон, которые именовались в источниках латинским термином “indago” или венгерским словом “гуерй”, соответствующим русской “засеке”. Эти пограничные зоны представляли собой систему комплексных укреплений, комбиниовавших деревянные фортификационные сооружения с обширной системой заграждений из земляных валов или нагромождений камней и срубленных деревьев. Обычно оборона этих регионов поручалась печенегам или другим пришлым этническим группам, которым было позволено переселиться в венгерское королевство при условии исполнения пограничной службы [12, p. 160, nota 1; 17, p. 1013–1014; 49, p. 34–35; 7, s. 100; 22, p. 73–74; 16, p. 22; 27, s. 26; 6, s. 190; 35, p. 141–142].

В частности, оборона восточной и южной границы земли Бырса облегчалась необходимостью контроля на семью горными перевалами, через которые кочевники могли проникнуть в Трансильванию. Однако подобная система обороны была рассчитана на отражение sporadических и малочисленных набегов кочевников. По всей видимости, Андрей II принял решение поселить тевтонских рыцарей в Трансильванию в связи с участвовавшими набегами куманов. Вероятно печенеги, которым ранее была доверена охрана перевалов, оказались неспособны сдерживать усилившийся натиск куманов. Поэтому они были переселены в юго-западную область Трансильвании близ крепости Телмачу [29, p. 157; 16, p. 33; 39, p. 182].

²⁵ Вероятно, здесь имеется в виду место проистекания из Карпат речки Бырса в равнины одноименной земли [45, s. 15, nota 6].

²⁶ Термин “покрытые снегом горы” (montes nivium) обозначает здесь Карпаты, ограничивавшие южные и восточные пределы Бырсы [50, p. 417; 19, p. 138].

²⁷ 1-е Иоанна 4: 16.

²⁸ Уроженец Мерании, Иоанн был архиепископом Эстергома с 1205 года вплоть до своей смерти в 1223 году [55, s. 107; 16, p. 155; 26, p. 380; 32, p. 748; 44, I, p. 161].

лан, епископ Печа³⁰; Болеслав, епископ Ваца³¹; Катапан, епископ Эгера³²; Симон, епископ Варада³³; Дезидерий, епископ Ченада³⁴; Вильгельм, епископ Трансильвании³⁵; Готард, епископ Загреба³⁶; Петр, епископ Дьёра³⁷; Роберт, епископ Веспрема³⁸, благополучно управляли своими епархиями; в то время, когда Пот был палатином³⁹ и комесом⁴⁰ Мошона и Михаил был воеводой⁴¹; когда Петр, комес Бача; Юла, комес Бодрога; Банкон, комес Бихора и придворный комес королевы; Марцел, комес Кеве и придворный комес⁴²; Николай, комес Пожоня, были держателями комитатов. В седьмой год нашего царствования⁴³.

№ 2.

1212 год, после мая.

Грамота венгерского короля Андрея II о предоставлении тевтонским рыцарям дополнительных привилегий.

Латинский текст

In nomine sanctae trinitatis et individua unitatis. Andreas dei gratia Hungari(e), Dalmat(ie), Croati(e), Rame, Seruie, Galit(iae) Lodomirique rex in perpetuum. Amplioris beneficium libertatis a

²⁹ Представитель германской династии Мерании и Андекса, Бертольд был братом венгерской королевы Гертруды, дочери герцога Бертольда IV Меранского и жены венгерского монарха Андрея II. В 1205 году он был избран архиепископом Калочи, но папа Иннокентий III не подтвердил избрание в связи с тем, что Бертольд был слишком молод для получения сана архиепископа. Параллельно с руководством епархией Калочи (1205–1218), в 1209 году Бертольд был назначен баном Хорватии, Далмации и Словении. В 1212 году Бертольд исполнял обязанности воеводы Трансильвании. Годом позже он был назначен комесом Бача и Бодрога. Однако после убийства его сестры Гертруды 28 сентября 1213 года, Бертольд был вынужден покинуть королевство. Позже, в 1218 году, он был избран патриархом Аквилеи и возглавлял патриархат до 1251 года [55, s. 7, 97; 24, VIII, p. 495, nota 69; 47, XI, p. 600–601; 15, coll. 965; 44, II, p. 50–53].

³⁰ Калан был епископом Печа с 1188 по 1217 год [26, p. 376; 32, p. 748; 44, I, p. 243].

³¹ Болеслав был епископом Ваца с 1188 по 1211 год [26, p. 383, 32, p. 749; 44, I, p. 340–341].

³² Катапан был епископом Эгера с 1198 по 1215 год [26, p. 367; 32, p. 748; 44, I, p. 203; 46, p. 103–105, 107, 109, 112–114].

³³ Симон был епископом Варада с 1202 или 1204 по 1217 год [26, p. 384, 32, p. 749].

³⁴ Дезидерий был епископом Ченада с 1204 по 1228 год [55, s. 107; 26, p. 370; 32, p. 749; 44, II, p. 292].

³⁵ Вильгельм был родом из Германии и возглавлял трансильванскую епархию с 1204 или 1206 по 1222 год [55, s. 79; 30, p. 132–133; 263, p. 381; 32, p. 748; 44, II, p. 252–253].

³⁶ Готард был епископом Загреба с 1206 по 1214 год [26, p. 387, 32, p. 749].

³⁷ Петр II был епископом Дьёра с 1206 по 1218 год [26, p. 373; 32, p. 748].

³⁸ Уроженец епархии Льежа, Роберт прибыл в Венгрию в 1207 году и был избран епископом Веспрема двумя годами позже. По настоянию папы Гонория III, в 1226 году Роберт был избран архиепископом Эстергома, несмотря на оппозицию венгерских прелатов, и продолжал руководить епархией Эстергома вплоть до своей смерти 2 ноября 1239 года [55, s. 107; 50, p. 422; 13, p. 172, nota 1; 16, p. 155; 24, VIII, p. 495, nota 70; 47, X, p. 40; 41, p. 257, 259; 26, p. 380, 386; 32, p. 748–749; 44, I, p. 161–162, 294].

³⁹ Палатин был главным представителем короля в юридическом управлении королевства и организации его вооруженных сил [33, p. 56; 16, p. 157; 22, p. 40, 92–93; 37, p. 52].

⁴⁰ Комесы или ишпаны (от славянского термина “жупан”) исполняли функции представительства королевской власти во владениях венгерского монарха. Венгерские монархи поручали ишпанам временное управление в королевских комитатах для исполнения военных, юридических и фискальных обязанностей. Одновременно, комесы являлись членами королевского совета, число которых в ходе реформ Андрея II сократилось до 20 высших представителей венгерской аристократии [23, p. 53; 12, p. 49, nota 6, p. 146, nota 1; 33, p. 56; 22, p. 40, 73, 92–93; 16, p. 20, 76; 24, IV, p. 8; 20, p. xxxviii].

⁴¹ Воевода был верховным представителем королевской власти в Трансильвании, наделенный намного более широкой автономией, по сравнению с королевскими ишпанами, и содержавший не только собственную администрацию, но и личный двор, сравнимый с окружением герцога в Западной Европе [23, p. 29; 22, p. 92–93; 19, p. 152; 27, s. 31].

Михаил был воеводой Трансильвании с 1209 по 1212 год, после чего его сменил его брат Симон. Симон, в свою очередь, был замещен в 1224 году Белой, сыном короля Андрея II, и был лишен своих владений в 1228 году после того, как он возглавил восстание против венгерской короны [23, p. 162; 39, p. 201; 27, s. 43].

⁴² Придворный комес был вторым по важности светским сановником короля после палатина и отвечал за юридические аспекты управления королевством [22, p. 92–93; 37, p. 52].

⁴³ Андрей II короновался в конце мая 1205 года [52, p. 247]. Поэтому данная грамота, датируемая 1211 годом, должна была быть составлена после мая того же года.

regia benignitate congrue merentur percipere, qui se regie mansuetudini sponte sua subiciunt et quorum labor regno commodum et oratio assidua pie creditur vitam perpetuam obtinere. Favorabili itaque desiderio fratris Theoderici cruciferi hospitalis sancte Marie de Acaron, quae quondam fuit in Jer(us)al(e)m, regio favore condescendentes, sibi et fratribus constitutis in terra ultra silvas, quam eis ad custodiendum confinium ibi contulimus, talem et tantam concessimus libertatem, quod nullus monetariorum ultra silvas terram eorum intret, vel presumat eos in aliquo molestare; sed dicto fratri Theoderico et sibi succedentibus tantum dent nummularii de nova moneta pro argento, quod sufficiat populo ibi conversanti, et ne populus ibi habitans ab eis in aliquo gravetur, dictus frater Theodoricus vel quicumque magister in loco eius fuerit, pro argento illo dictis nummulariis satisfacere et respondere teneatur, eo quod ipsi in confinio illo tamquam novella plantatio sunt positi et assiduos Cumanorum patientes insultus se pro regno tamquam firmum propugnaculum de die in diem morti opponere non formidant. Et ut istud eis ratum et firmum permaneat, presentem paginam sibi iussimus sigilli nostri caractere insigniri. Datum per manus Thome Alben(sis) praepositi et totius Hungariae cancellarii, anno ab incarnatione Domini M.CCXII. Venerabili Joh(ann)e Strigonien(sis) archiepiscopo, reverendo Bertholdo Colocen(sis) archiepiscopo et woiuda existentibus, Calano Quinqueecl(es)ien(sis), Cathapano Agrien(sis), Wilhelmo Transiluano, Roberto Vesprimien(sis) ecclesias feliciter gubernantibus. Banc palatino et Posonien(sis) comite, Martino bano existentibus, Jula Bachien(sis) et curiali comite, Andrea Budrigien(sis), Mica Bichorien(sis) comitibus. Regni nostri anno octavo.

Перевод

Во имя единой и неделимой Св. Троицы. Андрей, милостью божьей король Венгрии, Далмации, Хорватии, Боснии, Сербии, Галиции и Лодомерии, во веки веков. Подобаяще заслуживают вознаграждения обширнейшими вольностями от королевской щедрости те, кто по доброй воле подчиняется королевской милости и чьи старания признаются полезными для королевства, как и их усердная молитва позволяет благочестиво достичь вечной жизни. Поэтому мы потворствуем в нашей королевской благосклонности прошению брата Теодерика⁴⁴, крестоносца госпиталя Св. Марии в Акре, ранее располагавшегося в Иерусалиме. Ему и его братьям, поселенным в землю Трансильвании, в которую мы их направили для охраны там границ королевства; мы предоставляем следующую вольность. Ни одному из меняльщиков монет⁴⁵ не позволено вступать в их землю в Трансильвании или беспокоить их в чем-либо⁴⁶. Но они обязаны дать упомянутому брату Теодерику или его преемникам в качестве денег столько новых монет взамен старых⁴⁷, чтобы их было достаточно для народа, занятого там своей деятельностью. И, дабы они ничем не обременяли людей, там живущих; упомянутый брат Теодорик или любой другой магистр, занимающий его место, обязан сам отвечать за удовлетворительное количество тех денег и обмен упомянутых монет⁴⁸. Поскольку братья посажены на той границе на подобии новой плантации и, словно прочный оплот претерпевая постоянные нападения куманов, не боятся подвергать себя изо дня в день смертельной опасности за королевство. И, дабы это постановление пребывало незыблемым и непреложным, мы распорядились подкрепить настоящую грамоту нашей специальной печатью. Написано рукою магистра Томаса, пресвитера Секешфехервара и канцлера всей Венгрии, в год 1212 от воплощения Господа; в то время, когда преподобный Иоанн был архиепископом Эстергома и

⁴⁴ Комтур тевтонских рыцарей в Трансильвании [27, s. 32].

⁴⁵ Королевские чиновники, обязанные объезжать королевство для осуществления ежегодного обновления циркулировавших монет [16, p. 122].

⁴⁶ Очевидно, данная грамота была выдана по просьбе тевтонских рыцарей в связи с их конфликтом с королевскими чиновниками [55, s. 39].

⁴⁷ Имеется в виду налог, именуемый “доходом королевской палаты” (lucrum camerae) и представлявший собой одну из главных статей доходов венгерской короны. Выплата данного налога осуществлялась путем ежегодной операции повсеместной передачи королевским меняльщикам наличной валюты в обмен на новые монеты с пониженным содержанием серебра. В XIII веке удельный вес серебра в новых монетах был на 33% ниже, чем в старых; и, в сущности, венгерская корона ежегодно присваивала одну из трех обмениваемых монет [23, p. 48, 52, 55; 33, p. 62; 22, p. 63; 40, s. 43; 11, s. 14].

⁴⁸ Здесь, видимо, имеется в виду, что Андрей II уступил рыцарям те “доходы королевской палаты”, которые он должен был получать при обмене новых монет в Бырсе на старые. Более ясно эта привилегия выражена в последующей королевской грамоте 1222 года [см. № 4; а также 29, p. 153].

почтенный Бертольд был архиепископом Калочи и воеводой; когда Калан, епископ Печа; Катапан, епископ Эгера; Вильгельм, епископ Трансильвании; Роберт, епископ Веспрема, благополучно управляли своими епархиями; в то время, когда Банк⁴⁹ был палатином и комесом Пожоня и Мартин был баном; когда Юла был комесом Бача и придворным комесом; Андрей был комесом Бодрога и Мика был комесом Бихора. В восьмой год нашего царствования.

№ 3.

Около 1215 года.

Грамота Андрея II о предоставлении тевтонским рыцарям права на вечное владение крепостью Крейцбург.

Латинский текст

Ego Andreas Dei gratia Vngarie rex notum facio omnibus literas presentes videntibus, quod castrum quod Crucpurg nominatur, quod cruciferi de Borza de novo construxerant, cum pratis circa illud castrum adiacentibus contuli eisdem cruciferis de Borza in perpetuum. Unde districte precipio omnibus, quatenus nullus presumat de cetero dictos cruciferos super dicto castro et pratis prohibere vel molestare.

Перевод

Я, Андрей, божьей милостью король Венгрии, делаю известным всем, кто прочтет настоящее письмо, что вместе с крепостью, называемой Крейцбург, недавно построенной крестоносцами из Бырсы, я предоставил на веки веков этим же крестоносцам из Бырсы луга, к ней прилегающие⁵⁰. Посему я строго всем повелеваю, что никому впредь не позволено беспокоить упомянутых крестоносцев по этому поводу или пытаться отнять у них упомянутые крепость и луга⁵¹.

№ 4.

Май 1222 года.

Грамота венгерского короля Андрея II о возвращении тевтонским рыцарям прежних привилегий и предоставлении дополнительных.

Латинский текст

In nomine sancte trinitatis et individue unitatis. Andreas Dei gratia Vngar(ie), Dalmacie, Croac(ie), Rame, Seruie, Galicie Lodomerieque rex in perpetuum. Inter regalis excellencie insignia, quibus recolende memorie antecessorum nostrorum recolenda memoria insignitur, istud excellencius et commendabilius pre ceteris invenitur commendandis hospitibus largioris liberalitatis dexteram porrigere, quorum conversacio et utilis esse regno dinoscitur et oracio Deo esse commendabilis reperitur. Hinc est, quod pie recordationis parentum nostrorum vestigia pio desiderio amplectentes et eterne vite bravium cum eis post presentis vite cursum apprehendere cupientes Hermanno magistro religiose fraternitatis hospitalis sancte Marie Theutonicorum Jerosolimitan(i) eiusque fratribus tam presentibus quam futuris caritatis intuitu quandam terram Burza nomine ultra silvas versus Cumanos, licet desertam et inhabitatam, contulimus pacifice inhabitandam et in perpetuum libere possidendam, ut et regnum per conversacionem eorum propagatum dilatetur et elemosina nostra per orationem eorum ad remedium anime nostre et parentum nostrorum coram summo Deo deportetur. Preterea eis concessimus, quod si aurum vel argentum in predicta terra Burza inventum fuerit, media pars ad fiscum regium per manus

⁴⁹ Позже Банк возглавил заговор против Гертруды Андекс-Меранской, жены Андрея II, приведший к убийству королевы в 1213 году [55, s. 72; 22, p. 91; 37, p. 56].

⁵⁰ Расположение крепости Крейцбург остается неясным. Несомненно, однако, что она находилась за пределами территории, предоставленной Андреем II тевтонским рыцарям в 1211 году [55, s. 39; 29, p. 157–158; 48, p. 51; 34, p. 352]. По всей видимости, эта крепость находилась внутри Трансильвании и была построена рыцарями в ее юго-восточной оконечности для защиты Татарского или Буззуского горного прохода [55, s. 39; 27, s. 35; 11, s. 14]. Следует упомянуть и альтернативное предположение о том, что Крейцбург располагался за Карпатами, в нескольких километрах на юг от Татарского горного прохода [55, s. 75; 50, p. 417; 9, s. 41; 30, p. 133].

⁵¹ В тексте не указана дата составления грамоты. По мнению Харальда Циммерманна, она могла быть составлена около 1215 года [55, no. IV [= UB no. 22add], s. 166; 29, p. 152].

fratrum deportetur, reliqua ad eosdem devolvatur. Insuper libera fora et tributa fororum eiusdem terre eis totaliter indulsumus et ad munimen regni contra Cumanos castra et urbes lapideas construere eos permisimus, ut et inimicis Christi resistere valeant et persone nostre et heredibus nostris legitime nobis succedentibus ad coronam ad honorem pateant et munimen. Statuimus etiam, quod nullus waiowoda super eos descensum habeat, liberos denarios et pondera eis remisimus et ab omni exactione et collecta eos esse permisimus liberos et immunes. Nullius iudicio sive iurisdictioni, nisi solius regis subiaceant. Iudicem iidem fratres super eorum populum constituent. Nos vero premissos fratres in possessionem predictae terre Burza per pristaldum nostrum Facate Juna nomine iussimus introduci, qui predictam terram perambulavit et eam ad verbum Michaelis waiowode certis metis circumsignatam ipsis assignavit. Prima vero meta huius terre incipit de indagibus castri Almaye et procedit usque ad indagines castri Noialt et inde progreditur usque ad indagines Nycolai, ubi aqua defluit que vocatur Alt et sic ascendit per Alt usque ubi Tartellovve cadit in Alt. Addidimus etiam postmodum eisdem fratribus conferentes castrum quod Cruceburg nominatur, quod fratres predicti de novo construxerant, cum pratis circa illud adiacentibus et a fine terre Cruceburg terram, quae vadit usque ad terminos prodnicorum et ab indagibus Almaye in parte altera vadit usque ad ortum aque que vocatur Burza, et inde progreditur usque ad Danubium, cuius donacionis postmodum facte a nobis fratribus memoratis pristaldum dedimus Ypochz banum. Concessimus etiam eisdem fratribus, quod super fluvium Alt sex naves et super fluvium Mors sex alias naves habeant liberas per totum regnum nostrum sales deferentes in descendendo necnon alias res in ascendendo referentes, et salifodinas que akana vocantur sufficientes ad illas duodecim naves libere ubicumque voluerint eisdem concessimus in perpetuum. Item concessimus, quod nullum tributum debeant persolvere nec populi eorum, cum transierint per terram Sicular(um) aut per terram Blacorum. Homines quoque nunc terram inhabitantes predictam ad eorundem fratrum servitium et domus eorum utilitatem sine requisitione liberos dimisimus, ita ut si aliqui de cetero de nostris hominibus vel hospitibus terre nostrae pertinentibus ad ipsos transmigraverint, statim cum ad noticiam fratrum ex veritate pervenerit, eos qui sic intraverint expellant, et hii qui eos introduxerint in manus regis vel nunciorum eius tradent. Quicumque etiam in regno nostro constitutus proprietatem suam memoratis fratribus pro elemosina dare voluerit, de nostra munificentia liberam habeat facultatem et ipsam donationis nostre gratiam, ut libera permaneat, nostro privilegio perpetuo confirmamus. Preterea talem ac tantam eisdem fratribus concessimus libertatem, quod nullus monetariorum ultra silvas terram eorum intret vel presumat eos in aliquo molestare, et ipsum ius et utilitatem, quam in terra ipsorum percipere deberemus de nova moneta, totaliter eisdem fratribus indulsumus, quia ira nostra contra eos provocata eo tempore, cum terram sepedictam eis preceperamus auferri, fuerant non modicum dampnificati. Quam restauracionem facimus eo, quod ipsi in confinio illo tamquam plantacio novella sint positi et assiduos paganorum pacientes insultus, se pro regno tamquam firmum propugnaculum de die in diem morti opponere non formidant. Verumtamen nullam potestatem habeant cudendi quamcumque monetam sine regis licentia speciali. Domum autem seu hospitale fratrum eorundem cum omnibus possessionibus et bonis suis, que in presenciarum legitime habere cognoscuntur aut in futurum prestante Deo iuste poterint adipisci, sub nostra protectione suscipimus, statuentes ut perpetuis futuris temporibus sub regia tutela et defensione consistent. Et ut istud eis ratum permaneat atque firmum, presentem paginam sibi iussimus bulle nostrae aureae caractere insigniri. Datum per manus Cleti aule regie cancellarii, Agrien(sis) prepositi, anno ab incarnatione Domini millesimo CC. XXII. Venerabili Johanne Strigonien(sis), Vgrino Colocen(sis) archiepiscopis, Desiderio Chenadien(sis), Ruberto Vesprimien(sis), Stephano Zagrabien(sis), Thoma Agrien(sis), Alexandro Waradien(sis), Cosma Geurien(sis), Bartholomeo Quinqueecclesien(sis), Briccio Wacien(sis) episcopis et Reginaldo Vltrasiluan(o) electo existentibus et ecclesias Dei feliciter gubernantibus. Theodoro filio Wetich palatino, Pousa filio Nane curiali, Nicolao Bachien(sis), Tiburcio Posonien(sis), Helia Bichorien(sis), Martino filio Michaelis Novi castri comitibus existentibus et aliis multis comitatus tenentibus. Regni nostri anno XVII.

Перевод

Во имя единой и неделимой Св. Троицы. Андрей, милостью божьей король Венгрии, Далмации, Хорватии, Боснии, Сербии, Галиции, и Лодомерии, во веки веков. Среди знаков отличия королевского величия, которыми украшается воспоминание о наших незабвенных предках, наиболее превосходным в сравнении с прочими и заслуживающим похвалы представляется стремление протянуть гостям заступническую десницу щедрых вольностей; поскольку и их деятельность признается полезной королевству, и их молитва Богу заслуживающей одобрения. Именно поэтому, добродетельно желая следовать по стопам наших досточтимых родителей и стремясь вместе с

ними завоевать награду вечности по окончании ристалища настоящей жизни; мы направили во имя милосердия, Германа⁵², магистра монашествующего братства Иерусалимского госпиталя Св. Марии тевтонцев, вместе с его братьями, как настоящими, так и будущими, в землю под названием Бырса, располагающуюся за лесом, в сторону куманов. Хоть и безлюдную и необитаемую, они могут безмятежно заселить ее и навеки иметь в неограниченном владении, дабы через их деятельность расширилось и королевство, и чтобы, во спасение нашей души и наших родителей, акт нашего милосердия стал известен вышнему Богу их молитвой. Кроме того, в случае, если там, в упомянутой земле Бырса, будет найдено золото или серебро, братья должны сами доставлять половину королевскому казначейству и могут присваивать себе другую. К тому же, мы предоставили им полную свободу на открытие рынков в упомянутой земле и освобождение от таможенных сборов и разрешили им строить каменные крепости и города для защиты королевства от куманов; дабы они были и в состоянии противостоять врагам Христа, и быть достойными наших почестей и покровительства, как и наших преемников, законно наследующих нашу корону. Также мы постановили, что никакой воевода не может требовать от них расходов на постой. Мы оставили за ними вольные деньги и фунты. Мы предоставили им иммунитет и избавление от всякого военного налога и денежного сбора⁵³. Да не будут они подчинены никакой судебной власти или юрисдикции, за исключением королевской. И пусть эти братья утверждают судью над своим народом. Мы распорядились ввести упомянутых братьев во владение вышеназванной земли Бырса посредством нашего пристава по имени Фекате Юна, который разграничил упомянутую землю и передал ее им в пределах, установленных по воле воеводы Михаила. Первый предел этой земли начинается от засеки крепости Хелмяг и следует до засеки крепости Унгра. Оттуда он доходит до засеки Миклошоара, где течет река, которая называется Олт. И поднимается по реке Олт до того места, где в нее впадает Прежмер. Спустя некоторое время мы также добавили предоставление этим же братьям крепости под названием Крейцбург, недавно построенной упомянутыми братьями, вместе с прилегающими к ней лугами. Также за пределами земли Крейцбурга мы предоставили им землю, которая простирается вплоть до пределов бродников⁵⁴ с одной стороны, и от засеки Хелмяга до истока реки под названием Бырса с другой. Оттуда эта земля простирается до Дуная. Мы поручили приставу и бану Урочч⁵⁵ пожаловать упомянутым братьям эти дарения, сделанные спустя некоторое время. Также мы позволили этим же братьям иметь шесть кораблей на реке по имени Олт и шесть кораблей на реке по имени Марош, чтобы беспрепятственно перевозить на них по всему нашему королевству соль, спускаясь по этим рекам, и привозить обратно другие вещи, по этим рекам подымаясь⁵⁶. Мы предоставили им же в вечное владение соляные копи под названием Окна⁵⁷, достаточные для того, чтобы свободно доставлять на этих двенадцати кораблях соль туда, куда они пожелают. Равным образом мы позволили им и их народу не платить дорож-

⁵² Герман фон Зальца, великий магистр (1209–1239) Тевтонского ордена [55, s. 101; 36, p. 188; 3, s. 53; 20, no. 140, p. 195].

⁵³ Экстраординарный налог, взимаемый со всего населения королевства в случае крайней необходимости, как, например, в случае необходимости финансировать непредвиденную военную кампанию [23, p. 56].

⁵⁴ По поводу этнического происхождения бродников было выдвинуто ряд предположений, среди которых наиболее убедительной является гипотеза Виктора Спиная, считавшего бродников народом тюркского происхождения, родственным куманам [3, с. 71, прим. 25; 48, p. 106–109; 9, с. 42]. Земли бродников находились в южной Молдавии, где они поселились в конце XII века [51, p. 141; 50, p. 417, nota 19, 426; 48, p. 28–29, 106–109]. Данная грамота утверждала за рыцарями владения за пределами Карпат, завоеванные рыцарями до получения настоящего подтверждения. Вероятно, споры по поводу новых территориальных приобретений рыцарей послужили одной из причин, приведших к их конфликту с королем, упоминаемом ниже [50, p. 417; 48, p. 51; 11, s. 15, 19].

⁵⁵ По всей видимости, это бывший воевода Трансильвании (1216–1217) [55, s. 102].

⁵⁶ Река Марош, в частности, была главным путем транспортировки соли из Трансильвании в Сегед [22, p. 63].

⁵⁷ Использование венгерского термина “akna/akana”, означавшего “яму, карьер, шахту”, в папской копии письма предполагает наличие в Римской курии венгерского переписчика [55, s. 113, 171]. В XIII веке Трансильвания была единственным регионом производства соли в королевстве Венгрии. Вполне возможно, что в данном контексте под “Аканой” имеется в виду Тыргу-Окна, современный центр соляной добычи в Румынии. В любом случае, эти соляные копи находились за пределами первоначальных владений рыцарей в Бырсе и были приобретены уже после их появления в Трансильвании, поскольку первая королевская грамота 1211 года не говорит ни слова о возможной добыче соли в земле Бырса [35 p. 146; 34, p. 353].

ной пошлины⁵⁸ при прохождении через землю секеев⁵⁹ или землю влахов⁶⁰. Мы безоговорочно признали людей, которые также проживают в настоящее время в упомянутой земле, вольными и находящимися на службе у братьев на пользу их дома⁶¹. Но при условии, что если кто-либо из наших людей или гостей, относящихся к нашей земле, переселится к ним, то братья, как только им станет об этом известно, обязаны изгнать всех, проникнувших к ним таким образом; и должны выдать королю или его представителям тех, кто их привел⁶². И для всякого из проживающих в нашем королевстве, кто пожелает пожертвовать в качестве акта милосердия упомянутым братьям свою собственность, мы утверждаем бессрочную привилегию иметь на то от нашей щедрости неограниченное право и нашу милость предоставления этой пожертвованной собственности вольного статуса. Кроме того, мы предоставляем этим же братьям вольность, воспрещающую любому меняльщику монет вступать в их землю в Трансильвании или беспокоить их в чем-либо; как и полное освобождение этих же братьев от предоставления нам той законной прибыли, которую мы должны были получать в их земле при обмене новой монеты. Поскольку они понесли неумеренные убытки вследствие нашего гнева по отношению к ним в то время, когда мы предписали отнять у них уже упомянутую землю⁶³. Мы возвращаем утраченное братьям, чтобы они были посажены на той границе на подобии новой плантации и, словно прочный оплот, претерпевая постоянные нападения язычников, не боялись подвергать себя изо дня в день смертельной опасности за королевство. Однако они не имеют никаких полномочий на чеканку любого типа монеты без специального на то королевского позволения⁶⁴. С другой стороны, мы принимаем под наше покровительство дом или госпиталь этих братьев вместе со всеми его владениями и имуществом, признанными в законном владении в настоящем или справедливо приобретенными в будущем с божьей помощью. Мы постановляем, что они находятся под королевской опекой и защитой на вечные будущие времена. И, дабы это постановление пребывало незыблемым и непреложным, мы распорядились отметить настоящую грамоту нашей золотой буллой. Написано рукою Клетуса, канцлера королевского двора и пресвитера Эгера, в год 1222 от воплощения Господа; в то время, когда преподобные епископы Иоанн в Эстергоме, Угрин в Калоче⁶⁵, Дезидерий в Ченаде, Роберт в

⁵⁸ Косвенный налог, взимаемый при передвижении через горные проходы, мосты, броды и т.д., составлявший, в среднем, одну восьмидесятую часть от стоимости перевозимого товара [23, p. 57].

⁵⁹ Венгерские хроники XIII века утверждают, что секеи были потомками гуннов Аттилы. В действительности, они были кочевниками тюркского происхождения (по всей видимости, потомками хазарских каваров), примкнувшими в IX веке к венграм во время их миграции на запад и принявшими участие в венгерском завоевании Паннонии и Трансильвании. Иштван I Святой поселил секеев в Трансильвании в 1008 году для защиты региона от нападений византийцев, болгар и кочевников [12, p. 108–109; 51, p. 73; 54, p. 28; 39, p. 178–179; 19, p. 155; 38, p. 17; 28, p. 247].

Ранее секеи проживали в земле Бырса, но позже покинули эту область в связи с усилившимся давлением кочевников. К моменту составления данной грамоты секеи проживали на территории на север и северо-восток от владений тевтонских рыцарей и в южной части региона Сибиу [23, p. 79; 49, p. 38; 39, p. 180; 2, c. 27; 27, s. 29, 34; 11, s. 12].

⁶⁰ Одно из самых ранних упоминаний влахов в венгерских документах. Земли влахов в Трансильвании находились между рекой Олт и южными Карпатами, где они поселились после вторжения в регион войск византийского императора Мануила I Комнина в 1166 году. Трансильванские вlahи пользовались относительно обширной автономией внутри венгерского королевства и управлялись избираемым ими воеводой [54, p. 28–29; 33, p. 69; 39, p. 183, 189, 191–192; 2, c. 28; 11, s. 21; 27, s. 29].

⁶¹ По всей видимости, здесь имеется в виду трудовая повинность местных колонистов, заключающаяся в обязанности участвовать в возведении военных укреплений тевтонских рыцарей [40, s. 52].

⁶² Вероятно, данная оговорка указывает на то, что рыцари действительно были склонны принимать в свои владения подданных Андрея II, порождая неизбежные конфликты с венгерской короной [11, s. 19].

⁶³ Вероятно, это произошло в конце 1221 года [27, s. 38–39].

⁶⁴ Степень категоричности данного запрета предполагает, что рыцари действительно пытались наладить производство собственной монеты [11, s. 19; 27, s. 38–39]. В частности, расследование епископов Варада и Дьёра, проведенное в 1226 году по инициативе понтифика с целью определить обоснованность обвинений по отношению к тевтонским рыцарям в злоупотреблении королевскими привилегиями, выявило попытки рыцарей начать чеканку собственных денег [55, s. 74].

⁶⁵ Угрин, из древнего венгерского рода Кзак, был архиепископом Калочи с 1219 до своей гибели во время монгольской инвазии 1241 года и исполнял обязанности королевского канцлера с 1217 по 1219 и с 1230 по 1235 годы [4, c. 239; 55, s. 107; 12, p. 157, nota 9; 13, p. 257, nota 5; 26, p. 371; 32, p. 748; 44, II, p. 53–61].

Веспреме, Стефан в Загребе⁶⁶, Томас в Эгере⁶⁷, Александр в Вараде⁶⁸, Козьма в Дьёре⁶⁹, Бартоломей в Пече⁷⁰, Брикий в Ваце⁷¹ и Регинальд, избранный епископ Трансильвании⁷², благополучно управляли епархиями Бога; когда Теодор, сын Ветиха, был палатином; Поуса, сын Наны, был придворным комесом; Николай был комесом Бача; Тибурций был комесом Пожоня; Гелий был комесом Бихора; Мартин, сын Михаила, был комесом Шароша; и многие другие были держателями комитатов. В семнадцатый год царствования нашего⁷³.

Список литературы

1. Баранов А. Основание Тевтонского ордена // Deusvult.ru. 2011. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://deusvult.ru/23-osnovanie-tevtonskogo-ordena.html>
2. Князький И.О. Половцы в Днестровско-Карпатских землях и Нижнем Подунавье в конце XII – первых десятилетиях XIII в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев: Штиинца, 1988. С. 22–32.
3. Ковач С. Экспансия западного христианства: миссия доминиканцев среди половцев (куманов) // Бюллетень (Newsletter). 12 Hungaro – Russia II. История и культура Евразийской степи. 2-й Сборник статей Российских и венгерских востоковедов. М.: Института Востоковедения Российской Академии Наук, 2005. С. 52–73.
4. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Досаев А.С. (ред.). СПб: Изд-во “Дмитрий Буланин”, 2012. 304 с.
5. Осипян А.Л. Миграция, адаптация и интеграция кочевников в оседлом обществе: сравнительный анализ перехода кочевников к оседлому образу жизни в Галицкой Руси и Венгерском королевстве в XIII–XV вв. // Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы ...). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 102–122.
6. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 333 с.
7. Расовский Д. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Из истории русской культуры. Том II. Книга 1. Киевская и Московская Русь / Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 82–142.
8. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Акимова О.А. (ред.). М.: Индрик, 1997. 320 с.
9. Шушарин В.П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века // История СССР. № 2. М.: Институт истории АН СССР, 1978. С. 38–53.
10. Achim V. Ecclesiastic Structures and Denominational Policies in the Balkan-Carpathian Space in the Thirteenth Century // *Annuario dell'Istituto romeno di cultura e ricerca umanistica di Venezia*. Vol. 5. Venezia; Bucarest: Casa editrice dell'Istituto culturale romeno, 2003, pp. 151–176.
11. Adriányi G. Zur Geschichte des Deutschen Ritterorden in Siebenbürgen // *Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapest*. Bd. 3. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1971. S. 9–22.
12. Anonymus and Master Roger: The Deeds of the Hungarians & Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars / Bak Já.M., Rady M.C., Veszprémy L. Budapest; New York: Central European University Press, 2010. 268 p.

⁶⁶ Стефан был епископом Загреба с 1215 по 1224 год [55, s. 107; 26, p. 387, 323, p. 749].

⁶⁷ Томас был епископом Эгера с 1217 по 1224 год и архиепископом Эстергома в 1224–1225 годах [55, s. 107; 20, no. 140, p. 195, no. 146, p. 201; 26, p. 367, 380; 32, p. 748; 46, p. 119–127, 129–133; 44, I, p. 161, 203].

⁶⁸ Александр был епископом Варада с 1217 или 1219 по 1230 год [55, s. 107; 26, p. 384, 32, p. 749].

⁶⁹ Козьма был епископом Дьёра с 1219 по 1223 год [55, s. 107; 26, p. 373; 32, p. 748; 44, I, p. 315].

⁷⁰ Бартоломей, был бенедиктинцем бургундского происхождения. Он прибыл в Венгрию в свите королевы Иоланды де Куртене, второй жены короля Андрея II. Бартоломей возглавлял епархию Печа с 1219 по 1252 год [55, s. 107; 12, p. 185, nota 4; 24, XII; p. 969; 26, p. 376; 32, p. 748; 44, I, p. 244].

⁷¹ Брикий был епископом Ваца с 1221 или 1222 по 1238 год [55, s. 107; 26, p. 383; 32, p. 749; 44, I, p. 342].

⁷² Уроженец Франции, Регинальд был избран епископом Трансильвании в 1222 году по настоянию короля Андрея II; но получил подтверждение от папы Гонория III только 3 июня того же года в связи с каким-то физическим пороком, препятствовавшим назначению каноническим правом. Регинальд продолжал возглавлять трансильванскую епархию вплоть до своей гибели во время монгольской инвазии 1241 года [55, s. 81, 107; 12, p. 187, nota 4; 21, p. 131, nota 1; 42, s. 78; 26, p. 381; 32, p. 748; 44, II, p. 253].

⁷³ Указание на то, что к моменту составления грамоты Регинальд был избранным епископом Трансильвании, позволяет установить, что она была составлена в мае 1222 года [55, s. 107].

13. Archdeacon Thomas of Split. *History of the Bishops of Salona and Split (Thomae Archidiaconi Spalatensis Historia Salonitanorum atque Spalatinorum Pontificum)* / Perić O., Karbić D., Matijević-Sokol M., Swenney J.R. Budapest; New York: Central European University Press, 2006. 404 p.
14. Bárány A. *The Expansions of the Kingdom of Hungary in the Middle Ages (1000–1490) // The Expansion of Central Europe in the Middle Ages* / Berend N. (ed.). Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2012, pp. 319–332.
15. Baudrillart A., Meyer A. de, Aubert R. (eds.). *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*. Vol. VIII. Paris: Letouzey et Ané, 1935. 1552 p.
16. Berend N. *At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and "Pagans" in Medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press, 2001. 340 p.
17. Berend N. *Défense de la Chrétienté et naissance d'une identité. Hongrie, Pologne et péninsule Ibérique au Moyen Âge // Annales. Histoire, Sciences Sociales*. Vol. 58/5. Paris: Editions Armand Colin, 2003, pp. 1009–1027.
18. Berend N. *The Kingdom of Hungary // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200* / Berend N. (ed.). UK; New York: Cambridge University Press, 2007, p. 319–369.
19. Bóna I. *The Hungarian-Slav Period (895–1172) // History of Transylvania* / Barta G., Köpeczi B. et al (eds.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1994, pp. 107–177.
20. *Documente privind istoria României. C. Transilvania. Veacul 11/13, Vol. 1. (1075–1250)* / Roller M. (ed.). Bucureşti: Ed. Acad. Republicii Populare Române, 1951. 428 p.
21. Duzinchievici Gh. *Propaganda cistercită printre români // Cercetări istorice. Revistă de istorie românească. Anul IV. No. II. Iaşi: Seminarul de Istoria Românilor al Universităţii din Iaşi, 1929, p. 126–138.*
22. Engel P. *The Realm of St. Stephen: A History of Medieval Hungary, 895–1526*. Pálosfalvi T., Ayton A. (eds.). London, New York: I.B. Tauris; New York: Distributed in the USA by Palgrave Macmillan, 2001. 452 p.
23. Fara A. *La formazione di un'economia di frontiera. La Transilvania tra XII e XIV secolo*. Napoli: Editoriale Scientifica, 2010. 424 p.
24. Fügedi E. *Kings, Bishops, Nobles, and Burghers in Medieval Hungary* / Bak Já.M. (ed.). London: Variorum Reprints, 1986. 346 p.
25. Fügedi E., Bak Já.M. *Foreign Knights and Clerks in Early Medieval Hungary // The Expansion of Central Europe in the Middle Ages* / Berend N. (ed.). Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2012, p. 319–332.
26. Gams P.B. *Series episcoporum Ecclesiae catholicae: quotquot innotuerunt a beato Petro apostolo*. Ratisbonae: Typis et Sumptibus Georgii Josephi Manz, 1873. 963 p.
27. Glassl H. *Der deutsche Orden im Burzenland und in Kumanien (1211–1225) // Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapest*. Bd. 3. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1971, s. 22–49.
28. Golden P.B. *The Peoples of the Russian Forest Belt // The Cambridge History of Early Inner Asia* / Sinor D. (ed.). Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1990, p. 229–255.
29. Hunyadi Z. *The Teutonic Order in Burzenland (1211–1225): New Re-considerations // L'Ordine Teutonico tra Mediterraneo e Baltico. Incontri e scontri tra religioni, popoli e culture = Der Deutsche Orden zwischen Mittelmeerraum und Baltikum. Begegnungen und Konfrontationen zwischen Religionen, Volker[n] und Kulturen. Atti del Convegno internazionale (Bari–Lecce–Brindisi, 14–16 settembre 2006)* / Houben H., Toomaspoeg K. (eds.). Galatina: Congedo Editore, 2008, p. 151–162.
30. Iorga N. *Histoire des Roumains et de la Romanité orientale. Volume III. Les fondateurs d'Etat*. Bucarest: Imprimerie de l'état, 1937. 424 p.
31. Jacques de Vitry. *Histoire orientale = Historia Orientalis* / Donnadieu J. (ed.). Turnhout, Belgium: Brepols Publishers, 2008. 547 p.
32. Katona I. *Historia Critica Regum Hungariae: Ex Fide Domesticorum et Exterorum Scriptorum Concinnata*. Vol. V. *Complectens Res Gestas Andreae II. et Belae IV. ad Cladem usque Tartaricam*. Pestini: Weingand et Koepf, 1783. 1079 p.
33. Kontler L. *A History of Hungary: Millennium in Central Europe*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. 527 p.
34. Lăzărescu E.C. *Notă despre documentele Țării Bârsei și Cavalerii Teutoni // Țara Bârsei*. Vol. VI/4. Braşov, 1934, pp. 336–356.
35. Lăzărescu E.C. *Cavalerii Teutoni și Țara Bârsei // Țara Bârsei*. Vol. VII/2. Braşov, 1935, pp. 140–152.
36. Lotan Sh. *Between the Latin Kingdom of Jerusalem and Burzenland in Medieval Hungary: The Teutonic Military Order Status and Rule in the Poles of Christianity // Mirabilia: Revista Eletrônica de Antiguidade e Idade Média*. Vol. 10. Barcelona: Institut d'Estudis Medievals, 2010, p. 184–195.
37. Makkai L. *The Independent Hungarian Feudal Monarchy to the Battle of Mohács (1000–1526) // A History of Hungary* / Barta I., Berend I.T., Hanák P., Lackó M., Makkai L., Nagy Zs.L., Ránki G. (eds.). Budapest: Corvina Press, 1973, pp. 29–118.
38. Makkai L. *The Foundation of the Hungarian State, 950–1196 // A History of Hungary* / Sugar P.F., Hanák P., Frank T. (eds.) London: I.B. Tauris, 1990, pp. 15–22.

39. Makkai L. The Emergence of the Estates (1172–1526) // *History of Transylvania* / Barta G., Köpeczi B. et al (eds.). Budapest: Akadémiai Kiadó, 1994, pp. 178–244.
40. Martini F. Der Deutsche Ritterorden und seine Kolonisten im Burzenland // *Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapress*. Bd. 10. Budapest: Budapress, 1979. S. 41–57.
41. Monumenta ecclesiae Strigoniensis. Vol. 1. Ab a. 979 ad a. 1273 / Knauz N. (ed.). Strigonii: Typis descripsit Aegydius Horák, 1874. 688 p.
42. Pfeiffer N. Die ungarische Dominikanerordensprovinz von ihrer Gründung 1221 bis zur Tatarenwüstung 1241–1242. Zürich: Verlag von A.-G. Gebr. Leemann, 1913. 240 s.
43. Praver J. The Latin Kingdom of Jerusalem: European Colonialism in the Middle Ages. London: Weidenfeld and Nicolson, 1972. 587 p.
44. Pray G. Specimen hierarchiae Hvngaricae complectens seriem chronologicam archiepiscoporum et episcoporum Hvngariae cum rvidi dioecesium delineatione adjectis, si quae sunt peculiares, praerogativis, vt plurimum ex diplomatibus congestum. 2 Vols. Posonii et Cassoviae: Sumptibus Joannis Michaelis Landerer, typographi et bibliopolae, 1776–1779.
45. Quellen zur Geschichte der Siebenbürger Sachsen 1191–1975 / Wagner E. (ed.). Köln, Wien: Böhlau Verlag, 1976. 429 s.
46. Schmitth N. Episcopi Agrienses fide diplomatum concinnati. Vol. I. Tyrnaviae: Typ. Collegii acad. Societ. Jesu, 1768. 415 p.
47. Sinor D. Inner Asia and Its Contacts with Medieval Europe. London: Variorum Reprints, 1977. 392 p.
48. Spinei V. Moldavia in the 11th–14th centuries. Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1986. 276 p.
49. Spinei V. Les répercussions de la grande invasion mongole de 1241–1242 sur l'espace carpato-danubien reflétées surtout dans les oeuvres des chroniqueurs italiens // *Südost Forschungen*. Vol. 61–62. München: Südost-Institut, 2002–2003, pp. 1–47.
50. Spinei V. The Cuman Bishopric: Genesis and Evolution // *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans* / Curta F., Kovalev R. (eds.). Leiden, the Netherlands; Boston, MA: Brill Academic Publishers, 2008, pp. 413–456.
51. Spinei V. The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the tenth to the mid-thirteenth century. Leiden, the Netherlands; Boston, MA: Brill Academic Publishers, 2009. 545 p.
52. Sweeney J.R. The Problem of Inalienability in Innocent III's Correspondence with Hungary: A Contribution to the Study of the Historical Genesis of Intellecto // *Mediaeval Studies*. Vol. 37. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1975, pp. 235–251.
53. Urkunden und erzählende quellen zur Deutschen Ostsiedlung im Mittelalter. Teil II. Schlesien, Polen, Böhmen-Mähren, Österreich, Ungarn-Siebenbürgen / Helbig H., Weinrich L. (eds.). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1970. 632 s.
54. Vásáry I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005. 230 p.
55. Zimmermann H. Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung. Köln: Böhlau Verlag, 2011. 246 s.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета Университета Оулу, Ph.D. (история) (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация; 90014, ул. Пентти Кайтера, д. 1, Оулу, Финляндия); virisequisque@hotmail.com

**Charters of the Hungarian King Andrew II
Granted to the Teutonic Knights in Transylvania:
Latin Texts, Translation into Russian, and Commentaries**

Roman Hautala
(*Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*)

This article contains Latin texts, translations into Russian, and comments to four royal charters granted by the Hungarian king Andrew II (1205–1235) to the Teutonic knights, respectively, in 1211, 1212, 1215 (approximately), and 1222. These historical documents contain valuable information about the period of the Teutonic brethren stay in Transylvania. In 1211, the Hungarian king granted to the Knights the Burzenland in southeastern Transylvania in the unlimited possession, where they remained until their final expulsion from the Kingdom of Hungary in 1225.

The text of the first royal charter contained in this article shows that the Andrew II's decision to invite the Teutonic brethren in Transylvania was caused by the frequent Cuman raids on the Kingdom and that the principal aim of the Hungarian monarch was to prevent these attacks by establishing lasting control over the Burzenland. The degree of importance of the task entrusted to the Knights was emphasized by a number of privileges granted by the Hungarian crown, that helped to create favorable conditions for increasing the local population in order to ensure a constant flow of material resources and manpower to the Teutonic brothers, which they could use to organize the defense of Burzenland against the attacks of nomads.

The content of subsequent royal charters shows that the Teutonic brothers not only fully used granted privileges in establishing durable control over the Burzenland, but also began to expand their landholdings in the Cuman territories. In particular, the last charter of 1222 gives an idea about the extent of the Teutonic knights' conquests at the expense of the Cuman possessions beyond the Carpathian Mountains.

At the same time, the contents of the royal charters can partially identify the reasons for the deterioration in relations between the Teutonic knights and the Hungarian crown, which led both to the first attempt by Andrew II to confiscate the Teutonic brethren landholdings at the end of 1221 and, possibly, to the final expulsion of the Knights from the Kingdom of Hungary in 1225.

Keywords: Kingdom of Hungary's relations with the nomads in the Middle Ages, Cumans, Transylvania, Teutonic knights, royal charters.

References

1. Baranov A. Osnovanie Tevtonskogo ordena [Foundation of the Teutonic Order]. *Deusvult.ru*. 2011. Available at: <http://deusvult.ru/23-osnovanie-tevtonskogo-ordena.html>
2. Knyaz'kiy I.O. Polovtsy v Dnestrovsko-Karpatykh zemlyakh i Nizhnem Podunav'e v kontse XII – pervykh desyatiletiyakh XIII v. [The Polovtsy in the Dniester-Carpathian Lands and Lower Danube Region at the end of the 12th – the first decades of the 13th century]. *Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Moldavii perioda feodalizma* [Socio-economic and Political History of the Feudal Period of Moldova]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1988, pp. 22–32.
3. Kovács S. Ekspansiya zapadnogo khristianstva: missiya dominikantsev sredi polovtsev (kumanov) [Expansion of the Western Christianity: Dominican Mission to the Polovtsy (Cumans)]. *Byulleten' (Newsletter). 12. Hungaro – Russica II. Istoriya i kul'tura Evraziyskoy stepi. 2-y Sbornik statey Rossiyskikh i vengerskikh vostokovedov* [Newsletter. 12. Hungaro – Russica II. History and Culture of the Eurasian Steppe. Second Collection of Articles of the Russian and Hungarian Orientalists]. Moscow, Institut Vostokovedeniya Rossiyskoy Akademii Nauk, Publ., 2005, pp. 52–73.
4. Master Roger. *Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami* [The Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars]. Dosaev A.S. (red.). St. Petersburg, "Dmitriy Bulanin" Publ., 2012. 304 p.
5. Osipyan A.L. Migratsiya, adaptatsiya i integratsiya kochevnikov v osedlom obshchestve: sravnitel'nyy analiz perekhoda kochevnikov k osedlomu obrazu zhizni v Galitskoy Rusi i Vengerskom korolevstve v XIII–XV vv. [Migration, Adaptation, and Integration of Nomads in a Settled Society: A Comparative Analysis of the Nomads' Transition to a Sedentary Lifestyle in the Galician Rus and Kingdom of Hungary in the 13th–15th centuries]. *Tyurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy ...)* [The Turkic Nomads of Eurasia (Kimaks, Kipchaks, Cumans ...)]. Kazan, Institut istorii im. Sh.Mardzhani Akademiya nauk RT Publ., 2013, pp. 102–122.
6. Pashuto V.T. *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoy Rusi* [Essays on the History of Galicia-Volyn Rus]. Moscow, Akademiya Nauk SSSR Publ., 1950. 333 p.
7. Rasovskiy D. Pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Ugrii [The Pechenegs, Uzes, and Berendeis in Russia and Ugria]. *Iz istorii russkoy kul'tury*. Tom II. Kniga 1. *Kievskaya i Moskovskaya Rus'* [From the History of Russian Culture. Volume II. Book 1. The Kievan and Moscow Russia]. Litvina A.F., Uspenskiy F.B. (red.). Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, pp. 82–142
8. Thomas of Split. *Istoriya arkhiepiskopov Salony i Splita* [History of the Bishops of Salona and Split]. Akimova O.A. (red.). Moscow, Indrik Publ., 1997. 320 p.
9. Shusharin V.P. Svidetel'stva pis'mennykh pamyatnikov korolevstva Vengrii ob etnicheskom sostave naseleniya Vostochnogo Prikarpat'ya pervoy poloviny XIII veka [Evidence of the Written Monuments of Kingdom of Hungary on the Ethnic Composition of the Eastern Precarpathian Population in the first half of the 13th century]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. No. 2. Moscow, Institut istorii Akademiya nauk SSSR Publ., 1978, pp. 38–53.
10. Achim V. Ecclesiastic Structures and Denominational Policies in the Balkan-Carpathian Space in the Thirteenth Century. *Annuario dell'Istituto romeno di cultura e ricerca umanistica di Venezia*. Vol. 5. Venezia; Bucarest, Casa editrice dell'Istituto culturale romeno Publ., 2003, pp. 151–176.
11. Adriányi G. Zur Geschichte des Deutschen Ritterorden in Siebenbürgen. *Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapest*. Bd. 3. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Publ., 1971, pp. 9–22.

12. *Anonymus and Master Roger: The Deeds of the Hungarians & Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars*. Bak Já.M., Rady M.C., Veszprémy L. Budapest; New York, Central European University Publ., 2010. 268 p.
13. Archdeacon Thomas of Split. *History of the Bishops of Salona and Split (Thomae Archidiaconi Spalatensis Historia Salonitanorum atque Spalatinorum Pontificum)*. Perić O., Karbić D., Matijević-Sokol M., Sweneey J.R. Budapest; New York, Central European University Publ., 2006. 404 p.
14. Bárány A. The Expansions of the Kingdom of Hungary in the Middle Ages (1000–1490). *The Expansion of Central Europe in the Middle Ages*. Berend N. (ed.). Burlington, VT, Ashgate Publishing, 2012, pp. 319–332.
15. Baudrillart A., Meyer A. de, Aubert R. (eds.). *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*. Vol. VIII. Paris, Letouzey et Ané, 1935. 1552 p.
16. Berend N. *At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and "Pagans" in Medieval Hungary, c. 1000 – c. 1300*. Cambridge, UK; New York, Cambridge University Publ., 2001. 340 p.
17. Berend N. Défense de la Chrétienté et naissance d'une identité. Hongrie, Pologne et péninsule Ibérique au Moyen Âge. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. Vol. 58/5. Paris, Editions Armand Colin, 2003, pp. 1009–1027.
18. Berend N. The Kingdom of Hungary. *Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200*. Berend N. (ed.). UK; New York, Cambridge University Publ., 2007, pp. 319–369.
19. Bóna I. The Hungarian-Slav Period (895–1172). *History of Transylvania*. Barta G., Köpeczi B. et al (eds.). Budapest, Akadémiai Kiadó, 1994, pp. 107–177.
20. *Documente privind istoria României. C. Transilvania*. Veacul 11/13, Vol. 1. (1075–1250). Roller M. (ed.). București, Ed. Acad. Republicii Populare Române, 1951. 428 p.
21. Duzinchievici Gh. Propaganda cistercită printre români. *Cercetări istorice. Revistă de istorie românească*. Anul IV. No. II. Iași, Seminarul de Istoria Românilor al Universității din Iași, 1929, pp. 126–138.
22. Engel P. *The Realm of St. Stephen: A History of Medieval Hungary, 895–1526*. Pálosfalvi T., Ayton A. (eds.). London, New York, I.B. Tauris; New York, Distributed in the USA by Palgrave Macmillan, 2001. 452 p.
23. Glassl H. Der deutsche Orden im Burzenland und in Kumanien (1211–1225). *Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapest*. Bd. 3. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1971, pp. 22–49.
24. Fara A. *La formazione di un'economia di frontiera. La Transilvania tra XII e XIV secolo*. Napoli, Editoriale Scientifica, 2010. 424 p.
25. Fügedi E. *Kings, Bishops, Nobles, and Burghers in Medieval Hungary*. Bak Já.M. (ed.). London, Variorum Reprints, 1986. 346 p.
26. Fügedi E., Bak Já.M. Foreign Knights and Clerks in Early Medieval Hungary. *The Expansion of Central Europe in the Middle Ages*. Berend N. (ed.). Burlington, VT, Ashgate Publishing, 2012, p. 319–332.
27. Gams P.B. *Series episcoporum Ecclesiae catholicae: quotquot innotuerunt a beato Petro apostolo*. Ratisbonae, Typis et Sumptibus Georgii Josephi Manz, 1873. 963 p.
28. Golden P.B. The Peoples of the Russian Forest Belt. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Sinor D. (ed.). Cambridge, New York, Cambridge University Publ., 1990, pp. 229–255.
29. Hunyadi Z. The Teutonic Order in Burzenland (1211–1225): New Re-considerations. *L'Ordine Teutonico tra Mediterraneo e Baltico. Incontri e scontri tra religioni, popoli e culture = Der Deutsche Orden zwischen Mittelmeerraum und Baltikum. Begegnungen und Konfrontationen zwischen Religionen, Völker[n] und Kulturen. Atti del Convegno internazionale (Bari–Lecce–Brindisi, 14–16 settembre 2006)*. Houben H., Toomaspoeg K. (eds.). Galatina, Congedo Editore, 2008, pp. 151–162.
30. Iorga N. *Histoire des Roumains et de la Romanité orientale*. Volume III. *Les fondateurs d'Etat*. Bucarest, Imprimerie de l'état, 1937. 424 p.
31. Jacques de Vitry. *Histoire orientale = Historia Orientalis*. Donnadieu J. (ed.). Turnhout, Belgium, Brepols Publishers, 2008. 547 p.
32. Katona I. *Historia Critica Regum Hungariae: Ex Fide Domesticorum et Exterorum Scriptorum Concinnata*. Vol. V. *Complectens Res Gestas Andreae II. et Belae IV. ad Cladem usque Tartaricam*. Pestini, Weingand et Koepf, 1783. 1079 p.
33. Kontler L. *A History of Hungary: Millennium in Central Europe*. Hampshire, Palgrave Macmillan, 2002. 527 p.
34. Lăzărescu E.C. Notă despre documentele Țării Bârsei și Cavaleriei Teutoni. *Țara Bârsei*. Vol. VI/4. Brașov, 1934, pp. 336–356.
35. Lăzărescu E.C. Cavaleriei Teutoni și Țara Bârsei. *Țara Bârsei*. Vol. VII/2. Brașov, 1935, pp. 140–152.
36. Lotan Sh. Between the Latin Kingdom of Jerusalem and Burzenland in Medieval Hungary: The Teutonic Military Order Status and Rule in the Poles of Christianity. *Mirabilia: Revista Eletrônica de Antiguidade e Idade Média*. Vol. 10. Barcelona, Institut d'Estudis Medievals, 2010, pp. 184–195.
37. Makkai L. The Independent Hungarian Feudal Monarchy to the Battle of Mohács (1000–1526). *A History of Hungary*. Barta I., Berend I.T., Hanák P., Lackó M., Makkai L., Nagy Zs.L., Ránki G. (eds.). Budapest, Corvina Publ., 1973, pp. 29–118.

38. Makkai L. The Foundation of the Hungarian State, 950–1196. *A History of Hungary*. Sugar P.F., Hanák P., Frank T. (eds.) London, I.B. Tauris, 1990, pp. 15–22.
39. Makkai L. The Emergence of the Estates (1172–1526). *History of Transylvania*. Barta G., Köpeczi B. et al (eds.). Budapest, Akadémiai Kiadó, 1994, pp. 178–244.
40. Martini F. Der Deutsche Ritterorden und seine Kolonisten im Burzenland. *Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapest*. Bd. 10. Budapest, Budapest, 1979, pp. 41–57.
41. *Monumenta ecclesiae Strigoniensis*. Vol. 1. *Ab a. 979 ad a. 1273*. Knauz N. (ed.). Strigonii, Typis descriptis Aegydius Horák, 1874. 688 p.
42. Pfeiffer N. *Die ungarische Dominikanerordensprovinz von ihrer Gründung 1221 bis zur Tatarenwüstung 1241–1242*. Zürich, Verlag von A.-G. Gebr. Leemann, 1913. 240 s.
43. Praver J. *The Latin Kingdom of Jerusalem: European Colonialism in the Middle Ages*. London, Weidenfeld and Nicolson, 1972. 587 p.
44. Pray G. *Specimen hierarchiae Hvgaricae complectens seriem chronologicam archiepiscoporum et episcoporum Hvgariae cum rudi dioecesium delineatione adjectis, si quae sunt peculiares, praerogativis, vt plurimum ex diplomatibus congestum*. 2 Vols. Posonii et Cassoviae, Sumptibus Joannis Michaelis Landerer, typographi et bibliopolae, 1776–1779.
45. *Quellen zur Geschichte der Siebenbürger Sachsen 1191–1975*. Wagner E. (ed.). Köln, Wien, Böhlau Verlag, 1976. 429 p.
46. Schmitth N. *Episcopi Agrienses fide diplomatum concinnati*. Vol. I. Tyrnaviae, Typ. Collegii acad. Societ. Jesu, 1768. 415 p.
47. Sinor D. *Inner Asia and Its Contacts with Medieval Europe*. London, Variorum Reprints, 1977. 392 p.
48. Spinei V. *Moldavia in the 11th–14th centuries*. Bucharest, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1986. 276 p.
49. Spinei V. Les répercussions de la grande invasion mongole de 1241–1242 sur l'espace carpato-danubien reflétées surtout dans les oeuvres des chroniqueurs italiens. *Südost Forschungen*. Vol. 61–62. München, Südost-Institut, 2002–2003, pp. 1–47.
50. Spinei V. The Cuman Bishopric: Genesis and Evolution. *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Curta F., Kovalev R. (eds.). Leiden, the Netherlands; Boston, MA, Brill Academic Publishers, 2008, pp. 413–456.
51. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the tenth to the mid-thirteenth century*. Leiden, the Netherlands; Boston, MA, Brill Academic Publ., 2009. 545 p.
52. Sweeney J.R. The Problem of Inalienability in Innocent III's Correspondence with Hungary: A Contribution to the Study of the Historical Genesis of Intellecto. *Mediaeval Studies*. Vol. 37. Toronto, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1975, pp. 235–251.
53. *Urkunden und erzählende quellen zur Deutschen Ostsiedlung im Mittelalter*. Teil II. *Schlesien, Polen, Böhmen-Mähren, Österreich, Ungarn-Siebenbürgen*. Helbig H., Weinrich L. (eds.). Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1970. 632 p.
54. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge; New York, Cambridge University Publ., 2005. 230 p.
55. Zimmermann H. *Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung*. Köln, Böhlau Verlag, 2011. 246 p.

About the author: Roman Hautala – Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Postdoctoral researcher, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, Ph.D. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation; 90014, Pentti Kaiteran st., 1, Oulu, Finland); virisequisque@hotmail.com

The Mongol Art of War and the Tsunami Strategy

Timothy May

(University of North Georgia, USA)

The success of the Mongol Empire was due not only because of a superior tactics and battle strategies, but also due to operational planning. The Mongols developed an operational strategy which I term as the *tsunami* strategy, due to its resemblance to a *tsunami* or tidal wave. The expansion of the empire was aided by *tsunami* method of conquest. In this process, the Mongols invaded an area and carried out far-ranging military operations. Using several examples, I demonstrate that their intent, however was not to conquer the entire region; rather, while the Mongols raided and devastated, only a small portion of the area was annexed into the empire. The Mongols then governed and controlled the newly annexed area while the Mongol armies, remained on the frontier of the newly acquired territory. Rather than attempting to control large swaths of the territory they conquered, they retained only a portion of it. Thus they could govern it with fewer troops and keep the bulk of their forces on the periphery.

Keywords: Mongol warfare; Transcaucasia; Kingdom of Hungary; Khwārazmian Empire; Chormaqan; *tsunami* strategy.

Despite establishing the largest contiguous land empire in history, the military system of the Mongol Empire has received relatively little attention in the west in comparison with other armies of the medieval world. Nineteenth century military historians such as Oman and Delbrück, possibly intoxicated with European success through imperialism who did briefly examined the Mongols gave little credit to Mongol military prowess, crediting their success more to the lack of quality opponents than the Mongols' own ability. Oman attributes Mongol success to "the ill-luck of Asia and Eastern European states that in the first quarter of the thirteenth century there are no existing first-rate power in either to face such a formidable invasion as that which Genghiz Khan and his sons led" [23, p. 316–17]. Meanwhile, Delbrück relegated the achievements of the Mongols as a footnote in his chapter on the Ottomans, with the following comments:

For a while it was even believed that the Mongols had to be credited for an outstanding role in the history of the art of war, particularly since there exist theoretical concepts that supposedly stem from Tamerlane. But in the final analysis their accomplishments were no different from those of other nomads, and Tamerlane's principles were without real content... The battle of Liegnitz, 1242, in view of the legendary nature of the source, give us nothing new, as far as I can see, on the history of the art of war" [8, p. 480].

Most of the attention given to the Mongol military has come from specialists on the Mongols rather than military historians with varied results focusing on specific battles or aspects of warfare [1, passim.; 2, passim.; 3, passim.; 4, passim.; 19, passim.; 30, passim.; 32, passim.; 32, passim.; 33, passim.; 34, passim.; 35, passim.; 36, passim]. While the results have been interesting, few complete studies of the Mongol military have emerged that examine the full evolution of the Mongol art of war. H. D. Martin in his *Chingis Khan and his Conquest of North China* provided a chapter on the Mongol military with the rest focusing on the campaigns, which previously appeared as an article [15, p. 11–47; 16, p. 46–85]. It, however, is primarily an effort to establish the chronology and flow of campaigns. My own contribution of the Mongol Art of War examines not only the development of the army in addition to strategy and tactics, it is only concerned with the pre-dissolution empire. [18, p. 69–85]. Although this forum is insufficient for that cause, this work is a preliminary attempt to remedy this lacuna in military history.

In many modern popular histories of the Mongol conquests during the 13th century, the Mongol army has been referred to as a "storm" or a "whirlwind" [14, passim.; 10, passim]. While these attributes, especially the former, are befitting of the Köke Mōngke Tengri, or the Eternal Blue Sky motif in Mongolian religion, they are also misleading. Both terms connote an unstoppable force, capable of incredible destruction and randomly striking out in myriad directions. Certainly, this may apply to the Mongol armies, but these two phenomena of weather, while relentless in nature, eventually weaken and die out.

This aspect certainly did not pertain to the armies of the Mongol conquests. Perhaps the later political structure of the empire weakened, but not the armies that conquered Eurasia from the Sea of Japan to the Danube River. Instead, if one must ascribe attributes to an aspect of history, I would choose an element which one would not normally associate with the Mongols: a tsunami.

Like the Mongol military during the 13th century, the tsunami is capable of tremendous devastation, yet unlike a storm or whirlwind, the waves eventually recede into the ocean, yet are still present to strike again. This is especially clear in two campaigns. The first was Chinggis Khan's invasion and destruction of the Khwārazmian Empire in 1219–1223. The second was the invasion of Russia and Eastern Europe in the late 1230's and early 1240's. In both of these campaigns, the Mongols added a considerable amount of territory to their empire, yet their armies ranged far beyond their new borders.

The Mongol method of warfare was based on a simple component: the horse archer. This warrior was primarily armed with a double recurve composite bow, which possessed incredible penetrating power and range [6, p. 61]. Mongol bows had a range of 300 meters. It was reported that the Mongols used a bow with a pull of approximately 160 pounds [15, 19]. Although this amount does seem extremely high, it is probable that draw of a Mongol bow was at least 100 pounds. Friar John de Plano Carpini who traveled to the Mongol court in 1246, recommended that the Western armies double the thickness their armor to counter Mongol archery and temper their arrows as did the Mongols so they could penetrate the Mongols' armor [25, p. 46].

Used in conjunction with a string of three to five ponies, the well-disciplined Mongol soldiers easily outmaneuvered their opponents while unleashing a hail of death. For the most part, the Mongols were lightly armored, although their lamellar armor made from overlapping plates of leather gave better protection against arrows than chain mail, it was less effective in hand to hand combat [21, p. 136; 27, p. 7]. Although the horse warrior had been present since the Classical era, the Mongols apparently were the most proficient at combining cavalry warfare with the mounted archer. It is not without reason that the Armenian chronicler, Grigor of Akanc, referred to the Mongols as "The Nation of the Archers" [11, *passim*]. Regardless of the quality of soldier, without capable leadership and sound strategy, an army is ineffectual.

The best strategies in war are adopted in relation to the type of army involved rather than making the army fit the strategy. For the Mongols, this meant a strategy of high-mobility. While the mounts used by the Mongols, or their auxiliaries, were surpassed in terms of strength and speed by sedentary armies, they dominated in endurance as well as their deployment in large numbers. The fact that the average trooper in the Mongol army possessed three to five mounts allowed him to remain mobile even if a single mount was lost or grew tired. This, in turn, permitted the Mongols to embark on a style of warfare, which was not copied again until the twentieth century with the use of armored cavalry.

Before invading a territory, the Mongols made extensive preparations in a *quriltai*. At this meeting it was decided not only how the upcoming war would be conducted, but also, which generals would participate in it. In *The Secret History of the Mongols* this is demonstrated on several occasions [7, p. 141, 171–72, 198, 202, 210–211]. The Mongols, meanwhile, accumulated intelligence on their opponent, often by using merchants who benefited from the Mongols' protection of the trade routes. This was the first step of the preparations of war [16, p. 58]. Only after the obtainment of intelligence would there be a declaration of hostilities. Then, during the *quriltai*, units would be called up. Points of rendez-vous were established, and mobilization began in earnest.

Dennis Sinor wrote:

Mongol strategy at its best was based on a very careful planning of the military operations to be performed, and the essence of it lay in a very rigid timetable to which all Mongol commanders were expected to adhere strictly [30, p. 240].

Although the planning of the campaign was a major component, the Mongol generals still maintained a high degree of independence. Thus they were able to complete their objectives on their terms, while still abiding by the timetable. This allowed the Mongols to coordinate their movements and concentrate their forces at prearranged sites.

The invasion began by attacking in several columns. Against the Khwārazm Empire, Chinggis Khan used at least four and perhaps five routes of invasion from multiple directions, including one force approaching through the impassable Kyzyl Kum desert. During the invasion of Russia Sübedei, Batu, and Möngke approached from three directions. Later, in the invasion of Eastern Europe, another three-pronged invasion was made. Ultimately, these columns converged, or attempt to do so, upon a single tar-

get, usually the center of power. Against the Khwārazmian Empire it was Samarqand; in Europe, Budapest was targeted.

The actual invasion followed a set pattern. First, a screen of scouts who constantly relayed information back to their main column covered the invading forces. In addition, because of their pre-planned schedule and use of scouts, the Mongols not only marched divided, but also were also able to fight united. Furthermore, because their forces marched in smaller concentrations, columns stretching for miles did not impede the Mongols. They used their mobility to spread terror, to the effect that rarely were their opponents ever really prepared to concentrate their forces when the enemy appeared on many fronts at the same time.

The use of a multi-pronged invasion also fit into their favored method of engaging the enemy. The Mongols preferred to deal with all field armies before moving deep into enemy territory. This was very practical. Reaching this goal was rarely difficult, as the enemy usually sought to meet the Mongols before they destroyed an entire province. Furthermore, the use of columns with their screens of scouts enabled the gathering of intelligence so that the Mongols could locate enemy armies much more rapidly than a single army could. In addition, the Mongols could usually re-unite their forces before the enemy was cognizant of all the different invasion forces, thus better concealing their troop strengths. This also meant that an embattled force could receive reinforcements or, in the event of defeat, they could be avenged.

By concentrating on the dispersion and movement of enemy field armies, the assault on strongholds was delayed. Of course, smaller fortresses or ones they could surprise easily were taken as they came along. Among the best examples of this was in the Khwārazmian campaign. The smaller cities and fortresses were taken before the Mongols eventually captured Samarqand. This had two results. First, it cut off the principal city from communicating with other cities, from where they might expect aid. Secondly, refugees from these smaller cities would flee to the last stronghold. The reports from these defeated cities and the streaming hordes of refugees not only reduced the moral of the inhabitants and garrison forces of the principal city, but the refugees also strained its resources. Food and water reserves were taxed by the sudden influx of refugees. Soon, what was once a formidable undertaking became easy.

The Mongols were then free to lay siege without the interference of a field army, as it had been destroyed. Forces from smaller forts and cities could not harry the Mongols, who either foraged, or were out on other various missions during the siege and were thus beyond their range. Most importantly, the many columns and raiding forces, prevented the main cities from being effective in assisting their smaller neighbors beforehand, as to do so in any strength, would leave them open to attack. Finally, the capture of the outer strongholds and towns provided the Mongols more siege experience, as well as raw materials in the form of labor, to either man the siege machines, or to act as human shields for the Mongols.

Then came the task of destroying any hope for an opponent to rally, which often occurred throughout the entire campaign. This was carried out by harrying the enemy leaders until they dropped. Chinggis Khan first carried out this policy in the wars of unification in Mongolia. In his first few encounters he did not do this, and the failure to do so returned to haunt him as defeated enemies would regroup and start conflict anew such as with the Tayichi'ud, Merkit, and Naiman. After that, it became a familiar tale. In Khwārazm, it was the flight of Muhammad to the Caspian Sea with the generals Jebe and Sübedei in pursuit [12, p. 147; 13, p. 992]. In the south of that empire, Chinggis Khan himself pursued Jalāl al-Dīn to the Indus and later sent more troops after him [12, p. 409–411]. Kotian, one of the khans of the Kipchak Turks, fled from the Southern Russia to Hungary. His flight was later used as *causus belli* for the invasion of Hungary [28, p. 7]. Then in Europe, King Bela IV of Hungary received no breathing room after the disaster at Mohi [37, p. 117–118, 300–301]. This was also the first step in the “tsunami” method.

By being constantly on the move, the enemy leader was unable to serve as a rallying point for his armies. These, too, would have to keep moving to find him. In many reports, perhaps exaggerated, the enemy leaders were often only a few steps ahead of the Mongols. This also offered an opportunity for the Mongols to acquire new intelligence on other lands, as it was only sensible for the fleeing king to run in the opposite direction of the Mongol armies. The pursuing forces then could wreak havoc in new territories. Their presence made it advisable for local powers to keep their forces at home rather than going to help their suzerain. In many instances, the Mongol, when they encountered a local army, could defeat it in the field while avoiding strongholds.

To pursue the fleeing kings, a force led by a capable general or generals was dispatched. In addition, other forces were also sent to the outlying regions. In some cases, these regions were areas independent of the kingdom invaded by the Mongols, yet it did not exclude them and other provinces from

Mongol attention. In the invasion of Khwārazm by Chinggis Khan in 1219–1223, it appears that Mawarannahr was the core territory. But an army led by Jebe and Sübedei was sent beyond the core after Sultan Muḥammad Khwārazmshāh II. Meanwhile, Tolui invaded and utterly devastated Khorasan, and Mazandaran was also destroyed [12, p. 117]. Meanwhile, Chinggis Khan, himself, pursued Jalāl al-Dīn to the very banks of the Indus River. Even after Prince Jalāl al-Dīn escaped, an army followed him into India [26, vol. 2, p. 257; 12, p. 141–142]. Afterwards, despite the complete domination of the Mongols throughout the former empire of Khwārazm, the Mongols withdrew to Mawarannahr from the peripheral areas and only a small force remained there [9, p. 225].

In Russia, the relative ease with which the Mongols defeated the Rus' principalities obscured their activities in the southern steppes. Furthermore, as the Mongols simply accepted the vassalage of the Russian princes, as they did with the Georgian princes in Transcaucasia, this suggests that the Mongols saw those areas as peripheral and not in need of a garrison force. Originally it seems that the invasion of the Northeastern principalities in 1238 and those of the South in 1239 were sweeping attacks by roving columns. Meanwhile, in the steppes of the Don, Dnieper, and Volga rivers, the Mongols defeated several nomadic and semi-nomadic tribes, who proved to be more troublesome than the Russians. The Golden Horde's capital was later established at Sarai, also indicating that this was the region that the Mongols were interested in, not the Rus' cities.

If one examines the borders of the empire in comparison with territories actually occupied and garrisoned by Mongols, it seems probable that a definite policy was in force. First, by devastating Khurāsān, Khwārazm, and Mazandaran, the new Mongol territory of Māwarānnahr was protected by a broad belt of destruction. The inhabitants of this belt were either dead or dispersed, the rulers were in flight, and there was simply no organized military to threaten Mongol control. Furthermore, the land that was cultivated, could be occupied by nomads, and thus serve as a staging area for further expansion. In the steppes of Russia, the east had already been secured. With the reduction of the Rus' cities, the now subdued steppes were protected to the West and to the North. The Rus' were now Mongol vassals, providing not only wealth through taxes, but also military service. Secondly, the Russians were not a military threat to the Mongols, although they could serve as a buffer to possible invasions from the West.

Chormaqan's conquest of Iran occurred prior to the conquest of Russia. Leaving Bukhara in 1231, Chormaqan easily took over Northern Iran [17, p. 130–31]. Meanwhile he sent a force under the command of Taimaz into Azerbaijan against the last Khwārazmian Sultan, Jalāl al-Dīn. Taimaz relentlessly pursued Jalāl al-Dīn until the latter died in the mountains, probably murdered by Kurdish tribesmen [12, p. 436–37; 9, p. 227; 22, p. 297]. This pursuit allowed Chormaqan to consolidate his control over Iran and accept the submission of various kings and princes in the southern regions of Iran. At the same time, another general, Dayir invaded Afghanistan and initiated forays into India [13, p. 1119, 1127]. These columns accomplished two things. The pursuit and subsequent death of Jalāl al-Dīn removed the last figure around which an effective resistance in Iran could rally. Secondly, by carrying out forays into the neighboring realms, the Mongols created a buffer zone around their principal target. As in Russia, and the initial Mongol invasion of the Khwārazmian Empire, the Mongols led by Taimaz withdrew back to western Iran and those in India returned to territories where the Mongols were firmly entrenched. Much like a tsunami, the Mongol armies struck a region, flowed over into others where they inflicted a considerable amount of devastation and then they withdrew to the newly "flooded" province.

A careful study of the pursuit of Jalāl al-Dīn reveals that this policy could also occur on a smaller scale. After forcing the last Khwārazmshah from the Mūghān plain, the Mongols withdrew from Arran and established their base of operations in the Mūghān plain. From there they continued the assault against Jalāl al-Dīn. By the time Jalāl al-Dīn was dead, the Mūghān plain and much of Azerbaijan was firmly in the hands of the Mongols [12, p. 453; 11, p. 301–303]. In addition, forays were made against the Caliph in Baghdad and independent rulers in Northern Syria and western Anatolia [5, p. 404; 11, p. 317; 22, p. 349]. Again, the focus of the world outside of the empire was on the forays, not on the actual absorption of new territory by the Mongols.

The invasion of Armenia was similar to that into Russia. The primary target appears to have been Gandzak and the Armenian territories. However, forces were also sent across the Kura River into Georgia and south against Baghdad. The units in 'Iraq do not appear to have been anything but a diversionary force. Meanwhile, the Georgian nobles were either defeated quickly or submitted. Soon, half of the kingdom was in the hands of the Mongols. As they did later with the Russian princes, the Mongols accepted tribute and military service, but left the Georgians to rule themselves as Mongol vassals. Queen Rusudan

fled, to Western Georgia, but the Mongols, curiously, did not pursue her, much like they did not pursue some Russian princes who fled westward. They were not the primary target.

With the invasion of Europe, the Mongols struck to the North, against Poland, in the center at Hungary, and to the South in Wallachia. The main target was clearly Hungary. The Mongol armies to the North and South were part of the tsunami, but intended to attract attention away from Hungary. This deprived the Hungarians of possible reinforcements from allies, and also eliminated powerful forces which could threaten the main possessions of the Mongols. Hungary was then destroyed. The Kipchak khan, Kotian, was killed by a mob, but the Mongols pursued King Bela of Hungary, indicating that Hungary was definitely the target of the tsunami. He escaped to the Adriatic, but much of Croatia and the Dalmatian coast was devastated [37, p. 117–118, 300–301].

The Mongols did remain in Hungary for a time. They continued to reduce the military potential of the country, as well as decimate the populace. In short order, Hungary was left essentially an empty land. Most agree that the Mongols withdrew from Hungary due to Ögödei's death, but I believe that this is only part of it the reason. When the Mongols did withdraw, they continued to use the tsunami technique by actually sending detachments to raid Austria and the German kingdoms [24, v1, p. 357, 469–70]. To the local rulers, it seemed that an invasion was at hand. In reality, the Mongols withdrew behind the Carpathian Mountains.

Of course other opinions do exist in regards to the Mongol withdrawal from Hungary. Denis Sinor argued that the pasture available in the Alfold Plain of Hungary was insufficient to support a Mongol army of occupation [29, p. 20]. However, the Mongols could have easily left a smaller force, much like they did in other locales had they sought to actually incorporate Hungary into the Empire at that time. Gregory Rogers elaborates on several ideas and also suggests that the Mongols withdrew because the army of Batu was comprised of troops from several Mongol princes and were only available for a limited amount of time and their departure would prohibit the occupation of Hungary [28, p. 21]. This does have merit, but it would also be a part of the tidal wave method as the Mongols did not seek to occupy every region they invaded, but incorporated territory that they had the manpower to control.

In addition to Ögödei's death, the withdrawal from Hungary was for strategic purposes. When the Mongols invaded, they targeted one specific area, while other forces flowed over into the neighboring regions. This allowed the main region to be pacified without outside intervention. Meanwhile, the forays into neighboring regions were not ones of conquest, thus they were not attacks that were sustained. Thus, the focus of the Mongols remained on the primary target, whether this meant continued military action or the establishment of military control. Protected by a belt of weakened states or virtual power vacuums, this was easily accomplished.

Yet, the military was eventually supplanted by a civil administration. When Chormaqan invaded Iran, a civil administration under Chin Temür slowly replaced the military commanders in Khorasan and Mazandaran [12, p. 486–487]. Then Chormaqan moved his headquarters from the environs of Rai to the Mūghān plain and later the city of Gandzak. Why? As the conquests moved further west, the bulk of the military moved west. A civil administration then replaced them. It should be noted, though, that the military elite did not necessarily like or agree to their reduction of power. In any case, as civil control replaced the military elite, the conquests moved forward and also prevented the generals from becoming too firmly entrenched in one area.

The destruction of Hungary and the invasion of Poland, removed a powerful army from the doorsteps of the Mongols in Russia. Furthermore, Hungary was now militarily powerless. While Fredrick II and the Papacy called for crusades against the Mongols, the Mongols now had a buffer between them and the next powerful kingdom: the Holy Roman Empire. Although a crusading army never set out against the Mongols, if such an attempt had been made, it would have to traverse Hungary or Poland. Both were weakened by the Mongol invasion and would have been of little use to the invading army in terms of providing troops or provisions, especially in the case of Hungary. At the same time, the Mongols not only firmly entrenched themselves in the steppes of Russia, but also tightened their control over the Russian principalities.

With all this in mind, it should be clear that the Mongols invaded with a set strategy. Prepared by careful planning and a time schedule to help them coordinate their attacks, the Mongols held a decisive advantage over their opponents. Then by invading literally as a tsunami, they were able to steadily enlarge their empire. They did not attempt to incorporate large territories into the empire at once. They were geographically defined regions and normally, not entire kingdoms or empires. This prevented the

Mongols from overextending their forces. Then, the gradual transition from military rule to a civil administration, once a region was pacified, allowed them to conduct a concentrated military effort on several fronts. This “tsunami” method was the key to the steady expansion of the Mongol empire rather than haphazard conquests over vast territories.

References

1. Allsen T.T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237. *Archivum Eurasiae Medii Aevi* 1983, no. 3, pp. 5–23.
2. Allsen T.T. The Circulation of Military Technology in the Mongolian Empire. *Warfare in Inner Asian History, 500–1800*. Di Cosmo, Nicola (ed). Handbook of Oriental Studies, Section 8: Central Asia. Volume 6. Leiden, Brill, 2002, pp. 265–294.
3. Amitai R. Whither the Ilkhanid Army? Ghazan’s First Campaign into Syria (1299–1300). *Warfare in Inner Asian History, 500–1800*. Di Cosmo, Nicola (ed). Handbook of Oriental Studies, Section 8: Central Asia. Volume 6. Series editors, Denis Sinor and Nicola Di Cosmo. Leiden, Brill, 2002, pp. 221–264.
4. Amitai R. ‘Ayn Jâlût Revisited. *Târih* 1992, no. 2, pp. 119–150.
5. Bar Hebraeus. *The Chronography of Gregory Abu’l-Faraj*. 2 Vols. Ernest A. Wallis Budge (ed.). Amsterdam, APA-Philo-Publ., 1932.
6. Chan H. Siting by Bowshot: A Mongolian Custom and Its Sociopolitical and Cultural Implications. *Asia Major* 1991, no. 4, pp. 61.
7. Cleaves F. W. tr. and editor, *The Secret History of the Mongols*. Cambridge, MA, Harvard University Publ., 1982. 277 p.
8. Delbrück H. *Medieval Warfare*. Tr. Walter J. Renfroe, Jr. Lincoln, University of Nebraska Press, 1990. 712 p.
9. al-Dhahabi, M. *Kitab Duwal al-Islam (Les Dynasties de L’Islam)*. Arlette Negre (tr.). Damascus, Institut Francais de Damas, 1979.
10. Dupuy T.N. The Whirlwind from Mongolia. *The Evolution of Weapons and Warfare*. Indianapolis, Bobbs-Merrill, 1980.
11. Grigor of Akanc. The History of the Nation of the Archers by Grigor of Akanc. Tr. and ed. by R. P. Blake and R. N. Frye. *Harvard Journal of Asian Studies*, 1949, no. 12, pp. 269–399.
12. Juvaini A. *The History of the World-Conqueror*. J. A. Boyle (tr. and ed.). Seattle, University of Washington Publ., 1997. 763 p.
13. Jūzjānī M. *Ṭabaqāt-i-Nasirī* (A general history of the Muhammadan dynasties of Asia). 2 Vols. H.G. Raverty (ed.). New Delhi, Oriental Book Reprint Corp., 1970.
14. Marshall R. *Storm from the East*. Los Angeles, University of California Publ., 1993. 256 p.
15. Martin H.D. *The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China*. New York, Octagon Books Publ., 1981. 360 p.
16. Martin H.D. The Mongol Army. *Journal of the Royal Asiatic Society* 1943, no. 75, pp. 46–85.
17. May Timothy. The Conquest and Rule of Transcaucasia: The Era of Chormaqan. *Caucasus during the Mongol Period-Der Kaukasus in der Mongolenzeit*. J. Tubach, S. G. Vashalomidze and M. Zimmer (ed.). Wiesbaden, Reichert, 2012, pp. 129–152.
18. May Timothy. *The Mongol Art of War*. Yardley, PA, Westholme, 2007. 216 p.
19. Morgan D. O. The Mongols in Syria, 1260–1300. *Crusade and Settlement*. P. W. Edbury (ed.). Cardiff, University College Cardiff Publ., 1985, pp. 191–196.
20. Morgan D.O. The Mongol Armies in Persia. *Der Islam* 56 (1976), pp. 80–96.
21. Nicolle D. *Medieval Warfare Source Book: Warfare in Western Christendom*. London, Arms and Armour, 1995.
22. al-Nuwayrī A. *Nihāyat al-Arab fī Funūn al-Adab*. S’āid ‘Āshūr (ed.). Cairo, Al-hayāt al Misriyyat al-‘āmmat lil-kitāb, 1975. 546 p.
23. Oman C. *A History of the Art of War in the Middle Ages*. New York, Burt Franklin, 1924. 667 p.
24. Paris M. *English History*. Vol. I–III. J. A. Giles (tr.). New York, AMS Publ., Inc., 1968.
25. Plano Carpini J. in Christopher Dawson, editor, *The Mongol Mission: Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries*, tr. a nun of Stanbrook Abbey, London, Sheed and Ward, 1955.
26. Rashiduddin. *Jami’u’t Tawarikh: Compendium of Chronicles: A History of the Mongols*. 3 volumes. W.M. Thackston (tr.). Cambridge, MA: Harvard University, Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998.
27. Robinson H.R. *Oriental Armour*. New York, Walker and Co., 1967. 304 p.
28. Rogers G. S. An examination of historians’ explanations for the Mongol withdrawal from East Central Europe. *East European Quarterly* 1996, no. 30, pp. 3–27.
29. Sinor D. The Mongols in the West. *Journal of Asian History* 1999, no. 33, pp. 1–43.

30. Sinor D. On Mongol Strategy. *Proceedings of the Fourth East Asian Altaistic Conference*, edited by Ch'en Chieh-hsien, Taipei, China. December, 1975, pp. 238–249.
31. Sinor D. Horse and Pasture in Inner Asian History. *Oriens Extremus*, 1972, no. 19, pp. 171–184.
32. Smith J.M., Jr. Mongol Society and Military in the Middle East: Antecedents and Adaptations. *War and Society in the Eastern Mediterranean, 7th and 15th Centuries*. Lev, Yaacov (ed). The Medieval Mediterranean Peoples, Economies, and Cultures, 400–1453. Vol. 9. Leiden, Brill, 1996, pp. 249–266 .
33. Smith J. M., Jr. Demographic Considerations in Mongol Siege Warfare. *Archivum Ottomanicum* 1993–1994, no. 13, pp. 329–335.
34. Smith J. M., Jr. 'Ayn Jalut: Mamluk Success or Mongol Failure? *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1984, no. 44, pp. 307–345.
35. Smith J. M., Jr. Mongol Campaign Rations: Milk, Marmots, and Blood?. *Journal of Turkish Studies* 1984, no. 8, pp. 223–228.
36. Smith J.M., Jr. Mongol manpower and Persian population. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 1975, no. 18/3, pp. 271–99.
37. Foma Splitskiy (Thomas of Spalato). *Istoriya arkhiepiskopov Salony i Splita*. [History of the Archbishops of Salon and Split]. A.I. Solopov (tr), O.A. Akumovoi (ed.). Moscow, Indrik Publ., 1997. 404 p.

About the author: Timothy May – Associate Dean of the College of Arts & Letters and Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia, University of Wisconsin-Madison, Ph.D. (History) (University of North Georgia, 82 College Circle, Dahlonega, GA 30597, USA); Timothy.may@ung.edu

Монгольское искусство войны и стратегия цунами

Тимоти Мэй

(Университет Северной Джорджии, США)

Военные успехи монгольской империи объясняются не только превосходной тактикой и стратегией, применяемыми в сражениях, но оперативным планированием. Монголы разработали оперативную стратегию, которую я определяю как стратегию цунами из-за ее сходства с цунами или приливной волной. Экспансии империи способствовал цунамный метод завоеваний. В процессе его применения монголы вторгались в определенную область и осуществляли обширные военные операции. Приведя несколько примеров, я продемонстрировал, что их намерением, однако, не было завоевание всего региона. Напротив, после монгольского вторжения и дальнейших опустошений, только небольшая часть области включалась в состав империи. После этого новоприобретенная область подчинялась управлению и контролю монголов, а их войска располагались на границе этой территории. Вместо того, чтобы пытаться осуществить контроль над обширной территорией, которую они завоевали, монголы удерживали лишь небольшую ее часть. Таким образом, они могли управлять ею при использовании небольшого числа войск, чтобы иметь в боеготовности основную часть своих сил на ее периферии.

Ключевые слова: монгольское искусство войны, Закавказье, королевство Венгрии, хорезмийская империя, Чормаган, стратегия цунами.

Сведения об авторе: Тимоти Мэй – заместитель декана в Колледже гуманитарных наук, профессор истории Центральной Евразии в Университете Северной Джорджии, Ph.D. (история) (Университет Северной Джорджии, 82 округ колледжа, Далонга, Северная Джорджия 30597, США); Timothy.may@ung.edu

Вооружение и военная организация войск Монгольской империи (первая половина XIII в.)

М.В. Горелик

*(Институт востоковедения
Российской Академии наук)*

В статье рассматриваются проблемы формирования военной организации Монгольской империи в первой половине XIII в. Подчеркивается, что вопросы, связанные с изучением вооружения и военной организации монголов в период завоеваний Чингиз-хана и его ближайших потомков, являются сложными и вызывают дискуссии. Война играла первостепенную роль в истории государств Чингизидов и уровень военного дела в Монгольской империи стоял на более высоком уровне развития. Одной из сложнейших проблем является состав войска Бату-хана, включавшего контингенты не только монгол, но и других тюркских племен, а также народов Волго-Уральского региона и Северного Кавказа. Монгольские владыки строили свою военную машину прежде всего на степной центральноазиатской традиции, которой они придали во много оригинальный вид. Классически степной является десятичный принцип организации воинских контингентов, разделенных на десятки, сотни, тысячи и десятитысячные корпуса. В тактическом плане войско монгольской империи в полевом бою оставалось типично и традиционно кочевническим, используя давно известные приемы – атаки с ложными отступлениями, приводящими противника в засады, постепенный, волнообразный ввод сил в битву, сосредоточение сильного резерва, выпускаемого в самый решительный момент, «хоровод» – построение конных лучников перед строем противника в бесконечно вертящийся круг, так что враг постоянно находился под плотным обстрелом с минимального расстояния. Все эти приемы, эффективные сами по себе, в условиях жесточайшей дисциплины становились много результативнее, что и обеспечивало преимущество монгольской армии. Вооружение монгольских воинов было разнообразным и включало весь комплекс метального оружия и оружия ближнего боя. Новинкой монгольских войск было широкое использование защитного вооружения, а основу войска составляли конные латники, именно их удар на поле боя был решающим. Вооружение войск чингизидов было не только разнообразным, эффективным и красивым, но было именно монгольским, со своими характерными признаками, отличающими его от военного снаряжения современников.

Ключевые слова: Монгольская империя, Чингизиды, монгольские завоевания, военное дело, вооружение, военная организация, конные латники, лук и стрелы, оружие ближнего боя, доспехи и защитное вооружение.

Война играла первостепенную роль в истории государств Чингизидов, как, впрочем, и всех государств Средневековья. Другое дело, что достаточно долго уровень военного дела Чингизидов стоял на более высоком уровне, нежели у их соседей и, зачастую, жертв, что и проявилось в обширных и сравнительно быстрых завоеваниях, а также в том, что военная опасность для государств Чингизидов очень долго исходила не от их соседей, бывших в той или иной степени в подчинении у Чингизидов, а от собственных родичей, деливших территории, захваченные «Золотым родом».

Уровень военного дела определялся организацией, военным искусством, вооружением и мобилизационными возможностями государства. Экономика здесь играла роль вполне опосредованную: ведь даже имея недостаточно развитую и объемную производственную базу, можно поставить на службу собственным военным нуждам производственную базу и экономику подвластных сообществ, что и было блестяще продемонстрировано монгольскими завоевателями на первых этапах их правления в завоеванных странах.

Одной из сложнейших проблем является состав войска Бату-хана, подчинившего территории, на которых образовалась Золотая Орда. Существует мнение, опирающееся на текст «Джами ат таварих» Рашида ад-дина, что в нем было всего 4000 монголов из племен сиджиут, кингит и хушин, и «В настоящее время (конец XIII – начало XIV века – М.Г.) большая часть войска есть

потомство этих четырех тысяч, а что прибавилось за последнее время, – то из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» [14, с.274–275]. Вместе с тем, тот же Рашид ад-дин сообщает, что грандиозные походы, которые в нашем обыденном сознании совершал Бату-хан, на деле были предприятиями всего «Золотого рода», который был представлен множеством внуков основателя империи, каждый из которых предводительствовал подвластными именно ему ополчениями конкретных монгольских племен. Здесь стоит заметить, что, вопреки распространенному мнению о разрушении Чингиз-ханом племенной структуры монгольского общества, основатель империи разрушал и уничтожал не столько племенную структуру, сколько конкретные непокорные и враждебные племена. Последних обычно раскассировали, превращали в зависимое сословие. Военно-политическая же структура монгольской составляющей чингизидских государств представляла собой достаточно органичное сочетание племенного и военно-административного принципа [13, с. 80–112; 10, с. 169–180, 185–195]. И хотя после походов царевичи, чьи владения располагались вне территории Улуса Джучи, должны были увести с собой подвластных воинов-монголов, племенной состав (пусть даже он был и псевдоплеменным – здесь важно самосознание и традиция) кочевых татар Восточной Европы XV–XVII вв., будь это ногайцы, крымцы или липки, имел, судя по названиям, чисто монгольский вид. Причем названия этих монгольских племен – манхунд (мангыт, мангит), джалаир, хункирад (кунграт) – племя матери Бату-хана, ширин, баарын (барын), найман и др. [см.: 10, с.169–180; 11, с.60–82] Следовательно, «монгольскость» жила и поддерживалась в правом крыле (Ак-Орде) Улуса Джучи как в среде знати, так и в среде кочевников. По целому ряду признаков видно, что она существовала не только «в головах», но и в ряде вполне осязаемых признаков: не говоря о комплексах материальной культуры (о чем речь пойдет ниже), известно, что монгольский язык был официальным языком ханской канцелярии Золотой Орды до последней четверти XIV в., а такой весьма интимный этнический признак, как прическа, зафиксирован именно в монгольской форме (бритое темя и косички, свернутые в кольца, у висков) у ордынской знати итальянскими путешественниками еще в XV в.

Итак, судя по нематериальным источникам, в Восточную Европу с монгольским нашествием была внедрена из Центральной Азии мощная центральноазиатская тюрко-монгольская культурная составляющая. Причем ее объем и чисто физически был больше, нежели это можно предполагать из текста Рашид ад-Дина: выше мы увидели несовпадение монгольской племенной номенклатуры у великого персидского историка с той картиной, которую на явила племенная номенклатура татарской степи XV–XVII вв.

Очень важным, особенно в рамках настоящей книги, является вопрос о наличии в среде завоевателей Восточной Европы этнических татар. Ведь существует мнение, что «татары» батыева воинства – экзотоним, обозначающий монголов, как это было от Китая до запада Европы. Однако, если мы обратимся к труду Рашид ад-дина, то увидим собственно татар – из племени алчи – на вершине властной пирамиды дома Бату. Так, к этому татарскому племени принадлежали главная жена Бату – знаменитая Боракчин, а также супруга хана Туда-Менгу. Не говоря уже о том высоком положении в монгольском истеблишменте, которую занимали царицы, можно утверждать, что каждая из них вводила во власть свою родню. Входили ли в круг царицыных родичей упомянутые Рашид ад-дином старший эмир эпохи Бату Турэ-Кутлуг и улуг карачибек времени Менгу-Тимура Бек-Тимур (оба из алчи-татар) – сказать сейчас трудно. Зато нетрудно догадаться, что за каждым из них стояли тысячи татар более низких рангов и просто рядовых. Вся эта масса представителей центральноазиатских степей принесла в Европу именно чингизидскую культурную традицию. В середине XIII в. собственно татарская традиция, вполне самобытная и хорошо отличимая в XI–XII вв. от собственно монгольской, уже слилась с монгольской, внося свои разновидности головных уборов, украшения их перьями, свои покрои верхней одежды и ее деталей. Для немонголов и нетатар это уже был единый комплекс – комплекс чингизидской культуры [см.: 10, с.140–167].

Судя по более поздней номенклатуре племен Джучиева улуса в войсках, приведенных чингизидами в Европу были китаи-кидани – моноязычные предшественники монголов в деле создания империй. Надо сказать, что их богатейший военный и административный опыт был полностью усвоен чингизидами. Причем китаи в монгольской империи были разные: центрально-восточноазиатские, попавшие под власть чжурчжэней и предавшиеся Чингиз-хану, и среднеазиат-

ские кара-китаи, ушедшие из захваченных чжурчжэнями земель и более ста лет владевшие большей частью Туркестана до захвата их новой родины монголами.

Из Центральной Азии с войсками чингизидов в Европу пришли воины тибетоязычного народа минягов-тангутов. Они упоминаются в письменных источниках, именование «тангут» мы находим в более поздней кочевнической номенклатуре степного региона от Восточной Европы до Средней Азии. Их военная традиция была очень близка киданьской и монгольской.

Следующей составляющей воинских контингентов Золотой Орды явились – кыпчаки. Этот очень важный этнический компонент был, несомненно, переоценен (для золотоордынского общества) в мировой, особенно в отечественной науке. Кыпчаки отождествлялись (и отождествляются большинством исследователей до сих пор) с домонгольскими обителями южнорусских степей – половцами древнерусских летописей, кунами и куманами европейских хроник. Однако недавно С.Г. Кляшторный показал, что при всей близости кыпчаки отнюдь не тождественны племенным объединениям сары, кун и кай, которые и были теми самыми половцами и кунами [см.: 12, с. 125–141]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что первый массив кипчаков был приведен в Восточную Европу ханом Бату во время его европейских походов и завоеваний. В дальнейшем кипчакская составляющая могла увеличиваться за счет ее притока вместе с ханами левого крыла Улуса Джучи, которые часто занимали престол Сараев. Что касается половцев, то они в значительной части были уничтожены войсками чингизидов, частично бежали от них, откочевав на запад – в Венгрию, Болгарию и другие страны Центральной Европы, частично были депортированы на восток. И лишь какая-то часть, не слишком большая, продолжала кочевать в южнорусских степях. Это были остатки подданных тех половецких ханов, которые сначала бежали от чингизидов, а позднее под давлением обстоятельств вернулись, когда миновала гроза собственно завоеваний (ханы Тигак и Ульдамур), а также остатки подданных тех ханов, которые погибли за десятилетия нашествия или были депортированы со своими кланами и нукерами в Центральную Азию.

Характерно, что никакого следа от племенной структуры половцев в результате монгольского завоевания в Восточной Европе не осталось: монгольская племенная номенклатура полностью вытеснила тюркскую. Эту ситуацию несколько не изменили и переселения на запад кипчаков: их родоплеменные названия не зафиксированы западнее Яика. Это еще раз говорит о такой принципиальной и полной монголизации, проведенной Бату и первыми ханами его дома, какой не было и в помине в улусах Орду, Чагатай и Хулагу. Ведь восточнее Яика мы наблюдаем наличие обильнейшей тюркской племенной номенклатуры, как домонгольской, так и более поздней, органично переплетенной с монгольской и иной центральноазиатской племенной номенклатурой.

Следующим этническим компонентом, появившемся на юге Восточной Европы вместе с монгольским завоеванием Рашид ад-дин называет маджар. Этот термин для мусульманских авторов имеет обычно двоякое значение. Чаще всего им последовательно обозначаются башкиры, кстати, согласно источникам, добровольно и охотно присоединившихся к монгольским завоевателям. В иных же случаях этим словом обозначены аборигены «Великой Венгрии» – кочевые венгры-мадьяры, оставшиеся в Волго-Яицких степях после ухода в начале IX в. основной массы венгров на запад. Как бы там ни было, башкиры ли, мадьяры ли, либо и те, и другие вместе – они, несомненно, в достаточном числе появились много западнее Яика с войсками чингизидов.

В последнее время в науке широко дискутируется проблема, связанная с многочисленными находками в Поволжье и западнее предметов – обычно железных, часто с серебряной таушировкой деталей ременного снаряжения: поясов, сбруи, и т.п., относящихся к аскизской археологической культуре, то есть культуре енисейских кыргызов. Эти находки привели ряд исследователей к выводу о физическом присутствии носителей этой культуры в предмонгольское время в Волго-Камье. А материалы Золотаревского городища – болгарского укрепленного поселения, погибшего в результате боевых действий, породили даже гипотезу о целом кыргызском гарнизоне (на болгарской службе?!), защищавшем укрепление и героически павшем от рук монгольских завоевателей.

На деле же массив аскизских предметов мог попасть в Восточную Европу опять-таки и только с войсками монголов. В домонгольское время сколько-нибудь массовое попадание центральноазиатской ременной гарнитуры в Поволжье и западнее исключено. Дело в том, именно Волжская Булгария была с XI в. на пространстве от среднего Днепра до Зауралья не просто основным производителем, но практически монополистом производства и торговли такой престижной, высокоспециализированной, массовой и в то же время дорогой, то есть очень высококорентабельной продукции, как ременная гарнитура. И уж, конечно, никакой конкуренции от кыргызов, живших ты-

сячами километров восточнее, болгары бы не потерпели. В крайнем случае, они могли выступить покупателями каких-то образцов кыргызского экспорта – с целью собственного употребления или перепродажи. Но они совсем не были заинтересованы в популяризации кыргызской торовтики, и уж тем более в наличии под боком живых носителей этой ремесленной традиции, грозящей подорвать собственно болгарское ремесло. Кроме того, в сознании многих авторов «монгольская эпоха» наступает с 1237 г. – времени Батыева нашествия на Восточную Европу. Но для исследователя территорий восточнее Волги эта временная aberrация оказывается чреватой многими заблуждениями. Обращаясь к кыргызской проблематике, подчеркнем, что для кыргызов «монгольская эпоха» началась в 1207 г. с их присоединения к монгольской державе. И присоединил их не кто иной, как Джучи, отец Бату, Орду, Берке и других принцев, ведших потом завоевание Восточной Европы. Естественно предположить, что искусные кыргызские торовты попали в распоряжение дома Джучи, и их изделия стали традиционно использоваться подчиненными джучидских царевичей. Причем сначала к ним попали вещи не новые, сделанные еще в XII в. Позже и мастера, и их традиция, и их изделия вместе с воинами джучидов передвинулись к западу, уже с 20-х гг. XIII в. базируясь в казахских степях, по соседству с Булгарией. Контакты продолжались в течение 10 лет – срок, огромный для развития и контактов в любом ремесле. Так что иллюстрирующий миф о болгаро-кыргызской антимонгольской дружбе богатый материал Золотаревского городища – болгарского пограничного форпоста в Посурье в своей аскизской части свидетельствует лишь о том, что павший в битве за это поселение отряд войска Бату был либо кыргызским по составу, либо традиционно обслуживался кыргызскими торовтами [См.: 9, с.160–162].

Теперь взглянем на то состояние, в котором находилось воинство завоевателей чингизидов во второй трети XIII в. – в период захвата ими европейских территорий. К этому времени ими уже были захвачены и присоединены территории южной и западной Сибири, севера Китая, Тангута, Восточного Туркестана, Мавераннахра, Хорезма, севера Ирана и Кавказа. Все эти земли, включая и территорию самой Монголии, были давними и развитыми центрами военного, производства оружия и воинского снаряжения, а Китай и мусульманские регионы еще и центрами военной инженерии. Тем не менее, монгольские владыки строили свою военную машину, прежде всего на степной центральноазиатской традиции, которой они придали во многом оригинальный вид.

Совершенно, классически степной является десятичный принцип организации воинских контингентов, разделенных на десятки (*арбан*), сотни (*джагун*), тысячи (*минган*) и десятитысячные корпуса (*тумен*). При этом родо-племенная структура монгольских этносов разрушалась только в тех случаях, когда племенное объединение было очень крупным, представляло до вхождения в империю Чингиз-хана и его потомков прочное политическое объединение государственного типа и было откровенно враждебно клану Чингиз-хана. Таковыми оказались найманы, в меньшей степени кереиты, а в самой большой степени – татары. Такие враждебные объединения раскассировались и распределялись между царевичами и высшей военной и придворной знатью. Делились и дружественные монгольские племена, но только в силу их многолюдности, для удобства образования военных подразделений и эффективности командования. Небольшие, в то же время заслуженные (перед родом Чингиз-хана) племена целиком являлись и воинскими соединениями. К таковым можно отнести, например, племена манхуд (мангыт) и уруд. В процессе военно-государственной организации враждебная родо-племенная монгольская знать уничтожалась, и ее место занимали члены чингизова клана либо заслуженные лица, назначенные лично каганом. Знать дружественных клану Чингиз-хана племен оставалась на своих местах, переходя под сюзеренитет кого-либо из назначенных каганом чингизидов. При этом ее старались привязать к правящему роду брачными узами.

Что касается немонгольских воинских соединений, то здесь важную роль играл хозяйственно-культурный тип присоединенного этноса. Ситуация с тюркоязычными кочевниками походила на таковую с монгольскими племенами, хотя тюрки стояли, конечно, ступенью ниже. Что же касается контингентов, поставляемых регионами с развитой оседло-земледельческой культурой, практически вне зависимости от их этноязыковой принадлежности – будь это тюркоязычные уйгуры и кыргызы, тюрко- и ираноязычные народы Средней Азии, тибетоязычные тангуты или тунгусоязычные чжурчжэни, монгольским владьям еще проще было вводить десятичную систему комплектования. Кроме того, эти народы выставляли специальные контингенты, которые не могли быть выставлены кочевниками – пехоту и инженерные части. Несомненно, что именно мастера из этих регионов формировались в производственные объединения, походные мастерские,

обслуживавшие резко увеличившиеся потребности в вооружении и снаряжении имперского чингизидского войска.

Более сложной была ситуация с киданями. Монгольским владыкам они были этнически и культурно вроде бы ближе других, немонгольских народов. Более того, восточные кидани, некогда побежденные чжурчжэнями, выступили на стороне монголов. Но они успели за 300 лет сильно (в глазах монгольской знати) окитаиться в культурном отношении, да и лояльности их по отношению к Чингиз-хану хватило ненадолго. И их постигла участь недружественных монгольских государственно-племенных образований. То же можно сказать и о западных киданях – восточно-туркестанских и среднеазиатских кара-китаях. Тем не менее, мы можем констатировать, что складывающаяся имперская армия Чингиз-хана и его потомков практически целиком была построена на принципах армии киданьской империи Ляо X–XII вв. Не случайно главным советником по организационным вопросам как самого Чингиз-хана, так и его преемника и сына – Угедея был представитель царского рода киданей – Елюй Чуцай.

Воинские силы монгольской империи можно подразделить на три основных категории. Основную составляли монгольские формирования, целиком являвшиеся конными. Элитой являлась гвардия кагана – *кэшиг*, достигавшая размеров *тумэна* – 10 000 бойцов. Кроме каганской гвардии, в элиту входили и гвардейцы принцев чингизова клана. Гвардия формировалась прежде всего из сыновей монгольской знати, их близких друзей. Все гвардейцы должны были обладать высокими боевыми достоинствами, поэтому в гвардию попадали победители спортивных праздников – *надамов* – лучшие стрелки, наездники и борцы. Третью категорию составляли войска *танма* – формирования «инородцев». Они включали воинов, набиравшихся в качестве «дани кровью» из расчета одного из десяти имевшихся в наличии боеспособных мужчин. Такая мера касалась стран с оседлым населением. Несомненно, что мобилизационная мера кочевников была более высокой. Командовали соединениями «инородцев» всегда монголы – *танмачи*. В Европе они были прекрасно известны под тюркским синонимом – *баскак*. В военных действиях соединения танма действовали всегда вместе с монгольскими соединениями и использовались, во-первых, по своей специализации (пехота, инженерные части), во-вторых, в самых опасных направлениях и участках, выставлялись перед монгольскими отрядами (конница).

Основным нововведением Чингиз-хана явилась войсковая дисциплина, и не столько сама по себе, сколько та свирепость, с какой она поддерживалась. Это объясняется военной практикой Темучина, натерпевшегося от степной вольности в военных делах, когда по вине недисциплинированных союзников он проиграл немало серьезных сражений и целых кампаний. Поэтому установления Чингиз-хана карали смертью за любые дисциплинарные нарушения, могущие привести к утрате преимущества. Смертью каралось бегство в бою, оставление соратника в опасности, грабеж обоза противника до полного завершения сражения и т.п. Причем в наказании действовала круговая порука: вместе с непосредственным виновником казнили весь десяток, вместе с виновным десятками казнили сотню.

В тактическом плане войско монгольской империи в полевом бою оставалось типично и традиционно кочевническим, используя давно известные приемы – атаки с ложными отступлениями, приводящими противника в засады, постепенный, волнообразный ввод сил в битву, сосредоточение сильного резерва, выпускаемого в самый решительный момент, «хоровод» – построение конных лучников перед строем противника в бесконечно вертящийся круг, так что враг постоянно находился под плотным обстрелом с минимального расстояния. Все эти приемы, эффективные сами по себе, в условиях жесточайшей дисциплины становились много результативнее, что и обеспечивало преимущество монгольской армии [Подробнее см.: 2, с.155–160].

В отличие от войск других кочевников, но в полном соответствии военной традиции империи киданей войско монгольской империи активно и результативно использовало инженерию в исполнении инородцев. Китай предоставил монгольским войскам камне- и стрелометы, действующие силой огромных луков или целой системы таких луков; камнеметы, в которых укрепленный на вертлюге шест с «ложкой» для снаряда на одном конце метал этот снаряд силой человеческих рук, одновременно дергавших веревки, прикрепленные к другому концу шеста; осадные передвижные башни, искусство ведения подкопов; наконец, пороховые снаряды – сосуды и ракеты. Мусульманская – из Средней Азии и Ирана – осадная техника была представлена мощными камнеметами, работавшими на основе противовеса. Активное и массовое применение осадной инженерии привело к появлению собственно монгольских военных инженеров и целых инженерных

династий. Опять-таки продолжая киданьскую традицию, монгольские полководцы использовали гидротехнические средства – создавали плотины, накапливая необходимую массу воды, которую, разрушив в нужный момент плотину, выпускали в нужном направлении – затапливая лагерь противника, разрушая напором воды осаждаемые укрепления. С теми же целями они разрушали и имеющиеся гидротехнические сооружения на земле противника.

Все эти трудоемкие работы монголы, следуя киданьским традициям, выполняли быстро и организованно руками масс захваченных на земле противника пленников и мирного населения. Эти контингенты, называвшиеся толпой (*хашар*), подвергались самому бесчеловечному обращению и быстро гибли тысячами, так как их не кормили и не снаряжали. Обращение с населением вражеской страны обычно имело характер террора: жители сопротивлявшихся городов уничтожались поголовно, за исключением некоторых категорий специалистов-ремесленников. Часть мужчин определялась в толпу, которая подвергалась истреблению со стороны своих соотечественников во время осадных работ, либо от голода и природных условий вне этих действий. Практика террора также была унаследована от киданей, которые в этом отношении даже превосходили своих наследников. Пощаду у монголов находили только сразу, до начала военных столкновений, сдавшиеся их владыкам города, государства, общины.

Большое развитие у монголов достигло штабное дело, то есть плано-стратегическое обеспечение будущих военных действий. Штабом служила орда – ставка повелителя, а мозговой центр состоял из представителей царствующего рода, заслуженных полководцев и союзных владык. Орда же была и местом воспитания командных кадров, которые черпались из состава гвардейцев-кешиктенов. Огромная роль в планировании военных действий придавалась разведке – политической, военной, экономической. Роль разведчиков часто играли купцы – как монгольские, так и, особенно, мусульманские купцы из Центральной Азии. Кроме собственно сбора разведывательных данных, агенты монголов распускали панические слухи, нагнетая атмосферу страха и неуверенности, подрывая моральный дух населения и войск будущего объекта нападения. Стоит отметить, что слухи эти были сущей правдой – оправдывались самые ужасные опасения. Вместе с тем, когда империя Чингиз-хана сложилась именно как империя, знать и наиболее способные представители покорившихся стран могли сделать, наряду с монголами, очень успешную карьеру, в том числе и военную, при дворах ханов и кагана.

Обратимся к вооружению и снаряжению монголо-татар, приведенных чингизидами в Восточную Европу [см.: 5; 15].

Известный российский оружейвед А.Н.Кирпичников писал, что монголы не принесли на Русь ничего нового в сфере вооружения. В определенном отношении он прав, но и не прав также [Итоги дискуссии см.: 4, с.266–268; 7, с.47–58]. Неправота его касается того именно, что в восточную Европу войска чингизидов принесли массу новых форм и вариантов вооружения. А вот для Центральной и Восточной Азии комплекс монгольского вооружения был вполне типичным, а в кое-каких формах – даже архаичным (что отнюдь не снижало эффективности этого оружия). Кроме того, надо учесть, что к рубежу первой-второй трети XIII в., когда отряды Джучидов вплотную приблизились к границам Булгарии, на монгольские войска уже более десяти лет работали оружейники северного Китая – чжурчжэни, кидани, китайцы, мастера из оазисов Восточного Туркестана и Тангутских городов, оружейники Западной Ляо (государства кара-киданей), и около десяти лет – оружейники завоеванной империи Хорезмшахов, включавших Среднюю Азию и северные районы Ирана (и нынешнего Афганистана). При этом, как подчеркивал Рашид ад-дин, вне зависимости от происхождения мастера делали для монголов – под строгим присмотром монгольских оружейников – оружие именно и только монгольского типа. При этом, в деталях, в отделке могли просматриваться и местные формы и мотивы. И, конечно же, сами монголы ни на минуту не оставляли оружейного производства.

Основным и самым распространенным – практически поголовно – оружием монголов был лук со стрелами. В армянских хрониках монголы прямо названы «народом стрелков». Киликийский царевич Гетум (Гайтон) специально отмечал, что – в отличие от других – когда монголы начинают обстрел из луков «сразу бывает очень много убитых и раненых». Исключительная, необычная эффективность лучного боя монголов отмечали и европейские их противники. Эта эффективность практически затмила остальные слагаемые монгольского боя – копейный удар латной конницы, рукопашную сечу клинковым и короткодревковым оружием [2, с.155–160].

Классический монгольский лук был плодом долгой эволюции этого вида оружия в Центральной Азии и к XIII в. был весьма совершенным, сложным и дорогим инструментом. Он относился к типу сложносоставных луков, то есть составленных из пяти основных отдельных частей – рукояти, двух плеч и двух длинных, слегка изогнутых рогов, каждая из которых состояла из нескольких слоев разнородных материалов – дерева (березы и сосны), рога, кости, вареных сухожилий и бересты. Все эти слои и части долго и тщательно подгонялись друг к другу и соединялись животным, предпочтительно рыбьим клеем, допускавшим – при совершенной прочности соединения – некоторой подвижности частей относительно друг друга. Характерным признаком монгольского лука была костяная накладка на «брюшную» сторону рукояти в виде двустороннего весла. Древяно такого лука представляло собой сильно растянутую М-образную форму. Тетива делалась из толстых жил или плелась из кожаных полосок. Лук был большим – с надетой тетивой его длина составляла около 1,5 метров. Обладал он и большой силой натяжения – от 40 до 80 кг. Неудивительно, что стрела, пущенная и такого орудия, летела далеко и обладала большой пробивной силой. Так, до нас дошла надпись на камне, найденном на Хирхиринском городище в Бурятии, в которой монголо-уйгурским письмом описан выдающийся выстрел, произведенный известным принцем Есунхэ (1190–1270), внука Чингиз-хана и сына Хасара, и имевший место «после сартаульского похода» (то есть после завоевания Хорезмской империи): дальность выстрела составила 335 сажень или 536 м. Лук обладал не только чисто функциональной красотой – совершенством формы, дымчатой гладью роговых подзоров на брюшке, белой гладью костяных парных накладок рукояти и рогов, мягким золотистым цветом берестяного покрытия спинки. Поверх бересты плечи лука нередко оклеивались тонкой кожей и расписывались яркими красками и золотом. У сложносоставного лука был только один существенный недостаток – при дожде и вообще повышенной влажности он отсыревал и резко терял силу, так что практически был бесполезен. Этот недостаток в какой-то мере компенсировали лаковым покрытием, но оно было доступно далеко не для всех и не везде: ведь природный лак получали только в Китае. Поскольку лук делался из органических материалов, рано или поздно он «умирал». Прежде всего от минерализации вареных сухожилий, наступавшей примерно через 100 лет.

Надо полагать, что именно в течение полутора десятков лет после «сартаульского похода» в войсках монгольских предводителей освоили другой тип сложносоставного лука, распространенного на Среднем и Ближнем Востоке. Этот лук имел почти арочную форму, короткие изогнутые рога (каждый из рогов имел только одну, снабженную сверху вырезом для тетивы, роговую накладку – со «спинной» с внешней стороны), а размеры его составляли лишь 1–1,2 м. Однако, несмотря на скромные размеры, такой лук мало чем уступал классическому центральноазиатскому луку.

Монгольские стрелы имели длинное – 70–80 см – древяно, тщательно выструганное из дерева (обычно из березы) в форме вытянутой сигары и окрашенное, как правило, в красный цвет с дополнительными полосками-метками. Наконечники, вбитые в древяно длинными черешками с упором, имели самую различную, в зависимости от функции, форму пера. Стрелы с разными функциями и, соответственно, формами наконечника имели у монголов и разные наименования – хорцах, учумах, годоли, томар. Кардинально наконечники подразделяются на бронебойные и предназначенные для поражения незащищенного металлическим доспехом тела. Первые характеризуются довольно узким, похожим на лист ивы, силуэтом и сечением в виде ромба. Остальные – плоские в сечении (за исключением трехлопастных, с отверстиями в лопастях, вероятно, кыргызского происхождения), ромбической, подтреугольной (с прямым или чуть округлым лезвием), кунжутolistной (специфически монгольской) и двурогой формы. Надо отметить, что принятое среди специалистов деление на бронебойные и небронебойные достаточно условно. Ведь бронебойные хороши для пробивания кольчуги, которая, как мы увидим выше, совсем не характерна для Центральной и Восточной Азии. В то же время плоские, с ровным или чуть выступающим или вогнутым округлым лезвием, или узкие долотообразные наконечники, судя по письменным источникам и этнографическим наблюдениям, обладают огромной эффективностью (при наличии, разумеется, мощного лука). Отличительной особенностью монгольских наконечников стрел были большие размеры значительного их числа. Марко Поло отмечал, что стрелы с наконечниками крупных размеров применялись для прицельной стрельбы с близкого расстояния, с более мелкими наконечниками – для массированного настильного обстрела, а двурогие – для разрезания тетив у луков противника. Этот фрагмент мемуаров великого итальянца во многом объясняет эффективность монгольского дальнего боя. Ведь если при помощи очень мощного лука с близкого –

20–30 м – расстояния (а именно такое расстояние соблюдалось между вертящимся монгольским строем «хоровод» и линией фронта противника) прицельно метать стрелы с большими наконечниками, то, естественно, будет «сразу много убитых и раненых», так как стрелы почти всегда будут попадать в незащищенные участки и никакой доспех не спасет.

Для лучшей прицельности монгольские стрелы снабжались оперением, обычно трех, реже четырехлопастным. А некоторые стрелы были оснащены костяными, роговыми или деревянными свистунками – полыми, шарообразной формы, надеваемыми на древко под наконечником. При полете такая стрела издавала весьма неприятный визг. Одиночное выпускание воющей стрелы могло служить сигналом, массовое – подавлять волю противника, пугать его лошадей.

Захват тетивы для натягивания лука производился большим пальцем правой руки, при этом конец указательного пальца опускался поверх ногтя большого, придерживая яблочко древка стрелы на тетиве. Поскольку сила лука была очень велика, а усилие по натягиванию совершалось только сгибом большого пальца, то для предохранения этой точки тела надевалось специальное кольцо специфической формы. Изготавливали его монголы из кости, рога, богатые могли пользоваться китайскими нефритовыми экземплярами или иранскими из драгоценных металлов. Описанный способ натягивания тетивы получил в науке XIX в. название монгольского, хотя впервые он зафиксирован в Китае еще XIII в. до н.э. – судя по находке нефритового кольца для натягивания.

Лук хранился в кожаном налучье, выкроенном в форме половинки лука с надетой тетивой, и крепившемся к портупее с левого бока (у левшей – с правого). Стрелы же помещались в колчан, которые у монголо-татар существовали в двух разных вариантах. Первый вариант представлял собой длинный, расширяющийся книзу уплощенный пенал с плоским доньшком; сверху он имел коробчатый приемник, расширявшийся кверху, внешняя сторона которого служила крышкой, открывавшейся вбок или вниз. Колчан изготавливался из бересты на каркасе из деревянных или, реже, железных прутьев, с деревянными деталями. Стрелы в таких колчанах помещались целиком, оперением вниз (чтобы перья не мялись, и придумало было расширение кочана книзу), наконечниками вверх. К портупее такие колчаны подвешивались с правого бока (у левшей, разумеется, наоборот), в диагональном положении, приемником (и, соответственно, наконечниками) вперед и вверх. Эта разновидность колчана продолжала старую центральноазиатскую традицию еще середины I тыс. н.э. Монгольской особенностью был округлый, часто выступающий за боковины верх коробчатого приемника. Колчаны этого типа подвешивались к портупее обычно за костяные петли. Сам колчан частично облицовывался костяными пластинами с гравировкой. Система декора этих пластин является собой великолепную отрасль чисто монгольского, кочевнического прикладного искусства, с его растительными, животными и геометрическими мотивами, представляя собой подчас подлинны шедевры искусства. Реже костяным гравированным убором украшали монголы налучи.

Вторая разновидность колчана представляла собой плоскую подпрямоугольную коробку из толстой кожи или шкуры. Стрелы помещались в такой колчан на половину длины, наконечниками вниз, оперением вверх. К портупее эти колчаны крепились с того же бока, что и колчаны первого типа, также по диагонали, но отверстием вверх. Для того, чтобы разделять стрелы разного назначения, употребляли длинный хвост кошачьего хищника; он крепился к верхнему углу колчана и продевался между пучками стрел с разного типа наконечниками. Такие колчаны появились в IX–X вв. и связаны с киданьской традицией. Того же типа колчаны использовали и татары, но они еще и обертывали верхнюю часть стрел тканью.

Колчан и налуч носились на специальном «стрелковом» поясе. У монголов он часто имел очень оригинальную форму – кроился из кожи в виде узкого конусообразного корсета с лопастями, отходящими вниз, к которым и крепились налуч и колчан. Либо же стрелковый пояс имел вид узкого ремешка, снабженного бляхами-пронизьями с петлями внизу для крепления налуча и колчана. Обычно стрелковые пояса застегивались на крючок, которым оканчивалась пластинка, крепившаяся на одном из концов ремня. Иногда же ремень, особенно широкий, мог застегиваться рамочной пряжкой с иглой.

Оружием второго удара – прямой сшибки – для монголо-татар было копьё. Представление, что копейному бою монголы научились у русских, поскольку копейный бой кочевникам не свойственно, совершенно неверно и в целом, и в частности. Этому противоречат и многочисленные археологические находки наконечников копий в кочевнических погребениях еще с эпохи древности, и лингвистический материал (в древнетюркском, например, понятие «сражаться» дословно звучит как «биться копьями»), а монгольское название копья «джида» вошло в ряд языков, как на-

звание метательного копья – дротика (в турецкий – «джид», арабский – «джерид», русский – «джид» – несколько дротиков в одном футляре, белорусский – «дзида»), и материал изобразительный. Подчеркнем, что идея об отсутствии у монголо-татар копейного боя предполагает и отсутствие у них основного признака средневекового конного воинства – тяжеловооруженных копейщиков, чей таранный удар обычно решал исход сражения.

Наконечники копий, наиболее часто употреблявшиеся монголо-татарами, можно отнести к двум основным типам: с нешироким ланцетовидным пером, в сечении ромбическим или линзовидным с осевым ребром, и с пером в виде различной длины узкого заостренного к концу четырехгранника. Именно такие наконечники специально предназначены для пробивания доспехов противника. Реже применялись наконечники с плоским пером ромбической формы, а также специфические, упрощенные в изготовлении ножевидные, с одним лезвием, наконечники. Не исключено, что этот тип восходит к древней восточноазиатской традиции однолезвийных наконечников копий. Редко, но все же встречаются среди находок монголо-татарских наконечников копий образцы, снабженные крюком под пером. Подобные наконечники очень ярко описаны Плано Карпини, который пояснял, что этими крюками монголо-татары очень ловко стаскивают с седла противника. Как теперь понятно из материалов раскопок на Дальнем Востоке, подобные детали восходят к чжурчжэньским образцам. Но у чжурчжэней это устройство было гораздо более сложным и многофункциональным. Кроме намертво прикрепленного к втулке крюка, оно могло иметь вид плоского клинка и вогнутым внутренним лезвием, подвижно укрепленного в горизонтальном положении во втулке. Стаскивание противника с седла – не самая главная и эффективная функция подобного устройства: им можно было отсекать головы и руки, а когда острие копья пробивало тело врага, вместе с пером в него входил складывавшийся в этот момент клинок. Когда же воин рывком выдергивал копье из тела врага, клинок вновь принимал перпендикулярное перу положение и валил врага наземь, причиняя огромную рваную рану. С полным эффектом применяться такое устройство могло только против бездоспешного противника: тупой обух не даст клинку войти в тело врага сквозь металл брони, и в данном случае клинок выступит в роли ограничителя, мешающего слишком глубокому проникновению пера в тело врага. Так что монголы проявили известную практичность, ограничившись заимствованием у чжурчжэней только простого в исполнении крюка.

Оружием рукопашного боя монголо-татарам служили разновидности короткодревкового и клинкового оружия. Марко Поло, свидетель ряда междоусобных сражений монголов постоянно упоминает «мечи и палицы» в качестве оружия рукопашной схватки. До нас дошло много археологических остатков и изображений этого оружия.

Самым доступным из оружия ближнего боя было короткодревковое оружие – топоры, булавы и кистени.

Боевые топоры монголо-татар были нескольких разных типов. К первому типу относятся легкие топоры с длинным узким трапециевидным клинком с коротким лезвием на одной стороне втулки и молоткообразным обушком на другой. Эта форма, очень сама по себе архаичная, была, тем не менее, весьма эффективна в конном бою, так как сочетала малый вес оружия с высоким пробивающим эффектом клинка и возможностью контузить противника, оставив его живым для плена и рабства. Весьма оригинальны топоры с небольшим длиннолезвийным клинком асимметричной трапециевидной формы или в форме широкого сектора; клинки соединялись с короткими древками при помощи длинного железного черешка. Учитывая их малые размеры, можно полагать, что топоры этого типа предназначались и для метания. Эти топоры – еще одно заимствование монголов у чжурчжэней. Наконец, как бы «промежуточным» вариантом смотрятся проушные топоры с широколезвийным клинком в форме сектора с вогнутыми «радиусами» и молотковидным обушком, обладавшие сильным рассекающим эффектом.

Крайне популярна у монголо-татар была булава. Она служила не только боевым оружием, но также и знаком достоинства, ранга. Эта очень древняя функция булавы была особенно ярко выражена в столетия, непосредственно предшествовавшие монгольским завоеваниям у киданей, чжурчжэней и в сунском Китае. Там они служили оружием лейб-гвардии снабжались довольно длинными древками, подобно старинному китайскому оружию «шу».

Навершая монголо-татарских булавы ковались из железа, лились из бронзы и чугуна, вытачивались из камня и рога. Форма их была самой разнообразной: шаровидной, грушевидной, в виде «шестерни» или шайбы, сплошь усеянной мелкими острыми выступами, в виде многогранника, в форме куба с заостренными выступами на вертикальных гранях. В качестве булавы использова-

лись даже наконечники плетей. Они издавна имели клювовидный отросток для удобства держания в руке и затыкания за пояс. С XIII в. его отливают из бронзы в форме куба с пирамидальными выступами на трех вертикальных гранях и клювом – на четвертой. Не исключено, что здесь мы видим «гибрид» тюркской плети с булавой Среднего Востока.

Особенно характерным для монголо-татарского оружия типом булавы является пернач с расходящимися боевыми лопастями. Он был наиболее популярным типом, и, вероятно, именно монголо-татарами занесен в Европу.

Самым дорогим и престижным оружием ближнего боя было у монголо-татар, как у других народов того времени, оружие длинноклинковое – мечи, палаши и сабли. Его престижность объяснялась не только высокой боевой эффективностью, но и высокой специализированностью, сложностью производства хорошего клинка, возможностью искусной отделки, что все вместе делало его дорогим видом оружия. Поэтому владели им отнюдь не все воины. Плано Карпини даже утверждал, лишь знатные и богатые обладают саблями.

Монгол-татарские клинки были прямыми двулезвийными (мечи), прямыми однолезвийными, с острием, заточенным с обеих сторон (палаши) и изогнутыми однолезвийными (сабли). Спецификой палаша и сабли было и положение рукояти – слегка наклонное к лезвию. Важными признаками монголо-татарских палашей и сабель является частое наличие долов – продольных выемок на клинке, предназначенных для его облегчения и упрочения, а также специфических обоев под перекрестием, с язычком, примерно на ладонь охватывающим часть лезвия, прилегающую к рукояти. Этот язычок, предохранявший указательный палец руки и верх ножен от порезов, нередко имел фигурно вырезной край. Специфическими формами перекрестий, принесенными монголо-татарами в Европу, были перекрестия в форме плоского овала, характерные для всего востока Азии, и напускные с ромбовидной центральной частью и – в чем и заключается специфика – асимметричными, расширяющимися к концам усами.

Очень интересна проблема оборонительного вооружения монголо-татар [7, с. 47–58]. Долгое время в науке, особенно отечественной, господствовало мнение, что монголо-татары побеждали за счет дисциплины и количественного превосходства, а оборонительное вооружение у них имели лишь немногие воины-военачальники, знать, их личные дружинники-нукеры. В общем, ничтожное меньшинство. Поэтому многочисленные находки защитного вооружения в кочевнических погребениях датировали домонгольским временем, либо объясняли русским импортом. Однако и письменные, и изобразительные, вещественные источники прямо противоречат подобному нигилистическому отношению к монголо-татарскому доспеху. Обычно в свое оправдание «нигилисты» приводят вырванные цитаты из самых достоверных авторов – Плано Карпини и Рубрука. Первый отмечал, что шлемы воины Бату-хана поручают из Персии и от алан. Второй же сообщил, что за все время своего пребывания во владениях чингизидов он лишь раз видел воинов в панцирях – плохо, по его мнению, сидящих доспехах из высушенной кожи или даже шкуры. Но при этом игнорировались данные Марко Поло и европейских свидетелей монгольского нашествия на Европу, сведения восточных авторов. А все они в один голос свидетельствуют об очень высокой оснащенности монголо-татарского воинства оборонительным вооружением [15, с.31–63]. Так, секретарь султана Джалал ад-дина Манкбурны ан-Насави пишет, что перед сражением *все* монголы облачились в доспехи, а один их эпизодов монгольской хроники «Алтан Тобчи», написанной в XVII в., но включившей и более древние летописи, говорит о том, что панцири имелись практически у половины воинов. Кстати, подобную картину для Монголии рисуют и монгольские законы XVII в., повествующие о почти поголовном оснащении воинов доспехами, и указывающие на производство их в степных кочевьях. А из «Джами ат-таварих» Рашида ад-дина мы узнаем о постановке оружейного дела монголами в завоеванных оседлых странах. Он (как и его предшественники – мусульманские авторы XIII в.) пишет, что, захватив оседлоземледельческие регионы в высокоразвитым ремеслом, монголы сразу отбирали ремесленников (в том числе, и в первую очередь, оружейников). Часть их отправляли в ставку кагана, часть – распределяли в орды – кочевые ставки ханов и нойонов, а часть объединяли в больших казенных предприятиях (по персидски – «*карханэ*» – «работный дом»), где мастера, живя в подневольных условиях, часто, как показали раскопки золотоордынских городов, в землянках, получая продовольственный паек, производили вооружение для новых хозяев. При этом Рашид ад-дин подчеркивал, что делали они это под присмотром монгольских мастеров и по монгольским образцам, так как другое, немонгольское оружие монголо-татарами не признавалось годным. Отмечено также, что сразу после захвата монго-

лами севера Ирана поставленный там наместником Аргун-ака наладил на тамошней развитой базе производство оружия. Вот откуда привозилось в джучидскую степь, еще не обустроенную городами, монгольское оружие для воинов Бату. Надо думать, и аланских мастеров посадили ковать монгольское оружие, которое в таком большом числе находят археологи на Северном Кавказе.

Но вернемся к монгольскому доспеху. Можно не сомневаться, что большинство монголо-татарских воинов было защищено доступными людям любого состояния панцирями из мягких материалов. Материалами этими были многослойный толстый войлок, мягкая кожа, толстые грубые ткани. Между слоями мягкого материала делались прокладки из конского волоса, шерсти, хлопка и др., после чего все многослойные детали кроя простегивались. Мягкие панцири кроились в виде халатов до середины голеней. Те, что имели осевой вертикальный разрез, были снабжены листовидными, часто фигурно вырезными оплечьями-лопастями; другие представляли собой халат с косым – слева направо – запахом и настоящими рукавами, доходящими до запястий и довольно узкими. Рукава эти могли иметь лопасть, прикрывающую тыльную сторону ладони. Реже панцири из мягких материалов имели вид коротких – до бедер – широких кафтанов с прямым осевым разрезом и листовидными оплечьями-лопастями либо очень короткими и широкими рукавами. Сделанные описанным образом мягкие панцири были достаточно эффективны против стрел, особенно выпущенных с дальнего расстояния, против скользящего удара клинком, а особенно против удара топором или булавой. Недаром они назывались по-монгольски «хатангу дегель» («стальной халат»).

Следующим по прочности и ценности (и цене) был *хатангу дегель*, укрепленный крупными железными пластинами, пришитыми с изнанки мягкой основы. Дополнительно они еще и приклепывались к основе в двух-трех точках в одном из верхних углов пластины. Такие панцири уже могли защитить от практически от любого оружия, кроме копья. Их прочность, гибкость и вес сильно варьировали в зависимости от того, с каким нахлестом по вертикали и горизонтали располагались пластины железного подбоя. Чем нахлест был больше, тем доспех был прочнее, но зато был менее гибок и больше весил. Напротив, если пластины налегали друг на друга мало, гибкость доспеха возрастала, вес его уменьшался, но уменьшалась и прочность. Слабой стороной такой брони было то, что клинок легко рассекал его мягкую основу; зато она же скрывала от противника расположение непробиваемой брони. Такой доспех мог быть очень нарядным и дорогим, если его покрывали дорогой тканью, а головки заклепок золотили. Собственно, он и был придуман в Китае в VIII в. как панцирь императорских телохранителей – нарядная одежда со скрытым бронированием.

Еще более надежными и ценными были панцири, сделанные из твердых материалов – толстой, проклеенной из трех слоев, твердой как фанера сырой кожи, армированной железными или стальными накладками. Более простыми в изготовлении были панцири ламинарной структуры. Она состояла из полос материи шириной примерно в 10 см, а длиной – согласно месту в крое. Полосы располагались горизонтально и соединялись внахлест по горизонтали (так что верх нижней полосы перекрывал низ верхней) по вертикали кожаными ленточками, тесьмой или шнурами, продетыми через отверстия в полосах.

Самой совершенной – гибкой, прочной и сравнительно легкой была ламеллярная структура брони. Она состояла из прямоугольных вертикальных пластинок, соединенных между собой внахлест по вертикали в горизонтальные ленты при помощи тех же ленточек и т.п. через систему отверстий в пластинках. И уже эти гибкие ленты соединялись между собой по вертикали, подобно ламеллярной броне.

Все панцири из твердых материалов (включая кольчугу) монголы называли «хуяг», (по-татарски – «кюяк»), а в связи со способом соединения деталей – «худесуту хуяг» – «прошнурованный хуяг».

Ламеллярные и ламинарные доспехи имели два основных кроя. Первый представлял собой корсет-кирасу из нагрудной и наспинной половин, соединенных лямками на плечах и застежками на одном или обоих боках. К лямкам могли пристегиваться лопасти-оплечья различной длины – от середины предплечья до середины локтевой кости, а к подолу – лопасти-набедренники, опускавшиеся до середины ляжки, до колен, или до середины голеней. Второй крой представлял собой полную аналогию кроя «халат» мягких доспехов, со всеми его вариантами. Нередко об одном доспехе комбинировались – через одну – полосы ламеллярного набора и ламинарные. Панцири из твердых материалов могли быть очень нарядными. Это достигалось зеркальной полировкой металлических пластин, их золочением, включением в набор бронзовых пластин, покрытием и рос-

писью разноцветными лаками, окраской соединительной шнуровки в яркие цвета, контрастные по отношению к цвету материала брони. Украшением служили и богато украшенные каймы оплечий и подолов, сделанные из расписной и обшитой металлическими бляшками кожи, с оторочкой бахромой и мехом. На груди и спине могли укрепляться выпуклые металлические диски-зеркала, служившие дополнительной броней, орудием для отпугивания враждебных духов и, наконец, украшением панциря.

Традиция монгольских панцирей уходит – для Центральной Азии – вглубь веков – не позднее III–V вв., когда она начала формироваться, полностью оформившись к XII в. именно в чжурчжэньско-монгольском варианте [Подробнее см.: 1, с.163–208; 3, с.149–179]. Использовались подобные доспехи и в Восточной Европе [8, с. 87–102; 9, с.63–71].

Необходимо отметить, что монгольские латники не ограничивались применением одного панциря. В «Сокровенном сказании» неоднократно повторено, что знатный воин надевает сначала «хатангу дегель», а поверх него – «худесуту хуяг». Так начинается традиция ношения одновременно двух панцирей, причем панцирь из мягких материалов служит поддоспешной одеждой для панциря из твердых материалов.

Не менее часто, чем «хуяг», монгольские воины употребляли и шлем-«дулга». Он также принадлежал центральноазиатской традиции с ее характерными признаками: сфероконической и ли близкой ей формы, с тульей, склепанной из нескольких секторов, соединенных по вертикали накладками с вырезными краями, внизу охваченных обручем околыша, а сверху – воронкой или полушарием наверху с острием или трубочкой для плюмажа. Собственно монгольскими признаками шлемов, принесенными монголами на запад, были: козырьки, налобные пластины с вырезным трехчастным верхним краем и часто с дуговидными надбровными вырезами и наносниками на нижнем крае, дисковидные (иногда парные) наушники, высокие шпильки, венчающие шлем, и завершающие наверху шлемов кольца, к которым привязывалась лента, образующая два конца – чисто монгольское украшение шлема.

Монгольские шлемы всегда снабжены бармицей – из мягкого материала, ламеллярной или ламинарной, даже кольчужной. Бармицы защищали затылок и шею с горлом; кольчужные бармицы могли закрывать все лицо кроме глаз. Лицо могло защищаться и своеобразным забралом из стальных крестообразно расположенных полос, но чаще встречалась кованая маска-личина, воспринятая монголами, вероятнее всего, в 20-е гг. XIII в. на Среднем Востоке, где она известна, по меньшей мере, с X в. Вероятно, там же монголы переняли и полумаски с объемными наносниками, с выпуклыми «бровями» и «веками».

Там же, на Среднем Востоке, или в Восточном Туркестане монголы восприняли створчатые наручи-налокотники, которые занесли в Европу. К популярным защитным деталям монголов можно отнести традиционные центральноазиатские воротники-ожерелья из толстой кожи, к которым – заимствованные в Китае или Тангуте прикрытия голеней и стоп из соединенных (на кожаной основе?) горизонтальных металлических полосок.

Завершал защитное вооружение монголов щит [6, с.182–195]. Основным, и чисто монгольским по происхождению, типом щита у монголов был щит «халха», тюркский «калкан». Сама этимология этого слова, происходящего от глагола «халхасун» – «плести из прутьев», говорит о структуре щита. Действительно, и описание его Иоанном Плано Карпини, и вся его дальнейшая история, говорит о том, что «халха» делался из гибких прутьев, уложенных – начиная от деревянного умбона-основы в центре – спирально концентрически и соединенных между собой цветными нитями. В результате получался полусферической формы щит диаметром 60–90 см, очень упругий, отбрасывающий удары клинков, задерживающий стрелы, очень легкий и очень нарядный благодаря цветным узорам, который образовывали нити, соединяющие прутья. А наиболее опасные удары парировались железным умбоном, прикрывающим деревянный умбон-основу. Держали такой щит кулаком левой руки за два перекрещенных шнура, привязанных к кольцам, крепившихся к поверхности щита заклепками. Кулак воина был защищен от ушиба кожаной подушечкой, приклеенной с изнанки к умбону-основе.

Кроме плетеных, монголы использовали щиты из досок, покрытых кожей, и, вероятно, из твердой, толстой многослойной кожи. Эти щиты были значительно тяжелее плетеных, уступали им в упругости, но могли быть прочнее. Использовалось монголами и покрытие щита листами железа – частичное или сплошное. Такие щиты назывались «темир-халха». Сочетание упругой

прутяной основы и прочности железного покрытия должно было давать исключительный эффект. Надо отметить, что щит применялся реже панцирей и шлемов.

Не менее тщательно, чем сам воин, снаряжался его боевой конь, от которого напрямую зависели успехи сама жизнь всадника. Монгольское седло в XIII в. имело уже хорошо выраженные специфические особенности. Его полки были более массивны и лучше облегали спину лошади: всадник располагался выше и его вес не так давил на коня. А массивная, почти прямоугольная вертикальная передняя лука хорошо прикрывала живот всадника, тогда как отлогая задняя лука позволяла всаднику свободно двигаться в седле, особенно стрелять вбок и назад. Богатые экземпляры имели окованные чеканным серебром и золотом луки и концы полок. Бока коня и ноги всадника предохраняли от взаимного трения большие и толстые кожаные тебеньки прямоугольной, а чаще округлой формы. Они нередко красиво расписывались, тиснились, обшивались металлическими накладками. Седло, помимо подпруг, крепилось к корпусу коня папесью и пахвью, которые украшались металлическими накладками подвесками, кистями. Легкая узда, всегда носимая с недоуздкой, также украшалась металлическими бляшками, кисточками, наносными и налобными султанчиками, наузами, снабжалась пряжками и обоймицами. Все металлические детали нередко украшались, делались из драгоценных металлов.

Боевые кони знатных латников также были защищены доспехом. Его подробные описания и многочисленные изображения свидетельствуют о том, что он состоял из следующих частей: маски-налобника из толстой твердой кожи или кованого железа, состоящего из двух боковин нашейника, нагрудника, двух боковин, прикрывающих бока лошади, задника и накрупника. Конский панцирь обычно был ламелярным и ламинарным, и делался как человеческий, только пластины его были крупней, а полосы шире и длиннее. Применялись и панцири-попоны из мягких материалов. Вся традиция конского доспеха монголов опирается на богатейшую центральноазиатскую и восточноазиатскую традиции, но, как остальные элементы монгольского оружия, имеет свое определенное и характерное лицо.

Как мы убедились, оружие войск чингизидов было не только разнообразным, эффективным и красивым, но было именно монгольским, со своими характерными, отличающими его от оружия современников признаками, легко его выделявшими.

Список литературы

1. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнографии и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.
2. Горелик М.В. Степной бой // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения АН СССР, 1990. С. 155–160.
3. Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 149–179.
4. Горелик М.В. Спорные вопросы истории средневекового оружия Евразии // Военная Археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1998. С. 266–268.
5. Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: Изд-во «Техника-молодежи», 2002. 84 с.
6. Горелик М.В. Халха – калкан (монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: диалог культур Евразии. Культурные традиции Евразии. Вып. 4. Казань: Мастер Лайн, 2004. С. 182–195.
7. Горелик М.В. Монгольская латная конница и ее судьба в исторической перспективе // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории АН РТ, 2011. С.47–58.
8. Измайлов И.Л. Из истории домонгольского и раннезолотоордынского защитного доспеха волжских булгар // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: Институт языка, литературы и истории АН СССР, 1988. С. 87–102.
9. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 206 с.
10. Исхаков И.Л., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007. 356 с.

11. Кадырбаев А.Ш. О миграциях в XI–XIII веках племен, представленных среди основных родов Золотой Орды (по материалам китайских источников) // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань: Фэн, 2007. С.60–82.
12. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 246 с.
13. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.
14. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И.Смирновой, прим. Б.И.Панкратова и О.И.Смирнова, ред. А.А.Семенова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
15. Gorelik M.V. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // *Islamic Arms and Armour*. London: Scholar Press, 1979. С. 30–63.

Сведения об авторе: Михаил Викторович Горелик – старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат искусствоведения (107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12)

Arms and Military Organization of the Mongol Empire Troops (the first half of the 13th century)

M.V. Gorelik

*(Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences)*

The article considers the problems of forming of the Mongol Empire military organization in the first half of the 13th century. The author examines the complex and debated issues related to the study of Mongol armaments and military organization during the conquests of Genghis Khan and his immediate descendants. The war played a pivotal role in the history of the Genghisid States and development of military affairs in the Mongol Empire reached a very high level. One of the most difficult research problems represents the composition of the Batu Khan troops, which included not only the Mongol troops, but also other Turkic tribes as well as peoples from the Volga-Ural region and the Northern Caucasus. The Mongol rulers based their war machine primarily on the Central Asian steppe tradition. Classically nomadic was the decimal organizing principle of troops, divided into tens, hundreds, thousands or ten thousandth corps. In tactical clashes the Mongol Empire army was typically and traditionally nomadic using the long-known techniques – attacks with false retreats luring the enemy into ambushes, gradual and wavelike entry of forces in the battle, concentration of a strong reserve discharged in the most decisive moment, “roundelay” – the endlessly whirling circle formation of mounted archers in front of the enemy ranks aimed at keeping the enemy under heavy fire from the minimum distance. All of these techniques were used previously, but they became much more effective in conditions of severe discipline ensuring the success of the Mongolian army. Weaponry of the Mongol warriors included the full range of projectile and melee weapons. The Mongol innovation was the widespread use of protective arms: the main force of the Mongol troops was represented by the horse riding cuirassiers, whose impact on the field of battle was decisive. Weaponry of the Genghisid troops was not only complex, efficient and beautiful, but also the Mongol one, with its characteristic features that distinguished it from the military equipment of the Mongols’ contemporaries.

Keywords: Mongol Empire, Genghis Khan, Mongol conquests, warfare, weapons, military organization, horse riding cuirassiers, bow and arrows, melee weapons, armor and defensive armament.

References

1. Gorelik M.V. Ranniy mongol'skiy dospek (IX – pervaya polovina XIV v.) [The Early Mongolian Armor (9th – first half of the 14th centuries)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Mongolia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 163–208.
2. Gorelik M.V. Stepnoy boy [The Steppe Combat]. *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Ancient and Medieval Population of the Northern and Central Asia]. Novosibirsk, Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR Publ., 1990, pp. 155–160.
3. Gorelik M.V. Zashchitnoe vooruzhenie stepnoy zony Evrazii i primykayushchikh k ney territoriy v I tys. n.e. [Defensive Armament of the Eurasian Steppe Zone and Border Areas in the first millennium BC]. *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Warfare of Population of Southern Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993, pp. 149–179.
4. Gorelik M.V. Spornye voprosy istorii srednevekovogo oruzhiya Evrazii [Controversial Issues of the History of Medieval Weapons of Eurasia]. *Voennaya Arkheologiya. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoy i sotsial'noy perspektive. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii* [The Military Archaeology. Weapons and Warfare in the His-

torical and Social Perspective. Proceedings of the International Conference]. St. Petersburg, Gosudarstvennyy Ermitazh Publ., 1998, pp. 266–268.

5. Gorelik M.V. *Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, oruzhie, snaryazhenie* [Armies of the Mongol-Tatars during the 10th–14th centuries. Martial Arts, Weapons, and Equipment]. Moscow, «Tekhnika-molodezhi» Publ., 2002. 84 p.

6. Gorelik M.V. Khalkha – kalkan (mongol'skiy shchit i ego derivaty) [Khalkha-kalkan (the Mongol shield and its derivatives)]. *Vostok-Zapad: dialog kul'tur Evrazii. Kul'turnye traditsii Evrazii* [East-West: Dialogue of Cultures of Eurasia. Cultural Traditions of Eurasia]. Is. 4. Kazan, Master Layn Publ., 2004, pp. 182–195.

7. Gorelik M.V. Mongol'skaya latnaya konnitsa i ee sud'ba v istoricheskoy perspektive [The Mongol Armored Cavalry and Its Fate in Historical Perspective]. *Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya* [The Golden Horde Warfare: Problems and Prospects of Research]. Otv. red. i sost. I.M. Mirgaleev. Kazan, OOO «Foliant», Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2011, pp.47–58.

8. Izmaylov I.L. Iz istorii domongol'skogo i rannezolotoordynskogo zashchitnogo dospekha volzhskikh bulgar [From the History of pre-Mongol and Early Golden Horde Protective Armor of the Volga Bulgars]. *Volzhskaya Bulgariya i mongol'skoe nashestvie* [The Volga Bulgaria and Mongol Invasion]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Akademiya nauk SSSR Publ., 1988, pp.87–102.

9. Izmaylov I.L. *Zashchitniki «Steny Iskandera». Vooruzhenie, voennoe iskusstvo i voennaya istoriya Volzhskoy Bulgarii X–XIII vv.* [Defenders of the “Wall of Iskander”. Weaponry, Military Art, and Military History of the Volga Bulgaria in the 10th–13th centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 2008. 206 p.

10. Iskhakov I.L., Izmaylov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethno-political History of the Tatars (3rd – mid 16th centuries)]. Kazan, Shkola Publ., 2007. 356 p.

11. Kadyrbaev A.Sh. O migratsiyakh v XI–XIII vekakh plemen, predstavlenykh sredi osnovnykh rodov Zolotoy Ordy (po materialam kitayskikh istochnikov) [On Migration in the 11–13 centuries of the Tribes Represented among the Main Golden Horde Clans (based on Chinese sources)]. *Istoriya i kul'tura Ulusa Dzhuchi. 2006. Bertol'd Shpuler «Zolotaya Orda»: traditsii izucheniya i sovremennost'* [History and Culture of the Ulus of Jochi. 2006. Berthold Spuler's “The Golden Horde”: Tradition of Study and the Present]. Kazan, Fen Publ., 2007, pp.60–82.

12. Klyashtornyy S.G., Savinov D.G. *Stepnye imperii drevney Evrazii* [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. St. Petersburg, 2005. 246 p.

13. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [Empire of Genghis Khan]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 557 p.

14. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. I. Kn. 2. Per. s pers. O.I.Smirnovoy, prim. B.I.Pankratova i O.I.Smirnova, red. A.A.Semenova. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 315 p.

15. *Gorelik M.V. Oriental armour of the Near and Middle East from the eighth to the fifteenth centuries as shown in works of art // Islamic Arms and Armour.* London, Scholar Publ., 1979, pp. 30–63.

About the author: Mikhail Viktorovich Gorelik – Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Cand. Sci. (Art History) (107031, Rozhdestvenka st., 12, Moscow, Russian Federation)

К вопросу о причинах поражения хорезмийской армии в войне с монголами (1219–1221 гг.)*

Д.М. Тимохин
(Институт востоковедения
Российской Академии наук)

Данная статья посвящена анализу причин поражения хорезмийской армии в борьбе с монгольскими завоевателями в 1219–1221 годах. Автор на основании сведений из арабо-персидских источников и историографии попытался выявить причины этого поражения, указать их характер и выяснить какие из них следует признать важнейшими. Помимо самого анализа причин указанного поражения, в статье дан обзор источников и историографии по данной проблематике, дано краткое описание самой монголо-хорезмийской войны. Автор детально рассмотрел план ведения войны с монголами, которого придерживался Ала ад-Дин Мухаммад и пришел к выводам во многом отличным от тех, которые можно увидеть в большинстве отечественных и зарубежных исследований по истории монгольских завоевательных походов. Автор настаивает на том, что указанный план ведения войны был единственно возможным для Ала ад-Дина Мухаммада, однако по причине слабой осведомленности о возможностях монгольской армии, сдачи без боя отдельных городов и крепостей, а так же из-за страха и нерешительности самого хорезмшаха данный план провалился. Все последующие попытки остановить монгольское вторжение силами Джалал ад-Дина Манкбурны и его военных сил был так же обречен на провал, поскольку основные проблемы хорезмийского государства, как внутренние, так и внешние, сводили к нулю все эти усилия. Таким образом, поражение хорезмийской армии в войне с монголами было во многом предопределено самим состоянием государства Ала ад-Дина Мухаммада накануне вторжения войск Чингиз-хана.

Ключевые слова: Хорезм, Ала ад-Дин Мухаммад, монголы, Чингиз-хан, источники, ан-Насави, Джалал ад-Дин Манкбурны.

Монгольское нашествие на территорию Центральной Азии и Ирана положило конец существованию одного из самых обширных и могущественных восточных государств первой половины XIII века – державе хорезмшахов-Ануштегинидов. Именно это событие во многом предопределило дальнейшее развитие монгольской экспансии в западном направлении: подчиняя себе осколки хорезмийской державы, в конце концов, завоеватели вторгаются в пределы Южного Кавказа, Ближнего Востока и Малой Азии. Безусловно, само по себе монгольское завоевание государства хорезмшахов и его последствия довольно продолжительное время привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей уже в силу своей значимости для истории Востока в XIII веке. Однако специальных исследований по данной проблематике в научном мире насчитывается крайне ограниченное количество, особенно в сравнении с трудами, посвященными в целом монгольской истории и завоевательным походам Чингиз-хана и его наследников. В определенном смысле можно говорить о некоторой «монголизации» истории государства хорезмшахов, то есть о том, что отечественные и зарубежные исследователи все чаще рассматривают историю этой державы исключительно сквозь призму монгольских завоевательных походов. Более же ранние события, формирование и расцвет данного государства, в большинстве случаев остаются вне поля исследования.

Несмотря на указанный выше историографический феномен, далеко не все аспекты истории хорезмийского государства периода монгольского вторжения являлись объектом специального изучения. В частности, в отечественном и зарубежном востоковедении не было ни одной работы, специально посвященный анализу причин поражения хорезмийской армии в войне с монголами (1219–1221 гг.), при том, что, как говорилось выше, само монгольское вторжение на территорию Центральной Азии и Ирана неоднократно, в большей или меньшей степени, анализировалось ис-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-01-00020.

следователями. Практически в любом труде, посвященном истории монгольских завоевательных походов отечественные и зарубежные авторы пытались объяснить причины падения хорезмийской державы. С нашей точки зрения, необходимость создания специального исследования по этой тематике очевидна и с историографической, и с исторической точки зрения. Если первая причина объяснялась нами выше, то значимость изучения данной проблемы в историческом контексте объясняется важностью этого для понимания монгольских успехов при завоевании указанных регионов. Не менее значимым выглядит и источниковедческий фактор: многие средневековые авторы, преимущественно арабо-персидские, пытались так же вывести причины монгольской победы в войне с Хорезмом. Понять взгляды этих историков, проанализировать и сравнить их друг другом кажется нам так же крайне важной научной проблемой.

Прежде чем переходить к анализу непосредственно причин поражения хорезмийской армии в ее противостоянии монгольскому вторжению, необходимо дать краткую характеристику существующему корпусу исторических источников, содержащих информацию по данной проблеме, а так же отечественной и зарубежной историографии проблемы, с учетом фактического отсутствия специальных исследований по избранной нами теме. Наибольший объем сведений о монгольском завоевании государства хорезмшахов и последовавших за этим событий содержится в арабо-персидских исторических сочинениях, поэтому свое внимание мы сосредоточим преимущественно на них. Нас будет интересовать, прежде всего, не столько количество информации относительно монгольского завоевания Ирана и Центральной Азии, сколько то, выделяет ли тот или иной историк причины монгольских побед и соответственно разгрома хорезмийской державы или же специально об этом не пишет. Это позволит нам, прежде всего, понять была ли в глазах средневековых авторов победа монголов чем-то закономерным или же они пытались осмыслить ее и понять какие факты к этому привели.

Среди арабо-персидских сочинений эпохи монгольского завоевания и господства в Центральной Азии и Иране отдельно скажем о трудах очевидцев самого нашествия. Это, в первую очередь, «Полный свод истории» [13; 6] Ибн ал-Асира, который был закончен автором в 1233 г. [6, с.12] и представлял собой многотомную историю исламских стран от Сотворения мира и до 628/1230–1231 г. Ибн ал-Асир не только детально описывает монгольское нашествие на территорию Центральной Азии и Ирана, но и подчеркивает причины поражения хорезмийского войска. Не менее значимым по указанной нами проблематике будет труд персидского историка Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави, заверченный им в 639/1241–647/1249 гг., «Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны» [1]. Полемизируя по целому ряду вопросов с Ибн ал-Асиром, ан-Насави в той же степени, что и арабский историк задается вопросом относительно причин крушения хорезмийской державы и уделяет этому отдельную главу своего исторического сочинения.

Более поздние арабо-персидские историки сохраняют в своих сочинениях интерес и к монгольскому завоеванию Центральной Азии и Ирана, и причинам падения хорезмийской державы. Однако непосредственно анализу причин разгрома хорезмийского государства они уделяют меньше внимания, особенно в сравнении с той подробной картиной завоевательных походов монголов, в том числе боевых действий на территории Ирана и Центральной Азии. Наиболее важными для нашего исследования следует признать, исходя из объема и качества сведений, сочинения Сибта ибн ал-Джаузи [28; 29], Джузджани [17], «Тарих-е джахан гошай» [5;16] Джувейни, «Джами ат-Таварих» [10] Рашид ад-Дина и «Тарих-е Вассаф» [31; 32] Абдаллаха Вассафа, а так же «Раузат ас-сафа фи Сират ал-анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа» [24; 25] Мирхонда и «История монголов и татар» Абу-л-Гази Бахадур-Хана [19].

Кроме того, отдельные памятники содержат сравнительно небольшой объем информации, но при этом даже эти краткие сведения крайне важны для исследования по интересующей нас проблематике. К такого рода источникам относятся «История Сельджукидов Малой Азии» [20], которая в свою очередь является почти дословным переводом сочинения Ибн Биби «Сельджукнаме», сочинение Абу Сулеймана Давуда ибн Абу-л-Фазла Мухаммада «Сад для одаренных умом людей относительно летописей вельмож и генеалогий» или «Тарих-и Бенакет-и» [14], «Тарих-е Гузиде» [21; 22] Хамдаллаха Казвини, анонимная «История Сельджуков Анатолии» [30] и сочинение Моин ад-Дина Натанзи, ранее известное как «Аноним Искандера» [27].

Таким образом, в большей степени анализ причин поражения хорезмийской державы в борьбе с монгольскими завоевателями находит свое отражение в наиболее ранних арабо-персидских исторических сочинениях. Более поздние авторы в большей степени заинтересованы в описании

самого монгольского вторжения, крупных сражений, осады и взятия городов хорезмийской державы, нежели в анализе причин побед монгольского оружия и, следовательно, неудач хорезмийских военных сил. Эта тенденция объяснима, с нашей точки зрения, прежде всего тем фактом, что современники монгольского нашествия и гибели хорезмийской державы пытались не просто дать описание событий, но и понять причины, по которым на их глазах рухнуло столь огромное государство. В свою очередь более поздние историки в каком-то смысле относились к неудачам хорезмийской военной машины, как к некоей исторической данности, что, впрочем, можно отнести и к победам монгольской армии. Косвенным подтверждением данной точки зрения следует считать факт наличия специального раздела, посвященного анализу причин поражения хорезмийской армии только в одном историческом сочинении – раннем труде ан-Насави.

Как уже говорилось выше, в отечественном и зарубежном востоковедении до сих пор не было ни одной работы, специально посвященный анализу причин поражения хорезмийской армии в войне с монголами (1219–1221 гг.), однако в большинстве отечественных и зарубежных исследований по истории монгольских завоевательных походов, этот вопрос в большей или меньшей степени освещался. Начиная с классического труда В.В. Бартольда, «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», исследователи ориентировались в вопросе о причинах поражения хорезмийцев на информацию из упомянутого труда ан-Насави. В рамках зарубежной историографии схожую точку зрения можно найти в исследовании К. Д'Оссона и других авторов [7, с.133–134; 23, s.243; 18, p.86]. В дальнейшем среди причин поражения хорезмийской армии помимо упомянутых в труде персидского историка, исследователи будут выделять, и подчеркивать личные ошибки хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада, которые в свою очередь и привели к указанным последствиям [8, с.116]. Дальнейшее развитие историографии истории монгольских завоевательных походов лишь усиливает тенденцию к выделению личных ошибок Ала ад-Дина Мухаммада вместе с использованием информации из труда ан-Насави [3, с.139].

Еще одним важным сюжетом помимо личных ошибок хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада и тех просчетов, которые выделяются в рамках арабо-персидских источников, начиная с сочинения ан-Насави, будет состояние самой хорезмийской державы накануне войны с монголами. Уже в упомянутом сочинении В.В. Бартольда указывается на то, что государство хорезмшахов в правление Ала ад-Дина Мухаммада было раздираемо внутренними противоречиями, которые сами по себе стали одной из причин поражения в противостоянии с монгольской державой. «...Если взвесить события последних лет царствования Мухаммада, то нельзя не прийти к заключению, что другого исхода для него не было. Собрать все свои силы в одном месте он мог только в том случае, если бы они были таким же послушным орудием в его руках, как монгольские войска в руках Чингиз-хана. При враждебных отношениях между султаном и его военачальниками это, конечно, было невозможно» [2, с.473].

В последующих отечественных и зарубежных исследованиях по истории монгольских завоевательных походов и самого хорезмийского государства внутренняя нестабильность и вражда между различными тюркскими группировками будет так же фигурировать в качестве одной из основных причин военного успеха монголов в войне 1219–1221 гг. [3, с.137–138].

Предложенный краткий обзор основных представлений о причинах разгрома хорезмийской армии в войне с монголами в отечественной и зарубежной историографии говорит нам о том, что авторы видели за этим событием целый комплекс причин, часть которых выделялась специально уже средневековыми авторами. Со своей стороны, прежде чем переходить к анализу того, что является предметом данного исследования, хотелось бы кратко осветить события монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг. Это позволит несколько лучше понимать сам ход указанной военной кампании и выделить непосредственно поражения хорезмийских военных сил. С нашей точки зрения, причины разгрома монголами хорезмийской державы следует искать не только в предвоенных событиях, личности Ала ад-Дина Мухаммада и состоянии его державы, но и в период непосредственного военного столкновения. После краткого рассмотрения событий этой войны можно приступить к структурированию и анализу самих причин поражения в ней хорезмийцев.

Монгольское войско, которое по разным данным составляло от ста пятидесяти до двухсот тысяч человек, вторгается на территорию хорезмийской державы в 1219 году [8, с.123; 12, с.176]. Безусловно, указанные цифры должны быть скорректированы по ходу военных действий, как с учетом потерь, так и по причине использования монголами тактики «хашара», что заметно увеличивало число используемых людских ресурсов [10, с.393–395; 11, с.33–39]. Пример осады Герата

в 1221 году позволяет говорить о том, что к концу указанной военной кампании войско Чингиз-хана значительно увеличилось за счет мобилизации, возможно и принудительной, местного населения в регулярные военные части [15, р.316]. В свою очередь, численность хорезмийской армии, находящейся в распоряжении Ала ад-Дина Мухаммада непосредственно накануне монгольского вторжения, достигала по данным отдельных источников четырехсот тысяч человек [24, р.123]. Только гарнизон города Отрара составлял от пятидесяти пяти до шестидесяти тысяч воинов [3, с.139]. При этом, как отмечают некоторые средневековые историки, это были далеко не все военные соединения, которыми располагала хорезмийская держава, однако провести полную мобилизацию всех ресурсов до начала войны Ала ад-Дин Мухаммад не успел [1, с.81].

Накануне монгольского вторжения хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад распределил все имеющиеся у него на тот момент военные силы по крупным городам Хорезма, Хорасана и Мавераннахра. В результате монголам удалось блокировать все крупные города этих областей, а затем после более или менее длительной осады уничтожить все эти гарнизоны поодиночке. Таким образом, с сентября 1219 по декабрь 1220 года монгольские войска овладели следующими городами: Отрар, Сыгнак, Дженд, Бенакет, Ходженд, Зарнук, Нур, Бухара, Самарканд, Насу и целым рядом других [9, т.1, кн. 2, с. 198]. Из этого следует, что чуть более чем за один год им удалось захватить фактически весь Хорасан и Мавераннахр. Однако если исходить из информации, содержащейся в арабо-персидских источниках, несмотря на то, что большинство гарнизонов упомянутых городов и крепостей сражались практически в изоляции и без всякой надежды на помощь – это мало облегчило задачу войскам Чингиз-хана. Так, область Хорезм оказалась полностью под контролем монгольских военных сил лишь тогда, когда после семимесячной осады пал Гургандж. При этом отметим и тот факт, что на начальном этапе войны часть городов сдалась завоевателям без боя, что, впрочем, не исключало последующее уничтожение хорезмийского гарнизона: так обстояли дела с такими городами, как Зарнук, Нур и Дженд. При этом, как уже отмечалось выше, целый ряд городов оказал монгольским войскам ожесточенное сопротивление: помимо Гурганджа, следует отметить обстоятельства осады таких городов, как Отрар, Ходженд и Самарканд.

После падения Бухары хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад фактически самоустранился от управления своей державой и армией, так что непродолжительное время не было лидера, который смог бы сплотить остатки хорезмийских военных сил и оказать сопротивление монгольским завоевателям. Сам Ала ад-Дин Мухаммад бежал перед лицом опасности в провинцию Гилян, там он скрывался на одном из островов Каспийского моря, где и умер. «Он бежал впереди монгольской армии на остров Абескин и там умер в шаввале года 617 (29 ноября – 27 декабря 1220 г.). Он похоронен на этом острове. Не найдя савана, (приближенные. – *Прим. авт.*) заменили ему его своей одеждой. Когда монголы стали владеть страной от Мазандерана до Турана, Джалал ад-Дин вернулся из Индостана в Иран; он перенес останки своего отца с этого острова в крепость Ардехен. После смерти Джалал ад-Дина, когда монголы взяли эту крепость, они достали тело Мухаммада и предали его огню» [21, р.418]. Незадолго до смерти Ала ад-Дин Мухаммад успел передать свою власть и управления над остатками собственной державы старшему сыну – Джалал ад-Дину Манкбурны [1, с.100].

В отличие от своего отца, новый правитель хорезмийского государства сумел сплотить вокруг себя ряд военных соединений хорезмийской армии, однако земли Хорасана, Хорезма и Мавераннахра уже были для него потеряны. Тем не менее, Джалал ад-Дину удалось достичь пределов Газны, где его войско, достигшее, по сведениям источников, численности примерно шестьдесят тысяч человек, начнет оказывать сопротивление наступающим монгольским войскам [6, с.365]. Самым ярким примером этого станет сражение при Перване в 1221 году, в результате которого сорока пяти тысячный монгольский корпус под командованием Шиги-Хутуху [2, с.509] будет наголову разбит хорезмийским войском, что в свою очередь станет первым поражением монголов в ходе этой кампании [5, с.287]. После победы при Перване в войске хорезмшаха произошел раскол, и часть армии покинула Джалал ад-Дина, что в условиях нового монгольского наступления означало неминуемое поражение, которое и произошло в битве на реке Инд в том же 1221 году. «В шаввале года 618 (18 нояб. – 18 дек. 1221 г.) Чингиз-хан дал ему бой на берегах Синда и был победителем. Султан Джалал ад-Дин переправился через реку без судна с 700 воинами; (в итоге) он спасся только с 7 воинами» [21, р.420; 1, с.127; 5, с.290–291; 9, с.223–224; 26, р.133–134; 20, р.154].

Именно сражение на реке Инд, по сути, положила конец монголо-хорезмийской войне, поскольку последний правитель Хорезма был разбит и вынужден бежать в Индию, а другого лидера, способного сплотить население хорезмийской державы против завоевателей, просто не нашлось. Вслед за победой на реке Инд, монголам удалось так же подавить восстание в Герате (ноябрь 1221 – июнь 1222), которое было произведено с такой жестокостью, что после этого не зафиксировано попыток восстания в других городах [15, с.316]. С 1222 по конец 1223 г. армия Чингиз-хана была занята покорением отдельных местностей в Афганистане и Северной Индии, однако крупных военных операций в этот период уже не предпринималось. Задержавшись на территории бывшего хорезмийского государства до конца 1223 г. для сбора всех имевшихся в наличии крупных монгольских отрядов, Чингиз-хан уже в начале 1224 г. навсегда покинул пределы хорезмийской державы.

Таким образом, кратко рассмотрев основные вехи монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг., перейдем непосредственно к разбору причин, приведших к поражению хорезмийской армии. Здесь в первую очередь необходимо обратиться к историческому сочинению ан-Насави, в составе которого, как уже говорилось выше, мы находим отдельную главу, посвященную этому сюжету. Именно этот историк специально уделяет внимание анализу тех ошибок, которые были допущены хорезмийским командованием накануне войны, в связи с чем именно его сочинение было наиболее востребовано отечественными и зарубежными исследователями при реконструкции причин победы войск Чингиз-хана. По этим причинам нам хотелось бы так же, прежде всего, обратиться к написанному ан-Насави и лишь потом выделить иные причины поражения хорезмийского войска в этой войне.

Ан-Насави отмечает тот факт, что накануне вторжения Ала ад-Дин Мухаммад предполагал еще более укрепить собственные крупные и значимые города, в частности Самарканд, для были собраны соответствующие средства, однако закончить данный проект к приходу монголов не удалось. «Он разослал во все концы страны своих чиновников (*'амилей*) и сборщиков налогов и велел им полностью собрать харадж вперед за весь шестьсот пятнадцатый год (615 г.х. – 30.ІІІ 1218 – 18.ІІІ 1219 г. – *Прим. авт.*) для постройки самаркандской стены. Налог был собран в кратчайший срок, однако татары не дали ему осуществить желание, из этой суммы он ничего не истратил на строительство стены» [1, с. 80]. По всей видимости, персидский историк сокрушается не только относительно крупных денежных средств, которые хорезмшаху не удалось использовать, сколько по причине того, что Ала ад-Дин Мухаммад предполагал не давать монголам генерального сражения, а собственные войска бросить на оборону городов.

Эту мысль персидский историк развивает в ходе своего дальнейшего повествования, где уже впрямую заявляет о том, что избранная Ала ад-Дином Мухаммадов тактика была ошибочной. «Ошибочным действием было и то, что он, услышав о приближении Чингиз-хана, разослал свои войска по городам Мавераннахра и Страны тюрок» [1, с. 81]. Уже само по себе численное превосходство хорезмийцев, с точки зрения ан-Насави служило безусловным гарантом их победы в полевом сражении. Распределение по городам раздробило огромное хорезмийское воинство на отдельные части, которые, в свою очередь, были уничтожены монголами по отдельности. «Если бы он дал бой татарам своими отрядами до того, как распределил их, то он схватил бы татар в охапку и начисто стер бы их с лица земли» [1, с. 81]. Кроме того, как пишет персидский историк, Ала ад-Дин Мухаммад объявил о дополнительном наборе войск накануне монгольского вторжения, но после известия о падении Бухары хорезмшах бежал, так и не дождавшись этих подкреплений. Они же, по всей видимости, были настолько многочисленны, что, по мнению ан-Насави, должны были решить исход противостояния в пользу Хорезма. «Набор их на службу был произведен так быстро, как только возможно. Они направились со всех сторон к местам сбора под его знамена подобно потоку, стремящемуся под уклон, или стреле, выпущенной из лука. Они шли своими путями, когда их настигла весть, что султан бежал с берега Джейхуна без боя. Если бы он дождался прибытия собранных людей, то сосредоточил бы неслыханное количество [войск]. Но решение Аллаха могущественнее, и веление Его сильнее. Аллаху принадлежит власть в повороте судеб, в перемене изменчивого, в передаче владений одного правителя другому» [1, с. 81].

Несмотря на то, что персидский историк приводит достаточно подробное описание причин неудач хорезмийской войска в их противостоянии монгольской агрессии сложно считать его исчерпывающим. Прежде всего, потому, что ан-Насави пишет лишь об ошибках, допущенных непосредственно перед началом и во время самой кампании, в то время как более ранний период исто-

рии хорезмийского государства может так же содержать в себе факторы, повлекшие за собой поражение войск хорезмшаха. Кроме того, если следовать логике рассказа ан-Насави, основная вина за поражение хорезмийской армии ложиться на Ала ад-Дина Мухаммада и говорить исключительно о его просчетах. Это, безусловно, могло иметь место, но, тем не менее, надо выяснить, а не было ли иных предпосылок поражения хорезмийского государства, кроме непосредственных ошибок его правителя.

Прежде всего, необходимо отметить, что накануне монгольского нашествия хорезмийское государство было раздираемо внутренними противоречиями, которые касались, в том числе и тюркской военной знати. Ала ад-Дин Мухаммад опирался преимущественно на ту часть тюркских военачальников, которые в свою очередь поддерживали его мать, Теркен-хатун. В результате этого в стране фактически правила «партия» матери хорезмшаха, а она сама вмешивалась в различные государственные дела, и сам Ала ад-Дин Мухаммад вынужден был с ней считаться. «Абсолютным владыкой считался хорезмшах и султан Ала ад-Дин Мухаммад, но в действительности Ала ад-Дин оказался в полном подчинении у своей матери Теркен-хатун, которая во внутренних и во внешнеполитических делах государства была, можно сказать, вторым государем, а в некоторых вопросах противостояла своему сыну» [3, с. 128].

Нельзя не согласиться с этой точкой зрения З.М. Буниятова, но следует при этом помнить, что опора на Теркен-хатун и верных ей военачальников, фактически, настраивала против хорезмшаха другую часть тюркской военной элиты, которая, в свою очередь, объединилась вокруг его старшего сына, Джалал ад-Дина Манкбурны. Дополнительным стимулом к этому станет и личная вражда между Теркен-хатун и Джалал ад-Дином, которая так же не способствовала стабилизации обстановки в стране накануне монгольского вторжения [3, с. 129]. Анализируя состояние хорезмийского государства накануне войны с монголами, В.В. Бартольд подчеркивает, «что в областях, находившихся под управлением Теркен-хатун, власть Мухаммада фактически не признавалась» [2, с. 444].

Если Джалал ад-Дин Манкбурны, несмотря на то, что был лично втянут в это противостояние, никакого сепаратизма по отношению к собственному отцу не проявлял, то этого нельзя сказать о представителях тюркской военной аристократии, без относительно того, чей лагерь они представляли. Самым ярким примером подобного станет описанное Джувейни и Хамдаллахом Казвини покушение на жизнь Ала ад-Дина Мухаммада, которое произошло накануне монгольского вторжения. «Несколько эмиров напали на место, где должен был ночевать хорезмшах. Но султан, узнав об их намерениях, спал в другом месте. Эмиры пускали стрелы и резали саблями, утыкая его шатер, и сделали его похожим на спину дикобраза. Когда они поняли, что султана там не было, они бежали и направились ко двору Чингиз-хана. У султана не оставалось никаких сомнений в бунте эмиров. Он не считал себя хорошо защищенным в своем окружении, и послал каждого эмира в свой город, так что когда враги пришли, все (все эмиры) находились в рассеянии, и путь соединения с ними был закрыт. Враги достигли своих желаний без больших усилий» [21, р.414].

Даже внешняя угроза и война с монголами не смогли сплотить тюркскую элиту хорезмийского государства, они продолжали враждовать между собой, что, несомненно, сказалось на боеспособности, как отдельных хорезмийских военных соединений, так и государства в целом. В частности, можно вспомнить о ситуации в Гургандже после смерти Ала ад-Дина Мухаммада, когда туда прибыл Джалал ад-Дин и попытался, как новый глава государства, организовать оборону против монгольских войск. Тюркские эмиры, находившиеся в столице, вместо того, чтобы сплотиться вокруг нового правителя, начали составлять заговор против него, в результате чего Джалал ад-Дин вынужден был покинуть этот город. «Эмиры Хорезма разделились в этом вопросе поровну. Джалал ад-Дин не мог больше оставаться здесь, ни сопротивляться этим эмирам; он направился к Газне. Его братья – Азерлаг и Ак-султан отправились в погоню за ним, чтобы вернуть обратно; но не смогли его догнать. Затем эти два брата выступили с войсками против монголов и были убиты» [21, р. 420].

Теперь вполне понятной становится причина, по которой Ала ад-Дин Мухаммад принял решение о том, чтобы рассадить свои войска по городам и набрать новые военные соединения, как и сообщает нам ан-Насави. Персидский историк пишет об этом, как об ошибке со стороны хорезмшаха, однако нам видится, что у этого правителя просто не было выбора: опираться на эмиров, которые враждовали друг с другом, а так же, по сведениям Казвини, пытались убить и его самого, Ала ад-Дин Мухаммад просто не мог. Следовательно, давать полевое сражение монгольской ар-

мии, возможности которой ему были неплохо известно после сражения на Тургайской равнине 1218 года, не доверяя собственным военачальникам, он не собирался. Вполне логичным в таком случае будет оставить таких военачальников в качестве командующих гарнизоны в Хорасане и Мавераннахре, а самому попытаться набрать новые силы и опереться на других представителей военной аристократии. Такой план имел только один существенный изъян, о котором мы подробно скажем ниже.

Не следует забывать при попытке понять причины поражения хорезмийской державы в войне с монголами и о том, что помимо раскола внутри тюркской военной аристократии существовала вражда между тюрками и другими народами, входившими в состав указанного государства. Эта вражда во многом объясняется деятельностью тюркской верхушки, поскольку «...сострадание и милосердие было далеко от их сердец; где бы им ни случалось проходить, та область оказывалась разоренной, и райаты искали убежище в крепостях» [16, Vol. 2 p. 414]. Такие действия настраивали против всех тюрков представителей иных этнических групп хорезмийской державы и эта вражда вовсе не была забыта даже непосредственно во время войны с монголами. Так, накануне прихода Джалал ад-Дина в Газну в 1220/1221 году, командующий гурийским гарнизоном города отказался впустить в город тюркские отряды Джалал ад-Дина, обратившись к тюркам с такими словами: «Мы – гурийцы, а вы тюрки, мы не можем жить вместе» [5, с. 327].

Именно эта вражда между различными народами государства хорезмшахов выливалась в то, что тюркских воинов хорезмшаха просто отказывалось поддерживать ираноязычное население. Косвенным подтверждением этому станет и следующая цитата из сочинения ан-Насави.

«...Государи этого дома (Хорезмшахов. – *Прим. пер.*) совершили ошибку, взяв в помощь тюрок против такого же племени из числа многобожников. Ведь кто сражается без непоколебимой веры и твердой убежденности, не надеется на воздаяние и не боится [адских. – *Прим. пер.*] мучений, не гарантирован от слабости при нужде и от того, чтобы следовать своим желаниям в любое время и ежечасно» [1, с.126]. Речь идет о воинах, которые защищали, в том числе и самого этого персидского историка, что говорит нам о том, что противоречия в этническом плане так же стали одной из важнейших причин крушения хорезмийской державы.

Чингиз-хан, по всей видимости, был прекрасно осведомлен об указанной проблеме внутри хорезмийского общества и старался максимально ее использовать, любыми способами настраивая одних против других. В частности, у Джувейни мы находим целый ряд описаний взятия городов монголами, после чего захватчики разделяли пленных на представителей ираноязычных народов и тюрок. Если участь первых могла быть различной, то вторых безжалостно убивали. Вот что пишет Джувейни о взятии города Фанаката. «Солдаты были отделены от жителей города; после чего первые были истреблены все до одного, кто мечом, а кто градом стрел, в то время как последние были поделены на сотни и десятки» [5, с. 60]. Факты массовой резни тюрок, зафиксированы при взятии практически каждого из городов Средней Азии. Так, при взятии Бухары, «из народа канглы не был пощажён ни один человек мужского пола ростом выше кнутовища, и среди убитых насчитали тридцать тысяч человек...» [5, с. 71].

Еще одним примером, иллюстрирующим тот факт, что подобные противоречия были губельны для хорезмийского войска будет описание ситуации внутри лагеря Джалал ад-Дина после победы при Перване, которая привела к расколу его армии и ее поражению на реке Инд. «Случилось так, что к этому времени войска халаджей [и карлуков – прим. переводчика] под предводительством Сайф ад-Дина Играка, А'зам-Малика и Музаффар-Малика в гневе покинули Джалал ад-Дина как раз тогда, когда он больше всего нуждался в их присутствии и их помощи. А причина этого была в том, что когда они разбили сына Чингиз-хана у Парвана, то тюрки при разделе добычи, доставленной им Аллахом, поспорили с ними на [свой. – *Прим. пер.*] позор, печатью которого они были клеймены и его огнем таврованы. Некоторые из тюрок Амин-Малика даже оспаривали у А'зам-Малика коня из татарской конницы, и спор между ними затянулся. Тюрк ударил его своей плетью, и это вызвало возмущение в их душах и ненависть в их сердцах. В их умах закипела злоба, так как они видели, что не могут добиться справедливого дележа. И как ни старался Джалал ад-Дин удовлетворить их, тюрки становились еще злее и несдержаннее в своем обращении и в отсутствии учтивости, у них было мало опыта в этих делах и они не хотели видеть, каковы будут последствия. Чужеземцы (ал-гураба' – имеются в виду гурцы и афганцы. – *Прим. авт.*) жаловались друг другу, что эти тюрки считают, что татары не из рода людского, они не знают страха, так как мечи не оставляют на них следа, и они не отступают, ибо на них не действуют ко-

пья. Но ведь мы видели, как мечи расправлялись с их суставами, а с племенами – копья и камни, [как – *Прим. пер.*] они довольствовались обетом, который нарушается, и соглашением, которое расторгается. [Они совершали это – *Прим. пер.*] “превознесением на земле и ухищрением зла. Но злое ухищрение окружает только обладателей его” (Коран XXXV, 41 (43)). Когда Джалал ад-Дин убогаторял их, чтобы возратить, и направлял послов для заключения прочного союза, тюрки отвечали ненавистью. “Дело Аллаха было решением предрешенным” (Коран XXXIII, 38 (38)), и они покинули его» [1, с. 125–126].

В качестве еще одной причины, приведшей к поражению хорезмийской армии в противостоянии монголам, следует признать плохую осведомленность Ала ад-Дина Мухаммада и его военачальников о возможностях и, по всей видимости, численности армии Чингиз-хана. В пользу последнего довода говорит тот факт, что накануне монгольского вторжения хорезмшах был явно введен в заблуждение относительно соотношения собственных военных сил и монгольских войск. Так, принимая одно из посольств Чингиз-хана, хорезмшах лично решил допросить одного из посланников относительно военного потенциала монгольской державы, на что, если верить сведениям ан-Насави, не получил честного ответа. «Затем султан спросил: «Правду ли сказал мне Чингиз-хан, заявляя, что он завладел Китаем и захватил город Тамгадж? Правдив ли он, говоря об этом, или лжет?» Тот ответил: «Да, он сказал правду. Такое великое дело не может остаться тайной, и скоро султан сам убедится в этом». Тот сказал: «Ты же знаешь, каковы мои владения и их обширность, знаешь, как многочисленны мои войска. Кто же этот проклятый, чтобы обращаться ко мне как к сыну? Какова же численность имеющихся у него войска?» Увидев признаки гнева [султана] и то, что любезная речь превращается в спор, Махмуд ал-Хорезми отступил от искренности и стремился снискать милость султана, чтобы спастись из клыков смерти. Он сказал: «Его войско в сравнении с этими народами и несметным войском не что иное, как всадник перед конницей или дымок в сравнении с ночным мраком» [1, с. 77–79].

Безусловно, подобные сведения должны были быть проверены хорезмийской стороной, что косвенным образом подтверждается в арабо-персидских источниках, где постоянно подчеркивается численное превосходство хорезмийской армии, оставленной в городах Хорезма, Хорасана и Мавераннахра, над силами Чингиз-хана [1, с. 81]. Однако сведения Махмуда ал-Хорезми, тем не менее, могли смутить хорезмшаха и ввести его в заблуждение, пусть и временное. Если бы все-таки Ала ад-Дин Мухаммад до конца доверял полученным сведениям, а его разведчики, в свою очередь, не смогли бы достать достоверной информации о численности монгольского войска, то логично было бы увидеть со стороны хорезмшаха хотя бы попытку дать генеральное сражение Чингиз-хану. Это выглядело бы логичным, ведь Ала ад-Дин Мухаммад в численное превосходство своей армии, однако этого не произошло. При этом, как говорилось выше, все происходит с точностью до наоборот: хорезмшах отдает приказ рассредоточить свои огромные военные силы по городам и крепостям.

Помимо уже приведенных выше объяснения данного факта можно предположить, что Ала ад-Дину Мухаммаду не было известно о возможностях монголов в области осады и взятия крепостей. Предполагая, что осада городов Хорезма, Хорасана и возможно Мавераннахра надолго задержит завоевателей, он выиграл бы время для сбора дополнительных сил, которые, согласно арабо-персидским источникам, были так же значительны [1, с. 81]. Собрав новую армию и опираясь на новых военачальников, хорезмшах мог уничтожить противника под стенами хорезмийских же городов, которые, как возможно он предполагал, они так и не смогут взять. С одной стороны, можно возразить на это следующим образом: первое хорезмийское посольство прибыло к Чингиз-хану в 1215 году, сразу же после того, как монголы взяли Пекин [17, р. 966]. Следовательно, об умении армии Чингиз-хана осаждать и брать города, в отличие от многих других кочевников, должна была быть хорезмшаху известна. Однако данный довод выглядит сомнительным, поскольку сведений о том, что хорезмшаху были известны и другие успехи монголов в деле взятия городов, кроме Пекина, в источниках мы не находим.

В пользу отказа от генерального сражения с монголами, помимо всего прочего, говорит и тот факт, что в отличие от способностей монгольской армии в деле взятия городов, их качества в полевом сражении были Ала ад-Дину хорошо известны. Речь идет о столкновении монгольской и хорезмийской армии на Тургайской равнине в 1218 году, когда войско Ала ад-Дина едва не потерпело поражение. «Тогда Души-хан понял, что если он не примет сражения, то его надежды окажутся ложными и настанет его конец. И он прибег к сражению и искал выхода в битве. И ког-

да встретились оба противника и сошлись [в битве] оба ряда, Души-хан лично атаковал левый фланг султана, разбил [этот фланг] наголову и заставил обратиться в бегство в беспорядке в разных направлениях. Султан был близок к разгрому, если бы наступательное движение его правого фланга против левого фланга проклятого не восстановило [положения]. Так была предотвращена беда, был уплачен долг и была утолена жажда мести, и никто не знал, где победитель, а где побежденный, кто грабитель, а кто ограбленный» [1, с. 54].

Мирхонд в своем труде делает весьма важное замечание о том, как повлияла эта битва на самого хорезмшаха и вызвала в нем страх перед новым противником. «Когда от столь небольшого отряда ощутил подобный отпор, сомнения и ни с чем ни сравнимый страх проникли в его (Ала ад-Дин Мухаммада – прим. автора) разум» [24, р. 77; 1, с. 54].

Не следует исключать при выяснении причин разгрома хорезмийской державы и уничтожения ее военных сил и влияние внешних факторов, в частности речь идет о том, что в противостоянии с монгольской угрозой у Ала ад-Дина Мухаммада не было союзников. Часть своих собственных соседей он заметно ослабил, другие же, как например халиф ан-Насир, и вовсе были его врагами. Именно против халифа хорезмшах совершает последний крупный поход в 1217 году, который едва не заканчивается осадой самого Багдада [21, р. 397]. Со своей стороны, ан-Насир заключает союз с противником хорезмшаха в лице исмаилитов Аламута [21, р. 509; 4, с. 154–155] и по сведениям отдельных источников даже пытается подстрекать к войне с Хорезмом самого Чингиз-хана [24, р. 103; 3, с. 125; 3, с. 126; 19, р. 521]. Несмотря на то, что сам факт посольства ан-Насира к монголам не является окончательно доказанным, следует признать, что накануне монгольского вторжения Ала ад-Дин Мухаммад находился в определенной политической изоляции, не имея мощных союзников, но обладая при этом могущественными врагами. Все это так же делало уязвимыми позиции хорезмшаха в предстоящей войне с Чингиз-ханом.

Подводя итоги данного исследования, хотелось бы отметить несколько важных, с нашей точки зрения, сюжетов. В первую очередь, хотелось бы сказать, что труд ан-Насави, содержащий наиболее подробный специальный рассказ о причинах поражения хорезмийской армии в войне с монголами, указывает нам лишь на ошибки Ала ад-Дина Мухаммада, без учета иных причин, приведших к известному результату указанного противостояния. Если же детально рассматривать приводимые ан-Насави ошибки хорезмшаха, то выяснится, что большинство из них логично вытекало из тех проблем, внутренних и внешних, которые испытывала хорезмийской держава до начала войны с Чингиз-ханом. Таким образом, возникает вполне логичный вопрос, а следует ли считать все перечисленные ан-Насави действия Ала ад-Дина Мухаммада действительно ошибками хорезмшаха или же это был продуманный план, сформированный исходя из реалий той ситуации, в которой находилась его держава?

С нашей точки зрения, главной причиной поражения хорезмийского государства в войне с монголами следует признать раскол внутри тюркской военной элиты и противостояние тюркского элемента в целом с другими этническими группами хорезмийской державы. Несмотря на начавшиеся военные действия, накал указанного противостояния вовсе не снизился, и сплотиться перед лицом общего врага хорезмийское общество не сумело. В результате этого даже успешные военные действия, как в случае с битвой при Перване, не имели решающего значения, а победа хорезмийской армии оказалась перечеркнута последующим ее расколом и уничтожением в битве на реке Инд. Следствием именно внутренних противоречий стал тот факт, что накануне войны с монголами Ала ад-Дин Мухаммад, фактически, не мог опереться на собственную военную элиту, раздираемую внутренними противоречиями. Что же касается внешнего фактора, то, как уже говорилось, в столкновении с монголами Ала ад-Дин Мухаммад не мог рассчитывать на помощь союзников, которых у него просто не было, зато его противники, в частности халиф ан-Насир и исмаилиты Аламута, могли торжествовать. Не стоит забывать и о возможном подстрекательстве монголов к войне с Хорезмом со стороны багдадского халифа.

Относительно того плана ведения войны, который избрал Ала ад-Дин Мухаммад, следует сказать, что его нельзя признать верным или неверным, правильным или ошибочным, как пишут некоторые исследователи – он был единственно возможным. Если принимать в расчет не только сведения ан-Насави, но и весь комплекс проблем, которые испытывала хорезмийская держава накануне войны, то становится понятно, что у хорезмшаха просто не было выбора. Пытаться дать генеральное сражение монголам, пусть и имея перевес в живой силе, не доверяя собственным военачальникам, означает не просто серьезный риск, но вполне ощутимое поражение. А если учесть, что после

сражения на Тургайской равнине военные качества монгольской армии были хорезмшаху хорошо известны, становится понятно, почему он предпочел такого сражения не давать. По всей видимости, Ала ад-Дин Мухаммад предполагал оставить войска вместе с теми военачальниками, которым он не доверял, в городах и крепостях Хорасана, Хорезма и Мавераннахра, а самому дожидаться прихода новых военных сил, о наборе которых нам сообщают нам источники. После формирования новой армии и нового командования можно было бы перейти к уничтожению поодиночке монгольских военных соединений, занятых осадой хорезмийских городов и крепостей.

Крах этого плана связан с тем, что не был учтен и, по всей видимости, неизвестен хорезмшаху тот факт, что монгольская армия Чингиз-хана отличалась умением одерживать победы не только в полевом сражении, но так же осаждал и брать города штурмом. Кроме того, целый ряд городов и крепостей был сдан завоевателям без боя и в кратчайшие сроки, что так же не входило в планы хорезмийского владыки. Рассчитывая надолго задержать монгольские военные силы, Ала ад-Дин Мухаммад получил результат прямо противоположный ожидаемому и совершенно потерял голову: вместо того, чтобы ожидать подкреплений и дать отпор противнику, он бежал от монгольских преследователей, не помышляя о сопротивлении. Ала ад-Дин Мухаммад сумел растерять все, что имел и сам признавался в этом, если верить сведениям ан-Насави: «Из всех областей земли, которыми мы владели, не осталось у нас даже двух локтей, чтобы выкопать могилу» [1, с.91–92]. Однако его наследник, Джалал ад-Дин Манкбурны, в отличие от своего отца сумел оказать сопротивление монголам, однако на общий ход монголо-хорезмийской войны ему повлиять не удалось. Разгром хорезмийской державы был предрешен, не столько ошибками Ала ад-Дина Мухаммада, сколько теми внутренними и внешними проблемами хорезмийского государства, чьим заложником он, по сути, и стал.

Список литературы

1. Ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер.: З.М. Буниятов. Баку, 1973. 450 с.
2. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т.1. 760 с.
3. Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов 1097–1231 г. М., 1986. 247 с.
4. Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма. Традиции мусульманской общины. М., 2004. 273 с.
5. Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира / Пер.: Е. Е. Харитонова. М., 2004. 690 с.
6. Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П.Г. Булгакова, Ш.С. Камолиддина. Т., 2006. 560 с.
7. Д'Оссон К. История монголов. От Чингиз-хана до Тамерлана. Т. 1. Чингиз-хан. / Пер. Н. Козьмин. Иркутск, 1937. 255 с.
8. Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219–1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 107–140.
9. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер.: А.К. Арэндс, Ю.П. Верховский, О.И. Смирнова, Л.А. Хетагуров. М., 2002. Т. 1–2.
10. Тимохин Д.М. Особенности исчисления хашара по мусульманским источникам периода монгольского нашествия на Среднюю Азию // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: материалы XVIII науч. конф. Москва, 26–28 янв. 2006 г. / Редкол.: В.А. Муравьев и др. М., 2006. С. 393–395;
11. Тимохин Д.М. Использование монгольскими войсками тактики хашара в период завоевания государства Хорезмшахов (1219–1221 гг.) // Батыр. № 1. 2011 (№2). С. 33–39.
12. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингиз-хана. М., 2004. 557 с.
13. Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. Paris, 1849–1850. Vol. XIII–XV.
14. Benaketi Davud. Tarih-i Benaketi. Tehran, 1969. 593 с.
15. Cambridge History of Iran / Ed.: J.A. Boyle. Cambridge, 1968. Vol. 5. 763 p.
16. Djuveini. The History of the World-conqueror / Trad. J.A. Boyle. Manchester, 1959. Vol. 1–2.
17. Djuzdjani. Tabakat-i Nasiri / Trad.: H.G. Raverty. Calcutta, 1960. Vol. 1–2.
18. Haqqi S.A.H. Chingiz Khan: The Life and Legacy of an Empire Builder. Delhi, 2010. 326 p.
19. Histoire des Mogols et des Tatares par Abul-Gazi Behadour Khan / Trad.: B. Desmaisons. St. Petersburg., 1874. Vol. 2. 394 p.
20. Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'apres l'abrege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi / M.Th. Houtsma. Leiden, 1902. 384 p.
21. Hamdallah Kazvini. Tarihi Guzide / Trad. Y. Le Strange. Paris, 1903. Vol. I. 732 p.

22. Hamdallah Kazvini. *Nuzhat al-Kulub* / Trad. E. G. Browne. Gibb Memorial. London, 1915–1918. Vol. XXIII. № 1–2.
23. Kafesoglu I. *Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara, 1956. 420 p.
24. Mirhond. *Histoire de sultan du Kharezm*. Paris, 1841. 113 p.
25. Mirhond. *La vie de Genghis-khan*. Paris, 1840. 174 p.
26. Nasrhai-e tarihi / I. Hakemi. Tehran, 1971. 176 p.
27. Natanzi Moin ad-Din. *Montahab at-tavarih-e Moini*. Tehran, 1957. 492 p.
28. Sib al-Jauzi. *Miraat az-zaman fi tarih al-ayan*. Chicago, 1907. Vol. VIII. Part I–II.
29. Sib al-Jauzi. *Miraat az-zaman fi tarih al-ayan*. Haidarabad, 1952. Vol. VIII. Part I–II.
30. *Tarih-i al-i Saljuk dar Anatoli*. Tehran, 1999. 168 c.
31. Vassaf Abdallah. *Tarih-i Vassaf*. Bombay, 1853. 658 p.
32. Vassaf Abdallah. *Tarih-i Vassaf*. Tehran, 1959. 708 c.

Сведения об авторе: Дмитрий Михайлович Тимохин – научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, кандидат исторических наук (Москва, ул. Рождественка, 12); horezm83@mail.ru

To a Question about the Reasons for the Defeat of Khwarezmian Army in the War against the Mongols (1219–1221)

D.M. Timokhin
(*Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences*)

This article is devoted to the analysis of the reasons for the defeat of Khwarezmian army in the struggle against the Mongol conquerors in 1219–1221. Basing on the data from the Arab-Persian sources and historiography, the author tried to establish the reasons for this defeat, to point their specific as well as to find out, which of them was the major. Besides the analysis of these reasons, the article contains both an overview of the sources and historiography related to this problem as well as the short description of the Mongol-Khwarezmian war. The author considered in detail the plan of Ala al-Din Muhammad in his war against the Mongols and came to conclusions different from those that can be found in most of domestic and foreign researches on the history of the Mongol conquests. The author emphasizes the fact that this war plan was only possible for Ala ad-Din Muhammad. However, this plan failed due to poor awareness of the opportunities of the Mongol army, surrendering of some cities and fortresses without fight, as well as because of the fear and indecision of the Khwarezmshah. All the subsequent attempts to halt the Mongol invasion by the military forces of Jalal al-Din Mankubirni were also doomed to failure since the internal and external problems of the Khwarezmian State nullified all these efforts. Thus, the defeat of Khwarezmian army in its war against the Mongols was in many respects predetermined by conditions of the Ala ad-Din Muhammad's State on the eve of invasion of Genghis Khan's troops.

Keywords: Khwarezm, Ala ad-Din Muhammad, Mongols, Genghis Khan, sources, an-Nasavi, Jalal ad-Din Mankubirni.

References

1. An-Nasavi. *Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad-Dina Mankuburny* [The Biography of Sultan Jalal al-Din Mankubirni]. Per.: Z.M. Bunyatov. Baku, 1973. 450 p.
2. Bartol'd V.V. *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Turkestan down to the Mongol Invasion]. Bartol'd V. V. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, 1963. Vol. 1. 760 p.
3. Bunyatov Z.M. *Gosudarstvo Khorezmshakhov-Anushteginidov 1097–1231 g.* [The State of Khwarezmshahs-Anushteginides 1097–1231]. Moscow, 1986. 247 p.
4. Daftari F. *Kratkaya istoriya ismailizma. Traditsii musul'manskoy obshchiny* [A Brief History of Ismailism. Traditions of the Muslim Community]. Moscow, 2004. 273 p.
5. Juvayni. *Chingiz-khan. Istoriya zavoevatel'noy mira* [History of the World Conqueror]. Per.: E.E. Kharitonova. Moscow, 2004. 690 p.
6. Ibn al-Athir. «*Al-Kamil fi-t-tarikh*». «*Polnyy svod po istorii*». *Izbrannyye otryvki* [“A Full Vault of the History”. Selected Excerpts]. Per. P.G. Bulgakova, Sh.S. Kamoliddina. T., 2006. 560 p.
7. D'Ohson K. *Istoriya mongolov. Ot Chingiz-khana do Tamerlana* [History of the Mongols. From Genghis Khan to Tamerlane]. Vol. 1. *Chingiz-khan* [Genghis Khan]. Per. N. Koz'min. Irkutsk, 1937. 255 p.

8. Petrushevskiy I. P. Pokhod mongol'skikh voysk v Srednyuyu Aziyu v 1219–1224 gg. i ego posledstviya [Military Campaign of the Mongol Troops to Central Asia in 1219–1224 and Its Consequences]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [The Tatar-Mongols in Asia and Europe]. Moscow, 1977, pp. 107–140.
9. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Per.: A.K. Arends, Yu.P. Verkhovskiy, O.I. Smirnova, L.A. Khetagurov. Moscow, 2002. Vol. 1–2.
10. Timokhin D.M. Osobennosti ischisleniya khashara po musul'manskim istochnikam perioda mongol'skogo nashestviya na Srednyuyu Aziyu [Features of the Hashar Calculation According to Muslim Sources of the Period of Mongol Invasion of Central Asia]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: klassicheskoe nasledie i novye napravleniya: materialy XVIII nauch. konf. Moskva, 26–28 yanv. 2006 g.* [Auxiliary Historical Disciplines: Classical Heritage and New Directions: Materials of the XVIII Conference, Moscow, 26–28 January 2006]. Redkol.: V.A. Murav'ev i dr. Moscow, 2006, pp. 393–395;
11. Timokhin D.M. Ispolzovanie mongol'skimi voyskami taktiki khashara v period zavoevaniya gosudarstva Khorezmshakhov (1219–1221gg.) [The Use by the Mongol Troops of the Hashar Tactics during the Conquest of the State of Khwarezmshah (1219–1221)]. *Batyr*. No. 1. 2011 (No.2), pp. 33–39.
12. Khrapachevskiy R.P. *Voennaya derzhava Chingiz-khana* [The Military State of Genghis Khan]. Moscow, 2004. 557 p.
13. Al-Asir ibn. Al-Kamil fi-t-tarih. *Journal Asiatique*. Paris, 1849–1850. Vol. XIII–XV.
14. Benaketi Davud. *Tarih-i Benaketi*. Tehran, 1969. 593 p.
15. Cambridge History of Iran. Ed.: J.A. Boyle. Cambridge, 1968. Vol. 5. 763 p.
16. Djuveini. *The History of the World-conqueror*. Trad. J.A. Boyle. Manchester, 1959. Vol. 1–2.
17. Djuzdjani. *Tabakat-i Nasiri* / Trad.: H.G. Raverty. Calcutta, 1960. Vol. 1–2.
18. Haqqi S.A.H. *Chingiz Khan: The Life and Legacy of an Empire Builder*. Delhi, 2010. 326 p.
19. *Histoire des Mogols et des Tatares par Abul-Gazi Behadour Khan* / Trad.: B. Desmaisons. St. Petersburg., 1874. Vol. 2. 394 p.
20. *Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure d'apres l'abrege du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi* / M.Th. Houtsma. Leiden, 1902. 384 p.
21. Hamdallah Kazvini. *Tarihi Guzide*. Trad. Y. Le Strange. Paris, 1903. Vol. I. 732 p.
22. Hamdallah Kazvini. *Nuzhat al-Kulub*. Trad. E.G. Browne. Gibb Memorial. London, 1915–1918. Vol. XXIII. No. 1–2.
23. Kafesoglu I. *Harezmsahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara, 1956. 420 p.
24. Mirhond. *Histoire de sultan du Kharezm*. Paris, 1841. 113 p.
25. Mirhond. *La vie de Genghis-khan*. Paris, 1840. 174 p.
26. *Nasrhai-e tarihi* / I. Hakemi. Tehran, 1971. 176 p.
27. Natanzi Moin ad-Din. *Montahab at-tavarih-e Moini*. Tehran, 1957. 492 p.
28. Sibt al-Jauzi. *Miraat az-zaman fi tarih al-ayan*. Chicago, 1907. Vol. VIII. Part I–II.
29. Sibt al-Jauzi. *Miraat az-zaman fi tarih al-ayan*. Haidarabad, 1952. Vol. VIII. Part I–II.
30. *Tarih-i al-i Saljuk dar Anatoli*. Tehran, 1999. 168 p.
31. Vassaf Abdallah. *Tarih-i Vassaf*. Bombay, 1853. 658 p.
32. Vassaf Abdallah. *Tarih-i Vassaf*. Tehran, 1959. 708 p.

About the author: Dmitriy Mikhaylovich Timokhin – Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (History) (Moscow, Rozhdestvenka str., 12); horezm83@mail.ru

Полчища Чингиз-хана: анатомия мифа

А.Г. Юрченко

(Издательство «Евразия», Санкт-Петербург)

В средневековых латинских хрониках численность монгольских армий оценивается в триста или пятьсот тысяч человек. Каким образом появились эти цифры? Сведения латинских авторов следует рассматривать в контексте средневековой картины мира, которая предполагала участие божественной силы в земных делах. Жан де Жуанвиль, участник седьмого крестового похода, пересказывает несторианскую легенду о том, как Небесный владыка ниспосылает победы Чингиз-хану. По воле Небесного владыки в одной из битв 300 воинов Чингиз-хана должны победить 300 000 врагов. Соотношение численности войск следует понимать так: триста верных всадников получают поддержку небесного воинства. Мириады невидимых помощников обрушатся на врага и принесут победу. Обычные сообщения средневековых хроник о 100 000 или 500 000 армиях являются проекцией небесных битв на земные сражения. Стотысячные армии – это армии Бога. Если Бог помогает, то небесное воинство пребывает незримым. Если же Бог казнит верующих за грехи, то небесная армия оборачивается вражеским стотысячным войском на земле. Христианский мир расценил монгольские победы как кару Бога, что и породило миф о несусветных полчищах Чингиз-хана.

Ключевые слова: Средневековые латинские источники, численность монгольских армий, Жан де Жуанвиль, небесные битвы, армии Бога.

1. Интересовала ли современников численность монгольских армий в том же обыденном контексте, что и нынешних историков? Зачастую да, но они не знали, как получить точные сведения. Напротив, для христианских книжников, искавших ответы в Священном писании, существовал единственный истинный контекст – эсхатология. Вопрос о численности противника увязывался ими с темой божественного наказания за грехи. Вызывавшие панику военные поражения и слухи о монголах были страшны как предвестники конца света [42; 43, с. 115–137]. В послании папы Иннокентия IV патриарху Аквилеи (от 21 июля 1243 г.) содержится просьба побудить христиан Тевтонии, чтобы они «подняли знамя креста против посланников Сатаны и служителей Тартара» [47, № 11096]. Здесь нет места для рутинных аспектов войны. Противники Бога представлены полумиллионными армиями: полнота чисел указывает на космический масштаб битвы.

Реальная численность монгольских армий была военной тайной Чингизидов и под страхом смертной казни не подлежала разглашению. Иногда мы слышим голоса важных свидетелей, но у нас нет возможности проверить достоверность их сообщений. Например, ан-Насави по приказу султана Джалал-ад-дина допросил монгольского посла, перса ат-Тахира, который был вазиром Йатмас-нойона. Ат-Тахир заявил, что нойон Чормагун «провел в Бухаре смотр своим воинам и записал [в реестр] двадцать тысяч, а кроме того, было большое ополчение» [40, гл. 101]. Султан распорядился убить посла, чтобы никто из его войска не смог узнать о численности монголов и в страхе не разбежался.

В 1239 г. некий венгерский епископ имел возможность расспросить двух пленных монгольских лазутчиков. Прозвучал вопрос о войске. Ответ лазутчиков заставляет предположить, что в плену они оказались не случайно, а были специально подсланы, чтобы своими рассказами внушить еще больший страх. О войске, которое вторглось в Европу, пленные «сказали, что в длину оно простирается на 20 дневных переходов, а в ширину – на десять дневных переходов; ведь за войском следует 13 тысяч всадников, защищающих его» [20, с. 174–176]. Подобным же образом монголы поступили при осаде Киева, когда был взят в плен удивительно осведомленный воин, сообщивший русским князьям имена девяти вождей во главе с Бату [23, с. 173–175].

Средневековых европейских наблюдателей можно условно разделить на две группы: первые фиксируют слухи и признаются, что не могут выяснить численность монголов; вторые уверенно называют фантастические цифры. По пути первых идут некоторые современные исследователи [17, с. 23–32; 22, с. 166–173; 31, с. 55–73; 32, с. 363–384; 39, 127–132; 38, с. 63; 37, с. 40–59]. В качестве

источника они используют исторические хроники, средневековые научные трактаты, разведывательные донесения и другие литературные тексты. Суждениям вторых следовали историки XIX в. То была эпоха позитивизма – буквального восприятия средневековых свидетельств. Критическому анализу последних и посвящена настоящая статья. Дело в том, что не всегда можно различить сведения «разведчиков» от расчетов «теологов», что и вносит путаницу в исследования.

В латинских источниках XIII в. фигурируют полумиллионные армии монголов. Три примера. Рогерий, сплитский архиепископ (1249–1266), еще в бытность свою каноником в Варадине, написал «Жалобную песнь» о разрушении венгерского королевства, которую начинает с перечня имен монгольских предводителей. «Король королей и господин пришедших в Венгрию татар звался именем Бату. В войске начальником под ним был человек, называемый всеми могущественным Бохетором (Субедей-бахадур). Кадан из скромности назывался лучшим. Коактон (Коктен), Феикан, Пета, Хермеус, Хеб, Окадар считались среди татар старшими королями, хотя были среди них и прочие многочисленные короли, властители и вельможи, которые с пятьюстами тысячами вооруженных воинов устремились в венгерское королевство» [18, гл. 19; анализ имен см.: 38, с. 204–205]. Ивон Нарбоннский в послании архиепископу Бордоскому указывает еще большую численность монгольского войска: «Они все, как один человек, настойчиво стремятся и жаждут подчинить весь мир своему господству. Их, однако, насчитывается не более тысячи тысяч. Приспешники же [их] числом шестьсот тысяч, когда они [их] посылают с целью подготовки места для привала войска, мчатся верхом на скакунах, за одну ночь покрывают расстояние трех дневных переходов» [20, с. 150].

В энциклопедию ученого доминиканца Винченца де Бове (ум. 1264 г.) «Speculum historiale» («Историческое зеркало») включены сведения о численности монгольских войска из отчета Симона де Сент-Квентина (1247 г.). Симон был секретарем дипломатической миссии доминиканцев во главе с братом Асцелином в лагерь монгольского нойона Байджу, располагавшийся около крепости Сисиан в Армении. «В войске этого Батота (Бату) находится шестьсот тысяч, а именно сто шестьдесят тысяч татар и четыреста сорок тысяч как христиан, так и других неверных¹. И говорят, что у него воинов в семь раз больше, чем в войске у Байот-ноя (Байджу-нойон). Кроме того, как говорят, хаам имеет пять войска, общую численность которых никто не может постичь. И еще, у Батота есть восемнадцать баронов-братьев со стороны его отца и разных матерей², каждый из которых имеет десять тысяч или менее воинов в своем подчинении. Но из них никто, за исключением двоих братьев, не вступал в пределы королевства Венгрии» [49, гл. XXXII.34]³.

Наша задача найти ответ на вопрос, откуда у современников взялись такие цифры в оценке монгольских войска? Заявить, что средневековые авторы оперируют совершенно фантастическими числами, не означает объяснить суть явления. Не ответив на вопрос о полумиллионных армиях, мы не можем двигаться дальше. Ответа нет по сей день. Вот как видел эту ситуацию Джон Феннел в 1989 г.: «Завоеватели, несомненно, имели численное превосходство над своими противниками. Но насколько велико было это превосходство, сказать невозможно. Действительно, невероятно трудно дать даже самую приблизительную оценку численности войска, вторгшихся на Русь и в Европу. С одной стороны, мы имеем туманное, “бесчисленные множества”, упоминаемое в русских летописях, и гигантские числа, называемые западными источниками; с другой стороны, Рашид-ад-дин оценивает численность монгольского войска в момент смерти Чингис-хана в 129 000 человек» [35, с. 124]. Положение дел, описанное Д. Феннелом, осталось неизменным по сей день.

Для начала кратко охарактеризуем ментальную картину мира средневекового Запада, ибо очевидно, что монголы воспринимались через призму апокалиптической «теории катастроф», в ожидании вселенской битвы Христа с Антихристом и конца земной истории [48, с. 303–331]. Описания монгольского вторжения, созданные западными интеллектуалами XIII в., преследовали единственную цель: найти место монголам в христианской картине мира. Вопрос о невероятной

¹ Точнее: “так и других, то есть неверных” (*прим. ред.*).

² Точнее: “18 баронов, братьев ни от его же отца, ни от его же матери, но от других” (*прим. ред.*).

³ In exercitu quidem Bathoth sunt .DC. milia pugnatorum videlicet .CLX. milia Tartarorum et .CCCCXL. milia tam christianorum quam aliorum, scilicet infidelium. Et dicitur habere plures bellatores in septuplo numero quam Baiothnoy in exercitu suo. Porro chaam dicitur habere exercitus quinque quorum omnium nemo de facili potest numerum comprehendere. Fertur autem Bathoth .XVIII. barones fratres non ex eodem patre nec ex eadem matre, sed ex diversis habuisse, quorum unusquisque. X. milia bellatorum ad minus habebat sub se. Sed de omnibus illis non intraverunt nisi duo fratres regnum Hungarie (*Simon de Saint-Quentin. XXXII.34*).

численности армий азиатских кочевников должен рассматриваться в рамках библейской традиции описания стихийных бедствий.

В 1245 г. русский архиепископ Петр прибыл в резиденцию папы Римского перед открытием Лионского собора. Открывая собор, Иннокентий IV указал на пять главных бедствий христианского мира, одним из которых была монгольская угроза. Не удивительно, что архиепископ Петр – живой свидетель рокового жребия нависшего над Европой, «муж честный, набожный и достойный доверия» был тщательно расспрошен политиками и богословами Италии и Франции. Он подтвердил наихудшие опасения курии: монголы готовятся к «жестокой схватке с римлянами и другими латинянами» и им свыше предопределено подчинить себе весь мир. Архиепископ Петр на вопросы о деяниях монголов отвечал в следующем порядке: 1) о происхождении; 2) о вероисповедании; 3) о совершении религиозных обрядов; 4) об образе жизни; 5) о мощи; 6) о численности; 7) о намерении их; 8) о соблюдении договоров; 9) о приеме послов [20, с. 151–153, 180–182].

Иерархия вопросов имеет свою логику: средневековый человек воспринимал мир через призму священной триады, включавшей сотворение мира, земную историю и завершающейся концом света. В вопросах, заданных архиепископу Петру, главенствует божественная тема, за ней следует интерес к образу жизни неизвестного народа, и в конце, вполне практические проблемы. «О численности он не дал точного ответа; однако сказал, что будто бы от всех народов и всех вер многие присоединились к ним».

И южносунские дипломаты, побывавшие при дворе великого хана Угедея в 1233 г., также признаются, что не смогли выяснить численность монгольских войск: «Невозможно узнать, какова численность войск [у них]. Но так как у одного мужа бывает несколько жен или у одной жены бывает несколько сыновей и [они] со временем размножаются, то [численность войск у них] увеличивается, а не уменьшается. О нынешних начальниках (*тоу-ся*) также неизвестно, сколько их» [21, с. 806]. Один из этих дипломатов, Сюй-Гин, наблюдал отправку монгольского войска в западный поход.

2. В 1237 г. доминиканец брат Юлиан, вернувшись из второго путешествия в Поволжье, докладывал папскому легату в Венгрии Сальвио де Сальви о татарах, появившихся у границ Руси. Брат Юлиан выяснил важные вещи. Речь идет о том, что монголы используют пленных, посылая их в бой впереди своего войска. Известно Юлиану и то, что в составе монгольского войска находились отряды из чужеземцев, во главе со своими князьями, обязанными нести воинскую повинность. Иными словами, даже если бы мы могли выяснить численность монгольского войска в западном походе, мы не сможем узнать число пленных, вовлеченных в круговорот войны. Не сможем мы оценить и число невольных союзников монголов.

Обратимся к посланию Юлиана⁴:

«О войне я вас извещу правдиво: говорят, что они направляют стрелу дальше, чем иные племена. В битве при первой же схватке их стрелы, как говорят, не летят, а льются, подобно дождю. К мечам и копьям они, по слухам, менее приспособлены в бою. Строй свой они упорядочивают таким образом, что над десятью людьми командует один татарин, а над сотней – сотник. К этой хитрости прибегают, чтобы предотвратить проникновение лазутчиков к ним с какой-либо стороны, или если в сражении их количество убудет, то может быть восстановлено без задержки, и людям, собранным из разных языков и племен, не позволить неверность. Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают царей, князей и благородных из опасения, что те когда-нибудь смогут оказать сопротивление. Воинов и поселян, смелых в сражениях, они, вооружив, посылают помимо их воли в бой впереди себя. Прочих же, мало пригодных для сражений, оставляют обрабатывать землю, а жен, дочерей и родственниц (всех тех, кого отправили в битву и кого убили), делят между оставленными обрабатывать землю, выделяя каждому по десяти, а то и более, и обяыывают этих людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых принуждают бороться, то даже если они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если же погибнут в бою – то о них не заботятся!; но если они отступят во время сражения, то татары их немедленно убивают. Поэтому, сражаясь, они предпочитают погибнуть в бою, чем от татарских мечей, и сражаются отважно, чтобы не остаться в живых и погибнуть быстро. На укрепленные замки не нападают, но первым делом опустошают

⁴ См. более точный перевод послания Юлиана в: Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940, № 3, с. 83–90. (прим. ред.).

землю и грабят народ, а затем, собрав народ со всей округи, понуждают осаждать свой же собственный замок. О численности их войска не пишу ничего, за исключением того что по всем завоеванным царствам они собирают воинов, годных к битве, которых отправляют в сражение впереди себя» (*Julianus. Epistola de vita Tartarorum. 3.1–12*) [44, с. 176]⁵.

Юлиан, признавшись, что численность монгольского войска ему неизвестна, в конце послания сообщает о своем разговоре с русским книжником, который ищет смысл происходящего в Библии. «Кроме того, чтобы ни о чем здесь не умолчать, сообщаю вам, отец наш, что один русский клирик, выписавший нам кое-что из историй книги Судей, утверждает, что татары – это мадианиты, которые в одновременно с хетями напали на сынов Израиля, но были побеждены Гедеоном, как о том повествуется в книге Судей. Бежав из тех мест, указанные мадианиты поселились возле некоей реки, по имени Тартар, почему и называются татарами. Также татары утверждают, будто у них такое множество воинов, что его можно разделить на сорок частей, причем на земле не найдется силы, которую можно было бы противопоставить хоть одной из этих частей. А еще они говорят, что в войске вместе с ними пребывают двести шестьдесят тысяч подвластным им иноверцам, а также сто тридцать пять тысяч испытанных в бою единоверцев» (*Julianus. Epistola de vita Tartarorum. 6. 1–5*) [44, с. 181–182]⁶.

Эта совершенно легендарная арифметика принимается современными исследователями за достоверные факты. Так, В.Б. Кошечев полагает: «Столь точное исчисление вооруженных сил монголов не только противоречит приведенному заявлению Юлиана, но и содержится только в одном списке Р, который является к тому же сокращенной редакцией послания. Напрашивается вывод, что эти сведения принадлежат не Юлиану, а добыты другими разведчиками. Ими могли быть монахи, которые, по сообщению Юлиана, незадолго до его приезда проникли через город Рецессуэ (Гороховец?) во владения союзного монголам мордовского князя и пропали без вести после его выступления на соединении со своими союзниками» [14, с. 131–135]. И другие исследователи используют сообщение Юлиана в своих методиках по оценке численности монгольского войска [36, с. 177]. Выше мы условились разделить средневековых наблюдателей на две группы, где первые отдают себе отчет, что не в силах выяснить численность монгольских войск, а вторые уверенно оперируют круглыми цифрами. Юлиан, несомненно, относится к первой группе, но считает возможным дополнить свое послание размышлениями русского книжника и цифрами из иного источника.

⁵ 3. 1. Verum ut de bello vobis significarem, dicitur quod longius iaciunt sagittis quam ceterae consueverint nationes. 2. Et in prima congressione belli sicut dicitur non sagittant sed quasi pluerе sagitte videntur; gladiis et lanceis dicuntur minus apti ad bellum. 3. Taliter enim suum cuneum ordinant quod decem hominibus unus Tartar preest, iterum centum hominibus unus centurio. 4. Hoc ideo tali astutia faciunt, ne exploratores supervenientes possint aliquatenus latere inter eos, et si forte numerum eorundem diminui propter bellum, possint restituere sine mora, et populus collectus ex diversis infidelitatem aliquam facere non possit, quem ex diversis linguis et nationibus collegerunt. 5. Omnium regnorum que obtinent, reges et duces et magnates, de quibus est spes quod aliquando possint facere resistentiam, interficiunt sine mora. 6. Milites autem et rusticos fortes ad prelium ante se mittunt armatos ad preliandum sine sponte. 7. Alios autem rusticos ad preliandum minus aptos relinquunt ad excolendam terram, et omnium (tam ad prelium compulsorum quam occisorum) uxores et filias et cognatas dividunt ad singulos cultui terre relictos decem vel plures assignantes, et imponunt eisdem ut Tartari de cetero nuncupentur. 8. Milites vero, qui ad preliandum compelluntur, si bene pugnant et vincunt – parva gratia; si vero in prelio moriuntur, – nulla cura! 9. Si vero in prelio retrocedunt, sine mora a Tartaris occiduntur; ideoque preliantes appetunt occidi potius in prelio quam gladiis Tartarorum feriri. 10. Pugnant ergo fortius non ut vivant in posterum, sed ut citius moriantur. 11. Castra munita non expugnant, sed prius terram devastant et populum depredantur, et eiusdem terre populum simul congregant et compellunt ad pugnam ad expugnandum ipsum suum castrum. 12. De multitudine autem ipsius exercitus vobis aliquid non scribe, nisi etiam quod omnium regnorum que obtinuit milites ad pugnam aptos ante se compellit preliari (*Julianus. Epistola de vita Tartarorum. 3.1–12*).

⁶ 6. 1. Preterea ut nichil ex his maneat pretermissum paternitati vestre significo, quod cum quidam clericus Ruthenorum nobis aliqua rescriberet de historia libri Iudicum, dicebat, quod Tartari sunt Madyanite, qui cum Cethym pariter contra filios Israel pugnantibus devicti sunt a Gedeone sicut in libro Iudicum continetur. 3. Unde fugientes dicti Madyanite habitaverunt iuxta, fluvium quendam nomine Tartar, unde et Tartari sunt vocati. 4. Tantam quoque asserunt Tartari se bellatorum habere multitudinem quod in quadraginta partes dividi posset ita quod nulla potestas inveniatur super terram, que uni parti eorum valeat resistere. 5. Item dicitur quod habent in exercitu suo secum servos ducenta sexaginta milia qui non sunt de lege sua et centum triginta quinque milia de lege sua probatissimorum in acie (*Julianus. Epistola de vita Tartarorum. 6. 1–5*).

На мой взгляд, сведения Юлиана являются почти прямой цитатой из «Послания о царе Давиде» (*Relatio de Davide rege Tartarorum Christiano*, § 47). В обоих случаях речь идет о войске, разделенном на сорок частей, каждая из которых непобедима. В 1222 г. епископ Акры Жак де Витри, получив от графа Раймунда из Триполи письменные сообщения разведчиков из Восточного Туркестана, распространил необычную историю. В ней говорится о царе Давиде, который по просьбе багдадского халифа выступил со своим войском против шаха Хорезма. Одержав победу, царь Давид собрал большое войско и захватил все царства Азии. Вот этот эпизод:

§ 47: *Iterato congregavit gentem maximam rex David et secum alios sedecim magnos viros, quorum unus habebat centum millia hominum, alius ducenta millia vel parum plus vel parum minus, et divisit exercitum suum in quadraginta partibus [, quarum quaelibet continebat sub se c millia hominum, et] venit citra flumen Geon et cepit 'затем царь Давид собрал множество племен и было с ним шестнадцать могущественных мужей, один из которых имел под началом сто тысяч человек, а другой – двести тысяч, или чуть больше или меньше, и разделил свое войско на сорок частей, в каждой было по сто тысяч человек, и перешел реку Геон'* [51, с. 53]⁷.

Происхождение этого текста таково. В знаменитой литературной мистификации 1145 г., адресованной императору Византии Мануилу Комнину, пресвитер Иоанн предстает могущественным правителем трех Индий [46, с. 47–57; 50]. Миф об этом царе с неожиданной силой возродился во время пятого крестового похода, а именно, в период сражений под Дамьеттой в 1219–1221 гг. Среди крестоносцев распространился слух о необычайном союзнике, который нанес сокрушительное поражение мусульманам на востоке и скоро объявится у границ Египта [51, с. 1–22]. Ясно, что речь шла о военной кампании Чингиз-хана против хорезмшаха. Чингиз-хан в воображении лидеров крестоносцев рисовался царем Давидом, потомком пресвитера Иоанна, и эту ассоциацию подкрепляли сведения о военных успехах монголов в Хорезме и Хорасане [15, с. 761–764]. В 1220 г. монгольские армии приблизились к восточным границам Багдадского халифата. Учтем, что реальные события и их восприятие западными наблюдателями, с нынешней точки зрения, оказались погруженными в легендарный контекст. Можно с некоторой долей уверенности констатировать, что достоверные сведения о монгольской мощи отвечали тайным ожиданиям крестоносцев. Крестоносцы полагали, что их новый союзник в борьбе с мусульманами готов помочь в защите Гроба Господнего.

После покорения Дамьетты была найдена арабская книга пророчеств, которая обещала крестоносцам счастливый выход из затруднений. В «Книге Климента» предрекалось, что, когда приморский город Египта будет захвачен, одновременно с ним падут Александрия и Дамаск, и два короля, один с Запада, другой с Востока, встретятся в этот год в Иерусалиме [29, с. 214]. «Царь Давид», как он назван в письме легата Пелагия папе Гонорию III, уже находился в десяти днях пути от Багдада. Ожидавшимся царем с Запада был Фридрих II, чья коронация прошла в ноябре 1220 г. В 1222 г. Пасха пришлась на третье апреля: все совпало, падение власти ислама должно было произойти в течение одного года. Одновременно епископ Акры Жак де Витри распространил «Послание о царе Давиде». Этот шаг был своеобразным дополнением к книге прорицаний, перевод которой инициировал Пелагий. Эпизод восточной истории был включен в донесение Юлиана. Однако все это не объясняет немислимую численность войск царя Давида (Чингиз-хана). Ключ к разгадке содержится в одном из сюжетов книги воспоминаний Жана де Жуанвиля.

3. В 1248 г. Жан де Жуанвиль, участник седьмого крестового похода, отправился на Кипр и присоединился к войску французского короля Людовика IX (1241–1270). Одновременно на Кипр к королю прибыли монгольские послы, предложившие военный союз против мусульман. По словам Жана де Жуанвиля, «они дали понять, что помогут ему отвоевать королевство Иерусалимское у сарацин». Король отправил с ними своих послов. Они вернулись спустя три года, в 1251 г., с письмом от Огул-Каймыш, правительницы Монгольской империи, вдовы великого хана Гуюка. Французское посольство проявило интерес к истории возвышения Чингиз-хана. Интересовали их

⁷ В роли научного редактора книги Р.Ю. Почекаева «Батый. Хан, который не был ханом», я указал автору на важность эпизода из «Послания о царе Давиде» для понимания текста Юлиана. Р.Ю. Почекаев согласился с моей гипотезой, но не придал должного значения сведениям о войске, разделенном на сорок частей, что лишило гипотезу убедительности [26, с. 80–81]. Приводя латинский текст и новый перевод, я возвращаю аргументу его полноту (впервые эта гипотеза упоминается А.Клоппрогге: Klopprogge A. *Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1993, s. 161 [прим. ред.]).

и причины его побед: «Они осведомились, как татары достигли такого могущества, что перебили и уничтожили столько людей, и позднее сообщили королю то, что узнали».

Послы излагают несторианскую легенду, которая позволяет увидеть, как рождались мифы о стотысячных армиях. Легенда о вознесении на небо некоего князя из войска Чингиз-хана демонстрирует видение грандиозной битвы народов кочевниками-несторианами. Для них Чингиз-хан был символом, точкой кристаллизации собственных мифологем. Здесь нет достоверности в ее повседневном понимании, но есть достоверность высшего порядка.

Вечное Небо, которое покровительствовало Чингиз-хану и возложило на него право управлять миром, в воображении несториан превратилось в небесного царя с великолепной свитой. Культ Тенгри в несторианских декорациях породил фантастическую феерию. В новой картине мира планы земных побед Чингиз-хана составлялись на небесах. Истинной войной была небесная война.

Несторианская легенда была осмыслена в крестоносном ключе, что отчасти объясняет ее католический блеск и рыцарскую этикетность. Некий предводитель кочевого племени, подданный пресвитера Иоанна, перешел на службу к монголам. Вскоре с ним произошел удивительный случай. Он поднялся на высокую гору и был восхищен на небо. Вертикальное перемещение вверх знаменует попадание в божественный мир. Там он увидел короля, восседающего на золотом троне. По левую руку преклонил колена Георгий в рыцарском облачении. У небесного короля уже была готова программа: «Отправишься отсюда к своему королю и скажешь ему, что ты узрел меня, того, кто является Владыкой неба и земли; и скажешь ему, чтобы он возблагодарил меня за победу, которую я ниспослал ему над пресвитером Иоанном и его народом. И еще передашь от меня, что я дарую ему могущество, дабы подчинить всю землю. “Сир, – ответил князь, – как он поверит мне?” “Скажешь ему, дабы он поверил тебе, что знак моей воли таков: ты пойдешь сражаться с императором Персии всего с тремя сотнями людей из твоего народа; и чтобы ваш великий король уверовал, что в моей власти сделать все, я дарую тебе силу победить персидского императора, который будет сражаться против тебя более чем с тремястами тысячами воинов”» [5, §483–484].

Небесный король предсказывает победу монголов над «императором Персии» (возможно, речь идет о хорезмийском султানে Джалал-ад-дине). Анализируя этот сюжет, Л. Фридман показал, что смысл легенды заключается в получении Чингиз-ханом божественного мандата на завоевание мира, что нашло подтверждение в реальных военных успехах [42, с. 1–7]. По наблюдению Л. Фридмана, интерес пророчества в том, что это не простое изложение мифа или фольклорный сюжет, а идеологическая легенда, связанная непосредственно с политическими событиями в Святой Земле.

Точно такая же имперская программа известна и армянскому историку Григору Акнерци. Повеления Бога Чингиз-хану властвовать на земле передает золотокрылый орел [9, с. 4]. Это инвариант монгольской мифологемы Вечного Неба, дарующего победы Чингиз-хану. Несторианскому сюжету о небесном воинстве Чингиз-хана соответствует персидский вариант, где Чингиз-хан ожидает помощи от ангелов и дивов. В изложении Рашид-ад-дина, Чингиз-хан, поднявшись на холм (символ Мировой горы), обращается к космическим силам исламской мифологии [27, с.263]. Поскольку миф конструируется персами-мусульманами, Чингиз-хан с неизбежностью ищет поддержку у пери и дивов. Ментальная достоверность этого сообщения равна достоверности несторианской легенды, согласно которой Чингиз-хану помог Владыка неба и земли.

Вернемся к несторианской легенде. Согласно высшей инструкции, князь, побывавший на небесах, должен отобрать для битвы с «императором Персии» всего триста воинов. Против него же выступит триста тысяч воинов. Победа малого числа над великим и будет знаком воли Владыки неба и земли. Соотношение численности войск следует понимать так: триста верных всадников получают поддержку небесного воинства. Мириады невидимых помощников обрушатся на врага и принесут победу. По воле Бога 300 воинов будут действовать как триста тысяч. В полном соответствии с пророчеством книги Левит: «Если будете исполнять мои заповеди, то я наделю вас даром, что пятеро из вас прогонят сто, а сто из вас – десять тысяч» (Левит, 26:8). Обычные сообщения средневековых хроник о 100 000 или 500 000 армиях являются проекцией небесных битв на земные сражения. Стотысячные армии – это армии Бога.

Если речь идет о «божественном» послании, как в нашем случае, то небесное воинство пребывает незримым на земле. Если же «божественное» послание будет перекодировано и превратится в историческое известие, то фантастические цифры предстанут как реальные: небесная армия Бога обернется стотысячным войском на земле. Иногда происходит совмещение тех и других

текстов, и тогда свои воины не видят небесных помощников, а враги с ужасом их обнаруживают. Как вариант: свои видят одинокого всадника, громящего вражью силу. Отсюда самый известный ритуал: поединок двух всадников перед началом сражения, который обе стороны расценивали как божий суд.

Как действуют армии Бога, рассмотрим на нескольких примерах. Начнем с битвы русских со шведами из Жития Александра Невского: «Было же в то время чудо дивное, как в прежние дни при Езекии-царе. Когда пришел Сеннахириб, царь ассирийский, на Иерусалим, желая покорить святой град Иерусалим, внезапно явился ангел Господень и перебил сто восемьдесят пять тысяч из войска ассирийского, и когда настало утро, нашли только мертвые трупы. Так было и после победы Александровой: когда победил он короля, на противоположной стороне реки Ижоры, где не могли пройти полки Александровы, здесь нашли несметное множество убитых ангелом Господним. Оставшиеся же обратились в бегство, и трупы мертвых воинов своих набросали в корабли и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего Творца» [2, с. 363]. Ссылаясь на «самовидца», автор Жития утверждает, что в Ледовом побоище также участвовал «полк Божий на воздухе, пришедши на помощь Александрови».

Почему советские историки не интересовались темой «небесных битв»? Ответ скрыт в ученом споре между Я.С. Лурье и В.Т. Пашуто о проблеме достоверности агиографических повестей. На примере рассказа о Невской битве в Новгородской Первой летописи младшего извода Я.С. Лурье показал, как при пересказе искажается средневековый текст. Если в летописи говорится о том, как Пелгусий услышал страшный шум с моря и было ему видение корабля, на котором плыли святые Борис и Глеб, чтобы оказать помощь князю Александру, то в «Очерках истории СССР» говорится, что по морю со страшным шумом шли шведские корабли; эпизод со святыми помощниками исчез [16, с. 123–124]. На мой взгляд, такого рода манипуляции напрочь лишают исследования какой-либо научной значимости. В.Т. Пашуто, отказавшись обсуждать вопрос об ангелах и святых, предлагал сосредоточиться на поиске драгоценных крупниц исторических реалий в Житии Александра Невского [24, с. 208–209]. Для советских медиевистов тема «небесных битв» просто не существовала. Это удивительно, поскольку в древнерусских летописях ни одно столкновение с иноземцами не проходит без участия Бога.

Сходную картину видим в описании военного соперничества русских и половцев в «Повести временных лет». В христианской интерпретации битвы богов превратились в сражения невидимого войска с реальным противником. В 1111 г. при очередном столкновении русских с половцами «послал Господь Бог ангела в помощь русским князьям». И вот что из этого вышло: «Стали наступать Владимир с полками своими и Давыд, и, видя это, обратились половцы в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы летели на землю, невидимо отрубаемые. И побили их в понедельник страстной месяцы марта 27. Избито было иноплеменников многое множество на реке Салнице. И спас Бог людей своих. Святополк же, и Владимир, и Давыд прославили Бога, давшего им победу такую над язычниками, и взяли полона много, и скота, и коней, и овец, и пленников много захватили руками. И спросили пленников, говоря: “Как это вас такая сила и такое множество не могли сопротивляться и так быстро обратились в бегство?”. Они же отвечали, говоря: “Как можем мы биться с вами, когда какие-то другие ездили над вами в воздухе с блестящим и страшным оружием и помогали вам?”. Это только и могут быть ангелы, посланные от Бога помогать христианам» [25, с.261–262]. Это, видимо, были ангелы смерти, которые потому и явились взору язычников, а не христиан. В обеих битвах христианам помогают ангелы и небесный полк. Размеры этих сил соответствуют скромному масштабу происходящего [ср.: 3, с. 64–67]. Иное дело битвы монголов.

В XVI в. хорезмийский сказитель Утемиш-хаджи поведал историю, в которой, на взгляд непосвященных, Берке, хан Золотой Орды, в одиночку вышел сражаться с войском своего двоюродного брата, ильхана Хулагу. У Берке было маленькое войско, а у Хулагу огромное, но Берке имел преимущество – он был истинным мусульманином. Его мнимая беззащитность означала присутствие невероятной силы: невидимого небесного воинства. Согласно легенде, Берке победил. Взору его противников открылось небесное воинство. «У тех, угодивших в плен, спрашивали: “Почему [же] бросились вы бежать от одного [лишь] человека на том бугре?”. Они отвечали: “По обеим сторонам от того человека, что находился на бугре, стояли два громадных войска. Сколько ни всматривались [мы, так и] не смогли разглядеть ни конца тех двух войск, ни края. Потому-то мы и построились вдали. Когда тот человек на холме помчался на нас, ринулись [на нас] и те два

громadных войска. Почудилось нам, будто рухнули на нас земля и небо. Потому-то вот не устояли мы и бросились бежать”. Это чудо хазрат хана известно среди народа» [34, с. 98]. Невозможно более красочно передать мощь небесных армий, натиск которых предreshает исход битвы. По законам жанра небесную армию Аллаха видят ее враги.

Причины и событийный ряд войны между Берке и Хулагу не остались без внимания современников [12, гл. 65; 13, с. 228–232; 28, с. 58–60]. Ни один из них не сообщает о фантастическом сценарии событий. Вместе с тем армянский историк Киракос Гандзакечи (ум. 1271) записал рассказ святого мужа Иованнеса о том, что произошло в персидском городе Зангиане. Необычное небесное явление открылось взору двух мусульман, после чего они стали ревностными христианами. Мусульманский законовед и толкователь Корана взойдя на купол минарета, увидел как на востоке разверзлись небеса и все осветилось нескончаемым светом. «Грозный и дивный царь восседал там на троне славы, а вокруг него – сонмы ангелов, благословляющих его невыразимо [прекрасными] голосами. Приходили поклоняться ему все племена христианские – каждое в сопровождении предводителя своей веры, явно украшенного славой. И когда они поклонялись [грозному царю], тот принимал приветствие их. Под конец пришло какое-то другое племя, обладающее еще большей славой, чем первые, а предводители их были просто изумительны. И когда они подошли и поклонились царю, он вместе с престолом своим двинулся им навстречу и облобызал их вместе с их предводителями, воздал им больше почестей, чем всем остальным народам» [12, гл. 54]. Последнее племя, надо полагать, было мусульманским. Этому племени небесный царь воздал наибольшие почести. Мощь христианского Бога такова, что ни о каких битвах с ним не может быть и речи. Это последняя стадия развития мифологемы, когда сценарий небесной войны заменен парадом и торжеством одной космической силы.

Воображаемые небесные битвы порождены архаическими представлениями о сражениях между своими и чужими богами. В вялотекущих исследовательских спорах о численности средневековых армий, как правило, не учитывается божественная арифметика. Вновь вернемся к несторианской легенде. Триста тысяч воинов «императора Персии» – число врагов, достойное Владыки неба и земли. И он же дарует победу малому числу истинно верующих. Когда же он хочет их наказать, то картина меняется на противоположную и вражеские армии становятся неисчислимыми. Арабский и христианский мир расценил монгольские победы как кару Бога, что и породило миф о несусветных полчищах Чингиз-хана. Божественная мощь конвертируется в неисчислимое войско, чьи победы – это удары карающего жезла. Авторы латинских хроник времени монгольского вторжения в Европу, оценивая число противников в пятьсот тысяч, прозревают в них исполнителей казней небесных. Этот тезис требует пояснения.

Появление монголов на культурном горизонте христианского мира было воспринято как прорыв запертых до времени сил зла. Неординарным событиям приписывалось сверхценное религиозное значение. «Они – меч гнева господня на прегрешения народа христианского, чему свидетель – блаженный Мефодий, который называет этих тартар измаильтянами» [20, с. 155]. Вторжению азиатских кочевников было найдено объяснение и оправдание, соответствующее божественному архетипу небесной кары. Серапион Владимирский порицал современников, не внявших божественным предзнаменованиям монгольского нашествия: «и все равно не раскаялись мы, пока не пришел на нас немилостивый народ, как наслал его Бог; и землю нашу опустошили, и города наши полонили, и церкви святые разорили, отцов и братьев наших избии, над матерями и сестрами нашими надругались. И теперь, братья, все это признав, убоимся страшного этого наказания и припадем к Господу своему с обещанием: да не падет на нас еще больший гнев господень, да не наведет на нас казни больше прежней» [23, с. 441–443; анализ см.: 19; 30, с. 86–101]. От века бич Божий периодически испепелял грехи человечества. Грозное событие XIII в. обрело смысл и значение в эсхатологической перспективе христианской истории. Монголы были явлены как последнее предупреждение миру, погрязшему в суеде и тщеславии. Они ворвались внезапно, «как молния грозы, которая, мы убеждены, разразилась по слову Божьему, ибо мир запятнан разными позорными делами и охладела любовь во многих» – с горечью восклицал один из земных владык [20, с. 145].

«И свершилось то, чем грозил Господь устами пророка: “Навуходоносор – чаша в руках моих; напою из нее кого захочу”, – писал о непобедимых азиатских полчищах армянский инок Григор Акнерци, – «таким образом этот безобразный и звероподобный народ не только из чаши, но и осадком горечи напоил нас за множество разнообразных грехов наших, которыми мы постоянно возбуждали гнев Творца нашего. И он воздвиг их на нас, чтобы наказать нас за то, что мы не со-

блюли предписаний Его» [9, с. 5]. В мифологической истории азиатского нашествия на христианский мир монголы выступают как слепое орудие в руках Бога. В такой же стилистике средневековыми авторами описывалось нашествие саранчи [12, гл. 56]. В Новгородской Первой летописи рассказ о монголах начинается сравнением кочевников с саранчой: «придоша иноплемьеници, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множества бещисла, акы прузи...» [анализ сравнения в контексте темы «казней Божиих», см.: 30, с. 57–58].

«Бог хочет, чтобы все спаслись, поэтому иногда он являет свое человеколюбие и милость, иногда же казнит, посылая беды: голод, смерть, бездождие, засуху, грозные тучи, набеги поганых, пленение городов. И этими бедами Он обращает нас и приводит к себе, поскольку мы не безгрешны» – сказано в Житии Авраамия Смоленского [23, с. 85]. Перечисляя кары небесные, русский инок сливает воедино природные стихии и социальные бедствия, ибо то и другое, по мнению средневекового человека, зависело лишь от воли Бога. В памятной записи за 1244 г. армянского переписчика Григора Сисеци сказано: «В горестные и злые времена появились с востока неизвестные варварские племена, которых называют татарами. <...> и никто из правителей не смог устоять против них, так как это была Божья кара за наши грехи» [1, с. 70]. Средневековое мышление стремилось разгадать в случайных земных событиях небесные предзнаменования. Уверенность и надежда обреталась тем, что конкретные факты истории соединялись с божественным промыслом. Ужас истории был преодолим при условии, что история приобщалась к вечности. Библейский миф преобразовывался в мирскую историю, а земное бытие включалось в сферу божественного, тем самым история выходила из своих границ и растворялась в вечности.

В этом дискурсе с неизбежностью армии кочевников должны были исчисляться мириадами. Сведения Рогерия и Ивона Нарбоннского о пятисоттысячном монгольском войске выглядят как профанное свидетельство, но мы понимаем, что на деле, это лишь заметки на полях священных книг. Истина была дана Богом – задачей писателей был комментарий. Так появляются свидетельства о невероятной численности монголов. Их следует рассматривать как проекцию божественной воли, позволившей демоническим силам разрушить привычный порядок вещей.

4. Ала-ад-дин Джувейни, автор сочинения «История завоевателя мира», начал работу над своим историческим трудом в Каракоруме в 1253 г. по заказу влиятельных персов при монгольском дворе. Джувейни для написания ранней истории монголов пользовался устными свидетельствами современников. Обратим внимание на количество войск. В повествовании о вторжении в Польшу и Венгрию видим зеркальный сюжет: монголам противостоит неисчислимая армия рыцарей (в латинских источниках наоборот, монголы неисчислимы). «Народы эти обольщались своею многочисленностью, пылом храбрости и прочностью орудий. Услышав молву о движении Бату, они также выступили с 450 000 всадников, которые все славились военным делом и считали бегство позором. Бату отправил авангардом своего брата Шибакана с десятью тысячами человек для разведки и дозоров, [поручив им] высмотреть численность их [неприятелей] и доставить сведения о степени их могущества и силы. Он [Шибакан] отправился, согласно приказанию, через неделю возвратился и дал [такое] известие: “Их вдвое больше войска монгольского и все народ храбрый и воинственный”. Когда войска близко подошли к друг другу, то Бату взобрался на холм и целые сутки ни с кем не говорил ни слова, а горячо молился и громко плакал. Мусульманам он также приказал всем собраться и помолиться» [8, с. 59].

Как объяснить сведения о численности объединенного европейского войска в 450 000 человек? Мы помним, что в несторианской легенде 300 воинов Чингиз-хана побеждают 300 000 воинов царя Персии. Таково божественное предписание. Полагаю, что и сюжет из книги Джувейни можно реконструировать по сценарию несторианской легенды. Немногочисленное монгольское войско, у предводителя которого есть мандат Неба на завоевание всех земель, (и, следовательно, это непобедимое войско) сражается с бесчисленным противником. Фантастические цифры сил врагов свидетельствуют о мощи Бога, который участвует в битве на стороне монголов. Собственно, это рассказ о мощи монголов, которым покровительствует Небо. В коллективном сознании покровительство высшей силы реализуется в сценарии участия небесных армий. В свою очередь, в исторических описаниях космические силы проецируются на ход людских сражений, неизбежно

порождая круглые цифры войск противника, тогда как своя немногочисленная армия получает поддержку от невидимых небесных помощников⁸.

Гипотеза о небесном покровительстве объясняет и следующий удивительный эпизод в книге Джувейни. На Руси монголы захватили некий огромный город под названием «М. к. с», «жители которого, по многочисленности своей были [точно] муравьи и саранча». Уничтожив город, монгольские царевичи отдали приказ отрезать у противников правое ухо; сосчитано было 270 000 ушей [8, с. 58–59]. Имел ли место в реальности отмеченный Джувейни обычай отрезать ухо у побежденных мертвых противников? На первый взгляд, сведения, передаваемые его современником, Винцентом де Бове, который собрал всевозможные слухи о жестокости монголов, подтверждают эту практику: «Когда они захватили, как сказано выше, город Дербент в Персиде, то, демонстрируя жестокость и вселяя страх, обезглавив всех его обитателей, отрезали уши мертвым и непокорным, и поместив оба уха в уксус, в итоге⁹ отправили к хааму» [49, гл. XXX.83]¹⁰. В «Искандер-наме» Низами Гянджеви (XII в.) повествуется о том, что легендарный Искандер (Александр Македонский), победив зинджей, среди сокровищ, предназначенных персидскому царю Дарию, послал выюки с ушами врагов и головами, начиненными соломой. Что касается числа поверженных противников (270 000), то оно свидетельствует о том, что на стороне монголов сражалась небесная армия. Только ей под силу нанести такой урон врагам. В этом случае армия Бога пребывает незримой, но на ее участие в битве указывает фантастическое число убитых противников. Рассказ, переданный Джувейни, облакает в метафорическую форму идею о небесном покровительстве монголам. Иного содержания за удивительными цифрами не стоит.

Рассказы средневековых авторов о немыслимом числе жертв монголов являются одним из вариантов небесных битв. Однако большинство исследователей в таких случаях предпочитают говорить о преувеличении. Так, в частности, Д.М. Тимохин, обращаясь к сведениям Сейфи о том, что в ходе карательной операции против восставших жителей Герата в 1222 г. монголы убили 1 600 000 людей, пишет следующее: «Приведенные цифры, по всей видимости, преувеличены, но дают представление о монгольской жестокости во взятом ими городе» [33, с. 128]. Приведенные цифры дают представление о другом: мусульманскими авторами монголы воспринимались как исполнители божественной кары, призванной очистить мир от скверны, что с предельной ясностью было сформулировано Ибн ал-Асиром: «Когда Аллах захочет [нанести] зло народу, то нет средства устранить его и нет другого заступника, кроме него. Ведь татарам удалось это дело только за отсутствием отпора, а отпор отсутствовал по той причине, что хорезмшах Мухаммад, завладев этими землями, умертвил и уничтожил царей их, да остался один властителем всех стран, а когда он бежал от них [татар], то в этих странах не осталось никого, кто бы защитил и оградил их. Да, замыслит Аллах дело, оно [уже и] сделано» [7, с. 28]. В этой воображаемой битве, где все зависит от воли Аллаха, фигурируют либо неисчислимые жертвы, либо неисчислимое воинство монголов. Участь же жителей Герата, без всяких сомнений, глубоко трагична, но объясняется иным образом [41, с. 68–72].

В книге Марко Поло произошла окончательная десакрализация «божественной» арифметики. «Стотысячные армии» стали литературной формой. А так как основные сражения происходят между монгольскими ханами, то численности армий равны. Например, в битве между Берке и Хулагу участвует до трехсот тысяч всадников с каждой стороны; Наян-нойон для сражения с великим ханом Хубилаем смог выставить до четырехсот тысяч всадников, Хубилай собрал не меньше; у багдадского халифа было стотысячное конное войско [13, гл. CCXXI, LXXVII, XXV].

⁸ Д.Г. Хрусталеv, видимо, воспринимает этот эпизод буквально, и потому предлагает следующее объяснение: «По словам Джувейни, хан Бату был шокирован численным превосходством венгров, у которых было 450 тысяч воинов. Далее приводятся слова Шейбана, который говорил, что “их вдвое больше войска”. Конечно, цифры персидским историком использовались преувеличенные, но масштаб все же был указан вполне достоверный: двукратное превосходство в численности венгров над монголами. Известно, что Бела вывел из Пешта 60-тысячную армию, а Бату, по нашим подсчетам, располагал не более чем 40 тысячами, часть из которых была рассеяна в окрестных землях» [38, с. 207–208].

⁹ Точнее: “также двух вьючных животных, груженных ушами, помещенными в уксус” (*нрим. ред.*).

¹⁰ *Itaque cum cepissent ut dictum est Drubaldi civitatem in Perside, ad sue crudelitatis ostensionem et audituris incutiendum timorem, omnibus habitatoribus illius decapitatis, aures rebellium sibi jam mortuorum absciderunt duosque summarios oneratos auribus in aceto positos ad chaam transmiserunt (Simon de Saint-Quentin. XXX.83).*

За этими цифрами не стоит никакого реального содержания. С завершением эпохи завоевательных войн идея небесного покровительства экспансии монголов утратила силу.

В заключение краткий библиографический обзор. Мы помним, как оценивали численность монгольских армий средневековые авторы. Точно такие же цифры называют и историки XIX в. [11, с. 74]. Н.М. Карамзин полагал, что сила Батыя заключалась не в умении воевать, а в полумиллионном войске [10, с. 12]. «Великие успехи Батыя нельзя объяснить одною многочисленностью его войска», – возражал военный историк М.И. Иванин, но далее полагал, что Батый имел до шестисот тысяч воинов, причем монголов было не более четырех тысяч и сто шестьдесят тысяч из племен, покоренных еще Чингиз-ханом, а остальные войска состояли из народов, покоренных уже Батыем [6, с. 110, 181]. Сила этой традиции такова, что Д.В. Чернышевский приписал папскому нунцию Иоанну де Плано Карпини сведения о 600 000 войске монголов [39, с. 127]. На самом деле, в отчете Иоанна де Плано Карпини нет ни слова о численности монгольской армии.

Обзор немецких исследований представлен в книге М. Гатина [4, с. 98]. Так, Ф. Штраль считал, что в западный поход выступило 300-тысячное войско; ссылаясь на русские летописи, Ф. Штраль и О. Вольф, полагали, что перед взятием Киева у монголов было 600 тысяч, а перед вторжением в Центральную Европу у Бату было 500 тысяч воинов. Й. Хаммер-Пургшталь считал, что столицу Волжской Болгарии осаждали 300 тысяч человек, но перед вторжением в Польшу и Венгрию армия завоевателей достигла 500 тысяч. Т. Шиманн оценивал численность монгольского войска в феврале 1237 г. в 300–500 тысяч. А. Брюкнер полагал, что численность монгольской армии достигала 300 тысяч.

Монгольские армии, смущавшие своей численностью латинский Запад XIII века, находят объяснение в средневековой картине мира. Воображаемые числа у историков Нового времени выглядят недоразумением.

Список литературы

1. Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. М., 1962.
2. Библиотека литературы Древней Руси. XIII век. Т. 5. СПб., 2005.
3. Бусыгин А.В. Святой – предводитель в битве (Норвегия, XII в.) // Вера и церковь в Средние века и раннее Новое время (Западная Европа и Византия): Тез. докл. Всерос. конф. студентов, аспирантов и мол. ученых. Москва 7–8 февр. 2001 г. / МГУ им. М.В. Ломоносова. Ист. фак. М., 2001.
4. Гатин М.С. Проблемы истории Улуса Джучи и позднесолотоордынских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX–XX вв. Казань, 2009.
5. Жан де Жуанвиль. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофранц. Г.Ф. Цыбулько, под ред. А.Ю. Карачинского, науч. ред. перевода Ю.П. Малинин. СПб., 2012.
6. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875.
7. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен. Переработанное и дополненное издание. Алматы, 2005.
8. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузен и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Дополненное и переработанное издание. Алматы, 2006.
9. История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объяснения К.П. Патканова. СПб., 1871.
10. Карамзин Н.М. История государства Российского. В двенадцати томах. М., 1992. Т. 4.
11. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
12. Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М., 1976.
13. Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И.П. Минаева, ред. и вступ. ст. И.П. Магидовича. М., 1956.
14. Кошечев В.Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // Вопросы истории. М., 1993. № 10.
15. Куник А.А. О тождестве пресвитера Иоанна и царя Давида с Чингис-ханом // Ученые записки Имп. АН. СПб., 1854. Т. 2. Вып. 5.
16. Лурье Я.С. Критика источника и вероятность известия // Культура Древней Руси. М., 1966.

17. Мавлиев А. К вопросу о численности войска монголов и объединенного войска русских и половцев в битве на реке Калке // Дискуссии по истории Отечества. Симферополь, 1997.
18. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / пер. с лат. А.С. Досаева. СПб., 2012.
19. Мартынюк А.В. «Поучения» Владимирского епископа Серапиона о причинах поражения русских княжеств в борьбе с монголо-татарским нашествием // Спорные проблемы русской общественной мысли (до начала XIX в.). Науч. конф., г. Москва, 12–14 мая 1992 г. Тез. докл. М., 1992.
20. Матузова В.И. Английские средневековые источники, IX–XIII вв.: Тексты; Перевод; Комментарий. М., 1979.
21. Мункуев Н.Ц. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносибирских источников. Диссертация на соискание степени доктора ист. наук. М., 1970. VII М 4ж/Мун. Отд. рук.
22. Очиров У.Б. К вопросу о численности и этническом составе монгольской армии в первой четверти XIII в. // Мир Центральной Азии. Т. I. Археология. Этнология: материалы междунард. науч. конф. Улан-Удэ, 2002.
23. Памятники литературы Древней Руси. XIII век. Л., 1981.
24. Пашуто В.Т. К спорам о достоверности Жития // История СССР. М., 1974. № 6.
25. Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. / Подготовка текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева. СПб., 1996.
26. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М., 2006.
27. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И. Смирновой. Примеч. Б.И. Панкратова и О. И. Смирновой. Ред. А.А. Семенова. М.; Л., 1952;
28. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса под ред. А.А. Ромаскевича, Е.Э. Бертельса и А.Ю. Якубовского. М.; Л., 1946.
29. Ришар Ж. Латино-Иерусалимское королевство / Пер. с франц. А.Ю. Карачинского. СПб., 2002.
30. Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М., 2009.
31. Сабитов Ж.М. О численности монгольской армии в Западном походе (1235–1242 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Уральск, 2010.
32. Синор Д. Монголы на Западе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. Сб. науч. работ. Донецк, 2008.
33. Тимохин Д.М. Соперник Чингис-хана: хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, личность и эпоха. М., 2013.
34. Утемиш-хаджи. Чингис-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В.П. Юдина. Коммент. и указ. М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата, 1992.
35. Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
36. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингис-хана. М., 2004.
37. Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011.
38. Хрусталева Д.Г. Русь: от нашествия до ига (30–40 гг. XIII в.). 2-е изд., испр и доп. СПб., 2008.
39. Чернышевский Д.В. «Приидоша бесчислены, яко пружи» // Вопросы истории. М., 1989. № 2.
40. Шихаб ад-дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указатели З.М. Буниятова. М., 1996.
41. Юрченко А.Г. Чингис-хан: война с хаосом (почему монголы превращали города в «заповедники смерти») // Война и сакральность: Материалы Четвертых международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (Санкт-Петербург–Выборг–Старая Ладога, 1–4 октября 2009 г.). М.; СПб., 2010.
42. Bigalli D. I Tartari e l'Apocalisse. Ricerche sull'escatologia in Adamo Marsh e Ruggero Bacone. Firenze, 1971.
43. Connell C.W. Western views of the origin of the «Tartars»: an example of the influence of myth in the second half of the thirteenth century // The Journal of Medieval and Renaissance Studies 3. 1973.
44. Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philol.-Hist. Kl. Göttingen, 1956. Nr. 6.
45. Friedman L.J. Joinville's Tartar Visionary // Medium Aevum 27/1. 1958.
46. Helleiner K.F. Prester John's Letter: A Medieval Utopia // The Phoenix III, 1. 1959.
47. Regesta Pontificum Romanorum / ed. A. Potthast. Berlin. 1874–1875. Т. I–II.
48. Schaller H.M. Endzeit-Erwartung und Antichrist-Vorstellungen in der Politik des 13. Jahrhunderts // Ideologie und Heerschaft im Mittelalter, ed. M. Kerner. Darmstadt, 1982 (Wege der Forschung 530).
49. Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Publiée par J. Richard. Paris, 1965.
50. Slessarev V. Prester John: The Letter and the Legend. Minneapolis, 1959.
51. Zarncke F. Der Priester Johannes. Erste Abhanlung, enthaltend Capitel I, II und III. Leipzig, 1879.

Сведения об авторе: Александр Григорьевич Юрченко – научный редактор издательства «Евразия» (197343, ул. Земледельческая, д.3, Санкт-Петербург, Россия); safir88@gmail.com

Hordes of Genghis Khan: Anatomy of a Myth

A.G. Yurchenko

(Publishing house "Eurasia", Saint Petersburg)

Authors of medieval Latin chronicles estimated the number of Mongol armies of three or five hundred thousand warriors. Where did these numbers come from? Latin authors information should be considered in the context of the medieval world view, which presupposed the intervention of divine power in earthly affairs. Jean de Joinville, a participant of the Seventh Crusade, recounts the Nestorian legend about how the Lord of Heaven bestowed victories upon Genghis Khan. By the will of the Lord of Heaven 300 warriors of Genghis Khan should win in a battle 300,000 foes. The ratio of the number of troops should be understood as follows: three hundred loyal horsemen will be supported by celestial hosts. Myriads of invisible supporters will fall upon the enemy and yield victory. Common information of medieval chronicles about the armies numbering of 100,000 or 500,000 soldiers reflects the celestial struggles on earthly battles. The army of one hundred thousandth is the army of God. If God helps, the heavenly host remains invisible. If God punishes the believers for sins, then the heavenly army becomes the countless enemy host on the earth. The Christian world regarded the Mongol victories as a punishment of God that gave rise to the myth of exorbitant Genghis Khan hordes.

Keywords: medieval Latin sources, size of the Mongol armies, Jean de Joinville, celestial battle, army of God.

References

1. *Armyanskie istochniki o mongolakh. Izvlecheniya iz rukopisey XIII–XIV vv.* [Armenian Sources on the Mongols. Excerpts from the Manuscripts of the 13th–14th centuries]. Per. s drevnearm., predisl. i primech. A.G. Galstyana. Moscow, 1962.
2. *Biblioteka literatury Drevney Rusi. XIII vek* [Library of the Literature of Ancient Russia. 13th century]. Vol. 5. St. Petersburg., 2005.
3. Busygin A.V. Svyatoy – predvoditel' v bitve (Norvegiya, XII v.) [Saint – the Leader in the Battle (Norway, 12th century)]. *Vera i tserkov' v Srednie veka i rannee Novoe vremya (Zapadnaya Evropa i Vizantiya): Tez. dokl. Vseros. konf. studentov, aspirantov i mol. uchenykh. Moskva 7–8 fevr. 2001 g.* [Faith and the Church in the Middle Ages and Early Modern Period (Western Europe and Byzantium): Abstracts of the National Conference of Undergraduated and Graduated Students and Young Researchers. Moscow 7–8 February, 2001]. MGU im. M.V. Lomonosova. Ist. fak. Moscow, 2001.
4. Gatin M.S. *Problemy istorii Ulusa Dzhuchi i pozdnezolotoordynskikh gosudarstv Vostochnoy Evropy v nemetskoj istoriografii XIX–XX vv.* [The Problems of History of the Ulus of Jochi and late-Golden Horde States of Eastern Europe in the German Historiography of the 19th–20th centuries]. Kazan, 2009.
5. Jean de Joinville. *Kniga blagochestivyykh recheniy i dobrykh deyaniy nashogo svyatogo korolya Lyudovika* [Book of Pious Sayings and Good Deeds of Our Holy King Louis]. Per. so starofrants. G.F. Tsybul'ko, pod red. A.Yu. Karachinskogo, nauch. red. perevoda Yu. P. Malinin. St. Petersburg, 2012.
6. Ivanin M. I. *O voennom iskusstve i zavoevaniyakh mongolo-tatar i sredneaziatskikh narodov pri Chingis-khane i Tamerlane* [On the Art of War and Conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian Peoples under Genghis Khan and Tamerlane]. St. Petersburg, 1875.
7. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. Vol. I. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom. Pererabotannoe i dopolnennoe izdanie* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Vol. I. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Arab Writings collected by V.G. Tiesenhausen. Revised and enlarged edition]. Almaty, 2005.
8. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Vol. IV. Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom i obrabotannyye A.A. Romaskevichem i S. L. Volinym. Dopolnennoe i pererabotannoe izdanie* [History of Kazakhstan in the Persian Sources. Vol. IV. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Persian Writings collected by V.G. Tiesenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. Enlarged and revised edition]. Almaty, 2006.
9. *Istoriya mongolov inoka Magakii, XIII v.* [History of the Mongols by the Monk Maghakia, 13th century]. Per. i ob'yasneniya K.P. Patkanova. St. Petersburg, 1871.

10. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. V dvenadtsati tomakh* [History of the Russian State. In twelve volumes]. Moscow, 1992. Vol. 4.
11. Kargalov V.V. *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi. Feodal'naya Rus' i kochevniki* [External Political Factors of the Feudal Russian Development. Feudal Russia and Nomads]. Moscow, 1967.
12. Kirakos of Gandzak. *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Per. s dr. arm., predisl. i komment. L.A. Khanlaryan. Moscow, 1976.
13. *Kniga Marko Polo* [Book of Marco Polo]. Per. starofr. teksta I. P. Minaeva, red. i vstup. st. I.P. Magidovicha. Moscow, 1956.
14. Koshcheev V.B. Eshche raz o chislennosti mongol'skogo voyska v 1237 godu [Once again on the Number of Mongol Troops in 1237]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. Moscow, 1993. No. 10.
15. Kunik A. A. O tozhestve presvitera Ioanna i tsarya Davida s Chingis-khanom [On the Identity of Prester John and King David with Genghis Khan]. *Uchenye zapiski Imp. Akademiya nauk* [Scientific Notes of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1854. Vol. 2. Is. 5.
16. Lur'e Ya.S. Kritika istochnika i veroyatnost' izvestiya [Criticism of the Source and the Probability of Information]. *Kul'tura Drevney Rusi* [Culture of the Ancient Rus']. Moscow, 1966.
17. Mavliev A. K voprosu o chislennosti voyska mongolov i ob'edinennogo voyska russkikh i polovtsev v bitve na reke Kalke [On the Question of the Number of the Mongol Troops and Combined Russian and Polovtsian Forces in the Battle of the Kalka River]. *Diskussii po istorii Otechestva* [Discussions on the history of the Fatherland]. Simferopol, 1997.
18. Master Roger. *Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami* [The Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tartars]. per. s lat. A.S. Dosaeva. St. Petersburg, 2012.
19. Martynyuk A.V. «Poucheniya» Vladimirskogo episkopa Serapiona o prichinakh porazheniya russkikh knyazhestv v bor'be s mongolo-tatarskim nashestviem [“Instructions” of the Vladimir Bishop Serapion about the Reasons for the Defeat of Russian Principalities in the Struggle against the Mongol-Tatar Invasion]. *Spornye problemy russkoy obshchestvennoy mysli (do nachala XIX v.). Nauch. konf., g. Moskva, 12–14 maya 1992 g. Tez. dokl.* [Controversial Issues of Russian Social Thought (until the early 19th century). Research Conference, Moscow, May 12–14, 1992. Theses of reports]. Moscow, 1992.
20. Matuzova V. I. *Angliyskie srednevekovye istochniki, IX–XIII vv.: Teksty; Perevod; Kommentariy* [English Medieval Sources, 9th–13th centuries: Texts; Translation; Commentary]. Moscow, 1979.
21. Munkuev N. Ts. *Nekotorye problemy istorii mongolov XIII v. po novym materialam. Issledovanie yuzhnosunskikh istochnikov. Dissertatsiya na soiskanie stepeni doktora ist. nauk* [Some Problems in the History of the Mongols of the 13th century by New Materials. Study of the South Sung Sources. Thesis for the PhD degree]. Moscow, 1970. VII M 4zh/Mun. Otd. ruk.
22. Ochirov U.B. K voprosu o chislennosti i etnicheskom sostave mongol'skoy armii v pervoy chetverti XIII v. [To a Question on the Number and Ethnic Composition of the Mongol Army in the first quarter of the 13th century]. *Mir Tsentral'noy Azii. Vol. I. Arkheologiya. Etnologiya: materialy mezhdunarod. nauch. konf.* [The World of Central Asia. Vol. I. Archaeology. Ethnology: Proceedings of the International Conference]. Ulan-Ude, 2002.
23. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. XIII vek* [Literary Monuments of Ancient Russia. 13th century]. Leningrad, 1981.
24. Pashuto V.T. K sporam o dostovernosti Zhitiya [To the Dispute about the Reliability of Hagiography]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. Moscow, 1974. no 6.
25. *Povest' vremennykh let po Lavrent'evskoy letopisi 1377 g.* [Primary Chronicle according to the Laurentian Chronicle of 1377]. Podgotovka teksta, per., stat'i i komment. D. S. Likhacheva. St. Petersburg, 1996.
26. Pochekaev R.Yu. *Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Batu Khan. The Khan Who Was Not a Khan]. Moscow, 2006.
27. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. I. Book. 2. Per. s pers. O.I. Smirnovoy. Primech. B.I. Pankratova i O. I. Smirnovoy. Red. A. A. Semenova. Moscow; Leningrad, 1952;
28. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. III. Per. s pers. A. K. Arends pod red. A.A. Romaskevicha, E. E. Bertel'sa i A. Yu. Yakubovskogo. Moscow; Leningrad, 1946.
29. Richard J. *Latino-Ierusalimskoe korolevstvo* [The Latin Kingdom of Jerusalem]. Per. s frants. A.Yu. Karachinskogo. St. Petersburg, 2002.
30. Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv.* [The Mongol-Tatars by the Eyes of Ancient Russian Scribes of the mid 13th – 15th centuries]. Moscow, 2009.
31. Sabitov Zh.M. O chislennosti mongol'skoy armii v Zapadnom pokhode (1235–1242 gg.) [About the Number of the Mongol Army in the Western Campaign (1235–1242)]. *Voprosy istorii i arkeologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of History and Archaeology of the Western Kazakhstan]. Ural'sk, 2010.
32. Sinor D. *Mongoly na Zapade* [The Mongols in the West]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. Vol. 6. Zolotoordynskoe vremya. Sb. nauch. rabot* [The Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 6. The Golden Horde Period. Collection of research papers]. Donetsk, 2008.
33. Timokhin D.M. *Sopernik Chingis-khana: khorezmshakh Dzhahal ad-Din Mankburny, lichnost' i epokha* [The Rival of Genghis Khan: Khwarezmshah Jalal ad-Din Mankubirni, Personality and Epoch]. Moscow, 2013.

34. Ötemish-Hajji. *Chingiz-name*. Faksimile, per., transkriptsiya, tekstol. primech., issledovanie V.P. Yudina. Komment. i ukaz. M.Kh. Abuseitovoy. Alma-Ata, 1992.
35. Fennel D. *Krizis srednevekovoy Rusi. 1200–1304* [The Crisis of Medieval Russia. 1200–1304]. Moscow, 1989.
36. Khrapachevskiy R.P. *Voennaya derzhava Chingis-khana* [The Military State of Genghis Khan]. Moscow, 2004.
37. Khrapachevskiy R.P. *Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevney Rusi* [The Mongol Army during the Conquest of Ancient Russia]. Moscow, 2011.
38. Khrustalev D.G. *Rus': ot nashestviya do iga (30–40 gg. XIII v.)* [Russia: From the Invasion to the Yoke (1230–1240's)]. 2-e izd., ispr i dop. St. Petersburg, 2008.
39. Chernyshevskiy D.V. «Priidosha beschisleny, yako pruzi» [“They Came Countless as Grasshoppers”]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. Moscow, 1989. No. 2.
40. Shihab al-Din Muhammad al-Nasawi. *Sirat as-sultan Dzhahal ad-din Mankburny (Zhizneopisanie sultana Dzhahal ad dina Mankburny)* [The Biography of Sultan Jalal al-Din Mankubirni]. Izd. kritich. teksta, per. s arab., predisl., komment., primech. i ukazateli Z. M. Bunyatova. Moscow, 1996.
41. Yurchenko A.G. Chingis-khan: voyna s khaosom (pochemu mongoly prevrashchali goroda v «zapovedniki smerti»?) [Genghis Khan: The War against Chaos (why the Mongols turned cities into “reserves of death”?)]. *Voyna i sakral'nost': Materialy Chetvertykh mezhdunarodnykh nauchnykh chteniy «Mir i voyna: kul'turnye konteksty sotsial'noy agressii» (Sankt-Peterburg–Vyborg–Staraya Ladoga, 1–4 oktyabrya 2009 g.)* [War and Sanctity: Proceedings of the Fourth International Scientific Conference “Peace and War: The Cultural Context of Social Aggression” (St. Petersburg–Vyborg–Staraya Ladoga, October 1–4, 2009)]. Moscow; St. Petersburg, 2010.
42. Bigalli D. I Tartari e l'Apocalisse. Ricerche sull'escatologia in Adamo Marsh e Ruggero Bacone. Firenze, 1971.
43. Connell C.W. Western views of the origin of the «Tartars»: an example of the influence of myth in the second half of the thirteenth century. *The Journal of Medieval and Renaissance Studies* 3. 1973.
44. Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen. Die Missionsreisen des fr. Julianus O.P. ins Uralgebiet (1234/5) und nach Rußland (1237) und der Bericht des Erzbischofs Peter über die Tartaren. *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philol.-Hist. Kl. Göttingen*, 1956. Nr. 6.
45. Friedman L.J. Joinville's Tartar Visionary. *Medium Aevum* 27/1. 1958.
46. Helleiner K.F. Prester John's Letter: A Medieval Utopia. *The Phoenix* III, 1. 1959.
47. *Regesta Pontificum Romanorum*. ed. A. Potthast. Berlin. 1874–1875. Vol. I–II.
48. Schaller H.M. Endzeit-Erwartung und Antichrist-Vorstellungen in der Politik des 13. Jahrhunderts. *Ideologie und Heerschaft im Mittelalter*, ed. M. Kerner. Darmstadt, 1982 (Wege der Forschung 530).
49. *Simon de Saint-Quentin*. Histoire des Tartares. Publiée par J. Richard. Paris, 1965.
50. Slessarev V. Prester John: The Letter and the Legend. Minneapolis, 1959.
51. Zarncke F. Der Priester Johannes. Erste Abhanlung, enthaltend Capitel I, II und III. Leipzig, 1879.

About the author: Aleksandr Grigor'evich Yurchenko – Editor of publishing house “Eurasia” (197343, Zemledel'cheskaya st., 3, St. Petersburg, Russia); safir88@gmail.com

The Teutonic Knights' Military Confrontation with the Cumans during Their Stay in Transylvania (1211–1225)

Roman Hautala

*(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

The author of this article analyzes the content of papal letters to Hungary concerning the issues of the Teutonic knights' stay in Transylvania from 1211 to 1225. Analysis of the information contained in these letters shows that the Hungarian king Andrew II invited the Teutonic brethren in the Burzenland (located on the southeastern tip of Transylvania, in close proximity to the territory controlled by the Cumans) with the apparent aim to organize an effective defense of Transylvania against the frequent Cuman raids. Based on information from historical documents, the author concludes that the Cumans regularly invaded Transylvania precisely through the Burzenland and that these nomadic raids showed the ineffectiveness of the former defensive system of the region, thereby influencing the Andrew II's decision to entrust the defense of Burzenland to the Teutonic Order, which possessed significant military capability. At the same time, the Hungarian monarch granted the brothers with a number of privileges, attempting to create in such a way favorable conditions for increasing the local population in order to ensure a constant flow of material resources and manpower to the Teutonic brothers.

The content of papal letters evinces an obvious satisfaction of the Hungarian king in respect of the Knights' military successes expressed in the provision of additional privileges a year later after the brethren arrival in Transylvania. In parallel, historical documents indicate that the collision between the brothers and Cumans (who, apparently, sought to prevent the Teutonic knights to gain a foothold in the Burzenland) adopted a more toughened character. However, the same documents ascertain the fact that the Knights gradually took control over the Burzenland. Thus, the papal letters gives an insight into the evolution of the military successes of the Teutonic brethren in their struggle against the Cumans. In addition, historical documents provide valuable information about the further expansion of the Knights beyond the Carpathian Mountains after the final establishment of control over the Burzenland.

Apart from consideration of military clashes between the Teutonic knights and Cumans, the author of this article devotes considerable attention to the analysis of the reasons, which prompted the Hungarian king Andrew II to expel the brothers from Transylvania in 1225, despite their distinguished services to the Kingdom of Hungary.

Keywords: relations of the Latin world with the nomads in the Middle Ages, Cumans, Teutonic Order, Kingdom of Hungary, Transylvania.

Information about the first stable contact between the Hungarian kingdom and Cumans in the first quarter of the 13th century have been preserved, for the most part, in the papal letters concerning the issues of the Teutonic knights' stay in Transylvania from 1211 to 1225. Teutonic brothers were invited to Hungary by King Andrew II with the apparent aim to organize an effective defense of Transylvania against the frequent Cuman raids. However, the question of why the Hungarian monarch invited for this purpose exactly the Teutonic knights, despite the fact that the Hospitallers and Templars possessed donative estates in other regions of the Kingdom long before the Teutonic brothers' invitations, remains insufficiently clarified. The decision of Andrew II could be influenced, to a large extent, by his close relations with the rulers of Thuringia – the birthplace of the Grand Master of the Teutonic Order, Hermann von Salza (1209–1239). Andrew II was married to Gertrude of Andechs-Merania, a native of Thuringia. And in the same year (1211), when the Hungarian king granted the Teutonic knights the Burzenland, he betrothed his daughter Elizabeth to Ludwig, the son of Hermann I, Landgrave of Thuringia. Taking into account the fact that the Landgrave of Thuringia was a close friend of Hermann von Salza, the invitation of the Teutonic knights in Transylvania seems quite natural [32, p. 12; 9, p. 93; 14, p. 157–158; 12, p. 28]. However, the King's decision could be affected by more compelling reasons.

Apparently, by the time of the Teutonic brothers' invitation, the Burzenland, located on the south-eastern tip of Transylvania and, therefore, in close proximity to the territory controlled by the Cumans [31, p. 28; 26, p. 29; 1, p. 12], was populated, for the most part, by German colonists. In any case, a resolution of William, bishop of Transylvania, issued two years after the Knights' arrival, makes it clear that the Burzenland had been abandoned by its original inhabitants, that is, by the Hungarians and Székelys¹, and was populated exclusively by immigrants from Germany [32, p. 79, no. V [= UB no. 28], p. 167–168; 9, p. 79; 27, p. 38; 23, p. 180; 33, p. 27; 12, p. 29, 34; 1, p. 12]. Also the surveys of Hungarian archaeologists have shown that German immigrants began to settle in Burzenland already during the reign of Géza II (1141–1162) and started to erect wooden fortifications there, where the Teutonic knights built later their fortresses [9, p. 91, 93; 14, p. 157–158]. In his first charter of 1211², Andrew II presents his decision as a continuation of the hospitable policy of his predecessor towards German colonists [32, p.37, no. I [= UB no. 19], p. 162–163]. Thus, the Andrew II's decision could be dictated not only by his personal relations in Germany, but also by the consideration that the Teutonic knights were ethnically related to the overwhelming majority of the local population [12, p. 33] and were best suited to lead German colonists.

It is equally important to find an answer to the question, what reasons prompted the Hungarian king to grant the Burzenland to the paramilitary Teutonic Order? The initial charter of Andrew II [32, no. I [= UB no. 19], p. 162–163] provides fairly concise information in this regard, pointing both to the need for protection of the region against Cuman raids and to possible extension of the royal estates, most likely, at the expense of the neighboring territories of nomads. However, more meaningful information is contained in subsequent letters of Pope Gregory IX [32, no. XXV, XXVII, XXVIII, XXX [= UB no. 59, 61, 65, 68], p. 198–199, 201–204, 206–207], who report that before the Knights' arrival, the Cumans regularly invaded Transylvania precisely through the Burzenland, causing, according to Pope, "great confusion" in the Hungarian kingdom. Consequently, the content of the papal letters suggests that the Andrew II's decision was prompted by frequent Cuman raids and that the main aspiration of the Hungarian monarch was to prevent the nomadic attacks by establishment of a firm control over the Burzenland, which belonged to the Hungarian kingdom only nominally until the Teutonic knights' arrival [14, p. 157; 3, p. 22].

Thus, the papal letters (containing the most accurate copies of the royal charters, which originals have been lost) indicate noticeable increase in the Cuman military activity in Transylvania in the early 13th century. Regular Cuman invasions in the Burzenland showed the ineffectiveness of the former defensive system of the region envisaged to repel the sporadic attacks of numerically small nomadic detachments. The defense of Burzenland was based on the protection of areas close to seven Carpathian passes, through which the nomads could penetrate into the region, and previously it had been entrusted to the Pecheneg guard squads, which forces had proved insufficient to deter the increased Cuman pressure [14, p. 157; 3, p. 33; 23, p. 182]. Therefore, the Hungarian king decided to entrust the defense of Burzenland to the Teutonic Order that had a much greater military potential.

The degree of importance of the task entrusted to the Knights was emphasized by a number of privileges granted by the Hungarian crown. In his first charter of 1211, Andrew II envisaged the possibility of finding of the precious metal deposits in the Burzenland and provided to the Teutonic brethren in advance the right to appropriate the half of future benefits of their exploitation [25, p. 12, nota 3; 30, p. 533, nota 3]. However, this privilege did not bring tangible benefits to the Knights as subsequent documents never mention the fact that the Teutonic brothers would possessed the silver mines [32, p. 113]. Of greater importance was exemption from the payment both of the military tax to the Hungarian crown and of the traditional tax paid in kind to the Transylvanian voivode in recognition of feudal dependence [see more detail about the Hungarian fiscal terms "exactio" and "descensus" in: 9, p. 52, 54–55; 14, p. 152; 8, p. 70; 1, p. 10]. The Knights were allowed as well to collect to their advantage the poll and collective

¹ Hungarian chronicles of the 13th century argue that the Székelys were descendants of the Huns of Attila. Actually, they were the nomads of Turkic origin (apparently descendants of the Khazar Kavars), who joined in the 9th century to the Hungarians during their migration to the west and participated in the Hungarian conquest of Pannonia and Transylvania. In 1008, Stephen I the Saint settled the Székelys in Transylvania to protect the region against the attacks of the Byzantines, Bulgarians and nomads [2, p. 108–109; 29, p. 73; 31, p. 28; 23, p. 178–179; 5, p. 155; 21, p. 17; 13, p. 247].

² The original version of this charter was lost and among a number of later copies, the most accurate text has been preserved in the letter of Pope Gregory IX, addressed to Andrew II April 26, 1231 [32, no. XXVI [= UB no. 60], p.200].

land taxes from local residents [see about the terms “*liberi denari*” and “*pondera*” in: 9, p. 43, 52–53; 14, p. 152; 16, p. 52–53, 69; 8, p. 66, 68, 70; 24, p. 43; 1, p. 13–14; 30, p. 533, nota 4]. In addition, Andrew II sought to motivate the transmigration in Burzenland of new German colonists by both allowing the Teutonic brethren to practice German law in place and granting the Knights the right to organize periodic fairs without paying customs duties to the royal treasury with the explicit intention to promote the establishment of new urban centers in the region. The Hungarian king attempted to create in such a way favorable conditions for increasing the local population in order to ensure a constant flow of material resources and manpower to the Teutonic brothers, which they could use to organize the defense of Burzenland against the attacks of nomads.

With regard to specific measures to strengthen the defense capabilities of the region, the initial royal charter contained a permission to build wooden fortresses. It is possible that this restriction (i.e., implicit prohibition to erect stone fortifications) reflected a certain mistrust of Andrew II in relation to the Teutonic knights: this restriction could well meet the King’s desire to limit well in advance the brothers’ military power in the event of their disobedience to the Hungarian crown. On the other hand, the King’s decision could unequivocally comply with local practice to build exclusively wooden fortresses [19, p. 190–191; 14, p. 157–158]. Whatever it was, the Knights considered it acceptable to deviate from this requirement and started construction of stone castles in a short time, making full use of their engineering skills acquired in the Middle East. The last royal charter granted to the brothers in 1222, contained a formal permission to continue their fortification activities undertaken prior to its delivery [32, no. VI [= UB no. 31], p. 169–172]. However, the violation of provisions of the initial royal charter could well give rise to the King’s attempts to exile the Knights from Transylvania at the end of 1221.

The initial royal charter contained other ambiguous regulations allowing conflicting interpretations, which could give rise to future deterioration in relations between the Teutonic knights and Hungarian monarch. First of all, Andrew II left unclear the status of brothers’ possessions within the boundaries of the Kingdom of Hungary: King’s statement on unrestricted possession of new landholdings clearly contradicted previous observation of the fact that Andrew II “forwarded” Knights in the Burzenland, emphasizing in such a way their dependence on the Hungarian crown [32, p. 57; 24, p. 43; 12, p. 31]. Subsequent papal letters concerning the circumstances of the Knights’ expulsion from Transylvania, show that the Hungarian monarch regarded as his legitimate right to take away landed property from the Teutonic brothers at their first serious offense [see, for example, the first papal letter on the subject, addressed to Andrew II June 12, 1225: 32, no. XVII [= UB no. 45], p. 186–188]. Also from the perspective of Pope Honorius III and, later, of Gregory IX, the King had the right to punish the Knights in the case of provability of their guilt. However, according to the pontiffs, the Teutonic ownership of the Burzenland was of an inalienable character.

An indication of the possibility of expanding the Kingdom’s boundaries through the military activity of the Knights represented another point of contention in the royal charter: Andrew II did not specify whether the Teutonic brothers received the right to expand their landholdings by conquest over the Carpathians, as they apparently thought, or any of the conquered territories should automatically become a part of the royal domain [9, p. 87]. This ambiguity as well, was one of the reasons for further tensions that may well have prompted the Hungarian monarch made his first attempt to exile the Knights from Transylvania at the end of 1221.

The Hungarian monarch defined more clearly the direction of possible territorial expansion of the Knights, pointing in his charter that he sent them “in the land called the Burzenland, located behind the forest, in the direction of the Cumans” and implying thereby that the potential expansion of the Kingdom should be carried out by the conquest of Transcarpathian territories that were called in the Hungarian sources by the term of “Cumania” [among the documents relating to the Teutonic Knights’ stay in Transylvania, this name appears for the first time in a letter of Pope Gregory IX on 26th April, 1231: 32, no. XXV [= UB no. 59], p. 198–199]. In this context, the term “Cumania” differed from the generalizing Latin name of Desht-i-Kipchak [cfr., for example, with a fragment from the “Chronicle” of Alberic de Trois-Fontaines written between 1232 and 1252 and containing information about the Battle of the Kalka River: 6, p. 911], and designated the dwelling area of the western Cumans, which were located both in southern Moldavia and northeastern Wallachia [2, p. 164, nota 2; 29, p. 145; 28, p. 422, 426, 437; 33, p. 28–29; 26, p. 28]. It should be noted that the question of who were those Cumans, whose invasions of Transylvania prompted the Hungarian king to settle the Teutonic knights in the Burzenland, still remains unexplained. It is quite possible that the assumption of some researchers that the Cumania was controlled

by the Danubian Cumans, who migrated in the Carpathian region in the summer months and returned in the fall to the Lower Danube region [35, p. 124; 36, p. 44], should be revised based on the contents of the next royal charter of 1212³.

In his second charter, Andrew II reports that the Teutonic knights “underwent constant Cuman attacks without being afraid to expose themselves to every day mortal danger”. An indication of the continuous nomadic attacks shows that the Cumans invaded the Burzenland not only in the summer months, as it had to do the Danubian Cumans, according to the assumption of aforementioned researchers. The Hungarian monarch rather had in mind year-round raids of nomads, who dwelled in the regions that bordered on the south-eastern Transylvania. Obviously, the Cumans increased their raids trying to prevent the Teutonic knights to gain a foothold in the Burzenland.

In turn, Andrew II evinces in his second charter an obvious satisfaction with the military successes of the Teutonic knights and grants them with new privilege protecting the brothers from the encroachments of the royal treasury officials. A new royal privilege provided the Knights with the right to personally oversee the exchange of old silver coins on the new ones, despite the fact that in other Hungarian regions this annual operation was carried out by the royal treasury officials [9, p. 48, 52, 55; 16, p. 62; 8, p. 63; 24, p. 43; 1, p. 14]. Obviously, Andrew II made this concession to the brothers in connection with their complaints about the abuse of powers on the part of the royal coin exchangers [32, p. 39]. It is quite possible, however, that the Knights forced interpretation of this privilege and soon began to mint their own coins, despite the fact that the charter of 1212 did not contain such permission. So, in his latest charter of 1222, the Hungarian monarch considered it appropriate to add to a number of additional prerogatives a definitive prohibition on minting of the brothers' own coins, proving thereby that they really transgressed the limits of the granted privilege [32, no. VI [= UB no. 31], p. 169–172; 1, p. 19; 12, p. 38–39].

The public decree of the Transylvanian bishop William in 1213 [32, no. V [= UB no. 28], p. 167–168]⁴ also contains certain allusions to the subsequent conflict causes between the Teutonic knights and local authorities. Like the previous royal charter, decree of the Transylvanian bishop indicates that the collision between the brothers and Cumans adopted a more toughened character. But at the same time, it states that the Knights took control of the region by claiming that they had already “seized” the Burzenland. However, the bishop's decree reflects the obvious need of the Teutonic brethren in material resources, apparently, necessary for the erection of fortifications. In an effort to ensure a flow of material resources for new rulers of the Burzenland, the Transylvanian bishop grants them the right to collect tithes from local residents. However, William does not specify what proportion of these tithes should be spent on the maintenance of the local parishes, effectively giving them at the complete disposal of the Knights. Therefore, this privilege could easily lead both to the brothers' abuse and inevitable complaints of parishioners, which probably led to the subsequent Knights' conflict with the Transylvanian bishop (24, p. 45). It is also possible that this conflict was exacerbated by the Knights' claims to collect tithes from the Hungarians and Székelys who moved into their landholdings, despite the fact that the Transylvanian bishop clearly pointed out that these new settlers should have pay tithes to the Transylvanian diocese [1, p. 17, nota 69, p. 19].

Next royal charter, promulgated approximately in 1215, bestowed the Teutonic Knights the possession of “recently built fortress of Kreuzburg” [32, no. IV [= UB no. 22add], p. 166]. This document shows that the brothers did not only fully used obtained material resources but also began to expand their landholdings. Despite the fact that the localization of this castle is still unclear [32, p. 39; 12, p. 35; 1, p. 14. Cfr. with: 32, p. 75; 28, p. 417; 36, p. 41; 15, p. 133], we can assume with some confidence that Kreuzburg was situated outside the territory, which Andrew II granted to the Teutonic knights in 1211 [32, p. 39; 14, p. 157–158; 26, p. 51; 17, p. 352]. Thus, this royal charter indicates that approximately by 1215, the brothers established a strong control over the Burzenland and began territorial expansion.

In turn, the letter of Pope Honorius III addressed to the Teutonic knights in Burzenland April 19, 1218 [32, no. V [= UB no. 28], p. 167–168], contains an interesting documentary evidence that the Knights staying in Transylvania became the object of attention and supervision on the part of the Roman Curia. Despite the fact that the papal message contains only the confirmation of the Transylvanian bish-

³ As well as in the case of the previous document, the original version of this charter was lost and among a number of later copies, the most accurate text has been preserved in the letter of Pope Gregory IX, addressed to Andrew II April 26, 1231 [32, no. XXVI [= UB no. 60], p. 200].

⁴ This decree has been preserved in the letter of Pope Honorius III addressed to the Teutonic knights April 19, 1218 [32, no. V [= UB no. 28], p. 167–168].

op's decree of 1213, the Honorius III's letter is interesting in connection with the following consideration. The fact of confirmation by the Roman Curia of the Hungarian prelate's decree suggests that Teutonic brothers directly appealed to the Pope to publicly assure the privilege they had received. Perhaps, the Knights well in advance anticipated the attempt of Hungarian prelate to cancel its validity. Otherwise, it is difficult to explain the reasons that prompted Honorius III to confirm this privilege only five years after its promulgation. These considerations suggest that since 1218, the relationship between the Hungarian prelate and Teutonic knights began to gradually worsen, which led to open conflict in 1223 [32, no. IX, X [= UB no. 36, 37], p. 175–177].

The last charter of Andrew II granted to the Knights in 1222 and sealed with a golden royal bull [see critical edition of Harald Zimmermann in: 32, no. VI [= UB no. 31], p. 169–172], is the most informative document among all the sources relating to the Teutonic brethren stay in Transylvania. But before proceeding to the description of its content, we should mention some doubts about the authenticity of this charter based on the following considerations. Firstly, the text of this charter is not reproduced in the copy of the previous royal charters, authenticated by Pope Gregory IX on 26th April, 1231 [32, no. XXVI [= UB no. 60], p. 200]. Secondly, Gregory IX informs in the letter to his legate in Hungary on 31st August, 1232 [32, no. XXVIII [= UB no. 65], p. 202–204], that he studied the content of that royal charter, which was sealed by a gold bull. By this he meant the Andrew II's charter of 1222, since only in this document it was indicated that it was sealed with a gold bull, rather than a simple seal. These observations suggest that the present charter was forged by the Teutonic knights after April 1231 and that the pontiff became acquainted with the content of the forged charter only in August 1232. However, it should be noted that already in his letters to the Hungarian prince Bela by April 26, 1231, and King Andrew II by April 30, 1231 [32, no. XXV, XXVII [= UB no. 59, 61], p. 198–199, 201–202], the pontiff clearly points to the fact of granting to the Knights of territories in Cumania, showing an obvious familiarity with the content of this charter. Therefore, in spite of a number of other inconsistencies in the text of this charter, in the letter of Honorius III addressed to the Teutonic knights December 19, 1222 [32, no. VII [= UB no. 34], p. 172–174], and in the later copies of the charter, assumptions about the spuriousness of this document remain insufficiently substantiated, allowing to assert its authenticity [32, p. 4, 7–9, 26, 54, 60, 62–63, 65, 68–69, 72, 85, 90–93, 95, 97, 110–111, 157; 29, p. 146; 23, p. 189; 26, p. 51; 1, p. 11–12; 17, p. 336, 339–342, 344, 346, 348, 356].

Returning to the description of the charter of 1222, we should first of all note that this document provides valuable information on the territorial expansion of the brethren. In his charter, the Hungarian monarch grants the rulers of Burzenland new territories stretched “up to the limits of the Brodniks”⁵, that is to the southern Moldova [29, p. 141; 28, p. 417, nota 19, 426; 26, p. 28–29, 106–109], as well as to the Danube in the northeastern Wallachia. This decree reflects the scale of the Knights' conquests in Cumania. However, it should be noted that, apparently, the brothers conquered these territories before they received the royal confirmation. Moreover, it is likely that previous controversy concerning new territorial acquisitions of the Knights were one of the reasons that led to their conflict with the Hungarian crown [28, p. 417; 26, p. 51; 1, p. 15, 19], to which Andrew II refer in the same charter.

In his charter, the Hungarian king restores the Knights in former rights and provides them with new privileges as compensation for the damage suffered by the Teutonic brethren during the Andrew II's attempt to expel the Knights out of their estates at the end of 1221 [12, p. 38–39]. New benefits included: the brothers' provision with an everlasting possession of a certain salt mine, the right to transport the salt extracted from this mine for sale in other Hungarian regions without payment of customs duties, and the recognition of their right to demand from local residents of the Burzenland to fulfill labor service in their favor [32, p. 113, 171; 24, p. 52; 18, p. 146; 17, p. 353]. In such a way the Hungarian monarch reimbursed to the Knights those “immoderate losses” that they suffered “because of his anger towards them”, in consequence of which he made the first attempt to exile the Teutonic brethren from the Kingdom.

We can only guess about the reasons for the King's anger, because neither this charter nor the subsequent letter of Pope Honorius III certifying its content [32, no. VII [= UB no. 34], p. 172–174] provide any explanation in this regard. It is quite possible that the conflict between the Hungarian crown and Knights was caused by controversy about the status of their new territorial acquisitions. It is also possible

⁵ Researchers have put forward a number of assumptions about the ethnic origin of the Brodniks, among which the most convincing hypothesis is that of Victor Spinei who considered the Brodniks as the people of Turkic origin, akin to the Cumans [34, p. 71, nota 25; 26, p. 106–109; 36, p. 42].

that Andrew II was irritated by an unauthorized decision of the Teutonic brothers to erect stone fortresses, despite the fact that previous royal charters did not contain permissions on this subject. Wrath of the king could be caused as well by accusations of the Knights in illegal minting of their own coins that was confirmed afterwards by the inquiry of the bishops of Varad and Győr [32, p. 74]. To the brothers' alleged transgressions could be also added the Knights' propensity to receive in their landholdings subjects of the King illegally migrated to the Burzenland [1, p. 19]. However, it seems more likely that the King's decision (who admitted in his charter the Knights' merits to the Kingdom) was made under pressure from the political opposition, which will be discussed below in connection with the final expulsion of the Teutonic brothers in 1225.

Subsequent letter of Pope Honorius III addressed to the bishop of Eger in early 1223 [32, no. VIII [= UB no. 35], p. 174–175], shows an obvious increase of the population in the Burzenland due to royal privileges and the respective economic recovery in the Knights' landholdings. In this connection, the pontiff ordered the Hungarian prelate to assign to the Burzenland residents a decent presbyter. However, a separate remark deserves the fact that the pontiff sent this request to the bishop of Eger rather than to the Transylvanian prelate. Apparently, the Honorius III's decision reflected the existence of certain tensions between the Teutonic brothers and Transylvanian bishop related to the Knights' rights to collect tithes from new settlers. Deterioration of relations between the Knights and Transylvanian prelate led to open conflict, testified by papal letters of 12th and 13th December, 1223 [32, no. IX, X [= UB no. 36, 37], p. 175–177]. These letters addressed to the Transylvanian bishop and archbishop of Esztergom, contain an interesting reference to the territorial expansion of the Teutonic brethren beyond the Carpathian Mountains and pointed to the need to foster the growth of the population in the Knights' landholdings to secure their military successes.

Four subsequent letters of Honorius III [32, no. XI–XIV [= UB no. 39–42], p. 178–183], informed their addressees (that is, the Teutonic knights, all Hungarian prelates, archpriest of the Burzenland, and its inhabitants) about the pontiff's decision to accept the Teutonic brethren landholdings in fief of the Holy See with a clearly expressed intention to contribute to the growth of the local population. It should immediately be noted that the overwhelming majority of researchers consider this decision both as violating the interests of the Hungarian crown and as the main reason for the Knights' expulsion from the Kingdom [7, p. 251; 9, p. 89; 4, p. 214; 3, p. 33; 26, p. 51; 24, p. 43, 51; 1, p. 18, 20; 12, p. 42, 46; 15, p. 133]. However, it still remains unexplained, to what extent the acceptance of the “Burzenland and the land beyond the Carpathian Mountains” in the “special”, that is, in the spiritual possession of the Apostolic See violated the secular interests of the King? It is quite possible that the Teutonic brothers not only perceived this papal decision as a recognition of autonomous status of their estates, but even tried to expand their landholdings at the expense of the royal domain, providing thereby the Hungarian monarch by a formal pretext for their expulsion (as discussed below). However, Honorius III himself immediately condemned the Knights of the infringement on the King's possessions, as he pointed out in the subsequent letter addressed to Andrew II June 12, 1225 [32, no. XVII [= UB no. 45], p. 186–188], and represented his previous decision wholly and entirely corresponding to the interests of the Hungarian crown.

In the same letter of June 12, 1225 [32, no. XVII [= UB no. 45], p. 186–188], Honorius III reports that the Hungarian king invaded the Burzenland “with the great and numerous multitude of cavalry and infantry and burdened the brothers and their subordinates with so large extortions and expenses, that they caused them damage amounted to one thousand marks”, and thereafter he prescribed the brothers to leave Transylvania. Therefore, the pontiff tried to dissuade Andrew II of making such a serious decision. However, in his next letter addressed to the King October 27, 1225 [32, no. XXI [= UB no. 51], p. 192–193], Honorius III ascertained with unconcealed indignation the final expulsion of the Teutonic brothers. Already in the letter of June 12, 1225, the pontiff reported that the main reason for the royal order of expulsion was the Knights' accusation in illegal encroachment on the royal property in Transylvania. Honorius III immediately responded to the charge against the brothers and commissioned three Cistercian abbots to investigate the circumstances of the case, having received from them a detailed report of September 1, 1225, which confirmed the validity of the accusations [7, p. 252; 32, p. 116, no. XX [= UB no. 49], p. 191–192; 14, p. 154; 1, p. 19; 15, p. 134]. In the following letter addressed to the Hungarian monarch February 17, 1226 [32, no. XXII [= UB no. 53], p. 194–196], the pontiff reported that the Teutonic Knights responded by denying the demand of returning the misappropriated royal property, adding the statement that they “would have perished in battle” rather than to give it back. Papal letter makes it clear that the brothers questioned the competence of the Cistercian abbots' investigation, which, in turn, re-

quired additional inquiry of the bishops of Varad and Győr. However, Andrew II did not wait for the results of this inquiry and expelled the Knights by force, violating, in the opinion of the Pope, procedural provisions of the legal investigation, since the Hungarian monarch did not wait for the final verdict of the Roman Curia (14, p. 154).

In summary, Honorius III was not trying to justify the illegal actions of the Teutonic knights and considered it legitimate to resort to appropriate penalties, had their guilty was proved. However, the pontiff stressed that the brothers' misuse could not serve as a sufficient basis for the confiscation of all their Transylvanian possessions. Therefore, he accused Andrew II in the fact that the Hungarian king used the illegal actions of the Knights as formal pretext for their expulsion from the Burzenland. Thus, the Pope perceived the Knights punishment as disproportionate to their fault, especially taking into account all the previous achievements of the Teutonic brothers. A more detailed description of these merits contained in subsequent letters of the Pope Gregory IX (who tirelessly continued to insist on the need of restoring justice to the brothers), provides interesting information about the military successes of the Teutonic Knights.

In his letter to the Hungarian prince on April 26, 1231 [32, no. XXV [= UB no. 59], p. 198–199], as well as in subsequent three letters addressed, respectively, to Andrew II, to Jakob, the papal legate in Hungary, and to the Patriarch of Aquileia, Berthold von Andechs-Merania [32, no. XXVII, XXVIII, XXX [= UB no. 61, 65, 68], p. 201–204, 206–207], the pontiff reports that the brothers built in Transylvania five strong castles “through hard work and the shedding of their own blood”. In addition to the already mentioned castle of Kreuzburg, Gregory IX certainly has in mind here the castle of Marienburg (place of residence of the Transylvanian komtur), Schwarzburg, and Rosenau. But concerning the fifth castle, researchers give different interpretations identifying it with either Heldenburg or with Kronstadt, or with Törzburg [32, p. 40–41; 19, p. 190–191, 12, p. 35]. Even more interesting is the papal indication on the fact that Teutonic knights built a certain “thoroughly fortified castle”, located in Cumania and apparently erected shortly before the expulsion of the brothers from Transylvania [32, p. 40, 75; 28, p. 418; 26, p. 52; 17, p. 352]. According to Gregory IX, the Cumans were greatly concerned about the appearance in the lands under their control of a powerful Teutonic outpost, which prevented their penetration in Transylvania. Therefore, after had brought together “countless multitude of warriors”, they tried to capture the castle but were defeated. Papal letters also reported that some of the Cumans “reached the baptismal grace” after they had suffered the defeat. Although the pontiff makes it clear that baptism of the nomads “along with their wives and children” took place after their captivity, this reference can be seen as the first documentary evidence of the Catholic proselytic success in the territory of Cumania.

Returning to the description of the circumstances of the Teutonic knights' expulsion from Transylvania contained in the letters of Pope Honorius III and his successor, Gregory IX, it should be noted that the pontiffs not only considered the above-mentioned charges against the brethren as a formal pretext for the confiscation of their estates, but also clearly pointed to the real cause that, in their opinion, prompted the King to make this decision. So, in his letter to Andrew II on June 12, 1225 [32, no. XVII [= UB no. 45], p. 186–188], Honorius III emphasized that the decision of the Hungarian king was taken by the cause of “someone's malicious incitements” and because of “perverse insinuations of envious persons” who could not accept the “flourishing state” of the Knights' estates. And later, Gregory IX stated in his letters to the Cardinal Bishop of Palestrina and Patriarch of Aquileia [32, XXVIII, XXX [= UB no. 65, 68], p. 202–204, 206–207], that the Hungarian monarch inexorably refused to restore fairness to the brothers fearing to “displease his children and barons”.

Thus, the pontiffs claimed that Andrew II made the decision not on his own will, but under the pressure of internal political opposition hostile towards the Teutonic brothers. In turn, the composition of this opposition is of particular interest, since it apparently was formed from two warring factions. A number of modern research has been devoted to an analysis of the Andrew II's state reform consisted in the forced redistribution of the Kingdom's landholdings in order to strengthen and tangibly enrich King's favorites through the confiscation of possessions assigned previously to the medium and small Hungarian nobility [2, p. xlvii–xlvi; 9, p. 43–44; 16, p. 75–77; 8, p. 91–93; 3, p. 20–22, 153; 22, p. 23–25; 11, IV, p. 8; 10, p. 43–44; 20, p. 53–57; 1, p. 11]. Scholars underlined that the inevitable occurrence of internal social conflict in the Kingdom, that colored the entire period of the Andrew II's reign (1205–1235), was associated with a confrontation between a small but influential group of King's favorites denominated as “barons” by the Hungarian sources from 1217 onwards [9, p. 43–44; 16, p. 76; 8, p. 92; 22, p. 23], and heterogeneous association of impoverished ispáns, castellans, and small landowners who enjoyed free

status and defended their ancestral right to be directly subordinated to the Hungarian crown without mediation of the barons. Bela, the eldest son and future successor of Andrew II, known for his sharply negative attitude towards, perhaps exaggeratedly, accelerated implementation of his father's reforms, usually acted as the main spokesman of this association's interests [1, p. 11]. However, the Bela's interests, obviously, coincided with the aspirations of barons with respect to the possessions of the Teutonic Knights, since it was namely Bela, who, being the Duke of Transylvania from 1224 onward, added to his possessions the lands of Teutonic brothers after their expulsion, as it was bluntly stated by the Pope Gregory IX in his letter of April 26, 1231 [32, no. XXV [= UB no. 59], p. 198–199].

References

1. Adriányi G. Zur Geschichte des Deutschen Ritterorden in Siebenbürgen. *Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapest*. Bd. 3. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1971, pp. 9–22.
2. *Anonymus and Master Roger: The Deeds of the Hungarians & Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars*. Bak Já.M., Rady M.C., Veszprémy L. Budapest; New York, Central European University Publ., 2010. 268 p.
3. Berend N. *At the Gate of Christendom: Jews, Muslims, and "Pagans" in Medieval Hungary, c. 1000 – c.1300*. Cambridge, UK; New York, Cambridge University Publ., 2001. 340 p.
4. Berend N. Défense de la Chrétienté et naissance d'une identité. Hongrie, Pologne et péninsule Ibérique au Moyen Âge. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. Vol. 58/5. Paris, Editions Armand Colin, 2003, pp. 1009–1027.
5. Bóna I. The Hungarian-Slav Period (895–1172). *History of Transylvania*. Barta G., Köpeczi B. et al (eds.). Budapest, Akadémiai Kiadó, 1994, pp. 107–177.
6. *Chronica Albrici monachi Trium Fontium, a monaco Novi Monasterii Hoiensis interpolata*. Scheffer-Boichorst P. (ed.). Monumenta Germaniae Historica, Scriptores. Vol. XXIII. Hannover, Bey den Brüdern Hahn, 1874, pp. 631–950.
7. Claverie P.-V. *Honorius III et l'Orient (1216–1227). Étude et publication de sources inédites des Archives vaticanes (ASV)*. Leiden, the Netherlands; Boston, MA: Brill Academic Publishers, 2013. 502 p.
8. Engel P. *The Realm of St. Stephen: A History of Medieval Hungary, 895–1526*. Pálosfalvi T., Ayton A. (eds.). London, New York: I.B. Tauris; New York, Distributed in the USA by Palgrave Macmillan, 2001. 452 p.
9. Fara A. *La formazione di un'economia di frontiera. La Transilvania tra XII e XIV secolo*. Napoli, Editoriale Scientifica, 2010. 424 p.
10. Fügedi E. *Castle and Society in Medieval Hungary (1000–1437)*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1986. 162 p.
11. Fügedi E. *Kings, Bishops, Nobles, and Burghers in Medieval Hungary*. Bak Já.M. (ed.). London, Variorum Reprints, 1986. 346 p.
12. Glassl H. Der deutsche Orden im Burzenland und in Kumanien (1211–1225). *Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapest*. Bd. 3. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1971, pp. 22–49.
13. Golden P.B. The Peoples of the Russian Forest Belt. *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Sinor D. (ed.). Cambridge, New York, Cambridge University Publ., 1990, pp. 229–255.
14. Hunyadi Z. The Teutonic Order in Burzenland (1211–1225): New Re-considerations. *L'Ordine Teutonico tra Mediterraneo e Baltico. Incontri e scontri tra religioni, popoli e culture = Der Deutsche Orden zwischen Mittelmeerraum und Baltikum. Begegnungen und Konfrontationen zwischen Religionen, Volker[n] und Kulturen. Atti del Convegno internazionale (Bari–Lecce–Brindisi, 14–16 settembre 2006)*. Houben H., Toomaspoeg K. (eds.). Galatina, Congedo Editore, 2008, pp. 151–162.
15. Iorga N. *Histoire des Roumains et de la Romanité orientale*. Volume III. *Les fondateurs d'Etat*. Bucarest, Imprimerie de l'état, 1937. 424 p.
16. Kontler L. *A History of Hungary: Millennium in Central Europe*. Hampshire, Palgrave Macmillan, 2002. 527 p.
17. Lăzărescu E.C. Notă despre documentele Țării Bârsei și Cavaleriei Teutoni. *Țara Bârsei*. Vol. VI/4. Braşov, 1934, pp. 336–356.
18. Lăzărescu E.C. Cavaleriei Teutoni și Țara Bârsei. *Țara Bârsei*. Vol. VII/2. Braşov, 1935, pp. 140–152.
19. Lotan Sh. Between the Latin Kingdom of Jerusalem and Burzenland in Medieval Hungary: The Teutonic Military Order Status and Rule in the Poles of Christianity. *Mirabilia: Revista Eletrônica de Antiguidade e Idade Média*. Vol. 10. Barcelona, Institut d'Estudis Medievals, 2010, pp. 184–195.
20. Makkai L. The Independent Hungarian Feudal Monarchy to the Battle of Mohács (1000–1526). *A History of Hungary*. Barta I., Berend I.T., Hanák P., Lackó M., Makkai L., Nagy Zs.L., Ránki G. (eds.). Budapests, Corvina Publ., 1973, pp. 29–118.
21. Makkai L. The Foundation of the Hungarian State, 950–1196. *A History of Hungary*. Sugar P.F., Hanák P., Frank T. (eds.) London:, I.B. Tauris, 1990, pp. 15–22.

22. Makkai L. Transformation into a Western-Type State, 1196–1301. *History of Hungary*. Sugar P.F., Hanák P., Frank T. (eds.). London, I.B. Tauris, 1990, pp. 23–33.
23. Makkai L. The Emergence of the Estates (1172–1526). *History of Transylvania*. Barta G., Köpeczi B. et al (eds.). Budapest, Akadémiai Kiadó, 1994, pp. 178–244.
24. Martini F. Der Deutsche Ritterorden und seine Kolonisten im Burzenland. *Ungarn: Jahrbuch der Presseagentur Budapest*. Bd. 10. Budapest, Budapest, 1979, pp. 41–57.
25. *Quellen zur Geschichte der Siebenbürger Sachsen 1191–1975*. Wagner E. (ed.). Köln, Wien, Böhlau Verlag, 1976. 429 p.
26. Spinei V. *Moldavia in the 11th–14th centuries*. Bucharest, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1986. 276 p.
27. Spinei V. Les répercussions de la grande invasion mongole de 1241–1242 sur l'espace carpato-danubien reflétées surtout dans les oeuvres des chroniqueurs italiens. *Südost Forschungen*. Vol. 61–62. München: Südost-Institut, 2002–2003, pp. 1–47.
28. Spinei V. The Cuman Bishopric: Genesis and Evolution. *The Other Europe in the Middle Ages: Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Curta F., Kovalev R. (eds.). Leiden, the Netherlands; Boston, MA: Brill Academic Publ., 2008, pp. 413–456.
29. Spinei V. *The Romanians and the Turkic Nomads North of the Danube Delta from the tenth to the mid-thirteenth century*. Leiden, the Netherlands; Boston, MA: Brill Academic Publ., 2009. 545 p.
30. *Urkunden und erzählende quellen zur Deutschen Ostsiedlung im Mittelalter*. Teil II. *Schlesien, Polen, Böhmen-Mähren, Österreich, Ungarn-Siebenbürgen*. Helbig H., Weinrich L. (eds.). Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1970. 632 p.
31. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge; New York, Cambridge University Publ., 2005. 230 p.
32. Zimmermann H. *Der Deutsche Orden in Siebenbürgen: eine diplomatische Untersuchung*. Köln: Böhlau Verlag, 2011. 246 p.
33. Knyaz'kij I.O. Polovtsy v Dnestrovsko-Karpat'skikh zemlyakh i Nizhnem Podunav'e v kontse XII – pervykh desyatiletiyakh XIII v. [The Polovtsy in the Dniester-Carpathian Lands and Lower Danube Region at the end of the 12th – the first decades of the 13th century]. *Sotsial'no-ekonomicheskaya i politicheskaya istoriya Moldavii perioda feodalizma* [Socio-economic and Political History of the Feudal Period of Moldova]. Kishinev, “Shtiintsa”, 1988, pp. 22–32.
34. Kovács S. Ekspansiya zapadnogo khristianstva: missiya dominikantsev sredi polovtsev (kumanov) [Expansion of the Western Christianity: Dominican Mission to the Polovtsy (Cumans)]. *Byulleten' (Newsletter)*. 12. *Hungaro – Russica II. Istoriya i kul'tura Evraziyskoy stepi*. 2-y Sbornik statey Rossiyskikh i vengerskikh vostokovedov [Newsletter. 12. Hungaro – Russica II. History and Culture of the Eurasian Steppe. Second Collection of Articles of the Russian and Hungarian Orientalists]. Moscow, Institut Vostokovedeniya Rossiyskoy Akademii Nauk Publ., 2005, pp. 52–73.
35. Osipyan A.L. Migratsiya, adaptatsiya i integratsiya kochevnikov v osedlom obshchestve: sravnitel'nyy analiz perekhoda kochevnikov k osedlomu obrazu zhizni v Galitskoy Rusi i Vengerskom korolevstve v XIII–XV vv. [Migration, Adaptation, and Integration of Nomads in a Settled Society: A Comparative Analysis of the Nomads' Transition to a Sedentary Lifestyle in the Galician Rus and Kingdom of Hungary in the 13th–15th centuries]. *Tyurkskie kochevniki Evrazii (kimaki, kipchaki, polovtsy ...)* [The Turkic Nomads of Eurasia (Kimaks, Kipchaks, Cumans ...)]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2013, pp. 102–122.
36. Shusharin V.P. Svidetel'stva pis'mennykh pamyatnikov korolevstva Vengrii ob etnicheskom sostave naseleniya Vostochnogo Prikarpat'ya pervoy poloviny XIII veka [Evidence of the Written Monuments of Kingdom of Hungary on the Ethnic Composition of the East Precarpathian Population in the first half of the 13th century]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. No 2. Moscow, Institut istorii Akademii nauk SSSR Publ., 1978, pp. 38–53.

About the author: Roman Hautala – Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Postdoctoral researcher, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, Ph.D. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation; 90014, Pentti Kaiteran st., 1, Oulu, Finland); virisequisque@hotmail.com

Военные столкновения тевтонских рыцарей с куманами в период их пребывания в Трансильвании (1211–1225)

Роман Хаутала

(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)

Автор настоящей статьи анализирует содержание папских писем в Венгрию по поводу вопросов, касающихся пребывания тевтонских рыцарей в Трансильвании с 1211 по 1225 год. Анализ информации, содержащейся в этих письмах, показывает, что венгерский король Андрей II пригласил тевтонских братьев в землю Бырса (располагавшуюся на юго-восточной оконечности Трансильвании и в непосредственной близости с территориями, подконтрольными куманам) с очевидной целью организовать эффективную защиту Трансильвании от участвовавших набегов куманов. Основываясь на сведениях исторических документов, автор приходит к выводу, что куманы регулярно вторгались в Трансильванию именно через землю Бырса и что эти набеги кочевников показали неэффективность прежней оборонительной системы региона, повлияв тем самым на решение Андрея II поручить оборону Бырсы ордену тевтонцев, обладавшему значительным военным потенциалом. Одновременно, венгерский монарх предоставил братьям ряд привилегий, пытаясь создать благоприятные условия для увеличения местного населения Бырсы с целью обеспечить тевтонским рыцарям постоянный приток материальных средств и живой рабочей силы.

Содержание папских писем выказывает очевидное удовлетворение венгерского короля в отношении военных успехов тевтонских рыцарей, выраженное в предоставлении дополнительных привилегий через год после приглашения братьев. Параллельно, исторические документы указывают на ужесточившийся характер столкновений братьев с куманами (по всей видимости, стремившихся воспрепятствовать Тевтонскому ордену закрепиться в земле Бырса), но одновременно констатируют постепенное установление контроля на регионом со стороны рыцарей. Таким образом, папские послания позволяют составить представление об эволюции военных успехов тевтонских братьев в их борьбе с куманами. К тому же, исторические документы предоставляют ценнейшую информацию о дальнейшей экспансии рыцарей в Закарпатье после окончательного установления контроля на землей Бырса.

Помимо рассмотрения военных столкновений между тевтонскими рыцарями и куманами, автор настоящей статьи уделяет существенное внимание и анализу тех причин, которые побудили венгерского короля Андрея II изгнать братьев из Трансильвании в 1225 году, несмотря на их очевидные заслуги перед венгерским королевством.

Ключевые слова: взаимоотношения Латинского мира с кочевниками в средневековье, куманы, Тевтонский орден, королевство Венгрии, Трансильвания.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – старший научный сотрудник Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета Университета Оулу, Ph.D. (история) (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация; 90014, ул. Пентти Кайтера, д. 1, Оулу, Финляндия); virisequisque@hotmail.com

УДК 94(47)

**«Народ там свирепый»:
монгольское завоевание Волго-Уральского региона
(1223–1240 гг.)**

И.Л. Измайлов

*(Институт археологии им. А.Х.Халикова
Академии наук Республики Татарстан)*

В статье анализируется история завоевания Монгольской империей Волго-Уральского региона в 1223–1240 гг. Долгое время эта тема в отечественной историографии не рассматривалась. Постепенно к ней стали обращаться казанские историки. Новая историографическая ситуация и накопленный историко-археологический материал позволил поставить и решать некоторые проблемы изучения монгольских завоеваний с новых позиций, позиций, рассматривая их в общем контексте монгольских завоеваний, но с пристальным вниманием к судьбе данного региона. В статье подробно анализируются обстоятельства монгольского похода 1223 г. на Восточную Европу под руководством Субудея и Джебе. Отмечается, что относительный успех этого похода был фактически сведен к поражению в результате военного сопротивления болгар. Отмечается, что вновь найденные археологические материалы позволяют локализовать события этого похода в районе Золотаревского городища (совр. Пензенская область). В статье изучаются предпосылки и этапы наступления на кыпчаков Заволжья и Нижнего Поволжья и роль в этих событиях Волжской Булгарии, как центра организованного сопротивления монгольским войскам. Начальный этап наступления приходится на 1229 г., когда монгольские войска нанесли поражение коалиции болгар, саксин и йемеков. Позднее эти походы продолжились в 1232 г., когда главный удар пришелся на болгарские земли. Особо рассматривается сопротивление города Саксина, который ныне локализуется в районе Нижнего Поволжья (городище Самосделка). Он являлся болгарским центром в Нижнем Поволжье и узлом обороны данной территории. Падение предопределило поражение болгар и саксинов. Окончательное завоевание Поволжья приходится на 1236 г., когда объединенные монгольские войска всех потомков Чингиз-хана последовательно сокрушили все города и крепости болгар и завоевали их территорию.

Ключевые слова: Улус Джучи, монгольское завоевание, Волжская Булгария, Саксин Субудей, Бату, кыпчаки, ольбурли, Золотаревское городище.

История завоеваний стран Волго-Уральского региона является важной страницей в истории становления Великой монгольской империи и определяющей в возникновении Улуса Джучи в тех максимальных пределах, которых его знает история. История завоевания Волго-Уральского региона еще совсем недавно не была предметом специального изучения и, как правило, в отечественной историографии рассматривалась в контексте монгольского завоевания русских княжеств [см.: 10; 41; 11; 22; 23; 64]. Исключение составляли труды казанских историков и археологов, изучавших историю борьбы Волжской Булгарии с монгольскими завоевателями [см.: 52; 47; 53; 20; 54; 60; 55]. Англо-американские историки чаще всего видели эти походы, как часть общего движения на Запад, включая их как в обобщающие труды по истории становления Монгольской империи [см.: 8; 40; 47; 50; 57; 72]. Но уже в 80-е гг. XX в. стали появляться статьи, специально посвященные именно вопросу покорения монголами Западной Сибири, Среднего Поволжья и Приуралья [см.: 15; 16; 32; 67; 69; 70]. В последнее время и отечественная историография обратилась к этим проблемам, используя как сведения письменных источников, так и привлекая данные археологии [см.: 15; 18; 34; 33]. Новая историографическая ситуация и накопленный историко-археологический материал позволил поставить и решать некоторые проблемы изучения монгольских завоеваний с новых позиций, рассматривая их в общем контексте монгольских завоеваний, но с пристальным вниманием к судьбе данного региона.

Поход 1223 г. Субудея и Джебе в Восточную Европу и Джучи из Хорезма в Заволжье. Завоевание значительной части Северной Евразии прямо связано с вопросом наследственных владений Джучидов и их права на владения, лежащие на пути к «последнему морю», к западу от

Монголии. Наследственный улус для Джучи, выделенный, очевидно, Чингиз-ханом в 1207–1208 гг. изначально располагался на западе Монгольского государства. Судя по сведениям Рашид ад-Дина в состав крыла Джучи входили четыре монгольские тысячи из племен сиджиут, кингит и хушин [39, с.274]. Эти тысячи, вполне очевидно, были гвардейскими отрядами, основой будущего войска Джучидов. Именно они оказались на передней линии войны с кочевыми народами. Сначала с меркитами и найманами, отступившими в бассейн Иртыша и Восточный Туркестан, а позднее с «лесными народами» – ойратами, бурятами и кыргызами [69, pp. 1–32]. В результате успешных походов и дипломатических усилий Улус Джучи утвердился в качестве западного крыла и настоящего плацдарма против кыпчаков и других стран Запада. Уже при Джучи в состав его войск влились отряды ойратов, кыргызов, урянхайцев, а позднее и других тюрко-кыпчакских и татарских племен, присоединенных или выразивших лояльность Чингиз-хану в период 1207–1211 гг. Окончательно северные территории Алтая, Забайкалья и Минусинской котловины были завоеваны в 1217 г., когда полководцы Джучи нанесли поражение хори-туматам.

В следующем, 1218 г. произошли знаменательные события. Стремясь охватить государство Кучлука с севера и нанести окончательное поражение кыргызам и другим «лесным народам», а также усилившимся меркитам и присоединившимся к ним остатков других разбитых Чингиз-ханом племен, в Тургайскую степь были посланы войска во главе с Джучи, при непосредственном командовании Субедея и Тохучара. Согласно биографии Субедея в «Юань ши», он «большим войском пошел к реке Чань, встретился с меркитами, в одном сражении взял в плен двух полководцев и полностью покорил их народ. Глава их обока Хуту бежал к кыпчакам, Субэтай преследовал его и у кыпчаков при горной долине Юйной сразился и разбил его» [58, с.498–499]. Очевидно, речь идет о битве на р. Иргиз, одним из последствий которой стало первое столкновение с войсками хорезмшаха. Здесь важно отметить, что в ходе этих столкновений впервые войска Джучи вступили в столкновение с кыпчаками. По мнению Т. Олсена речь идет о кочевой державе йемеков во главе с кланом ольбури (ильбуре), чья держава располагалась в Приаралье и Заволжье [67, p.9–10; 32, с.130; подробнее об этом клане см.: 70, pp. 5–30].

После последовавшей большой войны с хорезмшахом, завершившимся гибелью его державы и присоединением к Монгольской империи Мавераннахра, Хорезма и Хорасана. Для Джучи и его потомков это имело самые судьбоносные последствия – их улус расширился практически до реки Джик (Урал), а на юге они получили определенный контроль над Хорезмом и городами по берегам нижнего течения Сырдарьи (подробнее см.: [45, с.146–187]). На повестке дня прямо стал вопрос о противоборстве с кыпчаками и йемеками. Однако логика событий привела не к войне с отдельными племенами кыпчаков, но с целой коалицией Волго-Уральских народов и государств.

Начало этому почти полуторядесятилетию вооруженному противостоянию было положено в 1223 г. Разворачивалось оно с событий 1220 г., когда три тумена под командованием Субедея, Джебе и Тохучара были отправлены в Хорасан в погоню за хорезмшахом Мухаммадом. После получения сведений о его гибели они были направлены на завоевание западной части державы Хорезмшахов – «Аррана, Азербайджана, Ирака и Ширвана» [39, с.225]. В ходе сражений Тохучар погиб, а его тумен был, видимо, частично перебит, а частично перераспределен среди других монгольских корпусов. Отдельные неудачи не повлияли на общий ход кампании. Уже в 1221 г. победы Субедея и Джебе над грузинскими войсками привели к подчинению Закавказья. Казалось, что их миссия выполнена, но внезапно они разворачиваются и движутся через Дербент на Северный Кавказ.

Пройдя с боями по восточным предгорьям Кавказа они вышли на равнины Северного Кавказа. Здесь их пытались сдержать объединенные войска кыпчаков и алан. Оба войска сражались храбро и обречено. Аланы и кыпчаки не могли отступить, отдавая свою страну на разорение безжалостным завоевателям. Но и для монголов поражение означало гибель. Кровавопролитная битва не выявила победителя. Тогда монголы пустились на хитрость. Они подкупили кыпчакских вождей, обещая к тому же не трогать их кочевий. Хитрость удалась. Кыпчаки покинули своих союзников, обрекая их на поражение. После этого монголы ринулись на поверивших их заверениям в дружбе кыпчаков. Как пишет тот же арабский хронист, «монголы внезапно нагрянули на них, убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше того, что перед тем дали». В результате наступления особенно пострадали объединения донских и северокавказских кыпчаков Юрия Кончаковича и Данила Кобяковича. По словам ибн ал-Асира: «Кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских» [43, с.26]

Вынужденные бежать к границам Руси, кыпчаки во главе с ханом приднепровских кыпчаков Котяном обратились за помощью к русским князьям. Понимая, что опасность нависла над русскими землями, основные южнорусские князья вышли навстречу монгольским войскам. обратился за помощью к другим князьям. Главным аргументом были слова хана Котьяна, сохранные Новгородской первой летописью: «Нашу землю днесь отъяли, а ваша заутро, взята будет» [37, с.62], и большие дары, принесенные кыпчаками. Тогда же в Киев пришло монгольское посольство, призывавшее русских князей не оказывать помощь кыпчакам, убеждая, что против русских они не имеют ничего против, а их кампания направлена исключительно против кыпчаков «на холопы и на конюси свое на поганья Половче» [37, с.62]. Однако русские князья совершенно справедливо не поверили их заверениям и на съезде князей в Киеве решили оказать помощь кыпчакам – «своим поганым».

В это время монгольские войска, совершив рейд по Приазовью, ворвались в Крым и разорили Судак, прервав причерноморскую торговлю [42, с. 26]. Оттуда они выдвинулись в Приднепровье к городу Зарубу, где узнали о выступлении в поход русских князей. Объединенное русско-кыпчакское войско представляло значительную силу. Против них выступили Мстислав Романович киевский, Мстислав Мстиславович Галицкий, Мстислав Святославич смоленский, Даниил Романович волынский и ряд других. Со своими дружинами. Отряды кыпчаков во главе с несколькими ханами также были довольно многочисленны. Например, орда хана Котьяна уже после этого сражения бежавшего в Венгрию была достаточно сильной, чтобы составить самостоятельное войско. Иными словами общая численность союзной рати, вероятно, достигала 40 тысяч воинов.

Субедей и Джебе, по данным русской летописи, обратились к русским князьям с предложением мира: «се слышимъ, оже идете противу насъ, послушавше Половьць; а мы ни вашей земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни на васъ придохомъ, нъ придохомъ богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганья Половче; а вы возьмите с нами миръ; аже выбежать къ вамъ, а биите ихъ оттоле, а товары емлете к себе: занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же дея и мы биемъ» [37, с. 62]. Предлагая не слушать кыпчаков и оставить их без помощи они даже убили их послов и двинулись в степь.

Интересно, что известный историк Л.Н. Гумилев, пытается представить дело таким образом, что русские сами спровоцировали тем самым дальнейшие походы и завоевание Руси. Он считает, что произошло «подлое преступление, гостеубийство, предательство доверившегося!». Далее он с пафосом пишет, что якобы «нет никаких оснований считать мирные предложения монголов дипломатическим трюком... монголы искренне хотели мира с русскими, но после предательского убийства и неспровоцированного нападения мир стал невозможен» [12, с.501]. Неясно откуда автору известно, что монгольские вожди были «искренни», что никак не вытекает из обстоятельств похода войск Субедея и Джебе по Кавказу, вспомним хотя бы эпизод с обманом кыпчаков, оставивших своих союзников алан. Даже, если русские князья плохо знали о той недавней битве, что вряд ли, поскольку многие кыпчаки оттуда «ушли в страну русских», то они явно стремились остановить наступление монголов на дальних подступах к своим рубежам. Кроме того, как справедливо отметил Ч. Гальперин, монгольские послы слишком часто в разных землях и странах служили объектом агрессии и часто сами вели себя вызывающе, как бы давая повод своей смертью к монгольской экспансии, чтобы придавать этому факту масштабы вселенской мести [71, р.322–323].

Результатом похода в степь стала знаменитая битва на Калке, происшедшая 31 мая 1223 г. В ней союзное войско южнорусских князей и кыпчаков численно примерно в два раза превосходящее войско Субедея и Джебе было разбито и почти полностью уничтожено. События предшествующие этой битве и ее обстоятельствам, благодаря тому, что они сохранились в целом ряде источников в том числе русских летописях, оставивших подробные рассказы о событиях того года, посвящены многочисленные труды (от Н.М. Карамзина и С.М. Соловьева, до Б.Д. Грекова, И.Н. Данилевского и Р.П. Храпачевского), подробно разбирающие различные аспекты этой истории (см.: [64, с.186–189; 10, с.31–57; 58, с.323–335]).

Можно только констатировать, что причиной победы стала хорошо отработанная тактика монгольских войск, практиковавшей тактические отступления, охват противника и массивный встречный контрудар. Примерно такой же была тактика этих полководцев, когда двумя годами ранее они нанесли сокрушительное поражение войскам грузинского царя Лаши в битве на р. Беруджи (Джегам-чай) [39, с.228]. Ход битвы так описывается Ибн ал-Асиром так: «Русские и кипчаки, успевшие подготовиться к бою с ними (т.е. с монголами – *И.И.*), вышли на путь Татар,

чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от нее. Известие о движении их дошло до Татар, и они обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание [напасть] на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, [но] потом Татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них [для последних это было] совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары со значительно превосходящими силами» [42, с. 26–27]. Похоже описывают заключительный этап сражения и русские летописи. Союзные рати разбили передовой отряд монголов и убили командовавшего им Гемябека. Потом «... князи русстии, поидоша за Днепръ и поидоша вси въкупе по них же идоша 9 днии» [37, с. 62]. Союзные рати, подойдя к берегу р. Калки и стали располагаться на ее берегах лагерем. Князья были уверены, что монголы слабы и бегут, спасаясь от разгрома и от своего бессилия. Самоуверенность дорого стоила им. Внезапно 31 мая 1223 г. началось сражение, ставшее для союзного войска настоящей катастрофой. Не встречая неприятеля, волынский князь Даниил и галицкий князь Мстислав Мстиславович Удалой вместе с отрядами кипчаков стали выдвигаться за реку – «заидоша за Калак реку, и послаша въ сторожихъ Яруна с Половци, а сами станом сташа ту» [37, с. 62]. Вдруг эти князья встретили противника, который до этого упорно избегал боя. Князь Мстислав «Видившоу же емоу полкъ Татарьскыя, приехавъ же рече: «Воружитесь». – Мстиславоу же и друугомоу Мьстиславоу, сидящема во стану не ведоущема. Мьстислав же не поведи има, зависти ради: бе бо котора велика межю има» [36, стлб. 743]. Между тем, то, что сначала казалось столкновением с арьбергардом монголов, превратилось в сражение, к которому союзники не были готовы. Причем, несмотря на попытку автора летописного рассказа о битве на Калке из «Галицко-Волынской летописи» переложить ответственность за неудачу в битве на киевского и черниговского князей, которые не поддержали наступление волынян и галичан, а также, вопреки предупреждению Мстислава Удалого даже не вооружились к битве, во многом вина за поражение лежит именно на Мстиславе. Во-первых, он начал наступление не дожидаясь поддержки киевлян и Черниговцев, а во-вторых, из более раннего и независимого от южнорусского летописания рассказа новгородской летописи, дело представляется таким образом, что именно полки галичан и волынян не были готовы к битве. «Тъгда же Ярунь съступися с ними, хотя битися, и побегоша не успевъше ничегоже Половци назадъ, и потъпташа бежаще станы русских князь, не успеша бо исполчитися противу имъ; и смятошася вся, и бысть сеця зла и люта. [37, с. 62–63].

Вместе с сообщением арабского историка эти данные помогают восстановить общий ход битвы. Слова арабского историка (соответствия в русских источниках этому нет) о численном превосходстве, если это не литературная аллегория просвещенного автора, пытавшегося оправдать какими-то «объективными» обстоятельствами бесславный разгром союзной рати, должен, очевидно, означать, что монголы ударили всеми своими силами по растянутому по степи преследующему войску, навязали ему встречный бой, обратили в бегство передовые полки, в первую очередь кипчаков и начали бить союзников по частям. Очевидно, что даже галичане и Волынянцы не были готовы («не успеша исполчитися») и были сметены с поля боя, причем оба их князя бежали до берегов Днепра впереди своих войск, так быстро, что их не настигли монголы.

Попытку оказать сопротивление как раз попытались организовать черниговцы и смоляне, но были разбиты. Теперь на поле боя остались только киевляне. «Мстислав же, Киевскыи князь, видя се зло, не движесе съ места никамо же; стал бо бе на горе над рекою над Калком, бе бо место то каменисто и ту утоши городъ около себе в колехъ, и бися с нимииз города того по 3 дни. Инии же Татари поидоша по русскихъ князихъ, бьуче до Днепря; а у города оста 2 воеводе Цыгырканы и Тешюкан на Мстислава» [37, с. 62–63]. Не сумев взять укрепленный стан штурмом и осадой, монгольские нойоны послали к киевскому князю воеводу бродников Плоскиню, который убедил русских сдать на условиях сохранения жизни, но победители не выполнили обещание, предав князей, воевод и простых ратников смерти. Среди них был убит киевский князь Мстислав, в бою пал Мстислав Черниговский с сыном и еще четыре других князя, огромные потери понесли войска, одних только киевлян в битве полегло до десяти тысяч [35, с.447]. По данным «Юань ши» из биографии Хэсымайли (очевидно, мусульманин Исмаил) указано: «... дошли до русских и напали на них. В Железных горах и подчинили их. Захватили их государя Мичижисыла (Мстислава). Чжебе приказал Хэсымайли подарить его Чжочи. Казнили его [Мстислава]» (Цит. по [27, с.196]).

Победа в битве на Калке стала великолепным образцом тактической гибкости и выучки монгольских войск, но далась она им нелегко, недаром в биографии Субедея оно названо «кровопролитнейшим» [58, с. 513]. Преследуя бежавших воинов, Субедей и Джебе дошли по берегу Днепра до Новгорода Святополкского, сжигая села и убивая людей.

После этого монголы отошли на летовья, видимо, в район Подонья. После чего двинулись в сторону Волжской Булгарии. Однако здесь их ждала большая неудача. Видимо, осенью 1223 г. болгарские войска одержали победу над победоносными войсками Субедея и Джебе, причем одержана она была не за счет превосходящих сил болгар, а благодаря успешно проведенной тактической операции. Как уже было сказано выше, следы этой битвы, очевидно, недавно были открыты Г.Н. Белорыбкиным у Золотаревского городища близ Пензы.

В свое время Т.Ольсен поставил интересный вопрос о том, что одновременно с наступлением Субедея и Джебе из Передней Азии на Северный Кавказ, началось наступление других отрядов из Улуса Джучи на тюрок Северного Приаралья. По мнению этого историка, сославшегося на некоторые известия Джувейни, возглавил этот поход сам Джучи, который начал наступление на канглов, одновременно с походом Субедея и Джебе [67, р. 10–14]. В результате оба войска соединились, видимо, в Заволжье. Скорее всего, именно об этом писал Джувейни, говоря, что в то время после 1222 г. «Войско Туши находилось в Дашт-и Кипчаке и в тех краях; они соединились и оттуда явились к Чингиз-хану» [43, с.21]. В источниках ничего не сообщается о крупных успехах Джучи в войне с канглами, но, очевидно, что они были в большинстве своем покорены или истреблены. Ведь после возвращения из своего длительного похода, Субедей, по словам его биографа из «Юань ши», «подал доклад трону, чтобы «тысячи» из меркитов, найманов, кирей (возможно, керейт или керай/герай – *И.И.*), канглов и кыпчаков – всех этих обоков, вместе составили одну армию. [Чингиз-хан] последовал ему» [58, с. 500–501]. Иными словами, есть основания считать, что к тому времени канглы уже были покорены.

Таким образом, поход 1222–1223 гг. может считаться «разведывательным» только с точки зрения русской историографии. Представляется, что это была хорошо спланированная, но менее четко скоординированная и гораздо хуже исполненная военная операция. Впрочем, это не удивительно, учитывая огромный ее территориальный масштаб и сложности снабжения и пополнения войск. Не исключено, что конечной целью этих двух концентрических ударов были болгарские владения на Нижней Волге – Саксин и ряд других городов. Однако, выполняя ее, Субедей и Джебе, разгромив саксинов алан на Северном Кавказе, видимо, преследуя кыпчаков, сильно отклонились к западу. Вряд ли, в их планы входило столкновение с русскими князьями, но успех в битве на Калке продемонстрировал силу и мощь монгольского войска, которое после этого успеха двинулось в Поволжье, выполнять прямую боевую задачу. Но здесь удача отвернулась от них, потерпев сокрушительное поражение на границах Булгарии, Субедей и Джебе уже не могли оказать действенную помощь войскам Джучи. Тем не менее, их действия были удачными, сковав войска болгар, они не позволили тем оказать действенную помощь кыпчакским объединениям, которые гибли поодиночке в неравной борьбе. В целом, можно сказать. Что именно одновременный удар по кыпчакам с юга со стороны Кавказа и с востока из Хорезма, открыли новый этап монгольских завоеваний в Евразии, положив начало покорению Восточной Европы.

Кампании в Заволжье 1229–1234 гг. Поход 1223 г. показал монгольским правителям, что завоевание Запада может потребовать серьезных военных усилий, которые не могли быть задействованы в силу растянутости коммуникаций и истощения сил монголов. Требовалась передышка и укрепление власти монголов во вновь завоеванных странах, тем более что они еще далеко не были покорены и в них еще сохранялись очаги сопротивления. В этих условиях в Улусе Джучи создаются новые административно-территориальные подразделения – «тысячи» из покоренных народов – меркитов, найманов, кирейтов, кыпчаков и канглов [57, с. 500], несколько позднее был сформирован корпус из йемеков-ольбури [70, р.5–30; 67, р. 14; 32, с. 133]. Очаги недовольства подавляются, сопротивляющиеся истребляются или изгоняются, монгольская власть на местах укрепляется. Развертывание новой кампании в Заволжье и Южном Урале было отсрочено новой войной с тангутским государством Си Ся и стягиванием всех сил на этот театр военных действий, в частности туда были направлены Субедей и Джебе с новыми корпусами из тюркских племен.

Были, очевидно, и другие – внутренние причины. По мнению ряда Одновременно произошло резкое охлаждение отношений между Джучи и его отцом. Перед тем, как вернуться в Монголию, Чингиз-хан по данным Рашид ад-Дина «... приказал Джучи двинуться в поход на завоевание и по-

корять северные области, как то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак и другие области тех краев, а так как он [Джучи], уклонившись от этого дела, отправился восвояси» [43, с. 64]. Подобное игнорирование прямых указов великого хана вызвало негодование Чингиз-хана и он вызвал его для объяснений. Но Джучи, ссылаясь на болезнь, оттягивал визин в ставку хана. Гнев Чингиз-хана еще больше возрос, когда некий мангыт, приехав из владений Джучи, поведал отцу, что его сын не болен, а развлекается охотой. Назревал открытый конфликт. Чингиз-хан воспринял его поступки, как мятеж со стороны сына: «Джучи сошел с ума. Что выделяет такие вещи» и приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы в авангарде отправились Чагатай и Угетай, а сам собирался выступить в поход вслед» [43, с. 65]. Однако поход не состоялся, поскольку Джучи таинственным образом скончался. Ходили слухи, что он был недоволен политикой отца и был отправлен (Ссылки на источники и мнения историков см.: [27, с. 205]). Оказался ли Джучи жертвой придворных интриг или действительно готовил мятеж доподлинно не известно.

Как бы то ни было, вслед за его гибелью в Дашт-и Кыпчаке установился краткий мир. Монголам явно было не до западных земель. Поскольку последовали война с Си Ся и смерть самого Чингиз-хана, только на полгода пережившего своего старшего сына, а за ней подготовка к курултаю, где решался вопрос о престолонаследнике.

Только в 1229 г. Угедей после долгих переговоров, интриг и компромиссов был провозглашен великим ханом. На этом курултае произошло формальное утверждение правителем Улуса Джучи его сына Бату, перед этим назначенного на этот трон по приказу Чингиз-хана [См.: 34, с.63–65]. Не исключено, что в этот период опалы Джучи и утверждения нового хана Джучиды потеряли контроль над землями к востоку от Прииртышья. Трудно сказать, чем была вызвана эта перекройка границ, но, потеряв Алтай, Бату приобрел гораздо больше – он добился утверждения его прав на улус отца и подтверждения прав на еще не завоеванные земли на западе Евразии.

Курултай 1228/29 г., «согласно прежнему указу Чингиз-хана, назначил его (т.е. Бату – *И.И.*)», с братьями и другими царевичами на завоевание северных областей. Для этого похода Бату и его братьям был придан тридцатитысячный корпус Кукдая и Субедая [43, с. 34]. Другое войско под командованием Чурмагуна было отправлено в Переднюю Азию и Закавказье для уничтожения последнего очага сопротивления во главе с наследником хорезмшахов Джалал ад-Дина Манкбурны.

Укрепление власти Бату и усиление его войск позволило ему перейти к задаче захвата Заволжья и Нижнего Поволжья. Однако здесь им пришлось столкнуться с сильной коалицией народов, объединившихся перед угрозой с востока. В отечественной историографии принято или замалчивать вовсе или считать это сопротивление неудачным, а саму войну в Заволжье только неким введением к завоеванию Руси (См. например: [10, с.207; 64, с. 190–192; 58, с.339–340; 60, с. 96], исключение составляют труды татарских [54, с. 4–22; 55, с.23–27; 56, с.118–135] и зарубежных [66; 67; 33] историков). Основным силовым и цементирующим узлом сопротивления монголам являлись не какие-то мифические словами некоторых отечественных историков «поволжские города-государства» [см.: 58, с. 339], а Волжская Булгария со своими владениями в Нижнем Поволжье и, присоединившиеся к ней йемеки (кыпчаки), аланы, мадьяры (маджгарды/баджгарды). В 1229 г. центром сопротивления в районе Нижнего Поволжья являлся город и область Саксин (Об этой области см.: [49; 17, с.370–371]), значительную часть населения которого составляли болгары и сувары. Скорее всего, именно развалины Саксина были найдены недавно астраханскими археологами близ с. Самосделка в дельте Волги. Судя по некоторым находкам, прежде всего керамическому комплексу близкому болгарской археологической культуре предмонгольского времени, именно здесь был центр области Саксин [7, с.83–122; 5, с.36–38; 14, с.24–35]. Не исключено, что после похода 1223 г. союзниками болгар в Саксине стали еще асы Подонья. Основной воинский контингент антимонгольской коалиции составляли йемеки во главе с родом ольбари (ильбари/ильбуре) [об этом кыпчакском клане см.: 69, pp.5–30].

К сожалению, нам не известны детали этой войны, но есть основания полагать, что ареной ее стало Заволжье. Практически единственный источник, который содержит какие-либо подробности о событиях того года, является Лаврентьевская летопись, куда сведения могли попасть от самих болгар, которые в том же году приезжали для заключения мира с Владимиро-Суздальскими князьями. В ней сообщается: «Того же лета 6737 Саксины и Половцы въбегоша из низу к Болгарам перед Татараы и Сторожеве Болгарьскыи прибегоша бьени от Татар, близ реки, ей же имя Яик» [35, с. 453]. Какие-то сведения о разговевшийся войне сохранились, видимо, в восточных

источниках, так арабский автор конца XIII в. Ибн-Васыл сообщает: «в 627 (1229/30 г.) вспыхнуло пламя войны между татарами и кыпчаками» [42, с.73].

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что к этому сообщению в определенной мере примыкают известия, которые собрали во время своего путешествия брат Юлина, посетивший Булгарию в 1235 г. и следовавшие через территорию Поволжья Дж. Плано Карпини и Г.Рубрук о начальном этапе монгольских завоеваний в этом регионе. Оба они с различными вариантами передают рассказы и слухи о некоей стране «Сасция» у Юлина, о городе «Саксов» или городе «Суммеркент», которые оказывали ожесточенное сопротивление монгольским войскам. Скорее всего, все эти историки вели речь об одном и том же городе, но называли его слов информаторов по своему, не говоря уже о том, что город «Саксов» – это явная ошибка или самого Плано Карпини, или исправление переписчика, читавшего неизвестное ему название, как известное германское «Саксония». Нельзя исключить, что в дельте Волги были и другие поселения, но главным городов – центром округа был Саксин. Именно о его обороне и падении сообщали все очевидцы. Действительно, странно было бы, если бы Г.Рубрук сообщил об обороне какого-то городка, но не упомянул о таком широко известном событии, как многолетняя борьба за Саксин. Убеждает в том, что речь идет об одном и том же городе и то, что археологические остатки городища «Самосделка» находятся на острове, образованном протоками Волги. Вот как повествует об этих событиях Плано Карпини: «... они (т.е. монголы – *И.И.*) осадили один город вышеназванных Саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины татар, так что те из-за машин и баллист не могли приблизиться к городу для сражения; наконец они сделали дорогу под землею и вскопили в город; и одни пытались зажечь город, а другие сражались. Жители же города назначили одну часть населения для тушения огня, а другая часть храбро сражалась с теми, которые вошли в город, и многих из них убила, а других ранила, заставляя их вернуться к своим; а сами Татары, видя, что не могут ничего сделать и что многие из них умирают, удалились от них» [38, с. 57–58]. Рубрук же описывая дельту Волги и сравнивая ее с дельтой Нила близ Дамьетты, упомянул, что здесь «... находился город, по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Сарацины» [38, с. 185]. Поскольку нам известно со слов Юлиана, что в 1237 г. он получил известие, что Булгария и «Сасция» пали, то можно согласиться с Т.Ольсеном [67, с.15–16; 32, с.133], что заманчиво допустить, что Саксин начал подвергаться атакам монголов с 1229 г., но до определенного срока успех сопутствовал обороняющимся.

Вполне возможно, что причиной неудачи монгольских войск явились кроме героизма защитников Саксина и военная помощь со стороны болгар. Судя по сведениям русской летописи, в Поволжье были направлены болгарские сторожевые отряды, действовавшие вместе с ополчением Саксина и отрядами йемеков. Можно предположить, что эти действия болгар были предприняты в ответ на поход монголов на Саксин. Исходя из общей стратегической ситуации можно предположить, что это была попытка действовать на флангах монгольского войска и не дать блокировать Саксин. Только таким замыслом следует объяснять нехарактерную в целом для болгар тактика далекого похода в степь. Тем не менее, болгарские войска выдвинулись к берегам р.Яик (Джаик) и вступили в сражение с монголами. В конечном итоге, болгары и их союзники саксины и йемеки потерпели поражение. Однако их жертвы не были напрасными. Булгары уже во второй раз сорвали планы по завоеванию Поволжья, удачно используя различные тактические приемы от обороны до глубоко рейда в степь.

Поддержка болгар позволила консолидировать сопротивление йемеков. Очевидно, удары монгольских войск заставили непокорных кыпчаков отступить к Волге, но сопротивления они не прекращали. По мнению Т.Олсена примерно в это время произошла смена власти среди йемеков. Часть их покорилась монголам, а часть продолжала сопротивление во главе с Бачманом [66, pp. 16–17; 32, с.134]. Трудно сказать, где находилась его родовая территория, но поздние татарские источники указывали, что она располагалась на Ахтубе (Ак-Туба) [46, с.116] и этому не противоречат сведения о его войне с монголами в Нижнем Поволжье. Судя по данным очевидца этих событий Юлиана, вплоть до 1236 г. продолжали вести борьбу мадьяры (баджгарды) Южного Урала, несомненно, опираясь на военную поддержку Булгарии.

Поход Бату на Саксин провалился. Правитель Улуса Джучи вынужден был отступить, но неудача не заставила его отказаться от планов завоевания региона. Этому было несколько причин. Бату-хан мечтал о значительных завоеваниях на западе и расширении своих владений. Но была и

другая причина. Очаг сопротивления в Поволжье мог перекинуться на недавно завоеванные области, недаром монголы не очень доверяли новым союзникам, поскольку часто отряды кыпчаков переходили на сторону противника, как это было в Китае.

Общая неудача предыдущих походов, однако, заставила Бату изменить тактику. Теперь основной удар решено было нанести прямо Волжскую Булгарию. Поход состоялся летом или осенью 1232 г. Об этом походе нам известно еще меньше, чем о других (См. обзор: [55, с.23–27]. Единственный источник наших сведений Лаврентьевская летопись лаконично сообщает: «В лето 6740 (1232 г.) ... Придоша Татарове и зимоваша, не дошедшее Великого города Болгарьскаго...» [35, с. 459]. Но даже из этого краткого сообщения можно сделать вывод, что на этот раз борьба разгорелась уже на территории Булгарии и объектом наступления стала столица – «Великий город» русских летописей – исторический Биляр. Это также заставляет думать, что вторжение осуществлялось из Приуралья, общим направлением через бассейн р. Шешма в сторону Биляра. Но сопротивление болгар и полевых войск, и защитников крепостей, не позволила монголам прорвать оборону и осадить столицу. Как бы то ни было, но, очевидно, что монголы были вынуждены отступить.

К 1234 г. в Заволжье сложилась парадоксальная ситуация. Несмотря на целый ряд военных успехов и даже, очевидно, определенного расширения территории Улуса Джучи на запад решающего успеха достигнуто не было. Не даром автор «Сокровенного сказания» был вынужден отметить, что «Субетай-Багатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено», а список этих стран включал Канлин (Канглы), Кибчаут (Кыпчаки), Бачжигит (Мадьяры), Орусут (Русь), Асут (Асы-аланы), Сесут (Саксин), Булар (Булгария), Келет (видимо, общее наименование поляков и венгров), «а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях» [25, § 270, с.191–192]. Иными словами, за одиннадцать лет непрерывной войны на границах с 1223 г. Улус Джучи существенно не расширился. Не удивительно, что тот же автор «Сокровенного сказания» откровенно писал, говоря о Западе: «вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры...» [25, § 270, с.192]. Испытав остроту неприятельских мечей, правители Улуса Джучи оказались перед лицом общего краха всей своей военной политики. Недовольство Джучидов, которые являлись, определенно, одной из важных сил, поддерживавших Угедея на троне против других Чингизидов, заставляли великого хана с пониманием относиться к требованиям Бату начать общий поход на запад. Он вновь и вновь обращался к «западной» теме, рассматривая ее наряду с другими войнами – с империей Южная Сун, с Кореей и Тибетом.

На курултае 1234 г. Бату был опять придан корпус Субедея, но для успешной войны, как показали события предыдущих лет, этого было явно недостаточно. Острота проблемы потребовала от великого хана пойти на беспрецедентный шаг и уже через год собрать новый курултай. Уступая, очевидно, давлению Джучидов, великий хан был вынужден объявить общемонгольский поход на Запад во главе с Бату-ханом. Интересные сведения о нем сохранил Ала ад-Дин Джувейни, использовавший материалы ханской канцелярии (отсюда общие моменты со сведениями Рашид ад-Дина) и рассказы очевидцев, поскольку писал в 1252/3 г. через полтора десятилетия после самих событий. Он писал: «Когда каан [Угедей] во второй раз собрал Великий курултай, они [царевичи] вместе совещались об истреблении и покорении всех оставшихся [до сих пор] непокоренными. Было принято решение о завоевании пределов Булгар, Ас и Рус, находившихся по соседству со становищем Бату. До сих пор не подчиненных и [тщеславно] гордившихся множеством своих городов» (Цит. по: [2, с.41]).

Поход на Запад и завоевание Волжской Булгарии. В короткие сроки был осуществлен сбор дополнительных налогов и начался набор войск. По указу Угедея: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны, и зятья» [25, § 270, с.191–192]. Тем самым, каждая семья обязана была выставить одного воина. Это была беспрецедентная мобилизация сил, подобной которой больше Монгольская империя не знала. Выполняя указ Угедея, многие Чингизиды участвовали в походе лично: младший сын Чингиз-хана Кулькан, сыновья Угедея Гуюк и Кадан, сыновья Тулуя Менгу и Бучек, сыновья Чагатая Бури и Байдар, а также все взрослые

Джучиды – Бату, Орду, Шибан и Тангут, а из почетных эмиров Субедей-багатур, Бурундай-батыр и несколько других эмиров [43, с.34].

В историографии не утихают споры по поводу численности этого войска. Тон ей задал «последний летописец» Н.М. Карамзин писал о том, что «Сила Батыева несравненно превосходила нашу и была единственною причиной его успехов», далее он прямо писал о «полумиллионе Батыевом» [21, с.13–14]. Несколько меньшую цифру привел С.М. Соловьев, считавший, что войско Бату насчитывало 300 тысяч воинов [42, с.137]. Следом за ними отечественные историки или просто указывали на «несравненное превосходство в силах монголов», либо соглашались с цифрой, предложенной С.М. Соловьевым (см. труды И.Н. Березина, М.И. Иванина, Д.И. Иловайского, В.Т. Пашуто, Е.А. Разина, А.А. Строкова и др.).

Со временем были предприняты попытки оперировать более реалистичными цифрами, основанными на некоторых подсчетах. Так, советский историк В.В. Каргалов, отвергая цифру в 300 тысяч, как «спорную и завышенную», считал, что войско Бату насчитывало 120–150 тысяч, основываясь на том, что каждый из 12–14 Чингизидов, участвовавших в походе, должен был командовать 10–12 000 воинов [22, с.75]. Подобный подсчет имел бы смысл, если бы была полная уверенность, что каждый потомок Чингиз-хана реально командовал «туменом» в 10 000 воинов, а это сомнительно. Другой более точный подсчет дает Н.Ц. Мункуев, который исходя из того, что в поход были отправлены старшие сыновья всех монголов, считает, что ее численность могла быть 139 тысяч воинов [30, с.396]. Как бы то ни было, но цифра в 120–150 000 воинов является у историков наиболее популярной. Обычно она складывается из 50 000 монгольских войск и 70–100 тысяч воинов из кыпчаков и других народов. Подобной оценки сил придерживаются некоторые современные отечественные и зарубежные историки [71, р.81; 51, с.75; 47, с.279; 60, с.69; 58, с.182–183, 351]

Гораздо меньшую цифру монгольских войск – 30–50 тысяч монгольских воинов указывали Г.В. Вернадский [8, с. 57], И.Б. Греков и Ф.Ф. Шамагонов [11, с.62] и Л.Н. Гумилев [12, с.518]. В последнее время ее также придерживаются некоторые историки [65, с.127–129; 66, с.68]. Хотя некоторые историки считают, что подобная численность «просто невозможна» [60, с.69]. На деле она гораздо более реалистична, если учитывать, что это число именно монгольских войск, гвардейцев Чингизидов, которые, явно, «обрастали» контингентами из союзных и покоренных народов.

Противоречия эти, понятное дело, связаны с несовершенством нашей источниковедческой базы. С одной стороны, это весьма подробное, фактически реестровое описание монгольского войска при Чингиз-хане, сохранившееся в династийной истории «Алтан дафтар», где она указано для 1227 г. 129 000, но уже по «Сокровенному сказанию» (ок. 1240 г.) численность монгольских войск указана в 95 000 воинов [25, с.158]. Однако нет уверенности, что все Чингизиды командовали туменами и что войско, направленное на покорение Запада было большим, поскольку в это же время империя вела боевые действия на нескольких фронтах. С другой стороны есть источники, прежде всего, сведения европейских путешественников, которые сообщают куда более мифические числа. Так Юлина, якобы узнавший численность его армии у монгольского посла к правителям Запада, называет ее в 375 000 воинов, включая и воинов из покоренных народов [1, с.90]. Однако, вряд ли, это цифре можно верить, поскольку, как справедливо подчеркнул Р.Ю. Почекаев, «они – не что иное, как отражение весьма распространенного в христианском мире пророчества о «царе Давиде, внуке пресвитера Иоанна», который должен был прийти из Индии и помочь христианам в борьбе с мусульманами» [34, с.80]. Иными словами, к этим свидетельствам следует подходить весьма критически. В этой связи можно только согласиться с теми историками, кто считает, что у нас нет четких и объективных данных о действительной численности войск Бату.

Вместе с тем, говоря о монгольской армии, надо иметь в виду несколько обстоятельств, которые мешают объективно оценить реальное число воинов Бату, участвовавших в тех или иных боевых действиях. Одно из них – это миф о пресловутом численном превосходстве. Весьма характерно в этом смысле высказывание довольно объективного и осторожного английского историка Дж. Феннела: «Каким образом татарам удалось разгромить Русь так легко и быстро? ... Необходимо учесть размер и необычайную силу татарского войска. Завоеватели, несомненно, имели численное превосходство над своими противниками» [50, с. 130]. Но было ли это превосходство в действительности? Почти двукратное превосходство русских войск и кыпчаков над туменами Субедея и Джебе не помогла союзникам. Монголы победили, уступая числом союзной рати. Откуда у отечественных историков уверенность, что победить Русь могла только превосходящая по численности армия? Что касается численности войск, то мобилизационные возможности Руси были гораздо вы-

ше, чем Монголии. Например, численность населения Владимиро-Суздальской Руси в начале XIII в. должна была достигать 1–1,2 млн. человек, что могло дать почти стотысячное ополчение. Другое дело, что по боевой выучке и стойкости эти ополченцы резко уступали монгольским всадникам. В этом смысле количество не означает качество. Другая – это способность монголов вести маневренную войну, умело координируя действия войск и создавая напряжение на разных участках, разделяя войска противника и сокрушая их по частям. В этом смысле на каждом отдельном участке боевых действий у монголов, действительно, могла быть относительно более высокая численность войск. Еще один фактор – постоянное пополнение войск за счет покоренных народов, что не только затрудняет подсчет, но и делает все числа изначально весьма относительными.

Но даже если, общая численность монгольского войска под командованием Бату достигала 120 000 воинов, то надо иметь в виду, что действовали они на нескольких направлениях и при этом держали значительную тыловую армию, для поддержания порядка в завоеванных землях. Иными словами, вряд ли, войско Бату, с которым он завоевывал Русь, было больше, чем 30–50 тысяч воинов. Но и это сомнительно, учитывая, что боевые действия на Руси происходили зимой, а баз снабжения у монголов не было. Вряд ли, в условиях суровой зимы можно было прокормить огромную массу воинов и лошадей (напомним, что каждый воин вел с собой две-три лошади). Как бы то ни было, прав Р.Ю. Почекаев, что «важно не количество воинов, находившихся в подчинении Бату и его родственников во время западного похода, а тот факт, что они одерживали победы» [34, с.82].

Общее командование войска Чингизидов было возложено на Бату, а его главным советником стал Субедей. Не будучи Чингизидом этот полководец и сподвижник Чингиз-хана играл огромную роль в организации и руководстве военными действиями во время похода на Запад. Подтверждением высокого статуса служат слова монгола, плененного русскими воинами осенью 1240 г.: «Себедея богатур», который хотя и «не от роду же его», был у Бату-хана «воевода его перьвыи» [36, стб.781]. Слова эти находят подтверждение и в других источниках, например сведения его биографии из «Юань ши» [58, с.501–504].

Именно Субедей, не дожидаясь сбора всех войск, начал наступление на йемеков [67, с.18–19; 32, с.135]. Согласно его биографии из «Юань ши» каан Угедей в год «и-вэй» (21 января 1235 г. – 8 февраля 1236 г.) «приказал чжувану Бату пойти в Западный поход на Бачмана, и еще сказал так «[Мы] услышали, что Бачман имеет ловкость и отвагу, Субэтай тоже имеет ловкость и отвагу, поэтому сможет победить его». Поэтому приказал [Субетаю] быть в авангарде и сразиться с Бачманом, а затем еще назначил [его] командовать главной армией. После чего были захвачены жены и дети Бачмана на (берегу) Куан Тиен-чи-ссу (Каспийское море). Бачман узнал о приходе Субэтая сильно оробел и сбежал в море» [67, pp.18–19; 58, с.503]. Из этого можно заключить, что прелюдией к «Западному походу» стал разгром йемеков под командованием Бачмана. Не сумев остановить монголов, Бачман отступил к низовьям Волги и перешел к тактике внезапных налетов и набегов на отдельные монгольские отряды. Тем самым Субедей, обезопасив свой южный фланг от контратаки йемеков, мог готовить генеральное наступление на Булгарию.

Осенью 1236 г. объединенное монгольское войско стало выдвигаться к Поволжью. По данным Джувейни, после курултая царевичи разъехались по своим улусам для сбора своих войск и весной вышли на границы Булгарии. Вряд ли прав Д.Г. Хрусталеv, считающий, что войска Бату выступили в поход двумя крыльями, из которых северное под командованием Бату вторглась в Булгарию, а южное под командованием Мунке должно было покорить «куманов (половцев), марийцев и мордву» [60, с.69]. Подобная диспозиция просто невозможна ни с точки зрения военной, ни с простой географией. Автор весьма вольно препарироваv и выдергивая из контекста отдельные фразы из источников, конструирует некий нелепый поход «южного» (!) крыла через кыпчаков на Верхнее Поволжье. Во-первых, подобное появление в пределах «зоны особого внимания Руси» значительных монгольских сил не могло не пройти незамеченным, но о нем молчат летописи. Во-вторых, почему это крыло, воюющее в окрестностях Казани должно считаться «южным», непонятно. Представляется, что оба этих крыла плод авторской фантазии и превратно понятых прозрачных сведений источников. Тот же Джувейни прямо писал: «По порядку войск все царевичи отправились на места их жительства, а весной двинулись из своих становищ и поспешили приступить [к делу]. В пределах Булгара царевичи сошлись. От множества их войск земля содрогнулась и даже дикие звери изумились численному превосходству и шуму их войск» (Цит. по: [2, с.42]. Практически те же сведения сообщает Рашид ад-Дин, однако в его сведениях (то ли по его ошибке, то ли по вине переписчиков,

посчитавших перечисление завоеваний повторами), вкралась ошибка и переплетений в один рассказ сведений о покорении болгар и их главного города Биляра и мадьяр («буларов» и «баджгардов» по сведениям Рашид ад-Дина) с другими сведениями о походе на Европу, где объектом нападения являлись «келары и башгирды» (т.е. поляки и венгры). Этот персидский автор писал, что после курултая царевичи: «... все сообща двинулись весною бечин-иля, то есть года обезьяны, который приходится на месяц джумади II 633 г.х. (= 11.02 – 10.03. 1236 г.), лето провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с уругом Джучи: Бату, Ордой, Шибанном и Тангутом, которые были назначены на эти окраины» [43, с.34]. Из этого можно сделать вывод, что весной и летом 1236 г. войска Бату и его братьев сражались с мадьярами в Южном Приуралье, а летом выступили против болгар. По крайней мере, Юлиан, в то лето посетивший Булгарию и мадьяр в нескольких днях пути от столицы болгар, и 20 июня повернувшего обратно на пути назад встретил монгольского посла и от него узнал, что «татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в пяти дневках оттуда, хочет идти против Алемании, но дожидались они другого, которое послали для разгрома персов» [1, с.81]. То есть, в полном соответствии с данными официальной монгольской традиции, войска Бату летом готовились к вторжению, ожидая подхода к ним на помощь сил других Чингизидов. В этом смысле слова посла, как и его хвастливые заявления о численности монгольских войск («татары утверждают, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая бы в силах противостоять одной их части» [1, с. 90]) могут быть явной дезинформацией и актом психологической войны, обычной для тактики монголов, распространения слухов о непобедимости и неисчислимости монгольских войск, которые станут еще более могучими после присоединения к ним победоносных войск из Ирана, с целью деморализации противника. Вряд ли, Бату стал бы дробить свои силы, поскольку для него слишком много было поставлено на карту, а болгары были достаточно сильным противником, чтобы оставить им надежду на успех.

Булгары не остались безучастными к этой прямой и явной угрозе. Судя по данным археологии, в ряде городов происходили работы по перестройке старых укреплений и возведению новых (см.: [53, с. 82–98; 54, с.13–15]). Великий город был для своего времени довольно сильно укрепленным городом. Он был расположен в пойме р. Малый Черемшан и окружен концентрическими рядами укреплений, которые ограничивали подпрямоугольную площадку и делили ее на две части – внутреннюю и внешнюю. Внутренний город с обитаемой площадью около 116 га был обнесен двумя линиями валов и рвов протяженностью более 5 км. Площадь внешнего города, окруженная тремя рядами укреплений длиной более 10 км, составляла 374 га. На территории укрепленной части находились жилые кварталы, усадьбы аристократии, общественные сооружения – мечети, медресе и бани, а также некоторые городские кладбища. За пределами укреплений располагались посады и сельские поселения.

Размеры города впечатляют, даже современного человека. Недаром, пораженные его размерами, русские летописцы, слышавшие рассказы о нем от очевидцев, именовали его не иначе как «Великим городом». Действительно своими размерами и населенностью (по некоторым оценкам до 50 тысяч жителей) он соперничал со знаменитыми городами средневековья – Киевом, Новгородом, Будой, Преславом, Краковом, Парижем, Дамаском, Бухарой и Самаркандом. Именно этот город, по словам того Юлиана и был тем «большим городом этой области», который мог выставить, «по слухам, пятьдесят тысяч бойцов» [1, с. 81].

Вторжение Чингизидов началось в конце лета или осенью после подхода корпусов Гуюка и Мунке и, очевидно, происходило несколькими корпусами, которые двигались по сходящимся направлениям общим направлением на Биляр («Великий город»). Не исключено, что осень как время атаки была выбрана не случайно. В Восточной Европе зимой обычно никто военных действий не вел и, видимо, никто не ждал подобной новинки от монголов. Возможно, болгары, державшие крупные военные силы наготове все лето были вынуждены распустить часть войск для сбора урожая.

В полном соответствии со своей тактикой, монголы, очевидно, стремительным наступлением подошли к стенам Биляра и осадили его. По словам Платона Карпини, рассказывающим об их осадной тактике: «Укрепления они завоевывают следующим образом. Если встретиться такая крепость, они окружают ее, мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отды-

хают, так как они разделяют войско, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются. И если они не могут овладеть укреплениями таким способом, то бросают на него греческий огонь ... они делают подкоп под укрепления и под землю входят в него с оружием. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления...» [38, с.53–54]. Так же описывают их тактику осады китайские источники: «Всякий раз при наступлении на большие города, сперва нападают на маленькие города, захватывают население, угоняют и используют. Тогда отдают приказ о том, чтобы каждый воин непременно захватил десять человек. Когда людей достаточно, то каждый человек [пленный] обязан [набрать] столько-то травы или дров, земли или камней ... Когда [люди] пригнаны, [они] заваливают крепостные рвы и немедленно заравнивают: [некоторых] используют для обслуживания [осадных колесниц, напоминающих] гусей, куполов для штурма, катапульта и др. Не щадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, убивают всех, не разбирая, старых и малых, красивых и безобразных, богатых и бедных, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады» [31, с.67].

Определенно, что Биляр был именно таким большим, населенным и непокорным городом. Но отчаянное сопротивление на этот раз не помогло его защитникам. Город был взят, сожжен, а его население, видимо, полностью уничтожено. Лаврентьевская летопись сообщает: «В лето 6744 (1236 г.) ... приидоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари и взяша славнии Великий город Болгарьскии и избиша оружием от старца и до унаго и до сущаго младенца и взяша товара множество, а город ихъ пожгоша огнемъ и всю землю ихъ поплениша» [35, с.460]. Об этом же писал Джувейни: «Сначала они [царевичи] силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера подобным им, жителей его [частью] убили, а [частью] пленили» [43, с.22]. Археологические находки в определенной мере подтверждают и дополняют эту картину. Билярское городище (исторический Биляр) было полностью разрушено и жизнь на нем была прекращена, в верхнем слое его были найдены следы пожара и разрушения, братские могилы и отдельные человеческие кости, а новый золотоордынский город возник в нескольких километрах к северу ([53, с. 82–98; 61, с. 43–58]). После того, как самый укрепленный и сильный город Булгарии был взят штурмом, отряды монголов, начали захватывать остальные города и населенные пункты. Ведь в следующем году Юлиан подойдя к границами Руси и Булгарии узнал, что эта страна («Фулгария») пала, а монголы взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти пятьдесят тысяч вооруженных воинов» [1, с.85]. В этом известии есть явные параллели с предыдущим рассказом Юлиана о болгарской столице, но есть и новые моменты о множестве взятых городов. Не исключено, что встречающиеся на некоторых городищах следы разрушения связаны именно с таким разгромом (см.: [41, с. 53 и сл.; 19, с.58–71; 20, с.71–82; 9, с.79–89]).

Нет оснований считать, что этот поход был стремительным, а «сопротивление булгар было сломлено практически мгновенно», поскольку именно так описывал это событие спустя семьдесят лет Рашид ад-Дин: царевичи «в короткое время, без лишнего усилия, овладели ими и произвели избиение и грабеж» [43, с.34; 60, с.70]. Не стоит забывать, что в этом отрывке речь идет о западном походе в целом, поскольку далее говорится о завоевании христианской страны буларов (т.е. Польши), а также о том, что если бы победа монголов, действительно, была бы такой стремительной, то на границах Руси войска Бату оказались бы на год раньше. Думается, что это была жестокая война и победа далась монголам не так легко, как может показаться. Чрезвычайными были разрушения, которым была подвергнута Булгария и истребление непокорного населения.

После падения центра обороны Булгарии, организованное сопротивление, видимо, прекратилось. Пытались дать отпор монгольским войскам лишь отдельные пункты. Но как взятые с боем, так и сложившие оружие болгарские города были разорены, судя по многочисленным археологическим свидетельствам. Военное поражение было усугублено тем, что часть болгарских аристократов перешла на сторону монголов – это «тамошние вожди Баян и Джику» [43, с. 35]. Воспоминания об этом сохранились, очевидно, также в устной традиции, по крайней мере спутник и секретарь Плано Карпини Бенедикт Поляк писал, что Бату воевал «... против билеров, то есть Великой Булгарии, и мордванов и, захватив их [знать], присоединил их к своему войску» [59, с. 112].

Победа над булгарами открыла монголам путь к завоеванию всего Поволжья. Скорее всего, именно в это время их войска разделились и принялись завоевывать поволжские земли одну за другой. Не исключено, что летом 1237 г. войска Бату частично отошли в заволжские степи, чтобы

отдохнуть и пополнить свои ряды резервами, а какие-то отряды продолжали воевать в Булгарии, подавляя сопротивление отдельных городов и областей. Пополнение войск за счет покоренных народов, видимо, являлось обычной практикой. Об этом сообщает, в частности, Фома Сплитский: «потом, пополнив свои воинские соединения, прежде всего за счет племен куманов и многих других покоренных ими народов, они снова повернули против рутенов» [52, с. 104].

Следующий удар был нанесен по южной части Булгарии и, видимо, Нижнему Поволжью. Трудно сказать точно, когда было окончательно завоевано Нижнее Поволжье, но, скорее всего, это произошло сразу же вслед за падением Булгарии, т.е. в 1237–1238 гг. Как сообщает Плано Карпини, часть саксинов сражалась столь упорно, что их сопротивление удалось подавить ценой серьезных усилий и спустя некоторое время [38, с. 57–58].

В источниках сохранились весьма отрывочные сведения о дальнейших событиях. Рашид ад-Дин, перемешивая разновременные сведения, писал, что «... в год курицы, соответствующий 634 г.х. (т.е. 4 сентября 1236 – 23 августа 1237 г. – *И.И.*) сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке, сын Угетай-каана – Кадан, внук Чагатая – Бури и сын Чингиз-хана – Кулькан занялись войною с мокшей, буртасами и арджанами и в короткое время завладели ими ... осенью упомянутого года все находившиеся там царевичи (т.е. в западном походе – *И.И.*) сообща устроили курилтай и, по общему соглашению, пошли войной на русских» [43, с. 36; 39, с.38]. Из этого отрывка трудно сделать однозначный вывод о ходе кампании. Думается, что в порядок событий, описанных этим персидским историком, компилировавшего повествование из разных источников, вкралась ошибка. Логика событий, видимо, была обратной – сначала осенью 1237 г. чингизиды собрались на совет, решивший воевать против Северо-Восточной Руси, а после этого совершили рейд в Посурье, где захватили болгарские крепости в районе исторической Буртасии и подчинили мордовские племена мокша и эрзя. Хотя в целом, нельзя исключать, что совет чингизидо состоялся уже после завоевания Посурской Булгарии, когда и было решено далее совершить поход против Руси. Об этом же свидетельствует очевидец, венгерский монах Юлиан. Приехав в Суздаль в 1237 г. и намереваясь вторично добраться до венгров-язычников, живших на восточных границах Булгарии, у которых он был в летом 1236 г., он узнал, что «... обратившись к западу [монголы] в течение одного года или немного большего [срока] завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков» и «кроме того, они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов» [1, с. 86]. В этом списке «Сасция» и «Фулгария», несомненно, Саксин и Булгария, тогда как «Ведин» – это, видимо, Посурье, а остальные – названия областей в Среднем Поволжье.

Как бы то ни было, но определено, что в конце лета или в начале осени 1237 г. монгольские войска переправились через Волгу в районе традиционной переправы близ Самарской Луки. Очевидно, в это время были уничтожены болгарские города по Волге и Самарской Луке, которые получили такой страшный удар, что больше уже не восстанавливались (см.: [29, с. 41–42]). Историки практически не сомневаются, что далее монгольские войска двинулись к верховьям рек Сура и Хопер на южную часть болгарских земель, где в районе Золотаревского городища болгары нанесли в 1223 г. сокрушительное поражение войскам Субедая и Джебе (см.: [13, с.181; 3, с.85]). Археологи здесь зафиксировали многочисленные свидетельства гибели городов – сожженные строения, обилие наконечников стрел, человеческие костяки и отдельные кости. Разорение их было полным и безжалостным. Незахороненные останки людей свидетельствуют, что, скорее всего, были уничтожены все жители, а сами городские поселения здесь уже не возобновлялись (см.: [3, с. 82–87; 4, с. 181–182]). Подобное тотальное разорение и жестокость можно объяснить только местью за прошлое поражение.

Центром подавления сопротивления в Посурье стал район р. Узы. Об этом имеется уникальная ссылка Новгородской I летописи (НЛ), проливающий свет на обстоятельства этого похода: «В лето 6746 ... придоша иноплемьеници, глаголемии Татарове, на землю Рязанскую, множеством бещисла, акы пружи; и первое пришедшее и стаща о Нузле, и взяша ю, и стаща станомь ту. И оттоле послаша послы своя... к князем рязанским ... Князи же рязаньстии ... и муромьскы и проньскыи, не впусыате к градом, выехаша противу им на Воронажь» [37, с. 74]. Эта «Нузла» или «Онуза» [35, с. 514] и была районом сосредоточения монгольских войск. Откуда они начали вторгаться в мордовские земли и быстро привели их к покорности. Здесь, думается, Рашид ад-Дин, был прав, говоря о том, что «царевичи ... в короткое время завладели ими», поскольку после падения Булгарии, находившиеся в вассальной зависимости от них мордовские князья просто пере-

шли в подданство к новым правителям. Не исключено, что в тот год это был достаточно формальный шаг с обеих сторон. Бату обеспечивал себе тыл, а мордовские князья могли надеяться, что с уходом монголов они обретут независимость от булгар. В условиях отсутствия единой объединяющей силы, которой до своего разгрома являлись булгары, вожди отдельных племен или правители владений выбирали свою модель поведения – или признавать власть монголов или сражаться. В отношении мордовских земель это ярко иллюстрирует сообщение брата Юлиана: «один князь со всем народом и семьей покорился владыке Татарии, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил» [1, с. 85–86].

Именно из стана на «Нузле» монгольские послы были отправлены в Рязань с требованием покорности, а войска Бату двинулись вслед за ними, очевидно, полагая, что их требования необходимо подкрепить аргументом силы.

Начался второй акт исторической драмы – время завоевания русских княжеств.

Список литературы

1. Аннинский С.А. Известия венгерских и миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 71–112.
2. Арсланова А.А. Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 1988. С. 33–43.
3. Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 1988. С. 82–87.
4. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб., Пенза: Изд-во ПГПУ, 2001. 198 с.
5. Васильев Д.В. О болгарском компоненте населения Самосдельского городища в дельте Волги // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. Казань-Болгар: Изд-во Института истории Академии наук Республики Татарстан, 2004. С. 36–38.
6. Васильев Д.В. Местоположение и население города Саксин // Великие реки и мировые цивилизации. Материалы Международной научной конференции 7–9 сентября 2006 г. К 450-летию со дня основания Астрахани. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2006. С. 22–28.
7. Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк: Донецкий национальный университет, 2003. С. 83–122.
8. Вернадский В.Г. История России. Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 2000. 480 с.
9. Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л. Исследование полуземлянки и братских могил на Старокуйбышевском V селище // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 1992. С. 89–105.
10. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., Л.: Изд-во Академия наук СССР, 1950. 479 с.
11. Греков И.Б., Шахмагонов Ф.Ф. Мир истории. Русские княжества XIII–XV вв. М.: Молодая гвардия, 1986. 334 с.
12. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1992. 781 с.
13. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.
14. Зиливинская Э.Д., Васильев Д. В., Гречкина Т. Ю. Раскопки на городище Самосделка в Астраханской области в 2000–2004 гг. // Российская археология. 2006. № 4. С. 24–35.
15. Зимони И. Первый монгольский рейд на Волжскую Булгарию // Из истории Золотой Орды. Казань: Фонд им. М.Султан-Галиева, 1993. С. 86–97.
16. Измайлов И.Л. Монгольские завоевания в Поволжье в XIII в.: Т.Т. Олсен и его взгляд на проблему // Научный Татарстан. 2003. № 2. С. 83–86.
17. Измайлов И.Л. Внешняя политика Булгарского государства // История татар с древнейших времен. Т. II. Волжская Булгария и Великая степь. Казань: «Рухил», 2006. С. 368–376.
18. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. Казань: Татарское кн-е изд-во, 2008. 206 с.
19. Кавеев М.М., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шарифуллин Р.Ф. Отражение монгольского нашествия в напластованиях Болгара // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 1988. С. 58–71.
20. Казаков Е.П. Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 1988. С. 71–82.
21. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IV. М.: Наука, 1992. 480 с.

22. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М.: Высшая школа, 1968. 263 с.
23. Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь: XIII век. 2-е изд. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2011. 136 с.
24. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 320 с.
25. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Под названием *Mongol-un niġuša товъшап*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обывденный изборник. Т. 1. Введение в изучении памятника. Пер., тексты, глосарии. М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
26. Кощеев В.Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // Вопросы истории. 1993. №10. С. 131–135.
27. Кычанов Е.И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан и его эпоха. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИФ «Восточная литература» – «Школа-Пресс», 1995. 272 с.
28. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 30–42.
29. Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф. Муромский городок. Археологические памятники Самарской области. Самара: Самарский объединенный исторический краеведческий музей, 1998. 46 с.
30. Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд/ 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1977. С. 377–408.
31. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Факсимиле ксилографа. Пер. с кит., введение, комм. и прилож. Н.Ц.Мункуева. М.: Наука, 1975. 288 с.
32. Олсен Т.Т. Прелюдия к западным кампаниям: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе. 1217–1237 гг. / Пер. с англ. А.А. Арслановой // Научный Татарстан. 2003. № 2. С. 86–87; № 3/4. С. 129–139.
33. Пилипчук Я.В. Монгольское завоевание владений восточных кыпчаков и Волжской Булгарии // - Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 143–156.
34. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ МОСКВА; СПб.: Евразия, 2006. 352 [2]с.
35. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 379 с.
36. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
37. Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
38. Путешествия в восточные страны / Под ред. Н.П.Шастиной. М.: Географиз, 1957. 270 с.
39. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О.И.Смирновой, прим. Б.И.Панкратова и О.И.Смирнова, ред. А.А.Семенова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 315 с.
40. Синор Д. Монголы на Западе // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк: Донецкий национальный университет, 2008. С.363–384.
41. Смирнов А.П. Волжские Булгары. М.: Изд-во Государственного исторического музея, 1951. 302 с.
42. Соловьев С.М. Сочинения. Кн.2. История России с древнейших времен. Т. 3–4. М.: Мысль, 1988. 765 с.
43. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 564 с.
44. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г.Тизенгаузенем и обработанные А.А.Ромаскевичем и С.Л.Волиным. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
45. Тоган И. Джучи хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань: Мастер Лайн, 2002. С.146–187.
46. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария», Татарские шаджара. Казань: Изд-во КГУ, 1972. 223 с.
47. Узерфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005. 493 [3] с.
48. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
49. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 274 с.
50. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 296 с.
51. Филипс Э.Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов. М.: ЗАО Центрполиграф: ООО «Внешторгпресс», 2003. 174 с.
52. Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997. 319 с.

53. Халиков А.Х. Монгольское нашествие и судьба Великого города // Археологические памятники Нижнего Поволжья. Казань: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 1984. С. 82–98.
54. Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 1988. С. 4–23.
55. Халиуллин И.Х. О монгольском походе 1232 г. на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 1988. С. 23–27.
56. Халиуллин И.Х. Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье в XIII в. // Материалы по истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. С. 118–135.
57. Хартог Л. де. Чингисхан. Завоеватель мира. М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2007. 285[3] с.
58. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ОАО «ВЗОИ», 2004. 557 [3]с.
59. Христианский мир и Великая Монгольская империя. Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
60. Хрусталева Д.Г. Русь: от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.) СПб.: Евразия, 2004. 320 с.
61. Хузин Ф.Ш. Великий город и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 1988. С. 43–58.
62. Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра-Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 223 с.
63. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.
64. Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1977. С. 186–209.
65. Чернышевский Д.В. «Придоша бесчисленны, яко пружи» // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 127–132.
66. Чойсамба Ч. Завоевательные походы Бату-хана. М.: Идея-Пресс, 2006. 168 с.
67. Allsen, Th. T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237 // *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1983. Vol. III. P. 5–24.
68. Allsen Th.T. Mongols and North Caucasia // *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1987–1991. Vol. 7. P. 5–40.
69. Buell P.D. Early Mongol expansion in Western Siberia and Turkestan (1207–1219): a Reconstruction // *Central Asiatic Journal*. 1992. Vol. 36. P. 1–32.
70. Golden P.B. Cumanica II: The olberli (olperli): The Fortunes and misfortunes of Inner Asian clan // *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1986. Vol. 6. P. 5–29.
71. Halperin Ch.J. «Russo-Tatar Relations in Mongol Context: Two Notes» // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1998. 51:3. P. 221–239.
72. Saunders J.J. The History of the Mongol Conquests. L.: Routledge & Kegan Paul, 1971. 191 p.

Сведения об авторе: Искандер Лерунович Измайлов – главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук (420012, ул. Бутлерова, 30, г. Казань, Российская Федерация); ismail@inbox.ru

**“The People There are Ferocious”:
The Mongol Conquest of the Volgo-Ural Region
(1223–1240)**

I.L. Izmailov
*(A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

The article analyzes the history of the Mongol conquest of the Volga-Ural region in 1223–1240. For a long time this issue has not been considered in the national historiography, but gradually the Kazan historians began to pay attention to its study. New historiographical situation and accumulated historical and archaeological material allowed the researchers to formulate and solve some of the problems of studying the Mongol invasion from a new perspective considering them both in the general context of the Mongol conquests and with close attention to the fate of this region. The article analyzes in detail the circumstances of the Mongol campaign in 1223 to Eastern Europe under the leadership of Subedei and Jebe. The author notes that the relative success of this campaign was effectively reduced to a military defeat by the resistance of the Bulgars. Recently discovered archaeological materi-

als allow to localize the events of this campaign in the area of Zolotarevskoe settlement (modern Penza region). The article examines the background and stages of the offensive against Kypchaks in Transvolga and Lower Volga regions and the role in these events of the Volga Bulgaria as a center of organized resistance to the Mongol troops. This offensive began in 1229, when the Mongol forces defeated a coalition of the Bulgars, Saksins, and Yemek. After that, the Mongols inflicted major blow to the Bulgarian lands and continued the attack until 1232. The author pays particular attention to the resistance of the city of Saksin, which is now localized in the Lower Volga region (settlement Samosdelka). This city was one of the Bulgarian centers in the Lower Volga region and the node of defense of this territory. Its fall predetermined the defeat of the Bulgars and Saksins. The Volga region was conquered completely in 1236, when the combined Mongol forces of all the descendants of Genghis Khan consistently crushed all the cities and fortresses of the Bulgars and conquered their territory.

Keywords: ulus of Jochi, Mongol conquest, Volga Bulgaria, Saksin, Subedei, Batu khan, Kipchaks, Olburli, Zolotarevskoe settlement.

References

1. Anninskiy S.A. Izvestiya vengerskikh i missionerov XIII i XIV vv. o tatarakh i Vostochnoy Evrope [Information of Hungarian Missionaries of the 13th and 14th centuries about the Tartars and Eastern Europe]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archives]. 1940. Vol. III, pp. 71–112.
2. Arslanova A.A. Svedeniya Ala ad-Dina Dzhuveyni o zavoevanii mongolami Volzhskoy Bulgarii [Information of Ala al-Din Juvayni on the Mongol Conquest of Volga Bulgaria]. *Volzhskaya Bulgariya i mongol'skoe nashestvie* [Volga Bulgarian and the Mongol Invasion]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 1988, pp. 33–43.
3. Belorybkin G.N. Mongoly v zemlyakh obulgarizirovannykh burtas [The Mongols in the Lands of Bulgarized Burtas]. *Volzhskaya Bulgariya i mongol'skoe nashestvie* [Volga Bulgarian and the Mongol Invasion]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 1988, pp. 82–87.
4. Belorybkin G.N. *Zolotarevskoe poselenie* [Zolotarevskoe Settlement]. St. Petersburg, Penza, PGPU Publ., 2001, 198 p.
5. Vasil'ev D.V. O bolgarskom komponente naseleniya Samosdel'skogo gorodishcha v del'te Volgi [On the Bulgarian Component among the Samosdelka Hillfort's Population in the Volga Delta]. *Drevnost' i srednevekov'e Volgo-Kam'ya. Materialy Tret'ikh Khalikovskikh chteniy* [Antiquity and the Middle Ages of the Volga-Kama Region. Proceedings of the Third Khalikov Readings]. Kazan, Bolgar, Institut istorii Akademiya nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2004, pp. 36–38.
6. Vasil'ev D.V. Mestopolozhenie i naselenie goroda Saksin [Location and Population of the City of Saksin]. *Velikie reki i mirovye tsivilizatsii. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 7–9 sentyabrya 2006 g. K 450-letiyu so dnya osnovaniya Astrakhani* [The Great Rivers and World Civilization. Proceedings of the International Conference, September 7–9, 2006. For the 450th anniversary of the founding of Astrakhan]. Astrakhan, Astrakhan universitet Publ., 2006, pp. 22–28.
7. Vasil'ev D.V., Grechkina T.Yu., Zilivinskaya E.D. Gorodishche Samosdelka – pamyatnik domongol'skogo perioda v nizov'yakh Volgi [Samosdelka Hillfort – A Monument of the pre-Mongol Period in the Volga Lower Reaches]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. Tom 3. Polovetsko-zolotoordynskoe vremya* [The Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 3. The Polovtsian and Golden Horde Period]. Donetsk, Donetskii natsional'nyy universitet Publ., 2003, pp. 83–122.
8. Vernadskiy V.G. *Istoriya Rossii. Mongoly i Rus'* [History of Russia. The Mongols and Rus']. Tver, LEAN, Moscow, AGRAF Publ., 2000. 480 p.
9. Gazimzyanov I.R., Izmaylov I.L. Issledovanie poluzemlyanki i bratskikh mogil na Starokuybyshevskom V selishche [The Study of Semi-Dugouts and Common Graves on Starokuybyshevskoe V Settlement]. *Arkheologicheskie pamyatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada* [Archaeological Monuments in the Reservoirs' Area of the Volga-Kama Cascade]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 1992, pp. 89–105.
10. Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 479 p.
11. Grekov I.B., Shakhmagonov F.F. *Mir istorii. Russkie knyazhestva XIII – XV vv.* [The World History. Russian Principalities in the 13th–15th centuries]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986. 334 p.
12. Gumilev L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [Ancient Rus' and the Great Steppe]. Moscow, Mysl' Publ., 1992. 781 p.
13. Egorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 248 p.
14. Zilivinskaya E.D., Vasil'ev D.V., Grechkina T.Yu. Raskopki na gorodishche Samosdelka v Astrakhanskoj oblasti v 2000–2004 gg. [Excavations on the Samosdelka Hillfort in the Astrakhan Region in 2000–2004]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2006. No. 4, pp. 24–35.

15. Zimoni I. Pervyy mongol'skiy reydy na Volzhskuyu Bulgariyu [The First Mongolian Raid on the Volga Bulgaria]. *Iz istorii Zolotoy Ordy* [From the History of the Golden Horde]. Kazan, Fond im. M.Sultan-Galieva Publ., 1993, pp. 86–97.
16. Izmaylov I.L. Mongol'skie zavoevaniya v Povolzh'e v XIII v.: T.T. Olsen i ego vzglyad na problemu [The Mongol Conquest in the Volga Region in the 13th century: T.T. Allsen and His View of the Problem]. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. 2003. No. 2, pp. 83–86.
17. Izmaylov I.L. Vneshnyaya politika Bulgarskogo gosudarstva [Foreign Policy of the Bulgarian State]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. T.II. Volzhskaya Bulgariya i Velikaya step'* [History of the Tatars from the Ancient Times. T.II. The Volga Bulgaria and Great Steppe]. Kazan, «Rukhil» Publ., 2006, pp. 368–376.
18. Izmaylov I.L. *Zashchitniki «Steny Iskandera». Vooruzhenie, voennoye iskusstvo i voennaya istoriya Volzhskoy Bulgarii X–XIII vv.* [Defenders of the "Wall of Iskander." Armament, Art of War, and Military History of Volga Bulgaria in the 10th–13th centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoye Publ., 2008. 206 p.
19. Kaveev M.M., Poluboyarinova M.D., Starostin P.N., Khlebnikova T.A., Sharifullin R.F. Otrazhenie mongol'skogo nashestviya v naplastovaniyakh Bolgara [Reflection of the Mongol Invasion in the Bolghar Strata]. *Volzhskaya Bulgariya i mongol'skoe nashestvie* [Volga Bulgaria and the Mongol Invasion]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 1988, pp. 58–71.
20. Kazakov E.P. Bulgarskie pamyatniki priust'evoy chasti Zakam'ya i mongol'skoe nashestvie [Bulgarian Monuments in the Estuary Part of Transkama Region and Mongol Invasion]. *Volzhskaya Bulgariya i mongol'skoe nashestvie* [Volga Bulgaria and the Mongol Invasion]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 1988, pp. 71–82.
21. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol.IV. Moscow, Nauka Publ., 1992. 480 s.
22. Kargalov V.V. *Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya feodal'noy Rusi. Feodal'naya Rus' i kochevniki* [External Political Factors of the Feudal Russian Development. Feudal Russia and Nomads]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1968. 263 p.
23. Kargalov V.V. *Mongolo-tatarskoe nashestvie na Rus': XIII vek* [The Mongol-Tatar invasion of Rus': 13th century]. 2-e izd. Moscow, LIBROKOM Publ., 2011. 136 p.
24. Klyashtornyy S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e.* [States and Peoples of the Eurasian Steppes. Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. 320 p.
25. Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 g. Pod nazvaniem Mongol-un niguča tovčъan. Yuan' Chao Bi Shi. Mongol'skiy obydenyuy izbornik. Vol. 1. Vvedenie v izucheniye pamyatnika. Per., teksty, glosarii* [The Secret History. The Mongolian Chronicle of 1240 Called Mongol-un niguča товчъан. Yuan Chao Bi Shi. The Mongolian Ordinary Collection. Vol. 1. Introduction to the Study of the Monument. Translation, text, glossary]. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 619 p.
26. Koshcheev V.B. Eshche raz o chislennosti mongol'skogo voyska v 1237 godu [Once again on the Number of Mongol Troops in 1237]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1993. No. 10, pp.131–135
27. Kychanov E.I. *Zhizn' Temuchzhina, dumavshego pokorit' mir: Chingis-khan i ego epokha* [The Life of Temujin Who Sought to Conquer the World: Genghis Khan and His Era]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, «Vostochnaya literatura» – «Shkola-Press» Publ., 1995. 272 p.
28. Kychanov E.I. Svedeniya iz «Istorii dinastii Yuan» («Yuan' shi») o Zolotoy Orde [Information on the Golden Horde from the "History of the Yuan Dynasty" ("Yuan Shih")]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy). Ot Kalki do Astrakhani 1223–1556* [Source Study of the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan 1223–1556]. Kazan, Master Layn Publ., 2002, pp. 30–42.
29. Matveeva G.I., Kochkina A.F. *Muromskiy gorodok. Arkheologicheskie pamyatniki Samarskoy oblasti* [The Town of Murom. Archaeological Monuments of the Samara Region]. Samara, Samarskiy ob"edinenny istoricheskiy kraevedcheskiy muzey Publ., 1998. 46 p.
30. Munkuev N.Ts. Zаметki o drevnikh mongolakh [Notes on the Ancient Mongols]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [The Tataro-mongols in Asia and Europe]. Izd 2-e, pererab. i dop. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 377–408.
31. *Men-da bey-lu («Polnoe opisanie mongolo-tatar»)* ["Full Description of the Mongol-Tatar"]. Faksimile ksilografy. Per. s kit., vvedenie, komm. i prilozh. N.Ts.Munkueva. Moscow, Nauka Publ., 1975. 288 p.
32. Allsen T.T. Prelyudiya k zapadnym kampaniyam: mongol'skie voennye operatsii v Volgo-Ural'skom regione. 1217–1237 gg. [Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237]. Per. s angl. A.A. Arslanovoy. *Nauchnyy Tatarstan* [Scientific Tatarstan]. 2003. No. 2, pp. 86–87; No. 3/4, pp. 129–139.
33. Pilipchuk Ya.V. Mongol'skoe zavoevanie vladeny vostochnykh kypchakov i Volzhskoy Bulgarii [The Mongol Conquest of the Eastern Dominions of Kipchaks and Volga Bulgaria]. *Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya* [Warfare of the Golden Horde: problems and prospects of studying]. Kazan, ООО «Foliant», Institut istorii im. Sh.Mardzhani Akademiya nauk RT Publ., 2011. S.143–156.
34. Pochekaev R.Yu. *Batyy. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Batu Khan. The Khan Who Was Not a Khan]. Moscow, AST MOSKVA; St. Petersburg, Evraziya Publ., 2006. 352 [2]s.

35. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. I. Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. I. Laurentian Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 379 p.
36. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. 1998, Vol. II. Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. II. Hypathian Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. 648 p.
37. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. III. First Novgorod Chronicle according to the Older and Younger Versions]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 720 p.
38. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travels to the Eastern Countries]. Pod red. N.P.Shastinoy. Moscow, Geografiz Publ., 1957. 270 p.
39. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. I. Kn. 2 / Per. s pers. O.I.Smirnovoy, prim. B.I.Pankratova i O.I.Smirnova, red. A.A.Semenova. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. 315 p.
40. Sinor D. *Mongoly na Zapade* [The Mongols in the West]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya. T.6. Zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages. Vol. 6. The Golden Horde Period]. Donetsk, Donetskii natsional'nyy universitet Publ., 2008, pp. 363–384.
41. Smirnov A.P. *Volzhskie Bulgary* [The Volga Bulgars]. Moscow, Izd-vo Gosudarstvennyy istoricheskyy muzey Publ., 1951. 302 p.
42. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Vol. I. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. I. Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg, 1884. 564 p.
43. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Vol. II. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G.Tizengauzenom i obrabotannye A.A.Romaskevichem i S.L.Volinym* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. II. Excerpts from the Persian Writings Collected by V.G.Tiesenhausen and Processed by A.A.Romaskevich and S.L.Volin]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 308 p.
44. Togan I. Dzhuchi khan i znachenie osady Khorezma kak simvoly zakonnosti [Jochi Khan and the Value of the Siege of Khwarezm as Symbols of Legality]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy). Ot Kalki do Astrakhani 1223–1556* [Source Study of the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan 1223–1556]. Kazan, Master Layn Publ., 2002, pp. 146–187.
45. Usmanov M.A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv. «Sbornik letopisey», «Daftar-i Chingiz-name», «Tavarikh-i Bulgariya», Tatarskie shadzhar* [The Tatar Historical Sources of the 17th–18th centuries. “Compendium of Chronicles”, “Daftar-i Chingiz-name”, “Tavarikh-i Bulgaria”, Tatar Shedzheres]. Kazan, Kazanskiy universitet Publ., 1972. 223 p.
46. Weatherford J. *Chingiskhan i rozhdenie sovremennogo mira* [Genghis Khan and the Making of the Modern World]. Moscow, AST Publ., 2005. 493 p.
47. Fakhruddinov R.G. *Ocherki po istorii Volzhskoy Bulgarii* [Essays on the History of Volga Bulgaria]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 216 p.
48. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [The Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans. Archaeological Monuments]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1966. 274 p.
49. Fennel J. *Krizis srednevekovoy Rusi. 1200–1304* [The Crisis of Medieval Russia, 1200–1304]. Moscow, Progress Publ., 1989. 296 p.
50. Philips E.D. *Mongoly. Osnovately imperii Velikikh khanov* [The Mongols. The Founders of the Empire of the Great Khans]. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, OOO «Vneshtorgpress» Publ., 2003. 174 p.
51. Thomas of Split. *Istoriya arkhiepiskopov Salony i Splita* [History of the Bishops of Salona and Split]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 319 p.
52. Khalikov A.Kh. *Mongol'skoe nashestvie i sud'ba Velikogo goroda* [Mongol invasion and the Fate of the Great City]. *Arkheologicheskie pamyatniki Nizhnego Povolzh'ya* [Archaeological Monuments of the Lower Volga Region]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 1984, pp. 82–98.
53. Khalikov A.Kh., Khaliullin I.Kh. *Osnovnye etapy mongol'skogo nashestviya na Volzhskuyu Bulgariyu* [The Main Stages of the Mongol Invasion of Volga Bulgaria]. *Volzhskaya Bulgariya i mongol'skoe nashestvie* [The Volga Bulgaria and Mongol Invasion]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 1988, pp. 4–23.
54. Khaliullin I.Kh. *O mongol'skom pokhode 1232 g. na Volzhskuyu Bulgariyu* [On the Mongol Campaign of 1232 against the Volga Bulgaria]. *Volzhskaya Bulgariya i mongol'skoe nashestvie* [Volga Bulgaria and the Mongol Invasion]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 1988, pp. 23–27.
55. Khaliullin I.Kh. *Srednee Povolzh'e i Nizhnee Prikam'e v XIII v.* [The Middle Volga and Lower Kama Regions in the 13th century]. *Materialy po istorii tatarskogo naroda* [Materials on the History of the Tatar People]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 1995, pp. 118–135.
56. Hartog L. de. *Chingiskhan. Zavoevatel' mira* [Genghis Khan. Conqueror of the World]. Moscow, Olimp, AST, Astrel' Publ., 2007. 285 p.

57. Khrapachevskiy R.P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [The Military State of Genghis Khan]. Moscow, OOO AST; OAO VZOI Publ., 2004. 557 p.
58. *Khristianskiy mir i Velikaya Mongol'skaya imperiya. Materialy frantsiskanskoy missii 1245 goda* [Christian World and the Great Mongol Empire. Materials of the Franciscan Mission of 1245]. St. Petersburg, Evraziya, 2002. 478 p.
59. Khrustalev D.G. *Rus': ot nashestviya do «iga» (30–40 gg. XIII v.)* [Rus': From the Invasion to the "Yoke" (1230–1240's)]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2004. 320 p.
60. Khuzin F.Sh. *Velikiy gorod i mongol'skoe nashestvie* [The Great City and Mongol Invasion]. *Volzhskaya Bulgariya i mongol'skoe nashestvie* [The Volga Bulgaria and Mongol Invasion]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 1988, pp. 43–58.
61. Khuzin F.Sh. *Velikiy gorod na Cheremshane. Stratigrafiya, khronologiya. Problemy Bilyara-Bulgara* [The Great City on the Cheremshan. Stratigraphy, Chronology. Problems of Bilyar-Bolghar]. Kazan, Institut yazyka, literatury i istorii Kazanskogo filiala Akademiya nauk SSSR Publ., 223 p.
62. Khuzin F.Sh. *Bulgarskiy gorod v X – nachale XIII vv.* [The Bulgar City in the 10th – early 13th centuries]. Kazan, Master Layn Publ., 2001. 480 p.
63. Cherepnin L.V. *Mongolo-tatary na Rusi (XIII v.)* [The Mongol-Tatars in Rus' (13th century)]. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [The Tatar-Mongols in Asia and Europe]. Izd 2-e, pererab. i dop. Moscow, Nauka publ., 1977, pp. 186–209.
64. Chernyshevskiy D.V. «Priidoshha beschislenny, yako pruzi» [“They Came Countless as Grasshoppers”]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 1989. No. 2, pp. 127–132.
65. Choysamba Ch. *Zavoevatel'nye pokhody Batu-khana* [Campaigns of Conquest of Batu Khan]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2006. 168 p.
66. Allsen, Th. T. Prelude to the Western Campaigns: Mongol Military Operations in the Volga-Ural Region, 1217–1237. *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1983. Vol. III, pp. 5–24.
67. Allsen Th.T. Mongols and North Caucasia. *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1987–1991. Vol. 7, pp. 5–40.
68. Buell P.D. Early Mongol expansion in Western Siberia and Turkestan (1207–1219): a Reconstruction. *Central Asiatic Journal*. 1992. Vol. 36, pp. 1–32.
69. Golden P.B. Cumanica II: The olberli (olperli): The Fortunes and misfortunes of Inner Asian clan. *Archivum Eurasiae medii aevi*. 1986. Vol. 6, pp. 5–29.
70. Halperin Ch.J. «Russo-Tatar Relations in Mongol Context: Two Notes». *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1998. 51:3, pp. 221–239.
71. Saunders J.J. *The History of the Mongol Conquests*. L., Routledge & Kegan Paul, 1971. 191 p.

About the author: Iskander Lerunovich Izmailov – Senior Research Fellow, Khalikov Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420012, Butlerov st., 30, Kazan, Russian Federation); ismail@inbox.ru

Характеристика вооружения и реконструкция атаки монголо-татар феодальной усадьбы в Черновке

И.П. Возный

*(Черновицкий национальный университет
им. Юрия Федьковича)*

Важной задачей современной исторической науки является исследование проблемы вторжения и продвижения по территории Руси монголо-татарских орд во второй половине XIII в. Особенно это касается периферийных регионов государства, территория которых оставалась без внимания летописцев. В этом отношении интерес представляет Прут-Днестровское междуречье – окраина Галицко-Волынского княжества, на территории которого в середине XIII в. отрядами монголо-татар было уничтожено ряд укрепленных поселений. Небольшая исследованная площадь этих археологических памятников не позволяет реконструировать моменты битвы или осады городища. На территории Прут-Днестровского междуречья расположена Черновская феодальная укрепленная усадьба XII – первой половины XIII вв., площадь которой, на сегодняшний день, исследована полностью. Поэтому материалы, добытые тут в результате археологических раскопок, дают возможность полностью восстановить жизнь отдельно взятого сельского поселения. Это небольшое городище, размерами 40x50 м, в стратегическом отношении расположено очень выгодно, на склоне одной из гор Хотинской возвышенности. Оно имело достаточно мощную систему обороны состоявшей из клетей-срубов, заборол, башни выдвинутой за пределы стены для перекрестного огня, дополнительных валов и рвов, обложенных камнем, частокола. Высота мыса возвышавшегося над поймой реки в среднем становила 20 м. Монголо-татарам пришлось немало потрудиться, чтобы завладеть такими укреплениями.

В статье, на основании анализа археологического материала и письменных источников, дается характеристика вооружения древнерусских и монголо-татарских воинов найденного на территории Черновского городища. Проведена типологическая классификация оружия ближнего и дальнего боя, снаряжения всадника и верхового коня. Характеризуется система и конструкции оборонительных линий городища. Используя картографический метод наложения мест находок оружия и культовых предметов на план городища, сделана попытка реконструкции направлений атаки монголо-татарского отряда на городище, ход боя и последние минуты его обороны.

Ключевые слова: оружие дальнего боя, феодальная усадьба, оружие ближнего боя, снаряжение всадника и верхового коня, хан Кидан, хан Бури, монголо-татары.

Важной задачей современной исторической науки является исследование проблемы вторжения и продвижения по территории Руси монголо-татарских орд во второй половине XIII в. Особенно это касается регионов Древнерусского государства, территория которых часто оставалась без внимания летописцев. Поэму свидетельства о боевых действиях здесь иногда противоречивые или вообще отсутствуют. Один из таких регионов – территория Прут-Днестровского междуречья, которая во второй половине XII – XIII вв. была южной пограничной зоной Галицко-Волынского княжества. Такое геополитическое положение края заставляло княжескую власть строить на его территории крепости, составлявшие значительную преграду для врагов.

Известно, что после разгрома Киева войско Батыя двинулось на запад, направляя свой главный удар на Владимир и Галич. В то же время, ведя наступление обычным для монголов широким фронтом, они опустошали и другие районы. С Галича войска хана двинулись на Венгрию. Некоторые из отрядов во главе с Киданом и Бури перешли Карпаты через Роднянский перевал (карта 1). Возможно, эта группировка двигалась к перевалу через Снятин, дальше долинами Черемоша, Путилы и Сирета к Быстрице. Как отмечает Л.Л. Полевой, отряд эмира Кидана три дня шел в Трансильванию на Бану Родни лесами Буковины [61, с.156; 93, с.35]. От основной ударной силы веером отходили отряды хана Бучека, уничтожая все на своем пути и опустошая захваченные земли. Таким образом, могли быть уничтожены отдельные городища и значительное количество открытых поселений, откуда забирался провиант для основного войска. О разрушениях кочевников на территории Прут-Днестровского междуречья могут свидетельствовать археологиче-

ские материалы с Черновского городища, сожженного в середине XIII в. Здесь найдено значительное количество монголо-татарских срезней как целых, так и поврежденных в результате боя [17, с.95–97; 19, с.477–478].

Черновская феодальная усадьба, обнаружена в 1977 Б.А. Тимощуком. Тогда же были проведены первые раскопки, в результате чего исследовано 7 оборонительных срубов главной укрепленной линии, 3 жилищно-хозяйственных сруба, примыкавших к линии обороны, и наземное жилище с подвалом [79, с.105–114]. В 1982 археологической экспедицией Черновицкого музея народной архитектуры и быта под руководством М.А. Филипчука исследовано два оборонительных сруба городища [78, с.5]. На протяжении 1985–1986 гг. археологическая экспедиция Черновицкого государственного университета во главе с Л.П. Михайлиной, а с 1989 по 1994 гг. под руководством И.П. Возного проводила систематические раскопки памятника [13, с.137–142; 14, с.21–29; 15, с.21–28; 16, с.13–25; 47, с.5–13; 48, с.28–39]. В течение 1999–2002 гг. на городище проводил раскопки С.В. Пивоваров [57, с.243–255].

Черновская усадьба является в основном однослойным археологическим памятником, содержащим материалы второй половины XII – первой половины XIII вв. и незначительные слои второй половины XIII – XIV вв. Существенная особенность Черновского городища заключается в том, что оно является единственным памятником домонгольского периода, раскрытым полностью, а поэтому наиболее объемно представляющим жизнь феодальной усадьбы и наглядно иллюстрирующим последние мгновения существования замка во время нападения монголо-татар. Весомость изучения Черновского городища как исторического источника заключается в том, что наличие археологического материала военного назначения с территории целиком раскопанного замка, наложивши его на карту раскопок, дает возможность проанализировать артефакты по жилищно-хозяйственным комплексам, а это имеет решающее значение для определения направлений штурма и наиболее уязвимых, с точки зрения военной тактики, сторон оборонной системы феодального замка.

В стратегическом отношении Черновское городище расположено очень выгодно, на склоне одной из гор Хотинской возвышенности, имеющий небольшой наклон в сторону речки Мошков, среди многих балок и оврагов. Высота площадки городища относительно летнего уровня реки в крайней южной части составляет 25 м, а в крайней северной – 18 м. Склоны мыса достаточно крутые. С восточной стороны они составляли 20° , с западной – 29° . Таким образом, мысовая площадка, на которой был спланирован двор городища, благодаря такому географическому положению представляла труднодоступное оборонительное укрепление.

Черновское городище имеет форму правильного овала, вытянутого с севера на юг. Его площадка, размерами 50 x 40 м, со всех сторон ограничена рвом. С напольной стороны городище имеет дополнительное укрепление – вал, примыкавший ко рву главной укрепленной линии, и ров. Въезд на территорию усадьбы устроен с северо-западной стороны, где есть пологий хребтовидный склон в направлении реки. Там также размещены дополнительные укрепления – вал со рвом, находящиеся в 10 м от основного оборонительного рва.

Общая длина главной укрепленной линии Черновского городища составляет 160 м. В ее состав входили 32 оборонительные клетки-сруба, тянувшиеся вдоль всего края площадки, прерываясь только в месте въезда (рис. 1). Система размещения оборонных клеток на краю площадки характерна для военно-оборонного дела древней Руси. Аналогии находим на хут. Половецком, в Молодии, Ленковцах на Днестре, летописном Васильеве, Васловивцах, Недобоевцах и др. [26, с.148; 79, с.102; 80, с.125]. Все срубы построены способом рубки в «обло» из дубовых бревен. По длине деревянные бревна соединялись между собой путем врубки их «нахлыстом» в поперечные стены срубов.

Обнаруженные во многих случаях остатки деревянных перекрытий, позволяют говорить о наличии в клетях потолка, сделанного из горбылей, уложенных в продольном и поперечном направлениях. Сверху потолок перекрывался слоем глины. Плоское перекрытие срубов, безусловно, использовалось как боевой ход для защитников крепости. Сверху накатник покрывался каменными плитами небольших размеров, что может свидетельствовать о регулярном использовании такого хода, а также о том, что главная укрепленная линия Черновской крепости имела два яруса боя: нижний, из помещений пустотелых срубов, и верхний, с боевой площадки на накатнике. Такой конструктивный элемент главных укрепленных линий известный в Воине, Колодяжине и др. [21, с.60; 27, с.26–35]. Боевой ход, как правило, прикрывали снаружи деревянным бруствером,

который назывался заборолом. Через отверстия-бойницы в нем обстреливали противника. Сверху забороло прикрывали крышей. Этот элемент широко использовался в военно-оборонном зодчестве Киевской Руси. Не раз забороло упоминаются в летописях: «Идоушоу же камению со забраль яко дождоу силноу ...», «Константин же стоя на заборолех а стрелами не дадушим выникнути из заборол» [31, с.755, 852].

Все клетки главной укрепленной линии городища были построены по единому, ранее намеченному плану. Скорее всего, они использовались как боевые камеры, из которых вели стрельбу по врагу.

Важной составной частью замковых укреплений были ворота. В письменных источниках неоднократно отмечалась значительная их роль в обороне: «Татаре на огороде устремишася побегнута к детинцу и не можаху уместити во ворота ...» [31, с.853; 42, с.74]. Въезд на городище расположен с северо-западной стороны. Оборонительные срубы главной укрепленной линии здесь не составляли сплошного ряда, а прерывались. У боковых стенок клеток обнаружены остатки столбовых ям. Расстояние между ними составляло 2,2 м. Очевидно, это следы боковых столбов, к которым крепились полотна ворот. Над главными воротами располагалась надвратная башня. Такие конструкции широко использовались в военно-оборонном зодчестве древней Руси [42, с.271]. Аналогичный въезд исследован в Воине [27, с.26–35]. У западных славян Ибрагим ибн Якуб описал замки, оборудованные воротами и деревянными мостами [92, с.112].

Площадка мыса со всех сторон ограничена оборонным рвом, современная глубина которого составляет в среднем 1,5 м. Ров в профиле – треугольной формы, с крутыми стенками относительно горизонта, дно закругленное. Глубина его была неодинакова: с напольной стороны она достигает 3 м, при ширине в верхней части 6 м, внизу 1 м. Крутизна склонов равнялась 46° . Со стороны въезда глубина рва была 2,6 м, при ширине в верхней части 5 м, внизу 1 м. Крутизна склонов составляла 40° . С восточной стороны городища, где склон горы пологий, ров был глубиной 2,6 м, шириной в верхней и нижних частях, соответственно, 2 и 1 м, при крутизне стенок 37° . С западной стороны, где склон имел крутизну относительно горизонта 45° , то есть был более стремительным, ров сравнительно неглубокий – 1,5 м при ширине 2 и 1 м. Крутизна стенок равна 40° . Такая разница в мощности рва главной оборонительной линии, особенно в восточной (напольной) и северо-западной (со стороны въезда) частях городища, объясняется тем, что здесь оборонительные срубы с внешней стороны были укреплены глиняными откосами. От них остались невысокие валы, имеющие современную высоту 0,5–0,6 м. Учитывая то, что за столь долгий исторический промежуток времени вал сдвинулся, его давняя высота составляла более 1 м при крутизне 43° . Известно, что в древней Руси валам старались придать крутизну до 45° [41, с.63; 65, с.26]. Со стороны въезда, как отмечалось, откос был менее мощный. Его высота достигала 0,4 м, а крутизна равна 30° . Благодаря подъему откосов углублялся и сам ров. Чтобы сохранить соответствующую крутизну, откосы были укреплены панцирем из каменных плит, поставленных друг на друга. Этот элемент оборонительных конструкций неоднократно упоминается в письменных источниках как «плотина», «гробля». В Овруче «бьяше через гроблю мост ко вратам граднымъ», то есть через ров [42, с.74].

С напольной стороны в восточной и юго-восточной части Черновского городища к основному оборонительному рву примыкают дополнительные укрепления – вал и ров, огибающие широкой дугой городище. Длина этого укрепления равна: вал – 160 м, ров – 48 м. Вспомогательные земляные валы такого типа широко использовались в военно-оборонном зодчестве древней Руси и известны во многих городах [65, с.120]. Высота вала 2,5 м, ширина – 2 м при крутизне стенок 30° . Его поверхность была укреплена каменными плитами, плотно лежащими друг возле друга, образуя, таким образом, панцирь. Аналогичная конструкция оборонительных сооружений исследована в Екимауцах, Воишине, на Райковецком городище и других [21, с.26; 54, с.86; 65, 132; 69, с.56; 83, с.63].

Перед валом находился неглубокий ров, предназначенный для увеличения высоты препятствия, и охватывал его полукругом из наиболее опасной стороны – поля. Глубина рва – 1,5 м при ширине в верхней части – 4 м и в основе – 1 м. Крутизна склонов рва достигала 32° , дно его скругленное. Таким образом, ширина оборонительной полосы с стороны поля составляла около 15 м, что представляло собой значительное препятствие для противника.

В северной части замка, от ворот через ров, возможно, был переброшен деревянный мост. Летописи упоминают мосты в Киевской Руси, уже начиная с X в. Так, в рассказе о походе Яро-

полка на древлянского князя Олега в 977 г. летопись упоминает мост и говорит о месте его нахождения: «бьяше мост через гроблю ко вратам градным, тиснячеся друг друга, пихаху в гроблю и спихнуша Ольга с моста в дебрь, падаху людем мнози и оудавиша кони человицы» [42, с.74]. Мосты не были, наверное, постоянными. Их строили с таким расчетом, чтобы быстро можно было убрать на случай вражеского нападения. Для этого разбиралось полотно моста или весь он поднимался к укреплению [25, с.57]. О таком подъемном устройстве в домонгольской Европе упоминается лишь один раз в 1229 г. в польском г. Калиш: «... возводимый мост и жеравецъ во-жьгоша» [31, с.755]. Желая затруднить проход врагу, защитники, по свидетельству летописцев, «отсекали» или «переметывали» мост. В 1259 г. хан Куремса не овладел Луцком, из-за что он «желая мост прияти, граждане же отсекиши мост» [31, с.842]. Последний старались делать узким. Во время нападения монголо-татар на г. Судомир «людые же видивше татары на городе, устремишася побегнути до дитинца и не можаху уместитися во ворота, зане мост бьяше узок воротом и подавишася сами, а друзи падаху с моста в ров» [31, с.853]. Таким образом, можно предположить, что через ров был перекинут неширокий мост без опор. Деревянные мосты на въездах известны в Киеве, Овруче, Райках. Аналогичные сооружения, которые могли быть быстро разобраны, известны и у западных славян [5, с.181–201; 92, с.119].

Перед въездом на Черновское городище, с наружной стороны основной оборонительной линии, расположена площадка, заканчивающаяся валом и рвом, прикрывавшими ворота. Площадка, квадратная в плане, размерами 10 x 10 м, имеет наклон в сторону реки. Перепад высоты здесь составляет 1,5 м. На ней, с левой стороны от ворот, по ходу подъема на территорию городища, находилась деревянная башня, прикрывавшая мост и ворота. Башня имела круговой обстрел и была рассчитана на самостоятельную оборону. Она надежно прикрывала въезд. Благодаря выступлению ее на 9 м за пределы главной укрепленной линии, башня прикрывала восточную сторону городища, где был более пологий склон, и блокировала подступы к нему. Она служила также удобным наблюдательным пунктом. Наличие башни у въезда на территорию городища не является чем-то исключительным в древнерусском военно-оборонном зодчестве. Укрепление такого типа в летописях упоминаются с XII в. под названием «столп» [42, с.271].

Ниже площадки, как уже отмечалось, находились вал и ров. Первый длиной 15 м, высотой 1 м и шириной 1,5 м прикрывал площадку. Крутизна его склонов равнялась 36° . В середине откоса, на высоте 0,5 м от дна рва, прослежены остатки дополнительных укреплений в виде частоккола-надолба наклоненного в сторону дороги. Такая система укреплений известная в военном зодчестве древней Руси, а также использовалась на территории западных славян [66, с.134; 92, с.114, 119; 103, с.84, рис.57а]. Стены частоккола пытались поставить под уклоном $50\text{--}60^{\circ}$, как это было в Галиче или 70° – в Сутейске, относительно горизонта [66, с.112, 135].

Ров, расположенный перед валом, имел глубину 2,1 м, ширину 2,5 м в верхней части, с крутизной стенок 36° . Дно его устлано палениной и фрагментами обгоревших бревен. Ров усложнял доступ к валу и площадке. Эти оборонительные сооружения прикрывали только въезд, а поэтому были построены между обрывистыми склонами дороги и имели длину 12 м. Таким образом, система обороны с стороны въезда тоже была довольно сложной и глубокой. Ее глубина составляла около 25 м.

Через ров к валу шла перемычка шириной 3 м, которую оставили при сооружении последнего. Это говорит о том, что на валу не было никаких дополнительных искусственных укреплений. Аналогичные перемычки для прохода по валу известны в Волице-Стубельской, Моравице, Острожце [62, с.119–128; 66, с.153]. Подобная техника размещения двух валов с площадкой между ними обнаружена на многих древнерусских городищах [66, с.134].

От площадки в сторону реки спускается хребтовидный склон, по которому проходила дорога на городище длиной 85 м. В некоторых местах она искусственно подсыпана. Ее ширина составляла в среднем 3 м. Узость дороги затрудняла проезд одновременно нескольким всадникам, что было немаловажно для обороны усадьбы.

Таким образом, система укреплений Черновской феодальной усадьбы была достаточно сложной и прочной, отвечала всем требованиям военно-оборонного зодчества того времени.

На территории городища обнаружено значительное количество предметов вооружения, позволявшее охарактеризовать военное дело местного населения.

По своему функциональному назначению оружие принято разделять на средства дальнего и ближнего боя

Оружие дальнего боя. Основной категорией находок, характеризующих оружие дальнего боя и промысловой охоты, являются наконечники стрел. О широком использовании их в бою неоднократно упоминалось в древнерусских летописях: «ни по стреле пустив тогда побегоша», «и стрелившие побегнуша предъ оугры», «толко по стреле стрелившие побегоша», «Стрельцов и поуствивше по стреле на Роусь» [31, с.438, 599, 639; 42, 271]. Такие же свидетельства находим в «Слове о полку Игореве»: «итти дождю стрелами» [74, с.18]. Отдельные исследователи считают, что в киевском войске из лука умел стрелять каждый воин (рис. 2). Лук был в пехотинцев, и у всадников, и у дружинников, что и отличало их от западноевропейских рыцарей [6, с.143]. Очевидно, прогресс в военном деле домонгольской Руси – развитие легкой кавалерии, вооруженной луками не обошел и территорию Прут-Днестровского междуречья. Довольно быстро (по письменным сообщениям с начала X в.) лучники выделяются в отдельную часть войска, которая проводила разведку боем, несла службу охраны, завлекала противника, показывала от имени войска готовность драться [35, с.60].

По характеру крепления, наконечники стрел делятся на черешковые и втульчатые, а по поперечному сечению пера – на плоские и граненые. Плоские имеют в сечении вид узкой вытянутой линзы или сильно сплющенного ромба, граненые – вид треугольника, квадрата, четырехугольника, ромба и др.

Среди плоских черешковых наконечников стрел, составляющих основную массу находок, выделяется 11 основных типов:

1 – двухшипный с шейкой и упором, длиной 8,4 см, длина пера 5,6 см, ширина 2,1 см (рис. 2, 1) [17, рис.14, 6]. Использовались такие наконечники, в основном, на западе древней Руси в VIII – XIII вв. и относятся к 30 типу [46, с.62]. Аналогии им известны на многих древнерусских памятниках [3, с.67–71; 22, с.135; 23, рис.32, 6; 53, рис.93, 23; 98, с.114, рис.72, 18–21].

2 – наконечники с боковыми выступами. Их длина составляла 6,9–8,5 см, длина пера 4–6,3 см, ширина 1,5–3,2 см (рис.2, 2–4, фото 1, 1–2) [9, № 39, 40, 76, 262, 2754 17, рис.14, 2, 4, 8; 17, 8; 28, 3; 38, 3; 39, 1; 58, рис.1, 4]. Они существовали на Руси с XII в. до монгольского нашествия и по классификации А.Ф. Медведева относятся к типу 32 [46, с.62]. Наконечники такого типа встречаются на древнерусских памятниках, разрушенных во время монголо-татарского нашествия [49, с.147; 53, рис.93, 19–21; 56, рис.45, 14–15; 88, рис.35, 10].

3 – треугольные (рис. 2, 5) [9, № 338; 17, рис.51, 2]. Длина их достигала 8,7 см, длина пера – 6,2 см, ширина – 1,8 см. Относятся они к типу 37 по А.Ф. Медведеву, а время бытования их приходится на VIII – XIV вв. [46, с.63] Подобные типы наконечников были обнаружены на других памятниках древнерусского периода [21, табл.XIV, 3; 43, рис.38, 8].

4 – ромбовидные без упора (фото 1, 3–4). Длина таких наконечников, в среднем, составляла 10 см, ширина пера 1,7 см [17, фото 70]. Такие наконечники относятся к типу 47 по А.Ф. Медведеву, а время бытования их приходится на VIII–XIV вв. [46, с.66] Аналогии этим наконечникам известны на поселениях в Озаричах, Григорьевке, Белой Церкви и др. [8, с.90, рис.45, 10–12; 75, с.128, рис.2, 8; 95, с.37–59, рис.7].

5 – ромбовидные с упором. Такие наконечники стрел относятся к типу 48. [46, с.68] Время бытования их приходится на IX – XIV вв. Их размеры были в пределах: длина – 6,5 см, длина пера – 3 см, наибольшая ширина – 2,4 см (рис. 2, 6–7) [17, рис.20, 31; 57, рис.1, 5]. Аналогичные наконечники стрел известны на городищах X в. Алчедар, Екимауцах, Плиснеске, Воищине, Новоалександровке и др. [12, с.141. рис.88, 16; 38, с.133, рис.6, 9; 39, рис.27, 6; 40, рис. 12, 1; 53, рис.93, 2; 69, рис.37, 4; 82, рис.45, 1; 86, с.309, рис.1].

6 – ромбовидные с самым высоким расширением в верхней половине длины пера длиной 8 см. Длина пера 4,5 см, ширина 1,4 см (рис. 2, 8) [17, рис.19, 22]. Такие наконечники были распространены с VIII по XIII вв. на всей территории Восточной Европы [43, рис.13, 9; 63, с.167–175, рис.3, 4; 84, рис.13, 3]. Относятся они к типу 52 [46, с.69].

7 – остролистые с черенком для древка без упора или с ним. Длина их составляла 5,5–7 см, длина пера 3,2–4,5 см, ширина 1,8–2 см (фото 1, 5) [17, рис. 15, 9; 18, 2; 31, 8; 45, 2; 47, 3]. Распространены они в Восточной Европе в VIII–XIII вв. [12, с.141, рис.88, 15; 39, рис.26, 1–5; 56. с.90, рис.45, 7]. По классификации А.Ф. Медведева, они относятся к типу 61 [46, с.73].

8 – лавролистые с упором и без него. Такие острия наконечников датируются IX–XIII вв. и относятся к типу 63 [46, с.74]. Размеры их колеблются в среднем так: общая длина 6,2–10,7 см, длина пера 3,3–6,2 см, ширина 1,5–2,7 см (рис. 2, 9–11, фото 1, 6) [17, с.93, рис. 15, 8; 16, 9; 17, 4;

18, 1–2; 20, 31; 22, 12; 31, 8; 59, рис.1, 1–2]. Данная категория находок хорошо известна на всей территории распространения славяно-русских памятников [21, с.147; 39, рис.27, 9; 53, рис.93, 24; 56, с.90, рис.45, 31; 71, с.15; 88, с.105–108].

К плоским черешковым наконечникам стрел относятся и монголо-татарские срезни в виде лопатки, расширяющейся к острию. Такими наконечниками поражали незащищенного доспехами врага или его лошадей. Это самый распространенный тип наконечников, находившийся на вооружении монголо-татар. Такие плоские наконечники, с горизонтальным лезвием, наносили широкие раны, вызывавшие сильное кровотечение и тем самым быстро выводили из боя ратников [37, с.314]. Существует мнение, что чаще их использовали для борьбы с кавалерией [51, с.217]. Такие острия, с городища делятся на три типа: 9 – весловидные, занесенные на территорию Восточной Европы монголами в первой половине XIII в. Длина их – 8–10,5 см, длина пера – 5–6 см, ширина – 1,5–1,8 см (рис. 2, 12, фото 1, 11) [9, № 35, 37; 17, рис.14, 9]. Наконечники этого типа встречаются на памятниках разрушенных монголо-татарами [46, рис.13, 33]. Они относятся к типу 66 по классификации А.Ф. Медведева [46, с.75]. 10 – срезни в виде узкой вытянутой лопатки с тупоугольным или изогнутым дугой острием (рис. 2, 13–14, 16, фото 1, 12–13) [17, рис.14, 1, 3, 5, 10, 11; 16, 5; 47, 2; 57, рис.1, 1–7]. К середине XIII в. они на Руси не известны и появились вместе с монголо-татарами. Такие острия относятся к типу 67, а время наибольшего их бытования приходится на XIII–XIV вв. [46, с.75] Острия такого типа встречаются на памятниках, разрушенных монголами [12, с.141, рис.88, 19; 21, табл.ХIII, 1–5; 38, с.133, рис.6, 11; 39, рис.27, 1–5; 44, рис.2, 19–21; 88, рис.35, 3, 12; 94, табл.III, 1–9; 105, табл.ХVII, 68].

11 – срезень джучидский. Это острие длиной 10 см, длина пера 5,8 см, ширина 3,5 см (рис. 2, 17, фото 1, 14) [17, с.95]. Он относится к типу 69 [46, с.76–77]. Это типичный монголо-татарский наконечник, известный на многих древнерусских памятниках, погибших во время нашествия [21, табл. XIII, 13; 92, с.146].

Все вышеупомянутые срезни были занесены монголами и использовались населением Восточной Европы в первой середине XIII в. Интересные данные о монголо-татарских стрелах приводит Плато Карпини. У татар «... железные наконечники стрел достаточно острые и режут с обеих сторон на подобии обоюдоострого меча. Они обладают острым хвостом длиной в один палец, который вставляют в дерево. Среди них есть стрелы для стрельбы по птицам, зверям и безоружным людям в три пальца толщиной» [30, с.29].

Кроме плоских, на территории городища известны тоже граненые бронебойные наконечники стрел, служившие для пробивания кольчуг, пластинчатых доспехов, шлемов, щитов. Среди них выделяется шесть типов: 1 – бронебойные с короткой пирамидальной головкой треугольной в плане. Длина их составляет 1,5 см, длина головки 1,5 см, наибольшая ширина 1 см (рис. 21, 15, фото 1, 15) [17, рис.57, 2; 57, рис.3, 7]. Относятся они к типу 84, вид 1 [46, с.82]. Такие наконечники появились в X в. и существовали в XIII в. Известны они на многих древнерусских памятниках.

2 – шиловидные, квадратные в плане с упором. Длина их, в среднем, составляла 6,8–7,4 см, длина острия – 4,6–5,0 см, ширина одной стороны 0,5–0,7 см (рис. 2, 19) [17, рис.51, 19]. Такие наконечники относятся к типу 90 [46, с.83]. Они были распространены в Восточной Европе с X по XIV вв. [25, табл.V, 12; 53, рис.94, 6–8].

3 – шиловидные, квадратные в плане без упора. Длина их, в среднем, составляла 5,7–6,8 см, длина головки – 3–3,5 см, ширина одной стороны – 0,5–0,6 см (рис. 2, 20–21; фото 1, 16, 17) [17, рис. 17, 5; 20, 48; 57, 4; 60, 5–7]. Такие наконечники относятся к типу 93 [46, с.84]. Они появляются на территории Восточной Европы в X в. и бытуют до XIV в. и поэтому могут выступать четким хронологическим индикатором археологического объекта [12, с.141, рис.88, 8, 17; 45, рис.13, 48; 88, 105].

4 – шиловидные, ромбовидные в плане с простым упором. Длина их, в среднем, составляла 6,8–7,4 см, длина острия – 4,6–5,0 см, ширина одной стороны 0,5–0,7 см [58, рис.1, 8, 10–11]. Такие наконечники относятся к типу 94 [46, с.83]. Они были распространены в Восточной Европе с X по XIV в. [10, рис.2, 2; 12, с.141, рис.88, 11; 25, табл.V, 12; 38, с.134, рис.7. 2].

5 – узкие шиловидные квадратные в плане с перехватом у черешка. Длина их составляла 7,4 см, длина головки 5,0 см, ширина 0,5 см (рис. 2, 22) [17, рис.32, 1]. Такие наконечники относятся к типу 95 [46, с.84]. Это типичные противокольчужные наконечники, существовавшие на территории Руси в VIII – XIV вв. [12, с.141, рис.88, 14; 56, с.90, рис.46, 6; 75, с.132, рис.4, 8].

6 – долотовидные. Такие наконечники имеют длину 9,1 см, длину головки 6 см, ширину 0,8 см (рис. 2, 23, фото 1, 18) [17, рис.14, 12]. Он относится к типу 100 по классификации А.Ф. Медведева [46, с.86]. Такие наконечники широко бытовали на Руси в XI–XIV вв. и известны на многих археологических памятниках [40, с.33; 45, рис.13, 42; 53, рис.94, 17, 21; 63, с.167–175, рис.3, 6].

На городище известны двухшипные втульчатые железные наконечники стрел (рис. 2, 24; фото 1, 19, 22) [17, с.95; 58, рис.1, 9]. Длина их колеблется в пределах 5,2–7,8 см, длина пера 3,7–4 см. Шейки на отдельных наконечниках имеют перевитую форму. По классификации А.Ф. Медведева, они относятся к типу 2 [46, с.56]. Эффективность таких стрел в бою объяснялась тем, что при ранении острые шипы препятствовали безболезненному удалению стрелы. Это надолго выводило противника из строя. В Западной Европе такие острия применялись и для зажигательных стрел, которые своими шипами цеплялись за крышу и не падали на землю. Аналогии им найдены на многих древнерусских памятниках и соседних территориях [11, с.209, рис.5, 3, 5, 9; 53, рис.93, 1; 56, с.90, рис.45, 1–2; 63, с.175, рис.3, 5; 67, с.106–109; 68, с.294, рис.5, 2–5; 70, рис.37, 1; 90, рис.3d; 100, с.76; 101, рис.15, 1–4; 104, с.140, рис.1].

На исследуемой усадьбе известны также лавролистые железные втульчатые наконечники стрел (рис. 2, 25) [17, рис.20, 19]. Такие наконечники относятся к типу 5 [46, с.57]. Датируются они IX–XIII вв. и известны на многих славяно-русских памятниках [67, с.106–109; 68, рис.5, 6; 98, с.114, рис.72, 22].

К оружию дальнего боя можно отнести также костяные наконечники стрел. Они, как правило, изготовлены из прочной кости светло-желтого цвета, поверхность их хорошо отполирована. По находкам на археологических памятниках хронологический диапазон их бытования довольно широкий IX–XIV вв. При этом они часто воспроизводят точные копии железных наконечников [46, с.88]. Большинство костяных острий килевидной формы с закругленным лезвием, иногда в них обозначены грани и в разрезе они имеют ромбовидную форму (рис. 2, 27–28; фото 1, 20–21). Размеры таких стрел полностью установить не удалось, поскольку все они сломаны. Длина лезвия составляла 3–5,8 см, черенки плоские. Такие костяные стрелы (тип 7 по А. Ф. Медведеву), в основном, использовались монголо-татарами [4, с.143–152]. Их нет в городах Северо-Восточной Руси, зато они найдены на памятниках, подвергшихся татарскому погрому: в Воине, Райковецком городище, Княжей Горе, Девич Горе, Изьяславле [21. табл.XIV, 21–23; 27, с.71; 86, с.309, рис.1]. Такие костяные наконечники широко представлены в монгольских захоронениях в Восточном Забайкалье [51, с.224–225, рис.7, 1, 2, 6]. М.С. Сергеева, в противовес доводам А.Р. Артемьева, отмечает, что такие наконечники могли быть общераспространенными элементами евразийского вооружения XIII в. [73, с.112] Наличие таких наконечников у монголов не отрицает их использования на территории восточноевропейской лесостепи в домонгольский период.

На Черновском городище обнаружен втульчатый костяной наконечник. Он изготовлен из конусообразной конечности рога. В сечении наконечник имеет пятиконечную форму. Длина сохранившейся части острия 3,5 см, ширина стороны – 0,5 см (рис. 2, 26) [18, рис.3, 4]. По центру прослежены остатки отверстия. Очевидно, его можно отнести к типу 4 (пирамидальные с перехватом у втулки) [46, с.87], хотя полная форма не позволяет его точно атрибутировать. Аналогичные наконечники широко представлены среди археологических древностей XII–XIII вв. [39, рис.35, 5].

Другой фрагмент костяного наконечника относится к типу 1 (пулевидные конические) [46, с.87]. Длина сохранившейся части 3,8 см, диаметр 1,2 см (рис. 2, 29) [57, рис.7, 11]. Похожие наконечники широко использовались как в бою, так и на охоте в IX–XIV вв. и известны на многих славяно-русских и кочевнических памятниках этого периода [12, с.141, рис.88, 1, 2; 25, табл.6, 3; 45, рис.13, 64; 73, с.109].

На Черновском городище обнаружен фрагмент биконического томара (рис. 2, 33) [17, рис.20, 30]. Длина его составляла 4,4 см, диаметр 0,8 см. Втулка не сохранилась. Конец острия был трехгранно заостренным. Такие наконечники относятся к типу 2 и больше характерные для XII – первой половины XIII вв. [46, с.87] Аналогии такого типа наконечников известны в Воинской Гребле, Новгороде, Биляре, Чемерине и др. [45, рис.13, 61–62; 76, с.122].

К средствам дальнего боя, связанного со сложным луком, относится колчан. Его основу составляло круглое деревянное дно, к которому припасовывался кожаный или берестяной цилиндрический корпус. К нему крепились костяные петли для подвешивания колчана. Одна из таких петель найдена на Черновском городище (рис. 2, 30) [58, рис.1, 16]. Пластина имела длину 6,5 см,

наибольшую ширину 1,3 см. В центре находилось овальное отверстие 1,5x0,5 см, а по краям еще два, диаметром по 0,4 см. Через эти отверстия петля крепилась к основанию колчана, а через овальное отверстие продевался кожаный ремень для транспортировки колчана за плечом или сбоку. Такие костяные петли широко использовались в военной практике восточных славян [1, с.91; 37, с.313].

Для закрепления от тряски во время верховой езды, до дна колчана на ремешке крепился металлический крюк (рис. 2, 32). Он имел длину 7,7 см, диаметр отверстия 0,7 см [57, рис.2, 1]. Такие крюки на колчанах – верный признак наличия на территории феодальной усадьбы конных всадников.

К элементам колчана цилиндрической формы можно отнести железные пластины длиной 8–10 см, шириной 0,8–1 см, толщиной 0,1 см (рис. 2, 31). Они припасовывались к корпусу колчана, укрепляя при этом его. Аналогичные находки широко представлены на древнерусских археологических памятниках [45, с.21]. Колчаны такого типа были распространены на территории Восточной Европы в IX–XIV вв. как среди оседлого населения, так и кочевников [37, с.313]. В такие колчаны могло поместиться до 20 стрел.

Среди исследованных наконечников стрел черешковые составили 83% от общего количества. Плоские черешковые наконечники стрел составляли 76% от общего числа.

Значительное количество плоских черешковых наконечников стрел составляют комплексы вооружения характерные для монголо-татар. По мнению А.Р. Артемьева к таковым можно отнести (по А.Ф. Медведеву) типы 32, 33, 37, 66, 67, 90, 100 [4, с.146]. Сюда же можно отнести и костяные наконечники типа 7. Он считает, что эти типы характерны для монголо-татарского войска, поскольку встречены только в городах и городищах, погибших от их нападения. В городах Северо-Западной Руси они отсутствуют. Наличие всех этих типов наконечников на территории Черновской феодальной укрепленной усадьбы, а также значительное их количество поврежденных и согнутых в результате ударов, следы разрушения и сожжения городища свидетельствуют о том, что оно было уничтожено монголо-татарским отрядом, который продвигался вдоль Прута в Бану Родну ища переходы через Карпатские перевалы в Венгрию.

Оружие ближнего боя. Наступательные средства ближнего боя по принципам их использования можно разделить на несколько категорий: оружие первого натиска – колющее. В него входят копья и сулицы. В большинстве, оно одноразового использования. Оружие рукопашного боя: основное – колюще-рубящее (сабли), ударно-рубящее (топоры) и вспомогательное – ударно-дробящее (булавы). В отличие от первого, оно многоразового использования.

Важной категорией оружия первого натиска колющего типа являются копья. Они были одним из атрибутов профессиональных воинов как наступательное оружие и в составе вооружения древнерусского войска играли не меньшее значение, чем меч. Присутствие копий в армии предусматривала наличие хорошо вышколенных ратников, способных вести бой в правильном тактическом строе [37, с.310]. Ядро русского войска составляли копьеносцы, о которых письменные источники упоминают с XII в. как об основной боевой единице феодальной дружины. Возможно, этим объясняется терминология учета войска: «И бысть же оу поганых 900 копии, а в Руси – 90 копии» [31, с.558]. Упоминания об использовании этого вида оружия часто встречаются в древнерусских летописях: «... изломи Андреи копие свое вье супротивне своем», «... Изяславу стоящую в песцехъ оунезапу приехавъ один, оудари копьем за плеча и тако оубьнь бысть» [31, с.193, 390]. Недаром на миниатюрах древнерусских летописей русские войска изображались с целым лесом копий. Этот вид оружия в XV в. использовался при конных атаках в качестве оружия первого натиска [37, с.308]. Копье давало ратнику в рукопашном бою ряд преимуществ. Оно было длиннее любого оружия, им скорее можно было достать противника. Кроме того, укол копьем обеспечивал легкий прием поражения даже бронированного воина. Относительная дешевизна этого вида оружия делала его доступным практически всем социальным слоям Древнерусского государства.

На территории городища найдены узколистые втульчатые наконечники копий, в основном, удлиненно-треугольной формы. (рис. 2, 36; фото 1, 23) [17, с.97, фото 97]. Длина их колеблется в пределах 21–28,1 см, ширина лезвия 3,2–4,5 см. Диаметр втулки составлял 2,8–3 см.

В XII в. появляется техника «копьевого тарана», рассчитанная на пробивание защитных доспехов всадника или свержения его с лошади в результате мощного удара [37, с.309]. Поэтому, собственно, и укреплялись, в первую очередь, древка самых копий. Этот процесс характерен для всей территории Древнерусского государства. По классификации А.М. Кирпичникова, такие на-

конечники относятся к типу III Б и датируются XI–XIV вв. [34, с.14] Наибольшее время их бытования приходится на XII–XIII вв. На начальном этапе они могли использоваться как охотничье оружие, но со временем происходит усиление их боевой направленности. Копья этой группы являются наиболее распространенными на территории средневековой Восточной и Западной Европы [2, рис.2, 3; 8, с.75, рис.58; 12, с.141, рис.88, 25; 21, рис.22, 1; 29, с.54, рис.12, 1; 38, с.133, рис.6, 1; 89, табл. XXV, 4].

Как боевое оружие, рассчитанное на эффективное пробивание железных доспехов, выступала пика (рис. 2, 37; фото 1, 24). Этот вид вооружения характерен исключительно для конных воинов [34, с.15]. Черновская находка имеет четырехугольное перо длиной 18 см и сторонами 0,6 см, что переходит в воронковидную втулку диаметром 4 см. Такой наконечник относится к V типу и датируется X–XVII вв. [34, с.15]. В XII в. бронебойные пики выделяются как специальные кавалерийские копья и, очевидно, всадники в это время использовали исключительно это оружие. Пика была довольно распространенным видом вооружения как на территории древней Руси, так и в Западной Европе [32, с.137; 53, рис.95, 15; 55, рис.3, 12]. Свое происхождение она ведет от кочевников. Но довольно быстро пика стала интернациональным оружием и была настолько совершенной, что практически не изменила свой вид до XVII в. По мнению А.Р. Артемьева, пики были исключительно оружием монголо-татар, поскольку найдены на древнерусских городищах, погибших во время нашествия и, в то же время, неизвестны на северо-западе Руси [4, с.146].

Предметы ближнего боя с городища представлены также фрагментами и целыми экземплярами наконечников сулиц. Последние служили вспомогательным средством поражения врага в бою, когда при приближении строя можно было ее метнуть. Преимущественно, это вспомогательное оружие пешего воина, использовавшееся в бою один раз. Об этом виде оружия не раз упоминают летописные источники. «Ляхом же крепко борюще и соуличамы мечуще», «и соулицы его кроваве соущи», «и Ятвязи со сулицами и гонишася на поли подобной игре» [31, с. 768, 810, 818]. Их, как и копья, могли широко использовать на охоте. В XII – первой половине XIII в. значение сулиц растет, что объяснялось удобством использования в условиях ближнего боя [34, с. 23–25]. В основном, эти наконечники широколезвийные, с уплощенной листовидной формой. Длина древка сулицы колебалась в пределах 1,2–1,5 м. На территории Черновского городища были обнаружены два наконечника сулиц [17, рис. 60, 3; 58, рис.1, 15]. Они черешковые, лавролистой формы длиной 9,5–12 см (без черенка), наибольшая ширина 3,4–4 см (рис. 1, 35). Такой наконечник относится к типу 2 по А.Ф. Медведеву (листовидные черешковые с плоским пером) [45, с.128, рис. 4, 9]. Использование сулиц было характерно не только для Руси, но и для народов Западной Европы.

Важным полифункциональным оружием ближнего боя и, в первую очередь, признаком знатности всадника была сабля. Этим видом оружия можно было наносить рубяще-колющие удары. Сабли заимствованы у кочевых народов и бытовали на территории Древнерусского государства с X в. [33, с.62] Но русские ремесленники не просто восприняли это оружие, а выработали свои новые, более совершенные формы. Сабли были особенно популярны среди южнорусских всадников, о чем не раз упоминалось в летописях: «... взять полкоу съ саблями и почаша я сечи и тоу побеже Игорь и Святославъ». Даниил Романович, придя на помощь уграм, имел «и сабля □златомъ окрашена», чем особенно поразил немецких послов: «немца же зрящимъ много дивящимся» [31, с.326, 814]. О раннем появлении этого вида оружия в Галицко-Волынском княжестве свидетельствует находка перекрестья рукоятки в Судовой Вишне [66, с. 113]. Как средство ведения боя сабля характеризовалась рядом особых качеств. Ее удар имел круговой характер, он был скользящим и захватывал большую поверхность тела. Благодаря меньшему весу, чем у меча сабля давала возможность свободного маневрирования и не прогибалась доспехи, а прорезала их [7, с. 15].

На исследуемом городище обнаружены фрагменты сабли и сабельные гарды (рис. 2, 39–40, фото 1, 25, 27) [17, рис. 14, 22; 22, 10; 36, 6; 50, 8; 58, рис. 1, 16]. Фрагмент лезвия сабли достигал длины 17 см, шириной 3 см, толщины 0,6 см. Другой обломок имел длину 5 см. Такие находки указывают, что на городище велся ожесточенный рукопашный бой. Подобные фрагменты сабель известны на ряде древнерусских открытых поселений и городищ [53, рис. 95. 16; 85, рис. 33, 20; 101, рис. 15, 3].

Найденные гарды относились к двум типам. Сабельная гарда, обнаружена в 1999 году, прямая, с шарообразными окончаниями на краях. Ее длина 9,8 см, наибольшая ширина 2,6 см, диаметры шариков на концах 1,4 см [58, с. 136]. Такое перекрестье относится к типу I (по типологии

А.Н. Кирпичникова) и датируется IX–XI вв. [33, с. 68]. Однако боковые стороны эфеса оформлены в виде ромбовидных щитков, что характерно для более позднего времени, а именно второй половины XI–XIII вв. Возможно, мы имеем дело с процессом перехода к новым, более совершенным формам перекрестий с сохранением старых форм. Или же эта гарда местного производства. Кузнец при этом мог пользоваться венгерским образцом более раннего времени. Полных аналогий такому перекрестью не обнаружено. Похожие эфесы такого типа известны в Гомие [44, рис. 2, 26].

Другие эфесы представляют собой прямые перекрестия с ромбическим расширением на середине их длины и относятся к общерусскому типу. Длина их составляет 9–10 см, ширина 2,6 см, ширина щитка 2,3 см. По классификации А.Н. Кирпичникова, они принадлежат к типу II и датируются второй половиной XI – XIII вв. [33, с. 69] Популярность таких перекрестий объясняется простотой и рациональностью конструкции. Боковые стороны гард, в основном, оформлены расширенным щитком, благодаря чему перекрестье приобретало большую прочность и задерживало оружие противника, не давая ему соскочить на рукоять. Аналогичные гарды найдены на территории Древнерусского государства, а также на археологических памятниках Западной Европы [10, рис. 2, 4; 38, с. 134, рис. 7, 4; 39, рис. 25, 3, 4; 45, с. 122, рис. 8; 53, рис. 85, 6].

Сабли носились в ножнах, привязанных у пояса или на плечевой перевязи прикрепленной к ремешкам с помощью двух колец или скоб [33, рис. XXXV, 6]. Фрагмент такой овальной скобы, скрепленной кольцом, обнаружен на городище (рис. 2, 38, фото 1, 26) [17, рис. 22, 20]. Аналогичные находки известны из раскопок на Княжей Горе где датируются XII–XIII вв. [35, с. 16].

Ударно-дробящим оружием ближнего боя были *боевые топоры*. Они, наряду с мечом и саблей, составляли основной инструментарий сечи. Преимущество его над двумя предыдущими видами вооружения было в том, что ударное поле меча значительно уступало топору, а скос его лезвия компенсировал режущий момент сабли [7, с. 29]. Этим видом оружия пользовались, в большинстве своем, пешие ратники. Хотя конники тоже использовали топоры-чеканы, особенно во время затяжного боя конницы. Все найденные топоры относятся к универсальным. Так, на городище найден топор с обломанными, оттянутым вниз лезвием, длиной 7,3 см, шириной 3,5 см и удлиненным врезным обухом (рис. 2, 41; фото 1, 28). Диаметр обушного отверстия – 2,5 см. На лезвии есть отверстие диаметром 0,6 см, с помощью которого крепился чехол или топор подвешивался к поясу. По типологии А.Н. Кирпичникова, такие топоры относятся к типу IVA и датируются XI–XIII вв. [34, с. 37]. Широкому распространению последних способствовала совершенная конструкция (коэффициент полезного действия близок к 1) и надежное строение обуха. Похожие топоры обнаружены на ряде древнерусских памятников [39, рис. 25, 5; 85, рис. 33, 19; 101, рис. 4, 1].

На Черновском городище известен топор типа IV [34, с. 29; 59, с. 186, рис. 3, 2]. Такие топоры с опущенным лезвием и выемкой составляли в домонгольский период достаточно распространенную форму.

О разнообразном употреблении походно-боевых топоров свидетельствуют большие проценты их повреждений. Использование восточными славянами данного вида оружия упоминается в летописях. Так, во время Липицкой битвы 1216 «Князь Мстиславъ, проехавъ трижды сквозь полкы княжи Юрьевы и Ярославли, секучи люди, бе бо оу него топоръ с паворозоу в руке». «Глебъ же вынемъ топоръ ростя и». «наеха многажды на полкъ ихъ и бьяшеся единымъ топоромъ не имея страха въ души своеи и паде неколико от яго» [42, с. 181, 480, 498]. В основном, это оружие использовалось в пешем войске: Топоры такого типа были наиболее характерны для юга и юго-запада Руси в XII – первой половине XIII в. [34, с. 37] Аналогии им известны на многих древнерусских памятниках [27, табл. VI, 24; 52, с. 34–42].

Неотъемлемой частью вооружения ратника была *булава*. Это короткая палка длиной до 50 см, на один конец которой одевалось массивное металлическое навершие. Ею пользовались и пехотинцы, и всадники в рукопашном бою, когда требовалось нанести внезапный удар в любом направлении. Эффективность данного вида оружия характеризуется тем, что сила удара булавы или кистеня равна примерно 6,6–14 кг, а для поражения человека она должна иметь не менее 8 кг [34, с. 64]. Булавами, в зависимости от типа защитных доспехов на противнике, можно было довольно сильно его покалечить и, таким образом, надолго вывести из строя. Этот вид оружия служил, прежде всего, для удара по голове или шлему. Булава наносила тяжелые контузии и внутренние переломы. Ударом булавы можно было сломать руку даже хорошо защищенному латами ратнику. Как предполагают ученые, эти предметы оружия были заимствованы восточными славянами у кочевников в XI в. [34, с. 64]. На исследуемом городище найдены два железных экземпляра

ры (рис. 2, 34; фото 1, 29) [17, с. 99; 58, рис. 1, 19]. Черновская булава имеет форму куба (длина стороны 2,7 см) со срезанными вершинами. Роль шипов в ней играли 4 пирамидальные выступы, образовавшиеся в результате пересечения боковых граней. С одной стороны булавы выступает шип, круглый в сечении, длиной 1,4 см и диаметром 0,7 см. Его назначение – локальное пробивание брони.

Другое навершие имело длину 4,2 см, ширину 2,9 см, высоту 3,4 см, при весе 220 гр. В нем отсутствует шип. Такие железные навершия были простым видом булав (тип II по А.Н. Кирпичникову). Это оружие было распространено в древней Руси в XII–XIII вв. [37, табл. XXV, 3]. Простота изготовления таких булав свидетельствует о том, что их использовали, в основном, простые рядовые воины. Такое оружие, в случае прямого удара, могло искалечить даже тяжеловооруженного ратника. Аналогичные железные булавы найдены на Райковецком городище, Княжей Горе, в Колодяжине, Дорогобуже, Серенску, Москве, а также в Латвии, Эстонии, Волжской Болгарии, Черном (Польша) [21, с.95, табл. XII, 12–14; 45, с.137, рис.7, 3; 53, рис.95, 8; 64, с.105, рис.66, 3; 87, табл. X, 22; 88, с.117, табл. 1, 5; 91, с.95, табл. XXXII, C; 94, с.124, табл. IV, 34; 96, с.67–78; 97, с.55, рис.6; 99, с.96].

На Черновском городище найдена гирька китеня, которая, по классификации А.Н. Кирпичникова может быть отнесена к типу V [34, с. 63; 59, с. 186, рис. 3, 4]. Полные аналогии этому кистеню неизвестны, но подобной формы встречены в Серенске, поселении Ромашки и др.

Снаряжение всадника и верхового коня. Важное значение в древнерусском войске играла конница. Многочисленные находки предметов снаряжения боевого коня и всадника на городище указывают, в определенной степени, на значительную роль конного подразделения в составе гарнизона феодального замка.

К предметам снаряжения всадника принадлежит фрагмент стремени арочной формы с прямой подножкой (тип VII по А.Н. Кирпичникову) [36, табл. XV]. Длина подножки 14 см, ширина 2,5 см (фото 1, 28) [17, фото 69]. Стремена такого типа датируются узким отрезком времени – второй половиной XII – первой половиной XIII в. и распространены на всей территории древней Руси, особенно в ее юго-западных регионах [39, рис. 28, 3; 52, с. 38; 88, рис. 36; 101, рис. 15, 16; 102, с.159, рис.19, 5]. О них неоднократно упоминается в летописях: «Галичаномъ же текоущимъ оу стремени его» [31, с.790]. Предназначались такие стремена для тяжеловооруженных всадников, имевших обувь с твердой подошвой [69, с.112, рис. 57, 10, 11].

Постоянным атрибутом всадников были *шпоры*. На Руси они появляются в XI–XII вв., что было обусловлено развитием феодального войска, а именно конницы. Собственно, об использовании лошадей в боевых действиях и свидетельствуют находки шпор – атрибута тяжеловооруженного европейского всадника и признака его рыцарского ранга и достоинства. Они служили для управления лошадей во время военных походов, особенно на поле битвы, когда требовалось активное маневрирование.

На городище обнаружены массивные шпоры с полуциркульным, в плане, изгибом дуг и большим шипом, в виде четырехгранной пирамиды, наклоненным к плоскости скобки под углом 90° (1 экз.) и 130° (3 экз.) (фото 1, 31) [17, с.98, фото 77]. В этих шпор прямоугольные, однопрорезные петли. Такие шпоры принадлежат к типу IV по А.Н. Кирпичникову и датируются XII – первой половиной XIII вв. [36, с. 66] Аналогичные находки известны как на археологических памятниках древней Руси [24, рис. 34, 9; 40, с.56; 50, рис. 23; 72, рис. 54, 12–14; 77, с. 81; 81, с. 182, рис.3, 2], так и характерные для Западной Европы, где существовали в тот же период [103, рис.15, 7]. Остроги такого типа были атрибутом феодальных тяжеловооруженных всадников, знаком рыцарского ранга и достоинства.

По мере развития тактики ведения конного боя и с целью точнее рассчитать максимально колющее действие шипа на лошадь, оружейники выпустили усовершенствованный вид шпор с манжетными шипами. Это массивные шпоры с полуциркульным, в плане, изгибом дуг и, шипом, в виде четырехгранной пирамиды, наклоненным к плоскости скобки под углом 90° . Шипы имели посередине утолщение, противотравмирующие ограничители в виде квадратного или круглого пластинчатого козырька. В этих шпор прямоугольные, однопрорезные петли. Три таких шпоры обнаружено на территории Черновской феодальной укрепленной усадьбы (фото 1, 30, 32) [17, с.98]. Они относятся к типу IVA и датируются второй половиной XII – первой половиной XIII вв. [36, с.66–67]. Аналогичные остроги широко представлены на древнерусских памятниках, опере-

див таким нововведением страны Западной Европы почти на четверть века [12, с.142, рис.89, 4; 38, с.133, рис.6, 15; 101, рис.15, 7–8].

Настоящим открытием в эволюции управления лошастью, не причиняя ей травм, стало появление колесиковых шпор со звездочкой вместо шипов (фото 1, 33). В профиле они напоминают букву «Z» [17, с.98]. На Черновской остроге скоба в сечении имеет треугольную форму. Коленчатый перепад ее приходится примерно на середину длины скобы. Звездочка, которая должна была крепиться вертикально, не сохранилась. Ветки скобы заканчиваются: одна прямоугольной петлей типа 5, повернутой в горизонтальном положении; вторая – вертикальной петлей с зацепкой-пряжкой. Последняя, с рамкой квадратной формы со сторонами 1,3 см, через пластину длиной 2,5 см и шириной 1 см, соединена с петлей. Пряжка защищала ремень, который крепился в прямоугольной петле. Кроме того, в вертикальной петле была закреплена еще одна пластина, загнутая на двух концах. К свободному концу крепился, очевидно, вспомогательный ремешок для лучшего и более тесного прилегания шпору к ноге. Такие шпоры относятся к типу V и датируются XIII–XIV вв. [36, с. 68] Они обнаружены на многих древнерусских памятниках [28, с. 112; 39, рис.28, 6; 70, рис. 32, 3]. Остроги такого типа появились на Руси перед нашествием монголо-татар, примерно в период между 1220–1230 гг. Итак, находка с Черновского городища является одной из древнейших известных в Европе острог.

Кроме шпор, на исследуемом городище найдены петли для крепления острог [17, с. 98]. Две из них – дискообразные однопрорезные, согнутые коленчато. Одна использовалась в IV-м типе шпор [36, с.63]. Другая, – кольцевидная, прикрепленная к внешнему торцу коленчато согнутой дуги. Такие петли применялись в острогах типа IVA. [36, с. 63].

Так же встречаются и небольшие железные и бронзовые пряжки с трапециевидной рамкой для крепления острог к обуви (фото 1, 35) [17, с.34, рис. 31, 11].

В качестве универсального средства управления лошастью при отсутствии шпор во время верховой езды (так называемая езда в восточной манере) выступает плеть. Одной из деталей ее является подзатыльник с клювообразным выступом, предотвращавшем выскользывание кнута с руки. Такой бронзовый литой, покрытый серебром подзатыльник найден на территории Черновского городища (рис. 2, 44) [58, с. 137–138, рис. 2, 1]. Это трубчатое зооморфное изображение головки птицы украшенное очковым и геометрическим орнаментом, рельефными валиками. Его зооморфность подчеркивалась моделированием глаз (в данном случае очковым орнаментом) и клюва. Длина изделия составляет 6,2 см, внешний диаметр 1,8 см, длина клюва 2 см. В его верхней части есть два сквозных отверстия диаметром 0,4–0,5 см, размещенных напротив друг друга. По классификации А.Н. Кирпичникова, такой подзатыльник относится к типу IV. Время появления и бытования его приходится на XII – первую половину XIII вв. [36, с. 73–74] Такие плети использовались легковооруженными всадниками. Полной аналогии найденному затыльнику не найдено, хотя похожие изделия этого типа известны среди материалов древнерусских городов и в Волжской Болгарии [36, с. 74–75; 60, с.260, рис. 83, 15].

Предметы конского снаряжения более многочисленные, чем находки доспехов ратника. На исследуемой территории собрана богатая коллекция конской сбруи, элементами которой являются *удила*, наиболее многочисленные и универсальные элементы снаряжения верхового коня [17, с.100; 58, рис. 2, 7]. В основном, это удила общеславянского типа. Они сделаны из проволоки, квадратной в плане, со средним размером грызл 8,5 см и диаметром колец 4,8 см (рис. 2, 43; фото 1, 36). По диаметру колец, выполнявших функции псалия и ведущего кольца, они относятся к группе 1 с небольшим диаметром колец, что характерно для лошадей с малой чувственностью в управлении [36, с. 17]. Несоответствие в размерах грызл связано с норовом и подготовкой лошади. Все выявленные удила относятся к IV типу по классификации А.Н. Кирпичникова и датируются IX–XIII вв. [36, с. 16]. Аналогии им найдены в Воине, Колодяжине, Райках, Игрени, Серенске, а также на западославянских территориях [12, с. 142, рис. 89, 9; 21, с. 134; 27, табл. VI, 21; 39, рис. 28, 1–2; 53, рис. 96, 16–19, 21–23; 72, с. 155, рис. 54, 20–24; 85, рис. 33, 14, 15; 88, с. 178; 101, рис.19, 3].

Значительная коллекция в материалах городища *пряжек* [17, с.109, табл.20; 58, с.138, рис.2, 2–7, 9–15]. По форме рамки их можно разделить на 10 основных видов: 1 – полукольцевые; 2 – кольцевые; 3 – пятиконечные; 4 – прямоугольные; 5 – квадратные; 6 – округленно квадратные; 7 – трапециевидные; 8 – подтриугольные; 9 – лировидные; 10 – неопределенного типа. Доминирующими при этом являются 1 и 4 вид. По размерам и форме рамки они могут относиться к подпруж-

ным пряжкам, пряжкам путлища, распределительным кольцам упряжи и для подвешивания и ношения оружия, доспехов.

Таким образом, видно, что славяно-русское вооружение населения городища было на достаточно высоком уровне. Его эволюция проходила в общем русле развития военного искусства Восточной Европы, но при этом было определенное локальное своеобразие в использовании некоторых видов вооружения, что связано, в первую очередь, с особенностями географического расположения края.

Анализ комплекса предметов вооружения выявленных на территории Черновской феодальной укрепленной усадьбы и наложения места находок их на план городища, дает возможность, с определенной вероятностью, реконструировать ход боя и направления атаки монголо-татар на исследуемую крепость в 1241 г. (рис.3). Если обратить внимание на план, то видно, что наибольшее количество монголо-татарских стрел найдено в оборонительных клетях расположенных с восточной и южной сторон городища. Единичные их находки фиксируются с запада и севера – места въезда. Этому есть объяснение. Как уже отмечалось городище расположено на мысу высотой 25 м над уровнем реки. С западной стороны крутизна склона составляла 29°, что значительно усложняло штурм и не давало нападавшим возможности вести прицельный огонь из луков. Они должны были стрелять почти вертикально вверх и без достаточного прицеливания. С точки зрения тактики и экономики боевых действий это было бы неэкономная растрата боевых ресурсов. Кроме того, с этой стороны река подходила почти вплотную к мысу, что не давало возможности нападающим сосредоточить здесь значительные свои силы.

С южной стороны городища оборонительная линия также была достаточно сложной. Здесь расположены оборонные клетки, дополнительный вал и два рвы. Ширина оборонной системы здесь достигала 15 м. Если еще добавить склон и естественный овраг, расположенные сразу же за вторым валом, то расстояние, с которого могли вести обстрел укреплений с лука составляет примерно 100–150 м. Это также не дает возможности вести кучную стрельбу.

Скорее всего монголо-татары обстреливали городище со всех сторон (площадь его 40 x 50 м позволяла это делать), но главные свои силы бросили в атаку с восточной стороны (рис. 4). Здесь склоны мыса составляли пологий спуск крутизной 20° и линия обороны состояла только из оборонительного рва и вала. Кроме того, русло реки в этом месте отходило в сторону и у подножия мыса, было большое поле, что давало возможность на нем сосредоточить значительное количество воинов и легко проводить различные маневры.

Вспомогательное направление атаки монголов, очевидно, было направлено по дороге к воротам городища на башню. Это делалось с целью распылить силы защитников, подобраться ближе к въезду и уменьшить, таким образом, силу фронтального обстрела из башни вдоль восточной стороны оборонительной линии.

Именно с восточной стороны в оборонительных клетях городища найдено наибольшее количество монголо-татарских стрел. Кроме того здесь сосредоточено значительное количество культовых христианских предметов (энколпионы, нательные крестики, иконки) и языческие амулеты. Это является еще одним беглым доказательством того, что на этом стратегическом направлении обороны находилось большинство защитников усадьбы.

Об ожесточенности борьбы может свидетельствовать деформированное, в результате ударов значительное количество стрел и сильно поврежденные другие виды оружия. Находки вперемешку древнерусских и монголо-татарских наконечников дают возможность предположить, что падающие стрелы могли собираться обеими противостоящими сторонами и вторично использоваться, выстреливая в обратном направлении. В ходе боя могли применять и костяные стрелы, предназначенные, в мирное время, для охоты на меховую дичь.

Очевидно, нападавшим удалось ворваться на территорию городища через ворота. В критический момент боя дошло до рукопашной борьбы с использованием оружия ближнего боя. У ворот обнаружены булава и фрагменты боевого топора, что является тому подтверждением.

Завершился бой у южных оборонительных жилищно-хозяйственных срубов и клеток. Последние защитники, а это, очевидно, были профессиональные воины-дружинники (здесь встречается наибольшее скопление находок шпор, фрагментов сабель, боевых топоров) сражались здесь до последнего.

Так, у стены одной из оборонных клеток нами обнаружены остатки человека (рис. 5). Костяк лежал в неестественной позе, головой на северо-восток. Ноги раскиданы. Правая рука, отброшен-

ная в сторону, сжимала чересло. В районе грудной клетки и между ребрами найдены два монголо-татарские срезни. Череп разбит бревном перекрытия, упавшим сверху. Весь костяк покрыт слоем пепла и сильно обгорел. Под правой коленной чашечкой найдены фрагменты разбитого черепа подростка. По фрагменту кости верхней челюсти, в которой сохранились зубы (1 молочный), можно установить возраст последнего. Он составлял примерно 11–16 лет. От скелета подростка сохранилось лишь несколько позвонков и фрагментированные ребра. На расстоянии 1 м южнее этого скелета находился еще один монголо-татарский срезень. Так погиб один из последних защитников феодальной усадьбы.

Отсутствие скелетов погибших на территории городища, дает возможность предположить, что жители поселения в урочище Пустая Черновка, находившегося напротив подножия городища на правом берегу р. Мошков, после побоища, очевидно, собрали и похоронили останки защитников за пределами укреплений (где именно на сегодняшний день не установлено). На месте пожара остались лишь разбитые и разрозненные кости людей, которых не увидели под завалами. Помня о гибели на городище людей (а такое место всегда считается священным), местные жители во второй половине XIII в. хоронили там своих односельчан. Возможно, это были лишь представители сельской верхушки, чем можно объяснить малочисленность захоронений. Здесь раскопано 25 могил.

Таким образом, представлен лишь гипотетический ход атаки и взятия Черновской феодальной укрепленной усадьбы. Если наши догадки верны то дальнейшие исследования восточного склона мыса, на котором располагалось городище должно дать дополнительный материал для решения данной проблемы.

Список источников и литературы

1. Алексеев Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980. 261 с.
2. Артемьев А.Р. Копья из раскопок в Изборске // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1982. Вып.171. С. 87–93.
3. Артемьев А.Р. Наконечники стрел из раскопок Изборска // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1978. Вып.155. С.67–71.
4. Артемьев А.Р. Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. // Восточная Европа в средневековье: К 80-летию Валентина Васильевича Седова. М., 2004. С.143–152.
5. Археологія Української РСР. В 3-х т. Київ: Наукова думка, 1975. Т. 3: Ранньослов'янський та давньоруський періоди 1975. 502 с.
6. Бережинський В.Г. Озброєння війська Київської Русі // Археологія. 1998. №2. С. 138–147.
7. Бережинський В.Г. Техніка бойового застосування давньоруського озброєння. Київ, 2000. 229 с.
8. Беляева С.О., Кубишев А.І. Поселення Дніпровського Лівобережжя X – XV ст. (за матеріалами поселень поблизу сіл Комарівка та Озаричі). Київ: Наукова думка, 1995. 111 с.
9. Буковинський центр археологічних досліджень. Фонди.
10. Веремейчик Е.М. Охранные исследования поселения X – XIII вв. у с. Петруши // Проблемы археологии Южной Руси: историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX – XIII вв.», 26–28 сентября 1988 г.: материалы. Київ: Наукова думка, 1990. С. 76–83.
11. Винокур І.С. Дослідження літописного Губина // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнографії. 2001. Т.1. С. 202–214.
12. Винокур І.С., Журко О.І., Мегей В.П. та ін. Літописний Губин XII – XIII ст. Болохівська земля. Київ, Кам'янець-Подільський, Хмельницький, Старокостянтинів, 2004. 208 с.
13. Возний І.П. Сліди давньоруської цивілізації // Буковинський журнал. 1993. Ч. 3–4. С. 137–142.
14. Возний І.П. Могильник XIII–XIV ст. Чорнівського городища // Историко-этнографічний вісник. Чернівці, 1996. Вип. 1. С. 21–29.
15. Возний І.П. Сільське господарство і промисли мешканців Чорнівської феодальної укріпленої садиби // Питання стародавньої та середньовічної археології й етнології. 1996. Вип. 1. С. 21–29.
16. Возний І.П. До питання про датування і характеристику культурного шару Чорнівського городища XII – XIII ст. // Питання історії України: збірник наукових статей. Чернівці, 1997. Вип. 1. С. 13–25.
17. Возний І.П. Чорнівська феодальна укріплена садиба XII–XIII ст. Чернівці: Рута, 1998. 154 с.
18. Возний І.П. Вироби з кістки і рогу XII–XIII ст. на території Північної Буковини // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнографії. 2001. Т.1. С. 223–237.
19. Возний І.П. Историко-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X–XIV ст. Частина 2. Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток. Київ-Чернівці: Золоті литаври, 2009. 568 с.

20. Гончаров В.К. Древний Колодяжин // *Вісник Академії наук УРСР*. 1950. № 6. С. 58–65.
21. Гончаров В.К. Райковецкое городище. Киев: Изд-во Академии наук УРСР, 1950. 219 с.
22. Гуревич Ф.Д. Древности Белорусского Поманья. М.: Изд-во АН СССР, Ленинградское отделение, 1962. 222 с.
23. Гуревич Ф.Д. Сельское хозяйство и промыслы древнерусского Новогрудка // *Краткие сообщения Института Археологии АН СССР*. 1965. Вып. 104. С. 77–84.
24. Гуревич Ф.Д. Древний Новогрудок. Л.: Наука, 1981. 160 с.
25. Довженко В.Й. Військова справа Київської Русі. Київ: Вид-во АН УРСР, 1950. 86 с.
26. Довженко В.И. Раскопки древнерусских памятников на Руси в 1956 году // *Краткие сообщения Института Археологии АН УССР*. 1959. Вып.8. С.146–155.
27. Довженко В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О. Древноруське місто Воїнь. К.: Вид-во АН УРСР, 1966. 148 с.
28. Зверуго Я.Г. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975. 144 с.
29. Звіздецький Б. Археологічні дослідження в північно-східних районах Житомирського полісся (матеріали та дослідження до археологічної карти області: Коростенський, Овруцький та Народницький райони). Коростень, 2008. 130 с.
30. И де Плано Карпини. История монголов. И Вильгельм де Рубрук. Путешествия в Восточные страны. СПб., 1911. 224 с.
31. Ипатьевская летопись // *Полное собрание русских летописей*. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т.2. 648 с.
32. Иванченко Л.І. Давноруське городище поблизу с. Сахнівка на Росі // *Археологія*. 1990. № 3. С. 134–141.
33. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // *Свод археологических источников*. Е1–36. 1966. Вып. 1. Мечи и сабли IX – XIII вв. 107 с.
34. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // *Свод археологических источников*. Е1–36. 1966. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX – XIII вв. 146 с.
35. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие // *Свод археологических источников*. Е1–36. 1971. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX – XII вв. 92 с.
36. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX – XIII вв. // *Свод археологических источников*. Е1–36. 1973. 140 с.
37. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // *Древняя Русь. Грод, замок, село*. М.: Наука, 1985. С. 298–362.
38. Коваленко В.П., Ситий Ю.М. «Свої погани» Чернігівських князів // *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII – X ст.* К.: Корвін Пресс, 2004. С. 121–138.
39. Козловський А.О. Историко-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX – XIV ст. Київ: Наукова думка, 1990. 184 с.
40. Кучера М.П. Древний Пліснеськ // *Археологічні пам'ятки УРСР* 1962. Т. XII. С. 2–56.
41. Кучера М.П. Слов'яно-руські городища VII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. Київ: ІА НАНУ, 1999. 252 с.
42. Лаврентьевская летопись // *Полное собрание русских летописей*. М.: Языки славянской культуры, 1997. Т.1. 496 с.
43. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // *Материалы и исследования по археологии*. 1958. № 74. 328 с.
44. Макушников О.А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // *Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.»*. Чернигов, 26–28 сентября 1988 г. К., 1990. С. 56–62.
45. Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // *Материалы и исследования по археологии*. 1959. № 65. С. 121–191.
46. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел VIII – XIV вв.) // *Свод археологических источников*. 1966. Вып. Е1–36. 184 с.
47. Михайлина Л.П., Возний І.П. Формування приватного землеволодіння на південній окраїні Галицько-Волинського князівства в XII–XIII ст. // *Вісник Центру буковинознавства: збірник наукових праць*. Чернівці, 1993. Вип. І. С. 5–13.
48. Михайлина Л.П., Возний І.П. Археологічні дані про військову справу слов'яно-руського населення Буковини VIII – XIII ст. // *Науковий вісник Чернівецького університету: збірник наукових праць*. Чернівці, ЧДУ, 1996. Вип. 6–7. С. 24–44.
49. Монгайт А.Л. Старая Рязань // *Материалы и исследования по археологии*. 1955. № 49. 227 с.
50. Моця О.П., Орлов Р.С., Коваленко В.П. та ін. Поселення X–XIII ст. біля с. Автуничі // *Південноруське село IX – XIII ст.* К., 1997. С. 34–69.
51. Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XV вв. // *Советская археология*. 1987. №2. С. 212–227.

52. Никольская Т.Н. Военное дело в городах земли вятичей (по материалам древнерусского Серенска) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1974. Вып.139. С. 34–42.
53. Никольская Т.Н. Земля в'ятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.
54. Пачкова С.П. Давньоруське городище Гринчук на Дністрі // Археологія. 1979. Вип. 32. С. 78–96.
55. Петегирич В.М. Пам'ятки навали золотоординців на Галицьку землю // Археологія. 1983. Вип. 42. С. 47–51.
56. Петрашенко В.А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). К., 2005. 264 с.
57. Пивоваров С.В. Археологічне дослідження Чорнівського городища в 1999–2000 рр. // Питання стародавньої та середньовічної археології й етнології. 2001. Т.1. С.243–255.
58. Пивоваров С. Нові знахідки предметів озброєння та спорядження вершника і верхового коня з Чорнівського городища (перша половина XIII ст.) // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнографії. 2001. Т. 2. С. 133–142.
59. Пивоваров С. Дослідження Чорнівського городища першої половини XIII ст. // Археологічні студії. 2008. Вип.3. С. 180–199.
60. Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 213–222.
61. Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев: Штиинца, 1979. 202 с.
62. Прищепя Б.А. Жорнівське городище на річці Стублі // Археологічні дослідження проведені на території України протягом 80-х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки. К., 1992. С.119–128.
63. Прищепя Б.А. Дослідження Басівкутського городища в Рівному // Літописний Губин в контексті історії Болохівської землі (XII – XIII ст.): всеукр. наук.-практична конф., 26 червня 2004 р.: матеріали. Київ – Хмельницький – Кам'янець-Подільський – Старокостянтинів, 2004. С. 167–175.
64. Прищепя Б.А. Дорогобуж на Волині у X–XIII ст. Рівне: ПП ДМ, 2011. 250 с.
65. Раппопорт П.А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. // Материалы и исследования по археологии. 1956. № 52. 183 с.
66. Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии. № 140. 1967. 241 с.
67. Ратич О.О. Результати досліджень давньоруського городища «Замчисько» в м. Судова Вишня Львівської обл. в 1957–1959 рр. // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. 1962. Вип.4. С.106–109.
68. Рожко М. Зброя дального бою стародавньої Тустані (наконечники стріл лука та самостріла (арбалета)) // Записки наукового товариства імені Т.Г. Шевченка. Львів. 2002. Т. ССXLIV. С. 287–311.
69. Седов В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // Материалы и исследования по археологии. 1960. № 92. 158 с.
70. Седова М.В. Предметы вооружения из Ярополч-Залесского // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1971. Вып.125. С. 87–94.
71. Седова М.В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.
72. Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель). Київ: Шлях, 2003. 232 с.
73. Сергеева М.С. Костяные детали вооружения лучника с территории лесостепного Поднепровья // Древности эпохи средневековья Евразийской лесостепи. Воронеж, 2008. С.108–122.
74. Слово о полку Игореве. М.: Худож. литература, 1987. 220 с.
75. Стародуб О.В. Наконечники стріл Білоцерківського музею // Юр'ївський літопис. 2007. № 6. С. 121–135.
76. Терський С. До проблеми датування археологічного матеріалу періоду Галицько-Волинської держави // Наукові записки (Львівський історичний музей). Львів. 2001. Вип.10. С. 130–158.
77. Терський С. Археологія доби Галицько-Волинської держави. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2002. 108 с.
78. Тимошук Б.А., Филипчук М.А. Отчет об исследовании городища XII – XIII вв. в с. Черновка Новоселицкого района Черновицкой области // Научный архив Института археологии национальной академии наук Украины. Фонд. 1982/58. 5 с.
79. Тимошук Б.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). К.: Наук. думка, 1982. 206 с.
80. Тимошук Б.О. Теревовль – місто Галицької Русі // Галич і Галицька земля: збірник наукових праць. Київ – Галич, 1998. С. 124–127.
81. Ткач В. Два поселення XII–XIII ст. біля с. Тараканів // Літописний Губин в контексті історії Болохівської землі XII–XIII ст. Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції 26 червня 2004 р. Присвячені 800-річчю Губина в м. Старокостянтинів. Київ – Хмельницький – Кам'янець-Подільський – Старокостянтинів, 2004. С. 176–183.

82. Федоров Г.Б. Городище Екимауцы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1953. Вып. 50. С. 104–126.
83. Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян VI–XIII ст. Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев: Штиинца, 1974. Вып. 6. 136 с.
84. Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения Семенки и Самчины в среднем течении Южного Буга // Материалы и исследования по археологии. 1969. № 108. С. 320–350.
85. Шекун О.В., Веремійчик О.М. Поселення Ліскове у верхів'ях р. Білоус // Південноруське село IX–XIII ст. Київ, 1997. С.69–99.
86. Шинаков Е.А. «Дружинные лагеря» // Стародавній Искоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ: Корвін Пресс, 2004. С. 307–311.
87. Шнорэ Э.Д. Асотское городище. Рига, Зинатне, 1961. 236 с.
88. Юра Р.О. Древній Колодяжин // Археологічні пам'ятки. 1962. Т. 12. С. 57–130.
89. Sunkałowski A. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wolyńskiego. Warszawa, 1961. 265 s.
90. Farkaš Z. Nový nález stredovekého hrotu šípu zo stupavy – Dračieho hrádku // Zborník Slovenského národného múzea. Archeológia. Ročník C I. 2007. S. 215–230.
91. Głosek M. Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich. Warszawa–Łódź, 1996. 143 s.
92. Herrmann J. Zwischen Hradschin und Vineta. Leipzig Jena Berlin, 1976. 288 s.
93. Kaindl R.F. Geschichte der Bukowina. Czernowitz: H. Pardini, 1896. 116 s.
94. Kuśnierz J. Militaria z Czermna nad Huczwą. Próba rekonstrukcji sposobu ataku tatarów na gród (w 1240 r.) na podstawie dotychczasowych badań archeologicznych // Acta Milinaria Mediaevalia. Kraków – Sanok. 2005. S. 115–132.
95. Liwoch R. Militaria z dziewiętnastowiecznych badań w Podhorcach // Acta Militaria Mediaevalia I. Kraków – Sanok. 2005. T. I. S. 37–59.
96. Liwoch R. Buławy z zachodniej Ukrainy // Acta Militaria Mediaevalia. Kraków – Sanok. 2006. T.II. S.67–78.
97. Michalak A. Wpływy wschodnie czy południowe? Z badań nad pochodzeniem buław średniowiecznych na ziemiach Polskich // Вісник Національного університету “Львівська політехніка”. 2006. № 571. С. 48–74.
98. Minić D., Vukadin O. Srednjovekovni Stalać=Medieval Stalać. Beograd: Alta nova, 2007. 287 s.
99. Nadolski A. Prace wykopaliskowe w Czermnie nad Huczwą pow. Tomaczów Lubelski w 1952 r. // Archeologia Polski. 1959. T. 4. Z. 1. S. 93–103.
100. Scherff B. Mühldorf 1322 und Archäologie // Die Schlacht bei Mühldorf. 28 September 1322. Mühldorf: Heimatbund, 1933. S. 69–82.
101. Spinej V. Moldova în secolele XI – XIV. Chişinău: Universitas, 1994. 495 p.
102. Spinej V. Bukovina în mileniul întunecat // Spațiul nord-est Carpatic în mileniul întunecat. Iaşi: Editura universităţii “Alexandru Ioan Cuza”, 1997. P. 133–188.
103. Wartołowska L. Gród czerweński Sutejsk na pogranizu Polsko-Ruskim. Warszawa, 1958. T. 22. 139 s.
104. Zancoci A. Unele consideratii cu privire la vârful de săgeată din fier descoperit la Măscăuți – defaul cel Mare // Studii de istorie veche și medievală. Omagiu Profesorului Gheorge Postică. Chişinău, 2004. P. 137–140.
105. Zbierski A. Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Zermna nad Huczwą // Archeologia Polski. 1959. T. 4. Z.1. S. 105–148.

Сведения об авторе: Игорь Петрович Возный – профессор Черновицкого национального университета имени Юрия Фельковича, доктор исторических наук (58012, ул. Коцюбинского, 2, г. Черновцы, Украина); voznyj_igor@rambler.ru

Characteristics of the Mongol-Tatars Weapons and Reconstruction of Their Attacks of the Feudal Manor of Chernovka

I.P. Vozny

(Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University)

An important task of the modern historical research is to study the problem of invasion and advancement on the Rus' territory of the Mongol-Tatar hordes in the second half of the 13th century. This is especially true for peripheral regions of the State, whose territory was ignored by chroniclers. In this regard, the interest rose for the Prut and Dniester regions, outskirts of the Galicia-Volyn principality. A fortified feudal manor of Chernovka of the 12th – early 13th centuries was located there. Its area is fully investigated. Therefore, the materials obtained here during the archaeological excavations, allow us to fully reconstruct the life of a single rural settlement. This was a small settlement, with the size of 40x50 meters, strategically located very favorably on the slope of a mountain of the

Khotyn upland. It owned quite a powerful defense system consisting of the stands-fellings, towers extended beyond the walls of the crossfire, additional walls and ditches, and a stockade overlaid with stone. The height of promontory towering over the flood plain of the river was on average of 20 meters. The Mongol-Tatars had to work hard to get hold of such fortifications.

Based on the analysis of archaeological material and written sources, this article observed characteristic of weapons of Ancient Rus' and the Mongol-Tatar warriors found in the territory of Chernovka settlement. The author provides the typology of weapons and melee, gear rider and riding horse as well as characterizes the system and construction of the hillfort's defensive lines. Using the mapping method of applying the occurrences of weapons and religious objects to the settlement plan, the author attempted to reconstruct the attack vectors of the Mongol-Tatar detachment on the site and the last minutes of its defense.

Keywords: ranged weapon, feudal manor, melee weaponry, equipment of rider and riding horse, khan Kidan, khan Buri, Mongol-Tatars.

References

1. Alekseev L.V. *Smolenskaya zemlya v IX–XIII vv.* [The Smolensk land in the 9th–13th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 261 p.
2. Artem'ev A.R. Kop'ya iz raskopok v Izborske [Spears from the excavations in Izborsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR – Brief Reports of the Institute of Archaeology of the AS of USSR*, 1982, no. 171, pp. 87–93.
3. Artem'ev A.R. Nakonechniki strel iz raskopok Izborska [Arrowheads from the excavations in Izborsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR – Brief Reports of the Institute of Archaeology of the AS of USSR*, 1978, no. 155, pp. 67–71.
4. Artem'ev A.R. Problemy vydeleniya mongolo-tatarskogo kompleksa vooruzheniya sredi drevnerusskikh materialov XIII v. [Problems of definition of the Mongol-Tatar weaponry among the Ancient Rus materials of the 13th century]. *Vostochnaya Evropa v srednevekov'e: K 80-letiyu Valentina Vasil'evicha Sedova* [Eastern Europe in the Middle Ages: for the 80th birthday of Valentin Vasilievich Sedov]. Moscow, 2004, pp. 143–152.
5. *Arheologija Ukrai'ns'koi' RSR. V 3-h t.* [Archaeology of the Ukrainian SSR. In 3 volumes]. Kiev, Naukova dumka, 1975, t.3: Rann'oslov'jans'kyj ta davn'orus'kyj periody [The Old Slavic and Old Russian periods], 1975. 502 p.
6. Berezyns'kyj V.G. Ozbroyennja vijs'ka Kyi'vs'koi' Rusi [Armament of the Kievan Rus]. *Arheologija – Archaeology*, 1998, no. 2, pp. 138–147.
7. Berezyns'kyj V.G. *Tehnika bojovogo zastosuvannja davn'orus'kogo ozbrojennja* [The technique of combat employment of the old Russian arms]. Kiev, 2000. 229 p.
8. Bjel'ajeva S.O., Kubyshev A.I. *Poselennja Dniprovs'kogo Livoberezhzha X – XV st. (za materialamy poselen' poblyzu sil Komarivka ta Ozarychi)* [Settlements of the Dnipro left bank in the 10th – 15th centuries (based on the materials from the settlements near the villages of Komarivka and Ozarychi)]. Kiev, Naukova dumka, 1995. 111 p.
9. *Bukovyns'kyj centr arheologichnyh doslidzen'.* Fondy.[The Bukovyna centre of archaeological studies. Funds]
10. Veremeychik E.M. Okhrannje issledovaniya poseleniya X – XIII vv. u s. Petrushi [Preserving exploration of a settlement of the 10th–13th centuries in the village of Petrushi]. *Problemy arkheologii Yuzhnoy Rusi: istoriko-arkheologichesij seminar «Chernigov i ego okrug v IX – XIII vv.», 26–28 sentyabrya 1988 g.: materialy.* [Problems of archaeology of the southern Rus': historical and archaeological seminar “Chernigov and its districts in the 9th–13th centuries”, September 26–28, 1988: Proceedings]. Kyi'v, Naukova dumka, 1990. pp. 76–83.
11. Vynokur I.S. *Doslidzhennja litopysnogo Gubyna* [Exploration of the annalistic Hubyn] *Pytannja starodavn'oi' ta serebn'ovichnoi' istorii', arheologii' j etnografii'* [Issues of the ancient and medieval history, archaeology and ethnography], 2001, no. 1, pp. 202–214.
12. Vynokur I.S., Zhurko O.I., Megej V.P. ta in. *Litopysnyj Gubyn XII – XIII st. Bolohivs'ka zemlja.* [The Annalistic Hubyn in the 12th–13th centuries. The land of the Bolokhoveni] Kyi'v, Kam'janec'-Podil's'kyj, Hmel'nyc'kyj, Starokostjantyniv, 2004. 208 p.
13. Voznyj I.P. Slidy davn'orus'koi' cyvilizacii' [Traces of the old Russian civilization]. *Bukovyns'kyj zhurnal – Bukovinian journal*, 1993, no. 3–4, pp. 137–142.
14. Voznyj I.P. Mogylnyk XIII – XIV st. Chornivs'kogo gorodyshha [Burial ground of the Chornivka ancient settlement of the 13th–14th centuries] *Istoryko-etnografichnyj visnyk – Historical and ethnographical bulletin*, Chernivci, 1996, no. 1, pp. 21–29.
15. Voznyj I.P. Sil's'ke gospodarstvo i promysly meshkanciv Chornivs'koi' feodal'noi' ukriplenoi' sadyby [Agriculture and crafts of the inhabitants of the Chornivka feudal fortified manor]. *Pytannja starodavn'oi' ta serebn'ovichnoi' arheologii' j etnologii' – Issues of the ancient and medieval history, archaeology and ethnography*, 1996, no. 1, 1996, pp. 21–29.

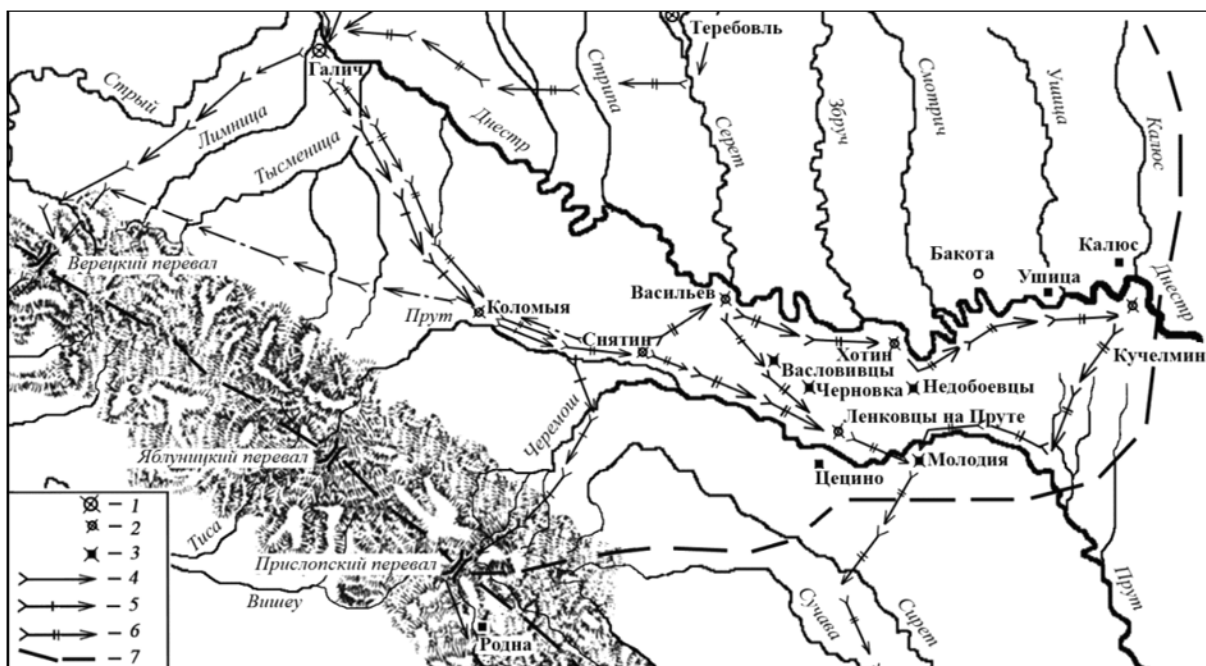
16. Voznyj I.P. Do pytannja pro datuvannja i harakterystyku kul'turnogo sharu Chornivs'kogo gorodyshha XII – XIII st. [On the issue of dates and characteristics of the cultural layer of the Chornivka settlement of the 12th –13th centuries]. *Pytannja istorii' Ukrainy: zbirnyk naukovykh statej* [Issues of the Ukrainian history: collected research articles], Chernivci, 1997, no. 1, pp. 13–25.
17. Voznyj I.P. *Chornivs'ka feodal'na ukriplena sadyba XII – XIII st.* [The Chornivka feudal fortified manor of the 12th –13th centuries]. Chernivci, Ruta, 1998. 154 p.
18. Voznyj I.P. Vyroby z kosti i rogu XII – XIII st. na terytorii' Pivnichnoi' Bukovyny [Articles made of bone and horn in the 12th –13th centuries in the Northern Bukovina]. *Pytannja starodavn'oi' ta seredn'ovichnoi' istorii', arheologii' j etnografii' – Issues of the ancient and medieval history, archaeology and ethnography*, 2001, no 1, pp. 223–237.
19. Voznyj I.P. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok naselennja mezhyrichchja Verhn'ogo Siretu ta Seredn'ogo Dnistra v X – XIV st. Chastyna 2. Material'na, duhovna kul'tura ta social'no-istorychnyj rozvytok* [Historical and cultural development of the population of the upper Siret and middle Dnister in the 10th –14th centuries. Part 2. Material and spiritual culture and social historical development]. Kyi'v-Chernivci, Zoloti lytavry Publ., 2009. 568 p.
20. Goncharov V.K. Drevnij Kolodjazhyn [The Ancient Kolodiazhyn]. *Visnyk AN URSSR. – Bulletin of the Academy of sciences of the Ukrainian SSR*, 1950, no 6, pp. 58–65.
21. Goncharov V.K. *Raykovetskoe gorodishche* [The Raikovets ancient settlement]. Kiev, Akademiya nauk URSSR, 1950. 219 p.
22. Gurevich F.D. *Drevnosti Belorusskogo Poneman'ya* [Antiquities of the Byelorussian Trans-Nemenian lands]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., Leningradskoe otdelenie, 1962. 222 p.
23. Gurevich F.D. Sel'skoe khozyaystvo i promysly drevnerusskogo Novogradka [Agriculture and trades of the old Russian Navahrudak]. *Kratkie soobshcheniya Intstituta arheologii AN SSSR – Brief reports of the Institute of archaeology of the AS of SSSR*, 1965, no. 104, pp. 77–84.
24. Gurevich F.D. *Drevnij Novogradok* [The Ancient Navahrudak]. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 160 p.
25. Dovzhenok V.J. *Vijs'kova sprava Kyi'vs'koi' Rusi* [Military science in the Kievan Rus]. Kiev, Akademiya nauk URSSR, 1950. 86 p.
26. Dovzhenok V.I. Raskopki drevnerusskikh pamyatnikov na Rosi v 1956 godu [Excavations of the old Russians relics on the Ros river in 1956]. *Kratkie soobshcheniya Intstituta arheologii AN URSSR – Brief reports of the Institute of archaeology of the AS of SSSR*, 1959, no. 8, pp. 146–155.
27. Dovzhenok V.J., Goncharov V.K., Jura R.O. *Drevn'orus'ke misto Voi'n'* [The Old Russian town of Voin]. Kiev, Akademiya nauk URSSR, 1966. 148 p.
28. Zverugo Ya.G. *Drevnij Volkovysk X – XIV vv.* [The Ancient Vawkavysk in the 10th –14th centuries] Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1975. 144 p.
29. Zvizdec'kyj B. *Arheologichni doslidzhennja v pivnichno-shidnyh rajonah Zhytomyrs'kogo polissja (materialy ta doslidzhennja do arheologichnoi' karty oblasti: Korosten's'kyj, Ovruc'kyj ta Narodnyč'kyj rajony)* [Archaeological explorations in the north-eastern districts of Zhytomyr Polesia (materials and studies for the archaeological map of the region: the Ovruch and Narodychi districts)]. Korosten, 2008. 130 p.
30. I. de Plano Karpini. *Istoriya mongolov. I Vil'gel'm de Rubruk. Puteshestviya v Vostochnye strany* [Giovanni da Pian del Carpine. Ystoria Mongalorum. William of Rubruck. The Journey to the Eastern Parts]. St. Petersburg, 1911. 224 p.
31. Ipat'evskaya letopis' [Hypatian Codex]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001, no. 2, 648 p.
32. Ivanchenko L.I. Davn'orus'ke gorodyshhe poblyshhu s. Sahnivka na Rosi [Old Russian ancient settlement near the village of Sahnivka on the Ros river]. *Arheologija – Archaeology*, 1990, no. 3, pp. 134–141.
33. Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie [The Old Russian arms]. *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. E1–36, 1966, no. 1. Mechi i sabli IX – XIII vv. [Swords and sabers of the 9th –13th centuries], 107 p.
34. Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie [The Old Russian arms]. *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. E1–36, 1966. no. 2. Kop'ya, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteni IX – XIII vv. [Spears, lances, combat poleaxes, maces, clubs of the 9th –13th centuries]. 146 p.
35. Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie [The Old Russian arms]. *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. E1–36, 1971. no. 3. Dospekh, kompleks boevykh sredstv IX – XIII vv. [Armour, set of combat means of the 9th –13th centuries]. 92 p.
36. Kirpichnikov A.N. Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX – XIII vv. [Equipment of a horseman and saddle horse in Rus in the 9th –13th centuries]. *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. E1–36, 1973, 140 p.
37. Kirpichnikov A.N., Medvedev A.F. Vooruzhenie [Armament]. *Drevnyaya Rus'. Grod, zamok, selo* [The Ancient Rus. Town, castle, village]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 298–362.
38. Kovalenko V.P., Sytyj Ju.M. «Svoi' pogany» Chernigivs'kyh knjaziv [The «Own pagans» of the Chernihiv princes] *Starodavnij Iskorosten' i slov'jans'ki grady VIII – X st.* [The Ancient Korosten and Slavic towns in the 8th –10th centuries]. Kyi'v, Korvin Press Publ., 2004. pp. 121–138.

39. Kozlovs'kyj A.O. *Istoryko-kul'turnyj rozvytok Pivdenного Podniprova v IX – XIV st.* [Historical and cultural development of the Southern Dnieper Ukraine in the 9th–14th centuries]. Kyi'v, Naukova dumka, 1990. 184 p.
40. Kuchera M.P. Drevnij Plisnes'k [The Ancient Plisnesk]. *Arheologichni pam'jatky URSS – Archaeological monuments of the Ukrainian SSR*, 1962. no. XII. pp. 2–56.
41. Kuchera M.P. *Slov'jano-rus'ki gorodyshha VII – XIII st. mizh Sanom i Sivers'kym Dincem* [The Slavic-Russian settlements of the 7th–13th centuries between the San and Siverskyi Donets]. Kyi'v, IA NANU, 1999. 252 p.
42. Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Codex]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 1997. no. 1. 496 p.
43. Lyapushkin I.I. Gorodishche Novotroitskoe [The Ancient settlement of Novotroitskoye]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR. – Materials and studies on the archaeology of the USSR*, 1958, no. 74. 328 p.
44. Makushnikov O.A. Osnovne etapy razvitiya litopisnogo Gomiya (do serediny XIII v.) [The main stages of the development of annalistic Homel (up to the middle of the 13th century)] *Problemy arkeologii Yuzhnoy Rusi. Materialy istoriko-arkheologicheskogo seminaru «Chernigov i ego okruga v IX – XIII vv.»*. Chernigov, 26–28 sentyabrya 1988 g. [Issues of archaeology of the southern Rus. Materials of the historical and archeological seminar “Chernihiv and its districts in the 9th–13th centuries”. Chernihiv, September 26–28, 1988]. Kyi'v, 1990. pp. 56–62.
45. Medvedev A.F. Oruzhie Novgoroda Velikogo [The Armament of Veliky Novgorod]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR. – Materials and studies on the archaeology of the USSR*, 1959, no. 65, pp. 121–191.
46. Medvedev A.F. Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk, strely, samostrel VIII – XIV vv.) [The hand missile weapons (bows, arrows, arbalests in the 8th–14th centuries)]. *Svod arkeologicheskikh istochnikov* [Collection of archaeological sources]. E1–36. 1966. 184 p.
47. Myhajlyna L.P., Voznyj I.P. Formuvannya pryvatnogo zemlevolodinnja na pivdennij okrai'ni Galyc'ko-Volyn'skogo knjazivstva v XII – XIII st. [Formation of the private land tenure in the southern area of the Kingdom of Galicia–Volhynia in the 12th–13th centuries]. *Visnyk Centru bukovynoznavstva: zbirnyk naukovykh prac' – Bulletin of the center for research on the Bukovina; selected research papers*, Chernivci, 1993, no. I, pp. 5–13.
48. Myhajlyna L.P., Voznyj I.P. Arheologichni dani pro vijs'kovu spravu slov'jano-rus'kogo naselennja Bukovyny VIII – XIII st. [Archeological evidence about the military science of the Slavic-Russian population of Bukovina in the 8th–13th centuries] *Naukovyj visnyk Chernivec'kogo universytetu: zbirnyk naukovykh prac' – Scientific bulletin of Chernivtsi university: selected scientific papers*, Chernivci, ChDU, 1996, no. 6–7, pp. 24–44.
49. Mongajyt A.L. Staraya Ryazan' [The Old Ryazan] *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR. – Materials and studies on the archaeology of the USSR*, 1955, no. 49, 227 p.
50. Mocja O.P., Orlov R.S., Kovalenko V.P. ta in. Posele'nja X – XIII st. bilja s. Avtunychi [Settlements of the 10th–13th centuries near the village of Avtunychi]. *Pivdenorus'ke selo IX – XIII st.* [The Southern Russian village in the 9th–13th centuries]. Kiev, 1997. pp. 34–69.
51. Nemerov V.F. Voinskoe snaryazhenie i oruzhie mongol'skogo voina XIII – XV vv. [Military equipment and arms of a Mongol soldier in the 13th–15th centuries]. *Sovetskaya arkeologiya – The Soviet archaeology*, 1987. No. 2. S. 212–227.
52. Nikol'skaya T.N. Voennoe delo v gorodakh zemli vyatichey (po materialam drevnerusskogo Serenska) [Military science in the towns of Vyatichi's land (according to the materials of Old Russian Serensk)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkeologii AN SSSR – Brief reports of the Institute of archaeology of the AS of USSR*, 1974, no. 139, pp. 34–42.
53. Nikol'skaya T.N. *Zemlya v'yatichey. K istorii naseleniya bassejna Verkhney i Sredney Oki v IX – XIII vv.* [The Land of Vyatichi. On the history of population of the upper and middle Oka basin in the 9th–13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1981. 296 p.
54. Pachkova S.P. Davn'orus'ke gorodyshhe Grynchuk na Dnistri [The Old Russian settlement of Hrynchuk on the Dnister river]. *Arheologija – Archeology*, 1979, no. 32, pp. 78–96.
55. Petegyrych V.M. Pam'jatky navaly zolotoordynciv na Galyc'ku zemlju [Remains of the Golden Horde invasion of the Galician land]. *Arheologija – Archeology*, 1983, no. 42, pp. 47–51.
56. Petrashenko V.A. *Drevnerusskoe selo (po materialam poselenij u s. Grigorovka)* [The old Russian village (on the materials about settlements near the village of Hryhorovka)]. Kiev, 2005. 264 p.
57. Pyvovarov S.V. Arheologichne doslidzhennja Chorniv'skogo gorodyshha v 1999–2000 rr. [Archeological exploration of the Chornivka ancient settlement in 1999–2000]. *Pytannja starodavn'oi' ta seredn'ovichnoi' arheologii' j etnologii' – Issues of the ancient and medieval history, archaeology and ethnography*, 2001, no. 1, pp. 243–255.
58. Pyvovarov S. Novi znahidky predmetiv ozbrojennja ta sporjadzhennja vershnyka i verhovogo konja z Chorniv'skogo gorodyshha (persha polovyna XIII st.) [New findings of the articles of armament and equipment of a horseman and saddle horse from the Chornivka ancient settlement (the first half of the 13th century)]. *Pytannja starodavn'oi' ta seredn'ovichnoi' istorii', arheologii' j etnografii' – Issues of the ancient and medieval history, archaeology and ethnography*, 2001, no. 2, pp. 133–1142.
59. Pyvovarov S. Doslidzhennja Chorniv'skogo gorodyshha pershoi' polovyny XIII st. [Exploration of the Chornivka ancient settlement of the first half of the 13th century]. *Arheologichni studii' – Archeological studies*, 2008, no. 3, pp. 180–199.

60. Pletneva S.A. Pechenegi, torki, polovtsy [The Pechenegs, Torks, Polovtsians]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [The Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 213–222.
61. Polevoy L.L. *Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII – XV vv.* [Essays of historical geography of Moldavia in the 13th–15th centuries]. Kishinev, Shtiintsa, 1979. 202 p.
62. Pryshhepa B.A. Zhornivs'ke gorodyshhe na richci Stubli [The Zhornov ancient settlement on the river Stubl]. *Arheologichni doslidzhennja provedeni na terytorii' Ukrainy protjagom 80-h rokov derzhavnymy organamy ohorony pam'jatok ta muzejamy respubliky* [Archeological exploration conducted in Ukraine during the 1980's by the State bodies of monument conservation and Republican museums]. Kyi'v, 1992, pp. 119–128.
63. Pryshhepa B.A. Doslidzhennja Basivkuts'kogo gorodyshha v Rivnomu [Exploration of the Basivkut settlement in Rivne] *Litopysnyj Gubyn v konteksti istorii' Bolohivs'koi' zemli (XII – XIII st.): vseukr. nauk.-praktychna konf., 26 chervnja 2004 r.: materialy.* [The Annalistic Hubyn in the context of history of the land of the Bolokhoveni (12th–13th centuries); Ukrainian national scientific and practical conference on June 26, 2004: proceedings]. Kyi'v, Hmel'nyč'kyj, Kam'janec'-Podil's'kyj, Starokostjantyniv, 2004, pp. 167–175.
64. Pryshhepa B.A. *Dorogobuzh na Volyni u X – XIII st.* [Dorohobuzh in Volhynia in the 10th–13th centuries]. Rivne, PP DM, 2011. 250 p.
65. Rappoport P.A. Ocherki po istorii russkogo voennogo zodchestva X–XIII vv. [Essays on the history of Russian military architecture in the 10th–13th centuries]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR. – Materials and studies on archaeology of the USSR*, 1956, no. 52, 183 p.
66. Rappoport P.A. Voennoe zodchestvo zapadnorusskikh zemel' X–XIV vv. [Military architecture of the Western Russian lands in the 10th–14th centuries]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR. – Materials and studies on archaeology of the USSR*, 1967, no. 140, 241 p.
67. Ratyč O.O. Rezul'taty doslidžen' drevn'orus'kogo gorodyshha «Zamchys'ko» v m. Sudova Vyshnja L'vivs'koi' obl. v 1957 – 1959 rr. [Results of exploration of the old Russian settlement of “Zamchys'ko” in the town of Sudova Vyshnia in the Lviv region in 1957–1959]. *Materialy i doslidzhennja z arheologii' Prykarpattja i Volyni – Materials and studies on the archaeology of Subcarpathia and Volhynia*, 1962, no. 4, pp. 106–109.
68. Rozhko M. Zbroja dal'nogo boju starodavn'oi' Tustani (nakonechnyky stril luka ta samostrila (arbaleta) [Armament of the distant fighting from the ancient Tustan (the bow and arbalest arrowheads)]. *Zapysky naukovogo tovarystva imeni T.G. Shevchenka – Records of the Shevchenko scientific society*, L'viv, 2002, no. SSSLIV, pp. 287–311.
69. Sedov V.V. Sel'skie poseleniya tsentral'nykh rayonov Smolenskoj zemli [Rural settlements in the central areas of the Smolensk Land]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR. – Materials and studies on archaeology of the USSR*, 1960, no. 92, 158 p.
70. Sedova M.V. Predmety vooruzheniya iz Yaropolch-Zalesskogo [Armament articles from the Yaropolch Zelesskyi]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkeologii AN SSSR. – Brief reports of the Institute of archaeology of the AS of USSR*, 1971, no. 125, pp. 87–94.
71. Sedova M.V. *Yaropolch Zalesskiy* [Yaropolch Zelesskyi]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 158 p.
72. *Selo Kyi'vs'koi' Rusi (za materialamy pivdenorus'kyh zemel')* [A village in the Kievan Rus (on the materials of the southern Russian lands)]. Kyi'v, Shljah, 2003. 232 p.
73. Sergeeva M.S. Kostyanye detali vooruzheniya luchnika s territorii lesostepnogo Podneprov'ya [Bone fragments in the armament of an archer from the territory of the forest-steppe Dnieper Ukraine]. *Drevnosti epokhi srednevekov'ya Evrazijskoj lesostepi* [Antiquities of the Middle Ages of the Eurasian forest-steppes]. Voronezh, 2008, pp. 108–122.
74. *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. Moscow, Khudozh. Literatura Publ., 1987. 220 p.
75. Starodub O.V. Nakonechnyky stril Bilocerktivskogo muzeju [Arrowheads from the Bila Tserkva museum]. *Jur'i'vs'kyj litopys – Yurii chronicle*, 2007, no. 6, pp. 121–135.
76. Ters'kyj S. Do problemy datuvannja arheologichnogo materialu periodu Galyc'ko-Volyns'koi' derzhavy [On the issue of dating of archeological material from the period of the Principality of Galicia–Volhynia]. *Naukovi zapysky (L'vivs'kyj istorychnyj muzej) – Scientific notes (Lviv museum of history)*, L'viv, 2001, no. 10, pp. 130–158.
77. Ters'kyj S. *Arheologija doby Galyc'ko-Volyns'koi' derzhavy* [Archaeology of the period of the Principality of Galicia–Volhynia]. L'viv, In-t ukrai'noznavstva im. I. Kryp'jakevycha NAN Ukrainy, 2002. 108 p.
78. Timoshchuk B.A., Filipchuk M.A. Otchet ob issledovanii gorodishcha XII–XIII vv. v s. Chernovka Novoselitskogo rayona Chernovitskoj oblasti [Report of the exploration of a settlement of the 12th–13th centuries in the village of Chornivka of Novoselytsia district, Chernivtsi region]. *Naukovyj arhiv Instytutu arheologii' Nacional'noi' akademii' nauk Ukrainy. Fond.* [Scientific archives of the Institute of archaeology of the National Academy of Ukraine. Funds]. 1982/58. 5 p.
79. Tymoshhuk B.O. *Davn'orus'ka Bukovyna (X – persha polovyna XIV st.)* [The Old Russian Bukovina (the 10th–the first half of the 14th centuries)]. Kyi'v, Naukova dumka, 1982. 206 p.
80. Tymoshhuk B.O. Terebovl' – misto Galyc'koi' Rusi [The Terebovl town of the Galician Rus]. *Galych i Galyc'ka zemlja: zbirnyk naukovyh prac'* [Halych and Galician Land: collected research papers]. Kyi'v, Galych, 1998, pp. 124–127.

81. Tkach V. Dva poselennja XII – XIII st. bilja s. Tarakaniv [Two settlements of the 12th–13th centuries near the village of Tarakaniv]. *Litopysnyj Gubyn v konteksti istorii' Bolohivs'kli' zemli XII–XIII st. Materialy Vseukrai'ns'koi' naukovo-praktyčnoj konferencii' 26 chervnja 2004 r. Prysvojacheni 800-richchju Gubyna v m. Starokostjantyniv* [The annalistic Hubyn in the context of history of the land of the Bolokhoveni (12th–13th centuries); Ukrainian national scientific and practical conference on June 26, 2004: proceedings]. Kyi'v, Hmel'nyckyj, Kam'janec'-Podil's'kyj, Starokostjantyniv, 2004, pp. 176–183.
82. Fedorov G.B. Gorodishche Ekimautsy [The settlement of Ekimautsy]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury – Brief reports of the Institute of history of material culture*, 1953, no. 50, pp. 104–126.
83. Fedorov G.B., Chebotarenko G.F. Pamyatniki drevnikh slavyan VI–XIII st. [Monuments of the ancient Slavs of the 6th–13th centuries] *Arkheologicheskaya karta Moldavskoy SSR* [The archaeological map of the Moldavian SSR]. Kishinev, Shtiintsa, 1974, no. 6. 136 p.
84. Khavlyuk P.I. Ranneslavyanskije poseleniya Semenki i Samchiny v srednem techenii Yuzhnogo Buga [The early Slavic settlements of Semenki and Samchiny on the middle Southern Bug river]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. – Materials and studies on the archaeology of the USSR*, 1969, no. 108, pp. 320–350.
85. Shekun O.V., Veremijchuk O.M. Poseleennja Liskove u verhiv'jah r. Bilous [The settlement of Liskove in the upper Bilous river] *Pivdenorus'ke selo IX – XIII st.* [The Southern Russian village of the 9th–13th centuries]. Kyi'v, 1997, pp. 69–99.
86. Shinakov E.A. «Druzhinnye lagerya» [The «armed forces' camps»] *Starodavnyj Iskorosten' i slov'yans'ki gradi VIII–X st.* [The ancient Korosten and Slavic towns in the 8th–10th centuries]. Kiev, Korvin Press, 2004, pp. 307–311.
87. Shnora E.D. *Asotskoe gorodishche.* [The Osh settlement]. Riga, Zinatne, 1961. 236 p.
88. Jura R.O. Drevnij Kolodjazhyn [The Ancient Kolodyazhyn]. *Arheologichni pam'jatky URSS – Archaeological monuments of the Ukrainian SSR*, 1962, no. 12, pp. 57–130.
89. Cynkałowski A. *Materialy do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego.* Warszawa, 1961. 265 p.
90. Farkaš Z. Nový nález stredovekého hrotu šípu zo stupavy – Dračieho hrádku. *Zborník Slovenského národného múzea. Archeológia. Ročník.* no I, 2007, pp. 215–230.
91. Głosek M. *Późnośredniowieczna broń obuchowa w zbiorach polskich.* Warszawa, Łódź, 1996. 143 p.
92. Herrmann J. *Zwischen Hradschin und Vineta.* Leipzig, Jena, Berlin, 1976. 288 p.
93. Kaindl R.F. *Geschichte der Bukowina.* Czernowitz, H. Pardini, 1896. 116 p.
94. Kuśnierz J. Militaria z Czeramna nad Huczwą. Próba rekonstrukcji sposobu ataku tatarów na gród (w 1240 r.) na podstawie dotychczasowych badań archeologicznych. *Acta Milinaria Mediaevalia.* Kraków, Sanok, 2005, pp. 115–132.
95. Liwoch R. Militaria z dziewiętnastowiecznych badań w Podhorcach. *Acta Militaria Mediaevalia.* Kraków, Sanok, 2005. no. I, pp. 37–59.
96. Liwoch R. Buławy z zachodniej Ukrainy. *Acta Militaria Mediaevalia.* Kraków, Sanok, 2006, no. II, pp. 67–78.
97. Michalak A. Wpływy wschodnie czy południowe? Z badań nad pochodzeniem buław średniowiecznych na ziemiach Polskich. *Visnyk Nacional'nogo universytetu "Lviv's'ka politehnika" – Herald of National university «Lviv polytechnic school»*, 2006, no. 571, pp. 48–74.
98. Minić D., Vukadin O. *Srednjovekovni Stalać=Medieval Stalać.* Beograd, Alta nova, 2007. 287 p.
99. Nadolski A. Prace wykopaliskowe w Czermnie nad Huczwą pow. Tomaczów Lubelski w 1952 r. *Archeologia Polski*, 1959, no. 4, z. 1, pp. 93–103.
100. Scherff B. Mühldorf 1322 und Archäologie. *Die Schlacht bei Mühldorf. 28 September 1322.* Mühldorf, Heimatbund, 1933, pp. 69–82.
101. Spinej V. *Moldova în secolele XI – XIV.* Chişinău, Universitas, 1994. 495 p.
102. Spinej V. Bukovina în mileniul întunecat. *Spațiul nord-est Carpatic în mileniul întunecat.* Iași, Editura universităţii "Alexandru Ioan Cuza", 1997, pp. 133–188.
103. Wartołowska L. *Gród czerweński Sutejsk na pogranizu Polsko-Ruskim.* Warszawa, 1958, no. 22, 139 p.
104. Zancu A. Unele consideratii cu privire la vârful de săgeată din fier descoperit la Măscăuți – defaul cel Mare. *Studii de istorie veche și medievală. Omagiu Profesorului Gheorge Postică.* Chişinău, 2004, pp. 137–140.
105. Zbierski A. Wczesnośredniowieczne materiały archeologiczne z Zermna nad Huczwą. *Archeologia Polski*, 1959, no. 4, z. 1, pp. 105–148.

About the author: Igor Petrovich Vozny – Professor, Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University, Dr. Sci. (History) (58012, Kotsubinsky st., 2, Chernivtsi, Ukraine); voznyj_igor@rambler.ru

Карта 1. Территория региона в середине и второй половине XIII в. (1241–1300 гг.).

- 1 – столица княжества, разгромленная монголо-татарами; 2 – город разгромленный монголо-татарами;
 3 – укрепленные поселения разгромленные монголо-татарами; 4 – направление похода войска хана Батыея (март 1241 г.); 5 – вероятный путь продвижения отрядов ханов Кадана и Бури (март 1241 г.);
 6 – вероятный путь продвижения отрядов хана Бучека (Бюджика) (март 1241 г.);
 7 – вероятная южная граница Галицко-Волынского княжества

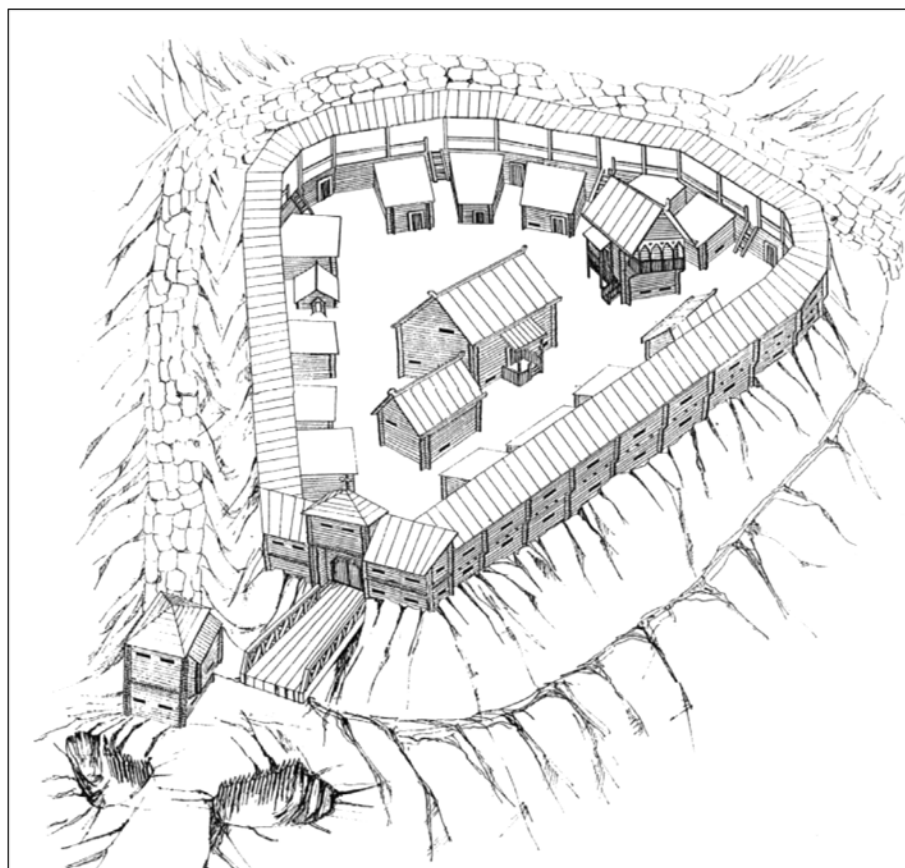

Рис. 1. Реконструкция Черновского городища (рисунок О.А. Бойко)

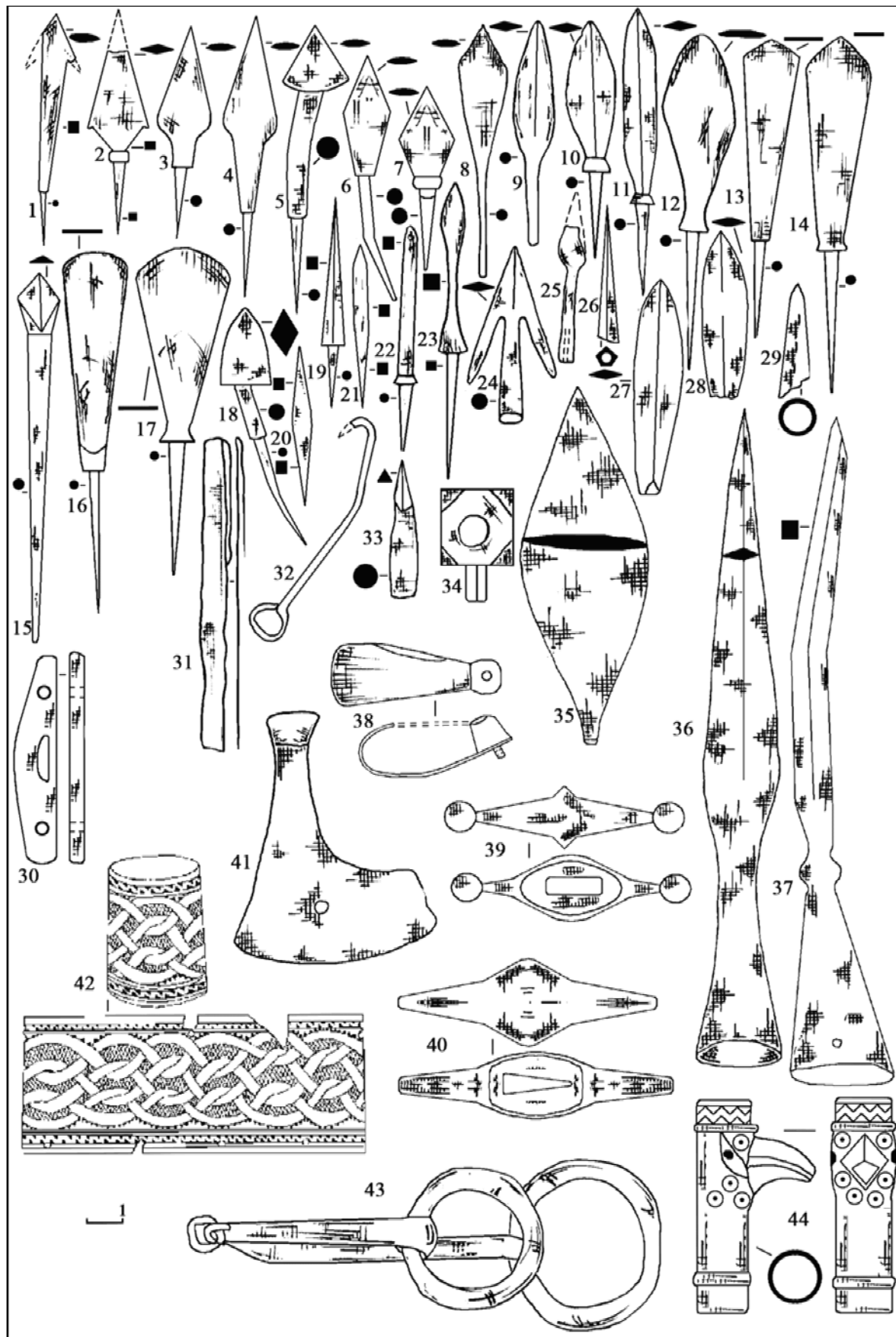

Рис. 2. Прорисовки оружия, выявленного на Черновском городище.
 1–31, 33–38, 40–43 – по И.П. Возному [19, рис.65];
 32, 39, 44 – по С.В. Пивоварову [58, с. 136, рис.3, 11; 59, рис.1, 3]

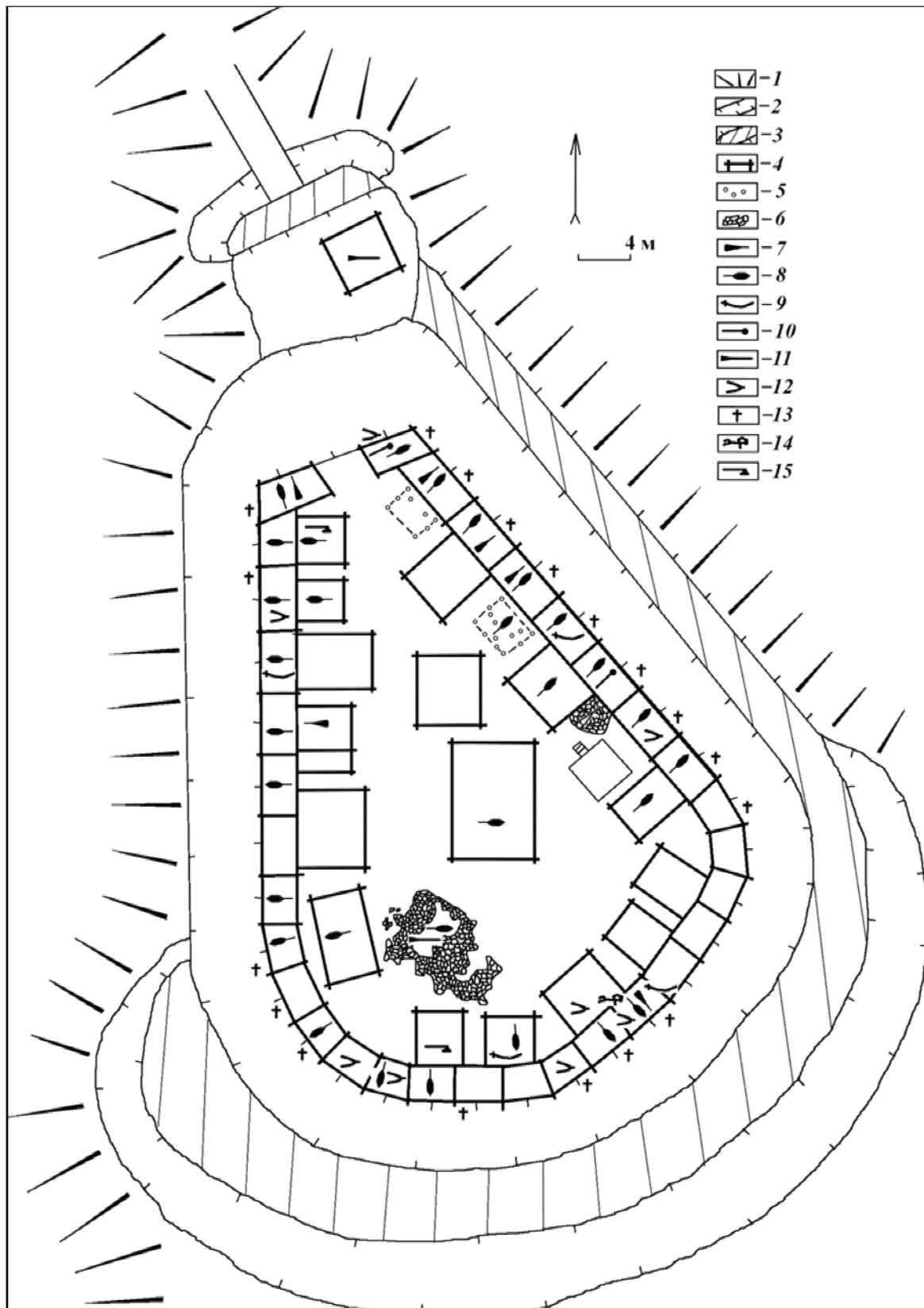

Рис. 3. План Черновского городища с местами находок вооружения и культовых предметов. 1 – крутые склоны; 2 – оборонительный ров; 3 – вал; 4 – деревянные конструкции; 5 – столбовые ямки; 6 – камни; 7 – монголо-татарские стрелы; 8 – древнерусские наконечники стрел; 9 – фрагменты сабель; 10 – булавы; 11 – наконечники копий, сулиц, пик; 12 – фрагменты снаряжения всадников; 13 – находки культовых предметов; 14 – останки погибшего защитника с череслом в руке; 15 – топоры

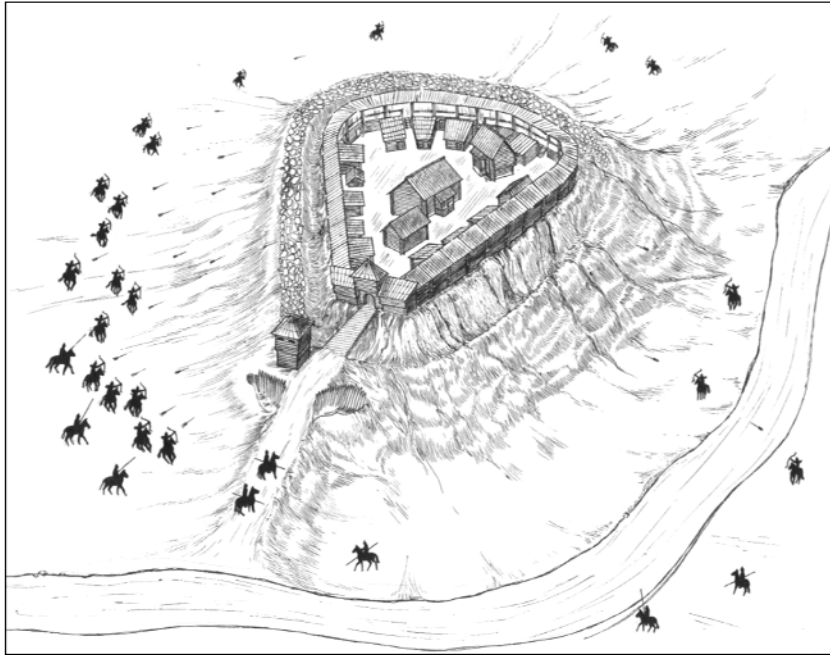

Рис. 4. Вероятные направления атаки монголо-татар на Черновскую феодальную усадьбу в 1241 г.

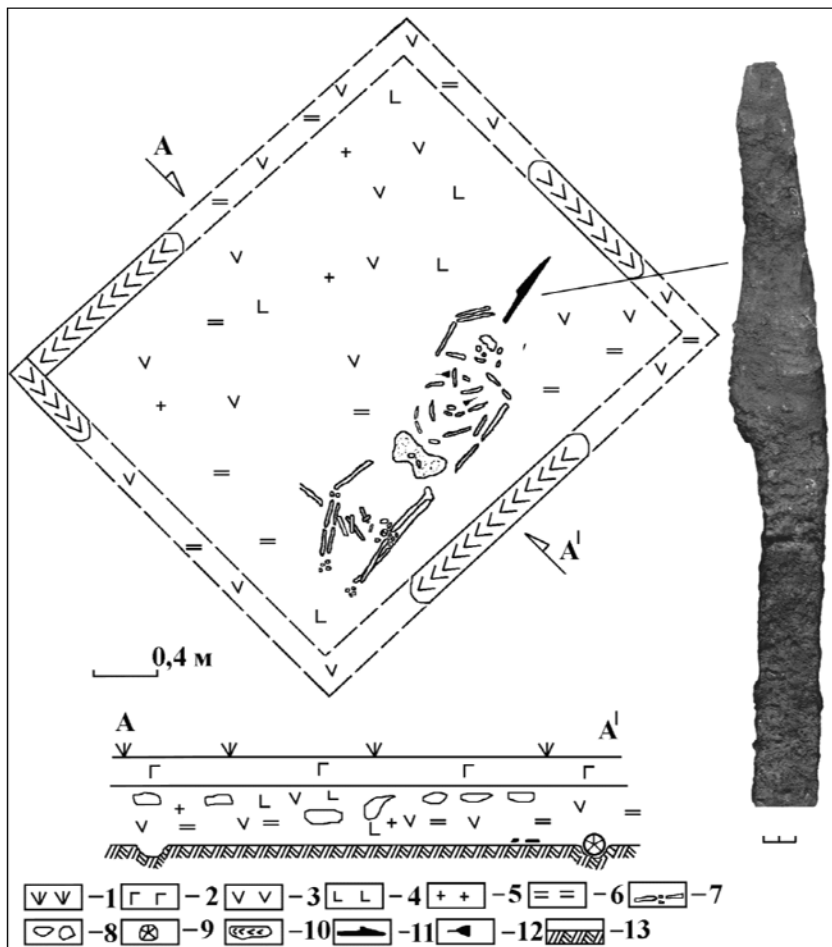

Рис. 5. Останки погибшего защитника Черновского городища с череслом в руке.
 1 – трава; 2 – гумус; 3 – угли; 4 – керамика; 5 – кости; 6 – обожженная земля; 7 – остатки скелета;
 8 – камни; 9 – деревянная колода; 10 – обгоревшее дерево; 11 – чересло;
 12 – наконечники монголо-татарских срезней; 13 – материк

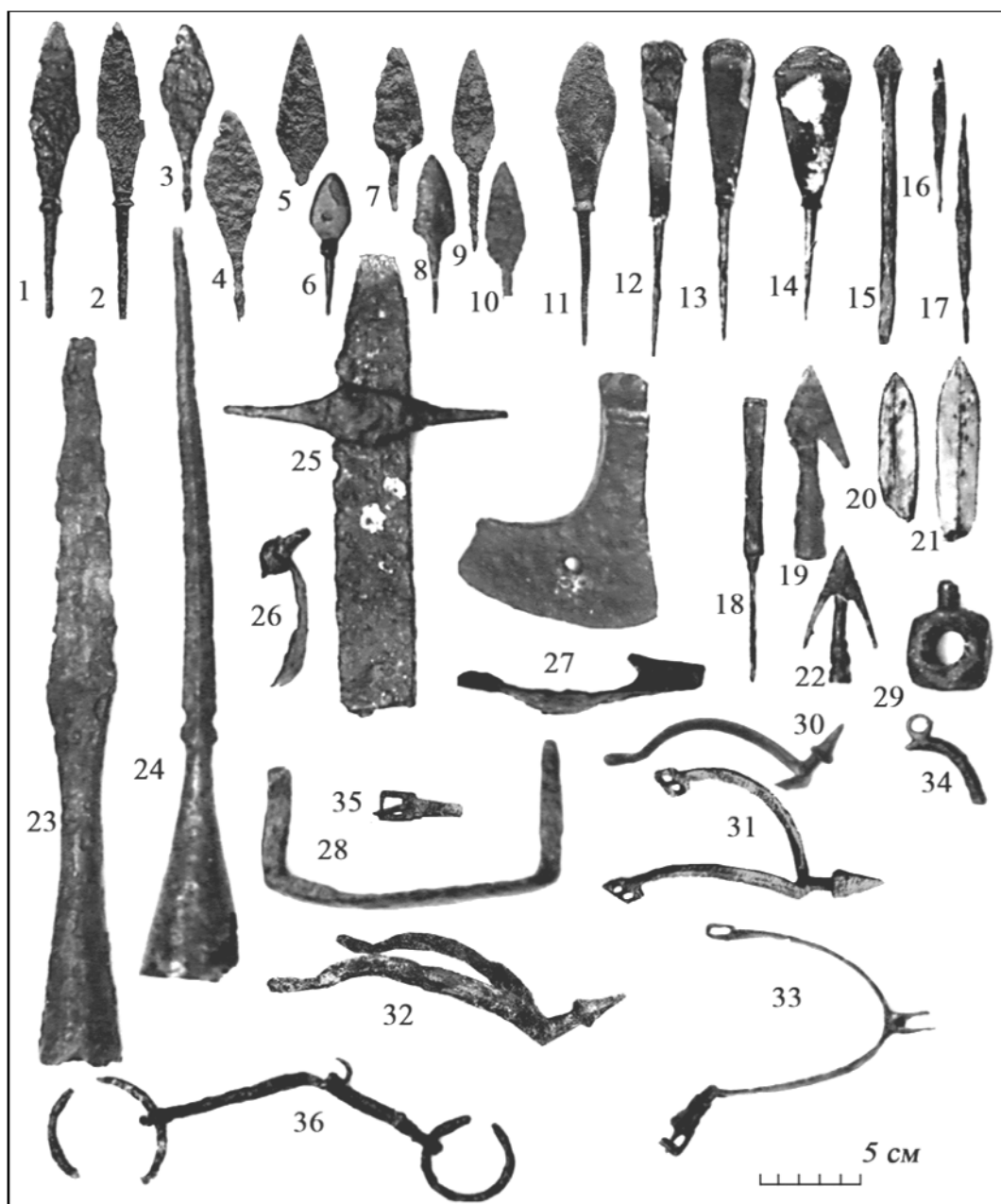

Фото 1. Оружие с Черновского городища
(Фонды Буковинского Центра археологических исследований)

УДК 94"0/2"

Институт бахадуров в военной организации империи джучидов

А.К. Кушкумбаев

(Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева)

В статье рассматриваются вопросы появления и развития института профессиональных воинов «бахадуров» в военной организации монгольского времени периода развитого средневековья. Их роль в составе вооруженных сил Монгольской империи возросла во время активных военных кампаний как внутри Степи, так и за ее пределами. В тюркской и монгольской кочевой среде титул бахадур (*батур*, *батыр*) присваивался любому человеку, независимо от его статуса, за совершение подвига или героического поступка. Автор приходит к выводу, что бахадуров являлись специально организованной военной группой, которая составляла основу квалифицированных военных кадров чингизидских армий. Как в монгольской, так и в золотоордынской армии действовали особые воинские подразделения бахадуров, обладавшие высоким военным статусом. Как следует из источников, в боевом строю войск бахадуров занимали ведущие тактические позиции: управляли флангами, концентрировались впереди на линии атаки, группировались в качестве ударных частей, выполнявшие важнейшие тактические задания. Именно в золотоордынский период истории стран Восточной Европы, в лексике местных народов, в частности, русском языке закрепился термин «батыр» (*Bathyr*), «багадур», «богатырь». Имена выдающихся степных батыров и полководцев надолго остались в памяти народа, и отразилось впоследствии в устно-исторической, а затем и в эпической традиции тюрков и монголов. Титул бахадур становился не просто обычной приставкой к личному имени героя, а был важнейшей социальной характеристикой данного индивида в обществе.

Ключевые слова: «Бахадур», батур, батыр, богатырь, военная организация, монголы, Золотая Орда.

В составе военной организации средневековых тюркских и монгольских кочевников всегда существовало особое военное сословие – институт профессиональных военных – *бахадуров* (вар: *багадур*, *баатур*, *батор*, *батыр*, *богатырь*), от древнетюркского слова «*batur*» – герой, богатырь, отважный, смельчак [12, с. 89]. Тысячелетний устно-эпический фольклор кочевых народов свидетельствует о том, что «батырство» было широко распространенным социальным явлением в евразийском кочевом мире. Этот почетный и уважаемый титул в обществе (народе) или среди лиц воинского сословия, давался любому человеку, проявившему храбрость и мужество в борьбе с противником, совершившему подвиг, как на поле боя, так и позднее в относительно мирное время.

Монгольская степная родовая аристократия носила почетные звания: *ba'atur* «богатырь», «выдающийся воин», *mergen* «меткий стрелец», *böko* «силач» [9, с. 74]. Военно-политическая роль «богатырского» страта в создании Монгольской империи была очень заметной, которое неоднократно признавал сам основатель «*Yeke Mongol ulus*». Первоначально, собственно военно-потестарная организация, как и сам улус (сложносоставная организация) номадов зиждился на военном авторитете и воинской силе вождя и поддерживавших его главу родичей, братьев, а также в немалой степени ближайших сподвижников – военных дружинников [9, с. 76]. Монгольский первоисточник – «Сокровенное сказание» по праву может считаться богатырским эпосом и, прежде всего, показывает героев-*батуров* – самых активных и деятельных помощников Чингиз-хана в формировании Монгольского улуса. Более того, например, В.В. Бартольд заметил, что в этом произведении знаменитые богатыри прославлялись автором чаще, чем сам Чингиз-хан и его род [5, с. 91]. Естественно, что такой акцент на их деятельности говорит о их выдающейся роли в военной организации монголов. Важнейшие военные задания у Чингиз-хана выполняли четыре его «богатыря-кулука» – Боорчу, Мухали, Борохул и Чилаун, которые однажды спасли от полного разгрома Ван-хана кераитского. Они получили за свою верность и мужество, уважаемое прозвище «*дурбан-кулук*» (четыре кулука) [43, с. 65] или в переводе Н.Я. Бичурина – «рыцари» [8, с. 234]. У монголов эпохи Чингиз-хана под «*күлүз(к)*» понимали – отборного коня, скаковую лошадь; а о людях говорили – герой, богатырь. Четыре сына Чингиз-хана от старшей жены Бортэ-фуджин

прозывались «четырьмя “кулуками”, а “кулуками” называют тех из людей, коней и прочих, которые выделяются, превосходят других и стоят впереди» [39, с. 69–70].

На раннем этапе истории монгольского улуса, накануне войны с найманами, Чингиз-хан, разделив свое войско на десятки, сотни и тысячи, наряду с подготовкой гвардейских частей, специально отобрал в целях своей охраны тысячу богатырей для службы в «*турхах-кешиге*», назначив командовать ими Архай-Хасара [43, с. 84–85]. Создание специализированного военного института гвардии – «*кешиг*» (*казик*) – стало центральным в политической реформе Чингиз-хана по управлению Монгольского улуса и, естественно, без поддержки преданных военных соратников полководцев-*бахадуров* вряд ли это было возможно. Такая военная организация, в основе которой находился институт профессиональных воинов – батуров, являлся одним из главных эффективных инструментов реализации военной и политической власти чингизидских владык.

Вот какую характеристику дает бывший друг-анда Чингиз-хана – Чжамуха, в беседе с найманским ханом Таяном, военной школе своего противника перед боевой схваткой: «У этих четырех псов лбы – бронзовые, морды – как долото, языки – что шила, сердца – железные, а плечи – мечи. Питаются росой, а ездят верхом на ветрах. Во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечиной. Это они сорвались с цепей и ныне, ничем не сдерживаемые, ликуют и подбегают, брызжа слюной. Это они!» – «Кто же они, эти четыре пса? – спросил хан. – «Это две пары Джебе с Хубилаем да Джельме с Субеетаем» [43, с. 88–89]. Этот разговор привел в ужасное смятение найманского предводителя и привел его к бесславному поражению. Попав в плен к Чингиз-хану, Чжамуха обращаясь к нему, и объясняя свой бесперспективный политический конец, сказал в конце своего монолога: «У тебя в дружине 73 орлюка – 73 мерина: вот чем ты победил меня» [43, с. 98–99]. По мнению В.В. Бартольда, ядро войска Чингиз-хана составляли дружинники из монгольской степной аристократии, которая получила правильное устройство [6, с. 603].

В числе верных богатырей и талантливых полководцев Чингиз-хана числился знаменитый Субэдэй-бахадур (*Субудай*, *Субэтай*, *Субэдай*, *Субеетай* в различных источниках; *багатур*, *баатур*, *богатырь*), который был вместе с ним с момента возрождения (восстановления) монгольского улуса. Его имя постоянно встречается в источниках XIII в.: в «Сокровенном сказании монголов» 1240 г., китайских, мусульманских, западных письменных материалах. В «Юань-ши», раздел «Жизнеописание знаменитостей», цзюань 121 и 122 персонально посвящен ему. Из этих сведений известно, что он прожил 73 года (1175–1248 гг.) и был значительно младше своего знаменитого современника – Чингиз-хана. Субэдэй, судя по «Юань-ши» и «Сокровенному сказанию», был выходцем из племени урянхай¹ (*у-лян-хэ* кит., *урянхан(т)* монг.), относящихся к монголам-дарлекинам, в отличие от лесных урянхаев. Племя урянхай считалось традиционным близким союзником монголов-нирунов. По этим данным, отца Субэдэя звали Хабань-хабули. Субэдэй и его старший брат с молодости были превосходными наездниками и стрелками и рано отличились своими геройскими поступками. Как-то, спасая отца от степных грабителей, во множестве встречавшихся в тогдашней монгольской степи он, по всей вероятности, получил за это почетный титул бахадура или иначе стал называться «верным и храбрым» [50, с. 498; 16, с. 226; 51, с. 59–60].

Субэдэй прошел все основные ступени военно-иерархической лестницы, начиная с простых воинов, стал вначале сотником, затем тысячником. В период первого большого похода монголов на чжурчжэньское государство – Цзинь, во время штурма крепости Хуаньчжоу, Субэдэй первым взшел на стены и захватил город и за этот подвиг был награжден ценными подарками.

Бахадур всегда отличался инициативностью и военной предприимчивостью и пользовался большим военным авторитетом среди монгольского военного командования. Иоанн Плано Карпини, перечисляя военно-политическую элиту Монгольской империи, писал о нем: «...старец Сибедей, который у них называется воином» [37, с. 45; 18, с. 170]. Под понятием «воин», естественно, подразумевался выдающийся воитель – полководец.

Вместе с тем, сведения о Субэдэе в «Сокровенном сказании» резко отличаются от данных «Юань-ши». Как сообщает монгольский источник, после ночной размолвки Тэмуджина с Чжамухой-сэченом к новому молодому монгольскому предводителю присоединились различные племена, в числе которых, «из племени Урянхан выделился и пришел к своему брату, Чжель-

¹ Некоторые данные о происхождении и выдающихся представителях племени урянхай изложены у Рашид ад-Дина [39, с. 156–160].

ме, младший его брат, *Чаурхан-Субеетай-Баатур*» [43, с. 44]². Как видно, он достаточно рано познакомился с будущим «Завоевателем Вселенной» и стоял у самых истоков формирования возрожденного монгольского государства.

При возведении Тэмуджина на ханство *Субеетай-батур* произнес, как и все присутствовавшие на курултае сподвижники, традиционную в таких случаях клятву верности и следующие слова: «Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи. Обернувшись войлоком-нембе, попробую вместе с тобой укрываться им; обернувшись юртовым войлоком-герисге, попробую вместе с тобой им укрыться» [43, с. 47]. Субэдэй известен в числе первых 95 тысячников (51-й по списку) назначенных самим Чингиз-ханом, т.е. «тех людей, которые потрудились ... в создании государства» [43, с. 100].

В «Юань-ши» постоянно упоминается о том, что воины и командиры монгольской армии, особо отличившиеся в боях, получали за воинские подвиги почетное звание «баду», «бадулу» – «бахадур», «богатырь» [32, с. 34]³. В монгольских войсках действовали специально сформированные части – «войска батуров» набиравшиеся из особо отличившихся и наиболее храбрых воинов. По «Хэй-да ши-люе»: «Воинственные вожаки и крепкие нукеры собираются в специальные пятерки, находящиеся в ближайшем окружении командующего, они называются войсками батуров». В тяжелых и продолжительных войнах с тангутами и чжурчжэнями на войска батуров возлагалась тактическая задача теснить и гнать вражеские войска. При взятии городов под их руководство передавались собранные осадные толпы – *хаишар* и лица совершившие тяжкие преступления. «Батуры» имели особый статус и в награду им давались сотни простых семей из народа [49, с. 161–162; 8, с. 290].

В «Чингиз-наме» в повествовании о подвигах Шайбана (Шибан) в западном походе 1236–1242 гг. рассказывается о длительной осаде крымской крепости Кыр-Йер (Чуфут-Кала) в которой приняли участие «отряд бахадуров», сделавший подкоп и первым ворвавшийся в крепость [48, с. 95]⁴. Тем самым, из этого известия можно считать, что в структуре войска имелись особые боевые подразделения «бахадурь», напоминающие по своей подготовке, современные отряды специального назначения, которым поручались наиболее важные и сложные по исполнению боевые задания (захват крайне необходимых узловых точек обороны врага, тайное проникновение внутрь обороняющейся крепости, своевременное сосредоточение и неожиданная атака по противнику и т.п.).

В Ипатьевской летописи содержится список монгольских полководцев принимавших участие в «Батыевом нашествии» на Русь: «Сильныи воеводы Урдю и Байдар, Бирюи, Кардан, Бечак и Теньгу и Кююкь, и иже вратися, уведав смерть канову и бысть не от роду же его, но бе воевода его перьвыи – *Себедяи богатур и Бурунъдаиш багатырь*, иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую, инех бещисла воевод» [38, с. 795]. Как видно, в числе первых (главных) воевод с титулом «богатур» или

² В историографии последних лет, в связи с публикацией биографий Субэдэя из «Юань ши», появилась так называемая, проблема двух «Субэдэев» из племени урянхай. Причем, как справедливо отмечает Р.П. Храпачевский, генеалогия в жизнеописании Субэдэя из «Юань ши», явно не совпадает со сведениями «Сокровенного сказания» по родословию старшего брата «Субетай-батура» – известного сподвижника Чингиз-хана – Чжельме (Чжэлье). Соответственно делается вывод о том, что было два Субэдэя, которые являлись между собой дальними родственниками [16, с. 287]. В популярной книге о жизни и деятельности Субэдэя-бахадуря, вышедшей в 2011 г., В.А. Злыгостев отдал предпочтение версии представленной в «Сокровенном сказании», т.к. она была написана «при жизни Субэдэя» [15, с. 27–28]. Ж.М. Сабитов разбирая этот противоречивый вопрос, также пришел к выводу, «что существовало два Субэдэя. Субэдэй, сын Хабала, был более знаменит, участвовал в походах монголов на Запад, в то время как Субэдэй, брат Джелмэ был менее знаменит, известен по военным действиям в Китае» [42, с. 27]. Думается, чтобы окончательно разрешить этот вопрос необходимо провести сквозной сопоставительный анализ всех доступных источников и свидетельств по биографии Субэдэя. Тем самым, феномен существования «двух Субэдэев» (также как и многих других персонажей) в эпоху Чингиз-хана, имевших отличительный военный статус батуров, вполне вероятен. В тоже время, применительно к рассматриваемой нами теме наличие «двух Субэдэев» не имеет принципиального значения, так как предметом нашего интереса является сам институт батуров в чингизидской военной организации.

³ Более подробнее о батурах в монгольской армии, см.: [16, с. 56–57].

⁴ Военные действия в Крыму Шибана в ходе семилетнего похода 1236–1242 гг. подтверждаются другими источниками. В летописи Рашид ад-Дина, сообщается о том, что приблизительно осенью 1238 г. «Шибан, Бучек и Бури выступили в поход в страну Крым и у племени чинчакан захватили Таткару» [40, с. 39].

«богатырь» названы Субэдэй-бахадур и Бурундай (Буралдай)⁵. Монгольские бахадурь упоминаются в летописях и позднее. Под 6751 (1243 г.) записано, что «*Батый воротился есте изо Угорь, и отрядил есте на тя два богатыря възискати тебе, Маньмана и Балаа*» [38, с. 794].

О монгольских бахадурь сообщается в армянских летописях и хрониках [28, с. 176; 34, с. 28, 29]. Монгольская традиция наделения статусом батуров распространялась и на союзные войска, включенных в состав чингизидских армий. По сведениям Григора Акнерци, Хулагу, в войсках которого значительную часть войска составляли отряды грузинских и армянских князей, он «называл их [т.е. князей – А.К.] своими *богатырями*, а молодых и прекрасных детей их назначал в свою охранную стражу [т.е. в свою гвардию – А.К.] с правом носить лук и мечи» [36, с. 35].

В период отхода (отступления) джучидских отрядов с территории, контролировавшейся войсками Хулагу, в Мамлюкский Египет, в начале 60-х гг. XIII в., по приказу Берке, в «Энциклопедии» ан-Нувайри сообщается о приходе «более 1300 всадников из Монголов и Бахадуров (удальцов)» [24, с. 133; 21, с. 303–304]. Примечательно, что о них говорится как об отдельной военной группе – «бахадурь-удальцы», что позволяет полагать, что в составе монгольской армии того времени они занимали особое место. Это побуждает предполагать, что в военно-организационной структуре монгольского войска *бахадурь* имели самостоятельное боевое значение и обладали высоким военным статусом.

В сражениях бахадурь в боевом построении занимали ключевые позиции: командовали крыльями, находились на передней линии строя, отдельно группировались в ударные подразделения, имевшие особую военно-тактическую задачу. Предводитель золотоордынской армии Сарубуга ибн Таклан посланный ханом Токтой против хулагуида Худабанда (Харбандэ) выстроил войска в три линии, и «в каждом ряду было по 20 тысяч *бахадуров*», а командующими правого и левого крыла назначил известных бахадуров. При этом, сам джучидский полководец встал в центре боевого построения [19, с. 98–99]. Возможно, что здесь автор образно охарактеризовал джучидские войска, имевшие в своем составе десятки «тысяч» бахадуров. Не исключено, что отряды бахадуров, сосредоточенные в тяжеловооруженный «кулак» (группировку), на поле боя выполняли значение ударного молота, то есть должны были сокрушить боевые порядки противника, или использовались в качестве мощного «живого тарана» по пробитию его рядов или старались опрокинуть один из флангов неприятеля. Нередко степные полководцы свои лучшие военные кадры, сформированные из опытных бахадуров, группировали в специально созданные засадные полки, чтобы провести неожиданную атаку по противнику. Впоследствии у казахов и ногаев именно *батырь*⁶ – военно-полевые командиры, владевшие знаниями военного искусства, становились во главе войска [33, с. 90–91; 27, с. 54].

Бойцы, которые прославились своим воинским мастерством, умением владеть различными видами оружия, меткой стрельбой из лука получали к своему имени характерную приставку: «*Алб-атгучы*» – «Богатырь-стрелок», или «*алб, атгучу, бәһадур*» – «стрелок, богатырь», «*Алп-Атгучу-бәһадур*», т. е. «Великий-стрелок-богатырь». Например, так звали Кара-Нога, провозглашенного ханом джучидскими огланами в левом крыле во времена золотоордынской смуты второй половины XIV века [48, с. 108, 110, 135, 137, 156].

Именно с монгольской эпохи термины «багадур», «богатырь», «батырь» получили не только широкое распространение среди народов Кавказа и степной части Восточной Европы, но и прочно закрепились в их языке. Понятие «багадур» как храбрый воин, герой, начиная с XIII–XIV в. становится известным и на Руси. Сигизмунд Герберштейн в «Записках о Московии» четко зафиксировал название бойцов среди «московитов» и литовцев, выходящих на поединок с противником, в форме «батырь» (*Bathyr*) «так они называют славных мужей» [10, с. 120].

В степной устной историологии насельников Дашт-и Кыпчака XVI в. – кочевых узбеков сохранились воспоминания о ратных подвигах известных бахадуров чингизидской эпохи. Таким бахадуром был пятый сын Джучи – Шибан. По словам Утемиша-хаджи, именно о нем и его потомках говорили знатоки старины Улуса Джучи: «*Қылыч чабқан йұрт ачған Ар-Шәйбанның огланлары дүр*», т.е. «[Они] – огланы богатыря Шайбана, рубившего саблей [и] покорявшего юрты». Или «*Шәйбан-хан қылыч чабыб йағылар-вілайәтләр ачыб әрді, у жәһәтдін аның*

⁵ Активным участником западного похода Чингизидов у Рашид ад-Дина назван эмир Бурулдай [40, с. 37].

⁶ О ведущей роли социальной группы батыров как военных вождей (военачальников) в казахском обществе XVII – первой половине XIX вв. пишет И.В. Ерофеева [13, с.33–35; 14, с. 9–34].

огланларыны вә нәбәрәләрини барча халайықлар 'иззәт вә һөрмәт қылулар әрдиләр», «Шайбан-хан рубил саблей и покорял врагов [и] вилайеты, то почитали и уважали по той причине все люди сыновей его и внуков» [48, с. 92, 105, 121, 132]. Во время походов и проведения военных операций Шибан, с подчиненными ему подразделениями, находился в авангардном войске [20, с. 59; 40, с. 37; 48, с. 93–94]. Военские подвиги Шибан-бахадур и его военное искусство на поле брани продолжили его преемники из числа двенадцати сыновей⁷. Позднее, Фазлаллах ибн Рузбихан сообщал, что одного из старших сыновей Шибана звали Банйал (вернее Байнал)-бахадур [41, с. 61].

В различных линиджах и кланах правящей династии, также как и среди представителей обычных семей, не редкостью было передача секретов индивидуального боевого мастерства и ратного искусства от старших членов к младшим, так, что звание «бахадур» за серьезные личные воинские подвиги переходило независимо от военных заслуг отца к сыну и далее к внуку. Разветвленная ветвь семейства Шибана на протяжении нескольких поколений служившая Бату и наследникам его престола проявляла не только исключительную верность этой старшей линии Джучидов, но и заметно отличалась в военной сфере деятельности. Поэтому не удивительно, что в степи можно было встретить целые династийные роды батыров связанные между собой прямым кровным родством или ведущим происхождением от одного «славного» (выдающегося) предка. Среди кочевников вплоть до этнографической современности ореол батырства, сильные индивидуальные качества личности, храбрость и мужество воителя всегда вызывали восхищение и прославлялся в жырах и стихах народными сказителями – *жыршы* или *өлениш*.

Иосафат Барбаро, посетивший южнорусские степи в XV в., писал о золотоордынских татарах, что их «военные люди в высшей степени храбры и отважны, причем настолько, что некоторые из них, при особо выдающихся качествах, именуются «талубагатер», что значит безумный храбрец. Эти богатыри имеют одно преимущество: все, что бы они ни совершали, даже если это в известной мере выходит за пределы здравого смысла, считается правильным, потому что раз это делается по причине отваги, то всем кажется, что богатыри просто занимаются своим ремеслом. Среди них есть много таких, которые в случаях военных схваток не ценят жизни, не страшатся опасности, но мчатся вперед и, не раздумывая, избивают врагов, так что даже робкие при этом воодушевляются и превращаются в храбрецов. Прозвище их кажется мне весьма подходящим, потому что я не представляю себе отважного человека, который не был бы безумцем. Разве, по-вашему, это не безумство, когда один отваживается биться против четверых? Разве не сумасшествие, когда кто-нибудь с одним ножом готов сражаться с многими, да еще вооруженными саблями?» [4, с. 146–147].

Под термином «талубагатер» по всей вероятности следует понимать *толубахадур* (*толуба-тыр*), т.е. буквально «полный богатырь», или человека обладающего безмерной стойкостью отвагой, силой, мужеством. Интересно, что, по мнению Т.И. Султанова, такое тюркское слово как «толубахадур» является более удачным понятием, чем современные названия – «дважды герой», «трижды герой» [29, с. 345; 30, с. 274; 44, 157]. Выдвинутое положение следует признать правильным, т.к., несомненно, оно отражало военные и социальные реалии традиционного образа жизни кочевников евразийских степей.

Некоторые ханы и царевичи-чингизиды (огланы, султаны) носили почетное прозвище «бахадур». В сочинении Ибн Халдуна, сын и предполагавшийся преемник хана Токты – Илбасар дополнительно назван «Илбахадуром» или «Ил (Ел)-бахадуром» [25, с. 274]. Последнее, скорее всего, было прижизненным титулом джучидского оглана, присвоенному ему за воинские заслуги. Об этом же косвенно упоминает и Бадр ад-дин ал-‘Айни: Илбасар «был воспитан у отца своего для предводительствования войсками, управления войнами и распоряжения битвами» [17, с. 360].

В ходе переписки с государями монгольских государств на официальных письмах и грамотах, посланных мусульманскими правителями, наряду с перечислением всех титулов хана обязательно указывалось звание «бахадур», если он им обладал [26, с. 186; 22, с. 251]. Упоминание звания «бахадур» в титулатуре царствующего династа было непременным правилом в дипломатической переписке и документах джучидской канцелярии. Золотоордынские ярлыки в сакраль-

⁷ Родословие Шибана и его отпрысков известно и отражено в «Джами ат-таварих», «Му‘изз ал-ансаб», «Бахр ал-асрар», «Родословное древо тюрков» [40, с. 74–75; 35, с. 42–42; 46, с. 34–38; 7, с. 347–351; 3, с. 102, 103–105]. Более подробно о Шибане и Шибанидах см. работу В.П. Костюкова [31].

ной части начинались так: «Предвечного бога силою / великого хана благоденствием / ... *багату-ра хана / указ мой*» [11, с. 133].

Почетное звание бахадур становилось частью полного личного имени человека. Так, в 743 г.х. (6 июня 1342 – 25 мая 1343 г.) посольство хана Узбека возглавлял человек по имени «Карабахадур» [23, с. 195]. Судя по данным некоторых источников, знаменитый хан Золотой Орды – Токтамыш имел в своем имени приставку «бахадур-хан» [1, с. 271]. Не менее известный его современник Едигей, также как и его отец Балинчак (Балтычак), в сочинении ‘Абд ар-Раззака Самарканди именуется амирами – бахадурами [2, с. 364–366]. Внук Урус-хана, сын Куйурчук-хана – Барак в «Жами ат-таварих» Кадыргали Жалаири назван «большим и сильным бахадуром» [48, с. 75; 45, с. 229]. И таких примеров множество, особенно среди военно-политической (потестарно-властной) элиты кочевников.

Институт бахадуров «батырство», появившись как социальное явление в глубокой древности и являясь важнейшим социальным и, прежде всего, военно-политическим институтом в кочевом обществе, выполняла функцию накопления воинских навыков, опыта, мастерства, традиций, была военной школой для подготовки начинающих военную карьеру воинов, и становилось ретранслятором (передатчиком) необходимых военных знаний от поколения к поколению. Непрерывающиеся локальные внутренние войны в кочевом мире Центральной Азии рубежа XII–XIII вв. и дальнейшие перманентные захватнические кампании монгольских каанов за пределами коренных йуртов создали целое военно-профессиональное сословие – бахадуров в кочевом мире ориентированное на войну и захват добычи, и которые стали мощным костяком военной организации в Монгольской империи и Золотой Орде.

Список литературы

1. ‘Абд ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин. «Маджда’ ал-ансаб ва-л-ашджар». / Отв. ред. А.К. Муминов. Введ., пер. с араб., персид. и тюрк., коммен., под. факсимиле к изд. Ш.Х. Вохидова, А.К. Муминова, Б.Б. Аминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 692 с.
2. ‘Абд ар-Раззака Самарканди «Из “Места восхода двух счастливых звезд и места слияния двух морей” // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т.II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусеитова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусеитовой и Ж.М. Тулибаевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. С. 361–384.
3. Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков // Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.-Ташкент-Бишкек, 1996. С. 3–186.
4. Барбаро И. Путешествие в Тану и Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. ст., подгот. текста, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 113–161.
5. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М.: Изд-во восточная лит-ра, 1963. Т. 1. С. 43–597.
6. Бартольд В.В. Тезисы диссертации «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» // Сочинения. М.: Изд-во восточная лит-ра, 1963. Т. 1. С. 601–603.
7. «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.: извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. С. 320–368.
8. Бичурин Н.Я. (Иакинф). История первых четырех ханов дома Чингисова // Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков. Иакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.-Т.-Б., 1996. С. 187–319.
9. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.
10. Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вступительная статья А.Л. Хорошкевич. Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
11. Григорьев А.П. Эволюция формы адресанта в золотоордынских ярлыках XIII–XV вв. // Востокведение. 1977. Вып. 3. С. 132–156.
12. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
13. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Научное изд. Алматы, Санат, 1999. 336 с.
14. Ерофеева И.В. «Между всеми старшинами знатнейший». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарұлы. Алматы, 2013. 308 + 12 с. вкл.
15. Злыгостев В.А. Субэдэй. Всадник, покорявший Вселенную. Уфа: Дизайн Полиграф Сервис, 2011. 396 с.

16. Золотая Орда в источниках. Кит. и монг. источники (Собрание сведений, относящихся к истории Золотой Орды (улусу Джучи) из китайских и монгольских источников). Пер с кит., состав., введ. статья и коммен. Р.П. Храпачевского. М.: Наука, 2009. Т. III. 336 с.

17. «Из летописи Бадр ад-дин ал-‘Айни» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. С. 349–382.

18. «Из “Истории Вассафа”» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусейтовой и Ж.М. Тулибаевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. С. 161–178.

19. Из «Канз ад-дурар» ибн ад-Давадари // История Казахстана в арабских источниках. Извлечения из сочинений XII–XVI веков / Отв. ред. А.К. Муминов. Сост., перевод с араб. яз., введ., коммент. А.К. Муминова; состав. указ. У.А. Утепбергеновой. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. III. С. 93–106.

20. «Из “Истории завоевателя мира” Джувайни» // История Казахстана в персидских источниках. (СМИЗО Т. II) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Пер. и доп. Подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусейтовой и Ж.М. Тулибаевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. С. 52–62.

21. «Из сочинения ал-Макризи» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. С. 299–317.

22. «Из сочинения ал-Муhibби» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. С. 249–260.

23. «Из биографии султана ал-Малик ан-Насыра» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. С. 190–200.

24. «Из энциклопедии ан-Нувайри» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. С. 121–141.

25. «Из истории Ибн Халдуна» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. С. 268–286.

26. «Из сочинения Ибн Фадлаллаха ал-‘Умари» // История Казахстана в арабских источниках. (СМИЗО Т. I) Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Подг. к нов. изд., введ., доп. и комм. Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. С. 168–189.

27. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. 132 с.

28. Киракос Гандзакечи. «История Армении» / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976.

29. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 376 с.

30. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 368 с.

31. Костюков В.П. «Железные псы» Батуидов (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1. С. 42–96.

32. Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 30–42.

33. Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.

34. «Летопись Себасци» // Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. С. 23–33.

35. «Му‘изз ал-ансаб» (Прославляющие генеалогии). История Казахстана в персидских источниках / Отв. ред. А.К. Муминов. Пер. с перс., предисл., прим., подг. факс. к изд. Ш.Х. Вохидова; сост. указ. У.А. Утепбергеновой. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. III. 672 с.
36. Патканов К.П. История монголов инока Магакии, XIII в. Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871. 120 с. Рашид ад-Дин Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I, кн.1. 221 с.
37. Путешествие в восточные страны. Пер. А.И. Малеина. М.: Изд-во географ. лит-ры, 1957. 270 с.
38. Полное собрание русских летописей. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Изд. 3-ое. Т. II. 938 столб. + 108 стр.
39. Рашид ад-Дин Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I, кн.2. 315 с.
40. Рашид ад-Дин Сборник летописей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960 Т. II. 241 с.
41. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани. «Михман-наме-йи Бухара» (Записки бухарского гостя) / Пер., предисл. и примеч. Р.П. Джалиловой. Под ред. А.К. Арендса. М.: Восточная лит-ра, 1976. 400 с.
42. Сабитов Ж.М. К вопросу о спорных эпизодах в биографии Субэдэя // Век науки и образования №4–6 (60–62), апрель-июнь, 2014. С. 25–27.
43. Сокровенное сказание монголов. Пер. Козина С.А. Улан-Удэ: Бурядадай номой хэблэл, 1990. 318 с.
44. Султанов Т.И. Золотая Орда. Государство Чингизидов в Евразийской степи. Алматы: Мектеп, 2004. 176 с.
45. Сыздыкова Р.Г. Язык “Жами ат-таварих” Жалаири. Алматы: Наука, 1989. 243 с.
46. «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.: извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. С. 9–43.
47. Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. 223 с.
48. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскр., текстол. примеч., исслед. В.П. Юдина. Комм. и указ. М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992. 296 с.
49. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. 557 с.
50. Юань ши (Официальная хроника династии Юань). Основные записи // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. С. 432–525.
51. Юрченко А.Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006. 640 с.

Сведения об авторе: Айболат Кайрслямович Кушкумбаев – главный научный сотрудник научного центра гуманитарных исследований «Евразия» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (010008, ул. Мунайпасова, 7, каб. № 516, Астана, Казахстан), доктор исторических наук, профессор; kushkumbayev.magyar2011@yandex.kz

Institute of Bahadurs in the Military Organizations of the Jochid Empire

A.K. Kushkumbayev
(L.N. Gumilev Eurasian National University)

The article examines the emergence and development of the institution of “Bahadur” professional soldiers in the military organization of the Mongol period during the developed stage of Middle Ages. Their role in the armed forces of the Mongol Empire grew during active military campaigns both within Steppe and beyond it. In Turkic and Mongol nomadic environment the title of *Bahadur* (*Batur*, *Batyr*) was assigned for the feat or heroic act to any person, regardless of his status. The author concludes that Bahadurs were a specially organized military group that formed the basis of qualified military personnel of the Genghisid armies. Special military units of Bahadurs with a high military status participated in military operations both of the Mongol and Golden Horde armies. The content of the sources shows that Bahadurs occupied leading positions in tactical battle formation of the host: they managed the flanks, were concentrated on the front line of attack, were grouped as shock troops performing important tactical tasks. The term “Batyr” (*Bathyr*), “Bahadur”, “Bogatyr” entrenched in the lexicon of the local people and, in particular, in the Russian language namely during the Golden Horde period of the history of Eastern Europe. The names of prominent steppe warriors and commanders etched in popular memory and later were reflected in the oral-historical and epic tradition of the Turks and Mongols. Title Bahadur became not merely an ordinary prefix to the personal name of the hero but also the most important social characteristic of the individual in society.

Keywords: “Bahadur”, Batur, Batyr, hero, military organization, Mongols, Golden Horde.

References

1. 'Abd al-Kadir ibn Muhammad-Amin. «*Madzhma' al-ansab va-l-ashdzhar*». Otv. red. A.K. Muminov. Vved., per. s arab., persid. i tyurk., kommen., pod. faksimile k izd. Sh.Kh. Vokhidova, A.K. Muminova, B.B. Aminova. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. 692 p.
2. 'Abd ar-Razzaka Samarkandi. «Iz "Mesta voskhoda dvukh schastlivykh zvezd i mesta sliyanii dvukh morey" [From the "Place of Sunrise of Two Lucky Stars and the Confluence of Two Seas"]». *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. (SMIZO T.II) Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [History of Kazakhstan in the Persian Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Persian Writings collected by V.G. Tiesenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Otv. red. M.Kh. Abuseitova. Per. i dop. Podg. k nov. izd., vved., per., komm., sostav. ukaz. M.Kh. Abuseitovoy i Zh.M. Tulibaevoy. Almaty, Dayk-Press Publ., 2006. Vol. IV, pp. 361–384.
3. Abul'-Gazi-Bagadur-khan. Rodoslovnnoe drevo tyurkov [Genealogical Tree of the Turks]. Iakinf. *Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova* [History of the First Four Khans from the House of Genghis Khan]. Len-Pul' Stenli. Musul'manskie dinastii [Muslim Dynasties]. Moscow-Tashkent-Bishkek, 1996, pp. 3–186.
4. Barbaro I. Puteshestvie v Tanu i Persiyu [Journey to Persia and Tana]. *Barbaro i Kontarini o Rossii: K istorii italo-russkikh svyazey v XV v.* [Barbaro and Contarini on Russia: On the History of Italian-Russian Relations in the 15th century]. Vstup. st., podgot. teksta, per., komment. E.Ch. Skrzhinskoy. Leningrad, 1971, pp. 113–161.
5. Bartol'd V.V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan Down to the Mongol Invasion]. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Vostochnaya lit-ra Publ., 1963a. Vol. 1, pp. 43–597.
6. Bartol'd V.V. Tezisy dissertatsii «Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya» [Theses of the Dissertation: "Turkestan Down to the Mongol Invasion"]. *Sochineniya* [Writings]. Moscow, Vostochnaya lit-ra Publ., 1963b. T.1, pp. 601–603.
7. «Bakhr al-asrar fi manakib al-akhyar». *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv.: izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy* [Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th–18th centuries: Extract from the Persian and Turkic Writings]. Alma-Ata, Nauka KazSSR Publ., 1969, pp. 320–368.
8. Bichurin N.Ya. (Iakinf). *Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova* [History of the First Four Khans from the House of Genghis Khan]. Abul'-Gazi-Bagadur-khan. Rodoslovnnoe drevo tyurkov [Genealogical Tree of the Turks]. Iakinf. *Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova* [History of the First Four Khans from the House of Genghis Khan]. Len-Pul' Stenli. Musul'manskie dinastii [Muslim Dynasties]. M-Tashkent-Bishkek, 1996, pp. 187–319.
9. Vladimirtsov B.Ya. Obshchestvennyy stroy mongolov. Mongol'skiy kochevoy feodalizm [The Social System of the Mongols. The Mongol Nomadic Feudalism]. Leningrad, Akademiya naukSSSR Publ., 1934. 223 p.
10. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs]. Per. s nem. A.I. Maleina i A.V. Nazarenko. Vstupitel'naya stat'ya A.L. Khoroshkevich. Pod red. V.L. Yanina. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1988. 430 p.
11. Grigor'ev A.P. Evolyutsiya formy adresanta v zolotoordynskikh yarlykakh XIII–XV vv. [Evolution of the Sender Form in the Golden Horde Yarlyks of the 13–15 centuries]. *Vostokovedenie* [Oriental Studies]. 1977. Is. 3, pp. 132–156.
12. *Drevnyetyurkskiy slovar'* [The Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 676 p.
13. Erofeeva I.V. *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel' i politik* [Abul Khair Khan: Commander, Ruler, and Politician]. Nauchnoe izd. Almaty, Sanat Publ., 1999. 336 p.
14. Erofeeva I.V. «*Mezhdu vsemi starshinami znatneyshiy*». *Pervyy kazakhskiy tarkhan Zhanibek Koshkaruly* ["The Most Notable among All the Elders"]. The First Kazakh Tarkhan Janibek Koshkaruly]. Almaty, 2013. 308 p.
15. Zlygostev V.A. *Subedey. Vsadnik, pokoryavshiy Vselennuyu* [Subedei. The Rider Conquering the Universe]. Ufa, Dizayn Poligraf Servis Publ., 2011. 396 p.
16. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Kit. i mong. istochniki (Sobranie svedeniy, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy (ulusu Dzhuchi) iz kitayskikh i mongol'skikh istochnikov)* [The Golden Horde in the Sources. Chinese and Mongol Sources (collection of information relating to the history of the Golden Horde (Ulus Jochi) from Chinese and Mongol sources)]. Per s kit., sostav., vvod. stat'ya i kommen. R.P. Khrapachevskogo. Moscow, Nauka Publ., 2009. Vol. III. 336 p.
17. «Iz letopisi Badr ad-din al-'Ayni» ["From the Chronicle of Badr al-Din al-'Ayni"]. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. (SMIZO T.I) Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Arab Writings collected by V.G. Tiesenhausen]. Podg. k nov. izd., vved., dop. i komm. B.E. Kumekova, A.K. Muminova. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. Vol. 1, pp. 349–382.
18. «Iz "Istorii Vassafa"» [From the "History of Wassaf"]. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. (SMIZO. Vol. II) Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [History of Ka-

zakhstan in the Persian Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Persian Writings collected by V.G. Tiesenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. *Otv. red. M.Kh. Abuseitova. Per. i dop. Podg. k nov. izd., vved., per., komm., sostav. ukaz. M.Kh. Abuseitovoy i Zh.M. Tulibaevoy. Almaty, Dayk-Press Publ., 2006. Vol. IV, pp. 161–178.*

19. Iz «Kanz ad-durar» ibn ad-Davadari [From the “Kanz al-Durar” of Ibn al-Davadari]. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. Izvlecheniya iz sochineniy XII–XVI vekov* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Excerpts from the Writings of the 12th–16th centuries]. *Otv. red. A.K. Muminov. Sost., perevod s arab. yaz., vved., koment. A.K. Muminova; sostav. ukaz. U.A. Utepbergenovoy. Almaty, Dayk-Press Publ., 2006. Vol. III, pp. 93–106.*

20. «Iz “Istorii zavoevatel'ya mira” Dzhuvayni» [From the “History of the World Conqueror” of Juwayni]. *storiya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. (SMIZO Vol. II) Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom i obrabotannyye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [History of Kazakhstan in the Persian Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Persian Writings collected by V.G. Tiesenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. *Otv. red. M.Kh. Abuseitova. Per. i dop. Podg. k nov. izd., vved., per., komm., sostav. ukaz. M.Kh. Abuseitovoy i Zh.M. Tulibaevoy. Almaty, Dayk-Press Publ., 2006. Vol. IV, pp. 52–62.*

21. «Iz sochineniya al-Makrizi» [From the Writings of al-Maqrizi]. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. (SMIZO T.I) Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordyy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Arab Writings collected by V.G. Tiesenhausen]. *Podg. k nov. izd., vved., dop. i komm. B.E. Kumekova, A.K. Muminova. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. Vol. 1, pp. 299–317.*

22. «Iz sochineniya al-Mukhibbi» [From the Writings of al-Muhibbi]. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. (SMIZO T.I) Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordyy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Arab Writings collected by V.G. Tiesenhausen]. *Podg. k nov. izd., vved., dop. i komm. B.E. Kumekova, A.K. Muminova. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. Vol. 1, pp. 249–260.*

23. «Iz biografii sultana al-Malik an-Nasyra» [From the Biography of Sultan al-Malik an-Nasir]. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. (SMIZO T.I) Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordyy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Arab Writings collected by V.G. Tiesenhausen]. *Podg. k nov. izd., vved., dop. i komm. B.E. Kumekova, A.K. Muminova. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. Vol. 1, pp. 190–200.*

24. «Iz entsiklopedii an-Nuvayri» [From the Encyclopedia of an-Nuwayri]. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. (SMIZO T.I) Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordyy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Arab Writings collected by V.G. Tiesenhausen]. *Podg. k nov. izd., vved., dop. i komm. B.E. Kumekova, A.K. Muminova. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. Vol. 1, pp. 121–141.*

25. «Iz istorii Ibn Khalduna» [From the History of Ibn Khaldun]. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. (SMIZO T.I) Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordyy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Arab Writings collected by V.G. Tiesenhausen]. *Podg. k nov. izd., vved., dop. i komm. B.E. Kumekova, A.K. Muminova. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. Vol. 1, pp. 268–286.*

26. «Iz sochineniya Ibn Fadlallakha al-'Umari» [From the Writings of Ibn Fadlallah al-'Umari]. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. (SMIZO T.I) Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordyy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom* [History of Kazakhstan in Arab Sources. Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Arab Writings collected by V.G. Tiesenhausen]. *Podg. k nov. izd., vved., dop. i komm. B.E. Kumekova, A.K. Muminova. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. Vol. 1, pp. 168–189.*

27. Iskhakov D.M. *Tyurko-tatarskie gosudarstva XV–XVI vv.* [The Turko-Tatar States of the 15th–16th centuries]. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani Akademiya nauk RT Publ., 2004. 132 p.

28. Kirakos of Gandzak. *«Istoriya Armenii»* [History of Armenia]. Per. s drevnearm., predisl. i komment. L.A. Khanlaryan. Moscow, Nauka Publ., 1976.

29. Klyashpornyy S.G., Sultanov T.I. *Kazakhstan: letopis' trekh tysyacheletiy* [Kazakhstan: The Chronicle of Three Millennia]. Alma-Ata, Rauan Publ., 1992. 376 p.

30. Klyashpornyy S.G., Sultanov T.I. *Gosudarstva i narody Evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e* [States and Peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the Middle Ages]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2004. 368 p.

31. Kostyukov V.P. «Zheleznye psy» Batuidov (Shiban i ego potomki v voynakh XIII v.) [The “Iron Dogs” of the Batuides (Shiban and his descendants in the wars of the 13th century)]. *Voprosy istorii i arkhologii Zapadnogo Kazakhstana* [Questions of History and Archaeology of the Western Kazakhstan]. 2008. No. 1, pp. 42–96.

32. Kychanov E.I. Svedeniya iz «Istorii dinastii Yuan'» («Yuan' shi») o Zolotoy Orde [Information about the Golden Horde from the “History of the Yuan Dynasty” (“Yuan Shih”)]. *Istochnikovedenie istorii Ulusa Dzhuchi (Zolotoy Ordy). Ot Kalki do Astrakhani. 1223–1556* [Source Study of the History of the Ulus of Jochi (Golden Horde). From Kalka to Astrakhan. 1223–1556]. Kazan, 2001, pp. 30–42.
33. Kushkumbaev A.K. *Voennoe delo kazakhov XVII–XVIII vekakh* [Warfare of the Kazakhs in the 17th–18th centuries]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2001. 172 p.
34. «Letopis' Sebastsii» [The Chronicle of Sebastsii]. Galstyan A.G. *Armyanskie istochniki o mongolakh* [Armenian Sources on the Mongols]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1962, pp. 23–33.
35. «Mu'izz al-ansab» (*Proslavlyayushchie genealogii*). *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [“Mu'izz al-ansab” (Glorifying Genealogies). History of Kazakhstan in the Persian Sources]. Otv. red. A.K. Muminov. Per. s pers., predisl., prim., podg. faks. k izd. Sh.Kh. Vokhidova; sost. ukaz. U.A. Utepbergenovoy. Almaty, Dayk-Press Publ., 2006. Vol. III. 672 p.
36. Patkanov K.P. *Istoriya mongolov inoka Magakii, XIII v.* [History of the Mongols by the Monk Maghakia. 13th century]. Per. i ob'yasneniya K. P. Patkanova. SPb., 1871. 120 s. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. Vol. I, Book 1. 221 p.
37. *Puteshestvie v vostochnye strany* [Travel to the Eastern Countries]. Per. A.I. Maleina. Moscow, Geograficheskaya literature Publ., 1957. 270 p.
38. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Hypathian Chronicle]. St. Petersburg, 1908. Izd. 3-oe. Vol. II. 938 stolbts. + 108 str.
39. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1952. Vol. I, book 2. 315 p.
40. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. Vol. II. 241 p.
41. Fazlallah ibn Ruzbihan Isfahani. «Mikhman-name-yi Bukhara» (*Zapiski bukharskogo gostya*) [Notes of the Bukhara Guest]. Per., predisl. i primech. R.P. Dzhililovoy. Pod red. A.K. Arends. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1976. 400 p.
42. Sabitov Zh.M. K voprosu o spornykh epizodakh v biografii Subedeya [On the Issue of the Controversial Episodes in the Subedei's Biography]. *Vek nauki i obrazovaniya* [A Century of Science and Education]. No. 4–6 (60–62), aprel'-iyun' Publ., 2014, pp. 25–27.
43. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Per. Kozina S.A. Ulan-Ude, Buryaaday nomoy kheblel Publ., 1990. 318 p.
44. Sultanov T.I. *Zolotaya Orda. Gosudarstvo Chingizidov v Evraziyskoy stepi* [The Golden Horde. Genghisid State in the Eurasian Steppe]. Almaty, Mektep Publ., 2004. 176 p.
45. Syzdykova R.G. *Yazyk “Zhami at-tavarikh” Zhalairi* [The Language of “Jami at-tavarikh” of Jalairi]. Almaty, Nauka Publ., 1989. 243 p.
46. «Tavarikh-i guzida-yi nusrat-name». *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv.: izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy* [Materials on the History of Kazakh Khanates of the 15th–18th centuries: Extracts from Persian and Turkic Writings]. Alma-Ata, Nauka KazSSR Publ., 1969, pp. 9–43.
47. Usmanov M.A. *Tatarskie istoricheskie istochniki XVII–XVIII vv.* [The Tatar Historical Sources of the 17th–18th centuries]. Kazan, 1972. 223 p.
48. Ötemish-Hajji. *Chingiz-name*. Faksimile, per., transkr., tekstol. primech., issled. V.P. Yudina. Komm. i ukaz. M.Kh. Abuseitovoy. Alma-Ata, Gylym Publ., 1992. 296 p.
49. Khrapachevskiy R.P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [The Military State of Genghis Khan]. Moscow, AST, LYuKS, 2005. 557 p.
50. Yuan' shi (Ofitsial'naya khronika dinastii Yuan'). *Osnovnye zapisi* [Yuan Shih (Official Chronicle of the Yuan Dynasty). Main Records]. Khrapachevskiy R.P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [The Military State of Genghis Khan]. Moscow, AST, LYuKS Publ., 2005, pp.432–525.
51. Yurchenko A.G. *Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa. Obraz Chingis-khana v mirovoy literature XIII–XV vv.* [Historical Geography of Political Myth. The Image of Genghis Khan in the World Literature of the 13–15 centuries]. St. Peterburg, Evraziya Publ., 2006. 640 p.

About the author: Aibolat Kayrslyamovich Kushkumbayev – Chief Research Fellow, Research Centre for Humanitarian Studies “Eurasia”, L.N. Gumilev Eurasian National University, Dr. Sci. (History), Professor (010008, Munaitpasov st., 7, office number 516, Astana, Kazakhstan); kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz

Tugh (Tuğ) as a Turkish Hegemonic Symbol from the Altays to the Alp Mountains

Refik Turan
(Gazi University)

Güray Kırpık
(Gazi University)

“Tugh (tuğ, tail bunch)” was an element, which rulers used in Turkish states as a symbol of domination. It appeared in the oldest Turkish states and kept its existence until recently.

“Tugh” used to be made from the hairs of the horsetail. A certain amount of hairs of a horsetail were placed on a stick after being painted in red. A fringed cap made from thin black and white hairs was put onto it, too. On top of them a gilded copper ball and sometimes a crescent on the ball used to be placed. The ball used to symbolize the sun, the crescent used to symbolize the moon and the hairs used to symbolize the rays of sunshine.

In addition to its dating back to ancient times as a domination symbol, “Tugh” has been used as an important symbol in various political entities in an extensive area ranging from Asia to Europe. After the Huns, it maintained its existence as a hegemonic symbol among the Gok Turks, Uygurs, Karakhanids, Seljukids, Ottomans, and other Turkish dynasties.

“Tugh” came into existence first with the Huns. Although there was a long interval afterwards, Europeans encountered Turkish “Tugh” in Ottoman period again.

The “TUGH (TUĞ)” as a Word and Concept

“Tugh” is equal in meaning to “sorguch” and “tail”, which was used in front of the Sultan’s headgear according to the contemporary Turkish dictionary [25, 757; 10, II:929; 28]. Historical Ottoman Turkish Dictionary, the New Turkish Dictionary, says that “tuğ” is a horsetail and it was used for Ottoman Pasha. Also Lexicon Dictionary says for “bonjuk” is mühr and it is used on the documents [25, 757; 17, I:943]. So we can say to “tuğ” is like “bonjuk” or “mühr”.

Looking into the etymology of the word “Tugh” linguist Osman Sertkaya has stated that it should be read with an -o- as a broad vowel. According to him the original form of “Tuğ” is “Toğ” since in the Codex Cumanicus it was written as “Tog” with Latin characters. Additionally, according to the Divan-ı Lügati Türk, the sound “Tugh (Tuğ)” conforms more to the Turkish phonetics. Accordingly, in old Turkish words the ending in (ğ) were pronounced as (k) in Eastern Turkish and as (v) in Northern Turkish [9, 250]. Without a doubt the word “tugh” is one of the oldest legacies in the Turkish language [14, 57].

TOG in ancient Turkish is TOK in Eastern (Chaghatay) Turkish.

TOG in ancient Turkish should be TOV in Northern (Kıphjak) Turkish.

Historically the “TOG” was a same word both in Turkish and Chinese languages:

Century Turkish Chinese

VI–VII dok dok

Century Turkish Tibetese

VIII tuğ teg

Century Turkish (Uygurian) Islamic Uygurian and Latin

VIII–X tuğ tuğ

Century Turkish Arabic and Persian

XII tuğ tuğ

Century Turkish Kumanic and Kıpjak

XI–XIV tuğ tuğ (in Codex Cumanicus)

Although the exact place and time when “Tugh” was used is unknown, we know that symbols like “Tugh” and the similar symbols of dominance were used long before our era. The ancient Turks used the “Tugh” as symbols of duty, authority and office of rulers, minister, lordships, governance of principality (Sancak Beyliği), Member of Imperial Council (Divan-ı Humayun) and emirates. Although the numbers have changed over different slices of time, the kings had nine Tughsin among the Gok Turks,

Uygurs, and Oghuzs. Since the nine is an odd number and has a religious connotation, it shows that Tugh, as a symbol of sovereignty, is a religious relic. Actually, the Chinese had used the Tugh in another form. Especially the Tibetan version is noteworthy.

Among the ancient civilizations, the Egyptians used the wolf headed man and eagle, the Assyrians used the bull or the pigeon bull reminding us of the Semiramis legends. The Byzantines used the eagle and the cross, the Seljukids used the double headed eagle, the ancient Turks used the horsetail, horns and drawings of wolves, the motif of the moon. During the early ages, the Athenians used the drawings of the goddess Athena, the olive tree and drawings of owls as symbols of sovereignty.

It is known that in Central Asia the Turks used Tughs instead of flags. After the Turks had embraced Islam in great masses, the first Muslim Turkish states used various flags. The significant feature of these flags is that the Islamic motifs and elements were added to the ancient Turkish motifs. The “Tughs” are divided into two as with and without flags. In short, in most cases the flag and the Tugh were used side by side or together. During the feudal era, the Akkoyunlus and the Karakoyunlus had flags and Tughs with sheep drawn on them. During the Ottoman era, the Tugh and emblems were used as symbols of sovereignty [27, 272]. Tughs of the Ottomans are the ones that resemble the most ancient Tughs.

The Tughs are military symbols with a wooden body, covered with horsetail weavings and gold leafs with a “tombak” top. The “Tughers” (Tugh bearers “Tuğcular”) performing a special mission came under the “alembaşı (alembaşı)”. There was a special place to hold on the pole, so that the Tughs can be carried. The battle Tughs, which were quite long (3.5 m) so that they can be seen from a distance during the battle, were placed on a special table or a base.

The original Tughs were made of the hair of the Tibetan ox “kotuz (kotaz)” or “yak”, which were accepted to be sacred by the Buddhists in China, were made of horsetail hair by the Turks as there was no such animals where they lived. The Tibetan ox with its shining hair is still a very famous animal in the world [5].

The words of the Turkish traveler who went to the region at our time are as follows;

“Just as we were approaching rabbitly some of the animals that were around us drew my attention; the living examples we saw around us were Kotuz (long haired oxen/cows whose tail hair was used to make Tughs) as we saw in the rock drawings of the Gok Turks”.

The ball on top the Tugh represents the sun, and the crescent represents the moon. In turn, the horsetail in the Tughs added later, represents the rays of the sun. Sometimes Tugh was attached to an iron lance with a small rope [19, I:259]. There is a compliment sentence for the beys in the Ottoman age: “Beys who have Tugh on their heads and beys who are doing beyship”. This applies to another Ottoman sovereignty symbol “sorguç(feather)” [19, I:521, 524].

As for the 5th century BC, the horsetails were cut and placed in the Pazırık garves. Additionally, the tail of the dead enemy’s horse was cut and tied to a pole as a message of victory. Obviously, the tradition of the Turkish State, families and religion were the basis for the creation and development of the Turkish Tughs. Prior to the practice of military using of the Tughs, they were more frequently used with flags and emblems and had a religious connotation. The Turkish State officials created objects that were used for different religious purposes.

The bunches of hair used for Tugh’s making can be seen as “Hotoz” in the tents, in houses, cemeteries and heads of women.

According to the records, the term Tugh was used for the first time in the “Şine-Usu”obelisk erected by the Uygur King Moyencho during the mid-eighth century (759–760). According to the inscription, nine Tughs were erected in front of the royal tent and they were carried by a large group of soldiers since the Tugh was a sacred symbol. Sometimes the number of Tugh bearers reached 500 [22, 63].

In 1908, Paul Pelliot wrote about the Chinese and Tibetan texts in the Bin Buddha Temples (Tsi’en-tung) at a distance of approximately fifteen km from Dun-huang;

“Looking to the west of Bug-Çor, there live nine tribes called the ‘Nine Dru-gu family’ by the Tibetans. Their leader is the ruler, “kagan (kağan)” appointed by China from the Uygur Do-togs. The family of the Kagan is referred to as Yag-le-ker. The Kagan (leader) erects nine togs in front of the royal tent. The Ho-yo-’or tribe has only about 6,000 soldiers” [21, 256–257].

As can be understood from the texts in the Buddhist temple, both the Turks and the Chinese used the same symbol. Again, in 1206, in the year of the leopard, Genghis Khan proclaimed himself as the Khan by erecting nine Tughs at the source of the Onan river.

The “Tugh” as the Symbol of Sovereignty

The Tugh is combined in an arrangement of three thoughts and beliefs as “religion-war-Tugh”. It is not possible to think separately of these three elements. However, the Tugh again means mainly a call to war and a challenge. A declaration of war begins with the Tugh ritual and taking the military oath after various traditional ceremonies such as offering of hair or a sacrifice to the “Tugh”. The Tugh was an indication of the power of the State and its decision to start a war. With the erection of the Tugh an independence would have been declared and in this sense it meant to challenge the enemy. After this preparations the war would begin.

The Tugh Spreading in Time and Space in the Moslem Turkish States in the Middle Ages

The Seljukids, like all the previous Turkish states, had great Hakaniyya Kettledrum. The Seljukids used the Tugh together with the drums and mehter (military band). This constituted the basis of the Ottoman Mehter (band of musicians).

In the Iranian arts' exhibition at London, a large kettledrum dating back to the 12th–13th centuries show that the Seljukids had mehter and Tugh [12; 27, 316]. It is known that the Seljukid Sultan, Gıyas al-din Kayhusrav, gave to the Osman Gazi an imperial order, Tugh, flag and a sword in 1289 [24].

Uzun Hasan had tablhane band (a military band of musicians) during the Otlukbeli Battle. Additionally, Timur descendants, the umera carried Tughs as well [27, 288]

During the Ottoman era, the Tugh and flags were distinctly separate from each other. This distinct separation is not always visible among the other Turks. The flying of the flags under the heading or the top of the pole are rarely encountered as frills there, where the Tugh and the flag are united.

The Egyptian Memlukids

During the Memlukids era, the Tugh is seen as “chalış (çalış)” in Egypt. It means at the same time the mehter. The Ottomans adopted the term “Mehter” from the Memlukids. Within the framework of this Turkish culture, the “chalış” or “chalish” was the name given to the royal band. Actually this name is Turkish also. In short, for the Memlukids çalis meant the royal band. However, they also used this term for the royal flag [27, 315]. Before going out to battle, the “chalış” is hoisted first and mobilization is declared in this manner [27, 420].

Ibn Khaldun indicates that within the Turkish culture, the word sanjak comes from the Turkish word “sançmak”, that is to stab. This goes to show that in the Turkish culture {tablhane}, chalish (çalış) and sanjak are intertwined with each other [18, 36].

The sanjak and the mehter units worked together and were an indication of war. The mehter was drawn in front of the tablhane forty days prior to the battle and preparations were made through official marches. Baybars's mehter was defined by Makrizi as follows: 40 pairs of large drums, 4 drums, 4 bugles or blowers, 20 trumpets” [16, year recordings in 803 AH].

Turkish States in India

State and military bands were associated with the grand ruler drum in Turkey. The Gurlus in India were constituted as Turkish military aristocracy in the northern of India. Within this framework the Turkish military tradition had a great influence. As mentioned by the Gurlu Sultan Gıyasedin in the Operation Nasırlı, “there was golden drum carried by a man on a cart”. The existence of Tughs in the Baburshah State and the Tughlug Khans shows that Tughs were introduced to India by the Turks [3, II:570, 579; 11: Essay “Tugluk Hanlar”].

The Color of the Tugh and the Places Where They Were Used

Information on the Tugh could be found in the mythological sources. There is information on the use of the Tugh in historical sources and legends. The Oghuz Epic contains a saying, which says: “Let the sun to be our Tugh, and let the sky to be our tent!” [4, 1–2]. In other words, the Tugh is shown as the symbol of world dominance and here the “Sun” is referred as the Tugh.

Information on the Tugh mentioned in the Manas epic tells us about the color of the Tughs: “Stick the bottom of the red Tugh into the ground, open its head to the skies and let it fly” [13]. It is known that the Kashgar Bey, Bok-Murun, had a Kızıl Tugh and Boz Tugh as a symbol of sovereignty [18, 36].

The *Song of the Host of Igor* talks about the red flag of the Kıpçaks. Mahmud al-Kashgarî (Kaşgarlı Mahmud) stated that the Karakhanids used red flags. According to Fuat Köprülü, the Memluk flag was yellow. Mehmet Osmanov states that in the Nogay culture the Tughs were of the yellow and red colors [7, 152–153; 13].

The following is stated in Kutadgu Bilig: “The sun rose, dust blew on land, the (Ruler's) nine red Tughs approached us even closer” [29, 4893]. Here, the sun has replaced the sky. The sun rose higher as

the ruler's Tugh and gave its own brightness to the Tugh. The ground smelled of dust and soil. Here the place of Tugh mentioned in religious context.

In the 11th century, Mahmud al-Kashgarî wrote referring to the Tugh that “the Tugh means the world. It is said that the Khan with nine Tughs means a ruler with nine flags. Even if there are more places and provinces administered, no more than nine Tughs may be made, because the number nine is a lucky number”. Besides, the “Nine horoscope” is a very important symbol for the Chinese and the Turks [15, III:127, IV: 631, 649]. As can be seen in the Chinese drawing showing the visit of the Chinese princess who was the wife of the Hun leader, the “Tugh/flag” is placed there, where the drum (Nevbet) team advances.

The *Victory book* (Zafername) says: “Timur's soldiers who entered the fort first, were raising the Tugh”. The tughs, which were used as symbols of military duty and civilian office of the rulers, ministers, lordships, sanjak beylighi during the Ottoman era, were the symbol of rank (status). Although the numbers changed according to the terms during the Ottoman era, the kings had nine or seven Tughs. In turn, the prime minister had five Tughs, the ministers had three tughs, the lordships had two and Sanjak Beys and Mirlivas had one Tugh. During the Ottoman era, the color of the Tughs was red or golden yellow. On the other hand, the Ottomans had a white flag (liva-i beyza). This situation shows the similarities between the Islamic and Turkish traditions.

At the same time, the Tughs were used as objects of battle showing the places, positions and movement of the military units in the dispatching and administration of the army. The Seljukid sultan Gıyaseddin Mesut II, appointed Osman Bey as the Governor (Uc Beyi) of Sogut (Söğüt) and its environs with the decree he sent to him. With the acceptance (istikbal) of decree dated by 688 AH – 1294 AD, the entire Sogut (Söğüt) region and its environs, extending from Eskisehir (Eskişehir) to Yenisehir (Yenişehir) were given to Osman Bey. The sovereignty materials sent with the decree were listed as follows:

“*Tuğ-ı Subh, tıraz afitab alem and tabl-i-nakkare pur zem-zeme muhteşem.*” [15, III:127].

The Sultan used to be present at the ceremonies preparing the Tugh for war. In fact, the Ottoman Sultans personally assisted in taking out the Tughs and putting them back in their place.

The Unison of the “Tugh”, Flag, Drums and the Military Band

At this age, the word “Tugh” was a single word meaning the flag, the drums or the military band. Actually the Tugh meant the royal emblem or the horsetail or the flag. If we look at the Huns, it seems significant that the Turks could not contemplate a drum without a flag or a flag without a drum. During the Karakhanid era, when it was said that “the Tugh was struck”, it was used to mean that the royal drum was struck.

In the Ottoman State, cleaners and caretakers of the “kos (kös)”, “otag (otağ) and “tuğ-i hümayun (royal tugh) were called mehter or mehteran. Those who set these up, carried them, disassembled them and put them in their storage, were always together. All these symbols were always next to the Sultan or in front of the royal tent.

While giving the drum and the flags to the same guards, Genghis Khan also gave them his kitchen ware. The kitchen was very important in respect to safety. The matter should be considered in this manner and examined with a realistic view.

Tugh is the small drum and the big drum struck beside the sultan. Mahmud al-Kashgari, who knows these matters very well, always used the words kos and davul together. He does not define whether the Tughs are small (kos) drums or large drums (davuls, tabls). Mahmud al-Kashgari connects nevbet to Zülkarneyn. In this event we could talk about a mythological connection that leads up to Oghuz Kagan. According to him “Tugh, kös ve tabl yudrabu beyne yedi'l-meliki” that is “the Tugh is a drum, it is beat beside the sultan” [15, III:127, IV: 649, I: 96, 302, 332,340,429,456, II: 14 II: 183, 247,333]. This does not apply only to the sultan's military band: the statement {Tuğun tikip, uruldu} also involved the [sewing of a flag]. However, in the Arabic version, {it was a sign of battle and the drum was beat}; {Duribat alametü'l-harbi ve't-tabl}. These tell us that the flag, the Tugh and the drum were used together [1].

The information in the Kashgarlı in regards to the Tugh are as follows:

In the Divan-ı Lugatı't- Turk the meanings of the terms “tog-tüğ-tuğ (togh)” are given as follows:

“*the tüg: the drum beat in the presence of the Sultan (kös, drum)*”

xan tüg urdi: The sultan has struck the guard drum {nevbet (gülbang) çaldırđı} tüg. Tugh (world)

toquz tüglüg xan: The ruler with nine Tughs. No matter how large his domain is and no matter how many titles he has, a ruler may not use more than nine Tughs. Because they believe the number nine to be a lucky number. These Tughs are made of material called harcin or are made of orange color silk. They considered these colors to be lucky as well (also see al).

Tugdı.*Kün tugdu; Sunrose**Oğul tugdu; A son is born. This is used in the following saying**Müş ogh muyavı tugar: A kitten meows when it is born. A kitten meows bits its mother.**Tüg: water dam.**Suwga tüg ur: build a dam in front of the water.**Tüg: A cover or a lid of anything. Tünglük tüg; Chimney cover.**Tü: a thin hair inside a wool, fur”***The Place of the Tugh in the Military Band among the Ottomans:**

In the military band of the Ottoman State there used to be the Commander of the Military Band who was called the Chorbacıbaşı (Çorbacıbaşı) and who wore an Uskuf (Üsküf) on his head. And behind him to his left was the white flag and to his right was the red flag together with an armored guard next to it. Behind the flags were placed nine Tughs in three rows with three Tughs in each row. On the right side behind the red flag was the attack Tugh, which was carried by the Janissaries. When the Tugh was coming out in the Ottoman State, at the same time 12 ram have been sacrificed [19, II:544].

While going out to a battle, the sultans used to take their royal Tughs with them and therefore the ceremonies were held for this purpose. When the royal Tughs were carried from one position to another, there used to be a Tugh bearer in charge. They used to take their places in the very front during the battle. Upon the return of the sultan they used to erect the Tughs in front of the tent or the gates of the castle. Again during the battle, as was the custom, the Tughs would walk in the very front until they reached the enemy lines, and when they reached the enemy lines they used to join up with the army. It was the law not to sent the Tughs any forward when the border was reached.

If the army was to move towards the European side, the Royal Tent would be set up at the Davut Pasha field. If the army was to move to the Anatolian side, the royal tent was set up at the Doğancılar square at Üsküdar. But if the decision to go to battle was taken at Edirne, that is if the sultan and the government were there, the royal Tent would be set up at Kabak Square. During the battle, two of the sultan's Tughs would be placed in front of the royal tent set up at the next camping site. The Tughs and flags were brought in front of the royal tent [1, 25].

The battle Tughs of sultan Selim were erected at the Üsküdar field on the twentieth day of the month of March of the year 1514. The graceful Tugh made of nine white horsetail was showing the direction of the battle. Erecting of the Tughs at Üsküdar indicated that the journey was going to be towards Asia.

Obviously, the Turks valued and respected the red color from very ancient times. This is the military and battle tradition of a nation. This is the reason why the Republic of Turkey is continuing on with this historical legacy. For example, it was not a coincidence for Yavuz Sultan Selim to use the two, red and white, royal flags in the battles of Çaldıran and Egypt. Because the flag is the matter of colors and signals [1, 25]. Besides this, we can discuss about the tangible and intangible aspects of the terms such as red, white and golden yellow.

Although the first ten sultans up to Sultan Suleyman the Law Giver (1520–1566) commanded the armies and took part in the sieges, Selim II (1566–1574), Murad III (1574–1595), Mustafa I, Ibrahim II, Süleyman II, and Ahmed II (1691–1695) did not go to battle and the last Sultan to go out to battle and command the armies was Mustafa II (1695–1703). After him, all the other sultans delegated their command to the senior minister to whom they delivered the title of “serdar-iekrem” and the “sanjak-isherif”.

It can be seen that the symbol “Tugh” was placed in the engravement of the famous “tughrakesh”. Mustafa Rakım, Sami Efendi and İsmail Hakkı Altunbezer may be counted among the best engravers of the Ottoman arts.

The Number of Tughs

The number of Tughs among the Turks is specific. Using Tughs more than this number is considered a rebellion. In this regard, the rulers would have nine Tughs (sometimes seven) [20, II (99–100–101):8]. The Prime minister or the Minister would have five Tughs, vizier (Vezir) would have three Tughs, the lords would have two and Sanjak Beys and Mirliva would have one Tugh.

Nine Tughs

There are sayings among the Turks used in social life such as “nine trees, nine rooted trees, tree with nine branches, 9 shepherds, 9 giants, 9 camel sacrifices, 9 fortunes, 9 days, rejecting the ruler 9 times (in ascending to the throne), 9 kırmızı pools, 9 cows, 9 [karis] snows, 9 girls, 9 persons, horse with

9 [belly band “kolan”], 9 arrows, 9 woven hair, 9 frills, greeting 9 times, 9 generations, 9 gods, 9 countries, and 9 sheep.” This goes to show how important role the number 9 plays in the Turkish tradition [18, 36–40].

The “weddings Mihr Gift” was given in nine in most cases: such as “nine horses and nine camels”... Penalty was also paid in nine figures. For the nine paid for penalty it was said “*dokuzlar ayıp, ayıplık*” for the animal.

Seven Tughs

It is known that the Seljukids and the Khwarezm shahs had seven Tughs [23, 101].

According to Ali Seydi Bey, the Ottoman sultan had seven Tughs and seven flags [1, 25]. In 598, the Gok Turk leader described himself in the letter he wrote to the Byzantine Emperor Moris as: “You are the emperor of the Romans. While I am the ruler and the great chief of the 7 races and 7 climates of the world”. He was amazed about this title of the Gok Turk leaders and could not make any sense out of it. Perhaps the secretaries who wrote this letter found this title most fitting to the Turkish leader. However, it is not possible to write or say a title that was not approved or known by the Turkish leader. The number seven and the order of seven held a very significant place in the Turkish beliefs and faith [20, II (99–100–101): 8].

As Bahaeddin Ögel indicated: 7 Fathers, 7 headed giant, 7 regions, 7 black tents, (GÖK) tree with 7 branches, 7 seas, 7 ambassadors, 7 days, Oghuz Khan growing up in 7 days, 7 deers, 7 generations, 7 Sky horses (mystic), 7 first humans, 7 brothers, 7 girls, 7 wolves, 7 Hungarians, 7 sons, 7 oxen, 7 hells, 7 ministers, 7 years, 7 year war... This goes to show that the Ottoman Sultans having seven Tughs and seven flags was no a coincidence [20, II (99–100–101): 8].

“Three Tugh-Flags” and “Order of Three” [2].

As of Central Asia, it was characteristic for the Turkish rulers to have three Tughs. “The Prime Minister with three Tughs, Vizier with three Tughs, a general with three Tughs” [22, 57–63] appear as a status of rank in the Ottoman State as well [26, 269]. However, the basis of the number three goes back to very ancient Turkish tradition. From time to time, these ancient Turkish habits and tradition overlap and have similarities with the number three in Islam.

3 Trees, 3 year old, rejecting the king three times, three arrows (Oghuz epic), 3 elements, 3 entities, 3 regions, 3 layers of heaven, 3 women, 3 girls, 3 moslems, 3 January... Actually, among the Turks the number three is a division of the number 24. The names of the three tribes (from the Gok Turk inscriptions): Three Oghuz, Three Kurikan, Three Karluk... etc. And the number thirty is the fold of this number [20, II (99–100–101): 9].

To receive and use a Tugh meant a rank for the Chinese and the Hitays and it was accepted as a symbol of sovereignty. Flags and drums are known in these cultures. Obviously, we need to talk about Turkish-Chinese interaction in this situation. The Tughs and Tabls of the Turkish tribes were considered important as official seals and symbols. The Tugh and Tabls held the place of the modern seals. They were accepted as the symbol of the great power and ability of the tribe. Each tribe had its own flag of different colors.

Granting of a Tugh and Flag

The only statement in the Gok Turk inscriptions is: “the Turkish Tribe with Three Tughs”. Budun in the Gok Turk tablets is used to mean an independent, renown community. In addition to expressions such as Tabgaç budun, the Chinese people, Nine Oghuz, Kırgız budun, there was the Turkish tribe (*budun*) with three Tughs, and this expression goes to show the superiority of the Turks in respect to sovereignty.

Because “in 629 the Chinese emperor gave drums and large flags to the (8 tribes) of Kitans”. A year later, the Gok Turk State collapsed. Thus, China was recognizing their political status or independence of the tribes affiliated with the Gok Turks by giving them “flags and drums”.

“The tribe or a community whose political status or existence had been recognized, was allowed to fly its own flag and play its drums”, because in 630, the heros and beys who attended the Gok Turk assembly came with their own flags and Tughs [20, II (99–100–101): 11–12].

In the Babürname, “the person who was elected to chair the session militarily” was given a Tugh and Nekkare (two tabl or similar to small drums) [3, III: 570–571, 579]. Thus, he would earn the right to chair the session. But regardless of whoever grants him these three things, it was viewed as a symbol of sovereignty granted by the order and with the permission of the sultan. In the Ottoman State, the Tugh and flags were given to the Beylerbeyi and Sanjak Beys by the mir-i alem for and on behalf of the sultan [20, III: 18].

The “Tugh” as a Symbol of War

With the presence of the “Tugh and the flag” the committee could meet at the castle, royal tent, headquarters or even on horseback in the form of a presentation. However, Kutadgu Bilig does not see the flag as a property of the castle and inside the castle. Besides, during the Ottoman era, the Tughs and flags were only taken of the castle upon the declaration of war.

The property of the ruler inside the castle and his appearance was measured with his dining table. Two things that increase the fame and name in the documents:

The Tugh and the flag of the State and “in the dining table at the head of the throne, the meals must also be very wealthy”, as is stated [20, III: 18].

In the Babürname it says; “the Tugh is opened with the mongul law number one”. The Shaman (Kam, Şaman) erects the Tugh in front of the nine oghuz khans, ties one cloth to the leg of the ox and ties the three clothes to the three Tughs. The Moslem khans sprinkle kımız on the Tugh [3, I: 150 and English version of 3, I: 155]. *This resembles to a ceremony.* The Tugh is erected by playing the drums and pipes in the Mongol tradition as well. Perhaps the tradition of the weddings in Anatolia by placing a large onion on top of a pole together with a flag and hanging it on a tall tree, must be related with the Tugh. The Turkmens of Central Asians called the large flag {baydak}. The Kırghız Turk call the award handed out at horse races {bayge}. However, there is no mention of any Tugh made of horsetail hair.

So, we know in summary from the examples given above the clues as how the “Tugh” was handed down today. From history to date we can think of a combination of “Tugh-flag”. There is a transition from the Tugh to flag. They used to select the material of Tugh and the flag from brocade (dibace) or orange colored silk (harir-i narenci) and they used to consider this color to be a lucky color [20, 14].

A poem in Kutadgu Bilig says the following:

“Bulut kökredi urdı nevbet tuğu/Bulut kükredi vurdu nevbet tuğunu,

Yaşı yaşadı tarttı hakan tuğu/Şimşek çaktı tuttu çekti hakan tuğunu” [29, 104–105 Line Nr.B. 19/86 B406/944 B87/1036].

In Kutadgu Bilig the tugh and flag are mentioned in the following three manners.

1. “Only the Tugh”
2. *The Tugh of the ruler (Sultan tuğu)*
3. “Nevbet Tugh”

Eventually, the tugh is a term that represents sovereignty (domination). Specially, at the time of the war: the falling of Tugh means to a “defeat” [8: 46; 6: 35, 74].

Conclusion

Obviously, when “tugh” is mentioned in Turkish history and culture the first thing that comes to mind is the symbol of “sovereignty” and State. As the symbolic sign of the strength of the Turkish state the “Tugh” can be seen in every region where the Turks have been. Despite a minor difference, they all have the same characteristics in respect to their manufacture and the shape they represent. The “Tugh”, which from time to time came to mean as “the strength of war”, basically means authority and officiality. Therefore, it can be seen in very different state ceremonies. During the Ottoman era, it was used as a special symbol under the name of “tuğ-i hümayun (royal tugh)”. The influence of the Tugh can be seen on the Ottoman {Tughra}, emblems and flags. The very originality of the Tugh is that it was used by all the emirs, that it is seen in the military band, from the Sanjak Bey to the Supreme Islamic Authority as a symbol of dominance (sovereignty). Therefore, today the Tugh resembles the “State emblem”.

References

1. Ali Seydi Bey. *Teşrifat ve Teşkilatımız*. Tercüman 1001 Temel Eser No: 17 (without publishing year).
2. Aydın, Hilmi. Tughs as Signs of Rank and Battle. *History of Turkish World*, 2001, pp. 33–34.
3. *Babürnâme (Babür’ün Haturatı)* Meb, İstanbul, 1970. I: 150; The Babürname in English [The Memoirs Of Babur]. Çev. Annette Susanna Beveridge, London, 1922, I: 155.
4. Bang, W., Rahmeti, G.R. *Oğuz Kağan Destanı*, İstanbul, 1936, 1–2.
5. Çoruhlu, Yaşar "Kırgızistan Notları", *Tarih ve Düşünce Dergisi*, İstanbul, 2000, 6: 70–76.
6. Ergin, Muharrem. *Dede Korkut Kitabı*, Ankara, 2003, 73, 74.
7. Genç, Reşat. Karahanlı Devlet Teşkilatı, İstanbul, 1981, 152–153.
8. Gökyay, Orhan Şaik *Dede Korkut Hikayeleri*, Kültür Bakanlığı Yayınları, Ankara, 2000, 46.
9. Grönbech, Kaare. *Komanisehes Vvörterbuch Türkischer Wortindex*, Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942, 250.
10. Gülensoy, Tuncer. *Türkiye Türkçesindeki Türkçe Sözcüklerin Köken Bilgisi Sözlüğü: Etimolojik Sözlük Denemesi*, Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara, 2007, II: 929.

11. I.A. “Tuğluk Hanlar”. İstanbul. 1993
12. I.A. Tabl-Hane, İstanbul, 1993, 609 p.
13. İnan, Abdülkadir *Tuğ-Flag*, Türk Kültürü Araştırmaları Enstitüsü, Ankara, 1966, 46 (Iv): 873.
14. Kafesoğlu, İbrahim. *Türk Milli Kültürü*, İstanbul, 1991, 57.
15. Kaşgarlı Mahmud *Divanu Lugati't-Türk*, Tercüme: Besim Atalay 5'nci Baskı, Iı: 127, Iv: 631, 649, 2006.
16. Makrizi, Takiyüddin (1997): *Kitabü's Süluk Li Marifet Düvelü'l Müluk*, 803 Yılı Vukuatı.
17. Meninski, Franciscus Â Mesignien *Thesaurus Linguarum Orientalium*, İstanbul, 2000, I: 943.
18. Ögel, Bahaeddin. *Türk Kültür Tarihine Giriş, Türklerde Devlet ve Ordu Mehteri*, Kültür Bakanlığı Yayınları, Ankara, 1987, 36.
19. Ögel, Bahaeddin. *Türk Mitolojisi*, Türk Tarih Kurumu, Ankara, 1998, I: 259.
20. Ögel, Bahaeddin (2005): “The Tugh And The Flag in The Turkish State and Family Tradition”, *Turkish History Magazine*, 99–100–101: 8.
21. Sertkaya (1979–1983): “Toog Tuğ Kelimesi Üzerine“ *Türk Kültürü Araştırmaları Xxvi–Xxi/1–2: 252–258*
22. *Şine-Usu Obelisk*. Trans. Erhan Aydın Karam Publishing, Çorum, 2007, 63.
23. Taneri, Aydın. *Celaluddin Harzemşah and Time*, Ankara, 1977, 101.
24. Taneri, Aydın. *Türk Devlet Geleneği*. Dil ve Tarih Coğrafya Fakültesi Yayınları, Ankara, 1975, 87.
25. Toven, Mehmet Bahaettin. *Yeni Türkçe Lûgât*, Haz. Abdülkadir Hayber, Türk Dil Kurumu, Ankara, 2004, 757.
26. Uzunçarşılı, İsmail Hakkı *Osmanlı Devleti'nin Saray Teşkilatı*, Türk Tarih Kurumu, Ankara, 1988, 269.
27. Uzunçarşılı, İsmail Hakkı *Osmanlı Devleti Teşkilatına Medhal*, Türk Tarih Kurumu, Ankara, 1988, 272.
28. www.tdk.gov.tr/Tr/Genel/Ana.aspx (08.06.2011).
29. Yusuf Has Hacib *Kutadgu Bilig*, Translator Reşit Rahmeti Arat, Kabalcı Publ., İstanbul, 2005, 104–105
Line Nr B. 19/86 B406/944 B87/1036.

About the authors:

Refik Turan – Prof. Dr., Gazi University (Turkey), rturan@gazi.edu.tr

Güray Kırpık – Assoc. Prof. Dr., Gazi University (Turkey); guray@gazi.edu.tr

Туг как тюркский символ гегемонии от Алтая до Альпийских гор

Рафик Туран
(Университет Гази)

Гирей Кырпык
(Университет Гази)

“Туг (связка волос хвоста)” был элементом, использовавшимся правителями турецких государств как символ господства. Он появился в древнейших турецких государствах и использовался до недавнего времени.

“Туг” обычно изготовлялся из волос лошадиного хвоста. Определенное количество волос из хвоста лошади помещались на шесте после того, как их окрашивали в красный цвет. Также он окаймлялся сверху тонкими черными и белыми волосами. Над ними обычно помещался шар из позолоченной меди, а иногда и полумесяц на шаре. Шар символизировал солнце, полумесяц – луну, а волосы – лучи солнца.

Помимо употребления в качестве доминирования в глубокой древности, “Туг” использовался как важный символ в различных политических образованиях на обширном пространстве от Азии до Европы. После гуннов он продолжал использоваться в качестве символа гегемонии у Голубых тюрков, уйгуров, Караханидов, сельджуков, османов и других турецких династий.

Впервые “туг” появился у гуннов; и, несмотря на большой промежуток времени, европейцы снова столкнулись с тюркским “тугом” в период Османской империи.

Ключевые слова: Туг, символ, гегемония, тюрки, Алтай, Альпийские горы, Османская империя.

Сведения об авторах:

Рафик Туран – профессор, доктор, Университет Гази (Турция), rturan@gazi.edu.tr

Гирей Кырпык – доцент, Университет Гази (Турция); guray@gazi.edu.tr

Находки золотоордынского вооружения в Азии и проблема влияния оружейных комплексов Восточной Европы на военное дело народов Сибири, Центральной и континентальной Восточной Азии XIII–XV вв.*

Л.А. Бобров

(Новосибирский государственный университет)

Н.Е. Белоусова

*(Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской Академии наук)*

В статье рассмотрены находки предметов вооружения золотоордынского производства (или выполненного по золотоордынским образцам) с территории Сибири, Казахстана, Монголии, Тибета и Китая. В том числе: сабли, копья, топоры, кинжалы, шлемы, щиты и др. Доспехи и оружие восточноевропейского производства попадали в Сибирь, Центральную и Восточную Азию в рамках торгового обмена, в качестве дани, дипломатических подарков и военных трофеев. Кроме того, носителями золотоордынской и восточноевропейской военно-культурной традиции на востоке континента являлись воины русских, северокавказских и кипчакских отрядов включенных в состав гвардии юаньских императоров. На основании комплексного анализа источников выделено две основных формы влияния «золотоордынского» оружейного комплекса на военное дело народов Центральной и Восточной Азии XIII–XV вв.: экспорт вооружения и экспорт оружейных технологий. Судя по количественным показателям наибольший интерес азиатских воинов, вызывали сабли северокавказского производства. Важнейшим заимствованием в сфере защитного вооружения стала кольчато-пластинчатая броня. Появившись на территории Золотой Орды, она затем стремительно распространилась по Евразии, вплоть до восточных окраин континента. Интересно, что в некоторых государствах Восточной Азии (Корея, Япония и др.) было организовано собственное массовое производство доспехов сплетенных из пластин и колец. Не исключено, что на территорию дальневосточного региона первые образцы кольчато-пластинчатой брони могли попасть вместе с воинами из Восточной Европы отбренными в состав элитных юаньских подразделений. Однако, в целом, военно-культурное влияние оружейного комплекса западной части Улуса Джучи на военное дело азиатских народов XIII–XV вв. носило ограниченный и фрагментарный характер, что было обусловлено, как спецификой социально-экономических и военно-политических контактов Золотой Орды с государственными образованиями Центральной и Восточной Азии, так и особенностями развития военного дела народов данных регионов.

Ключевые слова: Золотая Орда, оружие, мечи, шлемы, кольчато-пластинчатые доспехи.

Актуальным направлением современных археологических, военно-исторических и оружейно-ведческих исследований является изучение процесса взаимодействия и взаимовлияния военно-культурных традиций народов Евразии в эпоху Древности, Средневековья и Нового времени. Особое место в данной связи занимает период развитого Средневековья, характеризующийся интенсивным военно-культурным диалогом и появлением многочисленных симбиотических оружейных комплексов. Важными факторами, повлиявшими на данный процесс, стали Великие Монгольские завоевания и формирование континентальной империи Чингизидов.

Блестящие успехи центральноазиатских кочевников произвели большое впечатление на современников. Новые подданные монголов, а также союзники и противники степной империи внимательно изучали и анализировали вооружение, тактику, военную организацию и военную стратегию победоносных номадов. «Чингизидский» оружейный комплекс, сложившийся на базе синтеза монгольских, южносибирских, чжурчжэньских, киданьских и, отчасти, среднеазиатских оружейных традиций стал образцом для подражания для многих кочевых и оседлых народов Ев-

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

разийского континента. Вещественные, изобразительные и письменные источники фиксируют многочисленные примеры влияния «Чингизидского» доспеха, оружия дистанционного и ближнего боя на комплексы вооружения воинов Сибири, Восточной Европы, а также Западной, Средней и континентальной Восточной Азии. Этот феномен давно и плодотворно изучается отечественными исследователями [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 21]. В тоже время необходимо отметить, что военно-культурное влияние не было односторонним. С течением времени покоренные народы, сохранившие собственные оружейно-производственные традиции начали оказывать все возрастающее влияние на военное дело своих сюзеренов, что, в конечном счете, привело к формированию региональных оружейных комплексов отличавшихся (подчас весьма существенно) от своего «имперского» прототипа [2, с. 40, 46]. Одним из первых обособился северо-западный региональный оружейный комплекс, который с некоторой долей условности можно обозначить, как «Золотоордынский». Если в самой Монголии, а также Южной Сибири, Юаньском Китае, Чагатаидском Мавераннахре и (в меньшей степени) в Хулагуидском Иране продолжали преобладать ламеллярные, ламинарные и пластинчато-нашивные панцири, клепаные и цельнокованные шлемы, конские доспехи и другое вооружение центрально- и восточноазиатского образца, то на территории западной части улуса Джучи тотально доминировала кольчатая броня, оригинальные разновидности боевых наголовий, клинкового и ударно-рубящего оружия. Более того, образцы вооружения, изготовленные мастерами Поволжья и Северного Кавказа, находили своих почитателей не только среди кочевников Восточной Европы, но и у их соседей к востоку от Волги и Уральских гор.

Целью настоящей статьи является анализ предметов вооружения восточноевропейского производства обнаруженных на территории Сибири, Центральной и континентальной Восточной Азии XIII–XV вв., а также выявление основных направлений «золотоордынского» военно-культурного влияния на оружейные комплексы и военное дело азиатских народов.

Специфика золотоордынского оружейного комплекса была в значительной степени обусловлена его симбиотическим характером. Как показали специальные исследования, задача обеспечения золотоордынских войск защитным и наступательным вооружением решалась за счет развития местных оружейных производств, а также импорта с территории Ирана, Закавказья, Европы и Северной Африки. Основные производственные центры западной части Улуса Джучи располагались в Поволжье и на Северном Кавказе. Письменные источники фиксируют факты поставок партий оружия и доспехов с территории Южного Закавказья и Северного Ирана (до 60-х гг. XIII в.), Мамлюкского Египта (начиная с 60-х гг. XIII в.) и Италии [14]. В свою очередь, Золотая орда выступала ретранслятором северокавказского и европейского вооружения, а также различных оружейных технологий на восток. Вещественные, письменные и изобразительные источники свидетельствуют, что изделия золотоордынских и европейских мастеров попадали в руки тюркских и монгольских кочевников Центральной Азии, таежных охотников Западной Сибири, а также оседлого населения Мавераннахра и Восточной Азии. Доспехи и оружие приобретались в рамках торгового обмена, поступали в качестве дани или дипломатических подарков, захватывались в ходе боевых действий¹. Носителями золотоордынской и восточноевропейской военно-культурной традиции на востоке континента являлись воины русских, северокавказских и кипчакских отрядов включенных в состав гвардии юаньских императоров.

Анализ вещественных материалов происходящих с территории Сибири, Центральной и Восточной Азии позволяет выделить предметы вооружения, выполненные мастерами западной части Улуса Джучи, или местными оружейниками по золотоордынским образцам. К сожалению, размер статьи не позволяет дать подробное описание всех находок, поэтому ограничимся их краткой характеристикой.

Наиболее представительную серию составляют образцы длинноклинкового оружия². Нами зафиксировано 18 экз. сабель и их фрагментов, обнаруженных на территории Сибири, Монголии и Казахстана (рис. 1, 1, 2, 6, 8, 10)*. В большинстве случаев, речь идет о так называемых «черкесских»

¹ Так, например, большое количество вооружения было захвачено среднеазиатскими войсками Тимура в ходе вторжений на территорию Золотой Орды в 1391 и 1395 гг. [16, с. 175, 180]. Кроме того, значительные партии оружия и доспехов великий завоеватель получил в качестве дани и дипломатических подарков от местного населения. Когда Тимур возвращался из похода 1395 г. дагестанские мастера «поднесли ему множество брони и кольчуг» [14, с. 80].

² Оружие дистанционного боя будет рассмотрено в специальной работе.

* Рис. 2, 3 к статье см. на цветной вклейке.

саблях с длинным (около метра и более) слабоизогнутым клинком и характерной крестообразной гардой (концы крестовины отогнуты в сторону клинка и раскованы в виде плоских «капель» или ромбов). Подобные сабли типичны для северокавказского оружейного комплекса XIV–XV вв. [8, с. 64, рис. 7, 8, 10, 11; 11, 161–163, 176, 177. Рис. 3, 8–10, с. 179]³. Из 18 сабель серии происходящих с территории Сибири и Центральной Азии девять имеют точные аналоги среди северокавказских материалов. Большинство сабель из частных собраний сохранились фрагментарно. Наилучшую сохранность имеют образцы из Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартынова и Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (рис. 1, 1, 2, 6, 10). Длинный узкий клинок сабли из МРКМ снабжен широким долем вдоль спинки. Верхняя часть сабельной полосы украшена орнаментом и парой сквозных округлых отверстий (рис. 1, 1). На хвостовике сабли сохранились три заклепки с массивными полусферическими шляпками. Крестообразная гарда снабжена тремя выпуклыми поясками. Необходимо отметить, что подобные гарды достаточно часто встречаются в сибирских материалах. Так, например, практически идентичный экземпляр был найден у р. Тавда у г. Тобольска (Тюменская область) (рис. 1, 8)⁴. Другая сабельная гарда, происходящая из Нижнего Приобья и хранящаяся в МАЭТ СО РАН, отличается прямой крестовиной, концы которой, заканчиваются ромбическими навершиями [20, с. 191 рис. 28]. Можно предполагать, что некоторые сабли из Зауралья и Восточного Дашт-и Кипчак были изготовлены позднесредневековыми сибирскими и среднеазиатскими оружейниками в подражание черкесским прототипам⁵. Позднейшим дериватом данной разновидности оружия в Сибири можно считать саблю из Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (рис. 1, 2, 6). Данный экземпляр длинноклинового оружия продолжал использоваться сибирскими воинами вплоть до периода позднего Средневековья.

К числу изделий мастеров западной части Улуса Джучи, или их оседлых соседей, относится ряд ножей и кинжалов, обнаруженных на территории Сибири и Казахстана. С большой долей вероятности западное происхождение имеет и знаменитый кинжал с горы Кызыл-Тас в Восточном Казахстане. Кинжал снабжен длинным (45 см) обоюдоострым трехгранным клинком, крестообразной гардой и миндалевидным пластинчатым навершием [19]. Его ближайшие аналоги происходят с территории Европы и Западной Азии [15, с. 196].

Длиннодревковое золотоордынское оружие с территории Казахстана представлено копейными наконечниками с треугольным в сечении пером удлинненно-треугольной формы и крыловидным упором (рис. 1, 4, 5). В настоящее время данные наконечники хранятся в фондах ЦГМРК (КП 10242/2) и в частной казахстанской коллекции. Наиболее ярким элементом их оформления являются характерные выступы («крылья») между пером и втулкой выполнявшие роль ограничителя, не позволявшего наконечнику погружаться в тело противника слишком глубоко (что затруднило бы его последующее извлечение). Оба образца имеют характерное длинное перо с продольным ребром жесткости и различаются формой втулки. У образца из Центрального Государственного Музея Республики Казахстан она массивная и короткая (рис. 1, 4), а у его аналога из частной коллекции, она вытянутая, небольшого диаметра (рис. 1, 5). К.С. Ахметжан отнес наконечник из Центрального Государственного Музея Республики Казахстан к комплексу вооружения казахских воинов [1, с. 115. Рис. 15]⁶. Не оспаривая данное предположение, отметим, что этот оригинальный тип копейных наконечников характерен для черкесского оружейного комплекса золотоордынского периода [11, с. 168, с. 180. Рис. 11–14]. Это дает основание полагать, что наконечники из Центрального Государственного Музея Республики Казахстан и частной коллекции являются импортом с территории Черкессии, или выполнены местными мастерами по северокавказским образцам. Высокое качество металла обусловило длительный период использования данных наконечников воинами Дашт-и Кипчак.

³ Судя по изобразительным материалам, они также применялись на территории Ирана [11, с. 162].

⁴ Автор хотел бы высказать слова благодарности Ю.А. Филипповичу за возможность ознакомиться с данной находкой.

⁵ К концу XVII в. относится изображение «калмыцкого» (ойратского) воина вооруженного тяжелой саблей с елманью снабженной «черкесской» гардой [4, с. 293, рис. 92, 4].

⁶ Согласно данным сотрудников ЦГМРК копьё, снабженное данным наконечником, принадлежало казахскому Кулгара-батыру.

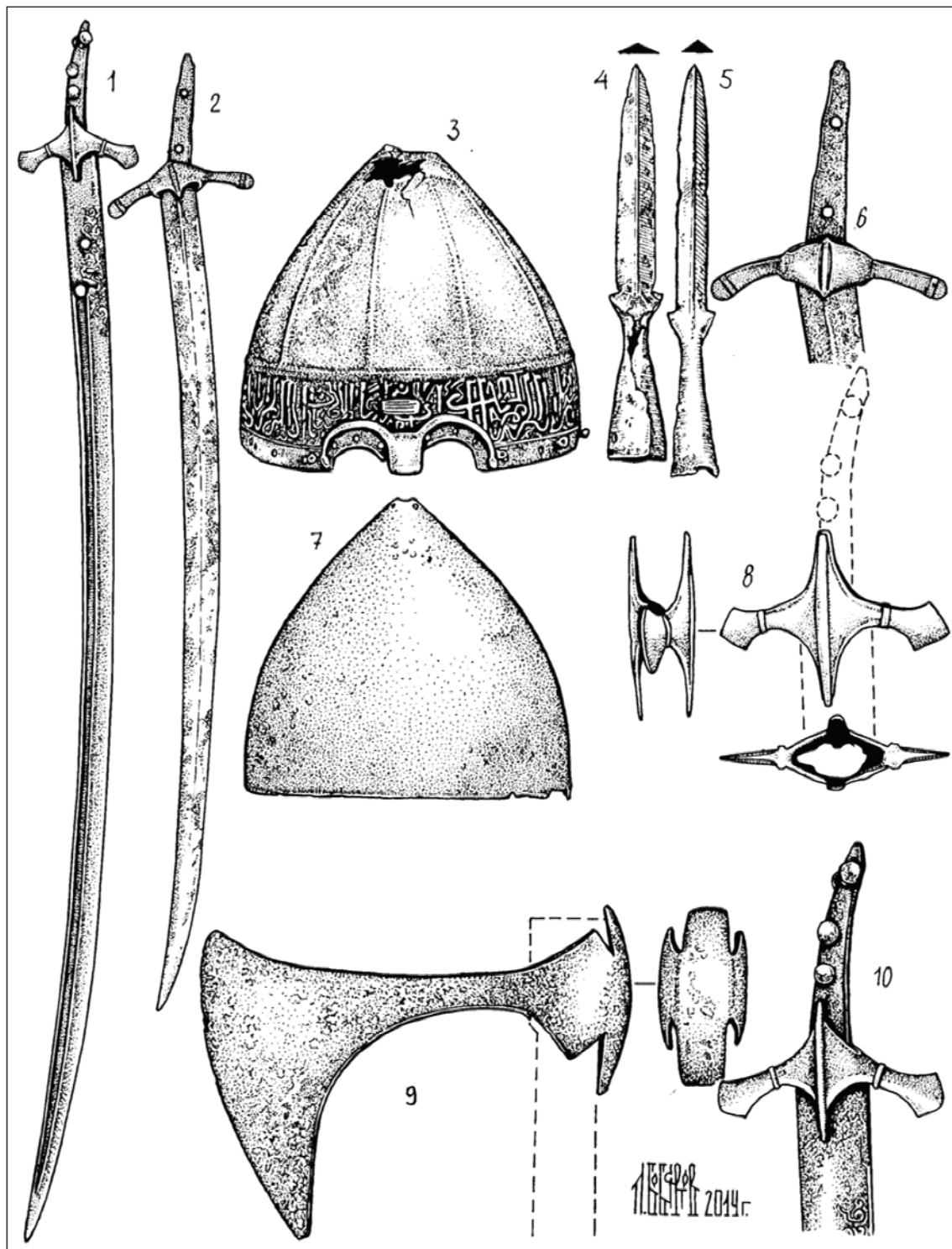

Рис. 1. Предметы вооружения с территории Сибири (1, 2, 6, 8, 10), Тибета (3), Казахстана (4, 5), Монголии (7).
1, 10 – МРКМ; 2, 6 – МАЭС ТГУ; 3 – Музей искусств Метрополитен (г. Нью-Йорк, США);
4 – ЦГМРК; 5, 8 – Из частных коллекций; 7 – ВММ; 9 – АОИКМ.

АОИКМ – Акмолинский областной историко-краеведческий музей (г. Кокшетау, Республика Казахстан);
ВММ – Военный музей Монголии (г. Улан-Батор, Монгольская Народная Республика);
МАЭТ СО РАН – Музей археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук;
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета;
МРКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова;
ЦГМРК – Центральный Государственный Музей Республики Казахстан.

С территории Казахстана, Сибири и Монголии происходят бойки боевых топоров, конструкция и система оформления которых нехарактерны для изделий местных оружейников, но весьма близки к болгарским и русским аналогам периода развитого Средневековья (9 экз.). К данной категории относятся топоры с ассиметричным Г-образным клинком и простым или вырезным обухом (рис. 1, 9), а также некоторые другие разновидности рабочих и боевых широколезвийных топоров⁷.

Золотоордынское влияние на восточноазиатское защитное вооружение проявилось, прежде всего, в распространении кольчато-пластинчатого доспеха. Судя по археологическим материалам, родиной классической кольчато-пластинчатой брони, является территория Золотой Орды. Наиболее ранняя находка кольчато-пластинчатого панцирного элемента, происходит из Бартымского I селища в Березовском районе Пермского края. Она датируется верхней границей существования поселения – второй половиной XIII – первой половиной XIV вв. [18]. Обрывки кольчато-пластинчатой брони были так же обнаружены в археологических памятниках Прикубанья (у с. Праздничное) и Южного Приуралья (Ново-Кумакский могильник) датированных серединой XIV – началом XV вв. Не позднее второй половины XIV в. кольчато-пластинчатые доспехи появились и в Западной Азии [8, с. 74, 79. Рис. 12; 11, с. 170, 185]. В течение следующего столетия новая структура бронирования распространилась на огромных пространствах Евразии от Северной Африки до Кореи и от Московии до Мавераннахра⁸.

Не исключено, что на Дальний Восток первые образцы кольчато-пластинчатой брони могли попасть не только в ходе торгового обмена или военных трофеев, но и вместе с воинами из Восточной Европы отобранными в состав гвардии юаньских императоров. Письменные источники свидетельствуют, что подразделения, набранные с территории улуса Джучи и отправленные на восточную оконечность Монгольской империи, были весьма многочисленны. Уже в первой половине 70-х гг. XIII в. северокавказский контингент в юаньских армиях насчитывал более 3 тыс. чел. (в т.ч. 700 чел. в свите императора). В последующие годы численность восточноевропейских войск в регионе только возрастала. В 1309 г. была создана «правая» и «левая» гвардия асов. В 1286 г. учрежден кипчакский гвардейский корпус, разделенный в 1322 г. на «правую» и «левую» гвардии. Во второй половине XIII в. кипчакские воины на Дальнем Востоке были распределены по 19 гвардейским «тысячничествам». Позднее (в конце XIII – начале XIV вв.) число кипчакских «тысячничеств» возросло до 25. Однако аланами и кипчаками дело не ограничилось. В 1329 г. была учреждена личная охранная гвардия императора в состав которой был включен русский полк «Всюду верные». В 1331 г. общая численность русских, приписанных к гвардии, доходила до 10 тыс. чел. [13, с. 215, 216].

Прибывавшие на Дальний Восток воины привозили с собой привычное им защитное и наступательное вооружение. Высокий статус императорских гвардейцев набранных из жителей Восточной Европы, Северного Кавказа и Дашт-и Кипчак, несомненно, способствовал росту интереса китайских и корейских оружейников к кольчатой и кольчато-пластинчатой броне. Первые образцы подобных доспехов на Дальнем Востоке, вероятно, представляли собой импортные изделия. Однако местные мастера достаточно быстро освоили их производство. Изображения восточноазиатских воинов одетых в кольчатые доспехи датируются концом правления династии Юань – началом правления династии Мин⁹. Не позднее середины XV в. собственное массовое производство кольчатых и кольчато-пластинчатых доспехов было развернуто и в Корее, что нашло отражение в тексте «Седжон чаньхонг Тэван силок» (1454) и регламенте «О ре ый» (1474) [2, с. 39, 44;

⁷ Пользуясь случаем, автор хотел бы поблагодарить к.и.н. И.Л. Измайлова за ценные сведения по ударно-рубящему болгарскому оружию периода развитого Средневековья.

⁸ До нашего времени дошел кольчато-пластинчатый доспех, принадлежавший тимуридскому правителю Ибрагим-султану (1420–1434).

⁹ Доспехи сплетенные из железных колец были известны китайцам задолго до монгольского завоевания, однако пик их популярности в Поднебесной пришелся именно на период правления династий Юань и Мин. Наряду с русскими, аланами и кипчаками, подобными панцирями в составе юаньской гвардии и войск «танма» могли похвастать воины многочисленных тюркских подразделений набранных среди жителей Средней Азии. Интерес жителей Дальнего Востока к новой разновидности защитного вооружения оказался весьма устойчивым., Минские лейб-гвардейцы, армейские офицеры и латники продолжали носить кольчатые и кольчато-пластинчатые панцири покроя «рубаша», «куртка» и «халат» вплоть до начала XVII в. [4, с. 409. Рис. 142, 5].

3, с. 43–49]. Вероятно, именно через посредничество корейцев идея доспеха из пластин и кольчужного полотна попала в Японию, где местные мастера (видоизменив конструкцию брони) превратили ее в массовый вид защитного вооружения самураев и пехотинцев-асигару («карута-ганэ-до-мару» и др.) [3, с. 45].

С территории Центральной и Восточной Азии происходят шлемы, конструкция и система оформления которых, резко отличает их от типичной продукции местных оружейников. Наиболее ярким образцом серии является богато оформленное наголовье, приобретенное европейскими коллекционерами в Тибете. Длительное время шлем хранился в коллекции А.О. Зульцбергера, а затем был переданный в Музей искусств Метрополитен (№ 2007.86, г. Нью-Йорк, США). Высота наголовья (без несохранившегося навершия) – 20,3 см, диаметр – 22 см. Цельнокованая тулья шлема имеет сфероконическую форму. Верхняя и центральная часть купола покрыта вертикальными ребрами жесткости. Еще одно ребро (на этот раз горизонтальное) отделяет граненую часть купола от гладкой украшенной серебряной насечкой нижней. Лицевая сторона шлема снабжена надбровными вырезами и скобой для наносника-стрелки (рис. 1, 3; 2)¹⁰. Вдоль нижнего края купола пробиты отверстия для крепления бармицы (в некоторых из них сохранились металлические петли). На поверхность шлема нанесены надписи на арабском языке, среди которых имеется посвящение «Победоносный султан Махмуд Джанибек Хан». Американские ученые соотнесли данное имя с ханом Золотой Орды Джанибеком (1342–1357). Сочетание цельнокованой (часто граненой) тульи, надбровных вырезов, наносника-стрелки и кольчатой бармицы, действительно, характерно для боевых наголовий Золотой Орды и Западной Азии XIV в. [8, с. 75]. Однако шлемы подобного типа продолжали применяться в Передней и Средней Азии вплоть до XVI в. включительно. В пользу того, что шлем был изготовлен позднее первой половины XIV в. свидетельствует его декоративное оформление (в том числе техника нанесения надписей и их принцип размещения их на тулье). Кроме того, хан Золотой Орды не был единственным правителем Дашт-и Кипчак, носившим имя Джанибек. Так, например, его тезкой был султан (впоследствии хан) Джанибек/ Абу Саид (до 1429 – после 1473), ставший одним из основателей Казахского государства¹¹. Также известен Джанибек-султан (? – 1529) – сподвижник знаменитого Мухаммеда Шейбанихана, правитель Ферганы и участник походов в Иран и Моголистан. Таким образом, вопрос о владельце шлема из Метрополитен требует дополнительного исследования.

На территории Сибири и Монголии обнаружены высокие цельнокованные шлемы сфероконической формы (3 экз.). Они резко контрастируют с типичными изделиями оружейников данных регионов, а также наголовьями восточноазиатского производства. В качестве примера можно привести шлем найденный в 1991 г. в местности Тогсуул Монгонмонтского сомона Центрального аймака МНР (рис. 1, 7). Ближайшие аналоги данного наголовья, встречаются среди изделий мастеров улуса Джучи [11, с. 187, рис. 13, 1, 3; 12, с. 103, рис. 9а]. Не исключено, что данные шлемы являются импортом с территории Золотой Орды или Средней Азии.

Также хотелось бы обратить внимание еще на один интересный момент, связанный с золотоордынскими боевыми наголовьями (рис. 3). С территории Западной Сибири происходит серия изображений воинов в сфероконических и полусферических шлемах снабженных полумасками с наносниками [20, с. 184. Рис. 12, 13. С. 198. Рис. 42, 46]. Достаточно часто данные изображения тракуются, как художественная условность. Однако вполне вероятно, что перед нами нечто иное, как стилизованные изображения шлемов с полумасками, которые достаточно широко представлены в золотоордынских памятниках с территории Восточной Европы [8, с. 77. Рис. 1, 4; 17, с. 21–27, 38, 44, 54, 55, 58].

¹⁰ Судя по отверстиям поверх надбровных вырезов первоначальный вариант накладных пластинчатых «бровей» был удален и заменен на новый.

¹¹ Второго сына казахского хана Джанибека звали Махмуд-султан. Этот выдающийся воин и батыр в последней трети XV в. являлся правителем г. Сузака. Имя Махмуд фигурирует в надписи-посвящении на шлеме. Не исключено, что надпись на тулье следует читать «Победоносный султан Махмуд ибн Джанибек Хан», то есть султан Махмуд сын хана Джанибека. В случае если шлем действительно принадлежал казахскому правителю, то проясняются наиболее вероятные условия его попадания в Тибет. В конце XVII – первой половине XVIII вв. территория Юго-Восточного Казахстана являлась объектом экспансии западных монголов (ойратов/джунгар). Будучи буддистами, джунгары нередко отправляли наиболее ценных пленников и трофеи ко двору своего духовного лидера – Далай-Ламы в Тибет. Не исключено, что в число этих подношений был включен и богато украшенный шлем знаменитого казахского правителя.

Судя по материалам, собранным и проанализированным М.В. Гореликом, Золотая Орда выступила ретранслятором на восток особой разновидности метаталлических усилителей щитов. Сочетание железных умбонов, М-образных и стреловидных накладок и оковок было заимствовано северокавказскими мастерами со щитов европейских воинов. В XIV в. усиленные подобной конструкцией прутьяные щиты-«калканы» распространились в Золотой Орде, а затем и в восточных Чингизидских государствах вплоть до Юаньской империи [10, с. 185–194; 11, с. 172, 173]. В Тибете данная разновидность щитовых усилителей сохранилась до эпохи позднего Средневековья и Нового времени [10, с. 190, 194; 4, с. 504, рис. 210, 3, 4, 8–10].

Подводя итог необходимо отметить, что среди собранных материалов представлены практически все основные разновидности оружия ближнего боя: сабли, копья, топоры, ножи, кинжалы, а также шлемы. Не исключено, что некоторые образцы кольчатой брони, обнаруженные на территории Китая и датированные эпохой правления династии Юань, также имеют золотоордынское происхождение. Условия попадания вооружения произведенного на Северном Кавказе, Руси и Поволжье на территорию Сибири, Казахстана, Монголии и Китая могли быть самыми различными (от торгового обмена и дипломатических подарков до военных трофеев). Представляется возможным выделить две основных формы влияния «золотоордынского» оружейного комплекса на военное дело народов Центральной и Восточной Азии рассматриваемого исторического периода: экспорт вооружения и экспорт оружейных технологий. Судя по количественным показателям наибольший интерес азиатских воинов, вызывали сабли северокавказского производства. Важнейшим заимствованием в сфере защитного вооружения стала кольчато-пластинчатая броня. В то же время необходимо подчеркнуть, что военно-культурное влияние оружейного комплекса западной части Улуса Джучи на военное дело народов Зауралья в XIII– начала XV вв. носило ограниченный и фрагментарный характер, что было обусловлено, как спецификой социально-экономических и военно-политических контактов Золотой Орды с государственными образованиями Центральной и Восточной Азии, так и особенностями развития оружейных производств и военного дела народов данных регионов. Резкий всплеск популярности оружия и доспехов «мусульманского» образца в Западной Монголии и Южной Сибири пришелся на вторую половину XVII – первую половину XVIII вв. и был связан с трансформацией традиционного оружейного комплекса монголоязычных ойратов [2].

Список литературы

1. Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. 216 с.
2. Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV–XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Барнаул, 2011. 54 с.
3. Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Панцирь-«калантарь» из Центральной Азии (Из истории «оружейного» собрания Музея археологии и этнографии Сибири, Томский государственный университет) // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Томск: Томский государственный университет, 2013. Вып. 3. С. 42–63.
4. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
5. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.
6. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 163–208.
7. Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: «Полиграф», 1990. С. 155–160.
8. Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. 84 с.
9. Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003. Т. 3. С. 231–243.
10. Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Культурные традиции Евразии. Казань, 2004. С. 182–195.

11. Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2008. Вып. 15. С. 158–189.
12. Горелик М.В. Парадные монгольские шлемы XIII–XIV вв. // Военное дело улуса Джучи и его наследников. Астана: Фолиант, 2012. С. 84–108.
13. Золотая Орда в источниках. Китайские и монгольские источники. М.: Наука, 2009. 336 с.
14. Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация, 2010, № 3. С. 73–97.
15. Кулешов Ю.А., Нечепорук А.А. Находки уникального кинжала из могильника Жукова (к вопросу о «гражданском» оружии в Золотой Орде) // Военное дело улуса Джучи и его наследников. Астана: Фолиант, 2012. С. 182–198.
16. Миргалеев И.М., Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: Фолиант, 2011. С. 170–182.
17. Негин А.Е. Шлем из Городца. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. 95 с.
18. Пастушенко И.Ю. Доспех-бехтерец из Бартымского I селища // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. 3. С. 150–152.
19. Плотников Ю.А. Средневековый меч из Восточного Казахстана // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Кооператив «Полиграф», 1990. С. 150–154.
20. Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2003. 224 с.
21. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.

Сведения об авторах: Леонид Александрович Бобров – доцент кафедры археологии и этнографии, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета, доктор исторических наук (630090, ул. Пирогова, 2, г. Новосибирск, Российская Федерация); spsm1@mail.ru

Наталья Евгеньевна Белоусова – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук (630090, проспект Акад. Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, Российская Федерация); post-ost@yandex.ru

Findings of the Golden Horde Arms in Asia and the Problem of the Impact of Eastern European Weapon Systems on the Warfare of the Peoples of Siberia, Central and Continental Eastern Asia during the 13th–15th centuries

L.A. Bobrov
(Novosibirsk State University)

N.E. Belousova
(Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article describes the findings of armaments of the Golden Horde production (or performed according to the Golden Horde's samples) from the territory of Siberia, Kazakhstan, Mongolia, Tibet and China, including: swords, spears, daggers, knives, axes, armor, helmets, etc. There are two main forms of the Golden Horde weaponry impact on the military art of the peoples of Central and Eastern Asia (between the 13th and 15th centuries):

- 1) export of arms and armor and
- 2) export of weapon production technologies.

The analysis of written sources have demonstrated that weapons produced in the Northern Caucasus and the Volga region could get in Siberia, Kazakhstan, Mongolia and China under different circumstances: the trade exchange, diplomatic gifts, spoils of war, etc. In general, military and cultural impact of the weaponry complex from the western part of the ulus of Jochi on the warfare of the peoples of Asia between the 13th and 15th centuries was limited and fragmented, due to both the specifics of the socio-economic and political-military contacts between the Golden Horde and states of Central and Eastern Asia, and peculiarities of the development of military art of the peoples of these regions. The ring-plate armor was among the most important borrowings in technology of weapons production. Its earliest samples originated from the territory of the Golden Horde and date from the second half of the 13th to the first half of the 14th century. Not later than middle of the 14th century the ring-plate armor appeared in China and then in Korea, where its production was started (not later than 1450's). Through the mediation of the Koreans the ring-plate armor came to Japan. Japanese masters have modified its design and made the ring-plate

armor in the form of a massive defensive armament for the samurai and ashigaru (shells “Carutha-gane-to-maru”, etc.). It is not excluded that the first samples of ring-plate armor could get to the Far East together with the soldiers from Eastern Europe selected for the Guard of the Yuan emperors. The latter included many units of Ases (the residents of the Northern Caucasus), Kipchaks, and (from 1329) the Russian regiment “Everywhere the faithful.”

Keywords: Golden Horde, weapons, swords, helmets, ring-plate armor.

References

1. Akhmetzhan K. S. *Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov* [Ethnography of the Traditional Weapons of the Kazakhs]. Almaty, Almatykitap Publ., 2007. 216 p.
2. Bobrov L.A. *Osnovnye napravleniya evolyutsii kompleksov zashchitnogo vooruzheniya narodov Tsentral'noy, Sredney i kontinental'noy Vostochnoy Azii vtoroy poloviny XIV–XIX vv.* Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk [Main Directions of the Evolution of Defensive Armament Complexes among the Peoples of Central, Middle, and Continental Asia in the second half of the 14th – 19th centuries. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Historical Studies]. Barnaul, 2011. 54 p.
3. Bobrov L.A., Ozheredov Yu.I. *Pantsir' – “kalantar” iz Tsentral'noy Azii* (Iz istorii “oruzheynogo” sobraniya MAES TGU) [The Cuirass – “Kalantar” from Central Asia (from the history of “weaponry” collection of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University)]. *Kul'tury i narody Severnoy i Tsentral'noy Azii v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and Peoples of Northern and Central Asia in the Context of Interdisciplinary Study]. Tomsk, Tomskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2013. Is. 3, pp. 42–63.
4. Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII vv.)* [Weapons and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Modern Times (15th – first half of the 18th centuries)]. St. Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2008. 770 p.
5. Gorelik M.V. *Mongolo-tatarskoe oboronitel'noe vooruzhenie vtoroy poloviny XIV – nachala XV v.* [The Mongol-Tatar Defensive Armament of second half of the 14th – early 15th centuries]. *Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey Rodiny* [The Battle of Kulikovo in the History and Culture of Our Motherland]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1983, pp. 244–269.
6. Gorelik M.V. *Ranniy mongol'skiy dospekh (IX – pervaya polovina XIV v.)* [Early Mongolian Armor (9th – first half of the 14th centuries)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Mongolia]. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie Publ., 1987, pp. 163–208.
7. Gorelik M.V. *Stepnoy boy (iz istorii voennogo dela tataro-mongolov)* [The Steppe Combat (from military history of the Tatar-Mongols)]. *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia]. Novosibirsk, «Poligraf» Publ., 1990, pp. 155–160.
8. Gorelik M.V. *Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie* [Arms of the Mongol-Tatars in the 10th–14th centuries. Art of War, Equipment, Weapons]. Moscow, “Vostochnyy gorizont” Publ., 2002. 84 p.
9. Gorelik M.V. *Shlemy i fal'sh'ony: dva aspekta vzaimovliyaniya mongol'skogo i evropeyskogo oruzheynogo dela* [Helmets and Falchions: Two Aspects of Mutual Influence of the Mongol and European Arms Production] // *Stepi Evrazii v epokhu Srednevekov'ya. Polovetsko-zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages. The Polovtsian-Golden Horde Period]. Donetsk, 2003. Vol. 3, pp. 231–243.
10. Gorelik M.V. *Khalkha-kalkan (mongol'skiy shchit i ego derivaty)* [Khalkha-Kalkan (the Mongol shield and its derivatives)] // *Kul'turnye traditsii Evrazii* [Cultural Traditions of Eurasia]. Kazan, 2004, pp. 182–195.
11. Gorelik M.V. *Cherkesskie voiny Zolotoy Ordy (po arkheologicheskim dannym)* [Circassian Warriors of the Golden Horde (according to archaeological data)]. *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTs RAN* [Bulletin of the Institute of Humanitarian Studies of the Government of the CBD and KBSC RAS]. 2008. Is. 15, pp. 158–189.
12. Gorelik M.V. *Paradnye mongol'skie shlemy XIII–XIV vv.* [The Mongol Ceremonial Helmets of the 13–14 centuries]. *Voennoe delo ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [Warfare of the Ulus of Jochi and Its Successors]. Astana, Foliant Publ., 2012, pp. 84–108.
13. *Zolotaya Orda v istochnikakh. Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in the Sources. Chinese and Mongolian Sources]. Moscow, Nauka Publ., 2009. 336 p.
14. Kuleshov Yu.A. *Proizvodstvo i import oruzhiya kak puti formirovaniya zolotoordynskogo kompleksa vooruzheniya* [Production and Import of Weapons as a Way of Forming of the Golden Horde Weaponry Complex] // *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. 2010, No. 3, pp. 73–97.
15. Kuleshov Yu.A., Necheporuk A.A. *Nakhodka unikal'nogo kinzhala iz mogil'nika Zhukova (k voprosu o “grazhdanskom” oruzhii v Zolotoy Orde)* [Finding a Unique Dagger from the Zhukov Burial Ground (to the question of “civilian” weapons in the Golden Horde)] *Voennoe delo ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [Warfare of the Ulus of Jochi and Its Successors]. Astana, Foliant Publ., 2012, pp. 182–198.

16. Mirgaleev I.M. Bitvy Tokhtamysh-khana s Aksak Timurom [Battles between Tokhtamysh Khan and Timur Aksak]. *Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya* [Warfare of the Golden Horde: Problems and Prospects of Research]. Kazan, Foliant Publ., 2011, pp. 170–182.
17. Negin A.E. *Shlem iz Gorodtsa* [A Helmet from Gorodets]. Nizhniy Novgorod, Izd-vo NNGU, 2013. 95 p.
18. Pastushenko I.Yu. Dospekhi-bekhterets iz Bartym'skogo I selishcha [Armor-Behterets from the Bartym I Settlements]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University]. 2010. Is. 3, pp. 150–152.
19. Plotnikov Yu.A. Srednevekovyy mech iz Vostochnogo Kazakhstana [The Medieval Sword from Eastern Kazakhstan]. *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia]. Novosibirsk, Kooperativ «Poligraf» Publ., 1990, pp. 150–154.
20. Solov'ev A.I. *Oruzhie i dospekhi: Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ya* [Weapons and Armor: Siberian Weapons from the Stone Age to the Middle Ages]. Novosibirsk, «INFOLIO-press» Publ., 2003. 224 p.
21. Khudyakov Yu.S. *Vooruzhenie kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii v epokhu razvitoego srednevekov'ya* [Armament of the Nomads of Southern Siberia and Central Asia during the Era of the Developed Middle Ages]. Novosibirsk, Institut arkhologii i etnografii SO RAN Publ., 1997. 160 p.

About the authors: Leonid Aleksandrovich Bobrov – Associate Professor, Department of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk State University, Dr. Sci. (History) (630079, Pirogov st., 2, Novosibirsk, Russian Federation); spsml@mail.ru

Natal'ya Evgen'evna Belousova – Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (630090, Akad. Lavrent'ev st., 17, Novosibirsk, Russian Federation); post-ost@yandex.ru

УДК 904

Военное дело кочевников Северного Причерноморья в IX–XIII вв. и Крымского ханства: сравнительный анализ на основании письменных источников

Э.И. Сейдалиев
(Институт археологии Крыма)

В статье предпринята попытка комплексного анализа письменных, археологических, изобразительных и этнографических источников о военном деле кочевников Северного Причерноморья в IX–XIII вв. и крымских татар в период существования Крымского ханства. Представлены общие и конкретные данные об особенностях военного дела указанных племен и народов, проведена сравнительная характеристика военного искусства, сделана попытка проследить общие и отличительные черты развития военного дела, вооружения и снаряжения печенегов, половцев и крымских татар. Так, рассмотрены общие аспекты влияющие на формирование военного дела кочевых народов. Печенеги и половцы пользовались военной стратегией характерной для кочевых обществ. В части наступления они совершали быстрые грабительские набеги, стараясь не вступать в столкновения с хорошо организованной регулярной армией противника, в случае же когда это было неизбежно, занимали оборонительную позицию, заманивали вражеские войска в засаду и старались разобщить и разбить по отдельности его отряды. Эти кочевники применяли повозки не только в долгих переходах но и для обороны лагеря. Археологические источники и данные поздних авторов, позволяют сделать вывод, что такие же повозки применялись и в эпоху Крымского ханства. Не используя долгих осад и штурмов укреплений, печенеги и половцы, тем не менее, могли применять некоторые новшества заимствованные ими у оседлых народов, например, отвод воды от города, поджог, привлекали и специалистов по метательной артиллерии. Как следует из анализа письменных источников, подобные особенности военного дела были присущи и крымским татарам в XV–XVIII вв. Данные представленные в статье могут в существенной мере восполнить некоторые пробелы связанные с проблемами этногенеза крымских татар истоков их материальной и духовной культуры на примере развития военного дела и аспектов связанных с ним.

Ключевые слова: Печенеги, половцы, крымские татары, Крымское ханство, военное дело, вооружение, этногенез.

Военное дело, как одна из важнейших отраслей жизни народов во все времена, является и неотъемлемой частью культуры того или иного этноса. На основании схожих черт в военном деле, исследователи могут так же проследить преемственность культур племен и народов, разделенных как территориально, так и хронологически. В вопросах истории и, прежде всего, этногенеза крымских татар до сих пор достаточно много белых пятен. В данной статье мы постараемся обобщить сведения некоторых письменных источников, которые могли бы, частично, способствовать разрешению вышеобозначенных проблемных вопросов.

Характеристике военного дела кочевников Северного Причерноморья в X–XIII вв. уделено достаточно много работ, хотя многие из них касаются, как правило, лишь какой-то отдельной стороны военного дела, либо вооружения, либо характера военных взаимоотношений с оседлыми соседями. Что же касается историографии военного дела крымских татар, то действительно научных работ известно гораздо меньше. Тут же отметим, что попыток сравнения военного дела кочевых племен X–XIII вв. и Крымского ханства XV–XVIII вв. нам вовсе неизвестно.

Для начала остановимся на краткой характеристике источниковой базы. Источники по истории военного дела кочевников Северного Причерноморья X–XIII вв. и крымских татар, в целом до сих пор недостаточно систематизированы и введены в научный оборот. Нарративные источники широко известны, на их основе возможна реконструкция военно-политической обстановки в южнорусских степях в период присутствия здесь печенегов и половцев. При этом, они редко содержат подробную информацию об особенностях военной организации и комплекса вооружения кочевого населения региона. Более информативны в этом смысле археологические источники. В своей работе мы попытаемся привлечь некоторые археологические и этнографические данные,

что бы с помощью корреляции нескольких видов источников получить сведения, необходимые для реконструкции военного дела кочевников и их вооружения а так же для сравнения военного искусства вышеупомянутых народов.

Письменные источники делятся, по своему происхождению, на древнерусские, византийские, восточные и западноевропейские. Однако, в первую очередь, необходимо упомянуть о памятнике письменности самих кочевников, а именно о словаре половецкого языка, получившем в литературе, со времени его критического издания венгерским ученым Гезо Куном, условное название «Codex Cumanicus» [72, с. 483]. Этот документ был обнаружен в Венеции, в собрании Франческо Петрарки, еще в 1650 г. [12, с. 65; 72, с.482; 10, с. 119]. Время возникновения «Кодекса» датируют периодом 1303–1362 гг. Нижняя граница появления памятника установлена по дате на его первой странице, верхняя соотнесена со временем, когда Петрарка подарил свои книги Венецианской Республике [12, с. 68]. А. Н. Гаркавец допускает, что изначальным местом появления «Кодекса» мог быть как Крым, так и Сарай, и Венгрия, но окончательно словарь оформился в Кафе. Касательно места и даты появления «Кодекса» существует также мнение, что языковой материал к нему начал собираться еще в 1294–1295 гг. в Солхате, а в 1303 г. с него сделали копию [72, с. 489].

По структуре, словарь делится на две части – итальянскую и немецкую. В итальянской части слова прописаны в три столбца – латинские, персидские и куманские. В немецкой части содержится половецко-немецкий словарь, латинские заметки по куманской грамматике, латинско-куманский словарь, загадки, отдельные христианские тексты [12, с. 65–66]. История изучения Codex Cumanicus достаточно подробно освещена в статье В. Стоянова [72, с. 481–505]. Некоторые исследования позволяют привлечь материалы этого источника для реконструкции вооружения и военного дела половецких племен [12; 72, с. 481–505; 86, р. 33–66]. Отдельные его пункты содержат сведения об оружии, которое знали и которым, наверняка, пользовались команы, данные о традициях их военного дела, о мастерах-оружейниках и о ремеслах, имеющих непосредственное или косвенное отношение к производству оружия и снаряжения воинов-кочевников [86, р. 33–66].

В памятниках письменности древнерусского, византийского, восточного и западноевропейского происхождения содержится множество сведений о кочевниках восточноевропейских степей и их военном деле. Среди них наиболее информативны памятники древнерусской письменности, вероятно, по причине того, что именно Древняя Русь одна из первых столкнулась на поле боя с кочевыми племенами, прибывавшими из азиатских степей. Среди этих источников мы можем выделить летописные своды и литературные памятники.

Основными древнерусскими летописными источниками по истории военных взаимоотношений Руси с печенегами и половцами являются «Повесть временных лет» и «Ипатьевская летопись». В них содержатся сведения о времени первых контактов Руси с кочевниками, о мирных договорах, союзах и военных столкновениях.

«Повесть временных лет», как известно, была создана в начале XII в. [62, с. 6]. В основе ее, как и в основе большинства других произведений древнерусской литературы, лежат устные предания, упорядоченные и выстроенные погодно [62, с. 30, 41]. Д.С. Лихачев датирует время составления первоначального варианта «Повести» 1113 г. и связывает его с усилиями монаха Киево-Печерского монастыря Нестора [62, с. 102]. Существует также точка зрения о том, что «Повесть» была составлена в 1116 году игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром на основании Начального свода, текстов русско-византийских договоров, а также заимствований из «Хроники» Георгия Амартола и многих других византийских сочинений [19, с. 48; 51, с.156; 77, с. 59].

«Повесть временных лет» представлена также в Ипатьевской летописи. Этот памятник древнерусской письменности был обнаружен Н.М. Карамзиным. Название летопись получила по именованию монастыря в Костроме, которому она принадлежала. Известны два списка летописи – собственно Ипатьевский и Хлебниковский. Оба основаны на южнорусском летописном своде, который датирован XIII или XIV в. [62, с. 160]. П.П. Толочко считает, что текст Ипатьевской летописи был составлен автором Киевского свода в 1200 г. [77, с. 122]. Исследователи насчитывают пять списков Ипатьевской летописи, датируемых в пределах XIV–XVIII вв. Два из них, уже упомянутые Хлебниковский (XIV в.) и Ипатьевский (начала XV в.), являются оригинальными, остальные, Погодинский, Краковский и Ермолаевский, являются копиями более позднего времени [64, с. 84–85].

И «Повесть временных лет» Лаврентьевского списка, и Ипатьевская летопись сообщают, что печенеги впервые приходят на Русь в 915 году, и, заключив мир, откочевывают на Дунай [62,

с.31; 30, с. 24; 76, с. 47]. Через пять лет летописец сообщает о русском военном походе против печенегов [30, с.24]. Появление половцев в степях Приазовья и Причерноморья относится в «Повести временных лет» к 1054 г.: «В лето 6562 ... В семь же лете приходи Булошь с половци, и створи Всеволодь мирь с ними, и возвратишася половци вспять, отнюдуже пришли» [62, с. 109]. Ипатьевская летопись об этом же событии свидетельствует под 1055 г.: «В лето 6563 ... Того же лета приходи Булошь Половци, и створи Всеволодь мирь с ними, и возвратишася (Половци) вьсвои» [30, с. 144].

Летописи неоднократно сообщают о военных столкновениях с кочевниками, обмене оружием между представителями сторон, о братаниях воинов и союзнических отношениях. Летописные описания дают информацию о военной организации кочевников, традициях военного дела, методах ведения боя и особенностях вооружения, взаимных набегах кочевников и русичей. В целом же эти сведения фрагментарны, но, дополняя их данными других источников, можно получить достаточно объективную информацию по данной теме.

Важным источником по истории военных взаимоотношений Руси и кочевников является «Слово о полку Игореве». Памятник обнаружен в составе рукописного сборника конца XV или XVI в. в 90-х гг. XVIII в. А.И. Мусиным-Пушкиным. В 1800 году вышло первое издание «Слова». Написано это древнерусское литературное произведение, скорее всего, еще в конце XII в. [61, с. 897]. Хотя памятник относится к литературным произведениям, но касается конкретных исторических событий и способен пролить свет на некоторые аспекты военного дела половцев и военных взаимоотношений Руси с этими кочевниками. События, освещенные в «Слове», касаются похода новгород-северского князя Игоря Святославича вместе с другими русскими князьями на половцев в 1185 г. Д. С. Лихачев считал, что автор произведения знал и пользовался «Повестью временных лет» [44, с. 90–91]. События, описанные в «Слове», были настолько яркими для современников, что они описаны, кроме того, в еще двух источниках [18, с. 74]. И.Н. Данилевский предположил, что поход Игоря в степь был не военной акцией, а подготовкой к свадьбе [20, с. 48–49], в то же время А.М. Поливанов считает, что целью похода Игоря была защита Северских княжеств от половецкой угрозы [63, с. 431]. Следует также отметить, что исследование той части «Слова», которая связана с военной историей, еще далеко не закончено. В то же время нужно критически относиться к его данным, ввиду сомнений, касающихся происхождения памятника [9, с. 152].

Иллюстративный материал к истории военного дела и вооружения кочевников содержат изобразительные источники, а именно миниатюры Радзивилловской летописи (Рис. 1. 1, 1.3–1.5)*. Список летописи изначально находился в библиотеке литовских князей Радзивилов, но в 1785 г., после взятия русской армией крепости Кенигсберг, был перевезен в Россию. В списке, написанном в XV в., сохранилось 617 миниатюр, на которых изображены сцены из истории Руси, в том числе ее военных взаимоотношений со степными соседями [62, с. 156; 66]. На них встречается изображения внешнего вида и вооружения кочевников во время набегов на южнорусские земли. На миниатюрах художники стремились передать основные черты одежды и снаряжения номадов, с тщательностью прорисовывая мельчайшие детали. Примечательно, что в рисунках, передающих моменты военных столкновений, с помощью изображения положения стягов, авторы старались показать, какая из сторон одержала победу.

Ценность летописных сообщений высока, поскольку авторы, чаще всего, были непосредственными участниками описываемых событий или фиксировали рассказы очевидцев. Летописи сохранили уникальную информацию о походах половцев, которые позволяют реконструировать их действия на поле боя, численность армии и способы ведения боевых действий.

Важной группой письменных источников по истории кочевников южнорусский степей X–XII вв. являются сочинения византийских авторов. К ним относятся исторические хроники, военные трактаты, агиографические произведения.

В военном трактате «Тактика» императора Льва VI Мудрого (886–912) [42], в числе советов по организации военного дела, присутствует информация об особенностях военного дела противостоящих империи северных кочевников. Трактат был написан на рубеже IX–X вв. Как памятник византийской военно-исторической мысли, «Тактика» вобрала в себя весь опыт предшествующих поколений теоретиков военного дела в Византии [40, С. 77].

* Рис. 1 к статье см. на цветной вклейке.

Одним из важнейших источников по истории взаимоотношений Византии с печенегами и другими народами Восточной Европы, является этногеографический трактат другого византийского императора Константина VII Багрянородного (945–959) «Об управлении империей». По мнению исследователей, данный труд был лишь частично написан самим императором, другие разделы сочинения были собраны и подготовлены по его заданию авторами, чьи имена история не сохранила [38, с. 22]. Трактат предназначался как практическое руководство для наследника императора, его сына, будущего василевса Романа II (959–963). Для настоящего исследования особый интерес представляют главы 1–13, где описаны северные по отношению к империи страны и народы. В них император приводит описание земель, племенного устройства и обычаев печенежских племен [38, с. 36–43]. В другом его произведении, трактате «О церемониях византийского двора», составленном около середины X в., наибольший интерес для нас представляет детальная характеристика титулатуры, церемоний дипломатических приемов и переписки с варварскими правителями соседних империи народов, в том числе с «архонтами пацинакитов» [39, с. 83].

Одним из важных источников по взаимоотношениям Византии с северно-причерноморскими кочевниками является «История» Льва Диакона (около 992 г.). Наиболее информативными для нас являются сведения по истории балканских походов русского князя Святослава (964–972), в которой, как известно, печенежские племена сыграли не последнюю роль [41, с. 189].

Историческое сочинение «Обозрение историй» Иоанна Скилицы посвящено событиям 811–1057 гг. Долгое время оно было известно лишь в изложении Георгия Кедрина [28, с. 216]. Сохранились списки, продолжающие изложение Иоанна Скилицы вплоть до 1069 г. и поэтому получившие в историографии условное название Хроник Продолжателя Скилицы. В Мадридской библиотеке хранится уникальный список середины XVI в. с многочисленными миниатюрами на полях (Рис. 1.2), с изображениями событий византийской истории, быта и военных событий («Мадридский Скилица») [28, с. 216; 87].

«Хронография» Михаила Пселла продолжает «Историю» Льва Диакона и охватывает период с 976 по 1075 гг. Произведение состоит из двух частей, написанных соответственно в 1059–1063 гг. и 1071–1075 гг. Оно выстроено частично как автобиография, «вплетенная в повествование об исторических событиях» [49, с. 235]. Особый интерес представляет для нас описание вторжения печенегов под предводительством Тираха в 1046–1047 гг. в дунайские провинции империи [49, с. 242–244].

«Советы и рассказы» Кекавмена (около 1020–1081) – еще одно руководство византийского военачальника, в котором содержатся сведения о военном деле кочевников, находившихся на северных рубежах Византийской империи. Рукопись датируется XIII–XV вв., хотя само сочинение появилось не позднее 70-х гг. XI в. [33, с. 16]. Рукопись имеет трапезундское происхождение, откуда затем попала на Афон в Ивирский монастырь, где была куплена знаменитым русским коллекционером Арсением Сухановым в 1654 г. и передана в Московскую Синодальную библиотеку [33, с. 13]. История рукописи и ее изучения подробно разобрана Г.Г. Литавриным в разделе, предшествующем критическому полному изданию сочинения [33, с. 13–43]. Кекавмен повествует о некоторых набегах печенегов на пограничные области Византии в Подунавье в XI в. [33, с. 123, 167, 179, 181].

Жизнеописание императора Алексея Комнина «Алексиада», написанное его дочерью Анной, является одним из важнейших письменных памятников по истории Византии. Неизвестны точные сроки написания этого труда [3, с. 19]. Византийская принцесса, основываясь на материалах оставленных ее мужем Никифором Вриеннием, создала, по сути, единственный источник, где последовательно и полно излагается история империи конца XI – начала XII в. Достаточно подробно освещается внешняя политика Византии в отношении соседей, в том числе кочевников юга Восточной Европы [3, с. 20]. В этом труде говорится о военных столкновениях византийцев с ними, принципах построения кочевнического лагеря, боевых приемах номадов, военных и дипломатических хитростях противоборствующих сторон [3, с. 180–181, 201–239]. И хотя сведения о самих кочевых народах (половцах) зачастую представлены фрагментарно, тем не менее, они содержат информацию о границах их расселения и взаимоотношениях с империей.

«История» Иоанна Киннама охватывает временной диапазон от 1119 г. битвы при Мириокефале (1176 г.). В основном автор концентрируется на событиях, связанных с правлением императоров Иоанна II (1118–1143) и Мануила (1143–1180) Комнинов. Автор рассказывает об истории

печенегов и половцев, их военных столкновениях с византийцами в это время [6, с. 59–60; 27, с. 253–273].

Еще одним произведением, подробно освещающим историю Византийской империи времени правления Иоанна II и Мануила Комнинов, а также Андроника Комнина (1180–1185) и императоров из семьи Ангелов (1185–1204), является «Историческое повествование» Никиты Хониата. Начиная с 80-х гг. XII в., события излагаются лично автором (до 1206 г.). Описан характер взаимоотношений Византии и половцев. Примечательно описание «скифского» оружия, особенностей его применения, а также способы переправы «скифов» через реки, в частности через Истр [52, с. 276–299].

В традициях византийской исторической литературы, кочевники южнорусских степей (печенеги, торки, половцы), иногда фигурировали под собирательным термином «скифы» [5, с. 83]. М.В. Бибиков в такой традиции усмотрел «с одной стороны тенденциозный отказ от самоназваний современных народностей, точных этниконов, с другой – тяготение к архаической терминологии, к описанию вместо этнонима» [5, с. 86]. Лишь в случаях, когда кочевники, не поделившие добычу или рассоренные византийскими дипломатами, воевали друг против друга, чтобы отличить их, византийцы могли называть их собственными именами. М. В. Бибиков также справедливо отметил, что этнические термины и самоназвания народов, современных византийским авторам, встречаются лишь в двух типах источников, в актах и легендах печатей [5, с. 89].

Большое количество сведений о кочевниках и их военном деле и вооружении сохранились в западных источниках.

Одним из наиболее ранних сочинений западноевропейских авторов, где есть упоминания о печенегах, является «Хроника» аббата Прюмского монастыря Регинона Прюмского, которая охватывает период с 889 по 906 гг. В Продолжении «Хроники» описываются события 907–967 гг., выполненные анонимным автором, которого обычно отождествляют с магдебургским епископом Адальбертом [68, с. 44]. «Хроника» была составлена в период между 899 и 915 гг. в Трире, где Регинон жил и умер в 915 г. Продолжение же «Хроники» исследователи датируют временем после 973 г. [68, с. 44]. Сведения о печенегах у Регинона Прюмского ограничены периодом их переселения в Подунавье и вытеснением оттуда венгров. Автор указал дату событий – 889 г., хотя некоторые исследователи считают, что она не верна [37; 68, с. 45].

О печенежском периоде истории южноукраинских степей повествует другой немецкий автор Бруно Кверфуртский. В «Послании к германскому королю Генриху II» 1008 г. он описывает результаты своей миссионерской поездки к печенегам через древнерусские земли. В этом письме Бруно сообщает об особенностях деления и внутренней иерархии печенежского социума, называет неких печенежских «старейшин» [7, с. 55–61].

Ценные сведения содержатся в труде историка Титмара Мерзебургского «Хроника». В 1012 году Титмар начал писать свое сочинение, содержание которого он определял как историю королей Саксонии и ее церкви [70, с. 104]. Он не успел закончить свой труд, так как в 1018 г. умер. Используя немногочисленные письменные источники, в своей работе Титмар больше опирался на устную информацию [75, с. 64]. Текст хроники сохранился в виде рукописного списка XIV в., сохранившегося в монастыре Корвай [75, с. 64]. Здесь приводятся сведения о совместном походе польского короля Болеслава I и печенегов на Русь в 1013 г., а также нападении печенегов на Киев в 1017 г. [74, с. 68, 79].

Другие западноевропейские авторы, Робер де Клари и Жоффруа де Виллардуэн, сообщают о половцах южнорусских степей, в своих мемуарах, посвященных завоеванию Константинополя в 1203–1204 гг., во время IV Крестового похода. «Завоевание Константинополя» Робера де Клари было создано в начале XIII в. Следует отметить, что автор нередко смешивает реальные и вымышленные сюжеты [69, с. 81]. В отличие от Робера де Клари, одноименное произведение Жоффруа де Виллардуэна, написанное в 1210 г., точно передает события Четвертого крестового похода [22, с. 117]. В распоряжении автора, вероятно, были какие-то неизвестные нам источники [22, с. 143].

Оба произведения посвящены описанию одних и тех же событий, однако, их цели и способы освещения различны, что во многом вызвано, разным социальным происхождением авторов. Робер де Клари рядовой рыцарь, в то время как Жоффруа де Виллардуэн принадлежал к верхушке феодального общества. В трудах обоих хронистов присутствуют сведения о кочевниках. Они описывают внешний вид номадов (половцев), их обычаи, традиции военного дела, сообщается о

количественном составе куманского войска [22, с. 90–92, 97, 103, 106, 107, 117, 120, 121; 69, с. 47, 74, 77–79].

Воспоминания путешественников, Плано Карпини и Вильгельма де Рубрука, содержат яркие и точные сведения о половцах XIII в., на историческом рубеже смены их господства в южно-русских степях монгольским. «История моголов» (монгалов) представляет собой отчет миссии Джованни дель Плано Карпини, которую монах-минорит совершил по указанию Римского Папы Иннокентия IV. Труд Плано Карпини сохранился в нескольких списках XIII в. Он представляет собой источник сведений не только по истории монголов, но и по истории других народов, живших на территории, по которой пролегал путь миссионеров. Плано Карпини выехал из Лиона в 1245 и вернулся обратно в 1247 году, представив Папе подробный отчет о своей поездке [65, с. 7–8]. В 1253–1255 гг. французский король Людовик IX снарядил новую миссию к монголам, с целью вовлечения их в качестве союзников в борьбу против исламских стран Ближнего Востока. Возглавил «путешествие» монах-минорит Гильом де Рубрук [65, с. 14]. Его сочинение «Путешествие в восточные страны», является очерком по истории и этнографии многих народов юга Восточной Европы и Средней Азии первой половины XIII в. [65, с. 15].

О кочевниках южной части Восточной Европы передает сведения, хотя и не в таком объеме, как у предыдущих авторов, Раби бен Яакова Петахии из Регенсбурга, который путешествовал здесь в последней четверти XII в. [78]. Рассказ Петахии записан с его слов раби Иудой Хасидом, издан в Праге в 1595 г. [54, с. 208]. Это сочинение включает в себя путешествие раби из Регенсбурга на Ближний Восток, через Прагу, Польшу и русские земли. Во время его Петахия попадает, видимо, в половецкие степи, которые фигурируют у него как земли «кедаров». Он рассказывает о жителях этих земель, неких «кедарах», которых можно отождествить с половцами.

К другим западноевропейским источникам относится «Книга о разнообразии мира» Марко Поло, в которой он описывает военные традиции монголов, которые мы можем, хоть и с оговоркой, применять и к более ранним кочевникам южноукраинских степей [34]. То же мы можем сказать и о «Путешествии в Тану» Иосафата Барбаро. Этот венецианский дипломат оставил записки о землях, в которых побывал. Сочинение датируется около 1492 г. Одна из древнейших рукописей хранится в Венеции, в Библиотеке святого Марка. Детальное описание татар, их религии, бытового уклада, военного дела, особенностей хозяйства, торговли и ремесла, позволяют нам, с определенными оговорками, использовать эти сведения и для реконструкции событий из истории кочевников южнорусских степей в предшествующее время [29].

К середине XVI в. относится труд австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». В России, как посол Австрии, он был дважды, в 1517 и 1526 гг. и оставил подробнейшее описание «Руссии», ее столицы и соседей, сообщаются сведения о татарах, об их истории, обычаях, особенностях военного дела и вооружения. И хотя этот материал относится к первой четверти XVI в., однако, упоминания о военных обычаях татар может быть использовано и по отношению к более раннему времени [14, с. 164–169]. Руководствуясь этим принципом, для реконструкции военного дела печенегов и половцев, можно использовать и труды других авторов, описывающих кочевников степей южной Украины и Крыма XVI–XVII вв.

К этому же времени относится создание записок «О нравах татар, литовцев и москвитян», написанных литовским автором Михалоном Литвиным [50]. Настоящее имя автора неизвестно, в различное время исследователями высказывались предположения, что это мог быть Венцлав Николаевич или Михаил Тышкевич. Впервые записки были изданы в Базеле в 1615 году. К сожалению, рукопись этого труда не сохранилась, а сам трактат дошел до нас лишь во фрагментах [47]. Тем не менее, сведения о татарах предоставленные Михалоном Литвиным – об их военных походах, переправах через реки, способах ведения боя, вооружении, могут быть использованы при реконструкции военного дела кочевников X–XIII вв. [49]. Некоторые исследователи отмечают, что описание татар у литовского автора схоже с описанием скифов у Горация [47]. Блок источников о военном деле татар продолжает сочинение Мартина Броневского. Автор, польский дворянин и посол Польского короля Стефана Батория к крымскому хану Мухаммед Гераю в 1578 г., оставил обстоятельный рассказ об увиденном в Крымском ханстве – «Описание Татарии» [46]. В XVII в. было создано «Описание Украины» Гийома Левассера де Боплана. Французский военный, инженер и картограф, оставил яркие и подробные сведения об Украине и ее соседях. Для нашего исследования особое значение имеют описание военных обычаев крымских татар их вооружения и сопутствующего снаряжения [14, с. 212–255]. В 30-х гг. XIX в. впервые был издан полный пере-

вод произведения Боплана на русском языке [14, с. 14]. В последующее время многие ученые неоднократно обращались к труду французского инженера [16, с. 12–55]. Некоторые исследователи творчества Гийома де Боплана, сравнивают значимость «Описания Украины» для воссоздания истории Восточной Европы с «Записками о Московии» Сигизмунда Герберштейна [16, с. 56].

Перейдем к характеристике восточных источников. Наиболее ранние из них связаны с именем Ахмада ибн Фадлана, который в 921–922 гг. побывал на берегах Волги и оставил подробные «Записки». В 20-х гг. XX в. в Иране была обнаружена рукопись с полным текстом описания путешествия [23, с. 65]. В своем сочинении арабский путешественник описывает обычаи и быт печенегов в Поволжье, у которых он находился один день [36, с. 131].

Войны Руси и печенегов, а именно восточные военные походы князя Святослава 60-х гг. X в., описаны Ибн Хаукалем. Этот арабский автор путешествовал по миру до 943 г., оставив после себя «Книгу путей и стран», где содержатся сведения о русах, славянах и других народах Восточной Европы, в том числе печенегах [24; 32, с. 99–100].

Историческое сочинение «Краса повествований» составлено между 1049 и 1053 гг. Гардизи. В заключительной его части помещен раздел, посвященный тюркским народам [11, с. 56], содержащий сведения о печенегах, об их земле и соседях [4, с. 56–57; 31, с. 156].

Арабский путешественник Ал-Идриси около 1138 года в Палермо записал географический трактат «Отрада страстно желающего пересечь Землю». Согласно античной традиции, ал-Идриси поделил Землю на семь «климатов» (широтных зон) [2, с. 127]. Основываясь на собственных наблюдениях и на трудах предшествующих ему путешественников, он дает подробную характеристику многих восточноевропейских народов и местностей, в том числе земель и городов Кумании, Руси, Волжской Булгарии. Детально им описаны маршруты плавания вдоль северочерноморского побережья, упоминает о городах Крыма, как принадлежавших куманам [2, с. 128–130].

Летопись Ибн ал-Асира охватывает период с 1220 по 1230 гг. В своем труде автор пишет о завоевательных походах монгольских войск, в том числе и о походе против кипчаков. Сочинение содержит сведения о контактах кипчаков с Русью, с крымскими городами, об особенностях военно-политической истории южноукраинских земель в начале XIII в. [73, с. 1–45].

Около 1300 г. персидский историк и государственный деятель Рашид ад-Дин начал писать сочинение, получившее название «Сборник летописей». К 1310 году оно было закончено [74, с. 27]. Источниками послужили, вероятно, устные рассказы монгольской аристократии и официальные документы [74, с. 27]. Труд Рашид-ад-Дина послужил основой для всех последующих восточных историков. Персидский автор сообщает о знаменитом европейской военном походе монголов 1236–1243 гг., их противостоянии с половцами и Русью [74, с. 32–33].

В сочинении Ибн-ал-Биби «Сельджук-намэ», посвященном истории Конийского султаната, содержатся сведения о походе сельджуков на Судак, половцев и Русь. Автор описывает события с 1192 по 1280 гг. [85, с. 54–55]. П.М. Мелиоранский считает, что это сочинение не может быть названо историческим памятником, так как в нем нет хронологических указаний и последовательного перечисления событий, но некоторые эпизоды могут быть ценным свидетельством по взаимоотношениям турок-сельджуков с окружающим миром, Византией и ее северными соседями [48].

Описание путешествия Ибн Батуты (1304–1377), записанное с его слов Мухаммедом ибн Джозаи, является важным источником по истории Золотой Орды времен хана Узбека (1312–1341). Исследователи не единодушны во мнении, все ли сведения, представленные Ибн Батутгой, достоверны и был ли он во всех описанных странах. Для нашего исследования, его данные также интересны, так как они характеризуют бытовой уклад кочевников, составной части населения Золотой Орды, позволяют найти параллели и аналогии укладу жизни половцев степей Северного Причерноморья в домонгольское время [73, с. 278–292].

Такова краткая характеристика некоторых основных источников по обозначенной проблематике. В то же время следует отметить, что формат и объем статьи не позволяют нам сделать более детальный обзор перечисленных и не вошедших в наше исследование источников. Возможно такие задачи будет возможно реализовать при дальнейшей работе над таким исследованием, как сравнительный анализ вооружения и военного искусства кочевников IX–XIII вв. и крымских татар, в значительно больших объемах.

Для начала остановимся на принципах формирования войска. Достоверно неизвестно, как формировалось кочевническое войско. Скорее всего, у каждого взрослого, здорового мужчины-воина были собственное оружие и кони, с которыми он в обязательно порядке должен был участ-

вывать в военных компаниях. Структура кочевнической армии во многом зависела от структуры общества номадов в целом. К сожалению, у нас мало сведений об организации войск номадов, особенно печенегов. Мы можем только предполагать, что структура войска зависела от социальной стратификации кочевнического общества. Сведения о которой в источниках тоже достаточно скудны. Русские летописи приводят лишь названия больших семей, которыми, вероятно, кочевали печенеги и половцы. Древнерусские летописи называл их «чади», сами тюрки – «кош». Главы кошей стояли на разных ступенях иерархической лестницы ввиду того, что количественно и экономически эти семьи также были неоднородны. Коши объединялись в орды, во главе которых стояли ханы. Большой пласт сведений об иерархии половецкого общества дает нам Codex Cumanicus. Слову «хан» в тюркской колонке соответствуют титулы «император» и «шах» в латинской и персидской иерархии, а титулу «султан» – слово «рекс» в латинской традиции. В Codex Cumanicus упоминается титул «бег». По мнению С. А. Плетневой, беги – это главы крупных кошей. Самым низшим половецким аристократическим титулом был «бей», которому в латинской колонке текста соответствовал титул «барон» [60, с. 131–132]. Такова иерархия половецкой знати. Еврейский путешественник Петахия из Регенсбурга писал о куманях: «У них нет царя, но только князья и благородные фамилии» [54, с. 209]. В самом низу иерархической лестницы половецкого общества находились главы небольших семей – рядовые воины и пастухи, у которых не было кочевий и достаточного количества своего скота. Все они также вынуждены были участвовать в военных действиях, однако, эта часть половецкого общества на войне чаще всего была самой ненадежной. Отсюда не редкие случаи бегства куманских отрядов при встрече с организованной армией соседей [60, с. 134]. Под 1097 г. летописец описывает совместный поход князя Давыда и хана Боняка на венгров. Половецкий хан пришел во главе 300 воинов, и, как видно, сделал ставку на качество войска, а не на его количество, ведь Боняк был главой крупного половецкого объединения и мог привести большой отряд. Хан разделил свое войско на две части, введя в бой лишь половину приведенный с собой воинов. Одной из частей этого отряда командовал Алтунопа, что свидетельствует о том, хан мог поручить командование передовым или резервным отрядом опытному в воинском отношении «кошевому» [30, с. 170–171]. Крымское ханство считалось наследником Золотой Орды, поэтому во многом организация их военных сил сохраняла традиции пришедшие Улусу Джучи. Во главе войска так же стоял хан, а над определенными военными формированиями главенствовал представитель того или иного рода.

Михалон Литвин, описывая нравы татар в XVI в., указывает, что они выставляли войско «собранным принудительно, так как должны [идти] все как один, кто только способен сесть на коня, и [даже] пастухи и не владеющие оружием» [50], такой же принцип представлен в наблюдениях Мартина Броневского: «Собираясь на войну, Хан издает повеление чрез своих придворных сановников, чтобы все татары, ему подвластные, в течение трех, или наиболее четырех недель, приготовились к войне и запаслись провиантом на три или четыре месяца» [46]. Тут мы видим общие принципы формирования и набора военных сил с печенегами и половцами и крымскими татарами.

Учитывая, что каждый мужчина кочевник был воином, следует специально остановиться на обучении военному делу. В первую очередь, кочевники учились стрельбе из лука. С детства каждый из них принимал участие в охоте с использованием лука и стрел, а также аркана. Плано Карпини отмечал, что мужчины-кочевники имеют «отчасти попечение о стадах, охотятся и упражняются в стрельбе. Но зато они великолепные стрелки, а дети их ездят на лошадях уже с двух или трех лет. Когда они чуть подрастут, им уже дают лук» [65, с. 37]. Он же пишет о женщинах, которые «ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, что они носили колчаны и луки» [65, с. 37]. Гийом де Боплан отмечал, что татары начинают обучать своих детей стрельбе из лука с семи лет, а уже с 12 лет посылают воевать, уделяет он внимание и вопросам закалки и выносливости, которые прививались татарским воинам так же с детства [16, с. 215].

Представления об обучении военному делу у кочевников-тюрков дают материалы современной этнографии. Л.Н. Ермоленко, характеризуя представления древних тюрков о войне, приводит сведения о конных состязаниях у народов Центральной Азии: казахов, киргизов, узбеков, туркменов и других. Во время праздников, свадеб, похорон проводилось так называемое «козлодрание» – кукбури. Тушу барана или козла бросали в толпу всадников. Побеждал тот из них, кто овладевал животным и довозил эту тушу до назначенного места, оторвавшись от соперников. Нередко такие состязания приводили к увечьям и убийствам. Подобная игра бытовала и среди мальчиков и юношей. Называлась она «ок сунак» (белая кость) или «сунак отди» (бросание кости). В лунную

ночь среди игроков бросали кость. Тот, кто первым находил ее, оповещал об этом криком. Все остальные должны были наброситься на нашедшего, отобрать кость и отнести «старшему» в определенное место. В этих играх отображена невооруженная борьба за животное. Исследователи считают, что в этих состязаниях игроки отождествляются с волками, а туша животного или кость с их жертвой [21, с. 26–27]. И в детском и во взрослом состязаниях имитировалось поведение волка – охотника-бойца, на которого хотели быть похожи все воины племени.

Одной из особенностей тюркских «волчьих мужских союзов», направленных на тренировки воинов, мог быть обычай «барымты», нападение с целью угона скота. Это не было воровством или грабежом. Часто о нападении предупреждали за три дня. Такой набег мог быть осуществлен при дневном свете или ночью [21, с. 28–29]. Эти традиции и особенности относятся к современным тюркским народам, предками которых были средневековые кочевники Евразии, по ним мы можем судить и о традициях обучения молодежи воинскому делу у печенегов и половцев. Институту «волчьих мужских союзов» можно найти параллели в половецком обществе, где хан Боняк, завывая по-волчьи, призывал себе победу накануне битвы [30, с.170]. Такие состязания одновременно были тренировками боевых качеств подрастающего поколения, воинов и охотников. Подобные состязательные игры среди крымскотатарских детей описывает В.И. Филоненко [81, с. 467–481].

Охота также могла рассматриваться не только как средство получения пищи или других продуктов, но и как набег. С.А. Плетнева справедливо отмечала, что «второй важной функцией охоты было обучение военному делу всех – от хана до простого воина...». На охоте определялись самые удалые воины, меткие стрелки, ловкие наездники и умелые предводители [60, с. 137]. Военные действия и охота определяли самых сильных, способных членов общества, а, следовательно, и определяли иерархические отношения в кочевой среде.

В данной работе мы не будем останавливаться отдельно на количественном составе войск кочевников IX–XIII вв. и крымских татар, поскольку данные письменных источников достаточно противоречивы в обоих случаях, и тема заслуживает отдельного комплексного исследования.

Несмотря на то, что в письменных источниках так же фрагментарно представлены данные о производстве вооружения, мы все же постараемся осветить некоторые аспекты этой проблематики. Плано Карпини писал: «Мужчины у них ничего не делают ... за исключением стрел... Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сандалии и все изделия из кожи...», он так же пишет, что стрелы их были очень остры, и что «они всегда носят при колчане напильники для изошрения стрел» [65, с. 37, 51]. Эти сведения подтверждает Гильом Рубрук «Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут, готовить шкуры и сушить их, а сшивают они ниткой из жил ... Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье. Они делают также войлок и покрывают дома. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины» [37, с. 100–101]. Эвлия Челеби приводит сведения о ремесленном производстве в Бахчисарае: «Основным славным ремеслом людей этого города является изготовление разнообразных седел для коней, татарских колчанов, плетей и стрел, отделанных пером коршуна» [84, с.113]. При этом характеризуя бахчисарайский базар, он отмечает, что «... [лавок] бронников там нет» [84, с.107].

В контексте обеспечения воинов на время похода одеждой и военным снаряжением, следует остановиться и на характеристике этих деталей. В труде византийского историка Иоанна Киннама есть описание битвы с некими кочевыми племенами «скифов». Как уже отмечалось, под этим именем в византийской традиции часто фигурируют тюркские народы степной зоны Восточной Европы. В эпизоде, касающемся обороны «скифов», окруживших себя повозками, Иоанн Киннам пишет, что захваченные в плен кочевники, «занесенные в воинские списки, они еще долго служили» [6, с. 59–60, 92–96]. Таким образом, вполне обоснованы сведения об участии в битвах на стороне византийцев печенежских, торческих и половецких племен. Возможно поэтому, на собственно византийском военном деле не столь ярко прослеживается влияние традиции восточноевропейских кочевников-тюрков. В «Тактике Льва» приводится описание тренировок кавалеристов. Автор рекомендует: «Кавалеристов следует упражнять в скоростной стрельбе из лука, в умении быстро извлечь стрелу из колчана и сильно пустить ее; для этого необходимо умело держаться на лошади... Обучать скоростной стрельбе из лука во время движения верхом на лошади в направлении вперед, назад, вправо, влево. Обучать вскакиванию на лошадь... Двигаясь на лошади, быстро выпустить из лука одну или две стрелы...» [42, с. 145]. Все эти приемы активно использовались различными ко-

чевыми народами, и тут мы также видим их влияние на византийское войско. В этом же источнике описаны боевые обычаи так называемых «турок», под которыми в одном случае понимаются венгры [42, с. 274], а в другом, возможно, некие тюркские кочевые племена Северного Причерноморья [42, с. 275]. Автор трактата пишет, что *«они уделяют большое внимание обучению стрельбе из лука на скаку»*, и приводит другие особенности военных традиций этих кочевников [42, с. 276–277]. В завершении рассказа о «турках» Лев VI Мудрый дает следующее наставление: *«Мы описали это тебе не из-за того, что предстоит воевать с турками – они не являются ныне ни нашими соседями, ни врагами, но очень стараются показать, что подвластны ромеям, но чтобы ты, стратиг, был осведомлен об особенностях различных построений и стретегем и мог использовать их в надлежащее время против того, кого ты определишь, и тогда, когда ты сочтешь нужным»* [42, с. 278]. Кроме того, уже зная с каким противником он имеет дело, византийский император Алексей Комнин в преддверии одной из битв с куманами приказал *«проявлять большую заботу о конях»*, как сообщает нам в своем труде Анна Комнина [3, с. 394]. Основной стратегией печенегов и половцев была наступательная война. Они концентрировали большие военные силы для захвата территорий, добычи и пленных или для внезапного удара по важным стратегическим пунктам противника, быстро отступая после достижения успехов. Для оборонительных компаний кочевники собирали все военные силы для организации отпора врагу. То же мы можем отнести к характеристике военного дела крымских татар. Стратегия «прямого удара» и молниеносной войны у кочевников вытекали из самого характера военной организации их объединений, которые складывались из орды подчиненных главному военачальнику, которым являлся хан орды. Военные действия, как правило, велись летом или осенью, после того как был собран урожай и было что грабить. Кроме того, после летнего периода лошади кочевников были в форме, и лучше переносили походы. При этом следует упомянуть сообщения Робера де Клари, который в своем произведении «Завоевание Константинополя» пишет: *«...Зимой, когда собираются отправиться в набег, то выходят из палаток и удаляются из своей страны»* [69, с. 47]. С. А. Плетнева, справедливо заметила, что половцы при нападении на русские земли старались использовать время, когда оседлое население княжеств было занято полевыми работами и могли совершать походы по три раза за лето. При этом русские походы в степь совершались наоборот зимой (как правило «лютой») или ранней весной, пока кочевники не оправились от тяжелых холодов и не могли быстро укрыться в степи из-за весеннего отела скота [60, с. 114].

Во время набегов кочевники всегда высылали вперед разведчиков, которые сообщали о силах врага, о его готовности отбить нападение, о возможности нападения врага с неожиданной стороны [67, с. 87]. Мартин Броневский неоднократно упоминает, что в военном походе крымский хан посылает вперед лучших своих воинов, что бы они разведали силы неприятеля и его расположение, и лишь после этого атакует [46]. Кочевники всегда стремительно передвигались и нападали. Даже в долгих переходах их тяжелые повозки не были сдерживающим фактором [55, с. 56].

Во многих письменных источниках мы встречаем описания использования кочевниками лука и стрел. Вот что пишет о начале и продолжении боя кочевниками Лев VI Мудрый: *«Они предпочитают сражения на дистанции, засады, окружения неприятелей, притворные отступления и обратные повороты, рассредоточение строя. Когда они обращают своих врагов в бегство, они полностью сосредоточиваются на этом и очертя голову бросаются в погоню, не помышляя ни о чем другом, кроме как о преследовании. Они не довольствуются, подобно ромеям и другим народам, умеренным преследованием и грабежом имущества, но напирают до тех пор, пока не добьются полного уничтожения врагов, используя для этого все средства»* [42, с. 276]. Анна Комнина в своем труде так же пишет о том, что куманы тревожили печенегов стрельбой из луков [3, с. 234]. Византийский автор Никита Хониат сообщает следующие сведения о печенегах либо куманах: *«Мгновенно скифы и валахи, поручив добычу отдельному отряду с тем, чтобы он пробирался кратчайшею дорогою и поспешно продолжал путь до самых гор, сомкнулись и храбро встретили натиск римской конницы, сражаясь по отечественному и обычному своему способу. Обыкновенно они бросаются на противников, осыпают их тысячами стрел и ударяют в копья, но через короткое время переменяют нападение на бегство и начинают заманивать неприятеля в погоню за собою; потом вдруг поворачиваются лицом к наступающим, бросаются на них быстрее птиц, рассекающих воздух, и вступают опять в бой, всякий раз – с новым мужеством и большею против прежнего отвагою. Повторив этот маневр и теперь много раз, так что римляне стали уже видимо ослабевать, они оставили его потом, обнажили мечи и со страшным воинственным криком, быстрее мысли, бросились на римлян и начали косить без разбора – и нападавших, и обрашавшихся в бегство»* [52, с. 56].

Описание начала боя монголами мы встречаем у Марко Поло. Он пишет: «Забил накар, и люди, немедля, бросились... Схватились за луки и стали пускать стрелы... Метали стрелы, пока их хватало; и много было мертвых и насмерть раненных... Вышли все стрелы, попрыгали они свои луки в налучья, схватились за мечи и палицы и бросились». Таких описаний Марко Поло приводит несколько [34, с.101, 102, 212, 213, 216, 220, 231, 236]. И хотя эти строки касаются уже более поздних кочевников, мы можем применить их и к печенегам и к половцам.

Подобное описание можно встретить и в труде Джованни дель Плано Карпини, который так же приводит данные о производстве луков и стрел и их использовании у монголов: «Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы» [65, с. 52–53]. Этот же факт подтверждает в своих описаниях и Гильом Рубрук [65, с. 100].

Позже похожее описание о боевых обычаях татар оставил Сигизмунд Герберштейн, он приводит один из основных приемов атаки стрелами в своих «Записках о Московии»: «Их оружие – лук и стрелы; сабля у них редка. Сражение с врагом они начинают издали и очень храбро, хотя долго его не выдерживают, а обращаются в притворное бегство. Когда враг начинает их преследовать, то [при первой возможности] татары пускают назад в них стрелы; затем внезапно повернув лошадей, бросаются на расстроенные ряды врагов. Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, что бы тем вернее и удобнее стрелять во врага. Среди таким образом (по кругу) наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок... Такой способ боя из-за сходства называют «пляской»...» [14, с.168]. Современник Герберштейна Михалон Литвин свидетельствует, что татары «всегда первыми вступая в битву, стремятся захватить левый фланг войска противника с тем, чтобы сподручнее было обстреливать» [50]. Их последователь Гийом де Боплан, также приводит сведения об использовании татарами лука и стрел в начале сражения. Он говорит, что крымское войско таким образом атакует поляков, пока не изнурит их и лишь тогда, чувствуя себя достаточно сильными, что бы «сражаться саблею», заставляют поляков отступить [16, с. 243–245, 251].

Как видим, военное столкновение у кочевников происходило в два этапа: дистанционный с помощью лука и стрел и ближний бой с использованием древкового и клинкового оружия. М.В. Горелик предложил название для первого этапа «карусель» и приводит ссылку на использование таких приемов стрельбы с коня и у современных киргизов [17, с.157]. Эти описания могут быть применимы как к монголам, так и к их предшественникам в восточноевропейских степях – печенегам и куманам.

Далее начинался ближний бой, который велся копьями и саблями. В «Тактике Льва» приводятся сведения следующего содержания: кочевники нападают, «неся копьа за плечами и держа луки в руках, они используют их попеременно, по мере складывающейся надобности. При преследовании предпочитают пользоваться луками» [42, с. 275]. Известия о таком бое есть у Никиты Хониата, который пишет: «Оружие их составляют: колчан, повешенный сбоку на чреслах, кривой лук и стрелы. Некоторые, впрочем, употребляют и копьа, и ими действуют на войне...» [52, с. 212], слова его подтверждает Анна Комнина в эпизоде о ранении императора Алексея Комнина копьем в руках «скифа» [3, с. 212]. В то же время в отношении крымских татар, письменных источниках нет сведений об использовании ими копий, что объясняется иными тактическими приемами и характером боевых столкновений, при описываемых событиях. Сигизмунд Герберштейн и Михалон Литвин, например, даже отмечают, что копье у них редкость [53, с.59].

Умели кочевники ловко сбить с толку противника. Вот, например, Робер де Клари пишет: «А из одежды и оружия у них имеются только куртки из бараньих шкур; да еще они носят с собой луки и стрелы...». Далее он описывает, что французы, увидев куманов, одетых в шкуры, приняли их за «ватагу мальчишек», но «куманы и прочие люди быстро неслись вскачь, и потом ринулись на французов и многих поубивали, и наголову разбили всех их в этом сражении...» [69, с. 47–48]. Тактика кочевников IX–XIII вв. и крымских татар и способы ведения боя на открытом пространстве во многом, как видим, схожи. В то же время следует отметить и некоторые различия в организации ведения боевых действий. Торговые и культурные связи кипчаков с соседними государствами были настолько развиты, что половцы уже могли позволить себе содержать в войске спе-

циалистов по артиллерии, даже если не могли использовать это оружие сами (Рис. 1.1, 1.7, 1.6). Данные археологии свидетельствуют, что кипчаки не только кочевали рядом с городами, но и жили в них. В Херсоне, Керчи и рядом с крепостной стеной Судака были локализованы и раскопаны половецкие захоронения [1, с. 278]. Жители этих городов, конечно же, были знакомы с осадной техникой и артиллерией. Могли эти знания перейти и к половцам. Говоря о взаимодействии кочевников с крымскими средневековыми городами, нельзя не упомянуть о присутствии в городской культуре кочевнических элементов. Так в Судаке среди археологических материалов X–XII вв. многие вещи связаны своим происхождением с кочевниками. Из вооружения – это наконечники стрел, орнаментированные костяные накладки луков и колчанов и другие составляющие снаряжения кочевого воина-всадника. Эти вещи могли принадлежать как печенегам или торкам, переходящими к оседлости, так и жителям города, перенявшим от номадов моду на ношение таких вещей [45, с. 20, 25]. В крымскотатарском войске при этом не было осадной техники, поэтому они редко осаждали города и крепости. Тем не менее есть сообщение, что в 1580-м г. крымские войска подступили к Астрахани и решили взять крепость и город приступом и заготовили вязанки тростника для этих целей [25, с. 142]. Есть упоминания и о неоднократных походах на Москву, как пишет В.Д. Смирнов, во время одного из них в 1571 г., осада и опустошение города длилось 40 дней. В то же время источниками и исследователями отмечается и использование крымскими татарами легкой артиллерии и пушек, с оговоркой, что пушки эти могли быть турецкими [53, с. 61].

Несмотря на легкость и постоянную мобильность, готовность в любое время выступить в военный поход, кочевники всегда уделяли особое внимание подготовке к нему. В «Тактике Льва» дается следующая характеристика кочевникам: «Они привычны к зною, стуже и ко всем остальным нехваткам жизненных благ, которые выпадают на долю номадов», а чуть дальше автор отмечает, что их «сопровождает большое количество скота – жеребцов и кобылиц, используемых как для питания мясом и молоком, так и для демонстрации своей многочисленности» [42, с. 275, 276]. И.Л. Измайлов описывая армию Улуса Джучи, в которую входили и кипчаки, приводит цитату из арабских источников о подготовке воинов к походу: «каждый всадник из них обязательно имел при себе двух слуг, тридцать голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу». Тут же он приводит цитаты из трудов Марко Поло и Иосафата Барбаро, о выносливости воинов-кочевников в дальних переходах, их стремительности и быстроте [26, с. 8]. Учитывая, что Крымское ханство было наследником Джучиева Улуса, то эти сведения мы можем отнести и к крымскотатарскому войску. Тем более что Михалон Литвин, подтверждает эти данные, говоря: «В еде татары неприхотливы... Они отличаются на войне умением переносить жажду, голод, труд, бессоницу, жару, холод и вообще все лишения и невзгоды климата» [50]. Говоря об организации военного похода у половцев, Робер де Клари сообщает, что «у каждого из них есть десяток или дюжина лошадей; и они так хорошо их приручили, что те следуют за ними повсюду, куда бы их ни повели, и время от времени они пересаживаются то на одну, то на другую лошадь... и они не перестают двигаться ни днем, ни ночью. И передвигаются они столь быстро, что за одну ночь и за один день покрывают путь в шесть или семь, или восемь дней перехода. И пока они так передвигаются, то никогда никого не преследуют и ничего не захватывают, пока не повернут в обратный путь; когда же они возвращаются обратно, вот тогда-то и захватывают добычу, угоняют людей в плен и вообще берут все, что могут добыть» [69, с. 47]. Подобные же сведения о татарах приводят Михалон Литвин и Гийом де Боплан, они также описывают, что кочевники XVI–XVII вв. ведут с собой около 5 сменных коней и быстро передвигаются [50; 16, с. 229–231]. О лошадях, источники сообщают, что они были низкорослой породы, но очень выносливые и неприхотливые, они не боятся ни холода, ни жара и всегда бегают рысью, остановить их не могут ни реки, ни болота [25, с.141]. В дальних переходах кочевники легко могли преодолевать водные препятствия. Византийский историк Никита Хониат свидетельствует: «Для переправы через реку скифы употребляют кожаные мешки, наполненные соломой и так хорошо сшитые, что в них не проникает ни малейшая капля воды. Скиф садится верхом на такой мешок, привязав его к конскому хвосту, кладет на него седло и все военные принадлежности и таким образом, пользуясь при переправе конем, как судно парусом, легко переплывает через всю ширину Дуная» [52]. Его слова подтверждает еврейский путешественник Рабби Петахия Регенбургский «У обитателей этой земли нет судов, но они шивают вместе по десяти лошадиных растянутых шкур, обшивают их кругом по краям одним ремнем, садятся на эти шкуры с телегами и кладью; затем привязывают концы шкур ремнями к хвостам лошадей, которых пускают вплавь, и таким способом переправляются через реку». Он же говорит,

как питались кочевники в военных походах: «Хлеба не едят в этой земле, а только рис и просо, сваренные в молоке, а также молоко и сыр. Что касается мяса, то куски его кедары кладут под седло лошади, гоняют ее до пота, и когда мясо согреется, они его так и едят» [78, с. 264]. В.В. Ушницкий приводит сведения, что конина и кумыс занимали ведущее место в рационе кипчаков, приводя параллели и среди этнографических данных [79, с. 60]. О способах преодоления водных препятствий крымскими татарами и ногаями приводят авторы XVI и XVII вв. Михалон Литвин пишет: «Быстрые полноводные реки, которые в суровое зимнее время на севере к тому же страшно трещат от лопающегося льда и трудны для переправы, они, однако, преодолевают без судов, но только на конях; сами они держатся за гривы, а к хвостам привязывают мешки, [положив их] на деревянные брусья или на связки камыша, чтобы переплыть без промедления, легко и быстро» [50], ему вторит Гийом де Боплан, описывая переправу татар через Борисфен [16, с. 251–255], есть подобные упоминания и у других авторов [25, с. 142].

Описание обустройства военного лагеря кочевниками приводится в трактате Льва VI Мудрого. Он пишет: «Они не размещаются лагерем, подобно ромеям, но вплоть до дня сражения остаются разделенными по родам и племенам; лошадей оставляют свободно пастись и летом, и зимой. Когда наступит день сражения, они отлавливают нужных лошадей и держат их стреноженными вблизи палаток турок до момента построения боевого порядка, а к такому построению они приступают ночью. Свои виглы они устанавливают на большом удалении друг от друга, чтобы было нелегко внезапно на них напасть» [42, с. 276]. Из данного сообщения видно, что вокруг лагеря кочевники выставляли и стражу¹.

Во время военного похода и печенеги, и половцы располагали свой лагерь из веж или кибиток – небольших строений установленных на телегу или повозку. Джованни дель Плано Карпини приводит их описание: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделаны из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда падает свет, а так же для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены и крыши покрыты войлоком, двери так же сделаны из войлока». Говорит Джованни дель Плано Карпини и о повозках: «некоторые (жилища) быстро разбираются и чинятся и переносятся на выючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках». Подобное же описание жилищ встречаем у Гильома Рубрука: «Бревнами его дома служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка, наподобие печной трубы; ее они покрывают белым войлоком» [65, с. 27–28, 90].

Если лагерь ставился во время военного похода, то его окружали скрепленными между собой повозками, а внутри круга устанавливали переносные юрты. В этих лагерях половцы могли успешно обороняться. Византийские источники сообщают нам и об этом: «Собрав все повозки, они расположили их в виде круга и, поставив на них немалое число своего войска, пользовались ими как валом. Вместе с тем, оставив между ними косые проходы, они, когда теснимы были римлянами и принуждены были бежать, уходили за повозки как за крепкую стену, и от того не подвергались невыгодам бегства, а потом, отдохнув, опять выходили оттуда, как бы через отверстие ворота, и мужественно сражались», пишет Никита Хониат [52, с. 20]. Византийский автор Иоанн Киннам пишет, что «скифы» заняли оборону, окружив себя повозками, что характерно и для печенегов, и для половцев, а некие императорские «секироносцы» разбили секирами эти повозки, и номады были захвачены в плен [6, с. 59–60, 92–96]. Как видим, кочевники умело использовали свои повозки для организации обороны или когда не было возможности действовать привычными методами конного боя. Как справедливо отметила С. А. Плетнева, такие построения лагеря у кочевников связаны с религиозными представлениями и культом солнца и неба [56, с. 133]. При этом исследовательница отмечает, что в таком построении кочевники не только оборонялись, но и нападали [56, с. 139–140]. К сожалению, данных письменных источников недостаточно, для реконструкции лагеря крымского войска. Тем не менее, мы можем с уверенностью утверждать, что такой лагерь у крымских татар был. Например, в 1555 г., как сообщается в Никоновской летописи, московские войска захватили лагерь Девлет Герая с обозом и 60 тыс. лошадей [53, с. 58].

Военное дело кочевников представляет такой интерес еще и потому, что формирование его основных критериев происходило во время перехода их от стадии таборного кочевания к полуоседлости, как справедливо отмечала С. А. Плетнева: «от кочевий к городам» [57]. В процессе тяжелых военных взаимоотношений кочевники перенимают многие аспекты военного дела у окружающих

¹ Виглы – караульные, сторожевые или дозорные посты, конные и пешие, высылаемые за пределы основного расположения армии [29, с. 137].

их оседлых народов, они вынуждены приспосабливаться к осадам и штурмам укрепленных поселений, пользоваться оружием, произведенными в мастерских Византии и Руси. В свою очередь эти государства перенимали у кочевников многие виды оружия, одежду [71, с. 437–443].

Печенежские и половецкие воины искусно владели различными приемами ведения боя. Половцы, при этом, были защищены отличными доспехами и вооружены по последнему слову (по меркам средневековья) оружейного производства. Знали они, что такое осада городов, умели сами себя обеспечить как для войны, так и в быту, успешно и быстро совершали большие переходы на дальние расстояния. И наверное, одной из лучших характеристик кипчакским воинам могут служить слова секретаря египетского султана XIV в. Аль-Омари: «...один из лучших родов Тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станов, красоте своих фигур и благородству своих характеров. Из них (состоит) большая часть войска Египетского, ибо от них (происходят) султаны и эмиры его (Египта)» [73, с.232].

Для полноты реконструкции комплекса вооружения кочевника, необходимо так же рассмотреть одежду воина. Основным источником для этого так же являются половецкие каменные изваяния. К сожалению, у нас недостаточно материалов для реконструкции внешнего вида печенежского воина, но в данном случае можно судить о некоторой схожести облика воинов этих этносов. Кочевники обычно изображались одетыми в длинные, часто до колен, кафтаны, штаны и сапоги. Подтверждение этому есть некоторых письменных источниках. Вильгельм Рубрук писал: «...они устроят также такие шаровары из кож... Они шьют также сандалии, башмаки и другое платье» [65, с. 99–101], а Плано Карпини отмечал: «Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сандалии и все изделия из кожи» [65, с. 37]. Детальные прорисовки на изваяниях позволяют проследить все элементы костюмов. На многих статуях поверх одежды прорисовывались пояса, на которых подвешивалось оружие, а так же другие необходимые для кочевника вещи, различные бытовые предметы, украшения и т.д.

Для производства одежды использовались шкуры и кожи животных. Представители более высокого сословия могли позволить себе одежду из дорогих привозных тканей. Вероятно, ткани эти попадали к кочевникам из Византии, Руси и стран Востока. Степные традиции в покрое верхней одежды не заменялись модой пришедшей от оседлых соседей, скорее наоборот, в этом случае заметно влияние кочевнической моды на византийскую. Византийские традиции не коснулись изменений кроя кафтанов, но на половецкой одежде появляются широкие горизонтальные нашивки на верхнюю часть рукава, так называемые «клавы» – такую одежду в Византии могли носить лишь высокие придворные чины [58, с. 99]. Эти нашивки прослеживаются и на многих половецких изваяниях в виде сочетаний различных косых насечек в верхней части рук и на плечах статуй. Кафтаны кроили длинными, до колен, но с короткими рукавами. Под кафтанами, вероятно носили рубахи с длинными рукавами, тоже почти до колен, шелковые или полотняные. Один из участников Четвертого крестового похода Роббер де Клари в «Завоевании Константинополя» пишет: «А из одежды и оружия у них имеются только куртки из бараньих шкур; да еще они носят с собой луки и стрелы...» [69, с. 47–48]. Вот описание, внешнего вида крымских татар, которое приводит Гийом де Боплан: «Одежду этого народа составляет короткая рубаха из хлопчатобумажной ткани, спускающаяся только на полфута ниже пояса, шаровары и которкие до колен штаны для верховой езды из сукна или чаще всего из хлопчатобумажной ткани, простеганной сверху; самые удалые носят кафтан из стеганой хлопчатобумажной ткани, а сверху – суконный халат, подбитый мехом лисицы или же благородным куньим, шапку из того же меха и сапоги из красного сафьяна, без шпор. Простые [татары] надевают на плечи бараний тулуп, выворачивая его шерстью наружу во время зноя и в дождь» [16, с. 219]. Таким образом мы видим, что и в одежде и снаряжении у куманов и крымских татар так же наблюдается преемственность и общие черты.

Из письменных источников известно, что печенеги и половцы в своих военных походах использовали повозки (Рис.1.3, 1.4, 1.5, 2.6). В них они, вероятно, перевозили все необходимое в долгих переходах, из них строили лагерь для обороны от врага в неожиданных для самих кочевников ситуациях. Как тягловую силу в этих повозках могли использовать коней, верблюдов и крупный рогатый скот. Летописи, сообщая о княжеской добыче в степях, обычно перечисляют коней, верблюдов, крупный рогатый скот и овец [30, с.152].

Повозки кочевников хорошо описаны в различных письменных источниках. Русские летописи называют их вежами. Говорит Карпини и о повозках: «некоторые (жилища) быстро разбираются и чинятся и переносятся на выючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках» [65, с.27–28, 90]. Марокканский автор Мухаммад ибн Баттута описывает повозки

следующим образом: «У каждой из телег 4 больших колеса... на арбу ставится нечто вроде свода (сделанного) из прутьев дерева, привязанных один к другому тонкими кожаными ремнями. Это легкая ноша; ее обтягивают войлоком или попоной; в ней бывают окна решетчатые, и тот, кто (сидит) в ней, видит людей, они же его не видят; он поворачивается в ней, как угодно, спит и ест, читает и пишет во время еды. На тех из таких арб, на которых возят тяжести дорожные и съестные припасы, находится подобная же кибитка, о которой мы говорили, но с замком» [73, с. 281].

Подтверждают эти наблюдения ибн Батуты миниатюры Радзивилловской летописи, где изображены повозки на четырех колесах [66, л. 232 об.], и на двух колесах [66, лл. 234 об., 237 об., 242 об.]. Об этих крытых повозках пишут и другие авторы средневековья, например, Анна Комнина: «Скифы тоже встали в боевые порядки – ведь они обладают врожденным искусством воевать и строить ряды – устроили засады, по всем правилам тактики «связали» свои ряды, как башнями огородили свое войско крытыми повозками, а затем поотрядно двинулись на самодержца и стали издали метать стрелы в наших воинов. Тогда самодержец, построив войско применительно к порядку наступающих отрядов, распорядился, чтобы гоплиты не выходили вперед и не нарушали сомкнутого строя до тех пор, пока скифы не окажутся на расстоянии, удобном для рукопашного боя, а подождали бы того момента, когда пространство между двумя движущимися друг на друга войсками сократится до «уздечки», и лишь затем разом бросились на врагов» [3, с. 209]. Содержатся сведения о повозках в трудах других византийских историков. Иоанн Киннам пишет, что «скифы» заняли оборону, окружив себя повозками, что характерно и для печенегов, и для половцев, а некие императорские «секироносцы» разбили секирами эти повозки, и номады были захвачены в плен, далее говорится, что эти пленные, «...Занесенные в воинские списки, они еще долго служили» [6, с. 59–60, 92–96]. У Никиты Хониата встречаем: «Собрав все повозки, они расположили их в виде круга и, поставив на них немалое число своего войска, пользовались ими как валом. Вместе с тем, оставив между ними косые проходы, они, когда теснимы были римлянами и принуждены были бежать, уходили за повозки как за крепкую стену, и от того не подвергались невыгодам бегства, а потом, отдохнув, опять выходили оттуда, как бы через отверстие ворота, и мужественно сражались» [52, с. 19–20]. Упоминания о повозках у крымских татар встречаются и у авторов XVI–XVII вв. Михалон Литвин приводит сведения, что татары имеют «переносные шатры, сделанные из лозы и тростника, крытые козьим войлоком, защищенные плетеными рогожками и циновками, они везут их с собой на повозках вместе с женами и детьми» [50]. Мартин Броневский пишет, что татары кочуют вместе с кибитками, которые «круглы и покрыты войлоками; но едва могут вмещать в себе от четырех до пяти человек. Татары укладывают все на двухколесные возы, запряженные одним или двумя верблюдами, иногда волами» [46]. Гийом де Боплан, приводит иное название этим средствам передвижения – «котарга», и дает рисунок этого приспособления (Рис. 2.4) [16, с. 215, 217, 453].

Подтверждается наличие таких повозок у половцев и археологическими материалами. В некоторых могилах были обнаружены их детали: точеные балясины, дверца и колеса со спицами от кибитки [80, с. 92]. В одном из половецких захоронений раскопанных Д.И. Яворницким в Екатеринославской губернии были найдены обломки двухколесной повозки, диаметр колеса которой был равен 1,3 м [83, с. 123–124]. В погребении половецкого времени в кургане № 10 у с. Богачевка в крымском Присивашье так же были обнаружены детали повозки [13, с. 15, 51]. Погребение было совершено в решетчатом гробовище, которое некоторые исследователи справедливо считают кузовом повозки [82, с. 194]. Поверх этого гробовища были положены два деревянных колеса, от которых остались спицы и ступицы [13, с. 15, 51]. Остатки повозки в виде «решетчатого гробовища» обнаружены и в погребении у с. Зеленый Гай на р. Игулец [43, с. 113]. Наиболее полная подборка кочевнических захоронений Поднепровья с деталями и реконструкциями повозок представлены в статье В.Н. Шалобудова и П.П. Лесниченко [82], значительная часть материалов проанализирована в работе Л.В. Яворской [85]. Материалы из захоронений половецкого времени позволяют представить конструкцию кочевнической повозки описанной в источниках (Рис. 2.1–2.3, 2.6). Кузов представлял собой узкую прямоугольную раму 1,8–2 м длиной и 0,5–0,8 м шириной. Эта деталь выполнялась из квадратного в сечении бруса лиственных пород дерева – дуба или бука. Лишь в одном случае прослежена не прямоугольная, а ладьевидная форма кузова [82, с. 198]. Колеса представляли собой конструкцию, состоящую из ступицы, спиц и обода. Ступицы бочонковидной или цилиндрической формы диаметром 0,20–0,25 м, с прорезанными в них отверстиями для крепления спиц. Количество отверстий зависело от количества спиц и могло варьировать от 12 до 24. Ступица могла состоять из двух продольных половинок. Спицы, сделанные из дерева,

обматывались берестой, что предохраняло их от растрескивания [82, с. 198]. Длина их была различной – от 0,46 до 0,65 м. Деревянный обод колеса мог быть однослойный и многослойный, возможно, оббивался железом [82, с. 198–199; 319]. Благодаря сохранившимся в погребениях деталям, исследователи могут реконструировать и ходовую часть кочевнических повозок. В.Н. Шалобудов и П. П. Лесничий выделяют два варианта конструкции ходовой части [82, с. 201]. В первом случае колеса вращались на неподвижной оси, закрепленной в пазах кузова, во втором ось была подвижная и на ней наглухо крепилось одно колесо, а второе оставалось свободным. В этом случае ось крепилась к кузову в открытых пазах, что позволяло ей свободно вращаться; возможно использовались и какие-то страховочные ремни. Такая конструкция не давала оси сломаться при повороте повозки. Исследователи считают второй вариант конструкции повозок наиболее совершенным в изготовлении и эксплуатации [82, с. 201]. Я.П. Гершкович считает так же, что половцы могли пользоваться саними. В качестве примера, он приводит деревянную конструкцию «решетчатого гробовища» из погребения кочевника из кургана у с. Кирова Бериславского района Херсонской области (Рис.2.5). Он считает, что погребение производилось зимой, о чем свидетельствует, хорошая сохранность изделий из органических материалов [15, с. 44]. У деревянной конструкции, которая выполняла роль «гробовища» бруска нижнего яруса имеют загнутые вверх окончания, исследователь считает их полозьями саней. Сани были переделаны специально для погребения, о чем свидетельствует изголовье, которое в реальных санях лишено какой-либо функциональности и поперечные бруски на нижнем ярусе, которые препятствовали бы скольжению саней. Я.П. Гершкович, так же считает, что сани могли использоваться и летом и зимой, так как они имеют и «зимние» и «летние» признаки [15, с. 45].

Таким образом, наиболее распространенным и удобным в эксплуатации средством передвижения были двухколесные повозки-арбы, с решетчатым кузовом. Кочевники использовали их не только в бытовых целях и в военных походах, но и как средство для доставки умершего в потусторонний мир. На таких повозках успешно можно было перевозить запасы оружия, продовольствия, военную добычу. Легкость и мобильность таких повозок обеспечивали кочевникам быстроту и непредсказуемость в набегах, осуществление тактики молниеносной войны, столь характерной и для печенегов, и для половцев.

Итак, кочевники обладали достаточно совершенным конским снаряжением. За долгие века ими были разработаны оптимальные способы управления конем, изобретено жесткое седло и стремяна, позволяющие совершенствовать вооружение, и обеспечивающие номадам преимущества перед оседлыми народами, даже если в составе их войск были кавалерийские подразделения. Конь был не только средством передвижения, но и обеспечивал воина-кочевника в далеком походе пищей. Благодаря использованию тягловой силы животных, кочевники были обеспечены в походах всем необходимым, а искусное использование ими повозок и кибиток, давало возможность защитить место своей стоянки от неожиданного нападения неприятеля.

Подводя итоги, следует отметить, что и печенеги и половцы пользовались военной стратегией характерной для кочевых обществ. В части наступления они совершали быстрые грабительские набеги, стараясь не вступать в столкновения с хорошо организованной регулярной армией противника, в случае же когда это было неизбежно, занимали оборонительную позицию, заманивали вражеские войска в засаду и старались разобщить и разбить по отдельности его отряды. Тактика кочевников северопричерноморских степей в X–XIII вв. состояла в предварительном обстреле противника дистанционным оружием, с последующей атакой оружием ближнего боя – копьями и саблями. Военный строй кочевников зависел от конкретной ситуации, когда они совершали набеги, то действовали широким фронтом, когда же участвовали в битве с подготовленным противником, старались расположить свои войска, так, что бы заманить противника в засаду, выдвигая вперед авангард, и разделив остальное войско на правое и левое крыло и центр, при этом отведя часть отрядов в резерв. Не используя долгих осад и штурмов укреплений, печенеги и половцы, тем не менее, могли применять некоторые новшества заимствованные ими у оседлых народов, могли они отвести воду от города, использовали поджог, а половцы на поздних этапах своей истории в южнукраинских степях, привлекали и специалистов по метательной артиллерии [30, с. 147–148, 436; 60, с. 136]. На ранней стадии кочевания, и печенеги, и половцы использовали для обороны лагерь, построенный из повозок, у половцев же на первом этапе перехода к оседлости появляются города, укрепления, которых они если и не возводили сами, то могли использовать укрепления, поставленные их предшественниками, проживавшими в этих городах [59, с. 270–271; 8, с. 26–39]. Передвигаясь достаточно быстро, и печенеги и половцы, имея с собой все необходи-

мое, предпринимали дальние переходы как с целью совершения мелких локальных набегов, так и для участия в серьезных военных кампаниях восточноевропейских государств [42, с. 275, 276; 69, с. 47]. Умели кочевники и организовать построение лагеря, хотя он отличался от военного лагеря, который строили регулярные армии оседлых народов [35, с. 42; 29, с. 276; 56, с. 139–140]. Несмотря на отсутствие у кочевников южнорусских степей флота, они достаточно легко могли преодолевать водные препятствия, чему находится подтверждение в письменных источниках [52; 54, с. 208]. Как видим из анализа вышеперечисленных письменных источников, подобные особенности военного дела были присущи и крымским татарам в XV–XVIII вв., при этом к данным некоторым источникам следует относиться очень осторожно, ввиду того, что современники – путешественники и дипломаты, могли основывать свои сообщения на работах более ранних авторов, и тут необходимо привлечение широкого спектра других материалов, из области археологии и этнографии. В то же время, в случаях, когда автор являлся очевидцем описываемых событий и подтверждает это, сведения могут быть достаточно достоверными. Анализируя эти моменты, связанные с военным делом кочевников IX–XIII вв. и крымских татар в более позднее время, можно сделать следующие выводы: несмотря на некоторые общие черты, присущие всем кочевым сообществам, мы наблюдаем и специфические черты преемственности, которые могут свидетельствовать о глубоких традициях военного искусства крымских татар, корни которых прослеживаются в военном деле более ранних кочевых племен Северного Причерноморья и всего Дашт-и-Кипчака в целом.

Список литературы

1. Айбабин А.И. Города и степи Крыма в XIII–XIV вв. по археологическим свидетельствам. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Симферополь, 2003. Вып. X. С. 277–306.
2. Ал-Идриси. Отрада страстно желающего пересечь землю. Древняя Русь в свете зарубежных источников (далее ДРСЗИ): Хрестоматия. Том III: Восточные источники; [Сост. части I – Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова; части II – В.Я. Петрухин]. М., 2009. С. 127–137.
3. Анна Комнина. Алексиада. [пер. с греч. Я.Н. Любарского]. СПб., 1996. 704 с.
4. Бартольд В.В. Отчёт о поездке в Среднюю Азию с научной целью. Записки Академии наук. Историко-археологическое отделение. Вып. 8. 1887. Т. 1. № 1. 761 с.
5. Бибииков М.В. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб.: Алетейя, 1999. 314 с.
6. Бибииков М.В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1998. 191 с.
7. Бруно Кверфутский. Послание к германскому королю Генриху II (1008 г.). ДРСЗИ: Хрестоматия. Том IV; [Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко]. М., 2010. С. 55–62.
8. Бубенок О.Б. «... и города пойма Половецкие, Галин, Чешуев, Сугров...». Східний світ. К., 2009. № 1. С. 26–39.
9. Бушаков В.А. Прикметник харалужний в «Слові о полку Ігоревім» і «Задонщині» (до питання щодо автентичності «Слова»). Східний світ. К., 2002. С. 152–157.
10. Васильевский В.Г. О Куманском (Половецком) словаре. Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1908. Т.1. С.118–122.
11. Гардизи. Краса повествования. ДРСЗИ: Хрестоматия. Том III: Восточные источники; [Сост. части I – Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова; части II – В.Я. Петрухин]. М., 2009. С. 56–59.
12. Гаркавец А.Н. Кыпчакское письменное наследие. Том II. Памятники духовной культуры. Алматы: KASEAN, 2007. 906 с.
13. Генинг В.В. Археологические памятники крымского Присивашья. Курганы у с. Богачевка. К., 1989. 55 с.
14. Герберштейн С. Записки о Московии С. Герберштейн. М.: изд-во МГУ, 1988. 430 с.
15. Гершкович Я.П. Спадщина Коркута в половецькому середовищі Північного Причорномор'я. Археологія. Київ, 2011. №1. С. 40–50.
16. Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины. [пер.с фр. З.П. Борисюк]. М.: «Древлехранилище», 2004. 576 с.
17. Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов). Военное дело древнего и средневекового населения северной и центральной Азии. Новосибирск, 1990. С.155–160.
18. Горский А.А. Поход Игоря Святославовича на половцев 1185 г. в глазах современников. Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М.: «Восточная литература» РАН, 2000. С. 72–77.
19. Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
20. Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 2001. 389 с.

21. Ермоленко Л.Н. Представления древних тюрков о войне. Батыр. Традиционная военная культура Евразии. №2. М., 2011. С. 20–32.
22. Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя. М., 1993. 298 с.
23. Ибн Фадлан. Рисала. ДРСЗИ: Хрестоматия. Том III: Восточные источники; [Сост. Части I – Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова; части II – В.Я. Петрухин]. М., 2009. С. 65–80.
24. Ибн Хаукал. Книга путей и стран. ДРСЗИ: Хрестоматия. Том III: Восточные источники; [Сост. части I – Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова; части II – В.Я. Петрухин]. М., 2009. С. 86–94.
25. Ищенко С.А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов). Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях востока и запада в XII–XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989. С. 136–145.
26. Измайлов И.Л. Военная организация Улуса Джучи. Батыр. Традиционная военная культура Евразии. № 1. М., 2010. С.5–15.
27. Иоанн Киннам. История. ДРСЗИ: Хрестоматия. Том II: Византийские источники; [Сост. М.В. Бибиков]. М., 2010. С. 252–273.
28. Иоанн Скилица. Обзор истории составленное куропалатом и бывшим Великим друнгарием Виглы Иоанном Скилицей. ДРСЗИ: Хрестоматия. Том II: Византийские источники; [Сост. М. В. Бибиков]. М., 2010. С. 216–233.
29. Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. [Пер. Е.Ч. Скржинской]. М.: Наука, 1971. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Barbaro/frameset.htm>
30. Ипатьевская летопись. ПСРЛ [Под ред. А.А. Шахматова]. СПб., 1908. Т. 2. 638 с.
31. Калинина Т.М. Печенеги и путь к ним из Ургенча (по данным арабских географов). Древнейшие государства Восточной Европы Ин-т всеобщей истории РАН., 2009: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. Отв. ред. тома Т.Н. Джаксон; отв. ред. сер. Е.А. Мельникова. М.: Индик, 2010. С. 153–166.
32. Калинина Т.М. Сведения ибн Хаукаля о походах Руси времен Святослава. Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 90–101.
33. Кекавмен. Советы и Рассказы: поучение византийского полководца XI века. [Пер. и ком. Г.Г. Литаврин]. СПб.: Алетейя, 2003. 711 с.
34. Книга Марко Поло: [ред. С.Н. Кумкес]. М.: Географиздат, 1956 г. 376 с.
35. Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003. 182 с.
36. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. 345 с.
37. Козлов С.А. К вопросу о дате появления печенегов в Нижнем Подунавье. Византийский временник. М.: Наука, 2012. Т. 71. С. 57–73.
38. Константин Багрянородный. Об управлении империей. [Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева]. М., 1989. 496 с.
39. Кузенков П.В. Реальная политика или великодержавная идеология? Византийская дипломатия X в. по данным трактатов Константина Багрянородного. История: дар и долг. Юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко. М., СПб., 2010. С. 73–99.
40. Кучма В.В. «Тактика Льва» как исторический источник. Византийский временник. М.: Наука, 1972. Т. 33. С. 75–87.
41. Лев Диакон. История. ДРСЗИ: Хрестоматия. Том II: Византийские источники; [Сост. М.В. Бибиков]. М., 2010. С. 189–215.
42. Лев VI Мудрый. Тактика Льва. [Изд. подготовил В.В. Кучма]. СПб., 2012. 368 с.
43. Лесничий П.П. Позднекочевнические погребения у с. Зеленый Гай на р. Ингулец. Проблеми археології Подніпров'я. Д., 2002. С. 112–123.
44. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Избранное: «Слово о полку Игореве» и культура его времени; Работы последних лет. СПб.: «Logos», 1998. 528 с.
45. Майко В.В. Кочевнические элементы городской культуры Сугдеи X–XI вв. Мода или неоднородность этноса. Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень, 2008. Т. 2. С. 20–28.
46. Мартин Броневский. Описание Татари. [Пер. И.Г. Шершеневича] Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского. Записки Одесского Общества Истории и Древностей. 1867. Т. VI. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/frameset.htm>
47. Матузова В.И. Михалон Литвин и его трактат. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: МГУ. 1994. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frameset1.htm>
48. Мелиоранский П. Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII веках [Византийский временник. 1894. Т. 1. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Bibi/text4.phtml?id=6930>
49. Михаил Пселл. Хронография. [Пер. Я.Н. Любарского]. М.: Наука, 1978. 319 с.

50. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян [Электронный ресурс]; [Пер. В.И. Матузовой]. М.: МГУ. 1994. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin_2/frameset.htm
51. Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. 280 с.
52. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003. Т. 1. 446 с.
53. Пенсков В.В. Военные потенциал Крымского ханства в конце XV-начале XVII в. Восток (Oriens). 2010. №2. С. 56–66.
54. Петахия Регенбургский. Кругосветное путешествие. ДРСЗИ: Хрестоматия. Том III: Восточные источники; [Сост. части I – Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова; части II – В.Я. Петрухин]. М., 2009. С. 208–210.
55. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.
56. Плетнева С.А. О построении кочевнического лагеря-вежи. Советская археология. М., 1964. № 3. С. 133–140.
57. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. 209 с.
58. Плетнева С.А. Отношения восточноевропейских кочевников с Византией и археологические источники. Советская археология. М., 1991. № 3. С. 98–107.
59. Плетнева С.А. Половецкая земля. Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 260–300.
60. Плетнева С.А. Половцы. М.: Наука, 1990. 208 с.
61. Повести и сказания Древней Руси [под ред. Д. С. Лихачева]. СПб.: «ДИЛЯ», 2001. 1152 с.
62. Повесть временных лет. [под ред. В.П. Адриановой-Перетц]. М.-Л., 1950. Ч. 1. 406 с.
63. Поливанов А.М. «Восточная» гипотеза о месте битвы Игоря с половцами (р. Россошь, бассейн среднего течения Дона). Степи Восточной Европы в эпоху Средневековья. Половецко-золотоордынское время. Донецк: ДонНУ. 2003. С. 431–442.
64. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. 325 с.
65. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука [Ред., вст. статья и прим. Н.П. Шасстиной]. М., 1957. 272 с.
66. Радзивилловская летопись. ПСРЛ. [Изд. подг. М.Д. Приселковым]. Л.: Наука. 1989. Т. 38. 177 с.
67. Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии. Серия «Материалы и исследования». Исследования по истории кочевников Восточноевропейских степей. М., 2012. Т. I. С. 39–112.
68. Регион Прюмский «Хроника» с Продолжением (начало X в. и после 973 г.). ДРСЗИ: Хрестоматия. Том IV; [Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко]. М., 2010. С. 44–49.
69. Робер де Клари. Завоевание Константинополя. М., 1986. 176 с.
70. Свердлов М.Б. Известия о Руси в Хронике Титмара Мерзебургского. Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 102–112.
71. Сейдалиев Э.И. К вопросу о заимствованиях городской и кочевой культур Восточной Европы в области военного дела X–XIII вв. МАИЭТ. Симферополь, 2013. Вып. XVIII. С. 437–443.
72. Стоянов В. Codex Comanicus: история изучения. МАИЭТ. Симферополь, 2003. Вып. X. С. 481–505.
73. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 563 с.
74. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941, 309 с.
75. Титмар Мерзебургский. «Хроника» (1012–1018 гг.). ДРСЗИ: Хрестоматия. Том IV; [Сост., пер. и коммент. А. В. Назаренко]. М., 2010. С.63–83.
76. Толочко П.П. «Кочевые народы степей и Киевская Русь». СПб., 2003. 160 с.
77. Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб.: Алетей, 2003. 296 с.
78. Три еврейских путешественника. Иерусалим-М., 2004. 318 с.
79. Ушницкий В.В. Восточные корни кыпчаков: этнокультурные параллели с народами Сибири. Степи Восточной Европы в эпоху Средневековья. Половецкое время. Донецк: ДонНУ, 2012. Т. 10. С. 53–64.
80. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. 276 с.
81. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма. Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. [Ред.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен]. Симферополь: «Доля», 2005. 576 с.: ил.
82. Шалобудов В.Н. Опыт реконструкции позднекочевнических повозок (по материалам половецких погребений Поднепровья). Степи Восточной Европы в эпоху Средневековья. Половецко-золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2003. Т.3. С. 193–206.
83. Эварницкий Д.И. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии. Труды XII Археологического съезда. М., 1907. Т. 1. С. 108–157.

84. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008. 241 с.
85. Яворская Л.В. Повозки в погребениях кочевников золотоордынского времени Нижнего Поволжья. Проблемы археологии Нижнего Поволжья. 1-я международная Нижневолжская археологическая конференция. Материалы. Волгоград. 2004. С. 319–321.
86. Якубовский А.Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. Византийский временник. М., 1927. Т. 25. С. 54–77.
87. Golden P.B. Codex Comanicus [Электронный ресурс]. CENTRAL ASIAN MONUMENTS. Edited by H.B. Paksoy. Istanbul, 1992, p. 33–66. Режим доступа: http://vlib.iue.it/carrie/texts/carrie_books/paksoy-2/cam2.html
88. Joannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Codex Matritensis Graecus Vitr. 26–2 (Fascimile edition). Athens, 2000. 751 p.
89. Swietoslawski W. Uzbrojenie koczownikow wielkiego stepu w czasach ekspansji mongolow (XII–XIV w.) / Witold Swietoslawski // Acta archaeologica Lodziensia. Nr. 40. Lodz, 1996. 114 s.
90. Рассемакин Ю.Я. Погребение знатного кочевника на реке Молочной: опыт реконструкции вещевого комплекса. Степи Восточной Европы в эпоху Средневековья. Половецко-золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2003.

Сведения об авторе: Эмиль Исаевич Сейдалиев – научный сотрудник средневекового отдела, Институт археологии Крыма, кандидат исторических наук (295007, пр. Вернадского, 2, г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация); codexcummanicus@gmail.com

Warfare of the Nomads in the Northern Black Sea Region during the 9th–13th centuries and the Crimean Khanate: A Comparative Analysis Based on Written Sources

E.I. Seydaliev
(*Institute of Crimean Archaeology*)

Warfare, as one of the most important spheres of life of peoples at all times, is also an essential part of a particular ethnos culture. Basing on similarities in warfare, researchers can trace the continuity of cultures of tribes and peoples divided both territorially and chronologically. The questions of history and especially ethnogenesis of the Crimean Tatars still have lots of white spots. In this article we will try to summarize data from some written sources, which could partly contribute to the solution of the questions expressed above. Sources on the history of the Black Sea region nomads' warfare in the 10th–13th centuries as well as of the Crimean Tatars are still not systematized thoroughly and have not been introduced in the scientific circulation. At the same time, they rarely contain detailed information on peculiarities of military organization and armament of nomadic population of the region. In this paper we are making the attempt to attract some archaeological and ethnographical data in order to correlate different kinds of sources and obtain information necessary to reconstruct the nomads' warfare and armament and also to compare the warfare of peoples mentioned above. Their tactics included the preliminary shelling of enemy with distance weapons, followed by a melee attack. The war order of the nomads depended on the specific situation: when raiding they used the broad front, when being involved in the battle with prepared opponent they tried to place their troops in order to ambush the enemy moving the avant-garde forward, dividing the rest of army into center, left and right wings, and keeping part of the troops as a reserve. Without using long sieges and fortification assaults, they still used some innovations borrowed from settled peoples: diverting of water from the town, raising fire. The Cumans on the late stage of their history in the steppes of Southern Russia used the specialists in throwing artillery, as well as the Crimean Tatars did. In the early nomadic stage, the Pechenegs and Cumans used the camp built of wagons for defense; the Cumans also had towns and fortresses. Moving fast enough the Crimean Tatars and their predecessors traveled far both for local raids and major military campaigns against their neighbors. Despite of some similarities common for all nomadic communities, we can observe the specific features of continuity, which may indicate the deep warfare traditions of the Crimean Tatars having their roots in the warfare of earlier nomads of the Black Sea region.

Keywords: Pechenegs, Cumans, Crimean Tatars, Crimean Khanate, military, weapons, ethnogenesis.

References

1. Aybabin A.I. *Goroda i stepi Kryma v XIII–XIV vv. po arkeologicheskim svidetel'stvam* [Cities and Steppes of Crimea in the 13th–14th centuries according to Archaeological Evidences]. MAIET [Materials on archaeology, history and ethnography of Tavria]. Simferopol', 2003. Is. X, pp. 277–306.

2. Al-Idrisi. Otrada strastno zhelayushchego peresech' zemlyu [The Pleasure of Him Who Longs to Cross the Horizons]. *DRSZI: Khrestomatiya*. Tom III: *Vostochnye istochniki* [Chrestomathy. Volume III: Oriental Sources]; [Sost. Chasti I – T. M. Kalinina, I. G. Konovalova; chasti II – V. Ya. Petrukhin]. Moscow, 2009, pp. 127–137.
3. Anna Komnina. *Aleksiada* [Alexiad]. [per. s grech. Ya. N. Lyubarskogo]. St. Petersburg, 1996. 704 p.
4. Bartol'd V.V. Otchet o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoy tsel'yu [Report on a Travel to Central Asia with a Scientific Purpose]. *Zapiski Akademii nauk. Istoriko-arkheologicheskoe otdelenie* [Notes of the Academy of Sciences. Historical and Archaeological Department]. Is. 8. 1887. Vol. 1. No. 1. 761 p.
5. Bibikov M.V. *Vizantiyskie istochniki po istorii drevney Rusi i Kavkaza* [The Byzantine Sources on the History of Ancient Russia and Caucasus]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1999. 314 p.
6. Bibikov M.V. *Vizantiyskiy istorik Ioann Kinnam o Rusi i narodakh Vostochnoy Evropy* [The Byzantine Historian John Kinnamos about Russia and Peoples of Eastern Europe]. Moscow, 1998. 191 p.
7. Bruno of Querfur. Poslanie k germanskomu korolyu Genrikhu II (1008 g.) [Letter to the German King Henry II (1008)]. *DRSZI: Khrestomatiya* [Chrestomathy]. Vol. IV; [Sost., per. i komment. A.V. Nazarenko]. Moscow, 2010, pp. 55–62.
8. Bubenok O.B. «... i goroda poima Polovetskie, Galin, Cheshuev, Sugrov...» [“... and he took the Polovtsian cities of Galin, Cheshuev, Sugrov”]. *Skhidniy svit* [The World of the Orient]. Kiev, 2009. No. 1, pp. 26–39.
9. Bushakov V.A. Prikmetnik kharaluzhniy v «Slovi o polku Igorevim» i «Zadonschini» (do pitannya shchodo avtenticnosti «Slova») [The Adjective “Haraluzhny” in “The Lay of the Host of Igor” and “Zadonschina” (to the question of the authenticity of “The Lay”)]. *Skhidniy svit* [The World of the Orient]. Kiev, 2002. P. 152–157.
10. Vasil'evskiy V.G. O Kumanskom (Polovetskom) slovare [About the Cuman (Polovtsian) Dictionary]. *Trudy V. G. Vasil'evskogo* [Works of V.G. Vasilevsky]. St. Petersburg, 1908. Vol. 1, pp. 118–122.
11. Gardizi. Krasa povestvovaniya [The Beauty of Narration]. *DRSZI: Khrestomatiya* [Chrestomathy]. Vol. III: *Vostochnye istochniki* [Vol. III. Oriental Sources]; [Sost. chasti I – T.M. Kalinina, I.G. Konovalova; chasti II – V.Ya. Petrukhin]. Moscow, 2009, pp. 56–59.
12. Garkavets A.N. *Kypchakskoe pis'mennoe nasledie*. Tom II. *Pamyatniki dukhovnoy kul'tury* [The Kypchak Written Legacy. Volume II. The Monuments of Spiritual Culture]. Almaty, KASEAN Publ., 2007. 906 p.
13. Gening V.V. *Arkheologicheskie pamyatniki krymskogo Prisivash'ya. Kurgany u s. Bogachevka* [Archaeological Monuments of the Crimean Sivash. Burial Mounds near the Village of Bogachevka]. Kiev, 1989. 55 p.
14. Herberstein S. von. Zapiski o Moskovii S. Gerbershteyna [Notes on Muscovite Affairs of S. von Herberstein]. Moscow, Moscow University Publ., 1988. 430 p.
15. Gershkovich Ya.P. Spadshchina Korkuta v polovets'komu seredovishchi Pivnichnogo Prichornomor'ya [The Legacy of Korkut in the Polovtsian Environment of the Northern Black Sea Coast]. *Arkheologiya* [Archaeology]. Kiiv, 2011. No. 1. P. 40–50.
16. Guillaume Le Vasseur de Beauplan. *Opisanie Ukrainy* [Description of Ukraine]. [Per.s fr. Z. P. Borisyuk]. Moscow, «Drevlekhranilishche» Publ., 2004. 576 p.
17. Gorelik M.V. Stepnoy boy (iz istorii voennogo dela tataro-mongolov) [The Steppe Combat (from the military history of the Mongols)]. *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya severnoy i tsentral'noy Azii* [Warfare of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia]. Novosibirsk, 1990, pp. 155–160.
18. Gorskiy A.A. Pokhod Igorya Svyatoslavovicha na polovtsev 1185 g. v glazakh sovremennikov [The Igor Svyatoslavovich's Campaign against the Polovtsy in 1185 in the Eyes of Contemporaries]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy* [The Ancient States of Eastern Europe]. 1998 g. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2000, pp. 72–77.
19. Danilevskiy I.N. *Povest' vremennykh let. Germenevticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [The Primary Chronicle. Hermeneutical Bases for Source Study of the Annalistic Texts]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2004. 370 p.
20. Danilevskiy I.N. *Russkie zemli glazami sovremennikov i potomkov (XII–XIV vv.): Kurs lektsiy* [Russian Lands through the Eyes of Contemporaries and Descendants (12th–14th centuries): Lectures]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2001. 389 p.
21. Ermolenko L.N. Predstavleniya drevnikh tyurkov o voyne [The War's Representation among the Ancient Turks]. *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura Evrazii* [Batyr. The Traditional Military Culture of Eurasia]. No. 2. Moscow, 2011, pp. 20–32.
22. Geoffroi de Villehardouin. *Zavoevanie Konstantinopolya* [The Conquest of Constantinople]. Moscow, 1993. 298 p.
23. Ibn Fadlan. Risala. *DRSZI: Khrestomatiya*. Tom III: *Vostochnye istochniki* [Chrestomathy. Vol. III: Oriental Sources]; [Sost. chasti I T.M. Kalinina, I.G. Konovalova; chasti II – V.Ya. Petrukhin]. Moscow, 2009, pp. 65–80.
24. Ibn Hawqal. *Kniga putey i stran* [Book of Roads and Kingdoms]. *DRSZI: Khrestomatiya*. Vol. III: *Vostochnye istochniki* [Chrestomathy. Vol. III: Oriental Sources]; [Sost. chasti I – T.M. Kalinina, I.G. Konovalova; chasti II – V.Ya. Petrukhin]. Moscow, 2009, pp. 86–94.
25. Ishchenko S.A. Voyna i voennoe delo u krymskikh tatar XVI–XVIII vv. (po zapiskam inostrannykh puteshestvennikov i diplomatov) [War and Warfare of the Crimean Tatars in the 16th–18th (according to notes of foreign travelers and diplomats)]. *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh vostoka i zapada v*

XII–XVI vv. [The Northern Black Sea Coast and Volga Region in the Relations between East and West in the 12th–16th]. Rostov-na-Donu, 1989, pp. 136–145.

26. Izmaylov I.L. Voennaya organizatsiya Ulusa Dzhuchi [Military Organization of the Ulus of Jochi]. *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura Evrazii* [Batyr. The Traditional Military Culture of Eurasia]. No. 1. Moscow, 2010, pp. 5–15.

27. John Kinnamos. Istoriya [The History]. *DRSZI: Khrestomatiya*. Tom II: *Vizantiyskie istochniki* [Chrestomathy. Vol. II. Byzantine Sources]; [Sost. M.V. Bibikov]. Moscow, 2010, pp. 252–273.

28. John Skylitzes. Obozrenie istoriy sostavlennoe kuropalatom i byvshim Velikim drungariem Vigly Ioannom Skilitsey [Synopsis of Histories Composed by Curopalates and Former Great Droungarios of Vigla John Skylitzes]. *DRSZI: Khrestomatiya*. Tom II: *Vizantiyskie istochniki* [Chrestomathy. Vol. II. Byzantine Sources]; [Sost. M.V. Bibikov]. Moscow, 2010, pp. 216–233.

29. Iosafat Barbaro. Puteshestvie v Tanu [Travels to Tana] [Elektronnyy resurs]. *Barbaro i Kontarini o Rossii* [Barbaro and Contarini about Russia] [Per. E.Ch. Skrzhinskoy]. Moscow, Nauka Publ., 1971. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Barbaro/frame.htm>

30. Ipat'evskaya letopis' [Hypathian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles] [Pod red. A.A. Shakhmatova]. St. Petersburg, 1908. Vol. 2. 638 p.

31. Kalinina T. M. Pechenegi i put' k nim iz Urgench (po dannym arabskikh geografov) [The Pechenegs and the Way to Them from Urgench (according to Arab geographers)]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy* [The Most Ancient States of Eastern Europe]. In-t vseobshchey istorii RAN., 2009: Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sotsiokul'turnyy fenomen. Otv. red. toma T.N. Dzhakson; otv. red. ser. E.A. Mel'nikova. Moscow, Indrik, 2010, pp. 153–166.

32. Kalinina T.M. Svedeniya ibn Khaukalya o pokhodakh Rusi vremen Svyatoslava [Ibn Hawqal Information about the Campaigns of Rus during Svyatoslav Times]. *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya* [The Most Ancient States in the Territory of the USSR. Materials and Researches]. 1975 g. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 90–101.

33. Kekaumenos. *Sovety i Rasskazy: pouchenie vizantiyskogo polkovodtsa XI veka* [Advice and Anecdotes: Teaching of Byzantine Commander of the 9th century]. [Per. i kom. G.G. Litavrin]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 711 p.

34. Kniga Marko Polo [The Book of Marco Polo] [red. S.N. Kumkes]. Moscow, Geografizdat Publ., 1956. 376 p.

35. Knyaz'kiy I.O. *Vizantiya i kochevniki yuzhnorusskikh stepey* [Byzantium and Nomads of the Southern Russian Steppes]. St. Petersburg, 2003. 182 p.

36. Kovalevskiy A.P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.* [The Book of Ahmad Ibn Fadlan about His Journey to the Volga in 921–922]. Khar'kov, 1956. 345 p.

37. Kozlov S.A. K voprosu o date poyavleniya pechenegov v Nizhnem Podunav'e [About the Date of the Pechenegs' Occurrence in the Lower Danube]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Annals]. Moscow, Nauka Publ., 2012. Vol. 71, pp. 57–73.

38. Constantine Porphyrogenetos. *Ob upravlenii imperiey* [On the Governance of the Empire]. [Pod red. G.G. Litavrina, A.P. Novosel'tseva]. Moscow, 1989. 496 p.

39. Kuzenkov P.V. Real'naya politika ili velikoderzhavnaya ideologiya? Vizantiyskaya diplomatiya X v. po dannym traktatov Konstantina Bagryanorodnogo [Realpolitik or the Great Sovereign ideology? Byzantine Diplomacy of the 10th century according to the Treatises of Constantine Porphyrogenitus]. *Istoriya: dar i dolg. Yubileynyy sbornik v chest' A. V. Nazarenko* [History: The Gift and Duty. Anniversary Collection in honor of A.V. Nazarenko]. Moscow, St. Petersburg, 2010, pp. 73–99.

40. Kuchma V.V. «Taktika L'va» kak istoricheskiy istochnik [The “Tactics of Leo” as a Historical Source]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Annals]. Moscow, Nauka Publ., 1972. Vol. 33, pp. 75–87.

41. Lev Diakon. Istoriya [The History]. *DRSZI: Khrestomatiya*. Tom II: *Vizantiyskie istochniki* [Chrestomathy. Vol. II. Byzantine Sources]; [Sost. M.V. Bibikov]. Moscow, 2010, pp. 189–215.

42. Leo VI the Wise. *Taktika L'va* [The Tactics of Leo]. [Izd. podgotovil V.V. Kuchma]. St. Petersburg, 2012. 368 p.

43. Lesnichiy P.P. Pozdnekochevnicheskie pogrebeniya u s. Zelenyy Gay na r. Ingulets [Late Nomadic Burials near the Village of Zeleny Gai on the River Ingulets]. *Problemi arkheologii Podniprov'ya* [Problems of Archaeology of the Dnieper Region]. D., 2002, pp. 112–123.

44. Likhachev D.S. *Izbrannoe: «Slovo o polku Igoreve» i kul'tura ego vremeni; Raboty poslednikh let* [Selected Writings: “The Lay of Igor's Campaign” and the Culture of Its Time; Works of the Last Years]. St. Petersburg, «Logos» Publ., 1998. 528 p.

45. Mayko V.V. Kochevnicheskie elementy gorodskoy kul'tury Sugdei X–XI vv. Moda ili neodnorodnost' etnosa [Nomadic Elements of Urban Culture of Soldaia in the 10th–11th centuries. Fashion or Ethnic Heterogeneity]. *Starodavniy Iskorosten' i slov'yans'ki gradi* [The Ancient Iskorosten and Slavic Castles]. Korosten, 2008. Vol. 2, pp. 20–28.

46. Marcin Broniowski. *Opisanie Tatarii* [Description of the Tartaria]; [per. I.G. Shershenevicha] *Opisanie Kryma (Tartariae Descriptio) Martina Bronevskogo. Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey*. 1867. Vol. VI. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/rametext.htm>
47. Matuzova V.I. *Mikhalon Litvin i ego traktat* [Michalon Lituanius and His Treatise]. [Elektronnyy resurs]. *Mikhalon Litvin. O nravakh tatar, litovtsev i moskvityan* [Michalon Lituanius. On the Mores of Tatars, Lithuanians, and Muscovites]. Moscow, Moscow State Universitet Publ., 1994. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/rametext1.htm>
48. Melioranskiy P. *Sel'dzhuk-name, kak istochnik dlya istorii Vizantii v XII i XIII vekakh* [Seljuk-name as a Source for the History of the Byzantine Empire in the 12th and 13th centuries] [Elektronnyy resurs]. *Vizantiyskiy vremennik* [Byzantine Annals]. 1894. Vol. 1. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Bibi/text4.phtml?id=6930>.
49. Michael Psellos. *Khronografiya* [Chronography]. [Per. Ya. N. Lyubarskogo]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 319 p.
50. Michalon Lituanius. *O nravakh tatar, litovtsev i moskvityan* [On the Mores of Tatars, Lithuanians, and Muscovites] [Elektronnyy resurs]; [Per. V. I. Matuzovoy]. Moscow, Moscow State Universitet Publ., 1994. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin_2/rametext.htm
51. Mikheev S.M. *Kto pisal «Povest' vremennykh let»?* [Who Wrote the “Primary Chronicle”?]. Moscow, Indrik Publ., 2011. 280 p.
52. Niketas Choniates. *Istoriya so vremeni tsarstvovaniya Ioanna Komnina* [The History since the Reign of John Comnenus]. Ryazan, 2003. Vol. 1. 446 p.
53. Penskoj V.V. *Voennyye potentsial Krymskogo khanstva v kontse XV-nachale XVII v.* [The Military Potential of the Crimean Khanate in the late 15th – early 17th centuries]. *Vostok (Oriens)*. 2010. No. 2, pp. 56–66.
54. Petachiah of Regensburg. *Krugosvetnoe puteshestvie* [Travel around the World]. *DRSZI: Khrestomatiya*. Tom III: *Vostochnyye istochniki* [Chrestomathy. Vol. III. Oriental Sources]; [Sost. chasti I – T.M. Kalinina, I.G. Konovalova; chasti II – V.Ya. Petrukhin]. Moscow, 2009, pp. 208–210.
55. Pletneva S.A. *Kochevniki srednevekov'ya. Poiski istoricheskikh zakonomernostey* [Nomads of the Middle Ages. The Search for Historical Regularities]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 188 p.
56. Pletneva S.A. *O postroenii kochevnicheskogo lagerya-vezhi* [On the Construction of Nomadic Camp-Vezh]. *Sovetskaya arkhologiya* [Soviet Archaeology]. Moscow, 1964. No. 3, pp. 133–140.
57. Pletneva S.A. *Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura* [From Nomadic Wandering to the City. The Saltovo-Mayatsk Culture]. Moscow, Nauka, 1967. 209 p.
58. Pletneva S.A. *Otnosheniya vostochnoevropeyskikh kochevnikov s Vizantiej i arkhologicheskie istochniki* [Relations between the Eastern European nomads and Byzantium and Archaeological Sources]. *SA* [Soviet Archaeology]. Moscow, 1991. No. 3, pp. 98–107.
59. Pletneva S.A. *Polovetskaya zemlya* [The Polovtsian Land]. *Drevnerusskie knyazhestva X–XIII vv.* [The Ancient Russian Principalities in the 10–13 centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 260–300.
60. Pletneva S.A. *Polovtsy* [The Polovtsians]. Moscow, Nauka, 1990. 208 p.
61. *Povesti i skazaniya Drevney Rusi* [Tales and Legends of the Ancient Rus] [pod. red. D.S. Likhacheva]. St. Petersburg, «DILYA» Publ., 2001. 1152 p.
62. *Povest' vremennykh let* [The Primary Chronicle]. [pod. red. V.P. Adrianovoy-Peretts]. Moscow-Leningrad, 1950. Ch. 1. 406 p.
63. Polivanov A.M. *«Vostochnaya» gipoteza o meste bitvy Igorya s polovtsami (r. Rossosh', basseyn srednego techeniya Dona)* [The “Eastern” Hypothesis of the Site of the Battle of Igor against the Polovtsians (river Rossosh, Middle Don Basin)]. *Stepi Vostochnoy Evropy v epokhu Srednevekov'ya. Polovetsko-zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. The Polovtsian-Golden Horde Periods]. Donetsk, DonNU Publ., 2003, pp. 431–442.
64. Priselkov M.D. *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv.* [History of the Russian Chronicle Writing in the 11th–15th centuries]. St. Petersburg, 1996. 325 p.
65. *Puteshestviya v vostochnyye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruck] [Red., vst. stat'ya i prim. N.P. Shastinoy]. Moscow, 1957. 272 p.
66. Radzivilovskaya letopis' [The Radzivilov Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. [Izd.podg. M.D. Priselkovym]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. Vol. 38. 177 p.
67. Rasovskiy D.A. *Pechenegi, torki i berendei na Rusi i v Ugrii* [The Pechenegs, Torks, and Berendeys in Rus and Hungary]. *Seriya «Materialy i issledovaniya». Issledovaniya po istorii kochevnikov Vostochnoevropeyskikh stepey* [Series “Materials and Researches”. Studies in the History of the Nomads of the Eastern European Steppes]. Moscow, 2012. Vol. I, pp. 39–112.
68. Regino von Prüm. *«Khronika» s Prodolzheniem (nachalo X v. i posle 973 g.)* [The “Chronicle with Continuation (beginning of the 10th century and after 973)]. *DRSZI: Khrestomatiya* [Chrestomathy]. Vol. IV; [Sost., per. i komment. A.V. Nazarenko]. Moscow, 2010, pp. 44–49.
69. Robert de Clari. *Zavoevanie Konstantinopolya* [The Capture of Constantinople]. Moscow, 1986. 176 p.
70. Sverdlov M.B. *Izvestiya o Rusi v Khronike Titmara Merzeburgskogo* [Information about Rus Containing in the Chronicle of Thietmar von Merseburg]. *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i*

issledovaniya [The Most Ancient States in the Territory of the USSR. Materials and Researches]. 1975 g. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 102–112.

71. Seydaliev E.I. K voprosu o zaimstvovaniyakh gorodskoy i kochevoy kul'tur Vostochnoy Evropy v oblasti voennogo dela X–XIII vv. [To the Question of Borrowings between Urban and Nomadic Cultures of Eastern Europe in the Field of Military Affairs 10–13 centuries]. *MAIET*. Simferopol, 2013. Is. XVIII, pp. 437–443.

72. Stoyanov V. Codex Comanicus: istoriya izucheniya [Codex Cumanicus: The History of Research]. *MAIET*. Simferopol, 2003. Is. X, pp. 481–505.

73. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. Vol. 1. *Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. 1. Excerpts from the Arab Writings]. St. Petersburg, 1884. 563 p.

74. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy*. Vol. 2. *Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom i obrabotannyye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. V. 2. Excerpts from the Persian Writings Collected by V.G. Tiesenhausen and Processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941 g. 309 p.

75. Thietmar von Merseburg. «Khronika» (1012–1018 gg.) [The “Chronicle” (1012–1018)]. *DRSZI: Khrestomatiya* [Chrestomathy]. Vol. IV; [Sost., per. i komment. A.V. Nazarenko]. Moscow, 2010, pp. 63–83.

76. Tolochko P.P. *Kochevyye narody stepey i Kievskaya Rus'* [The Nomadic Peoples of the Steppes and Kievan Rus]. St. Petersburg, 2003. 160 p.

77. Tolochko P.P. *Russkie letopisi i letopistsy X–XIII vv.* [Russian Chronicles and Chronicles of the 10th–13th centuries]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. 296 p.

78. *Tri evreyskikh puteshestvennika* [Three Jewish Travelers]. Ierusalim-Moscow, 2004. 318 p.

79. Ushnitskiy V.V. Vostochnyye korni kypchakov: etnokul'turnyye paralleli s narodami Sibiri [The Eastern Roots of Kypchaks: Ethnic and Cultural Parallels with the Peoples of Siberia]. *Stepi Vostochnoy Evropy v epokhu Srednevekov'ya. Polovetskoe vremya* [Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. The Polovtsian Period]. Donetsk, DonNU Publ., 2012. Vol. 10, pp. 53–64.

80. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans]. Moscow, 1966. 276 p.

81. *Khrestomatiya po etnicheskoy istorii i traditsionnoy kul'ture starozhil'cheskogo naseleniya Kryma*. Part. 1. *Musul'mane: krymskie tatarsy, krymskie tsygane* [Readings on the Ethnic History and Traditional Culture of the Old Residents of Crimea. Part I. Muslims: the Crimean Tatars, Crimean Gypsies]. [Red.-sost. M. A. Aradzhioni, A. G. Gertsen]. Simferopol', «Dolya» Publ., 2005. 576 p.

82. Shalobudov V.N. Opyt rekonstruktsii pozdnekochevnicheskikh povozok (po materialam polovetskikh pogrebeniy Podneprov'ya) [The Reconstruction Experience of the Late-Nomadic Wagons (based on the Polovtsian burials of the Dnieper region)]. *Stepi Vostochnoy Evropy v epokhu Srednevekov'ya. Polovetsko-zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. The Polovtsian-Golden Horde Period]. Donetsk, DonNU Publ., 2003. Vol. 3, pp. 193–206.

83. Evarnitskiy D.I. Raskopki kurganov v predelakh Ekaterinoslavskoy gubernii [Excavations of Burial Mounds within the Limits of Ekaterinoslav Province]. *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the XII Archaeological Congress]. Moscow, 1907. Vol. 1, pp. 108–157.

84. Evliya Çelebi. *Kniga puteshestviy. Krym i sopredel'nye oblasti* [The Book of Travels. Crimea and Adjacent Areas]. Simferopol, Dolya Publ., 2008. 241 p.

85. Yavorskaya L.V. Povoзки v pogrebeniyakh kochevnikov zolotoordynskogo vremeni Nizhnego Povolzh'ya [Wagons in Nomadic Burials from the Golden Horde Period in the Lower Volga Region]. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. 1-ya mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [Problems of Archaeology of the Lower Volga Region. 1st International Nizhnevolzhsk Archaeological Conference. Proceedings]. Materialy. Volgograd, 2004, pp. 319–321.

86. Yakubovskiy A.Yu. Rasskaz Ibn-al-Bibi o pokhode maloaziyskikh turok na Sudak, polovtsev i russkikh v nachale XIII v. [Relation of Ibn Bibi about the Campaign of the Turks of Asia Minor against Sudak, Polovtsians and Russians in the early 13th century]. *VV*. Moscow, 1927. Vol. 25, pp. 54–77.

87. Golden P.B. Codex Comanicus [Electronic resource]. CENTRAL ASIAN MONUMENTS Edited by H.B. Paksoy. Istanbul, 1992, pp. 33–66. Available at: http://vlib.iue.it/carrie/texts/carrie_books/paksoy-2/cam2.html

88. Joannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Codex Matritensis Graecus Vitr. 26–2 (Fascimile edition). Athens, 2000. 751 p.

89. Swietoslowski W. Uzbrojenie koczownikow wielkiego stepu w czasach ekspansji mongolow (XII–XIV w.) / Witold Swietoslowski. *Acta archaeologica Lodziensia*. No. 40. Lodz, 1996. 114 p.

90. Rassamakin Yu.Ya. Pogrebenie znatnogo kochevnika na reke Molochnoy: opyt rekonstruktsii veshchevogo kompleksa. *Stepi Vostochnoy Evropy v epokhu Srednevekov'ya. Polovetsko-zolotoordynskoe vremya* [Burial noble nomad on Molochnaya river: the experience of clothing complex reconstruction. Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages. Polovtsian and Golden Horde time]. Donetsk, DonNU Publ., 2003.

About the author: Emil' Isaevich Seydaliev – Researcher at Medieval Department, Institute of Archaeology of the Crimea, Cand. Sci. (History) (295007, Vernadsky Avenue, 2, Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation); codexcummanicus@gmail

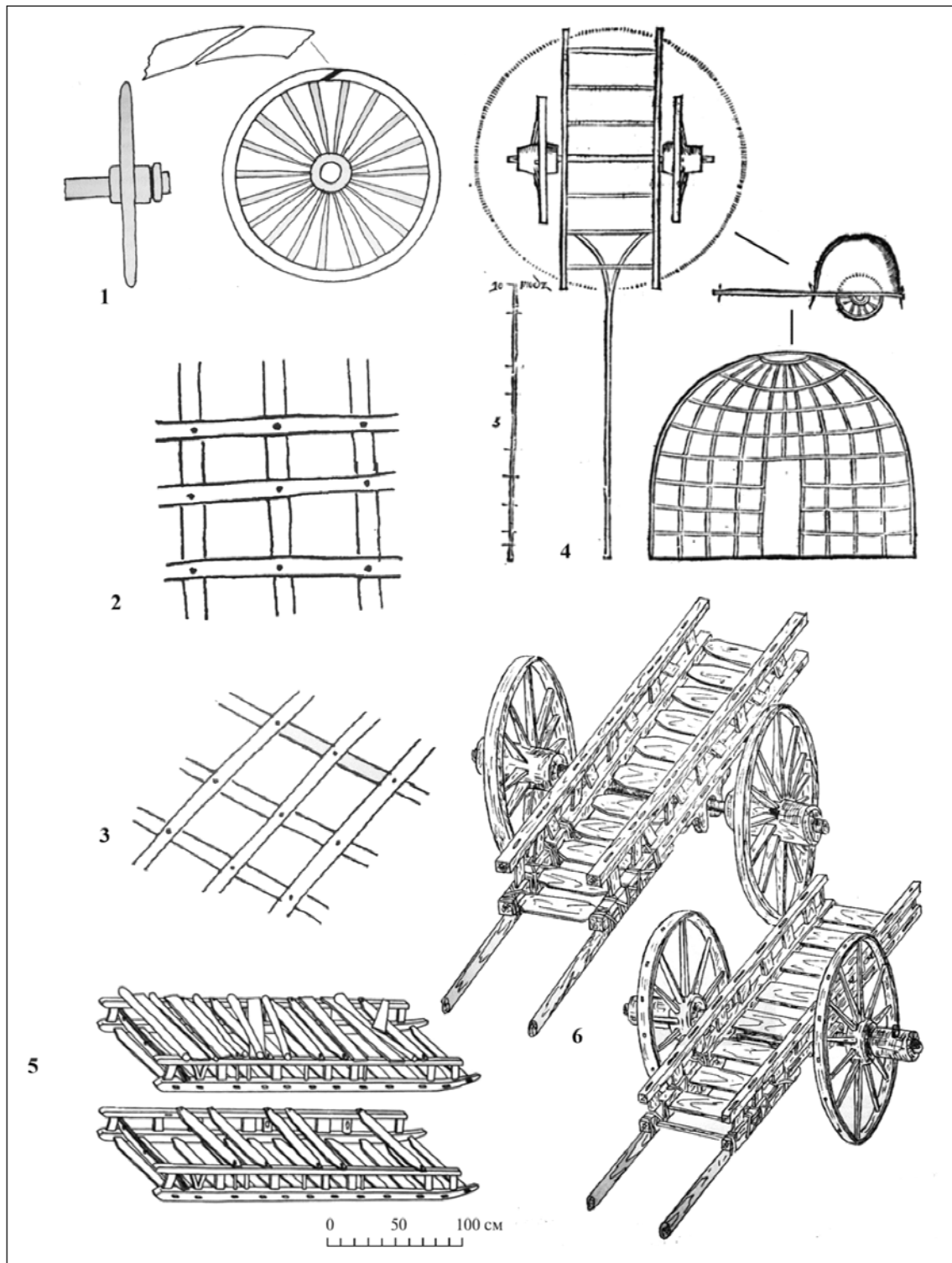

Рис. 2. Средства передвижения. 1 – реконструкция колеса; 2, 3 – варианты крепления планок каркаса повозок по Рассамакину Ю.Я. [90, с. 220]; 4 – рисунок повозки по Гийому де Боплану [16, с. 217]; 5 – реконструкция саней [15, с. 45]; 6 – варианты реконструкции повозок [82, с. 200].

УДК 904

К вопросу о наличии в комплексе вооружения северокавказского воина золотоордынских шлемов

А.В. Сальников*(Армавирская государственная педагогическая академия)*

В статье рассматриваются разновидности золотоордынских шлемов в комплексе вооружения северокавказского воина. Отмечается, что центральноазиатские, а затем – золотоордынские боевые наголовья XII–XIV в. – крайне сложный для изучения элемент вооружения. Разбираются различные точки зрения российских исследователей, высказавших различные наблюдения относительно признаков, отличающих монгольские (центрально-азиатские) шлемы из массы других, приводятся конкретные примеры бытования таких шлемов на Северном Кавказе. Автор полагает, что ближневосточные мастера в более сложной технике имитировали старый, привычный для монголов и ставший традиционным на Ближнем Востоке тип шлема. Аналогом шлемов с иранской миниатюры является шлем мамлюкского султана Мухаммеда Ибн Калауна, правившего с перерывами с 1294 по 1340 гг. В результате автор приходит к выводу, что рассмотренные археологически выявленные шлемы являются золотоордынскими по происхождению. И в силу различных обстоятельств заимствования они предопределили широкое бытование таких же боевых наголовий в составе комплекса вооружения северокавказских обитателей.

Ключевые слова: Золотая Орда, Северный Кавказ, Ближний Восток, вооружение, монголы, северокавказский воин, шлем.

Одним из первых, кто внес существенный вклад в разработку этого вопроса, был А.Н. Кирпичников, который большинство шлемов, включая и шлемы из кочевнических захоронений трактовал как древнерусские [5, с. 114].

Очередной и важный шаг в их изучении предпринял М.В. Горелик. Судя по восточным миниатюрам, считает исследователь, собственно монгольские шлемы были чрезвычайно многообразны, хотя имели ряд общих признаков. При их рассмотрении надо исследовать, предполагал он, отдельно собственно оголовье и бармицу-защиту шеи и горла (иногда и лица). Общим признаком подавляющего большинства монгольских шлемов является их сфероконическая форма, представленная самыми разными вариантами – от почти полушаровидной до сильно вытянутой.

Хотя подобные формы боевых оголовий встречались и в более раннее время и были характерны как для половцев, так и их ближайшим соседям на Востоке.

Купол так шлемов (по М.В. Горелику), мог быть цельным или, гораздо чаще, составленным из четырех и более секторов. По краю приделана тулья в виде узкой или широкой полосы с ровным или вырезным верхним краем. Венчает шлем чаше – или розетковидное подвешивание и навершие в виде трубочки для султана, конусообразного шпилья, штырька, низкой шишечки, шарика [2, с. 220–223].

Нередки подвешивание и навершие ярусные. Специфическими, не известными в домонгольское время западнее Центральной Азии, являются: тулья, набранные из отдельных небольших пластинок, бытовавшие в Синьцзяне в VII–IX вв., в Маньчжурии в IX–XI вв. и в Китае XII–XIV вв., в позднее средневековье встречающиеся в Туве и Тибете подвешивание в виде многолепестковой или с вырезными лепестками розетки, бытовавшие в сунском Китае; навершие в виде высоких тонких прутиков с утолщением или фигурной деталью на конце, известные до того только в Синьцзяне в IX–X вв. налобные пластины с трезубым фигурным вырезом верхнего края, встречающиеся в Синьцзяне IX–X вв.

Собственно монгольскими являются следующие признаки шлемов: отогнутое назад коническое навершие, тулья, вырезанная четырьмя, иногда фигурными, фестонами по верхнему краю, налобная пластина в виде узкой горизонтальной трапеции с чуть вогнутым верхним краем, иногда вырезным науши в виде парных, реже соединенных по три, дисков забрало из двух скрещенных

узких стальных полос, наносник с нижней частью в форме трилистника, напоминающий абрис носа в фас [3, с. 117–134]

Трудно судить по изображениям, является ли наносник отдельной деталью или откован вместе с тульей. Редкими, специфически восточноазиатскими признаками монгольских шлемов в иранской миниатюре является оформление верхнего края налобной пластины «облачным» узором и наличие горизонтального или приклепанного под углом козырька. Столь же редко изображение налобной пластины с надбровными вырезами на нижнем крае.

Такие пластины встречаются на Синьцзянских памятниках VIII в. Оформление оголовья фесонами по верхнему краю тульи, от вершин которых к макушке сходятся прямые линии (имитация клепанного шлема, когда он выкован из одного куска), получило распространение с 30-х гг. XIV в. [3, с. 117–134].

Вероятно, ближневосточные мастера в более сложной технике имитировали старый, привычный для монголов и ставший традиционным на Ближнем Востоке тип шлема. Аналогом шлемов с иранской миниатюры является шлем мамлюкского султана Мухаммеда Ибн Калауна, правившего с перерывами с 1294 по 1340 г.

На этом шлеме, кажется впервые встречается отдельная подвижная стрелка-наносник. Ее, М.В. Горелик, в частности, сопоставляет с изображением наносников, встречаемых на миниатюрах.

Круглые или приближающиеся по форме к четырехлепестковым розеткам «мишени» на куполе шлемов являются наследием домонгольской ближневосточной традиции, вместе с тем они характерны и для китайских и тангутских шлемов X–XIII вв. [8, с. 223].

Надбровные вырезы, сделанные на нижнем крае оголовья или приклепанной к нему налобной пластины, явление, распространенное почти повсеместно [6, с. 18].

Такой признак, как не очень широкие горизонтальные или чуть приспущенные поля, характерен для шлемов Византии VIII и XIII вв. и особенно Китая VI–XVII вв., в Западной Европе они появляются с XIII в.

На фоне данного обзора можно убедиться в том, что формы монгольских шлемов, их элементы и детали на иранских миниатюрах первой половины XIV в. чрезвычайно разнообразны, многие из них имеют разное происхождение (как правило, все же центрально и восточно-азиатское), но все они являются вариантами именно татаро-монгольского золотоордынского шлема. Они сразу узнаются и на мосульском и дамасском металле. [12, Fig. 134].

Опираясь на указанные выше признаки центральноазиатских шлемов, изображавшихся в восточной миниатюре, посмотрим теперь и на реальные, археологические. В публикациях М.В. Горелика, монгольские шлемы обозначены, как происходящие из кургана 228/501 у с. Плоское в р-не Тирасполя [2, с. 220–223].

Купол этого шлема (как и на миниатюрах), склепан из четырех секторов, перекрытых по стыкам узкими полосами. Этот же шлем имеет и коническое подвешивание с довольно длинным штыреобразным навершием, увенчанным коническим утолщением, высокая тулья, склепанная из прямоугольных вертикальных пластин, прямоугольная налобная пластина, горизонтальный козырек – почти все эти признаки, если следовать выше указывавшимся точкам зрения оружейников-специалистов, были принесены монголами в Европу из Центральной и Восточной Азии. В связи, с чем обратим внимание и на несколько шлемов с территории Северного Кавказа.

Первый шлем происходит из кочевнического захоронения, опубликованного Ю.В. Зеленским [4, с. 188]. Второй шлем был опубликован А.Г. Блохиным, А.Н. Дьяченко и А.С. Скрипкиным [1, с. 208].

Ю.В. Зеленский, рассматривая наголовье полагает: «наибольший интерес представляет шлем» из кочевнического захоронения из-под хут. Пролетарского. По его мнению, А.Н. Кирпичников и Г.А. Федоров-Давыдов относят такие шлемы к V типу и датируют их началом XIII в [9, с. 34].

Аналогичные шлемы довольно редки. Похожий шлем найден у с. Пешки Киевской губернии, еще один – в позднекочевническом погребении у ст. Дмитриевская Кавказского района в Закубанье. Похожий шлем был и в половецком погребении Чингульского кургана.

Однако шлемы, с точкой зрения Ю.В. Зеленского согласиться трудно, так как приведенные им аналогии относятся к другим типам шлемов. Так, экземпляр из Чингульского кургана, вопреки мнению Ю.В. Зеленского, можно сравнивать с типом шлемов, имеющих утолщение на макушке,

завершающееся вставленным в него подвижным кольцом. Подобные детали характерны для шлемов иного типа, например, шлему из погребения в кургане у ст. Дмитриевская Кавказского района Краснодарского края.

В свою очередь, шлем из Дмитриевской можно сопоставлять с боевым наголовьем из горно-ингушского полуподземного склепа XIV–XV веков у сел. Верхний Лейми.

Близкий шлем, происходящий из кочевнического кургана могильника «Кривуша-84», был опубликован В.Г. Блохиным, А.Н. Дьяченко и А.С. Скрипкиным. Исследователи очень детально его описывают, и мы это описание воспроизведем дословно. "На лицевой стороне шлема, – подчеркивают они, – имелись дугообразные вырезы для глаз. Шлем был составлен из четырех сваренных между собой сегментов, усиленных в верхней части четырьмя прямоугольными пластинами с клепками. Шлем венчало обломанное навершие, отделенное от основания округлым «яблоком». Высота шлема – 22,3 см, диаметр тульи – 21,5 см [1, с. 208].

Исследователи не исключают того, что этот шлем – золотоордынского времени, хотя само погребение рассматривали как половецкое.

По этой причине мы можем сослаться и на мнение Е.И. Нарожного, который оба шлема относит к одному типу, характеризующемуся тем, что такие наголовья состоят из 4-х частей, сваренных между собой и имевших вырезы для глаз, а на вершине купола крестообразную пластину.

Однако этот тип вряд ли стоит даже сравнивать со шлемом из Чингульского кургана, т.к. там он иной «конструкции» 1. Более реальным кажется их сопоставление со шлемом из кургана 24 Убинского могильника на Кубани, реконструкция которого недавно была введена в научный оборот. Публикуя реконструкцию этого шлема, Р.Б. Схатум справедливо обращает внимание на то, что данный тип ныне представлен уже несколькими экземплярами [7, с. 94–96].

К этому списку, на наш взгляд, стоит добавить и шлем из кургана у хут. Пролетарского и кургана 1 могильника "Кривуша-84". Убинский шлем, на первый взгляд, отличается от них отсутствием как вырезов для глаз, так и крестообразной пластины на макушке наголовья. Однако сильная фрагментарность данного образца во многом может это объяснить.

Следует согласиться с Р.Б. Схатумом и В.М. Дымченко в том, что «узкая датировка этих шлемов затруднена», хотя авторы приняли точки зрения своих предшественников, указывая на то, что этот шлем может быть отнесен к концу XII – XIV вв.

Между тем, несмотря на размытость отмеченной выше датировки интересующих нас шлемов, будет совсем не лишним обратить внимание и на следующее.

Основная масса рассматриваемых шлемов территориально расположена достаточно компактно и встречена, в основном, на территории Прикубанья, в археологических комплексах, с этнокультурной точки зрения соотносимых либо с половцами, либо же с захоронениями предков современных адыгов, хронология памятников которых нуждается в разработке. Впрочем, аналогичных уточнений требует и этнокультурная атрибуция кочевнических памятников с такими же шлемами. Не ставя такой задачи перед собой, укажем лишь, что на первом этапе осмысления материалов желательным является уточнение датировки шлемов. Убинский могильник, как его датируют по иным предметам вооружения, относится к периоду X–XIV вв.

Но, Е.И. Нарожный, к примеру, вполне справедливо обращает внимание на то, что дата этого могильника может быть построена и на монетном материале оттуда. Все эти монеты были определены Г.А. Федоровым-Давыдовым, на основе которых Е.И. Нарожный склонен могильник относить к середине XIV века, что определяет и датировку интересующего нас шлема, который можно отнести ко второй половине – концу XIV века [7, с. 94–96].

Тогда, все шлемы с 4-частной структурой корпуса можно считать золотоордынским. И полагать: через Золотую Орду такие шлемы попадали как к предкам адыгов (Убинский могильник), так и к половцам, которые подчинялись ей.

Таким образом, несмотря на то, что интересующие нас четырехчастные шлемы были встречены в различных (с этнокультурной точки зрения), погребальных комплексах, все они, примерно одного и того же времени. А это, наверное, дает нам определенные основания считать, что истоки и причины распространения таких однотипных шлемов, имевших хождение у разных этнокультурных групп населения Прикубанья и Причерноморья, стоит увязывать с традициями военного дела, прежде всего, кочевников Золотой Орды середины – конца XIV века. По этой причине, шлемы из кочевнических захоронений в курганах у хут. Пролетарского и в кургане «Кривуша-84», наверное, следует относить к этому же периоду времени.

Сравнивая все указанные шлемы Прикубанья, подчеркнем: приводимые Р.Б. Схатумом и В.М. Дымченко наголовья вроде бы не характеризуются наличием у них вырезов для глаз, присутствующих на шлемах из погребений у сел. Пролетарского и из погребения 1 кургана 1 могильника «Кривуша-84».

Не отмечают они и крестообразного навершия на шлемах. Объяснить это можно фрагментарностью шлема из Убинского кургана 24, как впрочем, и других образцов. Если допустить, что такие детали могли присутствовать изначально на шлемах, упоминавшихся Р.Б. Схатумом и В.М. Дымченко, можно полагать (хотя и с определенной долей вероятности), что во всех указанных случаях встречался один и тот же тип боевых наголовий. Однако связывать их с сугубо «черкесскими» шлемами, упоминавшимися в «Задонщине», не стоит, т.к. мы имеем дело с золотоордынскими боевыми наголовьями, имевшими хождение не только в воинских подразделениях кочевников Золотой Орды, но и в тех местных северокавказских племенах, которые находились в непосредственной зоне политико-экономического диктата этого государственного образования, или же – вблизи зоны контактов с ними [10, с.112].

Допустимо предполагать, что этот тип шлемов, имея вырезы для глаз, скорее всего, должен был иметь и накладные «брови» с наносником [12, Fig. 134].

Однако, что для нас важнее всего, шлемы эти – золотоордынского времени и могут являться своего рода хронологическим маркером и для погребений кочевников у хут. Пролетарского и погребения 1 кургана 1 могильника «Кривуша-84», позволяя нам относить их ко времени, не ранее XIV столетия. Вместе с тем, на Северном Кавказе есть и другие шлемы, вызывающие интерес. В кочевническом захоронении из окрестностей сел. Новотерское (Чечня) был обнаружен разбитый шлем, имевший полусферическую форму, на верхней части которого находилась «медная пластинка». Д.Ю. Чахкиев предположил о его половецком происхождении [11, с. 142].

М.В. Горелик, несколько уточнивший форму, высказался в пользу того, что боевое навершие имело вырезы для глаз, что, по его мнению, является признаком сугубо центральноазиатских, или – монгольских шлемов [3, с. 117–134].

Однако, вскоре появилась еще одна версия: Е.И. Нарожный, обследовавший в 1988 году место обнаружения всего комплекса находок, высказался за то, что захоронение это было с северной, т.е. «монгольской» ориентировкой. Расчистка патины на венце шлема позволила ему выявить изображения «орлиноголовых» птиц, которые он сопоставляет с такими же изображениями на другом венце (г. Сарай), а также – на кочевническом шлеме из-под г. Энгельса в Поволжье. Кроме того, по нижней части шлема был отмечен П-образный ободок с зубчатым краем, в вырезы которых вставлялась кольчужная бармица. Предпринятые уточнения позволили ему высказаться и в пользу существования у этого же шлема – наносника и вырезов для глаз [2, с.220–223].

Таким образом, рассмотрев различные точки зрения наших предшественников, высказавших различные наблюдения относительно признаков, отличающих монгольские (центральноазиатские) шлемы из массы других и приведя конкретные примеры бытования таких шлемов на Северном Кавказе, мы можем сделать следующий вывод.

Рассмотренные выше реальные, археологически выявленные шлемы являются золотоордынскими по происхождению. И в силу различных обстоятельств («мода», военные трофеи и простые заимствования), они предопределили широкое бытование таких же боевых наголовий и у северокавказских обитателей, ставших составной частью их комплекса вооружения.

Список литературы

1. Блохин А.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. Краснодар. 2004. 314 с.
2. Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV веков // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. М., 1983. 280 с.
3. Горелик М.В. Вооружение народов Восточного Туркестана I тыс. н.э. // Культура Восточного Туркестана в древности и средневековье. М., 1990. 218 с.
4. Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – начало XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. 314 с.
5. Зеленский Ю.В. Защитный доспех воина-кочевника первой пол. XIII века // Кубань в истории России. Ч.1. Археология и краеведение Кубани. Материалы краевой конф. Краснодар, 1997. 412 с.

6. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. // САИ Е1–36. Л., 1971. 74 с.
7. Нарожный Е.И. Некоторые образцы вооружения золотоордынской эпохи с территории Северного Кавказа // Труды ГИМа. Проблемы военной археологии. Сб. статей. М. ГИМ. 2007 (отдельный оттиск). 114 с.
8. Терентьев-Катанский А.П. Две гравюры из тангутской коллекции ЛО ИВАН (к вопросу о тангутском костюме) // Страны и народы Востока. Вып. 22. Л., 1980. 367 с.
9. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966. 185 с.
10. Чахкиев Д. Ю. Богатое погребение воина кочевника у села Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. 212 с.
11. Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного воина из сел. Верхний Алкун (Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск. 1990. 290 с.
12. Nicolle D. Early medieval islamic arms and armour. Madrid, 1976. Fig. 217.

Сведения об авторе: Алексей Викторович Сальников – старший преподаватель кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии, кандидат исторических наук (352901, ул. Р. Люксембург, 159, г. Армавир, Краснодарский край, Российская Федерация); rektoragpu@mail.ru

On the Question of the Presence of the Golden Horde Helmets in the Weaponry Complex of the Northern Caucasian Warrior

A.V. Salnikov

(Armavir State Pedagogical Academy)

The article examines the variety of the Golden Horde helmets in the weaponry complex of the Northern Caucasian warriors. The author notes extraordinary complexity in the study of Central Asian and later Golden Horde protective head coverings of the 12th–14th centuries. The paper analyzes the various viewpoints of Russian researchers who expressed various observations concerning the characteristics that distinguished the Mongol (Central Asian) helmets from the others, and provides concrete examples of the use of these helmets in the Northern Caucasus. The author believes that the Middle Eastern masters imitated the old type of helmets familiar for the Mongols, which became traditional for the Middle East, but they manufactured these helmets using a more sophisticated technology. The helmet of the Mamluk Sultan Muhammad ibn Qalawun (who reigned intermittently from 1294 to 1340) represents an analog for the helmets depicted in Iranian miniatures. The author concludes that the examined helmets discovered during archaeological excavations are the Golden Horde ones by their origin. Due to various circumstances, this type of helmets enjoyed wide popularity among the Northern Caucasian inhabitants becoming an integral part of their weaponry complex.

Keywords: Golden Horde, Northern Caucasus, Middle East, armament, Mongols, Northern Caucasian warrior helmet.

References

1. Blokhin A.G., D'yachenko A.N., Skripkin A.S. Srednevekovye rytsari Kubani [Medieval Knights of the Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Researches on the Kuban Archaeology]. Is. 4. Krasnodar. 2004. 314 p.
2. Gorelik M.V. Mongolo – tatarskoe oboronitel'noe vooruzhenie vtoroy poloviny XIV – nachala XV vekov [The Mongol-Tatar Defensive Armament of second half of the 14th – early 15th centuries]. *Kulikovskaya bitva v istorii i kul'ture nashey rodiny* [The Battle of Kulikovo in the History and Culture of Our Motherland]. Moscow, 1983. 280 p.
3. Gorelik M.V. Vooruzhenie narodov Vostochnogo Turkestana I tys. n. e. [Arms of the Eastern Turkestan Peoples during the first millennium AD]. *Kul'tura Vostochnogo Turkestana v drevnosti i srednevekov'e* [The Culture of Eastern Turkestan in Ancient Times and Middle Ages]. Moscow, 1990. 218 p.
4. Gorelik M.V. Ranniy mongol'skiy dospek (IX – nachalo XIV vv.) [Early Mongolian Armor (9th – early 14th centuries)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archaeology, Ethnology, and Anthropology of Mongolia]. Novosibirsk, 1987. 314 p.
5. Zelenskiy Yu.V. Zashchitnyy dospek voina-kochevnika pervoy pol. XIII veka [The Protective Armor of Nomadic Warrior of first half of the 13th century]. *Kuban' v istorii Rossii. Ch.1. Arkheologiya i kraevedenie Kubani*.

Materialy kraevoy konf. [Kuban in the History of Russia. Part 1. Archaeology and Local History of Kuban. Proceedings of the Regional Conference]. Krasnodar, 1997. 412 p.

6. Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie. Is. 3. Dospekh, kompleks boevykh sredstv IX–XIII vv. [The Ancient Russian Weapons. Issue 3. Armor, Complex of Combat Equipment of the 9th–13th centuries]. SAI E1–36.-Leningrad, 1971. 74 p.

7. Narozhnyy E.I. Nekotorye obraztsy vooruzheniya zolotoordynskoy epokhi s territorii Severnogo Kavkaza [Some Samples of the Golden Horde Weapons from the Northern Caucasus]. *Trudy GIMa. Problemy voennoy arkheologii. Sb. statey* [Proceedings of the GIM. Problems of the Military Archaeology. Collected papers]. Moscow, GIM Publ., 2007 (otdel'nyy ottisk). 114 p.

8. Terent'ev-Katanskiy A.P. Dve gravyury iz tangutskoy kolleksii LO IVAN (k voprosu o tangutskom kostyume) [Two Engravings from the Tangut Collection of LO IVAN (to the question of the Tangut suit)]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the Orient]. Is. 22. Leningrad, 1980. 367 p.

9. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu Zolotoordynskikh khanov. Arkheologicheskie pamyatniki* [The Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans. Archaeological Monuments]. Moscow, 1966. 185 p.

10. Chakhkiev D.Yu. Bogatoye pogrebenie voina kochevnika u sela Novoterskoe (Checheno-Ingushetiya) [Rich Burial of a Nomadic Warrior near the Village of Novoterskaya (Chechen-Ingushetia)]. *Arkheologiya i voprosy sotsial'noy istorii Severnogo Kavkaza* [Archaeology and Questions of Social History of the Northern Caucasus]. Groznyy, 1984. 212 p.

11. Chakhkiev D.Yu., Narozhnyy E.I. Pogrebenie znatnogo voina iz sel. Verkhniy Alkun (Ingushetiya) [Burial of a Noble Warrior from the Village of Upper Alkun (Ingushetia)]. *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia]. Novosibirsk. 1990. 290 p.

12. Nicolle D. Early medieval islamic arms and armour. Madrid, 1976. Fig. 217.

About the author: Aleksey Viktorovich Sal'nikov – Senior lecturer, Chair of general and regional history, Armavir State Pedagogical Academy, Cand. Sci. (History) (352901, Rosa Luxemburg st., 159, Armavir, Krasnodar Region, Russian Federation); rektoragpu@mail.ru

Об одной разновидности золотоордынских боевых ножей

Ю.А. Кулешов

*(Проблемный Совет «Военная археология»
при Государственном Историческом Музее)*

Наступательное вооружение до сих пор остаётся одним из наименее изученных аспектов военного дела Золотой Орды. Если ряд исследователей ранее эпизодически обращались к длинноклинковому, колюще-ударно дробящему оружию, а также дистанционному стрелковому комплексу, то такая категория наступательного золотоордынского оружия как боевые ножи совершенно не попадала в поле зрения специалистов.

В данной публикации автором вводятся в научный оборот три очень близких между собой боевых ножа. Первый – происходит из раскопок Белореченского могильника, из погребения кургана №8, второй – хранится в частной коллекции, он был найден в ходе несанкционированных раскопок на территории Краснодарского края России, третий – был обнаружен в парном погребении №78 грунтового могильника Жукова. Отличительной особенностью всех трёх экземпляров является достаточно большой размер и внутренняя заточка. При этом ножи имеют изогнутые клинки.

Приведя широкие аналогии автор приходит к выводам, что такие боевые ножи характерны для комплекса вооружения Золотой Орды, и их стоит датировать в рамках 2-й половины XIV – 1-й половины XV вв. Что касается их отделки, то, по-видимому, она была заимствована из Европы.

Также автор предполагает, что именно этот тип ножей послужил прототипом той категории клинкового оружия, которая в XV–XVII вв. получила обозначение «подсайдачные ножи».

Надеемся, что дальнейшие исследования в этом направлении позволят нам существенно расширить наше представление о комплексе вооружения Золотой Орды, в частности, и её военном деле, в целом.

Ключевые слова: военное дело Золотой Орды, средневековое оружие и доспехи, боевые ножи.

Так сложилось, что исследователи, которые занимаются военным делом Золотой Орды, достаточно редко уделяют внимание наступательному вооружению [4, с. 95–98; 7, с. 48–49; 8, с. 120–135; 9, с. 239–240; 10, с. 288–292; 31, с. 132–175; с. 92–100]. Ещё реже их внимание привлекает непосредственно клинковое оружие [13, с. 240–242; 15, с. 86–101; 17, с. 105–109], работ же, посвящённых дополнительному клинковому оружию – боевым ножам и кинжалам, практически нет и вовсе [28, с. 182–198]. Мы решили частично восполнить этот пробел, данная работа посвящена находкам трёх боевых золотоордынских ножей, которые составляют, по-нашему мнению, одну группу.

Первая находка¹ происходит из раскопок Н.И. Веселовского, в конце 80-х гг. XIX в., близ ст. Костромской бывшей Кубанской области. Боевой нож был обнаружен при исследовании погребения в кургане № 8 [34, с. 59]. Он представляет собой вогнутый треугольный в сечении клинок, который переходит в тонкий черен. На месте перехода насажен овальный в плане упор. Общая длина предмета – 42 см, длина клинка – 34,5 см, длина черена – 7,5 см. Ширина спинки клинка сужается к кончику от 1,3 см до 0,7 см. Ширина клинка у перехода в черен – 3 см, посередине – 2,7 см, в 9 см от кончика – 2,1 см (рис. 1). На конце боевого ножа сохранился серебряный конической формы наконечник ножен, его размеры: длина – 8,5 см, диаметр – 2,3x2,4 см. Поверхность наконечника гравирована растительным орнаментом из извивающихся тонких стеблей с отдельными вытянутыми листочками. Со стороны спинки поверхность наконечника ножен разделена двумя вертикальными валиками, а её пространство заполнено тем же растительным и, дополнительно, зигзагообразным орнаментом (рис. 2).

¹ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить сотрудника Отдела археологических памятников ГИМ С.С. Зозулю за помощь при подготовке публикации.

Второй боевой нож² найден в ходе несанкционированных раскопок, предположительно на территории Краснодарского края. Он представляет собой вогнутый клинок с прямоугольным манжетом, на который насажено перекрестие, переходящее в узкий черен. Общая длина предмета – 45,2 см, длина клинка – 43 см, черен обломан по монтажному отверстию под щётки рукояти, длина сохранившейся части – 5,5 см, общий вес находки – 207,2 г. Клинок в сечении треугольный, ширина спинки сужается к кончику от 0,86 см до 0,69 см. Ширина клинка у манжета – 2,2 см, в 5 см от кончика – 1,7 см. С лицевой части клинка, под спинкой, пущен дол, который заканчивается в 7 см от кончика клинка, ширина дола – 0,35 см (рис. 3).

Манжет представляет собой прямоугольную ленту высотой 1,6 см, которая оборачивает клинок у перехода в хвостовик. Шов манжета смещён к лезвию с внутренней стороны клинка.

Перекрестие напускное, узкоромбической формы, с расширенными и уплощенными боковыми усами. Его ширина – 7,4 см, высота – 7 см, вес – 68,8 г. С лицевой стороны, по вертикальной оси и поперёк усов, перекрестье декорировано тремя гранями, которые выделяются за счёт уровня понижения остальной поверхности. Дополнительно каждый ус перекрестья ещё декорирован и горизонтальной гранью, которая упирается в грани вертикального декора. На данный момент осевая линия сильно затёрта и читается не чётко (рис. 4).

Третья находка³ обнаружена осенью 2010 г. при исследовании грунтового могильника XIV в., расположенного на высокой пойме правого берега р. Псебепс. Могильник частично перекрывает средневековое поселение «Жукова» (Крымский р-он Краснодарского края). Боевой нож был найден в парном погребении № 78. Он лежал вдоль левой бедренной кости погребённого «А», костяк которого принадлежал мужчине 25–35 лет. Находка представляет собой вогнутый треугольный в сечении клинок, который переходит в тонкий черен. На месте перехода насажен овальный в плане упор. Общая длина предмета – 43,5 см, длина клинка – 34,7 см, длина черена – 8,3 см. Ширина спинки клинка сужается к кончику от 0,8 см до 0,15 см. Ширина клинка у перехода в черен – 3,4 см, в 5 см от кончика – 1,9 см. На клинке сохранились остатки деревянных ножен, проследить наличие или отсутствие дола из-за сильной коррозии не представляется возможным (рис. 5).

И последняя находка была сделана в ходе несанкционированных раскопок на территории Харьковской области Украины. Боевой нож представляет собой вогнутый треугольный в сечении клинок, который переходит в тонкий черен. На месте перехода насажен овальный в плане упор. Общая длина предмета – 41 см, ширина спинки клинка у основания – 0,9 см (рис. 6)*.

Мы не будем специально останавливаться на этнической принадлежности погребённых в кургане у ст. Костромской и в могильнике Жукова, для нас не важно, кто там погребён: татары или представители племён Северного Кавказа. Дело в том, что военное дело последних входило в сферу влияния военного дела Золотой Орды. Более того, их набор вооружения во 2-й половине XIII – 1-й половине XV в. был аналогичен золотоордынскому [14, с. 293–300; 16, с. 158–189; 39, с. 14–15], а зачастую и общим с ним по происхождению [38, с. 192].

Что касается аналогий, то целая серия близких по форме боевых ножей происходит из ряда золотоордынских погребений. Все ножи, помимо формы, схожи с вышеописанными треугольным сечением клинка, узким череном и наличием овального по форме упора-перекрестья, как в первом и третьем случаях, различия же заключаются в размерах. Первый аналогичный нож найден в погребении отдельного кургана «у Обелиска» Новокумакского могильника (Оренбургская обл.). Его общая длина – около 21 см (рис. 7.1) [22, с. 32; 25, с. 181]. Второй обнаружен в п. 7 к. 7 могильника у х. Семенкин Волгодонского района Ростовской области, общая длина ножа – 18 см (рис. 7.2) [30, с. 163]. Третий нож происходит из п. 3 к. 1 могильника Никольское I (Астраханская обл.), его общая длина – 16 см (рис. 7.3) [18, с. 74–75]. Четвёртый экземпляр найден в п. 1 к. 42 могильника Арпачин II (Ростовская обл.), общая длина – 27,5 см (рис. 7.4) [40, с. 178]. Пятый нож происходит из грунтового могильника Мамай-Гора (Запорожская обл.), общая длина – 28 см (рис. 7.5) [2, с. 68]. Шестой и седьмой найдены на Днепропетровщине, первый обнаружен в п. 1 к. 10 курганной группы Черноглазово IV, общая длина – 23 см [43, с. 103–104, рис. 9.2], второй в п. 1 к. 8 кур-

² Пользуясь случаем, хочу поблагодарить члена Проблемного Совета «Военная археология» А.В. Барышева за помощь при подготовке публикации.

³ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить автора раскопок А.А. Нечипорука за предоставленную возможность опубликовать находку.

* Рис. 6, 8, 11, 12 к статье см. на цветной вклейке.

ганной группы Котовка I, общая длина – 16 см [42, с. 65–68, рис. 2.23]. Восьмой аналогичный нож происходит из п. 1 к. 5 Столетовской курганной группы, близ г. Волгодонска Ростовской области, общая длина находки – 22,5 см [41, с. 110, 134, рис. 9.20]. Восьмой – из Убинского могильника (Краснодарский край) [18, с. 180, рис. 6.4]. Девятый и десятый – из могильника Мзыста, близ г. Туапсе [16, с. 180, рис. 6.5–6]. Помимо выше указанных аналогий, ещё целая серия неопубликованных подобных находок, не менее шести экземпляров, происходит из Нижнего Поволжья [6, с. 96]. Все выше перечисленные находки относятся к XIV в.

Также два очень схожих боевых ножа происходят с территории Древней Руси. Один из них обнаружен в ходе раскопок крепости Орешек [23, с. 72]. Он представляет собой вогнутый клинок, треугольный в сечении, переходящий в узкий черен. Под спинкой клинка, с лицевой стороны, находится дол, который почти доходит до кончика ножа, что аналогично описанной нами второй находке. На пяте клинка, ближе к спинке имеется клеймо в виде трёх округлых углублений. Общая длина предмета – 26,5 см, длина клинка – 20 см, длина черена – 6,5 см, ширина клинка – 1,7 см, ширина дола 0,2 см (рис. 7.6). Датируется находка по стратиграфическим данным 1-й половиной XIV в. Второй боевой нож был обнаружен при исследовании городища болховского города Божьск (Бужеск) [44, с. 63]. Он представляет собой вогнутый клинок, переходящий в достаточно широкий черен. Под спинкой клинка пущен узкий дол. На черене сохранились три заклёпки, которые фиксировали щёчки рукояти. Общая длина предмета – 30 см, длина клинка – 17 см, длина черена – 13 см, ширина клинка у пяты – 1,4 см, ширина черена – 1,5 см (рис. 7.7). Датироваться находка может 1256 г., когда Даниил Галицкий разгромил Болховские городища.

Ещё один аналогичный клинок происходит из византийской крепости Диножетья (рум. *Dinogetia – Garvar*), устье р. Сирет (Румыния) (рис. 7.8) [49, с. 357]. По своим размерам он близок золотоордынским и древнерусским находкам. Возможно, это самая ранняя находка, румынский исследователь Петре Дьякону (*Diaconu Petre*) датирует её 1122 г. [49, с. 38]. Похожий боевой нож этого же времени хранится и в собрании Фарусия. На клинке ножа сохранился плакированный золотом орнамент, на основании которого специалисты относят находку к продукту газневидских оружейников. Общая длина ножа, без обломанной рукояти, – 21,8 см [48, с. 150]. Единственное его отличие от выше описанной серии находок – это Т-образная спинка (рис. 8.1). Для Восточной Европы такой приём ранее начала XVI в. не известен, но к этому мы вернёмся ниже. В целом, для Ближневосточного региона есть ещё один боевой нож, который более походит на приведённую нами серию находок, он хранится в коллекции Столичного Музея Искусств г. Нью-Йорка в США. Нож представляет собой узкий изогнутый клинок, на который насажена цилиндрическая рукоять из серебра, общая длина предмета – 22 см. Сохранились и ножны, которые также изготовлены из серебра. Обе серебряные детали украшены растительным орнаментом (рис. 8.2). Но, если касаться вопроса о происхождении подобных боевых ножей в Восточной Европе, то мы всё же склоняемся больше к византийской версии. В пользу этого свидетельствует клеймо на ноже из Орешка. Абсолютно аналогичное ему клеймо, но заполненное медью, присутствует в верхней части меча XIV в., который в 2008 г. был продан на торгах немецкого аукционного дома *Hermann Historica* (рис. 8.3). По мнению экспертов аукциона, меч относится к продукту мамлюкских оружейников [46, № 406]. Между тем известный американский исследователь восточного оружия Д. Александэр (*Alexander David*) считает, что это византийский тип мечей XIV–XV вв. [45, с. 87–89]. Ранее нами уже высказывалось предположение о том, что византийские мастера могли производить оружие для нужд Золотой Орды [26, с. 90].

Что касается датировки публикуемых нами боевых ножей, то жуковская находка может быть чётко датирована временем функционирования могильника, нумизматический материал которого 19 монет, т.е. 2-я половина – конец XIV в.⁴

Датировать нож из несанкционированных раскопок может помочь перекрестье. Аналогии ему имеются среди целого ряда сабельных перекрестий, происходящих с территории Золотой Орды: из курганной группы у ст. Абинской (рис. 9.1) [35, с. 77], из погребения кургана 21 могильника МТФ–3 [12, с. 118, рис. 2.2] (оба Краснодарский край). Большое количество похожих сабельных перекрестий происходит из курганов Кабардино-Балкарии: Нижний Черек [32, с. 35, рис. 12.2], Чегем II могильник 2 курганы 28, 32, 34, Чегем II могильник 4 курган 4, Кызыбурун III

⁴ Определение монет произведено научным сотрудником Археологического научно-исследовательского бюро г. Ростов-на-Дону И.Н. Парусимовым.

курганы 1, 2, 8, Шалушка курганы 5, 88 [33, с. 230–231, рис. 16.1, 5–7, 10–11; 17.1, 7, 10]. Все они относятся ко 2-й половине XIV–XV в. В.С. Курмановский, который рассматривал дореволюционные находки сабель XIV–XVII вв. с территории современного Краснодарского края, в своей классификации подобные перекрестья выделил в тип 2 вариант 1, и датировал в целом XV в. [29, с. 152].

Ещё ряд аналогичных перекрестий происходит с древнерусских земель: одно найдено на городище летописного Клещина (рис. 9.2) [37, с. 110], второе – на территории русских земель Великого Княжества Литовского (ВКЛ), на Волини (рис. 9.3) [24, с. 26], третье на Троицком XIII раскопе Великого Новгорода⁵. Их датировка не противоречит золотоордынским находкам.

Датировать нож, обнаруженный у ст. Костромской, можно с помощью сопроводительного инвентаря. Так, в погребении присутствовали остатки серебряного очень богато декорированного пояса. Его основные шестилепестковые бляхи [34, с. 59, рис. 290] практически идентичны основным бляхам так называемого «Пояса Витовта», который датируется искусствоведами 2-й половиной XIV – 1-й половиной XV в. [5, с. 94–106]. Не противоречит этому серебряный гравированный наконечник ножен. Кинжал с очень похожим коническим наконечником, гравированным растительным орнаментом, был найден в кургане у ст. Новосвободной (Адыгея). Более того, у данного кинжала присутствуют гравированные серебряные упор и навершие рукояти, датируется находка рубежом XIV–XV вв. (рис. 10.1) [19, с. 52]. Гравированный растительным орнаментом серебряный конический наконечник ножен присутствовал и у кинжала из погребения кургана 38 Белореченского могильника (Краснодарский край) (рис. 10.2) [34, с. 20–22]. С этого же могильника, из депаспортизованного погребения, происходит и ещё один кинжал с серебряными коническим наконечником и упором, но здесь обе детали не несут орнаментации [21, с. 53, 196, № 48].

В целом, гравированные серебряные приборы характерны для золотоордынских кинжалов и сабель 2-й половины XIV–1-й половины XV в. В качестве примеров можно привести гравированные серебряные упоры кинжалов с местонахождения у деревни Брик-Алга (Башкортостан) (рис. 10.3) [11, с. 77], и из могильника Жако, Карачаево-Черкесия (рис. 10.4) [1, с. 351], навершие одной из сабель (рис. 10.6), и наконечник ножен другой (рис. 10.5) из Белореченского могильника [34, с. 9], навершия рукоятей клинков из п. 1 к. 3 курганной группы Каирка (Запорожская обл.) (рис. 10.7) [13, с. 239] и п. 1 к. 2 Градештского могильника (Одесская обл.) (рис. 10.8) [20, с. 89]. Мы не исключаем, что эта традиция могла прийти из Западной Европы, где она хорошо известна в оформлении ножен очень дорогих клинков. Речь идёт о конических наконечниках ножен двух мечей-реликвий, один из которых изначально хранился в Аббатстве Битвы (Battle Abbey) (Восточный Сассекс, Англия) (рис. 11.1) [50, с. 462–475], а второй так называемый «меч Довмонта», хранится в г. Пскове (рис. 11.2) [3, с. 66–73]. Оба наконечника ножен, как и в нашем случае, конической формы, изготовлены из серебра, гравированы растительным орнаментом. Единственное их отличие – это размеры и то, что они дополнительно украшены позолотой, но последнее можно объяснить более высоким статусом вещей. В целом, обе реликвии относятся ко 2-й половине XIV – началу XV в. В пользу нашего предположения свидетельствует и тот факт, что наконечник ножен из кургана 38 Белореченского могильника входил в состав ножен (рис. 12.2), которые относятся к хорошо известному по материалам Западной Европы типу (рис. 12.3) [47, с. 186, рис. 13; 51, с. 91–105, рис. 35.5]. При этом весьма интересным фактом является то, что так называемый «нож князя Андрея Ивановича Старицкого» 1513 г., который, скорее всего, является позднейшим развитием публикуемых нами боевых ножей, имеет ножны, ничем не отличающиеся от упомянутых нами выше западноевропейских образцов (рис. 12.1) [36, с. 103–104].

Таким образом, все три публикуемые нами ножа могут быть отнесены ко 2-й половине XIV – 1-й половине XV в.

В заключение хотелось бы отметить, что вновь введённый в научный оборот материал расширяет наше представление о комплексе вооружения воинов Золотой Орды и косвенно подтверждает часть выводов, сделанных нами ранее [26, с. 73–97] о путях его формирования.

⁵ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить научного сотрудника Отдела хранения и изучения археологических коллекций Новгородского музея-заповедника (ОХИАК НГОМЗ) А.Н. Каменского, любезно ознакомившего нас с данной находкой.

Список литературы

1. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
2. Андрух С.И., Ельников М.В., Тощев Г.Н. Раскопки на могильнике Мамай-Гора // Археологічні дослідження на Україні 2000 року. Київ, 2003.
3. Артемьев А.Р. О мечях-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонт-Тимофею // Российская археология. №2. М., 1992.
4. Винников А.З., Цыбин М.В. Орнаментированный топорик из Воронежской области // Вопросы археологии славян. Археология. Этнография. Вып. 12. Воронеж, 1998.
5. Варонін В. Да пытання аб часе і абставінах ухавання грашова-рэчавага скарбу каля вёскі Літва Маладзечанскага раёна Мінскай вобласці // Studia Numismatica Albaruthenica. Vol.1. – Мінск, 2011.
6. Воронцов И.А. Организация военного дела Золотой Орды (по материалам Нижнего Поволжья): Дисс. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006. – Архив Волгоградского государственного университета. №61:06–7/431.
7. Воронцов И.А. Золотоордынская булава с территории Царевского городища // Астраханские краеведческие чтения. Вып.1. Астрахань, 2009.
8. Гаврилина Л.М. К вопросу о культурных традициях в искусстве поздних кочевников // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981.
9. Галкин Л.Л. Булава из Нового Сарая // Советская археология. №4. М., 1963.
10. Галкин Л.Л. Две булавы из городов улуса Джучи (XIV век) // История и культура Улуса Джучи 2006. – Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань, 2007.
11. Гарустович Г.Н. След Великой Замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа, 2012.
12. Голубев Л.Э. Группа позднесредневековых погребений из могильника МТФ–3 близ станицы Старокорсунской // Историко-археологический альманах. Вып.3. Армавир-Москва, 1997.
13. Горелик М.В. Шлемы и фальшьоны: два аспекта взаимовлияния монгольского и европейского оружейного дела // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003.
14. Горелик М.В. Адыги в южном Поднепровье (2-я половина XIII в. – 1-я половина XIV в.) // Материалы по археологии Северного Кавказа. Вып.3. Армавир, 2004.
15. Горелик М.В. Об одной разновидности евразийских клинков эпохи развитого средневековья // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып.1. Новосибирск, 2004а.
16. Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник Института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып.15. Нальчик, 2008.
17. Горелик М.В. Находки на Ставрополье и сложение монгольской имперской культуры // Батыр: Традиционная военная культура народов Евразии. №1. М., 2010.
18. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
19. Днепровский К.А., Носкова Л.М. Некоторые аспекты развития Северо-Западного Кавказа в древности и средневековье // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии: Информационный бюллетень. Вып.18. М., 1991.
20. Добролюбовский А.О., Субботин Л.В., Сегада С.П. Золотоордынское погребение у Дуная (К истории кочевого населения Северо-западного Причерноморья в XIV в.) // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс.н.э. Сборник научных трудов. Киев, 1987.
21. Золотая Орда: история и культура. СПб., 2006.
22. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М., 1988.
23. Кильдюшевский В.И. Оружие XIV – XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседей. СПб., 1999.
24. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
25. Кригер В.А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) // Советская археология. №3. М., 1983.
26. Кулешов Ю.А. Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. №3. Казань, 2010.
27. Кулешов Ю.А., Абызова Е.Н. Два предмета мамлюкского вооружения с территории Молдовы как иллюстрация путей формирования золотоордынского комплекса вооружения // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного золотоордынского форума. Казань, 29–30 марта 2011 г. Казань, 2011.
28. Кулешов Ю.А., Нечипорук А.А. Находка уникального кинжала из могильника Жукова (к вопросу о «гражданском» оружии в Золотой Орде) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. – Астана, 2012.

29. Курмановский В.С. Сабли из позднесредневековых погребений Кубанской области в собрании отдела археологии ГИМ // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула, 2014.
30. Ларенок В.А. Об этнической принадлежности погребённых в средневековых курганах у х.Семенкин // Донские древности. Вып.1. Азов, 1992.
31. Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментальными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
32. Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV–XVII вв.). Нальчик, 1981.
33. Нагоев А.Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т.3: Памятники средневековья (IV–XVIII). Нальчик, 1987.
34. Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 годъ. СПб., 1898.
35. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 годъ. СПб., 1906.
36. Солнцев Ф.Г. Древности Россійского государства, изданныя по Высочайшему повеленію Государя Императора Николая I. Отд. 3: Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М., 1853.
37. Спицинь А. Владимирские курганы // Извѣстія Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1905.
38. Схатум Р.Б. Защитное вооружение адыгов в золотоордынское время (вторая половина XIII–XIV вв.) // Военная археология: Сборник материалов проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом музее. Вып.2. М., 2011.
39. Чахкиев Д.Ю. Золотоордынские черты в военном деле вайнахов (XIII–XV) // Первые «Архиевские чтения». Назрань, 1994.
40. Чахидзе В.Н., Дружинина И.А. Средневековые кочевнические погребения в нижнем Подонье (курганый могильник Арапчин II) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.11. Армавир, 2010.
41. Чахидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения на побережье Цимлянского водохранилища // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.13. Краснодар, 2012.
42. Шалобудов В.Н. Позднекочевнический могильник XIV в. у с.Котовка // Древности степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). Днепропетровск, 1982.
43. Шалобудов В.Н. Неопубликованные кочевнические погребения, открытые новостроечными экспедициями ДГУ в 1972–1999 гг. // Проблеми археології Подніпров'я. Дніпропетровськ, 2012.
44. Якубовський В.І. Про деякі види озброєння із розкопок Болохівських городищ // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету: Історичні науки. Т.12. Кам'янець-Подільський, 2004.
45. Alexander D.G. European Swords in the Collections of Istanbul: Part 1: Swords from the Arsenal of Alexandria // Zeitschrift für Historische Waffen-und Kostümkunde. Bd. 27. München, 1985.
46. Hermann Historica OHG. 56. Auktion: "Alte Waffen, Antiken, Jagdliches, Varia". 09. Oktober 2008. München, 2008.
47. Marek L. Broń biała na Śląsku XIV–XVI wiek. Wrocław 2008.
48. Mohamed B. The arts of the Muslim knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Milano, 2008.
49. Nicolle D. Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350. Vol. 2: Islam, Eastern Europe and Asia. – London, 1999.
50. Noel Paton J. Note on Sword of Battle Abbey, formerly in the Meyrick Collection // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Vol.X. P.II. Edinburgh, 1874.
51. Schneider von H. Untersuchungen an mittelalterlichen Dolchen aus dem Gebiete der Schweiz // Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. Bd.20. Heft 2/3. Basel, 1960.

Сведения об авторе: Юрий Алексеевич Кулешов – учёный секретарь Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом Музее (109012, Красная площадь, 1, Москва, Российская Федерация); yurahl@mail.ru

On a Variety of the Golden Horde Combat Knives

Yu.A. Kuleshov
(Problem Council "Military Archaeology"
at the State Historical Museum)

Offensive weapons still remains one of the least studied aspects of the Golden Horde warfare. If the number of researchers previously episodically addressed to long-bladed, stabbing, and shocking blunt weapons as well as to distance shooting complex, then such a category of offensive weapons as the Golden Horde fighting knives did not come to the attention of specialists.

The author of this publication introduces in the academic circulation three very close to each other combat knives. The second knife is stored in a private collection. It was found during unauthorized excavations in the Krasnodar region of Russia. The third knife was found in the double burial №78 of the Zhukov soil burial ground. A distinctive feature of all three samples is a fairly large size and internal grinding. At the same time, the knives have curved blades.

On the basis of broad analogies, the author concludes that such combat knives were typical for the Golden Horde weapon system and they should be dated by the period of the second half of the 14th – the first half of the 15th centuries. As for their finishing, it apparently has been borrowed from Europe.

The author also suggests that exactly this type of knives served as the prototype of the category of bladed weapons, which was designated as the “podsaydachnye knives” in the 15th–17th centuries.

We hope that further research in this area will allow us to significantly expand our understanding of the weaponry complex of the Golden Horde and, in particular, of its warfare in general.

Keywords: Golden Horde warfare, medieval weapons and armor, combat knives.

References

1. Alekseeva E.P. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaevo-Cherkessii* [The Ancient and Medieval History of Karachay-Cherkessia]. Moscow, 1971.
2. Andrukh S.I., El'nikov M.V., Toshchev G.N. Raskopki na mogil'nikе Mamay-Gora [Excavations at the Burial of Mamay-Mount]. *Arkheologichni doslidzhennya na Ukraini 2000 roku* [Archaeological Research in Ukraine in 2000]. Kiev, 2003.
3. Artem'ev A.R. O mechakh-relikviiakh, oshibochno pripisyvaemykh pskovskim knyaz'yam Vsevolodu-Gavriilu i Dovmontu-Timofeyu [On the Relic Swords Erroneously Attributed to the Pskov Princes Vsevolod-Gabriel and Dovmont-Timofey]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. No. 2. Moscow, 1992.
4. Vinnikov A.Z., Tsybin M.V. Ornamentirovanny toporik iz Voronezhskoy oblasti [An Ornamented Ax from the Voronezh Region]. *Voprosy arkheologii slavyan. Arkheologiya. Etnografiya* [Questions of Archaeology of the Slavs. Archaeology. Ethnography]. Is. 12. Voronezh, 1998.
5. Varonin V. Da pytannya ab chase i abstavinakh ukhavannya grashova-rechavaga skarbu kalya veski Litva Maladzechanskaga raena Minskay voblastsi [On the Question of Time and Circumstances of the Hiding of Lithuanian Monetary and Clothing Treasure near the Village Molodechno in the Minsk Region]. *Studia Numismatica Albaruthenica*. Vol.1. Minsk, 2011.
6. Vorontsov I.A. *Organizatsiya voennogo dela Zolotoy Ordy (po materialam Nizhnego Povolzh'ya): Diss. ... kand. ist. nauk* [Warfare Organization of the Golden Horde (based on the materials from the Lower Volga region): Dissertation of the Candidate of Historical Studies]. Volgograd, 2006. Arkhiv Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 61:06–7/431.
7. Vorontsov I.A. Zolotoordynskaya bulava s territorii Tsarevskogo gorodishcha [The Golden Horde Mace from the Territory of the Tsarev Settlement]. *Astrakhanskіe kraevedcheskie chteniya* [The Astrakhan Local History Readings]. Is.1. Astrakhan, 2009.
8. Gavrilina L.M. K voprosu o kul'turnykh traditsiyakh v iskusstve pozdnikh kochevnikov [To the Question about Cultural Traditions in the Art of the Later Nomads]. *Arkheologicheskie pamyatniki Kalmykii epokhi bronzy i srednevekov'ya* [Archaeological Monuments of Kalmykia of the Bronze Age and Middle Ages]. Elista, 1981.
9. Galkin L.L. Bulava iz Novogo Saraya [A Mace from the New Saray]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. No. 4. Moscow, 1963.
10. Galkin L.L. Dve bulavy iz gorodov ulusa Dzhuchi (XIV vek) [Two Maces from the Cities of the Ulus of Jochi (14th century)]. *Istoriya i kul'tura Ulusa Dzhuchi 2006. – Bertol'd Shpuler «Zolotaya Orda»: traditsii izucheniya i sovremennost'* [History and Culture of the Ulus of Jochi, 2006. Berthold Shpuler's “Golden Horde”: Traditions of Study and the Present]. Kazan, 2007.
11. Garustovich G.N. *Sled Velikoy Zamyatni (Mestonakhozhdzenie XIV veka u derevni Brik-Alga)* [A Trace of the Great Trouble Time (location of the 14th century near the village of Brick-Alga)]. Ufa, 2012.
12. Golubev L.E. Gruppy pozdnesrednevekovykh pogrebeniy iz mogil'nika MTF-3 bliz stanitsy Starokorsunskoy [The Group of Late-Medieval Burials from the Burial Ground MTF-3 near the Village of Starokorsunskaya]. *Istoriiko-arkheologicheskii al'manakh* [Historical and Archaeological Almanac]. Is. 3. Armavir-Moscow, 1997.
13. Gorelik M.V. Shlemy i fal'sh'ony: dva aspekta vzaimovliyaniya mongol'skogo i evropeyskogo oruzheynogo dela [Helmets and Falchions: Two Aspects of Mutual Influence on the Mongol and European Arms Production]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya*. Vol. 3. *Polovetsko-zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. III. The Polovtsian-Golden Horde Period]. Donetsk, 2003.
14. Gorelik M.V. Adygi v yuzhnom Podneprov'e (2-ya polovina XIII v. – 1-ya polovina XIV v.) [The Adygs in the Southern Reaches of the Dnieper (the second half of the 13th – the first half of the 14th centuries)]. *Materialy po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials on the Archaeology of the Northern Caucasus]. Is. 3. Armavir, 2004.

15. Gorelik M.V. Ob odnoy raznovidnosti evraziyskikh klinkov epokhi razvitogo srednevekov'ya [On a Variety of Eurasian Blades from the Epoch of Developed Middle Ages]. *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Is. 1. Novosibirsk, 2004a.
16. Gorelik M.V. Cherkesskie voiny Zolotoy Ordy (po arkheologicheskim dannym) [Circassian Warriors of the Golden Horde (according to archaeological data)]. *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy pravitel'stva KBR i KBNTs RAN* [Bulletin of the Institute of Humanitarian Studies of the Government of the CBD and KBSC RAS]. Is. 15. Nal'chik, 2008.
17. Gorelik M.V. Nakhodki na Stavropol'e i slozhenie mongol'skoy imperskoy kul'tury [Findings in the Stavropol Region and Formation of the Mongol Imperial Culture]. *Batyr: Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii* [Batyr: Traditional Military Culture of the Eurasian Peoples]. No. 1. Moscow, 2010.
18. Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A. Raskopki kurganov v zone stroitel'stva Kalmytsko-Astrakhanskoj i Nikol'skoj risovykh orositel'nykh sistem [Excavations of Burial Mounds in the Area of Construction of the Kalmyk-Astrakhan and Nikolsk Rice Irrigation Systems]. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdjev i drevnie goroda Povolzh'ya* [The Treasures of Sarmatian Chieftains and Ancient Cities of the Volga Region]. Moscow, 1989.
19. Dneprovskiy K.A., Noskova L.M. Nekotorye aspekty razvitiya Severo-Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e [Some Aspects of the Development of the Northwestern Caucasus during the Ancient and Medieval Periods]. *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya po izucheniyu kul'tur Tsentral'noy Azii: Informatsionnyy byulleten'* [International Association for the Study of the Cultures of Central Asia: Information Bulletin]. Is. 18. Moscow, 1991.
20. Dobrolyubskiy A.O., Subbotin L.V., Segeda S.P. Zolotoordynskoe pogrebenie u Dunaya (K istorii kochevogo naseleniya Severo-zapadnogo Prichernomor'ya v XIV v.) [The Golden Horde Burial near the Danube (the history of the nomadic population of the North-Western Black Sea region in the 14th century)]. *Dnestro-Dunayskoe mezhdurech'e v I – nachale II tys.n.e. Sbornik nauchnykh trudov* [The Dniester-Danube Interfluvium in the I – early II millennium AD. Collection of Research Papers]. Kiev, 1987.
21. *Zolotaya Orda: istoriya i kul'tura* [The Golden Horde: History and Culture]. St. Petersburg, 2006.
22. Ivanov V.A., Kriger V.A. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Yuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [Burial Mounds of the Kipchak Time in the Southern Urals (12th–14th centuries)]. Moscow, 1988.
23. Kil'dyushevskiy V.I. Oruzhie XIV – XVI vv. iz raskopok kreposti Oreshkek [Weapons of the 14th–16th centuries from the Oreshkek Castle's Excavations]. *Rannesrednevekovyye drevnosti Severnoy Rusi i ee sosedy* [Early Medieval Antiquities of the Northern Rus and Its Neighbors]. St. Petersburg, 1999.
24. Kirpichnikov A.N. *Voennoe delo na Rusi v XIII–XV vv.* [Warfare in Russia in the 13th–15th centuries]. Leningrad, 1976.
25. Kriger V.A. Srednevekovyye zakhroneniya Novo-Kumakskogo mogil'nika (Orenburgskaya oblast') [Medieval Burials of the Novo-Kumaksky Burial Ground (Orenburg region)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. No. 3. Moscow, 1983.
26. Kuleshov Yu.A. Proizvodstvo i import oruzhiya kak puti formirovaniya zolotoordynskogo kompleksa vooruzheniya [Production and Import of Weapons as a Way of Forming the Golden Horde Complex of Armament]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. No. 3. Kazan, 2010.
27. Kuleshov Yu.A., Abyzova E.N. Dva predmeta mamlyukskogo vooruzheniya s territorii Moldovy kak illyustratsiya putey formirovaniya zolotoordynskogo kompleksa vooruzheniya [Two Items of Mamluk Armament from the Territory of Moldova as an Illustration of the Ways of Forming the Golden Horde Complex of Armament]. *Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya. Materialy kruglogo stola, provedennogo v ramkakh Mezhdunarodnogo zolotoordynskogo foruma. Kazan', 29–30 marta 2011 g.* [Warfare of the Golden Horde: Problems and Prospects of Studying. Materials of the Round Table Held at the International Golden Horde Forum. Kazan, March 29–30, 2011]. Kazan, 2011.
28. Kuleshov Yu.A., Nechiporuk A.A. Nakhodka unikal'nogo kinzhala iz mogil'nika Zhukova (k voprosu o «grazhdanskom» oruzhii v Zolotoy Orde) [The Finding of Unique Dagger from the Zhukov Burial Ground (to the question of “civilian” weapons in the Golden Horde)]. *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [Warfare of the Ulus of Jochi and Its Successors]. Astana, 2012.
29. Kurmanovskiy V.S. Sabli iz pozdnesrednevekovykh pogrebeniy Kubanskoj oblasti v sobranii otdela arkheologii GIM [Swords from the Late Medieval Burials of the Kuban Region in Collection of the State Historical Museum of Archaeology]. *Voinskie traditsii v arkheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ya* [Military Traditions in Archaeological Context]. Tula, 2014.
30. Larenok V.A. Ob etnicheskoy prinadlezhnosti pogrebeniy v srednevekovykh kurganakh u kh.Semenkin [On the Ethnicity of the Buried in Medieval Burial Mounds near the Village of Semenkin]. *Donskie drevnosti* [The Don Antiquities]. Is. 1. Azov, 1992.
31. Malinovskaya N.V. Kolchany XIII–XIV vv. s kostyanymi ornamental'nymi obkladkami na territorii evraziyskikh stepey [Quivers of the 13th–14th centuries with Bone Ornamental Plates on the Territory of the Eurasian Steppes]. *Goroda Povolzh'ya v srednie veka* [Cities of the Volga Region in the Middle Ages]. Moscow, 1974.
32. Nagoev A.Kh. *Material'naya kul'tura kabardintsev v epokhu pozdnego srednevekov'ya (XIV–XVII vv.)* [The Material Culture of Kabardians in the Late Middle Ages (14th–17th centuries)]. Nal'chik, 1981.

33. Nageov A.Kh. Itogi raskopok kabardinskikh kurganov na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1977 gg. [Results of Excavations of the Kabardinian Burial Mounds in the New Buildings of Kabardino-Balkaria in 1972–1977]. *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* T.3: *Pamyatniki srednevekov'ya (IV–XVIII)* [Archaeological Research in the New Buildings of Kabardino-Balkaria in 1972–1979. Vol. 3. Monuments of the Middle Ages (4th–17th centuries)]. Nal'chik, 1987.
34. *Otchet Imperatorskoy arkheologicheskoy kommissii za 1896 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1896]. St. Petersburg, 1898.
35. *Otchet Imperatorskoy Arkheologicheskoy Kommissii za 1903 god* [Report of the Imperial Archaeological Commission for 1903]. St. Petersburg, 1906.
36. Solntsev F.G. *Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva, izdannyya po Vysochayshemu poveleniyu Gosudarya Imperatora Nikolaya I.* Otd. 3: *Bronya, oruzhie, karety i konskaya sbruya* [Antiquities of the Russian State Issued by Imperial Order of the Emperor Nicholas I. Division 3: Armour, Weapons, Carriages, and Horse Harness]. Moscow, 1853.
37. Spitsin A. Vladimirskie kurgany [The Vladimir Burial Mounds] *IzvĚstiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission]. St. Petersburg, 1905.
38. Skhatum R.B. Zashchitnoe vooruzhenie adygov v zolotoordynskoe vremya (vtoraya polovina XIII–XIV vv.) [Defensive Armament of the Adygs during the Golden Horde Period (the second half of 13th – 14th centuries)]. *Voennaya arkheologiya: Sbornik materialov problemnogo Soveta «Voennaya arkheologiya» pri Gosudarstvennom Istoricheskom muzee* [Military Archaeology: Proceedings of the Problem Council “Military Archaeology” at the State Historical Museum]. Is. 2. Moscow, 2011.
39. Chakhkiev D.Yu. Zolotoordynskie cherty v voennom dele vaynakhov (XIII–XV) [The Golden Horde Traits in the Warfare of Vainakhs (13th–15th centuries)]. *Pervye «Arkhiyevskie chteniya»* [The First “Arkhiyev Readings”]. Nazran, 1994.
40. Chkhaidze V.N., Druzhinina I.A. Srednevekovye kochevnicheskie pogrebeniya v nizhnem Podon'e (kurgannyi mogil'nik Arapchin II) [Medieval Nomadic Burials in the Lower Don Region (the burial mound Arapchin II)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Researches on the Archaeology of the Northern Caucasus]. Is.11. Armavir, 2010.
41. Chkhaidze V.N. Srednevekovye kochevnicheskie pogrebeniya na poberezh'e Tsimlyanskogo vodokhranilishcha [Medieval Nomadic Burials on the Shores of Tsimlyanskoe Water Reservoir]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Researches on the Archaeology of the Northern Caucasus]. Is.13. Krasnodar, 2012.
42. Shalobudov V.N. Pozdnekochevnicheskiy mogil'nik XIV v. u s.Kotovka [The Late Nomadic Burial Ground of the 14th century near the Village of Kotovka]. *Drevnosti stepnogo Podneprov'ya (III – I tys. do n.e.)* [Antiquities of the Steppe Dnieper Region (III – I millennium BC)]. Dnepropetrovsk, 1982.
43. Shalobudov V.N. Neopublikovannye kochevnicheskie pogrebeniya, otkrytye novostroechnymi ekspeditsiyami DGU v 1972 – 1999 gg. [Unpublished Nomadic Burials Discovered by the New Building Expeditions of DSU expeditions in 1972–1999]. *Problemi arkheologii Podniprovia* [Problems of the Dnieper Region Archaeology]. Dnipropetrovsk, 2012.
44. Yakubovskiy V.I. Pro deyaki vidi ozbroennya iz rozkopok Bolokhivs'kikh gorodishch [On Some Types of Weapons from Excavations of Bolokhov Hillforts]. *Naukovi pratsi Kam'yanets'-Podil's'kogo derzhavnogo universitetu: Istorichni nauki* [Proceedings of the Kamenetz-Podolsk State University: Historical Studies]. Vol. 12. Kam'yanets'-Podil's'kiy, 2004.
45. Alexander D.G. European Swords in the Collections of Istanbul: Part 1: Swords from the Arsenal of Alexandria // *Zeitschrift für Historische Waffen-und Kostümkunde.* Bd. 27. München, 1985.
46. Hermann Historica OHG. 56. Auktion: "Alte Waffen, Antiken, Jagdliches, Varia". 09. Oktober 2008. München, 2008.
47. Marek L. Broń biała na Śląsku XIV – XVI wiek. Wrocław 2008.
48. Mohamed B. The arts of the Muslim knight: The Fursiyya Art Foundation Collection. Milano, 2008.
49. Nicolle D. Arms and Armour of the Crusading Era, 1050–1350. Vol. 2: Islam, Eastern Europe and Asia. – London, 1999.
50. Noel Paton J. Note on Sword of Battle Abbey, formerly in the Meyrick Collection // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland.* Vol.X. P.II. Edinburgh, 1874.
51. Schneider von H. Untersuchungen an mittelalterlichen Dolchen aus dem Gebiete der Schweiz // *Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte.* Bd.20. Heft 2/3. Basel, 1960

About the author: Yuriy Alekseevich Kuleshov – Academic Secretary of the Problem Council “Military Archaeology” at the State Historical Museum (109012, Red Square, 1, Moscow, Russian Federation); yurahl@mail.ru

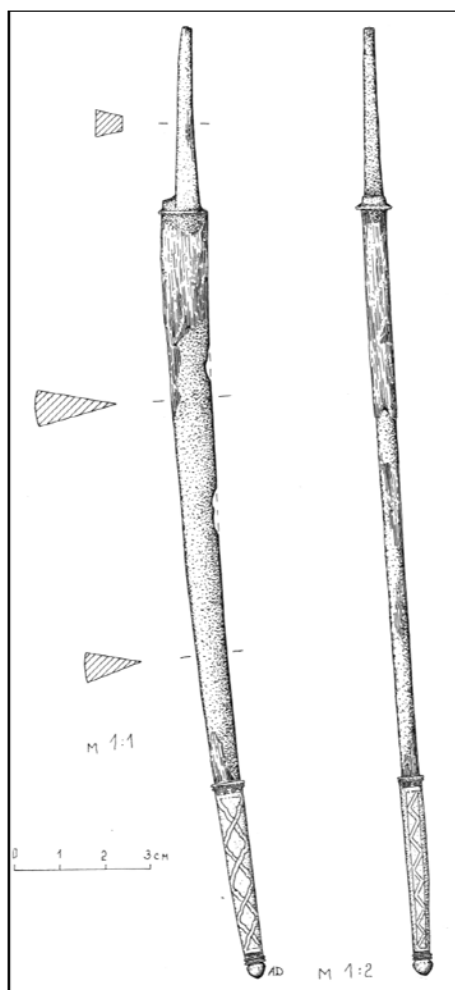

Рис. 1. Боевой нож
из кургана 8 у ст.Костромской.
Художник А.С. Дементьева

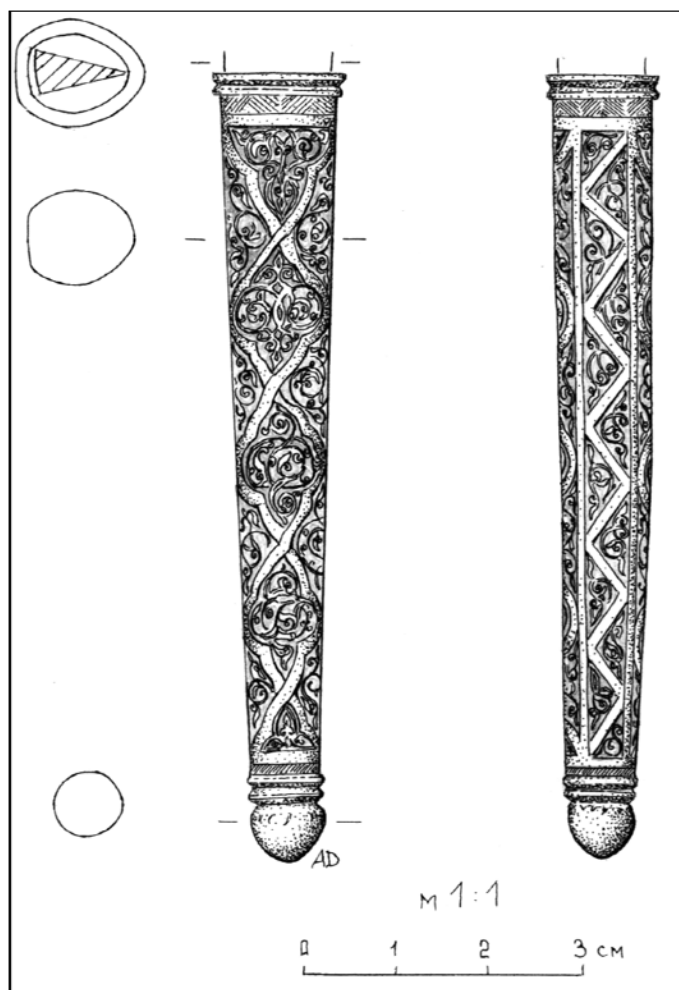

Рис. 2. Серебряный наконечник ножен
ножа из кургана 8 у ст.Костромской.
Художник А.С. Дементьева

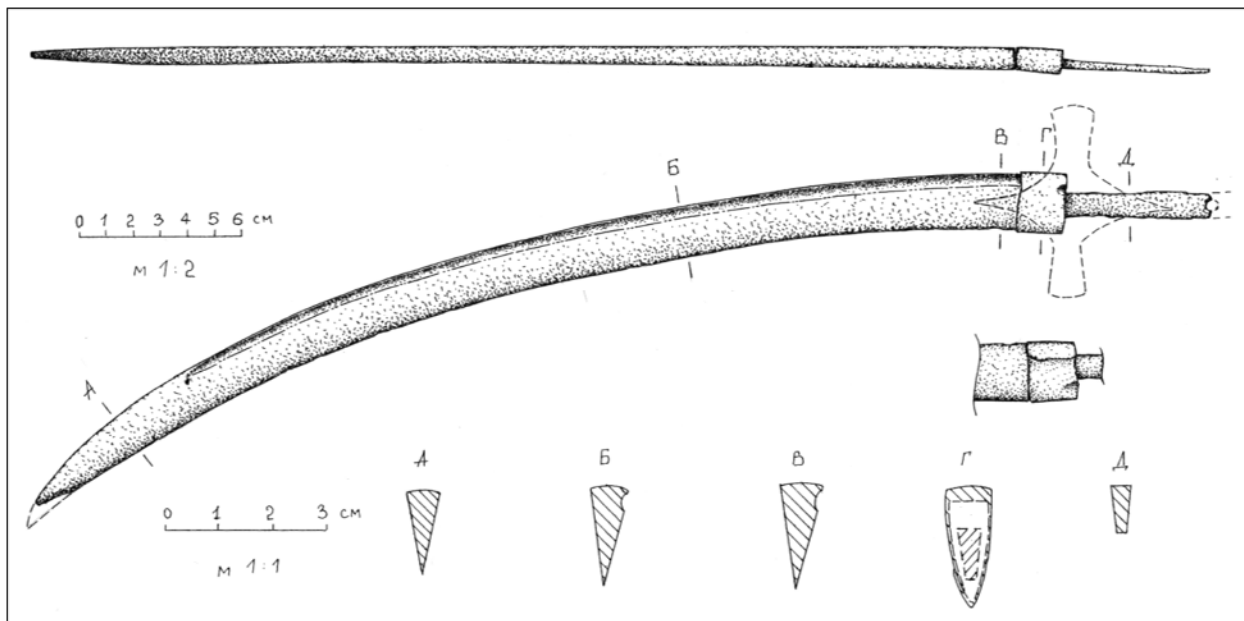

Рис. 3. Боевой нож из несанкционированных раскопок на юге России. Художник А.С. Дементьева

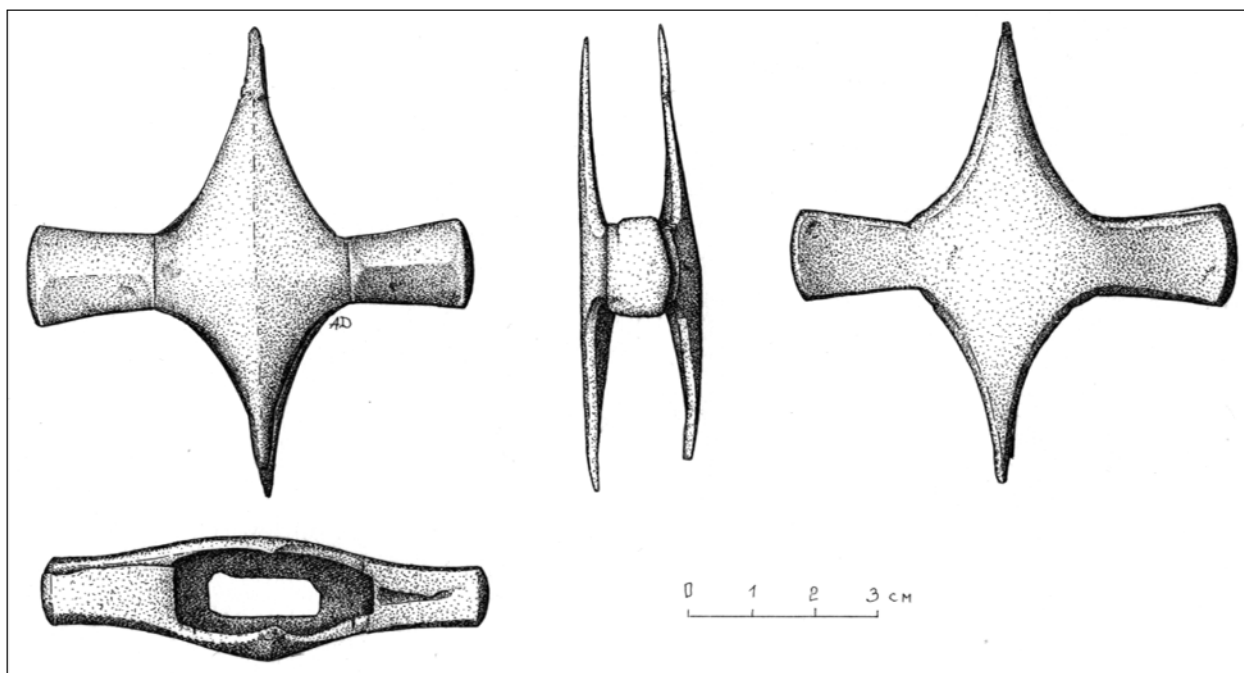

Рис. 4. Перекрестье ножа из несанкционированных раскопок на юге России. Художник А.С. Дементьева

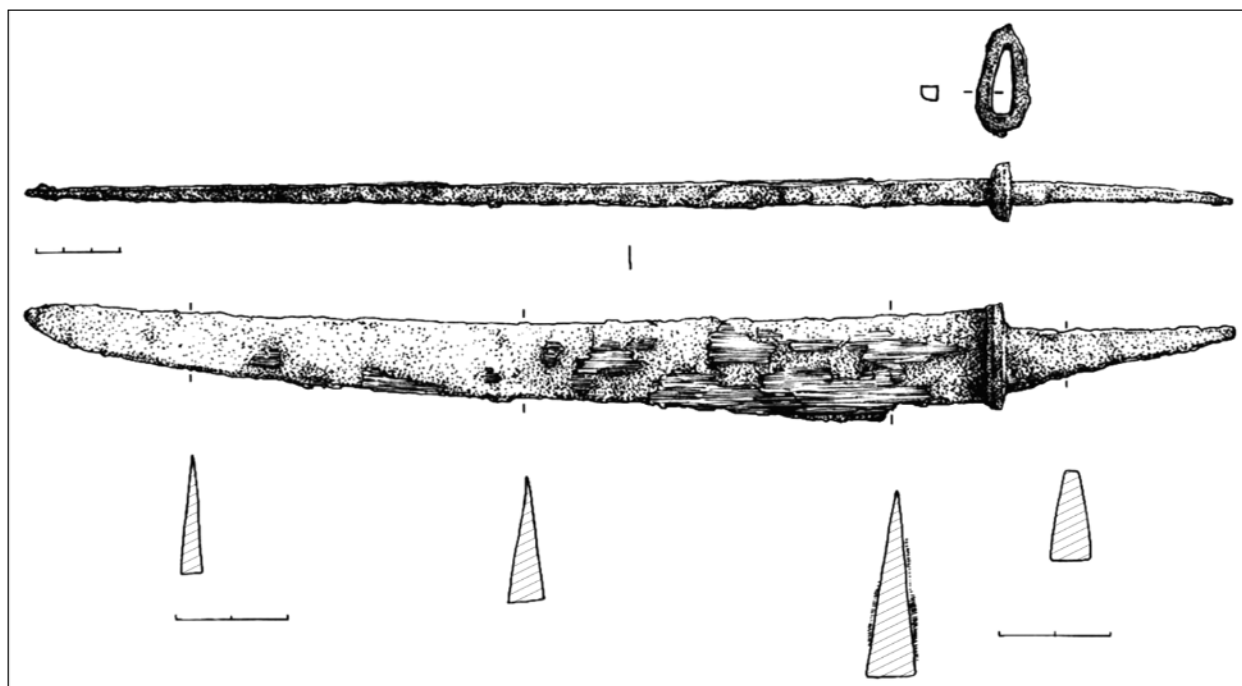

Рис. 5. Боевой нож из грунтового погребения 78 могильника Жукова. Художник М.В. Масалова

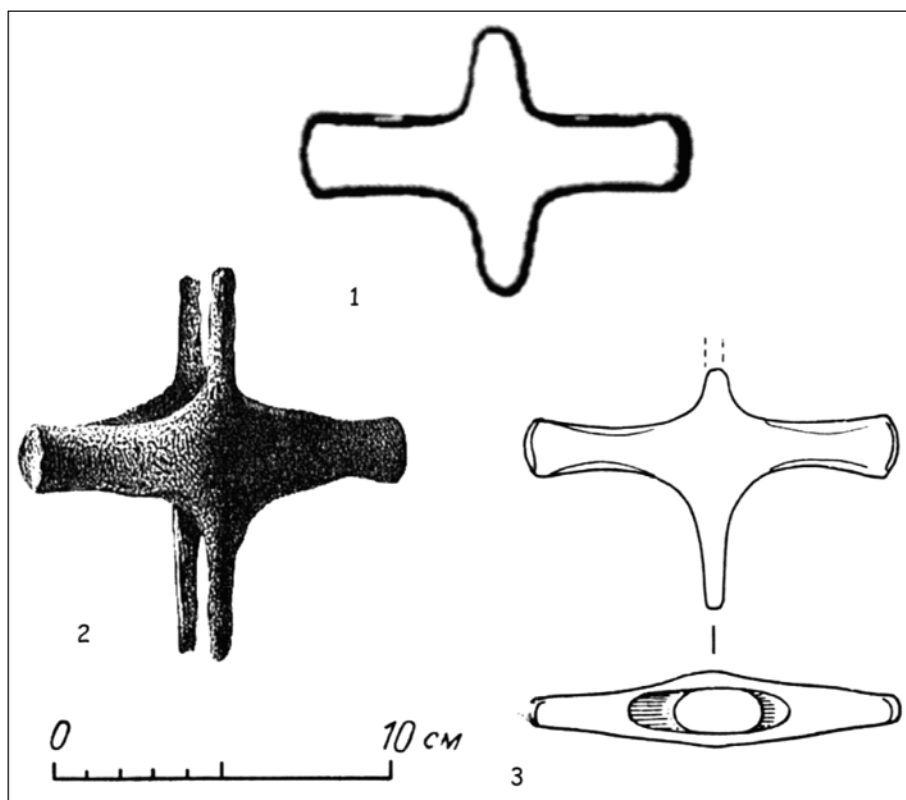

Рис. 9. 1 – Сабельное перекрестье из курганной группы у ст.Абинской [35];
 2 – Сабельное перекрестье с городища древнерусского г.Клещин [37];
 3 – Сабельное перекрестье с территории Волыни [24]

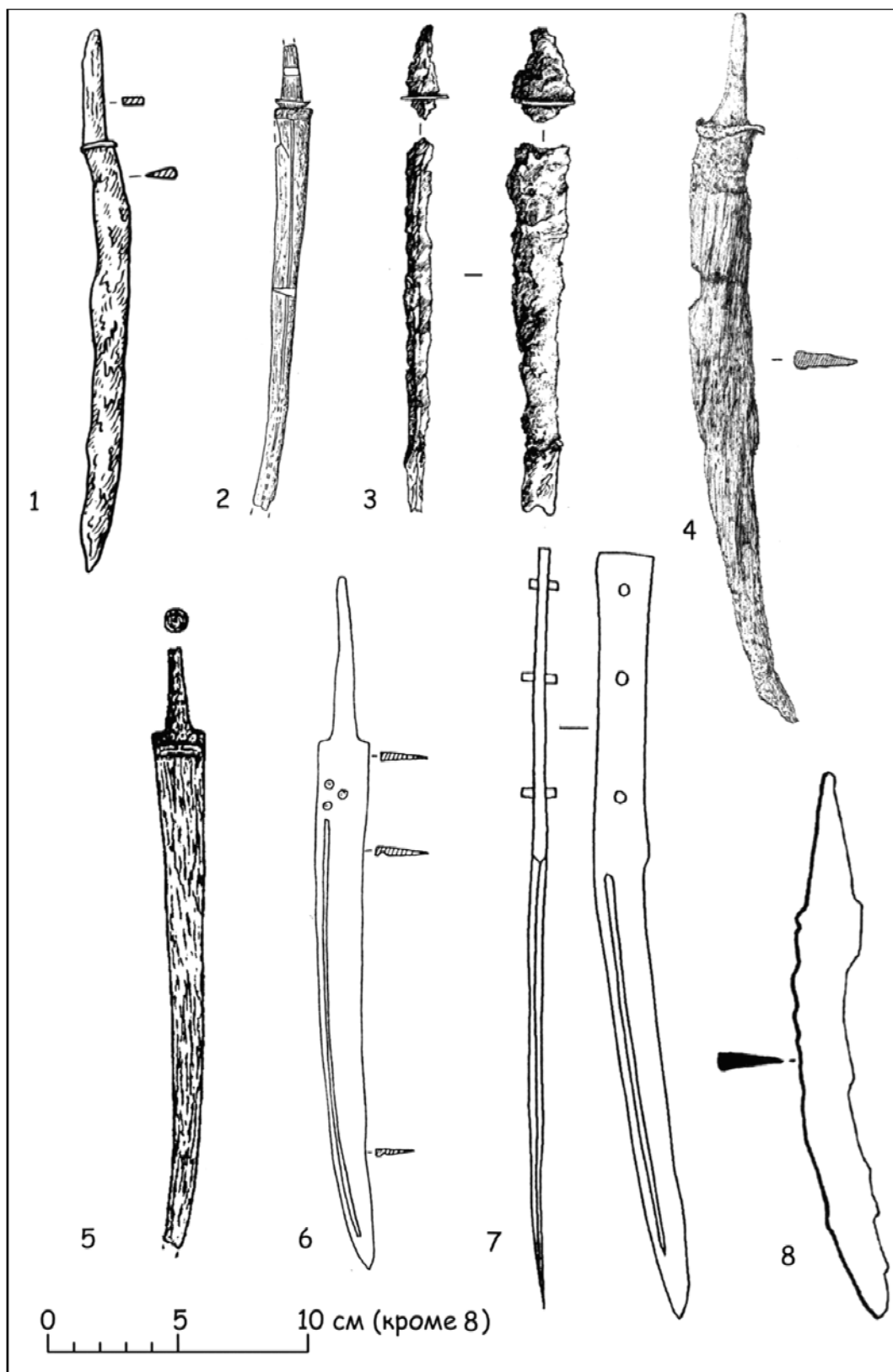

Рис. 7. 1 – Боевой нож из погребения отдельного кургана «у Обелиска» Новокумакского могильника [22]; 2 – Боевой нож из п.7 к.7 могильника у х.Семенкин [30]; 3 – Боевой нож из п.3 к.1 могильника Никольское I [18]; 4 – Боевой нож из п.1 к.42 могильника Арпачин II [40]; 5 – Боевой нож из грунтового могильника Мамай-Гора [2]; 6 – Боевой нож из древнерусской крепости Орешек [23]; 7 – Боевой нож с городища болховского города Божьск [44]; 8 – Боевой нож из византийской крепости Диножетья [49]

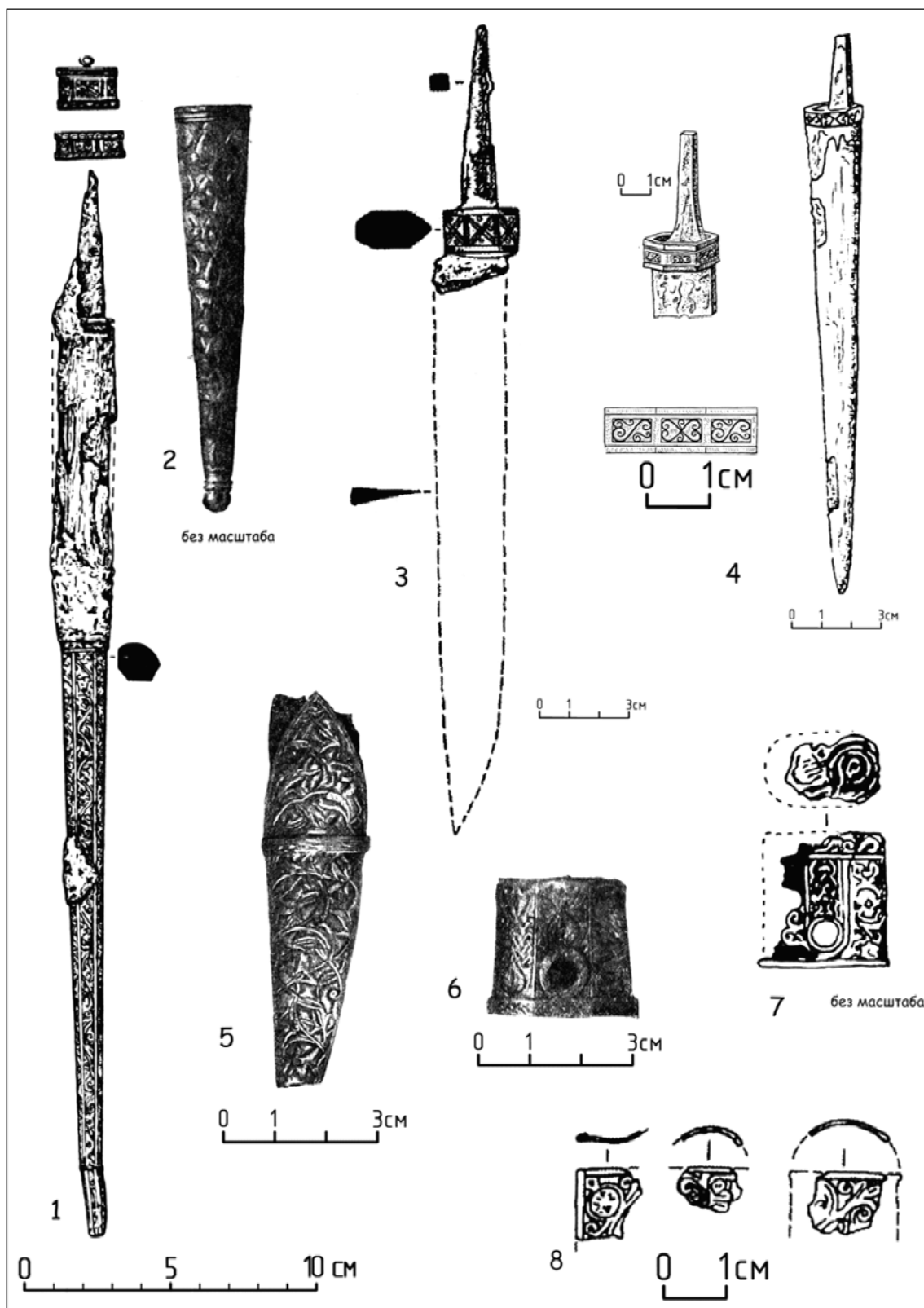

Рис. 10. 1 – Кинжал из кургана у ст.Новосвободной [19];
 2 – Серебряный наконечник ножен кинжала из кургана 38 Белореченского могильника [34];
 3 – Фрагмент кинжала с серебряным упором с места нахождения у д.Брик-Алга [11];
 4 – Кинжал, и его серебряный упор, из могильника Жако [1]; 5 – Серебряный наконечник ножен сабли из Белореченского могильника [34]; 6 – Серебряное навершие рукояти сабли из Белореченского могильника [34]; 7 – Серебряное навершие рукояти клинка из п.1 к.3 курганной группы Каирка [13];
 8 – Серебряное навершие рукояти клинка из п.1 к.2 Градештского могильника [20]

Географические ориентиры битвы на Синей воде

А.В. Чёрный
(Кировоградский государственный
университет им. В. Винниченко)

Синеводская битва привела к глубоким изменениям в истории государств Восточной Европы и Золотой Орды. Ученые на протяжении многих лет пытаются найти географические ориентиры битвы на Синей воде и сегодня за право называться местом памятной баталии соревнуется несколько населенных пунктов в разных частях Украины. Этим вопросом занимается экспедиция факультета истории и права Кировоградского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченко. Археологические раскопки в значительной мере приблизили учёных к разгадке Синеводской проблемы, но само место битвы пока остаётся не установленным.

В данной статье производится анализ более поздних письменных и картографических источников, а также ставится цель идентифицировать упомянутые в летописях географические ориентиры битвы и связать их с современными географическими названиями. Результаты исследования показали, что именно современная река Синюха – левый приток Южного Буга, в XVI–XVIII вв. именовалась Синей Водой. Упоминающееся в источниках Белобережье – территории вдоль правого берега Днепра южнее Черкасс. Автор считает, что самые аргументированные доказательства в решении Синеводской проблемы будут сказаны лишь после археологических открытий в рамках проводимой экспедиции.

Ключевые слова: Синеводская битва, Синяя вода, Белобережье, топонимика, гидронимика, картографические источники.

Синеводская битва – событие европейского масштаба, которое привело к глубоким изменениям в истории государств Восточной Европы и Золотой Орды. События, которые ей предшествовали, битва и обусловленные ею последствия вызывают глубокий интерес у многих отечественных и зарубежных историков. Ученые, которые изучали Синеводскую проблему раньше и которые занимаются ею сейчас, прежде всего, стремятся найти место, где шесть с половиной веков назад состоялась битва. Исходя из этого, за право называться местом памятной баталии соревнуется несколько населенных пунктов в разных областях Украины.

Как известно, письменные источники о брани на Синей Воде очень бедные, их содержание сводится лишь к констатации факта, что Ольгерд одержал победу над тремя татарскими «царьками» на Синей Воде. В связи с этим объективность в вопросе установления точного места сражения могут обеспечить только археологические исследования. Как раз этим и занимается экспедиция факультета истории и права Кировоградского государственного педагогического университета имени Владимира Винниченко. Результаты раскопок в значительной мере приблизили учёных к разгадке Синеводской проблемы, но само место битвы пока остаётся не установленным.

Путь к поиску и достоверному определению места битвы в значительной мере зависит от идентификации топографических названий «Синяя Вода» и «Белобережье», которые встречаются в письменных источниках о Синеводской битве. Вместе с тем, нужно ещё раз посмотреть и на определение средневековой *Подолши*, земли которой стали основным приобретением Великого княжества Литовского. На наш взгляд, именно установление современных соответствий выше названным географическим ориентирам в комплексе с археологическими данными в значительной мере позволят историкам приблизиться к правильному ответу на одну из наиболее интригующих загадок отечественной истории. В предлагаемом на высокий суд читателя исследовании мы попробуем путём анализа более поздних письменных и картографических источников, а также привлечения данных филологии идентифицировать упомянутые в летописях географические ориентиры битвы и связать их с современными географическими названиями.

Изложение полученных результатов в первую очередь начнём с анализа названия «Синяя Вода», поскольку в основе дискуссии вокруг Синеводской проблемы лежит научный спор о том,

где произошла битва: на современной реке Синюхе в Кировоградской области или на речке Снивуда в Винницкой области.

Проблема идентификации летописной *Синей Воды* лежит в нескольких плоскостях. Дело в том, что в письменных источниках название «Синья Вода» не упоминается исключительно как гидроним. Если взять данные «*Рогожского летописца*», «*Летописного сборника, именуемого Патриаршею или Никоновскою летописью*», а также «*Слуцкой летописи*», то в них в контексте изложенного действительно речь идет якобы о реке «...той же осени Ольгерд Синюю Воду и Белобережье повоевал» [19, стб. 75; 12, с. 2]. В тоже время польский хронист М. Стрыйковский, говоря о битве, подчёркивает, что «...Ольгерд, миновав Канев и Черкассы, дошёл до урочища Синие воды, где увидел в поле большую татарскую орду с тремя царьками» [34]. Таким образом, определение названия «Синья Вода» может быть в двух направлениях – как реки (традиционно), а также как урочища.

Анализ картографических источников и некоторых более поздних документов разрешает утверждать, что именно современная река Синюха – левый приток Южного Буга, в XVI–XVIII вв. именовалась Синей Водой. В пользу этого вывода говорит ряд картографических источников XVI, XVII, XVIII столетий на которых левый приток Южного Буга (*Bog fl.*, *Bag fl.*) – р. Синюха четко именуется как Синья Вода (*Synauoda fl.*, *Szynauoda fl.*, *Szinauoda fl.*, *Ziniw Woda fl.*).

Гидроним *Синья Вода* в вариантах написания *Synauoda fl.*, *Szynauoda fl.*, *Szinauoda fl.*, *Ziniw Woda fl.* встречается на картах XVI–XVII вв., которые среди учёных, специализирующихся на изучении исторической географии Европы, считаются мировыми шедеврами и памятниками картографического искусства. Интересными для исследования нашей проблемы стали следующие работы европейских географов:

Карта *Бернарда Ваповського (Bernard Wapowski)* и *Себастьяна Мюнстера (Sebastian Münster)* «Новая карта Польши и Венгрии» («*Polonia et Vngaria XV Nova tabvla*»), изданная в 1540 году в Базеле [39, с. 28–29];

Карта *Джакомо Гастальди (Giacomo Gastaldi)* и *Сигизмунда Герберштейна (Sigismund Herberstein)* «Описание Московии Джакомо Гастальди, пьемонтца, космографа в Венеции» («*Descriptione de la Moscouia per Giacomo Gastaldo piemontese cosmografo in Venetia MDL*»), изданная в 1550 году в Венеции [29, с. 32];

Карта *Себастьяна Мюнстера (Sebastian Münster)* «Новое описание Польши и Венгрии» («*Polonia et Vngariae nova descriptio*»), изданная в 1559 году в Базеле [40, с. 42–43];

Карта *Джовани Антонио Маджини (Giovanni Antonio Magini)* «Московская империя» («*Moscovia imperium*»), изданная в 1597 году в Кёльне [37, с. 86–87];

Карта *Джовани Антонио Маджини (Giovanni Antonio Magini)* «Московская империя. Изданная в Кельне Йоганном Буссемехером 1600» («*Moscovia imperium. Coloniae formulis Joani Bussemeheri AN. 1600*»), изданная в 1600 году в Кёльне [38, с. 95];

Карта *Вацлава Гродецкого (Waclav Grodeski, Wenceslao Godreccio)*, *Андрея Пограбк (Andreas Pograbijs, Andrea Pograbio)* «Описание Польши и Литвы автора Вацлава Гродецкого и корректора Андрея Пограбки Пилзненского» («*Poloniae Litvania descriptio auctore Wenceslao Godreccio et correctore Andrea Pograbio Pilsnensi*»), изданная в 1602 году в Антверпене [41, с. 102–103];

Карта *Герарда Меркатора (Gerard Mercator)* «Литва» («*Lithvania*»), изданная в 1609 году в Амстердаме; *Его же* «Таврика Херсонская» («*Taurica Chersonesus*»), изданная в 1628 году в Амстердаме; *Его же* «Таврика Херсонская, в наше время званная Перекопской или Газарою» («*Taurica Chersonesus. Nostra aetate Przeposca et Gazara dicitur*»), изданная в 1630 и 1638 гг. в Амстердаме [33, с. 110–111, 124–125, 140–141, 162–163].

Среди работ более известных картографов XVII века гидроним Синья Вода в варианте написания *Sinawoda fl.* встречается на карте *Гийома де Боплана (Guillaume Le Vasseur de Beauplan)* и *Николя Сансона I (Nicolas Sanson I)* «Нижняя Волынь или Киевское воеводство, согласно большой [карты] Украины Ле Вассера де Боплана. Исполнил королевский географ Сансон д'Аббевиль» («*Basse Volhynie, ou Palatinat de Kiow, tire entierement de la gra[n]de Ukraine, du sieur Le Vasseur de Beauplan. Par le S^r. Sanson d'Abbeville Georg ord^e du roy*»), изданная в 1665 году в Париже. Тоже самое можно видеть и на большой «Карте Украины с многими её провинциями с границами Московии и Трансильвании, начерченная господином Г[ийомом] Л[е] В[ассером] де Бопланом, инженером и капитаном артиллерии его королевского величества короля Польши. В Руане, у Жака Каюэ, при королевском дворе» («*Carte d'Ukraine contenant plusieurs prouinces com-*

prises entre les confins de Moscouie et les limites de Transilvanie dressez par G. L. V. sieur de Beauplan ingenieur et capitaine de l'artillerie du serenissime roy de Pologne. A rouen chez Jac Ques cailloue dans la cour du pallais»), изданная в 1660 году в Руане. Гидроним *Sinawoda fl.* встречается и на «Генеральной карте Украины» («Turus generalis Ukrainae»), которая изданная Г. Бопланом в 1686 году в Амстердаме совместно с Яном Янсоном (*Jan Janssonius*), а также на карте «Часть Украины, которая по-народному называется Брацлавским воеводством, [созданной] Гийомом Ле Вассером де Бопланом, польской с[вященной] к[оролевской] м[илости] военным архитектором» («Ukraina pars quae Braclavia palatinatus vulgo dicitur per Guilhelmum Le Vasseur de Beauplan S.R.M.^{tis} Poloniae architectum militare etc»), изданная в 1721 году в Амстердаме совместно с Йоаном Блау (*Joan Blaeu*) [26; 28; 45; 46, с. 38–39, 14–15, 76–77, 50–51.] .

Распространённым гидроним *Синяя Вода* в варианте написания *Sinawoda fl.* был и на многих картах второй половины XVIII века. Мы назовём лишь некоторые, на наш взгляд, интересные карты. Среди них – «Географическая карта Королевства Польши и Великого Литовского княжества» («Mappa geographica Poloniae et Magnum ducatum Lithuaniae»), изданная в 1759 году в Аугсбурге Тобиасом Конрадом Лоттером (*Tobias Conrad Lotter*) [36, с. 182–183] и «Географическая карта Королевства Польши и Пруссии, Великого Литовского княжества, а также провинции Червоная Русь» («Mappa geographica regnorum Poloniae & Prussiae Magnique ducatus Lithuaniae unacum provincia Russia»), изданная в 1772 году в Вене Йозефом Антоном Лидлом (*Joseph Anton Lidl*) [37, с. 202–203].

Нами проанализирована ещё одна карта, о которой хотелось бы сказать отдельно, поскольку это, хотя и поздний, но уникальный источник для идентификации летописной *Синей Воды*. В 1769 году во Франкфурте-на-Майне Иоганом Готтлибом Фациусом (*Johann Gottlieb Facius*) и Георгом Зигмундом Фациусом (*Georg Siegmund Facius*) была издана «Точная карта части Российской империи и Южной Польши, которая включает Украину, Подолию, Волынь, Русь, Малую Польшу, Мазовию и часть Литвы с [соседними] Татарией, Молдавией, Валахией и Трансильванией» («Carte exacte d'une partie de l'empire de Russie et de la Pologne meridionale renferment l'Ukraine, la Podolie, la Volhynie, la Russie, la Petite Pologne, la Mazovie, et une partie de la Lithuanie avec la Petite Tartarie, la Moldavie, la Valaquie et la Transylvanie») [28, с. 186–189]. На карте река, интересующая нас, одновременно подписана и как *Синяя Вода – Sinawoda fl.*, и как *Синюха – Sinucha fl.*

Как видим, в европейской картографической традиции в течение XVI–XVIII вв. современную реку *Синюху* было принято именовать *Синяя Вода*. Это же подтверждает и Польский королевский словарь конца XIX века, в котором в статье о реке Синюхе указано «*Siniucha al. Sine wody, Sinia woda, rzeka na pograniczu gubernii Kijowskiej i Podolskiej z Chersonska...*» [42, с. 620], что в буквальном переводе означает, что Синюха или Синие воды, или Синяя вода – река на границе Киевской и Подольской губерний с Херсонской.

Как нам удалось установить, современный гидроним *Синюха*, становится довольно распространённым в европейской и отечественной картографии, начиная со второй половины XVIII века и некоторое время существовал параллельно с названием *Синяя Вода*. Впервые название *Синюха* (*R. Sinucha*) обнаружено нами на карте Жозефа Николя Делиля (*Joseph Nicolas Delisle*) «Малая Татария с близлежащими Киевской и Белгородской губерниями» («Tataria minor cum adjacentibus Kioviensi et Belgorodensi guberniis»), изданной в 1745 году в Санкт-Петербурге [43, с. 174–175].

Учитывая то, что на карте Иогана и Георга Фациусов современная *Синюха* одновременно подписана и как *Sinawoda fl.*, и как *Sinucha fl.* можем уверенно утверждать, что в XVIII веке оба названия существовали параллельно, причем гидроним *Синюха* вероятно использовался как народное название реки. В научное обращение гидроним *Синюха* был введён, по нашему мнению, Д. Н. Бантыш-Каменским, который публиковал переведенные на русский язык карты Г.Л. де Боплана [7]¹.

Итак, анализируя данные европейской картографии XVI–XVIII вв., подчеркнём, что летописная река *Синяя Вода* и современная река *Синюха* это один и тот же водный объект. Вместе с тем, речка *Снивода*, к окружающим просторам которой пытаются привязать события 1362 года

¹ История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. К этому изданию прилагалась цитируемая нами Генеральная карта Украины на русском языке, на которой река была подписана как Синюха.

некоторые исследователи, не встречается ни на одной из выше названных карт. Не именуется она как *Синья Вода* и в уже упомянутом Польском королевском словаре.

Продолжая исследование, отметим, что гидроним *Синья Вода* встречается не только в картографических источниках. К примеру, польский историк *Рейнгольд Гейденштейн*, описывая восстание С. Наливайка, указывает на то, что он во главе повстанцев в феврале-марте 1596 года, отступая из-под Брацлава, «...нашел за лучшее взять направление на дикие поля к речке Синим Водам, впадающей в реку Буг. Но Жолкевский не переставал гнаться за Наливайком и преследовал его до тех пор, пока у польского вождя не стало коней. Однако дойдя до Синих Вод, Жолкевский остановился в “уманском лесу” и, боясь безводных, диких и голодных степей, решил прекратить свою погоню за казаками» [32, с.365]. Как видим, упоминаемые в работе «уманский лес», а также «дикие и голодные поля» географически привязываются исключительно к современной Синюхе.

В дневнике польского шляхтича *Станислава Освецима*, который датируется 1643–1651 гг. есть упоминание о том, что 30 января 1644 года на реке *Тикич* состоялась битва между объединённым польско-казацким и татарским войском, которая закончилась для татар трагедией. Они убегали и в ходе отступления «переправились через Синюю Воду» [4, с. 146]. Возьмём на себя труд напомнить, что Синюха образуется слиянием рек *Тикич* и *Большая Высь*. Как известно, у *Сниводы* нет притока *Тикич*.

В письменных источниках кроме реки *Синья Вода* еще упоминается и одноимённый город. В «Книге большому чертежу» есть запись: «...а вверх по реке по Бокгу 50 верст пала в Бокг речка Синья Вода, а на речке на Синей Воде, 70 верст от Бокга, город Синья Вода» [10, с. 112]. Идентификация упомянутого средневекового города также является важной составляющей решения синеводской проблемы. Мы глубоко убеждены в том, что упомянутый в цитированном источнике город *Синья Вода* находился на месте современного украинского села *Торговица* (Новоархангельского района Кировоградской области). Проверять представленные в книге расстояния путем наложения вёрст переведённых в километры на современную карту не целесообразно. Дело в том, что расстояния, представленные в книге, измерялись не непосредственно на местности, в данном случае вдоль рек Южный Буг и Синья Вода, а на двух картах начала XVII века, одна из которых была датирована 1627 годом [10, с. 4]. За утверждением К. Н. Сербиной эти карты не сохранились.

Археологические исследования и материалы, полученные нами во время работы Торговицкой археологической средневековой экспедиции, позволяют говорить о том, что современное село Торговица в значительной мере расположено на территории упоминаемого в письменных источниках города *Синья Вода* [11, с 54–59].

Вместе с тем, в европейском картографическом наследии первой половины XVII века на реке *Синья Вода* также можем отыскать и город *Синья Вода*. К примеру, этот город в варианте написания *Szinouoda* на реке *Синья Вода* (*Szinouoda fl.*) встречается уже на упоминавшихся картах Герарда Меркатора (1628, 1630, 1638 гг.). Впервые же населенный пункт *Szinouoda*, среди известных нам картографических работ XVII–XVIII веков, встречается на карте «Европы» («Европа»), изданной в Кельне в 1600 году *Маттиасом Квадом* (*Matthias Quad*) [30, с. 92–93]. Также нужно отметить, что на карте «Европы» («Европае») *Абрагама Ортелия* (*Abraham Ortelius*), датированной 1602 годом, рядом с надписью *Szinouoda* нарисован картографический знак, обозначающий на этой карте все имеющиеся города [31, с. 98–99]. На уже цитированных картах Г. Боплана, И. и Г. Фациусов, а также И. Лидла на месте города *Синья Вода* уже значится населённый пункт *Торговица* (*Targowica H.*), или руины древнего города *Торговицы* (*Targowic H.*).

Относительно названия урочища *Синие Воды* также имеем некоторые документальные данные. В описании Заднепрских мест сотни Архангелогородской, датированной 1752 годом, упоминается «...ниже Черного Ташлыка на устье речки Синюхи буерак Синовидский» [17]. Кроме того, рядом с современными Торговицею и Новоархангельском есть урочище, которое местные жители и сейчас называют *Синими росами*.

Также следует отметить, что упоминавшиеся в письменных источниках *Синие Воды*, могут быть обобщенным названием целого региона. Отметим, что на территории Кировоградщины в бассейнах *Южного Буга* и *Синюхи* еще есть реки в названиях которых встречается корень *син* или *синь*. К примеру, речка *Синица* – левый приток *Южного Буга*. Определённый интерес в этом плане представляет и левый приток *Синюхи* – речка *Кагарлык*, название которой в буквальном переводе с древнетюркского языка обозначает «синеющая или голубеющая вода» [13, с. 130].

Не менее важное значение имеет и установление географического места нахождения территории летописного *Белобережья*, поскольку и его Ольгерд вместе с «*Синей Водой повоевал*», и которое до сих пор остается картографически не определённым, а соответственно вызывает дискуссию по поводу маршрута войск великого литовского князя к Синим Водам.

Письменные источники, дошедшие до нас, позволяют точно определить ту часть территории Украины, которая в XIV и более поздних веках именовалась *Белобережьем*. К примеру, под 1510 годом в описании Климятинских уходов Пустынского монастыря значится «...уходы Пустынского монастыря от устья Сулы спускались по течению речки Днепр в так называемое *Белобережье*» [9, с. 345]. Ещё один пример. В 1531 году Ульяна Потапова жительница Черкасского обвода указывала, что брат ее Федор имел во владении «*Мошны и Белберег*», а сама она продала с. Ворохобичи в Белых Берегах [1, с. 69–71].

Кроме того, в исторической литературе встречается информация о письмах адресованных польскому гетману от «*Самуила Кошки старшего и всего войска запорожского из Белобережья на шесть миль ниже Черкас*» [24, с. 129].

Более поздние документы указывают на то, что *Белобережье* находилось вдоль берега Днепра в районе впадения у него реки Тясмин. В частности, в одном из хозяйственных универсалов гетмана Д. Многогрешного датированного 1670 годом сказано «...по ту сторону Днепра (т.е – на правом берегу – А.Ч.) от Крылова озера суть разные по границе, которое называется озеро Дубок. Всего уходу на семь миль почавши от Белобережжа аж до озера Дубка» [8].

Как видим, цитированные нами источники позволяют утверждать, что *Белобережьем* считалась территория вдоль правого берега Днепра на юг от города Черкассы, в районе современных украинских городов Чигирина и Кременчуга (соответственно Черкасской и Полтавской областей). Идентификация *Белобережья* позволяет аргументировано говорить о военном маршруте войск Ольгерда в 1362 году.

Относительно летописного *Коршева*, который Литва «*повоевала*», как видно из летописи, ещё до Синеводской битвы можем отметить, что на сегодняшний день это очень дискуссионный вопрос. В упоминаемом «*Коршеве*» за всю историю исследования проблемы учёные были склонны видеть города средневекового Крыма (Н. Молчановский, Н. Карамзин) [16, с. 107], города на Днестре (П. Батюшков) [2, с. 30]. Некоторые пытались отождествить его с Ржевом (Ф. Брун) [16, с. 107], а также локализовать в Подонье (М. Грушевский, Ф. Шабульдо) [23, с. 14]. На сегодняшний день этот вопрос остаётся открытым, а потому порождает фантастические версии о его расположении на Волыни [5; 22].

Отметим, что на средневековых картах *Коршева* мы не нашли, а потому придерживаемся мнения, что нужно продолжать поиски города не только в письменных источниках. К тому же, на современной географической карте Украины можно отыскать несколько населённых пунктов именуемых *Корчевом*, *Коржевом*, *Коржем* и т.д. Если в каждом из них видеть летописный «*Коршев*» только под влиянием умозрительных заключений, как в случае с современным волыньским Корчевом, учёные никогда не дадут ответ на вопрос идентификации, упоминаемого в источниках Коршева.

Определение территории *древней Подолии* в контексте локализации Синих Вод также есть знаковым. На уже цитированных выше картах территория Подолии определяется намного шире, чем сегодня. Она охватывает и современную Синюху и Торговицу, и даже доходит до низовий Днепра. Это замечание очень важно, поскольку главным следствием Синеводской битвы стало распространение власти Ольгерда на территорию Подолии.

Картографические данные в этом плане существенно дополняются письменными источниками. В летописном «*Списке русских городов дальних и ближних*» перечислено 11 городов, находившихся на территории Подолии, среди которых упоминаются *Звенигород* и *Черкассы* [21, с. 229]. Хотя относительно Черкассы М.Н. Тихомиров высказал сомнение «...трудно думать, что Черкассы на Днепре одноимённые с польским или подольским городом Черкассы, названным в Списке. Из всех “польских городов” местонахождение только этого города остаётся неясным» [21, с. 229], мы, в свою очередь, отметим, что в цитированном источнике Черкассы следует рассматривать как одно из близлежащих (приграничных) с Подолией городов Поднепровья.

Все высказанное подтверждается и данными филологии. Известный украинский учёный Ф.Т. Жилко отмечает: «*Подільська група говірок поширена на території Поділля, тобто приблизно на сході Тернопільської, в південній частині Хмельницької і Вінницької областей, у*

західних районах Київської, Черкаської і Кіровоградської областей, крім того, на півночі Миколаївської і в північно-західних регіонах Одеської області»². При этом исследователь говорит и о том, что «південно-східна межа подільської групи говірок мало виразна і йде по лінії на захід від Білої Церкви – Тальне – на захід від Новоукраїнки (Кіровоградської області) – на південь від Первомайська в напрямі на Роздільну (Одеської області). Крім того, на схід від зазначеної лінії є говірки і навіть говіркові масиви з подільською діалектною основою»³ [6, с. 106]. Такую же точку зрения высказывают в своих работах и другие именитые украинские учёные-филологи С.П. Бевзенко [3] и И.Г. Матвиев [15].

Таким образом, анализ картографических источников и данных филологии позволяет уверенно говорить о том, что средневековая Подолия охватывала значительно большую территорию, чем это принято считать сейчас. В действительности её границы очерчивали значительную часть днепровского правобережья и доходили до Днепра и Днепровско-Бугского лимана, о чём упоминали раньше некоторые исследователи [2, с. 30–31].

Определив топографические ориентиры битвы на Синей Воде, упоминаемые в письменных источниках, можем высказать свою версию этого события. Поскольку проблема идентификации летописного *Коршева* остаётся открытым вопросом, по этому поводу лишь отметим, что Литва «взяла *Коршеву*» летом 1362 года, а Синюю Воду «*повоевала*» осенью [19, стб. 75]. Это означает, что взятие Коршева и битва на Синих Водах, хотя и произошли в один год, но могли быть разными военно-политическими акциями Великого Литовского княжества. В то же время факт «*повоевания*» Синей Воды и Белобережья выглядит как единая военная и политическая акция, составляющей которой есть две военные операции, произошедшие в 1362 году на Синей Воде и на территории Белобережья.

В литературе удалось найти любопытный факт в записках о путешествии Антиохийского патриарха Макария в Россию. Когда патриарх был в гостях у Богдана Хмельницкого, ему показывали церковь Св. Илии-Пророка в Субботове, в основе фундамента которой гость увидел большие камни, вызвавшие у него удивление. Как оказалось, камни были привезены «...из города, который когда-то принадлежал татарам, в пяти милях отсюда, где татары имели большую мечеть» [18, с. 194]. В свое время, где-то в этих местах руины мечети [14, с. 102] видел и посол Польского короля Эрих Лясота, который в 1594 году ездил к запорожцам на Сечь. Руины древнего города и мечети обозначены рядом с Чигирином и на карте Томаша Маковского (*Tomasz Makowski*) и Вильяма Янсона Блау (*Willem Jansoon Blaeu*) «Борисфенский путь с двух частей» (*Borysthenis tractum*), изданной в 1643 году в Амстердаме [26, с. 188–189]. Не исключено, что упомянутые в источниках руины относятся к временам «*повоевания*» Ольгердом Белобережья. При условиях результативных археологических поисков это может послужить ключом к разгадке Синеводской проблемы.

Подводя итоги, подчеркнём, что летописная Синяя Вода соответствует нынешней реке Синюхе, а упоминающееся в источниках Белобережье – территории вдоль правого берега Днепра южнее Черкасс. Это подтверждает историческую традицию привязки битвы на Синих Водах к современной Синюхе. Последнее же и самое аргументированное слово в решении Синеводской проблемы будет сказано лишь после археологического открытия поля сражения.

Список литературы

1. Архив Юго-Западной России. Ч. VII. Т. I. (Акты о заселении Юго-Западной России). Киев, 1886.
2. Батюшков П.Н. Подолия. Историческое описание. СПб., 1891.
3. Бевзенко С.П. Українська діалектологія. Київ: Вища школа, 1980. 248 с.
4. Дневник Станислава Освецима (в извлечении и переводе В.А.) // Киевская старина. 1882. № 1.

² Подольская группа говоров распространена на территории Подолии, т.е. приблизительно на востоке Тернопольской, в южной части Хмельницкой и Винницкой областей, в западных районах Киевской, Черкаской и Кіровоградской областей, кроме того, на севере Николаевской и в северо-западных регионах Одесской области.

³ Юго-восточная граница подольской группы говоров мало выразительная и идет по линии к западу от Белой Церкви через Тальное к западу от Новоукраїнки (Кіровоградської області) далее на юг от Первомайска в направлении на Раздельную (Одеської області). Кроме того, восточнее от указанной линии есть говоры и даже их распространенные массивы с подольской диалектной основой.

5. Дорош М. Битва на Синій Воді 1362 року: правда та домисли. Вінниця: О.Власюк, 2009. Українське Куликове поле: на берегах Синюхи чи Сниводи? – Вінниця: Меркьюрі-Поділля, 2010. 152 с.
6. Жилко Ф.Т. Говори української мови. Київ: Рад. школа, 1958.
7. История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822.
8. ІР НБУВ (Інститут рукопису Національної бібліотеки України імені В. Вернадського). Ф.1. Ед.хр.58142. Л. 371 об.
9. Клепатский П. Очерк по истории Киевской земли: Литовский период. Біла Церква, 2007.
10. Книга Большому Чертежу / Подг. к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.-Л., 1950.
11. Козир І.А. Синьоводська битва 1362 року в світлі археологічних джерел // Воєнна історія Північного Причорномор'я та Таврії. Збірник наукових праць. Київ, 2011.
12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Полное собрание русских летописей. Т. 11. СПб., 1879 (переизд.: М., 1965).
13. Лучик В. Формування географічних назв у зв'язку з етнолінгвістичними процесами в басейні річки Синюхи / Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. Київ: 2003.
14. Лясота Еріх зі Стеблева. Щоденник (переклад з німецької Галини та Івана Сварників) // Жовтень. 1984. № 10.
15. Матвіяс І.Г. Українська мова і її говори / АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О.Потебні; Відп. Ред. П.Ю. Гриценко. Київ: Наукова думка, 1990.
16. Мыц В.Л. Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма // Археологічний літопис Лівобережної України. 2002. № 1.
17. Опись Заднепрских мест сотни Архангелогородской на сколько верст земли имеется в долготу и широту и на той земле сколько населенный местечек, сел и деревень, футоров и при яких урочищах, о том значит под сим, “1752” году марта “10” дня. – Центральний державний історичний архів у м. Києві (далі ЦДАУК). Ф. 51. Оп. 1. Ед. хр. 11437. Л., 157.
18. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1898. Вып. 4.
19. Рогожский летописец / Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. М., 1965. Стб. 75.
20. Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Пб., 1922. Том. XV. Вып. 1. Стб. 75.
21. Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних / Исторические записки. М., 1952. Т. 40.
22. Українське Куликове поле: на берегах Синюхи чи Сниводи? – Вінниця: Меркьюрі-Поділля, 2010. 152 с.
23. Шабульдо Ф.М. Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації / Центральна Україна за доби класичного середньовіччя: студії з історії XIV ст. / НАН України. Інститут історії України. Наук. Ред. Ф.М. Шабульдо. Упор. О.Д. Брайченко. Київ, 2003.
24. Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків. Київ: Наукова думка, 1990.
25. Basse Volhynie, ou Palatinat de Kiow, tire entierement de la gra[n]de Ukraine, du sieur Le Vasseur de Beauplan. Par le S^r. Sanson d'Abbeville Georg ord^{re} du roy (Нижня Волинь або Київське воєводство..., Г. Ле Вассер де Боплан, Н. Сансон І, 1665 р., Париж).
26. Borysthenis tractum (Борисфенський шлях..., Т. Маковський, В. Я. Блау, 1643 р., Амстердам) / *Вавричин М.*, Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ: ДНВП “Картографія”, 2006.
27. Carte d'Ukraine contenant plusieurs provinces comprises entre les confins de Moscouie et les limites de Transilvanie dressez par G. L. V. sieur de Beauplan ingenieur et capitaine de l'artillerie du serenissime roy de Pologne. A rouen chez Jac Ques cailloue dans la cour du pallais (Карта України з багатьма її провінціями..., Г. Ле Вассер де Боплан, 1660 р., Руан).
28. Carte exacte d'une partie de l'empire de Russie et de la Pologne meridionale renferment l'Ukraine, la Podolie, la Volhynie, la Russie, la Petite Pologne, la Mazovie, et une partie de la Lithuanie avec la Petite Tartarie, la Moldavie, la Valaquie et la Transylvanie (Детальна карта частини Російської імперії та Південної Польщі, що включає Україну, Поділля, Волинь, Русь, Малу Польщу, Мазовію та частини Литви..., Й.Г. Фаціус, Г.З. Фаціус, 1769 р., Франкфурт-на-Майні) / *Вавричин М.* Україна на стародавніх картах. Середина XVII – друга половина XVIII ст.: атлас репродукцій / М. Вавричин, Я. Дашкевич, У. Кришталович. Київ: ДНВП “Картографія”, 2009.
29. Descriptione de la Moscouia per Giacomo Gastaldo piemontese cosmografo in Venetia MDL (Опис Московщини Джакомо Гастальді, п'ємонтійця, космографа у Венеції, 1550, Дж. Гастальді, С. Герберштейн, 1550 р., Венеція) / *Вавричин М.*, Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ: ДНВП “Картографія”, 2006.
30. Евгора (Європа, М. Квад, 1600 р., Кельн) / *Вавричин М.*, Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ: ДНВП “Картографія”, 2006.

31. Евгорае (Європа, А. Ортелій, 1602 р., Антверпен) / *Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У.* Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ: ДНВП “Картографія”, 2006.
32. *Heidenstein. Dzieje polski*, Petersburg, 1857. Т. II.
33. Lithuania (Литва, Г. Меркатор, 1609 р., Амстердам) Taurica Chersonesus (Таврика Херсонеська, Г. Меркатор, Й. Гондій, 1628 р., Амстердам); Taurica Chersonesus. Nostra aetate Przepocpsca et Gazara dicitur (Таврика Херсонська, у наш час звана Перекопською або Газарою, Г. Меркатор, 1630 і 1638 рр., Амстердам) / *Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У.* Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ: ДНВП “Картографія”, 2006.
34. *Macej Strykowski. Kronika Polska, Litewska, Zmodka I wszystkiey Rusi.* Warszawa, 1846. Т. II.
35. Мappa geographica Poloniae et Magnum ducatum Lithuaniae (Географічна карта Королівства Польщі й Великого князівства Литовського..., Т.К. Лоттер, 1759 р., Аугсбург) / *Вавричин М.* Україна на стародавніх картах. Середина XVII – друга половина XVIII ст.: атлас репродукцій / М. Вавричин, Я. Дашкевич, У. Кришталович. Київ: ДНВП “Картографія”, 2009.
36. Мappa geographica Poloniae et Magnum ducatum Lithuaniae (Географічна карта Королівства Польщі та Пруссії, Великого князівства Литовського, а також провінції Червона Русь..., Й. А. Лідл, 1772 р., Відень) / *Вавричин М.* Україна на стародавніх картах. Середина XVII – друга половина XVIII ст.: атлас репродукцій / М. Вавричин, Я. Дашкевич, У. Кришталович. Київ: ДНВП “Картографія”, 2009.
37. Moscovia imperivm (Московська імперія, Дж. А. Маджіні, 1597 р., Кельн) / *Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У.* Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ: ДНВП “Картографія”, 2006.
38. Moscovia imperivm. Coloniae formulis Joani Bussemeheri AN. 1600 (Московська імперія. Видана у Кельні Йоганном Буссемехером 1600, Дж.А. Маджіні, 1600 р., Кельн) / *Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У.* Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ: ДНВП “Картографія”, 2006.
39. Polonia et Vngaria XV Nova tabvla (Нова карта Польщі та Угорщини, Б. Ваповський, С. Мюнстер, 1540 р., Базель) / *Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У.* Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ: ДНВП “Картографія”, 2006.
40. Polonia et Vngariae nova descriptio (Новий опис Польщі та Угорщини, С. Мюнстер, 1559 р., Базель) / *Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У.* Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ: ДНВП “Картографія”, 2006.
41. Poloniae Litvania descriptio auctore Wenceslao Godreccio et correctore Andrea Pograbiio Pilsnensi (Опис Польщі і Литви автора Вацлава Гродецького і коректора Андрія Пограбки Пільзенського, В. Гродецький, А. Пограбка, А. Ортелій, 1602 р., Антверпен) / *Вавричин М., Дашкевич Я., Кришталович У.* Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. Київ: ДНВП “Картографія”, 2006.
42. Siniucha / *Slownik Geografichnyy Krolewstwa Polskiego i innych krajow Slowianskich.* Tom X. Warszawa, 1889.
43. Tataria minor cum adiacentibus Kioviensi et Belgorodensi guberniis (Мала Татарія з прилеглими Київською та Белгородською губерніями, Ж. Н. Деліль, 1745 р., Санкт-Петербург) / *Вавричин М.* Україна на стародавніх картах. Середина XVII – друга половина XVIII ст.: атлас репродукцій / М. Вавричин, Я. Дашкевич, У. Кришталович. Київ: ДНВП “Картографія”, 2009.
44. Turus generalis Ukrainae (Генеральна карта України або Київське Подільське та Брацлавське воєводства..., Г. Ле Вассер де Боплан, Я. Янсон, [1686 р.], Амстердам) / *Вавричин М.* Україна на стародавніх картах. Середина XVII – друга половина XVIII ст.: атлас репродукцій / М. Вавричин, Я. Дашкевич, У. Кришталович. Київ: ДНВП “Картографія”, 2009.
45. Ukrainae pars quae Braclavia palatinatus vulgo dicitur per Guilhelmum Le Vasseur de Beauplan S. R. M.^{tis} Poloniae architectum militem etc (Частина України, що по-народну називається Брацлавським воєводством..., Г. Ле Вассер де Боплан, Й. Блау, [1721 р.], Амстердам) / *Вавричин М.* Україна на стародавніх картах. Середина XVII – друга половина XVIII ст.: атлас репродукцій / М. Вавричин, Я. Дашкевич, У. Кришталович. Київ: ДНВП “Картографія”, 2009.

Сведения об авторе: Александр Васильевич Чёрный – доцент кафедры истории Украины Кировоградского государственного педагогического университета им. В. Винниченко, кандидат исторических наук (25006, ул. Шевченко, 1, г. Кировоград, Украина); a-chorniy@gambler.ru

Geographical Guidelines for the Battle of Blue Waters

A.V. Chernyy
(Vinnichenko Kirovograd
State Pedagogical University)

The Battle of Blue Waters led to profound changes in the history of Eastern Europe and Golden Horde. For many years, scholars are trying to find the geographical guidelines for the Battle of Blue Waters, and today several settlements in different parts of Ukraine compete with each other for the right to be called the place of memorable battle. This issue is forwarded by the expedition of the Faculty of History of the Kirovohgrad Volodymyr Vynnychenko State Pedagogical University. Archaeological excavations brought closer the scholars to the resolution of the Blue Waters' problem, but the site of the battle still remains unspecified.

This article provides an analysis of the later written and cartographic sources and tends to identify geographical landmarks of the battle mentioned in the chronicles, correlating them with modern geographical names. The study results showed that it was namely the modern river Sinyukha, left tributary of the Southern Bug, that was called the Blue Water in the 16th–18th centuries. In turn, Beloberezhe, mentioned in the sources, was located on the territory along the right bank of the Dnieper, south of Cherkassy. The author believes that the most reasoned evidence in solving the Blue Waters' problem will be presented only after the archaeological discoveries within the framework of expedition.

Keywords: Battle of Blue Waters, Blue Waters, Beloberezhe, toponymy, hydronymy, cartographic sources.

References

1. *Arkhiv Yugo-Zapadnoy Rossii*. Part. VII. Vol. I. (Akty o zaselenii Yugo-Zapadnoy Rossii) [Acts on the Settlement of Southwestern Russia]. Kiev, 1886.
2. Batyushkov P.N. *Podoliya. Istoricheskoe opisaniye* [Podolia. Historical Description]. St. Petersburg, 1891.
3. Bevzenko S.P. *Ukrains'ka dialektologiya* [Ukrainian Dialectology]. Kiïv: Vishcha shkola, 1980. 248 p.
4. *Dnevnik Stanislava Osvetsima* [Diary of Stanislav Osvetsim] (v izvlechenii i perevode V.A.). Kievskaya starina [Kievan Antiquities]. 1882. No. 1.
5. Dorosh M. *Bitva na Siniy Vodi 1362 roku: pravda ta domisli* [The Battle of Blue Waters in 1362: Truth and conjectures]. Vinnitsya, O.Vlasyuk, 2009.
6. Zhilko F.T. *Govori ukrains'koi movi* [Dialects of the Ukrainian Language]. Kiïv, Rad. shkola, 1958.
7. *Istoriya Maloy Rossii so vremen prisoedineniya onoy k Rossiyskomu gosudarstvu pri tsare Aleksee Mihayloviche, s kratkim obozreniem pervobytnogo sostoyaniya sego kraya* [History of Little Russia since the Time of Its Annexation to the Russian State under Tsar Alexei Mikhailovich, with a Brief Overview of the Primitive State of This Region]. Moscow, 1822.
8. *IR NBUV* (Institut rukopisu Natsional'noi biblioteki Ukraïni imeni V. Vernads'kogo) [Institute of Manuscripts of the National Library of Ukraine named after V.I. Vernadsky]. F. 1. Ed. khr. 58 142. L. 371 ob.
9. Klepatskiy P. *Ocherk po istorii Kievskoy zemli: Litovskiy period* [Essay on the History of the Kiev Land, The Lithuanian Period]. Bila Tserkva, 2007.
10. *Kniga Bol'shomu Chertezhu* [Book of the Great Drawing]. Podg. k pečati i redaktsiya K.N. Serbinoy. Moscow – Leningrad, 1950.
11. Kozir I.A. Sin'ovods'ka bitva 1362 roku v svitli arkeologichnikh dzherel [The Battle of Blue Waters in 1362 in the Light of Archaeological Sources]. *Voenna istoriya Pivnichnogo Prichornomor'ya ta Tavrii. Zbirnik naukovikh prats'* [Military History of the Northern Black Sea Region and Tauride, Collected Papers]. Kiïv, 2011.
12. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 11 [Complete Collection of Russian Chronicles Vol. 11. Chronicles Collection Named as Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, 1879 (pereizd.: Moscow, 1965).
13. Luchik V. Formuvannya geografichnikh nazv u zv'yazku z etnolingvisticnimi protsesami v baseyni richki Sinyukhi [Formation of Geographical Names in Connection with Ethnolinguistic Processes in the Basin of River Sinyukha]. *Tsentral'na Ukraïna za dobi klasichnogo seredn'ovichchya: studii z istorii XIV st.* [Central Ukraine in the Era of Classical Middle Ages: Studies on the History of the 14th century] Kiïv, 2003.
14. Lyasota Erikh zi Stebleva. Shchodennik (pereklad z nimets'koi Galini ta Ivana Svarnykiv) [Diary (translated from German by Ivan and Galina Svarnykov)]. *Zhovten'* [October]. 1984. No. 10.
15. Matviyas I.G. *Ukrains'ka mova i ii govori* [Ukrainian Language and Dialects]. Akademiya nauk URSS. In-t movoznavstva im. O.O.Potebni; Vidp. Red. P.Yu. Gritsenko. Kiïv, Naukova dumka Publ., 1990.
16. Myts V.L. Bitva na Siney Vode 1363 g. v istoriografii srednevekovogo Kryma [The Battle of the Blue Waters in the Historiography of Medieval Crimea]. *Arkeologichniy litopis Livoberezhnoi Ukraïni* [Archaeological Chronicle of the Left-Bank Ukraine]. 2002. No. 1.

17. *Opis' Zadneprskikh mest sotni Arkhangelogorodskoy na skol'ko verst zemli imeetsya v dolgotu i shirotu i na toy zemle skol'ko naseleniy mestechek, sel i dereven', futorov i pri yakikh urochishchakh, o tom znachit pod sim, "1752" godu marta "10" dnya. – Tsentral'niy derzhavniy istorichniy arkhiv u m. Kievi (dali TsDIAUK)* [Description of the Trans-Dnieper Places of the Arkhangelogorodsk Hundred]. F. 51. Op. 1. Ed. khr. 11437. L. 157.

18. *Puteshestvie antiokhiyskogo patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom, arkhidiakonom Pavlom Aleppskim* [The Travel of Patriarch of Antioch Macarius to Russia in the middle of the 17th century, described by His Son Pavel, Archdeacon of Aleppo]. Moscow, 1898. Is. 4.

19. Rogozhskiy letopisets. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 15 [Complete Collection of Russian Chronicle. Vol. 15. Rogozhsky Chronicler]. Is. 1. Moscow, 1965. Stb. 75.

20. Rogozhskiy letopisets. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicle. Vol. 15. Rogozhsky Chronicler]. Petrograd, 1922. Vol. XV. Is. 1. Stb. 75.

21. Tikhomirov M.N. Spisok russkikh gorodov dal'nikh i blizhnikh [The List of Russian Towns, Distant and Near]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Moscow, 1952. Vol. 40.

22. *Ukrains'ke Kulikove pole: na beregakh Sinyukhi chi Snivodi?* [The Ukrainian Kulikovo Field: On the Banks of Sinyukha or Snyvoda?] Vinnitsya, Merk'yuri-Podillya Publ., 2010. 152 p.

23. Shabul'do F.M. Sin'ovods'ka bitva 1362 r. u suchasniy naukoviy interpretatsii [The Battle of Blue Waters in 1362 in the Modern Research Interpretations]. *Tsentral'na Ukraïna za dobi klasichnogo seredn'ovichchya: studii z istorii XIV st.* [Central Ukraine in the Era of Classical Middle Ages: Studies on the History of the 14th century]. NAN Ukraïni. Institut istorii Ukraïni. Nauk. Red. F. M. Shabul'do. Upor. O. D. Braychenko. Kiïv, 2003.

24. Yavornits'kiy D.I. *Istoriya zaporoz'kikh kozakiv* [History of the Zaporozhian Cossacks]. Kiïv, Naukova dumka Publ., 1990.

25. *Basse Volhynie, ou Palatinat de Kiow, tire entierement de la gra[n]de Ukraine, du sieur Le Vasseur de Beauplan*. Par le Sr. Sanson d'Abbeville Georg ordre du roy (Nizhnya Volin' abo Kiivs'ke vovodstvo..., G.Le Vasser de Boplan, N. Sanson I, 1665 r., Parizh).

26. Borysthenis tractum (Borisfens'kiy shlyakh..., T. Makovs'kiy, V. Ya. Blau, 1643 r., Amsterdam). Vavrichin M., Dashkevich Ya., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Kinets' XV – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Ancient Maps of the end of the 15th – first half of the 17th centuries]. Kiïv, DNVP “Kartografiya”, 2006.

27. *Carte d'Ukraine contenant plusieurs prouinces comprises entre les confins de Moscouie et les limites de Transiluanie dressez par G. L. V. sieur de Beauplan ingenieur et capitaine de l'artillerie du serenissime roy de Pologne*. A rouen chez Jac Ques cailloue dans la cour du pallais (Karta Ukraïni z bagat'ma ii provintsiyami..., G. Le Vasser de Boplan, 1660 r., Ruan).

28. Carte exacte d'une partie de l'empire de Russie et de la Pologne meridionale renferment l'Ukraine, la Podolie, la Volhynie, la Russie, la Petite Pologne, la Mazovie, et une partie de la Lithuanie avec la Petite Tartarie, la Moldavie, la Valaquie et la Transylvanie (Detal'na karta chastini Rosiys'koï imperii ta Pivdennoï Pol'shchi, shcho vklyuchae Ukraïnu, Podillya, Volin', Rus', Malu Pol'shchu, Mazoviyu ta chastini Litvi..., Y.G. Fatsius, G.Z. Fatsius, 1769 r., Frankfurt-na-Mayni). Vavrichin M. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Seredina XVII – druga polovina XVIII st.: atlas reproduksiy* [Ukraine on the Ancient Maps. The middle of the 17th – the second half of the 18th century. Atlas of the Reproductions]. M. Вавричин, Я. Дашкевич, У. Кришталович. Киïв, DNVP “Kartografiya” Publ., 2009.

29. Descriptione de la Moscouia per Giacomo Gastaldo piemontese cosmografo in Venetia MDL (Opis Moskovshchini Dzhakomo Gastal'di, p'emontiytsya, kosmografa u Venetsii, 1550, Dzh. Gastal'di, S. Gerbershteyn, 1550 r., Venetsiya). Vavrichin M., Dashkevich Ya., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Kinets' XV – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Ancient Maps. The end of the 15th – the first half of the 17th century]. Kiïv, DNVP “Kartografiya”, 2006.

30. Evropa (Європа, M. Kvad, 1600 r., Kel'n). Vavrichin M., Dashkevich Ya., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Kinets' XV – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Ancient Maps. The end of the 15th – the first half of the 17th century]. Kiïv, DNVP “Kartografiya”, 2006.

31. Evropae (Європа, A. Orteliy, 1602 r., Antverpen). Vavrichin M., Dashkevich Ya., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Kinets' XV – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Ancient Maps. The end of the 15th – the first half of the 17th century]. Kiïv, DNVP “Kartografiya” Publ., 2006.

32. *Heidenstein*. Dzieje polski, Petersburg, 1857. Vol. II.

33. Lithuania (Litva, G. Merkator, 1609 r., Amsterdam) Taurica Chersonesus (Tavrika Khersones'ka, G. Merkator, Y. Gondiy, 1628 r., Amsterdam); Tavrica Chersonesus. Nostra aetate Przepocpsca et Gazara dicitur (Tavrika Khersones'ka, u nash chas zvana Perekops'koyu abo Gazaroyu, G. Merkator, 1630 i 1638 rr., Amsterdam). Vavrichin M., Dashkevich Ya., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Kinets' XV – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Ancient Maps. The end of the 15th – the first half of the 17th century]. Kiïv, DNVP “Kartografiya”, 2006.

34. *Macej Strykowski*. Kronika Polska, Litewska, Zmodzka I wszystkiey Rusi. Warszawa, 1846. Vol.II.

35. Mappa geographica Poloniae et Magnum ducatum Lithuaniae (Geografichna karta Korolivstva Pol'shchi y Velikogo knyazivstva Litovs'kogo..., T. K. Lotter, 1759 r., Augsburg). Vavrichin M. *Ukraïna na starodavnikh*

kartakh. Seredina KhVII – druga polovina KhVIII st.: atlas reproduktsiy [Ukraine on the Ancient Maps. The middle of the 17th – the second half of the 18th century. Atlas of the Reproductions]. M. Vavrichin, Ya. Dashkevich, U. Krishtalovich. Kiiiv, DNVP “Kartografiya” Publ., 2009.

36. Mappa geographica Poloniae et Magnum ducatum Lithuaniae (Geografichna karta Korolivstva Pol'shchi ta Prussii, Velikogo knyazivstva Litovs'kogo, a takozh provintsii Chervona Rus'..., Y A. Lidl, 1772 r., Viden'). Vavrichin M. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Seredina XVII – druga polovina XVIII st.: atlas reproduktsiy* [Ukraine on the Ancient Maps. The middle of the 17th – the second half of the 18th century. Atlas of the Reproductions]. M. Vavrichin, Ya. Dashkevich, U. Krishtalovich. Kiiiv, DNVP “Kartografiya” Publ., 2009.

37. Moscovia imperivm (Moskovs'ka imperiya, Dzh. A. Madzhini, 1597 r., Kel'n). Vavrichin M., Dashkevich Ya., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Kinets' XV – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Ancient Maps. The end of the 15th – the first half of the 17th century]. Kiiiv, DNVP “Kartografiya” Publ., 2006.

38. Moscovia imperivm. Coloniae formulis Joani Bussemacheri AN. 1600 (Moskovs'ka imperiya. Vidana u Kel'ni Yogannom Bussemekherom 1600, Dzh. A. Madzhini, 1600 r., Kel'n). Vavrichin M., Dashkevich Ya., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Kinets' XV – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Ancient Maps. The end of the 15th – the first half of the 17th century]. Kiiiv, DNVP “Kartografiya” Publ., 2006.

39. Polonia et Vngaria XV Nova tabvla (Nova karta Pol'shchi ta Ugorshchini, B. Vapovs'kiy, S. Myunster, 1540 r., Bazel'). Vavrichin M., Dashkevich Ya., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Kinets' XV – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Ancient Maps. The end of the 15th – the first half of the 17th century]. Kiiiv, DNVP “Kartografiya” Publ., 2006.

40. Polonia et Vngariae nova descriptio (Noviy opis Pol'shchi ta Ugorshchini, S. Myunster, 1559 r., Bazel'). Vavrichin M., Dashkevich Ya., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Kinets' XV – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Ancient Maps. The end of the 15th – the first half of the 17th century]. Kiiiv, DNVP “Kartografiya”, 2006.

41. Poloniae Litvania descriptio auctore Wenceslao Godreccio et correctore Andrea Pograbiio Pilsnensi (Opis Pol'shchi i Litvi avtora Vatslava Grodets'kogo i korektora Andriya Pograbki Pilznens'kogo, V. Grodets'kiy, A. Pograbka, A. Orteliy, 1602 r., Antverpen). Vavrichin M., Dashkevich Ya., Krishtalovich U. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Kinets' XV – persha polovina XVII st.* [Ukraine on the Ancient Maps. The end of the 15th – the first half of the 17th century]. Kiiiv, DNVP “Kartografiya”, 2006.

42. Siniucha / *Slownik* Geografichnyy Krolewstwa Polskiego i innych krajow Slowianskich. Tom X. Warszawa, 1889.

43. Tataria minor cum adiacentibus Kioviensi et Belgorodensi guberniis (Mala Tataria z prileglimi Kiiivs'koyu ta Belgorods'koyu guberniyami, Zh. N. Delil', 1745 r., Sankt-Peterburg). Vavrichin M. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Seredina XVII – druga polovina XVIII st.: atlas reproduktsiy* [Ukraine on the Ancient Maps. The middle of the 17th – the second half of the 18th century. Atlas of the Reproductions]. M. Vavrichin, Ya. Dashkevich, U. Krishtalovich. Kiiiv, DNVP “Kartografiya” Publ., 2009.

44. Typus generalis Ukrainae (General'na karta Ukraïni abo Kiiivs'ke Podil's'ke ta Bratslavs'ke voevodstva..., G. Le Vasser de Boplan, Ya. Yanson, [1686 r.], Amsterdam. Vavrichin M. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Seredina XVII – druga polovina XVIII st.: atlas reproduktsiy* [Ukraine on the Ancient Maps. The middle of the 17th – the second half of the 18th century. Atlas of the Reproductions]. M. Vavrichin, Ya. Dashkevich, U. Krishtalovich. Kiiiv, DNVP “Kartografiya” Publ., 2009.

45. Ukrainae pars quae Braclavia palatinatus vulgo dicitur per Guilhelmum Le Vasseur de Beauplan S. R. M.^{nis} Poloniae architectum militarem etc (Chastina Ukraïni, shcho po-narodnu nazivaet'sya Bratslavs'kim voevodstvom..., G. Le Vasser de Boplan, Y. Blau, [1721 r.], Amsterdam). Vavrichin M. *Ukraïna na starodavnikh kartakh. Seredina KhVII – druga polovina KhVIII st.: atlas reproduktsiy* [Ukraine on the Ancient Maps. The middle of the 17th – the second half of the 18th century. Atlas of the Reproductions]. M. Vavrichin, Ya. Dashkevich, U. Krishtalovich. Kiiiv, DNVP “Kartografiya” Publ., 2009.

About the author: Aleksandr Vasil'evich Chernyy – Associate Professor of History of Ukraine, V.Vinnichenko Kirovograd State Pedagogical University, Cand. Sci. (History) (25006, Shevchenko st., 1, Kirovograd, Ukraine); a-chorniy@rambler.ru

Войны и войско Дмитрия Донского

Д.А. Селиверстов

*(Проблемный Совет «Военная археология»
при Государственном Историческом Музее)*

В статье сделана попытка проследить развитие военного дела Северо-Восточной Руси во времена её вхождение в состав Золотой Орды. Место и роль «русского военного контингента» в рядах общего войска сначала Монгольского Государства, а затем Улуса Джучи (Золотой Орды). Показаны примеры действия русских войск – «ратей», без участия князей. На основе сохранившихся летописных известий и актового материала, близких по времени написания к той эпохе, прослеживается взаимоотношение «центральной» и «местной» власти. Показана эволюция этих взаимоотношений. В частности, процесс перехода «военной власти» в руки местных правителей. Высказано предположение о характере службы людей, фигурирующих в актовом материале под терминами «ордынцы» и «делюи». Основное внимание уделено правлению великого князя владимирского и московского Дмитрия Ивановича Донского. Именно тогда, благодаря общему ослаблению власти ханов Золотой Орды, на территории Залесья сложились предпосылки к созданию независимого государства. Рассмотрена роль в этих процессах военно-служилой знати. Показано, что именно благодаря людям «воинского сословия», небольшое Московское княжество во главе с малолетним наследником, смогло встать во главе всех земель северо-восточной Руси. Дан краткий очерк военных кампаний того времени. Описаны битвы на Тросне в 1369 году, Скорнищеве в 1371 г., Пьяне в 1377 г., Воже в 1378 г., Куликовом поле в 1380 г. Разобрана осада Твери в 1375 году, походы на Булгар в 1377 г. и Новгород в 1386–87 гг. Отдельно рассмотрен поход хана Токтамыша на Москву в 1382 г. Причины, благодаря которым он стал успешен для войск Золотой Орды. Особое внимание уделено лицам из среды военно-служилой знати участвовавшим в тех событиях. Их роли и влиянию на ход исторического процесса. Прослеживаются судьбы представителей этих родов – Акинфовых, Бяконтовых, Вельяминовых, Волынских, Зерновых, Квашниных и других. Их взаимоотношения, как с правителями Золотой Орды, так и с великими князьями владимирскими. Затронуты аспекты политической борьбы второй половины XIV века, когда на востоке Европы, вместо угасающей Золотой Орды появляются новые «центры силы» – Литва и Москва.

Ключевые слова: Золотая Орда, великое княжество Владимирское, княжество Московское, великое княжество Литовское, князья улусные, князья ратные, князья, воеводы, рати, ордынцы, делюи, бояре, слуги вольные.

*Вы же не нарекошесь у мене бояре,
но кн(я)зи земли моеи [62, ст.500].*

Личность и время правления великого князя Дмитрия Ивановича не обойдено вниманием потомков. Его эпохе посвящено множество научных исследований, околонучных работ, художественных произведений, легенд и сказаний. По праву считается, что при нем произошел перелом в истории России и именно тогда были заложены основы государства, в котором мы сейчас живем. К сожалению, победа на Куликовом поле затмило всё остальное случившееся в те годы и, несмотря на обилие всякой литературы, остаётся множество белых пятен требующих объяснения. К примеру, мы не знаем, как внешне выглядел князь Дмитрий Иванович, ведь все имеющиеся миниатюры и рисунки были созданы позднее и не более чем фантазия их создателей. Воссоздание облика по останкам в нашей стране, в отличие от других, широкого применения не нашло. Хотя останки, как говорят, сохранились и покоятся в Архангельском соборе Московского Кремля.

Точно также нет достоверного описания войска, с которым великий князь Дмитрий Иванович совершил главный поступок своей жизни. Как оно формировалось, из кого состояло, как было вооружено? Эти вопросы очень спорны и каждый, кто прикасался к проблеме, имел свой собственный взгляд. Все теории и версии относительно устройства войска строятся на основании сообщений русских летописей.

Но до наших дней дошла только одна написанная, вернее скопированная с ветхого оригинала, в тот период – Лаврентьевская [58]. Она заканчивается 1305 годом, то есть задолго до рождения князя Дмитрия Ивановича. Другая известная летопись – Троицкая [57], сгорела в пожар 1812

года и об интересующем нас времени сохранились лишь выписки из неё, сделанные Н. М. Карамзиным. Мы не можем достоверно сказать, когда летопись была написана, знаем только, что оканчивалась она 1408 годом и была «харатейной», то есть, писана на пергаменте [48, с.17]. Так же нельзя быть абсолютно уверенным в верном копировании текста. Наиболее близкими к тексту Троицкой летописи считаются тексты Симеоновской летописи [66] и Рогожского летописца [65]. Но первая сохранилась в списке 40-х годов XVI века, а второй – середины XV в. В основе они содержали один протограф, о происхождении которого до сих пор идут споры, но каждый сводчик редактировал его по своему уму и умению. В основном редакция сводилась к сокращению отдельных статей и замене устаревших слов. К этому же «семейству» летописей можно отнести Суздальскую летопись по Академическому списку конца XV века [58] и Владимирский летописец [71] списка второй половины XVI века [48, с.27].

Особняком стоит Новгородская первая летопись, которая тоже «харатейная» и её «старший извод» датируется первой половиной XIV века, а «младший» – серединой XV [60]. В ней внимание в основном уделено местным известиям, но встречаются и общерусские.

Следующим «семейством» следует считать Софийскую I [62] и Новгородскую IV [61] летописи, датируемые второй половиной XV века. Я. С. Лурье считает их отражением летописания первой половины XV века [48, с.67].

Третью группу составляет «великокняжеское летописание» конца XV века. Оно представлено Московским летописным сводом – древнейший список – первая треть XVI века [69], Вологодско-Пермской середины XVI века [70] и близкими к ним летописями [48, с.122].

Все остальные летописи производные от вышеперечисленных сводов. Хотя и имеют вставки из источников, не дошедших до наших дней, которые ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов.

Кроме летописей до нас дошли и актовые материалы в виде договоров и завещаний князей [21], грамот городов [14], монастырей и частных лиц [2]. Язык актового материала очень различается с летописным слогом. Для того чтобы разобраться какие термины из летописного текста существовали на момент описываемых событий, а какие были внесены позже, нам и необходим экскурс в историю летописания.

К примеру: термин «сын боярский» обозначающий именно «военнослужащего», в актовом материале встречается впервые в договоре великого князя Василия Васильевича с удельным князем Василием Ярославичем, датированным 1433 годом [21, с.70]. В тоже время в летописях этот термин можно встретить и в описании более ранних событий. В новгородской летописи под 1259 годом, при рассказе о мятеже против татарской переписи говорится: «И бысть мятежь великъ въ Новогороде, и по волости много зла учиниша, беруче туску а оканьнымъ Татаромъ. И нача оканьнии бояться смерти, рече Олександрю: «даи намъ сторожи, ать не избыють насъ». И повеле князь стеречи ихъ сыну посадничю и всемъ детемъ боярьскимъ, по ночемъ» [60, с.82]. С первого взгляда, может показаться, что и тут речь идет об обычной военной страже. Но в контексте с назначением главой сына посадника более вероятно назначение именно сыновей бояр новгородских для исполнения этой миссии под личную ответственность.

Другим ранним упоминанием можно считать статью под «летом 6894» из более позднего списка той же летописи. Оно связано с походом великого князя Дмитрия Ивановича на Новгород и выплатой последующей контрибуции: «Тои зимы ездиса за Волокъ Федоръ посадникъ Тимофеевич, Тимофеи Юрьевичъ, а съ ними боярьскыи дети, брати 5000 рублевъ, что взложилъ Новгородъ на Заволочкую землю, занеже заволочане быле же на Волге» [60, с. 380–381]. В более позднем, общерусском Софийском своде это сообщение обросло подробностями и уточнениями: «Тое же зимы в Великое говение новгородци послаша за Волокъ приставовъ Федора Тимофеевича посадника, Юрья Дмитриевича и иных молодых детеи боярьских и людеи молодых братии то серебро на заволочанех» [62, ст.489]. Из уточнений видно, что дело происходило уже в начале 1387 года. Посадник руководившей экспедицией по московскому обычаю назван «приставом», а к «детям боярским» добавлены ещё «люди молодые». В числе руководителей вместо Тимофея Юрьевича указан Юрий Дмитриевич. Видна работа редактора, который творчески переработал первоначальный текст, подгоняя его уже под «московский» (общерусский) стандарт. Чем вызвана замена одного лица другим? Возможно, это станет ясно из новгородского известия, под 1398 годом, где тоже упомянуты новгородские «дети боярские». «И биша чолом посадникъ Тимофеи Юрьевич, посадникъ Юрьи Дмитриевич, Василии Борисович и бояри и дети боярьскыи и житьи

люди и купечкыи дети, и вси ихъ вои: «благослови, господине отче владыко, поискати святеи Софеи пригородовъ и волостей: или паки изнаидем свою отчину къ святеи Софеи и к Великому Новгороду, паки ли свои головы положимъ за святую Софею и за своего господина за великыи Новъгород» [60, с.391].

В Софийском своде последствия челобитья описаны следующим образом: «В лето 6906. Ходиша новгородци за Волокъ ратью, воевода посадникъ Тимофеи Юрьевич, Юрьи Дмитриевич, Василии Синец, а рати с ними 3000» [62, ст.514]. Второй текст сокращен и отредактирован, подробности из первого сокращены. Из воевод чин посадника оставлен только у Тимофея Юрьевича. Первоначальный же текст даёт намного больше информации по составу новгородского войска. Буквально расписывает все его составные части и их внутреннюю иерархию. На первом месте – бояре. Следом их «вассалы» – «дети боярские». Далее – сельские землевладельцы «житыи люди», на Москве их впоследствии именовали «жильцами». «Клиенты» торговцев – «купеческие дети», в самом конце обычные ратники «все ихъ вои». Но можно ли распространять такую схему на всю Русь? По-видимому, нет, так как в московских документах эти термины, кроме бояр и воев, появляются намного позже. Вполне вероятно, что в общерусский словарь термины перекочевали из новгородского лексикона.

Возвращаясь к актам московских князей, следует отметить, что в них люди несущее службу до 1433 года именовались «бояре» и «слуги». Относительно «слуг» есть указание, за что именно они служили: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Борису Ворькову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимъ, не иметь ли служити детемъ моимъ, село отоимут» [21, с.10]. Данное свидетельство считается первым примером «поместной службы». Кроме того служить могли за «кормление»: «А вольнымъ слугамъ воля, кто в кормленьи бывал и в доводе при нашемъ отци и при нас» [21, с.12]. Бояре тоже служили князьям за «кормление»: «А которыи бояринъ поедеть ис корьмленьи отъ тебе ли ко мне, от мене ли к тебе, а службы не отъслуживъ, тому дати корьмленные по исправе, а любо служба отъслужити ему» [21, с.21]. «Кормление» представляло собой временное держание города, волости, части дохода («пути») с которых человек получал содержание – «корм». Формуляр данной формы «оплаты» сводился к следующему: «А вы, бояре, и слуги, и все люди тое волости, чтите его и слушайте, а он вас блюдет и ходит по старой пошине, как было преж сего» [2, с.16, 104, 107, 108, 145 и пр.]. Наличие бояр и слуг в составе войск подтверждается и летописями, например: «Въ лето 6785... Князь же Ростовский Глебъ Васильковичъ съ братаничемъ своимъ съ княземъ Костянтиномъ, князь Феодоръ Ростиславичъ, князь Андреи Александровичъ и инии князи мнози съ бояры и слугами поехаша на воину съ царемъ Менгугемеромъ...» [66, с.75].

Как видим, совпадения языка летописей и деловой документации есть, но различий много больше. В летописных известиях за XIII и XIV века, постоянно упоминается о «ратях» и «воеводах», а в договорах князей воеводы первый раз фигурируют только во второй половине XIV века. Термин «воеводы» появляется в первом договоре великого князя Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата удельного князя Владимира Андреевича [21, с.21]. О «ратях» упоминается ещё позже, в последнем договоре тех же князей [21, с.32]. В тоже время множество терминов встречающихся в деловой документации, таких как «численные люди», «делюи», «ордынцы», «дефтеръ», полностью отсутствуют в летописных известиях того периода. Все термины, связанные с «ордынским игом» в летописных текстах опущены или заменены. Поэтому необходимо коснуться вопроса, в чем именно заключалось «иго». Главным, несомненно, была уплата дани.

Как известно, после завоевания, на русских землях провели перепись. «В год гой-чоу (1253) было внесение в реестр числа дворов и совершеннолетних тяглых у русских и алан» [24, с.208]. По-видимому, в 1253 году было только принято решение о проведении переписи, так как в русских летописях само событие отмечено 1257 годом: «Тое же зимы приехаша численици исчетоша всю землю Сужальскую и Рязаньскую, и Мюротьскую и ставиша десятники, и сотники, и тысящники и темники, и идоша Ворду, толико не чтоша игуменовъ, черньцовъ, поповъ, крилошанъ, кто зрить на святую Богородицу и на владыку» [58, ст.474–475]. Это сообщение подтверждают и китайские документы: «...года дин-сы... в девятой луне (8 октября – 7 ноября 1257) [Менгу] сделал Китая, сына зятя каана Лачина, даругачи по умиротворению и охране порядка у русских...» [24, с.195]. Известен нам и размер дани, которая собиралась с русских земель: «6783 (1275) Князь великий Василей поиде в Орду к хану. Егда прииде князь великий в Орду и принесе дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша 2 мужи работных» [82, с.51].

Результаты переписи видны в актовых документах более позднего времени. В духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты, датированной 1339 годом упомянуты «численные люди», про которых сказано: «А численные люди ведают сынове мои собча, а блюдутъ вси с одного» [21, с.8, 10]. «Численные люди», по всей видимости, и есть те самые «совершеннолетние тяглые» с которых брались дани-подати для ханов. Упоминание о них в духовной грамоте московского князя подтверждает то, что на момент правления великого князя Ивана Калиты право сбора этих податей уже перешло в его руки. Владимирские великие князья сами стали баскаками – даругами. Однако князь имел над ними только «административную власть», он ими только «ведаль и блюде», то есть собирал с них налоги «по старой пошине», судил, следил за порядком, но не более того. За свою «службу» даруги получали доход: «Изъ старины Одоевскихъ городовъ князи, по старине къ намъ, что давали ясаку тысячу алтынъ, а дарагамъ другую тысячу алтынъ давали» [79, с.269]. Для сбора дани баскакам необходимы были люди. На содержание этих людей и шла та часть дани, что полагалась баскакам. Как формировались эти отряды видно из летописного рассказа о баскаке Ахмате. Подробный разбор повести проведен В.А. Кучкиным [43]. Нас в данном случае интересует состав воинских отрядов баскаков. Они набирались из местных жителей, которых баскаки, переманивали от князей и селили в специальные слободы. Такие действия вызывали недовольство местных правителей и приводили к конфликтам. «В лето 6792. Два бесурменина ис свободы в другую свободу, а Руси с нима боле 30 человекъ, слышав же Липовичьский князь Святославъ, здумавъ с своею дружиною безъ Олговы думы достерегъся на пути разбои створи, саме 2 братеника бесурменина та оутекла, а Руси избилъ 25 и 2 бесурменина...» [58, ст.481–482]. Из цитаты видно, что основная часть отряда «более 30» русские, а татар 4, скорее всего, десятники. Из отрывка также видно, что наличие «чужих» баскаков приводило к эксцессам. В Северо-Восточной Руси вопрос был решен ещё великим князем Александром Ярославичем Невским – там князь сам собирал дань и исполнял роль баскака. Вначале великих князей контролировали «великие баскаки» [60, с.319] из Золотой Орды, но со временем перестали. Однако воинские отряды для сбора дани сохранились, но подчинялись великому князю, так как он исполнял должность великого баскака.

Подтвердить, или опровергнуть предположение о превращении князей в баскаков – даруг на подконтрольной им территории могли бы ярлыки ханов им выдаваемые. Но, к сожалению, до нас не дошло, ни одного. Хотя, ещё в конце XVI века они значатся в «Описи Царского Архива»: «Ящикъ 148. А въ немъ дефтери старые отъ Батья и отъ иныхъ царей, переводу имъ нетъ; никто перевести не умеетъ» [3, с.345]. Сохранились только ярлыки и проезжие грамоты ханов, выданные митрополитам и духовенству [16]. А.П. Григорьев, исследуя золотоордынские ярлыки русскому духовенству и всевозможным европейским представителям [17], вывел формуляр ханских посланий. На примере ярлыка хана Бердибека митрополиту Алексию от 21 ноября 1357 года, он звучал так: «Ярлык к совершенному постижению всех подданных Монгольского государства: войсковых князей тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков, даруг-князей тюменов и городов, служащих государственной канцелярии, таможенников и весовщиков, проезжающих посланцев – сокольников, звериных ловцов, караульщиков, заставщиков и лодейщиков» [16, с.114].

В прочих ярлыках, перечень должностных лиц к коим обращено послание сохраняется, меняется только имя беглербека (в данном случае – Могулбуги). Из формуляра видно, что в Золотой Орде военная власть отделялась от гражданской администрации. Военачальники – «ратные князья», отделялись от «волостных дорог и князей» [16, с.92–94]. «Ратные князья» – тысячники, сотники, десятники подчинялись непосредственно главнокомандующему – беглербеку. Также и «ратные» тумены не были идентичны туменам «улусным». Одни были войсковыми соединениями, другие – территориальными объединениями, созданными для сборов налогов. Хотя располагались «рати» на территории «улусов». Это правило соблюдалось не только для русских земель, но распространялось на все владения Улуса Джучи.

Здесь мы сталкиваемся со вторым основным компонентом «ига» – к налогу «кровью», т.е. к воинской повинности. Наряду с «численными людьми» в русских документах упоминаются «ордынцы и делюи». Впервые в договоре датированном 1367 годом: «А что наши ордынцы и делюи, а темъ знати свои служба, како было при нашихъ о(т)цехъ» [21, с.20]. Некоторые исследователи склонны объединять «ордынцев» с «численными людьми», но думаю это не так. В том же договоре есть и такие строки: «А которые слуги потягли къ дворьскому, а черныи люди к сотникомъ, тыхъ ны въ службу не приимати, но блюсти ны ихъ ихъ [так в рукописи] с одного. Тако же и чис-

леньхъ людий» [21, с.20]. То есть «численных» уместнее отнести к «черным людям», иначе к «тягловым». А «ордынцы и делюи» предназначались для иных целей – «знали свои службы». Какими были эти службы? В этом вопросе единого мнения нет. На сегодняшний день господствует взгляд, выраженный А.А. Горским, что это: «Штат обслуживания ордынских интересов на Руси – «численные люди», «ордынцы», «делюи» [13, с.193]. Но какие «интересы» все они «обслуживали»? То, что: «Делюями должны были называться отличающиеся своей военной отвагой люди», прекрасно показали И.Г. Добродомов и В.А.Кучкин [18, с.98]. Постараемся несколько расширить и дополнить их предположения. Вопрос с «делюями» авторы разобрали досконально. Только вывод, сделанный ими: «следует думать, что, скорее всего, делюями именовали военную охрану, сопровождавшую доставляемую ордынским ханам дань с русских земель» [18, с.98], кажется не совсем полным. Во всех договорах и духовных, где упоминаются «службы» делюев, в период с 1367 по 1472 годы, рядом с ними всегда фигурируют и ордынцы [21, с.20, 23, 31, 37, 130, 133, 136, 139, 170, 173, 181, 184, 215]. Резонно предположить об одинаковом характере службы обеих категорий, а именно воинской. Соответственно, необходимо выяснить: в чем их отличия? Для этого необходимо обратиться к военному устройству собственно Монгольского Государства и его составной части Улуса Джучи.

Всё государство было милитаризовано, для этого от Китая до Руси и производились переписи. Данный момент прослеживается в различных документах. Было одинаково и в Китае: «От каждого десятка [семей] в войска записывается один человек, такой, что находится [своими годами] в пределах – от 20 и старше, и до 30 лет включительно; после чего устанавливаются [им] начальники десятков, сотен и тысяч» [24, с.212]. И в Грузии: «И стали переписывать от людей до скотины, от нив до виноградников, от садов до огородов. И из девяти зажиточных крестьян одного отбирали для военных походов» [4, с.77]. Таким образом, создавались, так называемые «военные дворы». Как известно, на покоренных монголами территориях существовало два вида «военных дворов»: «регулярный» – «чжень-цзюнь» и «вспомогательный» – «те-цзюньху». Первые поставляли воинов, согласно реестру, вторые их обеспечивали материально и обслуживали [24, с.284–285]. «Регулярные военные дворы» зафиксированы у аланов, где несколько позднее 1272 года с них было набрано 3000 воинов, из коих 700 было отправлено в Китай в качестве «резерва» (гечжигеле ул) в «гвардию» (войска кешиктенов) Великого Хана. Позднее они получили там земли и образовали «гвардию асов». В 1309 году их поделили на «правую» (ю-вэй асу дучжихуйши сы) и «левую» [24, с.215]. Примерно в тоже время, «в период Чжи-юань» (1264–1294 гг.) была учреждена «гвардия кипчаков», первоначально она набиралась с 19 «действовавших в войсках тысячничеств» (син-цзюнь цяньхусо), для них создали 3 «конторы военных поселений» (тунь-тяньсо). «В период Да-дэ» (1297–1307 гг.) дополнительно создали два «тысячничества» (цяньхусо), а в «в начальном году [девиза] Чжи-да» (1308) ещё четыре [24, с.215–216]. «В двенадцатой луне начального года [девиза] Тянь-ли (1–30 января 1329 г.)» в империи Юань провели очередную реформу преобразовав «кешик» в «Личную гвардию особы императора» (лун-и шивэй). Это образование включало в себя 9 «управлений (сы) командующих её полками» набранными из всех народов. Наряду с «охранным полком из гвардии асов «Грозновоинственные», там присутствовал и «русский охранный полк из гвардии свиты императора «Всюду верные» [24, с.216]. Основываясь на данных Марко Поло про «кешик»: «Великий хан, знайте, ради важности, держит около себя охрану из двенадцати тысяч всадников; зовут этих всадников *quesitam*» [29, с.110], можно с уверенностью сказать, что пришедшие на смену 9 «охранных полков» насчитывали по 1500 всадников каждый. У русского полка имелось своё военное поселение: «Двенадцатая луна (9 января – 7 февраля 1331 г.) Военному поселению русского охранного полка из гвардии свиты императора «Всюду верные» выданы крупный рогатый скот, семена и сельскохозяйственный инвентарь» [24, с.206]. Имеются ещё упоминания об этих воинах под 1332 годом: «Были выданы для 1000 человек русских одежда и зерно»; и «Чжуван Аргашир преподнес двору 30 человек русских» [24, с.206]. По-видимому, это последние пополнения пришедшее с Руси.

Наличие в юаньской гвардии полка из русских подразумевает и существование «военных дворов» на территории Руси. Утверждение Р.Ю. Почекаева: «...эту гвардию составляли не войска русских вассальных правителей Золотой Орды, а пленники, захваченные во время ордынских набегов на Русь и впоследствии «подаренные» ханом Узбеком своему китайскому родственнику и сюзерену» [56, с.37] можно принять только отчасти. Пленники, конечно, могли присутствовать, но существование подобных частей укомплектованных только пленниками маловероятно. В та-

ком случае можно и воинов кыпчакской и аланской гвардий записать в «пленники, захваченные во время набегов», а это, как мы убедились совсем не так. Но в том, что данные воины не входили в «войска русских вассальных правителей» Почекаев прав. До 1390 года для «вассальных правителей» Северо-Восточной Руси, относительно таких воинов действовал принцип: «а нам их не приимати» и «темь знати свои служба».

К сожалению, прямых указаний в источниках нет, но формироваться русский полк мог только по схеме, что и гвардия асов. Так как известный уже нам Китай сын Лачина был назначен даругачи в земли «русских и алан» и под его руководством проводилась перепись («число» – в русских источниках). Под «вспомогательные дворы» вполне подходят «численные люди». А кто состоял в «регулярных военных дворах»? В трактате «Войска» сказано: «Их [т.е. войск империи] организация [такова]: мужчины в семье, старше 15 и меньше 70 [лет], все сколько ни есть – зарегистрированы в призывном реестре как воины. Десять человек составляют десяток, [им] ставят десятника. [Когда они] на коне – готовы сражаться, а когда без коней – то собираются, чтобы пасты и выращивать скот. Ребята, которые ещё не взрослые, всё равно вписываются в этот реестр и называются «корпус подрастающих» [24, с.211–212]. Описание поразительно напоминает документы известные в Московском государстве со второй половины XVI века под названием «Десятни». Само происхождение названия до сих пор вразумительно не объяснено. Но содержание полностью соответствует монгольскому «реестру». Туда вносились все «служилые» – то есть люди «воинского сословия» обязанные служить великому государю «конно, людно и оружно». Даже «корпусу подрастающих» есть русский аналог – «новики». Такой тип документа не мог возникнуть на пустом месте и скорее всего, «десятни» и как производная от них «списки по полкам» существовали намного раньше. Они тесно связаны с так называемыми «Разрядными Книгами». А существование разрядных книг «великого князя Василия Дмитриевича и великого князя Василия Васильевича», «великого князя Дмитрея Юрьевича Шемяки», «великого князя Василия Володимировича и великого князя Константина Дмитриевича» упоминается в документах [47, с.436–437]. Заглядывая ещё глубже в историю, можно убедиться, что воинское сословие существовало на Руси и до монгольского нашествия. Из летописей известны «полки», называемые по имени земель, где они проживали: владимирцы, ростовцы, болозерцы, суждальцы и другие. Они отличались от княжских дружин, состояли из «воев» и находились под командой «воевод». Скорее всего, такое устройство было заимствовано из Византии и копировало «фемную систему», где на территории каждой «земли» – «фемы» существовали воинские поселения, в которых жили «вои» – «стратиоты». Их социально-правовой статус изучен слабо и требует дальнейшего исследования.

Если данное предположение, верно, то после установления власти монголо-татар на Руси произошёл процесс описанный Ибн Фадлаллахом ал-Омари в Хорезме: «Когда это государство, после царей Харезмских перешло к Чингизханидам, то у войск Харезмских остались прежние отведенные им земли; все, что находилось в руках их отцов, теперь остается в руках их сыновей. У эмиров, говорит он, свои земли, которые иному приносят в год 200000 динаров и менее до 100000 динаров ходячих. Что касается ратников, то ни одному из них не платится иначе, как серебром высшей доброты. Все они равны между собой и получают в год каждый по 200 динаров ходячих. Костюм их был как костюм войск египетских и сирийских при мусульманском правлении и в ближайшем к нему времени. Теперь же у них костюм татарский, за исключением того, что у них маленькие круглые чалмы» [23, с.110]. Любопытно, что более поздний египетский летописец Шихаб ад-Дин ал-Калкашанди почти дословно повторил эти строки. При своём описании «части второй государства Туран – [государстве] Хорезм (Хуварезм) и кипчак (ал-Кабджак)», одной из составляющей которого являлся «Округ десятый – страна Рус» [11, с.300]. Для восточных интеллектуалов не существовало разницы воинского устройства составных частей Золотой Орды, будь то Хорезм, Дешт – и Кипчак, страна Хазар, Крым, край Азова, страна Черкес, страна Булгар, страна Улак, страна Ас, или страна Рус.

Если посмотреть непосредственно на Русь, то видно, что в отношении владетельных князей эта установка была выполнена. Княжеские владения остались в их руках и руках потомков. Правоммерно предположить аналогичные действия в отношении бояр и воев – русского аналога военного сословия. Следует отметить, что бояре XIII века были очень многочисленны и сильно отличались от того во что превратились бояре XVI–XVII веков. По сохранившимся документам, только в Рязанском княжестве бояр было несколько сотен. В жалованной грамоте великого князя рязанского Олега Ивановича, описана закладка монастыря Святой Богородицы на Ольгове, в начале

XIII века. В события принимали участие: «[праде]ди наши... князь велики Инъгвар, кн[язь] Олег, князь Юрьи, а с ними бояр 300, а мужии 600...» [2, с.351]. Большое количество бояр имелось в Новгороде и остальных княжествах. Именно они и стали опорой новой власти.

По сведениям восточных хронистов, собственно монголов, в улусе Джучи было мало. Рашид ад-Дин пишет о четырех «тысячах» отданных Джучи Чингисханом и «тумане» племени кият бывшим у хана Токты. Однако, в целом, войско было намного многочисленнее: «В настоящее время большая часть войск Токтая и Бояна есть потомство этих четырех тысяч, а что прибавилось за последнее время, то – из войск русских, черкесских, кипчакских, маджарских и прочих, которые присоединились к ним» [23, с.405]. Как видим, русских, почтенный визирь Газан-хана ставит на первое место в воинстве Золотой Орды. Египетские ученые мужи отдают приоритет кипчакам. Ибн Фадлаллах ал-Омари пишет: «У султана этого государства рати Черкесов, Русских и Ясов» [23, с.105], но отмечает, что: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами» [23, с.103]. Разница в оценках объясняется просто. Для историков государства Хулагуидов, Золотая Орда была противником, и для придания образу врага большей ужасности необходимо было подчеркнуть, что воинство его состоит из иноверцев. Действительно, разве могли единоверцы совершать такое: «Восемь суток 100 000 человек немилосердных неверных, вторгнувшись в этот город, убивали, грабили, никому не оказывали сострадания и милосердия. Женщины и мужчины, босые и голые, да младенцы сидели у дорог, улиц и кварталов, посреди снега и льда. Неверные приходили, осматривали и уводили всех молодых красивых женщин, девиц и юношей. Они брали также некоторых других, отводили их в дома их и подвергали их тяжелым пыткам» [23, с.280]. Проще было объяснить всё превратностями судьбы и кознями «неверных»: «В конце концов, войско кафириков обманом, уловкой, силой и славой одержало победу» [85, с.241]. Перед хронистами Египта, союзника Золотой Орды, задача стояла противоположная. Необходимо было подчеркнуть родственные корни мамлюков и кипчаков: «Тюрки этих стран, из лучших родов Тюркских по своей добросовестности, храбрости, избеганию обмана, совершенству своих станом, красоте фигур и благородству своих характеров. Из них большая часть войска Египетского, ибо от них султаны и эмиры его» [23, с.105]. Обе точки зрения неверны, но сопоставив их можно представить действительную картину. Из сохранившихся известий видно, что русские воинские контингенты довольно активно участвовали в ордынских войнах, как внешних, так и внутренних. Достаточно отметить, что первого «возмутителя спокойствия» в Улусе Джучи, всесильного тёмника Ногаю убил именно русский. В арабской энциклопедии ан-Нувейри об этом сказано: «...Ногай был разбит во время заката солнца; сыновья и войско его обратились в бегство. Сам же он оставался на коне своем, а он был уже в преклонных летах и глаза его прикрывались волосами бровей его. Настиг его Русский из войска Токты и хотел убить его. Он сообщил ему о своей личности и сказал: «Я Ногай, отведи меня к Токте; мне нужно поговорить с ним». Но Русский не внял его словам, убил его, отнес голову к царю Токте и сказал: «Вот голова Ногай» [23, с.78]. Из кого состояло войско Токты тоже описано: «Это сказал Номан, те, которые вошли в счет и смету, сверх набора и добровольцев. Каждый всадник, говорил он, взял с собой двух слуг, тридцать голов овец, пять голов коней, два медных котла и телегу для перевозки оружия» [23, с.109]. Русский, пленивший и убивший Ногаю, был всадником, иначе не мог бы его догнать. Он не был рабом или слугой, такого не пустили бы к хану. Но не был и князем, в противном случае, его подвиг попал бы на страницы русских летописей. Он был обычным ратником, боярином, по западной терминологии – рыцарем, и судя по предъявляемым требованиям не бедным.

К огромному сожалению, русские источники об участии русских воинов в ордынских походах молчат. Исключение составляет Ипатьевская летопись, в которой подробно описаны походы великого князя галицко-волинского Даниила Романовича и его сыновей против Польши и Литвы. В большинстве случаев, по словам летописца, инициаторами выступали именно русские князья, а татары оказывали помощь. Там же есть описание войска великого князя Даниила Романовича, относящиеся к 1252 году, вооруженного по татарскому образцу: «Данила же приде к нему, исполни вся люди свое. Немцы же дивящееся ороужью Татарскому бяша бо кони в личинахъ, и в коярехъ кожанныхъ, и людье во ярыцех, и бе полковъ его светлость велика от ороужья блистающися, сам же еха подле короля, по обычаю Роускоу бе бо конь под нимъ дивлению подобень, и

седло от золота, жьжена, и стрелы и сабля златомь оукрашена» [59, ст.814]. Многословие летописца, в этих случаях, можно объяснить только участием в походе князей галицко-волинского дома.

В северо-восточных русских летописях отмечен поход 1269 года, когда с русскими князьями действует великий баскак: «Того же лета (6777), на зиму князь Ярослав, с новгородци сдумавъ, посла Святослава на Низовьскую землю плъков копить, и совокупи всю князью и полку бещисла, и приведе в Новьгород; и ту бяше баскакъ великийи володимирьскийи, именовъ Амраганъ, и хотеша ити къ Колываню» [60, с.319]. И поход русских князей в помощь хану в 1277–1278 годах: «Князь же Ростовский Глебъ Васильковичъ съ братаничемъ своимъ съ княземъ Костянтиномъ, князь Феодоръ Ростиславичъ, князь Андреи Александровичъ и инии князи мнози съ бояры и слугами поехаша на воину съ царемъ Менгутемеромъ, и поможе Богъ княземъ Русскимъ, взяша славныи градъ Ясьский Дедаковъ, зиме месяца Февраля в 8, на память святого пророка Захарии, и полонь и корысть велику взяша, и супротивныхъ без числа оружиемъ избиша, а градъ их огнемъ пожгоша» [66, с.75]. Кроме того было множество внутренних конфликтов с участием татар. К примеру, такой: «Въ лето 6823 прииде великийи князь Михаилъ изъ Орды, а съ нимъ Татарове силни и идее к Торжку с Татары и съ князи Суждалскими и бишася съ Новгородци оу Торжку февраля 10 и победи великийи князь Новгородци и оубиша Новгородцевъ боле тысуци и пожже пригородъ» [65, ст.36].

В тоже время имеются сообщения, когда походы осуществляются без участия князей. Например, во время войны Золотой Орды с Литвой в 1358 году: «Въ лето 6866... Волотьская рать да Можайская взяли Ржевоу, а Литвою выслали вонъ» [65, ст.66–67]. Нет ни имен князей, ни имен воевод осуществивших данное предприятие. Нет указаний, по чьему приказу оно свершилось. Резонно предположить, что эти «рати» состояли из «ордынцев» – русских служилых людей подчинявшихся беглербеку Золотой Орды. Командовали ими те самые «кратные князья» – воеводы. Действовали они по приказу, полученному из Золотой Орды. Летописцев их имена не интересовали, так как они не принадлежали к княжеским родам, да они их могли и не знать. Восстановить имена участников можно только по «памятям» составленным потомками этих воевод много позже. По семейным легендам и преданиям, в которых много неточностей и украшательств.

Относительно «Волотской рати» можно провести некоторое исследование. В одном из поздних списков Новгородской 4-й летописи имеется сведения о некоем Родионе Несторовиче. Данный список был создан по заказу представителя семейства Квашниных во второй трети XV века и включал в себя сведения о представителях рода заказчика [52, с.354–358]. Там говорится: «В лето 6840... По званию великого князя Ивана Даниловича прииде к нему некто от киевских благоплеменных вельмож служить Родион Нестерович, а с ним сынъ его Иван, и с нимъ же княжата и дети боярские, и двора его до тысячи и до семисотъ. Князь же великии прият его с радостью, и дасть ему на Москве боярство, и устави ему надо всеми болшинство, и дасть ему в вотчину пол Волока Ламского» [73, с.110–111]. Эти же сведения присутствуют в родословной Квашниных и служат им козырем в местнических спорах. Правда, в ранних родословцах сказано: «Из Литвы пришел Нестер. А Нестеров сын Родион. А у Родиона сын Иван Квашня» [54, с.103]. В частных родословцах названо прозвище Нестора – «Рябець» [47, с.384]. Данное лицо можно найти в Ипатьевской летописи среди воевод князя Льва Даниловича в походе на Литву в 1282 году: «Въ лето 6790... Левъ посла со своею ратью Тюима и Василка Белжянина и Рябця» [59, ст.889]. Далее в списке Дубровского повествуется о подвигах Родиона Несторовича на службе у великого князя Ивана Калиты и о его победе под Переяславлем. Когда: «В лето 6845... Подведе рать многу Онкиф на великого князя Ивана Даниловича под Переяславль и осади великого князя во граде...» [73, с.111–112]. Однако, несколько ранее, в этом же списке, в статье «в лето 6812» говорится: «Бои бысть князю Ивану пред Переяславлемъ з боярином своимъ Анкифомъ, Анкифа уби, а дети его убегоша с тверской ратью во Тверь» [73, с.104]. Несмотря на разность написания имени главного неприятеля (это – Акинф Гаврилович Великий – сын знаменитого Гаврилы Алексевиича), сразу видно, что оба раза говорится об одно и том же случае, описанном под разными годами. Про это несоответствие писали и Н. П. Лихачев, и С. Б. Веселовский [9, с.263–266], и А.А. Горский [13, с.35–41]. Не вдаваясь в подробности их доводов, следует отметить, что наиболее вероятно прибытие волинского боярина Нестора Рябца в северо-восточную Русь с 1299 по 1301 годы, а сражение произошло в 1305. Переселение боярина, со всей своей челядью почти в 1700 человек, событие неординарное. Добровольное или принудительное, но оно должно было происходить по

указанию или разрешению высшей власти. А таковой тогда была власть хана Золотой Орды Токты, одолевшего в междоусобице Ногая.

Переселения воинов в Монгольском Государстве имело широкое распространение, мы в этом убедились на примере юаньской гвардии. Практиковалось это и в Улусе Джучи. Возникновение будущего «казачества» связано, скорее всего, с этим. Но такое предположение, высказанное в своё время А. А. Гордеевым, требует корректировки. Некоторых, его во многом интересные мысли привели к полному отождествлению Александра Невского с Бату, а Дмитрия Донского с Токтамышем, да и Золотая Орда, по их мнению, и есть Московское Царство. Однако, это не так. Гордеев прав в оценке переселенческой политики ханов Улуса Джучи: «Часть народа, предназначенная для пополнения вооруженных сил монгол, селилась на указанных им землях, обзаводилась семьями и превращалась в военные поселения. Ближайшими начальниками их становились урядники, сотники и бояре русской национальности, тысячниками, темниками и баскаками – становились монголы» [12, с.35]. Прав он отчасти в оценке роли выведенцев с русских земель в войске Золотой Орды. Но его чрезмерное увлечение преувеличением значимости именно «казачьего сословия» приводит к неправильным выводам. В первую очередь переселялись не только русские, но как мы убедились и другие народы. Из аланов-асов в Золотой Орде, в Приднестровье образовали целый тумен [23, с.64]. Да и казаков обитавших на территории современной Украины не зря в XV–XVII веках называли «черкасами» также как и жителей Северного Кавказа. Ещё следует отметить, что деление людей в то время строилось не по «национальному» признаку. Во-первых, учитывался «служебный» статус, т.е. какому господину люди служили. Во-вторых «конфессиональный», но первый превалировал. Относительно людей живших в XIV веке в верховьях Дона, на территории Золотой Орды, можно судить по посланиям митрополитов Феогноста и Алексея. Они начинались словами: «Благословление Феогноста, митрополита всея Руси, к детям моим, к баскаком и сотником, и к игуменом и попом, и ко всем крестьяном Червленого Яру, и ко всем городом, по Великою Ворону» [2, с.341] или «Благословенье Алексия, митрополита всея Руси, к всем крестьяном, обретающимся в пределе Червленого Яру и по караулам возле Хопор, по Дону попом и дяконом, и к баскаком, и к сотником, и к бояром» [2, с.343]. То есть, люди эти находились под юрисдикцией Золотой Орды, служили хану, но если их «национальный состав» и может вызывать вопросы, то конфессиональная принадлежность несомненна. Именно для них и была образована в 1261 году Сарайская епископия, а вовсе не для рабов наводнивших столицу Золотой Орды.

Одним из эпизодов подобного переселения можно считать и прибытие Нестора Рябца с его людьми. Естественно, никакого «боярства на Москве» он не получил, тогда Москва не играла решающей роли. А вот «икта» – кормление в виде доходов от половины Волока Ламского, от хана Токты, получить мог. Перевод известного воеводы, с опытом борьбы против литвинов на северо-западную границу вполне оправдан. Литовские князья тогда начинали активную экспансию на соседние земли. На протяжении почти 100 лет род Нестора берег этот рубеж. Сведения о смерти его внука – Ивана Квашни в 1390 году, попали в старейшую дошедшую до наших дней летопись, повествующую о тех временах. «Тое же весны въ великое говение преставися рабъ Божии Иванъ Родивоновичъ, нареченыи въ мнишьском чину Игнатии, и положен бысть у святого Спаса въ монастыри, иже на Выходне» [65, с.158]. Такой чести удостоивался не каждый князь. Похоронили Ивана Родионовича в родовом монастыре, расположенном в волости Воиничи на Волоке [87, с.48]. Интересно, что в летописи Иван Родионович не назван «княжьим боярином». Отсутствует это и в первом завещании великого князя Дмитрия Ивановича, которое В. А. Кучкин датирует январем 1372 года [44, с.67]. Там он фигурирует как «послух», но боярство не записано. Правда в тексте имеется лакуна, где может поместиться примерно 8 букв [21, с.25]. Однако первым в списке послухов идет окольный Тимофей Васильевич Вельяминов, а чин «окольный» ниже чина «ближнего боярина». Таким образом, все нижеследующие послухи: Иван Родионович Квашня, Иван Федорович Собака и Федор Андреевич Сибло если и могут считаться на тот момент боярами, то не «княжьими», а «земскими». То есть каждый из них представлял какую-то «землю», которую они «держали», и от лица которой гарантировали исполнение завещания. А «земля», в то время – это люди кои на ней живут и «рать» которая её защищает. Соответственно Иван Родионович представлял «Волотскую рать», которой ранее руководили его отец и дед. В 1305 году, когда состоялось сражение под Переяславлем, эта рать никак не могла подчиняться московским князьям. Номинальная зависимость наступила лишь с получением князем Иваном Даниловичем Калитой ярлыка на великое княжение владимирское, а это окончательно произошло в 1331–32 годах

[13, с.62]. Точно такая дата «начала службы» Родиона Несторовича московскому княжескому дому и обозначена в родословцах и списке Дубровского. Никакой ошибки в датах нет, есть попытка выдать более раннее событие, когда воевода Родион на свой страх и риск, поддержал одного из претендентов на великое княжение за службу уже «законному государю».

Тут следует отметить своеобразный дуализм власти, существовавший на Руси во время её вхождения в состав Золотой Орды. Великий князь владимирский фактически являлся наместником хана. Его баскаком, который собирал дань на территории великого княжества. Назначался великий князь из числа владетельных князей принадлежавших к потомкам первого присягнувшего Бату князя – Ярослава Всеволодовича. В тоже время у каждого князя было своё княжество, с которого он собирал налоги для хана. В своём княжестве, у каждого князя был свой двор, состоявший из его бояр и слуг. В число слуг входили конюхи, псары, бортники, огородники. Они были как вольными, так и холопами. В мирное время обслуживали княжеское хозяйство, в военное составляли дружину – «двор» князя. Название должности не должно вводить в смущение. Ещё до нашествия Батые гарнизоны крепостей на южной границе состояли именно из псарей: «...сь 7 ю городъ пустыхъ Моровиескъ, Любескъ, Оргощъ, Всеволжь, а в нехъ седять псареве же и Половци» [59, ст.500]. В каждом княжестве были свои «черные люди», которые платили подати князю, в отличии от «численных людей» которые платили подати хану. В каждом княжестве стояла рать «ордынцев» – русских воев, которые служили хану. Этой ратью командовал «ратный князь» – боярин, который напрямую подчинялся беглербеку и сам считался ордынским тысячником, сотником или десятником. Формально, такой боярин местному князю не подчинялся и должен был следить за ним, дабы тот не замыслил измены. Сначала так и было, большинство князей казнённых в Орде обвинялись за злоупотребления именно русскими, и казнь совершали обвинители. Но как только князья стали одновременно и баскаками, получив право собирать подати, положение стало меняться. «До Бога высоко, до Царя далеко» – говорит старая пословица. Земельный фонд «ордынцев» был неприкасаем, но с другой стороны и они не имели права покупать земли в княжестве. А семьи росли, наделы мельчали, и вои уже не могли выступать в поход. Лишних людей надо было пристроить. Дети «числяков» крестьяне, были у князей желанными людьми, каждый князь имел много необработанных угодий и рабочие руки всегда требовались. Крестьян пришедших на пустошь освобождали на время от податей, оказывали им помощь. Дети воев и бояр ордынцев тоже могли податься в черные крестьяне, но это было бы потерей «чести», намного «честнее» было пойти в службу князю на правах «вольного слуги», но для получения хорошего места необходимы и хорошие отношения с князем, или приходилось подаваться в соседнее княжество, а то и в далекий Китай. Благо в договорах это оговаривалось. Так боярин ордынец, если хотел пристроить своего младшего сына (старший наследовал должность) к местному князю в князьи бояре, был вынужден поддерживать с ним хорошие отношения. А если князь получал великое княжение (можно сказать «великое кормление») то это открывало и перед боярином ордынцем и перед его воями огромные перспективы. Реликтом такой «ордынской рати» на Руси можно считать вятчан, которые без князей сумели сохранить своё устройство до конца XV века. В грамотах к ним обращались: «...на Вятку и въ всю вятскую землю, воеводамъ земьскимъ Якову Пугвину и Оникею и Юрию Алексеевымъ Мышкина, и всемъ ватаманомъ, и подвойскимъ, и бояромъ, и купцомъ и житымъ людемъ» [76, ст.591].

Возвращаясь к событиям 1305 года надо вспомнить: что тогда произошло? 27 июля 1304 года скончался великий князь владимирский Андрей Александрович. На Руси начались разброд и шатания в вопросе выбора нового великого князя. Часть земских воевод поддерживала тверского претендента – Михаила Ярославича. Их возглавил Акинф Гаврилович Великий бывший, скорее всего, воеводой «владимирской рати» при великом князе Андрее Александровиче. Часть не определилась: «Того же лета бысть вече на Костроме на боярь, на Давида Явидовичя, да на Жребца и на иных; тогда же и Зерня убили Александра» [66, с.86]. Часть встала на сторону московского князя Юрия Даниловича. Поддержка земских воевод обладавших реальной военной силой многое значило для ханов Золотой Орды, ведь и там, престол получал тот, кто мог заручиться поддержкой эмиров – «ратных князей», как их величали на Руси. Пока Михаил Тверской и Юрий Московский в Орде тягались перед ханом Токтой в своих правах на великий стол дипломатическим путем, поддерживающие их воеводы сошлись в смертельной схватке под Переяславлем. Наиболее подробно эта битва описана в списке Дубровского, но там она подверглась редакторской обработке, и принимать описание дословно нельзя, хотя мелкие подробности очень интересны. «Подведе

рать многу Окинф на великого князя Ивана Даниловича под Переяславль и осади великого князя во граде Переяславле, бе бо тогда князь велики со княгинею во граде, а граду малу суццо и не тверду. Окинф же стоя тогда ратью под градомъ 3 дни. Нелзе бяше собрати войско великому князю Ивану, понеже вести из града некуды послати. Тверичи облегоша град. В 4 же день. Приспе тогда Родион Нестерович с войском своим и посла к великому князю от своих домочадецъ, верных ему суццу: Свербея глаголемаго и второго Сарачю, и идоша нощию в град Переяславль вскозе полки тверския и сказаша великому князю, яко Родион приспе на помощь и ста от града за 5 версть, а с ним его дворъ, а иного войска мало присовокупишася, понеже вскоре не бе собратися. Князь же велики, слышав, рад бысть и тое же нощи посла к Родиону единого Сарачю, а Свербея у себе оставя, и повеле Родиону заутро, ополчася, прити ззади на тверичи, а самъ же заутра высла весь свои двор, кои с нимъ обреташася во граде. И поидоша противу себе и сступиша оубо, а Родион тогда приспе ззади на тверичи, и бысть тогда под градомъ сеча зла, яко никогда тако бысть, и поможе Богъ великому князю Ивану, и побиены быша тверичи в конецъ, яко не един от них оубо, а самого Окинфа Родион рукама своимъ уби и главу его отсек, привезе взоткнув на копие к великому князю и рек: «Се, господине, твоего изменника и моего местника глава» [73, с.111–112]. Если отбросить несоответствия, то известие похоже на рассказ очевидца событий. Среди явных анахронизмов следует отметить именование Ивана Даниловича «великим князем». В 1305 году он был лишь братом московского князя Юрия Даниловича. Соответственно и «изменником» по отношению к нему боярин Акинф Гаврилович Великий быть не мог. Однако Акинфа можно было обвинить в измене по отношению к Царю – хану Золотой Орды. Решение по «русскому вопросу» в Сарае ещё не приняли и действия Акинфа были самоуправством. Многие исследователи считают неверным и упоминание о местничестве между Родионом и Акинфом, однако они забывают, что в Золотой Орде местничество играло огромную роль. Каждый эмир-тысячник знал своё место, как в бою, так и на пиру или на совете. Русские воеводы, по сути, были теми же ордынскими эмирами, и у них тоже существовало местничество в этом ряду вельмож «страны Рус». Вполне вероятно, что именно соперничество пришельца Родиона со старожилом Акинфом и подвигло первого на поддержку брата московского князя. Из подробностей следует отметить имена «домочадцев» Родиона – Свербей и Сарача. Имена явно тюркские. Интересно поведение Ивана Даниловича – он не поверил безоглядно в неожиданную помощь, а оставил, для страховки одного из посланцев в заложниках. Подробности о самоличном убиении Акинфа Родионом и водружении отрубленной головы поверженного соперника на копьё ярко характеризует воевод того времени.

Наряду с Родионом Нестеровичем в «легенде Квашниных» фигурирует его соратник – воевода Александр Зерно [73, с.111]. Как мы видели ранее, он был убит на Костроме во время событий 1304–1305 годов. По родословной, Иван Зерно приходился сыном татарскому мурзе Чету, в крещении – Захарию. История рода рассмотрена в исследовании С. Б. Веселовского [9, с.162–71]. Ученый сомневался в достоверности родословной, считая, «что такие ранние выезды из Орды мало правдоподобны» [9, с.163]. Но в дальнейших рассуждениях вовсе не исключал такую возможность. А.А. Зимин не подвергает сомнению приезд мурзы Чета. Он писал: «Родословная память сохранила только предание о выезде предка Годуновых из Орды, когда-то на заре образования Московского княжества и привязало его к имени Ивана Калиты» [22, с.15–17]. Следует отметить, что «ранние выезды» были, чему служат доказательством «Повесть о Петре. Царевиче Ордынском» [77, с.98–105] и жалованная грамота Ивану Шаину «породы ханска и воина добра» [2, с.373]. Фактически, город Кострома с уездом и воинские силы ими выставляемые, в летописях они именуется «Костромская сила» [65, ст.487], находились в распоряжении потомков Чета. Любопытно, но московские князья до великого князя Василия Дмитриевич даже и не поминали Костромские земли в своих духовных грамотах, за исключением тех сел, что они там купили [91, с.269].

Подобные бояре-воеводы имелись в каждом русском городе, и именно они руководили войсками – ратями. Великим князьям воеводы подчинялись только как наместникам получившим ярлык от хана. Родственники Акинфа Великого, убитого под Переяславлем, попадают в сферу влияния московских князей после получения князем Иваном Даниловичем Калитой ярлыка на великое княжение владимирское. Мы видим их в походе на Смоленск, состоявшемся зимой 1339–1340 годов. Этот поход следует рассмотреть более подробно, как пример «татарского похода на запад». Вызван он был противоречиями, возникшими между набравшим силу Литовским Княжеством и Золотой Ордой. 28 октября 1339 года, в Орде были казнены тверской князь Александр Михайлович и его сын Федор. Князь Александр в своём противостоянии с Ордой, длившемся с

1327 года, опираясь на Литву [28, с.116–128]. Хан Узбек решил развить успех и захватить Смоленск, переметнувшийся к литовцам. Ранние московские летописи описали событие следующим образом: «Тоя же зимы выиде изь орды посол именем Товлубии, егоже царь послалъ ратью къ городу къ Смоленску, а с нимъ князь Иванъ Коротопол Рязанский... И отголе поиде ратью ис Переяславля къ городу къ Смоленску, а князь велики Иван Данилович послалъ же свою рать с Товлубьемъ къ Смоленску, по цареву повелению, а отпустил князя Константина Суждальского, князя Константина Ростовского, князя Ивана Ярославича Юрьевского, князя Ивана Дрютскаго, Федора Фоминскаго, а с ними воеводу Александра Ивановича, Феодора Акинфовича. И стояша рать у Смоленска немного днеи, и отступив поиде прочь, а города не взяша; милостию Божию съблюдена бысть рать вся Русская и ничимъ же не врежена бысть» [66, с.92–93]. Интересно то, что основную задачу выполняли именно русские, в то время, как татарский представитель Тоглубей, назван просто «послом». Дело в том что «посол», отличался от «воеводы» или «темника» меньшим количеством воинского контингента находившегося под его командой. По сохранившимся сведениям отряд под командой «посла» мог насчитывать 30, 50, 600, 700 или 1000 человек, но не более того [13, с.52]. В нашем случае, Тоглубей представлял самого хана в походе, а «рать» его составляли местные контингенты. В более позднем известии, относящемся к зимнему походу 1339–40 годов, упомянуты «князь Менгукаш и инии мнози князи съ Татары, ..., и баскаки, и Мордовския князи с Мордвичи» [63, с.211]. Возможно, оно отражает не дошедшее до нас рязанское летописание, изложения которого столь много в Никоновском своде. Рассмотрев эти сообщения критически, становится ясно, что из ставки Золотой Орды Тоглубей выступил с небольшим татарским отрядом сообразно посольскому чину в сопровождении князя Ивана Ивановича Коротопола. По прибытии в Переяславль Рязанский, по дороге был захвачен, а потом казнен пронский князь Александр Михайлович «отъ своего брата» [65, ст.51]. Из Переяславля Рязанского Тоглубей послал «царево слово» вассалам. На его зов прибыли мещерские татары и мордва во главе с эмиром Менгукашем. Русские рати тоже отправились в поход. Но назвав их ратью «князя великого Ивана Даниловича» летописец (или переписчик) лукавил. Суздальский князь Константин Васильевич вряд ли подпадал под юрисдикцию великого князя владимирского, так как имел право самостоятельных сношений с Золотой Ордой и дань со своего княжества собирал сам. Ростовский князь Константин Васильевич владел самостоятельной частью княжества – стороной Борисоглебской. В отличие от купли великого князя Ивана Калиты – Сретенской стороны. В Сретенской части дань собирал великокняжеский наместник, в Борисоглебской – люди князя Константина Васильевича. Он был женат на дочери великого князя Марии Ивановне [46, с.266–269]. Юрьевский князь Иван Ярославович тоже был вполне самостоятельный правитель и земли княжества отошли в великое княжение лишь после его смерти [46, с.143]. Друцкие князья к великому княжеству владимирскому и вовсе не имели никакого отношения. Друцкое княжество находилось западнее Смоленска и участие князя Ивана в походе на стороне Золотой Орды, можно представить только как его борьбу с Литвой посягавшей и на его земли. Позже, Иван Друцкий, уже без княжеского титула упомянут в духовной великого князя Семена Гордого, как бывший владелец села в Дмитрове [21, с.13]. Как он им стал непонятно. Возможно, князь Иван Друцкий княжил в Дмитрове после смерти князя Бориса Давидовича в 1334 г. [65, ст.47], приходясь ему родственником, зятем, например. А может он был «служилым князем» получившим Дмитров в кормление от хана. С князем Федором Фоминским возникают вопросы, какой именно из Федоров участвовал в походе? «Родословие князей Фоминских есть одно из самых невозможных между всеми помещенными в наших родословных книгах, и составляет полнейшее надругательство над историей и хронологией» – писал исследователь этой темы Н.Д. Квашнин-Самарин [26, с.22]. На роль участника похода могут претендовать три сына князя Березуйского Константина Юрьевича: Федор Красный, Федор Слепой, Федор Меньшой и сын его брата князя Юрия Юрьевича Фоминского – Федор Юрьевич, который в летописях именуется Ржевским [26, с.24–25]. Но в нашем случае важно не установление личности, а то, что князь Федор Фоминский назван «князем», т.е. он князь «владетельный» – самостоятельный. Потомки Фоминских и остальных князей впоследствии перешедшие служить московским князьям с княжеским титулом были вынуждены расстаться. Таким образом, на долю войска которым мог распоряжаться великий князь владимирский Иван Данилович Калита остаются только рати воевод Александра Ивановича и Федора Акинфовича. Оба воеводы потомки соратника князя Александра Невского Гаврилы Алексича: «...5. У Гаврилы дечи: Иван Морхиня да Акинф Великий. 6. У Ивана Морхини один сын Александр. У Акинфа Гав-

риловича Великого дети: Иван да бездетный Федор...» [9, с.39]. Воеводы двоюродные братья, в сферу влияния великого князя Ивана Калиты попали после получения последним ярлыка на великое княжество владимирское. И рати ими ведомые собирались на великокняжеских землях, которые на тот момент включали: Владимир с Боголюбовым и Ярополчем, Кострому, Переяславль, Сретенскую половину Ростова, некоторые вологодские волости, великокняжеские части в Торжке и Волоке-Ламском, Нижний Новгород, Городец и Унжу [46, с.141–143]. От «московского» княжеского дома в походе не было никого. Хотя на тот момент дееспособными были и сам великий князь Иван Данилович Калита и все три его сына – Семен, Иван и Андрей. Но их участие в походе не представлялось целесообразным, так как руководил кампанией и олицетворял ханскую власть «посол» Тоглу-бей.

Совершенно другую картину мы видим в другом походе против внешней угрозы. В 1348 году шведский король Магнус Эрикссон совершил нападение на Новгородские владения и захватил город Орешек. Это событие считается «крестовым походом» [89, с.142]. «Слышавъ же князь великий Семень собравъ воя многы и поиде боронити своея отчины» [66, с.96]. В пути у «Ситчина» великого князя настигли «гонци киличей изъ орды», и он вынужден был вернуться «на Москву слышати слова царева и жалованія». Но поход был продолжен: «а в Новъгородъ въ Велики послал брата своего князя Ивана да князя Костянтина Ростовьского да Ивана Акинфовича, а с ним воеводы и рати многы» [65, ст.58–59]. Как видим, в данном случае поход возглавляет сам великий князь. По сохранившемуся ярлыку ханши Тайдулы, князь Семен объявлялся главным в русских землях: «Джанибека повелением, мой, Тайдулы, указ всем русским князьям под началом с Сиmioном» [16, с.48]. Верховная власть была у него, и именно он распоряжался всеми воинскими силами, расположенными на подконтрольной территории. Соответственно он, от лица хана, имел право собрать войска вассалов и «рати». Если сам он руководить войском не мог, то назначал своего ближайшего родственника, в данном случае – брата князя Ивана Ивановича. Таким образом, из сопоставления двух походов видно, что общее командование осуществлял человек имевший полномочия от хана. В смоленском походе командовал Тоглу-бей, а в новгородском – великий князь Симеон. Вассальные князья им подчинялись, командуя своими «дворами». Возможно и «ратями» с подконтрольных им территорий (улусов). А великокняжескую (собственно говоря «царскую») рать вели «воеводы». Вотчины потомков Гаврилы Алексича располагались в основном во владимирских и переяславских землях, и они последовательно подчинялись тому князю, который получал ярлык на великое княжение: городецкому князю Андрею Александровичу, тверскому Михаилу Ярославовичу, возможно суздальскому Александру Васильевичу, московскому Ивану Даниловичу. Именно привязка к земле делала бояр и воев верными слугами того, кто реально мог распоряжаться землей. А это были не местные «улусные князья», даже завещания которых визировались в Сарае, а хан Золотой Орды. Данный принцип действовал не только в Северо-Восточной Руси. Можно вспомнить пункт в договоре литовских князей обосновавшихся на южной Руси с польским королем Казимиром и мазовецкими князьями, заключенный в середине XIV века. Там написано: «...аже поидуть та(та)рове на ляхы, тогда руси неволя поити и с татары» [1, с.1]. Таким образом, хотя землями формально владели представители литовского княжеского дома, воинскую повинность люди там проживавшие несли ханам Золотой Орды. И воля хана имела приоритет над желаниями местных властителей. Интересен эпизод войны 1352 года, когда венгерское войско короля Лайоша Великого пыталось оказать помощь полякам на Волыни и в Подолии. В этой кампании венгров, при отступлении, преследовало войско, состоявшее из «septem millia Tartarorum et duo millia Ruthenorum», то есть из семи тысяч татар и двух тысяч русских, литовцы выступали в роли союзников татар [8, с.27]. События развивались строго в соответствии с заключенным договором.

В первой половине XIV века роль служилого сословия на Руси постоянно повышалась. Это во многом связано с аналогичными процессами, происходившими в Золотой Орде. Там, как уже отмечалось, беглербек являлся вторым лицом в государстве, и все люди воинского сословия подчинялись лично ему, гражданская администрация отделялась. Бояре-воеводы опираясь на рати им подчиненные старались утвердить того князя, который им более подходил, но при наличии сильной централизованной власти последнее слово всегда оставалось за ханом. После смерти великого князя Ивана Даниловича 31 марта 1340 года и хана Узбека зимой 1340–1341 в Золотой Орде случилось междуцарствие. За власть боролись его сыновья Тинибек и Джанибек. Отразилось это и на Руси. Суздальский князь Константин Васильевич «седи въ Новегороде въ Нижнемъ на Го-

родце на княженіи на великомъ» [65, с.54]. Новый московский князь Семен Иванович, ранее пребывавший в Нижнем Новгороде опираясь на поддержку местного боярства, решил оспорить такое положение вещей. «В лето 6851 князь великий Семень Иванович сперся съ княземъ Костянтиномъ Василіевичемъ Суждальскимъ о княженіи Новагорода Нижняго и поидоша во Орду и яшася бояре Новгородский и Городечьский за князя Семена Ивановича, да с нимъ и въ Орду поидоша. И бысть имъ въ Орде судъ крепокъ и достася княженіе Новгородское князю Костянтину и выдоша ему боярь, и приведени быша въ Новьгородъ в хомольстехъ и имене ихъ взя, а самехъ повеле казнити по торгу вода» [65, с.55]. Какой именно хан проводил суд и принял такое решение не совсем понятно. Но оно было направлено на ослабление московского княжества и всего великого княжества владимирского. Фактически оно вновь было разделено на два. Возможно в это же время в помощь князю Константину Васильевичу прибыл «салтанеич Наручацкой орды» Яндуганд Трегуб с отрядом в 1900 человек. «Султанеич» принял крещение и стал Василием, а его сын по прозвищу Молва Иваном. Иван Васильевич Молва был назначен новым нижегородским тысяцким вместо провинившегося Федора Михайловича. Так видятся события при сопоставлении родовой росписи «Молвяниновых и их однородцев Племянниковых» с «родословной росписью Чихачевых, Горсткиных, Линевых, Ершовых, Сомовых, Окуневых». Возможно в качестве «приданного» Трегуб принес с собой город Курмыш с уездом, городок Моркваша и Закудемские волости, чем значительно укрепил новообразованное княжество.

В Москве московская рать – «тысяча» находилась в руках семейства Вельяминовых возводивших свой род к внуку шведского короля Олафа I «знатного варяжского князя» Шимона, в крещении Симона, который приехал в Киев к князю Ярославу Мудрому с трехтысячной дружиной в 1027 году. В изучении истории рода сломано много копий, но из последних исследований следует отметить работы А. А. Молчанова [51] и В. А. Кучкина [32], в них разобраны все предыдущие исследования. Представители этого рода замещали князей во время долговременных поездок в Золотую Орду, и их власть в гражданских делах не уступала власти самих князей. С получением московским домом великого княжения влияние Вельяминовых, как и всех бояр и слуг, входивших в московскую рать, ещё больше усилилась. Интересы княжеской власти и военного сословия в тот момент совпадали полностью. Великий князь Иван Данилович Калита, по-видимому, не делал различия между своим «двором» и московской «ратью». Он всячески укреплял её людьми, это следует из договора великого князя Семёна Ивановича с братьями. К сожалению, договор сохранился в очень плохом состоянии, но там можно прочесть: «А которыи люди по нашим во[ло]стемъ выиманы... намъ к себе [не при]имати. А которы[хъ] люди(и) отецъ наш, князь(ь) великий, выимал... те так и знаютъ свою службу, в которую кто уряжень, а намъ ихъ к собе не приимати» [21, с.12]. То есть как отметил В. А. Кучкин в своём разборе этого договора: «Статья запрещала братьям, на сей раз всем троим, принимать к себе людей, исполнявших различные княжеские службы ещё при их отце, Иване Калите, переведшим их в эти службы из каких-то других социальных групп» [34, с.163]. К сожалению, какие именно службы, должны были исполнять эти люди не указано. Сказано, что «те так и знаютъ свою службу». Возможно, речь идет о создании категории слуг называемых делюями, о которых писалось ранее. Делюи впервые упоминаются в договоре 1367 года, там же сказано, что существовали они уже при отцах договаривающихся князей, то есть при князьях Иване Ивановиче и Андрее Ивановиче. Надо думать и при великом князе Семене Гордом, так как правление великого князя Ивана Ивановича Красного было непродолжительным, а князь Андрей Иванович умер раньше своего брата. Получается, что великий князь Иван Калита подспудно создавал особое войско. Оно должно было подчиняться «великому баскаку владимирскому» коим по совместительству являлся «великий князь владимирский».

Методы, которыми набирались люди, красочно описаны в «Житии Сергея Радонежского»: «... по великого князя велению и посланъ бысть от Москвы на Ростов акы некий воевода единъ от велмож, именем Василий, прозвище Кочева, и с ним Мина. И егда внидоша въ град Ростов, тогда възложиста велику нужю на град да и на вся живушаа в нем, и гонение много умножися». Великий князь Иван Данилович Калита, купив ярлык на Сретенскую сторону Ростовского княжества, преднамеренно разорил её, обосновав свои действия несвоевременной выплатой «ордынско-го выхода», а затем «принял» большое количество ростовских выходцев в своих землях, в Радонеже. Среди них оказался и отец отрока Варфоломея, впоследствии Сергея – Кирилл. В Ростове, Кирилл был «единъ от славных и нарочитых боярь», а в Радонеже, как и прочие, стал обычным «слугой». Переселенцы были не из простых людей: «Георгий, сынъ протопопов, с родом си, Ио-

аннь и Феодоръ, Тормосовъ род, Дюдень, зять его, с родом си, Онисим, дядя его иже последи бысть диаконъ. Онисима же глаголют с Протасиємъ тысяцкым пришедша въ тую же весь». Последнего, препровождал сам московский тысячник Протасий Вельяминов. Но, несмотря на смену социального статуса, выходцы были довольны, так как князь Иван Данилович проявил заботу: «А наместника постави въ ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова, и ослабу обещася такоже велику дати. Ее же ради лготы събращася мнози, якоже и ростовскыя ради нужда и злобы разбегошася мнози» [27, с.304]. Дети бывшего ростовского боярина Кирилла пошли по церковной стезе, а их соседи Тормосовы и Дюденева – по военной.

При великом князе Иване Даниловиче, за счет его злоупотреблений, московское княжество значительно усилилось. Скорее всего, именно этим и вызвано решение об отделении от великого княжения Нижнего Новгорода и Городца. Излишняя централизация власти на Руси пугала Сарай. Но находясь при смерти, великий князь Иван Калита был вынужден разделить свои владения между сыновьями. Львиная доля владений с крупнейшими городами – Можайском и Коломною достались старшему сыну князю Семену Ивановичу, к ним прилагались волости и села, разбросанные по всему княжеству. Среднему сыну, князю Ивану Ивановичу достался Звенигород с волостями, слободами и села по княжеству. Меньшему князю Андрею Ивановичу отец отписал Лопастню и южные волости, пополнив их селами по княжеству. Довольно большой удел достался вдове князя, в него входили волости и села, в том числе и Радонеж. Москву с городскими волостями надлежало поделить поровну между братьями. Контроль над численными людьми следовало вести «собча, а блюду(у)ть вси с единого». То есть они, несмотря на нахождение в разных уделах московского княжества, оставались одним податным подразделением [39]. Завещание было высочайше утверждено в Сарае, о чем свидетельствует прикрепленная к ней серебряная печать с шестиконечной звездой.

Получив в Золотой Орде ярлык на великое княжение, великий князь Семен Иванович продолжил политику отца, направленную на централизацию и сосредоточению всей власти в руках великого князя. Но этому препятствовало завещание отца. Раздел вызвал смятение и разногласия в среде окружавшего княжеский стол боярства. По-видимому, была поделена и ранее единая «московская рать», так как впоследствии встречаются «рати» московская, можайская, коломенская, звенигородская, серпуховская. Возникли вопросы по службе людей служащих одним князьям, но проживавших в уделах других. Всё это усилилось наплывом выходцев из западных и юго-западных княжеств (Смоленского, развалившегося Черниговского и других), вызванного не совсем удачным Смоленским походом и последовавшей за ней войной с Литвой. В целом возникло множество внутренних вопросов, которые требовали решения. Во главе оппозиции встал Алексей Петрович Хвост Босоволков близкий с князем звенигородским Иваном Ивановичем. По-видимому, он стал интриговать против московского тысячника Василия Васильевича Вельяминова.

Великий князь Семен Иванович в истории получил прозвище Гордый, за свою непреклонность в исполнении принятых решений. Он легко нарушал все писанные и не писанные законы. Самым вопиющим случаем стала третья женитьба великого князя. Отослав вторую жену к её отцу, он женился в третий раз, на тверской княжне. Возможно, такое решение было верно в политическом плане, но противоречило церковным правилам. Митрополит Феогност воспротивился «не благослови его и церкви затвори». Но князь обратился напрямую к константинопольскому патриарху Исидору Вухирасу и получил требуемое разрешение [65, ст.57]. Естественно, что нестроения в собственном доме – московском княжении, он стерпеть не смог. Великий князь принудил младших братьев заключить договор упомянутый выше. Договор начинался словами «князь велики Семень Иванович всея Рус(и)» тем самым ставя на место «брат(ь)ею... молодшею». Братии надлежало «брата своего старейшего имети ны и чтити в отцово место». Дружить предписывалось только с друзьями брата, в недругов следовало считать врагами. Правда, о заключении каких-либо соглашений следовало извещать друг друга. Недругов желавших поссорить братьев – «сваживать», надлежало «казнити по исправе». За младшими закреплялись их уделы, но основные отрасли княжеского хозяйства переходили к старшему брату. К ним относились: сокольничий, конюший, ловчий пути. Таможенный сбор – «тамга» делился по-братски. Половина – старшему брату, другая половина – двум младшим. Поровну, на троих поделили княжких бортников и дань медом. Поделили новые села, по-видимому, основанные после написания завещания отца, за князем Семеном закрепили наследство, полученное от тетки Анны, сестры князя Ивана Даниловича. Договорились о неприкосновенности уделов и правилах судопроизводства. В плохо сохранив-

шейся части договора оговаривались отношения с численными людьми, судя по всему, заботу о них взял на себя великий князь, отстранив братьев от этого бремени. Далее шли уже известные нам статьи о людях что «изымал» великий князь Иван Данилович и назначил на какие-то службы. Судя по всему, великий князь Семен Иванович продолжил его политику: «А которые люди по нашим волостемъ выиманы нын[е] в ины[е службы, тех] намъ к себе не приимати». Какие именно службы должны исполнять эти люди, которых не могли принять к себе никто из братьев непонятно. Как и непонятно кому они должны служить? «Богу и Государю»? Но государь тогда – хан Золотой Орды, а его воплощение на Руси – великий князь (баскак) владимирский Семен Иванович Гордый. После решения вопроса с теми, кого принимать на службу не следовало, определили порядок перехода вольных слуг. «А вольным слугам воля, кто в кормлении бывал и в доводе при нашем о(т)ци и при нас». Относительно военных мероприятий фиксировалась норма: «А где ми будет въсести на конь, всести вы со мною. А где ми буд(е)ть самому не всести, а будетъ ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья». Великий князь признавался главным воеводою, и младшие обязаны были действовать по его приказу. Выполнение нормы видно из описанного ранее похода 1348 года в помощь Новгороду. Наиболее интересны последние статьи договора, в которых говорится о неких ущербах и обидах понесенных князьями по вине тысячника и наместников. «А что ся учинить просторожа от мене или от вас, или от моего тыс(я)цького и от наших наместниковъ, исправа ны учинити, а нелюбья не держати». Видимо, заключению договора предшествовала борьба, которой надлежало положить конец. Видную роль в борьбе сыграл тысячник Василий Васильевич Вельяминов, раз на него предписывалось «нелюбья не держати». Как подтверждение всеобщего прощения следовала статья: «А бояромъ и слугамъ вольным воля: кто поедет от нас к тебе, великому князю, или от тебе к нам, нелюбья ны не держати». Казалось бы, она повторяет более раннюю статью, о вольных слугах, но в свете предыдущей, повествующей об учиненных ущербах, смотрится иначе. Как всеобщая амнистия. Не повезло только Алексею Босоволкову: «А что Олексе Петрович вшелъ в коромолу к великому князю, намъ, князю Ивану и князю Андрею, к себе его не приимати, ни его детии, и не надеятися ны его к себе до Олексеева живота, воленъ в нем княз(ь) вел(и)кии, и в его жене, и в его детех». Особое коварство статьи договора заключено в последнем предложении: «А мне, княз(ю) Ивану, что дал княз(ь) вел(и)кии изъ Олексеева живота, того ми Олексею не давати, ни его жене, ни детям, ни инымъ ничимъ не подмогати ихъ» [34, с.140–169]. Князь Иван Иванович противопоставлялся его вернейшему соратнику в политической борьбе. Алексей Босоволков лишился всего имущества и прав в московском и великом княжестве, куда ему оставалось податься? Только в Золотую Орду, в поисках правды, с наветом на неправомысленные действия в его отношении. Такое возможно, лишь если Алексей Петрович принадлежал к «кратным князьям», «ордынским воеводам», казнить которого великий князь (баскак) владимирский просто не имел права. Отстранить от должности мог, хотя и это спорно, а казнить могли только беглербек или хан. Гарантами выполнения условий договора выступали уважаемые люди: «А туто были Петръ архимандрить московский, Филимонъ архимандрить переяславский, Василии Васильевич тысяцкии, Михаило Олександрович, Василии Окатьевич, Она-нья окольнічии, Иван Ми(хаилович)» [34, с.169–171]. Церковь представляли архипастыри московский и переяславский, митрополита в то время не было в Москве. Он отбыл в Юго-Западную Русь для приема возвращенной под его юрисдикцию Галицкой православной митрополии. Это была награда, от патриарха Исидора и императора Иоанна Кантакузина, за согласие на третий брак великого князя Семена Ивановича. От лица «рати» московской выступал тысячник Василий Васильевич Вельяминов. Далее следовал его тесть – Михаил Александрович, принадлежность которого к какой либо фамилии пока установить не удаётся. За ним Василий Окатьевич. Судя по «Окатьевой свободке» упомянутой в завещании великого князя Ивана Даниловича, Окатий, отец Василия устраивал слободу в Звенигороде [9, с.230]. Возможно так же как Протасий Вельяминов и Терентий Ртищев в Радонеже. Скорее всего, Окатьевы имели отношение к Звенигороду и в договоре представляли либо звенигородскую «рать», либо князя Ивана Ивановича. Окольничей Ананий и Иван Михайлович идентификации, на сей день, не поддаются.

Весной 1349 года все три брата отправились в Золотую Орду, где их договор был утвержден: «Того же лета выиде из Орды на русь князь великии Семень съ своею братією и съ пожалованіємъ» [65, ст.59]. Укрепив свою единоличную власть великий князь Семен Иванович стал проводить ещё более активную политику. Летом 1352 года он предпринял грандиозный поход на Смоленск. «Въ лето 6860 князь великии Семень Иванович[ь] собра воя многы и поиде

ратию к Смоленску в силе тяжце и велице, а съ нимъ братія его князь Иванъ да князь Андреи и вси князи с ними» [65, ст.60]. Результатом похода стал возврат под сюзеренитет Золотой Орды Смоленского и Брянских княжеств [13, с.75–76]. Тогда же митрополит Феогност назначил «в свое место на митрополию» Алексия Бяконта, выходца из московского боярства. В Константинополь было послано посольство, с просьбой утвердить назначение. Неизвестно, что ещё мог свершить великий князь Семен, но вмешался рок – эпидемия чумы, которая выкосила в середине XIV века почти половину населения Европы.

Великий князь Семен Иванович Гордый скончался от легочной чумы в возрасте 36 лет 26 апреля 1353 года [42, с.99], прокняжив 12 лет. Несколько ранее, 11 марта того же года скончался митрополит Феогност, затем «на единой неделе» сыновья великого князя – Иван и Семен. Несколько позже «после сорочинъ своего брата» 6 июня умер князь Андрей Иванович [65, ст.62]. Совершеннолетних претендентов на московское княжение, кроме князя Ивана Ивановича не осталось. Летом 1353 года князь Иван Иванович отбывает в Золотую Орду, скорее всего, ещё до смерти брата. У хана князь пробыл до января 1354 и «по Крещеніи выиде из Орды». 25 марта «на Благовещеніе» во Владимире он «седе на великомъ княженіи всея Руси» [65, ст.63]. Невольно возникает вопрос: почему ханы Золотой Орды так благосклонно относились к московскому княжескому дому? Только потому, что они давали большие подарки? Но суздальский князь Константин Васильевич тоже раздавал подарки а той осенью и зимой его поддерживали и новгородцы: «послаша новгородци свои посол Смена Судокова ко цесарю в Орду, прося великого княжения Костянтину князю Суздальскому, и не послуша их цесарь» [60, с.363]. Неужели два крупнейших торговых центра северно-восточной Руси не могли перекупить ярлык? Не верится. Наверное, прав А.П. Григорьев, что: «Одним из результатов поездки Семена, Ивана и Андрея в Орду в 1344 году, скорее всего, было успешное сватовство Ивана на родственнице Джанибека». Да и другое его предположение следует принять на веру: «Можно предположить, что отец трех братьев и дед Дмитрия Иван Калита бывший великим князем владимирским в 1328–1340 гг. и последовательно женатый на Елене (ум. 1332) и Ульяне (ум. ок. 1373), выбирал себе жен также в Орде» [16, с.11–119]. Если государственные дела решались в тесном семейном кругу, то самоуверенность московских князей получает объяснение. Как и то, почему до сих пор не воспроизведены облики сыновей, внуков и правнуков великого князя Ивана Калиты.

За время пребывания князя Ивана Ивановича в Золотой Орде в московском княжестве произошло несколько важных событий. Первым стал ответ из Константинополя. Патриарх с Императором благосклонно приняли предложение о возведении Алексия Бяконта в митрополиты. Ему предложили прибыть в Константинополь на «поставленіе», и «поиде Алексеи владыка въ Царьгородъ на митрополию». Второе событие приключилось крайне неприятное. 22 июня 1353 года рязанский князь Олег захватил московский город Лопасню на Оке. «...а наместника изымаша Михаила Александровича и поведоша его на Рязань и биша его и многы пакости ему сътвориша и потомъ едва выкупили его» [65, ст.63]. Михаил Александрович, как мы помним, был тестем тысячника Василия Васильевича и неудача тестя отразилась на зяте.

Великий князь Иван Иванович вернулся на Москву со своим давнишним приятелем Алексеем Петровичем Босоволковым. Встретив того, скорее всего, у хана. По возвращении во главе московской «рати» ставится новый тысячник – Алексей Петрович. Надо думать, эти перестановки были решены в Сарае, после получения сведений о неполном служебном соответствии Василия Вельяминова. Ведь чин «ордынского тысячника», который «[носил простую] золотую пайцзу» считался наследственным и лишить его мог только хан «если кто-то признавался виновным в преступлении, тогда [наследование должности] отменялось» [24, с.211]. Эта перестановка, возможно, вызвана и тем, что Василий Васильевич в завещании великого князя Семена объявлялся регентом при княгине Марии Александровне. Завещание начиналось словами: «...се яз, худый и грешный рабъ б(о)жии Созонтъ, при своемъ животе, целымъ своимъ умомъ, пишу грамоту д(у)ш(е)вную. Даю ряд своеи княгине. Велель есмь у нее бытии своему дяде Василию» [21, с.13]. Далее весь удел и имущество князя завещалось именно вдове. Такое возможно лишь при живых наследниках мужского пола, но про них в завещании не сказано. Можно предположить из-за несовершеннолетия оных. В.А. Кучкин полагал, что это два старших сына князя от Марии Александровны – Даниил и Михаил [33, с.62]. Их рождение зафиксировано в летописях. Даниил родился 15 декабря 1347 [65, ст.57], Михаил – 7 сентября 1349 [65, ст.59]. А о кончине, как о смерти младших сыновей Ивана и Семена, при жизни отца не говорится. Умиравший князь Семен Иванович, надеялся,

что под присмотром матери и Василия Васильевича сыновья вырастут и займут его место. Но в Золотой Орде решили иначе. Власть обрел князь Иван Иванович. По возвращении он нарушил завещанное братом и забрал его удел себе, скорее всего, и удел младшего брата князя Андрея он тоже прибрал к своим рукам. Там на руках у вдовы княгини Марьи Ивановны тоже осталось два дитяти – Иван и родившийся после смерти отца 15 июля 1353 Владимир [65, ст.63]. Несомненно, новый тысячник Алексей Петрович рьяно помогал великому князю в его начинаниях. Возможно и то, что про сыновей князя Семена Ивановича больше в летописях не поминалось – его заслуга. Но это продолжалось недолго. 3 февраля 1357 года «въ то время егда заутреннюю благовестять» нового тысячника нашли убитым на площади перед храмом: «оубиение же дивно некако и незнаемо, аки ни оть когоже, никемъ же, тока обретеса лежа на площади». То есть, как убили, кто и за что установить не удалось. Выдвигалась версия о смерти от рук собственного окружения: «тако и сии оть своя дroupины пострада». Не дожидаясь окончания следствия, самые умные решили покинуть столичный град. «Тое же зимы боольшии бояре Московьскыи того ради оубиинства отъехаша на Рязань съ женами и зъ детьми» [65, ст.65]. Из Рязани бояре отправились в Орду в поисках правды. Где их и оправдал новый хан Бердибек. Великий князь Иван Иванович, прибывший в Сарай поздравить нового хана и подтвердить свой ярлык, встретил бояр там. Назад они возвращались уже вместе «а што бояре были на Рязани Михаило, зять его Василеи Васильевич, а техъ в Орде приняль» [65, ст.66]. Василий Васильевич Вельяминов, вновь встал во главе московской рати и восстановился в чине тысячника, опять же по соизволению хана и беглербека.

По иронии судьбы, умирая, осенью 1359 года, великий князь Иван Иванович оказался в положении старшего брата. У него оставалась жена и два малолетних сына. Старший Дмитрий родился 12 октября 1350 года [65, ст.60], младший Иван – по не летописным известиям в 1354 [82, с.107]. Откуда у великого князя могла быть уверенность, что с его сыновьями не поступят так, как он поступил с сыновьями старшего брата? Кто мог быть гарантом того, что великий князь велел написать в своем завещании? Митрополит Алексей, коего о том же просил и князь Семен? Но митрополит в это время оказался в руках своего недруга литовского князя Ольгерда и возвратился в Москву лишь в 1360 году [38, с.241–242]. На литовского князя Дмитрия Кориадовича, за которого отдал замуж свою дочь Анну в 1356 [82, с.108]? Но где Москва, а где Подолия и Воынь? Надежда на хана? Но в Золотой Орде уже начинал ломаться установленный Бату миропорядок. Там, в августе-сентябре 1359, умер или был убит хан Бердибек [15, с.22–23], и вести о том, что хан «погиб» [23, с.175] должны были достичь Москвы. Рассчитывать можно было только на тех, кто находился рядом и на тех, кто обладал реальной воинской силой. То есть на московскую рать и её начальника Василия Вельяминова. Но для этого надо было хоть как-то исправить содеянное ранее. Благо из малолетних претендентов, племянников остался только один – Владимир Андреевич. Про сыновей князя Симеона летописи не говорят ничего, видимо они угасли незаметно, а про смерть старшего сына князя Андрея Ивана, остались скудные строки в более поздних списках. Там она датируется летом 6866 – 1358 годом [62, ст.433]. В своём завещании великий князь постарался замоливать грехи. Сын князя Андрея, в обращении, приравнен к сыновьям великого князя и поставлен впереди великой княгини: «своимъ с(ы)номъ, княз(ю) Дмитрею и княз(ю) Ивану, и своему брат(а)ничу князю Володимеру и свои княгини» [38, с.244]. Ему возвращался удел отца: «а брат(а)ничъ [мои] князь Володимеръ ведаеть оуездъ о(т)ца своего». Взамен утраченной Лопастни давался «Новый город(о)къ на оустъ Поротвы». В одной из статей, великий князь, практически признал его своим сыном: «а по грехом ци от(о)иметься которое [место], дети мои, княз(ь) Дмитрии и княз(ь) Иванъ, княз(ь) Володимеръ...» [40, с.95–96]. Вдове князя Семена Гордого Марии Александровне выделялось 22 волости (15 коломенских, 7 в районе Протвы) и несколько сел. Вдове князя Ивана Калиты, Ульяне – 14. По количеству волостей их владения превосходили владения князей Дмитрия и Ивана. Князю Дмитрию причиталось 12 волостей, князю Ивану – 11. Своей жене Александре великий князь оставлял 5 волостей и 5 сел [38, с.266]. Конечно, этот недостаток с лихвой восполнялся городами. Доходы с Москвы, как денежные, так и натуральные, делились поровну, 2/3 сыновьям великого князя, 1/3 – Владимиру Андреевичу [40, с.93]. Князю Дмитрию доставались города Можайск с тамгою и всеми пошлинами, а также Коломна с тамгою, пошлиною и мытом. Князю Ивану – Звенигород с его мытом. Мыт и тамга – пошлины «денежные» дававшие доход именно серебром, а не натуральным продуктом. Этим значимость городов увеличивалась в разы [38, с.254–258]. В конце завещания, великий князь вспомнил о своих грехах и повелел 1/4 часть коломенской тамги отдавать на помин своей души в храм Богородицы на Кру-

тицах, а на помин отца и братьев определил одну из московских поштин – «кости» в Успенский и Архангельский храмы Москвы [40, с.99].

Скончался великий князь Иван Иванович Красный 13 ноября 1359 года, «а княжилъ летъ 6» [66, с.100]. Началось правление «регента», тысячника московской рати Василия Васильевича Вельяминова. А время наступало тревожное. В Золотой Орде творилось непонятное, рушилось то, что казалось незыблемым – строгая вертикаль власти которую ханы поддерживали более ста лет. Страна разваливалась. Ещё при жизни хана Бердибека, образовались центры сопротивления его власти. По-видимому, их возглавили старшие представители дома Джучи. Кульпа обосновался в Азове, Хызр – в Укеке (Гюлистане), Навруз в Новом Сарае. Во всех этих городах чеканились монеты именно этих ханов [16, с.12]. Что именно, и в какое время происходило в Сарае восстановить весьма сложно. Из русских летописей известно, что после гибели Бердибека «Коулпа седе на царстве и царствова 5 месяць и оубиень бысть отъ Наоусоура со двема сынома своима, со Михаиломъ и Ивановомъ» [65, ст.68].

А.П. Григорьев, стараясь объяснить несуразности и несоответствия, выдвинул довольно смелое предположение. Якобы хан Кульпа нашел себе убежище на западных рубежах Золотой Орды, породнился с микулинским князем Михаилом Александровичем, и, получив помощь от литовского князя Ольгерда и венецианцев, сверг Бердибека. После чего назначил микулинского удельного князя из тверского дома великим князем владимирским. Основными аргументами предположения служат имена сыновей хана Кульпы – Михаил и Иван, и то, что с 1365 года в Рогожском летописце князь Михаил Александрович именуется «великим», в то время как официально «великим князем тверским» числился его дядя князь Василий Михайлович [16, 134–140]. Теория во многом интересная. Несомненно, что имея ставку в Азове, хан Кульпа пользовался и поддержкой венецианцев (католиков) и, возможно, Ольгерда. Сам Ольгерд, по некоторым сведениям крестился по православному обряду до 1318 года, ради женитьбы на витебской княжне Марье Ярославне, все его дети от первого брака были крещены. Население западных рубежей Золотой Орды в то время тоже было по большей части христианское (не обязательно русское). Так, что связывать имена сыновей хана именно с тверским княжеским домом довольно смело. Скорее можно предположить, что опираясь именно на западных «ратных князей», им в угоду, хан Кульпа крестил своих детей, а может по примеру князя Ольгерда и сам окрестился. Возможно, именно это стало причиной его быстрого падения. Относительно «великого княжения» Михаила Александровича будет сказано позже.

Так или иначе, но к хану Кульпе никто из князей северо-восточной Руси не поехал. Или прав А.П. Григорьев, или не успели обратиться за его пятимесячное правление, или не верили в его возможность удержаться в Сарае. Пошли только после воцарения Навруза весной 1360 года. «По Коулпе царствова [Н]авроусъ, къ нему же первое прииде князя великого сынъ Иван[а] Иванович[а] Дмитриеи и вси князи Русьтии и видя царь князя Дмитрея Ивановича оуна соуща и млада возрастомъ и наsla на князя Андрея Костынянтиновича, дая емоу княжение великое, 15 темъ, он же не яся, но соступися брату своему меньшему князю Дмитрею...» [65, ст.68]. Мальчик десяти неполных лет не понравился хану Наврузу в роли великого владимирского князя, уговоры московского тысячника не помогли, как и обильные подарки. Получается, что не всё в Золотой Орде покупалось за деньги. Правда и решение главы суздальско-нижегородского княжеского дома князя Андрея Константиновича кажется весьма экстравагантным. Он, отказавшись от ханской милости, отдал великое княжение владимирское своему младшему брату удельному князю Дмитрию Константиновичу. Если такое решение состоялось, то это плюс в пользу теории А.П. Григорьева. Великий князь владимирский, по сути, становится вассалом князя суздальско-нижегородского.

Великий князь Дмитрий Константинович сел на стол во Владимире 22 июня 1360 года, «а не по очине, ни по дедине» [65, ст.69]. Но в это время воцарился уже новый хан Хызр (Кидырь русских летописей) [15, с.27–28]. Хан Хызр принадлежал к другой ветви дома Джучи правившей в восточной половине царства. Его приход в Сарай не был обычным дворцовым переворотом, он был полной сменой власти. «Тое же весны приде на царство Волжское некыи царь со вьстока Заядыскы, именемъ Хидырь, прида взяль Орду и царя Навроуса оубиль и царицу Таидулу, а князи ординьскыхъ Муалбоузиноу чадъ множество оубиль, а сам седи на царство. И бысть в Орде замятня велика» [65, ст.69]. Новая власть уничтожила всё, что было связано со старой династией. Убили царицу Тайдулу, которая со времен хана Узбека курировала Русский Улус. Убили беглербека Могулбугу, занимавшего пост главного воеводы при ханах Узбеке, Джанибеке и Бердибеке [15, с.27]. Уничтожили множество «ратных князей» старого беглярбека. В Залеской Орде, на Ру-

си, «ратные князья» «ордынцы» пребывали в недоумении и изумлении. Погибли столпы земли – «заступница христианская» Царица Тайдула и «отец командир» Могулбуга. Те люди, которые могли оказать реальную помощь в спорах с «князьями улусными», кому можно было пожаловаться на своеволие местных князей управленцев. Обстановка казалось непонятной и невероятной, все застыли в ожидании.

Между тем, «князья улусные» потянулись к новому царю. Хан Хызр подтвердил права великого князя владимирского Дмитрия Константиновича, но изъял из великого княжения Галич, пожаловав его князю Дмитрию Борисовичу. Князю Константину Васильевичу Ростовскому был пожалован «весь Ростов» [65, ст.69], то есть Сретенскую сторону купленную князем Иваном Калитой вернули в ростовское княжество. Случилось это, скорее всего осенью 1360 года. Но хан Хызр не имел поддержки в Золотой Орде, местные эмиры пожаловались на него правителю Сыгнака хану Чимтаю. Хан Чимтай начальствовал над «левым крылом» государства. Он послал для установления порядка в «правом крыле» своего брата Орда-шейха и несколько огланов (царевичей чингизидов) с войсками. Хан Хызр узнав про это, потребовал от русских «улусных князей» дани [16, с.143]. Князь московский Дмитрий Иванович с младшим братом успели съездить к нему и вернуться, остальным пришлось намного хуже, они попали в водоворот гражданской войны. Нижегородскому князю Андрею Константиновичу пришлось с боем прорываться «сквозе полкы Татарския, биючися с ними» некоего «Ордынского князя Аратехозя». Князь Константин Ростовский, отставший от князя Андрея Константиновича сопротивляться не осмелился и был ограблен до нитки, вместе со свитой: «ограбиша его Татарове и телеса ихъ обнажиша и не остася на нихъ ни исподнихъ порт, а сами токмо живы придоша пеши на Русь» [65, с.71].

То, что творилось в Золотой Орде в те времена описать очень трудно, но это и не входит в нашу задачу. Достаточно отметить, что там образовалось несколько центров силы воевавших друг с другом [16, с.143–146]. Ханы, воцарившиеся в них, искали поддержку, где только могли. Одним из таких мест была Русь. Следует отметить, что большинство этих ханов, являясь выходцами с востока, в реалиях русского улуса разбирались мало и ставку делали на русских князей, являвшихся «князьями улусными», забывая про «князей ратных». А те, в свою очередь, потеряв опору в Золотой Орде, начали группироваться вокруг Москвы, так как долго проживали под управлением великих князей московского дома. Кроме того, и церковная власть на Руси в лице митрополита Алексия действовала в московских интересах. Сын старого беглярбека Могулбуги Ильяс став беглярбеком при хане Мюриде, обратил его высочайшее внимание на это обстоятельство. Хан Мюрид, обдумав и взвесив все за и против, послал ярлык на великое княжение владимирское не достигшему ещё двенадцатилетнего возраста князю Дмитрию. Интересно, что переговоры по такому важному вопросу велись через послов «киличеев» и князю московскому даже не пришлось ехать в Сарай: «...и принисоша ярлыкъ княженіе великое по отчине и по дедине» [65, ст.72]. Случилось это летом 1362 года.

Великий князь Дмитрий Константинович воспротивился было. Но он совершенно не имел поддержки в великокняжеских землях. Зимой московские силы предприняли поход на Переяславль, где находился суздальский князь. «Тоя же зимы князь великий Дмитрей Иванович съ своею братією съ княземъ с Ываномъ Ивановичемъ и съ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ и со всеми бояры и собравъ воя многы своя отчины и идее ратію къ Переяславлю, князь же Дмитрие Костянтинович Суждальскыи не стерпе пришествіа его убояся нахоженіа его, паче же ратнаго духа сдрогнуся и, уразумевъ свое неизволеніе, сбеже». Князь Дмитрий Константинович сначала ушел во Владимир, но не найдя и там поддержки бежал в Суздаль. Московиты заняли Владимир «перед Крещеніем», там московский князь Дмитрий Иванович стал великим князем владимирским, «и стоя въ Володимери 3 недели и поеха на Москву и воя распусти кождо въсвоися» [65, ст.72–73]. В Орде между тем произошли новые перемены, хана Мюрида из Сарая изгнал Мир-Пулад. Мюрид обосновался в Укеке (Гюлистане) на Волге, русские источники называли это «Муротова Орда». В излучине Днепра закрепился Мамай, зять убитого хана Бердибека, он объявил ханом оглана Абдуллу и стал править от его имени. Опорой Мамай стал Крым, его владения в русских источниках именуют «Мамаевой Ордой» [16, с.145,147]. Мамай решил перехватить у Мюрида дань великого княжества владимирского и послал летом 1363 года ярлык великому князю Дмитрию Ивановичу. Ярлык был вручен во Владимире при собрании заинтересованных лиц: «со всеми князми Русскими и со всеми бояры и приде к нему посоль изъ Орды отъ царя Авдуля съ ярлыкыи» [65, ст.74]. Чем вызвана такая смена политического курса? По-видимому, Мамай, сам

«ратный князь», смог предложить своим русским коллегам более приемлемые условия совместного проживания. В том, что политикой княжества тогда руководил именно московский тысячник Василий Васильевич, мы убедимся немного позже. Множественное число в слове «ярлыки» намекает, что пожалованы были не только князь Дмитрий Иванович, но и другие люди. Чем Мамай мог привлечь верхушку русских «ордынцев»? Несомненно, тарханами – всевозможными «вольностями». Как-то: передачей их земель, ранее считавшихся ханской собственностью в личное владение – вотчину; правом свободного выбора службы, старые монгольские законы это запрещали; правом покупки и получения новых земель. Такие права фактически уравнивали бояр с владетельными князьями Рюриковичами. Конечно, неофициально эти правила могли действовать и раньше, но это было именно неофициально. А князь Дмитрий Иванович получал великое княжение в «отчину», то есть из рода в род и официально получал контроль над «ордынцами и делями», что проживали на данной территории. Отражение последнего мы видим в договоре князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича заключенного несколькими годами позже.

Хан Мюрид попытался восстановить положение и послал ярлык Дмитрию Константиновичу Суздальскому. Тот устремился во Владимир «а с нимъ князь Иванъ Белозерець, пришель бо бе изъ Муротовы Орды съ третьцатию Татариниовъ». Но удержаться там смог всего неделю. «Се же слышав князь великий Дмитрие Ивановичъ прогна его паки съ великаго княженія съ Володимера, съ свое отчины, въ его градъ въ Суждаль. Не токмо же се, но и тамо идее на него ратию к Суждалю и стоявъ рать неколико днеи около Суждаля и взяша миръ межи собою». Заодно и «Галичскаго Дмитрея изъ Галича выгнали» [65, ст.74]. Последнему не повезло из-за того, что мать князя Владимира Андреевича, была дочерью галицкого князя Ивана Федоровича. Досталось «также» и ростовским князьям. Об этом несколько иначе сказано в другой летописи: «Велики кн(я)зь Дмитрие Иванович стони кн(я)зя великаго Дмитрия Костянтинович(а) с великаго кн(я)ж(е)ния из Галича, а князь Андрей Федорович приеха из Переяславля в Ростов, а с ним кн(я)зь Иван Ржевский и с силою» [62, ст.435]. Тут, по-видимому, переписчики пропустили имя галицкого князя, объединив его из-за одного имени с суздальским. Но вторая часть о походе ростовского князя Андрея Федоровича с московской ратью князя Ивана Ржевского на Ростов очень интересна. Князь Андрей, владел именно Сретенской стороной, что была куплей князя Ивана Калиты и Москва, таким образом, возвращала себе контроль над ростовским княжеством. Далее, в статье под следующим годом, говорится: «И князь Костянтинъ Васил(ь)евич поехалъ на Устюгъ» [62, ст.435–436]. Таким образом хозяина Борисоглебской стороны из Ростова выгнали в Устюг. По более поздним спискам согнали с княжества и Ивана Федоровича Стародубского [64, с.2]. В одно время с этими политическими потрясениями на Руси свирепствовал мор. 23 октября 1364 года умер младший брат великого князя Дмитрия Ивановича Иван [65, ст.76], а 27 декабря их мать княгиня Александра [65, ст.78].

Эпидемия началась в Нижнем Новгороде, придя из Орды, из Бездежа, потом охватила Коломну, Переяславль, Москву [68, с.122]. В Переяславле умирали «люди по многу на день, по 20, по 30 на день, а иногда на день 60 или 70 человек, а иногда 100... Не токмо же въ граде Переяславля было се, но и по всемъ волостемъ Переяславльскимъ былъ моръ и по селамъ, и по погостомъ и по монастыремъ» [65, ст.76–77]. Но и это не останавливало борьбу за власть. Эстафету подхватил старший сын князя Дмитрия Суздальского, князь Василий Дмитриевич, человек трагичной судьбы. У его отца по-видимому, опустились руки, после того как его старший брат Андрей Константинович постригся в монахи [64, с.3], а младший брат Борис захватив власть в Нижнем Новгороде послал послов к великому князю Дмитрию Ивановичу. Не растерялся только старший сын. «И наеха на нихъ князь Василеи Дмитриевич в ночь и овыхъ изнима, а Василеи Олексичъ оутече на Москву и тамо оурядися» [65, ст.75]. После этого подвига он отправился в Орду. Там произошли изменения, хан Мюрид толи помер от чумы, толи был убит своим беглербеком Ильясом. Его место занял Азиз-шейх сумевший потеснить и Пулад-ходжу и Мамай с его ханом Абдуллой [16, с.149–150]. С ярлыком от Азис-шейха и послом «Оурусъманды» князь Василий Дмитриевич вернулся к отцу зимой 1364–65 годов [65, ст.77–78]. Дальнейшие события в разных русских летописях описаны по-разному. По тем, что опираются на новгородское летописание выходит, что у князя Бориса Константиновича, младшего брата князя Дмитрия Константиновича, тоже был ярлык. «Тоя же зимы (6873) прииде посоль изъ Орды Баирямъ-Хозя, а от ц(а)р(и)цы Асань, и посадиша на княженъи в Новгороде в Нижнемъ кн(я)зя Бориса Костянтинович(а)» [62, ст.436]. От какого царя и царицы были эти послы? Надо думать, от соперника Азиз-шейха, то есть от Абдул-

лы, фактически Мамаю. Князь Дмитрий Константинович, от великого княжения отказался, но попросил у великого князя Дмитрия Ивановича военной помощи против младшего брата. В том, что помощь была оказана и Рогожский летописец, и Софийская летопись пишут почти одинаково [65, ст.77–78; 62, ст.436–437]. Последняя, правда, приукрашивает события участием в них Сергия Радонежского и митрополита Алексия, но судя по всему, участие Алексия было на год раньше, в статье, данной в Рогожском летописце под летом 6871. И послами от него призванными образумить князя Бориса Константиновича выступали «архимандрить Павелъ да игумен Герасимъ» [65, ст.75]. Всё обошлось без битвы. Устрашенный московским и суздальским войском из «воя многы, в силе тяжце» подошедшим к Нижнему Новгороду, князь Борис отказался от своих притязаний, и удалился в Городец.

В 1365 году дело решила военная сила, а главным победителем выступил Василий Васильевич Вельяминов. Думать, что в событиях 1360–1365 годов молодые князья Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич играли хоть какую-то роль довольно наивно. Одному в начале событий было 10 лет, другому 7. Князь Иван Иванович умер в 10. Читая строки: «23 октября 1364 г. Умер его маленький брат Иван, принимавший участие во всех военных операциях Дмитрия в 1362–1363 гг.» [33, с.64] становится даже как-то не по себе. Как восьмилетний мальчик мог участвовать в «военных операциях» двенадцатилетнего брата? Хотя это и средневековье, но не игра «Зарница». Несомненно, они участвовали в походах только для придания им статуса, а командовали и воевали совсем другие люди – воеводы, «ратные князья». Главным результатом войны с князем Дмитрием Константиновичем было достижение договоренности о заключении брака между великим князем Дмитрием Ивановичем и княжной Евдокией Дмитриевной. Как осуществлялся этот брак без прикрас сказано в древнейшем родословце: «А женил сына своего Микулу Василей Васильевичъ тысяцкой, а у великого князя у Дмитрея Костянтинович[я] взялъ большую дочь, а за великого князя за Дмитрея взялъ меньшую дочь, а пояс лучшей взял с нею» [68, с.232]. Василий Васильевич женил своего второго сына, именно второго, не наследника, на старшей дочери князя бывшего великим и оставшегося главой второго по значению княжеского дома северо-восточной Руси. За нового великого князя была отдана младшая дочь. По сути, Василий Васильевич вершил судьбы страны и по своему значению мало чем уступал эмиру Мамаю в Золотой Орде. Интересно, кого он прочил в жены своему старшему сыну, наследнику Ивану? Или он уже был тогда женат? Может и договоренности с Мамаем достигнутые в 1363 году сопровождались какими-то брачными союзами? Вряд и мы это узнаем наверняка.

Первый этап борьбы за Великий Стол Владимирский закончился для Москвы успешно. Бывший враг превратился в союзника и родственника. На Москве решили юридически упорядочить взаимоотношение двух представителей московского княжеского дома – великого князя Дмитрия Ивановича и удельного князя Владимира Андреевича. В.А. Кучкин датирует заключение договора 1364–1365 годами [36, с.6]. Договор заключался под присмотром митрополита Алексия: «По бл(а)г(осло)в(е)нью о(т)ца нашего Олексея, митрополита всея Рус(и)». Он же выступал гарантом выполнения условий. Декларировалось единство действий братьев: «Быти ны заодин». Князь Владимир признавал старшинство великого князя «во о(т)ца место». Нормы сосуществования оставались старыми «как то о(т)цы наши жили съ братомъ своимъ стареишимъ». Князь Владимир признавал права князя Дмитрия на великое княжение: «держати ти подо мною княженъе мое великое ч(е)сно и грозно». За что князь Дмитрий обязался «брата своего, держати в братстве, безъ обиды, во всемъ». За князем Владимиром закреплялся его удел согласно предыдущим договоренностям. Братьям запрещалось заключать договора с третьими лицами, без согласования. Впервые упомянуты делюи и ордынцы. «А что наши ордынцы и делюи, а темъ знати своя служба, како было при нашихъ о(т)цехъ». Ордынцы и делюи названы «нашими». Зафиксировано их существование в более ранние времена. Но раньше об этих людях не говорилось в договорной документации. Получается, что это новшество вызвано новыми условиями в отношениях с Золотой Ордой. Числяки фактически приравнены к черным людям и зависимым слугам (холопам): «А которые слуги потягли к дворяскому, а черные люди к сотникомъ, тыхъ ны в службу не приимати, но блюсти ны ихъ сообща. Тако же и численных люди». Подтверждались права привилегированной части служилого сословия: «А бояромъ и слугамъ вольнымъ воля». Дань в Золотую Орду предписывалось платить, как и ранее: «А ордынская тягость и проторъ дати ти мне, брату своему стареишему, съ своего оудела, по давнымъ сверткамъ». Таким образом, размер дани не изменился с давних пор. Князь Владимир должен был сам собирать её со своего удела, а потом передавать

великому князю для отдачи в Золотую Орду. Но, по-видимому, события, происходящие там и на Руси, требовали иногда срочных денежных сборов необходимых для решения возникающих проблем. Этот момент тоже оговаривался: «А коли ми буд(е)ть, брате молодшии, и дань взятии на своих боярехъ в великомъ княжении, а кто будетъ твоих бояръ и слугъ... ми дань взяти... в городе и въ варяхъ, и в городскихъ... на тых... и тебе, брату моему со мною». Получается, что в обычное время с бояр и слуг вольных подати не брались, эту повинность они несли только в экстренных, непредвиденных случаях. Право перемены службы тоже ограничивалось: «А который бояринъ поедеть ис корьмлени отъ тебе ли ко мне, от мене ли к тебе, а службы не отъслуживъ, тому дати корьмлени по исправе, а любо служба отъслужити ему». Военные статьи договора гласили: «А коли ми будетъ где отпущати своихъ воеводъ из великого княжения, а кто буд(е)ть... твоихъ бояръ и слуг, тебе послати своихъ воевод с моими воеводами вместе, без ослушанья. А кто ся ослушаетъ, того ми казнити, а тебе, брату моему, со мною. А кого коли оставити оу тебе бояръ, про то ти мене доложити, то ны оучинити по згадце, кому буд(е)ть слично ся остати, тому остатися, кому ехати, тому ехати. А тебе, брату моему молодшему, мне служити безъ ослушанья, по згадце, како буд(е)ть мне слично и тебе, брату моему молодшему, а мне тебе кормити по твоеи службе. А коли ти буд(е)ть всести со мною на конь, а кто буд(е)ть твоихъ бояръ и слугъ, где кто ни живеть, темъ быти под твоимъ стягом» [21, с.9–21]. Согласно им в случае посылки великокняжеских воевод в поход, все люди лично служившие князю Владимиру, но живущие на той территории, должны были выступать вместе с воеводами и их ратями. Но подчиняться в походе, они должны были воеводам служащим удельному князю. Это было вызвано тем, что бояре и слуги вольные служащие удельному князю могли проживать на территории великого княжества. В том случае, если такой человек был необходим на время похода самому князю Владимиру для каких-то дел, он должен был известить великого князя. И они вместе окончательно решали освободить такого человека от похода или нет. Службу удельного князя великий князь был обязан оплачивать, так как «корм» обозначал оплату. В случае совместного похода великого и удельного князя, войска удельного находились под его личным командованием – «стягом».

После установления иерархии в княжестве, 18 января 1366 года состоялась свадьба великого князя Дмитрия Ивановича с княжной Евдокией Дмитриевной. Свадьбу пришлось играть в Коломне [65, ст.83], так как Москва почти полностью выгорела летом 1365 года в «Великий пожар» [65, ст.80]. Скорее всего, тогда же, братья князя «и съ всеми бояры старейшими и сдоумаша ставити городъ камень Москоу, да еже оумыслиша, то и сътвориша. Тое же зимы повезоша каменіе к городу» [65, ст.83]. Решающая роль бояр в принятии решения подчеркнута в летописи. Строительство каменной крепости на Руси тех лет дело небывалое. До того, каменным в Залесье мог считаться только детинец Владимира, да и то отчасти. Территория крепости была значительно расширена, Кремль почти достиг своих современных размеров. Длилось строительство всего один год. Полностью каменной, по мнению современных ученых, крепость назвать нельзя. «Вероятно, в камне были осуществлены башни и стены в наиболее подверженных нападениям местах. Каменной была стена в прясле между Боровицкими воротами и Свибловой стрельницей» [7, с.29]. Но даже в таком виде сооружение производило впечатление: «ее периметр составлял около 2000 м. Крепость имела, несомненно, 8 башен, а может быть, и 9 башен (если допустить наличие одной башни посередине западной стены). Из них пять было сосредоточено на восточной «приступной» стене. Такая концентрация башен на наиболее угрожаемом фронте – характерный прием военно-инженерного дела XIV в.» [10, с.59]. Несомненно, что для осуществления подобного строительства в столь короткие сроки потребовалось привлечение сил со всего великого княжения. Об участии бояр в строительстве говорят названия некоторых башен – Тимофеева, Свиблова, Чешкова. Окончание строительства позволило военно-служилому руководству Москвы, находящемуся в тесной связке с митрополитом Алексием, почувствовать себя сильнейшей в регионе. «Того же лета на Москве почали ставити городъ камень, надеяся на свою на великую силу, князи Русьские начаша приводити въ свою волю, а который почаль не повиноватися ихъ воле, на тых почали посягати злобою» [65, ст.83].

Объектом посягательства стало княжество Тверское. В нем, со дня гибели великого князя Александра Михайловича в октябре 1339 года не прекращалась борьба между «младшими братьями и старшими сыновьями», столь характерная для средневековья. Пока многочисленные дяди и племянники грызлись за свои уделы в пределах тверского княжества, не думая о великом княжестве владимирском, в Москве смотрели на это сквозь пальцы. Помощь оказывалась то одной, то

другой стороне, лишь бы никто не одержал окончательной победы. Но «Великий Мор» внес свои коррективы. Осенью – зимой 1365–1366 годов вымерло много представителей тверского княжеского дома [65, ст.79]. Реальная сила сосредоточилась в руках кашинского князя Василия Михайловича считавшегося по ханскому ярлыку князем тверским, и его племянника микулинского князя Михаила Александровича получившего выморочные уделы всех своих родных братьев и двоюродного – князя Семена Константиновича. Другой, оставшийся в живых сын князя Константина Михайловича, дорогобужский князь Еремей метался между ними, не зная к кому присоединиться. На положение дел в тверском княжестве обратили внимание в Мамаевой Орде. Весной 1366 года возвращаясь из Литвы, по-видимому, от князя Ольгерда, Тверь посетил Ильяс сын Кутлугуги, по версии А.П. Григорьева – брат Мамаю [16, с.153]. Скорее всего, он, оказал поддержку князю Михаилу Александровичу, возможно, дал ему ярлык на тверское княжение, что позволило летописцам именовать последнего «великим князем».

Прямое противостояние началось в 1367 году, с жалобы тверских властителей на неправомерность завещания князя Семена Константиновича. Он, завещал свою часть князю Михаилу Александровичу. Митрополит Алексей вызвал спорщиков на Москву. Истцы – князь Василий Михайлович, его сын князь Михаил и племянник князь Еремей Константинович прибыли с митрополичьим приставам. Ответчик князь Михаил Александрович, предпочел уехать в Литву к князю Ольгерду, последний был женат на его сестре Ульяне. Интересы микулинского князя представлял «владыка» Василий, новый тверской епископ. Решение митрополит вынес в пользу истцов, а «владыце Василию бышесть истома и проторь великъ». Победившая сторона «съ всею силою Кашиньскою» прибыла в Тверь и начала устанавливать свои порядки: «многымъ людемъ сотвориша досадоу, бесчестіем и моукою и разграбленіемъ имениа и продажею бес помилованіа». Московские рати оказывали посильную помощь, они попытались захватить построенную князем Михаилом Александровичем крепость Городок (позже – Старица), тем самым перекрыв ему возможность возвращения из Литвы. Но «не возма возвратилися назадъ, извоевавъ люди. И многы тогда въ полонъ поведении быша, а рать Московскаа и Волочане тако извоевали Тферьскыи волости на сеи стороне Волги и церковныи волости святого Спаса, великоу изгыбель сотворили христіаномъ». Совершив акцию дружеской помощи, москвиты вернулись домой. А осенью, «на завтрее по Димитріеве дни», возвратился князь Михаил Александрович с литовской помощью. Он захватил Тверь «княгиню Еремееву и Семена Ямоу иныхъ боярь и слугъ дяди своего изнималъ да потомъ пошель быль съ Литовскою ратию къ Кашину». По дороге его встретили послы дяди, и было заключено перемирие. Зимой «о Крещеніи» князя Михаил Александрович и Василий Михайлович заключили мир. Немного позже «князь великіи Михаило Александрович пославъ съ княземъ съ великымъ съ Дмитріемъ взялъ миръ». Князь Еремей Константинович бежал на Москву «въ рядъ» [65, ст.84–85].

В следующем году полоцкий князь Андрей Ольгердович «воевалъ Хорвачъ да Родню» [65, ст.87]. Этот момент несколько удивляет, эти местности западной части тверских земель находились, если верить В.А. Кучкину [46, с.194–195], в уделе князя Всеволода Александровича и должны были на тот момент принадлежать князю Михаилу Александровичу. Вероятно, там тогда находились сторонники князя Василия Михайловича или Еремея Константиновича. В ответ «князь Володимеръ Андреевичъ ходил ратию да взялъ Ржеву, а Литву отъпустилъ изъ города». Отметим, что князю Владимиру Андреевичу тогда было неполных 15 лет. После успеха в Ржеве московское руководство совершило не совсем красивый поступок. Князь Михаил Александрович был приглашен в Москву на переговоры. Гарантом безопасности выступал митрополит всея Руси Алексей. Князь Михаил приехал, надеясь на слово архипастыря, но получилось иначе, его «они чересь целованіе яша и да держали в истоме, и Городокъ отъняли и часть отчины княжи Семеновы». Свиту князя «всехъ поимали и разно разведоша, и быша вси въ нятыи и дръжаша ихъ въ истоме». Самого князя поместили «на Гавшине дворе» [65, ст.87]. Гавша – прозвище четвертого сына боярина Андрея Кобылы [54, с.109], когда-то ездившего сватать сестру князя Михаила княжну Марию Александровну за великого князя Семена Гордого [65, ст.57].

Неизвестно, какую судьбу готовили плененному князю, но на его счастье в Москве ожидался «Чарык изъ Орды, темъ избави его Богъ, князя Михаила, и не дождавъ Чарыка опять покончивъ да отпустили его в Тферь» [65, ст.87]. В Симеоновской летописи сказано иначе: «И потомъ не за долго время внезапу придоша отъ орды Татарове Корачъ; они же подумавшее и тако попускаша ихъ въ свояси. Князь же Михаило съжалиси вельми и о томъ негодоваше, инее любо ему бысть, и

положи то въ измену; и про то имеаши размирие къ великому князю, пачеже на митрополита жаловашеся, къ немуже веру имель паче всехъ, яко по истине святителю» [66, с.107].

Скорее всего, князь Михаил пошел на некие уступки. Московиты «въ Городке своего наместника посадили съ княземъ съ Еремеемъ» [65, ст.87]. Возможно, причиной отпуска послужила смерть князя Василия Михайловича, случившаяся в Кашине 24 июля 1368 года [65, ст.88]. По действовавшим тогда законам, главой тверского княжеского дома становился князь Михаил Александрович, как старший в роду. Из претендента и бунтовщика, он сразу превратился в законного правителя, и держать его в заключении было неправомерно. Тем более что сам захват был осуществлен в нарушение всяких правил с нарушением клятвы. Пришлось довольствоваться малым, расширив удел для союзника – князя Еремея Константиновича. Наверное, слова летописца: «Того же лета князь великийи Дмитриеи Иванович собравъ воя многы и послалъ рать на князя великаго Михаила Александровича Тферьскаго», относятся именно к водворению князя Еремея на Городке. Изобиженный князь Михаил Александрович, в свою очередь «бежа въ Литву к князю Ольгерду, зятю своему, и тамо многы оукоры изнесе и жалобы изложи, прося помощи собе и обороны» [65, ст.88]. Эти события привели к кровавой схватке с литовским княжеством.

Жалобы князя Михаила Александровича нашли горячий отклик у князя Ольгерда Гедиминовича. За несколько лет до того он изрядно потрепал татар на южных рубежах – Синеи Воде и Белобережье [65, ст.75]. Настала пора и для Москвы, тем более, что у литовского князя накопилось много претензий к людям, находившимся там у власти. В своем послании «питакии» к патриарху константинопольскому Филофею «царь литовский» писал: «Не я начал нападать, они сперва начали нападать, и крестного целования, что имели ко мне, не сложили, и клятвенных грамот ко мне не отослали. Нападали на меня девять раз...» далее красочно расписывался злодейский захват «шурина моего князя Михаила», отстранение от власти «зятя моего нижегородского князя Бориса». Про князя Бориса сказано, что его «схватили», а это в русских летописях не отмечено. Князь Ольгерд упомянул случай, тоже опущенный в русских летописях: «напали на зятя моего новосильского князя Ивана и на его княжество, схватили его мать и отняли мою дочь...». Жаловался: «Против своего крестного целования, взяли у меня города: Ржеву, Сишку, Гудин, Осечень, Горышено, Рясну, Луки Великие, Кличень, Вселук, Волго, Козлово, Липицу, Тесов, Хлепень, Фомин Городок, Березуеск, Калугу, Мценеск» [76, дополнения, ст.135–138]. Список отнятых у Литвы городов впечатляет. Невольно возникает вопрос: почему в русских летописях не отмечены достижения тех, кого князь Ольгерд называл «они»? Из ложной скромности? Или потому, что малолетние князья Дмитрий и Владимир не имели к этому никакого отношения? Из 9 нападений упомянутых в грамоте наши летописи описывают только поход князя Владимира Андреевича на Ржев 1367 года, а перед ним поход 1358 тоже на Ржев совершенный можайской и волоцкой ратями. Судя по списку московские бояре, во главе с Василием Васильевичем и Алексием успешно противодействовали князю Ольгерду в 1360 году в его войне со Смоленском [65, ст.68], и летом 1363 года когда «Литва взяли Коршевь и сотворяшас[я] мятежи и тягота людемъ по всея земли» [65, ст.75]. В то время князь Ольгерд вел весьма агрессивную политику на обломках бывшего черниговского княжества, а именно верховские (новосильский, козельский) князья и фигурируют в его грамоте [90, с.120–123]. Какие именно воеводы и рати столь досаждали «царю литовскому» мы, к сожалению, не знаем. Достаточно обличив перед патриархом всё московское руководство, князь Ольгерд особо отметил митрополита Алексия: «...каков сей митрополит – благословляет московитов на пролитие крови...». Главная же вина митрополита, по мнению литовского князя в приеме беглецов и снятии с них клятвенных обязательств. «И кто поцелует крест мне, и убежит к ним, митрополит снимает с него крестное целование. Бывает ли такое дело на свете, чтобы снимать крестное целование? Иван Козельский, слуга мой, целовал крест мне со своею матерью, братьями, женою и детьми, что он будет у меня, и он, покинув мать, братьев жену и детей, бежал, и митрополит Алексий снял с него крестное целование. Иван Вяземский крест целовал и бежал и порук выдал и митрополит снял с него крестное целование. Нагубник Василий целовал крест при епископе, и епископ был за него поручителем, и он выдал епископа в поруке, и бежал, и митрополит снял с него крестное целование. И многие другие бежали...» [76, дополнения, ст.137–140]. Относительно козельского князя Ивана более-менее всё ясно, он поклялся служить литовскому князю со всем родом и сбежал. С вяземского князя Ивана, митрополит снял «порук». Поручительство в то время давали по пленным, то есть если человека брали в плен, он клялся больше не воевать, не бежать, и выплатить выкуп, за выполнение этих условий кто-то ручался и если пленный

нарушал условия, отвечал поручитель. Таким образом, вяземский князь был пленен, но убежал из плена. Третье упомянутое в грамоте лицо – Василий. Он тоже, по-видимому, попал в плен, за него ручался некий епископ, но Василий бежал, тем самым подставив под удар – «выдал», своего поручителя епископа. Личность Василия установить сложно, публикаторы документа, привели слово его идентифицирующие как «нагубник» по прочтению непереводаемого греческого оригинала звучащего как «нагоупникос». Толковать это слово как обозначение «служилого человека, владевшего на поместном праве, известным числом губ княжеской земли», основываясь на том, что «губа» мера земли в Литве, мне кажется довольно смелым. Тем более что первоначальное слово, литовское или русское, было исковеркано греческим написанием. Возможно, Ольгерд, использовал первоначально слово, производное от «нагабане» – притеснение, «нагабати» – притеснять [81, ст.273]. Тогда получим «нагабник» – притеснитель. Да и странно было бы ставить в один ряд князей и обычного помещика. Василий, должен был быть фигурой значимой, раз поручался за него епископ, а от клятвы освобождал сам митрополит. Позволим себе предположить, что речь велась о Василии Васильевиче Вельяминове, который при каких-то обстоятельствах попал в плен к литовцам, поклялся более не мешать им, а потом нарушил клятву с разрешения митрополита.

Надо думать, что поход против Москвы готовился давно, и приезд тверского князя только стал поводом для войны. Литовскому князю необходима была поддержка его православных подданных, ведь он собирался воевать против митрополита всея Руси. Во всяком случае, войска собрались очень быстро. «Тогда же тое осени князь Литовьскыи Огердь Гедиминович собравъ воя многы и подвижася в силе тяжце и поиде къ Москве ратию на князя великага Дмитрея Ивановича, а с нимъ брат его Кестутіи и сынъ Кестутіевъ Витовтъ, тогда бо еще младу сушу ему, и сынове Олгердови и вси князи Литовьстїи и князь Тферьскыи Михаило и Смоленская сила» [65, ст.88].

В Москве поход должны были ожидать, но ожидали его, как обычно с запада, со стороны Смоленска. Ольгерд же успешно скрыл направление главного удара, ещё раз подтвердив репутацию отличного стратега. «И ведяше я в таю обычаи бе Олгерду, егда куда поидяще на воину, тьгда никому же не ведущу воиномъ его, камо хоцеть ити ратию, ни иным опришнимъ или внешнимъ или иноземцемъ или гостемъ...». Появление литвинов со стороны верховских княжеств на южных рубежах оказалось для московитов неприятной неожиданностью. «Тако прилучися и тогда, въ то время князю великому того не ведущу, и про то ему вести не было, оже Олгердь идеть нань силою мноую, яко подвель рать в таю» [65, ст.88]. Рати, ранее посланные на Тверь, с западных границ отзываться опасались. И при известиях об угрозе с юга пришлось созывать войска со всего великого княжения: «повеле вскоре рассылаті грамоты по всемъ городомъ, и по всему княженію великому нача совокупляти вои». Но подъем войск дело небыстрое, как и их сосредоточение в одном месте. Приходилось довольствоваться тем, что оказалось под рукой. Спешно собрали «елико воиновъ обретошася тогда в граде, сихъ отобравъ князь великіи и отпусти въ заставу противу Олгерда, еже есть сторожевыи плъкъ, а воеводство приказано Дмитрію Минину, а отъ князя отъ Володимера отъ Анреевича воевода Акинфъ Федорович, нарицаимыи Шуба, а съ ними рать Московьскаа, Коломеньскаа, Дмитровьскаа» [65, ст.89].

Из летописного текста видно, что основу войска составил «двор» великого князя Дмитрия Ивановича, его личные слуги. Воеводой был Дмитрий Минин, сын того самого Мины [27, с.304], что прославился при ограблении Ростова. Можно сказать «потомственный делюй двора великого баскака». Судя по тому, что в родословной Софроновых-Проестевых» родоначальником значится именно Дмитрий Минин, а не его отец [9, с.167; 54, с.139, 167], можно предположить о низком социальном положении Мины, скорее всего, холопском. Про воеводу, князя Владимира Андреевича Акинфа Федоровича Шубу сказать что-то сложно. Скорее всего, он был сыном киличея Федора Шубачеева, упомянутого в 1348 году: «И то слышавъ князь великіи Семень, погадавъ съ своею братьею, съ княземъ с Ываномъ и съ Андреемъ, и съ бояры, и посла въ орду Федора Глебовичя, да Аминя, да Федора Шюбачеева къ царю жаловатися на Олгерда. И слышавъ царь жалобу князя великаго, оже Олгердь съ своею братьею царевъ улусъ, а князя великаго отчину испустиль, и выдалъ царь Корольяда Михаила, и Семена Свислочьскаго, и Аикша киличеемъ князя великаго, и его дружину Литву; и даль посла своего Тотуя» [66, с.96]. Если предположить, что к хану каждый из братьев князей послал своего гонца киличея, то Федор Шубачеев находился на службе у князя Андрея Ивановича, отца князя Владимира Андреевича. Про воевод возглавлявших рати летопись не говорит ничего. Может создаться впечатление, что они являлись придатком к княжым дворам. Но скорее всего это не так. Московскую рать должен был возглавлять тысячник

московский, то есть Василий Васильевич Вельяминов, либо его сын Иван. Также и с коломенской ратью, которая отмечена отдельно, несмотря на то, что город Коломна давно входил в состав московского княжества. Рать дмитровская и вовсе относилась не к московским, а к великокняжеским землям. Последний князь там правивший упоминается в источниках в 1334 году: «князь Борисъ Дмитровскыи въ Орде мертвъ», после чего земли, как выморочные, были присоединены к великому княжеству владимирскому [46, с.239–240]. Ситуация в Дмитровских землях должна была напоминать то, что было в Костроме.

Между тем литвины «начать преже всехъ воевати порубежнаа места жечи, сечи, грабити, па- лити, пленити» [65, ст.89]. Наиболее вероятно, что нападения производились не в одном месте, а по всему пограничью. На это указывает сообщение из более позднего списка: «Князь великий Миха(й)ло Александровичъ Тверскый прииде к рубежу Московскому» [65, ст.429]. Таким образом, тверские войска действовали самостоятельно. Возможно его брат и сыновья тоже. Князь же Ольгерд расправлялся со своими неприятелями в верховских княжествах. Он «на стрече оуби князя Семена Дмитриевича Стародубьскаго, нарицаемого Крапиву въ области зовомеи Хвольхле и по сем во Оболеньсте оуби князя Костянтина Юрьевича Оболеньскаго» [65, ст.89].

Волость Холхол размещалась на восток от села Почепа на реке Иче и принимала в свои пределы лесное пространство между речками Протвой и Тарусой [83, с.255, прим.30]. Стародубское княжество находилось далеко на востоке на реке Нерехте, на стыке великого княжения и нижегородских земель. Отец князя Семена князь Дмитрий Федорович умер в 1354 году [54, с.68]. По его смерти стал княжить брат – князь Иван Федорович, согнанный с княжения москвитями в 1363. Не совсем понятно кому достался стол, младшему брату князю Андрею, или князю Семену Крапиве? Скорее всего, воцарился дядя – князь Андрей Федорович [46, с.263]. Князь Семен должен был оставаться на уделе стародубского княжества, либо служить великому князю на правах временного наемника – кормленщика [9, с.362]. В таком случае он должен был иметь свой двор – дружину. Скорее всего, князь Семен держал город Калугу, который одним из первых попал под удар князя Ольгерда. По сведениям из родословных книг третий сын князя Юрия Михайловича Тарусского Константин Оболенский погиб не в Оболенске, как указано в летописи, «а убил его Олгерд в Холхнех» [54, с.60, 61]. Сопоставив эти данные можно предположить, что князь Семен Крапива ушел из Калуги, опасаясь превосходящих сил литвинов, к Оболенску. Там они объединились с князем Константином Оболенским и решили дать бой «на стрече» в Холхале, но проиграли его. Разобравшись с московскими доброхотами на юге Ольгерд начал наступление к Москве.

«И доиде реки Тростны и ту изби сторожевыи плъкъ князя великаго, заставу Московскую и князи и воеводы и бояры своя побѣ. Се же сдеяся тогды въ осенине въ Филипово говеніе, месяца ноября въ 21 день, на Введеніе святыя Богородица во вторникъ» [65, ст.89]. В случае с битвой на Тростне летописец радуется нас точной датой – 21 ноября привязанной к церковному празднику и дню недели. К сожалению этого нельзя сказать о месте, где она произошла. На сегодняшний день существуют три версии: на реке Тростенке между городами Рузою и Звенигородом; в верховьях реки Нары, у Нарских прудов в которые впадает речка маленькая речка Трасна; у села Тростье на реке Аложе, между городом Оболенском и Тарутино. Все три варианта рассмотрел в своей работе В.Н. Темушев. Остаётся только согласиться с его выводом: «все точки зрения имеют свои плюсы и минусы, и пока нельзя с полной уверенностью остановиться на одной из них» [83, с.254]. В битве литвины захватили много пленников (может и «нагабника» Василия в их числе?), которым учинили допрос с пристрастием «многыя пленники усекаемая истязаяа въпрашаша я». Князя Ольгерда интересовало: «кде есть князь великий, есть ли около его сила?». Все пленники под пыткой твердили одно: «яко единемы усты противу отъвещеваху, поведаху, глаголяще: князь великий въ граде Москве, а рати все не убо бе поспели собратися к нему». Ободренный полученными сведениями князь литовский устремился к Москве. Там, между тем, уже готовились к обороне «повеле около града кремля посадъ пожещи примета ради» [65, ст.89]. В крепости «затворились» великий князь Дмитрий Иванович, князь Владимир Андреевич, митрополит Алексей и «прочіи князи и бояре и вси христіане». Надо думать, какая-то помощь успела подойти. «Ольгерд же стоялъ около города три дня и три ночи, останокъ загородіа все пожже, многы церкви и многы монастыри пожгль и отступи от града» [65, ст.90].

Точной даты первой осады Москвы Ольгердом не указано, но возможно, что известие: «Тое же зимы Москвичи отъступилися опять Городка и всее части княжи Семеновы князю великому Михаилу Александровичю, а князь Еремея отпустили съ нимъ въ Тферь» [65, ст.90], объясняет

столь быстрый уход. Князь Ольгерд ушел не потому, что убоился белокаменных стен нового кремля, а потому, что московские власти выдали головой удельного клинского князя Еремея. Шурин князя Ольгерда, великий князь тверской Михаил Александрович, по жалобе коего и начался поход, был удовлетворен полностью. Но обе стороны прекрасно понимали, что борьба только начинается. В ход пошла дипломатия. «Тое же зимы Володимерь Андреевич Московский ходилъ въ Новгородъ Великий Псковичемъ на помочь» [65, ст.90; 60, с.370]. Не совсем понятно, как можно было покинуть Москву после страшного погрома, что учинил Ольгерд. Пробыл он там довольно долго «бысть тамо от збора до Петрова дни» [69, с.185], то есть с 18 февраля до 29 июня, но ничего не сделал. Большинство исследователей считает, что князь Владимир Андреевич склонял новгородских бояр к союзу с Москвой [33, с.68]. Задача исключительно тяжелая, если учесть, что Новгород с 1367 года воевал с Тевтонским орденом, с которым одновременно воевал и князь литовский Ольгерд. Может быть, у него была несколько другая задача: переключить внимание тевтонцев с Пскова и Новгорода на Литву? Если так, то он с задачей справился. «В лето 6877 Немци приида взяли у Литвы городокъ Ковень да поставили камень. Приида Олгердь опять отънялъ его у ихъ» [65, ст.91]. Внимание князя Ольгерда было отвлечено. А на Москве не дремал митрополит Алексей, он отлучил от церкви всех православных князей, что помогали литвину воевать с Москвой, а о своем решении сообщил патриарху Филофею. Великий князь Дмитрий тоже написал письмо патриарху с изложением своих обид на князя Ольгерда. В далеком Константинополе приняли близко к сердцу заботы московских правителей. Патриарх ответил целой кипой посланий всем заинтересованным лицам. Князя Дмитрия ободрил в его начинаниях и духовно укрепил в борьбе с язычниками: «Сделано так, как ты желал: я тебя весьма похвалил и показал к тебе благорасположение; напротив, сильно опечалился и разгневался на [других] князей, как ты узнаешь из моих грамот» [76, дополнения, ст.101–102]. Митрополита похвалил и ободрил: «А так как ты, по благодати Христовой, от меня поставлен митрополитом, то и права имеешь мои, и всяк, покоряющийся твоему святительству, мне покоряется, и честь сия ко мне переходит», далее патриарх одобрил действия в отношении князей подручников Ольгерда: «Ты ещё писал и доносил мне, о князьях, нарушивших свои клятвы и мирные условия, об этом деле направлены к ним грамоты нашей мерности» [76, дополнения, ст.107–108]. Отлучительная грамота князьям подручникам пылала гневом, за то, что они: «соединились с нечестивым Ольгердом, который выступил против великого князя, погубил и разорил многих христиан», за это «мерность наша со своей стороны имеет этих князей отлученными» [76, дополнения, ст.119–120]. Наиболее гневное послание получил «благороднейший, великий князь смоленский кир Святослав». Патриарх обвинил его в нарушении договоренности «с великим князем всея Руси, кир Дмитрием» с коим он должен был «ополчиться на врагов нашей веры и креста, поклоняющихся огню и верующим в него». А вместо этого богоугодного дела «ополчился вместе с Ольгердом против христиан». За это «митрополит киевский и всея Руси, во Святом Духе возлюбленный брат и служитель нашей мерности, отлучил тебя и сделал хорошо и правильно» [76, дополнения, ст.121–122].

Впрочем, эти послания достигли Руси только в 1370 году. А в 1369 «в осенине князь великий Михаил Александрович в две недели городъ Тферь срубилъ деревянь» [65, ст.91]. Князь Ольгерд зимой устроил большой поход в Восточную Пруссию, где 17 февраля 1370 потерпел тяжелое поражение у Рудау: «Тое же зимы Олгерд ходилъ на Немцы и бысть межи ихъ тамо сеча». Узнав про это «Москвичи и Волочане воевали Смоленскую волость» [65, ст.91]. Между тем, в Мамаевой Орде произошли перемены. «В лето 6878 Мамай у себе в Орде посадилъ царя другаго Мамать Салтанъ» [65, ст.92]. Так в русских летописях называли Мухаммеда Белюка. В Москве на это сначала не обратили особого внимания, продолжая отвоёвывать у Литвы утраченное в 1368. «Того же лета князь великий Дмитрие Иванович посылалъ воевать Брянска». Предложения тверского князя Михаила Александровича о мире, посланные с тверским епископом Василием были отвергнуты: «Они же владыку отпустили с Москвы, а ко князю великому Михаилу пославъ целованіе сложили по Оспожине дни на 6 день». «Оспожин день» – это праздник Вознесение Господне празднуемый на 40 день после Пасхи, в 1370 году, он приходился на 23 мая, то есть война была объявлена 29 мая. Князь Михаил Александрович, получив такую весть, «на завтріе святого отца Калининика», отъехал на Литву. День памяти патриарха цариградского Калининика отмечается 23 августа, не совсем понятно, почему события отстающие друг от друга почти на 3 месяца, в летописи следуют непосредственно друг за другом. Возможно, между ними произошло другое событие: «А во Тферь изъ Орды пришелъ татаринъ Капътагаи да Тюзякъ привезли ярлыкъ князю

великому Михаилу на Тферьское княженіе». Во время нахождения послов в Твери Москва не начинала военных действий, а уж после их отъезда «почали Москвичи и Волочане воевати Тферьския волости» [65, ст.92–93]. Немного позже, с 1 сентября «съ Семеня дни» к делу подключился великий князь Дмитрий Иванович «съ всею силою», надо думать со своим двором. Великий князь «самъ стоял на Родне, а воеводы своя посылають Зубцева имать с великою силою». Дело, как видим, происходило на границе Тверского и Смоленского княжеств, в излучине Волги. Под Зубцовым московиты простояли шесть дней, после чего гарнизон сдался на капитуляцию: «по докончанію люди выпустили кому куды любо». Город сожгли, окрестные волости «повоевали и села пожгли, а люди в полонъ повели, а иныхъ побиша». Продолжению кампании мешала погода: «бышетъ дождево добре, хлеба ярого не жинали». Московская рать, по-видимому, ушла, захватив по пути город Микулин, вотчину князя Михаила Александровича. «А Волочане съ порубежныхъ мечь, такъ и воевали». В результате военных действий путь в Тверь князю Михаилу Александровичу оказался закрыт. Ольгерд, видимо, помощь дать отказался, единственной надеждой тверского князя стал Мамай. К нему он и отправился «до Филиппова заговеніа, за две недели» [65, ст.93; 66 с.110]. Филиппов (Рождественский) пост начинался 15 ноября, значит, князь Михаил отъехал 1 ноября, а осенняя кампания длилась чуть больше двух месяцев.

У Мамаю князь Михаил Александрович встретил теплый приём. Что и немудрено, давно уже русские князья не посещали его ставку со своими бедами и чаяньями. Князь Михаил не просто «прииде къ Мамаю, печалуя и жалуя, и тамо многие оукоры изнесе и многы вины изложи», но «паче же всего, всъхотесе ему самому княженіа великаго». Просьба подкреплялась большими дарами и ещё большими обещаниями. Князь Михаил «многы дары раздавъ и многы посулы рассульв княземъ Ординскимъ и рядцямъ» [65, ст.93], получил заветный ярлык и посла именем Сары-Ходжа [66, ст.110] для его подкрепления. Но Русь уже была не та, что прежде. Князь Михаила местные земские воеводы, не признали, мало того, его преследовали и попытались схватить. «Они же не пріаща его, но и переимали его по заставамъ и многими пути ганялися за нимъ, ищущи его, и не стигоша его. И тако едва утече не въ мнозе дружине и прибеже паку въ Литву» [65, ст.93].

На Руси Владимирской, в «Орде Залеской», ярлык хана Белюка не возымел действия, но в Руси Литовской, ему подчинились. Не следует забывать строк из договора литовских князей с Золотой Ордой: «...аже поидуть та(та)рове на ляхы, тогда руси неволя поити и с татары», приводившихся ранее. Князь Ольгерд, переборов своё нежелание, о чем свидетельствует его нейтралитет осенью, начал войну.

26 ноября 1370 года «на Юрьевъ день прииде в другие Олгерд Гедиминович князь Литовьскыи, собрав воя многы, въ силе тяжце на великаго князя Дмитрея Ивановича, а съ нимъ братіа его и сынови его и прочіи князи Литовстіи, и князь великіи Михаило Тферьскыи и князь Смоленьскыи Святъславъ съ силою Смоленскою». На этот раз основной удар пришёлся на Волок Ламский, его рать очень досаждала тверичам осенью. Ольгерд простоял у города два дня, но взять не смог. Однако, при отражении приступа был ранен князь Василий Иванович Березуйский: «оу города оу Волока, стоящу ему на мосту, внезапно исподъмостіа сквозе мость, Литвинъ пронзе его сулицею». Впоследствии от этой раны князь Василий скончался, за то удостоившись летописных строк: «Тому хоробру, такова слава». Не сумев взять города, Ольгерд направился к Москве, куда прибыл на «Николинъ день», то есть 6 декабря. В городе, в осаде сидел великий князь Дмитрий Иванович. Митрополит Алексей в то время находился в Нижнем Новгороде, наверное, побуждая к действиям тестя великого князя. Князь Владимир Андреевич «събрався силою, стояше в Перемышле, опълчився» [65, ст.94]. Волость, позднее город, Перемышль, находился в одном переходе от Москвы, примерно в 12 км южнее современного Подольска, на берегу реки Моча [49, с.32–34]. Стратегически место сосредоточения войска было выбрано очень удачно, не позволяя неприятелю разорять южные части княжества. На помощь князю Владимиру Андреевичу «приспе князь Володимерь Дмитреевич Проньскыи, а съ нимъ рать Рязаньская». Князь Ольгерд простоял под Москвой 8 дней «загородіе пожже и посадъ, но не весь, а города кремля не взя». Отдельные отряды пожгли и повоевали многие села и волости в округе. Узнав о приходе рязанцев литовский князь, по словам летописца, «оубояся и начать мира просити». В Москве согласились на перемирие до «Петрова дни», то есть до 29 июня. Ольгерд настаивал на вечном мире и предложил брачный союз: «А Олгердъ восхоте вечнаго миру, а хотя дати дщеръ свою за князя Володимера Андреевича, еже и бысть». После замирения литвины ушли «съ многымъ опасеніемъ, озираяся и бояся за собою погони» [65, ст.94–95]. В последующем сложилась легенда, якобы в этот поход

князь Ольгерд взял Москву и «копье свое к стене прислонил» [86, с.58–59]. Но это не более чем вымысел возвеличивающий его. В наиболее раннем списке белорусских летописей, в Никифоровском, описание результатов похода не отличается от взгляда московского летописца: «На Николин день прииде к Москв[е] и стоя у города 8 днии, и взем мир, взъвратися в свояси» [72, с.29]. Кампания вышла довольно быстротечная с 26 ноября по 14 декабря, всего 18 дней.

Опасения князя Ольгерда, несмотря на заключенное перемирие, были обоснованы. Князь Михаил Александрович, не получивший желаемого, военных действий не прекратил. Он продолжал некоторое время осаждать Волок, а потом ушел к Мамаю. Под Волоком действовали отряды из земских ратников, которые досаждали тверичам, могли потрепать и литвинов. Об одном из таких загонов сообщается: «Тое же зимы, паки поиде в Орду князь великий Михаило Тферьскийи, а Тферьская рати подъ Волокомъ убили Лоукоу Аркатова и люди много побили тои, которыи опроче стяга ходили» [65, ст.95]. Упоминаемые погибшие действовали на свой страх и риск, не подчиняясь командованию «не под стягом ходили», по сути, партизанили. Однако упоминание Луки Аркатова в летописи свидетельствует о значимом положении, которое он занимал.

10 апреля следующего 1371 года князь Михаил Александрович всё-таки сумел добраться до своего стольного города Тверь, «съ ярлыккомъ на великое княженье, а с нимъ посоль Сарыхожа». Для вступления в должность ему следовало попасть во Владимир. Туда он и направился вдоль Волги «мимо Кашинь». Князь Дмитрий Иванович предпринял ответные меры: «по всемъ городомъ бояре и люди привел к целованію не датися князю великому Михаилу, а въ землю его на княженіе на великое не пустити». Таким образом, московский князь полностью положился на земских бояр и людей, подкрепив свою позицию воинской силой. «А самъ с братомъ съ Володимеромъ ратию сталь въ Переяславле». Посол Сары-Ходжа, по-видимому, не хотел кровопролития и решил вступить в переговоры. «И Тотаринъ съ баисою посылалъ къ нему звать и въ Володимеръ к ярлыку». Князь Дмитрий Иванович ответил дипломатично: «къ ярлыку не еду, а въ землю на княженіе на великое не пушаю, а тебе, послу путь чистъ». В дополнение к сказанному московский князь пригласил посла: «послалъ к нему съ великою любовію звати его к собе». Князь Михаил и Сары-Ходжа находились тогда в Мологе. Посол «хотя имати многы дары и серебро» распрощался с князем «давъ ярлыкъ», отъехал в Москву «по миру», предоставив последнему самому добиваться благорасположения подданных. Обескураженный князь Михаил Александрович повернул «назадъ на Бежицький Верхъ, воюя», а оттуда в Тверь, куда и прибыл 23 мая. Из Твери он отправил к Мамаю «сына своего князя Ивашка», вероятно, хотел пожаловаться на посла, покинувшего его в такой ответственный момент. «А Тотаринъ Сарыхожа на Москве поймавъ многи дары поиде в Орду». Надо думать, там, на Москве, были оговорены условия поездки великого князя Дмитрия Ивановича к Мамаю. Куда он и отправился 15 июня 1371 года, переправившись через Оку. В поездку его провожал митрополит Алексей «отпусти его с миромъ, и его бояръ, и его воевъ, и всехъ благословивъ» [65, ст.95–96].

Перед поездкой, возможно, в присутствии посла, князь Дмитрий Иванович заключил союзный договор с крупнейшим городом или землёй северо-восточной Руси Новгородом [37, с.107–109]. Впоследствии он получил название «О одиначестве». Надо думать, что подобные договора могли быть заключены и с другими городами-землями, входившими в состав великого княжества. Формуляр договора резко отличается от других договоров, дошедших до наших дней. Это договор именно о поддержке и военном союзе. Начинался он словами: «Се приехали ко мне к великому кн(я)зю Дмитрею Иванович(ю) всея Руси», то есть подтверждался титул, которого московский князь был лишен решением хана Белюка. Далее перечислялись должности и имена правителей Новгорода, от кого пришло посольство: архиепископ Алексей, посадник Юрий, тысячник Елисей, после чего добавлялось «і от всего Новагорода» и перечислялись послы: «Иван посадник, Василеи Федоров, Иван Борисов, а от черных людей Воислав Попович, Василеи Огафонов». Потом следовало: «Кончал есмь со своими мужи в одинач(е)ство, целовали есмы кр(е)сть съ своим братом кн(я)зем съ Володимером Андреевичем. А на том к нам целовали кр(е)сть Иван посадник, Василеи Федоров, Иван Борисов, Воислав Попович, Василеи Огафонов. На том целовати кр(е)сть ко мне, ко кн(я)зю великому Дмитрею Иванович(ю) всеа Рус(и) и к моему брату к кн(я)зю к Володимеру в одинач(е)ство всему Новгороду». В.А. Кучкин считает, что под «своими мужами» подразумеваются новгородские послы, но судя по строению фразы, это всё-таки окружение князя Дмитрия, от лица которого он с братом и приносит присягу. Передать оборот можно таким образом: «Заклучал я, со своими мужами в единстве, клялись со своим братом Владимиром». А далее уже перечислялись новгород-

цы, как другая сторона от всего единого Новгорода. Таким образом, князья Дмитрий и Владимир в договоре представляли не только себя, а некую группу людей. Суть договора заключалась в военном союзе против Литвы и Твери. «Аже будет обида со княз(ь)ми литовскими или съ тферьскимъ кн(я)зем Михаилом, Новоугороду всести на кон(ь) со мною со кн(я)зем с великим, и с моим братом со кн(я)зем С Володимером с одног(о)». По его условиям, в случае войны, возглавить новгородскую рать должны были или князь Дмитрий, или его брат Владимир: «а бытии ми в Новегороде или брата пошлю». Но в случае нападения на Москву, новгородцы оставались в стороне: «А поидет на нас рат(ь), ехати ми от вас или брату моему безъ хитрости, а то нам не в ызмену» [37, с.337–338]. «Одиначество» однако, было не совсем равноправное.

Ставка Мамаю кочевала тогда на Днепре [16, с.159], и в местности впоследствии названной Мамаев Луг находившейся восточнее. Вместе с князем Дмитрием в Орду отправился ростовский князь Андрей Федорович [66, с.110], возможно, за обновленным ярлыком на «великое княжение Ростовское». Прибыв на место, князь Дмитрий Иванович «многы дары и великы посулы подавалъ Мамаю и царицею и княземъ, чтобы княженіа не отъняли». Мамай и его окружение, потешив своё тщеславие «отъпустили князя Дмитріа с любовію, опять давъ ему княженіе великое» [65, ст.96]. Кажущаяся непоследовательность в действиях Мамаю вполне объяснима. Он, от своего доверенного посла Сара-Ходжи, знал реальное положение дел на Руси. Большинство земских воевод не поддержали князя Михаила Александровича, а Мамай, сам будучи «ратным князем» понимал, что именно поддержка «ратей» делала человека настоящим правителем. Он знал о заключенном Москвой с Ольгердом соглашении о брачном союзе. Это создавало угрозу и политического союза, ведь и отношение с Ольгердом у Мамаю были далеко не безоблачными. Вернув князю Дмитрию великое княжение, он толкал последнего на военный конфликт с князем Михаилом Александровичем и Ольгердом, тем самым ослабляя всех. Возможно, Мамай приставил к князю Дмитрию Ивановичу своего человека. Этим человеком был... князь Дмитрий Михайлович Боброк Волынский. Именно после этой поездки его имя появляется в летописях, причем сразу на первых местах.

Про Дмитрия Михайловича Волынского написано много, но к единому мнению о его происхождении исследователи так и не пришли. В. А. Кучкин считает его сыном литовского князя Кориата, в крещении Михаила, Гедиминовича [44, с.66]. А. В. Кузьмин пытается, довольно путано, возвести к потомкам князя Даниила Галицкого [30, с.735–737]. Останемся приверженцами теории, что Дмитрий Михайлович и Дмитрий Кориатович одно лицо, как об этом говорят Татищев и Карамзин, видевшие летописи, не дошедшие до наших дней. Сыновья Кориата владели землями в Подолии и Волыни, находившимися под сюзеренитетом Золотой Орды, за что обязаны были ханам военной службой [1, с.1–2]. В битве на Синих Водах, где князь Ольгерд разбил татар, во главе ордынцев стояли три татарских князя: Хочибей, Кутлубуга и Дмитрий [72, с.66]. Вполне вероятно, что тот Дмитрий и есть князь Дмитрий Михайлович. Ничего невозможного в этом нет. В Литве и родные братья князья воевали между собой. После поражения лишённому удела князю пришлось уйти к Мамаю, а тот решил пристроить его на Русь Владимирскую. Возможно, Мамай хотел заменить им стареющего московского тысячника Василия Вельяминова. Отказаться от такого предложения князь Дмитрий Иванович не мог, ведь сын Кориата с 1356 года был женат на его старшей сестре [65, ст.65]. А приветить родственника – дело угодное Богу.

Князю Михаилу Александровичу, Мамай послал грамоту со словами: «княженіе есмы тебе дали великое и давали ти есмы рать и ты не поняль, рекль еси своею силою сести, и ты сяди с кемъ ти любо» [65, ст.96–97]. Со времен Карамзина устоялось мнение, что Мамай предлагал князю Михаилу войско из татар, а тот отказался из благородных побуждений. Думается, почтенный историк несколько идеализировал тверского князя. Он совершенно спокойно привел на Русь литовское войско, а в мастерстве убийств, грабежей и разорений литвины ни в чём не уступали татарам. В грамоте имелось в виду несколько иное. Как мы видели на примере Смоленского похода 1339 года, ханы для военных действий использовали местные контингенты. Достаточно было послать ярлык и рати земель близлежащих поднимались и поступали под начало человека его привезшего. Нечто подобное произошло и позже, в 1370 году. Мамай решил взять под свой контроль город Булгар, который с 1361 года находился во власти эмира Булат Тимура, а после смерти последнего в 1367, его приемника Хасана. Для этого в Нижний Новгород отправился родственник нового хана Бюлека Мухаммед Султан и посол Хаджи-ходжа с ярлыком [16, с.156–157]. В соответствии с приказом поднялась рать нижегородская, и задание было успешно выполнено. В наших летописях событие описано так: «Того же лета князь Дмитрей Костянтинович Сулдальский

събра воя многи, посла брата своего князя Бориса и сына своего князя Василя, а съ нимъ посоль царевъ, именовъ Ачихожаи, посла я на Болгарскаго князя Осана. Осанъ же посла противу ихъ съ челобитіемъ и съ многими дары. Они же дары взявше, а на княженъ посадиша Салтана, Бакова сына, и възвратишася на Русь» [66, с.109]. Таким образом, для подчинения богатейшего торгового города на Волге, Мамаю не понадобилось посылать своих нукеров с берегов Днепра. Вполне хватило тех, кто жил в княжестве Суздальско-Нижегородском. Конечно, у Мухаммеда Султана и посла была свита из татар, но основную силу составляли русские «ордынцы». За верную службу они получили «многие дары» взятые у «ордынцев» болгарских. В случае с князем Михаилом Тверским всё происходило по сложившейся схеме. Мамай дал ему посла и ярлык, согласно которому рать великого княжества поступала в распоряжение тверского князя. Но он рать «не понимал», то есть не смог поднять, взять, привлечь на свою сторону, чем показал свою несостоятельность.

Пока князь Дмитрий Иванович устанавливал личные контакты с улуг эмиром Золотой Орды Мамаем, в Москву прибыли послы из Литвы «о миру и взяша миръ, а за князя за Володимира Ондревича обручиша Олгердову дщерь именовъ Олену». А князь Михаил Александрович предпринял поход на Кострому. Но, не дойдя до неё, вернулся и захватил Мологу, Углич (Углич Поле) и Бежецкий Верх. В летописи говорится, что все города он «огнемъ пожже» [65, ст.96]. Судя по географии, поход был «судовой» в ладьях по Волге. До Костромы тверской князь, по-видимому, не добрался из-за противодействия ярославских князей, потому и отыгрался на Мологе. Но «Того же лета Великаго Новгорода Новгородци оушкуиници разбоиници, собращася, взяша Кострому» [65, ст.97]. Надо думать тут не обошлось без просьбы князя Михаила Александровича. В Новгороде, тогда, как в любом демократическом государстве, происходила борьба между двумя группировками, одна поддерживала тверского князя, другая – московского [37, с.102–103]. Но несмотря на видимые успехи «ко князю великому къ Михаилу такъ и не почали люди изъ городовъ передаватися» [65, ст.98]. Даже в договоре с Новгородом, который князю Михаилу Александровичу удалось заключить поздним летом, были записаны слова: «А на семь на всемъ князь великийи крестъ человаль. А вынесутъ тебе из Орды княжение великое, намъ еси князь великийи, или пакъ не выне[су]тъ то[б]е княжения велико[го из] Орды, пойти твоимъ наместникамъ изъ Новгорода проць и изъ новгородьцкихъ пригородовъ, а в томъ Новгороду измены нету» [37, с.91–92].

Князь Дмитрий Иванович, со своим ярлыком на великое княжение, вернулся «того же лета въсенине», то есть осенью, скорее всего в конце сентября [37, с.93]. Вернулся не один, а «съ многими длъжники, и бышетъ отъ него по городомъ тягость данна велика людемъ». Первым делом, он попытался восстановить положение: «на Бежицькой Верхъ наслалъ князь Дмитрей рать, и убиша наместника князя Михайлова Микифора Лыча». В ответ князь Михаил Александрович «пославъ братанича своего князя Дмитрея Еремеевича и воеводъ своихъ ратию и взялъ Кистьму. А воеводъ Кистемьскихъ Ивановыхъ детіи Шенуровыхъ Андреа и Давида и Бориса, изнимавъ приведоша в Тферъ» [65, ст.98]. Следует отметить, что «кистемские воеводы» Шенуровы – это, скорее всего, дети того самого князя Ивана Козельского, на бегство которого жаловался патриарху князь Ольгерд. Область Кистьма, упомянутая в летописи, находилась, по мнению В.А. Кучкина в Бежецких землях, и оба похода – звенья одного события [37, с.93–94]. Несмотря на успех тверского князя, от него отвернулся кашинский князь Михаил Васильевич «пославъ на Москву, взялъ миръ, и бояре его ис Кашина приславъ съложили целованіе къ князю къ великому Михаилу» [65, ст.98].

Зимой произошел конфликт с Рязанью. Причины конфликта в летописях не объяснены. Татищев писал, что князь Олег Рязанский потребовал возмещения за помощь, оказанную в Ольгердов приход. А князь Дмитрий отказал: «отмолви, потому что Олег стоял только на меже, а Москву оборонять не шел, и Олгерд коло Москвы пустошил» [82, с.123]. Было ли такое известие в недошедших до нас летописях, или «последний летописец» сам придумал объяснение, понять сложно. Во всяком случае, смысла самим искать новых врагов при не законченном конфликте с Тверью не было. Логично предположить об «ордынском следе» этого похода. Князь рязанский Олег Иванович вел довольно самостоятельную политику стараясь укрепить положение своего княжества, и это стремление могло вызвать озабоченность Мамаю. Приструнить зарвавшегося вассала поручили «московской рати», а в поход её повел новый воевода – князь Дмитрий Михайлович Волынский. «Тое же зимы передъ Рожествомъ Христовымъ бысть побоище на Скорницеве съ Рязанци. Князь великийи Дмитрей Ивановичъ, събравъ воя многи, и пославъ рать на князя Олга на Рязаньскаго, а воеводу съ ними отпусти Дмитрия Михайловича Волынского» [65, ст.98]. Интересно, что в некоторых списках летописей княжеский титул присутствует [64, с.16–17; 68, с.127], а в

некоторых опущен [66, с.111]. Само описание сражения более похоже на нравоучительный анекдот. «Князь же Олегъ Рязанскыи, събравъ воя многы, и изыде ратью противу ихъ. Рязанци же, сурови суще, другъ къ другу рекоша: «не емлите съ собою доспеховъ, ни щитовъ, ни копыя, ниже коего иного оружіа, но токмо емлите съ собою едины ужища кождо васъ, имже вязати начнет Москвичъ, понеже суть слабы и страшливи и не крепце». Наши же Божією помощію укрепляющеся смиреніемъ и въздыханіемъ, уповаша на Бога крепкаго въ бранехъ, иже ние въ силе, но въ правде даетъ победу и одоленіе. И сретошася Рязанци, и бысть имъ бои на Скорнищеве. И поможе Богъ князю великому Дмитрею Ивановичю и его воемъ, и одолеша, а князь Олегъ едва убежалъ» [66, с.111–112]. Поверить в то, что князь Олег который «суровъ и свирепъ сыи съ своими Рязанци съ потаковныки ему сбродни» [65, ст.63], ещё в юности захвативший у Москвы Лопастню, разбивший эмира Тагая и поднявший Рязанское княжество на невиданную высоту, приказал своим войнам напасть на неприятеля с одними веревками – «ужищами» невозможно. Скорее уж дело было много драматичнее: «сретошася обои полци на Скорнищеве, и быст(ь) имъ брань люта и сеча зла, и поможе б(о)гъ кн(я)зю Дмитрию и воемъ его, одолеша рязанцевъ, а кн(я)зь Олегъ едва убежа в мале дружине» [62, ст.441]. Произошло сражение 14 декабря 1371 года [64, с.16], возле самого города Переяславля Рязанского. Князь Олег Иванович бежал, а на рязанский стол воссел союзник Москвы пронский князь Владимир Дмитриевич (Ярославович). Правда удержался он там недолго, уже летом «Князь Олегъ Рязанскыи, собравъ воя, прииде ратию на Рязань изгономъ, на князя Володимера Проньскаго и согна его» [65, ст.100]. Из летописных сообщений о битве под Скорнищеве можно подчерпнуть только весть о вооружении тех времен, упомянуты доспехи, щиты и копыя.

В Москве зимой 1371–1372 годов произошло два важных события: 30 декабря у великого князя родился сын Василий, и «тое же зимы» состоялась «женитьба» князя Владимира Андреевича с Еленой Ольгердовной [65 ст.99]. Весной снова начались военные действия. «В лето 6880, индикта 10 лет[а] по велице дни в Фомину неделю, князь великий Михаило Александрович(ь) прииде своею ратию Тферьскою взялъ Дмитровъ, а посадъ и села пожггли, а боярь и людїи изнимавъ, и женъ в полонъ привели в Тферь» [65, ст.99]. В Симеоновской летописи сказано, что город откупился: «а князь Михаило въ то жа время взя градъ Дмитровъ, и боярь множество въ полонъ поведе, а съ города окупъ взялъ» [66, с.113]. Одновременно, князь Михаил «подвелъ втаю рать Литовьскую на градъ Переяславль, князя Кестутья, Олгердова брата, да князя Андрея Олгердовичя Полотскаго, и иныи мнози князи, а съ ними воя многы, и Литва, и Ляхи, и Жемоть, по велице дни на другои недели въ вторникъ на заутрие по Радунце, въ то время, егда об дню поють, и приидоша изгономъ внезапу безъ вести и посадъ около града пожгоша, а града не взяша, а людеи много множество и боярь въ полонъ поведоша» [66, с.112–113]. Нападение на оба города было произведено сразу после Пасхи, которая в 1372 году приходилась на 28 марта. Бояре и люди дмитровской и перьяславской ратей, праздновавшие по селам, были там и пойманы. Спаслись лишь те, что находились в городах. Объединившись, тверичи и литвины двинулись к Кашину «и взяша окупъ с Кашина. А князь великий Михаило въ всю свою волю введе брата своего князя Михаила Василіевича» [65, ст.99–100]. В Симеоновской летописи честь покорения Кашина приписывается только литвинам: «а Литва шедше взяша Кашинъ город и волости и села, и людеи много полониша» [66, с.113]. При возвращении в Литву князь Кейстут пошел на Торжок, а сыновья Ольгерда полоцкий князь Андрей и друтский князь Дмитрий «мимо Тферь назадъ ида много зла стъворили» [65, ст.100].

В Новгороде, грабеж новоторжских земель войсками князя Кейстута, сочли нарушением договора со стороны князя Александра Михайловича и решили отомстить. «Того же лета Новгородци Великаго Новагорода бояре ехаша въ Торжекъ ставити города, съслаша съ города съ Торжьку наместниковъ княжихъ Михайловыхъ Тферскаго» [66, с.113]. Вместе с наместниками гонениям подвергли всех тверичей находившихся в городе: «А Тферичъ изнимаша и биша, а лодыи ихъ пограбиша». Князь Михаил Александрович отреагировал быстро «съвокупя съ собою Тферьскую силу и иде ратию къ Торжьку, месяца маіа въ 31 день, на память святаго мученика Еремея, въ понедельникъ ста у Трьжьку въ поле обеда». В город были посланы переговорщики с требованием выдачи виновных в бесчинствах и восстановлении наместников. «И жда ихъ покореніа чистосердечнаго до полудни». Но в ответ получил отказ с «высокомысліемъ». «А сами Новгородци и Новоторжьци похвалившесе силою своею и мужьствомъ, въружася, выехоша из города битися съ княземъ съ великимъ съ Михаиломъ». Но высокоумия и похваления оказалось мало, дело решилось в единственной схватке: «на первомъ суиме победи ихъ князь великий Михаило, и воеводу ихъ убиша Александра Аввакумова с другы». Новгородское войско оказалось

разрезано, часть побежала «на поле к Новугороду», другие «назадъ в городъ» [65, ст.101–102]. На их плечах тверичи ворвались в город и устроили там страшный погром. Разорение Торжка поразило летописцев, число погибших и жестокость победителей устрашало современников: «Первие же Александръ Обакунович стрети на поле, и ту костью паде за святыи Спасъ и за обиду Новгородскую, и съ нимъ убиша Ивана Шаховичя, и друга его Ивана Тимофеевичя и Григорія Щелькова, и инехъ неколико ту мужъ паде, а иныя побегоша, а иныхъ изымавъ на Тферь полона, мужа и женъ, безъ числа поведоша множество, а и товара много поимаша, что ся остало отъ огня, иконной круты и серебра много поимаша. И кто, братіе, о семь не плачется, кто ся осталъ живыхъ видеви, како они нужную и горкую смерть подъяша, и святыи церкви пожжени и городъ весь отъинудъ пусть, еже ни отъ поганыхъ не бывало такового зла Торжкю. И наметаша избъенныхъ людеи мертвыхъ и изженихъ и утоплыхъ 5 скуделницъ; а иніи згорели безъ останка, а иніи истопли безъ вести, а иніи поплыли внизъ по Тферци. И тако взявъ Торжекъ, и огнемъ пожже, и церкви и монастыри огнемъ погореша, а товара всякого наимава и безчислену корысть приобрете и припроводи въ свои градъ на Тферь. Тогда, то слышавше Новгородци и убояшася въ Великомъ Новогороде и начаша копати ровъ около Лидна конца и около Загородья и около Неревскаго конца» [66, с.113]. Но это ещё не было концом трагедии.

В июне возобновились военные действия основных сил. «Того же лета месяца июля 12 день князь великий Михаил Александрович со Тфери поиде ратию, а князь великий Олгердъ изъ Литвы съ Литовскою ратию, совокупишеся в едино место подъ Любутском. А съ Москвы противу ихъ прииде князь великий Дмитрии Ивановичъ ратию» [65, ст.103]. В первой схватке победили москвиты: «и преже всехъ Москвичи съгнаша сторожевыи полкъ Олгердовъ и избежа» [66, с.113]. Войска заняли позиции по естественным природным рубежам разделенные глубоким оврагом. «И стали обе рати противу себе вооружася о врагъ и не бышет[ь] лъзе толь борзо снятися, башеть бо дбрь глубока зело. И тако стоявше несколько дней и бышетъ имъ врагъ отъ въ спасеніе и огради вся» [65, ст. 103]. Ни одна из сторон не решалась произвести нападение. В конце концов, решили договариваться о мире. Проект этого договора дошел до наших дней [21, с.21–22; 37, с.338–339]. Его текст позволяет нам узнать: кто именно вел борьбу за гегемонию в русских землях. С литовской стороны договаривающиеся стороны представляли: «князь великий Олгердъ, своимъ брат(о)мъ, со княз(е)мъ с Кестутьемъ, и княз(ь) великий Св(я)тъславъ Ивановичъ», кроме того упомянуты: «княз(ь) Михаилу тферьский, княз(ь) Дмитрии брянский, и те князи, хто буд(е)тъ оу княз(я) оу великого оу Олгерда в ымени его, и оу князя великого Св(я)тъслава тако же». Надо думать, что ни тверской князь Михаил Александрович, ни брянский князь Дмитрий Ольгердович в стоянии у Любутска участия не принимали. С противной стороны значились: «хто будетъ со княз(е)мъ с великимъ зъ Дмитриемъ Иванович(е)мъ и съ его брат(о)мъ, со княз(е)мъ с Володимеромъ Аньдреевич(е)мъ, в любви и в докончаньи, князь великий Олегъ, княз(ь) велики Романъ, княз(ь) великий Володимеръ проньский, и иные княз(и), хто буд(е)тъ в нашемъ имени». То есть великий князь Дмитрий и его брат Владимир представляли интересы рязанского князя Олега Ивановича, названного «великим», что несколько удивительно, если вспомнить про битву у Скорнищева. С другой стороны, возможно, ко времени стояния у Любутска недоразумения в рязанском княжеском доме были уже преодолены, так как пронский князь Владимир Дмитриевич тоже упомянут как «великий». Также «великим» назван новосильский князь Роман Семенович [37, с.154–157], хотя, полной уверенности, что это не князь Роман Михайлович нет. Именно Роман Михайлович считался великим князем черниговским [90, с.51–52]. Скорее всего этих князей тоже не было под Любутском, в отношении их только отмечалось: «техъ князии княз(ю) великому Олгерду, и брат(у) его, княз(ю) Кестутью, и княз(ю) великому Св(я)тъславу, и ихъ детемъ техъ князии не воевати, очины ихъ, ни ихъ люд(и)и». Отсутствие князя Михаила подтверждает и то, что его практически отдали на растерзание Москве: «а иметь княз(ь) Михаилу что пакостити в нашей очине, в великомъ княженьи, или грабити, намъ ся с нимъ ведати самимъ. А княз(ю) великому Олгерду, и брат(у) его, княз(ю) Кестутью, и ихъ детемъ за него ся не вступати». В дополнение к чему следовало ждать и ордынской немилости: «А что пошли в Орду ко ц(а)рю люд(и) жаловатися на княз(я) на Михаила, а то есмы въ б(ож)ьи воли и во ц(а)р(е)ве, как повелитъ, так ны делати, а то от нас не в ызмену». С московской стороны договор гарантировали воеводы: «отъ великого князя отъ Дмитрии Иванович(а) и ото княз(я) Володимера Аньдреевич(а) целовали кр(ес)тъ: Дмитрии Михайлович, Иванъ Михайлович, Дмитрии Олександрович, Иванъ Федорович». В. А. Кучкин считает, что это бояре князей упомянутых с «московской стороны» [37, с.162–

163]. Но таких князей в грамоте пять: князя Дмитрий Московский, Владимир Серпуховской, Олег Рязанский, Роман Новосильский (или Роман Черниговский) и Владимир Пронский, а людей «целовавших крест» только четверо. Кроме того в грамоте ясно указано, что они целовали крест именно от князя Дмитрия Ивановича и от князя Владимира Андреевича, а не от каких-то других князей. Дмитрий Михайлович – несомненно, Боброк Волынский. Иван Михайлович – сын тестя Василь Васильевича Вельяминова Михаила Александровича [9, с.489]. Дмитриев Александровичей, на тот момент могло быть на Москве, как минимум три: Зерно [9, с.163], Всевожж [9, с.332] и Монастырев [9, с.375]. И все они были воеводами. Иван Федорович, по мнению С.Б. Веселовского, сын князя фоминского Федора – Иван Собака [9, с.363]. Но мог быть и выше упомянутый Иван Федорович Шонур Козельский [54, с.147], и сын князя Федора Ржевского – Иван Толбуга [9, с.58, 292, 366; 54, с.124].

Ещё ранее, князь Дмитрий Иванович послал к Мамаю киличеев «со многымъ сребромъ», они выкупили у него сына тверского князя Ивана, которого привезли на Москву 14 ноября «заговевъ Филипову говенію, и начаша держати выстоме» [65, ст.104]. Сумма, выплаченная за князя Ивана Михайловича, в летописях разнится. В более распространенной версии: «даша на немъ 10 тысячъ серебра, еже есть тму рублевъ» [66, с.111], но есть и менее значимая сумма – 300 рублей [67, с.116]. Кажущаяся несуразность цифр не должна вызывать изумления. Скорее всего, за князя Ивана, действительно заплатили 10000 «серебра», только не рублей, а алтын. Алтын стоил 3 копейки, а 30000 копеек – это и есть 300 рублей. На этом примере, можно убедиться, как смена терминологии в более поздних списках летописей влияет на порядок чисел. Нахождение наследника в Москве «у Алексея митрополита на дворе» [66, с.111] несколько охладило пыл тверского князя Михаила Александровича.

Примерно в тоже время, летом 1372 года [35, с.76–77], произошло заключение договора о взаимоотношениях между князем Дмитрием Ивановичем и его братом Владимиром Андреевичем [21, с.23–24]. По нему можно судить о положении, сложившемся тогда в московском княжеском доме. К сожалению, договор сохранился в очень плохом состоянии, но благодаря реконструкции произведенной В.А. Кучкиным [36] кое-что почерпнуть, возможно. Заключался он, как и первый, под присмотром митрополита Алексия. По его условиям, великий князь Дмитрий считался «отцом» для удельного князя Владимира, а малолетний сын княжич Василий Дмитриевич – старшим братом. Князь Владимир обязывался признать право на 2/3 московских владений за князем Дмитрием и его наследниками. За что, в свою очередь получал в удел 1/3 московского княжества, а в великом княжении – «Галичь, Дмитровъ с волостями и съ...», скорее всего, селами. На три части были поделены данщики – «численные люди». Дань в своём уделе, а соответственно и долю баскака, князь Владимир Андреевич собирал сам. Относительно делноев статья осталась прежней: «делюи, а тем знати свои служба, как было при...». Статьи про ордынцев не сохранилось. По договору князь Владимир Андреевич стал практически самостоятельным владетельным князем. Скорее всего, это было вызвано необходимостью создания у него сильного военного «двора» – воев зависящих непосредственно от князя и способных быстро собраться под его стяг в случае военной угрозы. Пример Тросны показал, что рати слишком тяжелы на подъём, а в условиях борьбы за великое княжение разумнее рассчитывать только на людей зависящих лично от князей. Имея возможность собирать дань и распоряжаться землями в своём уделе, князь получал средства для содержания большего количества воинов.

Скорее всего, тогда же, летом 1372 года, было написано первое завещание великого князя Дмитрия Ивановича [21, с.24–25]. В.А. Кучкин датирует его более ранним временем – началом 1372 года, обосновывая это отсутствием среди послухов Дмитрия Михайловича Волынского [44, с.61–67]. Но он мог отсутствовать и в период переговоров о мире с князем Ольгердом у Любутска, где выступал главой делегации. В военном отношении завещание интересно упоминанием в нём доспехов завещанным князю Дмитрию Ивановичу его отцом и списком послухов. «А послус(и) на сю грамоту: Тимофеи околничии..., Иванъ Родивонович, Иванъ Федорович, Федоръ [Онд]реевич». «Тимофеи околничии» – это, несомненно, младший брат тысячника Василия Васильевича Вельяминова [54, с.102]. Иван Родионович – сын Родиона Несторовича. На роль Ивана Федоровича могут претендовать: Иван Собака, Иван Шонур, Иван Толбуга. Федор Андреевич, скорее всего, правнук Акинфа Великого Федор Свибло [54, с.92]. Как видим, договор с Ольгердом и завещание князя Дмитрия Ивановича освидетельствовали разные люди.

Летом следующего 1373 года, татары из Мамаевой Орды совершили нападение на Рязань: «грады пожгоша, а людїи многое множество плениша и побиша». Князь Дмитрий Иванович стоял на Оке, «собравъ всю силу княженіа великаго». Из Новгорода был отозван князь Владимир Андреевич, прибывавший там «весну всю» [65, ст. 104]. Тверской князь Михаил Александрович, тем временем, укрепил оборону своего стольного града. «Тферьскими волостями да Новоторжьскими губами теми людми около города Тфери валу ров выкопали и валь засыпали от Волги до Тмаки» [65, ст.104–105]. Противостояние продолжалось до начала зимы, когда был заключен мир. Князя Ивана Михайловича отпустили с Москвы, а его отец «со княженіа со великаго наместники свои свель и бышетъ тишина» [65, ст.105].

Между тем, в Золотой Орде происходили события оказавшие влияние на общеполитическую ситуацию. На Сарай начал наступления хан Урус властвовавший в Сыгнаке. Сначала, он разгромил войска хана Эльбека и захватил Сарайчик, а потом, не позднее осени 1374 выбил из Сарая представителей хана Бюлека и Мамай [16, с.162–163]. Это, скорее всего, привело к тому, что «князю великому Дмитрію Московьскому бышетъ размиріе съ Тотары и съ Мамаемъ» [65, ст.106]. Надо думать, что в Москве, выжидая выяснение ситуации, отказались признавать обе стороны ордынского конфликта. Для укрепления южных рубежей срочно возвели новую крепость: «Того же лета благороднии и христоролюбивии князь Володимерь Андреевич заложи градъ Серпоховъ въ своеи отчине и повеле его нарядити и срубити дубовъ, а людемъ приходящимъ и гражаномъ живущимъ въ немъ, и человекомъ торъжествующимъ подасть великую волю и ослабу и многоу лготу; приказавъ наместничство дръжати града Якову Юрьевичю, нарицаемому Новосильцю, околничемю своему» [65, ст.106–107]. Литва действовала ещё решительней «того же лета въсєнине ходили Литва на Татарове, на Темеря и бышетъ межи ихъ бои» [65, ст.106]. Трагически складывалась ситуация в Нижнем Новгороде. Не получив понимания в Москве, Мамай, стремясь получить поддержку ратей «Русского Улуса» отправил посла Сарайку в Нижний Новгород. Обычная практика, которую мы рассматривали выше, скорее всего, их хотели использовать против хана Уруса. Однако нижегородская рать не подчинилась: «Новгородци Нижняго Новагорода побиша пословъ Мамаевыхъ, а съ ними Татаръ съ тысящу, а стареишину ихъ, именемъ Сарайку, рукама яша и приведоша ихъ въ Новъгородъ Нижній съ его дружиною» [65, ст.106]. Рать нижегородская действовала по своему разумению, в месте сбора взбунтовалась, перебила татарский отряд, а посла с ближней свитой, под охраной, отправили к князю в Нижний Новгород.

17 сентября 1374 года в Москве скончался московский тысячник Василий Васильевич Вельяминов [65, ст.108]. Великий князь Дмитрий Иванович решил, или ему посоветовали, взять власть над московской ратью в свои руки. Решение для того времени эпохальное – сосредоточить в руках «улусного князя» и гражданскую и военную власти. Надо думать на такое его подвигло видение того, что происходило в Золотой Орде. Там, власть перешла в руки «ратного князя» Мамай. Подобное же произошло и в Улусе Джагатая, где к власти пришел эмир Тимур. А несколько ранее в Улусе Хулагу эмир Чобан вершил все дела. Возможно, своё новшество он предложил перенять всем князьям Северо-Восточной Руси. Для этого в ноябре был созван «съездъ великъ въ Переяславли, отъвсюду съехашася князи и бояре». Формальным поводом послужило рождение у великого князя 26 ноября сына Юрия. Новорожденного крестил «игумень Сергіи, святыи старецъ». Сергий Радонежский являлся тогда высшим духовным авторитетом, поэтому «бысть радость велика» [65, ст.108]. Большинство исследователей считает, что на том съезде было принято совместное решение князей о борьбе против Мамай [13, с.90; 33, с.71]. Первой жертвой этого решения оказался посол Сарайка. Он находился под караулом в Нижнем Новгороде. 31 марта 1375 года шурин великого князя «князь Василии Дмитріевич Суждальскыи посла воины своя и повеле Сарайку и его дружину розно развести» [65, ст.108]. Сарайка, поняв подвох, прорвался со своими людьми на двор нижегородского епископа Дионисия «зажже дворъ и нача стреляти люди и многи язвы люди стрелами, а иныхъ смерти преда» [65, ст.108–109]. Чуть не погиб и сам епископ. Однако силы оказались неравны и «Татарове ту вси избіени быша, и ни одинъ изъ нихъ не избысть» [65, ст.109]. Следует обратить внимание на слова «избіени» и «избысть». При кажущемся одинаковом написании и звучании, они значат совершенно противоположные вещи. Первое означает смерть, а второе – спасение. Некоторые люди не улавливают такой тонкости и понимают летописный текст наоборот. В отместку Мамай приказал совершить набег на нижегородские владения. «Того же лета прїдоша Татарове изъ Мамаевы Орды и взяша Кишь и огнемъ пожгоша и боярина убиша

Парфенія Феодоровича и за-Піаніе все пограбіша и пусто сотвориша и людеи посекоша, а иныхъ въ полонъ поведоша» [65, ст.109].

Сын последнего московского тысячника Иван Васильевич не захотел мириться с потерей чина и должности своего рода. Перед великим постом 1375 года он бежал в Тверь. Бежал не один, а с неким Некоматом. Князь Михаил Александрович, «на Федорове неделе», то есть на первой неделе великого поста, начавшейся 5 марта, «послалъ ихъ въ Орду» к Мамаю [65, ст.109]. В более поздних летописях Некомат именуется «Некомать Сурожанинь» [62, ст.445; 69, с.190]. Скорее всего, прозвище указывает на его принадлежность к торговой корпорации «гости-сурожане» [84, с.78–79]. Данная корпорация называлась по имени города Судака (Сугдея, Сурож) в Крыму и контролировала торговлю Руси с итальянскими колониями. Возможно, в летописях, так назван Матвей Фрязин, упомянутый в жалованной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича: «пожаловал есмь Ондreja Фрязина Печерою, как был(о) за ег(о) дядею за Матфеем за Фрязиным» [2, с.16]. Имя Матвей в итальянском произношении звучит как Матео и возможны чтения «Некомат», как «некто Матео», или «Нико Матео», во втором случае получается: Николай сын Матвея Сурожанин. Но в таком случае, возникает вопрос в его принадлежности к торговому сословию. Кормления давали за службу, обычно воинскую, и, скорее всего, эти фряги были рыцарями на службе у московских князей. Так или иначе, но именно Некомат 13 июля 1375 года привез в Тверь князю Михаилу Александровичу ярлык на великое княжение. Он прибыл «съ посломъ съ Ажихожею» [65, ст.110]. Скорее всего, посол тот же Хаджа-ходжа [16, с.166], что в 1370 году с нижегородской ратью сажал в Булгаре Мухаммед Султана. Ободренный поддержкой от Мамаю князь Михаил Александрович разорвал мир с Москвой и начал военные действия: «целованіе крестное сложилъ, а наместники послалъ въ Торжекъ и на Углече поле ратию» [65, ст.110].

В последовавшем конфликте тверскому князю Михаилу пришлось противостоять объединенному войску князей, собравшемуся на Волоке Ламском. Летопись подчеркивает, что великий князь Дмитрий «собравъ всю силу русскихъ городовъ и съ всеми князми русскими совокупяся, того же дни съ Волока пошелъ ратию к Тфери». Князья выступали «каждо отъ своихъ градовъ съ своими плъкы». В походе участвовали: «князь великий Дмитрій Костянтиновичъ Суждальский, князь Володимерь Андреевичъ, князь Борисъ Костянтиновичъ, князь Андреи Феодоровичъ Ростовский, князь Дмитрій Костянтиновичъ Ноготь Суждальский, князь Семень Дмитреевичъ, князь Иванъ Василіевичъ Смоленский, князь Василей Василіевичъ Ярославский, князь Романъ Василіевичъ Ярославский, князь Федоръ Романовичъ Белозерский, князь Василіи Михайловичъ Кашинский, князь Федоръ Михайловичъ Можайский, князь Андреи Федоровичъ Стародубский, князь Василіи Костянтиновичъ Ростовский, князь Александръ Костянтиновичъ, братъ его, князь Романъ Михайловичъ Брянский, князь Романъ Семеновичъ Новосильский, князь Семень Костянтиновичъ Оболенский, братъ его, князь Иванъ Торушский» [65, ст.110–111]. В более поздних летописях имеются разночтения: князь Федор Михайлович, вместо Можайского назван Моложским [62, ст.446; 64, с.22; 66, с.115; 67, с.119]. Второе чтение предпочтительней. Список князей даёт понятие об иерархии сложившейся на Руси после Перьяславского съезда. Суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович назван великим и написан впереди князя Владимира Андреевича. Надо думать, что Суздальское княжество стало равноправно с Московским. Кроме великого князя Дмитрия Константиновича из нижегородского княжеского дома в походе участвовали его младшие братья Борис Константинович и Дмитрий Ноготь, а также младший сын Семен. Всего 4 князя, старший сын Василий Кирдяпа, наверное, остался дома надзирать за делами. Ростовский князь Андрей Федорович в ряду стоит после Владимира Андреевича и Бориса Константиновича, но впереди остальных князей, что тоже указывает на его значимость, скорее всего, в Ростовском княжестве он был главным. Его двоюродные братья – князья Василий и Александр Константиновичи написаны много ниже. Вполне вероятно, что князья Константиновичи правили в Устюге, куда был изгнан их отец [46, с.279]. Всего от княжества ростовского выступило 3 князя. С Иваном Васильевичем Смоленским ситуация неясна. Он приходился великому князю смоленскому Святославу племянником, но согласно родословным книгам был изгнан Ольгердом и уехал служить в Москву к князю Дмитрию Ивановичу [9, с.359]. Вызывают сомнения утверждения некоторых исследователей, что его участие в походе – это участие именно войск смоленского княжества. Скорее всего, он был «служилым князем» и имел кормление в каком-то городе великого княжения владимирского. По одним сведениям у него не осталось наследников [54, с.157], по другим – от него пошли князья Селеховские [54, с.146]. Ярославское княжество

представляли 3 князя – Василий и Роман Васильевичи Ярославские и их двоюродный брат Федор Михайлович Моложский. Белозерский князь Федор Романович, принадлежал к ростовскому княжескому дому, но на тот момент был самостоятельным и тесно связанным с Москвой. Он был женат на дочери князя Ивана Даниловича Калиты Федосье [46, с.306]. Выступил против своего двоюродного дяди и князь Василий Михайлович Кашинский. Стародубское княжество представлял князь Андрей Федорович, получивший стол в 1363 году благодаря поддержке Москвы [46, с.263]. Последние четыре князя представляли верховские княжества, остатки великого княжества черниговского. Главным, среди них, считался князь Роман Михайлович, сохранявший до своей смерти титул «великого князя черниговского». Но владел ли он тогда Брянском? На этот вопрос окончательного ответа нет [90, с.50–52, 123–124]. Наиболее значимой фигурой, по мнению В.А. Кучкина, в тех землях был князь новосильский Роман Семенович, упомянутый ранее в договоре с Ольгердом. Однако, в летописи, на первом месте стоит князь Роман Михайлович, и скорее всего, и в договоре фигурировал именно он. Сыновья убитого в 1368 году оболенского князя Константина Юрьевича князья Семен и Иван замыкали список. Всего собралось 20 князей различных княжеских домов: 2 – московского, 4 – суздальского, 4 – ростовского, 1 – смоленского, 3 – ярославского, 1 – тверского, 1 – стародубского, 4 – черниговского. С севера на Тверь выступили новгородцы [60, с.372–373]. Князь Михаил Александрович оказался в стратегическом окружении и политической изоляции.

Поход начался 29 июля. Выйдя из Волока Ламского, союзники вторглись в тверские пределы [61, с.301]. 1 августа пал Микулин – родовая вотчина князя Михаила Александровича. Участь жителей была незавидна: «люди изъ града и изъ волости в полонь повели» [65, ст.111]. 5 августа, в воскресенье: «по рану в неделю», передовые отряды подошли к Твери, «посады и церкви пожеглы и села по волостемь». 8 августа «по рану в среду приступилъ всею ратию к городу». Штурм велся по всем правилам: «туры прикатили и приметъ приметали около всего города» [65, с.111]. По современным реконструкциям «большой град кремль» построенный в 1317 году охватывал площадь примерно в 19 гектар, протяженность стен составляла 1600 м, в крепости было, как минимум четверо ворот: Тьмацкие, Васильевские, Владимирские и Волжские. С одной стороны крепость прикрывала Волга, с другой – река Тьмака, с третьей – недавно вырытый вал со рвом. Перед каждыми воротами имелся мост. Население, при плотности 80–100 жителей на гектар, должно было составлять от 1500 до 1900 человек [20, с.189; 28, с.387–388]. Основной удар 8 августа пришелся на Тьмацкие ворота. Во время штурма был подожжен мост перед ними, после чего атаку «отбили отъ града». Князь Михаил Александрович предпринял удачную вылазку: «выехавъ туры посекли и люди, а иные туры пожьгли». К вечеру столкновения прекратились. Не сумев взять город штурмом, князья перешли к планомерной осаде: «стали въкругъ всего города и за Волгою, на Волзе мосты чересь Волгу починили, а градъ Тферь острогом весь огородиша» [65, ст.111]. В Новгородской летописи сказано, что кроме моста штурмующие подожгли и приворотную башню – «стрельницу». Но во время вылазки тверичи их потушили. Там же сообщаются сроки постройки осадных сооружений – «на 2 день» после штурма [61, с.302–303]. В Симеоновской летописи уточняется количество возведенных мостов: «а черес Волгу 2 моста велякы издоспеша» [66, с.116]. Вскоре «въ 4 или въ 5 днии» подоспели новгородцы и «подъ Тферю предсташа» [61, с.302]. Осада продолжалась почти месяц, в течение которого все тверские области подвергались грабежу и разорению. Особо отличились «Кашинци, Новоторжци, яко и пешии ополчишася на грабежь, и окружная места съ всехъ порубежьи тяжко плениша» [61, с.302]. Наконец князь Михаил Александрович согласился на переговоры. Мир был заключен 3 сентября, после чего воинство «отъступиша отъ града отъ Тфери и взъвратишася коиждо въ свояси» [65, ст.112]. Из серьезных потерь летописцы отметили гибель Семена Ивановича Добрынского, которая произошла во время штурма 8 августа [61, с.302]. Он, скорее всего, был братом Константина Ивановича Добрынского, с которого начинается родословие фамилии Добрынских [54, с.115]. Надо думать, что до того, Добрынские московским князьям не служили. Однако, судя по упоминанию о гибели представителя рода в летописи и тому месту, которое заняли дети Константина Ивановича при московском дворе впоследствии, род был известный и уважаемый. Родовое прозвище они получили «по селу», то есть по названию своих владений, располагавшихся вблизи Юрьева [9, с.290, 302]. Можно предположить, что Добрынские руководили юрьевской ратью.

По итогам похода великий князь Дмитрий Иванович заключил договор с великим князем Михаилом Александровичем [21, с.25–28; 37, с.339–343]. По благословию митрополита Алек-

сия за князем Дмитрием Ивановичем закреплялся титул «великого», такой же титул признавался и за князем Михаилом Александровичем. Однако верховенство устанавливалось за князем Дмитрием: «Имети ти мене себе братом старейшим, а кн(я)зя Володимера, брата моего, братом». Впрочем, титул «великий» признавался и за другими союзниками: «кн(я)зи велиции кр(е)стьяньстии и ярославстии с нами один ч(е)л(о)в(е)къ». Основными пунктами являлись – военный союз: «А где ми буде, брате, пойти на рать, или моему брату, кн(я)зю Володимеру Одреевичю, всести ти с нами самому на конь без хитрости. А пошлем воевод, и тебе и своих воевод послати». А так же признание за князем Дмитрием прав на великое княжение как на его «вотчину»: «А вотчины ти наши Москвы, и всего великого княженьи, и Новагорода Великого, блюсти, а не обидети. А вотчины ти наши Москвы, и всего великого княженьи, и Нова города Великого, под нами не искати, и до живота, и твоим детем, и твоим братаничем». За князем Михаилом Александровичем признавались права на тверское княжество. Стороны обязывались не преступать договоренности, даже под воздействием хана: «А имут нас сваживати татарове, и имут, давати тебе нашу вотчину, великое княженье, и тебе ся не имати, ни до живота. А имут давати нам твою вотчину Тферь, и нам ся тако же не имати, и до живот(а)». Исключением становился Кашин, который великий князь Дмитрий брал под свою защиту: «А в Кашин ти ся не вступати, и что потягло х Кашину, ведает то вотчичь кн(я)зь Василеи. Ни выходом не надобе тебе ко Тфери Кашину тянути. А его ти не обидети. А имеш(ь) его обидети, мне его оть тебе боронити». Отношения с Золотой Ордой оговаривались особым пунктом: «А с татары оже будет нам мирь, по думе. А будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думе же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с одного всемь противу их. Или мы поидем на них, и тебе с нами с одного пойти на них». Таким образом, зависимость от ханов и выплата дани ставилась под сомнение – «по думе». Князь Михаил отказывался от союза с Литвой: «А к Ольгерду ти, и къ его брат(ь)и, и къ его детем, и къ его братаничем целован(ь)е сложити. А пойдут на нас литва или на смоленского на кн(я)зя на великого, или на кого на нашу братью на кн(я)зеи, нам ся их боронити, а тебе с нами всем с одного. Или пойдут на тебе, и нам тако же по тебе помагати и боронитися всем с одного». Отпускал без выкупа всех пленных: «что будет на ком не взато на нятцах или на их поручницах княжен(ь)я великого, или нятци не попущаны, или порука не сведена, а что ся будет не оуправило по тому целованью, что же будет взято опосле того на нятцах или на поручницах, или порука не сведена, взятое все отьдати по тому целованью, а с поручников порука свести, а нятци попущати». Возвращал всю захваченную добычу: «а что грабежь или что с людеи поимано, и из лодеи, и ис павозков товарь поиман, то ти все отьдати и твоим бояром по исправе». Исключение составляла добыча, захваченная обеими сторонами в ходе осады Твери: «как есми стал под городом под Тферью до Семеня дни за месяц, что будеш(ь) оу мене взал воинои в тот месяц, тому всему межи нас погребь. А как еси к нам сложил целован(ь)е, а что мы оу тебе поимали и повоевали, а тому всему межи нас погребь». Относительно перебежчиков отмечалось: «кто боярь и слугь отьехал от нас к тебе или оть тебе к нам, а села их в нашей вотчине, въ великом княжен(ь)и, или въ твоеи вотчине, во Тфери, в ты села нам и тебе не вступатися». За исключением только двух лиц: «что Ивановы села Васильевича и Некоматовы, а в ты села тебе ся не вступати, а имь не надобе, те села мне». Иван Вельяминов и Некомат прощения не получили. На будущее закреплялся принцип: «А бояром и слугам волным воля. А кто будет, служба нам, князем, а вшол в какво дело, а того поискав своим кн(я)зем, а того своим суд(ь)ям опчим не судити. А кто служит нам или тебе, а живет в нашей вотчине, въ великом княженьи, или въ твоеи вотчине во Тфери, и на тых нам взати дань, как и на своих, по целованью, без хитрости. А на полных холопех не взати, на которых ключники целуют. А судом и данью потянути по земле и по воде». В спорных вопросах третьей стороной объявлялся великий князь рязанский Олег: «о чем суд(ь)и наши вопчии сопрутся, ини едут на третии, на кн(я)зя великого на Ольга».

Усмирение главного противника вознесла великого князя Дмитрия Ивановича на вершину могущества. Но даже в этом победном году не обошлось без неприятностей. Летом, татары пограбили рубежи нижегородского княжества: «за Пианою волости пограбили, а заставу Нижняго Новагорода побили» [65, ст.112]. Осенью «Олгердь съ Литовьскою ратию повоевалъ Смоленскую волость, городки поималъ и пожегль и люди посеклъ». В начале декабря «передь Николинымъ днемъ, оть Мамаю приида рать татарьскаа, взялъ Новосиль» [65, ст.112]. После этого, князю Роману Семеновичу пришлось поменять стольный град: «и пришел из Новосили житии в Одоев, от насилья татарского» [54, с.58]. Но самый существенный удар пришелся по Костроме. «Того же

лета коли князь великий былъ подъ Тферію, а въ то время пришедше Новгородци Великаго Новгорода ушкуиници разбоиници, 70 ушкуевъ, а стареишина у нихъ бяша именемъ Прокопъ, а други Смолнянинъ, и пришедше взяша градъ Кострому. Преже выидоша рекою Костромою на Волгу и сташа опльчившася на брань, гражане же изыдоша изъ града противу, събращася на бои, а воевода же у нихъ бяше тоже и наместникъ Плещеевъ. Новгородци же видеша горожанъ Костромичъ много боле пяти тысущъ, а самехъ мало Новгородцевъ съ полторы тысущи, и разделишася Новгородци на две части, едину половину отпустиша в таю въ лесъ, они же обоидоша около по можщеельнику и удариша на Костромичъ въ тыль, а другая половина удари въ лице. Воевода же виде бывшее и убояся, нача бежати, ни самъ на нихъ ударилъ, ни рати своеи повелель, но выдавъ рать свою, покинувъ градъ свои, подавъ плещи, Плещеевъ побеже. Костромичи же, видевше то, и не бившеся и побегоша, и мнози ту на побоищи побіени быша и падоша, а друзіи по лесомъ разбегоша, а иныхъ живыхъ поимаша и повязаша» [65, ст.113–114]. По прочтении сего летописного памфлета возникает сразу несколько вопросов. Во-первых: почему он столь подробно описан, ведь нечто подобное произошло и в 1371 году, когда князь Михаил Александрович до Костромы не добрался, а дружественные ему новгородцы её взяли и пограбили? Ответ напрашивается единственный – в 1375 году наместником и воеводою в городе был брат митрополита Алексия Александр Федорович Плещей [54, с.84], и его неудача – это неудача митрополита Алексия. Следовательно, памфлет направлен против руководителя московского правительства митрополита Алексия. Второй вопрос: относительно численности сторон. Если с ушкуйниками, более-менее ясно – 70 ладей и около 1500 человек, вполне реальные цифры, то «много боле пяти тысущъ» костромичей вызывает огромное сомнение. При наличии 5000 вооруженных мужчин население города должно было насчитывать около 30000 жителей, но тогда Кострома получается крупнее Новгорода Великого, в котором, в середине XIV века, проживало порядка 24000 жителей [28, с.387]. При этом следует помнить, что в то время Кострома, так называемы «первоначальный город» располагался на правом высоком берегу притока Волги реки Сулы и его детинец занимал площадь около 1 гектара [5, с.72–76; 20, с.182–184]. Доверия к летописцу, в этом случае, не более чем к рассказу о битве при Скорнищеве.

Летом 1376 года Москва предприняла поход в западном направлении: «князь великий Дмитрей Ивановыч послалъ брата своего князя Володимера Андреевича ратию ко Ржеве, онъ же стоя у города 3 недели, посадъ пожже, а города не взял». Сам великий князь Дмитрий Иванович «ходилъ за Оку ратию стерегася рати Тотарское» [65, ст.116]. В целом год прошел спокойно, во многом благодаря тому, что ставленников Мамай выбил из Сарая шибанид Каганбек ибн Эльбек [16, с.169].

Пользуясь нестроениями в Золотой Орде, в начале нового 1377 года, рати владимирского и нижегородского княжеств предприняли успешный поход в восточном направлении. «Тое же зимы князь великий Дмитрей Ивановыч посла князя Дмитрія Михайловича Вольньскаго ратию на безбожныя Българы, а князь Дмитрій Костянтинович Суждальскый посла сына своего князя Василя и другаго сына своего князя Ивана, а съ ними бояръ и воеводъ и воя многи. И придоша къ Българомъ въ великое говеніе месяца марта въ 16 день, въ понеделникъ на вербной недели, поганіи же Бесерменове изыдоша из града противу ихъ и сташа на бои и начаша стреляти, а инии з града громъ пуцаху, страшаще нашу рать, а друзіи самострелныя стрелы пуцаху, а инии выехаша на вельблудехъ, кони наши полошающе, наши же никако же устрашаються грозы ихъ, но крепко противу сташа на бои и устремишася нанъ единодушно и скочиша на нихъ, они же окааний побегоша въ градъ свои, а наши после біючи и убиша ихъ числомъ Бесермень 70. И высла изъ города князь Болгарьскый Осанъ и Махмать Солтанъ, и добиста челомъ князю великому и другому 2000 рублевъ, а воеводамъ и ратемъ 3000 рублевъ. Наши же възвратишася, всю свою волю взявше, а даригу и таможника посадиша, а ссуды и села и зимници пожгоша, а люди посекоша и отыдоша съ победою» [65, ст.116–117]. Описание похода, данное в летописи, в отличие от описания «костромского взятия», даёт массу мелких, но интереснейших подробностей. Во главе рати не великие князья, а воеводы. От великого княжества владимирского – князь Боброк Вольнский, от великого княжества нижегородского – князь Василий Кирдяпа и его брат Иван Дмитриевич. Рати состоят из бояр, воевод и воев. Замечательно описание тактики волжских болгар. В первую очередь, то, что они «з града громъ пуцаху». Это дословный перевод восточного выражения «раѣд андозон», где первое слово «раѣд» означает гром, сопровождаемый молнией, второе слово «андоз» означает глагол метать. Получается «громометатели». Вполне вероятно, что это первое описание применения огнестрельного оружия [88, прим. 680, с.405–408]. Во вторую, широкое использование болгар-

рами арбалетов – «самострелныя стрелы пушаху». В третью – попытка испугать русскую конницу верблюдами. Потери, приведенные в рассказе – 70 человек вызывают полное доверие. Интересен и расклад контрибуции наложенной на побежденный город. 2000 рублей предназначались великим князьям, а 3000 именно «воеводам и ратям», как плата за службу.

А.П. Григорьев считает, что болгарский поход был совершен в целях оказания «активной военной помощи Каганбеку», но потом почему-то, сам пишет о недовольстве Каганбека этим мероприятием [16, с.169–170]. Думается, что если исходить из подобной логики, то поход был более выгоден Мамаю, если предположить о признании Булгаром новых правителей в Сарае. Но, скорее всего, поход был совершен в интересах великого князя Дмитрия Константиновича. После похода, он с полным основанием стал носить титул: «Князь великий новгородский Нижнева Нова города и суздальской, и городецкой, и курмышской, и сарской, и болгарской, и болымецкой, и подолской и всея Понизовские земли заволский юрту и северново государь князь Дмитрей Констентиновичь» [2, с.335].

Сейчас, во всех хитросплетениях политики того времени разобраться очень сложно, как и объяснить следующие летом того же года события. О них сохранилась, казалось бы, подробная нравоучительная повесть. «Того же лета перебежа изъ Синее Орды за Волгу некоторые царевичи именемъ Арапша и восхоте ити ратью къ Новугороду къ Нижнему. (Князь же Дмитрей Костянтиновичь посла вестъ къ зятю своему къ князю великому Дмитрею Ивановичю. Князь же великий Дмитрей събравъ воя многы и прииде ратью къ Новугороду къ Нижнему) въ силе тяжце, и не бысть вестъ про царевича Арапшу и възвратися на Москву, а посла на нихъ воеводы своя, а съ ними рать Володимерьскую, Переяславьскую, Юривьскую, Муромьскую, Ярославьскую; а князь Дмитрей Суздальский посла сына своего князя Ивана да князя Семена Михайловича, а съ ними воеводы и воя многы. И бысть рать велика зело, и поидоша за реку за Пиану, и прииде къ нимъ вестъ, поведаша имъ царевича Арипшу на Вльчии воде, они же оплошишася и небреженіемъ хожажу, доспехи своя въскладаша на телеги, а ины въ сумы, а у иныхъ сулицы еще и не насажены бяху, а щиты и копия не приготовлены, а ездять, порты своя съ плечь спущавъ, а петли ростегавъ, аки распрели, баше бо имъ варно, бе бо въ то время зноино. А где наехаху въ зажитии медь или пиво, и испиваху до пиана безъ меры, и ездять пиани, по истине за Пианою пиани, а старейшины или князи ихъ или бояре старейшии и велможи, или воеводы, те все поехаша ловы деюще, утеху си творяще, мнящеся, аки дома. А въ то время поганіи князи Мордовьстии подведоша в таю рать Татарьскую изъ Мамаевы Орды на князеи нашихъ, а княземъ не вѣдущимъ, и про то имъ вестъ не было, и доидоша наши Пару, абіе поганіи разделишася на 5 плъковъ и внезапно изъ невести удариша на нашу рать въ тыль, бующе и колюще и секуще безъ вестъ. Наши же не успеха ничтоже, что бы имъ сотворити, побегоша к реце къ Пьяне, а Татарове после, бующе, и ту убиша князя Семена Михайловича и множество бояръ, князь же Иванъ Дмитриевичъ прибежа въторопе къ реце къ Пиане, гонимъ напрасно, и вержеся на коне въ реку и ту утопе, и съ нимъ истопоша въ реце множество бояръ и слугъ, и народа бесчислено. Си же злоба съдеяся месяца августа 2 день, на память святого мученика Стефана, въ неделю, въ шестии часъ дне по полудне. Татарове же одолевше христіаномъ, и сташа на костехъ, полонъ весь и грабежъ ту оставиша, а сами поидоша къ Новугороду къ Нижнему изгономъ безъ вестъ» [65, ст.118–119; текст в скобках восполнен по 66, с.118]. Несомненно, что повесть написана со слов очевидца и участника событий. Скорее всего, суздальца или нижегородца, он прекрасно знает командный состав нижегородской рати, но не называет, ни одного имени воевод из великого княжества владимирского. Надо думать, он, человек военного звания, осведомлен о способе перевозки доспеха: «въскладаша на телеги, а ины въ сумы»; перечисляет виды вооружения: сулицы, щиты, копыя; знает, что к бою их надо приготовить, в отличие от некоторых современных исследователей, думающих, что походы ратники совершали облаченными в доспех и с оружием в руках. Он умудрился рассмотреть построение неприятеля перед неожиданной атакой: «разделишася на 5 плъковъ» и определить время её начала: «въ шестии часъ дне по полудне». Наверное, он видел гибель князя Ивана Дмитриевича, а возможно и участвовал, впоследствии в поисках тела князя и доставки его в Нижний Новгород. Именно этот «суздальский» взгляд делает его сообщение несколько односторонним. Интересен состав войск, которые оставил после отъезда великий князь Дмитрий Иванович – это рати владимирская, переяславская, юрьевская, муромская и ярославская. К «великому владимирскому княжению» можно отнести только первые три. Муром в состав великого княжества владимирского в 1377 году не входил. Ярославское княжество, если верить договору Москвы и Твери 1375 года

само считалось «великим». Власть Москвы на них могла распространяться только как на союзников: «кн(я)зи велиции кр(е)стьяньстии и ярославстии с нами один ч(е)л(о)в(е)къ» [21, с.26]. Возможно, именно столь пёстрый состав войска и привел к утрате общего командования. Рати не хотели подчиняться приказам чужого военачальника. А таким военачальником мог быть князь Семен Михайлович, погибший в битве. Относительно его происхождения точных сведений нет. Если принять версию, что он был оставлен великим князем Дмитрием Ивановичем, то наиболее подходящий кандидат – князь Семен Михайлович Белозерский, намеки, о существовании которого сохранились в летописных источниках [91, прим. 484, с.162, прим. 487, с.163]. Однако следует помнить, что в Суздальско-Нижегородском княжестве существовало немало князей, о которых не сохранилось никаких сведений кроме «местной грамоты» 1367/68 года. В них упомянуты князья: Иван Васильевич городецкий, Федор Андреевич полской, Петр Иванович березополский, Дмитрий Федорович муромский, Василий Федорович Нагаев, Борис Петрович беженской, Василий Иванович Муромчиков, Григорий Борисович березополский [2, с.335–336]. Может быть, убитый принадлежал к одной из этих угасших княжеских ветвей.

После победы на Пьяне татары, оставив добычу в стане, налегке устремились к Нижнему Новгороду. Не имея сил к сопротивлению, великий князь Дмитрий Константинович бежал в Суздаль, а брошенные на произвол судьбы «горожане Новгородстии разбежашася въ судехъ в верхъ по Волзе къ Городцу». Нижний Новгород был взят в среду 5 августа, оставшиеся жители подверглись избиению, а город и окружавшие его монастыри сожжены, сгорело 32 церкви. В пятницу 7 августа победители покинули пепелище и повернули в свой стан на Пьяне. На обратном пути, они «волости Новгородския воюючи, а села жгучи и множество людей посекоша, а жены и дети и девицы в полонъ бещисла поведоша». На этом беды нижегородской земли не окончились. Сначала, в том же августе, вновь объявился «царевич Арипша и пограби за-Суріе» [65, ст.119]. Затем, «тое же осени нечестивіи поганая Морьдва, собравшеся без вести и удариша изгономъ на уездъ, и множество людей посекоша, а иныхъ полониша и останочныя села пожгоша и отидоша». В погоню за налётчиками бросился князь Борис Константинович. С небольшим двором, «не во мнозе», он настиг их: «остальцевъ избиша, а иныя вметаша въ реку въ Піану, и истопоша». Зимой, которой в том году «вельми студено было», состоялся карательный поход. «Тое же зимы во другіе посла князь Дмитрие Костянтиновичъ брата своего князя Бориса и сына своего князя Семена ратию воевати поганую Мордву, а князь великїи Дмитрие Ивановичъ послалъ же свою рать съ ними, воеводу Феодора Андреевича, нарицаемого Свибла и съ нимъ рать. И они же шедше взяша землю Мордовьскую и повоеваша всю и села ихъ и погосты ихъ и зимници пограбиша, а самихъ посекоша, а жены и дети ихъ полониша, и мало техъ кто избылъ отъ руку ихъ, и всю землю ихъ пусту сътвориша, и множество живыхъ полонивша и приведоша ихъ въ Новьгородъ, и казниша ихъ казнию смертною, травиша ихъ псы на леду на Волзе» [65, ст.120]. Нравы в ту пору царили довольно суровые, как и вся жизнь. Во главе рати от великого княжества владимирского, в том походе, стоял уже знакомый нам воевода из рода Акинфа Великого Федор Андреевич Свибло. Вопрос: почему сам великий князь Дмитрий Иванович покинул войско летом 1377 года, до сих пор не находит внятного ответа. Скорее всего, отъезд связан с ситуацией в Литве, где в мае 1377 года скончался великий князь Ольгерд [65, ст.117], и началась борьба за власть между его сыновьями.

Зимой 1378 «месяца февраля в 12» [65, ст.120] скончался митрополит Алексей – наставник, который направлял и поучал князя с начала его пути. С того дня князь Дмитрий Иванович стал действовать по своему уму и разумению. Первым испытанием стал поход татар из Мамаевой Орды. «Того же лета Ординский князь поганый Мамай, събравъ воя многы и посла Бегича ратию на князя великаго Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую. Се же слышавъ князь великїи Дмитрие Ивановичъ, събравъ воя многы и поиде противу въ силе тяжче и переехавъ за Оку, вниде въ землю Рязаньскую и сретошася съ Татары оу реки оу Вожи и стояху, промежу собою реку имуще. Не по мнозехъ же днехъ Татарове переехаша на сю сторону и удариша въ кони свои и скочиша вборзе, и нюкнуша гласы своими и поидоша на грунахъ, и тъкнуша на нашихъ, и удари на нихъ съ одну сторону Тимофеи околничїи, а съ другую сторону князь Данилеи Пронскы, а князь великїи удари въ лице. Татарове же въ томъ часе повергоша копіа своя и побегоша за реку за Вожду, а наши после за ними бьючи ихъ, секучи и колючи, и убиваша ихъ множество, а инїи въ реце истопоша. А се имяна избытыхъ князеи: Хазибии, Коверга, Карабалукъ, Костровъ, Бегичка. По сихъ же приспе вечеръ и заиде солнце и смерчеся светъ и наста ночь и бысть тма и нелзе бяше гнатися за ними за реку. А на завьутріе бысть мъгла велми велика, а Татарове так и побегоша еще

суши съ вечера и чресъ всю ночь бежаху. Князь же великий на завутрие оуже передь обедомъ поиде за ними следомъ ихъ и погнаша ихъ убежавшихъ далече, обретоша бо въ поле повержены дворы ихъ и шатры ихъ и вежи ихъ и юртовища ихъ и алачюгы и телегы ихъ, а въ нихъ товаръ бесчислень, все пометано, а самехъ не обретоша, бяху бо побежали къ Орде. Князь же великий Дмитриеи возвратися отъуду на Москву съ победою великою и рати роспусти съ многю корыстию. Тогда убьень бысть Дмитриеи Монастыревъ да Назаръ Даниловъ Кусакова. Се бысть побоище прилучися месяца Августа 11 день, на память святого мученика Еоупла діакона, въ среду при вечере» [65, ст.134–135]. Из рассказа о битве, мы можем подчерпнуть несколько новых моментов. В нем намекается на членение русского войска на три полка: основные силы, под командованием великого князя и два фланговых. Фланговыми полками командовали московский окольникович Тимофей Васильевич Вельяминов и князь Даниил Ярославич (Дмитриевич) Пронский. Интересен момент со стоянием на противоположных берегах реки, по-видимому, по договоренности, русские «дали берег» татарам, то есть позволили беспрепятственно перейти преграду. Те поддались на уловку, уверенные в своих силах, но переправившись, потеряли основной козырь – маневренность. Не имея возможности применить излюбленный метод боя – «хоровод» [6, с.233–237], татары были вынуждены атаковать русских в лоб, тихой рысью – «на грунахъ» [80, ст.600], холодным оружием. В свою очередь, русские, по-видимому, имея возможность для разгона коней, решили дело одновременным ударом с трех сторон, опрокинув татар обратно в реку. Скорее всего, они сами не ожидали такого успеха, и преследование начали только на следующий день, опасаясь ловушки. Потери татар вряд и были высоки, все их начальники перечислены в числе «избытыхъ», то есть спасшихся от смерти. Это подтверждает и родословие Бегичевых, которые утверждают, что Семен (Саин?) Бегич ака, несколько позже приехал на Русь и поступил на службу к великому князю Дмитрию Ивановичу, став в крещении Никитою [78, с.255]. Из потерь русского воинства в летописях и синодиках отмечен представитель рода Монастыревых Дмитрий Александрович. Род Монастыревых в официальных родословных книгах начинался с его отца Александра, что «из Смоленска вышел» [54, с.140]. В родовых легендах им приписывается княжеское происхождение [9, с.374–377]. Но в них же, они названы «белозерцами», из-за того, что владели огромными вотчинами в Белозерской земле. Дмитрий Александрович на момент своей гибели, был уже не молод, так как имел 6 дочерей. Его старшая дочь вышла замуж за Ивана Андреевича Хромого, брата Федора Свибла; другая – за Александра Андреевича Белеута; третья за представителя угасшего московского рода Ивана Чепечку; четвертая за воеводу Семена Мелика, пятая – за Ивана Федоровича Телебугу. Как видим, круг родственников, весьма специфичен, надо думать, что Монастыревы предводительствовали белозерской ратью. Вторым погибшим в битве на Воже упомянут, Назар Данилович Кусаков, к какому роду он принадлежал неизвестно. Возможно его брат, или сын – Василий Кусков был первым толмачем (переводчиком) в посольстве «митрополита» Митяя, во время путешествия на поставление в Царьград [65, ст.129]. Про остальных погибших, в синодике, сказано кратко: «и дружине ихъ, избіенымъ отъ безбожныхъ Татаръ на Воже, вечная память» [19, с.450]. Во время преследования русские ратники захватили в плен «некоего попа отъ Орды пришедша Иванова Василіевича и обретоша у него злыхъ зелеи лютыхъ мешокъ» [65, ст.135]. Непонятно, что делал православный священник в войске, которое, должно было состоять из мусульман? Поп назван «Иванова Василіевича», то есть он принадлежал к свите сына московского тысячника, Ивана Васильевича Вельяминова. Возможно, и сам Иван Васильевич там присутствовал. Попа долго допрашивали с пристрастием: «изъпрашевши его и много истязавшее». По-видимому, добивались показаний на патрона, после чего сослали «на Лаче озеро, идеже бе Данило Заточеникъ» [65, ст.136].

После поражения на Воже, остатки воинства вернулись в Орду. Мамай видя «изнеможеніе дружины своея, прибегшее к нему, а иныя избиты князи и велможи и алпаоуты и многыя воя соя изгибша, разгневася зело и възъярися злобою». Осенью, собрав «останочную силу свою и совокупивъ воя многы» он нанес неожиданный удар «изгоном», по Рязанскому княжеству. Князь Олег Иванович не ожидал такого развития событий «не приготовился бе и не ста противу ихъ на бои». Он вместе со своими людьми убежал за Оку, оставив стольный град Переяславль Рязанский на разграбление врагу [65, ст.136]. Однако закрепить свой успех, Мамай уже не имел возможности. На востоке появился новый претендент на власть в Золотой Орде. Летом 1378 года Сарай занял потомок Тука Тимура хан Токтамыш [16, с.175–176], за спиной которого маячил владыка Средней Азии эмир Тимур. Скорее всего, Мамай попытался восстановить мирные отношения с Русью, для

чего послал туда, летом 1379 года, Ивана Васильевича Вельяминова. На кого он хотел сделать ставку в своей дальнейшей игре неизвестно. Но судя по всему на князя Владимира Андреевича. В поздних летописях говорится: «поиде изъ Орды Иванъ Васильевичъ тысяцкій, и оболстивше его и преухитривъше изымаша его в Серпухове и приведоша его на Москву» [64, с.45]. В ранних списках такие подробности опущены. Сообщается только о конечном результате: «месяца августа въ 30 день, на память святаго мученика Филикса, въ вторникъ до обеда въ 4 часъ дни оубиен бысть Иванъ Василіевъ сынъ тысяцкого, мечемъ потятъ бысть на Кучкове поле оу грода оу Москвы, повеленіемъ князя великаго Дмитрія Ивановича» [65, ст.137]. Также опущена фраза: «И бе множество народа стояще, и мнози прослезыша о немъ и опечалишася о благородстве и о величествии его» [64, с.45], которая свидетельствует о неоднозначном отношении москвичей к этой казни. Несмотря на недовольство некоторой части служилого сословия, великий князь укрепил свою власть над московской ратью.

Казалось, успех сам шел в руки великому князю Дмитрию Ивановичу. Потерпев неудачу в литовской междоусобице, зимой 1377–1378 годов, к нему перебежал старший сын великого князя Ольгерда Андрей: «прибежа во Псковъ князь Литовскыи Ондреи Олгердович, и целова крестъ ко псковичамъ, и поиха на Москву из Новаграда къ князю к великому къ Дмитрию, князь же прия его». Следующей зимой в Новгород прибежал другой «князь Литовскыи Юрьи Наримантович» [60, с.375]. Сложилась ситуация для экспансии в западном направлении, благо, что в Золотой Орде претенденты были заняты друг другом. В декабре 1378 года великий князь Дмитрий Иванович «собравъ воя многы, и посла съ ними брата своего князя Володимера Андреевича да князя Андрея Олгердовича Полотъского да князя Дмитрея Михайловича Вольньскаго и иныя воеводы и велможы и бояре многы и отпусти я месяца декабря въ 9, въ пятокъ, отпусти ихъ ратию на Литовскыя города и волости воевати» [65, ст.138]. Поход прошел весьма успешно. Были взяты города Трубчевск и Стародуб «и ины многы страны и волости и села тяжко плениша, и вси наши вои, рустіи полци, целы быша, придоша въ дома своя съ многыми гостыми». Литовский владетель тех мест – князь Дмитрий Ольгердович, не смог или не захотел оказывать сопротивление. «Князь Трубъческыи, Дмитрії Олгердовичъ не сталь на бои, ни поднялъ руки противу князя великаго и не біася, но выиде изъ града съ княгинею своею и з детми и съ бояры своими и приеха на Москву въ рядъ къ князю великому Дмитрею Ивановичю, бивъ челомъ и рядися у него. Князь же великїи прия его съ честїю великою и съ многою любовію, и дасть ему градъ Переяславль, и со всеми его пошлинами» [65, ст.138]. В последней цитате расписан порядок приема на военную службу «служилого князя». Из него видно, что князь Дмитрий Ольгердович со всей своей семьей и двором («с бояры своими») переезжает в великое княжество Владимирское, заключает с великим князем договор («ряд», «рядится») о службе, и получает за это в кормление город Переславль («со всеми пошлинами»).

В 1380 году произошла Куликовская битва, самый известный эпизод из времён правления великого князя Дмитрия Ивановича, за который в истории он заслужил прозвище Донской. Про это писали все исследователи, которые касались той эпохи, у каждого было своё мнение, и я, позволю себе, не останавливаясь подробно на сём вопросе. Кто хочет, может ознакомиться с мнением более именитых авторов. Надо только отметить, что в войске великого князя в битве присутствовали, как дворы князей, так и рати. Список воевод и ратей, которые они возглавляли, сохранился в поздних летописях. Насколько он соответствует действительности, судить сложно. Но привести необходимо: «Коломенскаго же полку воевода Микула Васильевичъ; Владимирскїи же и Юрьевскїи воевода Тимофей Волуевичъ; Костромскїи же воевода Иванъ Родионовичъ Квашня; Переславскїи же воевода Андреи Серкизовичъ» [64, с.54]. Микула Васильевич – это второй сын московского тысячника Василия Вельяминова, свояк великого князя [54, с.102]. Тимофей Волуевич – Тимофей Васильевич Окатьев Волуй, сын боярина Василия Окатица, бывшего свидетелем при подписании договора великого князя Семена Гордого с братьями [9, с.230–231]. Иван Родионович Квашня нам уже известен, он был свидетелем у первого завещания князя Дмитрия Ивановича. Андрей Иванович Серкизов, фигура примечательная. Он сын ордынского царевича Серкиза (Черкиза) приехавшего в Москву, к князю Дмитрию Ивановичу [9, с.397]. Если «царевич Черкиз» – это известный из восточных источников Хаджичеркес [23, с.175], или в другом написании – Салчи-Черкес [15, с.44–45], одно время считавшейся ханом Золотой Орды и владевшей Астраханью, то у великого князя Дмитрия имелся свой хан чингизид, не хуже, чем хан Белюк у Мамаю. Еще, для определения участников битвы следует отметить список погибших в ней. К сожалению, со временем, множество дворянских родов старались записать своих предков в «погибшие на До-

ну», поэтому на веру можно принимать только старейшие из сохранившихся списков. Старейшим, на сегодняшний день можно считать Рогожский летописец, в нем сказано: «И ту оубиени быша на суиме князь Феодоръ Романовичъ Белозерскый, сынъ его князь Иванъ Феодоровичъ, Семень Михайловичъ, Микула Василіевичъ, Михаило Ивановичъ Окинфовичъ, Андреи Серкизовъ, Тимофеи Волуу, Михаило Бренковъ, Левъ Морозовъ, Семень Меликъ, Александръ Пересветъ и иніи мнози» [65, ст.140]. Среди убитых мы видим много знакомых имен. Участник похода на Тверь в 1375 году князь белозерский Федор Романович со своим сыном князем Иваном. Воевода коломенской рати Микула Васильевич Вельяминов. Михаил Иванович Акинфов – младший сын воеводы Ивана Акинфова, дядя Федора Свибла [54, с.102]. Воевода переяславской рати, чингизид Андрей Иванович Серкизов. Воевода владимирской и юрьевской ратей Тимофей Васильевич Окатьев Волуй. Из четырех упомянутых в поздних списках «ратных» воевод, в битве погибло трое, то есть потери были довольно существенные. Относительно Семена Михайловича, идущего в списке сразу после белозерских князей, исследователи ничего внятного сказать не могут [55, прим.16, с.18]. Возможно, это белозерский князь Семен Михайлович, который уже погиб в битве на Пьяне в 1377 году и по ошибке внесенный в список, а может быть и упомянутый ниже Семен Мелик. От Семена Мелика ведут свой род Меликовы, в родословце которых сказано: «Семен Мелик да Василей – оба из Немец пришли» [54, с.135]. Отчество Семена Мелика не указано, а прозвище – «Мелик», от арабского «малик» – «царь», «князь», больше указывает на восточные корни пришлых братьев. Про Михаила Андреевича Бренко неизвестно ничего, кроме легенды о его обмене доспехами перед битвой с великим князем Дмитрием Ивановичем. Согласно ей Михаила и убили, приняв за князя [55, прим.16, с.18]. Лев Иванович Морозов происходил из старинного боярского рода, владевшего вотчиной под Переяславлем, в рассказах о Куликовской битве он назван воеводою, но какого именно полка, сведения разнятся. Его племянница была замужем за сыном Семена Мелика Иваном [9, с.196–198]. Александр Пересвет – личность легендарная, присутствие имени в древнейшем списке погибших, полностью опровергает версии о его «сказочности». Это реальное лицо, он действительно «бывши прежде боляринъ Брянскій» [61, с.321].

Победа на Куликовом поле далась великому князю Дмитрию Ивановичу нелегко, но войско осталось довольноно: «мнози вои его возрадовашася, яко обретаючи користь многу, погна бо съ собою многа стада коніи, вельблюды и волы, имже несть числа, и доспехъ, и порты, и товаръ» [65, ст.140]. Авторитеты великого князя и его младшего брата Владимира Андреевича вознеслись на невиданную высоту. О них начали слагать песни и легенды. Чего нельзя сказать о Мамае. Сам он спасся, но его хан Бюлек погиб в битве. «Легитимность» власти оказалась под угрозой. Попытка восстановить положение «собраща останочную свою силу» не увенчалась успехом. Противостоять хану Токтамышу эмир Мамай не смог: «Мамаи же, еже уготоваль на ны рать, съ тою ратию готовою поиде противу его, и сретошася на Калкахъ. Мамаевы же князи, сшедше съ коневъ своихъ, и биша челомъ царю Токтамышу, и даша ему правду по своей вере, и пиша къ нему роту, и яшася за него, а Мамаея оставиша, яко поругана» [65, ст.141]. Эмиру изменило войско, перешедшее на сторону нового владыки поклявшиеся тому в верности. Мамай с немногими подвижниками бежал в Крым, в генуэзскую колонию Кафу, где и был убит.

Утвердившись на престоле Золотой Орды, хан Токтамыш разослал своим подданным известие о столь радостном событии. В ответ на что, «князи же Русстїи, пословъ его отпустиша съ честїю и съ дары, а сами на зиму ту и на ту весну за ними отпустиша коиждо своихъ килїичевъ со многими дары ко царю» [65, ст.141]. Противиться новому повелителю, никто не собирался. От Москвы к Токтамышу были посланы Иван Федорович Толбуга «да Макшейи». Они вернулись к «Госпожину дни», то есть ко дню Вознесения Господня, приходившемуся в 1381 году на 23 мая. Летом 1381 Токтамыш послал на Русь «къ великому князю Дмитрію Ивановичю и ко всемъ княземъ Русскимъ, царевича некого Акъхозю, а съ нимъ дружину 700 татариновъ». Свита царевича выглядела весьма внушительно, по-видимому, московские послы уговорили хана Токтамыша устроить поход на Литву, на князя Ягайло, который в 1380 поддерживал эмира Мамаея. Но хитроумный план не удался. По неизвестной причине Ак Ходжа «дошедъ Новагорода Нижняго и воъзвратися воспяты, а на Москву не дръзнулъ ити, но посла некоиыхъ отъ своихъ товарищевъ, не въ мнозе дружине, но ити не смеяху болмачъ» [65, ст.142]. В летописной строке остался неотредактированный «тюркизм» – «болмач». В Симеоновской летописи он передан как «болма» [66, с.131], то есть «не будь». На что, хотел указать летописец этим словом, не совсем понятно.

2 августа 1381 года великий князь Дмитрий Иванович, в очередной раз примирился с рязанским великим князем Олегом Ивановичем [37, с.249]. В 1380 его, после битвы на Дону, согнали с рязанского княжения и посадили там московских наместников. Всё это произошло по просьбе рязанских бояр к московскому великому князю, которые «сами биша ему челомъ и рядишася у него в рядъ» [65, 140–141]. Князь Олег, скорее всего, скрывался в Литве у своего союзника князя Ягайло, но и положение последнего стало довольно шатким из-за притязаний братьев и дяди князя Кейстута. Решив вернуться, князь Олег Иванович, признал верховенство князя Дмитрия Ивановича и отказывался от союза с князем Ягайло Ольгердовичем. Договор [21, с.29–30; 37, с.343–345], вернее его копия дошел до наших дней, и несколько освещает события. По заключенному договору, великий князь Дмитрий Иванович считался «старейшим», а князь Олег Иванович становился равным князю Владимиру Андреевичу. Стороны обязались блюсти границы своих владений, определению, которых посвящена значительная часть документа. Они признавали друг за другом права на земли, отвоєванные у Золотой Орды: «А что Татарская места отоимал кн(я)зь великийи Дмитрии Иванович за себя от татаръ до сег(о) до нашег(о) докончан(ь)я, та места кн(я)зю великому Дмитрию. А что княз(ь) великийи Олегъ отоимал Татарская от татаръ дотоле же, а то кн(я)зю великому Олгу та места». Шаг, для того времени довольно смелый, который можно принять за прямой вызов новому хану. Политика рязанского князя в отношении Литвы ставилась в прямую зависимость от Москвы: «А к Литве кн(я)зю великому Олгу целован(ь)е сложити. А будет княз(ь) великийи Дмитрии Иванович и брат, княз(ь) Володимеръ, с Литвою в любви, ино и княз(ь) великийи Олег с Литвою в любви. А будет княз(ь) великийи Дмитрии и княз(ь) Володимеръ с Литвою не в любви, и кн(я)зю великому Олгу быти со кн(я)земъ с великим з Дмитрием и со кн(я)з(е)мъ с Володимеромъ на них с одног(о)». Против хана Токтамыша, фактически был заключен оборонительный союз: «А с татары аже будет кн(я)зю великому Дмитрию миръ и ег(о) брату, кн(я)зю Володимеру, или данье, ино и кн(я)зю великому Олгу миръ или дан(ь)е с одиног(о) со княземъ с великимъ з Дмитреемъ. А будет немиръ кн(я)зю великому Дмитрию и брату ег(о), кн(я)зю Володимеру, с татары, кн(я)зю великому Олгу быти со кн(я)земъ с великимъ съ Дмитриемъ и съ ег(о) братомъ с одиного на татаръ и битися с ними». Отдельно оговаривались последствия битвы на Куликовом поле, после которой рязанцы потрепали возвращавшихся победителей: «А что княз(ь) великийи Дмитрии и братъ, княз(ь) Володимеръ, билися на Дону с татары, от того веремени что грабеж или что поиманные кн(я)зя у великог(о) людии у Дмитрия и у его брата, кн(я)зя Володимера, тому межи нас суд вопчии, отдати то по исправе». Захваченную добычу и людей надлежало вернуть. Оговаривались права служилых людей: «А бояром и слугамъ межи нас волным воля». То есть, те, кто в 1380 году «били челом и рядились в рядъ» великому князю Дмитрию, имели право самим определять, кому из князей продолжать служить. Анти-ордынская направленность договора очевидна. Возможно, именно его заключение и послужило причиной нежелания посла Ак Ходжи посетить Москву.

Хан Токтамыш, вовсе не желал выпускать из своих рук контроль над Русским Улусом. Может быть, он не был великим полководцем, но политиком являлся непревзойденным. Хотя, его кампания 1382 года, против великого князя Дмитрия может считаться верхом стратегического искусства. К сожалению, описания событий 1382 года в летописях подверглись многочисленным редакциям. Они читаются по-разному в ранних и поздних списках. Довольно трудно уяснить ход событий и причинно-следственную связь. Скорее всего, великий князь Дмитрий Иванович готовил летом 1382 года большой поход на Литву. Он хотел посадить на престол своих союзников, братьев Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Поэтому основные силы великокняжеского войска под командованием князя Владимира Андреевича, были сосредоточены в Волоке Ламском. Там всегда сосредотачивались войска перед походами в западном направлении. Сам великий князь находился в Москве, ожидая рождения очередного ребенка. Долгожданное событие свершилось «месяца августа въ 14 день на память святаго пророка Михея». Младенца крестил духовник великого князя, племянник Сергия Радонежского игумен Федор Симановский, нарекли его Андреем. Однако, отпраздновать прибавку в семействе великий князь не успел. До него дошли вести, «что самъ царь идет на него съ всею силою своею». Хан Токтамыш подготовил поход в тайне, войска собирал за Волгой, чтобы не привлекать внимания. После сбора он совершил быстрый бросок к переправе: «собравъ воя многы, подвижася къ Волзе со всею силою своею и с всеми своими безбожными плъкы Татарськими». Для переправы использовались суда, захваченные в Булгаре: «царь Токтамышъ посла въ Болгары и повеле христианскыя гости Русскыя грабити, а ссуды ихъ и

съ товаромъ отнимати и провадити къ себе на перевозъ». Таким образом, он преправлял войска на судах русских купцов. Переправившись через Волгу войско «поиде изгономъ на великаго князя Дмитрея Ивановича и на всю землю Русскую». Первым о беспорядках в Булгаре узнал великий князь нижегородский Дмитрий Константинович, Булгар, как мы помним, находился тогда в его ведении. Для выяснения ситуации, он «посла къ царю два сына своя, князя Василиа, да князя Семена, и гнаша въ следъ его, и переехаша дорогу его на Серначе» [65, ст.143]. Если летописный «Сернач» соответствует современному городу Сергач, расположенному на реке Пьянее, то и маршрут похода выглядит необычным. Впоследствии, только в обратную сторону, им воспользовался царь Иван Васильевич Грозный, в своём третьем казанском походе. Этот путь, от Муром до реки Суры, «через Рязанскую и Мещерскую земли, где живет мордва», описал князь Андрей Курбский: «аки бы по пяти неделях, со гладом и с нуждою многою». Следует отметить, что князь Андрей состоял в полке правой руки, который насчитывал, по его словам «тремянадесять тысящей люду». То есть тринадцать тысяч человек. Полк прикрывал основные силы, двигавшиеся по проторенному маршруту, севернее – «в пяти днях конем ездю» [31, с.324]. Из этого можно предположить, что и войско хана Токтамыша в 1382 году не было очень многочисленно. Сыновья нижегородского великого князя догнали хана только в Перьяславле Рязанском: «постигоша его на Рязани». Великий князь рязанский Олег Иванович, неприятно удивленный прибытием хана Токтамыша, «обведе царя около всее своеи земли и указа вся броды на Оце». Собственно говоря, это было единственное правильное решение, призванное сохранить свою землю от разорения. Воспользовавшись услугами вассала, хан Токтамыш «перешедь реку Оку, преже всехъ взя градъ Серпоховъ и огнем пожже». Благо, войск в Серпухове не было, все ратники с князем Владимиром Андреевичем находились в Волоке Ламском. Оттуда «поиде къ Москве, напрасно устремився, волости и села жгучи и воюючи, народъ христіаньскій секучи и убиваючи, а иные люди в полонъ емлючи». Великий князь Дмитрий Иванович «не подня руки потиву царя, но поеха в свои градъ на Кострому». Почему он не поехал к войску на Волок, не совсем понятно. Скорее всего, боялся быть захваченным татарским загоном, и бегство в северном направлении казалось более безопасным. Следом за князем город покинули митрополит Киприан, бежавший в Тверь и вся знать. Татары подошли к Москве 23 августа, «а въ граде Москве тогда затворилъся князь Остеи, внукъ Ольгердовъ, съ множествомъ народа, съ теми елико осталось гражданъ, и елико бежанъ съ волостей збежалося, и елико отъ инехъ збежалося, въ то время приключишася и елико игумени, и прозвители, и чернци, и нищии и убозии, и всякъ возрастъ мужей и жены, и дети, и младенци» [65, ст.144]. Относительно князя Остея единого мнения среди исследователей нет, считается, что он был сыном кого-то из братьев Ольгердовичей, князей Андрея или Дмитрия, но точных данных не найдено. В тоже время у воеводы Андрея Ивановича Акинфова был сын, третий по счету по имени Александр, который носил прозвище Остей. Александр Андреевич Остей [54, с.92], приходился меньшим братом воеводе Федору Андреевичу Свиблу, на которого в 1380 году великий князь оставил заботу о своей семье и городе Москве, пока воевал с Мамаем [62, ст.460]. В ранних списках ничего не сказано о многочисленных штурмах и героической обороне Москвы, в них все описано очень прозаично. «Царь же стоя у города 3 дни, а на 4 день оболга Остея лживыми речми и миромъ лживымъ, и вызва его изъ города и уби его предъ враты града, а ратемъ своимъ всемъ повеле оступити градъ весь съ все страны, и по лествицамъ возлезше на градъ на заборолы, ти тако взяша градъ месяца августа 26 день, на память святого мученика Андреяна и Наталіи, въ 7 часъ дни» [65, ст.144]. Относительно убийства «князя Остея», следует отметить, что в синодике «избиенныхъ нужною смертию от нахождения безбожнаго Тактамыша во граде Москве» упомянут, некий князь Александр Федорович [54, с.193]. В родословцах про него сказано: «а служил в Немцах и приехал служить к Москве к великому князю Ивану Даниловичу» [54, с.168]. К Ольгердовичам этот князь отношения не имеет, он потомок смоленского князя Ростислава Мстиславича.

Захватив и разграбив Москву, хан Токтамыш стал развивать успех. По всей земле рассыпались победители: «иную силу царь распустилъ по земли воевати, а инья ходиша къ Звениграду, а иньи къ Волоку и къ Можайску, а иньи къ Дмитрову, а иную рать посла на Переяславль, и те тамо шедше градъ Переяславль взяша и огнемъ пожгоша, а людие выбегоша вонъ изъ града по озеру въ судехъ и тамо избыша» [65, ст.145]. Однако не везде им сопутствовала удача. «А князь Володімеръ Андреевичъ, собравъ воя около себе и стояше опольчившеся близъ Волока. И тамо неція Татарове наехаша на нь, онъ же прогна ихъ отъ себе, они же прибегоша къ Токтамышу пострашены и биты. Царь же, слышавъ, что князь великий на Костроме, а князь Володімеръ у Воло-

ка, поблюдашеса, чая на себе наезда, того ради не много днии стояше у Москвы, но возьмь Москву, скоро отиде» [65, ст.146]. Решение хана об отступлении выглядит весьма благоразумным. По известиям Татищева: «князь Володимер Андреевич пришед на Волок, собра вой до 8000 конных и пеших, а в Новгород посла, зовусчи, но тии не успеха. А князь великий на Кострому собра 2000 пеших и конных» [82, с.152]. Откуда он взял эти цифры неизвестно, но выглядят они вполне реалистично. На обратном пути татары захватили Коломну, а заодно пограбили и рязанские земли. «Идучи от Рязани» хан Токтамыш, послал к нижегородскому великому князю Дмитрию Константиновичу посольство: «своего шурина именемъ Михмата съ его сыномъ вкупе со княземъ Семеномъ, а другаго сына его князя Василиа поять со собою в Орду». Возвращение великого князя Дмитрия Ивановича и его брата князя Владимира Андреевича на московское пепелище было очень печальным. Первым делом пришлось озаботиться уборкой трупов. Великий князь «повелеша телеса ихъ мертвыхъ трупіа хоронити, и даваста отъ сорока мертвецъ по польтине, а отъ седмидесять по рублю, и сочтоша того всего дано бысть полтора ста рублевь» [65, ст.146]. Если верить летописи, то захоронили от 10500 до 12000 тел. Как мы помним, это были не воины, и даже не все из них мужчины, а беглецы из окружающих волостей – монахи, женщины, дети. Возможно, под Москвой, при поспешном отходе, были перебиты все пленные, захваченные перед отступлением. Иначе татарам не было необходимости разорять Рязань. Вторым делом стал поиск виновного в поражении. Он нашелся быстро – во всем обвинили рязанского великого князя Олега Ивановича. Всё московское войско не «похотевшее» воевать с «царем» обрушилось на соседа. «На ту же осень князь великий Дмитрій Ивановичъ посла свою рать на князя Олега Рязанскаго, князь же Олегъ Рязанскыи не во мнозе дружине утече, а землю всю и до остатка взяша и огнемъ пожгоша и пугу сотвориша, пуще ему и Татарские рати» [65, ст.146].

Другим виновником трагедии великий князь объявил митрополита Киприана. Митрополит из Москвы бежал в Тверь «и тамо избывшу ему во время ратного нахождения». За ним были посланы бояре Семен Тимофеевич Волуев и Михаил Иванович Морозов. 3 октября посланцы забрали беглого митрополита, а 8 доставили его в Москву. Неизвестно, что хотел свершить великий князь, но на счастье Киприана в Москву прибыл посол Токтамыша Карач, и наказание митрополита ограничилось изгнанием в Киев. Вместе с Киприаном в Киев «поеха игумень Афанасіи изъ Серпухова княжь Володимеровъ Андреевича». По-видимому, этот иерарх церкви был повинен в падении Серпухова? На пост митрополита великий князь назначил посаженного ранее в заточение «лже-митрополита» Пимена. Одновременно с церковной чисткой летопись сообщает о смерти от руки «своего раба лукаваго» боярина Федора Тимофеевича Волуева [65, ст.147]. Несомненно, что все эти события связаны между собой и подтверждают внутреннюю борьбу в великом княжестве. Обострилась и борьба между князьями, на поклон к хану Токтамышу ездили тверской великий князь Михаил с сыном Александром и городецкий князь Борис Константинович, эти поездки происходили помимо воли великого князя Дмитрия Ивановича. Весной 1383 года в ставку Токтамыша, в качестве заложника отправился наследник, князь Василий Дмитриевич. Одновременно с ним, туда же направились сын городецкого князя Бориса Константиновича Иван и сын нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича Семен. Хан Токтамыш хотел иметь под рукой наследников русских княжеств. 5 июля 1383 года умер тесть великого князя Дмитрия Ивановича князь Дмитрий Константинович. Ярлык на нижегородское княжение получил его брат Борис Константинович. Из хороших известий можно отметить, что «тое же зимы убіень бысть некий брехъ, именемъ Некомать за некую крамолу бывшую и измену» [65, ст.148–149]. Каким образом был пойман и казнен сподвижник последнего московского тысячника не сообщается.

В следующем 1384 году «бысть великая дань тяжка по всему княженію великому, всякому без отъдатка, со всякие деревни по плътине. Тогда же и златомъ даваша в Орду, а Новгородъ Великыи даль черныи боръ» [65, ст.149]. За данью в Новгород были посланы: «Феодоръ Свибло, Иванъ Оуда, Олександръ Белевуть и иніи бояре» [61, с.341]. Задание было ответственное, и выполняли его первейшие воеводы. Федор Андреевич Свибло из рода Акинфичей. Иван Федорович Уда из князей Фоминских [9, с.363, 365, 368; 54, с.123]. Александр Андреевич Белеут из Добрыньских [9, с.292–293; 54, с.115]. Не обошлось без конфликтов: «ездеша бояре Новгородцкии на Городище тягатыся съ княжими бояре о обидахъ, и побегоша съ Городища на Москву Свиблова чадь», однако «инии оставашася Низовци в городи добирати чернаго бору» [61, с.341].

1385 год тоже началось с неприятностей: «месяца марта въ 25, въ Благовещеніе святыя Богородица, въ Лазареву субботу, князь Олегъ Рязанскыи суровеишии взя Коломну изгономъ, а наместника

изнима Александра Андреевича, нарицаемыи Остея, и прочихъ боярь и лепшихъ мужей поймавъ, поведе съ собою и злата, и сребра, и товара всякого наймався, и отъиде, и възвратися въ свою землю со многю корыстью» [65, ст.150]. Князь Олег Иванович отомстил за разорение своего княжества в 1382, разграбив богатейший московский город. Ответ Москвы был ожидаем, но окончился он полным провалом: «Того же лета князь великии Дмитрей Ивановичь, собравъ воя многы, посла съ ними брата своего князя Володимера Андреевича на князя Олга и на Рязанскую землю. Тогда же на той войне убиша князя Михаила сына Андреева Полотского Олгердовича на Рязани» [65, ст.150]. В Никоновской летописи приводятся более полные сведения о той войне: «И тогда на томъ бою убиша боярь многихъ Московскихъ и лутчихъ мужей Новгородскихъ и Переславскихъ, убиша же тогда и крепкаго воеводу великого князя Дмитрея Ивановича князя Михаила Андреевича Полотскаго, внука Олгердова, правнука Гедиминова. А иную рать послалъ князь великии Дмитрей Ивановичь на Муромъ на князя безъчестіа» [64, с.86]. Скорее всего, это данные рязанского летописания. Из них ясно, что в походе участвовали рати московская и переяславская. А с новгородцами возникают проблемы, неизвестно: из какого именно Новгорода были «лучшие мужи»? Из Великого, Нижнего или Северского, а может и вовсе из Новогрудка Литовского?

Военными мерами приструнить «суровейшего» рязанского великого князя не удалось, пришлось обращаться к помощи дипломатии и церкви: «Тое же осени въ Филипово говеніе игумень Сергіи, преподобнии старецъ, самъ ездилъ на Рязань къ великому князю Олгу о миру, преже бо того мнози ездилъ къ нему не возможе утолти его» [65, ст.150–151]. Перед уговорами святого старца великий князь Олег устоять не мог. Был заключен мир, который более не нарушался. К сожалению, его условия нам неизвестны, скорее всего, основным стало породнение московского и рязанского княжеских домов, княжна Софья Дмитриевна была просватана за князя Федора Ольговича. Свадьба, видимо, из-за малолетства невесты (она была младше Василия Дмитриевича, но старше Юрия) состоялась в 1387 году [65, ст.152]. Возможен и другой вариант задержки женитьбы. Согласно «Описи архива посольского приказа» проведенной в 1626 году, в архиве имелся документ, о содержании которого сообщалось: «грамота великого князя Дмитрея Ивановича и великие княгини Ульяны Ольгердовы доконъчанье о женитьбе великого князя Ягайла Ольгердовича, женитися ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичу дочь за него дати, а ему, великому князю Ягайлу, бытии в их воле и креститися в православную веру и крестьянство свое объявити во все люди» [53, с.34]. Получается, что на руку княжны Софьи Дмитриевны имелся и более выгодный претендент, а притязания великого князя Дмитрия простирались очень далеко. Даты составления этой грамоты не сохранилось. Не сохранилось и много других интересных документов. Зная их содержание, и время составления мы знали бы то, о чём можем только догадываться. Не сохранилась и «тетратка ветха, а начала в ней нет», где были договоры московских князей с литовскими: Андреем, Ягайло, Скиргайло и Корибутом Ольгердовичами [53, с.35].

Создание крепкого военно-политического союза между Москвой и Литвой ставило под угрозу само существование Золотой Орды. Хан Токтамыш такого допустить не мог. Тем более что он вступил в прямую конфронтацию со своим бывшим покровителем эмиром Тимуром. Конфликт назревал давно, но в 1385 году едва не дошло до военных действий в Закавказье [50, с.100–102]. Для борьбы с владыкой Средней Азии хану Токтамышу нужен был крепкий тыл и много денег. Этот вопрос он разрешил виртуозно. Вступив в сношения с опальным митрополитом Киприаном, при помощи константинопольского патриарха, хан устроил «побег» наследнику московского престола князю Василию Дмитриевичу. В ходе этого «побега», достойного быть описанным в авантюрном романе, юный князь, при помощи митрополита обручился с дочерью литовского князя Витовта Кейстутовича, главного соперника великого князя Ягайло Ольгердовича. Москва, из возможного союзника Литвы превратилась в соперника, князь Витовт, влачивший жизнь изгнанника в замках орденских рыцарей, неожиданно стал фигурой сопоставимой с великим князем Ягайло. А великому князю московскому, поставленному перед свершившимся фактом, пришлось добывать денег для хана, совершив поход на Великий Новгород.

Последний поход великого князя Дмитрия Ивановича, зимой 1386–1387 годов, в ранних летописях описан кратко: «Тое же зимы въ Филипово говеніе предъ Рожествомъ Христовымъ князь великии Дмитрей Ивановичь, собравъ воя многы, и поиде ратию къ Новугороду Великому и не дошедъ до Новагорода за 30 поприщъ, ста на месте равне. Гражане же съ владыкою вышедше изъ города и добиша челомъ князю великому 8000 рублевъ. Князь великии не остави слова и

благословеніа владычнѣя и челобитіа Новгородцевъ, взя миръ съ ними и возвратисѣ на Москву и всю свою вземъ волю» [65, ст.152]. Дополняют рассказ летописи имеющие «новгородскую основу». В I Новгородской летописи поясняется, из-за чего произошел конфликт, и уточняется место, где располагалось великокняжеское войско: «приходи князь великийи Дмитрии ратью к Новугороду с братом своимъ съ княземъ Володимеромъ, держа гневъ про волжанъ на Новгородъ, и стоя въ Ямнехъ» [60, с.380]. Наиболее подробно действие описано в Софийской I летописи. В ней дана роспись войск великого князя и его брата и весь ход боевых действий: «а с ним(и) были рати: московская, коломенская, звенигородская, можаиская, волоческая, ржевская, серпоховская, боровская, дмитровская, переяславская, володи[ме]рская, юрьевская, муромская, [меще]рская, стародубская, суждал[ь]ская, городечская, Нижнего Новагород[а, костр]омская, углечская, ростовская, ярославская, молодежская, галичская, бежичская, белозерская, вологодская, устюжская, новоторжская» [62, ст.486]. Всего 29 ратей, намного больше, чем на Куликовом поле в 1380 году, или под Тверью в 1375. Кроме войск из великого княжества владимирского, мы видим представителей суздальско-нижегородского великого княжества, из муромского, ярославского, ростовского, стародубского, белозерского и даже с новгородских земель. Такое возможно, лишь, если был приказ от хана Токтамыша. Если был ярлык «о выступлении [в поход] и расположении на месте войск». В противном случае действовало другое правило: «до тех пор, пока войско не увидит этой тамги, оно по слову эмиров и кого бы то ни было в поход не выступало и на месте не располагалось, за исключением сторожевых войск [охраняющих] важные [участки] границ, и небольших, стерегущих дороги, отрядов, которые выступают и останавливаются по слову своих эмиров» [75, с.276]. Расположение ратей в списке, скорее всего, тоже имеет «ордынскую основу», где каждое племя и эмир знали своё место. Предлог для похода описан подробно: «нелюбие велико про волжанъ, что взяли розбоемъ городъ Кострому и Новъгородъ Нижнии, и много зла учиниша тогда, и про княжьчины» [62, ст.486]. Непонятно только, почему про грабежи совершенные в 1375 году вспомнили спустя 11 лет?

Военные действия развивались по знакомому сценарию. «Поиде ратью к Великому Новугороду, и волости новгородскыя воюючи и села жгучи». Скорее всего, наступали, как всегда с Волока Ламского, через Торжок. «А новоторжци болшие бояре въ Новъгород выбежали, а из ыных волостей много беглецевъ выбегоша». При наличии в великокняжеском войске новоторжской рати, бегство «больших бояр» из Торжка несколько непонятно. Данный феномен можно объяснить только тем, что рать «большим боярам» не подчинялась и находилась с ними в конфронтации. Однако, из-за погодных условий, бежать удалось не всем: «иныя не бегали, тогда бо кр(е)стьяномъ не бяше пути, но голь ледъ безъ снегу» [62, ст.488]. Новгородцы, стараясь задобрить великого князя, и предотвратить разорение выслали посольство. «Новгородци же послаша послы своя противу великаго кн(я)зя, Иова Обакумовича, Ивана Александрович(а), с челобитием о миру, великий же кн(я)зь миру не дал и послы отпусти новгородскыя без миру» [62, ст.486]. Великий князь, посольство проигнорировал и продолжил наступление. Остановка произошла уже в непосредственной близости от города 6 января, скорее всего, в связи с праздником: «не дошед Новагорода за [15] верстъ и ста ту на поле, бяше бо уже о [Крещ]еньи». Там его встретило другое новгородское посольство, во главе с архиепископом Алексием и с конкретными предложениями. Архиепископ сказал: «[Г(осподи)не княже, а]зь тебе бл(а)г(о)словляю, а Великийи Новъ[городъ весь чел]ом бьет, чтобы еси учинил миръ, а кровопролития бы, г(о)с(поди)не, не было. А за винныя люди Великийи Новъгородъ доканчиваетъ и челом бьет тебе 8000 рублевъ». Великий князь Дмитрий Иванович хотел большего, мира не обещал и распустил войска грабить окрестности. Архиепископ, обеспокоенный непреклонностью великого князя, послал сына посадника Климентия Васильевича в город с наказом: «Великийи кн(я)зь миру не дал, а хочет к Новугороду ити. И вы дръжите опас». В городе начались спешные приготовления к осаде: «новгородци поставиша острогъ, по спу хоромы». А все наличные воинские силы предприняли воинскую демонстрацию, призванную воодушевить сограждан. «А кн(я)зь Патрекеи Наримонтовичъ да кн(я)зь Романъ Юрьевич и с копорейскими кн(я)зи бяше в городе, и выехаша из города и с новгородци в доспесе нолни к Жилотугу в неделю до обеда, стояша у Жилотуга и опять вспятишасѣ въ городъ». Жилотуг – это ручей, который впадал в реку Волхов на южной окраине Новгорода, сейчас там исток речки Малый Волховец. Таким образом, войско под командой служилого князя внука Гедимины Патрикя Наримантовича только покрасовалось своими доспехами в тот воскресный выход. Тем временем вернулся архиепископ Алексей и обстановка немного успокоилась. Но не на-

долго: «на четвертый д(е)нь по Кр(е)щ(е)нии в понедельник», то есть 10 января, на следующий день после красочного выхода «по обедех промчеша весть в город, что стоит великий кн(я)зь Дмитрий Иванович со всею своею силою у Жылотуга». Тогда уж началась настоящая паника. «Новгородцы же се слышеша и начаша бояться велми, и послаша на весты испытывати. Они же ездившее, не обретоша рати нигде же. Переполошились бо бе и устратишася, слышавшее великаго кн(я)зя стояща у города, и страшнии бывша того ради» [62, ст.487]. Из опасения прихода неприятеля сами сожгли 24 «монастыревъ великихъ» вокруг города и «у всякой улицы вне города за копаницею все хоромы пожгли». Затем послали очередное посольство, на этот раз: «анхимандрита Д(а)в(ы)да и с ним 7 попов да 5 ч(е)л(ове)къ житиих, ис конца по ч(е)л(ове)ку». Насколько обоснованы были такие опасения, сказать трудно, но, скорее всего, загоны неприятеля действительно находились в ближайшей округе. «А монастырь с(вя)т(о)го Николы на Понедельи ратный пожгли, но ц(е)ркви не сожгоша, и многы волости повоеваша, а у новгородских у купцевъ много товару пограбиша, а людеи, муж и жонь, и дети, много въ полонь поведоша, а иных многих на Москву попроводиша» [62, ст.488]. Великий князь Дмитрий Иванович, видя, что рати захватили добычу, а новгородцы полностью пали духом согласился на мир. «Тогда же прежеречении послы новгородские, ехавъ на Понеделие и доби челомъ великому кн(я)зю Дмитрию Ивановичу за Великий Новгород и миръ взяли по старине, по вл(а)д(ы)чню бл(а)г(о)с(ло)вению и по новгородскому челобитию. А за винные люди докончали за волжань и кто въ путь съ ними ходилъ и за те, за кемъ княжчина залегла, и новгородцы вземше съ полатеи у С(вя)тые Софии 3000 рублевъ, и послаша к великому кн(я)зю Дмитрию Ивановичу, с посадникомъ Григориемъ Якуновичемъ и с посадникомъ Василиемъ Федоровичемъ. Они же привезши то серебро и даша великому кн(я)зю Дмитрию Ивановичу, а 5000 рублевъ докончали великому кн(я)зю на Заволоческой земли, занеже заволочане были же на Волзе, и приставове послаша за Волокъ». Кроме полученных 3000 рублей и обещанных 5000, великий князь «наместники своя и чернорци присла въ Новгородъ». После чего «изъ Ямень воротися и поиде къ Москве» [62, ст.489]. Подробный разбор последнего похода великого князя Дмитрия Ивановича показывает, что его целью не было полное уничтожение и унижение противника. Основной задачей был захват добычи и получение денег. За весь период военных действий не случилось ни одного серьезного столкновения с боевыми потерями. Всё ограничивалось демонстрациями силы, как с одной, так и с другой стороны.

В начале 1388 года великий князь Дмитрий Иванович оказал военную помощь братьям своей жены князьям Василию и Семену Дмитриевичам. «Тое же зимы князь Василеи да князь Семень Дмитреевичи, собравъ воя многы съ своею отчины, Суждалци и Городчане, и у князя великаго Дмитрия Ивановича испросиша себе силу въ помощь рать Можайскую и Звенигородскую и Волотскую, и со всеми сими поидоша къ Новгороду Нижнему на своего дядю, на князя Бориса, и придоша къ Новгороду въ великое говение месяца Марта въ 10 день, во вторникъ на Похвалной неделе, и стояша рати оу города нежю собою 5 день, и потомъ умиришися. Князь Борисъ съступися имъ волостей Ноугородцкихъ, а они ему отъступишася его уделовъ, и тако взяша миръ межю собою и възвратишася кождо въ свояси» [65, ст.154]. Поход совершился после возвращения князя Василия Дмитриевича Суздальского из «почетного плена» от хана Токтамыша. Там он пребывал одновременно с сыном великого князя, своим тезкой и племянником Василием Дмитриевичем с 1383 года. Интересно, что в один год, в 1387 вернулись почти все князья, находившиеся у хана в «воспитанниках». Князь Василий Суздальский с ярлыком на Городец и с разрешением потрепать своего дядю князя Бориса. Князь Василий Московский обрученный с княжной Софьей Витовной, «а съ нимъ князи Лятские и панове, и Ляхове, и Литва». Тогда же «прибежа изъ Орды князь Родьславъ сынъ Олговъ Рязанскаго» [65, ст.153]. Хан Токтамыш укреплял свой тыл людьми, которым доверял. И было почему: «Того же лета царь Аксакъ Темиръ, пришедъ, взялъ Арначъ у Тахтамыша царя Воложскаго» [64, с.93]. «Арнач» – это русское написание города Ургенч, столицы Хорезма.

Возвращение молодого князя Василия Дмитриевича внесло раскол в единство московской военно-служилой знати. Многие его уже похоронили, и делали ставку на другого наследника – Юрия Дмитриевича. Во главе этой группы, скорее всего, стоял серпуховской князь Владимир Андреевич. А может быть, двоюродный брат великого князя имел и более далеко идущие планы. В описях посольского архива упоминается: «грамота докончальная великого князя Ондreja Ольгердовича с великим князем Володимером Ондреевичем, а князь Володимер кончал за брата своего за князя Дмитрея Ивановича, а которого году, и того ни в одной грамоте не объявилось» [53, с.34–35]. В грамоте, князь Владимир именуется «великим». По-видимому, великий князь Дмит-

рий в то время занемог и не был способен нести бремя власти. Но сын вдохнул в отца новые силы и вначале зимы 1389 между двоюродными братьями произошел конфликт. «Тое же зимы того же мясода, передь великимъ заговейномъ, бысть розмирие князю великому Дмитрію Ивановичю съ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ. Поимани быша бояре старейшии княжи Володимеровы и розведени быша вси разнo по градомъ и седеша въ нятіи и бяху у всякого у коегождо ихъ приставлени приставници» [65, ст.155]. Причина конфликта указана в «Описи архива Посольского приказа»: «тое зимы, коли князь великий отнел за себя Галичь да Дмитров от брата» [53, с.35]. Великий князь Дмитрий Иванович, возможно, по совету наследника князя Василия Дмитриевича, для ослабления сил двоюродного брата, лишил его двух больших кормлений – городов Галича и Дмитрова с уездами. Эти земли были даны князю Владимиру Андреевичу в 1372 году, как плата за верную и безупречную службу. Такая черная неблагодарность опечалила первейшего московского воеводу. Обида ещё более ранила сердце князя Владимира тем, что именно в Дмитрове, 18 января 1389 года у него родился сын Ярослав [65, ст.154]. Подробности разрешения спора неизвестны, но завершился он: «месяца марта въ 25, въ честный праздникъ Благовещенія святаго Богородица, князь великийи Дмитрей Ивановичъ взя миръ и прощеніе и любовь съ княземъ съ Володимеромъ съ Андреевичемъ» [65, ст.155].

Результатом примирения двоюродных братьев стал договор заключенный ими [21, с.30–33; 45]. Договор сохранился в подлиннике и довольно хорошем состоянии. В нём зафиксированы реалии военно-политического состояния великого княжества владимирского на конец правления великого князя Дмитрия Ивановича. Князь Владимир Андреевич оказался намного ниже в иерархической лестнице, чем ранее. Теперь он считался младше наследника великого князя и равным только его второму сыну: «И имети ему мене о(т)ц(о)мъ, а с(ы)на моего, князя Василья, братомъ старейшимъ, а князя Юрья братом, а дети мои меншии братьею младшею». Тем самым серпуховский князь признавал права князя Василия, как на верховенство на Москве, так и в великом княжении: «Тебе, брату моему младшему и моему с(ы)ну, князю [Володимеру Андреевичу], держати ти подо мною и подь моимъ с(ы)н(о)мъ, подь княземъ подь Васильемъ, [и подь моими детьм]и княженъе мое великое [честно и грозно]». Об отобранных кормлениях речи уже не шло, но за князем Владимиром закреплялся его родовой удел и некоторые пожалования текущего времени: «чимъ благословиль тебя отецъ твои, князь Андреи, в городе Москве и въ станех трет(ь), и пошлнъ все[хъ треть, уделомъ, чемъ ты благословиль отецъ твои, а что ти даль отецъ мои, князь великийи Иванъ], Городецъ в Лопасны ме[сто, и ты мне потомъ челомъ добиль отцомъ моимъ Алексеемъ, митрополитомъ всея Руси, и язъ] тебе пожаловал, [даль ти есми Лужу и Боровескъ, и что ти ся достало удела княгинина Ульбина, того] всего мне, князю великому, и моему сыну, князю Василью, и моимъ детемъ под тобою блюсти и подь] твоими детми». Правовой статус удела князя Владимира Андреевича повышался. Теперь он считался частью великого княжения, а не московского княжества. Дань из него, шла в счет дани великого княжения. «А ординьскаи тягость, так же и проторъ, дати ти мне, брату своему старейшему и о(т)цю, и с(ы)ну моему, князю Василью, съ своего оудела и со княгинина оудела Оульянина, съ твоее трети, в пять тысячъ руб. триста рублевъ и дватцать руб.». За исключением того, что он имел непосредственно с московских доходов: «А что збереть, тому ити в мою казну, в городскую дан(ь). А оже ны б(ог)ъ избавит, ослободит от Орды, ино мне два жеребьи, а тебе треть». То есть собирали дань данщики князя Владимира Андреевича, получая при этом «долю баскаков», но полученное вручали великому князю. Право рассчитывать с Золотой Орой оставались за последним. Статья о людях «ордынской юрисдикции» гласила: «А что наши ординци и делюи, а тымъ знати своя служба, как было при наших о(т)цехъ. А численых людии блюсти ны с одиног(о), а земль ихъ не купити». Практически тождественно ей звучала следующая статья: «А которые слуги к дворьскому, а черныи люди къ становщику, тыхъ въ службу не приимати, а блюсти ны ихъ с одиног(о), а земль ихъ не купити». Такая забота о черных и численных людях, по-видимому, вызвана злоупотреблениями, произошедшими в период ослабления ордынской власти вызванной попустительством власти великокняжеской. Исправлению этого попустительства следует считать статью: «А хто будет покупил земли данные, служнии или черных люд(и)и, по о(т)ца моего животе, по кназ(я) великог(о) по Иванове, а те, хто взможетъ выкупит(и), ине выкупят, а не взмогутъ выкупити, ине потянут к черным людем. А хто не въсхочетъ тянути, ине ся земль съступят, а земли черным людем даром. Так же и мне, и моимъ детемъ, и моимъ бояром сель не купити въ твоемъ оудел(е). А хто будет покупил, а то по тому же». Лицам, надо думать не бедным, купившим или захватившим, во время

правления князя Дмитрия Ивановича, земли, предназначенные для уплаты ордынской дани – «данные», земли, предназначенные на содержание ратника – «служнии» и земли свободных «черных людей», плативших оброк князю, надлежало вернуть, либо нести с них надлежащие повинности. Скорее всего, это было вызвано походом хана Токтамыша, который приказал вернуть стародавний порядок. В связи с возвращением под власть великого князя Дмитрова и Галича, все ратники, лично служившие князю Владимиру Андреевичу, поступали под команду великокняжеских наместников: «А коли ми будет послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ боярь хто имет жити въ моемъ оудел(е) и в [великомъ] княжен(ь)и, и темъ поехати с моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою». Главным становился «территориальный» принцип, а не принцип «личной службы». Исключение составляли только случаи, когда князю Владимиру надлежало действовать самостоятельно: «Или тя куды пошлю, и твои бояре с тобою». Наиболее интересна статья: «А московская рать, **кто ходил с воеводами, те и нонеч(а) с воеводами, а нам ихъ не примати**». Она полностью противоречит ранее декларируемому праву: «А бояром и слугамъ межи нас вольным воля». Никто из исследователей так и не смог вразумительно объяснить данное несоответствие. Но всё очень просто объяснить, если понять, что люди, состоявшие в ратях, не имели никакого отношения к людям, входившим в дворы князей. Рати юридически подчинялись центральной власти, то есть хану, а дворы – местным князьям. Переманивать ратников в свои дворы князьям, в том числе и великому князю, запрещалось. Восстановление данного правила, тоже следует считать последствием похода хана Токтамыша и укреплением его власти на Руси.

Немного времени спустя появилось и новое завещание, «духовная грамота» великого князя Дмитрия Ивановича [21, с.33–37; 41]. Скорее всего, оно было написано в период с 13 апреля по 16 мая 1389 года. Судя по содержанию, грамота была написана, или скорее продиктована дьяку Внуку, самим великим князем: «пишу грамоту д(у)ш(е)вную целымъ своим оумомъ». Регентом объявлялась жена великого князя – княгиня Евдокия Дмитриевна: «Приказываю дети свои своеи княгине. А вы, дети мои, живите заодин, а м(а)т(е)ри своее слушайте во всем». Ей надлежало производить передел земель в случае смерти кого-то из сыновей: «А по грехом, которого с(ы)на моего б(ог)ъ отъимет, и княгини мои поделит того оуделом с(ы)н(о)въ моих. Которому что дать, то тому и есть, а дети мои изъ ее воли не вымутъс(я)». А также выделить удел для ещё нерожденного ребёнка: «А дать ми б(ог)ъ с(ы)на, и княгини моя поделит его, возмъ по части у болшие его братьи». В случае смерти наследника – князя Василия Дмитриевича все решения должна была принимать великая княгиня Евдокия: «А по грехом, отъимет б(ог)ъ с(ы)на моего, князя Василья, а хто будет подъ тем с(ы)нъ мои, ино тому с(ы)ну моему княжъ Васильевъ оудел, а того оуделомъ поделит их моя княгини. А вы, дети мои, слушайте своее м(а)т(е)ри, что кому дать, то тому и есть». Довольно странное назначение, если учесть, что наследник, князь Василий Дмитриевич давно не был ребенком, ему уже шёл восемнадцатый год. Скорее всего, власть передавалась некому совету из военно-служилой знати, возможно, тем, кто фигурировал в роли свидетелей – «послухов». Интересно отсутствие митрополита при свидетельствовании завещания. В завещании подтверждалось право князя Владимира Андреевича на треть Москвы: «брат мои, князь Володимерь, ведаеть свою треть». Остальное делилось между сыновьями великого князя. Половина доставалась старшему, наследнику князю Василию, другая половина остальным братьям – князьям Юрию, Андрею и Петру. Отдельно оговаривались доходы княгини Евдокии: «А тамга из двою моих жеребьевъ княгине моеи половин(а), а с(ы)н(о)мъ моим половин(а). А восьмичее мои два жеребьи княгине моеи». Таким образом, основной финансовый инструмент оставался в руках великой княгини. Отрасли хозяйства «пути» – бортничей, конюший, сокольничей, ловчий, надлежало поделить: «теж с(ы)н(о)ве мои поделатъс(я) ровно». Также следовало поступить и с главными налогоплательщиками: «А численых люд(и)и моих двою жеребьевъ с(ы)н(о)мъ моимъ по частем, а блюдут с одного». Каждому из сыновей выделялся удел. Наиболее крупное владение досталось князю Василию Дмитриевичу: «Коломну со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и съ селы, и со всеми пошлинами», несколько сел в московских и юрьевских землях, одну «куплю» в ростовской. Второму сыну князю Юрию: «Звенигород со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и съ селы, и со всеми пошлинами», с прибавкой из московских и юрьевских сел и ростовской «куплей». Третьему, князю Андрею причитались: «Можаескъ со всеми волостми, и с тамгою, и с мыты, и з бортью, и съ селы, и со всеми пошлинами, и с отъездными волостми» и села в московских и юрьевских землях. Князю Петру достались: «Дмитровъ со всеми волостми, и съ селы, и со всеми пошлинами, и с тамгою, и с мыты, и з бортью» с прибавкой из московских и юрь-

евских сел. Князь Иван удела не получил, земли данные ему во владение входили в уделы князей Василия и Петра: «Раменеице з бортники и что к нему потягло, да Зверковское село съ Сохоньским починкомъ, что отошло ото князя отъ Володимера. А Сохна с(ы)ну же моему, князю Ивану. А в томъ оуделе воленъ с(ы)нъ мои, княз(ь) Иванъ, который брат до него будет добръ, тому дасть». Из земельных пожалований, можно заключить, что Дмитров с землями уже вошел в состав Московского княжества.

Земли великого княжества владимирского, князь Дмитрий Иванович тоже поделил по своему желанию. Он не сомневался, что великим князем станет его наследник. «А се бл(а)г(о)с(ло)в(л)яю с(ы)на своего, князя Васильи, своєю о(т)ч(и)ною, вел(и)кимъ княженьем» – данная фраза характеризует итоги его правления, то за что он боролся и ради чего жил. Остальные сыновья получили свою долю. Князя Юрия отец пожаловал: «своего деда куплею, Галичем, со всеми волостми, и съ селы, и со всеми пошлинами, и с теми селы, которые тагли къ Костроме». Князя Андрея наделил: «куплею же деда своего, Белыозеромъ, со всеми волостми, и Вольским съ Шаготью, и Милолюбьский езь, и съ слободками, что были детии моих». Князя Петра: «куплею же своего деда, Оуглечим полем, и что к нему потягло, да Тошною и Сямою». Княгиня Евдокия Дмитриевна получила долю как в великом княжении, в перьяславских, владимирских, костромских, белозерских и галицких землях, так и в уделах каждого из сыновей. Доля была довольно весомая и владения ею оговаривались особо: «а в техъ примыслех волна моя княгини, с(ы)ну ли которому дасть, по д(у)ши ли дасть. А дети мои в то не вступаютъс(я)». В завещании перечислены суммы ордынской дани, которую должны были платить князья со своих уделов. К сожалению, перечислены выплаты только с московского княжества: «в тысячу руб». Князь Василий – «съ своего оудела с Коломны и со всех Коломенских волостии триста руб. и сорок и два руб.»; князь Юрий – «съ Звенигород(а) и со всех съ Звенигородских волостии двесте руб. и семьдес(я)ть руб. и два руб.»; князь Андрей – «с Можайска и со всех волостии Можайских сто руб. и семьдес(я)ть руб. бес трех, а с отъездных местъ семьдес(я)ть руб. без дву»; князь Петр – «съ своего оудела сто руб. и одиннатцят(ь)». Так, как в каждом уделе находились владения великой княгини Евдокии, она. Должна была собрав в них дань передать её сыновьям. К примеру, князю Василию: «и княгини моя дасть ему в то серебро с Песочны 50 руб. без 3-хъ, а с Канева дватцдт(ь) руб. и два руб». Так же и остальным сыновьям. Князь Иван должен был со своих земель: «князю Василью съ Сохны пят(ь) руб., а съ Раменеица дасть князю Петру пят(ь) руб.». Оговаривалась и перемена военно-политической ситуации: «А переменить б(ог)ъ Орду, дети мои не имуть давати выхода в Орду, и которыи с(ы)нъ мои возмет дан(ь) на своем оуделе, то тому и есть. А что есмь подавал своєї княгине волости и села изъ оуделовъ детии своих, и свои примысль, и слободы, и села, и Холхол, и Заячков, а с тех волостии, и съ слобод, и съ сел что возмет княгини моя, то ей и есть. А дети мои в то не вступаютъс(я)». Своих личных слуг – холопов, великий князь отпускал на волю, предоставив им возможность самим решать дальнейшую судьбу. «А хто будет моих казначеевъ, или хто будет моих дяковъ прибыток мои от мене ведал, или посельских, или тиоуновъ, или хто женильс(я) оу тех, те все не надобе моеи княгине и моим детем». В конце завещания ещё раз подчеркивалась роль великой княгини. «А приказал есмь свои дети своєї княгине. А вы, дети мои, слушаите свое м(а)т(е)ри во всем, изъ ее воли не выступайтеся ни в чем. А которыи с(ы)нъ мои не имет слушати свое м(а)т(е)ри, а будет не въ ее воли, на том не будет моего бл(а)г(о)с(ло)в(е)нья». Декларировалось создание её личного двора: «хто моих бояръ имет служыти моеи княгине, техъ бояръ, дети мои, блюдите с одного». Среди сыновей старшим, со всеми правами и обязанностями объявлялся князь Василий. «А дети мои молодшая, братья князьи Васильевы, чтите и слушаите своего брата старшего, князя Василья, в мое место, своего о(т)ця. А с(ы)нъ мои, княз(ь) Василии, держыть своего брата, князя Юрья, и свою братью молодшнюю въ братстве, безъ обиды». Завещание свидетельствовалось как со стороны власти духовной: «писал есмь сю грамоту перед своими о(т)ци: перед игуме[номъ] перед Сергиемъ, перед игуменом перед Савастьяном», так и светской: «туто были бояре наши: Дмитрии Михаилович, Тимофеи Васильевич, Иван Родионович, Семен Васильевич, Иван Федорович, Олександръ Аньдреевич, Федоръ Аньдреевич, Федоръ Аньдреевич, Иван Федорович, Иван Аньдреевич».

Скорее всего, именно этим людям во главе с игумном Сергием Радонежским и было поручено руководство государством. По некоторым известиям великий князь сказал им: «Се ведаю вас известнейша пач(е) всех ч(е)л(ове)къ, и се предаю вамъ кн(я)гиню свою и дети своя, и будите имъ в тверде разуме в мое место, якож(е) имъ аз самъ былъ» [73, с.149]. Все они, не исключая и отца

Сергия, считавшегося святым уже при жизни, были выходцами из военно-служилого сословия. За исключением, пожалуй, только князя Дмитрия Михайловича Волынского. Но и внук князя Гедимины, сам отказался от княжеского титула, для того, чтобы стать боярином-воеводой в Русской Земле. Наверное, именно он распоряжался московской ратью, людей из которой не могли принимать к себе на службу князь московского княжеского дома. Среди остальных, мы видим Тимофея Васильевича Вельяминова – брата последнего московского тысячника, он сохранил свою власть и влияние, несмотря на казнь племянника. Ивана Родионовича – потомка галицкого воеводы Нестора Рябца. Семена Васильевича Окадьева, брата убитого на Куликовом поле воеводы Тимофея Васильевича Волюя Окадьева [9, с.495]. Другого племянника Тимофея Вельяминова – Ивана Федоровича Воронцова [9, с.494–495; 54, с.102]. Александра Андреевича Остея, того самого, которого, в своё время, пленил князь Олег на Коломне, и его брата известного воеводу Федора Андреевича Свибла. Другого Федора Андреевича, по прозвищу Кошка – сына боярина Андрея Кобылы [9, с.495; 54, с.109]. Представителя фоминских князей Ивана Федоровича Собаку [9, с.494–495]. Последний в списке, брат Александра Остея и Федора Свибла Иван Андреевич Хромой [9, с.494–495; 54, с.92].

В тоже время, исследуя список «послухов» видно, что представлены в нем руководители московской, волотской, владимирской, коломенской, переяславской, юрьевской и можайской земель. Нет никого из костромского семейства Зерновых и даже родственников почившего митрополита Алексея [9, с.497]. Наверняка, это свидетельствует о скрытой борьбе за главенство. Причины для этого были. Костромичи, могли быть недовольны отторжением нескольких волостей в пользу сыновей великого князя. А Данила Феофанович Бяконт являлся наставником и ближайшим советником наследника, князя Василия Дмитриевича, который, по завещанию, ущемлялся в своих правах. Данила Феофанович вместе с наследником находился в Орде, совершил с ним «побег», участвовал в обручении князя с Софьей Витовной. Он, конечно, не мог согласиться с тем, что во главе княжества становилась великая княгиня и некий боярский совет. Во времена правления великого князя Василия Дмитриевича это противостояние вылилось в борьбу «старцев земских думы» с новым, молодым окружением великого князя, отчего, по образному выражению эмира Идигу «учинилася улусу пакость» [74, с.172]. Разрастание «пакости» привело к кровопролитной войне между сыном князя Василия Дмитриевича князем Василием и его дядей Юрием Дмитриевичем. Та война за «Золотой пояс» поделила военно-служилое сословие на две части. Победители остались у власти, а побежденные ушли на вторые роли. Но это было позже.

Фактически, правление великого князя Дмитрия началось с власти «боярского совета» во главе с митрополитом Алексием и тысячником Василием Васильевичем Вельяминовым, а закончилось объявлением регентом великой княгини с таким же «боярским советом». Военно-служилая знать в тот период играла огромную роль. Великий князь являлся её знаменем. Пока интересы воевод совпадали с княжескими делами, он получал полную поддержку. Прямое доказательство тому – победа на Куликовом поле. Но когда возникали противоречия, всё менялось. Так случилось в 1382 году, когда «начаша думоу думати князь Дмитрии и с прочьми князи Рускими, и с воеводами и з думцами и с велможа[ми] и с боляри старейшими, и всячески гадавше, и обретесе раздно» [61, с.328]. Против законного правителя, никто из победителей Мамай выступить не пожелал. Однако зимой 1386–87 годов, все рати и воеводы опять с великим князем дружно пошли на Новгород. Потому что на то была воля хана.

Служилая знать, в пору правления князя Дмитрия чувствовала себя очень комфортно. Из-за этого бояре из других мест стремились в Москву, а князья даже отказывались от княжеского титула, чтобы стать боярами [47, с.435]. Бояре князя Дмитрия Ивановича по своему положению ничем не уступали князьям, даже превосходили их. Это отразилось на всей последующей истории. Князья всегда старались ограничить влияние бояр. Началось это с казни Ивана Васильевича Вельяминова, а закончилось избранием на престол Московского государства представителей боярства. Сначала царем стал потомок мурзы Чета Борис Годунов, а потом потомок Андрея Кобылы – Михаил Романов. Ни первый, ни второй, к московскому княжескому дому, да и вообще к династии Рюрика, не имели ни малейшего отношения.

Остаётся только сказать несколько слов о самом войске, находившемся в подчинении «ратных князей». До нас дошли слова стороннего наблюдателя – немецкого историка конца XV века Альберта Кранца, сказанные относительно битвы на Куликовом поле: «ut solent ambae nationes magnis agminibus non stantes pugnare, sed incurrentes jaculari et ferire, mox retrocedere». Перевести

их можно примерно так: «Оба народа по обычаю не сражались постоянно большим войском, а насакивали с метательным оружием, убивая, потом возвращаясь назад». Это свидетельство и описания боёв из летописей, приведенные в статье, показывают полную идентичность войска Северо-Восточной Руси и войск Золотой Орды.

Про численность с полной уверенностью говорить не приходится. Летописи весьма скупы на цифры. Можно попытаться сделать «спекулятивный» подсчет на основе выплачиваемого «ордынского выхода». Как говорилось ранее, дань с великого княжества на время заключения договора между князьями Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем составляла 5000 рублей, из них от Серпуховского княжества – 320 рублей. Московская дань составляла 1000 рублей и распределялась по городам, которые соответствовали «ратям». Коломна – 342 рубля, Звенигород – 272, Можайск – 167, Дмитров – 111. Помня, что дань платилась с численных людей, из расчета по по «полтине» с «деревни» или «сохи», где по 2 «мужи работных», можно посчитать общее количество численных людей. В Московском княжестве «налогоплательщиков» должно было быть 4000, в Великом княжестве – 20000. Соответственно и ратников, при пропорции: «от каждого десятка [семей] в войска записывается один человек» – 400 и 2000. Конечно, такие подсчеты весьма условны, но общее представление получить можно. Кроме того, следует учитывать «дворы» князей, которые были сопоставимы с «ратями». Это видно из сообщения об экстраординарном сборе совершенном после похода Тохтамыша. Когда и «златомъ даваша в Орду». Тогда дань собирали со всех и набрали 8000 рублей: «прия ц(а)рь в 8000» [73, с.142]. Если 6000 (1000 в московском и 5000 в великом княжествах) взяли, как и было положено с численных людей, то 2000 приходилось на тех, кто служил непосредственно князьям, «под дворским» или «под сотским». Таких «налогоплательщиков» по аналогичному расчету должно было быть 8000 «работных муж», соответственно они могли содержать 800 ратных. Которые и составляли дворы князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича. Третьей составляющей были воинские люди, которые исполняли обязанности по сбору «выхода», по нашему предположению – «делюи». Они официально подчинялись баскакам, а фактически, в конце XIV века князьям, которые по ярлыку собирали дань. Получать они должны были содержание равное «в год 200 динаров дохода», которые брались из доли баскака. Тут возникает вопрос с соотношением курса динара и рубля. Если принять динар равным алтыну, то есть три копейки или шесть денег (тенге, дирхем), то на рубль выходит 33,3 алтына. Соответственно на долю баскака в Московском княжестве в 1000 рублей, можно было содержать 333 «делюя», а во Владимирском великом княжении – 1666. Таков был военный потенциал Московского и великого Владимирского княжеств. Не более 4900 конных воинов. Ни о каких десятках, а тем более сотнях тысяч ратных говорить не приходится.

Список литературы

1. Акты относящиеся к истории Западной Руси. Т. I. СПб., 1846. 430 с.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. III. М.: Наука. 1964. 688 с.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической Экспедицией. Т. I. СПб., 1836. 551 с.
4. Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. Вып. I. М.: Наука. 2005. 152 с.
5. Археологическая карта России. Костромская область. М.: Восточная литература. 1999. 368 с.
6. Бобров Н.А. Казахская техника ведения боя в конном строю в конце XV – XVI веках. Война и оружие. Новые исследования и материалы. Часть I. СПб.: ВИМАИВиВС. 2013. С. 231–258.
7. Борисевич Г.Ф. Об основных этапах территориального развития Московского Кремля в XI–XV вв. (по археологическим данным). Архитектурное наследие Москвы. М., 1988. С. 22–31.
8. Вашари Иштван. Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого. Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: ФЭН АН РТ. 2010. С. 22–30.
9. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969. 584 с.
10. Воронин Н.Н. Московский Кремль (1156–1367 гг.). Материалы и исследования по археологии СССР, № 77 (Метательная артиллерия и оборонительные сооружения). М., 1958. С. 52–66.
11. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди. Тюркологический сборник 2001. М.: Восточная литература, 2002. С. 261–300.
12. Гордеев А.А. История казаков. Часть 1. Золотая Орда и зарождение казачества. М.: Страстной Бульвар, 1992. 176 с.
13. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2005. 214 с.

14. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л.: АН СССР, 1949. 408 с.
15. Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в. Хронология правлений. Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. 7. Л., 1983. С. 9–54.
16. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков московским митрополитам. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Университета, 2004. 276 с.
17. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Университета, 2002. 276 с.
18. Добродомов И.Г., Кучкин В.А. Делюи средневековой Руси. Древнейшие государства Восточной Европы 1998 год. М.: Восточная литература, 2000. С. 88–98.
19. Древняя Российская Вивлиофика. Ч. VI. М., 1788. 514 с.
20. Древнерусское градостроительство X–XV веков. М.: Стройиздат, 1993. 392 с.
21. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI веков. Москва-Ленинград: АН СССР, 1950. 593 с.
22. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986. 333 с.
23. Золотая орда в источниках. Т. I. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2003. 448 с.
24. Золотая орда в источниках. Т. III. М.: Центр по изучению военной и общей истории, 2009. 336 с.
25. Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М.: Рубежи XXI, 2008. 256 с.
26. Квашнин-Самарин Н.Д. Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887. 41 с.
27. Кюсс Б.М. Житие Сергия Радонежского. Избранные труды. Т. I. М., 1998. 568 с.
28. Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. 432 с.
29. Книга Марко Поло. М.: ГИГЛ, 1955. 376 с.
30. Кузьмин А.В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV вв. Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 701–783.
31. Курбский Андрей. История о великом князе Московском. БЛДР. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 310–479.
32. Кучкин В.А. Вельяминовы на службе у московских князей в XIV – начале XV вв. // Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М.: Территория, 2009. С. 269–306.
33. Кучкин В.А. Дмитрий Донской. Вопросы истории. № 5/6. 1995. С. 61–81.
34. Кучкин В.А. Договор 1348 г. Великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским. Средневековая Русь. 8. М.: Индрик, 2009. С.101–175.
35. Кучкин В.А. Договор 1372 г. Великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским. Древняя Русь. 1 (27). М., 2007. С. 60–77.
36. Кучкин В.А. Договор 1372 года великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским. Древняя Русь. 2(28). М., 2007. С. 5–22.
37. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М.: Древлехранилище, 2003. 368 с.
38. Кучкин В.А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного. Средневековая Русь. 5. М.: Индрик, 2004. С. 192–280.
39. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. (1339) Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты. Древняя Русь. 2(32). М., 2008. С. 129–132.
40. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. (1359) Вторая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича. Древняя Русь. 1(35). М., 2009. С. 93–100.
41. Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. (1389) Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича. Древняя Русь. 3(37). М., 2009. С. 132–136.
42. Кучкин В.А. К датировке завещания Симеона Гордого. Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М.: Наука, 1989. С. 99–106.
43. Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата. Средневековая Русь. 1. М.: Российское университетское издательство, 1996. С. 5–57.
44. Кучкин В. А. Первая духовная грамота Дмитрия Ивановича Донского. Средневековая Русь. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 46–78.
45. Кучкин В.А. Последний договор Дмитрия Донского. Средневековая Русь. 7. М.: Индрик, 2007. С. 275–316.
46. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XV вв. М.: Наука, 1984. 352 с.
47. Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. Москва – С. Петербург: Альянс-Архео, 2007. 776 с.
48. Лурье Я.С. Общерусское летописание XIV–XV веков. Ленинград: Наука, 1976. 286 с.
49. Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М.: Инлайт, 2008. 276 с.
50. Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит., 2003. 164 с.

51. Молчанов А.А. Тысячелетние корни славного русского рода: ростово-суздальские и московские тысяцкие // Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. С. 253–268.
52. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII веков. М.: Наука, 1969. 556 с.
53. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. 420 с.
54. Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлекхранилище, 2011. 556 с.
55. Памятники Куликовского цикла. СПб.: Блиц, 1998. 412 с.
56. Почекаев Р.Ю. Русские войска в золотоордынских компаниях (к вопросу о статусе вассальных правителей в государствах Чингизидов). Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань: ФЭН АН РТ, 2010. С. 36–44.
57. Присёлков М.Д. Троицкая летопись. СПб.: Наука, 2002. 516 с.
58. Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.
59. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 648 с.
60. Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 564 с.
61. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 690 с.
62. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. Софийская первая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
63. Полное собрание русских летописей. Т. X. Никонская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 248 с.
64. Полное собрание русских летописей. Т. XI. Никонская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 256 с.
65. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
66. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 328 с.
67. Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись. М.: Языки русской культуры, 2004. 256 с.
68. Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
69. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки русской культуры, 2004. 488 с.
70. Полное собрание русских летописей. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.
71. Полное собрание русских летописей. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 272 с.
72. Полное собрание русских летописей. Т. XXXV. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 314 с.
73. Полное собрание русских летописей. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
74. Полное собрание русских летописей. Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Булавин, 2002. 224 с.
75. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. Москва-Ленинград: АН СССР, 1946. 340 с.
76. Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб., 1880. 682 с.
77. Русские повести XV–XVI веков. Москва – Ленинград: Гослитиздат, 1958. 488 с.
78. Савелов Л.М. Родословные записи. В. 1. М., 1906. 284 с.
79. Сборник Императорского Российского Исторического Общества. СПб., 1884. Т. 41. 632 с.
80. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. 772 с.
81. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1902. 920 с.
82. Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. V и VI. М.: Ладомир, 1996. 784 с.
83. Темушев В.Н. Определение места Тростенской битвы 1368 г. Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3: К 65-летию со дня рождения Б.А. Фоломеева и 25-летию со дня начала археолого-географических работ на Куликовом поле (1982–2007). Тула, 2008. С. 250–255.
84. Тихомиров М.Н. Древняя Москва XII–XV вв. М.: Московский рабочий, 1992. 318 с.
85. Хафиз Абру. Дополнение к собранию историй Рашиди. Казань: Яз, 2011. 320 с.
86. Хроника Быховца. М.: Наука, 1966. 156 с.
87. Чернов С. З. Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. М.: Институт археологии РАН, 1998. 544 с.
88. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Ташкент: АН РУ, 2008. 516 с.

89. *Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Ленинград: Наука, 1987. 176 с.

90. *Шеков А.В.* Верховские княжества. М.: Квадрига, 2012. 364 с.

91. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. 706 с.

Сведения об авторе: Дмитрий Анатольевич Селиверстов – член Проблемного Совета «Военная археология» при Государственном Историческом Музее (109012, Красная площадь, 1, Москва, Российская Федерация); antov-d@yandex.ru

Wars and the Army of Dmitry Donskoy

D.A. Seliverstov

(Problem Council “Military Archaeology”
at the State Historical Museum)

The paper attempts to trace the development of military affairs of the North-Eastern Russia during the time of its entry into the Golden Horde. The author has tried to identify the place and role of the “Russian military contingent” in the army of the Mongol State and later of the ulus of Jochi (Golden Horde). The author pointed to examples of military actions of the Russian troops without participation of the princes. The author traced the relationship between “central” and “local” authorities on the basis of extant chronicles and act materials close by the time of their writing to the period under consideration. The article contains a description of the evolution of these relations and, in particular, the process of transition of “military power” in the hands of local rulers. The author suggested on the nature of the service of people appearing in documentation under the terms of “ordyntsy” and “delyi”. The article focuses on the reign of the Grand Duke of Vladimir and Moscow Dmitry Donskoy. During this period, due to a general weakening of the power of the Golden Horde khans, in the Zalesie territory were formed the prerequisites for creating an independent State. The author examined the role of the military and serving nobility in these processes. The paper shows that thanks to the people from the “military class”, a small principality of Moscow headed by minor heir could lead all the lands of the north-eastern Russia. The author briefly describes the military campaigns of the time as well as the battles of the Trosno in 1369, Skornischeve in 1371, Piana in 1377, Voza in 1378, Kulikovo Field in 1380. The article analyzes the siege of Tver in 1375, campaigns against the Bulgars in 1377 and Novgorod in 1386–87. The author considers separately the campaign of khan Toktamysh against Moscow in 1382 and the reasons contributed to the success of the Golden Horde troops. Particular attention is paid to persons from among the serving military nobility who participated in those events as well as to their role and influence on the course of history. The author traces the fate of representatives of such genera as: Akinfov, Byakontov, Velyaminov, Volynsky, Zernovoy, Kvashnin, and others; including the analysis of their relationship with the rulers of the Golden Horde and Grand Prince of Vladimir. The author has considered aspects of the political struggle of the second half of the 14th century when in Eastern Europe, on the spot of the fading Golden Horde, appeared new “power centers” – Lithuania and Moscow.

Keywords: Golden Horde, Grand Duchy of Vladimir, Duchy of Moscow, Grand Duchy of Lithuania, ulus princes, martial princes, princes, governors, hosts, “ordyntsy”, “delyui”, nobles, free servants.

References

1. *Akty otnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rusi* [The Acts Relating to the History of Western Rus]. Vol. I. St. Petersburg, 1846. 430 p.

2. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v.* [Documents of Social and Economic History of Northeastern Rus of end of the 14th – early 16th centuries]. Vol. III. Moscow, Nauka, 1964. 688 p.

3. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoy Ekspeditsiyei* [The Acts Collected in Libraries and Archives of the Russian Empire by Archaeographic Expedition]. Vol. I. Sankt-Peterburg, 1836. 551 p.

4. *Anonimnyy gruzinskiy «Khronograf» XIV veka* [An Anonymous Georgian “Chronograph” of the 14th century]. Is. I. Moscow, Nauka, 2005. 152 p.

5. *Arkheologicheskaya karta Rossii. Kostromskaya oblast'* [The Archaeological Map of Russia. The Kostroma Region]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1999. 368 p.

6. Bobrov N.A. *Kazakhskaya tekhnika vedeniya boya v konnom stroyu v kontse XV- XVI vekakh* [The Kazakh Technique of Fighting on Horseback in the late 15th – 16th centuries]. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i*

materialy [War and Weapons. New Researches and Materials]. Chast' I. Sankt-Peterburg, VIMAIViVS. 2013, pp. 231–258.

7. Borisevich G.F. Ob osnovnykh etapakh territorial'nogo razvitiya Moskovskogo Kremlya v XI–XV vv. (po arkheologicheskim dannym) [The Main Stages of Territorial Development of the Moscow Kremlin in the 11–15 centuries (according to archaeological data)]. *Arkhitelturnoe nasledie Moskvy* [The Architectural Legacy of Moscow]. Moscow, 1988, pp. 22–31.

8. Vásáry I. Tatarskie pokhody vengerskogo korolya Layosha Velikogo [Tatar Campaigns of the Hungarian King Lajos the Great]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. . 3. Kazan, FEN Akademiya nauk RT, 2010, pp. 22–30.

9. Veselovskiy S.B. *Issledovaniya po istorii klassa sluzhilykh zemleladel'tsev* [Studies in the History of the Service Class of Landowners]. Moscow, Nauka. 1969. 584 p.

10. Voronin N.N. Moskovskiy Kreml' (1156–1367 gg.) [The Moscow Kremlin (1156–1367)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, No. 77 (*Metatel'naya artilleriya i oboronitel'nye sooruzheniya*) [Materials and Researches on the Archaeology of the USSR, No. 77 (propellant artillery and fortifications)]. Moscow, 1958, pp. 52–66.

11. Geograficheskoe opisanie Zolotoy Ordy v entsiklopedii al-Kalkashandi [Geographical Description of the Golden Horde in the Encyclopedia of al-Qalqashandi]. *Tyurkologicheskii sbornik 2001* [Turkological Collection 2001]. Moscow, Vostochnaya literature, 2002, pp. 261–300.

12. Gordeev A.A. *Istoriya kazakov*. Chast' 1. *Zolotaya Orda i zarozhdenie kazachestva* [History of the Cossacks. Part 1. The Golden Horde and the Emergence of the Cossacks]. Moscow, Strastnoy Bul'var, 1992. 176 p.

13. Gorskiy A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka, 2005. 214 p.

14. *Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova* [Charters of the Great Novgorod and Pskov]. Moscow – Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1949. 408 p.

15. Grigor'ev A.P. Zolotoordynskie khany 60–70-kh godov XIV v. Khronologiya pravleniy [The Golden Horde Khans of the 1360–70's. Chronology of the Reigns]. *Istoriografiya i istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki* [Historiography and Source Study of the History of the Countries of Asia and Africa]. 7. Leningrad, 1983, pp. 9–54.

16. Grigor'ev A.P. *Sbornik khanskikh yarlykov moskovskim mitropolitam* [Collection of the Khan's Yarlyk Granted to the Moscow Metropolitan]. St. Petersburg, Sankt-Peterburg Universitet Publ., 2004. 276 p.

17. Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. *Kolleksiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii* [Collection of the Golden Horde Documents of the 14th century from Venice]. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburg Universitet Publ., 2002. 276 p.

18. Dobrodanov I.G., Kuchkin V.A. Delyui srednevekovoy Rusi [“Delyi” of the Ancient Rus]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy* [The Most Ancient States of Eastern Europe]. 1998 god. Moscow, Vostochnaya literature, 2000, pp. 88–98.

19. *Drevnyaya Rossiyskaya Vivliofika* [The Ancient Russian Vivliofika]. Ch. VI. Moscow, 1788. 514 p.

20. *Drevnerusskoe gradostroitel'stvo X–XV vekov* [The Ancient Russian Urban Planning of the 10th–15th centuries]. Moscow, Stroyizdat, 1993. 392 p.

21. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV – XVI vekov* [Spiritual and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the 14–16 centuries]. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 593 p.

22. Zimin A.A. *V kanun groznykh potryaseniy* [On the Eve of Terrible Upheavals]. Moscow, Mysl'. 1986. 333 p.

23. *Zolotaya orda v istochnikakh* [The Golden Horde in the Sources]. Vol. I. Moscow, Tsentr po izucheniyu voennoy i obshchey istorii. 2003. 448 p.

24. *Zolotaya orda v istochnikakh* [The Golden Horde in the Sources]. Vol. III. Moscow, Tsentr po izucheniyu voennoy i obshchey istorii. 2009. 336 p.

25. Il'ovskiy D.I. *Istoriya Ryazanskogo knyazhestva* [History of the Ryazan Principality]. Moscow, Rubezhi XXI. 2008. 256 p.

26. Kvashnin-Samarin N.D. *Issledovanie ob istorii knyazhestv Rzhevskogo i Fominskogo* [Study of the History of the Rzhevskoe and Fominskoe Principalities]. Tver'. 1887. 41 p.

27. Kloss B.M. *Zhitie Sergiya Radonezhskogo. Izbrannye trudy* [The Life of St. Sergius of Radonezh. Selected Works]. Vol. I. Moscow, 1998. 568 p.

28. Klyug E. *Knyazhestvo Tverskoe (1247–1485 gg.)* [The Principality of Tver (1247–1485)]. Tver'. 1994. 432 p.

29. *Kniga Marko Polo* [The Book of Marco Polo]. Moscow, GIGL. 1955. 376 p.

30. Kuz'min A.V. *Familii, poteryavshie knyazheskiy titul v XIV – pervoy treti XV vv.* [The Surnames Lost a Princely Title in the 14th – the first third of the 15th centuries]. *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of the Ancient Russian Literature]. Is. . 11. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2004, pp. 701–783.

31. Kurbskiy Andrey. *Istoriya o velikom knyaze Moskovskom* [History of the Great Prince of Moscow]. *BLDR*. Vol. 11. Sankt-Peterburg, Nauka. 2001, pp. 310–479.

32. Kuchkin V.A. Vel'yaminovy na sluzhbe u moskovskikh knyazey v XIV – nachale XV vv. [The Velyaminovs in the Service of the Moscow Princes in the 14th – early 15th centuries]. Kuleshov A.S. *Aksakovy. Istoriya razbitykh sudeb* [The Aksakovs. The History of Broken Destinies]. Moscow, Territoriya. 2009, pp. 269–306.
33. Kuchkin V.A. Dmitriy Donskoy [Dmitry Donskoy]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 5/6. 1995, pp. 61–81.
34. Kuchkin V.A. Dogovor 1348 g. Velikogo knyazya Simeona Ivanovicha s brat'yami Ivanom Zvenigorodskim i Andreem Serpukhovskim [The Treaty of 1348 of the Great Duke Simeon Ivanovich with His Brothers Ivan of Zvenigorod and Andrei of Serpukhov]. *Srednevekovaya Rus'* [The Medieval Rus]. 8. Moscow, Indrik. 2009, pp.101–175.
35. Kuchkin. V.A. Dogovor 1372 g. Velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha s Vladimirom Andreevichem Serpukhovskim [The Treaty of 1372 of the Great Duke Dmitri Ivanovich with Vladimir Andreyevich of Serpukhov]. *Drevnyaya Rus'* [The Ancient Rus]. 1 (27). Moscow, 2007, pp. 60–77.
36. Kuchkin V.A. Dogovor 1372 goda velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha s Vladimirom Andreevichem Serpukhovskim. [The Treaty of 1372 of the Great Duke Dmitri Ivanovich with Vladimir Andreyevich of Serpukhov]. *Drevnyaya Rus'* [The Ancient Rus]. 2(28). Moscow, 2007, pp. 5–22.
37. Kuchkin V.A. *Dogovornye gramoty moskovskikh knyazey XIV veka. Vneshnepoliticheskie dogovory* [Contractual Charters of the Moscow Princes of the 14th century. Foreign Policy Treaties]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2003. 368 p.
38. Kuchkin V.A. Dukhovnye gramoty moskovskogo velikogo knyazya Ivana Ivanovicha Krasnogo [Spiritual Charters of the Moscow Great Prince Ivan Ivanovich Krasny]. *Srednevekovaya Rus'* [The Medieval Rus]. 5. Moscow, Indrik. 2004, pp. 192–280.
39. Kuchkin V.A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazey XIV v. (1339) Vtoraya dushevnyaya gramota velikogo knyazya Ivana Danilovicha Kality [Edition of the Moscow Princes' Testaments of the 14th century (1339). The Second Spiritual Charter of the Great Prince Ivan Danilovich Kalita]. *Drevnyaya Rus'* [The Ancient Rus]. 2(32). Moscow, 2008, pp. 129–132.
40. Kuchkin V.A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazey XIV v. (1359) Vtoraya dushevnyaya gramota velikogo knyazya Ivana Ivanovicha [Edition of the Moscow Princes' Testaments of the 14th century (1359.) The Second Spiritual Charter of the Great Duke Ivan Ivanovich]. *Drevnyaya Rus'* [The Ancient Rus]. 1(35). Moscow, 2009, pp. 93–100.
41. Kuchkin V.A. Izdanie zaveshchaniy moskovskikh knyazey XIV v. (1389) Vtoraya dushevnyaya gramota velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha [Edition of the Moscow Princes' Testaments of the 14th century (1389.) The Second Spiritual Charter of the Great Duke Dmitry Ivanovich]. *Drevnyaya Rus'* [The Ancient Rus]. 3(37). Moscow, 2009, pp. 132–136.
42. Kuchkin V.A. K datirovke zaveshchaniya Simeona Gordogo [Dating of the Testament of Simeon the Proud]. *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR* [The Most Ancient States in the Territory of the USSR]. 1987. Moscow, Nauka. 1989, pp. 99–106.
43. Kuchkin V.A. Letopisnye rasskazy o slobodakh baskaka Akhmata [The Annalistic Stories about Slobodas of Baskak Akhmad]. *Srednevekovaya Rus'* [The Medieval Rus]. 1. Moscow, Rossiyskoe universitetskoe Publ., 1996. P. 5–57.
44. Kuchkin V. A. Pervaya dukhovnyaya gramota Dmitriya Ivanovicha Donskogo [The First Spiritual Charter of Dmitry Donskoy]. *Srednevekovaya Rus'* [The Medieval Rus]. 2. Moscow, Editorial URSS, 1999, pp. 46–78.
45. Kuchkin V.A. Posledniy dogovor Dmitriya Donskogo [The Last Treaty of Dmitry Donskoy]. *Srednevekovaya Rus'* [The Medieval Rus]. 7. Moscow, Indrik, 2007, pp. 275–316.
46. Kuchkin V.A. *Formirovanie gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XV vv.* [Formation of the State in the North-Eastern Russia in 10th–15th centuries]. Moscow, Nauka. 1984. 352 p.
47. Likhachev N. P. *Razryadnye d'yaki XVI veka* [The Clerk-Deacons of the 16th century]. Moscow – St. Petersburg, Al'yans-Arkheo, 2007. 776 p.
48. Lur'e Ya. S. *Obshcherusskoe letopisanie XIV – XV vekov* [The General Russian Chronicle Writing of the 14–15 centuries]. Leningrad, Nauka, 1976. 286 p.
49. Mazurov A.B., Nikandrov A.Yu. *Russkiy udel epokhi sozdaniya edinogo gosudarstva. Serpukhovskoe knyazhenie v seredine XIV – pervoy polovine XV vv.* [The Russian Appanage in the Epoche of the Creation of the United State. Serpukhov Principality in the middle of the 14th – first half of the 15th centuries]. Moscow, Inlayt, 2008. 276 p.
50. Mirgaleev I. M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana* [The Political History of the Golden Horde during the reign of Toktamysh Khan]. Kazan, Alma-Lit. 2003. 164 p.
51. Molchanov A.A. Tsyacheletnie korni slavnogo russkogo roda: rostovo-suzdal'skie i moskovskie tsyatskie [Millennial Roots the Glorious Russian Genus: The Rostov-Suzdal and Moscow Tsyatskys]. Kuleshov A.S. *Aksakovy. Istoriya razbitykh sudeb* [History of Broken Destinies]. Moscow. 2009. P. 253–268.
52. Nasonov A. N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII vekov* [History of the Russian Chronicle Writing of the 11th – early 18th centuries]. Moscow, Nauka. 1969. 556 p.

53. *Opis' arkhiva Posol'skogo prikaza 1626 goda* [Inventory of the Ambassadors Order's Archives of 1626]. Ch. 1. Moscow. 1977. 420 p.
54. *Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya* [Historical Monuments of the Russian Service Estate]. Moscow, Drevlekhranilishche. 2011. 556 p.
55. *Pamyatniki Kulikovskogo tsikla* [Monuments of the Kulikovsky Cycle]. Sankt-Peterburg, Blits. 1998. 412 p.
56. Pochekaev R.Yu. Russkie voyska v zolotoordynskikh kompaniyakh (k voprosu o statuse vassal'nykh praviteley v gosudarstvakh Chingizidov) [Russian Troops in the Golden Horde Campaigns (to the question about the status of vassal rulers within the Chingisid states)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. 3. Kazan, Fen Akademiya nauk RT, 2010. P. 36–44.
57. Priselkov M.D. *Troitskaya letopis'* [The Trinity Chronicle]. Sankt-Peterburg, Nauka. 2002. 516 p.
58. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. I. *Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. I. Laurentian Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. 2001. 496 p.
59. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. II. *Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. Hypathian Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2001. 648 p.
60. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. III. *Novgorodskaya pervaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. III. The First Novgorod Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 564 p.
61. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. IV. *Novgorodskaya chetvertaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. IV. The Fourth Novgorod Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 690 p.
62. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. VI. Is. 1. *Sofiyskaya pervaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. VI. Iss 1. The First Sofian Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 312 p.
63. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. X. *Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. X. The Nikon Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 248 p.
64. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. XI. *Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XI. The Nikon Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. 2000. 256 p.
65. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. XV. *Rogozhskiy letopisets. Tverskoy sbornik* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XV. Rogozhsky Chronicle. Tver Collection]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 432 p.
66. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. XVIII. *Simeonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XVIII. Simeon Chronicle]. Moscow, Znack, 2007. 328 p.
67. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. XXIII. *Ermolinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXIII. Ermolinskaya Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2004. 256 p.
68. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. XXIV. *Tipografskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXIV. Typographical Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 288 p.
69. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. XXV. *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV veka* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXV. The Moscow Annalistic Vault of the end of the 15th century]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 2004. 488 p.
70. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. XXVI. *Vologodsko-Permskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXVI. THE Vologda-Perm Chronicle]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2006. 432 p.
71. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. XXX. *Vladimirskiy letopisets. Novgorodskaya vtoraya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXX. Vladimir Chronicle. The Second Novgorod Chronicle]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 272 p.
72. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. XXXV. *Letopisi belorussko-litovskie* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XXXV. The Belarusian-Lithuanian Chronicles]. Moscow, Nauka, 1980. 314 p.
73. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. XLIII. *Novgorodskaya letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. XLII. Novgorod Chronicle according to the Copy of Dubrovsky]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 2004. 368 p.
74. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 42. *Novgorodskaya Karamzinskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 42. The Novgorod Karamzin Chronicle]. Sankt-Peterburg, Dmitriy Bulavin. 2002. 224 p.
75. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. III. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR, 1946. 340 p.
76. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [The Russian Historical Library]. Vol. VI. Sankt-Peterburg, 1880. 682 p.
77. *Russkie povesti XV–XVI vekov* [The Russian Novels of the 15th–16th centuries]. Moscow – Leningrad, Goslitizdat, 1958. 488 p.
78. Savelov L.M. *Rodoslovnye zapisi* [Genealogical Records]. V. 1. Moscow. 1906. 284 p.
79. *Sbornik Imperatorskogo Rossiyskogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Sankt-Peterburg. 1884. Vol. 41. 632 p.
80. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of Old Russian language]. Vol. I. Sankt-Peterburg, 1893. 772 p.

81. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of Old Russian language]. Vol. II. Sankt-Peterburg, 1902. 920 p.
82. Tatischev V.N. *Sobranie sochineniy* [Collected Writings]. Vol. V i VI. Moscow, Ladomir, 1996, 784 p.
83. Temushev V.N. Opredelenie mesta Trostnenskoy bitvy 1368 g. [Defining the Place of the Trostnenskoy Battle in 1368]. *Verkhnee Podon'e: Arkheologiya. Istoriya. Vyp. 3: K 65-letiyu so dnya rozhdeniya B. A. Folomeeva i 25-letiyu so dnya nachala arkheologo-geograficheskikh rabot na Kulikovom pole (1982–2007)* [The Upper Don region: Archaeology. History. Issue 3: On the 65th Anniversary of the B.A. Folomeev and the 25th Anniversary of the Beginning of Archaeological and Geographical Works on the Kulikovo Field (1982–2007)]. Tula, 2008, pp. 250–255.
84. Tikhomirov M.N. *Drevnyaya Moskva XII–XV vv.* [The Ancient Moscow of the 12th–15th centuries]. Moscow, Moskovskiy rabochiy, 1992. 318 p.
85. Hafiz-i Abru. *Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashidi* [Addition to the Compendium of Chronicles Rashidi]. Kazan, Yaz, 2011. 320 p.
86. *Khronika Bykhovtsa* [Bychowiec Chronicle]. Moscow, Nauka. 1966. 156 p.
87. Chernov S. Z. *Volok Lamskiy v XIV – pervoy polovine XVI v.* [The Lamsky Volok in the 14th – the first half of the 16th centuries]. Moscow, Institut arkheologii RAN. 1998. 544 p.
88. Sharaf ad-Din Ali Yazdi. *Zafar-name*. Tashkent, Akademiya nauk RU, 2008, 516 p.
89. Shaskol'skiy I.P. *Bor'ba Rusi za sokhranenie vykhoda k Baltiyskomu moryu v XIV v.* [The Struggle of Rus for the Preservation of Access to the Baltic Sea in the 14th century]. Leningrad, Nauka, 1987. 176 p.
90. Shekov A.V. *Verkhovskie knyazhestva* [The Upper Oka Principalities]. Moscow, Kvadriga. 2012, 364 p.
91. Ekzemplyarskiy A.V. *Velikie i udel'nye knyaz'ya Severnoy Rusi v tatarskiy period s 1238 po 1505 g.* [The Great and Appanage Princes of Northern Russia during the Tatar Period from 1238 to 1505]. Vol. II. St. Petersburg, 1891. 706 p.

About the author: Dmitriy Anatol'evich Seliverstov – Member of the Problem Council “Military Archaeology” at the State Historical Museum (109012, Red Square, 1, Moscow, Russian Federation); antov-d@yandex.ru

УДК 355/359(=512.1)

Битва на реке Ворскла (источниковедческие аспекты)

Я.В. Филичук

(Институт востоковедения
им. А.Е. Крымского НАН Украины)

Данное исследование посвящено источниковедческим аспектам битвы на Ворскле. Новизной данного исследования является анализ источниковой базы проблемы и выделение характерных черт для каждой группы источников. Задачей данного исследования является источниковедческий анализ сведений письменных источников о битве на Ворскле. Наибольшей точностью относительно списка погибших князей и этнического состава отличаются русские и беларуско-литовские летописи. Реально в битве погибло 18–19 литовских князей. В битве фактически погиб каждый четвертый князь Великого Княжества Литовского. Поражение на Ворскле было тяжелым поражением для Великого Княжества Литовского. Говорить же об общем количестве погибших не позволяет отсутствие конкретных данных в источниках. Указание русских летописцев на 50 или 72 погибших князей является их ошибкой и существенным преувеличением. Русские летописцы умышленно преувеличивали масштабы трагедии. Автор Никоновской летописи сделал рассказ о битве на Ворскле средством пропаганды. Татарские ханства упомянутые в летописи соответствуют реалиям середины XV в., а не конца XIV в. – начала XV в. Авторы Новгородской первой и Никоновской летописи занимали антилитовскую позицию. Молдаване не принимали участия в битве на Ворскле. Упоминание о валахах в русских источниках является ошибкой летописцев и переписчиков. Польские хронисты традиционно освещали главным образом действия поляков. Несколько польских аристократов погибли в битве на Ворскле. Польские хронисты также способствовали формированию исторического фантома – похода Витовта на Подонье. Они также обращали внимание на действия Спытка Мельштинского и указали список погибших польских аристократов. К важным данным нужно отнести достаточно точную реконструкцию исторической географии похода Витовта на татар в 1399 г. Украинские хронисты воспринимали битву на Ворскле через призму сведений польских хронистов. Немецкие хроники точны хронологично и содержат четкие данные относительно участия немцев в битве на Ворскле, однако не совсем четко представляли себе географию Восточной Европы. Восточные источники не придавали битве на Ворскле особого значения и только у Муинн ад-Дина Натанзи было краткое описание битвы. Важно первое упоминание Литвы в восточных источниках – Либка.

Ключевые слова: битва, источниковедение, источники, хроники, Витовт, Идегей, татары.

Одной из самых великих и в то же время незаслуженно забытых битв в истории Золотой Орды является битва на р. Ворскле (1399). Как и битве на Калке, ей посвящено намного меньше исследований, чем битвам на Куликовом поле и на Синих Водах. Статей, посвященных битве на Ворскле не так и много, несмотря на то, что она упоминается практически во всех работах, посвященных Великому Княжеству Литовскому и Золотой Орде. В первую очередь это статья В. Ляскоронского о месте битвы и отрывок из его книги, посвященной битве на Ворскле [9]. Из новейших исследований следует выделить статью И. Измайлова [7]. Источниковый базис битвы на Ворскле более богат. Он включает польские и немецкие хроники, русские, беларуско-литовские, украинские летописи, восточные хроники Муинн ад-Дина Натанзи и Ибн Арабшаха. Данное исследование посвящено источниковедческим аспектам этой битвы.

Кульминацией татарской политики Витовта в 1397–1399 гг. стала битва на Ворскле. Однако не менее важно сказать о том, что предшествовало ей. Относительно численности войск сторон нельзя ничего говорить наверняка, так как сведения о численности войска почти отсутствуют в письменных источниках.

Немецкие источники. Немецкие источники по истории войн литовцев с татарами представлены хрониками Иоханна Посильге, Руфуса, Торунского анналиста, продолжателя Дитмара Любекского. Необходимо сказать, что в немецких источниках была описана не только битва, но и ее предистория, и собственно действия тевтонских рыцарей в составе литовского войска. Участие тевтонских рыцарей было главным сюжетом, отображаемым в хрониках, но далеко не единствен-

ным. Немцы, конечно, больше всего интересовались событиями немецкой и орденской истории, но много места уделяли и описанию действий Витовта. Нашла отображение и его татарская политика. В хронике Иоханна Посильге под 1398 г. упомянуто о литовцах около Днепра и постройке крепости Святого Иоанна. Вероятно, информаторами Иоханна были непосредственные участники битвы на Ворскле, которые также принимали участие в военных кампаниях Витовта на юге. В октябре 1398 г. Тевтонский Орден заключил Салинский договор с Витовтом. По нему Жемайтия переходила под протекторат Тевтонского Ордена. Взамен тевтонцы предоставили Витовту помощь против татар. В 1398 г. 60 тевтонских воинов под командованием Эберхарда фон Валленфельса (бывшего адъютанта великого магистра) сражались в литовском войске. В письме Иогана Римана из Полоцка в Ригу сказано, что литовцы основали две крепости на *Vochowe Reeke*¹. Возможно, это известие есть дополнительное свидетельство того, что в нижнем течении Буга и Днепра Витовт основывал свои форпосты [36, s. 216, 222]. Относительно же сведений других хроник, то продолжатель Дитмара Любекского указывал, что литовцы под Каффой победили татар и многих из них покорили себе. В другой хронике из Любека, которую написал Руфус, указано, что Витовт, помогая Мосатану, собрал большое войско из ливов, руссов и верных царю татар, ворвался в страну по направлению к Каффе, опустошил край и подчинил его себе. Однако о действиях в Крыму молчат армянские, генуэзские и татарские документы. Каффа в немецких хрониках была обозначением Крыма. Вероятнее предположение Я. Дашкевича о том, что литовцы со своими союзниками воевали в землях по направлению к Крыму, в Нижнем Поднепровье, не доходя до Крыма [4, с. 133–135; 36, s. 216].

Если же говорить о самой битве на Ворскле, то в 1399 г. тевтонские рыцари приняли участие в походе Витовта на татар. Во время подготовки к походу против татар Тевтонский Орден отправил к великому князю литовскому комтура Рагнита Маркварда фон Зальцбаха с несколькими рыцарями и более чем 300 воинами, которые прибыли из разных провинций Тевтонского Ордена. Комтур получил 425 марок в качестве финансовой поддержки. Продолжатель Дитмара Любекского сообщал, что около Троицы была война между Витовтом и царем татар. Было упомянуто о двух битвах, в которых литовцы дважды победили татар, но в третьем (автор говорит о Ворскле) победили татары, и литовцы были разбиты. Причиной называлась усталость литовцев. Сказано, что Витовт сам еле спасся. О потерях войск сторон сообщалось, что татары потеряли 300 тыс. чел., а литовцы 100 тыс.² В общем, Дитмар и его продолжатель сообщали неправдоподобные детали о столкновениях в Восточной Европе. По сведениям Иоханна Посильге, Тевтонский Орден потерял в битве на Ворскле девять господ. Среди убитых упомянуты рыцари Ханнус и Томас Зурвилле. Всего немцы выставили 100 копий, т.е. 500 чел. Поляки же привели 400 копий, т.е. 2 тыс. чел. Сообщалось, что после двух часов битвы погибло много пруссов вместе с поляками. Хронист указывал, что битва состоялась в 26 милях от Киева. Сказано, что Витовт пять дней ждал битвы. Причиной того хронист считал нежелание татар переправляться на переговоры в лагерь Витовта. Активная фаза битвы продолжалась два часа, после чего татары окружили своих противников. Войско Витовта отступило. Бояре Литвы спасли Сигизмунда и Витовта. Погибло много людей из Польши, Пруссии и иных стран. Марквард фон Зальцбах спасся бегством. Говорили о том, что царь татар был ранен и умер, а также, что татары понесли большие потери. Торнский анналист же сообщал о том, что немцы пошли на татар на Киев. Сказано, что войско было собрано из Мазовии, Пруссии, Польши, что погибло много поляков и людей из других стран, а Витовт со своими людьми бежал. В сочинении Гобелина Персона упоминалась война Витольда-Александра против короля татар [36, s. 229–231, 412–413; 27; 13].

Для немецких хроник характерно правильное датирование битвы на Ворскле – 1399 г. Также они отмечали сам факт битвы и поражение литовцев от татар. Иоханн Посильге упомянул о конкретных людях, погибших в битве, и о конкретной численности немцев и поляков. Немецкий хронист говорил о значительных потерях и татар, и войска Витовта. Торнский анналист говорил же о гибели многих знатных людей из разных стран. Однако для немецких хронистов также характерно не вполне ясное представление месторасположения Ворсклы. Единственное, что они знали, это то, что она находится на востоке от Киева. Каффа в немецких источниках – это не собственно Каффа, а Крым с прилегающими к ним степями.

¹ За перевод отрывка письма приношу благодарность моему коллеге С. Полехову.

² За перевод текста приношу благодарность моему коллеге С. Полехову.

Польские хроники. Польские хроники представлены Меховскими анналами, хрониками Яна Длугоша, Мацея Меховского, Марцина Бельского, Марцина Кромера, Мацея Стрыйковского и Александра Гванини. В Меховских анналах сказано о гибели многих людей из Польши, Литвы, Пруссии и Франкии. Среди погибших упомянут Спытко и палатин Краковский, общими словами названы погибшие знатные поляки. Место битвы не названо, зато упомянут 1399 г. О предыстории конфликта ничего не сказано [12]. По сведениям Яна Длугоша, в 1397 г. Витовт совершил поход против татар в район Дона. Они захватили в плен многих татар и поселили их в Литве и Польше. В битве на Ворскле в 1399 г., по его мнению, приняли участие русины, литовцы, поляки и немцы. Особенно детально описаны деяния Спытко Мельштинского, который был наместником Витовта на Подолье. Королева Ядвига запретила полякам принимать участие в битве, но многие польские паны все-таки приняли участие в битве. Среди них были воевода краковский Спытко Мельштинский, Сендзивой из Остророга, Доброгост из Шамотул, мазовецкий воевода Ян Гловач из Лажениц, Ханус из Донброва. Путь войска Витовта шел через Днепр, Зимнюю Воду, Псел и Сулу к Ворскле. Вождями татар были названы Тамерлан и Идегей. Польский хронист спутал Тимур-Кутлуга с Тамерланом и был уверен, что не Тимур-Кутлуг, а именно Тамерлан оказал помощь Идегею. Среди участников битвы назван рыцарь Павел Щуковский, Сучко из Войшина, Рафал из Гарнова, Ян из Лажениц, Варш из Михова, Соха Плоцкий, Ханус из Донбровы, Пилик Варшавский, Томаш из Вежинек, Петр из Милославля, Швитригайла (Гедиминович), Сендзивой из Остророга, Доброгост из Шамотул. По данным хрониста, в битве погибли маршалок Бернгард, писарь Прокоп, подскарбий Пжеслав, Доброгост Щепецкий, Фриц, Ян Одерский, Павел Кошен из Сендзивоя, а также Спытко из Мельштина [33, s. 495–497; 12].

Мацей Меховский сообщал, что перед битвой на Ворскле Витовт в 1397 г. воевал около Дона и Волги. В общем повторял сведения Длугоша. Токтамыш вместе с Витовтом воевал против заволжского царя Тимур-Кутлуга и был им побежден. Польский хронист считал Тимур-Кутлуга Тамерланом. Битву на Ворскле хронист датировал 14 августом, а место битвы локализовал на равнине близ р. Ворсклы. Он приводил данные о переговорах о мире. Мацей Меховский указывал, что Витовт отступил со своими телохранителями, а его войско, подавленное бесчисленной массой татар, было совершенно уничтожено. Александр Гванини считал, что битва произошла в 1397 г., сбор войска произошел в Киеве, и отмечал, что среди войска было много рыцарей и немецкой шляхты. Польский хронист считал Идегея одним из полководцев Тамерлана. Витовт из Киева двигался к Ворскле через реки Сула и Псел. Литовское войско по предположению польского историка было окружено превосходящими силами врага в чужом крае. В битве погибли литвины Андрей, Дмитрий-Корибут, еще девять князей, поляки Спытко Мельштинский, Ян Гловач из Богуша и много других. Витовт бежал вместе с Остророгом и Шамотульским [11, с. 91, 104; 2, с. 327–328].

Мацей Стрыйковский в стихах описал действия Витовта. Перед битвой на Ворскле хронист сообщал, что в 1397 г. Витовт совершил поход на татар. Литовцы, по его мнению, совершили поход в местность между Доном и Волгой, а также привели пленных и поселили около р. Ваки. Временем битвы на Ворскле указан 1399 г. Хронист указывал, что Витовту на помощь пришли 500 немецких рейтаров и жмудская шляхта. В битве приняли участие Спытко, Рафал из Гарнова, Ян из Гловачина, Шамотульский, Остророг с сопровождением, Ян Домбровский, Варшицкий, Доброгост, Михоцкий, Пилик, Вокаш, Соха плоцкий воевода, много шляхты. Литовским войском руководил Витовт. Войско двигалось от Киева через Сулу и Псел на Ворсклу. Написано, что татар было очень много. Мацей Стрыйковский предложил версию, что Спытко был послан для переговоров, но их сорвали молодые князья. Татар, по описанию Мацея Стрыйковского, возглавлял Идегей. Царем татар назван Тамерлан. При этом хронист отмечал, что татары зовут его Тимур-Кутлугом, а другое его имя – Тимур-Аксак. Сказано было, что он уже победил турок. Тут Мацей Стрыйковский спутал двух разных правителей и хронологию событий. Сказано, что Дмитрий-Корибут ворвался в строй татар. Стороны перестреливались, сражались мечами и саблями. Татары полумесяцем окружили литовцев. Витовт и Швитригайла с Сендзиевым Остророгом и Доброгостом Шамотульским бежали. Спытко, хотя и мог бежать, но мужественно сражался и погиб. Мацей Стрыйковский говорил, что в битве погибли несколько десятков тысяч татар, погибли несколько братьев Йогайла и несколько русских князей, а другие бежали. Далее хронист приводил список убитых поляков – наместник Подолья Спытко из Мельштина, плоцкий воевода Соха, варшавский воевода Пилик, Варшо из Михалова, Ян Гловач, пан Богуш. Среди литвинов Андрей и Дмитрий-Корибут Ольгердовичи, Иван Евласкович, Иван Борисович киевский, Глеб Святославич

смоленский, Глеб Кориатович с братом Семеном, Михаил Побереvский, Дмитрий и Федор Патрикеевич, Ямунтович, Иван Юриевич Бельский. Список погибших литвинов, по крайней мере наполовину, соответствует аналогичному в русских летописях. После битвы на Ворскле татары осадили Киев и опустошили Волынь до Луцка [24, с. 595–599].

Марцин Кромер также писал о битве на Ворскле. Он описал поход Витовта на татар перед битвой и датировал его 1398 г. Не описана историческая география похода, сказано лишь, что Витовт их победил и поселил на р. Ваке около Вильнюса. Относительно самой битвы, то она датирована 1398 г. Как и в большинстве польских хроник, Идегей был назван полководцем Тамерлана, а местом сбора литовских войск назван Киев. До Ворсклы войско шло через Сулу и Псел. Среди поляков участником битвы назван Ян Тарновски сын Яна каштеляна сандомирского, Сендзивой Остророг, Доброгост Шамотульский, Ян Гловачовски, Варши Меховски, плоцкий воевода Соха, Томаш Вьежинек, наместник Подолья Спытко Мельштинский. Как и в других польских хрониках, указано, что Спытко выступал за переговоры и мир с татарами. Правителем татар назван Тамерлан, а его полководцем Идегей. Среди бежавших с поля боя упомянуты Витовт, Остророг, Шамотульский, Павел Щуковский. Спытко погиб в битве. Среди погибших литовских князей названы Андрей Полоцкий, Дмитрий-Корибут. Марцин Кромер приписал татарам опустошение Подолья и Волыни [34, с. 749–752].

Марцин Бельский описал поход Витовта, предшествующий кампании на Ворскле. Описание боевых действий и поселения татар в Литве аналогично подобному у Марцина Кромера. Марцин Бельский датировал битву на Ворскле 14 августом 1398 г. Он указывал, что Витовт собрал большое войско, в котором были Рафал Тарновски сын Яна каштеляна сандомирского, Сендзивой Остророг, Доброгост Шамотульский, Варчич Мничковски, воевода плоцкий Соха, Томаш Вьежинек, Ян Гловач, Спытко Мельштинский. Маршрут похода реконструировался от Киева через Сулу и Псел до Ворсклы. Польский хронист указывал, что Идегей пришел к месту битвы с Дона. Этого татарского вождя Марцин Бельский считал полководцем Тамерлана. Спытко Мельштинский советовал заключить мир с татарами, но молодым князьям и Павлу Жуковски приписана инициатива битвы. Среди павших в битве литвинов упомянуты Андрей, Дмитрий-Корибут и девять других княжат. Среди погибших поляков упомянуты Спытко Мельштинский, Абрам Соха, немец Вадвиц. Витовт бежал вместе с Швитригайла, Остророгом и Шамотульским. Сказано, что татары дошли до Луцка, а киевляне откупались от татар. Татарам приписано вторжение в Крым и взятие Каффы после битвы на Ворскле [32, с. 495–498].

Во всех польских хрониках говорится о героической гибели Спытко из Мельштина в битве на Ворскле, а также о походе Витовта на татар перед кампанией на Ворскле. Но при этом нужно отметить, что детали похода литовцев на Дон неправдоподобны и вымышлены. Этой легендой поляки старались объяснить существование в Литве татар. Сами же татары могли быть просто эмигрантами в Великом Княжестве Литовском. У Мацея Стрыйковского и зависимо от него Гванини отмечена гибель плоцкого воеводы Сохи. Этот же факт отмечал и Марцин Бельский. Ян Гловач обозначен как погибший только у Мацея Стрыйковского и Александра Гванини. Таким образом, более-менее определенно можно говорить только о смерти Спытко и Сохи. Яном Длугошем и Марцином Кромером отмечена смерть какого-то немца, который сражался в составе польского войска. В польских источниках отмечено, что Спытко из Мельштина отличился храбростью в бою. Число погибших известных поляков колеблется от двух у Александра Гванини и Марцина Бельского до нескольких у Яна Длугоша и Мацея Стрыйковского (что более вероятно). О потерях литовцев знал Мацей Стрыйковский. Он знал о гибели половины погибших литовских князей. Другие польские хронисты знали лишь трех погибших литовских князей, и известны они им стали только благодаря тому, что были родней Йогайлы. Марцин Бельский и Александр Гванини знали о гибели еще девяти неназванных князей. Вместо Тимур-Кутлуга поляки считали полководцем татар Тамерлана. Поляки называли Идегея гетманом (полководцем Тамерлана). Для поляков было важным участие поляков, и только у Мацея Стрыйковского есть более-менее сносное представление о тех князьях с литовской стороны, которые погибли в битве. Александр Гванини и Марцин Бельский знали только, что много литовских князей погибло в битве. Единого мнения о датировке битвы среди поляков не было. Правильное датирование было у Яна Длугоша и Мацея Стрыйковского. Мацей Меховский и Александр Гванини объединили два разных похода Витовта в один и именно поэтому датировали битву 1397 г. Сведения польских хронистов дают представ-

ление об исторической географии похода. Также несомненно то, что Витовт вел переговоры с татарами через Спытко.

Русские летописи. Русская историческая традиция представлена Никоновской, Первой Новгородской, Четвертой Новгородской, Первой Софийской, Ермолинской, Львовской летописями и Московским летописным сводом конца XV в. Для этих источников главным было описание самой битвы. Среди важных деталей были названы время битвы, этнический состав войска Витовта, число погибших князей, а также их имена. Русские летописцы открыто выступали с антилитовской риторикой, что было естественно для русского летописания XV–XVII вв.

В Первой Новгородской летописи коротко говорилось о битве и поражении литовцев. Однако и там были преувеличения. Осада Киева была завершением кампании, которая началась битвой на Ворскле. Однако сама датировка битвы 1399 г. правильна. Список имен погибших князей еще не присутствовал в летописи. Летописец ограничился констатацией разгромного поражения войска ВКЛ в битве на Ворскле. Цифра в 74 погибших князя и сведения о преследовании в 500 верст – это значительное преувеличение. Среди погибших упомянуты Андрей Ольгердович и Михаил Евнутьевич. В летописи указывалось на союз Витовта и Новгорода. Витовт в летописи описан как надменный и гордый правитель. Летописец удовлетворен его поражением от татар [16, с. 393–396].

В Новгородской Четвертой летописи среди народов, принимавших участие в битве, названы литовцы, поляки и немцы. Датой битвы обозначен 1399 г. Противником Витовта назван Тимур-Кутлуг, Витовту же приписывался поход на Тимур-Аксака (Тамерлана). Среди погибших князей упомянуты Андрей Ольгердович Полоцкий, Дмитрий Ольгердович Брянский, Михаил Евнутьевич, Иван Дмитриевич Киндырь, Андрей пасынок Дмитриев, Иван Евлашкович, Иван Борисович Киевский, Глеб Святославич смоленский, Лев Кориатович, Михаил и Семен Васильевичи, Михаил и Александр Подбереские, Михаил и Дмитрий (Волынский) Даниловичи, Федор Патрикеевич Рыльский, Ямонт Тулунтович, Иван Юрьевич Бельский и Спытко. В общем, 18 князей и Спытко. Сказано, что Токтамыш много зла причинил литовцам уже при бегстве от Тимур-Кутлуга. Новгородский летописец сообщал, что татары дошли до Киева и взяли с него контрибуцию в 3 тыс. рублей. Потом они дошли до Луцка и многие земли литовские опустошили [17, с. 103–104].

Летописи Северо-Восточной Руси несколько отличались от новгородских летописей. В Софийской Первой летописи среди воинов Витовта названы литовцы (аукшайты, т.е. литовцы в узком смысле), жемайты, поляки, подоляне, влахи и татары. Автор летописи приписывает Витовту слова, что, мол он будет править на Руси, а Токтамыша он сделает царем (ханом). Битва датирована 12 августом 1398 г. и сказано, что в битве погибло много литовцев, поляков и немцев, а сам Витовт бежал с малыми силами. Татары, преследуя его, дошли до Киева и Луцка. Среди погибших князей названы Андрей Ольгердович Полоцкий, Дмитрий Ольгердович Брянский, Иван Дмитриевич Киндырь, Андрей пасынок Дмитриев, Иван Евлашкович, Иван Борисович Киевский, Глеб Святославич Смоленский, Лев Кориатович, Михаил и Семен Васильевичи, Михаил и Александр Подбереские, Михаил и Дмитрий Даниловичи, Федор Патрикеевич Волынский, князь Ямонт Толунтьевич, Иван Юрьевич Бельский, Въспытко краковский. То есть всего 17 князей и Спытко из Мельштина, который в источнике назван краковским. Русский летописец записал его как князя, хотя он был наместником Подолья [19, с. 251].

В Львовской летописи битва на Ворскле датирована 12 августом 1399 г. Среди народов в войске Витовта упомянуты немцы, поляки, литовцы, жемайты, влахи, а также Токтамыш с двором своим. Количество князей, принимавших участие в битве, 50 чел. Битва описана кратко. Говорилось, что татары победили и много литовцев погибло. Сказано, что Тимур-Кутлуг воевал под Киевом, взял откуп с города и распустил свои войска до Луцка. Среди погибших названы все те же лица, что и в Первой Софийской летописи, однако от себя летописец добавил фразу о 50 принявших участие в битве князьях, добавил упоминание о немцах, которые, бесспорно, участвовали в битве. Битва в целом датирована верно, и этнический состав войска Великого Княжества Литовского отображен довольно точно. Сведения Львовской летописи сравнительно с Первой Новгородской летописью удивительно точны [10, с. 219]. В Ермолинской летописи список этносов в войсках аналогичен тому, что был в Первой Софийской летописи, только татары заменены на Токтамыша с двором своим. Князей было 50. Битва датирована 12 августом 1399 г. Указано, что в битве погибло много литовцев, а победа приписана только Тимур-Кутлугу. Список погибших аналогичен списку в Первой Софийской и Львовской летописях [5, с. 137].

В Московском летописном своде конца XV в. список этносов в войске Витовта почти совпадает со списком в Львовской летописи, только Токтамыш со двором своим заменен на татар. Также повторены сведения о 50 князьях. Естественно, в летописном своде указывалось, что у Витовта были планы гегемонии в Восточной Европе – стать единственным правителем в славянских землях, и что ханом хотел сделать Токтамыша. Битва датирована 12 августом 1400 г. Указано, что Тимур-Кутлуг победил, Витовт бежал с малыми силами, татары опустошили Литву до Киева и Луцка. Список погибших князей почти аналогичен тому, что был в предыдущих летописях, только в отличие от них в списке погибших отсутствует Дмитрий Данилович [15, с. 229].

Никоновская летопись была компиляцией разных исторических хроник. В Никоновской летописи Витовту приписывалось намерение поставить Токтамыша своим ставленником в Улусе Джучи (и на Каффе, и на Азове, и на Крыму, и на Астрахани, и на Заяицкой Орде, и на всем Приморьи, и на Казани), а самому властвовать над Северной землей, Новгородом, Псковом, а также над тевтонцами. Литовский князь отказался выдать Токтамыша Тимур-Кутлугу и вступил на татарскую территорию за р. Ворсклой. Витаутасу приписана чрезмерная гордость, а Тимур-Кутлугу хитрость, благодаря которой он выиграл три дня до подхода войск Идегея. Золотоордынский эмир же, прибыв на место битвы, отправил литовскому князю дерзкое послание, чтобы спровоцировать его на непродуманную реакцию. Идегей не ошибся в своих расчетах, и Витовт после получения послания выступил против татар и ударил по войскам Идегея. У литовцев были пищали и пушки, однако они почти негодились. Более действенными были луки со стрелами. Решающий маневр произвел Тимур-Кутлуг, а Токтамыш первым бежал. Татары захватили литовский обоз. Витовт с малыми силами бежал, татары Тимур-Кутлуга, преследуя его, дошли до Киева и Луцка. Составитель Никоновской летописи ошибается, указывая на гибель 74 князей. Эта деталь была им заимствована из Новгородской летописи. Он сообщал, что было убито много литовцев, русинов, поляков и немцев. По именам названо только 18 князей. Ямонт, который в других летописях фигурирует как князь, в этой летописи назван наместником смоленским. Даже переписывая тексты из других хроник, летописец добавил несколько человек. В списке погибших отсутствуют упоминаемый в других летописях Спытко и Михаил Данилович, зато присутствуют Михаил Евнутьевич, Андрей Друцкий, Дмитрий Кориатович. К Дмитрию Даниловичу приставлен отсутствующий в других летописях титул Волынский. Если отсутствие Спытко в этом списке логично, поскольку он поляк и не князь, то отсутствие одних личностей и присутствие других заставляет всерьез усомниться в адекватности сведений Никоновской летописи. Летописец сообщает ряд вымышленных деталей, в частности татарскую программу Витовта, определенное время битвы – семь часов дня. Об этом молчат все другие летописи. В Никоновской летописи даже нарисована битва на р. Ворскле. Но летописец не совсем себе представлял географию Золотой Орды, указывая среди татарских владений Приморье (Крымское побережье) и Каффу. Хаджи-Гирей, конечно, добавлял себе во владение Каффу, которую он не контролировал. Приморье можно идентифицировать с Крымским побережьем. Составитель Никоновской летописи явно был знаком с территориальными аппетитами Гиреев в отношении территорий Крыма [18, с. 172–174].

По мнению Я. Пеленски, автор Никоновской летописи приписал Витовту намерения, которые, в самом деле, были у Василия III и Ивана IV Грозного относительно и Руси и тюрко-татарских государств Евразии. Также указывалось, что Витовт не выдал Тимур-Кутлугу Токтамыша и говорил, что желает видеть его ханом. В ответ Тимур-Кутлуг в стиле монгольских послов указывал, что не желал войны и не воевал против Литвы, очевидно, это вставка, навеянная рассказом о монгольских послых перед битвой на р. Калке. Относительно самой битвы, описание ее в версии Никоновской летописи стало хрестоматийным для русской историографии. Сведения Никоновской летописи о переписке перед битвой между Витовтом и Тимур-Кутлугом, а Витовтом и Идегеем являются вставками летописца, как и рассказы о том, кто является отцом, а кто сыном, и пространная речь Тимур-Кутлуга о превратностях судьбы. Вся детальность сведений Никоновской летописи навеяна слухами XV–XVI вв., которые были подхвачены русскими летописцами. В летописи был ряд анахронизмов, в частности Казань вместо Булгарии и названия тюрко-татарских государств, которые стали независимыми в середине – второй половине XV в. Таким образом, на время Витовта были экстраполированы реалии XV–XVI вв. Казанское ханство, как государство, сменившее Булгарский улус Золотой Орды, появилось только в конце 30-х гг. XV в. Рассказы о Витовте в русских летописях должны были подкрепить русскую экспансию на восток исторической традицией. В качестве источников для характеристики планов Витовта, вероятно,

были использованы данные ярлыков. В принципе планы покорения славянских княжеств Восточной Европы могли быть, тем более что предыдущие великие князья литовские (Гедимин и Ольгерд) называли себя и князьями Руси. Однако лозунги покорения татарских земель не могли принадлежать Витовту [35, р. 313–316; 20, с. 89–91].

В «Подлинном Родослове князей Глинских» сказано, что Витовт предоставил Ивану Александровичу, внуку Мансур-Кыйата, земли на территории современной Полтавщины. Разбор сведений памятников, осуществленный В. Трепавловым, выявил ряд хронологических и исторических неточностей [28, с. 138–153, 158–162]. Предоставить земли на Полтавщине мог Витовт, однако поступить на службу к Гедиминовичам Мансур-Кыйат мог уже при Владимире Ольгердовиче. После того как Мамай был убит Урик-Тимуром, часть людей Мамаева перекочевала с Йылкы (Конки) в район Энгел вэ Онгул (Ингула и Ингульца). Их по пятам преследовали воины Токтамышы. Кориатовичи, не выдав Токтамышу Мансур-Кыйата, решились на открытое противостояние с татарами. В войне, которая произошла, погиб Александр Кориатович. Войско Токтамышы должно было пройти по приднепровской части Подольского княжества. После этого войско Токтамышы, преследуя Мансур-Кыйата и разведывая местность боем, атаковали Киевское княжество в районе Поросья. Мансур-Кыйат, как и позже Токтамыш, вероятно, бежал в направлении Киева [14, с. 190–193; 31, с. 167–169]. Обладание же землями в районе Полтавщины могло быть реальным или в 90-е гг. XIV в. или в 20-х гг. XV в., когда Витовт распространил свои владения до Черного моря. При этом в спокойствии татарские правители могли править своими землями только в 20-х гг. XIV в., когда энергичного и харизматичного Идегея уже не было в живых. Вероятно, Яголтай и потомки Мансур-Кыйата, Глинские, именно тогда и получили свои земли.

Во всех русских летописях говорится о неприязни к Витовту, а также о его планах завоевать всю Русь и покорить своей воле Золотую Орду. Список погибших князей во всех хрониках достаточно однороден. Список представителей разных этносов также однороден. Кроме литовцев (аукшайтов-литовцев и вообще жителей Великого Княжества Литовского), жемайтов (литовцев-жемайтов), поляков, упомянуты союзные татары Токтамышы, вохохи и немцы. В качестве отдельного народа в некоторых летописях обозначаются подольяне. Для русских летописей в принципе верна цифра в 50 князей, принявших участие в битве, однако в некоторых летописях встречаются явно завышенные данные о 74 погибших князьях, что обозначало бы истребление всей литовской знати. Также есть преувеличение о преследовании татарами литовцев на протяжении 500 верст и бегстве Витовта с малыми силами. Насколько можно заключить из дальнейших действий Витовта относительно Смоленска у литовского князя еще сохранились достаточные силы, а битва под Грюнвальдом только подтверждает тот факт, что хотя литовцы и потерпели поражение, но это не приобрело катастрофических масштабов. Рассказ Никоновской летописи о битве на Ворскле содержит многочисленные летописные вставки, преувеличивавшие масштабы победы Идегея. Вероятно, летописец записал некоторые татарские легенды относительно битвы на Ворскле. Коллебания русских хронистов относительно хронологии битвы незначительны, в рамках плюс-минус год от реальной даты.

Белорусско-литовские летописи. Проблемно освещение битвы на Ворскле в белорусско-литовских летописях. Они отображают литовскую версию событий. Собственно там было несколько редакций летописей. Первая редакция включала разные списки летописи Великого Княжества Литовского, созданной в Смоленске в середине XV в. В Слуцкой летописи битва датирована 12 августом 1398 г. Указано, что в войске Витовта были литва, немцы, поляки, жемайты, татары, влахи. В этой летописи видны следы версии о договоре между Токтамышем и Витовтом. Витовту приписывалось намерение сделать Токтамышю ханом в Улусе Джучи, а самому стать правителем на Руси. Сказано, что волей божьей татары победили. В битве погибли Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, Иван Дмитриевич Киндырь, князь Андрей и его пасынок Дмитриев, Глеб Святославич смоленский, князь Глеб и Симеон Кориатовичи, Иван Евлашкович, Иван Борисович киевский, Михаил Подбереский и его брат Дмитрий, а также Федор Патрикеевич, Иван Юрьевич Бельский, Спытко и волошский князь Амонтович. Всего 14 князей и Спытко. Кампания завершилась осадой Киева и походом татар под Луцк. Волошский князь Амонтович – это ошибка летописца. Такого князя в Молдове никогда не знали. Скорее всего, это ошибка переписчика. Вероятно, Амонтович появился из-за неправильного написания имени и отчества Ямонта Толунтьевича. Для Слуцкой летописи характерна схожесть данных с русскими летописями относительно этнического состава войска и списка погибших князей. Однако в отличие от списка князей в Первой

Софиевской и Львовской летописях там отсутствуют Ямонт Толунтьевич и Лев Кориатович, нет Васильевичей и Даниловичей. Андрей пасынок Дмитриев в литовской летописи – это два человека: Андрей и пасынок Дмитриев, вместо одного Льва Кориатовича два Кориатовича – Глеб и Семен. Вместо Александра Подбереского Дмитрий. Список этносов присутствующих в войске Витовта похож на аналогичный список в Московском летописном своде конца XV в. [1, с. 73].

В Супрасальской летописи среди участников битвы упомянуты представители тех же народов, что и в Слуцкой летописи. Временем битвы упомянут 1398 г. В общих чертах повторены сведения Слуцкой летописи за исключением того, что среди Кориатовичей назван Лев, братом Михаила Подбереского назван Александр, князь Ямотнович не назван влашским. Всего 13 князей и Спытко. Сведения Супрасальской летописи в большей степени похожи на сведения русской Первой Софийской летописи, чем на сведения Слуцкой летописи. Схожесть в упоминании Кориатовичей и Подбереских, а также в именах других князей [6, с. 47–48]. В Никифоровской летописи указаны представители тех же народов, что и в Слуцкой летописи, временем битвы назван 1398 г. Витовту приписаны те же намерения относительно Золотой Орды и Руси. Летописец, однако, указывал, что в битве приняли участие 50 князей и много воинов, а Тимур-Кутлуг пришел со значительным войском. Упоминание о 50 князьях сближает Никифоровскую летопись с Львовской и Ермолинской летописями. Кампания завершилась осадой Киева и походом татар под Луцк. Завершение кампании описано подобно тому, как она была описана в Московском летописном своде конца XV в. [1, с. 31].

Летописи Рачинского и Красинского относятся ко второму своду белорусско-литовских летописей. Сведения летописи Рачинского отличаются от данных первого свода летописей Великого Княжества Литовского. Из схожих черт в разных сводах – это количество князей и этнический состав воинства Витовта. Витовту приписывались те же намерения, что и в русской Первой Новгородской летописи. Влияние русской исторической традиции на летопись Рачинского значительно уступает влиянию летописей Великого Княжества Литовского. Временем битвы названо 12 августа 1399 г. Погибшими участниками битвы названы Андрей Ольгердович Полоцкий, Дмитрий Ольгердович Брянский, Иван Дмитриевич, его пасынок Андрей, Иван Борисович киевский, Михаил Подбереский и его брат Дмитрий, Федор Патрикеевич Бельский, Спытко. Всего 8 князей и Спытко. Указано, что Тимур-Кутлуг стоял под Киевом три дня и взял откуп с города. Если сравнивать с более ранними литовскими летописями, то в списке погибших нет Кориатовичей, Ивана Евлашковича, Глеба Смоленского, нет Ямотновича (Ямонта Тулунтьевича). Упомянут Иван Дмитриевич Киндырь, а Андрей отнесен к его родственникам, вместо двух персон Федора Патрикеевича и Ивана Юрьевича Бельского один человек – Федор Патрикеевич Бельский [6, с. 330–331]. В летописи Красинского упомянуто, что на стороне Витовта сражались представители нескольких народов. Список народов аналогичен списку в других летописях Великого Княжества Литовского. Однако датой битвы названо 10 августа. Витовту приписаны намерения поставить ханом Токтамышша и самому править на Руси. Описание конца кампании напоминает аналогичный фрагмент в летописи Рачинского. В списке погибших есть Андрей и Дмитрий Ольгердовичи, Иван Дмитриевич и его пасынок Дмитриев, Иван Борисович киевский, Глеб Святославич смоленский, Глеб и Симеон Кориатовичи, Михаил и Дмитрий Подбереские, Федор Патрикеевич влашский, Иван Юрьевич Бельский, Спытко. Всего 12 князей и Спытко. Список погибших похож на тот, который был в летописи Рачинского, но в нем упомянуты Глеб и Семен Кориатовичи, пасынок Ивана Дмитриевича Киндыря не назван по имени, Федор Патрикеевич назван не Бельским, а влашским. Иван Юрьевич упоминается как отдельный персонаж [6, с. 173–174].

В польскоязычных белорусско-литовских летописях немного другая информация. Они относятся к третьему своду белорусско-литовских летописей. В Хронике Быховца временем битвы назван 1396 г. Сказано, что у Витовта было бесчисленное войско и татары, только одних князей русских 50 и приписано намерение сделать Токтамышша ханом и с его помощью доминировать на Руси. Битва продолжалась почти весь день. Тимур-Кутлуг победил Витовта, а татары пришли под Киев и Луцк. Среди убитых князей были Андрей Ольгердович Полоцкий и Дмитрий Ольгердович Брянский, Иван Дмитриевич Скиндырь, Иван Борисович Киевский, Глеб и Симеон Кориатовичи, Михаил и Дмитрий Подбереские, Федор Патрикеевич Вольский, князь Ямотнович, Иван Юрьевич Бельский, краковский пан Спытэк. Всего 11 князей. Сведения Хроники Быховца очень похожи на сведения Слуцкой летописи, но датировка событий иная, в списке погибших отсутствует пасынок Ивана

Дмитриевича, сам Иван Дмитриевич вместо Кидырь назван Скиндырь, Ямонт не назван волошским, Федор Патрикеевич назван Вольским, не назван Глеб Смоленский [29, с. 148; 6, с. 517].

В Ольшевской летописи список народов почти тот же, что и в других летописях Великого Княжества Литовского, только отсутствуют жемайты. Количество принимающих участие в битве то же, что и в других белорусско-литовских летописях. Всего 10 князей и Спытко. Список погибших князей близкий тому, что в Слуцкой летописи, однако пасынок Дмитриев отнесен не к князю Андрею, а к Ивану Дмитриевичу Киндырю. Глеб Кориатович не упомянут по имени, он известен только по отчеству. Кроме него упомянут Симеон Кориатович. Отсутствуют князья Подбереские, Иван Евлашкович и Федор Патрикеевич. В конце военной кампании татары атаковали Киев и подошли к Луцку [6, с. 456–457; 1, с. 187].

Из поздних летописей стоит упомянуть Румянцевскую летопись и Хронику Литовскую и Жмойтскую. В Румянцевской летописи среди сторонников Витовта все те же народы, за исключением влахов и жемайтов. Датой битвы названо 12 августа, а участников битвы было 50 князей. Встречаются следы версии о намерениях Витовта. Список погибших князей близок к аналогичному в летописи Рачинского, но добавлены Глеб Святославич Смоленский, Глеб и Симеон Кориатовичи. Всего 11 князей и Спытко [1, 229]. Наиболее поздней летописью Великого Княжества Литовского являлась Хроника Литовская и Жмойтская. На нее большее влияние оказала польская историческая традиция и в частности хроника Мацея Стрыйковского. Так, например, в Хронике Литовской и Жмойтской битва датирована 1409 г. Указано, что литовцы от Киева через Сулу и Псел дошли до Ворсклы. Витовту приписано желание договориться с татарами о мире через Спытко Мельштинского. В массу татар врезался отряд Дмитрия-Корибута. Указано, что татар было больше и именно поэтому они победили. Витовт и Швитригайла бежали с малой дружиной. Список погибших близок к тому, что был у Мацея Стрыйковского, однако в Хронике Литовской и Жмойтской отсутствовали Ямунтович, Иван Киндырь (Скиндер), Иван Юрьевич Бельский, Иван Евласькович. Зато присутствовал Иван Дмитриевич. Текстологически сведения хроники близки к Стрыйковскому, в том числе об использовании ручниц (ружий) и инициативе младших князей начать битву [30, с. 75–76].

Несмотря на многочисленные неточности в белорусско-литовских летописях зафиксировано, что погибло от 8 до 14 князей, не включая Спытко, а учитывая количество князей в Великом Княжестве Литовском, 50 князей участвующих в битве вполне могло быть. Вообще среди знати ВКЛ могло быть 52 князя минимум и 72 максимум. Потери среди князей оценивались до трети. Наиболее ранние летописи текстологически близки к русским летописям. В более поздних летописях все больше ощущается влияние польской исторической традиции. Белорусско-литовские летописцы допускают возможность планов Витовта относительно объединения всей Руси под властью Литвы. На самые поздние летописи повлиял Мацей Стрыйковский. Собственно его влиянием мы обязаны упоминанию огнестрельного оружия в битве на Ворскле.

Славяно-молдавские летописи упорно молчат о каком-либо участии молдаван в действиях литовцев. Молдавский господарь Штефан заключил договор о союзе против татар и турок. Однако этот договор был заключен с расчетом на агрессию татар против Молдавии, но эта страна не была атакована Идегеем. При этом нужно отметить, что в летописях молдавских князей отмечалось практически любое вторжение турок и татар. В связи с этим можно уверенно говорить, что в битве при Ворскле не принимали участие ни молдавский князь, ни его бояре. Если какие-то влахи и принимали участие в битве на Ворскле, то это были влахи с Подолья, которые могли прийти в княжество при Кориатовичах и служить наместнику Подолья Спытко из Мельштина.

Украинские летописи. Среди украинских летописей о битве на Ворскле упомянуто в Волынской краткой и Густынской летописях, а также в «Кройнике из летописцев стародавних» Феодосия Софоновича. В Волынской краткой летописи временем битвы назван 1399 г., указано, что погибло 74 князя, а воевод и литвы без числа, татары гнали Витовта 500 верст. Для Волынской летописи характерно большое влияние сведений Первой Новгородской летописи. События 1399 г. изложены очень кратко [1, с. 121]. В Киевской летописи лишь коротко сказано о походе Витовта против татар и что пленных он поселил на Ваке около Вильнюса. Летописец кратко пересказал легенду, зафиксированную Мацеєм Стрыйковским, Марцином Бельским и Марцином Кромером, т.е. польскими хронистами [8].

В «Кройнике из летописцев стародавних» Феодосия Софоновича битва четко не датируется. Более того, хронист не знал о месте битвы, указывая только, что Витовт перешел Псел и бился с

татарами в «Диких полях». Феодосий Софонович кратко пересказал легенду о походе Витовта на Дон (заимствовал у Яна Длугоша или Мацея Стрыйковского). Легенду о поселении татар около Вильнюса он заимствовал у Марцина Кромера и Марцина Бельского. Войско татар, по сведениям Феодосия Софоновича, насчитывало 200 тыс., его возглавляли царь подлого рода (т.е. простолюдин) Темир-Аксак и его гетман Егидя (Идегей). Причиной поражения названо численное превосходство татар. Этническим составом войска Витовта Феодосий Софонович не интересовался, как не интересовался и количеством погибших знатных людей. Он только отметил, что погибли братья Йогайлы Андрей и Дмитрий-Корибут, а также многие другие князья литовские и воеводы польские. Украинский хронист был знаком с хрониками Яна Длугоша, Мацея Стрыйковского, Марцина Бельского и Марцина Кромера. Польская историческая традиция оказала большое влияние на его труд [22, с. 181].

О походах Витовта сказано и в Густынской летописи. В сравнении с другими украинскими летописями хронист из Густына довольно многословен. Он рассказывает легенду о поселении татар в Литве, которую заимствовал у Мацея Стрыйковского и Александра Гванини. Он приписывает Витовту победу над татарами в 1397 г. и, что одна их орда была поселена на р. Ваге около Вильнюса. Из хроники Марцина Бельского заимствован рассказ, что Едига (Идегей) взял Каффу в 1398 г. Битва на Ворскле датирована 1399 г. Тамерлан назван царем татар, летописец считал Тимур-Аксака и Тимур-Кутлуга одним и тем же лицом. Идегей не был назван среди участников битвы. Среди погибших князей названы Андрей Ольгердович Полоцкий, Дмитрий Ольгердович Брянский, Иван Дмитриевич Киндырь, Андрей, внук Дмитриев, Иван Борисович Киевский, и многие другие князья и бояре. Список погибших совпадает с Мацеєм Стрыйковским лишь частично. Благодаря знакомству густынского анонима с белорусско-литовскими летописями в списке упомянут Иван Дмитриевич Киндырь и Иван Борисович Киевский. За двух отдельных личностей принят Андрей пасынок Дмитриев (Андрей и внук Дмитриев) [3, с. 131–132]. Для Густынской летописи характерно большее, чем у других летописей, доверие к белорусско-литовским историческим хроникам.

Восточные источники. Удивительно, но в восточных источниках почти не запечатлена битва на Ворскле. По-видимому, в мусульманском мире ей не придавали особенного значения. Ибн Арабшах сообщал, что между Идегеем и Токтамышем состоялось пятнадцать битв. Последняя битва была не в пользу Идегея. Но по сведениям арабского хрониста Идегей застал Токтамыша врасплох и убил его. Сыновья Токтамыша – Керим-Берди и Джелал ад-Дин бежали к урусам. У Муин ад-Дина Натанзи указано, что Токтамыш пришел из Либка с большим войском и сражался на берегах р. Итиль. Итилем татары вообще называли большую реку. Поэтому не исключено, что под описанием этой битвы персидский хронист упоминает о битве на Ворскле. Указано, что много урусов погибло от рук узбеков (татар). Тимур-Кутлуг и Идегей после этого утвердили свою власть. Бросается в глаза и тот факт, что почти все восточные хронисты продолжают называть земли Среднего Поднепровья Урус, хотя на то время эти земли уже несколько десятилетий находились под властью литовцев. Только у Муин ад-Дина Натанзи была запечатлена смена государственного наименования [25, с. 469; 26, с. 133]. В тюркских источниках куда более значительным считались эпизоды, связанные с некоторыми видными государственными деятелями. Так, Абдул-гаффар Кырыми упоминал о Мамае и Сайид-Ахмеде. О Ворскле не сообщалось ровным счетом ничего [14, с. 187–192].

В общем, сведения восточных источников о Ворскле были невыразительны. Нашла отображение только история с бегством Токтамыша к соседям, которых большинство мусульманских хронистов продолжали называть урусами. Всем трем битвам с европейцами (битве на Синих Водах, битве на Куликовом поле, битве на Ворскле) в XIV в. мусульмане не уделяли внимания, справедливо считая, что они уступают битвам войск Токтамыша с Тимуром. Терминология арабских хроник консервативна, только Муин ад-Дин Натанзи заметил смену власти в Среднем Поднепровье, упоминая вместо Урус Либка, но в его описании битвы на Ворскле у него все те же урусы (русины) против узбеков (татар). Но он хотя бы отметил факт большой битвы между татарами и литовцами, чего не заметно в арабских хрониках.

Практически все источники сообщали о поражении войск Витовта и опустошении Днепровского Левобережья. Татары в 1399 г. вышли на Днепровское Правобережье. Они отступили, взяв с Киева откуп. Вследствие победы Тимур-Кутлуга и Идегея был уничтожен ряд приграничных литовских замков, в том числе городище Царев Дворец [23, с. 317–322; 20, с. 84–94].

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что сведения белорусско-литовских летописей позволяют уточнить количество войск и список погибших князей, немецкие хроники концентрируются на освещении участия немцев в битве на Ворскле, польские хроники освещают участие поляков в битве, список участников и погибших, русские летописцы указывают список разных народов, принявших участие в битве и очерчивают общую схему битвы. В восточных источниках есть лишь приблизительное представление о битве. В целом можно говорить о гибели в битве 18–19 из 50 князей ВКЛ, а также нескольких польских панов и господ Тевтонского Ордена. Потери войска Витаутаса были значительными, но не катастрофическими. После битвы на Ворскле Витовт совместно с Йогайло-Владиславом смог одержать победу над Тевтонским Орденом в Великой войне 1409–1411 гг., а также распространить власть Великого Княжества Литовского на часть восточноевропейских степей. Не поддается сомнению, что битва произошла 12 августа 1399 г. Битва была выиграна татарами Тимур-Кутлуга и Идегея за счет удачного выбора места битвы и удачным маневрам (притворному бегству и обхода с флангов). Последствием стало опустошение Днепровского Левобережья и разорительные походы татар на Киевскую землю, Волынь и Подолье. Битва на Ворскле приостановила проникновение литовцев в степи и фактически вернула положение дел на литовско-татарском пограничье к статус-кво 1381 г.

Список литературы

1. Белорусско-литовские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 35. М.: Наука, 1980. 313 с.
2. Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. К.: Вид. Дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.
3. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 40. М.: Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.
4. Дашкевич Я.Р. Литовські походи на золотоординський Крим в кінці XIV ст.: між історією та фікцією // VIII сходознавчі читання А. Кримського. Тези міжнародної наукової конференції. м. Київ, 2–3 червня. К.: Інститут сходознавства ім. А.Ю. Кримського НАН України, 2004. С. 133–135.
5. Ермолинская летопись // Полное Собрание Русских Летописей. Т. 23. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 342 с.
6. Западнорусские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 17. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1907. 648 с.
7. Измайлов И. Битва на р. Ворскла 1399 г. Звездный час эмира Эдигея // Цейхгауз. № 3. 1994. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://swordmaster.org/2008/11/07/bitva_na_r_vorskla.html.
8. Киевская летопись // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной России, изданный комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888. Электронная версия Водвиченко С., Колоскова Л. Электронная версия 2004 года. Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620-1640/Kiev_let/text.htm.
9. Ляскоронский В. Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб.: Сенатская типография, 1907. 122 с.
10. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. СПб.: Типография Н.А. Александрова, 1910. 418 с.
11. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное Сказание монголов. Рязань: Александрия, 2009. 512 с.
12. Меховские анналы. Перевод Досаева А.С. Электронная версия 2011 года. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Mechoviens/text.phtml?id=9687
13. Миннулин И.Р, Миргалеев И.М. Незабываемая история татар. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://tatarica.narod.ru/history/materials/knhistory.htm>
14. Миргалеев И.М. Черный человек Мамай // Мамай: опыт исторической антологии. Сборник научных трудов. Казань: Изд-во ФЭН АН РТ, 2010. С. 183–197
15. Московский летописный свод конца XV в. // Полное Собрание Русских Летописей. Т. 25. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949. 474 с.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
17. Новгородские и псковские летописи // Полное собрание русских летописей. Т.4. Ч. 4–5. СПб.: Типография Эдварда Праца, 1848. 360 с.
18. Летописный сборник именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное Собрание Русских Летописей. Т. 11. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 254 с.
19. Псковские и Софийские летописи // Полное Собрание Русских Летописей. Т. 5. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. 275 с.
20. Русина О.В. Україна під татарами і литвою. К.: ВД Альтернативи, 1998. 320 с.

21. Сарновский Ю. Тевтонский Орден и монгольская опасность. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.templiers.info/historical_materials/index.php?id=articles_translation&articles_translation=sarnowsky_teutonic_order_confronts_mongols, <http://www.liveinternet.ru/users/673125/post31848031/page1.html>.
22. Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. К.: Наукова думка, 1992. 336 с.
23. Стародубцев Г.Ю. Городище Царский дворец – замок Великого княжества Литовского на границе с Золотой Ордой (находки в ходе исследований 1997–2010-х гг.) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 317–325
24. Стрийковський Мацей. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011. XII, 1084 с.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Издано на иждивении С.Г. Строганова, 1884. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. XVI, 563, [1] с.
26. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем и обработ. А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. 305 с.
27. Торнский анналист/ Перевод с лат. и комм. И. Дьяконов. Электронная версия 2011. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Thorun/frameset.htm
28. Трепавлов В.В. Предки Мамай-царя. Киятские беки в Подлинном родослове Глинских князей // Мамай: опыт исторической антологии. Сборник научных трудов. Казань: Изд-во ФЭН АН РТ, 2010. С. 171–182.
29. Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. М.: Наука, 1975. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov08.htm>
30. Хроника Литовска и Жмойтска // Полное собрание русских летописей. Т. 32. М.: Наука, 1975. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov03.htm>
31. Черкас Б. Поход Токтамыша на Киевское княжество // Военное дело Золотой Орды. Казань: ООО Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 167–169.
32. Kronika Polska Marcina Bielskiego. T. I. Księga I–III. Sanok: Nakład i druk Karola Polaka, 1856. XI, 699 s. Available at <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=18578&from=FBC>
33. Długosz J. Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K. Mecherzyńskiego. Vol. 4. Ks. XI, XII. Kraków: W drukarni “Czasz” W. Kirchmayera, 1869. 8, 668, XXIII s. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=895&dirids=15>
34. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Księg XXX. Sanok: nakł. i druk Karola Pollaka, 1857. 716 s. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=18578&from=FBC>
35. Pelenski J. The contest between Lithuania-Rus and the Golden Horde in the Thourteenth century for supremacy over Eastern Europe // *Archiwum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. II. Wiesbaden: O. Harrasowitz Verlag, 1982. P. 303–320.
36. *Scriptores rerum Prussicarum: die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. Band 3. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1866. VI, 730 S. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://books.google.de/books?id=-4AOAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=de&source=gbs_ge_sum-mary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

Сведения об авторе: Ярослав Валентинович Пилипчук – младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины, кандидат исторических наук (01001 ул. Грушевского, 4, каб. 210, Киев, Украина); bachman@meta.ua

The Battle on the Vorskla River (source study aspects)

Ya.V. Pilipchuk

(A.Krymsky Institute of Oriental studies,
National Academy of Sciences of Ukraine)

This article is dedicated to source studies of the Battle on the Vorskla River. Source basis consists of Polish and German, Russian, Belarusian-Lithuanian, Ukrainian, Muslim chronicles. The novelty of this study is both to analyze the source base of the issue and to determine characteristics for each group of sources. The author of this study sought to analyze the data of written sources about the Battle on the Vorskla River. Russian and Belarusian-Lithuanian Chronicles is the most informative sources on this battle. Their data allow us to define the course and chronology (12 august 1399) of the battle as well as a list of the perished Lithuania-Rus princes (a total of 18 men) and ethnic composition (Lithuanians, Ruthenians, Poles, Germans, Romanians) of the army of Vytautas. Russian chronicles contain an error or deliberate exaggeration in their report that in the battle were killed 50 or 72 princes. The death of so

many princes would mean the death of the majority, or half of the aristocrats of the Grand Duchy of Lithuania. Russian chroniclers used the description of the battle on the Vorskla River as propaganda against the Grand Duchy of Lithuania. The defeat on the Vorskla River was a heavy defeat but not a disaster. Author of Nikonian Chronicle did a story about the Battle of the Vorskla means of propaganda. The Moldovans did not participate in the Battle on the Vorskla River. Mention of the Wallachians (Moldovans) by Russian and Belarusian-Lithuanian chronicles was an error of chroniclers and copyists. Polish chronicles allow us to define the historical geography of the campaign of Vytautas army against the Tatars of Idegey and Timur Kutlug as well as the heroic role of Spytko Melshtinski who saved many Lithuanian and Polish aristocrats in this battle. Information of Ukrainian sources about the Vorskla Battle is secondary since it was borrowed from the Polish chronicles. Data of German sources allows us to define the number of Poles (two thousands) and Germans (five hundreds) participated in the battle. Oriental sources did not give special significance to the Battle on the Vorskla River and only Muin al-Din Natanzi offer a brief description of the battle. However, the important is the first mention of Lithuania in Oriental sources – Libka.

Keywords: battle, source studies, sources, chronicles, Vytautas, battle on the Vorskla river, Idegey, Tatars.

References

1. Belorussko-litovskie letopisi [Byelorussian-Lithuanian Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 35. Moscow, Nauka Publ., 1980. 313 p.
2. Gvan'ini Oleksandr. *Khronika Evropeys'koï Sarmatii* [Chronicle of European Sarmatia]. Kiïv, Vid. Dim Kievo-Mogilyans'ka Akademiya, 2009. 1008 p.
3. Gustynskaya letopis' [Chronicle of Gustyn]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 40. Moscow, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. 202 p.
4. Dashkevich Ya.R. Litovs'ki pokhodi na zolotoordins'kiy Krim v kintsi XIV st.: mizh istorieyu ta fiktsieyu [Lithuanian Expeditions in the Golden Horde Crimea in the end of the 14th century: between history and fiction]. *VIII skhodoznavchi chitannya A. Krims'kogo. Tezi mizhnarodnoï naukovoï konferentsii. m. Kiïv, 2–3 chervnya* [VIII Oriental Studies conference n.a. A. Krymsky. Abstracts of international scientific conference, Kiïv, June 2–3, 2004]. Kiïv, Institut skhodoznavstva im. A.Yu. Krims'kogo NAN Ukraïni, 2004, pp. 133–135.
5. Ermolinskaya letopis' [Ermolinsky Chronicle]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 23. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1910. 342 p.
6. Zapadnorusskie letopisi [Chronicle of Western Russia]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 17. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1907. 648 p.
7. Izmaylov I. Bitva na r. Vorskla 1399 g. Zvezdnyy chas emira Edigeya [The Battle on Vorskla River 1399. The Star Time of amir Idegey]. *Tseykhgauz – Zeithouse*. No. 3. 1994. Available at: http://swordmaster.org/2008/11/07/bitva_na_r_vorskla.html
8. Kievskaya letopis' [Kiev Chronicle]. *Sbornik letopisey, otnosyashchikhsya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, izdannyy komissiey dlya razbora drevnikh aktov pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore* [Collection of Chronicles about history of Southern and Western Rus]. Kiïv, 1888. Elektronnyaya versiya Vodvichenko S., Koloskova L. Elektronnyaya versiya 2004 goda. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620–1640/Kiev_let/text.htm
9. Lyaskoronskiy V. *Russkie pokhody v stepi v udel'no-vechevoe vremya i pokhod kn. Vitovta na tatar v 1399 godu* [Russian Campaigns in the Steppe during the Appanage-Veche Period and the Campaign of Duke Vytautas against the Tatars in 1399]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya Publ., 1907. 122 p.
10. L'vovskaya letopis' [Lvov Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 20. Part. 1. St. Petersburg, Tipografiya N.A. Aleksandrova Publ., 1910. 418 c.
11. Maciej Miechowita. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [Treatise on the Two Sarmatias]. Maciej Miechowita. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh. Sokrovennoe Skazanie mongolov* [Treatise on the Two Sarmatias. The Secret History of the Mongols]. Ryazan, Aleksandriya Publ., 2009. 512 p.
12. *Rocznik miechowski*. Perekhod Dosaeva A.S. Elektronnyaya versiya 2011 goda. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Mechoviens/text.phtml?id=9687
13. Minnulin I.R., Mirgaleev I.M. *Nezabytaya istoriya tatar* [Unforgotten History of the Tatars]. Available at: <http://tatarica.narod.ru/history/materials/knhistory.htm>
14. Mirgaleev I.M. Chernyy chelovek Mamay [A Black Man Mamay]. *Mamay: opyt istoricheskoy antologii. Sbornik nauchnykh trudov* [Mamay: An Anthology of Historical Experience. Collection of research papers]. Kazan, Fen Publ., 2010, pp. 183–197
15. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v. [The Moscow Annalistic Vault of the end of the 15th century] *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1949. 474 p.
16. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov* [The First Novgorodian Chronicle. Early and later redactions]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1950. 640 p.
17. Novgorodskie i pskovskie letopisi [Novgorod and Pskov Chronicles] *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol.4. Ch. 4–5. St. Petersburg, Tipografiya Edvarda Pratsa Publ., 1848. 360 p.

18. Letopisnyy sbornik imennuemy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu [Chronicle Compilation Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 11. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova Publ., 1897. 254 p.
19. Pskovskie i Sofiyskie letopisi [Pskov and Sofian Chronicles]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 5. St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa, 1851. 275 p.
20. Rusina O.V. *Ukraina pid tatarami i litvoyu* [Ukraine under the Rule of Tatars and Lithuania]. Kiiv, Al'ternativ Publ., 1998. 320 p.
21. Sarnovskiy Yu. *Tevtonskiy Orden i mongol'skaya opasnost'* [The Teutonic Order and Mongol Danger]. Available at: http://www.templiers.info/historical_materials/index.php?id=articles_translation&articles_translation=sarnowsky_teutonic_order_confronts_mongols, <http://www.liveinternet.ru/users/673125/post31848031/page1.html>.
22. Sofonovich F. *Khronika z litopistsiv starodavnikh* [Chronicle of the Ancient Chroniclers]. Kiiv, Naukova dumka Publ., 1992. 336 p.
23. Starodubtsev G.Yu. Gorodishche Tsarskiy dvorets – zamok Velikogo knyazhestva Litovskogo na granitse s Zolotoy Ordoy (nakhodki v khode issledovaniy 1997–2010-kh gg.) [The Royal Palace Hillfort – The Castle of the Grand Duchy of Lithuania at the Border with the Golden Horde (findings during researches of the 1997–2010's)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. 5. Kazan, OOO Foliant, Institut istorii im. Sh. Mardzhani Akademiya nauk RT Publ., 2012, pp. 317–325.
24. Strykovskiy Matsey. *Litopis pol's'kiy, litovs'kiy, zhmuks'kiy i vsieĭ Rusi* [Polish, Lithuanian, Zhmud, and All-Russian Chronicles]. L'viv, Naukove tovaristva im. T. Shevchena u L'vovi, 2011. XII, 1084 p.
25. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordya* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde]. St. Petersburg, Izdano na izhdivenii S.G. Stroganova Publ., 1884. Vol.I: Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh. XVI, 563, [1] p.
26. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordya*. Vol. II: *Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannykh V.G. Tizengauzenom i obrabot. A. A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Vol. II: Excerpts from the Persian Writings Collected by V.G. Tiesenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 305 p.
27. *Annalista Torunensis*. Perevod s lat. i komm. I. D'yakonov. Elektronnyaya versiya 2011. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Thorun/frameset.htm
28. Trepavlov V.V. *Predki Mamaya-tsarya. Kiyatskie beki v Podlinnom rodoslove Glinskikh knyazey* [The Ancestors of the Tsar Mamay. The Kiyat Beks in the Authentic Genealogy of the Glinsky Princes]. Mamay: opyt istoricheskoy antologii. *Sbornik nauchnykh trudov* [Mamay: An Anthology of Historical Experience. Collection of research papers]. Kazan, "FEN" Publ., 2010, pp. 171–182.
29. *Khronika Bykhovtsa* [Byhovets Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 32. Moscow, Nauka Publ., 1975. Available at: <http://izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov08.htm>
30. *Khronika Litovska i Zhmoytska* [Chronicle of Lithuania and Samogitia]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 32. Moscow, Nauka Publ., 1975. Available at: <http://izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov03.htm>
31. Cherkas B. *Pokhod Toktamysa na Kievskoe knyazhestvo* [The Toktamys against the Kievan Principality]. *Voennoe delo Zolotoy Ordya* [Warfare of the Golden Horde]. Kazan, OOO Foliant, Institut istorii im. Sh. Mardzhani Akademiya nauk RT Publ., 201, pp. 167–169.
32. *Kronika Polska Marcina Bielskego*. T. I. Ksiega I–III. Sanok, Naklad i druk Karola Polaka, 1856. XI, 699 p. Available at <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=18578&from=FBC>
33. Długosz J. *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście / Przekład K.Mecherzyńskiego*. Vol. 4. Ks. XI, XII. Kraków, W drukarni "Czasu" W. Kirchmayera, 1869. 8, 668, XXIII s. Available at: <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent2?id=895&dirids=15>
34. *Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Ksieg XXX*. Sanok: nakł. i druk Karola Pollaka, 1857. 716 s. Available at: <http://www.polona.pl/dlibra/doccontent?id=18578&from=FBC>
35. Pelenski J. The contest between Lithuania-Rus and the Golden Horde in the Thirteenth century for supremacy over Eastern Europe // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. II. Wiesbaden, O. Harrasowitz Verlag, 1982, pp. 303–320.
36. *Scriptores rerum Prussicarum: die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft*. Band 3. Leipzig, Verlag von S. Hirzel, 1866. VI, 730 S. Available at: <https://books.google.de/books?id=-4AOAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>

About the author: Yaroslav Valentinovich Pilipchuk – Junior Research Fellow, Department of Eurasian Steppe, A.Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Cand. Sci. (History) (01001, Grushevsky st., 4, room 210, Kiev, Ukraine); bachman@meta.ua

Татары Дешт-и Кыпчака в переписке Аксак Тимура с Баязидом

И.М. Миргалеев

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

В предложенной статье рассматриваются сведения, сообщаемые в переписке Баязида с Тимуром, касающиеся Золотой Орды, и имеющие интересные моменты, проливающие свет на планы Тимура по отношению к Золотой Орде. Активная переписка предшествовала Анкарской битве. Всего известно по четыре письма. В первом письме Баязид ответил резко. В последующих же письмах османская сторона попыталась смягчить тон. В первом письме Баязид пишет Тимуру, что османские воины не такие обычные люди, как татары. Автор считает, что здесь использовано такое выражение по отношению к Тимуру, султан Баязид дает понять, что два раза поверженные Тимуром татары не равня османским воинам. Что перед Тимуром качественно другая армия, более лучшая по экипировке, оружию и опыту. Так как армия осман постоянная, готовятся османские воины с раннего возраста. Также султан Баязид пишет: «Если мы из Каффы пойдем в Ширван, введем туда свои войска, то кто нам помешает? Кыпчакский народ устал от вас и потому предпочитает быть вместе с нами». Баязид дает понять, что татары на его стороне, но при этом он еще не предпринял никаких действий, не проявил враждебности и что он может в Дешт-и Кыпчаке собрать войска. Татары, безусловно, были на стороне турков и желали победы султану Баязиду.

Тимур в своем письме сообщает, что его целью было идти в Крым. Возможно, он хотел взять окончательно под свой контроль торговлю с Европой. Также автор статьи обращает внимание на укор Тимура султану Баязиду. Тимур пишет: «Да так, что по отношению к нам и нашим воинам ваши слова "невернее неверных" стали применяться повсеместно». Мусульмане Дешт-и Кыпчака и Восточного Туркестана относились к Тимуру крайне отрицательно. Османы также объявили Тимура и его армию «хуже, чем неверующие». Это все очень сильно беспокоило Тимура, видевшего себя великим мусульманским правителем и воителем за веру. До военного противостояния предшествовала активная переписка – психологическая война, где стороны пытались разъяснить свою позицию, не скрывать своих упреков и при этом выставить свои требования.

Ключевые слова: Золотая Орда, Османская империя, Баязид, Тимур, татары.

Золотоордынско-османским взаимоотношениям уделено не так много внимания, по сути, историография небольшая, основные работы специалистами активно привлекаются [1, 4, 7, 9, 10, 11]. Однако в последнее время идет активное изучение османских исторических сочинений и документов. Несомненно, будет еще немало интересных открытий. Кроме исторических сочинений, бесспорно важны переписки правителей, где фиксировалась их официальная позиция. Поэтому переписка султана Баязида с эмиром Тимуром и привлекла наше внимание. Даже те немногочисленные сведения, касающиеся Золотой Орды, интересны для исследователей. В этих переписках есть моменты, которые в том числе проливают свет на некоторые стороны взаимоотношений татар с Тимуром или же на планы Тимура организовать еще одно вторжение на территорию Золотой Орды после двух крупных походов и 10-летней войны в конце XIV в. [3, с. 139].

Как указано в письме султана Баязида эмиру Тимуру, письма Тимура написаны на арабском и персидском языках [8, s. 147]. Сохранились они в османско-турецком переводе. В свое время совместно с турецкой исследовательницей Хайруннисой Алан мы планировали их перевести и издать у нас, однако работа затянулась, и другой турецкий исследователь, Абдурахман Даш, за это время их опубликовал [8, s. 141–168]. Всего известно по четыре письма. По некоторым данным султану Баязиду Тимур писал и раньше, однако османский правитель начал отвечать ему только после того, как армия последнего взяла город Сивас (как известно, взятая османами незадолго до Тимура, в 1398 г.) и начал угрожать анатолийским территориям Османского государства.

Активная переписка предшествовала знаменитой Анкарской битве, которая закончилась полным поражением турков и взятием самого султана Баязида в плен.

Тимур с каждым письмом добавлял новые требования. Несмотря на то, что османская сторона в первом письме ответила очень резко, в последующих письмах попыталась смягчить тон, но это ни к чему, как кроме войны, не привело. В таком же русле интересно выглядит и переписка (или общение через послов?) между Токтамышем и Тимуром [6, с. 112], где говорится о подстрекательстве «низких людей». Похожее сообщает и султан Баязид, отвечая на упрек Тимура на недопустимость грубого тона, особенно первого письма, что они написали ему, «посоветовавшись с приближенными». То есть как бы выведя из ответчика самого правителя. Безусловно, это такая дипломатическая игра для продолжения общения на другом уровне.

В первом письме Баязид, хвалясь своими войсками, сравнивал их с другими войсками, в том числе и с татарскими, то есть золотоордынскими. Вот что он пишет Тимуру: «Османские воины не такие обычные люди, как татары страны кыпчаков» [8, с. 145, 157]¹.

В османских исторических сочинениях татарам Дешт-и Кыпчака уделено достаточно большое внимание и такой тон, по крайней мере, нам не знаком. Более того, татары рассматриваются как «свои», а правящий род Каи считается по происхождению татарским. Об этом пишут многие османские хронисты. Золотоордынское государство также не воспринимается враждебно. Понятно, что здесь такой тон использован для другого. Думается, здесь такое выражение использовано именно по отношению к Тимуру, с одной стороны, возвеличивая свои войска, с другой стороны, султан Баязид как бы дает понять, что недавно поверженные (уже два раза) Аксак Тимуром татары Дешт-и Кыпчака не ровня османским воинам. Что перед Тимуром качественно другая армия, более лучшая по экипировке, оружию и опыту. Так как армия осман постоянная, готовятся османские воины с раннего возраста. Кстати, на это обращает внимание и Тимур, который принял предложенный стиль общения османского двора и сравнил османских воинов со своими воинами, предки которых были мусульманами, а не как у осман, взятых из христианских семей, отцы которых не были мусульманами. То есть тут видим возвеличивание себя на фоне других. Психологическая игра, «рычание перед схваткой».

Султан Баязид и его окружение пишут следующее: «Если мы из Каффы пойдем в Ширван, введем туда свои войска, то кто нам помешает? Кыпчакский народ устал от вас и потому предпочитает быть вместе с нами» [8, с. 147]². Это является подтверждением взаимоотношений Токтамышя с Баязидом. Однако, как известно, Баязид реально ничем Токтамышю не помог. О предложении Токтамышя быть вместе против Тимура Баязид, несомненно, знал и был осведомлен о попытке Токтамышя создать антитимуровскую коалицию [3, с. 128–129]. Здесь же Баязид, как бы торгуясь, говорит, что нет сил, которые бы его остановили в этом. Также прочитывается еще, на мой взгляд, такой момент: Баязид невзначай предлагает учесть тот факт, что он не предпринял никаких активных и реальных шагов в создаваемой Токтамышем антитимуровской коалиции или же в одиночку до этого времени против Тимура. Это такой жест. Кроме прошедшей этой борьбы, когда Токтамыш был флагманом антитимуровского противостояния и отправлял в другие государства послов с призывом быть «одною рукою на мятежника-злодея Тимурленка» [5, с. 363], с его стороны еще не было активных действий. Баязид намекает, что он может из Дешт-и Кыпчака собрать войско, и при этом дает понять, что население Дешт-и Кыпчака до сих пор хочет быть вместе с османами.

Конечно, татары еще могли действовать на международной арене и могли выставить войска. В принципе будь здесь сам Токтамыш или же его противники, Идегей и его ханы, они не были бы сторонниками Тимура. Идегей еще во время войны татар с Тимуром порвал с ним все отношения. Известно, что Тимур планировал третий поход на Золотую Орду, уже против Идегея. Однако, конечно же, Баязид вряд ли имел бы успех в Золотой Орде. Во-первых, он реально не поддержал Токтамышя, теперь, когда ему самому нужна была помощь, он, конечно, мог бы обратиться к татарам, однако сторонники Токтамышя помнили еще его бездействие в антитимуровской политике. И перед сторонниками Токтамышя и Идегея стояла задача взять под контроль всю территорию Золотой Орды и наладить нормальную жизнь. Кроме разрушительных походов Аксак Тимура,

¹ «...Osmanli askerleri de, ne Kipcak ulkesi Tatarı gibi siradan insanlar...».

² «Kaldi ki biz, Kefe'den Sirvan'a varip, o ulkeye asker cikarsak, kim mani olabilir? Kipcak halki sizden bikip usandigi icin bizimle beraber olmayi tercih etmektedir».

политической нестабильности, по территории Золотой Орды прошли чума и голод [3, с. 140]. Татары, конечно, были на стороне турков-османов, так как не могли быть на стороне Аксак Тимура. И, конечно же, они желали победы султану Баязиду. Но чтобы еще раз воевать с Тимуром они вряд ли были готовы.

Рассмотрим еще один отрывок из письма Тимура, который подтверждает, что у него был план по вторжению на территорию Золотой Орды в третий раз. Тимур в своем письме пишет: «Нашей целью было идти в сторону Каффы и Крыма, однако пришлось возвратиться из Ширвана и снова через Эрзинджан отправиться в ту сторону» [8, с. 150]³.

Возможно, Тимур здесь играет в многоходовку? пытается сделать несколько ходов, но в официальном объяснении он утверждает, что целью был Крым. Зачем именно Крым, объяснить сложно. Можно только осторожно предположить. Ну и, конечно, географически в это время Тимуру Крым был близок, да и, наверное, и османами он был более узнаваем. Но нельзя забывать и экономическую сторону. То есть целью было взять под контроль торговлю с Европой. Хотя во время второго похода Аксак Тимур уже взял Каффу и ограбил ее [5, с. 330]. Очевидно, сейчас была поставлена задача взять под полный контроль Крым и предкавказские районы Золотоордынского государства.

Османы, как известно, усилились, в том числе на основе религиозной популярности. Поэтому их оценки были важны для любого мусульманского правителя. Особенно для эмира Тимура, который хотел видеть себя также воителем за веру, великим мусульманским правителем. Поэтому он в укор султану Баязиду пишет: «Да так, что по отношению к нам и нашим воинам ваши слова "невернее неверных" стали применяться повсеместно» [8, с. 150]⁴.

Такое отношение не могло не подействовать на народы, которые жили под контролем среднеазиатского правителя. Сюда нужно добавить и то, что и мусульмане Дешт-и Кыпчака и Восточного Туркестана относились к Тимуру крайне отрицательно и даже издавали специальные фетвы-решения, что Тимур является неверующим, кяфиром [2, с. 28]. Османы, как видим, развили эти высказывания, объявив самого Тимура и его армию «хуже, чем неверующие» – «*kafir den daha esed kafirlerdir*». Это такой психологический удар, ставящий Тимура вне закона, указывающий на то, что он незаконно правит мусульманскими народами. Такое отношение, безусловно, очень сильно беспокоило Тимура. Думаю, именно поэтому Тимур решил сразиться с османами. Это такое психологическое противостояние, завершившееся крупным сражением и гибелью султана Баязида. Тимур своей победой над османами показал неправоту этих высказываний.

Как видим, официальные позиции правителей, отраженные в вышеприведенных переписках, написаны дипломатическим языком, требующие разъяснений. Тимур и его адресаты знали, что им придется сразиться. Но до военного противостояния предшествовала активная переписка, где стороны пытались разъяснить свою позицию, не скрывать своих упреков и при этом выставить свои требования. Но и давая понять, что разногласия в принципе можно решить и без войны. Такая психологическая война противников в случае с Тимуром заканчивалась реальным сражением.

Список литературы

1. Миргалеев И.М. Изучение осmano-турецких средневековых сочинений по золотоордынской истории // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань, 2012. С. 31–37.
2. Миргалеев И.М. Токтамыш и Тимур: реставрация антимамялюкской коалиции // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященная памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории, 2011. С. 27–32.
3. Миргалеев И.М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
4. Миргалеев И.М., Камалов И.Х. К вопросу о взаимоотношениях Золотой Орды с Османской империей // Золотоордынская цивилизация: сб. статей. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 87–94.
5. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. СПб.: Тип-я ИАН, 1884. 564 с.

³ «Hedefimiz Kefe ve Kirim yonuneiken, Sirvan'dan geri donup tekrar Erzincan'dan o tarafa varmak icap etti».

⁴ «Ta ki biz ve askerimiz icin kafir ve kafirden daha esed kafirlerdir demeniz sozu her yerde soylenir olmaya basladi».

6. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.

7. *Усманов М.А.* К истории джучидско-османской дипломатической документации // Советское востоковедение. Проблемы и перспективы. М., 1988. С. 127–134.

8. *Daş Abdurrahman.* Ankara Savaşı Öncesi Timur ile Yıldırım Bayezid'in Mektuplaşmaları // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, No. 15 (2004). S. 141–168.

9. *Kamalov Ilyas, Mirgaleev Ilnur.* Altı Orda – Osmanlı munasebetleri // Akademik Bakis, cilt 2, sayı 3, 2008. S. 187–198.

10. *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait yarlık ve bitikler. Dil ve Tarih – Coğrafya Fakültesi yayınlarından. Tarih serisi. İstanbul: Bürhaneddin matbaası, 1940. 212 p.

11. *Mirgaleev Ilnur.* Altın Orda, Osmanlı ve Memlûklerin Aksak Timur'a Karşı Birlik Kurma Meselesine Dair // Karadeniz Araştırmaları Dergisi. 25. Sayı, Bahar 2010. S. 51–57.

Сведения об авторе: Ильнур Мидхатович Миргалеев – руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); dilnur1976@mail.ru

The Tatars of Dasht-i Kipchak in the Aksak Timur Correspondence with Bayazid

I.M. Mirgaleev

*(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*

This article examines the information contained in the correspondence of Bayazid with Timur concerning the Golden Horde. This information shed light on the plans of Timur in relation to the Golden Horde since this active correspondence consisting of four letters preceded the Ankara Battle. In his first letter Bayazid replied sharply. In subsequent letters the Ottoman side tried to soften the tone. In his first letter, Bayazid writes to Timur that Ottoman soldiers are not such ordinary people as the Tatars. By using this expression with respect to Timur, Sultan Bayazid made it clear that the Tatars defeated by Timur two times were not equal for the Ottoman soldiers. Bayazid had in mind that Timur was to face a better army with better equipment, weapons, and military experience since his army was regular and the Ottoman soldiers were trained from an early age. Sultan Bayazid also writes: “If we go from Kaffa against Shirvan and enter it together with our troops, then who would prevent us? The Kypchak people are tired of you and therefore prefers to be with us”. Bayazid made it clear that the Tatars were on his side. However, he has not taken any action and showed no hostility, though he could assemble troops in Dasht-i Kipchak. Tatars, of course, were on the side of the Turks and they wanted the victory of Sultan Bayazid.

In his letter, Timur said that his goal was to go to the Crimea. Perhaps, he wanted to take final control over the trade with Europe. Author of the article draws attention as well to the reproach of Timur addressed to Sultan Bayazid. Timur wrote: “Your expression ‘the most infidel among infidels’ began to be used widely in relation to us and our soldiers”. The Muslims of Dasht-i Kipchak and Eastern Turkestan perceived Timur very negatively. The Ottomans as well called Timur and his army as the “worse than unbelievers”. All these very worried Tamerlane who saw himself as a great Muslim ruler and warrior for the faith. On the eve of a military clash active correspondence was used as a psychological weapon. In the course of this correspondence, both sides sought both to show their position, without hiding reproaches, and to expose their demands.

Keywords: Golden Horde, Ottoman Empire, Bayazid, Timur, Tatars.

References

1. Mirgaleev I.M. Izuchenie osmano-turetskikh srednevekovykh sochineniy po zolotoordynskoy istorii [Study of the Ottoman-Turkish Medieval Writings on the Golden Horde History]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. 5. Kazan, 2012, pp. 31–37.

2. Mirgaleev I.M. Toktamysh i Timur: restavratsiya antimamlyukskoy koalitsii [Toktamysh and Timur: The restoration of Anti-Mamluk Coalition]. *Zolotoordynskoe nasledie. Vyp. 2. Materialy vtoroy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy», posvyashchennaya pamyati M.A. Usmanova. Kazan, 29–30 marta 2011 g.* [Golden Horde Legacy. Issl. 2. Proceedings of the Second International Conference on “The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde” in commemoration

of M.A. Usmanov. Kazan, March 29–30, 2011]. *Otv. red. I.M. Mirgaleev. Kazan, Institut istorii Publ., 2011, pp. 27–32.*

3. Mirgaleev I.M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana* [Political History of the Golden Horde during the Reign of Toktamysh Khan]. Kazan, Alma-Lit Publ., 2003. 164 p.

4. Mirgaleev I.M., Kamalov I.Kh. *K voprosu o vzaimootnosheniyakh Zolotoy Ordy s Osmanskoy imperiey* [To a Question about the Relationship between the Golden Horde and the Ottoman Empire]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya: sb. statey* [Golden Horde Civilization. Collected Articles]. Is. 1. Kazan, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2008, pp. 87–94.

5. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Excerpts from the Arab Writings]. Vol I. St. Petersburg, IAN Publ., 1884. 564 p.

6. Tiesenhausen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Tom II. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Volume II. Excerpts from the Persian Writings Collected by V.G. Tiesenhausen and processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow; Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1941. 308 p.

7. Usmanov M.A. *K istorii dzhuchidsko-osmanskoy diplomaticheskoy dokumentatsii* [On the History of Jochid-Ottoman Diplomatic Documentation]. *Sovetskoe vostokovedenie. Problemy i perspektivy* [The Soviet Oriental Studies. Problems and Prospects]. Moscow, 1988, pp. 127–134.

8. *Daş Abdurrahman. Ankara Savaşı Öncesi Timur ile Yıldırım Bayezid'in Mektuplaşmaları // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, No. 15 (2004), pp. 141–168.*

9. *Kamalov Ilyas, Mirgaleyev Ilnur. Altı Orda – Osmanlı munasebetleri // Akademik Bakis, cilt 2, sayı 3, 2008, pp. 187–198.*

10. *Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kirim ve Türkistan Hanlarına ait yarlık ve bitikler. Dil ve Tarih – Coğrafya Fakültesi yayınlarından. Tarih serisi. İstanbul, Bürhaneddin matbaası, 1940. 212 p.*

11. *Mirgaleyev Ilnur. Altın Orda, Osmanlı ve Memlüklerin Aksak Timur'a Karşı Birlik Kurma Meselesine Dair // Karadeniz Araştırmaları Dergisi. 25. Sayı, Bahar 2010, pp. 51–57.*

About the author: Il'nur Midkhatovich Mirgaleev – Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); dilnur1976@mail.ru

Военное дело кочевых узбеков в ханстве Абу-л-Хайра (по материалам письменных источников)

Д.Н. Маслюженко

(Курганский государственный университет)

Военное дело первых тюрко-татарских государств на юге Западной Сибири, созданных Шибанидами на протяжении XV века, слабо изучено в исторической науке, что обусловлено немногочисленностью источниковой базы. Первым ханом Тюменского юрта на этой территории стал в 1429 г. Абу-л-Хайр. Активная внешняя политика этого правителя привела к появлению в восточных источниках отдельных описаний его войска, а также указание на тактику и стратегию, которые и рассматриваются в данной работе, посвященной военному делу «кочевых узбеков» в период между 1429–1457 годами.

На основании письменных источников выявлены особенности войсковых сборов, формирования отдельных отрядов, комплектации их вооружения и военного управления. Перед началом походов хан проводил советы. Войско, как правило, сохраняло традиционное для кочевников деление на авангард, чаще всего под руководством ханского родственника, центр и крылья, что требовало и соблюдения определенной традициями тактики и стратегии. Крыльевое деление не указывается лишь при нападениях на среднеазиатские города, которые чаще брали не осадой, а в результате добровольной сдачи. После сражений в обязательном порядке происходило распределение всей полученной военной добычи в пользу как эмиров, так и рядовых воинов.

Отдельные подразделения, в частности крылья на флангах, могли использовать разноцветные знамена, являвшиеся символами их предводителей. Выявляется использование музыкальных инструментов (труб, литавр, реже барабанов и рожков) для передачи сигнала о начале сражения, которое чаще всего происходило утром. Источники упоминают предпочтения кочевой элиты в предметах вооружения (кистени, мечи, пики и копья, кинжалы, секиры) и доспехах. Кроме того, указывается на использование в ходе военных действий магических ритуалов, призванных повлиять на погоду.

В целом кочевые узбеки XV века по развитию военного дела были схожи с иными кочевыми группами Великих степей и явно наследовали основные достижения военного дела Улуса Джучи.

Ключевые слова: тюрко-татарские государства, Западная Сибирь, военное дело, кочевые узбеки, хан Абу-л-Хайр.

Военное дело первых тюрко-татарских государств на юге Западной Сибири, созданных Шибанидами на протяжении XV века, весьма слабо изучено в исторической науке. Это вполне объяснимо имеющейся базой источников. В письменных памятниках данный аспект деятельности фактически не нашел своего освещения, кроме констатации самого факта походов или набегов, а археологические материалы этого времени пока неизвестны. Исключением из этого правила может быть лишь государство, созданное на юге Западной Сибири в конце 1420-х гг. ханом Абу-л-Хайром из династии Шибанидов. Дальнейшее расширение территории этого политического объединения к югу и перенос столицы из Чимги-Туры в Сыгнак привели к созданию ряда шибанидских государств в Средней Азии. Их правители в начале XVI века заказали ряд исторических сочинений об основателе династии и его потомках. Как раз в этих текстах авторы, в частности Масуд бен Уман Кухистани в своей «Истории Абу-л-Хайр-хана» (написана в 1540–1551 гг.), останавливают свой взгляд на отдельных аспектах военного дела узбекских племен XV века.

На протяжении почти 40 лет своего правления узбекскому лидеру пришлось вести многочисленные войны со своими конкурентами из Шибанидов или Тука-Тимуридов, захватывать города Средней Азии, входившие в состав государства потомков Тимура, а также в конце жизни столкнутся с нашествием калмыков [12, с. 76–88]. Ясно, что стилистика самого текста, прославляющего основателя династии, не требовала от авторов подробных повседневных описаний, в том числе и военного дела. К тому же и сам текст был написан почти 100 лет спустя после интересующих нас событий. Однако, ряд стереотипных деталей, на наш взгляд, позволяют рассмотреть отдельные ас-

пекты тактики и стратегии, а также выявить предметы вооружения, которые использовались узбеками в XV веке.

Перед началом любого похода Абу-л-Хайр, как и его предшественник Джумадук, и большинство противников (Махмуд-Ходжа, Мустафа, Ахмад и Махмуд) собирали войска. Так, Ахмад и Махмуд, узнав о походе узбеков, «... послали гонцов во все подвластные владения, в степи, и, потребовав от них помощи, приготовились к сражению...» [13, с.154]. Это свидетельствует о том, что при самом хане не было значительных военных сил, кроме его личной «дружины». Остальные военные отряды, скорее всего, подчинялись отдельным предводителям степных кланов в лице биев, беков или бахадуров, а также возможно были у сейидов и огланов. От лояльности всех этих разнообразных представителей степной элиты и зависел сбор того или иного числа войск. Например, наследник Абу-л-Хайра Шайх-Хайдар в 1468 г. «... многих послал [за помощью] во [все] стороны и края к своим эмирам и бахадурам, это ничего не дало: люди и войско не собрались. После этого с малым числом людей он учинил сражение» [13, с.99].

Впрочем, в источнике лишь несколько раз упоминается конкретная численность войск. В 1429 году против хана Джумадука бии мангытов, буркутов и нукусов выставили семидесятитысячное войско, что позволило им одержать победу, которая привела к гибели хана [13, с.142, 390]. Кроме того, упоминается, что в набеге калмыков на ханство Абу-л-Хайра участвовало 180 тысяч [13, с.392]. Также не всегда ясен уровень потерь, например, в ходе битвы с Мустафой «[будто бы] было убито около четырех с половиной тысяч человек» [13, с.158]. Конечно, весьма заманчиво рассматривать каждого кочевую вождя главой отдельного четко структурированного, в том числе и по размеру, отряда. Тем более что источники упоминают о сохранении десятичной системы сбора войска [13, с. 359]. Однако, даже в эпоху Чингиз-хана «на более высоких уровнях десятичная система далеко не всегда отражала действительную численность воинов, а показывала военно-иерархический статус подразделения» [7, с.425]. Таким образом, подсчет количества биев и беков не даст нам дополнительной информации в отношении численности их военных отрядов. Кроме того, большинство перечней соратников хана заканчиваются словами «и другие великие», «и другие витязи», «и других предводителей».

После объявленного сбора при дворе хана, который сам был руководителем войска, собиралось «совещание и совет вождей войска и отважных [предводителей] победоносной рати» [13, с.149]. Именно на нем, видимо, обсуждалось конкретное деление кланов по подразделениям, а также вопросы тактики и стратегии. Без проведения подобного совета дальнейшие действия не начинались.

Само войско делилось на несколько подразделений: центр армии, левое и правое крыло, а также авангард. Деление войска на крылья было принято у большинства кочевых обществ эпохи средневековья и возможно было ориентировано на построение в бою развернутым строем типа «гусиные крылья» [11, с.20–21]. Очевидно, что сам принцип крыльевого деления был одним из политических наследий Золотой Орды, а шире и Монгольской империи. А.К.Кушкumbaев пишет, что «крыльевой способ организации военно-административной власти в золотоордынской державе выполнял функции управления и распределения подчиненных территорий и людских ресурсов среди властвующей династии Чингизидов». Кроме того, автор указывает, что такой принцип сохранялся до начала XV века, а в дальнейшем существовал, например, у ногаев. При этом уже с XIV века ведущую роль в крыльях начинают играть клановые беки степных кланов [8, с.153–154], что, по всей видимости, наблюдается и в ханстве Абу-л-Хайра.

Отметим, что в рассматриваемом нами случае не ясен вопрос о степени совпадения между административными крыльями и делением на крылья самого войска конкретно в Узбекском ханстве. В идеале процедура рассаживания во время церемоний по левую или правую руку от хана, собственно административное и военное деление должны были совпадать, но в реальности беки одного и того же клана в разных битвах могли оказываться как в составе правого, так и левого крыла. Кроме того, в одном случае уйшины были в составе обоих крыльев. Очевидно, что расположение на том или ином крыле должно было отражать конкретный политический статус клановых лидеров, а переход между крыльями говорил об определенных политических тенденциях. Например, в 1431 дурманы были на правом крыле, а в 1451 году перешли на левое, в то время как мангыты оказались в строго обратной ситуации [13, с.146, 164]. Причем это произошло после смерти ногайского бия Ваккаса около 1447 года [18, с.100]. Аналогичная ситуация со сменами

крыльев была уже в войсках Тохтамыша в 1395 году, что, по мнению А.К.Кушкумбаева, свидетельствует об упадке улусно-крыльевой системы [8, с.149].

Впервые у Кухистани этот принцип деления описан в полевом сражении войск Джумадука против восставших биев, когда сам Абу-л-Хайр, видимо, еще будучи огланом, руководил левым крылом, а Ходжа-оглан – правым [13, с.141]. Этот же принцип использовал во всех полевых сражениях сам Абу-л-Хайр, уже став ханом. При этом он лично руководит центром войска, по крайней мере, в походах на Хорезм и Самарканд [13, с.151, 164]. Кроме того, источники упоминают личную проверку и осмотр ханом «воинских доспехов, лат и средств сражения» [13, с. 359]. По всей видимости, хан лично руководил сражением. Причем это характерно и для ханов-соперников Абу-л-Хайра (Джумадук погиб во время сражения, Махмуд-Ходжа пытался бежать с поля боя, но захвачен в плен и казнен, братья Ахмад и Махмуд бежали с поля боя, также как Мустафа) [13, с.142, 148, 154, 158]. Это контрастирует с предшествующими событиями периода Улуса Джучи [5, с.24]. Участие ханов-Шибанидов в бою могло быть одним из последствий тех изменений, которые произошли в социальной и политической жизни этого государства в период «Великой Замятни». Причем с ханом в поход могла отправляться и его семья, например, после поражения и казни Махмуд-Ходжи был убит его сын, а жена Аганак-Бике, попавшая в плен, взята замуж Абу-л-Хайром «по мусульманскому обряду» [13, с.148].

Левое и правое крылья при Абу-л-Хайре находились под предводительством клановых лидеров. По всей видимости, левым крылом в различное время командовали беклербеки, в том числе буркут Умар-бий в 1431 г. или кыйат Бузунджар-бий в 1457 г. Аналогично правым крылом руководили в это время духовные лидеры, например, сейид Кул-Мухаммад или мангыт Сарыг-Шиман, который помог хану прийти к власти [13, с.146, 164, 391]. При этом левое крыло всегда описывается первым, а Мунис в своем произведении «Фирдаус ал-икбал» указывает применительно к элю Йадгара, который в 1460-х гг. рассматривался как конкурент Абу-л-Хайру, что «... по монгольскому обычаю левая сторона более почетна, чем правая» [13, с. 436].

В большинство случаев выделялся также авангард, которым до своей гибели в 1457 г. всегда руководил племянник хана Бахтийар-султан [13, с. 141, 146, 154, 157, 165–166]. Стремление поставить на руководящие должности в армейской структуре именно огланов, причем из числа близких родственников, было характерным явлением для Шибанидов. В свое время сам Шибан был главой авангарда в войсках своего брата Бату на завершающем этапе Западного похода, а в более позднее время в Тюменском юрте при хане Ибрахиме таковым, видимо, был его брат Мамук и в Сибирском юрте при хане Кучуме его племянник Мамет-Кул.

Сражения чаще всего начинались только с рассветом (битва против Джумадука, с Махмуд-Ходжой, осада Хорезма и другие примеры), даже если оба войска вышли к полю битвы ранее и «расположились друг против друга» [13, с.142]. Если войска оказывались перед местом сражения или осаждаемым городом вечером или ночью, то в таком случае они располагались на привал. По всей видимости, в случае привала охрану войска поручали караульным и часовым, который стояли до рассвета. В источнике это описывается во время похода на Самарканд перед битвой с Абдаллахом Тимуридом [13, с.165].

Из общего принципа утренних сражений также известно одно исключение. В сражении с ханом Мустафой, при котором находился бывший соратник Абу-л-Хайра мангытский бий Ваккас, ночью было начато сражение авангардом во главе с султаном Бахтийаром, что позволило самому хану привести свои войска в порядок и уже утром начать битву со свежими силами [13, с.157].

Перед началом битвы, когда войска уже выстроились, могли произойти переговоры. Например, тайша калмыков Уз-Тимур в 1457 г. отправил одного из своих воинов на «середину поля боя» с предложением мира и согласия [13, с.169], однако аналогичные случаи для собственно узбекской практики неизвестны. В данном случае мирные предложения были не приняты, прежде всего, руководителями авангарда и бахадурами, что и привело к началу битвы, поражению авангарда узбекского войска и гибели его руководителей, а также отступлению самого хана к Сыгнаку [13, с.169–170, 392–393].

Судя по имеющимся описаниям сражений, большинство сражений сводились к тому, что А.К.Кушкумбаев и Л.А.Бобров назвали «напуск» с холодным оружием и «съемный бой» [11, с.17]. Авторы указывают, что число участников такой массивной атаки было не велико, часто всего несколько сотен, но поскольку в них участвовали, прежде всего, представители элиты, то хронисты обращали на эти столкновения особое внимание [11, с.19]. Одной из основных целей

сражения при делении войска на три или четыре части было окружение противника, как это произошло в сражении с Мустафой [13, с.157]. Для этого необходим был развернутый строй с мощными флангами, на которые и возлагалась обязанность окружения. Очевидно, что крыльевому делению придавалось большое значение, в том числе при т.н. двойной «тулгаме» [11, с.20, 23], при которой удар панцирников лишь завершал массированный обстрел из луков [1, с.244]. Например, в битве с Махмуд-Ходжой указывается «правое крыло перемешалось с левым крылом, левое крыло – с правым крылом, и окрасили прах поля битвы кровью героев» [13, с.391].

Несмотря на ожидаемое использование луков, при описании собственно битв Абу-л-Хайра речи об этом не идет. Очевидно, что отсутствие информации о дистанционной стрельбе это лишь «фигура умолчания», а не отражение реальности. В дальнейших сражениях, например, сына хана Едигера Буреке против могулов в 1467 г. или наследника Абу-л-Хайра Шайх-Хайдара против объединенного войска тюменского хана Ибака и хана Большой Орды Ахмада в 1468 г. массовое использование лука и стрел несомненно [13, с.55, 99].

Как правило, по сигналу и звукам «труб и литавр» (в двух случаях также указаны барабаны и в одном рожки) и под разноцветными знаменами крылья войск противников сближались для непосредственного конного боя [13, с.147, 157, 165]. Очевидно, что музыкальные инструменты использовались как для передачи сигналов, так и для воодушевления воинов в начале атаки, а знамена были символами конкретных руководителей военных отрядов [11, с.27–30]. Судя по источникам, в бою принимали участие представители степной аристократии и профессиональные воины, а также султаны и огланы, как это было, например, в битве с калмыками, в ходе которой погиб глава авангарда Бахтийар [13, с.142, 155, 165, 169].

В «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» упоминаются конкретные виды вооружения и доспехов. Чаще всего, среди первых указываются:

– кистени (в битве с Джумадуком Бай-Ходжа-бахадур сразил им 12 человек, причем у Кипчак-хана говорится о том, что это произошло на поединках [13, с.142, 390]),

– мечи (например, кушчи Кунгур-бай в битве с Махмудом и Ахмадом поломал два меча; в битве с Мустафой отдельно упомянуты «бахадур-меченосцы») [13, с.147, 155, 166],

– пики и копья (Шайх-Тимур-бахадур в той же битве с Мустафой удостоился похвалы за смелость с копьем с обеих сторон) [13, с.155, 166], по всей видимости, это было, прежде всего, оружие всадников, которое чаще использовалось против конных панцирников [2, с.308],

– кинжалы [13, с.147], причем они указаны только один раз в битве с Махмуд-Ходжой Шибанидом, что свидетельствует о рукопашной схватке [2, с.283],

– в одном случае секиры (скорее всего, это вид топоров на длинных рукоятях, которыми были вооружены всадники, они использовались только в битве с Абдаллахом) [13, с.166].

Для более поздних столкновений 1460-х гг. упоминаются также палицы и сабли [13, с.55, 99]. В целом, среди указанных предметов встречены все основные виды ударного вооружения характерные для золотоордынского времени, причем в ряде случаев их использовали именно воины-профессионалы [9, с.199–213; 10, с.55–67]. Схожий комплект вооружения реконструирован и Л.А. Бобровым: «...большая часть панцирников в момент атаки действовала длинноклинковым оружием. Очень популярны были также палицы и булавы. Часть воинов сражалась боевыми топорами, копьями и кистенями» [1, с.244]. Однако, у узбеков рассматриваемого времени пики, копья и секиры упомянуты только для битв 1450-х гг., в то время как в более ранних сражениях речь идет в основном об оружии необходимом для ближнего боя в «свалке».

Среди оборонительного вооружения в описании битв и военной добычи указаны три вида доспехов: кольчуги («воины в кольчугах»), панцири и латы («латники»), а также в одном случае щиты и шлемы [13, с.148, 166, 169]. Массированные сражения латников, когда именно в его ходе или перед ним указывается «поле боя... сделалось подобным железной горе», характерны для 1450-х гг. [13, с.166, 169], как это ранее указано и древкового оружия. Это может быть связано и с увеличением количества тяжелых доспехов у самих узбеков в связи с завоеванием среднеазиатских городов как центров их производства. В двух случаях такое описание относится к войскам Тимурида Абдаллаха, которое было собрано из городских ополчений Мавераннахра, и к калмыкам. Исследователи предполагают, что собственно среди номадов Дешт-и Кыпчака доспехи различных типов имели меньшее распространение [2, с.361]. На данный момент представляется, что большая часть доспехов различных типов, кроме, возможно, шлемов [2, 416], характерно, прежде всего, для военной элиты кочевников. Обратим внимание, что в монгольское и ордынское время

латная конница, даже при значительной ее численности при Тохтамыше, использовалась лишь в заключительной атаке после нарушения основного построения противника в дистанционном бою [11, с.18–19].

Исключениями из общих принципов деления войска в интересующее нас время могли быть лишь походы на Хорезм и Сыгнак [13, с. 149–159], где при завоевании городских регионов использовалась тактика и стратегия, отличная от полевых сражений с иными кочевыми группами. Тактику сражений за города источники нам фактически не показывают, поскольку после появления войск под стенами города хакимы, в том числе и под давлением жителей, открывали ворота и сдавались [13, с.151, 159]. По сути, в данном случае речь идет, прежде всего, о значительном числе воинов в поле, которые могли нанести удар по нему с четырех сторон, как это было при Хорезме [13, с.391] при слабой активности или небольшой численности городских гарнизонов. Д.А. Каусылов считает, что успешному захвату узбеков присырдынских городов при практически полном отсутствии отпора с их стороны способствовали частые набеги кочевников на них, междоусобные войны Тимуридов и недостаточно эффективная номинальная власть этой династии, которые в совокупности ослабили приграничные районы [6, с.256].

Особое внимание Кухистани уделяет вопросу раздела военной добычи. В свете исследуемого вопроса важны указания относительно событий, произошедших в ставке хана после значимого для Абу-л-Хайра разгрома Махмуд-Ходжи весной-летом 1431 года. Именно в это время под властью молодого хана оказалась собрана значительная часть бывшего улуса Шибана. При этом эмирам и воинам была роздана вся полученная после сражения военная добыча, которая включала в себя невольниц, лошадей, верблюдов, шатры, кольчуги, оружие и панцири. Однако Кухистани об этом событии особо отмечал: «Всех высокопоставленных султанов и славных эмиров он отличил и [возвысил] вещами, поясом и высокими должностями» [13, с. 149]. Кипчак-хан в более краткой форме писал: «Хан-и Бузург вернулся победителем и устроил большой той» [13, с. 391]. Аналогичные раздачи захваченной добычи были и после других сражений. Например, после победы над ханом Мустафой «все богатство и военную добычу, которые достались от войска противника, [Абу-л-Хайр-хан] приказал собрать и раздать султанам, эмирам и воинам в зависимости от их положения» [13, с.158]. Таким образом, хотя раздача добычи и затрагивала всех участников, но ее размеры или состав в значительной степени зависели от социального статуса конкретного воина.

Щедрость хана по отношению к воинам и представителям элиты была одним из показателей идеала правителя [17, с. 77]. По сути, хан выступал редиистрибутором, и в рамках престижной экономики эти подарки были важным инструментом влияния на кочевую элиту, отказ от которого мог повлечь центробежные тенденции. Аналогичные раздачи неоднократно упоминаются в источниках при описании деятельности Чингиз-хана и его потомков [7, с.281–295]. Утемиш-хаджи описывает аналогичный поступок предка Абу-л-Хайра Шибана: «Столько досталось [им] имущества и снаряжения, кольчуг [и] панцирей, что не было тому ни числа, ни счета. Однако Шайбан-хан повелел, чтобы ни единая вещь и [предмет] снаряжения, которые попали [в руки] каждому человеку, не были присвоены [и] чтобы их все принесли... Принесли всю эту добычу [и] преподнесли [ее Саин-хану]. Всю попавшую [им в руки] добычу [он] пожаловал Шайбан-хану, [а тот] всю ее подарил своему войску» [19, с. 94].

Интересно то, что в военной практике сохранялось и использование магических ритуалов. В частности это фиксируется уже в конце 1440-х гг. в ходе столкновения узбекского войска с сыновьями Кичи-Мухаммеда Махмудом и Ахмадом, а также в 1451 году при пересечении степей во время похода на Самарканд. В первом случае перед началом битвы хан «...приказал, чтобы ядачи, бросив в воду камни яда, занялись гаданием при помощи этих камней», что привело к появлению черных туч на небе [13, с. 154]. Во второй раз, в 1451 году, Абу-л-Хайр поддержал претензии на престол Абу Саида Тимурида. Для облегчения пересечения Голодной степи во время похода на Самарканд хан приказал провести ядачи соответствующие обряды, которые привели к появлению облаков [13, с. 164]. Комментаторы текста отмечают, что «яда – это желчный камень рогатого скота, безоар, силою которого, по поверьям кочевников Монголии, Тибета и тюрков Центральной Азии, можно вызвать или прекратить дождь, произнеся соответствующие заклинания» [13, с. 514]. Османский историк XVI в. Сейфи Челеби, описывая использование подобных обрядов в Кашгарии для обеспечения торговли с Китаем, говорит несколько об ином происхождении камня: «Это костистое вещество величиною с грецкий орех, обладающее твердостью камня. Его находят в черепе человека, свиньи, лошади и других животных, но в исключительно редких случаях» [16,

с. 260]. В целом управление погодой с помощью яда было характерно для магических обрядов тюркских и позднее монгольских кочевников как в мирные периоды для ликвидации засухи, так и в военное время.

Мусульманские источники раннего средневековья подчеркивают умение шаманов у тюрков, уйгуров, кимаков вызывать дождь с помощью яда-таш. В военных действиях этот способ тюрки-караханиды использовали против последнего эмира из династии Саманидов Исмаила в начале XI века [3, с. 346]. В начале XIII века подобный обряд проводился для прекращения засухи в ставках хорезмшаха Мухаммада и его сына Джелал ад-Дина, в окружении которых было значительное число кыпчаков и канглов [4, с. 321]. В период формирования Монгольской империи обряд вызывания дождя с помощью камня проводился найманами и ойратами в битве при Койтене против объединенных войск Ван-хан и Темуджина в 1201 году, что обернулось против них самих [15, с. 52–53]. Этот обряд использовался и монгольскими армиями, которые, скорее всего, заимствовали его у тюрков. Например, аналогичный обряд был применен весной 1232 года Тулуй-ханом, младшим сыном Чингиз-хана, в сражении против чжурчженских войск Алтан-хана. Рашид ад-дин пишет об этом: «Тулуй хан приказал колдовать. А этот вид алхимии, [связанный] с существованием разного рода камней, природное свойство которых таково, что когда их извлекают, кладут в воду и моют, тотчас же, [даже] если будет середина лета, [поднимется] ветер, начнется холод, дождь, снег и ненастье». Далее рассказывается о том, что в войске Тулуя был канглы, сведущий в науке яда, причем колдовал он так хорошо, что позади войска монголов шел дождь, а в последний день пошел снег и началась метель. Это привело к ослаблению войск Алтан-хан и его поражению [14, с. 23]. Существуют упоминания об использовании «яда» против минских войск сыном последнего императора династии Юань Тогон-Тимура при его отступлении. За несколько лет до этого аналогичный обряд был использован моголами Чагатайского улуса против Тимура [3, с. 347]. Таким образом, искусство вызывать ненастье перед сражением является отголоском древней традиции кочевого мира, а его использование свидетельствует о сохранении этой практики среди номадов, поддерживающих хана Абу-л-Хайра.

Таким образом, информация письменных источников позволяет реконструировать такие аспекты военного дела кочевых узбеков в ханстве Абу-л-Хайра как принципы сбора и руководства войском, его деление на центр, крылья и авангард, отдельные аспекты полевой тактики и стратегии, предпочтения в оружии и доспехах, а также боевые магические ритуалы. В целом можно отметить, что по большинству этих параметров узбеки середины XV века были схожи с иными кочевыми группами Великих степей и явно наследовали основные достижения военного дела Улуса Джучи.

Список литературы

1. Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV–XV вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч.1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С.231–258.
2. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.
3. Бойл Дж.Э. Тюркский и монгольский шаманизм в средневековье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2008. С.341–350.
4. Голден П.Б. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Золотоордынское время. Донецк: ДонНУ, 2008. С.309–340.
5. Измайлов И.Л. Войско Улуса Джучи во второй половине XIII–XV вв.: структура командования, структура комплектования, численность и рода войск // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Материалы Круглого стола. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.23–35.
6. Каусылов Д.А. Военные действия Шибанидов (Шейбанидов) за присырдарьинские города в XV–XVI вв. // Военное дело улуса Джучи и его наследников. Астана: Фолиант, 2012. С.254–263.
7. Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.
8. Кушкumbaев А.К. Крыльевая модель в военно-политической организации империи Джучидов // Военное дело улуса Джучи и его наследников. Астана: Фолиант, 2012. С.109–164.
9. Кушкumbaев А.К. Комплекс ударного оружия (палицы, булавы, кистени) воинов Улуса Джучи // Военное дело улуса Джучи и его наследников. Астана: Фолиант, 2012. С.199–213.

10. Кушкумбаев А.К. Клинковое оружие воинов Золотой Орды: мечи, палаши, сабли, кинжалы, ножи (проблемы изучения) // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени. Астана: ИП «BG-print», 2013. С.55–67.

11. Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени. Астана: ИП «BG-print», 2013. С.5–47.

12. Маслюженко Д.Н. Политическая история становления ханства Абу-л-Хайра на юге Западной Сибири // Тюрко-татарские государства. Вып.4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2012. С.76–88.

13. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

14. Рашид ад-Дин Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Академия наук СССР, 1960. 214 с.

15. Сокровенное сказание монголов / пер. С.А.Козина. М., 2002. 156 с.

16. Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник, 2003–2004. М.: Восточная литература, 2005. С.254–272.

17. Султанов Т.И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ, 2006. 445 с.

18. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.

19. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., пер., транскр., текстолог. примеч., исслед. В.П. Юдина. Комментар. и указат. М.Х. Абуseitовой. Алма-Ата: Ғылым, 1992. 296 с.

Сведения об авторе: Денис Николаевич Маслюженко – заведующий кафедрой «Культурология», Курганский государственный университет, кандидат исторических наук, доцент (640669, ул. Гоголя, 25, г.Курган, Российская Федерация); denmas13@yandex.ru

Warfare of the Uzbek Nomads in the Khanate of Abu al-Khair (based on written sources)

D.N. Maslyuzhenko
(Kurgan State University)

Due to the scarcity of source base, researchers have paid insufficient attention to the study of warfare of the early Turko-Tatar States in the south of Western Siberia created by the Shaybanids during the 15th century. Abul Khair became the first khan of Tyumen yurt in this area in 1429. Active foreign policy of this ruler is reflected in Oriental sources in separate descriptions of his troops and indication of tactics and strategies, which are discussed in this paper devoted to warfare of the “nomadic Uzbeks” during the period between 1429 and 1457.

Based on the analysis of written sources the author has identified features of military duties, the formation of individual units, equipment of their armament and military administration. Before the beginning of campaigns Khan gathered military councils. As a rule, the army retained the traditional nomadic division into the avant-garde, often under the leadership of the Khan’s relative, the center and wings that required an adherence to a particular tradition of tactics and strategy. The mention of division into wings is omitted only in the description of the attack on the Central Asian cities, which often were not captured by the siege but in a result of voluntary surrender. After the battles there invariably occurred the distribution of the whole obtained spoils both among the emirs and ordinary soldiers.

A separate unit, in particular the wings on the flanks, could use different coloured flags as symbols of their leaders. The author points to the use of musical instruments (pipe, timpani; rarely – drums and horns) to signal the beginning of the battle, which most often occurred in the morning. Sources mention preferences of the nomadic elite in munitions (bludgeons, swords, pikes and spears, daggers, axes) and armor. In addition, the author points to use during the hostilities of magical rituals aimed at influencing the weather.

In general, the nomadic Uzbeks of the 15th century were similar for their military development to other nomadic groups of the Great Steppe and obviously inherited the major military achievements of the ulus of Jochi.

Keywords: Turko-Tatar States, Western Siberia, warfare, nomadic Uzbeks, khan Abu-l-Khair.

References

1. Bobrov L.A. Kazakhskaya taktika vedeniya boya v konnom stroyu v kontse XV–XV vv. [The Kazakh Combat Tactics on Horseback]. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy* [War and Weapons. New Studies and Materials]. Ch.1. St. Petersburg, VIMAIViVS Publ., 2013, pp. 231–258.

2. Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego srednevekov'ya i rannego novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.)* [Weapons and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Early Modern Period (15th – first half of the 18th century)]. St. Petersburg, Filologicheskiy fakul'tet SPbGU Publ., 2008. 776 p.
3. Boyle J.A. Tyurkskiy i mongol'skiy shamanizm v srednevekov'e [Turkish and Mongol Shamanism in the Middle Ages]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya*. T.6. *Zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 6. The Golden Horde Period]. Donetsk, DonNU Publ., 2008, pp. 341–350.
4. Golden P.B. Religiya kypchakov srednevekoviy Evrazii [Religion among the Qipchaqs of medieval Eurasia]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya*. T.6. *Zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. V. 6. The Golden Horde Period]. Donetsk, DonNU Publ., 2008, pp. 309–340.
5. Izmaylov I.L. Voysko Ulusa Dzhuchi vo vtoroy polovine XIII–XV vv.: struktura komandovaniya, struktura komplektovaniya, chislennost' i roda voysk [The Army of Ulus of Jochi during the second half of the 13 – 15 centuries: Command Structure, Recruitment Structure, Number and Type of Troops]. *Voennoe delo Zolotoy Ordy: problemy i perspektivy izucheniya. Materialy Kruglogo stola* [Warfare of the Golden Horde: Problems and Prospects of Study. Proceedings of the Round Table]. Kazan, OOO «Foliant», Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2011, pp. 23–35.
6. Kausylov D.A. Voennye deystviya Shibanidov (Sheibanidov) za prisyrdar'inskie goroda v XV–XVI vv. [Military Actions of the Shibanids (Sheibanids) for Control over the Syrdarya Cities in the 15th–16th centuries]. *Voennoe delo ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [Warfare of the Golden Horde and Its Successors]. Astana, Foliant Publ., 2012, pp. 254–263.
7. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [The Empire of Genghis Khan]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2006. 557 p.
8. Kushkumbaev A.K. Kryl'evaya model' v voenno-politicheskoy organizatsii imperii Dzhuchidov [The Wing Model in the Military-Political Organization of the Jochid Empire]. *Voennoe delo ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [Warfare of the Golden Horde and Its Successors]. Astana, Foliant Publ., 2012, pp. 109–164.
9. Kushkumbaev A.K. Kompleks udarnogo oruzhiya (palitsy, bulavy, kisteni) voinov Ulusa Dzhuchi [The Complex of Shock Weapons (maces, clubs, flails) of the Jochid Ulus Warriors]. *Voennoe delo ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [Warfare of the Golden Horde and Its Successors]. Astana, Foliant Publ., 2012, pp. 199–213.
10. Kushkumbaev A.K. Klinkovoe oruzhie voinov Zolotoy Ordy, mechi, palashi, sabli, kinzhaly, nozhi (problemy izucheniya) [Bladed Weapons of the Golden Horde Warriors, Swords, Cutlasses, Sabres, Daggers, Knives (problems in the study)]. *Voennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopredel'nykh stran epokhi srednevekov'ya i novogo vremeni* [Warfare of the Nomads of Kazakhstan and Neighboring Countries during the Middle Ages and Modern Times]. Astana, IP «BG-print» Publ., 2013, pp. 55–67.
11. Kushkumbaev A.K., Bobrov L.A. Mongol'skaya taktika vedeniya stepnogo boya [The Mongol Tactics of the Steppe Combat]. *Voennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopredel'nykh stran epokhi srednevekov'ya i novogo vremeni* [Warfare of the Nomads of Kazakhstan and Neighboring Countries during the Middle Ages and Modern Times]. Astana, IP «BG-print» Publ., 2013, pp. 5–47.
12. Maslyuzhenko D.N. Politicheskaya istoriya stanovleniya khanstva Abu-l-Khayra na yuge Zapadnoy Sibiri [Political History of the Formation of the Abu al-Khair's Khanate in Southern of Western Siberia]. *Tyurko-tatarskie gosudarstva* [The Turko-Tatar States]. Is. 4. Kazan, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2012, pp. 76–88.
13. *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the History of the Kazakh Khanates in the 15th–18th centuries (extracts from Persian and Turkic writings)]. Sost. S.K. Ibragimov i dr. Alma-Ata, «Nauka» KazSSR Publ., 1969. 652 p.
14. Rashid al-Din Sbornik letopisey [Compendium of Chronicles]. Vol. II. Moscow-Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1960. 214 p.
15. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Per. S.A.Kozina. Moscow, 2002. 156 p.
16. Sultanov T.I. Izvestiya osmanskogo istorika XVI v. Seyfi Chelebi o narodakh Tsentral'noy Azii [Information of the 16th century Ottoman historian Seyfi Çelebi on the Peoples of Central Asia]. *Tyurkologicheskiy sbornik, 2003–2004* [Turkological Collection 2003–2004]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2005, pp. 254–272.
17. Sultanov T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Chinggis Khan and Chingisids. Destiny and Power]. Moscow, AST Publ., 2006. 445 p.
18. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 752 p.
19. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Faksim., per., transkr., tekstolog. primech., issled. V.P. Yudina. Komment. i ukazat. M.Kh. Abuseitovoy. Alma-Ata, Fylym Publ., 1992. 296 p.

About the author: Denis Nikolaevich Maslyuzhenko – Head of the Department of Cultural Studies, Kurgan State University, Cand. Sci. (History), Associate Professor (640669, Gogol st., 25, Kurgan, Russian Federation); denmas13@yandex.ru

Татарская политика Казимира IV, 1480–1492

Я.В. Пилипчук

*(Институт востоковедения
им. А.Е. Крымского НАН Украины)*

В данной статье рассмотрена политика Казимира по отношению к татарам в 1480–1492 гг. Новизна данного исследования состоит в том, что предметом исследования является политика Казимира IV в эпоху экспансии Крымского Ханства. Задачей данного исследования является анализ характерных черт политики Казимира IV по отношению к Крымскому ханству и Большой Орде. Поход Менгли-Гирея на Киев в 1482 г. привел к утрате литовцами владений в степях Поднепровья. К 90-х гг. XV в. можно отнести укрепление позиций крымских татар в Нижнем Поднепровье. Украинское население осуществляло ответные набеги на татарские владения. Для польских источников характерно замалчивание похода крымских татар на Киев в 1482 г. Основные данные об этом событии содержатся в русских источниках. Русские летописцы крайне драматизировали это событие, при этом обвиняя в трагедии Казимира IV и его союз с ханом Ахмедом. Показателем слабости Великого Княжества Литовского стало то, что литовцы практически не помогли Большой Орде в 1480 г. Поход 1482 г. был возглавлен ханом Менгли-Гиреем и он был общегосударственным предприятием для Крымского ханства. В 1484 г. Менгли-Гирей как вассал Османов осуществил поход на Молдову. Вследствие кампании 1484 г. Молдавия утратила Буджак, Дубоссары и Аккерман, которые стали владением Гиреев. Походы татар на Литву в 1486–1489 гг. были набегами крымских беев на Подолье и Волынь. После падения Киева в 1482 г. в 80–90-х гг. XV в. Великое Княжество Литовское смогло более оперативно реагировать на набеги крымских татар. В битве под Коперштыном в 1489 г. великокняжеское войско разбило татар. В 1491 г. набег на Подолье и Волынь осуществили войска Большой Орды. Они были разбиты в битве при Заславле (Изяславе). Менгли-Гирей добивался от Казимира IV уступки улуса Семеновых людей. Однако, ни Казимир IV, ни Менгли-Гирей в ходе переговоров 1480–1492 гг. не пришли к консенсусу.

Ключевые слова: Менгли-Гирей, Казимир IV, Большая Орда, Крымское ханство, Великое Княжество Литовское, татары, набеги.

Одним из интереснейших аспектов истории Восточной Европы является история войн Великого Княжества Литовского и Королевства Польского с татарами Большой Орды и Крымского ханства. Проблему отношений Великого Княжества Литовского с крымскими татарами исследовали К. Пуласки, Ф. Конечны, Л. Колянковский, Л. Подгородецки, Е. Охмянски и Д. Колодзейчик [74, s. 1–449; 69; 72; 70; 73]. Из украинских ученых этот вопрос изучают Б. Черкас, В. Гулевич и В. Ульяновский, среди русских ученых вопрос отношений Великого Княжества Литовского и Польши с Крымским ханством и Большой Ордой поднимали И. Зайцев и В. Трепавлов. Отношения Великого Княжества Литовского с Крымским ханством и Большой Ордой изучали белорусские исследователи А. Любая и Н. Воронин [15; 16; 60; 53; 21; 3; 52; 28]. Задачей данного исследования является анализ внешней политики татарских ханств по отношению к Литве и Польше.

Еще до 1482 г. контакт с Великим княжеством Московским Василия Темного установил бек ширинов Мамак. В 1474 г. был заключен союз между Менгли-Гиреем и Иваном III, причем инициаторами этого союза были русские. Активным действиям помешала Большая Орда, когда Ахмед сделал ханом Крыма своего родственника Джанибека в 1476 г. В 1477 г. его вытеснил брат Менгли-Гирея Нур-Девлет. А в 1478 г. вернулся Менгли-Гирей и вернул себе ханский престол. Бывшие правители Крыма Джанибек, Айдер и Нур-Девлет получили убежище у Ивана III. В 1480 г. крымские татары воевали на литовском Подолье. В 1480–1481 гг. дипломатическая миссия из Литвы в Крым под руководством Ивана Борисовича Глинского достигла цели и перемирия между Казимиром и Менгли-Гиреем. Кроме того, не нужно упускать возможности осуществления похода одним из пограничных беев. Причиной такого поведения Менгли-Гирея было еще то, что Иван III в 1476–1479 гг. поддерживал отношения с Большой Ордой. Великий князь московский выступил против Ахмеда только в 1479 г. Русские наладили контакты с тюменским ханом Сайид-Ибрахимом и ногаями, которые в 1480–1481 гг. выступили против Ахмеда. Кроме того, попытки

сарайского хана привлечь на свою сторону турок провалились [39, с. 261–263; 51, с. 109, 111, 114–115; 14, с. 338; 15, 45–50; 69, с. 11, 20–21].

Возможно, Казимир знал о двойной игре, которую вел Ахмед и его родственники. Продолжая традицию, начатую еще Токтамышем и Улуг-Мухаммедом, хан Большой Орды Махмуд 10 апреля 1466 г. отправил письмо османскому султану. В 1476–1477 гг. уже хан Ахмед писал султану Мехмеду II Фатиху, и султан ответил хану. Апеллируя старой дружбой, султан доводил до ведома хана о победе турков над молдаванами, завоевании Каффы и принятии Менгли-Гиреем османского подданства. Султан призывал хана отказаться от враждебных действий по отношению к крымцам. Вероятно, Османы знали и о контактах Ахмеда с венецианцами. Ахмед ответил турку и отправил в Стамбул своего посла Карадж Бахадура. Мехмед ответил посольством. Не менее активен был и крымский хан. В 1469 г. Менгли-Гирей отправил письмо османскому султану. В 1475 г. он написал некоему турецкому сановнику. Это письмо было написано незадолго после того, как была взята Каффа. Менгли-Гирей успел написать и султану или шахзаде перед кампанией турок против Молдавии. Король и великий князь Казимир в 1477 г. саботировал возможность сближения Большой Орды с Европой. Контактам же Гиреев и Большой Орды с Османами Казимир не мог помешать. Он через своего посла Кирея Кривого в 1471 г. контактировал с бейлербеем Большой Орды Темиром и хотел его натравить на Москву. Контакты между литовцами и татарами были налажены уже в 1471 г., что в последующем привело к тому, что Казимир пропустил татарское войско, которое двигалось через верховские княжества к Алексину в 1472 г. [10, с. 156, 158, 164, 170–171; 21, с. 66–74, 89–91; 14, с. 331, 333; 74, с. 9–10].

Кроме политических мигрантов, у Москвы был аргумент повесомее – войска Касимовского ханства. Нельзя сказать, что аналогичных рычагов у литовцев не было. У них были тысячи воинов-липков – литовских татар, живущих около Лиды, Гродно, Вильнюса и Тракая. В Литву бежали Багатур, Терек-мирза и один из Асанчуковичей. В Литве находился брат Менгли-Гирея Уздемир. Татары служили Литве добровольно, что отмечали сами татары, например в “*Risale-i Tatari Lech*”. Они служили в войске великого князя литовского и часто воевали против тевтонцев. Вряд ли рычаги давления у Казимира IV были менее весомыми, чем у Ивана III. Не стоит забывать, что сам Хаджи-Гирей воцарился в Крыму, придя из земель Великого Княжества Литовского, и разгромил Сайид-Ахмеда. И Казимир уж точно был не менее могущественен, чем Иван III [19, с. 107–113; 79, с. 585–592; 76; 71, с. 2, 7–13; 61, 186–196; 77, с. 147–149; 76, с. 147–148, 161–162, 214–215, 222–224].

Менгли-Гирей предложил великому князю московскому отпустить Нур-Девлета в Крым, однако русский правитель выразил лишь готовность это сделать, не осуществив никаких конкретных шагов. В переписке Казимира с ханами Большой Орды сказано, что в 1484 г. правителем Большой Орды был Муртаза, который правил совместно с Сайид-Ахмедом. Об этом хан спешил известить Казимира IV. Однако недолго они правили вместе. Муртаза враждовал с братьями. В этой борьбе он проиграл и попросился в Литву. Однако он так и не эмигрировал. Сын Ахмеда Сайид-Ахмед в 1486 г. вторгся в Крым. Он занял степные пространства и осадил Кырк-Ор, который был столицей Крыма. Не смогли его взять войска Большой Орды, которые атаковали Эски-Кырым (Солхат), разорили город, а многих горожан перебили. Попытка овладеть Каффой же была неудачной. После того как родственника Ахмеда Джанибека изгнали из Крыма, Муртаза в 1486 г. предложил великому князю московскому Ивану отпустить Нур-Девлета в Большую Орду. Самому Нур-Девлету Муртаза предложил снова стать крымским ханом. Этого ему не удалось достигнуть, и Иван III в 1487 г. передал документы, свидетельствующие о намерениях Муртазы, Менгли-Гирею. Сама Большая Орда была нестабильной, сыновья Ахмеда и Махмуда постоянно боролись за власть между собой. В 1481–1486 гг. правителем Большой Орды был Сайид-Ахмед, в 1486–1488 г. он правил совместно с Муртазой. С 1488 г. ханом Большой Орды назывался Шейх-Ахмед. В 1491 г. он правил совместно с Сайид-Ахмедом. Русские данные говорят о том, что царствовал Сайид-Махмуд, но реально он был только соправителем. В 1492 г. Шейх-Ахмед правил совместно с Сайид-Махмудом. Муртазе же не удалось привлечь на свою сторону ногайцев. В 1498 г. Шейх-Ахмед правил совместно с Муртазой. Единолично Шейх-Ахмед правил только с 1502 г. После опустошения, осуществленного ногайцами и тюменскими татарами, Сарай окончательно пришел в упадок. В конце XV в. самым значимым городом Большой Орды стал Хаджи-Тархан [7, с. 70–78; 39, с. 267–268; 3, с. 128; 52, с. 88–90; 30, с. 119–120].

Для Менгли-Гирея важной, кроме контактов литовцев с Большой Ордой, была судьба его братьев, которые были его конкурентами за власть. Айдер и Нур-Девлет в 1478 г. бежали в Москву через Киев. В 1479 г. литовцы одержали победу над татарами, что вселило в них самоуверенность. Крымского посла Байраша задержали на целый год, не беспокоясь о его надлежащем обеспечении. В 1480 г. Хаджи-Бабу задержали в Вильнюсе. Эминек в письме Казимиру от 1480 г. упоминал об этом посольстве и о контактах Казимира с ханом Ахмедом. Казимир ответил, что Эминек должен освободить тех литовцев и поляков, которых тот захватил в рабство. В 1481 г. Менгли-Гирей информировал Казимира, что хан Ахмед погиб в борьбе с Сайид-Ибрахимом и Мусой с Ямгурчи. Однако в 1481 г. с Казимиром вступили в контакт преемники Ахмеда – Муртаза, Шейх-Ахмед, а также бейлербей Темир. Эти задержки послов были обусловлены тем, что Казимир знал о союзе между Менгли-Гиреем и Иваном III и не хотел, чтобы в Крыму стало известно о подготовке войны против русских. Однако хан бы узнал об этом все равно. Только вот конкретных данных он не получил бы. Иван III приложил все усилия для того, чтобы Менгли-Гирей был уверен в его верности союзу. Он признавал в крымском хане своего сюзерена, делом доказал готовность воевать с Большой Ордой. Айдер был заточен в Вологде, а Нур-Девлет находился подалее от крымских границ – в Касимове. Казимир же в свете событий 70-х гг. XV в. казался хану вероломным, поскольку не предоставил помощи ни одному из своих союзников в причерноморском регионе. Крымцы начали прощупывать границы Великого Княжества Литовского еще в 70-х гг. XV в., а в 1480 г. воевали около Винницы и Брацлава. Вместо адекватного военного ответа, Казимир предпочел улаживать дела дипломатией. Да и в ходе переговоров с генуэзцами на протяжении 1481–1483 гг. Менгли-Гирей убедился, что представители католического Запада готовы воевать лишь на бумаге и действительной помощи от них не дождешься. Это лишний раз убеждало его в верности курса на союз с русскими и Османами. Османы предоставили Менгли-Гирею реальную помощь, вместо деклараций, которые использовали послы Казимира. За Османов и русских говорили дела, а не слова [15, с. 54–65; 74, с. 206–214].

Нужно сказать, что восточная политика Казимира IV была невыразительной, продолжая традиции, заложенные Швитригайла, т.е. он считал возможным бороться с татарами руками самих же татар. При этом схожую политику проводил еще Витовт. Видимо, над литовцами висел комплекс битвы на Ворскле, который запомнился белорусско-литовским летописцам, польским и немецким хронистам как большое поражение. Битва на Ворскле надолго отбила желание у литовцев и поляков воевать с татарами в чистом поле и открытом бою. Ситуацию позже исправили победы под Коперштином и Вишневцом, которые вселили в литовцев уверенность. Король Казимир не оказал помощи хану Ахмеду в 1480 г. Для этого у великого князя литовского и короля польского было несколько отговорок. Во-первых, это был поход крымских татар на Подолье, во вторых – мятеж верховских князей. Однако сам Казимир не особо стремился вмешиваться в татарские дела, за что Ахмед ему отомстил, захватив Мценск, Воротыньск, Белев, Одоев, Козельск. В более поздней крымскотатарской традиции в трактовке Халим-Гирея опустошение Одоева было приписано Менгли-Гирею. Хурреми Челеби указывал, что после Тахт-Элийской войны Менгли-Гирей опустошил владения польского короля (который по совместительству часто был великим князем литовским). Под этими опустошениями может подразумеваться поход на Киев в 1482 г. или события начала XVI в., когда отряды Гиреев доходили до Новогрудка, Лиды и Бреста [39, с. 261–265; 54; 33; 70, р. 24–25].

Поход крымских татар на Киев в 1482 г. Улус «Семеновых людей» стал предметом домогательств Менгли-Гирея, который указывал на их принадлежность его предшественникам, в том числе Сайид-Ахмеду. Усиление киевских князей тоже не нравилось Казимиру IV. После смерти Семена Олельковича Казимир назначил в Киев своего наместника Мартина Гаштольда и упразднил Киевское княжество в 1471 г. Казимир IV признал право Олельковичей на Копыльско-Слуцкий удел, который великие князья считали отчиной этих князей. В этом княжестве в разное время правили Владимир Ольгердович, Олелько Владимирович, Семен Олелькович и Михаил Олелькович. В Киевской земле была уничтожена прежняя вертикаль власти, которую выстраивали Олельковичи. Паны из других земель получали земли в Киевщине, а служивый элемент размывался. Упразднение княжеской администрации сыграло роль в падении Киева. Пограничная служба на Киевщине пришла в полное расстройство при правлении воевод [60, с. 53–54; 56].

Относительно самого взятия Киева, то в Краткой Волынской летописи событие датировано 1 сентября 1483 г. и сказано, что по воле божьей перекопские, т.е. крымские татары, взяли Киев.

В украинской хронике Летописи Дворецких годом взятия Киева назван 1452 г., а датой день Пресвятой Богородицы. В синодике Киево-Печерского монастыря сказано, что татары Менгли-Гирея сожгли Киев и Печерскую церковь с иконами и книгами, а монахи вернулись через несколько дней после погрома Киева татарами. В Киевском Синописе XVII в. вторжение крымских татар датировано 1480 г. Сказано, что в 1480 г. татары опустошили Киев и воеводу Яна Ходкевича вместе с женой и детьми взяли в плен. В летописи Рачинского сказано, что на день Пресвятой Богородицы в 1482 г. татары взяли Киев, сожгли замок и город. В Евреиновской летописи поход татар датирован 1452 г., относительно даты – назван праздник Пресвятой Богородицы. В Хронике Литовской и Жмойтской вторжение крымских татар в Киевскую землю датировано 1490 г. Сказано о том, что Киев татары опустошили. Датой взятия Киева названо 21 ноября. Сказано, что много киевлян было убито и многие угнаны в плен. Интересна сама позиция великого князя и короля Казимира IV, которая известна благодаря его собственным документам. В грамоте житомирскому наместнику Сеньку Романовичу было указано, что Киев был сожжен татарами по божьей воле. Та же мысль проскальзывала и в его послании Менгли-Гирею. Великий князь литовский и король польский Казимир был глух к просьбам окраин о помощи [43, с. 143–145, 146–147; 53, с. 357–373; 2, с. 122, 166, 233; 32; 22; 18, с. 326; 57].

Более подробно о взятии Киева в 1482 г. повествуют русские источники. В Воскресенской летописи указано, что причиной похода было неисправление?? королевское – союз Казимира с Ахмедом. Указывается, что поход на Киев Менгли-Гирей провел с согласия великого князя Ивана III. Упомянуто, что крымский хан пришел со всеми своими силами, сжег и опустошил Киевскую землю и Киев, взял в плен Яна Ходкевича и увел в плен многих людей. В Воскресенской летописи взятие татарами Киева датировано 1484 г. [6, с. 215]. Во Второй Софийской летописи сказано, что великий князь приказал Менгли-Гирею в 1482 г. напасть на Киев. Повторялись сведения Воскресенской летописи о размере войска, взятии Киева, ясыре из киевлян и плене киевского наместника. Автор Софийской летописи добавлял от себя о сожжении и разграблении Печерского монастыря [48, с. 234].

В Симеоновской летописи поход Менгли-Гирея назван 1484 г. в 1 день (1 апреля). Традиционно причинами похода крымцев названы воля Ивана III и союз Казимира с Ахмедом в 1480 г. Повторялись данные о войске Менгли-Гирея, взятии Киева, ясыре из киевлян и плене киевского воеводы [46, с. 270]. В Львовской летописи датой похода на Киев назван сентябрь 1483 г. Сообщалось о пожаре и падении города. Среди пленных упомянуты Ян Ходкевич и архимандрит Печерского монастыря. В Никоновской летописи причиной похода Менгли-Гирея указан союз Казимира с Ахмедом. Относительно количества войска хана и даты похода, то эти данные были заимствованы из Воскресенской летописи. Также повторены данные о пожаре и разорении Киева, о плене Яна Ходкевича, об опустошении Киевщины и о большом ясыре [26, с. 349–350; 34, с. 215]. В Московском летописном своде XV в. сказано, что Менгли-Гирей со всеми своими силами в 1484 г. совершил поход на Киев и пришел к городу 2 сентября. Повторены сведения о сожжении и взятии Киева крымцами, о ясыре из киевлян и о пленении Яна Ходкевича [31, с. 330]. В Русском хронографе 1512 г. и Ермолинской летописи данные о походе крымцев очень похожи на данные Симеоновской летописи [44, с. 502–503; 20, с. 183].

В Холмогорской летописи под 1483 г. сказано, что Хаджи-Гирей пришел под Киев, осадил город, спалил посад и окрестные села. Киев был сожжен, воеводу и его семью взяли в плен [55, с. 124]. В Вологодско-Пермской летописи сказано, что Менгли-Гирей с большим войском пришел под Киев. Ян Ходкевич узнал о вторжении за четыре дня до осады. Монахи с Печерского монастыря сбежали в Киев. На Семенов день в первом часу дня татары подожгли город и вскоре взяли его. Бежавшие от огня киевляне попали в плен к татарам [5, с. 274–275]. В Первой Псковской летописи взятие Киева датировано 1 сентября 1482 г. Взял и сжег Киев перекопский царь, т.е. крымский хан, а людей из города и волости (земли) увел в плен. Он также взял и порубежные города. В Псковской Второй летописи по Синоидальному списку повторены данные Первой Псковской летописи, но добавлено, что хан взял 11 городов в Киевской земле и захватил в плен многих людей [41, с. 160; 42, с. 63]. Особо в списке региональных летописей стоят новгородские летописи. В Четвертой Новгородской летописи сведения о походе на Киев похожи на сведения Воскресенской летописи [35, с. 155]. В Новгородской летописи П.П. Дубровского в 1484 г. сказано, что по воле Ивана Васильевича 1 сентября 1484 г. на Киев пришел царь перекопский Менгли-

Гирей со всеми свои войсками, город взял и сжег, многих людей взял в плен, забрал в плен киевского воеводу Яна Ходкевича, Киевскую землю опустошил [36, с. 207].

В русских общегосударственных летописных сводах и новгородских летописях оправдывается вторжение крымских татар и союз с ними Ивана III тем, что Казимир заключил союз с татарами Ахмеда. Сообщалось, что поход был осуществлен по воле великого князя московского. Подобная информация была и в новгородских летописях. В региональных летописях поход Менгли-Гирея ничем не оправдывается и рассматривается как страшная трагедия. В Псковских летописях хан крымских татар не упоминался по имени. Однако его бы просто не было, если бы на это не было воли Менгли-Гирея. Крымский хан несколько не зависел от русского правителя, а зависимость от Османов у него была минимальной. Попытки видеть в походе на Киев руку Москвы или Стамбула несостоятельны. Полезной информацией из русских летописей являются данные о времени похода, количестве взятых городов, размере войска. Сведения обо всей силе крымцев подтверждаются данными итальянца Винченцо де Доминико о том, что хан со всеми своими силами и турками двинулся на Манкерман (Киев). Кроме того, отображением опустошения Киева в 1482 г. было сообщение гданского хрониста Каспера Вайнрайха под 1489 г., что татары в количестве 100 тыс. опустошили Киевщину, взяли Киев и пошли далее. Османы в 1497 г. задумывали поход на Киев, который мог бы помешать полякам и литовцам помочь молдаванам. Каспера Вайнрайх сообщал, что у татар была техника для осады. В украинских и белорусско-литовских летописях события 1482 г. не слишком драматизировали. Очередное опустошение Киева рассматривалось как одно из многих. Со всего Великого Княжества Литовского были свезены мастера, чтобы отстроить Киев, и хотя город уже не был таким, как при Олельковичах, он оставался центром воеводства [16, с. 87–92; 18, с. 329; 75, s. 778; 69, s. 291].

Поход Менгли-Гирея на Киев напомнил киевлянам давно забытые времена Бату и Идегея. Учитывая масштабы похода, войска крымских татар должны были насчитывать 30–40 тыс., как в других больших походах крымских ханов. Б. Черкас считает, что при тотальной мобилизации крымцы могли выставить 60 тыс. Поход Менгли-Гирея, вероятно, имел своей целью отодвинуть литовские границы от Крыма. Литовские крепости в степях, очевидно, оказались отданы сами себе. Остановить крымцев около Буга и в низовьях Днепра вряд ли было возможно. Сигизмунд Герберштейн указывал, что приграничными городами Литвы были Черкасы, Канев, Киев. Михалон Литвин все так же восхищался Киевом в XVI в. Он называл приграничными с татарами города Киев, Канев и Черкасы. При этом он отмечал, что Киев – это славные крепость и город, главные среди прочих. Папа Римский Сикст VI знал об опустошении Киева и уступил на восстановление города все доходы с Гнезненского архиепископства. В плен попал и католик Николай из Вирозембы, который был одним из тех, кто защищал Киев в 1482 г. Когда его выкупили из плена, он осуществил паломничество в Рим. Кроме того, папа издал специальную буллу Казимиру IV для освобождения из плена Яна – католического епископа Киева. А также в 1482 г. на случай продолжительной войны были мобилизованы 10 тыс. под началом Николая Радзивилла, региональные же силы находились под командованием Богдана Саковича. В записке киевской делегации к великому князю литовскому в 1520 г. сказано, что Киев отстраивали 20 тыс. рабочих и 40 тыс. воинов. Сведения о таком количестве воинов явное преувеличение, поскольку под Оршей литовцы смогли выставить 9 тыс. Да и в битве под Вишневецом в 1512 г. общее войско поляков и литовцев составляло 6 тыс. Под Грюнвальдом литовцам удалось собрать около 12 тыс. Так что Киев от повторного нападения охраняли все те же несколько тысяч. В 1483 г. в Крым был отправлен посол Якуб требовать освобождения пленных. Менгли-Гирей отказал в этом, сказав, что пленные уже проданы. Но некоторых все-таки удалось выкупить из татарского плена. Масштабы опустошения Киева значительно преувеличены в историографии, поскольку вторжение пережила часть армянской общины Киева и некоторые евреи. Динамика налоговых сборов существенно уменьшилась не в 80-х гг., а в 90-х гг. XV в. На киевские мыта негативно влияли постоянные татарские набеги на Киевщину [14, с. 341–342; 38, с. 209–210; 73, s. 31–32; 70, p. 24–25; 27, с. 199–200; 9, с. 185; 25, с. 99–100; 59, с. 31, 36; 16, с. 97–98; 18, с. 326–327; 43, с. 149].

Вместо отлаженной системы обороны края литовцы в 1482 г. могли противопоставить крымским татарам только островки сопротивления в замках, не связанные между собой. По данным дипломатической переписки Менгли-Гирей сжег Черкасы в походе 1482 г. По данным люстрации замков 1545 г. сказано, что Житомир был сожжен Менгли-Гиреем при правлении Казимира. Кроме того, в Киевской земле были такие города, как Белгород (с. Белгородка, Киево-Свя-

тошинский район Киевской обл.), Вышгород, Черногород, Василев (г. Васильков, Киевская обл.), Овруч, Чернобыль, Мозырь, Корсунь (г. Корсунь-Шевченковский, Черкасская обл.), Мозырь, Треполь (Триполье), Канев. Амброджио Контарини, проезжая по землям Киевщины, назвал этот край жалким, Aitomir (Житомир) – поселком, Beligraoch (Белгород) – замком и резиденцией польского короля, Черкасы – деревней. Киев (Chio over Magarman) был назван поселением пограничным с татарами, а стороны Днепра разделялись на литовскую и татарскую. От Черкасс начиналась степь, в которой Амброджио Контарини сопровождали верные Казимиру IV татары, которых просил сопровождать итальянца Мартин Гаштольд. Татарским Амброджио Контарини считал Днепровское Левобережье. Но ошибкой было бы понимать его слова буквально. Большая часть Днепровского Левобережья принадлежала Великому Княжеству Литовскому. Литовцы воспринимали Киев как южные ворота Великого Княжества Литовского и как крепость, которая мешает вторжениям врагов в Литву. Ян Ходкевич в 1480–1481 гг. планировал ремонт укреплений Киева. В Житомире был замок с 4 большими пушками и 5 малыми. В Чуднове было 3 пушки и 2 пищали. Кроме того, южные границы обороняли 2 тыс. татар, которые жили вблизи от Черкасс. В Гулевич указывает, что Киевский замок был неудачно расположен, однако вряд ли данные люстрации 1552 г. можно экстраполировать на замок, существовавший в XV в., который выдержал осаду большими силами Идегея. Сам же воевода Ян Ходкевич не ожидал набега Менгли-Гирея из-за того, что, вероятно, был в курсе переговоров между Казимиром и Менгли-Гиреем в 1480–1481 гг. Более того, он сам в 1478 г. переписывался с Менгли-Гиреем. Воевода организовал оборону в 1482 г., однако не смог противостоять большому войску Менгли-Гирея. Кроме того, в крымском войске, вероятно, были осадные орудия и пушки, принадлежащие туркам. Крымцы же прекрасно знали о положении на Киевщине благодаря тому, что постоянно сопровождали литовских послов из Киева в Крым. Относительно городов, которые пострадали во время кампании 1482 г., то в летописи сказано, что хан не распускал своих воинов по дальним городам. Вполне вероятно, что были опустошены ближайšie к Киеву города – Белгород, Василев, Вышгород, Триполье, Канев, а также находящиеся на расстоянии – Корсунь, Черкасы, Житомир. Еще двумя городами, взятыми татарами, должны были быть дальние степные форпосты – Дашев и Черный город. Вероятно, опустошение и других городов в степной зоне. Возможно, были взяты Маяк и Караул. Вряд ли крымцы заходили далеко в Полесье, это они осуществляли уже в XVI в. В Гулевич вполне резонно отмечает, что от вторжения крымцев должны были в основном пострадать замки и поселения Правобережной Украины. Успех похода Менгли-Гирея на Киев был настолько позорен для Казимира IV, что практически все польские хронисты умалчивали об опустошении города Менгли-Гиреем, лицемерно относя разгром города к временам Идегея [46, с. 210–214; 58, с. 57–73; 43, с. 129–131, 146; 53, с. 357–373; 14, с. 341; 16, с. 92–97; 60, с. 54–55; 69, с. 201–202, 204–206].

Предположение о потере южных форпостов подтверждают хронисты и мемуаристы XVI в. Мацей Меховский, писавший в начале XVI в., отмечал, что Дзасов, который ныне разрушен и вокруг него кочуют татары, – это крайняя граница государства, а раньше эта граница находилась около Белгорода (Аккермана). Нужно сказать, что в этом отношении Мацей Меховский был большим оптимистом, поскольку степные владения были потеряны еще в конце XV в., но Литва не признавала их потерю. Недалеко от руин Дзасова находится Очарков (Очаков) – татарская твердыня [29, с. 94, 106]. Блез де Виженер прямо указывал, что татары кочуют в степях между Крымом и Монкастро (Аккерманом). Также указывалось, что перекопские татары грабят Литву, Польшу, Валахию (Молдавию) и русских. Француз называл Подолье приграничным с татарами регионом, который страдал от их набегов. Указано, что перед тем, как появиться в Волыни и Красной Руси (Галичине), татары появлялись в Подолье. Относительно же вооружения литовских и польских пограничников он указывал, что они мастерски владеют луком, а в столкновении с татарами предпочитают рукопашную схватку, используя копья и боевые топоры [4, с. 66–71, 78–79, 85–87]. В 1488 г. польские дипломаты сообщали тевтонцам о том, что заволжцы и крымцы кочуют на Южном Подолье и летом атакуют приграничные земли (украинские земли) [18, с. 328].

Нужно сказать, что в союзе с Великим Княжеством Литовским и Королевством Польским была очень заинтересована Большая Орда. В 1487 г. Шейх-Ахмед отправил в Великое Княжество Литовское своего посла Тахира, однако он был задержан на восемь лет. Польша и Литва не поддерживали намерений детей Ахмеда и Махмуда [3, с. 128–129]. Казимир IV же был намерен примириться с крымцами. В своем письме Менгли-Гирею он доводил до ведома хана, что Киев опустошен, ибо так желал Бог, и что городов и волостей еще достаточно. Кроме того, он не питал к

этому городу больших симпатий, поскольку жители города в прошлом поддерживали Швитригайла и Олельковичей, а в 1470 г. дважды отказывались впустить Мартина Гаштольда. Крымский посол Абу-л-Ард указывал, что опустошение Киева произошло по воле Аллаха, т.е. был солидарен с Казимиром. Между тем Менгли-Гирей старался восстановить свои отношения с Казимиром. В 1486 г. он просил прислать в Крым большое посольство. Попытки примириться были и ранее. В 1484 г. крымский хан написал несколько писем Казимиру IV. Он отправил их вместе с послом великого князя Якубом и своим послом Карачу. В первом послании он просил прислать доброго человека. Во втором письме требовал вернуть улус «Семеновых людей». Менгли-Гирей также требовал оплатить строительство татарами крепости на Днепре. Упомянуто недавнее посольство Петра Пашковича. В третьем письме были просьбы хана и его приближенных к великому литовскому князю. В переписке также обсуждался вопрос с задержкой послов и гонцов. Литовцев особо беспокоила перспектива ограбления послов татарами. В 1484–1485 гг. во время миссии в Крым погиб Петр Пашкович, что вызвало охлаждение отношений. Однако до того велись переговоры о закладниках, т.е. заложники у противной стороны, чтобы гарантировать выполнение обещания. Менгли-Гирей даже обещал дать в закладники своего сына. В 1486 г. литовские послы Ян Давойнович и Якуб Домотканович просили хана исполнить это его обещание. Закладником должен был стать Мехмед-Гирей. Отдача сына в закладники использовалась как практика в отношениях крымцев с Османами. Параллельно Казимир поддерживал связь с Большой Ордой. Он отправил послания к Абд ал-Кериму, Шейх-Ахмеду и Муртазе. Казимир выражал готовность заключить союз с ними против крымцев [28, с. 57–60, 62–63; 58, с. 57–73; 53, с. 368–369; 43, с. 143–147; 40, с. 159; 69, с. 25–29, 214–219; 74, с. 220–221].

После опустошения Киева крымские татары продолжали нападать на земли Великого Княжества Литовского и польского королевства. Александр Гванини указывал, что татары атаковали Русь и Подолье. Польский король Казимир IV отправил на помощь местным гарнизонам войско со своим сыном Яном Ольбрахтом в 1486 г., и татары отступили. В переписке польского короля с тевтонцами указано, что зимой 1488/89 г. на юге Подолья кочевали крымцы и татары Большой Орды [8, с. 346–347; 18, с. 328]. Вторжения на Подолье происходили почти каждый год с 1486 по 1489 г. Марцин Бельский под 1489 г. сообщал о вторжении татар, которые переправились через Днепр. Ян Ольбрахт собрал войско из русинов. Это войско дошло до Коперштина и на р. Саврань сразились с татарами. В битве погибло около 1 тыс. татар, а русины и подоляне победили. Об этих же событиях сообщал в своей хронике поляков Мацей Меховский [65, с. 882–883; 18, с. 328–329; 75, 766–767; 16, с. 90–91]. Марцин Кромер не датировал событие, но сообщал о вторжении татар на Русь и Подолье. Он указывал, что татары ушли двумя полками, и при Коперштине их догнал Ян Ольбрахт. Татары потерпели поражение и потеряли ясырь [67, с. 1305–1307].

Александр Гванини датировал битву под Коперштином 1489 г. и указывал, что под этим селом поляки догнали татар отступавших с ясырем. Татары обстреляли войско Яна Ольбрахта, но рыцари быстро приблизились к татарам, быстро сломили татарское сопротивление и вынудили противника бежать в болота. Первый отряд татар потерял 15 тыс. Второй отряд татар атаковал польский обоз и ограбил его. Поляки, вернувшиеся из атаки, напали на второй отряд и неожиданно их атаковали. Царек с небольшим количеством людей оказывал сопротивление. Во второй стычке полегло около 10 тыс. татар [8, с. 347].

Мацей Стрыйковский датировал битву при Коперштине после 1489 г. сообщал, что татары воевали на Подолье и Русской земле. Войско литовцев и подолян во главе с Яном Ольбрахтом атаковало татар, и в битве с ним на Саврани крымцы потеряли много людей. Отмечено, что татарам противостояли лучшие рыцари совместно с литовскими, волынскими и подольскими отрядами. Мацей Стрыйковский и Бернард Ваповский сообщают, что Ян Ольбрахт ударил сначала по первому татарскому отряду, который по их данным насчитывал 15 тыс., и нанес им сокрушительное поражение. Потом ударил по второму отряду численностью в 10 тыс. Сказано, что погиб один царек, а второй бежал. Битва под Коперштином продолжалась полдня. Сказано, что разгромлены были татары на р. Саворун (Сафран), т.е. на р. Саврань около степей. Скорее всего, численность погибших врагов существенно преувеличена поляками [50, с. 795; 18, с. 329; 68, с. 5–7].

По сведениям Густынской летописи, в 1489 г. татары столкнулись с войсками Яна Ольбрахта из поляков, русинов и подолян под Коперштином. Татары обстреляли его войско, но в рукопашной проиграли и потеряли 15 тыс. воинов. В ту же зиму литовцы догнали и разбили отряд татар, совершивший набег. Б. Черкас указывал, что Ян Ольбрахт использовал фактор неожиданности

для нанесения таранного удара, и рыцарская конница этим маневром нанесла противнику значительный урон. Второй отряд татар не ведал о поляках и тоже был неожиданно атакован польскими и литовскими отрядами, и также молниеносно был разгромлен. По сведениям Каспара Ванрайха, отряды Яна Ольбрахта не позволили татарам вторгнуться в Галичину. Аналогичные данные были и у Мацея Меховского. Тевтонцы из Гданьска (Данцига) сообщали, что Казимир заинтересован в помощи немцев против турок и татар. Среди европейцев в 1489 г. распространялись слухи о том, что татары и их турецкая подмога кочуют в королевских землях. Вероятно, часть информации была правдивой, правда в той части, что это были степные владения Великого Княжества Литовского между Днепром и Днестром. Вероятно, к 1489 г. степное Днепро-Правобережье перешло под контроль татар. Л. Колянковски считал, что эта территория была занята татарами во время их похода на Молдавию в 1484 г. [75, s. 766–767; 60, с. 56–57; 17, с. 139; 18, с. 328–329; 69, s. 291].

Поход 1486 г. был небольшим набегом крымцев. Перед этим в 1485 г. крымцы атаковали Большую Орду. В 1489 г. поляки и литовцы одержали победу над войсками крымцев. Значение победы при Коперштинне было существенно преувеличено в польских хрониках и Густынской летописи. Цифры потерь татар в 25 тыс. существенно преувеличены, а татар, вероятно, возглавляли эмиры, что характерно для польских хроник. Они царьками называли и простых эмиров. Детальное описание битвы в польских хрониках дано еще и потому, что победу под Коперштином одержал Ян Ольбрахт – будущий король Польши и наследник Казимира Ягеллончика. Хотя это была локальная победа, однако она, безусловно, ободрила литовцев. Она показала, что даже без большой мобилизации крымцев можно было победить. Основное внимание крымцев приковывали к себе события в Большой Орде, и для отражения вторжений татар крымские татары вынуждены были собирать значительные силы. В 80–90-х гг. XV в. передним краем литовской обороны Киев, Черкассы, Чернигов, Брацлав. Со времен Витовта оборона приграничных территорий была обязанностью гарнизонов замков. Сами замки были островами сопротивления вторжению. Это было эффективно против набегов отдельных беев и мирз, однако во время вторжения, аналогичному вторжению Менгли-Гирея, мало чем помогали. Людей на границах катастрофически не хватало. Михалон Литвин указывал, что для их охраны использовали русских и татарских перебежчиков, что он считал плохим выходом из ситуации и предлагал направлять молодежь из Литвы на южные границы. Также порицал он использование наемников. Медленную реакцию на татарские набеги он сравнивал с тем, что татарин связывает пленного литовца. Для содержания гарнизонов платились налоги подданщина, ордынщина, татарщина [51, с. 123; 73, р. 32; 79, s. 579–592; 25; 69, s. 30].

Паузы между вторжениями на украинские земли Королевства Польского и Великого Княжества Литовского были обусловлены вторжениями крымских татар в Молдавию. К сожалению, славяно-молдавские летописи отдельно о татарах не говорили при описании кампании турков против Молдавии в 1484 г. Однако об участии крымских татар в этом походе говорят крымско-татарские хронисты. Менгли-Гирей помог туркам в войне против молдаван. Хурреми Челеби говорил, что когда турки брали Килию и Аккерман, то тогда крымский хан прислал им на помощь 50 тыс. воинов и громил поселения молдаван на Днестре около Ялы-Агасы. Сказано также, что Менгли-Гирей громил поселения польского правителя (это или Казимир IV, или его сын Александр) после Тахт-Элийской войны (дата которой не совсем ясна, может быть, 1480–1481 гг. или 1500–1502 гг.). Сказано, что до Менгли-Гирея татары платили полякам, русским и пруссам дань, однако это не соответствует истине [33]. Похожие сведения были и у Халим-Гирея. Идентичные данные в отношении размера войска, посланного на помощь туркам в Молдавию, однако сказано, что татары взяли Балту, Тумбасар и Кавшан (Кишинев) [54]. Участие Менгли-Гирея в кампании в Кара-Богдан (Молдавии) отмечены и Саид-Мухаммедом Ризой. За свою помощь крымский хан получил часть доходов с местностей на Днестре, которые ранее принадлежали молдаванам [47, с. 346, 366–367].

Саад ад-Дин сообщал, что при кампании турков в Молдавии им помогало 50 тыс. татар. По другим данным, татар было 30 или 15 тыс. татар. Реальны данные о войске татар размером в 30–40 тыс. В 1484 г. на стороне турок сражались валахский господарь Влад и крымский хан. В Хронике Быховца сказано, что в 1486 г. Казимир IV оказал помощь Штефану III. Мацей Стрыйковский еще под 1475 г. сообщал об общих действиях турков, татар и мультян (валахов) против молдаван. Александр Гванини под 1476 г. сообщал о войне турок и татар против Стефана. В 1476 г. татары и турки воевали в Молдавии. Отряды крымцев возглавлял Эминек-мирза. Они опустошали

восточные районы Молдавии, однако ополчение молдавских воинов победило их, да и набег войск Большой Орды вынудил Эминаека отступить. В сербской летописи под 1486 г. сказано, что татары разбили зятя царя и само царево войско. Возможно, в этом сообщении нашло отражение вторжение Большой Орды в Крым. Таким образом, крымско-татарские данные подтверждаются данными турок. С уверенностью можно сказать, что крымские татары с большим войском пришли в Молдавию. В 90-х гг. XV в. Штефан III объединился в альянс с русскими и крымскими татарами. В 1492 г. молдавский посол М. Гонза в Крыму подписал с татарами договор, по которому Штефан и Менгли-Гирей стали союзниками. Молдаване этим хотели обезопасить свои границы со стороны татар [64, р. 189–191; 63, р. 32–33; 24; 50, с. 784–785; 37, с. 79–80, 85; 1, с. 58; 56].

В Волынской краткой летописи под 1491 г. сказано, что татары вторглись на Волынь и в Польшу в числе 10 тыс. и взяли много пленных. Около Заславля (г. Изяслав, Хмельницкая обл.) волыняцы с поляками во главе с Семеном Юрьевичем Гольшанским разбили татар и по данным летописца потери татар составили 8 тыс. [2, с. 122]. Мацей Стрыйковский относил вторжение на Волынь к 1489 г., зиме 1489/90 г., и считал, что вторжение осуществили те же татары, что и были побеждены под Коперштином. Потери татар он оценивал в 9 тыс. Александр Гванини указывал, что в 1490 г. татары хотели отомстить за поражение под Коперштином и атаковали Подолье зимой, но там их замело снегом, и по дороге их нагнали поляки и убили 9 тыс. татар. По реконструкции Б. Черкаса, отдельные татарские отряды вторглись на Волынь и Галичину. В Гданьской хронике Каспара Ванрайха сказано, что в 1491 г. татары в числе 10 тыс. вторглись в земли Казимира и дошли до Люблина. Однако против них выступил Ян Ольбрахт и нанес им поражение. К. Пуласки оценивал потери татар в 8 тыс. воинов. Часть сил войска Большой Орды, которая находилась на Волыни, сделала попытку овладеть Владимиром-Волыньским. За время осады татарами города, луцкий староста Семен Гольшанский успел провести мобилизацию волынской шляхты, к которой присоединились отряды из Галичины. Волыняне и галичане напали с двух сторон на вражеский лагерь около Заславля. Вследствие этого татары понесли значительные потери. Можно предположить, что большими были и их потери из-за холодной зимы 1490/91 г. [60, с. 58; 50, с. 795; 8, с. 347; 75, с. 781; 18, с. 329; 69, с. 30–31].

Престиж сыновей Махмуда и Ахмеда в глазах великого литовского князя серьезно упал после поражения от Семена Гольшанского. В 1495 г. Шейх-Ахмед продолжал считать Менгли-Гирея своим врагом. Шейх-Ахмед планировал поселиться в османском Азаке, но не смог. Вероятно, Османы не позволили ему появиться в городе, подобно тому, как не позволяли селиться вблизи своих границ. Но на всякий случай Менгли-Гирей начал строить крепости на нижнем течении Днепра. С 1492 г. крымцы строили крепость Очаков. Однако в том же году на крымцев напали казаки, которых возглавляли Богдан Глинский и Уздемир. Казаки совершили нападение на крымскую крепость Тягинь. Менгли-Гирей в переписке с великим князем литовским жаловался на это происшествие. Новый великий князь литовский Александр обещал крымскому хану наказать виновников и в 1493 г. возместить ему ущерб. Однако отношения между литовцами и крымцами оставались напряженными. Мстя за обиды литовских послов при Казимире, Александр арестовал крымского посла Камбар-Али, который напоминал о прежней дружбе Хаджи-Гирея и Казимира [3, с. 128; 70, р. 26; 52, с. 93–94; 73, с. 32; 59, с. 68].

Политика Казимира IV в 1482–1492 гг. была сугубо оборонительной. Одним из важнейших событий в истории Восточной Европы был поход Менгли-Гирея на Киев в 1482 г., который обусловил падение южных форпостов Великого Княжества Литовского в степных пространствах междуречья Днепра и Днестра. Поход крымцев не обусловил прекращения активных взаимоотношений между Казимиром и Менгли-Гиреем. Предметом дипломатических переговоров был улус «Семеновых людей» и земли Киевщины. Поход крымцев 1486 г. был рядовым набегом. Большой набег на Подолье в 1489 г. привел к разгрому войска крымцев под Коперштином. Поход крымцев на Молдавию в 1484 г. возглавил сам хан. Он исполнял в походе союзнический долг перед Османами. Поход 1490–1491 гг. на Волынь, Подолье, Галичину осуществили беи Большой Орды. Их войска были побеждены литовцами и поляками под Заславлем. Оборона южных рубежей была заботой всего Великого Княжества Литовского. Молдавия и Великое Княжество Литовское были не способны противостоять всей силе Крымского ханства, но были способны отражать набеги части крымских и большеордынских войск.

Список литературы

1. Балух О. Польсько-молдавська війна 1497–1499 рр. // Наукові зошити історичного факультету: збірник наукових статей. Вип. 9–10. Ч.1. Львів, 2008. С. 57–68.
2. Белорусско-литовские летописи // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1980. Т. 35. 313 с.
3. Варонін В.А. З гісторії узаемадносін Вялікого Княства Літоўскага з татарами у канцы XV – першай трэці XVI стст. Хан Шыг-Ахмет // *Studia Historica Europae Orientalis – Исследования по истории Восточной Европы*. Менск: РИВШ, 2011. С. 127–149.
4. Виженер Блез де. Описание Польского Королевства // Мемуары относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 (XVI в.). К., 1890. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Vizhener/text.phtml?id=395>.
5. Вологодско-пермская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1959. Т. 26. 413 с.
6. Продолжение летописи по воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 8. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1859. 301 с.
7. Гайворонский О. Повелители двух материков. Том. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследие Великой Орды. К.-Бахчисарай: Майстерня книги – Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010. 400 с.
8. Гваньїні Олександр. Хроніка Європейської Сарматії. К.: Вид. дім Києво-Могилянська Академія, 2009. 1008 с.
9. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
10. Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2003. 214 с.
11. Грекул Ф.А. Славяно-Молдавские летописи XV–XVI вв. М.: Наука, 1976. 151 с.
12. Григоре Уреке. Летописецул цэрий Молдовой. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1971. 277 с.
13. Григорьев А.П. Письмо Менгли-Гирея Байазиду II // Востокведение: филологические исследования Ленинград: Издание ЛГУ, 1987. (Ученые записки ЛГУ. № 419. Серия востоковедческих наук. Вып. 29). Вып. 13. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Mengli_Girej/Brief_Bayazid_II_1486.phtml?id=12752.
14. Гудавичюс Э. История Литвы. Т. 1. С древнейших времен до 1569 г. М.: Baltus, Фонд имени И.Д. Сытина, 2005. 684 с.
15. Гулевич В.П. Казимир Ягайлович та Менгли-Гіорей: від друзів до ворогів // Український історичний журнал. № 1. К.: Інститут історії України, 2013. С. 40–66.
16. Гулевич В.П. Київська трагедія 1482 р.: міфи та факти // Український історичний журнал. № 5. К.: Інститут історії України, 2013. С. 88–99.
17. Густынская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40. 202 с.
18. Грушевський М.С. Історія України-Руси. К.: Наукова думка, 1993. Т.4. 544 с.
19. Думин С.В. Татарские царевичи в Великом Княжестве Литовском (XV–XVI) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 107–113.
20. Ермолинская летопись // Полное Собрание Русских Летописей. Т. 23. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. 342 с.
21. Зайцев И.Л. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI вв.). Очерки. – М.: РУДОМИНО, 2004. 216 с.
22. Жиленко І.В. Синопис Київський [Kyivan Synopsis] // Лаврський альманах. Спецвипуск 2. [Almanach. Special Volume 2]. К.: ВІПОЛІ, 2002. 194 с. Available at: <http://litopys.org.ua/synopsis/syn04.htm>.
23. Киевская летопись // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной России, изданный комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1888. Электронная версия Водвиченко С., Колоскова Л. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620-1640/Kiev_let/text.htm.
24. Летопис на сръбските царе и господари. Available at: http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/srpski_letopisi/Let-sr_zare_greg.htm.
25. Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Изд-во МГУ, 1994. 151, [3] с. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frametext4.htm>.
26. Львовская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 20. Ч. 1. СПб.: Типография Н.А. Александрова, 1910. 418 с.
27. Любавский М.К. Очерк истории литовского-русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Московская художественная типография, 1915. 2, 406 с.
28. Любая А.А. Институт закладников в дипломатических отношениях Великого Княжества Литовского и Крымского Ханства в конце XV – первой четверти XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.3. Казань: Ихлас, Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С.56–74.
29. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Сокровенное Сказание монголов. – Рязань: Александря, 2009. С. 1–274.

30. Миргалеев И.М. Поздnezолотоордынские ханства: к определению верхней даты существования золотоордынского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ., 2009. С. 118–121.
31. Московский летописный свод конца XV в. // Полное Собрание Русских Летописей. Т. 25. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949. 474 с.
32. Мыцьк Ю.А. Літопис Дворецьких – пам'ятник українського літописання XVII в. // Летописи и хроники. 1984. М., 1984. С. 219–234. Available at: <http://litopys.org.ua/samovyd/sam15.htm>.
33. Негри А. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского Общества Истории и Древностей. Одесса: Городская типография, 1844. Т.1. с. 379–392. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430.
34. Никоновская летопись 1901 – Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 302 с.
35. Новгородские и псковские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 4. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. 360 с.
36. Новгородская летопись по списку Н.Н. Дубовского // Полное собрание русских летописей. Т. 43. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
37. Очерки внешнеполитической истории Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1987. 465 с.
38. Пенской В.В. Вооруженные силы Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань: Ихлас, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 208–216
39. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2012. 464 с.
40. Пресняков А.В. Западная Русь и Литовско-Русское государство. Лекции по русской истории. Т.2. Вып.1. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. 248 с.
41. Псковская летопись. М.: Университетская типография, 1837. XXX, 283 с.
40. Псковские летописи. Вып. 2. М.: Издательство Академии Наук, 1955. 370 с.
43. Русина О.В. Україна під татарами і литвою. К.: ВД Альтернативи, 1998. 320 с.
44. Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года // Полное Собрание Русских Летописей. Т. 22. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 302 с.
45. Симеоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 18. М.: Языки Славянской Культуры, 2007. 328 с.
46. Скржинская Е.Ч. *Барбаро и Контарини в России*. М.: Наука, 1971. 276 с.
47. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. Одесса, 1887. V, XXXV, 769 с.
48. Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. 358 с.
49. Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. К.: Наукова думка, 1992. 336 с.
50. Стрийковський Мацей. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів: Наукове товариство ім. Т. Шевченка у Львові, 2011. XII, 1084 с.
51. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная Литература, 2002. 752 с.
52. Трепавлов В.В. Большая Орда. – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Граф и К., 2010. 112 с.
53. Ульяновський В.І. Київський воєвода в Криму // Сугдейский сборник. Вып.2. Киев-Судак: Академперіодика, 2005. С. 357–373.
54. Халим Гирай Султан. Розовый куст ханов или история Крыма. Симферополь: Доля, 2004. 288 с. [Электронный ресурс] Адрес доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyj_kust_chanov/2.phtml?id=12922.
55. Холмогорская летопись. Двинский летописец // Полное собрание русских летописей. М.: Наука ЛО, 1977. Т. 33. 250 с.
56. Хроника Быховца // Полное собрание русских летописей. Т. 32. М.: Наука, 1975. [Электронный ресурс]. Адрес доступа: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov10.htm>
57. Хроника Литовска и Жмойтска // Полное собрание русских летописей. Т. 32. М.: Наука, 1975. Available at: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov06.htm>
58. Шабульдо Ф.М. Семеновы люди: их территории и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века // *Ruthenica*. К.: Институт історії України, 2010. № 9. С. 57–73.
59. Черкас Б. Україна у політичних відносинах Великого Князівства Литовського з Кримським ханом (1515–1540 pp.). К.: Інститут історії України, 2006. 244 с.
60. Черкас Б. Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV–XVI ст.): науково-популярне видання. К.: Темпора, 2011. 144 с.
61. Якубович М.М. Татарсько-мусульманське населення Південно-Східної Волині XVI–XX сторіччя: історична ретроспектива // Наукові записки. Серія історичні науки. Вип. 2. Острог: Національний університет Острозька Академія, 2010. С. 186–196.

62. Davies B.L. *Warfare, State and Society on the Black Sea steppe, 1500–1700*. London-New-York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2007. XV, 256 p.
63. Epure V.A. Quelques pages d'histoire troublee des XIV-eme et XV-eme siecles de l'Est de l'Europe // *Codrul Cosminului*. Suceava: Universitatea Stefan cel Mare, 2008. № 14. pp. 23–40.
64. Gonta A.I. *Romanii si Hoarda de Aur*. Iasi: Demiurg, 2010. 217 p.
65. Kronika Polska *Marcina Bielskiego*. T. 2. Ksiega IV–V. Sanok: Naklad i druk Karola Polaka, 1856. S. 701–1222.
66. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warminskiego Ksieg XXX. T. 1. Krakow: Ksiegaria J.M. Himbelmana, 1882. 760 s.
67. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warminskiego Ksieg XXX. T. 2. Krakow: Ksiegaria J.M. Himbelmana, 1882. S. 761–1500.
68. Kroniki Bernarda Wapowkiego. Czech ostannia. // *Sriptores Rerum Polonicarum*. T. 2. Cracoviae: Typis Universitatis, 1874. XXX,
69. Kolankovski L. Problem Krymu w dziejach Jagielonow // *Kwartalnik Historyczny*. R. XLIX. Zeszyt. 3. Lwow, 1935. S. 279–300.
70. Kolodziejczyk D. *The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents*. Leiden-Boston: E.J. Brill, 2011. XXXVI. 1109 p.
71. Kryczynski S. Tatarzy Litewscy. Proba monografii historeczno-etnograficznej // *Rocznik Tatarski*. T. 3. 1938. 318 s.
72. Ochmiński I. Organizacja obrony w Wielkim księstwie Litowskim przed napadami Tatarów Krymskich w XV–XVI // *SMHW*. T. 5. 1960. S. 161–398.
73. Podhorodecki L. *Chanat Krymski i jego stosunki s Polska*. Warszawa: Książka i wiedza, 1987. 359 s.
74. Pułaski K. *Stosunki z Mengli-Girajem // Stosunki Polski s Tatarszczina od Polovi XV wieku*. Krakow-Warszawa, 1881. S. 1–449.
75. *Scriptores rerum prussicarum. Die Geschichtquellen der Preussen vorzeit bis untergange ordensherrschaft*. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1870. Band. 4. VII, 800 s. Available at: http://books.google.com.ua/books?id=2HZTAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.
76. Tyszkewicz J. *Tatarzy na Litwie i Polsce. Studia s dziejow XIII–XVIII w.* Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. 343 s.
77. Wapowski B. *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535* / Wyd. M. Malinowski. T. 3. Wilno: Księgarza i Typografa Szkół Białoruskiego Naukowego Okręgu, 1848. Available at: http://books.google.com.ua/books?id=DjERAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.
78. Vasary I. *The Crimean Khanate and the Golden Horde 1440s–1500s: a fight for primacy // The Crimean Khanate between East and West*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag, 2012, pp.13–26.
79. Żdan M. *Stosunki litewsko-tatarskie za czasow Witolda, w. Ks. Litwy // Ateneum Wilenskie. Czasopismo naukowe poswiecone badaniom przeszlosci ziem Wielkiego X. Litewskiego. Rocznik VII. Zeszyt 3–4*. Wilno: Towarzystwo przyjaciol nauk w Wilnie, 1930. S. 529–601.

Сведения об авторе: Ярослав Валентинович Пилипчук – младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения им. А.Ю. Крымского НАН Украины, кандидат исторических наук (01001 ул. Грушевского, 4, каб. 210, Киев, Украина); bachman@meta.ua

The Tatar Policy of Casimir IV, 1480–1492

Ya.V. Pilipchuk

(A.Krymsky Institute of Oriental Studies,
National Academy of Sciences of Ukraine)

This article deals with the policy of Casimir IV in relation to the Tatars in 1480–1492. This king preferred to use diplomatic methods but this policy has showed its ineffectiveness. The novelty of this study lies in the fact that the author analyzes the policy of Casimir IV during the era of the Crimean Khanate expansion. The task of this study is to analyze the characteristics of Casimir IV's policy in relation to the Crimean Khanate and the Great Horde. In 1482 Mengli Giray personally led a large Tatar army against Kiev. March on Kiev was nation-wide event for the Crimean Khanate. Casimir IV's policy was clearly divided into two parts, before the fall of Kiev in 1482 and beyond. During the biennium of 1480–1482 the Lithuanians hardly reacted to the events that happened on their southern borders. The main direction for the policy of the Great Duchy of Lithuania seemed to be its relations with the Grand Duchy of Moscow and the Teutonic Order. Kiev tragedy of 1482 led to a change of approach in the de-

fense of the southern borders. Casimir IV created a mobile mounted army, which crushed the Crimean Tatars in the battle at Kopershtyn in 1489 and the Great Horde in the battle at Zaslavl (Iziaslav) in 1491. In 1486–1489, the Lithuanians and Poles defeated the forces of the Crimean Beys. In 1490–1491, the troops of Great Horde raided the lands of the Grand Duchy of Lithuania and Poland but its troops were defeated at Zaslav in 1491. Raids of 1482 against Kiev and of 1484 against Moldavia were initiated by Mengli Giray to recapture the steppe territory of the Tatars. The Lithuanians could triumph over individual beys but could not overcome the Crimean Khan. Moldova also failed to do anything to halt the march of the Crimeans in 1484, which was led by Mengli Giray. Although Stefan III the Great was a talented warlord, even he could not resist the Crimean khan.

Keywords: Mengli-Giray, Kazimir IV, Great Horde (Toktamys), Crimean khanate, Great Duchy of Lithuania, Tatars, raids.

References

1. Balukh O. Pol'sko-moldavs'ka viyna 1497–1499 rr. [The Polish-Moldavian War of 1497–1499]. *Naukovi zoshiti istorichnogo fakul'tetu: zbirnik naukovikh statey* [Bulletin of the Faculty of History: Collected articles]. Is. 9–10. Part. 1. L'viv, 2008, pp. 57–68.
2. Belorussko-litovskie letopisi [Belorussian-Lithuanian Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vol. 35. 313 p.
3. Varonin V.A. Z gistoryi uzaemaadnosin Vyalikogo Knyastva Litovskaga z tatarami u kantsy XV – pershoi tretsi XVI stst. Khan Shyg-Akhmet [From the History of Relations of the Grand Duchy of Lithuania with the Tatars in the late 15th – the first third of the 16th century. Shyg-Akhmet Khan]. *Studia Historica Europae Orientalis – Issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy*. Mensk, RIVSh Publ., 2011, pp. 127–149.
4. Vigenère Blaise de. Opisanie Pol'skogo Korolevstva [Description of the Kingdom of Poland]. *Memuary odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy Rusi* [Memoirs Relating to the History of Southern Russia]. Is. 1 (XVI v.). Kiev, 1890. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Vizhener/text.phtml?id=395>.
5. Vologodsko-permkaya letopis' [The Vologda-Perm Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1959. Vol. 26. 413 p.
6. Prodolzhenie letopisi po voskresenskomu spisku [Continuation of the Chronicle according to the Voskresensky Copy]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 8. St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa Publ., 1859. 301 p.
7. Gayvoronskiy O. *Poveliteli dvukh materikov*. Vol. 1: *Krymskie khany XV–XVI stoletiy i bor'ba za nasledie Velikoy Ordy* [The Lords of Two Continents. Vol. 1: The Crimean khans of the 15–16 centuries and the Struggle for the Legacy of the Great Horde]. K.-Bakhchisaray: Maysternya knygy – Bakhchisarayskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik Publ., 2010. 400 p.
8. Gvan'ini Oleksandr. *Khronika Evropeys'koi Sarmatii* [The Chronicle of European Sarmatia]. Kiïv, Kievo-Mogilyans'ka Akademiya Publ., 2009. 1008 p.
9. Herberstein Sigismund von. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovite Affairs]. Moscow, Moskovskiy universitet, 1988. 430 p.
10. Gorskii A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 214 p.
11. Grekul F.A. *Slavyano-Moldavskie letopisi XV–XVI vv.* [Slavic-Moldovan Chronicles of the 15th–16th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 151 p.
12. Grigore Ureche. *Letopisetsul tseriy Moldovey* [Chronicle of the Tsars of Moldova]. Kishineu, Kartya Moldovenyaske Publ., 1971. 277 p.
13. Grigor'ev A.P. Pis'mo Mengli-Gireya Bayazidu II [The Letter of Mengli Giray to Bayazid II]. *Vostokovedenie: filologicheskie issledovaniya* [Oriental Studies: Philological Researches]. Leningrad, Izdanie LGU, 1987. (Uchenyye zapiski LGU. No. 419. Seriya vostokovedcheskikh nauk. Is. 29). Is. 13. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Mengli_Girej/Brief_Bayazid_II_1486.phtml?id=12752.
14. Gudavichyus E. *Istoriya Litvy*. Vol. 1. *S drevneyshikh vremen do 1569 g.* [History of Lithuania. Vol. 1. From Ancient Times to 1569]. Moscow, Baltus, Fond imeni I.D. Sytina, 2005. 684 p.
15. Gulevich V.P. Kazimir Yagaylovich ta Mengli-Giorey: vid druziv do vorogiv [Casimir Yahaylovych and Mengli Giray: From Friendship to Hostility]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal* [Ukrainian Historical Journal]. No. 1. Kiïv, Institut istorii Ukraïni Publ., 2013, pp. 40–66.
16. Gulevich V.P. Kiïvs'ka tragediya 1482 r.: mifi ta fakti [The Kiev Tragedy of 1482: Myths and Facts]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal* [Ukrainian Historical Journal]. No. 5. Kiïv, Institut istorii Ukraïni Publ., 2013, pp. 88–99.
17. Gustynskaya letopis' [Gustynsky Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Dmitriy Bulanin Publ., 2003. Vol. 40. 202 p.
18. Grushevskiy M.S. *Istoriya Ukraïni-Rusi* [History of the Ukraine-Rus]. Kiïv, Naukova dumka Publ., 1993. Vol. 4. 544 p.
19. Dumin S.V. Tatarskie tsarevichi v Velikom Knyazhestve Litovskom (XV–XVI) [The Tatar Princes in the Grand Duchy of Lithuania (15th–16th centuries)]. *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i*

issledovaniya [The Most Ancient States in the Territory of the USSR. Materials and Researches]. 1987. Moscow, 1989, pp. 107–113.

20. Ermolinskaya letopis' [Ermolinskaya Chronicle]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 23. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1910. 342 p.

21. Zaytsev I.L. *Mezhdru Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nach. XV – per. pol. XVI vv.)*. *Ocherki* [Between Moscow and Istanbul. The Jochid States, Moscow and Ottoman Empire (the beginning of the 15th – the first half of the 16th centuries). Essays]. Moscow, RUDOMINO Publ., 2004. 216 p.

22. Zhilenko I.V. Sinopsis Kiivs'kiy [Kievan Synopsis]. *Lavrs'kiy al'manakh* [The Almanac of Lavra]. Spetsvipusk 2. Kiiv, VIPOL Publ., 2002. 194 p. Available at: <http://litopys.org.ua/synopsis/syn04.htm>

23. Kievskaya letopis' [Kievan Chronicle]. *Sbornik letopisey, otnosyashchikhsya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, izdannyy komissiey dlya razbora drevnikh aktov pri Kievskom, Podol'skom i Volynskom general-gubernatore* [Collection of Chronicles Relating to the History of Southern and Western Russia]. Kiev, 1888. Elektronnaya versiya Vodvichenko S., Koloskova L. Elektronnaya versiya 2004 goda. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620–1640/Kiev_let/text.htm.

24. *Letopis na sr'bskite tsare i gospodari* [Annals of the Serbian Kings and Lords]. Available at: http://ald-bg.narod.ru/biblioteka/srpski_letopisi/Let-sr_zare_greg.htm.

25. Litanus Michalon. *O nrvakh tatar, litovtsev i moskvityan* [On the Mores of Tatars, Lithuanians, and Muscovites]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1994. 151, [3] p. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frame4.htm>

26. L'vovskaya letopis' [The Lvov Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 20. Ch. 1. St. Petersburg, Tipografiya N.A. Aleksandrova Publ., 1910. 418 p.

27. Lyubavskiy M.K. *Ocherk istorii litovskogo-russkogo gosudarstva do Lyublińskiej unii vključitel'no* [Essay on the History of Lithuanian-Russian State until the Union of Lublin Inclusive]. Moscow, Moskovskaya khudozhestvennaya tipografiya Publ., 1915. 406 p.

28. Lyubaya A.A. Institut zakladnikov v diplomatičeskikh otnošeniyakh Velikogo Knyazhestva Litovskogo i Krymskogo Khanstva v kontse XV – pervoy chetverti XVI v. [Institute of Zakladniks in Diplomatic Relations of the Grand Duchy of Lithuania with Crimean Khanate in the late 15th – first quarter of the 16th centuries]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [The Medieval Turko-Tatar States]. Is.3. Kazan, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2011, pp. 56–74.

29. Maciej Miechowita. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [Treatise on the Two Sarmatias]. Maciej Miechowita. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh. Sokrovennoe Skazanie mongolov* [Treatise on the Two Sarmatias. The Secret History of the Mongols]. Ryazan', Aleksandriya Publ., 2009, pp. 1–274.

30. Mirgaleev I.M. *Pozdnezolotoordynskie khanstva: k opredeleniyu verkhney daty sushchestvovaniya zolotoordynskogo gosudarstva* [The Late Golden Horde Khanates: For Definition of the Upper Date of Existence of the Golden Horde State]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [The Medieval Turko-Tatar States]. Is.1. Kazan, Institut istorii im. Sh. Mardzhani Akademiya nauk RT Publ., 2009, pp. 118–121.

31. Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v. [The Moscow Annalistic Vault of the end of the 15th century]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. Moscow, Akademiy Nauk SSSR Publ., 1949. 474 p.

32. Mytsyk Yu.A. *Litopis Dvoret'skikh – pamyatnik ukrainskogo letopisaniya XVII v.* [The Dvoret'sky Chronicle – The Monument of the Ukrainian Chronicle Writing of the 17th century]. *Letopisi i khroniki* [Annals and Chronicles]. 1984. Moscow, 1984, pp. 219–234. Available at: <http://litopys.org.ua/samovydsam15.htm>

33. Negri A. *Iz vlechenie iz turetskoy rukopisi Obshchestva, sodержashchey istoriyu krymskikh khanov* [Extract from Turkish Manuscript Containing the History of the Crimean Khans]. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey* [Notes of the Odessa Society for History and Antiquities]. Odessa, Gorodskaya tipografiya, 1844. Vol.1, pp. 379–392. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Tur_ruk_obsch/text.phtml?id=5430

34. *Nikonovskaya letopis' 1901 – Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patrarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [The Chronicle Compilation Called Patriarchal or Nikon Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova Publ., 1901. 302 p.

35. *Novgorodskie i pskovskie letopisi* [Novgorod and Pskov Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 4. St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa, 1848. 360 p.

36. *Novgorodskaya letopis' po spisku N.N. Dubovskogo* [Novgorod Chronicle according to the Copy of N.N. Dubovsky]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 43. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 368 p.

37. *Ocherki vneshnepoliticheskoy istorii Moldavii* [Essays on the History of the Foreign Policy of Moldova]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1987. 465 p.

38. Pensko V.V. *Vooruzhennyye sily Krymskogo khanstva v kontse XV – nachale XVII v.* [The Armed Forces of the Crimean Khanate in the late 15th – early 17th centuries]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [The

Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, Ikhlas, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2010, pp. 208–216.

39. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy* [The Tsars of the Horde. Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2012. 464 p.

40. Presnyakov A.V. *Zapadnaya Rus' i Litovsko-Russkoe gosudarstvo. Lektsii po russkoy istorii* [The Western Russia and Lithuanian-Russian State. Lectures on Russian History]. Vol. 2. Is.1. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe Publ., 1939. 248 p.

41. *Pskovskaya letopis'* [Pskov Chronicle]. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1837. XXX, 283 p.

40. *Pskovskie letopisi* [Pskov Chronicles]. Is. 2. Moscow Akademiya Nauk Publ., 1955. 370 p.

43. Rusina O.V. *Ukraina pid tatarami i litvoyu* [Ukraine under the Rule of Tatars and Lithuania]. Kiiv, Al'ternativi Publ., 1998. 320 p.

44. Russkiy khronograf. Khronograf redaktsii 1512 goda [Russian Chronograph. The Chronograph Edition of 1512]. *Polnoe Sobranie Russkikh Letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 22. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova Publ., 1911. 302 p.

45. Simeonovskaya letopis' [Simeon Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 18. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., 2007. 328 p.

46. Skrzhinskaya E.Ch. *Barbaro i Kontarini i Rossii* [Barbaro and Contarini on the Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 276 p.

47. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovnstvom Ottomanskoj Porty do nachala XVIII veka* [The Crimean Khanate under the Rule of the Ottoman Porte until the early 18th century]. Odessa, 1887. V, XXXV, 769 p.

48. Sofiyskie letopisi [Sofian Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 6. St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa, 1853. 358 p.

49. Sofonovich F. *Khronika z litopistsiv starodavnikh* [Chronicle of the Ancient Chroniclers]. Kiiv., Naukova dumka Publ., 1992. 336 p.

50. Strykowski Maciej. *Litopis pol's'kiy, litovs'kiy, zhmuks'kiy i vsiei Rusi* [The Polish, Lithuanian, Samogitian and the Whole Russian Chronicles]. L'viv, Naukove tovaristvo im. T. Shevchenka u L'vovi Publ., 2011. XII, 1084 p.

51. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogay Horde]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2002. 752 p.

52. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda. – Takht eli. Ocherk istorii* [The Great Horde. An Essay on the History]. Tula, Graf i K. Publ., 2010. 112 p.

53. Ul'yanovskiy V.I. Kiiv's'kiy vovoda v Krimu [The Kievan Voivode in Crimea]. *Sugdeyskiy sbornik* [Collection of Soldaia]. Is.2. Kiiv-Sudak, Akadempriodika Publ., 2005, pp. 357–373.

54. Khalim Giray Sultan. *Rozovyy kust khanov ili istoriya Kryma* [Rosebush of the Khans or the History of Crimea]. Simferopol', Dolya Publ., 2004. 288 p. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XV/Rozovyy_kust_chanov/2.phtml?id=12922.

55. Kholmogorskaya letopis'. Dvinskiy letopisets [The Kholmogory Chronicle. The Dvina Chronicler]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1977. Vol. 33. 250 p.

56. Khronika Bykhovtsa [The Byhovets Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 32. Moscow, Nauka Publ., 1975. Available at: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov10.htm>.

57. Khronika Litovska i Zhmoyska [Lithuanian and Samogitian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicle]. Vol. 32. Moscow, Nauka Publ., 1975. Available at: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov06.htm>.

58. Shabul'do F.M. *Semenovy lyudi: ikh territorii i rol' v politicheskikh otnosheniyakh mezhdru Krymom i Litvoy na iskhode XV veka* [The Semenov People: Their Territory and the Role in Political Relations between the Crimea and Lithuania at the end of the 15th century]. *Ruthenica*. Kiiv, Institut istorii Ukraïni Publ., 2010, no. 9, pp. 57–73.

59. Cherkas B. *Ukraina u politichnikh vidnosinakh Velikogo Knyazivstva Litovs'kogo z Krims'kim khanatom (1515–1540 rr.)* [Ukraine in Political Relations of the Grand Duchy of Lithuania with Crimean Khanate (1515–1540)]. Kiiv, Institut istorii Ukraïni, 2006. 244 p.

60. Cherkas B. *Stepoviy shchit Litvi. Ukraïns'ke viys'ko Gediminovichiv (XIV–XVI st.): naukovo-populyarne vidannya* [The Steppe Shield of Lithuania. Ukrainian Army of the Gediminians (14–16 centuries.)]. Kiiv, Tempora, 2011. 144 p.

61. Yakubovich M.M. *Tatars'ko-musul'mans'ke naselennya Pivdenno-Skhidnoi Volini XVI–XX storichchya: istorichna retrospektiva* [The Tatar-Muslim Population of Southeastern Volyn in the 16th–20th centuries: Historical Retrospective]. *Naukovi zapiski. Seriya istorichni nauki* [Academic Notes. Series of Historical Studies]. Is. 2. Ostrog, Natsional'nyy universitet Ostroz'ka Akademiya Publ., 2010, pp. 186–196.

62. Davies B.L. *Warfare, State and Society on the Black Sea steppe, 1500–1700*. London-New-York: Routledge, Taylor and Francis Group, 2007. XV, 256 p.

63. Epure V.A. Quelques pages d'histoire troublee des XIV-eme et XV-eme siecles de l'Est de l'Europe. *Codrul Cosminului*. Suceava, Universitatea Stefan cel Mare, 2008, no. 14. pp. 23–40.
64. Gonta A.I. *Romanii si Hoarda de Aur*. Iasi: Demiurg, 2010. 217 p.
65. Kronika Polska Marcina Bielskiego. T.2. Ksiega IV–V. Sanok, Naklad i druk Karola Polaka, 1856. p. 701–1222.
66. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Ksieg XXX. Vol.1. Krakow, Ksiegaria J.M. Himbelmana, 1882. 760 p.
67. Kronika polska Marcina Kromera biskupa Warmińskiego Ksieg XXX. Vol 2. Krakow, Ksiegaria J.M. Himbelmana, 1882, pp. 761–1500.
68. Kroniki Bernarda Wapowkiego. Czech ostannia. *Sriptores Rerum Polonicarum*. Vol. 2. Cracoviae: Typis Universitatis, 1874. XXX.
69. Kolankovski L. Problem Krymu w dziejach Jagielonow. *Kwartalnik Historyczny*. R. XLIX. Zeszyt. 3. Lwow, 1935, pp. 279–300.
70. Kolodziejczyk D. The Crimean khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents. Leiden-Boston, E.J. Brill, 2011. XXXVI, 1109 p.
71. Kryczynski S. Tatarzy Litewscy. Proba monografii historyczno-etnograficznej. *Rocznik Tatarski*. Vol.3. 1938. 318 p.
72. Ochmiński I. Organizacja obrony w Wielkim księstwie Litewskim przed napadami Tatarów Krymskich w XV–XVI. *SMHW*. Vol. 5. 1960, pp. 161–398.
73. Podhorodecki L. *Chanat Krymski i jego stosunki s Polska*. Warszawa, Książka i wiedza, 1987. 359 p.
74. Pulaski K. Stosunki z Mengli-Girajem. *Stosunki Polski s Tatarszczina od Polovi XV wieku*. Krakow-Warszawa, 1881. pp. 1–449.
75. *Scriptores rerum prussicarum. Die Geschichtquellen der Preussen vorzeit bis untergange ordensherrschaft*. Leipzig, Verlag von S. Hirzel, 1870. Band. 4. VII, 800 p. Available at: http://books.google.com.ua/books?id=2HZTAAAcAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.
76. Tyszkiewicz J. *Tatarzy na Litwie i Polsce. Studia s dziejow XIII–XVIII w.* Warszawa, Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989. 343 p.
77. Wapowski B. *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535*. Wyd. M.Malinowski. Vol. 3. Wilno, Księgarza i Typografa Szkół Białoruskiego Naukowego Okręgu, 1848. Available at: http://books.google.com.ua/books?id=DjERAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=uk&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.
78. Vasary I. The Crimean Khanate and the Golden Horde 1440s–1500s: a fight for primacy // *The Crimean Khanate between East and West*. Wiesbaden, Otto Harrasowitz Verlag, 2012, pp. 13–26.
79. Źdan M. Stosunki litewsko-tatarskie za czasow Witolda, w. Ks. Litwy. *Ateneum Wilenskie. Czasopismo naukowe poswiecone badaniom przeszlosci ziem Wielkiego X. Litewskiego. Rocznik VII. Zeszyt 3–4*. Wilno: Towarzystwo przyjaciol nauk w Wilnie, 1930, pp. 529–601.

About the author: Yaroslav Valentinovich Pilipchuk – Junior Research Fellow, Department of Eurasian Steppe, A.Krymsky Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Cand. Sci. (History) (01001, Grushevsky st., 4, room 210, Kiev, Ukraine); bachman@meta.ua

Древковое колющее оружие сибирских татарских воинов*

Ю.С. Худяков

*(Институт археологии и этнографии
Сибирского Отделения Российской Академии наук)*

В статье анализируются сведения русских письменных исторических источников и изображения татарских воинов на миниатюрах, свидетельствующие об использовании копий сибирскими татарскими воинами во время военных действий в периоды существования Сибирского татарского ханства и борьбы за восстановление этого государства. Исследуются находки железных наконечников копий и пик из раскопок археологических памятников культуры сибирских татар на территории Западной Сибири, относящихся к эпохе позднего Средневековья и началу Нового времени. В результате проведения типологического анализа и классификации найденных предметов по формальным признакам среди них выделены различные формы универсальных копий и бронебойных пик, которые были на вооружении у сибирских татарских воинов в течение изучаемого периода. Отмечено, что по групповому и типологическому разнообразию форм железных наконечников комплекс древкового колющего оружия сибирских татарских воинов не уступал подобному оружию других тюркских и монгольских народов Сибири и Центральной Азии. Прослежены характерные особенности использования этого вида оружия сибирскими татарскими воинами, а также русскими казаками и служилыми людьми в ходе боевых действий во время похода в Сибирь казачьего отряда под командованием атамана Ермака и последующий период военного противостояния со сторонниками и наследниками хана Кучума. Определена роль данного вида оружия во время проведения таранных атак татарскими всадниками в ближних боях. Отмечено, что на русских миниатюрах татарские воины с копьями в руках часто изображались в пешем строю. Судя по русским изобразительным источникам, татарские воины нередко использовали древки некоторых копий для крепления на них знамен и вымпелов, с помощью которых можно было определить местонахождение военачальника или передавать сигналы во время боя. В статье рассмотрены исторические и этнографические материалы, свидетельствующие об использовании копий сибирскими татарами в символических и ритуальных целях в период, последовавший за присоединением Западной Сибири к Российскому государству.

Ключевые слова: Сибирь, сибирские татарские воины, русские казаки, копьё, пики, знамена.

В истории развития военного дела сибирских татар в период существования самостоятельных татарских государств, образовавшихся на территории Западной Сибири после распада Золотой Орды в эпоху позднего Средневековья, важное место принадлежало древковому колющему оружию ближнего боя – копьями и пикам.

Если в средствах поражения противника на дистанции стрельбы русские казаки и служилые люди, обладавшие огнестрельным оружием и артиллерией, имели несомненное военно-техническое преимущество над народами Сибири, то в ближнем бою, тяжеловооруженные сибирские татарские воины, имевшие на вооружении копьё и пики, палаши, сабли, боевые топоры и кистени, если, при этом, были хорошо защищены шлемами, панцирями и кольчугами, они могли сражаться достаточно эффективно.

Исследователи, обращавшиеся к изучению оружия и событий военной истории сибирских татар в последний период существования Сибирского ханства и последующей борьбы за восстановление этого государства, отмечали, что на вооружении у татарских воинов были разные виды холодного оружия. Отдельные сведения о разных видах оружия у татарских воинов содержатся русских сибирских летописях и сочинениях европейцев, приехавших в Россию, или приглашенных на российскую службу, коммерсантов, дипломатов, администраторов, военных специалистов, ученых и путешественников, интересовавшихся историческим прошлым Сибири.

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 13-01-00049 «Воины сибирских народов на российской службе в Сибири в XVII–XVIII вв.».

Сведения об укрепленной «резиденции» «сибирского царя» и крепостях двух татарских мурз, окаймленных рвами и валами, расположенных в окрестностях Тобольска, содержатся в сочинении немецкого офицера, фамилия которого осталась не известной, прибывшего на службу в Сибирь в составе отряда полковника И. Эграта во второй половине XVII в. [2, с. 347].

В записках российского посла Э. Исбранта Идеса о путешествии через Сибирь в Китай в конце XVII в. упоминается о походе Ермака и военных действиях против сибирских татар. В 1690-х гг. на российской службе находилось «несколько тысяч конных татар» [9, с. 82–83].

В сочинении голландского коммерсанта и администратора, побывавшего в составе посольства Нидерландов в Москве, описываются события похода Ермака и упоминаются некоторые виды оружия сибирских татар. Им упомянуты «золоченные стрелы», которыми пользовались гонцы хана Кучума, посланные им для сбора войска [8, с. 18].

В 1719 г. участник российского посольства в Китай, англичанин Д. Белл, совершил поездку по Сибири, в ходе которой им были собраны некоторые сведения о военных действиях сибирских татар против казачьего отряда под командованием атамана Ермака. Им было перечислено оружие, которое имелось у конных и пеших воинов многочисленного татарского войска Кучума, вооруженных «луками, стрелами, копьями и другими подобными оружиями» [8, с. 47].

В 1720-х гг. на территории Сибири работала первая российская научная экспедиция, которую возглавлял немецкий ученый Д.Г. Мессершмидт. Во время путешествия по Барабинской лесостепи он обратил внимание на то, что барабинские татары в XVIII в. продолжали использовать копья с флажками для совершения заупокойных обрядов. Они устанавливали их возле жилища умершего сородича [28, s. 58]. Вероятно, эта традиция сохранилась у барабинских татар с того времени, когда копьё символизировало мужчину-воина.

Во время работы Великой Северной экспедиции в 1730-х гг. на территории Западной Сибири выдающийся российский ученый, историограф Г.Ф. Миллер собрал и обработал сведения русских сибирских летописей о событиях XVI–XVII вв. Он определил копья, наряду с луками, стрелами и саблями, в качестве «обыкновенного оружия» сибирских татарских воинов [13, с. 104; 14, с. 225].

В XVIII в. началось изучение археологических памятников, в том числе оборонительных сооружений, сибирских татар. Краткие описания фортификационных сооружений сибирских татар, в частности городища Искер, содержатся в сочинении Г.Ф. Миллера [13, с. 108–109; 14, с. 227–228; 4, с. 82–83]. Остатки оборонительных валов Искера осмотрел и другой участник этой экспедиции И.Г. Гмелин [1, с. 94]. Описание остатков крепости Искер содержится и в сочинении И.Э. Фишера [25, с. 130–131]. Некоторые сведения о развалинах бывшей ханской столицы Искера содержатся в путевых заметках других участников этой экспедиции Н. Делиля де ла Кроера и Кенигсфельда [4, с. 87]. Во второй половине XVIII в. оборонительные сооружения Искера и Тон-Туры осмотрел И.П. Фальк [24, с. 394, 431–432].

В ходе сборов и раскопок на городище Искер в конце XIX – начале XX в. М.С. Знаменским, В.К. Имсенем, С.В. Герциком и В.Н. Пигнатти, была собрана представительная коллекция татарского оружия, относящегося ко времени существования Сибирского ханства. Среди этих находок железные и костяные наконечники стрел, железные топоры и кинжал [16, с. 212; Табл. II, 1–9, 10, 12; III, 5–17, 19; IV, 5].

Ученые, обращавшиеся к изучению военных действий, в которых принимали участие сибирские татарские в период присоединения земель Западной Сибири к Российскому государству, считали главным фактором военно-техническое превосходство русских казаков и служилых людей, выразившееся в обладании огнестрельным оружием и артиллерией. Как выразился П.А. Словцов, сибирские народы были вынуждены примириться с русским новосельем, «потому, что не бывало у них в руках огнестрельного оружия» [18, с. 89].

В первой половине XX в. значительный вклад в изучение истории сибирских татар внес С.В. Бахрушин. Им была выяснена численность военных отрядов разных групп сибирских татар в конце XVI – начале XVII вв. [3, с. 157]. Он отметил, что часть служилых татар, после нескольких поражений хана Кучума предпочла перейти на военную службу к российским властям. В качестве оружия служилых татар он выделил луки и стрелы [3, с. 174].

Различные виды оружия, которые использовали сибирские татарские воины, в том числе луки и стрелы, упомянуты в обобщающей работе по истории сибирских татар [23, с. 156, 197].

Об использовании разных видов оружия, в том числе луков и стрел, служившими татарами, перешедшими на службу к российским властям в Сибири, говорится в работе, посвященной этой группе татарского населения [22, с. 58].

В изучение древкового колющего оружия сибирских татар весомый вклад внесли археологи, изучавшие археологические памятники Западной Сибири. Находки железных наконечников копий из памятников эпохи развитого средневековья из Омского Прииртышья были проанализированы в конце 1980-х гг. [11, с. 168]. В это же время были рассмотрены находки копий из комплексов XVI–XVII в. Обь-Иртышского междуречья [20, с. 99–100].

В начале 1990-х гг. в научный оборот были введены находки наконечников копий из Барабинской лесостепи. В ходе раскопок захоронения мужчины – воина на могильнике Абрамово–10 в Барабе были обнаружены роговые плечевые и срединная фронтальная накладки от сложносоставного лука, наконечники стрел, втульчатый наконечник копья и железный проушный топор [15, с. 73–77, 148, Рис. 35, 4; 37; 56, 1, 2, 3; 100, 5].

В последние годы военному делу и оружию сибирских татарских воинов было посвящено несколько специальных исследований. В специальной статье были рассмотрены итоги предшествующих исследований, подробно проанализированы разные виды оружия, в том числе различные типы копий, найденных на городище Искер и на памятниках Барабы [26, с. 244–245]. В дальнейшем, результаты изучения оружия сибирских татар были освещены в исследовании, посвященном этнокультурному взаимодействию тюркских и монгольских народов, в том числе сибирских татар, с русскими в военном деле в позднем средневековье и начале Нового времени [5, с. 41–43].

В монографическом исследовании, посвященном истории сибирских ханств, В.И. Соболевым были кратко описаны пять наконечников копий сибирских татар, которые классифицированы им на две группы и четыре типа. По его мнению, массивные копья были охотничьими рогатинами, в то время как «облегченные» копья были «противодоспешными» [19, с. 160–162].

Оружие воинов Сибирского татарского ханства, в том числе древковое колющее оружие, кратко охарактеризовано в книге о военно-политических аспектах истории этого государства. Исследователи обратили внимание на то, что находок копий в памятниках сибирских татар найдено немного, в то время как на рисунках Ремизовской летописи это самое изображаемое оружие. Среди находок представлены наконечники копий из памятников Абрамово–10 и Бергамак II, а также случайные находки [12, с. 189–190; Рис. 42, 1–5]. По приведенным сведениям из фольклора сибирских татар копья были оружием богатырей [6, с. 178].

Отдельные сведения о разных видах оружия сибирских татарских воинов содержатся в татарских и русских письменных и фольклорных источниках.

В татарских фольклорных источниках, посвященных религиозным войнам шейха Багауддина против языческого населения Западной Сибири, изученных Н.Ф. Катановым, говорится о татарских воинах, воевавших за исламскую веру в период существования Сибирского татарского ханства. В качестве клинкового оружия упомянут меч повелителя правоверных [10, с. 138].

В русских письменных источниках, повествующих о походе казачьего отряда под предводительством атамана Ермака, приводятся сведения об оружии, применявшемся татарскими воинами. Об использовании копий воинами царевича Махметкула в бою с русскими казаками в урочище Бабасан говорится в Строгановской летописи. Согласно описанию, татарские воины наступали верхом на конях и атаковали казаков «копейным поражением» и стрелами [17, с. 20].

Важную информацию о копьях сибирских татарских воинов содержит русский изобразительный источник, миниатюры лицевого свода Ремизовской летописи, на которых воспроизведены некоторые события, относящиеся к походу отряда Ермака и последующему периоду [14, рис. 8, 11, 13; 7, с. 99, 152, 157; 17, с. 469, 471–474, 479, 485, 490, 492–498, 500–506, 515–521, 545–548]. Несмотря на то, что эти рисунки относятся к концу XVII в., они могут служить ценным информативным источником по истории военного дела русских и сибирских татарских воинов. В бою двух отрядов татарских воинов, под предводительством всадников с коронами на головах под городом Кашлык, они изображены верхом на лошадях с луком и стрелами, пращей, саблями и копьями в руках. Часть древков копий увенчана узкими наконечниками удлинненно-ромбической формы. Другая часть древков изображена без наконечников. На одном из древков изображен флаг с двумя косицами. Татарские воины изображены в кафтанах, или длиннополых зипунах, в конических головных уборах, вероятно, шлемах, обуты в сапоги. Под ногами лошадей лежат убитые воины, один из которых с луком и стрелой в руках [14, Рис. 8] (Рис. 1, 1). В бою с отрядом

пеших российских воинов на р. Тоболе татарские всадники атакуют противника верхом на лошадях. Один из них стреляет из лука, двое размахивают саблями. Остальные вооружены копьями с узкими наконечниками удлинненно-треугольной и удлинненно-ромбической формы. Большая часть копий изображена без наконечников. Над головами у татарских воинов знамя с прямоугольным полотнищем и двумя длинными косицами. Татарские воины одеты в длиннополые зипуны, на головах у них шапки с отогнутыми кверху полями [17, с. 500] (Рис. 1, 2). Во время боя с казачьим отрядом на р. Тагиле татарские и русские воины изображены пешими. Татары стреляют из лука, размахивают саблями и направляют в противника копьё с удлинненно-ромбическими наконечниками. На переднем плане раненый воин, опустившийся на одно колено, с копьём с правой и саблей в левой руке. Татарские воины изображены в длиннополых халатах, на голове у них малахай, тюбетейки. Один лучник показан с обритой головой, без головного убора [14, Рис. 11] (Рис. 2, 1). В бою на р. Туре татарские воины показаны в пешем строю. Двое из них стреляют из лука, один размахивает пращей. Один воин левой рукой поднял саблю с широкой елманью. Остальные держат в руках копьё с удлинненно-треугольными и удлинненно-ромбическими наконечниками. На одном из древков развевается полотнище знамени с двумя косицами. Воины одеты в зипуны, подпоясанные ремнями. На поясе у них ножны, сабли в ножнах и колчан со стрелами. На головах изображены малахай и шляпа. На ногах показаны сапоги. На переднем плане несколько убитых и раненых воинов с копьями, луками и стрелами [14, Рис. 13] (Рис. 3). На миниатюре, передающей эпизод пленения Сейдяка, мурзы Карачи и казахского султана Ураз-Мухаммеда в Тобольском остроге в 1588 г., татарские воины показаны прижатые к стене острога, с луками и стрелами, и копьями в руках. Несколько убитых воинов лежит на земле. Рядом с ними луки и копьё. Одно копьё изображено с удлинненно-треугольным наконечником и вымпелом на древке [17, с. 579] (Рис. 2, 2). На некоторых других миниатюрах татарские воины изображены с копьями в руках, на древках которых укреплены вымпелы и знамена с двумя косицами [17, с. 498, 501–504, 512–514, 520–521, 550–551, 559, 562].

Наиболее информативными вещественными источниками по рассматриваемой теме служат находки наконечников копий и пик в ходе раскопок и сборов на памятниках культуры сибирских татар в Прииртышье и Барабинской лесостепи.

К настоящему времени известно несколько железных наконечников копий, которые были обнаружены в ходе раскопок и сборов на памятниках культуры сибирских татар. По форме насада все они могут быть отнесены к отделу втульчатых. По сечению пера среди них выделяется несколько групп.

Группа I. Наконечники с уплощенно-ромбическим в сечении пером. По форме пера они могут быть отнесены к одному типу.

Тип 1. Удлинненно-ромбические. Включает 2 экземпляра из памятника Абрамово–10, погр. 48 и случайную находку из Венгеровского района в Барабинской лесостепи [15, с. 73–75, 148; Рис. 56, 1, 2]. Длина пера – 13,5 см, ширина пера – 3, 5 см, длина втулки – 15 см. Наконечники с остроугольным острием, удлинненно-ромбическим пером, покатыми плечиками, выделенной шейкой и конической втулкой с округлым отверстием, или с бортиком. Один из наконечников имеет удлинненную шейку (Рис. 4, 1).

Группа II. Наконечники с плоским в сечении пером. Выделяются в самостоятельный тип.

Тип 1. Удлинненно-ромбические. Включает 1 экземпляр из памятника Бергамак II в Омском Прииртышье [12, с. 189–190]. Длина пера – 14 см, ширина пера – 3 см, длина втулки – 15 см. Наконечник с остроугольным острием, удлинненно-ромбическим пером, покатыми плечиками, удлинненной шейкой, конической втулкой с несомкнутой швом (Рис. 4, 2).

Группа III. Наконечники с четырехгранным в сечении пером, относятся к одному типу.

Тип 1. Вытянуто-прямоугольные пики. Включают 3 экземпляра из памятника Искер в Прииртышье [25, с. 245]. Длина пера – см, ширина пера – см, длина втулки – см. Наконечники с остроугольным острием, вытянуто-прямоугольным пером, покатыми плечиками, или без плечиков, конической, у некоторых экземпляров несомкнутой, втулкой (Рис. 4, 3–5).

Наконечники первых двух групп и типов можно считать универсальными, предназначенными для поражения легковооруженного и защищенного доспехом противника. Отнесение находки массивного наконечника копья к числу рогатин, в противопоставлении облегченным «противодоспешным» копьям, подобным находке из памятника Абрамово–10, на наш взгляд, носит гипотетический характер [19, с. 160–162]. В качестве бронебойных, рассчитанных на пробивание пан-

цирной брони и рассечение колец кольчуги, могли использоваться пики с четырехгранными в сечении, вытянуто-прямоугольными наконечниками. Сосредоточение находок таких наконечников на площади городища Искер может быть свидетельством в пользу того, что пики были оружием сибирских татарских тяжеловооруженных воинов, облаченных в доспехи, составлявших ханскую гвардию.

Исследователями справедливо отмечено наличие у некоторых копий сибирских татарских воинов такого конструктивного элемента, как удлиненная шейка до расширения втулки. Поскольку такая особенность свойственна копьям разных групп и типов, можно считать ее специфичной для универсальных копий сибирских татар. Ранее учеными было верно отмечено, что копье является наиболее часто изображаемым оружием у сибирских татарских воинов [12, с. 189]. Действительно, на миниатюрах Ремизовской летописи над татарскими воинами, также как и над русскими казаками, изображался настоящий «лес копий». Вполне возможно, что это был характерный для миниатюр изобразительный прием, позволявший воспроизвести многочисленность военного отряда. Из русских источников известно, что русским казакам и служилым людям иногда не хватало копий, чтобы успешно противостоять в ближних боях отрядам воинов тюркских и монгольских кочевников. Известно, что среди енисейские кыргызы во время таранных атак «копьем смешивали» своих противников, несмотря на их превосходство в огнестрельном оружии и артиллерии [5, с. 67]. Вероятно, военные неудачи отрядов татарских воинов в ходе военных столкновений с русскими казаками и служилыми людьми могут быть объяснены не нехваткой копий и другого оружия ближнего боя, но и недостаточной обеспеченностью средствами индивидуальной металлической защиты, а также применением устарелой тактики обстрела противника стрелами в рассыпном строю, на которую рассчитывали татарские военачальники. Такая тактика была хорошо знакома казакам в ходе предшествующих военных действий против татар и ногайцев в Поволжье. Они умели эффективно ей противостоять, располагая эффективными защитными доспехами и поражая противника на расстоянии огнестрельным оружием. Известно, что Ермак очень рассчитывал на оружие «огненного боя». Он продемонстрировал его устрашающее действие пленному татарскому тархану Кутугаю и применял приемы заманивания противника, чтобы нанести ему максимальный урон [14, с. 217–218; Рис. 12]. Однако, основной причиной неудачных военных действий сибирских татар было не военно-техническое превосходство русских казаков, а острые противоречия среди правящей элиты Сибирского ханства, которые после поражения на Чувашском мысу привели к фактическому распаду государства и переходу части татарской знати на сторону российских властей [22, с. 46–50].

На древки некоторых копий сибирские татарские воины крепили знамена с прямоугольным полотнищем и двумя косицами и треугольные флажки, или вымпелы [14, рис. 8, 13; 7, илл. 216; 17, с. 471, 474, 479, 483, 485, 492, 495]. Эти знамена и флажки служили ориентиром для воинов и использовались для передачи сигналов (Рис. 1, 1, 2; 3).

Копья использовались сибирскими татарами не только в боевых, но и в ритуальных целях. Исследователи обратили внимание на то, что копья очень редко встречались в качестве сопроводительного инвентаря воинских захоронений. А.В. Матвеев и С.Ф. Татауров, ссылаясь на А.И. Соловьева, объяснили это тем, что копье являлось «временным заместителем усопшего в мире живых». Через год после смерти мужчины устраивались поминки и проводились состязания, победитель которых должен был сломать древко копья, установленного подле жилища умершего, чтобы «высвободить заключенную в нем душу» [12, с. 189]. А.И. Соловьев привел сведения об этом обычае, установке копья с траурным флажком после смерти мужчины, сохранившемся в традиционной культуре казахов и кыргызов [21, с. 141]. Подобный обряд сохранялся до начала XVIII в. не только у кыргызов и казахов, но и у самих барабинских татар [28, с. 58]. У кыргызов пика – найза символизировала мужчину – воина, а цвет флага соответствовал его возрасту. После совершения обряда «преломления найзы», копье помещали в могилу, или сжигали вместе с вымпелом. Схожий обряд существовал у казахов [27, с. 302–304]. Вероятно, этот обряд восходит ко временам распространения язычества среди тюркоязычного кочевого населения Центрально-Азиатского историко-культурного региона. С принятием ислама сибирскими татарами он должен был постепенно утратиться. В XVIII в. он мог сохраниться у некоторых групп сибирских татар в качестве пережитка.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о важном значении древкового колющего оружия в военном деле и культуре сибирских татар.

Список литературы

1. Адамов А.А. Характеристика историко-культурной изученности столицы Сибирского ханства // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 94–111.
2. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. XIII–XVII вв. 2-е изд. Иркутск: ОГИЗ; Иркут. обл. изд-во, 1941. 612 с.
3. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. Ч. 2. С. 153–175.
4. Белич И.В. К историографии городища Искер // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 72–93.
5. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.
6. Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск: Наука, 1996. 224 с. (Культура народов России. Т. 2). 224 с.
7. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремизовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская краткая кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Тобольск: «Возрождение Тобольска», 2006. 270 с.
8. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. 247 с.
9. Идес И., Бранд. А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Гл. ред. Вост. лит., 1967. 404 с.
10. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Тобольский хронограф. Екатеринбург: «Уральский рабочий», 2004. Вып. 4. С. 137–144.
11. Конигов Б.А. О вооружении прииртышского населения начала II тыс. н.э. (по материалам памятников Омской области) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–171.
12. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн», 2012. 260 с.
13. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. М.: Либерея, 1998. Кн. первая. 416 с.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. М.: Вост. лит., 1999. Т. I. 630 с.
15. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
16. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 186–226.
17. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: «Александрия», 2008. 688 с.
18. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск: «Вен-Мер», 1995. 676 с.
19. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим данным) // Этнографо-археологические комплексы. Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 10. 356 с.
20. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 192 с.
21. Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2003. 224 с.
22. Тычинских З.А. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань: Фэн, 2010. 288 с.
23. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (С древнейших времен до начала XX века). Казань: «ФЭН», 2002. 488 с.
24. Фальк И.П. Записки путешествия // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое имп. Академию наук, по предложению президента. СПб.: Императорская Академия наук, 1824. Т. VI. 446 с.
25. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Имп. Акад. наук, 1774. 631 с.
26. Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С. 239–254.
27. Худяков Ю.С., Орозбекова Ж. Использование оружия в оформлении надмогильных сооружений курганов Тянь-Шаня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 года. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, 2013. Т. XVIII. С. 301–305.

28. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1721–1727. Berlin: Akademie Verlag, 1962. Teil I. 676 s.

Сведения об авторе: Юлий Сергеевич Худяков – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, доктор исторических наук, профессор (630090, пр. Акад. Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, Российская Федерация); khudjakov@mail.ru

Spear Piercing Weapons of the Siberian Tatar Warriors

Yu.S. Khudjakov

(Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article analyzes information of the Russian written historical sources and image of the Tatar soldiers in miniatures showing the use of copies by Siberian Tatar soldiers during military operations in the periods of the existence of Siberian Tatar khanate and the struggle for the restoration of this State. The author explores the findings of iron spearheads and peaks from the excavations of archaeological monuments of Siberian Tatars' culture in Western Siberia relating to the late Middle Ages and early modern period. As a result of the typological analysis and formal classification of found objects, the author identified among them various forms of universal spears and armor-piercing peaks that were used by Siberian Tatar soldiers during the studied period. The author notes that the complex of spear-thrusting weapons of Siberian Tatar warriors was not inferior in quality (according to the group and typological diversity of iron tips) compared to similar weapons of other Turkic and Mongol peoples of Siberia and Central Asia. The article traces the characteristic features of the use of these weapons by Siberian Tatar warriors, Russian Cossacks and service people in the fighting during the campaign to Siberia of the Cossack detachment under the command of Ataman Ermak and onward, during their military confrontation with supporters and heirs of khan Kuchum. The author defined the role of these weapons during the collision attacks by Tatar horsemen in nearby battles. The author also notes that Russian miniatures often portrayed Tatar warriors with spears on foot. Judging by the Russian pictorial sources the Tatar warriors often used spear poles for mounting on them banners and pennants, with which they can locate commander or transmit signals during the battle. The article considers the historical and ethnographic evidence of the spears' use by Siberian Tatars with the symbolic and ritual purposes during the period following the annexion of Western Siberia to the Russian State.

Keywords: Siberia, Siberian Tatar warriors, Russian Cossacks, spears, lances, banners.

References

1. Adamov A.A. Kharakteristika istoriko-kul'turnoy izuchennosti stolitsy Sibirskogo khanstva [Characteristics of the Historical and Cultural Knowledge of the Siberian Khanate Capital]. *Isker – stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker – the Capital of the Siberian Khanate]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2010, pp. 94–111.
2. Alekseev M.P. *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeyskikh puteshestvennikov i pisateley. Vvedenie, teksty i kommentariy. XIII–XVII vv.* [Siberia according to the Western European Travelers and Writers. Introduction, Texts and Commentaries. 13th–17th centuries]. 2-e izd. Irkutsk, OGIZ; Irkutskoe oblastnoe Publ., 1941. 612 p.
3. Bakhrushin S.V. Sibirskie sluzhilye tatory v XVII v. [Siberian Tatars from the Service Class in the 17th century]. *Nauchnye trudy* [Academic Works]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. Vol. III. Part. 2, pp. 153–175.
4. Belich I.V. K istoriografii gorodishcha Isker [To the Historiography of the Isker Hillfort]. *Isker – stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker – the Capital of the Siberian Khanate]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2010, pp. 72–93.
5. Bobrov L.A., Borisenko A.Yu., Khudjakov Yu.S. *Vzaimodeystvie tyurkskikh i mongol'skikh narodov s russkimi v Sibiri v voennom dele v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremya. Ucheb. posobie* [Interaction between the Turkic and Mongolian Peoples and Russians in Siberia in the Military Affairs during the Late Middle Ages and Modern Times. Textboo]. Novosibirsk, Novosibirsk State Universitet Publ., 2010. 288 p.
6. Valeev F.T., Tomilov N.A. *Tatory Zapadnoy Sibiri: istoriya i kul'tura* [The Tartars of Western Siberia: History and Culture]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1996. 224 p. (Kul'tura narodov Rossii. Vol. 2). 224 p.
7. Dergacheva-Skop E.I., Alekseev V.N. *Remizovskaya letopis'. Istoriya Sibirskaya. Letopis' Sibirskaya kratkaya kungurskaya. Issledovanie. Tekst i perevod* [Remizov's Chronicle. Siberian History. Brief Siberian Kungurskaya Chronicle. Study. Text and Translation.]. Tobol'sk, «Vozrozhdenie Tobol'ska» Publ., 2006. 270 p.

8. Zinner E.P. *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i uchenykh XVIII veka* [Siberia according to the Western Travelers and Scholars of the 18th century]. Irkutsk, 1968. 247 p.
9. Ides I., Brand. A. *Zapiski o russkom posol'stve v Kitay (1692–1695)* [Notes on the Russian Embassy in China (1692–1695)]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1967. 404 p.
10. Katanov N.F. O religioznykh voynakh uchenikov sheykha Bagautdina protiv inorodtsev Zapadnoy Sibiri [On the Religious Wars of the Sheikh Bagautdin's Disciples against Foreigners of Western Siberia]. *Tobol'skiy khronograf* [Tobolsk Chronograph]. Ekaterinburg, Ural'skiy rabochiy Publ., 2004. Is. 4, pp. 137–144.
11. Konikov B.A. O vooruzhenii priirtyshskogo naseleniya nachala II tys. n. e. (po materialam pamyatnikov Omskoy oblasti) [The Armament of the Irtysh Population at the beginning of the II millennium AD (based on the monuments of the Omsk region)]. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii* [Warfare of the Ancient Population of Northern Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 163–171.
12. Matveev A.V., Tataurov S.F. *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [The Siberian Khanate: Military and Political Aspects of History]. Kazan, Fen Publ., 2012. 260 p.
13. Miller G.F. *Opisanie Sibirskogo tsarstva i vsekh proisshedsikh v nem del ot nachala, a osoblyvo ot pokoreniya ego Rossiyskoy derzhave po sii vremena* [Description of the Siberian Kingdom and All the Affairs that Occurred There from the Beginning and Especially from the Its Subjugation to the Russian Empire until Present Time]. Moscow, Libereya Publ., 1998. Book 1. 416 p.
14. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Izd. 2-e, dopolnennoe. Moscow, Vost. lit. Publ., 1999. Vol. I. 630 p.
15. Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Baraba in the Late Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 262 p.
16. Pignatti V.N. Isker (Kuchumovo gorodishche) [Isker (the Kuchumov hillfort)]. *Isker – stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker – the Capital of the Siberian Khanate]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2010, pp. 186–226.
17. *Sibirskie letopisi. Kratkaya sibirskaya letopis' (Kungurskaya)* [Siberian Chronicles. Brief Siberian Chronicle (Kungurskaya)]. Ryazan, Aleksandriya Publ., 2008. 688 p.
18. Slovtsov P.A. *Istoricheskoe obozrenie Sibiri. Stikhotvoreniya. Propovedi* [Historical Review of Siberia. Poems. Sermons]. Novosibirsk, «Ven-Mer», 1995. 676 p.
19. Sobolev V.I. Istoriya sibirskikh khanstv (po arheologicheskim dannym) [History of the Siberian Khanate (according to archaeological data)]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы. Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographo-Archaeological Complex. Problems of Culture and Society]. Novosibirsk; Nauka Publ., 2008. Vol. 10. 356 p.
20. Solov'ev A.I. *Voennoe delo korennoy naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha srednevekov'ya* [Warfare of the Indigenous Population of Western Siberia. The Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987. 192 p.
21. Solov'ev A.I. *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ya* [Weapons and Armor. Siberian Weapons: From the Stone to the Middle Ages]. Novosibirsk, «INFOLIO-press», 2003. 224 p.
22. Tychinskikh Z.A. *Sluzhilye tatory i ikh rol' v formirovaniy etnicheskoy obshchnosti sibirskikh tatar (XVII – XIX vv.)* [Tatars of the Service Class and Their Role in the Formation of an Ethnic Community of Siberian Tatars (18th–19th centuries)]. Kazan, Fen Publ., 2010. 288 p.
23. Fayzrakhmanov G.L. *Istoriya sibirskikh tatar (S drevneyshikh vremen do nachala XX veka)* [History of Siberian Tatars (from the ancient times to the early 20th century)]. Kazan, Fen Publ., 2002. 488 p.
24. Fal'k I.P. *Zapiski puteshestviya* [Notes on the Travel]. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestviy po Rossii, izdavaemoe imp. Akademiyeyu nauk, po predlozheniyu prezidenta* [Complete Collection of Scientists Travels to Russia Being Published by Imperial Academy of Sciences on the Proposal of the President]. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk Publ., 1824. Vol. VI. 446 p.
25. Fisher I.E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiem* [The History of Siberia since the Discovering of Siberia to the Conquest of This Land by Russian Forces]. St. Petersburg, Imp. Akad. Nauk Publ., 1774. 631 p.
26. Khudyakov Yu.S. *Voennoe delo Sibirskogo khanstva v pozdnem srednevekov'e (v aspekte vzaimodeystviya s russkimi)* [Warfare of the Siberian Khanate in the Late Middle Ages (in terms of interaction with Russians)]. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2007. Vol. 6. Is. 3. *Arkheoloshiya i etnografiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2007. Vol. 6. Is. 3. Archaeology and Ethnography], pp. 239–254.
27. Khudyakov Yu.S., Orozbekova Zh. *Ispol'zovanie oruzhiya v oformlenii nadmogil'nykh sooruzheniy kurganov Tyan'-Shanya* [The Use of Weapons in the Design of Gravestones Structures in the Burial Mounds of Tien Shan]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Materialy Itogovoy sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN 2012 goda* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Proceedings of the Final Session of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences in 2012]. Novosibirsk, Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy Akademiiy nauk Publ., 2013. Vol. XVIII, pp. 301–305.

28. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1721 – 1727. Berlin, Akademie Verlag Publ., 1962. Theil I. 676 p.

About the author: Yuliy Sergeevich Khudyakov – Senior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (History), Professor (630090, Acad. Lavrent'ev st., 17, Novosibirsk, Russian Federation); khudjakov@mail.ru

Рис. 1. Изображения конных сибирских татарских воинов с копьями и другим оружием:

1 – в бою под Кашлыком; 2 – в бою на Тоболе
(по Г.Ф. Миллеру [14, Рис. 8]; по Сибирским летописям [17, с. 500])

Рис. 2. Изображения пеших сибирских татарские воинов с копьями и другим оружием:

1 – в бою на Тагиле; 2 – в эпизоде пленения Сейдяка в Тобольском остроге
(по Г.Ф. Миллеру [14, Рис. 11]; по Сибирским летописям [17, с. 579])

Рис. 3. Изображение пеших сибирских татарских воинов с копьями и другим оружием в бою на р. Туре (по Г.Ф. Миллеру [14, Рис. 13])

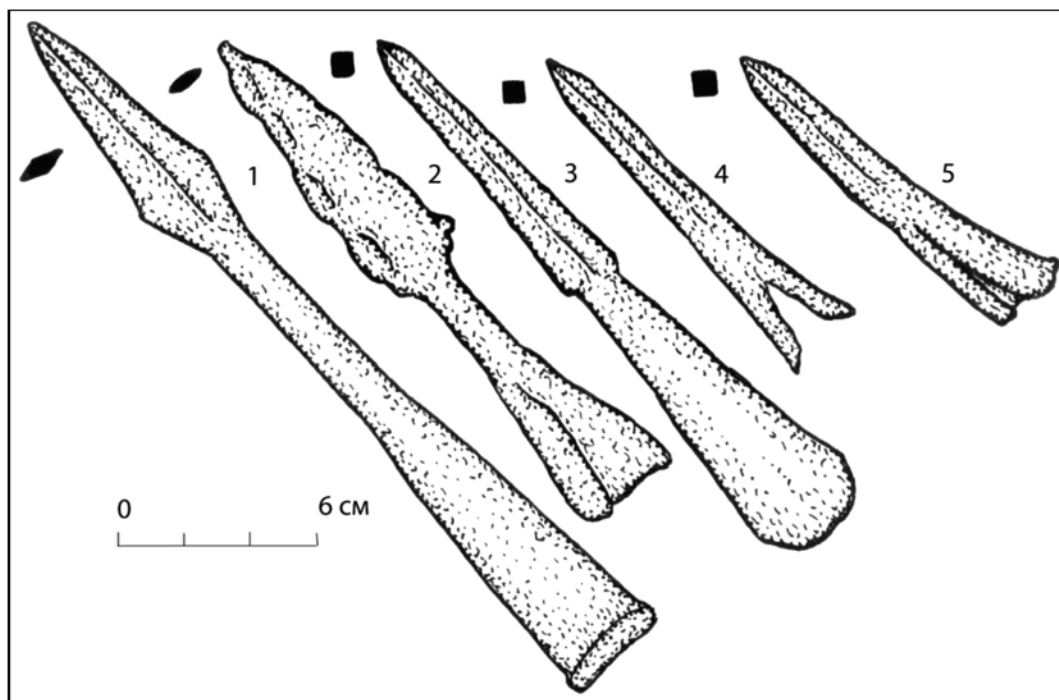

Рис. 4. Наконечники копий из археологических памятников сибирских татар:
1 – гр. I, тип. 1; 2 – гр. II, тип. 1; 3–5 – гр. III, тип. 1

Когда началась кампания по завоеванию Казанского ханства?

А.В. Аксанов

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

В статье рассматриваются московско-казанские отношения 1545–1552 гг. и выявляются некоторые особенности эволюции летописной репрезентации, позволяющие уточнить военно-политическую стратегию ликвидации Казанского ханства. Делается вывод, что в 1560-е гг. первоначальная летописная статья 1553 г. подверглась редакционной правке, в результате которой были удалены сообщения о мероприятиях Шах-Али, направленных на ослабление военного потенциала ханства, и добавлено известие о приглашении казанцами хана из Ногайской Орды, объяснявшее бегство Шах-Али. Такая корректировка была призвана придать восточной политике Москвы компромиссный характер. Следуя этой версии, некоторые исследователи полагали, что правительство Ивана IV приняло курс на завоевание ханства только весной 1552 г., когда Казань отвергла мирный вариант решения проблемы. В то же время, исходя из общего анализа источников, в статье выявляется, что решение об окончательном покорении Казанского ханства было принято гораздо раньше. При этом согласно официальным летописям и дипломатическим документам, во времена Василия III и в начале правления Ивана IV московское правительство, не заявляя о намерении полностью ликвидировать ханство, стремилось к установлению неравноправных отношений с Казанью. Таким образом, оставался открытым вопрос о том, когда русское правительство решило ликвидировать Казанское ханство? Важным идеологическим шагом на пути завоевания Казанского ханства было принятие в 1547 г. Иваном IV царского титула, который уравнивал статус русского правителя с ханами Казани и Астрахани, и обосновывал его притязания на восточные земли. Именно с 1547 г. Иван IV начал лично возглавлять походы против Казани. К тому же, военные экспедиции 1547–1550 гг. по масштабам были похожи на поход 1552 года. У военных кампаний 1547–1552 была общая цель – завоевание Казани. Поэтому, вероятнее всего, решение об окончательной ликвидации ханства было принято не позднее 1547 года.

Ключевые слова: Казанское ханство, Русское государство, русско-казанские отношения, венчание на царство, Иван IV, Сафа-Гирей, Шах-Али.

В исторической науке бытуют разные представления относительно сроков начала кампании по ликвидации Казанского ханства. Некоторые историки, опираясь на известие о совещании царя с боярами и митрополитом накануне казанского похода 1549–1550 гг., считали, что решение о завоевании ханства было вынесено Боярской думой в 1549 году [22, с. 124; 3, с. 96]. Согласно другим ученым, русское правительство вело решительную борьбу за покорение Казани с 1545 года [24, с. 236; 10, с. 118]. А.М. Ермушев относил переход Москвы к завоевательной политике к 1550 году [6, с. 63–65]. А.Г. Бахтин и вовсе полагал, что курс на завоевание ханства Москва приняла только к весне 1552 г., когда казанцы отвергли мирный вариант решения проблемы [4, с. 528].

На наш взгляд, мысль о необходимости захвата Казани появилась гораздо раньше. Уже после основания Васильурска митрополит Даниил писал о возможности покорения всей Казанской земли [2, с. 144]. Примерно в это же время непримиримым сторонником борьбы с «казанскими магометанами» выступил М. Грек, убеждавший Василия III в невозможности союза между православными и «неверными» [20, с. 101]. Он предлагал использовать перемирие с Литвой для захвата Казани, которая будет удобным плацдармом в борьбе с прочими врагами [5, с. 115]. Однако, по данным летописей и дипломатических документов, при Василии III и в начале правления Ивана IV русское правительство, не заявляя о намерениях завоевать ханство, добивалось установления неравноправных отношений с Казанью. Таким образом, открытым остается вопрос о том, когда Москва решилась на окончательную ликвидацию Казанского ханства: с началом нового витка противостояния в 1545 г., или позже – на каком-либо из этапов войны 1547–1552 годов?

Как писал А.А. Зимин, первоначальную оценку событиям дают современники, «их мнения часто оказывают большое влияние на позднейшую историографию, проникая в нее вместе с фак-

тами, из которых историки возводят свои, порой весьма причудливые, построения» [7, с. 8]. Причем построения историков формируются, главным образом, за счет наиболее распространенных сведений. Так, большинство исследователей, реконструируя события 1545–1552 гг., черпали не только факты, но и оценки из официального летописания. Однако научное осмысление должно не только охватывать как можно более широкий спектр представлений современников и ближайших потомков, но и учитывать особенности их формирования и развития.

В официальных летописях, составленных в 50–60-е гг. XVI столетия, статья, посвященная событиям 1545 г., имеет следующий заголовок: «О Казанской войне, как началась от великаго князя Ивана» [12, с.146; 14, с.464; 16, с.46]. Следовательно, по представлениям некоторых современников, победоносная война началась под предводительством великаго князя в 1545 году. Стоит учесть, что перед нами взгляд книжников, знавших об исходе противостояния, писавших свои труды уже после покорения Казани. Хотя, вполне допустимо, что в 1545 г. русское правительство еще не намеревалось полностью ликвидировать Казанское ханство и преследовало другие цели.

По сообщению официальных сводов, в апреле 1545 г. Иван IV послал налегке в стругах полки С.И. Пункова, И.В. Шереметьева, Давида Палецкого и В.С. Серебряного. Одна часть войск спустилась к Казани по Волге, а другая прибыла из Вятки. Воеводы «побили» много казанцев и «кабаки царева пожгли», а дети боярские ходили на р. Свягу, где убили сына князя Тевекеля, Муртазу с семьей. Все воины вернулись к великому князю «здравы» и были пожалованы тем, что пожелали [12, с.146; 14, с.464; 16, с.46]. С одной стороны, данную военную операцию можно рассматривать как разорительный набег, готовивший плацдарм для окончательного покорения ханства. С другой стороны, целью войны могло быть установление власти московского ставленника Шах-Али в Казани. Как бы то ни было, после второго непродолжительно правления хана Шах-Али в Казани правительство Ивана IV приступило к подготовке новой военной экспедиции на восток.

В официальных сводах сохранилась статья о венчании Ивана IV, согласно которой митрополит во всеуслышание благословил царя на покорение «варварских языков» [12, с.150; 14, с.469; 16, с.50]. Так летописцы, вложив в уста Макария приведенные слова, указали на то, что в это время важнейшей внешнеполитической задачей Ивана IV было завоевание народов Казанского ханства. Венчание уравнивало статус Ивана IV с казанскими и астраханскими ханами [8, с. 9] и, в глазах русского общества, легитимизировало его притязания на восточные земли, так как после 1453 г. только правителей Золотой Орды на Руси именовали «царями», и только «цари», в представлении русских книжников, могли быть законными властителями этих земель.

Зимой 1547–1548 гг. была организована масштабная военная экспедиция в Казанское ханство. Впервые за многие годы в войне принял участие государь, помимо двух ратей с артиллерией, в походе участвовали все служилые татары [12, с.155–156; 14, с.473–474; 15, с.528; 16, с.55; 18, с.112–115; 19, с.341–347]. Несмотря на то, что в результате похода русские войска разбили казанцев, Иван IV «со многими слезами» вернулся в Нижний Новгород, так как «не сподобил Бог его к путному шествию» [12, с.156; 14, с.473; 16, с.55]. Ранняя распутица преградила дорогу русской артиллерии и стенобитным орудиям – Казань стала неприступной, а участие царя в походе потеряло смысл. То есть Иван IV не продолжил свое шествие к столице ханства, так как стало очевидным, что его войско не сможет решить главную задачу – завоевать Казань. Поэтому, вероятнее всего, целью похода являлось свержение Сафа-Гирея и установление власти русского царя, что фактически означало ликвидацию Казанского ханства.

По данным официальных хроник, погодные условия не позволили захватить Казань и зимой 1549–1550 гг., когда царские войска после 11 дневной осады отступили от стен города [12, с. 158–160; 13, с. 460–462; 14, с. 476–477; 16, с. 57–59]. Остальные текстуально независимые друг от друга источники говорят о масштабных сражениях, приведших к серьезным потерям с обеих сторон [11, с. 323; 9, с. 358–360; 15, с. 530; 23; 1].

После ряда военных неудач, московское правительство приступило к реализации поэтапной стратегии покорения Казани: в ханских землях русские воеводы возвели Свяжск и подчинили чувашей и марийцев, проживавших на правом берегу Волги. Отторжение западных территорий ханства подорвало его военный и экономический потенциал. В сложившихся условиях в Казани возобладали сторонники мирных переговоров, а радикально настроенные крымцы и ногайцы покинули город. Вероятнее всего, казанцы намеревались достичь мира и вернуть Горную сторону, через признание ставленника Москвы – Шах-Али – ханом и его женитьбу на вдове хана Сафа-Гирея, Сююмбике. Однако правительство Ивана IV, угрожая возобновлением боевых действий,

заставило казанцев пойти на более серьезные уступки: смириться с отторжением правобережья Волги, выдать ханшу Сююмбике с малолетним наследником престола Утямыш-Гиреем, освободить русских пленников и подписать договор, по которому царь мог казнить любого жителя ханства за использование труда русских невольников [12, с. 167–169; 13, с. 469–470; 14, с. 484–486; 16, с. 64–66, 163–164].

Итак, в 1551 г. казанским ханом стал московский ставленник Шах-Али. Через некоторое время хан писал в Москву, что он «загрубил» казанцам «добре» и, чтобы погасить недовольство местного населения, просил царя вернуть Горную сторону. Но Д.Ф. Палецкий, по наказу государя, ответил, что правобережье нельзя отдавать, потому как доходы с этих земель нужны для содержания Свияжска, да, к тому же, казанцы еще держат в плену христиан, «а не отпустят хотя одного человека, и государю за свои христиане стояти, сколько ему милосердный Бог поможет; и толко, государь... Богу в том ответ дати». На это хан заметил, что, если не передадут Горную сторону, ему придется бежать из Казани. «И князь Дмитрий и Алексей царю говорили: “Коли тебе ко государю же бежати, укрепи же город его людьми Рускими”». По заключению летописцев, «и много о том речей спорных было, и царь то отмовил: “бусурман де есми, не хочю на свою веру стати, а государю своему царю великому князю изменить не хочю же; ехати де мне инуды некуды, еду ко царю и великому князю; ноли де меня от Казанцов иметь немера, и яз лихих еще изведу да буду у государя”» [12, с. 173; 13, с. 473; 14, с. 489–490; 16, с. 168].

Важно отметить, что более ранний источник – Летописец начала царства – содержит несколько иное окончание приведенного диалога. Шах-Али говорил: «Даи мне, князь Дмитреи, на том, что меня великому князю не убити, пожяловати, к Городку придати, что пригоже. А яз здесе лихих ещо изведу, да пушки и пищали и зелие перепорчю; и государь приди сам да примышляи, сколько ему Бог поможет за их измену. А пустите мне Руских людей в город не мочно». Причем хан «по своей вере правду на том учинил» и обязался, «как ему царь и велики (князь. – А.А.) велит, так ему выехати к великому князю» [16, с. 69].

«Взяв правду» от Шах-Али, Д.Ф. Палецкий и А.Ф. Адашев по пути в Москву заехали в Свияжск, где князья Чапкун и Бурнашь поделились слухами, что весной все казанцы собираются изменить государю.

Далее в текстах официального летописания находим очередное разночтение. По Летописцу начала царства, после возвращения Д.Ф. Палецкого и А.Ф. Адашева Иван IV отправил в Казань Семена Ярцева, с повелением к Шах-Али ждать вестей из Москвы и «те дела делати, на чом правду дал» [16, с. 69]. А по более поздним официальным сводам, Семен Ярцев был отправлен только для того, чтобы оповестить хана об измене казанцев [12, с. 173; 13, с. 473; 14, с. 490; 16, с. 169].

Согласно единодушному заверению официальных книжников, в январе 1552 г. находившиеся в Москве казанские послы по приказу «Казанской земли» составили челобитье, в котором просили царя «свести» с ханского трона Шах-Али и назначить в Казань, по образцу Свияжска, воеводу-наместника, предупредив, что в противном случае казанцы изменят царю и пригласят другого правителя. На вопросы царя – почему казанцы не желают подчиняться Шах-Али, как его «свести» с престола и на каких условиях будет править наместник? – послы ответили: Шах-Али убивает и грабит казанцев, забирает к себе их жен и дочерей; если царь отзовет своих стрельцов из Казани, хан сам оставит трон, а наместник будет ведать всеми ханскими доходами, решать, кому, где жить и по государеву жалованию распределять вымороченные имения [12, с. 173–174; 13, с. 473–474; 14, с. 490; 16, с. 69–70, 169].

В феврале в Казань прибыл А.Ф. Адашев, сообщивший о намерении царя посадить вместо хана воеводу-наместника. Кроме того, «государь царю о том велел Алексею накрепко говорити, чтобы без убытков без великих пустил великого князя людей в город», но Шах-Али вновь обмолвился, что «ему никак бусурманьского юрта не порушить» [12, с. 174; 13, с. 474; 14, с. 490; 16, с. 69–70, 169].

Последнее сообщение находит различные продолжения: если верить Летописцу начала царства, Шах-Али, выполняя условия «правды», «позабил» большие казанские пушки и вывез пищаля и порох в Свияжск [16, с. 70], а по остальным летописям, Шах-Али лишь оповестил царского посланника о своем намерении в ближайшее время покинуть престол из-за того, что казанцы пригласили хана из Ногайской Орды [12, с. 174; 13, с. 474; 14, с. 491; 16, с. 169].

Далее источники единогласно утверждают, что 6 марта 1552 г. Шах-Али, собрав всех стрельцов и 84 казанских князей и мурз, выехал из Казани якобы на рыбалку. Все титулованные

казанцы, сопровождавшие хана, были им пленены и угнаны в Свияжск. В тот же день воевода С.И. Микулинский послал из Свияжска в Казань двух казаков с царскими грамотами, сообщавшими, «что по Казанских князей челобитию, государь царя Шигалеа свел и дал им наместника князя Семена, и они бы были в Свиязской город, да учинили правду, и князь Семен с товарищи по государеву наказу к ним в город поедет» [12, с. 175; 13, с. 474; 14, с. 491; 16, с. 70–71, 169–170]. Так, по мнению летописцев, завершилось третье правление Шах-Али в Казани.

Немногочисленные расхождения, представленные выше, скорее всего, являются результатом переработки текста 1553 г. в 1560-е гг. и отражают эволюцию взглядов официального летописания. Книжники заменили в первоначальном тексте именно те сообщения, которые показывали мероприятия Шах-Али, направленные на подрыв военного потенциала ханства. Причем они добавили известие о приглашении хана из Ногайской Орды, несколько иначе объяснявшее бегство Шах-Али. Видимо, более поздняя редакция акцентировала внимание на миролюбивой, компромиссной позиции московского ставленника и была призвана продемонстрировать, что и в 1552 г. казанцы, подчинившись Шах-Али, могли избежать военного столкновения и сохранить автономию ханства.

Под влияние поздней трактовки попал и А.Г. Бахтин, заключивший, что до весны 1552 г. Москва, надеясь на реализацию мирного варианта решения проблемы, не планировала военного захвата Казани [4, с. 528]. Причем данная трактовка не вызвала критики со стороны участников «круглого стола», посвященного проблемам вхождения Среднего Поволжья в состав России [17, с. 19–37]. Однако, согласно всем официальным источникам, Шах-Али, вернувшись из Казани, получил за верную службу от царя щедрое жалование – многие села и Сююмбике в жены [12, с. 184; 13, с. 483; 14, с. 500; 16, с. 80, 178]. То есть, на этот раз хан оказался удачливым проводником московской политики по ослаблению обороноспособности Казанского ханства.

Итак, по мирному договору 1551 г. казанцы выдали малолетнего хана Утямыш-Гирея и его сторонников, приняли Шах-Али на условиях Москвы и освободили множество пленников. Однако русское правительство неоднократно упрекало казанцев в том, что они отпустили не всех невольников и, ссылаясь на ответственность царя перед Богом за душу каждого православного, требовало освободить всех до одного. Это утверждение стало аргументом против возвращения Горной стороны, что усложняло положение Шах-Али на ханском престоле. К тому же, недовольство вызывали насильственные действия нового хана по отношению к казанской аристократии. Московские послы неоднократно напоминали Шах-Али и о его обязательстве ввести русские войска в город, но хан, исходя из религиозных взглядов, не пошел на это. Все перечисленное было осуществлено в рамках завоевательной политики правительства Ивана IV, поэтому можно заключить, что правление Шах-Али задумывалось как временное, и служило, по «программе максимум», для захвата Казани, или, в крайнем случае, для ослабления ханства перед его окончательной ликвидацией.

Как известно, после всех этих военно-дипломатических маневров в 1552 г. царские войска взяли Казань. Об этом событии сохранились пространные сообщения, в которых много места отведено идейным пассажам и описанию деталей произошедшего. Однако если отбросить все уточнения, и сравнить кампанию 1552 г. с военными экспедициями 1547–1550 гг., то становится ясно, что масштабы предшествующих походов незначительно уступали выступлению русских сил в 1552 году. В походе 1549–1550 гг. участвовало примерно, столько же воевод, сколько при взятии 1552 г., немного меньше фамилий приведено в разрядных записях за 1547–1548 гг., впрочем, в двух первых походах царя на Казань, помимо Шах-Али, участвовал и астраханский царевич Едигер. В состав всех этих экспедиций входил полк с артиллерией и стенобитными орудиями [18, с. 112–115, 120–124, 133–138].

Поэтому можно предположить, что походы 1547–1552 гг. имели общую цель – завоевание Казани, то есть решение о военном подчинении ханства было принято не позднее 1547 года. Вероятнее всего, с утверждением завоевательных планов Москвы связано и венчание Ивана IV на царство. С одной стороны, царское титулование формально уравнивало положение Ивана IV и потомков Джучи, что делало московского государя претендентом на ханское место в Казани, а впоследствии завоевание Казанского ханства послужило аргументом в пользу признания царского титула на международной арене. Так, русские послы при польско-литовском дворе объясняли происхождение царского титула исходя из того, что Ивану IV покорилось «Казанское царство» [21, с. 476, 499–500, 505, 519, 528].

Список литературы

1. Аксанов А.В. Казанский поход 1549–1550 гг. глазами современников и историков XVIII–XXI веков // Вестник Удмуртского университета. 2012. Сер. 5: История и филология. Вып. 1. С. 114–118.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 1. 1294–1598. СПб.: В типографии Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1836. 506 с.
3. Алишев С.Х. Казань и М. Межгосударственные отношения XV–XVI вв. Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. 160 с.
4. Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. 567 с.
5. Грек М. Послание к великому князю Василию // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 111–116.
6. Ермушев А.М. Россия и Казань: Протекторат, аннексия, захват. Основные тенденции взаимоотношений в середине XVI в. // Российская провинция: История, культура, наука. Материалы II–III Сафаргалиевских научных чтений. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1998. С. 63–65.
7. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. 451 с.
8. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М.: Наука, 1982. 186 с.
9. Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб.: Наука, 2001. С. 252–509.
10. Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. 314 с.
11. Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. СПб.: Наука, 2001. С. 310–479.
12. Полное собрание русских летописей Т. 13. Ч. 1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 2. Дополнение к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1906. 532 с.
14. Полное собрание русских летописей Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. IV + 704 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Ч. 1. Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1911. 570 с.
16. Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
17. Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН. М.: Институт российской истории Российской академии наук, 2003. 38 с.
18. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.
19. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1–2. М.: Наука, 1977. 406 с.
20. Ржигза В.Ф. Опыт по истории русской публицистики в XVI веке. Максим Грек как публицист // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 5–120.
21. Сборник русского исторического общества. Т. 59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. (1533–1560 г.). СПб.: Типография Ф. Елионского и К^о, 1887. 629 с. + 98 стб. + V с.
22. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. 320 с.
23. Шерифи Х. Зафер наме-и вилайет-и Казан // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1995. № 1.
24. Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанского войны» (1545–1549) // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 6. М., 1954. С. 187–257.

Сведения об авторе: Анвар Васильевич Аксанов – старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидат исторических наук (г. Казань, Российская Федерация); aksanov571@gmail.com

When Did the Campaign for the Conquest of Kazan Khanate Begin?

A.V. Aksanov

(Sh.Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)

The article is devoted to the Moscow-Kazan relations of 1545–1552. The author reveals some features of the evolution of annalistic representation that allows us to refine the military-political strategy of the Kazan Khanate elimination. The author concluded that the original chronicle note for 1553 underwent editorial revision to present the eastern policy of Moscow in a more favorable light. Chronicle editors attempted to show that even in 1552 residents of Kazan could avoid the military collision and preserve the autonomy of their khanate, if they obeyed Ivan IV. Following this version, some researchers believed that Moscow decided to conquer the khanate only by spring 1552 when Kazan rejected the peaceful solution of the problem. However, proceeding from the general analysis of sources, other historians considered that the decision of final conquest of Kazan khanate was made much earlier. At the same time, the idea of the need to capture Kazan appeared in Russian society even earlier. However, according to chronicles and diplomatic documents, the Moscow government sought to establish unequal relations with Kazan, without declaring intentions to conquer the khanate both at the time of Vasily III and at the beginning of Ivan IV's reign. Thus, the question is open about when the Russian government decided to liquidate the Kazan khanate? Acceptance by Ivan IV of an imperial title, which equalized the status of the Russian governor with the khans of Kazan and Astrakhan, was an important ideological step on the way toward the conquest of Kazan khanate supporting his claims to the eastern lands. Besides, it was precisely in 1547, when Ivan IV began to personally lead campaigns against Kazan. Military expeditions of 1547–1550 were similar in scale to the military campaign of 1552. Therefore, military campaigns of 1547–1552 had the common goal – the conquest of Kazan. Thus, the decision of the conquest of the khanate was made no later than 1547.

Keywords: Kazan khanate, Russian State, Russian-Kazan relations, Ivan IV, Safa-Girey, Shah-Ali.

Referenses

1. Aksanov A.V. Kazanskiy pokhod 1549–1550 gg. glazami sovremennikov i istorikov XVIII–XXI vekov [The Kazan Campaign of 1549–1550 by the Eyes of Contemporaries and Historians of the 18th–21st centuries]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2012. Ser. 5: *Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. 2012. Ser.5: History and Philology]. Is. 1, pp. 114–118.
2. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiyskoy imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyu imperatorskoy Akademii nauk. Vol. 1. 1294–1598* [Acts Collected from Libraries and Archives of the Russian Empire by Archeological Expeditions of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1. 1294–1598]. St. Peterburg: V tipografii Ekspeditsii zagotovleniya Gosudarstvennykh bumag, 1836. 506 p.
3. Alishiev S.Kh. *Kazan' i Moskva: Mezhdgosudarstvennyye otnosheniya XV–XVI vv.* [Kazan and Moscow: The Interstate Relations in the 15th–16th centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe Publ., 1995. 160 p.
4. Bakhtin A.G. *Russkoe gosudarstvo i Kazanskoe khanstvo: Mezhdgosudarstvennyye otnosheniya v XV–XVI vekakh: Dis. ... d.i.n.* [Kazan and Moscow: The Interstate Relations in the 15th–16th centuries. Thesis for the Degree of Doctor of Historical Studies]. Moscow, 2001. 567 p.
5. Grek M. *Poslanie k velikomu knyazyu Vasiliyu* [Letter to the Grand Prince Vasily]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Division of Old Russian Literature]. Vol. I. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1934, pp. 111–116.
6. Ermushev A.M. *Rossiya i Kazan, Protektorat, anneksiya, zakhvat. Osnovnyye tendentsii vzaimootnosheniya v seredine XVI v.* [Russia and Kazan: Protectorate, Annexation, Capture. Major Trends in Relations in the middle of the 16th century]. *Rossiyskaya provintsiya: Istoriya, kul'tura, nauka. Materialy II–III Safargalievskikh nauchnykh chteniy* [The Russian Province: History, Culture, Science. Materials of the II–III Safargaliev Academic Readings]. Saransk, Krasnyy Oktyabr Publ., 1998, pp. 63–65.
7. Zimin A.A. *Rossiya na poroge novogo vremeni (Ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.)* [Russia Entering a New Time (essays on the political history of Russia in the first third of the 16th century)]. Moscow, «Mysl'», 1972. 451 p.
8. Zimin A.A., Khoroshkevich A.L. *Rossiya vremeni Ivana Groznogo* [Russia during the Time of Ivan the Terrible]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 186 p.
9. *Kazanskaya istoriya* [The History of Kazan]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of the Old Russian Literature]. Vol. 10. St. Peterburg, Nauka Publ., 2001, pp. 252–509.
10. Kotlyarov D.A. *Moskovskaya Rus' i narody Povolzh'ya v XV–XVI vv.: U istokov natsional'noy politiki Rossii* [The Muscovite Rus and Peoples of the Volga Region in the 15th–16th centuries: At the Root of the Russian National Policy]. Izhevsk, Udmurtskiy Universitet Publ., 2005. 314 p.

11. Kurbskiy A.M. Istoriya o velikom knyaze Moskovskom [History of the Grand Prince of Moscow]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of the Old Russian Literature]. Vol. 11. St. Peterburg, Nauka Publ., 2001, pp. 310–479.
12. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 13. Ch. 1. *Patriarshaya ili Nikonovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. Part 1. The Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Peterburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1904. 302 p.
13. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 13. Ch. 2. *Dopolnenie k Nikonovskoy letopisi. Tak nazyvaemaya Tsarstvennaya kniga* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. Part 2. Addition to the Nikon Chronicle. The So-Called Royal Book]. St. Peterburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1906. 532 p.
14. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 20. *L'vovskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 20. Lvov Chronicle]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005. IV + 704 p.
15. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 22. Ch. 1. *Russkiy khronograf. Khronograf redaktsii 1512 goda* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 22. Russian Chronograph. The Chronograph Edition of 1512]. St. Petersburg, Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1911. 570 p.
16. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 29. *Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazyza Ivana Vasil'evicha* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 29. A Chronicler of the Beginning of the Reign of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilievich. The Alexander Nevsky Chronicle. Lebedev Chronicle]. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis'. Moscow, Nauka Publ., 1965. 390 p.
17. *Prisoedinenie Srednego Povolzh'ya k Rossiyskomu gosudarstvu. Vzglyad iz XXI veka. «Kruglyy stol» v Institute rossiyskoy istorii RAN* [Joining of the Middle Volga Region to the Russian State. A View from the 21st century. «Round Table» at the Institute Russian History RAS]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii Rossiyskoy akademii nauk Publ., 2003. 38 p.
18. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [Record Book of Official Orders 1475–1598]. Moscow, Nauka, 1966. 614 p.
19. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [Record Book of Official Orders 1475–1605]. Vol. 1. Part. 1–2. Moscow, Nauka Publ., 1977. 406 p.
20. Rzhiga V.F. Opyt po istorii russkoy publitsistiki v XVI veke. Maksim Grek kak publitsist [Experience on History of Russian Journalism in the 16th century. Maksim Grek as a Publicist]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Division of Old Russian Literature]. Vol. I. Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1934, pp. 5–120.
21. *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. 59. *Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim*. Vol. II. (1533–1560 g.) [Collection of Russian Historical Society. Vol. 59. Monuments of Diplomatic Relations between Moscow and Polish-Lithuanian States. Vol. II. (1533–1560)]. St. Petersburg, Tipografiya F. Elionskogo i Ko Publ., 1887. 629 p.
22. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the History of Kazan Khanate]. Moscow, INSAN Publ., 1991. 320 p.
23. Sherifi Kh. Zafer name-i vilayet-i Kazan. *Gasyrlar avazy. Ekho vekov* [Echo of the Ages]. 1995. No. 1.
24. Shmidt S.O. Predposylki i pervye gody «Kazanskogo voyny» (1545–1549) [The Background and Early Years of the «Kazan War» (1545–1549)]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta* [Proceedings of the Moscow State Historical Archives Institute]. Vol. 6. Moscow, 1954, pp. 187–257.

About the author: Anvar Vasil'evich Aksanov – Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Cand. Sci. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation); aksanov571@gmail.com

«Исланова стравка»**В.В. Пенской***(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)***Т.М. Пенская***(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет)*

После смерти в 1505 г. московского великого князя Ивана III союзнические отношения между Москвой и Крымом начали постепенно охладевать, пока, наконец, в 1521 г. дело не дошло до полномасштабного военного конфликта между двумя государствами. Крымский хан Мухаммед-Гирей I совершил успешный поход на Русское государство и опустошил окрестности русской столицы, разбив перед этим полки Василия III под Коломной.

Успех Мухаммед-Гирея запомнился и в Крыму, и в Москве, и если правящие круги Крымского ханства мечтали повторить этот успех, то русские, напротив, стремились не допустить этого. История набега «царевича», калги Ислам-Гирея, попытавшегося в сентябре 1527 г. напасть на «крымскую украину» Русского государства – малоизвестная страница растянувшегося на много десятилетий русско-крымского противостояния. Эта история интересна не только тем, что показывает особенности начавшегося при Василии III (1505–1533 гг.) нового этапа в формировании русской «береговой» службы и создании Русским государством системы противодействия татарским набегам на свои пограничные уезды. Она любопытна еще и тем, что, находясь в контексте сложной дипломатической игры и политических интриг в треугольнике Москва – Крым – Литва, показывает всю сложность и запутанность сложившейся в Восточной Европе после распада Большой Орды, претендовавшей на большую и лучшую часть золотоордынского наследия, политической ситуации.

Ключевые слова: Россия, Крым, русско-крымские отношения, Василий III, крымские Гиреи, русско-крымские войны.

В одном малоизвестном русском летописце, записи в котором заканчиваются 7038 годом, есть интересная запись: «В лето 7036 сентября 15 приходил изгоном Ислан с тотары, крымский царь, и была стравка на Оке и на усть Осетра»... И дальше неизвестный книжник добавил, что «князь Федор Мстиславской и иные воеводы отбили тотар от берега» [15, с. 166]. Но эта летописная весточка очень уж краткая (хотя и весьма красноречивая). А что по этому поводу говорят другие летописи и, что самое главное, разрядные книги? И так ли уж неожиданно, «изгоном», напал «Ислам царь» на государеву украину? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо отмотать ленту времени на несколько лет назад и посмотреть, что творилось в Восточной Европе, в треугольнике Москва-Крым-Литва, в 20-х гг. XVI столетия.

Смерть Мухаммед-Гирея I в Астрахани в 1523 г. (как писал русский летописец, «безбожный Магмед Кирей царь подвижесе ис Перекопи со своею братьею и с своими детми, пришед в Азтаракань, одолев възгордесе зело; и съгласившесе в Азтаракани сущии нагаи и убиша царя и сына его проклятаго, и прочих крымских врагов избиша...») [23, с. 270]) привела к обострению борьбы за власть в Крыму и расколу в семействе Гиреев [См., например: 34, с. 97–118]. «Замятня» в Крыму растянулась почти на полтора десятка лет (считая от гибели Мухаммед-Гирея до убийства в 1537 г. Ислам-Гирея, его сына и, пожалуй, главного возмутителя спокойствия в ханстве). Однако усобицы – усобицами, однако от практики набегов на соседей с целью поживиться «ясырем»-рабами, скотом и прочими «животами» в Крыму никто, ни знать, «правое руки и левое Великого улуса темъники и тисечники, и сотники, и вланы, князья» [36, р. 191], ни рядовые татары, отказываться не собирався, тем более что и обстановка в определенной степени благоприятствовала их организации. Слабость ханской власти, неспособной хотя бы отчасти сдержать хищнические устремления своих подданных, открывала широкую дорогу для предприимчивых и готовых рискнуть ради богатой добычи

«вланов, князей и мурз» и их людей [17, с. 243; 36, р. 447, 467, 593, 596]. Более того, и борющиеся за власть Саадет-Гирей и его племянник Ислам-Гирей сами были отнюдь не против направить энергию аристократии наружу, тем самым снимая напряжение внутри самого Крыма и облегчая себе жизнь. Конечно, крупномасштабных, подобных экспедиции 1521 г., походов на литовскую и московскую «украины» слабая ханская власть организовать не могла. Однако небольшие отряды татар регулярно совершали внезапные нападения на «неверных», пробуя на прочность их оборону. Но иногда, когда враждующим группировкам и кланам удавалось на время достичь некоего подобия согласия, вероятность большого похода за добычей резко возрастала, и облака, беспрестанно клубившиеся на юге, вдруг разражались грозой – очередным «крымским смерчем».

Примерно так обстояли дела в 1526 г., когда Ислам-Гирей «взложил на себе на шью веврьку» и явился под Перекопом, «поведаючи» дяде своему, действующему крымскому «царю» Саадет-Гирею, «ижь хочу я, брать ваш, абы ведали прыятели и непрыятели по правде, и тыи непрыятели, которыи далеко мешькають, ижь с тобою стою противьку имь съ саблею и зь древцомь, а никому не служу, только тебе» [36, р. 588–589]. Обрадованный таким решением племянника дядюшка, как он писал позднее Сигизмунду I, немедля «отпустил» тому «тот гневь мой» и по-царски пожаловал блудного родственника. Брат Саадет-Гирея, Сахиб-Гирей, лишился звания ханского преемника-калги на столе Великого улуса, будучи пожалован взамен городками на Днепре (прежде всего Ислам-Керменом на Таванском перевозе, «наряженном» еще Менгли-Гиреем, который в городе том «людей азапов положил» и на тех гарнизонных людей установил жалование, «алафу положил», требуя с Сигизмунда той алафы ежегодной 4,5 тыс. золотых [36, р. 185, 186]). Калгой же стал теперь прощенный племянник (кстати, Сахиб-Гирей, похоже, не жаловал Ислам-Гирея, и решение Саадет-Гирея только усилило «приянь» бывшего калги и будущего крымского «царя» к калге новоявленному). Титул калги был дополнен также и передачей Ислам-Гирею ключа от Крыма – Перекопа (что долженствовало свидетельствовать то ли о полном доверии, установившемся между дядей и племянником, то ли о том, что Саадет-Гирей решил последовать совету держать друзей близко, а врагов еще ближе – «в Перекопе водле себе есьми его посадил») [36, р. 583].

Но для нашей истории интереснее и важнее не столько сам факт примирения (пусть и временного) враждующих сторон в Крыму и изменения политического ландшафта Великого улуса, сколько последствия этой перемены. В своем послании Сигизмунду I Саадет-Гирей, известив польского короля и великого князя литовского о случившемся счастье, намекнул «брату своему», что теперь, когда семейство Гиреев воссоединилось, «которыи князи, вланы и мурзы в паньстве нашомь в росторжьце были», те теперь «вси в одиностве с нами стали», И дальше хан как бы невзначай обмолвился, что теперь «для тых прычын тое надеи, ижь кождьому непрыятелю нашому непрыязни окажемь и доведемь». А причин, по которым Саадет-Гирей мог показать «непрязнь» свою Сигизмунду, было более чем достаточно. Хан напомнил Сигизмунду, что тот, как только Саадет-Гирей воссел на отцовском столе, его «какь бы за ништо видячи», «николи не хотел если прыслати до мене, брата своего, здоровья моего навежаючи». Мало того, Сигизмунд еще и добрых «впоминок» к крымскому столу не присылал и «для того вельми одолжал». А «впоминки» те, кстати, были немалые – со времен Менгли-Гирея Польша и Великое княжество Литовское обязывались «в кождьи годь» слать в Крым 15 тыс. золотых деньгами и товарами. В условиях же, когда ногайский погром, учиненный в 1523 г., и гражданская война нанесли серьезнейший урон экономике ханства, эта сумма, да еще с учетом накопившегося долга, была Саадет-Гирею очень кстати. А тут еще хану вспомнились попытки Сигизмунда подружиться со злейшими врагами дома Гиреев ногайскими мурзами и слухи о желании короля отпустить на волю злейшего же врага Гиреев «заволского царя Шыг Ахмата», и успешное нападение черкасского старосты О. Дашкевича со своими людьми на Ислам-Кермен в 1523 г. Свои счета к Сигизмунду были и у Ислам-Гирея [33, с. 60–61; 36, р. 368, 384, 386, 428, 429, 433, 434, 480–481, 483, 583–584]¹.

Масла в огонь подлило послание от великого князя литовского! В нем он прямо и откровенно заявил Саадет-Гирею, «што ся дотычеть тых упоминьковь, которыи по **доброи воли** (выделено нами – *В.П., Т.П.*) отцу и брату твоему были оть нас даиваны», так то потому лишь, что эти «впоминки» не ради какой-либо повинности, возложенной на себя великим княжеством, посыла-

¹ О Шиг-Ахмате (Шейх-Ахмете), последнем хане Большой Орды, сыне хана Ахмата (Ахмеда), и его отношениях с крымскими Гиреями и Ягеллонами см., например: [6, с. 99–120].

лись в Крым. Нет, они отправлялись исключительно «для доброго братства и верной прязни», поскольку и Менгли-Гирей, и Мухаммед-Гирей «завъжды на наше писанье сами головами своими со всеми царевичи и з людьми своими на непрытеля нашего, где была потреба, хожывали». Поминки надо заслужить, между тем как Саадет-Гирей, писал Сигизмунд, «какъ сель на царьстве своемъ, никоторое еси прязни братьское намъ не въчыниль, але завъжды люди твои паньства наши воевали и казили» [36, р. 595]. И как в таком случае отправлять поминки, спрашивал «царя» Сигизмунд?

Одним словом, причин для того, чтобы отправить татарскую рать в очередной набег на земли великого княжества, было более чем достаточно. Пушки – последний довод королей. И если слова не действовали и поминки, на которые так рассчитывал и сам Саадет-Гирей [36, р. 429, 433], и его окружение, не говоря уже о Ислам-Гирее, Сахиб-Гирее и крымских «вланах, князьях и мурзах», все не приходило, то, может, свист стрел и запах дыма от подоженных сел и деревень сделают Сигизмунда и панов-раду сговорчивее?

Замыслы временно примирившейся крымской элиты не остались втайне от Сигизмунда. Во всяком случае, уже весной 1526 г. король и великий князь сообщал литовским панам-рады о том, что до «его милости» «певьный слухи доходятъ» о том, что Саадет-Гирей «умыслил паньство его милости казити». По этой причине король «росказал всемъ подданымъ своим в Коруни Полскои коньне а зброине поготову быти». Не ограничившись этим, Сигизмунд «к тому наперед» отправил «на Подоле неколко тысяч людей на пенязи приемьшы». Аналогичные «листы» о необходимости быть «на службу его милости поготове коньне а зброине» были разосланы по волостям и поветам Великого княжества Литовского [1, с. 173; 36, р. 462].

Эти приготовления оказались не напрасны, ибо зимой 1526 г. крымская рать (по мнению украинского исследователя Б.В. Черкаса, насчитывавшая около 7–10 тыс. всадников) вторглась на территорию Великого княжества Литовского. Спустя несколько недель, изрядно ополонившись, она повернула назад, но на р. Ольшанице под Каневом татары были врасплох застигнуты небольшим литовским войском (около 3,5 тыс. чел.) во главе с князем К. Острожским и наголову разгромлены [16, р. 67; 32, с. 53–59]. Напоследок Сигизмунд нанес Саадет-Гирею еще один весьма ощутимый удар – «тое ж весны (1527 г. – В.П., Т.П.) по велице дни царя Заволского (Шейх-Ахмеда – В.П., Т.П.) пущено из Литвы на царство Заволское к сыну его...» [7, стб. 405]. По резонному мнению Б.В. Черкаса, тем самым Сигизмунд и паны-рада, отпустив Шейх-Ахмеда после долгого то ли плена, то ли пребывания в гостях, преследовали цель обезопасить свои южные границы от возможных набегов крымцев угрозой объединенного похода ногаев и астраханцев на Перекоп [32, с. 57; 36, р. 447]. А этот поход, между тем, по своим разрушительным последствиям вполне мог превзойти памятный для Великого улуса погром 1523 г. И еще одна деталь, на которую стоит обратить внимание. В грамотах, что были отосланы от имени Сигизмунда Саадет-Гирею и Ислам-Гирею в феврале 1527 г., король и великий князь недвусмысленно намекнул, что если хан и калга желают восстановить прежнее «братство и прязнь» между Крымом и Великим княжеством Литовским и получать желаемые ими столь страстно «впоминки» [См., например: 36, р. 447], то пускай дядя и племянник прежде всего отпустят захваченных пленных и «противъ непрытеля нашего, где потреба вкажетъ, саблю свою окажете» [36, р. 595, 596]. Видимо, намек был понят, и раз уж не удалось поживиться за счет Сигизмунда, то можно было попытать счастья на московской стороне. Саадет-Гирей вспомнил о том, что еще в 1526 г., переписываясь с Сигизмундом на предмет восстановления «братства и прязни» и присылки «впоминков», он обещал своему «брату», что на «моего и твоего непрытеля московьского люди и паньство его з великимъ своимъ войскомъ хочу самъ поити воевати». На худой же случай, если не выйдет самому «всестъ на коня», хан пообещал отправить воевать «паньство московьского» «Исламъ солтана и иньших братеи своих меньших з войскомъ своимъ великимъ» [36, р. 583]. Странники войны с Сигизмундом, московские «доброхоты», после Ольшаницкой конфузии приумолкли, а вот голоса тех, кто выступал за организацию похода на московскую «украину», напротив, зазвучали в полный голос. И решение было принято. Когда – можно только догадываться. Но немногие уцелевшие после Ольшаницкого погрома татары вернулись в Крым к середине февраля 1527 г., к концу того же месяца или в начале марта Саадет-Гирей и Ислам-Гирей получили ту самую грамоту Сигизмунда, о которой говорилось выше. Следовательно, согласие относительно того, куда направить своих аргамаков на этот раз, было достигнуто крымской элитой в марте-апреле 1527 г.

Увы, подготовка к походу затянулась. По опыту предыдущих (и последующих) набегов, выступив в мае из Крыма, татарское войско достигало русских рубежей самое позднее во 2-й половине июля – начале августа, иногда несколько раньше. В нашем же случае Ислам-Гирей явился в первых числах сентября – примерно на месяц, даже полтора, позднее. Напрашивается аналогия с мухаммед-гиреевым «смерчем» 1521 г. Видимо, стоит согласиться с мнением Б.В. Черкаса, по мнению которого не последнюю роль в этом сыграли опасения Саадет-Гирея и его окружения относительно нападения возглавляемых Шейх-Ахмедом ногаев и астраханцев на крымские кочевья [34, с. 106]. Однако опасения эти оказались напрасны. Путешествие «заволского царя» затянулось. Отпущенный из Вильно на Пасху 1527 г., т.е. 24 апреля, он только в конце июля – начале августа, одаренный «деньгами, хлебом также как мехами и конями», покинул Киев и отправился полем (где был встречен немногими «пенезными людьми», посланными ему навстречу его сыном – а Сигизмунд, договариваясь с ногаями об отпуске Шейх-Ахмеда, желал, чтобы его встречали под Киевом 15–20 тыс. «людеи добрых, бранных, зброинных») в свой улус Астрахань [7, стб. 405; 31, с. 96; 35, с. 252; 36, р. 581]. Добравшись туда самое раннее в преддверии осени, а, скорее всего, позже, он, понятно, уже просто физически не успевал организовать что-либо серьезное против Крыма. Тем самым у Саадет-Гирея и Ислам-Гирея оказывались на некоторое время развязанными руки, и они поспешили использовать представившуюся возможность. И снова напрашивается предположение, что Ислам-Гирей, выступив из Крыма со своими людьми в конце весны, как и в 1521 г., несколько недель стоял за Перекопом (на Молочных водах?) в ожидании вестей относительно намерений Шейх-Ахмеда и ногаев с астраханцами – что и как, собираются ли они в поход? И лишь когда ему стало известно, что Ахматович подзадержался в пути и явно не успевает добраться до своего улуса до наступления осени, выступил на север и скорым маршем устремился к московским «украинам».

Крымского набега в Москве ждали. В декабре 1526 г. к Василию III прибыли гонцы от Саадет-Гирея с грамотами от хана, калги, царевичей и мурз. Из них великий князь узнал, что его «брат» примирился со своим племянником и сделал его калгой, а также и о том, что крымский «царь», согласно своему шертованию от февраля 1525 г. [14, с. 15], отправил свою рать на Сигизмунда [17, с. 249]. Ответное послание от Василия хану было отправлено с Никитою Мясным в конце марта 1527 г. Однако надежда на то, что отношения между Московской и Крымом вскоре после размена послами нормализуются, очень скоро рассеялись. К концу весны 1527 г. в Москве стало доподлинно известно от московских же доброхотов в Великом улусе, бежавших оттуда русских полоняников, купцов и разосланных на литовскую и крымскую Украины «вестовщиков», что бывший московский «доброхот» ширинский князь Бахтеяр-мурза с другими князьями и мурзами настаивает на примирении «царя» с Сигизмундом, а Ислам-Гирей вопреки своим заверениям готовится к нападению на Русь. Об этом же писал в Москву и Никита Мясной [17, с. 250; 29, с. 51].

Судя по всему, в Москве не особенно надеялись на «прямоту» Саадет-Гирея (еще летом 1524 г. ширинский князь Довлет-Бахты писал Василию III, что новый «царь» «прямой человек», «ложных речей не любит» [29, р. 56–57]), почему заблаговременно развернули полки по Оке и за нею, в «польских городех». В июле, согласно «Государеву разряду», два полка с 5-ю воеводами стояли на Коломне и Кашире, был усилен гарнизон Рязани (4 воеводы, причем 3-м из них предписывалось в случае неприятельского нападения «быти за городом»). 4 воеводы были в Туле и 4 же – в Одоеве [25, с. 70–71]². По аналогии с 1521 г. можно предположить, что под их началом находилось около 2,5–3,5 тыс. детей боярских (с послужильцами – примерно вдвое больше). Для того чтобы отразить набег небольшого татарского отряда, этих сил было достаточно, но когда стало ясно, что в набег отправился калга Ислам-Гирей, силы по берегу было решено усилить, и Василий

² «На Коломне были воеводы князь Василей Семенович Одоевской да боярин князь Иван Иванович Щетина Оболенского. На Кошире были воеводы князь Федор Михайлович Мстисловской да князь Федор Овчина князь Васильев сын Телепнев, да князь Петр Охлябинин. На Резани были воеводы наместник князь Олександр Ондреевич Ростовской да Федор Щука Кутузов, да князь Осиф Тростенской, да Федор Денисьев. А каково будет дело, и князю Олександру быти в городе, а Щуке и князю Осифу, и Федору Денисьеву быти за городом. На Туле были воеводы князь Федор да князь Роман Ивановичи Одоевские да наместник князь Иван Тать Хрипунов, да с ними Илья Челищев. В Одоеве был воевода князь Иван Михайлович Воротынской, да со князем Иваном был из Мещеска князь Дмитрий князь Федоров сын Болшаго Палецкаго. Да в Одоеве же велел князь великий быти с Воротынским князю Олександру князь Васильеву сыну Кашину да князю Ивану Мезецкому».

III отправил в Коломну еще 7-х воевод (около 1,5 тыс. детей боярских, всего до 3-х тыс. «сабель») и туда же своего воеводу отправил брат Василия князь Юрий Дмитриевский [25, с. 71]³. В сумме теперь набиралось до 5–5,5 тыс. детей боярских, не считая их послужильцев – более чем достаточно для отражения набега калги (вряд ли Ислам-Гирей смог бы вывести на «государеву украину» людей больше, чем в зимний набег 1526/1527 г. смог повести за собой некий царевич Малай, разбитый Острожским на Ольшанице, да и в разрядных записях указывается, что Ислам пришел с «царевичи со многими людьми, а с ними десеть тысяч тотар» [26, с. 207]).

Кстати, в этой связи кратко об основных источниках, в которых сохранились сведения непосредственно об «ислановой стравке». Собственно о самом набеге и его отражении подробно рассказывают летописи – Воскресенская, 4-я Новгородская и Постниковский летописец, причем в 4-й Новгородской летописи помещена целая повесть о некоем татарском князе Алае, будто бы спалившем церковь св. Николая-чудотворца в великокняжеском селе и пойманном после этого злодеяния государевыми воеводами. Пискаревский же летописец дополняет рассказ Воскресенской и Новгородской летописей любопытными деталями и уточняет хронологию кампании [См.: 20, с. 543–544; 21, с. 16; 23, с. 2]⁴.

Показания этих летописей тем более ценны (с учетом, конечно, своеобразия метода передачи информации русскими летописцами), что они по времени их составления ненамного удалены от событий 1527 г., чего не скажешь о разрядных книгах. Как установил еще в конце XIX в. П.Н. Милюков, «Государев разряд» был составлен около сер. 50-х гг. XVI в. (1556 г.) и связано было это событие с упорядочиванием ведения разрядных записей (не в последнюю очередь для того, чтобы регулировать местнические споры с опорой на некий официальный «канонический» текст») [18, с. 12–14]. Частные же разрядные книги, хотя порой более подробные и словоохотливые по сравнению с «Государевым разрядом», однако носят ярко выраженный компилятивный характер (причем далеко не всегда качественный – как в нашем случае, в котором записи о приходе Ислам-Гирея разной степени подробности повторены трижды, в 7035, 7036 и 7037 гг. с оговоркой в последней, что «таков же приход Исламов пишет 7036-м году» [26, с. 198–199, 203–205, 208–209]). И дошли они до наших дней в списках и редакциях по большей части XVII или даже XVIII и XIX вв. [2, с. 86–87, 88, 93; 3, с. 25–26]. Лишь сопоставление сведений разрядов с летописными свидетельствами позволяют восстановить более или менее точную картину событий дождливого лета 1527 г.⁵

Очертив круг основных источников и кратко их охарактеризовав, вернемся от летописей и разрядов к нашей истории. В 20-х гг. XVI в. (несмотря на печальный опыт 1521 г.) система дальнего обнаружения выдвигания татар к государевой украине и оповещения об этом воевод на берегу еще только складывалась. Во всяком случае, ни в одном источнике не говорится о том, что выступление Ислам-Гирея было заблаговременно обнаружено. Можно лишь догадываться, чем было обусловлено решение Василия III отправить на берег дополнительные силы. Возможно, пока калга стоял на Молочных водах (?), сведения о том, что и его люди сосредоточились в этом районе, попали в Москву (через Азов? Или иным путем?). И тогда в русской столице решили на всякий случай подстраховаться (а сведения, судя по всему, были достаточно точными – как уже было отмечено выше, на берегу к середине августа собралось до 10–15 тыс. детей боярских с их послужильцами, тогда как у Ислама было людей около 10 или даже меньше тысяч). Однако время шло, а неприятель все не объявлялся, и 27 августа 1527 г. Василий, посоветовавшись с боярами, решил снять часть своих сил (5 воевод, 1–1,5 тыс. «сабель») с берега и отправить их на казанскую украину⁶. Правда, есть и другой ответ на вопрос, почему Василий III ослабил свои полки, стояв-

³ «А се роспись по берегу, как князь великий прибавил воевод на берег: на Коломне воеводы князь Василей Семенович Одоевской, боярин князь Иван Щетина Иванович Оболенской, князь Иван Иванович Барбашин, князь Василей князь Иванов сын Репнин, князь Никита князь Дмитриев сын Щепин, князь Иван Лугвица Прозоровской, князь Юрья да князь Василей Чюлок Ушатые, князь Семей князь Федоров сын Ситцкой. Да на Коломне же был князь Юрьев Ивановича воевода Помяс Заболотцкой с людьми».

⁴ Отметим также, что краткие сообщения о набеге Ислам-Гирея есть в ряде других летописей – например, в Вологодско-Пермской, а также в Соловецком летописце [См.: 4, с. 314; 11, с. 235].

⁵ «А были толды (т.е. в лето 1527 г. – В.П., Т.П.) дожди великие...» – сообщал автор Постниковского летописца [22, с. 16].

⁶ «Тово же году августа в 27 день велел князь великий с Коломны воеводам своим князю Ивану Ивановичу Борбашину итить на Унжу. А князю Ивану Лугвице Прозоровскому да князю Юрью да князю Василью

шие на берегу в ожидании прихода крымского царевича. В марте 1528 г. Н. Мясной вернулся из Крыма и передал Василию III грамоту от Саадет-Гирея. В ней крымский «царь» писал московскому государю, что де набег Ислам-Гирей предпринял не по его воле, а своим своевољством по наущению ширинского князя Мемеша, Айдешки-мурзы и некоторых других «князей» и мурз. Я, писал Саадет-Гирей Василию, посылал де племянника «на черкасы»⁷, но окружавшие его князья и мурзы уговорили того повернуть на московскую Украину с тем, чтобы нахватать здесь полону и разжиться «животами», после чего пустить полученные таким образом средства на продолжение борьбы за власть в Крыму [17, с. 251–252]. Вполне возможно, что до Москвы дошли слухи о том, что неприятель намерен двинуться с Молочных вод на Северный Кавказ (или же на Сигизмунда I?), а потому держать дальше немалые (по тем временам) силы на берегу не стоит.

Так или иначе, но сотни поместной конницы⁸, чавкая копытами коней по раскисшим от проливных дождей дорогам, в последних числах августа 1527 г. двинулись от Коломны на восток. Казалось, надвигавшаяся гроза миновала, и недалеко тот день, когда «большие» воеводы отправятся с большей частью детей боярских и их послужильцев по домам, а на берегу останутся немногие ратные люди нести службу на случай неожиданного появления небольших татарских отрядов, которые попробуют на свой страх и риск попытать счастья на государевой Украине. Но этим надеждам не суждено было оправдаться.

4 сентября 1527 г. в Москву к великому князю (незадолго до этого вернувшегося в столицу вместе с молодой женой из подмосковного села Воробьево, где Василий и Елена Глинская провели все лето [21, с. 15] прискакал гонец с берега с тревожной вестью: «Ислам царевич идет прямо к берегу, а с ним тритцать тысяч тотар» [26, с. 203]. Новость, что и говорить, была не ко времени – казалось, все, кампания завершилась, в воздухе чувствовалось холодное дыхание осени⁹, и вот под самый ее занавес татары, которые, как втайне надеялись и в Москве, и на берегу, уже не появятся, все-таки пришли. Надо полагать, что Ислам-Гирей и его окружение сумели улучшить момент для нападения – вряд ли их появление спустя неделю после того, как часть русских полков покинула свои позиции по Оке, было случайным. Но делать было нечего – проворонив приход крымцев, Василий, его бояре и воеводы должны были теперь предпринимать срочные меры для того, чтобы «крымский смерч» не повторился.

Первоначальная растерянность быстро прошла, и 5 сентября колеса московской военной машины завертелись с удвоенной силой. Василий III отправил на Коломну двух воевод с частью своего двора, двоюродных братьев Федора Лопату Оболенского (того самого, который в предыдущий, «царев», приход татар в 1521 г. неудачно бился с неприятелем, был ранен, взят в плен и потом выкуплен рязанским наместником И.В. Хабаром) и Ивана Овчину Оболенского (будущего фаворита Елены Глинской и ее соправителя). Стоявшие же на Кашире и на Коломне воеводы получили приказ идти к предполагаемому месту форсирования Оки татарами [26, с. 203]. Сам Василий с братьями не стал торопиться покидать столицу, выжидая «прямых» вестей о намерениях калги [22, с. 16].

Чюлку Ушатим, да князю Семену Ситцкому велел им итить в Нижней Новгород» [26, с. 203]. Здесь возникает вопрос – а не были ли действия Ислам-Гирея каким-то образом скоординированы с действиями же его двоюродного брата Сафа-Гирея, казанского «царя»? Во всяком случае, если речь шла о военной демонстрации, призванной подкрепить слова отправленного в Казань посла А.Ф. Пильмова [23, с. 272], то для нее количество отправленных с Оки на Унжу и в Нижний Новгород явно маловато, а для усиления группировки, размещенной на казанской Украине (11 воевод, 3–4 тыс. «сабель») – вполне достаточно [25, с. 71–72].

⁷ А.М. Некрасов отмечал, что, согласно грамотам от князей Мемеша, Довлет-Бахты и других, хан отправил калгу «на черкаскую Украину воевати». По его мнению, это означало, что Ислам-Гирей должен был снова атаковать владения Сигизмунда (логичный шаг со стороны Саадет-Гирея – а зачем великий литовский князь отпустил из затянувшегося сверх всякой меры пребывания в «гостях» Шейх-Ахмеда? – В.П., Т.П.), однако нарушил приказ дяди [19, с. 96, 99].

⁸ Кстати, похоже, что «сотенная» реформа, учиненная Иваном Грозным после 2-й Казани [См.: 12, с. 211–214], вовсе не была таким уж новшеством. Во всяком случае, в судебном деле, датированном 7032 (1523/1524) г., упоминается муромский сын боярский Иван Белой, который «у воевод был десятник на службе на Толстике» [10, с. 149]. А раз был десятник – значит, логично предположить, были и сотни, и «сотни», и задолго до 1550–1552 гг.

⁹ А и лето, и осень в 1527 г. выдались на редкость неблагоприятными – проливные дожди летом мы уже писали, а 22 сентября и вовсе выпал снег, который, согласно летописцу, пролежал полтора месяца [24, с. 282].

Судя по всему, долго дожидаться новых известий не пришлось. 5-го или 6-го сентября «пришла весть прямая, что Ислам, царевич крымской, да Исуп царевич сын Епончин, да два царевича, Ахмата Хромова дети, и мурзы многие пришли к берегу к Оке реке, похвалясь, и Оку реку хочет лести под Ростисловлем» [26, с. 203]. К этому перечню татарских военачальников автор Постниковского летописца добавлял имена еще двух мурз – некоего Кайдекеш-мурзу и Бахтиязыр-мурзу [22, с. 16]. Похоже, что последний – это наш старый знакомый, ширинский князь Бахтеяр-мурза, бывший московский доброхот. И если это так, то можно предположить, кем были два неназванных царевича, дети Ахмата Хромого – возможно, это Юсуф и Бачкак, младшие сыновья покойного Ахмед-Гирея, внуки Менгли-Гирея. Их мать, двоюродная сестра Бахтеяр-мурзы, после смерти Ахмеда жила у своего двоюродного брата [29, с. 56–57], и мурза взял племянников с собой в поход поучиться ратному делу.

С приходом «прямой» вести Василий III со своим двором и с братьями Андреем Старицким и Юрием Дмитровским (надо полагать, что и братья выступили в поход со своими дворами) 7 сентября («на рожество богородицы») покинул Москву и отправился в Коломенское. Оттуда 9 сентября великий князь со своими людьми выдвинулся по направлению к Оке, остановившись в 20 верстах от нее в ожидании гонцов с грамотами от береговых воевод [20, с. 543; 22, с. 16; 28, с. 283]. Готовясь покинуть столицу, Василий III оставил в городе на «хозяйстве» «князя Бориса Ивановича Горбатого (старый, заслуженный боярин, ходивший в походы еще при Иване III – *В.П., Т.П.* [См., например: 9, с. 73–74]) да Михаила Юрьевича (Захарьина – *В.П., Т.П.*), да казначея Петра Ивановича Головина». Им Василий «град велел укрепить и животы людем с посадов в град велел возити, и пушки и пищали во граде велел пристроити» – повторения событий 1521 г., когда Москва из-за неразберихи и безвластия едва не была взята татарами, великий князь не хотел ни при каких обстоятельствах. Забегая вперед, отметим, что угрозы непосредственно Москве так и не возникло, но, тем не менее, осадное положение в городе (и в ряде других городов) сохранялось на протяжении 5 (согласно Постниковскому летописцу – 7) дней [20, с. 544; 22, с. 16].

Тем временем, пока Василий III готовился отправиться на фронт и приводил Москву в готовность к отражению возможного нападения неприятеля, на окских бродах разыгралась кровавая трагедия. 6 сентября Ислам-Гирей вышел к Ростиславлю и на следующий день предпринял попытку переправы через реку. Здесь «на заставе» «не с многими людми» татар поджидали «бояре и воеводы князь Василей Ших Одоевской Семенович, боярин князь Иван Иванович Щетина Оболенской, князь Федор Васильевич Лопата Оболенской, князь Иван Федорович Офчина Оболенской, князь Василей Иванович Репнин, князь Микита Дмитриевич Щепин Оболенской» [26, с. 204] (выходит, что сюда, под Ростиславль, поспели к Исламову приходу воеводы с Коломны и отпущенные с Москвы двоюродные братья Оболенские). Эти 6 воевод и бывшие с ними примерно 2,5–3 тыс. детей боярских и их послужильцев приняли на себя первый удар неприятеля. Конечно, если бы татары, имея 3-х – 4-х – кратное преимущество в силах, предприняли бы решительный натиск, то вряд ли русские сумели бы удержать берег долгое время. Однако на руку русским воеводам сыграло несколько обстоятельств. Прежде всего, татары шли в набег за добычей, рассчитывая на внезапность, вступать в «прямое дело» с неприятелем они вовсе не стремились. Кроме того, из-за сильных дождей «в Оке была вода прибыльная», и переправа через разлившуюся реку оказалась затрудненной. И, наконец, очень скоро с Каширы на помощь русским воеводам прибыли воеводы «князь Федор Михайлович Мстиславской да князь Федор Васильевич Телепнев Овчина, князь Петр княж Федоров сын Охлебинин» [22, с. 16; 26, с. 204]¹⁰. С их подходом (а они

¹⁰ Князь Ф.М. Мстиславский – достаточно колоритная личность, о которой стоит сказать несколько слов. Князь Федор был сыном князя Михаила Мстиславского (Ижеславского), сидевшего в пограничном литовском городе Мстиславле. В 1514 г., после взятия Смоленска, когда полки Василия III обступили Мстиславль, князь перешел на службу к московскому государю, но после того, как воеводы Василия потерпели поражение под Оршей, переметнулся обратно к Сигизмунду [См., например: 13, с. 151–152]. Его сын Федор в июле 1526 г. (рассорившись с отцом? В сентябре 1527 г. старый князь Мстиславский был еще жив – см.: 1, с. 181–182) перебрался в Москву [23, с. 271], оказавшись последним крупным представителем знати Великого княжества Литовского (если не считать кратковременной службы князя Д. Вишневецкого Ивану Грозному), переселившимся и осевшим на Москве. «Приятый» «с великою любовию честно», молодой Мстиславский был пожалован Василием «княж Васильевские городки Шемячича в вотчину: Ярославца да Кременец, да волость Мышегу», а в кормление Федор получил еще и город Каширу [4, с. 313]. Более того, стремясь покрепче привязать Мстиславского к себе, в 1529 г. Василий выдал за него замуж княжну Наста-

привели с собой примерно 1,5 тыс. всадников) ситуация на бродах через Оку под Ростиславлем улучшилась. Как писал летописец, «воеводы с Ысламом с царевичем билися и стрелялися об реку от утра и до вечера. И от берега татар отбили и многих татар в реце побили» [22, с. 16].

Таким образом, предпринимавшиеся татарами на протяжении всего дня 7 сентября 1527 г. попытки переправиться через разлившуюся реку, как видно из летописи, успеха не имели. С левого, высокого берега Оки русские всадники успешно бились «лучным боем» с врагом и расстреливали пытавшихся переплыть мутные воды татар, не неся при этом существенных потерь. До настоящего сражения дело так и не дошло – отнять берег у русских татары так и не смогли (с этим и связано, очевидно, использование летописцем термина «стравка». «Словарь русского языка XI–XVII вв.» определяет значение «стравки» как «боевая стычка», а глагола «стравитися» – завязать бой, начать перестрелку. Примерно также определяет значение «стравки» и В.И. Даль [5, стб. 562; 27, с. 115]).

В итоге к вечеру Ислам-Гирей, видя безуспешность своих попыток сбить полки Василия III с занимаемых ими позиций (а время между тем истекло – фактор внезапности окончательно был утрачен, и вот-вот должны были подойти главные силы московского войска во главе с самим великим князем), приказал прекратить атаки. С наступлением темноты татары отошли в свой лагерь. Отступили к своему обозу-кошу и русские, оставив на берегу сторожей наблюдать за действиями неприятеля.

В ночь на 8 сентября Ислам-Гирей, посоветовавшись со своими князьями и мурзами, принял решение отступить. В русской летописи, как обычно, было отмечено, что «Ислам царевич, не постояв ни часа, вскоре от берегу побежал и из земли пошел прочь с великим срамом в рожество пречистые в неделю» [22, с. 16]. Его отход вскоре был замечен русскими сторожами, и об этом было немедленно послано донесению Василию III, благо он, как уже было отмечено выше, стоял неподалеку от мест событий. Спустя несколько часов от великого князя пришел приказ воеводам преследовать неприятеля за Окой [20, с. 543].

Надо полагать, что воеводы, по обыкновению, держа главные силы в кулаке, отправили за реку отборных «резвых людей» с наказом атаковать и уничтожить отколовшиеся от основной массы татар отдельные отряды¹¹, которые, не желая уходить домой несолоно хлебавши («а полону царь Аслан не взял ничего» [22, с. 16], на свой страх и риск попробуют пограбить деревни за Окой. Отправленные вдогон дети боярские успешно (если судить по записям в разрядных книгах и летописях) справились с поставленной задачей: «И великого князя дети боярские за реку перешли да тотар многих побили и изымали Исламова любовника (приближенного, близкого советника и фаворита – *В.П., Т.П.*) Аклыча мурзу, великова человека» [26, с. 204]. По свидетельству Типографской летописи, за Окой «лехкие» воеводы дважды успешно атаковали татарские отряды – под Зарайском и на Осетре, а потом преследовали неприятеля до самого Дона [30, с. 223]. Однако сам Ислам-Гирей с большей частью своего воинства «пошел борзо из земли», сумев уйти от преследователей [23, с. 272].

И в завершение рассказа небольшое лирическое отступление о том, что «не в силе Бог, а в правде». В помещенной в Новгородской IV летописи повести об отражении Исламова набега есть небольшой нравоучительный сюжет, касающийся «безумного князя поганого Алая» (видимо, отражающий реальное событие, имевшее место в ходе преследования отступающего неприятеля русскими отрядами). Этот Алай, въехав со своим двором в некое государево село, решил сжечь стоявшую в том селе «церковь Никола чудотворец». Дважды попытки зажечь церковь у Алая не удались (надо полагать, во всем виноваты были те самые проливные дожди), но в конце концов «безумный князь поганый Алай не убоясь страха Божия, зажже церковь святого Николу». Однако Господь покарал богохульника – «подняся церковь, и в том часе узреша его воеводы великого князя, воя многи начаша за ним скакати, и прискочиша на место погоревшия церкви, и ту узреша его». Оказывается, «безумный»

сю, дочь татарского царевича Петра (того самого, который вместе с московскими боярами от имени Василия выдал Мухаммед-Гирею грамоту с обязательством московского великого князя платить дань крымскому «царю»). Тем самым Федор Мстиславский породнился с московским правящим домом [9, с. 128]. Правда, сделать блестящую карьеру Федору Мстиславскому так и не удалось – видимо, он был недоволен статусом не удельного, а служилого князя и дважды попадал в опалу по подозрению в желании отъехать обратно в Литву. Умер Ф.М. Мстиславский в 1540 г., так и не став боярином, но то, что не смог сделать отец, сделал его сын – Иван, один из виднейших политических и военных деятелей времен Ивана Грозного, один из «столпов» Московского царства.

¹¹ «И воеводы послаша за ним многих детей боярских за реку» [22, с. 16].

Алай «удержан бысть гневом Божьим и милосердием великого Бога, невидимою силою, и молением государя благоверного князя Василья Ивановича всеа Руси и пресвященного митрополита Данила и слезами всех православных крестьян». Алай был схвачен, доставлен к Василию и допрошен, ну а что было с ним дальше – летописец умолчал [20, с. 543–544]¹².

Судьба же татарских послов Чабык-мурзы и Яныш-князя со свитой, задержанных по приказу Василия III еще до событий 1527 г., была более определенной и вместе с тем печальной. Разгневанный вероломством Саадет-Гирея и Ислам-Гирея, великий князь приказал казнить послов. Чабык-мурза со товарищи были «посажены в воду», т.е. утоплены [8, с. 312–313]. Правда, несколько позднее, в ноябре 1527 г., отправляя в Крым служилого татарину Байкулу, Василий повелел ему сообщить Саадет-Гирею, что де московские черные люди, узнав о нападении Ислам-Гирея, отбили у приставов татарских послов и утопили их, за исключением князя Чалпана и еще 4-х татарин из состава посольства [17, с. 251]. Крымский «царь» принял это объяснение. Однако был ли у него иной выход? Ведь неудачная экспедиция калги за ясырем на московскую Украину разрушила зыбкое равновесие и согласие в Крыму и способствовала возобновлению борьбы за власть между дядей и племянником (и стоявшими за их спинами могущественными аристократическими кланами). Крымская «замятня», начавшаяся вскоре после убийства Мухаммед-Гирея I в Астрахани и учиненного астраханцами и ногаями погрома на «острове Каффы», продолжилась.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. 442 с.
2. Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII вв. М., 2005. 464 с.
3. Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962. 263 с.
4. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. XXVI. М., 2006. 432 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1909. 850 с.
6. Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004. 216 с.
7. Западнорусские летописи // ПСРЛ. Т. XVII. М., 2008. 384 с.
8. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. 452 с.
9. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. 350 с.
10. Из истории центрального и местного управления в XVI в. // Исторический архив. 1960. № 3. С. 144–150.
11. Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М. 1981. С. 223–243.
12. Курбатов О.А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 1. М., 2009. С. 211–224.
13. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 2010. 320 с.
14. Лашков Ф.Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 9. Симферополь, 1890. С. 1–47.
15. Летописец из рукописи Серапиона Курцова / Новикова О.Л. Материалы для изучения русского летописания // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.-СПб., 2009. С. 162–167.
16. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. 151 с.
17. Малиновский А.Ф. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 178–419.
18. Милюков П.Н. Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1887. Кн.2. IV. Исследования. С. 12–14.
19. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. 128 с.

¹² Видимо, именно этот эпизод лапидарно изложен был в Типографской летописи: «Воеводы великого князя пошли за ними и достиже, били их оу Николе оу Зораского. И бысть им бой, и ти побиша безбожных многих. И на том бою поимаша Ипакова племянника, а с ним иных татар многих» [30, с. 223].

20. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. 690 с.
21. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 31–220.
22. Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 8–30.
23. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. 302 с.
24. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. VII. М.-Л., 1951. С. 258–299.
25. Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. 613 с.
26. Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. II. М., 1977. 218 с.
27. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М., 2008. 303 с.
28. Софийские летописи // ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. 359 с.
29. Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 3–71.
30. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. XXIV. М., М., 2000. 288 с.
31. Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. 227 с.
32. Черкас Б.В. Ольшаницька битва 1527 р. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2008. № 8. С. 53–59.
33. Черкас Б.В. Остафій Дашкович – черкаський і канівський староста XVI ст. // Український історичний журнал. 2002. № 1. С. 53–67.
34. Черкас Б.В. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20–30-х роках XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). 2000. №1. С. 97–118.
35. Acta Tomisiana. Т. IX. Posnaniae, 1876. 362 s.
36. Lietuvos Metrika. Kn. 15 (1528–1538). Vilnius, 2002. 446 p.

Сведения об авторах: Виталий Викторович Пенской – профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация); penskoy@bsu.edu.ru

Татьяна Михайловна Пенская – доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация); penskaya@bsu.edu.ru

“Islanova stravka” (Islam-Giray’s Raid)

V.V. Penskoj, T.M. Penskaja
(Belgorod State National Research University)

Allied relations between Moscow and the Crimea began to gradually cool down after the death in 1505 of the Moscow Grand Prince Ivan III and in 1521 the Crimean Khan Muhammad Giray I made a successful campaign against the Russian State. He defeated Russian troops near Kolomna and devastated the neighborhood of Moscow. The Moscow Grand Prince Vasily III was forced to accept the vassal status and pledged to pay a tribute. The success of the 1521 was remembered in the Crimea and in Moscow. The Crimean ruling elite wanted to repeat the success of 1521 but Moscow sought to prevent this. In September 1521, the son of Mohammed Giray, Prince Islam Giray tried to follow in the footsteps of his father. However, his raid was retaken by Russian troops. This little-known page of Russian-Crimean conflict is interesting on both sides. It shows the characteristics of Russian border guards and the organization of the defense against Tatar raids on the river Oka. In addition, the history of Islam Giray's raid must be placed in the context of a complex diplomatic game and political intrigues in the triangle Moscow – Crimea – Lithuania and shows the complexity and confusion prevailing in Eastern Europe after the collapse of the Great Horde.

Keywords: Russia, Crimea, Russian-Crimean relations, Vasily III, Crimean Giray dynasty, Russians, Crimean War.

References

1. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu Kommissieyu* [Acts Relating to the History of Western Russia Collected and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. II. 1506–1544. St. Petersburg, 1848. 442 p.
2. Ankhimuk Yu.V. *Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII vekov* [Private Books of Official Orders Containing Records for the last quarter of the 15th – early 17th centuries]. Moscow, 2005. 464 p.

3. Buganov V.I. *Razryadnye knigi posledney chetverti XV – nachala XVII v.* [Record Books of Official Orders of the last quarter of the 15th – early 17th centuries]. Moscow, 1962. 263 p.
4. Vologodsko-Permskaya letopis' [The Vologda-Perm Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXVI. Moscow, 2006. 432 p.
5. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Vol. IV. Moscow, 1909. 850 p.
6. Zaytsev I.V. *Mezhdru Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nachalo XV – pervaya polovina XVI vv.)* [Between Moscow and Istanbul. The Jochid States, Moscow, and Ottoman Empire (beginning of the 15th – the first half of the 16th centuries)]. Moscow, 2004. 216 p.
7. Zapadnorusskie letopisi [The Western Russian Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XVII. Moscow, 2008. 384 p.
8. Zimin A.A. *Rossiya na poroge novogo vremeni (oчерki politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI v.)* [Russia Entering a New Time (essays of Russian political history of the first third of the 16th century)]. Moscow, 1972. 452 p.
9. Zimin A.A. *Formirovaniye boyarskoy aristokratii v Rossii vo vtoroy polovine XV – pervoy treti XVI v.* [Formation of the Boyar Aristocracy in Russia in the second half of the 15th – the first third of the 16th centuries]. Moscow, 1988. 350 p.
10. Iz istorii tsentral'nogo i mestnogo upravleniya v XVI v. [From the History of Central and Local Government in the 16th century]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archives]. 1960, no 3, pp. 144–150.
11. Koretskiy V. I. *Solovetskiy letopisets kontsa XVI v. [Solovetsky Chronicler of the late 16th century]. Letopisi i khroniki* [Annals and Chronicles]. 1980. Moscow, 1981, pp. 223–243.
12. Kurbatov O.A. Reorganizatsiya russkoy konnitsy v seredine XVI v.: ideynye istochniki i tseli reform tsarskogo voyska [Reorganization of the Russian Cavalry in the middle of the 16th century: The Ideological Sources and Purposes of the Tsarist Forces' Reform]. *Edinorog". Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy* [The Unicorn. Materials on the Military History of Eastern Europe]. Is. 1. Moscow, 2009, pp. 211–224.
13. Krom M.M. *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy treti XVI v.* [Between Rus and Lithuania. Frontier Lands in the System of Russian-Lithuanian Relations of the end of the 15th – the first third of the 16th centuries]. Moscow, 2010. 320 p.
14. Lashkov F.F. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Krymskogo khanstva s Moskovskim gosudarstvom v XVI i XVII v.v., khranyashchiesya v Moskovskom Glavnom Arkhive Ministerstva Inostrannykh Del [Monuments of Diplomatic Relations between the Crimean Khanate and Moscow State in the 16th and 17th centuries Stored in the Moscow Main Archives of the Ministry of Foreign Affairs]. *Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arkhivnoy komissii* [Proceedings of the Tauride Academic Archival Commission]. Is. 9. Simferopol, 1890, pp. 1–47.
15. Letopisets iz rukopisi Serapiona Kurtsova [Chronicler from the Manuscript Serapion Kurtsov]. Novikova O.L. *Materialy dlya izucheniya russkogo letopisaniya* [Materials for the Study of Russian Chronicle Writing]. *Oчерki feodal'noy Rossii* [Essays of the Feudal Russia]. Is. 13. Moscow-St. Petersburg, 2009, pp. 162–167.
16. Litvin M. *O nrvakh tatar, litovtsev i moskvityan* [On the Mores of Tatars, Lithuanians, and Muscovites]. Moscow, 1994. 151 p.
17. Malinovskiy A.F. *Istoricheskoe i diplomaticheskoe sobranie del, proiskhodivshikh mezhdru rossiyskimi velikimi knyaz'yami i byvshimi v Krymu tatarskimi tsaryami s 1462 po 1533 god* [Historical and Diplomatic Collection of Affairs Taking Place between the Russian Grand Dukes and Former Crimean Tatar Tsars from 1462 to 1533]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Vol. V. Odessa, 1863, pp. 178–419.
18. Milyukov P.N. *Offitsial'nye i chastnye redaktsii drevneyshey razryadnoy knigi* [Official and Private Edition of the Most Ancient Record Book of Official Orders]. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh*. 1887. Kn.2. IV. *Izledovaniya*, pp. 12–14.
19. N ekrasov A.M. *Mezhdunarodnye otnosheniya i narody Zapadnogo Kavkaza (poslednyaya chetvert' XV – pervaya polovina XVI v.)* [International Relations and Peoples of the Western Caucasus (the last quarter of the 15th – the first half of the 16th centuries)]. Moscow, 1990. 128 p.
20. Novgorodskaya chetvertaya letopis' [The Fourth Novgorod Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. IV. Part. I. Moscow, 2000. 690 p.
21. Piskarevskiy letopisets [The Piskarevsky Chronicler]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34. Moscow, 1978, pp. 31–220.
22. Postnikovskiy letopisets [The Postnikovsky Chronicler]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34. Moscow, 1978, pp. 8–30.
23. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku [Continuation of the Chronicle according to the Voskresensky Copy]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. VIII. Moscow, 2001. 302 p.
24. Prodolzhenie khronografa redaktsii 1512 goda [Continued Chronograph in Edition of 1512]. *Istoricheskiy arkhiv* [Historical Archives]. Vol. VII. Moscow-Leningrad, 1951, pp. 258–299.
25. *Razryadnaya kniga 1475–1598* [Record Book of Official Orders 1475–1598]. Moscow, 1966. 613 p.

26. *Razryadnaya kniga 1475–1605* [Record Book of Official Orders 1475–1605]. Vol. I. Part. II. Moscow, 1977. 218 p.
27. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Russian Dictionary of the 11th–17th centuries]. Is. 28. Moscow, 2008. 303 p.
28. Sofiyskie letopisi [The Sofian Chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. VI. St. Petersburg, 1853. 359 p.
29. Syroechkovskiy V.E. Mukhammed-Girey i ego vassaly [Muhammad Giray and His Vassals]. *Uchenye zapiski Moskovskogo ordena Lenina Gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova*. Is. 61. *Istoriya* [Scientific Notes of the Lomonosov Moscow State University. Iss. 61. History]. Vol. 2. Moscow, 1940, pp. 3–71.
30. Tipografskaya letopis' [Typographical Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. XXIV. Moscow, 2000. 288 p.
31. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Alma-Ata, 1992. 227 p.
32. Cherkas B.V. Ol'shanits'ka bitva 1527 r. [The Olshanytska Battle of 1527]. *Ukraina v Tsentral'no-Skhidniy Evropi (z naydavnishikh chasiv do kintsya XVIII st.)* [Ukraine in Central and Eastern Europe (from ancient times to the late eighteenth century)]. 2008, no. 8, pp. 53–59.
33. Cherkas B.V. Ostafiy Dashkovich – cherkas'kiy i kanivs'kiy starosta XVI st. [Ostafy Dashkovych – The Cherkassy and Kanev Headman of the 16 century]. *Ukrains'kiy istorichniy zhurnal* [The Ukrainian Historical Journal]. 2002, no. 1, pp. 53–67.
34. Cherkas B.V. Politichna kriza v Krim'skomu khanstvi i borot'ba Islam-Gireya za vladu v 20–30-kh rokakh XVI st. [Political Crisis in the Crimean Khanate and Islam Giray's Struggle for Power in the 1520–30's]. *Ukraina v Tsentral'no-Skhidniy Evropi (z naydavnishikh chasiv do kintsya XVIII st.)* [Ukraine in Central and Eastern Europe (from ancient times to the late eighteenth century)]. 2000, no. 1, pp. 97–118.
35. *Acta Tomiciana*. Vol. IX. Posnaniae, 1876. 362 p.
36. *Lietuvos Metrika*. Kn. 15 (1528–1538). Vilnius, 2002. 446 p.

About the authors: Vitaliy Viktorovich Penskoj – Professor, Belgorod State National Research University, Dr. Sci. (History) (308015, Pobeda st., 85, Belgorod, Russian Federation); penskoj@bsu.edu.ru

Tat'yana Mikhaylovna Penskaya – Assistant Professor, Belgorod State National Research University, Cand. Sci. (History) (308015, Pobeda st., 85, Belgorod, Russian Federation); penskaya@bsu.edu.ru

УДК 903.22; 355.48; 94(477); 94(47).047

**«...И против них не ставали
они нигде и биться с ними не умеют».
Оружейный и военно-тактический аспект
калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн
первой половины – середины XVII в.***

Л.А. Бобров

(Новосибирский государственный университет)

М.А. Рюмишн

*(Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской Академии наук)*

В статье рассмотрены основные этапы военной экспансии ойратов (калмыков) в западный Дашт-и Кипчак в первой половине – середине XVII в., а также оружейные и военно-тактические аспекты калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн данного исторического периода. Выделены четыре этапа калмыцкой военной экспансии: «Заволжский» (1607–1634), «Волжско-Кавказский» (1635–1644), «Поволжский» (1645–1653) и «Кавказско-Причерноморский» (1654–1667). Проанализированы комплекс вооружения и тактика крымских татар, ногаев и ойратов XVI – первой половины XVII вв. Установлено, что успехи калмыков в войнах с тюркскими номадами были обусловлены не только внутривосточной слабостью ногайских орд и их союзников, но и собственно военными факторами, в том числе более совершенным комплексом кавалерийского вооружения и эффективной тактикой конного боя. Главными военно-тактическими новинками принесенными калмыками из Центральной Азии в Восточную Европу были легкая копейная и массовая панцирная («куяшная») конница. Калмыцко-ногайские и калмыцко-татарские войны оказали значительное влияние на эволюцию военного дела народов региона. Так, например, идея легкой копейной конницы была заимствована тюркскими кочевниками и российскими казаками. Через посредничество польско-литовских татар она получила распространение в Польше, где на базе легкой иррегулярной копейной конницы постепенно сложилась новая разновидность европейской регулярной кавалерии, получившей широкую известность под названием «улань».

Ключевые слова: калмыки, ногаи, крымские татары, вооружение кочевников, тактика боя.

Исторический период, охватывающий XVII – первую половину XVIII вв., не случайно именуется в научной литературе «Эпохой малого монгольского (ойратского) нашествия». Это было время последнего масштабного всплеска военно-политической активности монголоязычных кочевников Центральной Азии. В первой половине XVII в. ареал военной активности ойратов (западных монголов)¹ включал огромные пространства внутренней Евразии от причерноморских степей на западе до Тибета на востоке, и от лесов Западной Сибири на севере до пустынь Мавераннахра на юге. Если толчком к Великим завоеваниям XIII в. стала консолидация монгольских номадов вокруг фигуры Чингиз-хана и его приемников, то важнейшей причиной «Малого нашествия» послужили центробежные тенденции внутри племенного союза «Дурбэн Ойрат» («Четыре Ойрата»)². В результате многолетних войн на два фронта (против северо-монгольской державы Алтын-ханов и Казахского ханства), а также перманентных конфликтов между правящими аристократическими домами, ойратские племена, одно за другим, стали покидать места своего традиционного обитания. Часть родов подчинилась казакам, другие признали сюзеренитет Алтын-ханов. Однако основная масса ой-

* Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

¹ Тюркские народы традиционно именовали ойратов «калмыками» («калмаками»). Данное название закрепилось за западными монголами и в русском языке.

² В начале XVII в. основу союза формировали четыре ойратских племени: чоросы, хошоуты, торгоуты и дербеты.

ратов, уступая натиску хотогойтов, двинулась в западном направлении. В конце XVI – начале XVII в. орды хошоутов, торгоутов и дербетов хлынули в степи Северного Казахстана и Западной Сибири. Авангардные группы ойратов продолжали движение в западном направлении пока не вышли к Эмбе, где их с удивлением обнаружили кочевавшие здесь уже несколько столетий ногайские роды³. Ожесточенная война, вспыхнувшая между ногаями их крымско-татарскими и северокавказскими союзниками с одной стороны, и пришельцами с востока с другой продолжалась с перерывами более 150 лет и сыграла важную роль в истории народов западной части Великой степи. В схватку тюркских и монгольских кочевников прямо или опосредованно оказались втянуты крупнейшие державы региона – Московское царство, Речь Посполитая и Османская империя. В свою очередь, крымские татары, ногаи и калмыки приняли активное участие в Русско-польских, Польско-турецких и Русско-турецких войнах. Конфликт номадов органично вписался в большую геополитическую «игру» великих держав, полем для которой, в период позднего Средневековья и раннего Нового времени, стала территория Восточной Европы и Северного Кавказа.

Тема калмыцко-ногайского и калмыцко-татарского противостояния первой половины XVII в. неоднократно привлекала к себе внимание отечественных и зарубежных исследований. Из наиболее значимых работ последнего времени можно отметить монографии В.В. Трепавлова и В.Т. Тепкеева [28; 29]. В тоже время не все стороны данного военного конфликта изучены в достаточной степени. Если общий ход боевых действий, политические и социально-экономические вопросы, связанные с освоением калмыками Северного Прикаспия исследуются давно и плодотворно, то собственно военно-историческая проблематика (вооружение, тактика, военная организация противников, причины побед и поражений в конкретных битвах и военных кампаниях) изучена в значительно меньшей степени. Однако именно эта тема представляет для современных исследователей особый интерес. «Степная Иллиада» XVII в. была не просто войной тюркских и монгольских номадов, но и столкновением двух антагонистических военных систем эволюционировавших за три столетия из единого Имперско-чингизидского корня [7].

Целью настоящей статьи является военно-исторический анализ оружейного и военно-тактического аспекта ногайско-калмыцких и татарско-калмыцких войн первой половины – середины XVII в. (от начала ойратской экспансии в земли ногаев до завершения Русско-Польской войны 1654–1667 гг.).

Достижению поставленной цели способствует тот факт, что отдельные эпизоды интересующей нас темы уже становилось объектом специальных научных исследований. Так, в частности, особенности военного дела ногаев рассмотрены В.В. Трепавловым [29, с. 167–172]. Военное искусство крымских татар XVI–XVII вв. изучали С.А. Ищенко, С.В. Дмитриев, В.В. Пенской [15; 17; 26]. Военной истории калмыков XVII в. посвящены монографии К.П. Шовунова, А.Н. Басхаева [2; 31], а вооружение и тактика ойратов (в том числе волжских калмыков) были проанализированы Ю.С. Худяковым и автором настоящей работы [3; 7; 8].

Прежде чем приступить к анализу военного искусства тюркских кочевников Восточной Европы и их монголоязычных противников, выделим основные этапы ногайско-калмыцкого и татарско-калмыцкого противоборства первой половины – середины XVII в.

Первый этап ойратской экспансии локализуется 1607–1634 гг. По географии боевых действий он может быть назван «Заволжским».

По меткому выражению В.В. Трепавлова ойратская экспансия в земли ногаев в первой трети XVII в. носила «пульсирующий характер» [29, с. 139]. Совершив набег и разгромив очередной ногайский улус, калмыки возвращались на восток, где Ойратский союз вел тяжелую войну с хотогойским хунтайджи и казахскими ханами. Русские письменные источники фиксируют ойратские вторжения во владения Большой Ногайской орды в 1607, 1613, 1617, 1619, 1622, 1624, 1625, 1628, 1630, 1633, 1634 гг. [28, с. 22, 25; 29, с. 138, 139, 143, 144]. В канун ойратского нашествия Большая Ногайская орда переживала глубокий политический и экономический кризис. Военный потенциал некогда «тмочисленных» ногаев, в результате междоусобиц, голода и миграций значительно сократился. Но и ойраты могли использовать на западном направлении лишь часть своих армий. В результате, численность войск противников была вполне сопоставима⁴. Тем не менее,

³ Первоначально на острие ойратской экспансии в Северный Прикаспий находились хошоуты, однако затем их сменили торгоуты во главе с тайшой Хо-Урлюком и его сыном Дайчином [28, с. 36].

⁴ Ногайская армия нурадина Шайтерека совершавшая набеги на русские области в 1611–1612 гг. насчитывала 7–12 тыс. чел. В другом набеге принимали участие 20 тыс. всадников [29, с. 131, 133]. В начале 30-х гг.

уже первые боевые столкновения показали, что ногаям нечего противопоставить пришельцам с востока. Ойраты уверенно громили ногайские ополчения и шли от победы к победе. Попытка ордынской знати сколотить действенный антикалмыцкий союз с участием Москвы и Бухары потерпела крах. Улусы Большого Ногая охватила паника. Спасаясь от калмыков часть ногаев, переправилась на западный берег Волги и ушла во владения крымского хана, другая откочевала на Северный Кавказ, а третья укрылась под защитой пушек астраханского гарнизона. Однако многие ногайские роды, оставшиеся на волжском левобережье, признали власть ойратских тайшей и начали поставлять воинов в калмыцкие армии⁵. В 1632 г. знамена ставки Хо-Урлюка уже развевались над волжскими берегами. Военные успехи разожгли аппетиты торгоутских князей (тайшей). Важной частью ойратской политической стратегии становится идея подчинения всех ногайских племен и превращение ногаев в зависимое податное население. Это приводит к столкновению с Московским государством, которое являлось формальным сюзереном Большой Ногайской орды. Первое большое сражение русско-ногайской армии с калмыками произошло у р. Большой Узень 22 апреля 1633 г. Битва продолжалась до захода солнца. Стрельцы отразили атаки калмыцкой конницы, но утром следующего дня выяснилось, что астраханский корпус окружен ойратами. После переговоров тайши согласились выпустить русских, вернуть захваченный ясырь, но взамен добились согласия не препятствовать ногаям, которые пожелают «добровольно» кочевать с калмыками. Итоги сражения произвели большое впечатление на ногайских мирз, которые до этого воспринимали стрельцов едва ли не как панацею от всех внешних военных угроз. Убедившись, что русская пехота неспособна сокрушить калмыков в полевом сражении, мирзы дали обещание кочевать с калмыками [28, с. 46–48]. Завершающие удары по ногаям Волжско-Яицкого междуречья калмыки нанесли в январе 1634 г., после чего с Большой Ногайской ордой на восточном берегу Волги было покончено. С этого времени за волжским левобережьем, которое раньше соседи называли Ногайским, закрепляется название Калмыцкая степь.

Второй этап ногайско-калмыцкого противостояния (1635–1644 гг.), по основному театру боевых действий, может быть назван «Волжско-Кавказским». В этот период ойратская экспансия в регионе достигает своего пика. Главным объектом калмыцкой военной агрессии становятся ногайские кочевья на правом берегу Волги и Северном Кавказе. Особенностью данного периода является резкое обострение русско-ойратских противоречий. В значительном числе боевых столкновений на стороне ногаев сражались отряды Московского государства.

В январе 1635 г. 10-тысячная армия тайши Дайчина подошла к Астрахани, где устроила настоящую облаву на ногаев-едисан. Высланный из города на помощь едисанам русско-татарский корпус, так и не решился покинуть свой вагенбург и сразиться с ойратами [28, с. 53, 54]. Через два года (в январе 1637 г.) калмыцкие войска вновь двинулись к Астрахани, но в этот раз русские и едисаны сумели подготовиться к нападению. Гарнизон города был значительно усилен, а ногайские станы прикрыты рвами, бревенчатыми оградами и сторожевыми башнями. Кроме того в разгар похода выяснилось, что яицкие казаки атаковали калмыцкие улусы на Эмбе. Дайчин ринулся к Яику, «жестокими приступами» штурмовал казачий городок, но взять его не смог [28, с. 70, 71]. В феврале 1641 г. калмыки в третий раз подступили к Астрахани. Тайша Даян-Эрке разгромил стрелецкую заставу, а затем нанес поражение русско-ногайскому корпусу воеводы И.Н. Траханиотова в сражении у р. Кутум [28, с. 103]. В это же время калмыки и туркмены тайши Бадмы атаковали Яицкий городок, под которым «бились большим боем» со стрельцами и казаками [28, с. 105, 106].

Нараставшее военное давление на Астрахань и правобережных ногаев, торгоуты одновременно развернули наступление на среднеазиатском направлении. Объектом их набегов стали туркменские кочевья, Ургенч, Хива и Балх. В результате, часть туркменских и казахских родов признали сюзеренитет калмыцких тайшей, а правителем Ургенча стал зависимый от ойратов мирза Айтек [28, с. 61, 64, 68, 75, 76, 87, 88]⁶.

XVII в. численность войск ойратов-торгоутов (по данным татар) составляла около 22 тыс. чел. (12 тыс. чел. у Хо-Урлюка, 10 тыс. чел. у Дайчина) [28, с. 49].

⁵ Так, например, уже после похода 1628 г. под властью Хо-Урлюка находилось около 40 тыс. ногаев [29, с. 144].

⁶ Есть основания полагать, что калмыки-торгоуты действовали бы еще более агрессивно, если бы не конфликт с их могущественными восточными сородичами (т.н. «чакарскими калмыками») занимавшими степи юга Западной Сибири. Боевые действия с «чакарцами» вынуждали торгоутов держать значительные силы

В первой половине 40-х гг. XVII в. взоры калмыцкой знати обратились к Северному Кавказу, где укрылись ногайские роды нашедшие приют у кабардинских князей. Подчинение кубанских и терских ногаев позволило бы торгоутам объединить под своей властью большую часть населения Большой и Малой Ногайских орд и резко увеличить свое влияние в регионе. Однако здесь калмыцкая «коса» нашла на геополитический «камень». Агрессивная политика тайшей привела к стихийному складыванию антикалмыцкой коалиции. Ее ядро образовали Малая Ногайская Орда и кабардинские княжества. К ним примкнули Крымское ханство и некоторые горские народы Северного Кавказа. На стороне коалиции фактически выступило и Московское государство, обеспокоенное нарастающим давлением ойратов на Поволжье и Предкавказье.

В июле 1643 г. царь Михаил Федорович санкционировал начало большого похода против калмыков. Самарский воевода Л.А. Плещеев во главе отборного отряда снабженного пушками и большим количеством боеприпасов вошел в степь и разгромил один из калмыцких улусов, захватив «оружие и военную сбрую» [28, с. 111].

Однако этот поход уже не мог сорвать давно планировавшееся ойратское вторжение на Северный Кавказ. Калмыцкие войска двинулись в поход тремя эшелонами. Наряду с ойратами в походе приняли участие зависимые от торгоутов ногайские роды. Осенью 1643 г. калмыцкий авангард ведомый тайшой Лузаном (2 тыс. ойратов, 500 ногаев) провел разведку боем. Ойраты атаковали и разгромили ногайские кочевья на Кубани, а на обратном пути нанесли поражение отряду астраханских стрельцов.

Второй эшелон ойратских войск под командованием Даян-Эрке выступил в поход осенью того же 1643 г.⁷ Однако на этот раз союзники сумели скоординировать свои действия. Терские воеводы успели предупредить кабардинцев, кумыков и терских ногаев о надвигающейся угрозе. 4 января 1644 г. под Терским городком состоялось сражение, в котором калмыкам противостояли терские казаки, черкесы и юртовские татары. В ходе упорной битвы им удалось отразить натиск калмыцкой конницы. Получив подкрепление, Даян-Эрке возобновил наступление, нанеся удар по терским ногаям, кумыкам и эндирейцам. Битва в горах не выявила победителя, и Даян-Эрке принял решение начать отвод войск. Этим воспользовались терские и астраханские воеводы, которые атаковали калмыков на переправах через Терек и Волгу. Калмыки прорвались с боем, перейдя обе реки по льду.

В то время, как Даян-Эрке сражался с терцами, в дело вступил третий эшелон калмыцких войск во главе с тайшой Хо-Урлюком (более 10 тыс. чел.). Острие удара было направлено на Кабарду, где укрывались многочисленные ногайские роды. В сражении на р. Малка калмыки опрокинули кабардинский авангард (1 тыс. чел.), а затем, в ходе встречного боя на р. Псигон-псу заставили отступить главные силы кабардинско-ногайской армии. Союзники отходили в горы, увлекая за собой ойратскую конницу. Решающее сражение произошло в одном из горных ущелий. Укрывшиеся на склонах гор и в самом ущелье кабардинские и ногайские стрелки открыли по калмыкам интенсивный ружейный огонь. В то время, как главные силы торгоутов атаковали стрелков блокировавших горный проход, другие воины союзной армии с саблями в руках атаковали фланги и тыл калмыцкой колонны⁸. Зажатая в ущелье, лишенная возможности маневрировать калмыцкая конница потерпела страшное поражение. Вырвавшихся из окружения торгоутов кабардинцы и ногайцы преследовали до самой Астрахани. Погибли 14 калмыцких тайшей (в том числе Хо-Урлюк и его сын Кирсан). Были убиты и попали в плен около 10 тыс. калмыков, только 2 500 воинов вернулись в родные кочевья.

Развивая успех коалиции, летом 1644 г. из Астрахани и Самары выступили русские войска, которые нанесли удар по калмыцким улусам и вытеснили ойратов за Яик [28, с. 129]. Кабардинская катастрофа существенно подорвала военную мощь калмыков-торгоутов. Вопреки распространенному мнению она не остановила ойратскую экспансию в регионе, но сыграла важную роль в изменении направления военной активности калмыков.

на своих восточных границах [28, с. 57–61, 72–77, 100–102, 110]. Другим фактором влиявшим на внешнюю политику торгоутов была разгорающаяся степная война с племенами башкир [28, с. 89–92, 96].

⁷ Отряд самого Даян-Эрке насчитывал 2 500 чел. Общая численность второго эшелона торгоутской армии (вместе с резервами) составляла около 10 тыс. чел. [28, с. 114, 116].

⁸ В битве на стороне союзников принимали участие отряды горских народов (более 2 тыс. чел.) и Крымского ханства. Причем якобы именно крымцы нанесли решающий удар в тыл калмыцкой армии [28, с. 119].

Третий («Поволжский») этап тюрко-ойратского противостояния (1645–1653 гг.) характеризуется постепенным вовлечением калмыков в политическую орбиту Российского государства. Данный процесс шел медленно и сопровождался многочисленными военными эксцессами. Уже через два года после Кабардинского похода калмыки совершили набег на ногаев волжского правобережья, а летом 1647 г. разбили отряд казанских татар (500 чел.) [28, с. 158–160]. В 1649–1650 гг. ойраты неоднократно сходились на полях сражений с русскими войсками, ногаями, яицкими и терскими казаками [28, с. 190–198, 218, 220, 221, 225–227, 233]. Большим ожесточением отличались башкирско-калмыцкие столкновения, разросшиеся в настоящую степную войну [28, с. 182–186, 218, 233]. Тем не менее, дипломатические переговоры московского правительства и калмыцких тайшей продолжались. Их итогом стали шерти 1650 и 1655 гг. в которых калмыки отказывались от ведения агрессивных войн в отношении подданных Российского государства и оговаривали варианты военного сотрудничества. Москва старалась перенаправить военную активность торгоутов против своих внешнеполитических противников и, в первую очередь, против Крымского ханства. В значительной степени ей это удалось. Ойраты дважды (в 1648 и 1651 гг.) ходили в походы на Крым. Но оба раза не слишком удачно. В 1648 г. кочевавшие недалеко от Дона ногаи Урмаметьева улуса смогли ускользнуть из под удара калмыцкой армии⁹, откочевав к Днепру и Перекопу. В 1651 г. крымские улусы атаковали войска тайши Лузана (4–15 тыс. чел.). Но и в этот раз ногаи вовремя узнали о калмыцком вторжении, и большая их часть успела бежать за Перекоп. Оценив обстановку, Лузан принял решение разделить свою армию. Сам он остался громить татарские и ногайские улусы в Северном Причерноморье, а часть своих войск отправил в набег на Крым. Однако Лузан недооценил своих противников. Укрывшиеся в «крепких местах» ногаи, усиленные отрядами татарских царевичей, дали бой и разгромили захватчиков. Лузан не стал повторно атаковать полуостров, и, завершив облаву в Причерноморье, повел свои войска на восток. Крымский хан не решился преследовать калмыков [25, с. 52, 53, 54, 55, 56; 28, с. 212–215]. Не смотря на не слишком удачный опыт походов на Крым, калмыцкие тайши проявляли к данному направлению все больший интерес. В условиях обострения русско-татарских противоречий война с Крымом давала ойратам хорошую возможность громить ногаев, уже не в качестве противника, а в качестве союзника Российского государства. В свою очередь, Москва была заинтересована в калмыцкой коннице в канун решающей схватки с Речью Посполитой и Крымским ханством за Украину.

Четвертый («Кавказско-Причерноморский») этап калмыцкой экспансии в Восточную Европу и Северный Кавказ связан с Русско-Польская войной 1654–1667 гг. Выступая в качестве союзников и вассалов московского царя калмыцкие тайши резко расширили ареал своей военной активности, включив в него Северный Кавказ, Причерноморье и левобережную Украину.

Впервые калмыки появилась на театре боевых действий еще в конце 1655 – начале 1656 гг., чем не на шутку встревожили власти Крыма не без основания опасавшихся воинственных пришельцев с Востока. Однако очередное обострение российско-калмыцких отношений подвигло тайшей увести свои отряды за Волгу [25, с. 15, 26–29; 28, с. 241, 258–260, 268]. Тяжелые поражения московских войск в 1659–1660 гг. вынудили царское правительство активизировать переговорный процесс с ойратской знатью. Начиная с 1659 г. калмыцкая конница все активнее вовлекается в боевые действия сначала против ногаев и татар, а затем и против войск Речи Посполитой.

Вплоть до лета 1661 г. главным объектом военной активности калмыков являлись улусы Большого и Малого Ногая. В ходе вторжений на Северный Кавказ (самое масштабное состоялось осенью 1660 г.) они подвергли разгрому ногайские улусы, кочевавшие под Азовом, Темрюком, Тарками и Эндиреем. Ногаи понесли тяжелые потери. Дербетский Солом-Церен в письме царю Алексею Михайловичу сообщал, что было совершено 13 военных походов, убито семь «начальных мурз», а четырех мурз «взяли в полон» [28, с. 294]. Крымский хан просил калмыков о мире, но это предложение было отвергнуто. Главным итогом военных походов калмыков 1659–1661 гг. стал превентивный разгром восточных улусов Большого и Малого Ногая – потенциальных союзников Крыма в борьбе с Московским государством. Разрушительные ойратские вторжения не позволили тюркским кочевникам региона оказать масштабную помощь крымскому хану в борьбе с российскими войсками в критический момент войны. Победы калмыков на Северном Кавказе обеспечили безопасность южного фланга и тыла московских армий, которые вели тяжелые бои против татарских, казацких и польских войск на Украине.

⁹ По данным современников она насчитывала 20–60 тыс. чел. [28, с. 168].

Начиная с осени 1661 г. основной целью калмыцких вторжений становится непосредственно Крым. Для атаки на татарские улусы в причерноморских степях тайши обещали царскому правительству выставить 10-тысячную конную армию. Ойраты учли опыт походов на Крым 1648 и 1651 гг. и предпочли использовать стратегию малой войны, в ходе которой, против крымских улусов действовали небольшие мобильные отряды, совершавшие нападения на татарские и ногайские кочевья, а затем стремительно отступавшие вглубь степи. Если татары решались преследовать калмыков и покидали свои укрепленные таборы, то ойраты охотно принимали бой. Подобный подход оказался исключительно эффективен, так как благодаря своему вооружению и тактике калмыки выходили победителями в подавляющем большинстве кавалерийских степных сражений [7]. В результате, за полтора года боевых действий Крымскому ханству был нанесен значительный военный и экономический ущерб¹⁰. Неспособность обеспечить защиту татарских и ногайских улусов от калмыцких набегов, а также угроза ойратского вторжения на полуостров привела к важным изменениям в военной стратегии крымского командования. Начиная с весны 1663 г. татарские полководцы были вынуждены резко сократить военную активность на Украине и начать стягивать войска к Перекопу. Ставка была сделана на стратегию активной обороны. Так строительство новых укреплений в районе перешейка должно было воспрепятствовать калмыцкому вторжению на полуостров, в то время, как конная крымская армия оснащенная, по калмыцкому образцу, копьями и пиками вышла в степь перед Перекопом, чтобы дать ойратам генеральное сражение.

Весной 1663 г. степи под Перекопом стали ареной масштабных сражений калмыцких и татарских армий. Первый большой бой произошел под Перекопом весной 1663 г.: «... и на том де бою крымских многих людей они [калмыки] побили, и ясыря и лошадей и скота поймали» [1, с. 172]. Не успели крымцы оправиться от поражения, как они были вторично атакованы под Перекопом «многими калмыцкими людьми» второго эшелона ойратской армии. В ходе второго «большого боя» под Перекопом крымская конница была вновь опрокинута. Ойраты преследовали и убивали крымцев вплоть до земляного вала отделявшего полуостров от большой степи: «И с крымскими де людьми был бой большой, и калмыки де крымских людей побили ж, топтали их до самой Перекопи» [1, с. 172].

Пока основные силы калмыков были заняты в боях под Крымом, тысячный калмыцкий корпус из первого эшелона ойратских войск совместно с армией запорожских казаков разгромил большой ногайско-татарский табор по Цыбульником [1, с. 171, 172]. Ойраты провели набег под Чигирин, вторично разгромили ногаев под Крыловом и «кош татарский взяли». Рискнувший преследовать калмыков татарский отряд был разбит на р. Омельничек [1, с. 169]. В течение лета-зимы 1663 г. калмыки пять раз (самостоятельно и вместе с запорожцами) атаковали полуостров, жгли и грабили татарские улусы. Во время одного из набегов в плен чуть не попал хан Мухаммед-Гирей, а в декабре того же года в сражении на р. Колончак был убит знаменитый Карач-бей [1, с. 148, 149; 25, с. 97].

Продолжая действовать в степях Северного Причерноморья, тайши, в тоже время посылают свои отряды на территорию Левобережной и Правобережной Украины. В начале 1664 г. общая численность калмыцкой армии на Украине достигает 20 тыс. всадников¹¹. Ойратские войска отрывают Крым от Азова и перехватывают выходящие в степь татарские и ногайские отряды и посольства [1, с. 202, 209]. Опасаясь ойратского вторжения на полуостров, крымские войска стягиваются к Перекопу. В июне 1664 г. украинско-калмыцкий корпус вторгается на Правобережную Украину и последовательно громит три татарских отряда (под Корсунью, за Уманью и в Саранчинском

¹⁰ В частности, было уничтожено до 10 тыс. крымцев (в том числе известные крымские военачальники Сары-мирза, Казы-мирза, Казымбек-ага и др.), захвачены десятки тысяч лошадей, многочисленные коровьи стада и овечьи отары. Польские пленные передавали депрессивные настроения, охватившие татар и ногаев после калмыцких вторжений: «от калмыцкого разоренья их [крымцев] стало мало, лутче б де им смерть, а не явное разорение, николи де ниотково такого разоренья не бывало, какое разоренья им ныне чинитца» [28, с. 320, 321]. Помимо прочей добычи трофеями калмыков стали не менее пяти знамен и бунчуков крымских татар, а также пищали и другое оружие [7].

¹¹ Много это или мало? Для сравнения: лояльные России ногаи в XVI–XVII вв. никогда не выставляли в московскую армию более 2 тыс. чел., а мобилизация башкир в 1812 г. дала российским войскам 14 840 всадников [11, с. 65; 29, с. 202].

лесу) [1, с. 203, 210; 28, с. 326, 327]¹². Одновременно калмыцкие отряды атакуют Перекоп и Азов. Во второй половине 1664 г. калмыцкие отряды действуют на левом берегу Днепра, под Крымом и на Северном Кавказе.

В битве под Белой Церковью (21.05.1665 г.) – последнем большом полевым сражении Русско-Польской войны, массированная атака калмыцкой конницы (около 7 тыс. чел.), поддержанная казаками и русскими ратниками приносит победу московско-украинской армии. Интересно, что в ходе сражения ойраты заставили отступить элитные соединения польской кавалерии (гусары, рейтары, «пансырные») и «немецкую» пехоту, а также захватили большое количество трофеев, в число которых попали многочисленные «пансыри», «збруи», гусарские копыя и доспехи [1, с. 274, 281, 283].

В то время, как одна калмыцкая армия (7 тыс. чел.) сражалась с поляками вместе с гетманом И. Брюховецким, другая (около 10 тыс. чел.) вместе с запорожцами двинулась на Крым. Под Перекопом калмыки в очередной раз столкнулись с татарско-ногайскими войсками и вновь одержали блестящую победу [1, с. 283]. Весьма эффективно калмыки и казаки сражались в 1665 г. и под Азовом. В 1666 г. на Украине действовал 5-тысячный калмыцкий корпус [28, с. 339, 340].

Завершая обзор участия калмыков в Русско-Польской войне 1654–1667 гг. следует отметить, что их роль в боевых действиях до сих пор не оценена историками по достоинству. Калмыцкая конница стала главным стратегическим «оружием» Москвы в борьбе с крымскими и ногайскими войсками, которые, благодаря своей мобильности, были практически неуязвимы для армий организованных и вооруженных по европейскому образцу. Появление калмыцких армий на театре боевых действий привело к резкому снижению активности крымско-татарских войск на Украине, что оказало существенное влияние на ход всей войны. На заключительном этапе боевых действий калмыки составляли значительную (а в отдельных операциях большую) часть конницы Московского государства [7].

Приведенный обзор калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. свидетельствует о значительном военном превосходстве ойратских армий над своими противниками из числа тюркских кочевников Восточной Европы. Так, например, из 49 боевых столкновений периода Русско-Польской войны 1654–1667 гг. в 45 битвах (в том числе во всех крупных сражениях) победа оставалась за ойратами. Что касается успехов ногайских и крымско-татарских войск то в большинстве случаев они были обусловлены численным превосходством, эффективным использованием пересеченной горной местности и применением огнестрельного оружия. В чем же причина доминирования ойратской конницы в полевых сражениях? Для того, чтобы ответить на данный вопрос, необходимо обратиться к особенностям эволюции оружейного комплекса и тактики ведения боя тюркских кочевников Восточной Европы и монгольских кочевников Центральной Азии XVI–XVII вв.

Военное искусство крымских татар и ногаев XVI – первой половины XVII вв.

Вопреки распространенному мнению, эпоха позднего Средневековья и раннего Нового времени является самостоятельным и весьма важным этапом эволюции военного искусства тюркских кочевников Восточной Европы.

Развитие военного дела крымских татар и ногаев XVI–XVII вв. определялось относительной неразвитостью собственных оружейно-производственных центров, составом и системой организации армии, что, в свою очередь, оказывало существенное влияние на комплекс вооружения и тактику ведения боя. Большое значение имел и тот факт, что Крымское ханство находилось в состоянии перманентной конфронтации со своими оседлыми соседями. Прокатившаяся по Евразии «Пороховая революция» резко увеличила военный потенциал оседло-земледельческих держав¹³. Для того, чтобы эффективно противостоять многочисленному, хорошо вооруженному и организованному противнику степные правители должны были трансформировать собственные вооруженные силы применительно к новым военно-политическим реалиям региона.

Линия эволюции оружейного комплекса тюркских кочевников Восточной Европы заданная монгольским завоеванием и реформами ордынских правителей XIII–XIV вв. была существенным образом скорректирована в XV–XVI вв. Разрушительные вторжения Тимура, ожесточенные междоусобные войны, разгром городских ремесленных центров и разрыв традиционных торговых связей при-

¹² В сражении в Саранчинском лесу казакам и калмыкам противостоял сводный татарско-польский отряд [1, с. 210].

¹³ Подробней о «Пороховой революции» см. [27].

вели к ухудшению снабжения войск кочевников защитным и наступательным вооружением. Венецианский посланник А. Контарини интересовавшийся военным делом татар Большой Орды 70-х гг. XV в. отмечал: «В целой орде не наберется более 2000 человек, вооруженных мечами и луками; остальные совершенно безоружны» [18, с. 98]. Со схожими проблемами столкнулись и другие тюркские номады Восточной Европы. Так, например, дефицит качественного вооружения ощущался среди ногаев, которые, по данным В.В. Трепавлова: «...видимо абсолютно не знали металлургии» [29, с. 157]. В более выигрышном положении находились правители Крымского ханства. Им удалось наладить торговые связи с Турцией и народами Северного Кавказа. Кроме того, в их владениях находились несколько относительно крупных ремесленных центров. Теоретически, владыки Бахчисарая могли организовать централизованное снабжение своих войск клинковым оружием, копьями, панцирями и шлемами возродив «латные кошуны» времен Тохтамыша [20, с. 23]. Однако этого не произошло ни в XVI в., ни в первой половине XVII в. И дело здесь не только в колоссальной стоимости подобной программы перевооружения, но и в том, что в условиях «Пороховой революции» массовая панцирная конница крымской армии оказалась попросту не нужна.

Вооруженные силы Крымского ханства рассматриваемого исторического периода состояли из ханской гвардии, дружин бегов, ополчений кочевых тюркских племен и отрядов вассалов. Военная организация армии представляла собой сочетание родо-племенной и десятичной систем. Общая численность крымских войск на протяжении первых двух столетий существования государства возросла примерно с 15 тыс. чел. в начале XVI в. до 40–60 тыс. чел. в первой половине XVII в. [26, с. 58, 59, 61]. Однако доспехами и качественным оружием ближнего боя могли похвастать лишь очень немногие воины. Как правило, это были представители татарской аристократии, родовой знати, их приближенные, телохранители и дружинники¹⁴. Основную массу крымских войск составляли ополченцы, набранные из числа татарских и ногайских кочевников. Именно они определяли облик вооруженных сил ханства. Подавляющее большинство номадов не имела возможности приобрести дорогие импортные доспехи ввозившиеся в Крым с территории Османской империи и Северного Кавказа, а местное панцирное производство, в силу различных причин, не получило в ханстве должного развития. Ощущалась нехватка и других видов вооружения и в первую очередь сабель. Особенно остро данная проблема стояла для ордынских отрядов укомплектованных ногайскими мигрантами с востока, численность которых, в крымской армии, на протяжении XVI – первой половины XVII в. неуклонно возрастала¹⁵.

Авторы XVI – первой половины XVII вв. оставили многочисленные и весьма подробные описания вооружения крымских татар и ногаев рассматриваемого периода. Приведем некоторые из них.

Австрийский посол в Московию в 1517 и 1526 гг. Сигизмунд Герберштейн: «Их оружие- луки и стрелы; сабля у них редка [Здесь и далее курсив наш – Л.Б.]... Если дело доходит до ближнего или рукопашного боя, они быстро бывают разбиты, так как не имеют ни щитов, ни копий, ни клинков, ни шлемов, чтобы противостоять врагу в правильной битве» [12, с. 267, 268].

¹⁴ Судя по данным вещественных, изобразительных и письменных источников оружейный комплекс крымских татар XVI–XVII вв. представлял собой региональный вариант Западноазиатской военно-культурной традиции доминировавшей в Мусульманском мире и (до начала XVII в.) в Московском государстве. На вооружении крымско-татарской знати находились кольчатые и кольчато-пластинчатые панцири, зеркальные доспехи, шлемы, миссюрки, наручи, набедренники и щиты османского, иранского, северокавказского и московского производства. Некоторые представители аристократии прикрывали броней и своих боевых коней. Дружинники и гвардейцы приобретали вооружение за собственный счет, или получали его от своих сюзеренов. Основной разновидностью корпусных панцирей гвардейцев, дружинников и наиболее состоятельных ополченцев были кольчуги и стеганые «тягеляи» изготовленные османскими или северокавказскими мастерами. Некоторое количество вооружения поступало в Крым из Турции в качестве султанских «подарков» и «жалованья». Так, например, перед походом на Астрахань в 1568 г. хану были присланы 70 «доспехов» и 70 «шеломов», а также 300 «портиш» «бархата, камок и атласов золотых на тягеляи татарам». Тогда же Касим-паша передал хану в качестве «жалованья» для его воинов 1 тыс. тягеляев, и еще столько же крымцы должны были купить в г. Козлеве. Главным оружием военной элиты ханства были саадаки и сабли. Значительно реже применялись боевые топоры, булавы и дротики. Длинными ударными пиками и копьями были вооружены лишь отдельные панцирники и воины элитных ударных подразделений.

¹⁵ По данным В.В. Трепавлова: «К концу XVI в. крымская конница уже в значительной степени состояла из ногаев» [29, с. 203]. В первой половине XVII в. ногайские корпуса Крыма пополнили новые тысячи ногайских беженцев откочевавших в степи Причерноморья спасаясь от наступающих калмыцких орд.

М. Литвин (середина XVI в.)¹⁶: «Когда в моем присутствии царь отправлял с своим сыном половину войска в помощь туркам в Венгрию, его насчитали 15 000; хотя в поход выступали отборные татары, но снарядились они обыкновенным образом, т.е. были почти безоружны; *едва десятый или двадцатый из них был вооружен саблею или колчаном, панцири же встречались еще реже*; одни имели только палки костяные или деревянные, другие были препоясаны пустыми ножами без оружия¹⁷. *Щитов, копий и другого оружия подобного рода они совсем не знают... не имеют обыкновения надевать шлемы*» [21, с. 11, 12, 24].

Польский посланник в Крым М. Броневский (1578 г.): «Татары употребляют на войне оружие, известное с древнейших времен, именно: копье, кривую и длинную татарскую саблю, турецкий кинжал или персидский, короткий и широкий из отличного железа, или дорогой турецкой работы; длинные и быстрые стрелы, колчан, а иногда короткое копье. Они надевают также панцири, шлемы и вообще вооружение персидское или московское, доставшееся им в добычу» [10, с. 364–367].

Французский наемник на российской и польской службе Ж. Маржерет (1600–1606, 1610–1611 гг.): «Эти наездники [крымские татары] столь искусны, что на всем скаку прыгают с одной лошади на другую; *кроме лука, стрел и сабли другого оружия не знают*, стреляют крепче и вернее на бегу, нежели стоя неподвижно...» [24, с. 85, 234–236].

Английский посланник в Московию в 1588–1589 гг. Д. Флетчер: «Они [крымские татары] все выезжают на конях и *не имеют при себе ничего, кроме лука, колчана со стрелами и кривой сабли на манер турецкой*. Они отличные наездники и так же хорошо стреляют назад, как и вперед. Некоторые, кроме другого оружия берут с собой пики, похожие на рогатины, с которыми ходят на медведей.¹⁸ *Простой воин не носит других доспехов, кроме своей обычной одежды*, т.е. черной бараньей шкуры, надеваемой днем шерстью вверх, а ночью шерстью вниз, и такой же шапки. Но мурзы, или дворяне, подражают туркам и в одежде, и в вооружении» [30, с. 91].

Французский инженер на польской службе в 1630–1647 гг. Г. Боплан: «Простые [татары] надевают на плечи бараний тулуп, выворачивая его шерстью наружу во время зноя и в дождь. Вид их в такой одежде при неожиданной встрече в поле приводит в ужас, ибо их можно принять за белых медведей, оседлавших лошадей. Во время холодов и зимой они выворачивают свои тулупы шерстью внутрь, то же делают и с шапкой, сделанной из такого же материала. Вооружены они саблями, луком с колчаном, снабженным 18–20 стрелами, за поясом нож, огнивом для высекания огня, шилом и 5–6 саженьями веревок, чтобы связывать пленников, которых они могут захватить во время похода... *Только самые богатые носят кольчуги, остальные же, за неимением таковых, отправляются на войну [считай] голыми*» [9, с. 219, 221].

Как видим, практически все авторы сходятся на том, что главным оружием крымско-татарских воинов XVI – первой половины XVII вв. были лук и стрелы, в то время, как ударные копья и пики, а также защитное вооружение имели незначительное распространение. Исключение составляет сообщение М. Броневского, однако судя по упоминанию турецких и персидских кинжалов «из отличного железа, или дорогой турецкой работы», а также «персидского и московского вооружения» польский посланник описал внешний вид не рядовых воинов, а представителей крымско-татарской знати.

Данные письменных источников хорошо коррелируются с изобразительными материалами. Из более чем 200 изображений крымско-татарских и ногайских воинов выполненных европейскими и азиатскими художниками XVI–XVII вв. копьями снабжены менее 9%, панцирями менее 14%, а саблями менее 50% степняков. В качестве оружия татар в подавляющем большинстве случаев показаны луки и стрелы. Этот факт выглядит тем более впечатляющим, если учитывать что на многих картинах и миниатюрах приведены изображения не рядовых ополченцев, а татарских аристократов и их дружинников.

¹⁶ Михалон Литвин – псевдоним под которым историки склонны видеть посланца короля Сигизмунда I в Крымское ханство Михаила Тишковича [21, с. 4, 5] или участника посольства в Крым в 1542–1543, 1554 гг. Венцеслава Миколаевича [24, с. 226].

¹⁷ Возможно, за «пустые ножны» М. Литвин принял колчаны для дротиков («джид»), которые внешне действительно могли напоминать широкие «пустые ножны».

¹⁸ По всей видимости, имеется в виду особый вид длиннодревкового оружия, известный в русском языке XVI–XVII вв. под названием «рогатина». Отличительной особенностью рогатины был наконечник с широким листовидным пером насаженный на относительно короткое массивное древко.

Подчеркнутая легкость оружейного комплекса «ветроподобных татар»¹⁹ была обусловлена не только существующей системой снабжения, неразвитостью оружейных производств, составом войск, но и тактикой ведения полевого сражения, а также особенностями военного дела противников Крымского ханства.

Экономические трудности кочевников Восточной Европы, вызванные нашествием Тимура и междоусобицами XV в., совпали по времени с существенным изменением геополитической ситуации в регионе. Начиная со второй трети XVI в. главным противником крымских татар становятся армии оседло-земледельческих народов, хорошо оснащенные доспехами, огнестрельным и клинковым оружием. Копьеносные «крылатые» гусары, закованные в сталь рейтары, затянутые в кольчуги и бехтерцы воины русской поместной конницы были не только прекрасно вооружены, но и хорошо обучены и дисциплинированы. Вступать в ближний бой с таким противником для плохо вооруженных кочевников было крайне опасно. Это вынуждало крымско-татарских полководцев избегать рукопашных схваток, и вести динамичный кавалерийский бой на большой и средней дистанции с акцентом на массированное применение мощных сложносоставных луков «турецкого типа» дальность настильной стрельбы которых, превосходила дальность стрельбы пистолетов²⁰. Именно на такой способ ведения сражения были ориентированы все основные тактические приемы крымских татар: «хоровод»²¹, «тулгана»²², притворное отступление²³ и др.²⁴ В случае контратаки противника, татары уходили из под удара вражеских латников, используя преимущество в скорости, которое давали им легкие степные кони. Таким образом, базовыми факторами татарской военной практики второй половины XV – XVII вв. стали мобильность и массированный лучной бой. В этих условиях массовой панцирной коннице, аналогичной тяжело-вооруженным «кошунам» времен Тохтамыша, в военном искусстве татар XVI–XVII вв. просто не осталось места. Защитное вооружение превратилось в прерогативу знати, наиболее богатых ополченцев и воинов элитных подразделений. Соответственно резко снизилось значение длиннодревкового оружия и конного копейного боя. Символом крымской армии в XVI в. окончательно становится легкий конный лучник. В рукопашную схватку такие бездоспешные всадники вступали крайне неохотно и лишь при значительном численном превосходстве. При этом, главным оружием ближнего боя были не ударные копья и пики, а сабли, а также дубины, палицы, кистени и т.д. И без того малочисленное длиннодревковое оружие было представлено в основном рогатинами и дротиками. К началу XVII в. роль копейной атаки в военном искусстве крымских татар была минимизирована, а у ногаев она и вовсе вышла из широкого военного обихода²⁵.

Сравнивая оружейный комплекс и кавалерийскую тактику крымских татар XVI–XVII вв. и золотоордынцев XIV в. некоторые авторы спешат заявить о «деградации» военного дела крымцев, по сравнению с их предшественниками. На наш взгляд более правильно говорить о мимикрии военного искусства тюркских кочевников Восточной Европы к меняющимся условиям позднего Средневековья и раннего Нового времени. Характерно в данной связи, что приспособление к новым реалиям оказалось весьма успешным. Об этом свидетельствуют многочисленные победы крымско-татарской конницы над московскими, польскими, литовскими и украинскими войсками в XVI–XVII вв.

¹⁹ Выражение Э.Челеби.

²⁰ При ведении навесной стрельбы крымцы посылали стрелы на расстояние вдвое превышавшее дальность стрельбы гладкоствольных ружей XVII в. [9, с. 245].

²¹ Данный тактический прием был впервые проанализирован М. В. Гореликом [14, с. 156, 157]. «Хоровод»-оригинальный кольцевидный строй кочевников для ведения обстрела противника на средней и малой дистанции [5, с. 233–237].

²² «Тулгана» – охват фланга (флангов) противника, с выходом в тыл, сопровождаемый массированной лучной стрельбой. Один из самых эффективных тактических приемов тюркских кочевников XIV–XVI вв. [5, с. 237–241]. Примеры применения «тулгана» крымскими татарами зафиксированы М. Литвиным, Э. Челеби и др.

²³ Притворное отступление – тактический прием представляющий собой провоцирующую атаку с последующим контролируемым (притворным) отступлением (сопровождаясь лучной стрельбой по преследователям) завершающимся массированным контрударом [5, с. 241–243].

²⁴ Данные тактические приемы и их эволюция подробно проанализированы нами в серии специальных работ [5; 20].

²⁵ Необходимо отметить, что сокращение числа конных копейщиков было общей тенденцией для армий большинства государств Европы и Западной Азии второй половины XVI– первой половины XVII вв. [6, с. 115, 116].

Вооружение и тактика крымских татар весьма точно соответствовали военно-политической стратегии Крымского ханства ориентированной не на присоединение и удержание, а на ограбление соседних территорий. Важнейшим источником дохода крымских татар XVI–XVII вв. была военная добыча, захватываемая в ходе набегов на земли соседних оседло-земледельческих государств. Даже во время больших походов с заявленными политическими целями, важнейшим критерием оценки удачности военного предприятия служило количество приобретенных трофеев (материальных ценностей, пленных, скота). Задача удержать за собой разоряемые земли собственными силами, как правило, не ставилась. Политико-экономическая стратегия Крыма оказывала прямое воздействие на стратегию военную. Основой боевых действий крымских войск являлись быстрые рейды вглубь территории противника. Татарские военачальники стремились избежать генеральных сражений и длительных осад хорошо укрепленных крепостей. Вражеские армии крымцы старались бить по частям, широко применяя глубокие и скрытные обходные маневры. Нанеся серию стремительных ударов и разграбив окрестности, татарские отряды уходили в степь, где настигнуть их силами тяжелой кавалерии европейского образца было практически невозможно. При реализации подобной стратегии большинство оперативных тактических задач решалось силами легкой стрелковой конницы.

Слабости крымско-татарской армии были оборотной стороной ее достоинств. Акцент на маневр и лучший удар предполагал высокую мобильность войск способных, в случае необходимости, организованно и быстро покинуть поле сражения, а затем также стремительно вернуться и неожиданно атаковать фланги и тыл противника. Но как не старались степные полководцы избежать позиционных боев, обстоятельства битвы могли потребовать от татарской армии вести сражение от обороны. А вот с этим у крымских войск были серьезные проблемы. Малочисленность панцирников и копейщиков делали крымцев уязвимыми в ближнем бою и снижали устойчивость татарских войск на поле сражения в целом. Значительную сложность представлял и встречный бой с многочисленной ногайской конницей использующей схожее вооружение и тактику. Выход из ситуации военачальники ханства видели в применении инновационных видов вооружения и новых тактических приемов.

Важным трендом развития военного дела крымских татар XVI–XVII вв., стало распространение огнестрельного оружия. Первые отряды ружейных стрелков («тюфенгчи») появились в крымской армии уже в конце XV – начале XVI вв. [26, с. 59]. Сами татары относились к новому оружию весьма настороженно, поэтому костяк стрелковых подразделений составили прибывшие из Турции янычары, к которым впоследствии добавились представители оседлых народов из числа подданных, вассалов и союзников Крымского ханства: греки, черкесы, грузины, евреи, абхазы и др. Из османского военного искусства крымцами был заимствован вагенбург («зарбузан арабалары»). На повозках размещались легкие пушки («зарбузан»), а внутри табора укрывались ружейные стрелки. Конница формировала авангард, фланги и вторую линию построения. Таким образом, вагенбург представлял собой опорный центр боевых порядков армии и был призван обеспечить устойчивость крымских войск в ходе сражения. Конные татарские лучники могли отступить к укреплениям «зарбузан арабалары», перегруппироваться под прикрытием его ружейного и пушечного огня, а затем вновь повторить атаку. В случае необходимости, пехотинцы-«тюфенгчи» должны были отразить возможную контратаку противника. Подобный вариант построения являлся разновидностью османского строя «Дестур-и-Руми» получившего в XVI в. распространение во всем Мусульманском мире. [4, с. 113, 114; 26, с. 62]. Однако потенциал данной тактики ограничивался слабым распространением огнестрельного оружия в крымских войсках²⁶. Если в столкновениях с ногаями и черкесами вагенбург зарекомендовал себя с лучшей стороны, то в боях с русскими, литовцами и поляками немногочисленные огнестрельные соединения оказались малоэффективны [26, с. 62]. Кроме того, тележные обозы существенно сдерживали скорость передвижения крымской армии, лишая ее тем самым одного из главных конкурентных преимуществ. В результате, со второй половины XVI в. крымские военачальники стали прибегать к вагенбургам все реже и реже [26, с. 62, 63]. Своеобразной альтернативой вагенбургу и важным элементом поддержки татарской конницы в больших полевых сражениях являлись армии сюзеренов, вассалов и союзников Крымского ханства, имеющих в своем составе многочисленные пехотные отряды,

²⁶ Численность ружейных стрелков-«тюфенгчи» в армии Крымского ханства даже во время больших походов обычно не превышала 1 тыс. чел. [29, с. 60, 62].

снабженные огнестрельным оружием (янычары, запорожские казаки), и панцирную конницу (османские сипахи).

Комплекс вооружения и тактика ногаев была схожа с крымско-татарской с той лишь разницей, что доспехи, длинноклинковое и огнестрельное вооружение в войсках Большой Ногайской орды имели еще меньшее распространение, чем в крымских армиях, а ударные пики и вовсе вышли из широкого военного обихода²⁷. Главным оружием ногайских всадников были лук и стрелы. Известное распространение имели дротики. В случае ближнего боя применялись дубины, ножи, боевые топоры и только самые богатые воины сражались саблями. Кольчатые панцири московского, северокавказского и османского производства носили, преимущественно, представители ногайской знати. Дефицит защитного вооружения вынуждал ногайских мирз регулярно обращаться к московским царям и крымским ханам с просьбой прислать «пансырь добрый», «тягилий бархатный» и т.д. [29, с. 170]. Отряды ружейных стрелков в ногайских войсках появились не позднее середины XVI в. Однако они были крайне немногочисленны и как правило состояли из иностранцев – мигрантов «из мусульманских стран» и русских стрельцов [29, с. 83–85, 87, 127, 130, 135, 137, 170, 171]. Военная организация ногаев, представляла собой сочетание родоплеменной и десятичной структуры. Ногайские отряды, обычно, состояли из членов одного эля (племени). В письменных источниках упоминаются сотники, что предполагает наличие сотенных подразделений [29, с. 168]. К сожалению, о существовании более крупных и мелких войсковых единиц (тысяч, десятков) точных данных нет. Формально верховным главнокомандующим ногайской армии считался бий. Однако в результате административных преобразований внутри Ногайской орды в 30-х гг. XVI в. часть функций по военному руководству были переданы нурадину (главе правого крыла орды) [29, с. 198].

К моменту ойратского нашествия, военное искусство крымских татар и ногаев представляло собой региональный вариант Позднетюркской военно-культурной традиции доминировавшей в XVI в. на просторах Дашт-и Кипчак от причерноморских степей до Центрального Казахстана. На полях сражений господствовала легкая лучная конница, опиравшаяся на отряды ружейных стрелков укрывающихся в окопах и вагенбургах. Идея огнестрельной пехоты была заимствована степными военачальниками из военной практики оседлых государств Западноазиатской военно-культурной традиции. Однако в отличие от османских янычар отряды ногайских и крымских «тюфенгчи» были слишком малочисленны, чтобы эффективно противостоять новой военной угрозе надвигающейся на земли тюркских кочевников с Востока.

Вооружение и тактика калмыков первой половины – середины XVII в.

Ойратское вторжение в западный Дашт-и Кипчак произвело сильное впечатление на местных номадов, что нашло свое отражение, как в степных преданиях, так и в русских и османских письменных источниках. Брившие голову и исповедовавшие ислам, ногаи и татары с ужасом взирали на монголоидных пришельцев с востока говоривших на гортанном языке, поклонявшихся Будде, носивших огромные серьги и длинную косу, ниспадавшую на спину. Однако не меньшее удивление и страх вызывало военное искусство завоевателей, которые, казалось, не знали поражений.

Если татары, ногаи, кочевые узбеки и казахи на протяжении столетий культивировали искусство лучной стрельбы и связанные с ним тактические приемы позволяющие избегать рукопашной схватки, то военное дело монголоязычных кочевников Центральной Азии эволюционировало в прямо противоположном направлении.

²⁷ В несколько лучшем положении находились кочевники Малой Ногайской орды, откочевавшие во второй половине XVI в. в Приазовье и Прикубанье. Панцири и сабли они могли приобретать у живших по соседству северокавказских народов. Описывая ногайских воинов «племени Чобан», кочующих в горах и степях «Черкессии», Э.Челеби отмечал в 1666 г.: ««Все двадцать тысяч сильных и отважных ногайских воинов с колчанами и в доспехах являются богатырями, хорошо вооруженными смелыми мужами на сытых лошадях... Оружие то же, что и у других, быстрых как ветер, красноречивых, приятных, победоносных народов. Они ездят на двух сменных лошадях, носят [при себе] мечи, колчаны, нагайки. Другого оружия нет» [32, с. 52–55]. Османский путешественник многократно преувеличил реальную численность панцирников в ногайских улусах Северного Кавказа. Однако, общая тенденция была подмечена верно. По сравнению со своими сородичами из Заволжья, тюркские кочевники Приазовья и Прикубанья были обеспечены саблями и панцирями относительно хорошо. Но и среди них длиннодревковое оружие и конный копейный бой не имело сколько-нибудь широкого распространения.

После крушения Юаньской империи монголы были вытеснены из Китая и вступили в длительную полосу междоусобных конфликтов. В этих столкновениях воины противоборствующих степных армий использовали сходное оружие дистанционного боя (сложносоставные луки «монгольского типа»), одинаковый конский парк и идентичную тактику ведения сражения. Битвы кочевников Монголии и Ойратии в этот период не редко представляли собой столкновение гигантских «хороводов» конных лучников расстреливающих друг друга с минимальной дистанции. Победу в таких сражениях одерживала та сторона, которая могла разорвать «хоровод» и смешать воинские порядки противника. Наиболее эффективно данная цель достигалась в ходе стремительной копейной атаки, поэтому монгольские и ойратские латники, сохранили копьё, как массовый вид вооружения. Неизвестно, кто из центральноазиатских военачальников первым додумался до следующего шага – изящного и гениального в своей простоте. Если победа в сражении зависит от массивной атаки конных копейщиков, то почему бы не снабдить копьём не только панцирников, но и легковооружённых воинов и тем самым усилить мощь кавалерийского удара по вражескому строю? Придя к такой мысли монгольские и ойратские полководцы, нарушили неписанный закон эпохи раннего и развитого Средневековья и начали массово снабжать копьём и пиками своих легких лучников²⁸. Первые успехи легких копейщиков вызвали взрыв энтузиазма среди центральноазиатских военачальников, которые стали стремиться к едва ли не поголовному обеспечению своих воинов длиннодревковым оружием. В результате, в походе всадник иногда вез с собой не одно, а два или даже три копьё²⁹. Некоторый запас длиннодревкового оружия перевозили в обозе и накануне боя выдавали воинам, с тем расчетом, чтобы каждый из них во время боевого столкновения был снабжен копьём или пикой [8, с. 295, 577, 578]. Самые бедные кочевники, вооружались копьём с роговыми наконечниками или цельнодеревянными пиками, конец которых был заострен и обожжен на огне³⁰.

Популярность конного копейного боя в военном искусстве ойратов была подмечена практически всеми их ближними и дальними соседями: казахами, узбеками, киргизами, русскими, украинцами, поляками, турками, маньчжурами, китайцами [8, с. 294–297, 595; 13, с. 231; 19, с. 429; 22, с. 173, 174; 28, с. 328; 32, с. 171]. Так, например, османский путешественник Э.Челеби побывавший у калмыков в конце 1666 – начале 1667 гг. с удивлением отмечал: «Все они носят луки, стрелы и копьё... Сабли же встречаются редко. Но непременно требуется, чтобы в руках были копьё. В самом крайнем случае вооружение состоит из [одной только] пики» [32, с. 170, 171]. Украинский автор «Летописи самовидца» подчеркивал искусство ойратского боя на пиках: «Тільки найбільше до потреби копій заживають кожен, бо справне уміють вбити копієм» [28, с. 328]. Русские и европейские авторы XVII в., описывая столкновения с калмыками особо отмечали, что те «кололи копьём», а саму конную копейную атаку, характеризовали как типичный тактический прием ойратских кочевников [19, с. 429; 22, с. 54, 55; 25, с. 107]. Длиннодревковое оружие настолько прочно ассоциировалось с ойратами, что слово «копье» иногда употреблялось в качестве синонима слова «калмыцкий воин»: «Не обращаясь к чьей-либо помощи, всего лишь с семьюдесятью копьём Мончак-шах из [племени] калмыков напал на Азов, и азовский везир Мустафа-паша был убит копьём, [направленным] руками калмыков» [32, с. 195]. О широком распространении длиннодревкового оружия среди воинов Западной Монголии второй половины XVI – начала XVII вв. свидетельствуют и собственно ойратские материалы. Так, например, в знаменитом историческом сказании «О походе Убаши-хунтайджи на ойратов» (традиционно датируется 1587 г.) ойратские воины армий Сайн-Серденге (2 тыс. всадников) и хойтского Есельбеина-Сайн-Ка (4 тыс. всадников) поголовно вооружены копьём [8, с. 295]. Ойратский посол Мурзья характеризуя вооружение своих соплеменников в 1632 г. отмечал, что: «бой у них копейной, и лучной, и огненной бой турки...» [22, с. 173, 174]. Согласно сообщениям современников именно ударами копий и пик были поражены военачальники вражеских армий рискнувших вступить с ойратами в ближний бой. Среди наиболее известных жертв ойрат-

²⁸ В раннем и развитом Средневековье длиннодревковое оружие применялось преимущественно конными панцирниками, в то время, как легковооружённые номады использовали копьё лишь эпизодически.

²⁹ Так, например, в 1647 г. татары, наблюдавшие колонну ойратской конницы, с удивлением отмечали: «видели де они в степи ис подполья западши и смотря калматцких людей по смете человек за 200, у всякого колмака по 2 копьё, а у иных де и по 3...» [23, с. 608].

³⁰ Э.Челеби живописуя вооружение волжских калмык 60-х гг. XVII в. отмечал: «...наконечники копий- из рогов дикого буйвола, или быка. Тем не менее копьё пронзают кремень» [32, с. 171]. Цельнодеревянные пики джунгарских воинов упомянуты российскими авторами [8, с. 296].

ских копейщиков можно упомянуть хотогойского «Алтын-хана» Шолой Убаши-хунтайджи, казахского хана Джангира, османского Мустафу-пашу (зятя османского султана), крымского военачальника Казы-мирзу и др. [8, с. 295; 28, с. 319, 329; 32, с. 195].

Как показали военные конфликты XVII в. решение снабдить конных стрелков длиннодревковым оружием, при всей своей простоте оказалось весьма эффективным. В столкновении двух лавин легковооруженных воинов, отряд снабженный луками и копьями имел очевидные преимущества перед отрядом вооруженным только луками. Легкие копейщики могли стремительно атаковать вражеских лучников, опрокинуть их строй, нанести значительные потери в ближнем бою и вести активное преследование поражая отступающего врага все теми же пиками. В случае необходимости, воин мог забросить снабженное погонным ремнем копье за спину и взять в руки лук³¹.

Превращение копий и пик из оружия элитарных панцирных подразделений в массовый вид вооружения оказало существенное влияние на тактику ведения боя ойратских и монгольских армий. Степные военачальники, на протяжении многих столетий старавшиеся избегать ближнего боя, в XVII в. начинают сами провоцировать и навязывать противнику рукопашную схватку, которая позволяла максимально эффективно задействовать потенциал многочисленных конных копейщиков. Стремление ойратской и монгольской конницы «давом давить и копьем смешивать» резко контрастировало с традиционной ногайской и татарской тактикой и вызывало удивление русских служилых людей столкнувшихся с монголоязычными номадов в Поволжье и Южной Сибири.

Рост значения ближнего боя и распространение длиннодревкового оружия в войсках кочевников привели к изменениям конструкции традиционных степных копий и пик (распространение новых типов наконечников, подтоков, древковых усилителей, «отрезов» и т.д.). Этот же процесс стимулировал развитие техники копейного боя позднесредневековых номадов. Они сохранили наиболее совершенные приемы характерные для степных воинов раннего и развитого Средневековья, но внесли в них ряд важных изменений. Последние были связаны с новым пониманием места пики в военной практике кочевников. Из оружия первого удара, пики превратились в основной вид оружия ближнего боя, актуальность которого сохранялась на всех этапах сражения [6, с. 122–143].

Испытав на себе мощь копейных ойратских атак, многие степные народы поспешили последовать примеру своих монголоязычных соседей. Одними из первых, кто воспринял новый тактический прием, были кочевники Казахстана, за которыми последовали киргизы, башкиры и другие воины Великой Степи [5, с. 246]³². Не стали исключением и крымские татары. Уже после первых схваток с калмыками, в декабре 1661 г. крымский хан Мухаммед-Гирей заказал горским черкесам изготовить 4 500 копий по представленному им образцу, причем указывалась и назначение данного заказа: «а биться им с копья против калмыков. А перекопский де Мустафа бей копий сделал немало» [25, с. 95]³³. Однако предпринятые меры не дали ожидаемого результата. И на это было две веские причины. Во-первых, овладение искусством копейного боя требовало длительного времени, которого у татар не было. А во-вторых против только что сформированных отрядов легких татарских копейщиков у калмыцких тайшей имелся беспроегранный козырь – массовая латная (или как говорили современники «куяшная») конница, аналогов которой ни крымцы, ни ногайцы ни имели [14, с. 158, 159].

На протяжении второй половины XVI – первой половины XVII вв. ойратские и монгольские правители последовательно наращивали число панцирников в своих войсках. Для этой цели создавались специальные «доспешные» производства, производились массовые закупки и изъятия защитного вооружения, металлического сырья и полуфабрикатов у подвластного населения Южной Сибири, а в 1640 г. повинность по изготовлению панцирей была возложена на широкие слои ойратских и монгольских кочевников [8, с. 339–356]. В результате данных мер в войсках центральноазиатских номадов образовалась многочисленная группа панцирной конницы.

³¹ Отмечая боевую эффективность длиннодревкового оружия, нельзя не упомянуть и о том психологическом эффекте, который производила на противника массированная атака копьеносной конницы. Вид сотен и тысяч несущихся во весь опор всадников склонивших длинные копья и пики оказывал деморализующее воздействие на вражеских воинов, даже знакомых с подобным оружием и тактикой [6, с. 119–121]. Что же говорить о плохо вооруженных ногаях для которых массированная ойратская копейная атака стала полной неожиданностью.

³² В их числе были и российские казаки, которые освоили конный копейный бой кочевников и продолжали совершенствовать его на протяжении следующих столетий вплоть до начала XX в. [7].

³³ В.Т. Тепкеев совершенно справедливо предположил, что присланный ханом к черкесским оружейникам образец представлял собой трофейную калмыцкую пику [28, с. 321].

В зависимости от актуальных тактических задач ойратские и монгольские полководцы распределяли латников между легковооруженными воинами (повышая их устойчивость в ближнем и дистанционном бою), или напротив, сводили их в отдельные ударные («куяшные») отряды, способные мощными фланговыми или фронтальными ударами разрывать боевые построения противника. Численность таких соединений колебалась от нескольких десятков, до нескольких тысяч конных бойцов. В письменных источниках XVII в. упоминаются ойратские и монгольские отряды, насчитывавшие 150, 400, 2000, 4000 «куяшников» [8, с. 360, 361; 22, с. 167, 168, 214]³⁴.

Комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволяет реконструировать основные структуры бронирования и особенности покроя ойратских корпусных панцирей, конструкцию шлемов и дополнительных защитных деталей. Основной разновидностью металлической защиты корпуса был тяжелый пластинчато-нашивной панцирь «хуяг» или «лубчи» (аналог европейских «бригантин» и русских «куяков») скроенный в виде кирасы, жилета, или распашного халата с осевым разрезом (рис. 1, 2). Пластины панцирей знати снабжались специальными бортиками и ребрами, которые препятствовали деформации пластины при ударе [8, с. 380–385]. Такой доспех служил надежной защитой от стрел и сабель противника, что особо подчеркивали современники: «а в куюках доски железные шириною пол ладони, стрела из лука и сабля [их] не имеет [т.е. не пробивает]» [22, с. 54, 55]³⁵. Самой массовой разновидностью корпусного защитного вооружения ойратов был стеганный панцирь «олбок» (рис. 1, 1) или «дэгэлэй» [8, с. 410–416]. Некоторые воины носили кольчуги, кольчато-пластинчатые бехтерцы и ламеллярные доспехи (рис. 1, 1). Головы рядовых латников прикрывали низкие клепаные сфероконические или полусферические шлемы с козырьком и трехчастной бармицей (рис. 1, 1). Знать носила высокие сфероцилиндрические шлемы, напоминавшие кувшин с длинным узким горлышком (рис. 1, 2). Широко применялись наручи из железа и твердой кожи [8, с. 427–445, 483–494]. Наличие многочисленных отрядов конных панцирников существенно повышало устойчивость ойратской конницы в дистанционном и ближнем бою и выгодно отличало армии калмыков от войск крымских татар и ногаев, у которых доспехом были снабжены лишь наиболее знатные и богатые воины.

Если в основе тактических приемов тюркских кочевников Восточной Европы лежал дистанционный бой с применением лука и стрел, то ойраты практиковали тактику «трех напусков», когда после нескольких лучных залпов на противника обрушивалась лавина конницы, воины которой наносили удар пиками, а затем, добивали врага палашами и саблями. Калмыцкая конница атаковала противника в рассыпном строю («нохой хэрэл»), клином («хошуун») или лавой («нуман жагсаал»). Излюбленным построением ойратов был «Лук-ключ» – центр армии отогнут назад, фланги выдвинуты в сторону противника. В ходе сражения один или оба вытянутых вперед крыла наносили мощный удар по флангам противника и заходили ему в тыл. Альтернативой этого построения был «бычий рог» предполагавший нанесения мощных (часто парных) ударов разрывающих вражеские боевые порядки [8, с. 536, 537].

Центральноазиатская «копийная и куюшная» атака первой половины XVII в. произвела сильное впечатление на современников. Русские, европейские, украинские, среднеазиатские, маньчжурские авторы оставили подробные и, при этом, весьма схожие описания вооружения и тактики ойратов и монголов. Приведем лишь некоторые из них.

Российские посланцы к ойратам Т. Петров и И. Куницын (1616 г.): «А бой де у колматцких людей лучной и копейной, и сабельной...А на бой ездят в куюках железных да в шишаках, а в куюках доски железные шириною пол ладони, стрела из лука и сабля [их] не имеет. А напуска де у них на боех живет по 3ж: первый напуск с луки, другой с копы, 3-й с сабли. А только де они в 3 напуска на бою каких людей не сломят, и они отходят прочь» [Материалы по истории русско-монгольских отношений..., 1959, с. 54, 55].

³⁴ Ойратскими военачальниками применялись и смешанные отряды. Так, например, в 1679 г. служилые люди Кузнецкого острога описывая вооружение ойратов отмечали: «...а тех де людех сто человек...шездесят человек пансырников, двадцать куюшников» [16, с. 42]. Таким образом, из 100 ойратских воинов 60 были снабжены кольчатыми «пансырями», 20 пластинчатыми «куюками», а 20 не носили металлических доспехов.

³⁵ Данный фактор имел особое значение в столкновениях с татарской конницей, для которой саадаки и сабли были основными видами вооружения.

Монгольские послы о вооружении и тактике хотогойских монголов державы Алтын-ханов³⁶ (1635 г.): «...А бой у мугальских алтыновых людей луки, копьа, сабли, а вогненного бою нет. А ездят на бой против недругов своих в збруях, в куяках, и в шеломах, и в наручах и в наколенках, а у иных де у лучших людей и лошади бывают на боех в железных доспесях и приправах» [8, с. 558].

Ю. Крижанич, хорватский священник и военный теоретик (1663 г.): «Что касается военного дела, то калмыки выходят на бой прекрасно вооруженные, т.е. в шлемах, с копьями и в кольчугах... Калмыки держатся *гусарского строя*³⁷: носят копьа, лук и саблю и латы и закрывают железом локти и бедра или носят кольчуги» [8, с. 358; 19, с. 429].

Автор «Летописи самовидца» (вторая половина XVII в.): «Вправді, люд военній, с копиєм всідаєт на коня, а нікоторіє и сагайдаки и стріли великіє с площиками широкими. Тільки найбільше до потреби копій заживають кожен, бо справне уміють вбити копиєм, в нікоторих и панціри, а инніє и наго идут до потреби» [28, с. 328].

С.У. Ремезов о калмыках (1697–1698 гг.): «Обыкновенное им военное оружие было лук, стрелы, копьа и сабли, по большей части военное у них платье: пансыри и доспехи, также шишаки и поручни. В сражении с первого напуска весьма жестоки, а ежели так сперва не удастся одержать победу, тогда уж будут весьма уступчивы и к сражению не ревнительны...» [13, с. 231].

Вооружение и тактика ойратов, их стремительные атаки с акцентом на ближний бой стали полной неожиданностью для ногаев и крымских татар. Столкнувшись на полях сражений с калмыцким «копийным и куяшным напуском» ногаи испытали настоящий шок, который не укрылся от современников: «...нагайским людем они, калмыцкие люди, страшны гораздо и *против них не ставали они, нигде и биться с ними не умеют*» [5, с. 246]. Массированная атака ойратской копейной конницы (панцирной и легкой) буквально сметала ногайских стрелков с поля боя. Сформировавшие «хоровод» лучники не успевали набрать разбег и выпустить первые стрелы, как им уже приходилось разворачивать коней и спасаться бегством, чтобы не оказаться жертвой длинных калмыцких пик. Ойратские кони были не хуже татарских или ногайских и оторваться от свирепых косоплетов было очень сложно, не говоря уже о том, чтобы перестроиться и повторить атаку. Лучная стрельба по преследователям из положения влево-назад, столь эффективная против московской, литовской и польской кавалерии, в боях с ойратами не давала нужного эффекта, так как калмыки владели саадаком не хуже своих тюркских противников³⁸. Кроме того, вести стрельбу преследователям было значительно проще, чем убегающим, вынужденным оборачиваться на 180 градусов. Когда же калмыцкие кони настигали ногайских «бахматов» ойраты кололи беглецов длинными пиками. Отточенные в бесконечных войнах с оседлыми народами тактические схемы ногаев и крымских татар оказались бесполезны в схватках с копыеносной калмыцкой конницей. Ойратский «копийный напуск» стал «убийцей хороводов» конных лучников и существенно сократил возможности применения классического варианта маневра «тулгана» [5, с. 245–247, 254, 255]. Военное превосходство ойратов в кавалерийских сражениях был вынужден признать даже османский путешественник Э.Челеби, которого сложно заподозрить в симпатиях к врагам мусульманских народов. Он, в частности, с горечью констатировал, что: «Калмыки всегда возвращаются, побивая крымчаков...» [32, с. 246].

Подводя итог настоящего исследования необходимо отметить следующие моменты.

³⁶ В первой половине XVII в. хотогойские монголы были ближайшими соседями и наиболее опасными противниками ойратов в Центральной Азии.

³⁷ Имеется в виду тяжелая копейная конница «крылатых» польских гусар.

³⁸ Ойраты использовали сложносоставные луки так называемого «монгольского типа» (с центральной веслообразной накладкой). Как правило, они были более массивны, чем луки «турецкого типа» применявшиеся татарами и ногаями, имели широкие «плечи» и длинные «рога». По скорострельности и дальности стрельбы ойратские луки практически не уступали татарским. Состав стрел ойратов был более разнообразным. Если у ногаев и татар доминировали универсальные стрелы с удлинено-ромбическим пером, то ойраты сохранили традиционную дифференсацию боевых наконечников. Наряду с бронебойными и универсальными образцами они продолжали применять стрелы с тяжелыми наконечниками с широким ассиметрично-ромбическим и секторным пером. Такие стрелы применялись при стрельбе на малой дистанции и наносили легковооруженным воинам противникам и их боевым коням страшные широкие раны, приводившие к большой кровопотере [8, с. 95–99]. Именно такие наконечники произвели на жителей Восточной Европы и Западной Азии наибольшее впечатление [28, с. 328; 32, с. 170, 171].

Вплоть до середины 40-х гг. XVII в. военная экспансия ойратов в западном Дашт-и Кипчак носила ярко выраженный наступательный характер. Ее главным мотивом являлось установление контроля над территорией и населением некогда могучей Ногайской Орды. Результатом такой агрессивной политической стратегии стало формирование широкой антикалмыцкой коалиции в состав которой, наряду с ногаями, вошли народы Северного Кавказа, Крымское ханство и Московское государство. В ходе военных кампаний 1643–1644 гг. союзники нанесли калмыкам ряд тяжелых поражений. Для торгоутских тайшей стало очевидно, что продолжение прежней самостоятельной экспансионистской политики в условиях сложившегося враждебного окружения невозможно. Это послужило одной из ключевых причин последующего российско-калмыцкого сближения. Не смотря на то, что данный процесс продвигался достаточно сложно, в нем были объективно заинтересованы обе договаривающиеся стороны. Москва предполагала использовать калмыцкую конницу в борьбе с Крымским ханством, а тайши рассчитывали, что они смогут продолжить наступление против «неверных» ногаев, но уже не в качестве противника, а в качестве вассала и союзника России (при ее поддержке или благожелательном нейтралитете). Русско-Польская война 1654–1667 гг. полностью оправдала ожидания сторон, и стала важным этапом вовлечения калмыков в политическую орбиту Российского государства.

Военное искусство позднесредневековых ойратов и монголов развивалось из того же «Империально-чингизидского корня», что и военное дело татар и ногаев. Однако специфика местных военно-политических и экономических условий привела к тому, что вооружение и тактика монголоязычных кочевников Центральной Азии в XV–XVI вв. эволюционировали в ином направлении, чем оружейный комплекс и тактические приемы их татарских современников. За три столетия прошедших с эпохи «Великих завоеваний» военное искусство тюркских номадов Восточной Европы и ойрато-монгольских кочевников Центральной Азии разошлись настолько сильно, что столкновение калмыцкой конницы с ногаями стало для последних настоящим шоком.

Откочевавшие на берега Волги ойраты принесли в регион центральноазиатский комплекс вооружения и тактику ведения боя. Вслед за гуннами, древними тюрками и монголами калмыки в первой половине XVII в. сумели продемонстрировать местным кочевникам преимущества центральноазиатской военной системы. Успехи калмыков в войнах с тюркскими номадами западного Дашт-и Кипчак были обусловлены не только внутривойсковой слабостью ногайских орд и их союзников, но и собственно военными факторами, в том числе более совершенным комплексом кавалерийского вооружения и эффективной тактикой конного боя³⁹. Найти адекватное противодействие массивной ойратской «копийной и куяшной» атаке тюркские кочевники Восточной Европы, в первой половине – середине XVII в., так и не смогли. Не имея возможности эффективно противостоять калмыцкой коннице, крымские военачальники стали избегать полевых сражений с ойратами. Чигиринский полковник Г. Карпов (Карпович) с воодушевлением отмечал в 1677 г.: «Калмыков татаровя и турки боятца... И естли...калмыков послать на Украину, и татаровя де бой их знают, и увидев их битца с ними не станут, побегут...» [6, с. 120]⁴⁰.

Калмыцко-ногайские и калмыцко-татарские войны первой половины-середины XVII в. дали мощный толчок развитию военного дела народов региона. Идея легкой копеейной конницы, принесенная ойратами из Центральной Азии, была усвоена донскими, яицкими и запорожскими казаками, ногаями, крымскими и польско-литовскими татарами. Причем последние, адаптировав калмыцкий копеейный бой к местным военным реалиям, положили начало новой разно-

³⁹ Другие слагаемые успеха калмыцкой армии (военная стратегия, организация вооруженных сил и боевой подготовки, военный террор и др.) будут рассмотрены в специальной работе.

⁴⁰ Российские и украинские военачальники, зная о том эффекте, который производили калмыки на татар и ногаев, настаивали на присылки в их армии хотя бы небольших отрядов ойратской конницы. Так, например, гетман И.Самойлович в письме от 6 марта 1678 г. особо просил российское командование прислать калмыков, утверждая, что «...и то б их было буде не больши хотя бы с две тысячи человек, впрям бы...много ими исправилось неприятелем страху...». Помня о «калмыцком факторе», царь Федор Алексеевич дал воеводе Рамодановскому в 1678 г. четкое указание не начинать активных действий против татар и турок под Чигириным до прихода калмыцкого корпуса. В результате, 80-тысячная московская армия почти две недели простояла на р. Тясмин ожидая подхода 2–4-тысячного ойратского отряда. Представление о калмыках, как о весьма грозном противнике и ценном союзнике оказалось весьма устойчивым. Об этом свидетельствуют сообщения российских, украинских, польских, шведских, османских и прусских военачальников конца XVII – середины XVIII вв. [7].

видности европейской копеейной кавалерии XVIII–XIX вв. получившей широкую известность под названием «уланы» [6, 115–130].

Как показала боевая практика первой половины XVII в. наиболее действенным способом борьбы с ойратской конницей был ружейный огонь производимый пехотой занимающей сильные позиции на горной/пересеченной местности, или использующей полевые укрепления. Это стимулировало дальнейшее распространение огнестрельного оружия в татарских и ногайских войсках. Уже в 60-х гг. XVII в. в Крымском ханстве были произведены новые наборы отрядов ружейных стрелков [25, с. 96], а позднее на полуострове было организовано и собственное ружейное производство. Вернули былую популярность и вагенбургии. Использование «тележных городков», «таборов» и «тележных крепостей» превратилось у ногаев в типичный и весьма эффективный способ защиты от атак калмыцкой конницы. Параллельно, кубанские ногаи интенсивно наращивали число панцирников в своих войсках скупая защитное вооружение у народов Северного Кавказа. Предпринятые меры существенно повысили боеспособность крымско-татарских и ногайских войск, что сказалось уже в ходе военных компаний конца XVII – первой трети XVIII вв.

Значительные изменения произошли и в военном искусстве калмыков. Ойратские военачальники достаточно быстро оценили преимущества огнестрельного оружия. Уже в первой трети XVII в. некоторая часть ойратских воинов использовала (причем подчас весьма эффективно) фитильные ружья среднеазиатского производства [8, с. 167]. Столкновения с русскими стрельцами, черкесскими и крымскими «тюфенгчи» лишь укрепили тайшей в желании запустить собственное ружейное производство. В конце XVII в. данная цель была достигнута, а хан Аюка инициировал программу перевооружения калмыцких войск добываясь, чтобы ружьями были снабжены не менее половины воинов его армии [3, с. 92–97; 8, с. 179,]. Рост числа ружейных стрелков (а позднее появление в торгоутских войсках легкой полевой артиллерии) привели к значительным изменениям традиционной калмыцкой тактики ведения сражения [3, с. 94–100]. Что касается копий и пик, то они сохранили лидирующее положение в качестве главного оружия ближнего боя. Судя по данным современников, даже во второй половине XVIII в. именно удар конных копеечников «решал битву» [3, с. 101]. По иному сложилась судьба знаменитых ойратских доспехов. Нехватка железа на новых землях привела к тому, что пластинчато-нашивной доспех центральноазиатского образца постепенно вышел у калмыков из широкого военного обихода и был заменен на кольчатые панцири северокавказского и иранского производства [3, с. 92, 93].

Распространение среди ногаев и крымских татар копий и пик, а огнестрельного оружия среди калмыков (проходившее на фоне сокращения численности торгоутской «куяшной» конницы) постепенно сближало военные системы тюркских и ойратских кочевников. Русско-Польская война до предела обострила крымско-калмыцкое противоборство и дала старт новому этапу калмыцкой экспансии в регионе. Но ни татары, ни ногаи отступать не собирались. Решающие схватки тюрко-ойратской войны были еще впереди.

Список литературы

1. Акты относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб.: «Типография Эдуарда Праца», 1867. Т. 5 (1659–1665). 335 с.
2. Басхаев А.Н. Калмыки. Под ратным знаменем России. Калмыки на военной службе Российского государства во второй половине XVII – XX вв. Элиста: Джангар, 2010. 256 с.
3. Бобров Л.А. Военное дело калмыков и его эволюция в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: «Издательский дом «Герел», 2009. Т.3. С. 83–103.
4. Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в пешем строю в последней трети XVI – середине XIX вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб.: «ВИМАИВиВС», 2012. Ч.1. С. 105–135.
5. Бобров Л.А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV–XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч.1. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. С. 231–258.
6. Бобров Л.А. К вопросу об истоках конного копеечного боя российских казаков второй половины XVII – первой половины XIX вв. // *Parabellumnovum*: Военно-исторический журнал. 2014. №2 (35). С. 115–147.
7. Бобров Л.А. Калмыцкая конница в Русско-Польской войне 1654–1667 гг.: вооружение, тактика, военная стратегия // Материалы Первой украинской международной научно-практической конференции. Киев, 2014 (в печати).
8. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 776 с.
9. Боплан Г. Описание Украины. М.: «Древохранилище», 2004. 575 с.

10. Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т. 6. С. 333–367.
11. Венков А.В. Казаки против Наполеона. От Дона до Парижа. М.: «Вече», 2013. 368 с.
12. Герберштейн С. Московия. М.: Астрель, 2008. 704 с.
13. Гольденберг Л.А. Статья С.У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе» // Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М.: «Наука», 1976. С. 228–233.
14. Горелик М.В., 1990. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: «Полиграф», 1990. С. 155–160.
15. Дмитриев С. В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // Тюркский сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 210–228.
16. Дополнения к актам историческим. СПб., 1851. Т. 4. 416 с.
17. Ищенко С. А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. С. 139–143.
18. Контарини А. Путешествие Амвросия Контарини посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану совершенное в 1473 г. // Библиотека иностранных писателей о России XV–XVI в. СПб.: «Типография III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии», 1836. С. 1–192.
19. Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965. С. 587.
20. Кушкумбаев А.К., Бобров Л.А. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. Астана: ИП «BG-print», 2013. С. 5–47.
21. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890. Вып. I. (XVI ст.). С. 1–58.
22. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 гг. М.: Вост. лит., 1959. 352 с.
23. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. С. 796.
24. Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. М.: «Крафт+», 2000. 256 с.
25. Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие). М.: Наука, 1994. 224 с.
26. Пенской В.В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (Oriens), 2010, №2. С. 56–66.
27. Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: «Яуза», «Эксмо», 2010. 448 с.
28. Тепкеев В.Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: Джангар, 2012. 376 с.
29. Трепавлов В.В. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: «Квадрига», 2013. 224 с.
30. Флетчер Д. О государстве русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М.: Международные отношения, 1991.
31. Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: «Калмыцкое книжное изд-во», 1991. 192 с.
32. Челеби Э. Книга путешествий (извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья). М.: Наука, 1979. Вып. 2. 287 с.

Сведения об авторе: Леонид Александрович Бобров – доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета, доктор исторических наук (630079, ул. Вертковская, 38, г. Новосибирск, Российская Федерация); spsml@mail.ru

Михаил Александрович Рюмшин – аспирант Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук (630090, пр. Акад. Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, Российская Федерация); ryumshin90@mail.ru

**“... And against them, they could not withstand anywhere
and they are not able to fight against them”.**
**Arms and Military Tactical Aspect of the Kalmyk-Nogai
and Kalmyk-Tatar Wars during the first half – middle of the 17th century**

L.A. Bobrov
(Novosibirsk State University)

M.A. Ryumshin
(Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

This paper considers the main stages of military expansion of Oirats (Kalmyks) in western Dasht-i Kipchak in the first half – mid-17th century as well as weaponry and tactical aspects of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar wars during a given historical period. The author has identified four stages of the Kalmyk military expansion: in the Trans-Volga region (1607–1634), in the Volga region and Caucasus (1635–1644), in Volga region (1645–1653), and in Caucasus and Northern Black Sea Coast (1654–1667). The article contains the analysis of weaponry complex and military tactics of the Crimean Tatars, Nogays, and Oirats in the 16th – the first half of the 17th centuries. The Kalmyk success in the wars against the Turkic nomads was not only caused by political weakness of the Nogai hordes and their allies but also by military factors including a perfect complex of cavalry weapons and effective tactics of equestrian battle. Among the major military and tactical innovations brought by the Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe was light spear and mass shielded cavalry. The Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar wars had a significant impact on the evolution of the warfare of the regional peoples. For example, the use of light spear cavalry was borrowed by the Turkic nomads and Russian Cossacks. This military practice became widespread in Poland through the Polish-Lithuanian Tatars. On the basis of an irregular light spear cavalry, a new kind of European regular cavalry gradually developed in Poland and became widely known as the “ulans”.

Keywords: Kalmyks, Nogays, Crimean Tatars, nomadic arms, battle tactics.

References

1. *Akty otnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy i Zapadnoy Rossii, sobrannye i izdannye arkhograficheskoyu kommissieyu*. T. 5. (1659–1665) [Acts Relating to the History of the Southern and Western Russia Collected and Published by the Archaeological Commission. Vol. 5. (1659–1665)]. St. Petersburg, «Tipografiya Eduarda Pratsa», 1867. 335 p.
2. Baskhaev A.N. *Kalmyki. Pod ratnym znamenem Rossii. Kalmyki na voennoy sluzhbe Rossiyskogo gosudarstva vo vtoroy polovine XVII–XX vv.* [The Kalmyks. Under the Military Banner of Russia. The Kalmyks in Military Service of the Russian State in the second half of the 17th – 20th centuries]. Elista, Dzhangar Publ., 2010. 256 p.
3. Bobrov L.A. *Voennoe delo kalmykov i ego evolyutsiya v XVII–XVIII vekakh* [The Kalmyks Warfare and Its Evolution in the 17th–18th centuries]. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day]. Elista, «Izdatel'skiy dom «Gerel», 2009. Vol. 3, pp. 83–103.
4. Bobrov L.A. *Kazakhskaya taktika vedeniya boya v peshem stroyu v posledney treti XVI – seredine XIX vv.* [The Kazakh Tactics of Fighting on Foot in the last third of the 16th – mid-19th centuries]. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy* [War and Weapons. New Studies and Materials]. St. Petersburg, «VIMAIViVS» Publ., 2012. Part. I, pp. 105–135.
5. Bobrov L.A. *Kazakhskaya taktika vedeniya boya v konnom stroyu v kontse XV–XVI vv.* [The Kazakh Combat Tactics on Horseback at the end of the 15th – 16th centuries]. *Voyna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy* [War and Weapons. New Studies and Materials]. Part. I. St. Petersburg, VIMAIViVS Publ., 2013, pp. 231–258.
6. Bobrov L.A. *K voprosu ob istokakh konnogo kopeynogo boya rossiyskikh kazakov vtoroy poloviny XVII–pervoy poloviny XIX vv.* [About the Origins of Equestrian Spear Combat of Russian Cossacks in the second half of the 17th – first half of the 19th centuries]. *Parabellum novum: Voenno-istoricheskiy zhurnal* [Parabellum novum: Journal of Military History]. 2014, no. 2 (35), pp. 115–147.
7. Bobrov L.A. *Kalmytskaya konnitsa v Russko-Pol'skoy voyne 1654–1667 gg.: vooruzhenie, taktika, voennaya strategiya* [The Kalmyk Cavalry in the Russian-Polish War of 1654–1667: Weapons, Tactics, Military Strategy]. *Materialy Pervoy ukrainskoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Proceedings of the First Ukrainian International Scientific and Practical Conference]. Kiev, 2014v. (in press).
8. Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII vv.)* [Weapons and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia in the Late Middle Ages and Modern Times (15th – first half of the 18th centuries)]. St. Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2008. 776 p.

9. Boplan G. *Opisanie Ukrainy* [Description of the Ukraine]. Moscow, «Drevokhranilishche», 2004. 575 p.
10. Bronevskiy M. *Opisanie Kryma* [Description of the Crimea]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. Odessa, 1867. Vol. 6. P. 333–367.
11. Venkov A.V. *Kazaki protiv Napoleona. Ot Dona do Parizha* [The Cossacks against Napoleon. From the Don to Paris]. Moscow, «Veche», 2013. 368 p.
12. Herberstein S. von. *Moskoviya* [Muscovy]. Moscow, Astrel Publ., 2008. 704 p.
13. Gol'denberg L.A. Stat'ya S.U. Remezova «O kalmykakh kak ves'ma izvestnom v Sibiri narode» [The Article by S.U. Remezov "On the Kalmyks as a Very Well-Known People in Siberia"]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the Orient]. Is. XVIII. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 228–233.
14. Gorelik M.V. *Stepnoy boy (iz istorii voennogo dela tataro-mongolov)* [The Steppe Combat (from the military history of the Mongols)]. *Voennoe delo drevnogo i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia]. Novosibirsk, Poligraf Publ., 1990, pp. 155–160.
15. Dmitriev S. V. *Krymskoe khanstvo v voennom otnoshenii (XVI–XVIII vv.)* [The Crimean Khanate in Military Terms (16th–18th centuries)]. *Tyurkskiy sbornik: 2002: Rossiya i tyurkskiy mir* [The Turkic Collection 2002: Russia and the Turkic World]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, pp. 210–228.
16. *Dopolneniya k aktam istoricheskim* [Additions to the Historical Acts]. St. Petersburg, 1851. Vol. 4. 416 p.
17. Ishchenko S.A. *Voyna i voennoe delo u krymskikh tatar XVI–XVIII vv. (po zapiskam inostrannykh puteshestvennikov i diplomatov)* [War and Warfare of the Crimean Tatars in the 16th–18th centuries (according to the notes of foreign travelers and diplomats)]. *Severnoe Prichernomor'e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vekakh* [The Northern Black Sea and the Volga Regions in the Relations between East and West in the 12–16 centuries]. Rostov-na-Donu, Rostovskiy universitet Publ., 1989, pp. 139–143.
18. Contarini A. *Puteshestvie Amvroziya Kontarini posla svetleyshey Venetsianskoy respubliki k zname-nitomu persidskomu gosudaryu Uzun-Gassanu sovershennoe v 1473 g.* [The Travel of Ambrogio Contarini, the Ambassador of the Most Serene Republic of Venice, to the Famous Persian Emperor Uzun-Ghassan Committed in 1473]. *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii XV–XVI v.* [The Library of Foreign Writers Who Wrote about Russia in 15–16 centuries]. St. Petersburg, «Tipografiya III Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyarii» Publ., 1836, pp. 1–192.
19. Krizhanich Yu. *Politika* [Politics]. Moscow, Nauka Publ., 1965. P. 587.
20. Kushkumbaev A.K., Bobrov L.A. *Mongol'skaya taktika vedeniya stepnogo boya* [The Mongol Tactics of Steppe Combat]. *Voennoe delo kochevnikov Kazakhstana i sopredel'nykh stran epokhi Srednevekov'ya i Novogo vremeni* [Warfare of the Nomads of Kazakhstan and Neighboring Countries in the Middle Ages and Modern Times]. Astana, BG-print Publ., 2013, pp. 5–47.
21. Litvin M. *O nrvakh tatar, litovtsev i moskovityan* [On the Mores of Tatars, Lithuanians, and the Muscovites]. *Memuary, odnosyashchiesya k istorii Yuzhnoy Rusi* [Memoirs Relating to the History of Southern Russia]. Kiev, 1890. Is. I. (XVI st.), pp. 1–58.
22. *Materialy po istorii russko-mongol'skikh otnosheniy. 1607–1636 gg.* [Materials on History of the Russian-Mongol Relations. 1607–1636]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1959. 352 p.
23. Miller G. F. *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 2000. Vol. 2, p. 796.
24. *Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vv. po skazaniyam sovremennikov-inostrantsev* [The Muscovite State in the 15–18 centuries according to Tales of the Contemporariy Foreigners]. Moscow, «Kraft+» Publ., 2000. 256 p.
25. Novosel'skiy A.A. *Issledovaniya po istorii epokhi feodalizma (nauchnoe nasledie)* [Studies in the History of the Feudal Period (academic legacy)]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 224 p.
26. Penskoj V.V. *Voennyi potentsial Krymskogo khanstva v kontse XV–nachale XVII v.* [Military Potential of the Crimean Khanate in the late 15th – early 17th centuries]. *Vostok (Oriens)*, 2010a, no. 2. P. 56–66.
27. Penskoj V.V. *Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya* [The Great Fire Gun Revolution]. Moscow, Yauza, «Eksmo» Publ., 2010b. 448 p.
28. Tepkeev V.T. *Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroy treti XVII veka* [Kalmyks in the Northern Caspian Region in the second third of the 17th century]. Elista, Dzhangar Publ., 2012. 376 p.
29. Trepavlov V.V. «Orda samovol'naya»: kochevaya imperiya nogaev XV–XVII vv. [The "Self-Willed Horde": Nomadic Empire of the Nogays in the 15th–17th centuries]. Moscow, Kvadriga Publ., 2013. 224 p.
30. Fletcher D. *O gosudarstve russkom* [About the Russian State]. *Proezhaya po Moskovii (Rossiya XVI–XVII vekov glazami diplomatov)* [Passing through the Muscovy (Russia of the 16th–17th centuries through the eyes of diplomats)]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1991.
31. Shovunov K.P. *Ocherki voennoy istorii kalmykov (XVII–XIX vv.)* [Essays on the Military History of the Kalmyks (17–19 centuries)]. Elista, Kalmytskoe knizhnoe Publ., 1991. 192 p.
32. Çelebi E. *Kniga puteshestviy (izvlechenie iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII v. Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya i Podon'ya)* [The Book of Travels. Extracts from Writings of the Turkish Traveler of the 17th century. Lands of the Northern Caucasus, Volga and Don Regions]. Moscow, Nauka Publ., 1979. Is. 2. 287 p.

About the authors: Leonid Aleksandrovich Bobrov – Associate Professor, Department of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk State University, Dr. Sci. (History) (630079, Vertkovskaya st., 38, Novosibirsk, Russian Federation); spsml@mail.ru

Mikhail Aleksandrovich Ryumshin – Postgraduate Student, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (630090, Akad. Lavrent'eva st., 17, Novosibirsk, Russian Federation); ryumshin90@mail.ru

Рис. 1. Ойратские воины XVII в.: «тогчин» (слева) и зайсан (справа).
Реконструкция и рисунок Л.А. Боброва по материалам музейных и частных собраний России, Казахстана, Китая, США, изобразительным и письменным источникам

Татарские войны на службе у османского султана*

Брайан Глин Вильямс

(Университет Массачусетса, Дартмут, США)

Османская империя вела большие военные компании в Европе и в Персии. Среди активных союзников султанских войск были и татары. В войнах осман на Балканах и в Центральной Европе татары находились в авангарде. В войнах против Ирана татары участвовали как вспомогательные части. Османские султаны привлекали к службе представителей разнообразных цивилизаций: турки, арабы, черкесы, курды, магребы, боснийцы, помаки, албанцы и множество других народов, о существовании которых Западная Европа даже и не подозревала бы, если бы они не воевали под флагом Султана. Одной из наиболее интересных и эффективных в военном отношении групп, используемых Османской империей, в своих войнах, были татары с Крымского полуострова.

За свою трёхсотлетнюю службу, татары внесли большой вклад в развитие Османской военной школы, чем любой другой, не тюркский народ, подданный Султана, и обзор ведения военной службы татар у Султана является наиболее интересной и необычной главой в истории Европы. Этот труд исследует роль крымских татар в военных походах Османской империи против соседей с целью заглянуть вглубь противоречивых отношений между этими двумя государствами и народами.

Ареалы участия татар в совместных с османами войнах распространяются с востока на запад: Кавказский фронт против Персии, Русский фронт, Польский фронт, и Западный фронт, который включает действия против Габсбургской Австрии, Молдавии, Трансильвании и Валахии.

Ключевые слова: татары, Крым, Османская империя, военное дело, сражения, султан, хан.

Османы вошли в Крым как союзники, чтобы урегулировать внутренний конфликт и для помощи ханству в его борьбе против Большой Орды. Османо-татарское содружество было во многом аналогично Польско-Литовской унии [20, p.253]. Ханы Крыма ни в коей мере не были «просто марионетками, которых можно было сместить в любое желаемое Портой время», можно увидеть из того факта, что штандарт Крымского хана имел знак отличия в пять конских хвостов [17, p.29].

Когда султану была необходима помощь в военных кампаниях, он посылал хану Крыма и его подданным, являющимся официальными лицами при дворе, приглашения и подарки. Лично сам хан получал меч, украшенный драгоценностями, почётную парадную одежду (чекмень) и плату, называемую «ценой колчана». Перед началом кампании, по прибытии в османский лагерь, хану оказывалась честь проведения парада при полной парадной форме. Считалось, что крымский хан занимает более высокое положение по иерархии, чем сам великий визирь.

Со временем османы усилили влияние на Крымское ханство, но, нужно помнить, что крымские татары никогда не были зависимыми подданными, подобно сербам или грекам, они являлись скорее подчиняющимися союзниками. Хотя историки могут спорить в отношении природы османо-татарских отношений. Но противоречий, по поводу вклада Мехмеда II в обеспечение безопасности обеих сторон, нет. В своей работе о завоеваниях Османской империи Дональд Притчер (Donald Pritcher) описывает успехи Мехмеда II в Крыму: «Крымский союз, хотя и получил сравнительно небольшое внимание у историков (исключая российских исследователей), был, несомненно, одним из наиболее важных и дальновидных начинаний Завоевателя, и он оказался взаимно выгодным как для сюзерена, так и для вассала» [19, p.96].

Метод ведения татарами боевых действий представлял собой опыт сражений в условиях степи на протяжении тысячелетий. Приученная воевать в жёстких условиях степи, татарская молодежь обучалась верховой езде и военному искусству с ранних лет. В татарском обществе не было разницы между простым жителем и солдатом. Каждому человеку, способному ездить верхом, предполагалось принимать участие в ханских военных кампаниях. Неповиновение часто каралось казнью, как свидетельствует указ, изданный Менгли Герай ханом в 1501 году.

* Перевод с английского яз. – Л.С. Сейтхалилова, научная редакция текста – И.М. Миргалеев.

«Как повелевает мне Аллах, я хочу оседлать коня моего, а вы все должны быть готовы воевать рядом со мной. На пять человек необходимо иметь при себе одну телегу и три лошади на каждого, ... а также большое количество оружия и пищи. Никто не смеет оставаться дома, за исключением тех, кому ещё нет пятнадцати лет. Тот, кто останется дома, более не слуга мне, моим сыновьям или моим беям. Грабьте и убивайте такого человека» [18, p.258].

Ханский вооружённый отряд, описывается как «*ополчение*», хотя и ополчение кочевников, с детства привыкших охотиться с луком, ездить верхом и совершать дальние переходы». Это отряд, который можно было собрать в кратчайший промежуток времени, – за две недели. Этот фактор, давал татарам определённое преимущество над своим, более медленно организуемым противником [18, p.259].

Оценивая численность крымской армии, историки разделяются во мнениях. Алан Фишер в своих суждениях консервативен и заявляет, что хан мог собрать в «лучшем случае не более 40–50 тысяч всадников и лёгкой кавалерии» [8, p.15]. Другие авторы утверждают, что «хан мог собрать до 80 тысяч воинов» [18, p.260].

Однако определить точную численность армии Крыма не представляется возможным, поскольку ханская армия обычно поддерживалась многочисленными кочевыми племенами степняков – ногаев.

Татарский воин обычно носил вывернутый халат из овечьей шкуры, известный как чапан, плотные бриджи и в холода меховую шапку (калпак). В качестве доспехов воин надевал обработанный кожаный полушубок (тон), состоятельные имели жилет-кольчугу и остроконечный шлем. Его оружием являлся составной лук, который он носил при верховой езде с несравненной аккуратностью. Кривая сабля, короткое копье и арканы из конского волоса (чтобы сбросить противника с коня) тоже использовались татарами с впечатляющим эффектом.

Татары не особо владели огнестрельным оружием, которое они считали слишком неудобными в степи при быстрых верховых атаках. У татар-степняков бытовал какой-то страх перед огнестрельным оружием. Оно было впервые внедрено в обращение в этом регионе, Менгли Гераем обратившимся к русским с просьбой об одолжении этого оружия для борьбы против войск Золотой Орды. «Пошли мне на Дон какую-нибудь артиллерию, чисто для формальности, враг улечит, как только её увидит» [9, p.345].

Выбор татарами оружия и стиля одежды не был единственным аспектом ведения боевых действий, который отличал их от Запада. Уникальный стиль боевых действий татар был продуктом их быта. Приученные к жёстким условиям жизни степных пастухов, где набеги за скотом и за невольниками, неожиданные атаки и племенная манера военных действий, были прописными истинами, татары считали ведение войн нормой жизни.

Западные народы, привыкшие к более «цивилизованным» методам ведения войн, ужасались, казалось бы, бессмысленной жестокости татар, что видно из свидетельства Итона (Eton) об их тактике:

«Манера воевать у татар не имела никаких аналогов с европейской тактикой. Это сплошная сцена неразберихи, гула и суматохи, хотя она и даёт возможность проявлению величайшего проворства и незаурядного боевого искусства кочевников. Попеременно налетая и приближаясь раздельными группами, многие виды оружия демонстрировались одновременно; сабли, копья и огнестрельное оружие, всё пускалось в ход, и они сражались одинаково хорошо верхом или пешие, хотя верхом была их излюбленная манера.

Европейская тактика военных действий сильно повлияла на относительно мягкое отношение к побеждённым. В беспорядочном ведении боевых действий давалась воля страсти каждого индивидуума, личная ярость каждого была составляющей всего ужаса происходящего действия, врага не щадили, исключение составляли только не пострадавшие и пригодные для того, чтобы стать ценным невольником» [5, p.341].

Добыча и невольники для многих татар были целью военных действий, они часто старались избежать дорогостоящих военных действий, которые не давали бы им возможности получения воинской добычи.

Стремительные группы татар, известные как чамбулс (chambuls), обладали изумительной способностью преодолевать препятствия, например, реки, которые остановили бы обычную армию – это их искусство, вместе с исключительной, поражающей скоростью, делало их почти непобедимыми.

Однако это было именно так, поскольку неприятель был наделён невероятной скоростью в передвижении, так как, во время военных действий они не обременяли себя снаряжением и съестными припасами. Татары, которые обычно во время похода питались кониной, брали двух лошадей на одного человека; когда один из коней уставал, воин перескакивал на второго, а первый конь следовал за хозяином, как собака, кони обычно были приучены к этому.

Когда человек погибал, товарищи убивали его коней. Каждый из них отрезал себе ломоть мяса, который они клали под седло, нижняя часть седла была сухая. Там это мясо становилось мягче; когда оно становилось достаточно нежным, они смаковали его восхитительные кусочки.

Кроме того, набег снабжает их достаточным количеством живности для существования. Когда они прибывают к берегу реки, каждый воин привязывает коней друг к другу хвостами и уздечками, забрасывает свой лук из древесины и сухожилий на спину коней так, чтобы они не разбухали от контакта с водой и, держась между двух коней, пересекает реку, плывя с невероятной скоростью. У этих татар, одетых с ног до головы в медвежью или овечью шкуру, был вид настоящих дьяволов» [15, p.29].

Когда дело доходило до схватки с врагом, татарин становился таким же хорошим воином, как и рейдером. В сражении татары очень быстро совершали манёвры, следуя приказам ханского знаменосца, который использовал визуальную сигнальную систему коммуникации и регулировал конные формирования.

Татары, чтобы прорвать позиции неприятеля, обычно полагались на фланговые атаки и неожиданные нападения. Будучи атакованы вражеской кавалерией, татары часто рассеивались по полю и имитировали ложное отступление, стреляя из лука прямо с седла, затем быстро перегруппировывались и опять атаковали вражеские формирования, которые зачастую в это время растягивались в погоне за неприятелем.

Столкнувшись лицом к лицу с плотным строем, татары осыпали стрелами ряды неприятеля, изматывали противника, отрезая путь отступления солдатам, зачастую изматывая силы сопротивления даже у гораздо более сильной армии.

Вот такова была боевая сущность новых союзников Мехмеда II, крымских татар. Начиная с 1478 года, Османская империя могла полагаться на помощь отважных татарских наездников, которые обеспечивали султана прекраснейшей в мире кавалерией. Османская армия, большей частью состоящая из «сипахов» (тяжелая кавалерия), использовала лёгкую кавалерию гораздо чаще, чем её европейские оппоненты и в рядах султанских войск всегда была нужда в легкой коннице.

Значение подразделений кавалерии в османской армии недостаточно отражено в исторических исследованиях. Значение кавалерии намного превосходило легендарных «янычар», чья роль была явно преувеличена. Историк XVII века писал, что османский султан «Собрал сто пятьдесят тысяч прекрасно вооружённых наездников. Таковую огромную кавалерию ни один другой повелитель с годовым содержанием в четырнадцать миллионов золотом обеспечить не мог» [3, p.59].

То, что татары способны эффективно воевать в условиях степи, было вне всяких сомнений. Татары обычно предоставляли османской армии 20 000 наездников, чтобы усилить грозную армию. Их войска быстро собирались для похода и, не в пример османским «сипахам», они не требовали земельной гарантии от османского правительства в обмен за свои услуги.

Войны Османской империи с Персией велись по нескольким причинам. Наиболее очевидной причиной являлись религиозные трения между шиитами и суннитами, вторая причина была по политическим мотивам: желание обеих держав доминировать в горных княжествах Кавказского региона. Большая часть войн между османами и сефевидами происходила именно в этом спорном регионе. Для османов было естественно вызывать своих союзников – татар, для содействия, которое на этом фронте для османов часто оказывалось решающим.

Крымские татары, оказывающие эффективную помощь османам, имели ряд благоприятствующих им на этом фронте факторов. Они воевали в этом регионе с самого возникновения Золотой Орды и крымские ханы после развала Золотой Орды получили контроль над несколькими черкесскими племенами северного Кавказа, были хорошо знакомы с местностью и населением данного региона. Черкесы состояли на службе в ханской армии, телохранители хана были обычно также из племени черкесов. Годы пребывания татар на Кавказе очень помогли им в османских походах в этом регионе. Их силы были особенно эффективны в степях Кубани (Северный Кавказ) и на равнинах Южного Кавказа.

Во время Персидской войны 1578–1590 годов, татары фактически укрепляли свои позиции в Черкесии [7, p.25]. Татары были вдохновлены и искренним религиозным рвением, принимая решение участвовать в походах против еретиков, шиитов Персии, которых считали угрозой суннитскому исламу оба союзника: и османы и крымские татары.

Турецкий генерал Мехмед Паша вызвал татар себе в поддержку. Однако татары были заняты действиями против Польши, которая не могла удержать своих казаков от нападения на крымские территории. Только в сентябре великому визирю удалось организовать перемирие между Польшей и крымскими татарами, и таким образом, дать возможность татарам прийти на помощь османам на Кавказе.

Османская армия атаковала удерживаемую Персией Грузию, и в боях при Чылдыре (Childir) и Алазане (Alazan) Мехмед Паша добился успеха, разбив выступившие против него численно превосходящие персидские военные силы. К концу похода османы получили незначительный контроль над Грузией и Ширваном. Поскольку Мехмед Паша собирался выводить свою армию, он ещё раз вызвал татар на помощь. Ханские военные силы были необходимы, чтобы поддержать сравнительно слабые оккупационные силы в 8000 человек, оставленные в зимний период в новых владениях империи.

Только к середине октября татарское подразделение в 15 000 человек под командованием калги (наследник трона) Адиль Герая, отправилось в Закавказье. Марш-бросок татар на юг проводился в спешке, потому что армия сефевидов, приблизительно в таком же количестве, тоже двинулась навстречу военным силам османов, стоявшим в это время в городе Ареш.

Превосходящие военные силы сефевидов, под командованием Арас Хана к месту боевых действий прибыли первыми и стремительно вступили в сражение с османами, храбро сопротивлявшимися целых три дня. На третий день, когда казалось, что оборона османов готова распасться, прибыл гонец и сообщил уже павшим духом воинам, что татарское войско подошло на расстояние всего лишь одного перехода.

Услышав новость, османские воины собрали все свои силы и продержались до прибытия татар, которые присоединились к ним к концу того же дня. Кортепитер (Kortepeter) пишет, что отважные татары моментально вступили в бой с неприятелем, несмотря на то, что, несомненно, были уставшими после длительного марша [10, p.58]. Персы были разгромлены войском Адиль Герая, а войско османов избежало явного поражения.

В ноябре визирь Шаха Сельман хан лично повёл армию в 30–40 тысяч воинов на Кавказ, чтобы разбить объединённые татаро-османские силы. Тридцатого ноября армия Сельман хана встретилась с армией Адиль Герая на открытой равнине, к востоку от города Аксу и стремительно вступила в сражение, которое длилось три дня. На третий день, татары получили явное преимущество над численно превосходящими силами сефевидов. Но когда внезапно разразился шторм и смёл всё с поля сражения, татары были вынуждены на время выйти из боя, так как их маневренность ограничивали дождь и грязь. Ситуация усугублялась ещё и тем, что их наиболее эффективное оружие – их луки, деформировались от влаги.

На следующий год татары ещё раз помогли османам, на этот раз под командованием хана Мехмед Герая, которому было присвоено звание командующего османскими силами в Дагестане, в награду за оказанную османам поддержку [10, p.63].

Татары служили отлично и в походе 1579 года, помогая османам в составе кавалерийских объединений, а также во время набегов на отдалённые территории. Один из татарских командиров, которому вскоре надлежало стать ханом – Гази Герай служил в этом походе с особым рвением. Его наиболее замечательным успехом был разгром лагеря персидской армии во время внезапного ночного нападения.

Помощь татар оказывалась решающей ещё в ряде других внезапно возникавших военных стычках и османский командующий, во время войны очень рассчитывал на татар-наездников. Помощь татар в Персидской войне 1578–1590 годов, несомненно, стала весомым вкладом в борьбу за влияние османов и была решающим фактором в успешном исходе войны в пользу Султана. По договору 1590 года, сефевиды уступили победителям османам провинции Азербайджана (Ширван, Дженье (Genje)), Грузию и часть Курдистана.

Контроль османского государства в этих районах Кавказа однако, оказался не долгим. В 1603 году шах Аббас Великий повёл вновь объединённую Персию на войну за возвращение утерянных провинций. Татары вновь оказали помощь османам в сражении против Шаха, пишет Джона Мал-

кольма (John Malcolm), который упоминает о поражении турок и их союзников «Татар Кипчака» (Kipchak) [14, p.358]. К 1612 году османы потеряли контроль над большей частью завоеванных территорий. Теперь османы контролировали лишь небольшую часть своих завоеваний в Дагестане вплоть до середины XVII века и то, только с помощью татарских ханов. Османы продолжали поставки в этот восточный регион, используя кубанскую степь. Путь от крымского порта Каффа до Тамани (западный Кавказ) и через Кубань в Дербент (восточный Кавказ) был единственным маршрутом, открытым на Восточный Кавказ после завоевания шахом Аббасом Грузии, Армении и Карабаха, что отрезало южные линии снабжения османов. Черкесские и ногайские племена, кочующие по степи, контролировались крымским ханом, право которого осуществлять власть в этом регионе, было ранее признано османским султаном [7, p.25].

Татары продолжали помогать османам в походах на территории сефевидов, и участвовали ещё в нескольких меньших походах на Кавказ в 1618, 1635 и 1639 годах. Однако в 1725 году они внесли ещё один очень значительный вклад в победы османов на персидском фронте. Анализ этого похода демонстрирует эффективность военной силы татар даже в столь поздний период.

В 1722 году династия сефевидов рухнула под натиском яростной атаки афганской армии. Османы решили, что настало время для экспансии на Кавказ. У Порты была еще одна причина для экспансии, они стремились остановить русских, которые воспользовались слабостью Персии и продвигались вниз к восточному побережью Кавказа в районе Дербента.

Смерть Петра Великого в 1725 году остановила российскую экспансию на юг, а продвижение османов продолжалось с удивительным успехом. К 1727 году Ереван, Гянджа, Нахичевань, Маранд, Урмия, и большая часть Азербайджана, включая Тебриз, перешли под власть османов.

Контроль Порты над этим районом оказался эфемерным, и с возникновением вновь объединённой Персии под руководством Надир шаха, османы опять были вынуждены перейти к обороне. С 1730 года по 1735 Надир шах воевал за контроль над Кавказом и Курдистаном с переменным успехом.

При описании вновь созданной военной мощи Надир шаха, В.Дж. Пэрри (V.J. Parry) утверждает что: «Несомненно, это была самая могущественная армия в западной Азии XVIII века» [18, p.24].

Османский командующий, Топал Осман вызвал татар на помощь. Крымский хан Каплан Герай, в ответ отправил отвлекающую экспедицию под руководством калги Фетих Герая на Кавказ. Фетих Герай начал поход, направив вооружённые силы крымских татар, черкесов и ногаев через Кубань, где им подчинились несколько племён калмыков и черкесов.

Затем Фетих Герай последовал в Дагестан, где ему подчинились эмиры и кади (судьи) многих районов, и пошёл далее вглубь, на юг вплоть до Ходада (Khodad) в окрестностях Дербента [9, p.578].

Его успех просто замечателен, если вспомнить, как долго русские пытались завоевать этот район в XIX веке и это является свидетельством искусства татар в умении воевать на Кавказе.

Успехи татар пробудили тревогу не только в Персии, но и в России. Во время правления Ивана Грозного Россия начала экспансию на Кавказ. Наблюдая за продвижением татар, она воспринимала их успех как ущемление своих прав в осуществлении контроля над территориями этого региона. В предыдущие годы татарам и османам удавалось довольно успешно предотвращать экспансию русских в данном регионе. Но всё стало меняться в начале XVIII века, а в период вторжения Фетих Герая влияние царя среди ногайских и калмыцких племён в регионе северной Кубани было особенно сильным.

В 1736 году российское правительство решило применить силу против татарской угрозы и организовало армию под командованием графа Миниха, с целью вторжения на полуостров. Вторжение Миниха оказалось успешным, и русская армия явно преуспела в прорыве через татарские северные укрепления у Перекопа и в грабеже Бахчисарая, столицы ханов Крыма [7, p.50].

Хан во время вторжения русских в Крым, участвовал в походе против Персии. Если бы хан не воевал на Кавказе вместе с османами и большей частью своих войск, весьма сомнительно, что нападение русских на Крым было бы столь успешным.

Отношения между Османской империей и Московской вначале были чрезвычайно теплые. Дружественным отношениям между двумя державами способствовал хан Крыма, который в то время был союзником Великого князя Москвы. В одном из писем к хану Менгли Герая, Мехмед

Завоеватель в своих высказываниях зашёл даже так далеко, что написал: «если правитель Москвы твой брат, он будет также и моим (братом)» [9, p.459].

Дружественный тон изменился с началом русской экспансии в степи, которая имела место после разгрома Золотой Орды крымскими татарами в 1502 году. Крымские ханы, мечтавшие о воссоединении территорий Золотой Орды под своим собственным контролем, были потрясены завоеванием Иваном Грозным Казанского ханства в 1552–1556 годах. Они осознали угрозу от Московии задолго до турок.

Только к 1568 году османы действительно начали готовиться к тому, чтобы пойти против москвитян, которые стали явной угрозой исламу Центральной Евразии. До этого времени ханам Крыма давали свободу действий в их отношениях с относительно малозаметными русскими. Согласно А.Н. Курату в течение первой половины XVI века Порты не предпринимала, каких-либо шагов, чтобы проверить рост мощи москвитян. Она предполагала, что Крымские ханы всегда смогут сдерживать их своей кавалерией [11, p.46].

Неудивительно, что татары воспользовались преимуществом этой политики ослабления, регулярно совершая набеги на русские территории. Всё изменилось с ростом интереса Порты к событиям, происходящим в степи. Она потребовала от татар привести свои отношения с русскими в соответствие с политикой, которую диктовала Порты.

Одно из первых заданий предписывало татарам помогать османам в подготовке похода против контролируемой русскими Астрахани. Турки планировали, получив контроль над этим стратегическим городом не только остановить экспансию русских на Кавказ, но и наладить связи со своими единоверцами, суннитами из Поволжья и Средней Азии.

План Порты состоял в том, чтобы построить канал, связывающий реки Дон и Волгу, для транспортировки тяжёлой артиллерии османов через степь к Астрахани. Этот поход был самой известной татаро-османской экспедицией в степи.

Астраханский поход 1569 года был тщательно спланирован. Османское войско, которое тем летом было сосредоточено на Азове, в своём преобладающем большинстве состояло из татар. Для этой экспедиции крымский хан предоставил войско в 50 000 воинов, в то время как османские силы составляли всего 15 000 [11, p.16].

Попытка турок построить канал между реками Дон и Волга оказалась нереальной, и, согласно А.Н.Курату, план с каналом был отвергнут в самой начальной стадии [11, p.17].

Османам пришлось совершить марш через степь к Астрахани, оставив позади свою тяжёлую артиллерию.

Османские войска прибыли в Астрахань 16 сентября 1569 года, однако русские фортификации оказались слишком крепкими для осаждающих османов – у них не было тяжёлого вооружения, чтобы разрушить оборону неприятеля. Османские войска подняли мятеж, турецкая армия была вынуждена отступить на Азов [6, p.138]. «Если бы османы захотели, они всегда могли послать в степь ещё одну армию» [10, p.31]. Однако этого не было сделано. Девлет Герай в следующем походе в 1571 года отомстил за этот провал, ударив прямо по самой Москве. Но этот поход был совершён без санкции султана [12, p.138].

Сам набег интересен тем, что восстановив уважение к татарской военной доблести среди русских, оказал османам колоссальную услугу. Русские генералы категорически не желали идти в степь против армии, которая могла ударить по их столице с таким же эффектом, как ранее это делали ханы Золотой Орды. Таким образом, русские были не в состоянии серьёзно угрожать украинским владениям Порты на протяжении более века.

В XVI веке в степи появилась новая сила, которая действительно была способна бить через всю степь по османским мишеням и вплоть до Стамбула – это были казаки, смелые воины [13, p.30]. Османский султан в последующем был вынужден неоднократно просить правителей Москвы и Польши контролировать действия неуправляемых казаков. Против них были эффективны только татары и османы поэтому против них татарам давали свободу действий [13, p.87]. Походы хана на Сечь были серьёзной поддержкой османам, особенно один из них, против запорожских казаков, который не дал возможности этой массе людей принять участие в крестовом походе против турок, организованном в 1594 году [13, p. 35].

В 1696 году обозначился наиболее убедительный признак спада военного превосходства татар. Петру I удалось завоевать османскую крепость на Азове и таким образом отделить Крымское ханство от владений на Таманском полуострове, на Кавказе.

В 1711 году крымский хан Девлет Герай III присоединился к османам, имея целью разгромить русских, вторгшихся в Молдавию. В мае, османская армия под предводительством Великого Визиря Балтаджай Мехмед Паши столкнулись с русскими войсками, и началось тяжёлое сражение, в котором русские были разбиты и вынуждены отступить к городу Яссы.

Татары громили отступающие войска Петра, и потери русских в этом поспешном отступлении были чрезвычайно велики. Армию Петра татары методично изматывали – татарские конники мчались галопом вдоль и поперёк русских колонн, устраивая нападения на пехоту, обозы и разрушая коммуникации.

Турецко-татарское войско окружило армию Петра. Татары перехватывали транспортные конвои русских и отрезали им пути отступления [9, p.573]. После этого поражения в 1735–1736 годах русская армия дважды прорывалась в Крым под командованием опытного генерала Миниха. Османы и татары во время этих вторжений, которые угрожали территориям обеих стран, воевали плечом к плечу. В 1737 году союзникам, наконец, удалось добиться успехов в нанесении поражения русским. Те отступили, удовлетворённые возвращением Азова, который был потерян в Прутском походе [8, p. 24].

Татары помогали Порте, защищая Молдавию от вторжения русских в 1771 году, но в этом они были менее успешны.

Обзор военной помощи, оказанной татарами османам на русском фронте, демонстрирует, что именно на этом участке татары смогли показать свои наиболее ценные качества. Татары в этом окружении не только превосходили в военном искусстве, но они и воевали с огромной решимостью против русских и казаков.

Многие проблемы с татарами на северной границе происходили от того, что татары имели собственные политические интересы в степи, многие из которых не совпадали с интересами Порты. Амбиции крымских ханов, в их стремлении воссоединить ханства Казани и Астрахани под крымской властью представляла угрозу османскому контролю в бассейне рек Украины. Османы боялись, что объединённая Золотая Орда может оказаться не столь дружественной Османской империей.

Еще одним важным направлением татаро-османского сотрудничества был Польский фронт.

До осmano-татарского альянса 1475 года, Крымское ханство было в тёплых, радушных отношениях с Польско-Литовским унией [9, p. 450].

Всё изменилось с установлением альянса османов с ханством. Крымские ханы ранее полагались на помощь Польши в борьбе против Большой Орды, но после получения протекции османов, эта помощь оказалась больше не нужной. В последующие века, татары в своих отношениях с Польшей действовали независимо.

Первый объединённый осmano-татарский поход против поляков состоялся сразу вскоре после создания татаро-османского альянса. В 1498 году Султан Баязид II приказал крымским татарам помочь командиру фронта Малкоч-оглу Бали Бегу в набеге на восточные провинции Польши (Подолье и Галицию). Этот поход был возмездием польскому королю Яну Ольбрахту за его поход к Чёрному морю годом ранее, с целью прорвать осmano-татарский барьер, который блокировал Польше выход к Чёрному морю [20, p.262].

Весной 1498 года, татарские войска присоединились к войскам Али Бека и опустошили большую часть восточных регионов Польши, достигнув города Лемберг в Галиции [4, p.61].

Поход, организованный в следующем году, был менее успешным, войска настигла снежная буря в Карпатских горах. Память об отступлении осmano-татарских войск сохранилась в румынском песенном фольклоре [4, p. 61].

Эти две экспедиции стали прецедентом и ясно показали османам, что Крымское ханство имело идеальное расположение для проведения внешней политики на восточных границах Польши. В XVI веке, татары несколько раз были задействованы в мероприятиях, по оказанию давления на Польшу за её вмешательство во внутренние дела Молдавии.

Наиболее значимой экспедицией являлся поход Гази Герая в 1575 году. Данный поход произвёл огромное впечатление на поляков, – в следующем году всего лишь угроза набега татар была использована турками, чтобы посадить на трон своего кандидата, Стефана Батория [22, p. 178].

В некоторых случаях османы находили общий язык в отношениях с казаками. Когда гетман Богдан Хмельницкий восстал против поляков и пошел на сближение с османами в 1651 году,

Порта приказала крымским татарам поддержать восставших. Татарские войска воевали с огромным рвением, без помощи татар казаки не выиграли бы ни одного сражения [13, p.118].

Условия на польском фронте были схожи с условиями на русском фронте. Степи западной Украины и равнины Восточной Польши и Литвы оказались удобны для тактики татар против Московии. Татары относительно легко перемещались через эту зону и угрожали польским городам на западе вплоть до Кракова.

Эта их мобильность была ценна для османов, поскольку в первую очередь брался в расчёт страх перед набегами татар. Польше приходилось хорошо подумать, прежде чем совершить какую-либо акцию против Порты. Поляки были известны своей склонностью к крестовым походам, и Порте было важно предотвратить этот непредсказуемый народ от вхождения в антиосманские союзы.

Хотя татары и не смогли предотвратить начало величайшего в истории Польши крестового похода Собеского против османов в 1683 году, военные силы короля все же были значительно ослаблены из-за необходимости оставлять многочисленные войска в стране, чтобы охранять её от набегов татар. Помощь татар в походах султана против поляков была ощутимой. Татары, хорошо знавшие местность, участвовали в походах османов в качестве проводников, лёгкой кавалерии и как участники неожиданных набегов. Во время сражений татарская кавалерия испытывала на прочность неприятеля и маскировала пути продвижения главной армии. Было подчёркнуто, что во время сражения татарские наездники мешали продвижению польской пехоты с такой эффективностью, что Собеский был изначально вынужден ставить своих пеших солдат сзади, под прикрытие кавалерии, чтобы они могли быть в безопасности во время сражения [18, p. 271].

Устранение польской угрозы на северной границе, дало возможность туркам направить свою энергию на другие фронты, самым важным из которых был Габсбургский фронт.

Татары, в ряде случаев, действовали и в неблагоприятных условиях, и при этом имели преимущество над противником. Таким является западный фронт. Жители лесных зон с помощью лесных частоколов и подобных этому примитивных, но весьма эффективных фортификаций, были в состоянии, иногда достаточно успешно, противостоять кавалерийским атакам татар [16, p. 47].

На ранних этапах осmano-татарского альянса татарские войска не были столь необходимы для участия в походах далеко на запад, в Венгрию. Татары, однако, участвовали в набегах против княжеств Молдавии, Валахии и Трансильвании.

В 1484 году Менгли Герай помогал султану Баязиту II в завоевании стратегических Молдавских городов Аккерман и Килия. Эта важная победа дала османам контроль над бассейном рек Дунай и Днестр, и султан был особенно благодарен татарам за поддержку. В качестве вознаграждения за содействие хану было обещано разрешение на расширение его территории через степь от Перекопа до Аккермана. Хану было также дано право сбора дани с Молдавии и Валахии – подарок, который убеждал татар в выгоде, получаемой от службы у султана [7, p. 15].

Татары играли большую роль в контроле над балканскими территориями после их подчинения османам. Даже простой угрозы вторжения татар было достаточно, чтобы убедить воевод этого региона оказывать сопротивление попыткам Запада, подстрекающим их к восстаниям. Арон Тиран, воевода Молдавии, например, согласился присоединиться к антиосманской коалиции в XVI веке только при условии, если его страна получит особую защиту от татар, урона от которых он боялся больше, чем даже самих турок. [10, p. 135].

Дорога в княжества и в Венгрию, даже в наши дни известная как «маршрут татар», открылась для интервенции татар после аннексии Южной Болгарии (Буджак) Сулейманом в 1538 году. После заселения татарских племён в этот прибрежный район они начали оказывать большое влияние на санджак. Несколько крымских ханов даже использовали этот регион как базу для расширения контроля и над Валахией и над Молдавией – то действие, которому упорно противостояла Порта.

Татары прикладывали все усилия в борьбе не столько против княжеств, сколько против мощных армий Габсбургской империи. Именно в этих походах татары приобрели славу акынджы постепенно заменив османских акынджы [4, p. 33].

Сулейман Великолепный был первым Султаном, который в полной мере использовал татар на полях битвы османского западного фронта. Начиная с этого времени, татары были почти постоянно востребованы в войнах против Габсбургов. Эти войны, которые велись главным образом за контроль над Венгрией, продолжались с перерывами около двух сотен лет, во время которых

татары семнадцать раз оказывали своевременную поддержку османам, что стало весомым вкладом в их военные успехи [19, p.122].

Татары оказали огромную услугу в великом походе 1532 года. Этот поход, приведший в замешательство многих австрийцев, и всё ещё полностью не изученный в наши дни, дал татарам возможность раскрыть свои воинские таланты.

Тяжеловооружённые австрийские кирасиры часто были не в состоянии вступить в схватку с высококомобильными татарскими наездниками.

Преимуществом австрийцев было их знание рельефа местности и в нескольких случаях войска Габсбургов смогли заблокировать долины и уничтожить группы татарских наездников. Это, однако, оказалось скорее исключением, чем правилом.

Татары активно участвовали и во время «Долгой Войны» («Long War»), которая продолжалась с 1593 по 1606 годы. Эта война, описываемая европейскими источниками как «человеческая бойня», была, несомненно, одним из наиболее кровавых внешних походов османов [4, p.121].

Постоянное участие вооружённых сил хана на Габсбургском фронте в эту войну приводило к постепенному упадку ханства и к потере независимости [7, p.45].

Татары впервые вступили в военные действия во время осады османами Рааба в 1594 году, и уже в следующем походе они проявили себя, успешно поддержав османов. В том году Султан Мехмед III принял решение лично повести османскую армию, чтобы поднять дух своего войска. Войска Султана начали операцию в августе, направившись в сторону Габсбургской крепости Эгер. После успешной осады этой крепости к османам начали поступать известия о приближении дополнительных сил Габсбургов.

Татарский контингент под командованием Калги Фетих Герая, был немедленно отправлен проверить расположение неприятеля и доложить о его продвижении. Услышав, что неприятельские силы были действительно главной армией Габсбургов, султан решил предложить бой на ближайшей равнине Мезё Керестеш. Этот день начался для османской армии неудачно, вскоре она оказалась на пороге явного разгрома, но неожиданно контингент Фетих Герая обнаружил слабое место в тылу неприятеля и атаковал его самостоятельно. Согласно Кортепитеру, этот диверсионный маневр в тыл врага оттянул значительное число войск неприятеля и дал возможность османам прорвать ряды Габсбургской армии и выиграть сражение [10, p.150].

Эта победа оказалась единственным решающим сражением во всей войне, и была быстро причислена османами к ряду наиболее известных побед Сулеймана и Селима.

В XVII веке татары продолжали участвовать в войнах на Габсбургском фронте, достигнув величайшего успеха в 1663 году. В том году татарам было приказано опустошить Австрию в отместку за пограничные провокации Габсбургов. Татары сумели совершить два особенно разрушительных набега на Силезию и Моравию и продолжали свои действия по направлению к западу вплоть до Лихтенштейна [9, p.557].

Участие татар в исторической осаде Вены Кара Мурзой в 1683 году является наиболее известным эпизодом, который татары вели на Западе. Глубокий анализ деятельности татар в этом походе представит прекрасную картину роли, которую играли татары на этом, таком важном фронте.

Когда великий визирь прошествовал мимо крепостей Дьор и Комарон в Австрию, крымский хан Мурад Герай раскритиковал Сердара за оставление вражеских крепостей в тылу своей армии. Эта критика вызвала неприязнь великого Визиря и до конца похода отношения между ними были напряжёнными. Неприязненные отношения между командующими армии стали помехой усилиям османов на протяжении всего похода и, должно быть, позднее явились решающим фактором в поражении армии.

Ранним летом османская армия была снова на пути к Вене, и у австрийцев не оставалось сомнения в том, что турки собираются опять ударить по их столице. Во время марша к Вене татары разделили свои силы на две части. Одна группа формировала авангард для главной армии, в то время как другая группа двинулась вперёд, чтобы провести традиционную функцию устрашения.

Казалось бы, бессмысленные набеги татар, были на самом деле тщательно скоординированными операциями, с целью посеять панику среди населения и привести в замешательство отступающие силы Габсбургов. Татары преуспели в обоих случаях. Габсбурги по ошибке приняли приближающиеся группы татар за основную армию османов. В одном случае даже легендарный

герцог Лотарингский запаниковал, когда он принял татарские силы в своём тылу за османскую армию [2, p.220].

В другом случае мадьярская часть, отправленная разрушить стратегический пост, сбежала при виде татарской разведывательной группы, так и не выполнив задания.

В Вене результаты были ещё более драматичными. Когда сообщение о действиях татар из пригородов достигло города, люди впали в панику, которая, по словам Баркера серьёзно препятствовала усилиям организовать свою и так не совсем завершённую оборону. [2, p.220].

Набег породил страх при имперском дворе. Только лишь услышав о нашествии татар, перепуганный император Леопольд решил покинуть столицу и направить свой двор в западный город Линц (Linz).

Это решение произвело абсолютно удручающий эффект на население Вены. Знать города последовала его примеру и сбежала в сравнительно безопасные западные районы. Современник тех событий пишет, что Вена, таким образом, лишилась многих «проверенных блюдолизов», которые могли бы организовать меры гражданской обороны» [2, p.245].

Везде царило смятение и ситуация в Вене принимала ещё более хаотичный характер по мере того, как потоки перепуганных беженцев устремились в город из близлежащей сельской местности.

Даже основная армия не могла противостоять исключительно мобильным татарским группам. Так, в одной дерзкой атаке, татарские воины в количестве 6000 человек смогли почти разгромить силы отступающей Габсбургской армии в составе около 9500 человек. Герцогу Лотарингскому явно пришлось приложить огромные усилия, чтобы устоять в той яростной атаке татар. Австрийцы, в конце концов, смогли отбить атаку татар, но только ценой огромных потерь.

В то время как основная армия османов продвигалась по направлению к Вене, татары продолжали расширять свои военные операции далее на Западе. Отступающий двор был в состоянии паники по мере того, как слухи о действиях татар догоняли их по пути к городу Линц. Страх этот не был беспочвенным, поскольку татары с лёгкостью преодолевали большую часть оборонительных сооружений австрийцев. Баррикады обошли, дозорных обогнали, реки перешли вброд с удивительной лёгкостью. Одной из быстро продвигающихся колонн почти удалось захватить династические архивы Габсбургов по дороге в Линц [2, p.247].

Во второй неделе июля основная армия османов прибыла к стенам Вены и осадила город. Татарам, от которых не было особой пользы в сражении против укреплённых позиций, было дано задание искать фураж по всей стране. Некоторые из этих групп, имеющие разные задания, направились вглубь, вплоть до Баварии, где они успешно обирали альпийские деревни неслыханным для тех мест образом. Это продолжалось до тех пор, пока Кара Мустафа не получил известие о польских освободительных силах и тогда татарские акынджы были отозваны обратно.

Известный крестоносец Ян Собеский, не мог не воспользоваться шансом, чтобы не принять участие в походе по освобождению столицы христианства. К июлю, полякам удалось организовать освободительную армию в 20000 человек, чтобы принять участие в том, что большая часть историков считает последней религиозно вдохновлённой войной крестоносцев. Армия Собеского, состоящая большей частью из тяжёлой кавалерии и снабжённая артиллерией, представляла явную угрозу силам османов, занятых осадой.

Кара Мустафа недооценил неприятеля и, вероятно, предпринял недостаточно мер по обороне в дни, предшествующие прибытию польской армии. Его величайшей ошибкой было отправить татар, армия которых была приблизительно такой же по количеству, что и польская, заблокировать продвижение поляков. Неприязнь к великому Визирю, должно быть, повлияла на решение татар избежать сражения с армией Собеского.

В защиту татар можно также отметить, что продвижению поляков мешала проблема с недостатком продовольствия вследствие того, что большая часть территории на пути в Вену была опустошена татарскими отрядами чамбулс. Вопреки этим трудностям Собеский сумел быстро достичь Вены ко второй неделе сентября. Наступательные операции были проведены быстро в координации с австрийскими силами под командованием герцога Лотарингского. Оба, и Собеский и герцог договорились о начале мощной атаки на лагерь неприятеля, который оказался не готов к неожиданному нападению.

К концу похода имперским силам удалось выдворить деморализованных османов из Венгрии. В следующем году Порта столкнулась с христианским содружеством, которое теперь включало и Венецию, и османы были вынуждены защищать свои границы от Польши до Средиземно-

морья. Татары усердно служили во время этих войн, помогая в обороне против поляков, разбивая польское наступление в 1687 году и разгромив польскую армию, а в другом случае, сделав попытку завоевать Молдавию [4, p.190].

В 1688 году, татары помогли отступившим османам ещё несколько раз. Так, Селим Герай хан разбил австрийские войска в битве у Капчака, а в следующем году тот же самый хан помог выгнать австрийские имперские силы из окрестностей Белграда [9, p.365].

В 1689 году прибытие войск Селим Гирея на Габсбургский фронт спасло Болгарию и Фракию (Thrace) от завоевания Австрией. [4, p. 141].

Высокая маневренность татар часто делала габсбургские пушки беспомощными, а татарские стрелы всё ещё были смертельно опасными для войск. Интересно также отметить, что австрийцы не сумели превзойти татар, в их искусстве наездников, несмотря на все улучшения боевой тактики.

Хотя причастность татар к действиям на западном фронте не была постоянной, тем не менее, они усиливали наступательные кампании на театре военных действий до более поздних дат, нежели это обычно принято считать. Порта находилась в долгу перед татарами за их постоянную помощь, в удержании княжеств в подчинении. Во многом благодаря влиянию татар в районе реки Дунай Порта была в состоянии установить контроль над этими княжествами.

Помощь татар в оборонительных войнах Османской империи, с последующим их поражением в Вене в 1683 году, тоже нельзя упускать из виду. Невозможно не заметить, что ханские войска обычно побеждали в борьбе против войск христианских содружеств до конца XVII века, в то время как османы терпели поражение за поражением.

Можно констатировать, что роль татар на этом фронте была серьёзно недооценена большей частью историков, поскольку именно на этом фронте татары смогли внести свой самый значимый вклад в военное дело османов.

Татарские войска часто воевали и во внутренних войнах Османской империи. Селим I именно в этом качестве, более других, пользовался услугами татар в начале XVI века, во время борьбы за свержение своего отца Баязита II с престола. Один из источников упоминает об участии крымских татар в победе Селима I над мамлюками в Сирии, во время их сражения в Алеппо [18, p.220].

Селим, должно быть, завоевал репутацию «самого жёсткого человека эпохи Возрождения», получив воспитание при дворе своего свёкра, Менгли Герая [1, p.11].

Селим, прежде чем стать султаном, сам был великим гази, он явно знал цену военной мощи ханства, как это можно видеть из его комментариев о татарах:

«Я больше всего боюсь татар. В наступлении на неприятеля они быстры, как ветер, потому что, когда они в марше, они покрывают пяти-шестидневный путь в один день, а когда они отступают, то исчезают также молниеносно. Особенно важным является факт, что их лошади не нуждаются в подковах, гвоздях, им не нужен фураж. Когда подходят к реке, они не дожидаются лодки, как это делают наши войска. Их еда, так же, как и забота об их теле, не имеют для них значения, их сила видна из того факта, что они не заботятся о своём комфорте» [18, p.276].

Подводя итоги роли, которую сыграли крымские татары на четырёх условных фронтах, можно утверждать, что многие устоявшиеся суждения о методах ведения боевых действий татарами оправданы. Представив несколько прилагательных, используемых в истории в отношении татар, можно сказать, что татары были действительно, «непостоянны», «неконтролируемы», «сумасбродны» и временами «ненадёжны». С точки зрения османов, крымские татары, конечно, имели свои недостатки. Османские источники жалуются, что татары уделяли больше внимания сбору дани с населения, чем сражению за Султана, часто опаздывали на поля сражений, исчезали во время решающих конфликтных ситуаций и часто отказывались выполнять приказы османов.

Эти проступки чаще всего были попросту преувеличены. Анализ этих неверных представлений и новая переоценка вышеупомянутых проблем о помощи, оказываемой татарами, прольёт новый свет на отношения между Крымским ханством и Османской империей, и представит более достоверную картину о военной роли, которую сыграли татары в армии Султана.

Совершая набеги на вражеские позиции, татарская армия формировала полумесяц и пыталась разгромить своих противников, захватывая их в клещи. Лучники в тылу армии сметали вражеский фронт смертельной волной стрел с целью прикрыть приближение ревуших передних рядов войск, работающих саблями.

Татары считались мастерами владения кривыми саблями и современники заметили, что воины хана имели превосходство над русскими в ближнем бою [21, p.12]. Жёсткость татар в сражении была легендарна, и очень редко случалось, чтобы татарин сдался в бою.

Проанализировав действия татар на всех фронтах можно уяснить, что татары стремились повернуть исход боя в пользу османов. Исходы сражений, показывают, что татары действительно имели достаточный потенциал, чтобы выстоять и эффективно сражаться, если они того хотели.

Османские войска уважали боеспособность татар, и прибытие татар на фронт во время военных кампаний встречалось с огромным энтузиазмом. Османских солдат, должно быть, подбодрял тот факт, что они не были одиноки, когда казалось, что весь мир поднялся против них. Крымскому хану, как главе государства, обычно доверяли во время церемоний поддерживать моральный дух войск. Западные обозреватели заметили это, и поэтому османская армия часто описывалась, как армия «Турок и Татар». Кортепитер пишет, что: «Присутствие хана было делом не меньшей важности для победы или поражения османской кампании. Татары одним лишь только количеством своим увеличивали ударную мощь османов» [10, p.141]. «Безусловно, психологический эффект их присутствия имел большое значение для сохранения дисциплины в турецких войсках. Так как султан редко принимал участие в походах, присутствие татарского хана, несомненно, помогало в поддержании дисциплины войск и их шансов победить. Простой народ считал татар непобедимыми» [10, p.141].

Многие проблемы, возникающие у османского государства в военных кампаниях с татарами, происходят из того факта, что крымские ханы были, фактически, независимыми главами государства со своими собственными политическими прерогативами. Первым вопросом повестки дня в Крыму ставился вопрос о противодействии русской экспансии в Крыму, восстановление Золотой Орды под их сюзеренитетом и, конечно, получение добычи. Хотя Порты и могла временами усиливать своё влияние на Крымское государство в поздние XVI и XVII века, она никогда не могла укрепить здесь свой авторитет как в внутри империи. Неоспорим факт, что татары имели чувство этнической идентичности и внутреннего единения, что было совершенно необычным при наличии сложных проблем в самой среде мусульманских групп.

Независимо от того, насколько сильна была власть османского государства в Крыму в любой период правления, официальным лицам Порты приходилось признать, что крымские ханы не могли игнорировать интересы своих собственных племенных и официальных лиц государства.

Несмотря на трудности во взаимоотношениях, военное сотрудничество османов и татар было успешно. Татары отдали более трёх сотен лет военной поддержке османской империи при защите общей тюрко-мусульманской культуры. Взамен они получили протекцию одной из самых мощных держав мира.

Список литературы

1. Allen W.E.D. Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century. London: Central Asian Research Center, 1963.
2. Barker, Thomas M. Double Eagle and Crescent. Albany: State University of New York Press, 1967.
3. Beck Brandon H. From the Rising of the Sun: English Images of the Ottoman Empire to 1715. New York: Peter Lang, 1987.
4. Cook M.A. A History of the Ottoman Empire to 1730. London: Cambridge University Press, 1976.
5. Eton, William. A Survey of the Turkish Empire. London: Gregg International Publishers Limited, 1972.
6. Eversley, George. The Turkish Empire. New York: Dodd, Mead & Company, 1917.
7. Fisher Alan. The Crimean Tatars. Stanford: Stanford University Press, 1978.
8. Fisher Alan. The Russian Annexation of the Crimea, 1772–1783. London: Cambridge University Press, 1970.
9. Howorth Henry H. History of the Mongols. Part II. London: Longman, Green and Co., 1880.
10. Kortepeter, Carl Max. Ottoman Imperialism During the Reformation: Europe and the Caucasus. New York: New York University Press, 1972.
11. Kurat, Akdes. "The Turkish Expedition to Astrakhan in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal".
12. Lewis, Bernard, Encyclopaedia of Islam New Ed. I–V. Leiden: E.J. Brill, 1965.
13. Longworth Philip, The Cossacks. New York: Holt Rinehart and Winston, 1970.
14. Malcolm, John. The History of Persia Vol. 1. London: John Murray, 1829.
15. Massa, Isaac. Massa's Short History of the Muscovite Wars. Toronto: University of Toronto Press, 1982.
16. McNeill, William H. Europe's Steppe Frontier 1500–1800. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
17. Munson, William. The Last Crusade. Debuque: William C. Brown Book Co., 1969.

18. Parry, V.J. War, Technology and Society in the Middle East. London: Oxford University Press, 1975.
19. Pitcher, Donald E. An Historical Geography of the Ottoman Empire. Leiden: E. J. Brill, 1972.
20. Reddaway, W.F. The Cambridge History of Poland. London: Cambridge University Press, 1950.
21. Seaton, Albert. The Horsemen of the Steppe. London: The Bodely Head, 1985.
22. Vaughan, Dorothy M. Europe and the Turk. Liverpool: Liverpool University Press, 1954.

Сведения об авторе: Брайан Глин Вильямс – профессор истории Ислама в Университете Массачусетса в Дартмуте (США); bwilliams@umassd.edu

Tatar soldiers in the service of the Ottoman Sultan

Brian Glyn Williams

(University of Massachusetts, Dartmouth, USA)

The Ottoman Empire conducted large military companies in Europe and Persia. Among the active allies Sultan troops were Tatars. The Ottoman wars in the Balkans and Central Europe, the Tatars were in the forefront. In the wars against Iran Tatars participated as auxiliary parts. The Ottoman sultans attracted to the service representatives of various civilizations: the Turks, Arabs, Circassians, Kurds, Maghreb, Bosnians, Pomaks, Albanians and many other nations, the existence of which Western Europe do not even know would be if they did not fight under the banner of the Sultan. One of the most interesting and effective military groups used by the Ottoman Empire in its wars were Tatars from the Crimean peninsula.

During his service trëhsotletnyuyu Tatars made a great contribution to the development of the Ottoman military school than any other, not Turkic people, subjects of the Sultan, and conduct a review of military service Tatar Sultan is the most interesting and unusual chapter in the history of Europe. This work explores the role of the Crimean Tatars in the military campaigns of the Ottoman Empire against its neighbors with a view to look deeper into the contradictory relations between the two countries and peoples.

Areas of participation in joint Tatar wars with the Ottomans spread from east to west: the Caucasian front against Persia, Russian front, the Polish front, and the Western Front, which includes action against Habsburg Austria, Moldova, Transylvania and Wallachia.

Keywords: Tatars of Crimea, the Ottoman Empire, military, battle, Sultan Khan.

About the author: Brian Glyn Williams – professor of the history of Islam at the University of Massachusetts Dartmouth (USA); bwilliams@umassd.edu

Вооружение и военное искусство воинов Сибирского татарского ханства*

Ю.С. Худяков

*(Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской Академии наук)*

В военной истории тюркских и монгольских номадов и созданных ими государственных образований в Степном поясе Евразии важное место занимает эпоха позднего Средневековья, охватывающая XV – первую половину XVII вв. Среди тюркских народов, которые в эпоху позднего Средневековья создали свои государственные образования и оставили заметный след в военной истории Евразии в рассматриваемый период, были сибирские татары. В последние годы, в результате целенаправленного изучения письменных исторических, изобразительных и вещественных источников, в том числе оружейных музейных коллекций тюркских и монгольских народов позднего Средневековья и начала Нового времени, было установлено, что в течение рассматриваемого периода военной истории кочевые воины могли в ряде военных столкновений успешно противостояли армиям крупнейших централизованных империй, вооруженным огнестрельным оружием и артиллерией и смогли сами освоить применение этих видов вооружения. Особенности структуры военной организации и численности вооруженных сил в Сибирском ханстве изучены не в полной мере. Наиболее боеспособной, ударной частью сибирского татарского войска была ногайская гвардия. Она была главной военной опорой власти хана Кучума, который с ее помощью вернул себе ханский престол. Он опирался эту отборную часть сибирского татарского войска в течение всего время своего правления в Сибирском ханстве. Видимо, ногайская гвардия была наилучшим образом вооружена и оснащена. Свои дружины имели и наиболее влиятельные татарские мурзы. Во время войн они иногда действовали вполне самостоятельно. В некоторых случаях они могли объединять свои силы против общего врага.

Ключевые слова: Сибирь, сибирские татарские воины, вооружение, военное искусство.

В военной истории тюркских и монгольских номадов и созданных ими государственных образований в Степном поясе Евразии важное место занимает эпоха позднего Средневековья, охватывающая XV – первую половину XVII вв. В прошлом этому периоду военной истории кочевых народов не уделялось должного внимания, поскольку историки считали, что со времени перехода стран урбанистической и оседло-земледельческой цивилизации на путь промышленного развития и освоения производства огнестрельного оружия и артиллерии, кочевые народы неизбежно отстали от своих оседлых соседей в военно-технической области. Со временем они оказались в сфере их влияния «в качестве подчиненной и зависимой силы» [26, с. 273]. Однако, в последние годы, в результате целенаправленного изучения письменных исторических, изобразительных и вещественных источников, в том числе оружейных музейных коллекций тюркских и монгольских народов позднего Средневековья и начала Нового времени, было установлено, что в течение рассматриваемого периода военной истории кочевые воины могли в ряде военных столкновений успешно противостояли армиям крупнейших централизованных империй, вооруженным огнестрельным оружием и артиллерией и смогли сами освоить применение этих видов вооружения [2, с. 675]. Однако, отсутствие материально-технической базы оружейного производства не позволилономадам обеспечить свои войска этими видами оружия и боеприпасами в необходимом объеме, что привело к подчинению кочевников Евразийских степей Маньчжурской и Российской империй.

Среди тюркских народов, которые в эпоху позднего Средневековья создали свои государственные образования и оставили заметный след в военной истории Евразии в рассматриваемый период, были сибирские татары. На рубеже эпохи позднего Средневековья в степных и лесостепных районах Западной Сибири в процессе распада Золотой Орды образовалось самостоятельное татарское государство – Сибирское ханство, располагавшее обширной территорией, выгодным

* Работа выполнена по проекту РГНФ № 13-01-00049 «Воины сибирских народов на российской службе в Сибири в XVII–XVIII вв.».

географическим положением, значительными людскими и материальными ресурсами, торговыми и культурными связями со Средней Азией и имевшее определенный потенциал для своего дальнейшего развития [29, с. 238]. Однако, в дальнейшем, в течение периода с конца XVI – до третьей четверти XVII в., в результате совершения отрядами русских казаков и служилых людей нескольких военных походов и создания системы острогов, несмотря на упорное сопротивление части правящей элиты и сибирского татарского населения, земли Сибирского ханства были включены в состав Московского царства. Несмотря на прекращение существования этого татарского государства, нельзя пренебрежительно оценивать его в качестве «эфемерного государства» [9, с. 34–35].

Сведения о военном деле сибирских татарских воинов содержатся в русских письменных исторических и изобразительных источниках, в которых освещены события похода казачьего отряда атамана Ермака и последующие события противостояния российских властей в Сибири и сторонников восстановления Сибирского ханства. Материалы сибирских летописей, освещающие военно-исторические события в последний период существования этого государства были впервые собраны и подробно изложены в XVIII в. участником Великой Северной экспедиции, выдающимся историком Г.Ф. Миллером в фундаментальном сочинении по истории «Сибирского царства», в дальнейшем неоднократно переизданном [12, с. 104–112; 13, с. 217–259; 14, с. 106–134]. В этом сочинении подробно изложены события военного похода отряда казаков под командованием Ермака, описан ход военных действий между противоборствующими сторонами, охарактеризованы разные виды вооружения, оборонительные сооружения и тактические приемы ведения боев русскими и татарскими воинами. В числе других ученых, обращавшихся к этой теме в XVIII в. необходимо упомянуть сочинение другого участника этой же академической экспедиции, И.Э. Фишера, опиравшегося в изложении событий военной истории Сибирского ханства на материалы, собранные Г.Ф. Миллером [25]. В дальнейшем, среди российских исследователей возобладало мнение, что решающее значение в деле достижения военных побед отрядами казаков и служилых людей имело обладание огнестрельным оружием [23, с. 88–89]. Изучение позднесредневековых археологических памятников на территории Барабинской лесостепи было начато в В.В. Радловым во второй половине XIX в. [Радлов, 1989, с. 453–454]. Разнообразные предметы вооружения сибирских татар были обнаружены в ходе раскопок В.Н. Пигнатти столицы Сибирского ханства городища Искер в начале XX в. [17, с.212]. Некоторые предметы вооружения и воинского снаряжения сибирских татар были изучены в 1920-х гг. Р. Карутцем [31, s. 70]. Исследованием татарского городища Тон-Тура в этот период занимались В.А. Клодт и В.П. Левашова [10, с. 87]. В дальнейшем российскими историками были заново подробно проанализированы события, связанные с походом в Сибирь отряда атамана Ермака и последующем крушении Сибирского ханства [20, с. 141–156; 1, с. 154–158; 22, с. 22, 159]. В последующие годы в процессе целенаправленных археологических исследований в Барабинской лесостепи были изучены позднесредневековые фортификационные сооружения и погребальные комплексы, в которых были найдены различные предметы вооружения сибирских татарских воинов [15, с. 43–68, 73–78]. Были исследованы предметы вооружения из раскопок и сборов в Прииртышье, проводившихся в течение предшествующих десятилетий, хранящиеся в музейных коллекциях сибирских городов [6, с. 184–188; 7, с. 94–104; 8, с. 163–169]. В начале XXI в. были обобщены изученные к этому времени археологические материалы по военному делу сибирских татарских воинов [29, с. 238–254]. Изучение военной истории Сибирского ханства с привлечением исторических и археологических источников успешно продолжается до настоящего времени [24, с. 155–169; 5, с. 30–54; 11, с. 33–54]. К настоящему времени исследователями собран информативный фонд различных видов источников, в результате анализа которых можно реконструировать комплекс вооружения и особенности военного искусства сибирских татарских воинов.

Судя по имеющимся материалам, основным видами наступательного оружия у сибирских татарских воинов были средства поражения противников в дистанционной фазе боя, луки и стрелы. Сибирские татарские воины предпочитали атаковать своих противников в конном строю, обстреливая его стрелами из луков. В эпоху позднего средневековья на вооружении у татарских лучников были разные типы луков [15, с. 44]. Среди находок деталей луков, обнаруженных в ходе раскопок памятника Абрамово-10 в Барабинской лесостепи, представлены костяные срединные фронтальные накладки с расширенными «веслообразными» концами [15, с. 44–45]. Подобные луки появились на вооружении у тюркоязычных кочевников, входивших в состав Кимакского каганата в конце I тыс. н. э. [27, с. 208]. Наиболее широкое распространение подобные луки получили

в эпоху развитого средневековья в эпоху монгольских завоеваний, поэтому их именуют «монгольскими» [18, с. 161–162]. Подобные луки продолжали широко использоваться в эпоху позднего средневековья в Южной Сибири и Центральной Азии. К другому типу можно отнести луки с срединной фронтальной и плечевыми фронтальными накладками. В составе сопроводительного инвентаря памятника Абрамово-10 были обнаружены различные варианты луков данной конструкции. Для одного из них были характерны крупные, широкие плечевые накладки, для другого – длинные, узкие плечевые накладки [15, с. 44]. Данный тип лука можно считать усовершенствованной модификацией луков первого типа, поскольку плечевые накладки использовались для усиления рефлекторной силы кибиты и повышения дальности. Подобные луки получили распространение среди кочевников Центрально-Азиатского историко-культурного региона в эпоху развитого средневековья [28, с. 99–100]. Такие луки использовались населением Южной Сибири в период позднего средневековья [16, с. 133]. Помимо сложносоставных луков с костяными накладками, в могильнике Абрамово-10 были найдены остатки кибитей, составленных из деревянных деталей, без костяных накладок. Судя по сохранившимся частям деревянной основы, кибить этого лука была из двух слоев, дополнена деревянной срединной фронтальной накладкой и обклеена берестой [15, с. 44–47]. Луки с цельнодеревянной кибитью сохранились в арсенале сибирских татарских лучников до этнографической современности. Такой лук имел выгнутую утолщенную середину, плавно изогнутые плечи и концы [31, abb.16]. В эпоху позднего средневековья в руках умелых стрелков луки были надежным, привычным, скорострельным и достаточно эффективным оружием. С их помощью можно было поражать цели на дистанции полета стрелы. Г.Ф. Миллер назвал луки, наряду со стрелами, в числе «обыкновенного оружия» сибирских татар [13, с. 225]. Луки широко применялись на территории Сибири не только воинами сибирских народов, но и русскими казаками и служилыми людьми вплоть до XVIII в. [21, с. 195]. Наличие в наборе сибирских татарских лучников наиболее эффективных форм луков с плечевыми фронтальными накладками свидетельствует, что они могли успешно противостоять своим противникам в дистанционных боях. Татарские лучники хранили и носили луки в налучьях, изготовленных из выделанной кожи, и богато украшенных бляшками. Луки помещались внутрь налучья с надежной тетивой. Верхний конец лука выступал за пределы верхнего края налучья. В случае необходимости лук можно было быстро достать из налучья и открыть стрельбу.

Сибирские татарские лучники имели на вооружении стрелы с железными наконечниками разных форм. Они были обнаружены в ходе раскопок на татарских городищах и могильниках в Барабинской лесостепи, Прииртышье и Приишимье. В составе набора железных стрел, предназначенных для поражения незащищенных панцирем противников, представлены наконечники с плоским в сечении пером. Среди них преобладают плоские наконечники боеголовковой формы с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлиненной шейкой и упором. Такие стрелы были представлены в материалах памятников Искер в Прииртышье, Абрамово-10 в Барабе, в музейных коллекциях Омска и Тобольска [15, с. 50; 6, с. 184–185; 17, с. 212; 11, с. 176]. В составе боевых стрел имеются плоские наконечники с асимметрично-ромбическим пером, тупоугольным острием, асимметрично-ромбическим пером, пологими плечиками и упором. Подобные наконечники представлены в материалах Искера, Абрамово-10, Окунево VII в Прииртышье [15, с. 50; 11, с. 176]. Среди форм плоских стрел имеются вильчатые наконечники с раздвоенным острием, вильчатым пером, пологими плечиками, без упора. Такие наконечники представлены в материалах Искера [17, табл. III, 6; 6, с. 186]. В числе плоских наконечников имеются удлиненно-треугольные наконечники, с остроугольным острием, удлиненно-треугольным пером, прямыми плечиками. Подобные стрелы представлены в составе коллекции Искера [6, с. 186]. В составе плоских стрел имеются наконечники удлиненно-ромбической формы, с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, пологими плечиками. Такие стрелы имеются в материалах памятников Бергамак II, Окунево VII, Искер и Абрамово-10 [15, с. 50; 17, тип. III, 8, 14, 16; 11, рис. 36, 43, 45]. В числе плоских стрел есть наконечники вытянуто-пятиугольной формы. Такие стрелы имеются в составе коллекции стрел из Искера [29, с. 242]. В составе набора плоских наконечников имеются плоские стрелы секторной формы с округлым острием, секторным пером, пологими плечиками, упором. Такие наконечники были обнаружены в Прииртышье [7, рис. 4, 4]. В составе плоских стрел имеются томары, наконечники с тупым острием, удлиненным пером, пологими плечиками и упором. Такие наконечники были обнаружены на городище Искер и в составе сопроводительного инвентаря могильника Абрамово-10 [15, рис. 43, 1; 29, рис. 2, 12]. В отличие от стрел, которые были характерны для позднесредневе-

ковых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии, сибирские татарские лучники предпочитали поражать не бронбойные цели стрелами со сравнительно небольшими по размерам наконечниками. Значительно реже они использовали массивные широкие плоские наконечники. Кроме плоских стрел сибирские татарские лучники имели на вооружении бронбойные наконечники, различающиеся по сечению и форме пера. Среди стрел, предназначенных для пробивания металлической защиты, имеются наконечники с четырехгранным в сечении пером. По форме пера они подразделяются на два типа. К первому типу можно отнести боеголовковые наконечники стрел. Они имеют остроугольное острие, обособленную, удлинненно-ромбическую боевую головку, удлинненную шейку и упор. Такие стрелы представлены в оружейных материалах с городища Искер [6, с. 184; 29, с. 242]. Ко второму типу относятся вытянуто-прямоугольные наконечники с остроугольным острием, параллельными сторонами и упором. Подобный наконечник стрелы был обнаружен на городище Искер [29, с. 242]. К третьему типу можно отнести удлинненно-ромбические наконечники с остроугольным пером, покатыми плечиками и упором. Подобный наконечник имеется среди предметов вооружения дистанционного боя, происходящих с городища Искер [5, с. 37]. К четвертому типу относятся наконечники с удлинненно-треугольным пером, остроугольным острием и прямыми плечиками. Подобный наконечник имеется в составе коллекции стрел с городища Искер [5, с. 37]. Набор бронбойных стрел в составе комплекса средств ведения дистанционного боя сибирских татарских лучников достаточно представителен. Среди бронбойных стрел преобладают наконечники с узким вытянутым пером и остроугольным острием, которые были предназначены для стрельбы по противнику, защищенному кольчужным доспехом [29, с. 242]. Количество бронбойных стрел в сравнении с не бронбойными достаточно невелико. Вероятно, сибирским татарским лучникам не хватало средств ведения дистанционного боя, предназначенных для пробивания панцирной брони, что негативно сказалось на противостоянии с хорошо защищенным противником. Как было отмечено ранее, набор железных стрел, которым располагали воины Сибирского татарского ханства по набору форм не только не уступал, а в большинстве случаев превосходил подобные комплексы многих других кочевых народов, населявших степные районы Сибири и Центральной Азии в периоды развитого и позднего средневековья. По групповому и типологическому разнообразию железных стрел он уступал только комплексу средств дистанционного боя воинов Монгольской империи [28, с. 122–123]. В составе набора железных стрел сибирских татарских лучников представлены формы наконечников, получивших в периоды развитого и позднего средневековья очень широкое, почти повсеместное распространение в кочевом мире. Это свидетельствует о том, производство подобных стрел, основанное на местной базе оружейного производства, не было обособленно от основных направлений развития оружия дистанционного боя в кочевом мире Степного пояса Евразии. Изменения, которые были в составе спектра форм наконечников стрел у сибирских татарских лучников в эпоху позднего средневековья, происходили по принципу отбора наиболее оптимальных форм среди ранее использовавшихся наконечников. Боевой опыт, который был накоплен сибирскими татарскими лучниками, ко времени похода Ермака, не требовал ускоренной модификации оружия дистанционного боя. Поэтому в составе набора типов стрел у сибирских татар преобладали формы, хорошо зарекомендовавшие себя во время военных действий в предшествующую эпоху развитого средневековья.

Татарские лучники в некоторых случаях снабжали стрелы с крупными плоскими железными наконечниками костяными шариками – свистунками. Подобные шарики были полыми внутри и имели вытянутую, грушевидную форму с тремя прямоугольными отверстиями. Считается, что при вращении в полете такие отверстия издавали свист [29, с. 244].

Кроме стрел с железными наконечниками, сибирские татарские лучники применяли для стрельбы по цели и стрелы с костяными, или роговыми наконечниками. На памятнике Малый Чуланкуль в Барабинской лесостепи были найдены скелеты погребенных, убитых костяными стрелами, свидетельствует о боевом применении подобных наконечников [15, с. 62]. В отличие от других видов оружия, костяные наконечники стрел, вероятнее всего, изготавливались не профессиональными мастерами-оружейниками, а самими стрелками, винами и охотниками. Поэтому они отличаются большим разнообразием наконечников. Среди костяных наконечников стрел, обнаруженных на памятниках сибирских татар, представлены как широко распространенные, так и редкие формы стрел. По способу насада костяные наконечники из изученных комплексов сибирских татар относятся к отделу черешковых. По сечению пера среди них выделяется несколько групп. К первой из них можно отнести наконечники с трехгранным сечением пером. По форме пера они могут быть

отнесены к типу удлинненно-ромбических. У подобных наконечников остроугольное острие, удлинненно-ромбическое перо, пологие плечики и уплощенный черешок. Такие наконечники были обнаружены на памятниках Абрамово-10, Искер и Кипо-Кулары [17, табл. II, 1,3; 8, рис. 2, 1; 15, с. 58; рис. 46, 1, 2]. Однако, большая часть костяных черешковых наконечников из памятников сибирских татар должна быть отнесена к группе ромбических в сечении. К типу удлинненно-ромбических относятся наконечники с остроугольным острием, удлинненно-ромбическим пером, пологими плечиками и уплощенным черешком. Такие стрелы были найдены на памятниках Абрамово-10, Бергамак II, Малый Чуланкуль-1, Искер [17, табл. II, 6; 15, с. 58; рис. 44, 5,6,10; 45, 1,2,4,5; 11, рис. 37, 12, 14]. К типу боеголовковых наконечников должны относиться стрелы с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, покатыми плечиками, удлинненной шейкой и уплощенным черешком. Наконечники этого типа были найдены на памятниках Абрамово-10 и Малый Чуланкуль-1 в Барабинской лесостепи [15, рис. 44, 9, 13]. Несколько костяных наконечников имеют шестигранное в сечении перо. К первому типу этой группы можно отнести наконечники удлинненно-ромбического типа. У них остроугольное острие, удлинненно-ромбическое перо, пологие плечики, уплощенный черешок. Подобные стрелы были найдены на памятниках Абрамово-10 и Искер [17, табл. II, 8; 15, с. 58–59; рис. 45, 9, 10]. Ко второму типу этой группы относится наконечник удлинненно-треугольного типа. Он имеет остроугольное острие, удлинненно-треугольное перо, прямые плечики и уплощенный черешок. Данный наконечник был найден на памятнике Малый Чуланкуль-1 [15, с. 62; рис. 47, 1]. Среди костяных стрел, обнаруженных на памятниках сибирских татар, имеются наконечники с прямоугольным в сечении пером. По форме пера такой наконечник можно отнести к типу удлинненно-ромбических. Этот наконечник имеет остроугольное острие, удлинненно-ромбическое перо, пологие плечики и уплощенный черешок. Данный наконечник обнаружен на памятнике Малый Чуланкуль-1 [15, с. 60; рис. 46, 10]. Довольно редкой является находка костяного наконечника с плоским в сечении пером. По форме пера он был отнесен к типу срезней. Он имеет косо срезанное острие, подтреугольной формы перо, пологие плечики и упор. Этот наконечник найден на памятнике Абрамово-10. По мнению исследователей, он представляет собой «костяную имитацию железных наконечников» [15, с. 62; рис. 47, 5].

Костяные черешковые стрелы с трехгранным и ромбическим в сечении пером, удлинненно-ромбической формы были очень широко распространены в разных культурах на территории Северной и Центральной Азии с эпохи бронзы до позднего средневековья [30, с. 100–105; 29, с. 244]. Вероятно, это наиболее оптимальная форма наконечника стрелы, изготовленного из кости или рога. В эпоху позднего средневековья, когда в кочевом мире получили широкое распространение железные пластинчатые и кольчатые доспехи, сфера применения костяных стрел существенно сузилась. Такими стрелами могли обстреливать противников, не защищенных панцирями и кольчугами. Древки стрел изготавливались из дерева. В отдельных случаях, в процессе раскопок, исследователям удалось зафиксировать длину истлевших древков по их следам и проследить, что они обклеивались полоской бересты [15, с. 63]. Стрелы, которыми пользовались сибирские татары в период этнографической современности, имели на нижнем конце арочный вырез – ушко, предназначенное для натяжения тетивы и двухлопастное оперение из птичьих перьев [31, abb. 17]. Сибирские татарские воины хранили и носили стрелы в кожаных колчанах, вычурной формы. Остатки кожаного колчана, украшенного металлическими бляшками, были обнаружены на памятнике Абрамово-10 в Барабинской лесостепи [15, рис. 48, 1]. В музейных коллекциях сохранились подобные колчаны, которые должны относиться к этнографическому времени [31, abb.17]. Эти колчаны имели вычурную форму приемника, сужающегося от горловины к днищу, с полукруглыми вырезами с одной из сторон. Колчаны носились на портупейных ремнях. Стрелы помещались наконечниками внутрь колчана, а оперением наружу и выступали за пределы верхнего края колчана. Вероятно, на древки стрел, выше ушка должны были наноситься цветные пояски – метки, по расцветке которых можно было опознать каким она увенчана наконечником.

Луки и стрелы, как отмечал Г.Ф. Миллер, были «обыкновенным», привычным, но в то же время довольно скорострельным оружием дистанционного боя, особенно в сравнении с заряжавшимися с дула пищалями, использовавшимися русскими казаками в конце XVI в. [13, с. 225]. Луки со стрелами, налучья и стрелы в колчанах показаны в руках или на поясе у татарских лучников на многих миниатюрах Ремизовской летописи [19, с. 469–474, 479, 494, 496]. Однако, по своей поражающей силе, вне сомнения, пули значительно превосходили стрелы. Как показал опыт обстрела стрелами хорошо защищенных шлемами и доспехами русских казаков, его эффективность

была не очень велика. Вероятно, это происходило из-за того, что в наборе стрел сибирских татарских воинов преобладали плоские наконечники, предназначенные для поражения не защищенных металлическими доспехами противников. Судя по имеющимся находкам, бронебойных стрел у татарских лучников было сравнительно немного. Вероятно, их хватало для обстрела воинов из степных кочевых и таежных охотничьих народов, но оказалось недостаточно для борьбы с тяжеловооруженным противником.

В качестве ручного метательного оружия дистанционного боя, помимо луков и стрел, в распоряжении сибирских татарских воинов были и пращи, с помощью которых они могли поражать своих противников метательными снарядами, вероятнее всего, камнями с определенного расстояния. Хотя находки таких метательных камней и самих пращей на памятниках сибирских татар не обнаружены, судить о них можно по изображениям пращей в руках у татарских воинов на миниатюрах Ремизовской летописи [19, с. 472–474, 492, 494–495, 498].

Сибирские татарские воины различными видами наступательного оружия для ведения ближнего и рукопашного боя. Для поражения противника в ходе таранных атак они использовали копья с железными втульчатыми наконечниками. Среди них выделяются наконечники с ромбическим в сечении пером, удлинненно-ромбической формы, с остроугольным острием, удлинненной шейкой и конической втулкой. Один такой наконечник был обнаружен на памятнике Абрамово-10 в Барабинской лесостепи [15, с. 73]. Наконечники копий с узким, удлинненно-ромбическим пером, длинной шейкой и втулкой были ориентированы значительную глубину проникания в поражаемую поверхность. Возможно, что они предназначались для пробивания защитного покрытия, изготовленного из органических материалов. Копья с крупными массивными удлинненно-ромбическими наконечниками были предназначены для нанесения противнику широкой кровотокающей раны. Среди находок предметов вооружения сибирских татарских воинов имеются наконечники копий с плоским пером.

В числе древкового колющего оружия были представлены и наконечники копий с четырехгранным в сечении пером. Они имели остроугольное острие, узкое, вытянутое перо, удлинненно-треугольной формы, с небольшими, выступающими плечиками, или без них и конической втулкой. Подобные наконечники были найдены на памятнике Искер [29, с. 245]. Вероятно, такие граненые пики были рассчитаны на пробивание панцирной и кольчужной брони. Наличие подобного ударного древкового колющего оружия открывало возможность татарским воинам вести таранные атаки в ближних боях против защищенного металлическим доспехом противника. В сочинении Г.Ф. Миллера, опиравшегося на русские письменные источники, копьа отнесены к числу обычных видов оружия сибирских татарских воинов [13, с. 225]. На миниатюрах Ремизовской летописи копьа с массивными удлинненно-ромбическими наконечниками изображены в руках у многих татарских конных и пеших воинов [19, с. 469–474, 479, 482–483, 485, 490, 492]. Помимо своего основного применения, нанесения колющих ударов, копьа служили в качестве опознавательных знаков для передачи сигналов в ходе сражений. На древках копий татарских воинов на рисунках Ремизовской летописи нередко изображались боевые знамена, флаги и вымпелы. Как правило, в руках у них показаны знамена с прямоугольным полотнищем и двумя косицами, или с небольшими треугольными флажками [19, с. 479, 483, 485, 492, 495].

Для противостояния с противником в ближних боях сибирские татары располагали разными видами рубяще-колющего, клинкового оружия. У них на вооружении имелись палаши и сабли. По сечению клинка палаши сибирских татар относятся к одной группе, с трехгранным в сечении клинком. По форме клинка, перекрестья и рукояти среди них выделяется два типа. К первому типу можно отнести палаши с остроугольным острием, прямым однолезвийным клинком, овальным перекрестьем с двумя, изогнутыми в противоположные стороны концами, прямой рукоятью с граненой обкладкой. Ко второму типу относится палаш с остроугольным острием, прямым однолезвийным клинком и прямым череном рукояти. Оба палаша были найдены на городище Искер в Прииртышье [29, с. 245]. Среди находок имеется палаш с укороченным клинком и уплощенным перекрестием. Сабля сибирских татарских воинов относится к одной группе, с трехгранным в сечении клинком и двулезвийной елманью. По форме клинка ее можно выделить в самостоятельный тип, с изогнутым клинком, без перекрестья. Данная сабля имеет остроугольное острие, обоюдоострую елмань, плавно изогнутый, однолезвийный клинок и слабоизогнутый черен рукояти. Данная находка происходит с городища Искер в Прииртышье [29, с. 245]. Палаши в качестве оружия сибирских татарских воинов не упоминаются в русских письменных источниках и изо-

бразительных материалах. Сабли были отнесены Г.Ф. Миллером к числу «обыкновенного» оружия сибирских татар [13, с. 225]. Сабли со слабоизогнутыми кликами, прямым или изогнутым перекрестьем изображены на многих рисунках Ремизовской летописи в руках, или в ножнах на поясе, у конных и пеших татарских воинов [19, с. 473, 474, 479, 490–492, 494, 497].

Судя по имеющимся находкам, данным русских письменных и изобразительных источников, сибирские татарские воины умели противостоять противнику в конном и пешем ближнем бою с клинковым оружием в руках.

Вероятно, в качестве рубящего оружия ближнего боя татарские воины могли использовать вислообушные железные топоры. Они могут быть отнесены к типу с прямым клинком. Один из таких топоров имеет плоский обух с выступающей бородкой, узкий клиновидный проух, расширяющийся к округленному лезвию клин. Такой топор был найден на городище Искер [29, с. 245]. Подобные топоры, вероятно, русского производства широко применялись в качестве хозяйственных инструментов в период освоения Сибири русским населением. В то же время они широко использовались для боевых целей воинами из коренных сибирских народов. Судя по находке такого топора на площади бывшей столицы Сибирского ханства, его могли использовать в качестве оружия ближнего боя и татарские воины.

В качестве оружия руопашного боя сибирские татарские воины могли применять кинжалы. По сечению клинка они подразделяются на две группы – с двулезвийным, линзовидным, и однолезвийным трехгранным в сечении клинком. По форме клинка они относятся к разным типам. Двулезвийные кинжалы относятся к одному типу с прямым клинком, без перекрестья. Один из таких кинжалов имеет остроугольное острие, у другого острие обломано. У обоих кинжалов прямые, двулезвийные клинки, покатые плечики без перекрестья и прямой черен рукояти. Такие кинжалы были найдены на Искерском городище. Однолезвийный кинжал может быть выделен в отдельный тип. У него косо срезанное острие, однолезвийный прямой клинок, орнаментированная обойма, прямой черен рукояти. Этот клинок был обнаружен на городище Искер [29, с. 245].

Рассмотренный набор оружия ближнего и рукопашного боя у сибирских татарских воинов можно считать достаточно традиционным и обычным для воинов тюркских и монгольских кочевых народов Степного пояса Евразии в эпоху позднего средневековья [29, с. 245].

Воины Сибирского татарского ханства располагали эффективными средствами индивидуальной металлической защиты. Для защиты туловища они применяли кольчуги. Фрагмент из железных колец, склепанных между собой, от кольчужного покрытия был обнаружен на памятнике Малый Чуланкуль в Барабинской лесостепи [15, с. 77]. Другой обрывок кольчуги был найден на Искерском городище [29, с. 245]. Эти фрагменты могут относиться к кольчужным защитным покрытиям, подобным верхней плечевой одежде с широким открытым воротом и короткими рукавами. В некоторых источниках, проанализированных Л.А. Бобровым, имеются упоминания о том, что сибирские татарские воины были облачены в «железное одеяние» [Бобров, 2013, с. 213]. Вероятно, кольчужные доспехи большей частью завозились в Западную Сибирь бухарскими купцами из Средней Азии [29, с. 245]. Однако, из источников известно, что часть доспехов изготавливалась в самом Сибирском ханстве, а с продвижением на сибирские земли русских и джунгар, сибирские татарские воины стали использовать защитное вооружение, приобретенное у этих народов [Бобров, 2013, с. 214–215]. По сведениям источников, кольчатые доспехи использовались сибирскими татарскими воинами на протяжении всего существования Сибирского юрта. Л.А. Бобровым было описано и проанализировано несколько кольчатых доспехов из Тобольского музея, которые, по его мнению, были изготовлены среднеазиатскими, сибирскими или русскими мастерами [Бобров, 2013, с. 217–220]. Однако, на миниатюрах Ремизовской летописи кольчуги на татарских воинах не изображены.

В распоряжении татарских воинов были и ламеллярные панцири. На памятнике Малый Чуланкуль была найдена одна пластина, вытянутой прямоугольной формы с приостренным верхним краем [15, с. 77]. Такие доспехи, вероятнее всего, сохранились в арсенале татарских воинов с предшествующей эпохи развитого средневековья. Вероятнее всего, они изготавливались местными сибирскими татарскими мастерами. В источниках подобные доспехи не упоминаются и на миниатюрах Ремизовской летописи они не показаны.

Есть основания предполагать, что защитными доспехами в армии Сибирского ханства были снабжены, преимущественно, военачальники и профессиональные воины, служившие в Ногайской гвардии, которая охраняла ставку хана Кучума. Основной массе воинов средств индивиду-

альной металлической защиты не хватало. В боях против войск других народов и государств, вооруженных холодным оружием, имеющихся доспехов вполне хватало для того, чтобы вести борьбу на равных. Однако, в противостоянии с русскими казаками, использовавшими огнестрельное оружие, сибирские татарские воины не были должным образом защищены.

На территории Западной Сибири было обнаружено несколько железных шлемов, которые принадлежали татарским воинам. В Тобольском музее Л.А. Бобровым были изучены некоторые такие шлемы. Один из этих шлемов некогда принадлежал татарским князьям Кульмаметьевым. Он имеет полусферическую цельнокованную тулью с округлым отверстием наверху, украшенную четырьмя бронзовыми ромбовидными бляшками, а также четырехчастную кольчужную бармицу, боковые и затылочный клапана которой дополнены железными пластинами и покрыты материей и выделанной кожей [3, с. 251–254]. Еще один шлем с железной, цельнокованной сфероконической тульей, квадратным отверстием наверху. Верхняя часть купола тульи украшена латунной пластиной срезным, вычурным орнаментом. По нижнему краю тульи нанесены округлые отверстия, через которые к шлему крепилась матерчатая, или иная органическая бармица [4, с. 264–267].

Судя по имеющимся археологическим и историческим материалам, в составе комплекса вооружения сибирских татарских воинов выделяются два оружейных набора: легковооруженных конных лучников и тяжеловооруженных всадников. Лучники были вооружены сложносоставными луками и стрелами с железными и костяными наконечниками разных типов. Помимо этих основных видов оружия, они имели на вооружении копья и сабли. Вероятно, некоторые воины были вооружены и пращами. Подобные воины составляли наиболее многочисленные отряды конных воинов. Их набор оружия был предназначен для действия в рассыпном строю, поражая противника в рассыпном строю. В то же время, наличие в оружейном наборе некоторых видов оружия ближнего боя, давало возможность легковооруженным воинам вести ближние бои. Тяжеловооруженные воины также имели в своем распоряжении луки и стрелы, копья и пики, палаши и сабли, боевые топоры, кинжалы. Они были защищены шлемами, кольчугами и щитами. Они могли принимать участие в дистанционных, ближних и рукопашных боях.

Из источников известно, что у сибирских татарских воинов была и артиллерия. Две пушки, которые могли стрелять чугунными ядрами, были привезены в Искер из Казани. Известно, что хан Кучум попытался применить свою артиллерию в ходе боя с отрядом Ермака на Чувашском мысу. Однако, сибирские татарские воины не смогли произвести из этих пушек ни одного выстрела. Вероятно, среди них не оказалось ни одного умелого артиллериста. Пришлось хану Кучуму сбросить эти пушки в реку Иртыш, чтобы они не достались противнику. В источниках имеются сведения, что еще двумя пушками владел татарский мурза Бегиш. Впрочем, в достоверности этого сообщения сомневался еще Г.Ф. Миллер [13, с. 254]. Из источников известно, что сибирские татары иногда захватывали огнестрельное оружие у русских казаков. Во время ночевки отряда казаков на берегу Иртыша, направившегося на выручку бухарского торгового каравана, посланный татарский разведчик принес из русского лагеря три пищали [13, с. 257]. Однако, сведений о попытках освоения подобного оружия татарскими воинами в источниках нет.

Помимо военных отрядов, состоявших из сибирских татарских воинов и ногайцев, в состав войск Сибирского ханства входили отряды, сформировавшиеся из вассальных угорских и самодийских таежных племен, возглавляемые своими князьями и вооруженные собственным оружием. Они были вооружены луками и стрелами, дротиками, копьями, мечами и боевыми топорами. Некоторые воины имели защитные доспехи и шлемы.

Особенности структуры военной организации и численности вооруженных сил в Сибирском ханстве изучены не в полной мере. Вероятно, в этом государстве существовала азиатская десятичная система деления войска и народа, сохранившаяся в качестве наследия от времени Золотой Орды. В русских источниках содержатся упоминания о десятитысячных военных отрядах сибирских татарских воинов, которые соответствуют туменам [22, с. 159]. Наиболее боеспособной, ударной частью сибирского татарского войска была ногайская гвардия. Она была главной военной опорой власти хана Кучума, который с ее помощью вернул себе ханский престол. Он опирался эту отборную часть сибирского татарского войска в течение всего время своего правления в Сибирском ханстве. Видимо, ногайская гвардия была наилучшим образом вооружена и оснащена. Свои дружины имели и наиболее влиятельные татарские мурзы. Во время войн они иногда действовали вполне самостоятельно. В некоторых случаях они могли объединять свои силы против общего врага.

Получив известие о приходе во владения Сибирского ханства отряда русских казаков под командованием атамана Ермака, хан Кучум не поверил его мирным заверениям, а сразу же объявил сбор военных сил. Он «послал гонцов для сбора людей» по всем своим подвластным землям. Видимо, хан осознал грозящую государству большую опасность и объявил мобилизацию всех воинских сил. Кучум приказал «собрать татар, остяков и вогулов», собрать многочисленное войско, во главе которого был назначен лучший татарский полководец, царевич Махметкул [13, с. 217–218, 220].

Однако, несмотря на своевременно принятые меры подготовки вооруженных сил к военным действиям, остановить продвижение отряда казаков вглубь страны войскам Сибирского ханства не удалось. В решающем сражении на Чувашском мысу объединенное войско Сибирского ханства потерпело поражение. Оно имело катастрофические последствия для хана Кучума и всего государства. После этого поражения Сибирское ханство фактически распалось.

Через некоторое время, против власти хана Кучума выступил мурза Карача, а также представитель рода Тайбугидов мурза Сейдяк. В то же время родственники правителя Сибирского ханства сохранили ему верность и продолжили борьбу против казаков. Царевич Махметкул, один из тех, кто активно поддерживал Кучума, смог собрать и возглавлял военный отряд, который насчитывал десять тысяч воинов в битве при Абалаке [22, с. 159]. Еще один значительный военный отряд возглавлял старший сын и наследник Кучума, Али. Во время похода в Сибирь отряда Ермака, он находился в походе через Урал, в пределы Московского царства. После возвращения он со своим отрядом включился в борьбу. После гибели Ермака и ухода казаков из его отряда через Уральские горы, он некоторое время занимал ханскую столицу Искер. После гибели Кучума, Али провозгласил себя правителем Сибирского ханства. Отряд телохранителей из ногайской гвардии охранял ставку самого хана Кучума, который неоднократно совершал походы в свои бывшие земли с целью переселения татарского населения в степи, подальше от российских владений. Свои военные отряды были у некоторых татарских мурз, которые пытались самостоятельно противостоять отрядам русских казаков и служилых людей.

Список литературы

1. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII в. // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III. С. 153–175.
2. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.
3. Бобров Л.А. «Татарский» шлем с комбинированной бармицей из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. Вып. 3. Археология и этнография. С. 251–254.
4. Бобров Л.А. Позднесредневековый цельнокованный шлем татарского воина из Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника // Вестник Новосибир. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 5. Археология и этнография. С. 264–267.
5. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 288 с.
6. Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Наконечники стрел из Искера // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 184–188.
7. Конилов Б.А., Худяков Ю.С. Железные наконечники стрел из лесостепного и таежного Прииртышья // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 1983. С. 94–104.
8. Конилов Б.А. О вооружении прииртышского населения начала II тыс. н. э. (по материалам памятников Омской области) // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–171.
9. Кызласов Л.Р. О присоединении Хакасии к России // Страницы истории и современность. Абакан; М., 1996. № 2. 62 с.
10. Левашова В.П. Вознесенское городище // Известия гос. Западно-Сибирского музея. Омск, 1928. Вып. 1.
11. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во ФЭН АН РТ, 2012. 260 с.
12. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. М.: Либерия, 1998. Кн. 1. 416 с.

13. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. М.: Вост. лит-ра, 1999. Т. I. 630 с.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. М.: Вост. лит-ра, 2000. Т. II. 796 с.
15. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 261 с.
16. Нечипоренко В.Н., Панькин С.В., Скобелев С.Г. Поздние луки Среднего Енисея // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. Вып. 1. С. 129–164.
17. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 186–226.
18. Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981. С. 146–162.
19. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. 88 с.
20. Синяев Б.С. Окончательный разгром Кучума на р. Оби в 1598 г. // Вопросы географии Сибири. Томск, 1951. Вып. 2. С. 141–156.
21. Скобелев С.Г. Стрелы Саянского острога // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. С. 177–199. 251 с.
22. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, 1982. 253 с.
23. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск: Вен-Мер, 1995. 675 с.
24. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2008. Т. 10. 356 с.
25. Фишер И.Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: Имп. Акад. Наук, 1774. 631 с.
26. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М.: Наука, 1975. 169 с.
27. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
28. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 189 с.
29. Худяков Ю.С. Военное дело Сибирского ханства в позднем средневековье (в аспекте взаимодействия с русскими) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3. Археология и этнография. С. 238–254.
30. Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие – III век до н.э.). СПб.: Фил. фак. СПбГУ; Нестор-История, 2011. 172 с.
31. Karutz R. Die Volker Nord- und Mittelasiens. Stuttgart, 1925.

Сведения об авторе Юлий Сергеевич Худяков – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, доктор исторических наук, профессор (630090, пр. Акад. Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, Российская Федерация); khudjakov@mail.ru

Weapons and Military Art of the Siberian Tatar Khanate Warriors

Yu.S. Khudyakov

*(Institute of Archaeology and Ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)*

Late Middle Ages, covering the period of the 15th – the first half of the 17th centuries, occupies an important place in the military history of the Turkic and Mongol nomads as well as of the State formations created by them in the Eurasian steppe zone. Siberian Tatars belong to the Turkic people who created their State formations in the late Middle Ages and left a noticeable trace in the military history of Eurasia during the period under consideration. In recent years, as a result of a focused study of written, visual, and material sources (including museum weaponry collections of the Turkic and Mongol peoples of the late Middle Ages and early modern period) it has been found that during the considered period of military history, nomadic warriors could successfully withstand in a number of military conflicts the armies of major centralized empires armed with firearms and artillery and they also were able to master by themselves the use of these weapons. However, researchers have paid less attention to the peculiarities of the structure of the military organization and the size of the armed forces in the Siberian Khanate. The Nogai Guard represented the most combat-ready units of the army of the Siberian Tatars performing the task of its impact forces. It constituted a major military power base of Kuchum Khan who regained the imperial throne with its help. He relied on this elite units of the military forces of the Siberian Tatars during the whole period of his reign in the Siberian Khanate. Apparently, the Nogai Guard was armed and equipped in the best possible way. The most influential Tatar murzas had their own guards as well. During the wars, they sometimes acted quite independently.

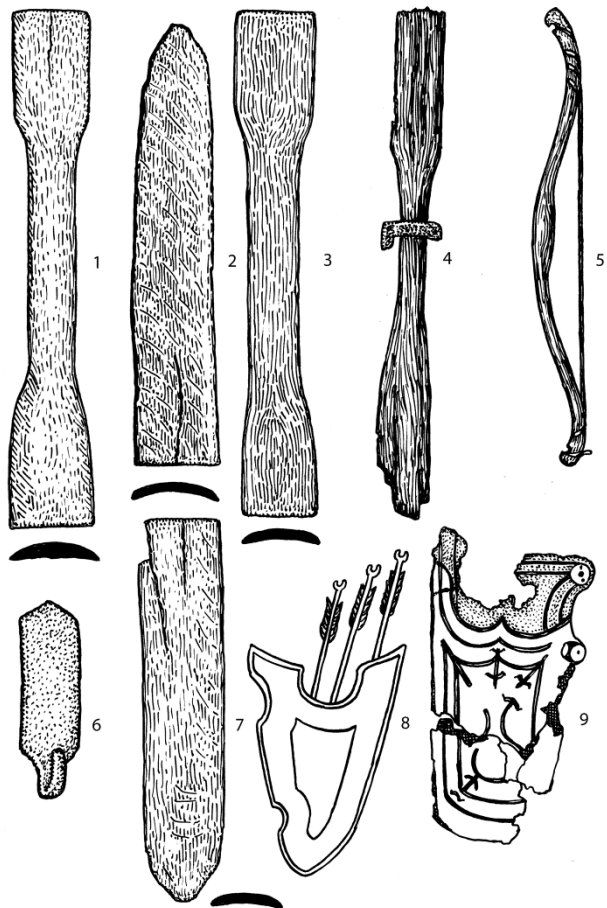
Keywords: Siberia, Siberian Tatar soldiers, weapons, military art.

References

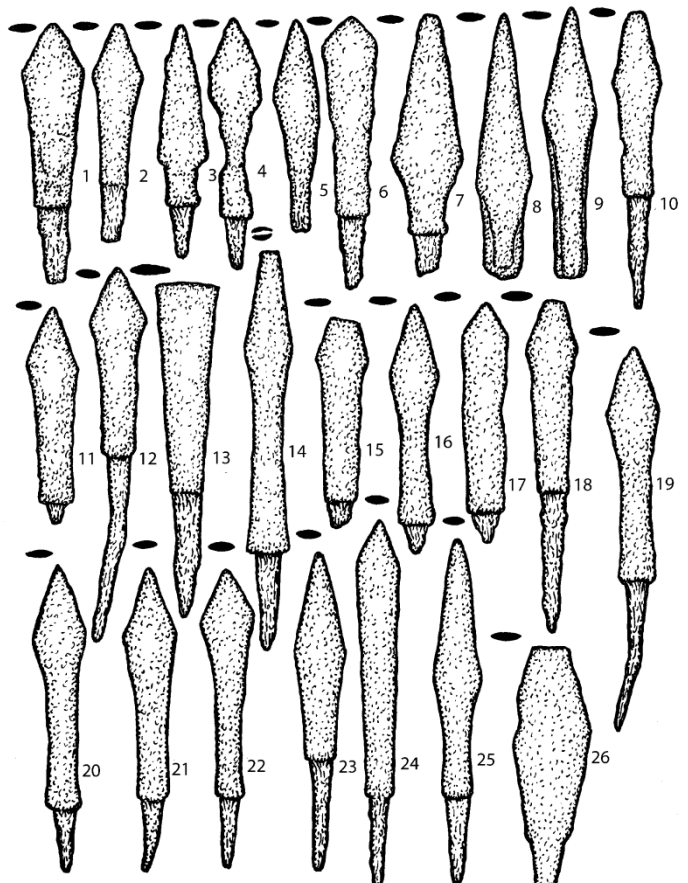
1. Bakhrushin S.V. Sibirskie sluzhilye tatory v XVII v. [Siberian Tatar Military Servitors in the 17th century]. *Nauchnye Trudy* [Academic Works]. Moscow, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. Vol. III, pp. 153–175.
2. Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. *Vooruzhenie i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.)* [Weapons and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Middle Ages and Early Modern Period (15th – first half of the 18th centuries)]. St. Petersburg, 2008. 776 p.
3. Bobrov L.A. «Tatarskiy» shlem s kombinirovannoy barmitsey iz Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika [The “Tatar” Helmet with a Combined Camail from the Tobolsk State Historical and Architectural Museum-Reserve]. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2009. Vol. 8. Is. 3. Arkheologiya i etnografiya, pp. 251–254.
4. Bobrov L.A. Pozdnesrednevekovyy tsel'nokovanny shlem tatarskogo voina iz Tobol'skogo gosudarstvennogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika [Unit-forged Helmet of the Late Medieval Mongol Warrior from the Tobolsk State Historical and Architectural Museum-Reserve]. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2011. Vol. 10. Is. 5. Arkheologiya i etnografiya, pp. 264–267.
5. Bobrov L.A., Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. *Vzaimodeystvie tyurkskikh i mongol'skikh narodov s russkimi v Sibiri v voennom dele v pozdnee Srednevekov'e i Novoe vremya. Ucheb. posobie* [Interaction of Turkic and Mongol Peoples with Russians in Siberia in the Field of Military Affairs during the Late Middle Ages and Modern Times. A Textbook]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2010. 288 p.
6. Konikov B.A., Khudyakov Yu.S. Nakonechniki strel iz Iskera [Arrowheads from Isker]. *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, pp. 184–188.
7. Konikov B.A., Khudyakov Yu.S. Zheleznye nakonechniki strel iz lesostepnogo i taezhnogo Priirtysh'ya [Iron Arrowheads from the Forest-steppe and Taiga of Irtysh Region]. *Etnokul'turnye protsessy v Zapadnoy Sibiri* [Ethno-cultural Processes in Western Siberia]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1983, pp. 94–104.
8. Konikov B.A. O vooruzhenii priirtyshskogo naseleniya nachala II tys. n. e. (po materialam pamyatnikov Omskoy oblasti) [On the Weaponry of the Irtysh Region Population of the beginning of the II millennium AD (based on the monuments of Omsk Region)]. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii* [Warfare of the Ancient Population of Northern Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 163–171.
9. Kyzlasov L.R. O prisoedinenii Khakasii k Rossii [On the Accession of Khakassia to Russia]. *Stranitsy istorii i sovremennoost'* [Pages of the History and Present]. Abakan, Moscow, 1996. No. 2. 62 p.
10. Levashova V.P. Voznesenskoe gorodishche [The Voznesenskoe Hillfort]. *Izvestiya gos. Zapadno-Sibirskogo muzeya* [Bulletin of the State Western Siberian Museum]. Omsk, 1928. Is. 1.
11. Matveev A.V., Tataurov S.F. *Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekty istorii* [Siberian Khanate: The Politico-military Aspects of History]. Kazan, Fen Publ., 2012. 260 p.
12. Miller G.F. *Opisanie Sibirskogo tsarstva i vsekh proissledshikh v nem del ot nachala, a osoblivo ot pokoreniya ego Rossiyskoy derzhave po sii vremena* [Description of the Siberian Kingdom and All Case that Have Occurred in It from the Beginning, and Especially from Its Conquest by the Russian State till Present Times]. Moscow, Libereya Publ., 1998. Kn. 1. 416 p.
13. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Izd. 2-e, dopolnennoe. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999. Vol. I. 630 p.
14. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Izd. 2-e, dopolnennoe. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. Vol. II. 796 p.
15. Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Baraba in the Late Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 261 p.
16. Nechiporenko V.N., Pan'kin S.V., Skobelev S.G. Pozdnie luki Srednego Eniseya [Late Bows of the Middle Yenisei]. *Voennoe delo narodov Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Peoples of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2004. Is. 1, pp. 129–164.
17. Pignatti V.N. Isker (Kuchumovo gorodishche) [Isker (Kuchumov hillfort)]. *Isker – stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker: The Capital of Siberian Khanate]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani Akademiya nauk RT Publ., 2010, pp. 186–226.
18. Savinov D.G. Novye materialy po istorii slozhnogo luka i nekotorye voprosy ego evolyutsii v Yuzhnoy Sibiri [New Materials on the History of the Complex Bow and Some Questions of Its Evolution in Southern Siberia]. *Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Ancient Tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981, pp. 146–162.

19. *Sibirskie letopisi. Kratkaya sibirskaya letopis' (Kungurskaya)* [Siberian Chronicles. The Brief Siberian Chronicle (Kungurskaya)]. Ryazan, Aleksandriya Publ., 2008. 88 p.
20. Sinyaev B.S. Okonchatel'nyy razgrom Kuchuma na r. Obi v 1598 g. [The Final Defeat of Kuchum on the Ob River in 1598]. *Voprosy geografii Sibiri* [Questions of Geography of Siberia]. Tomsk, 1951. Is. 2, pp. 141–156.
21. Skobelev S.G. Strely Sayanskogo ostroga [Arrows of the Sayan Prison]. *Voennoe delo nomadov Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Warfare of the Nomads of Northern and Central Asia]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2002, pp. 177–199.
22. Skrynnikov R.G. *Sibirskaya ekspeditsiya Ermaka* [Siberian Expedition of Yermak]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982. 253 p.
23. Slovtsov P.A. *Istoricheskoe obozrenie Sibiri. Stikhotvoreniya. Propovedi* [Historical Survey of Siberia. Poems. Sermons]. Novosibirsk, Ven-Mer, 1995. 675 p.
24. Sobolev V.I. Istoriya sibirskikh khanstv (po arkhelogicheskim materialam) [A History of Siberian Khanates (based on archaeological materials)]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographo-archaeological Complexes: Problems of Culture and Society]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008. Vol. 10. 356 p.
25. Fisher I.E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli rossiyskim oruzhiem* [Siberian History since the Discovery of Siberia till the Conquest of This Land by Russian Arms]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1774. 631 p.
26. Khazanov A.M. *Sotsial'naya istoriya skifov* [A Social History of the Scythians]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 169 p.
27. Khudyakov Yu.S. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Arms of the Medieval Nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1986. 268 p.
28. Khudyakov Yu.S. *Vooruzhenie tsentral'no-aziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya* [Arms of the Central Asian Nomads during the Early and Developed Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 189 p.
29. Khudyakov Yu.S. Voennoe delo Sibirskogo khanstva v pozdnem srednevekov'e (v aspekte vzaimodeystviya s russkimi) [Warfare of the Siberian Khanate in the Late Middle Ages (in terms of interaction with the Russians)]. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2007. Vol. 6. Is. 3. Arkheologiya i etnografiya, pp. 238–254.
30. Khudyakov Yu.S., Erdene-Ochir N. *Voennoe delo drevnikh kochevnikov Mongolii (II tysyacheletie – III vek do n.e.)* [Warfare of the Ancient Nomads of Mongolia (II millennium – III century BC)]. St. Petersburg, Fil. fak. SPbGU; Nestor-Istoriya Publ., 2011. 172 p.
31. Karutz R. *Die Volker Nord- und Mittelasiens*. Stuttgart, 1925.

About the author: Yuliy Sergeevich Khudyakov – Senior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (History), Professor (630090, Acad. Lavrent'ev st., 17, Novosibirsk, Russian Federation); khudjakov@mail.ru

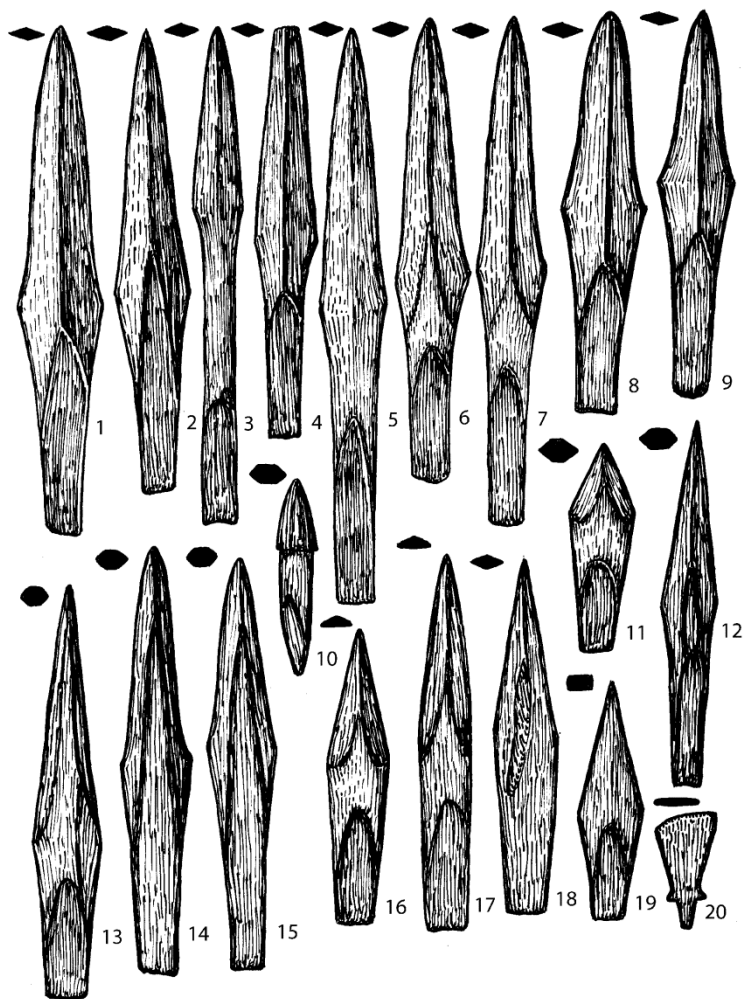
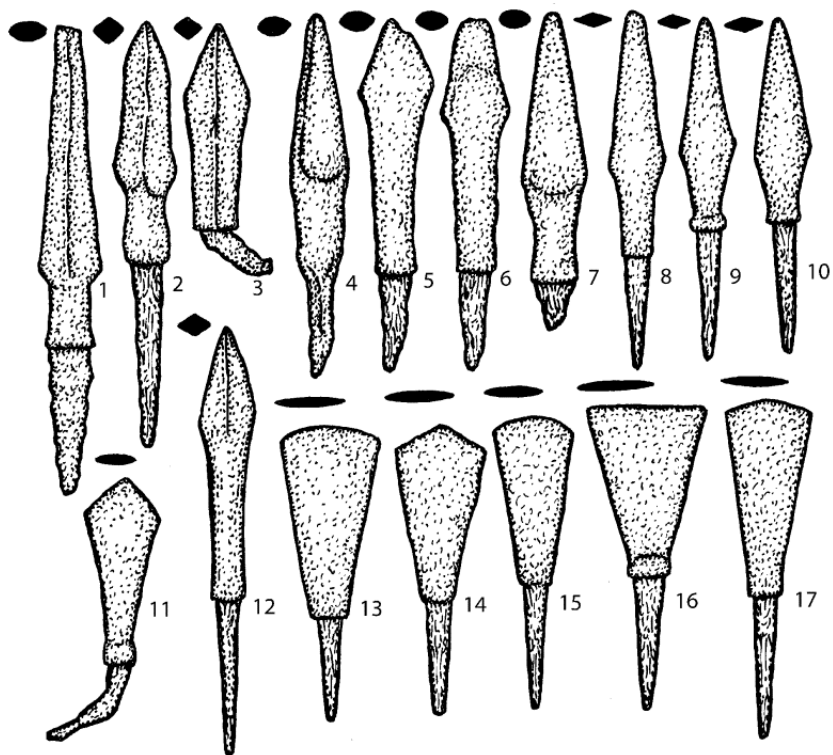

Костяные накладки луков,
деревянная кибить лука с натянутой тетивой,
колчаны сибирских татарских воинов

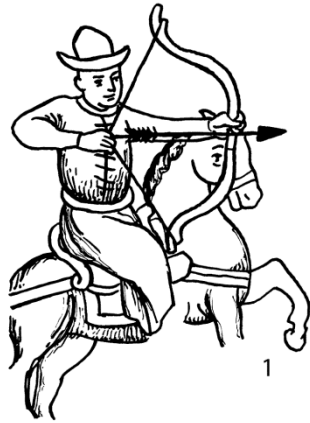

Железные наконечники стрел
сибирских татарских воинов,
предназначенные для поражения
легковооруженных противников

Железные наконечники стрел сибирских татарских воинов, предназначенные для поражения защищенных доспехами и легковооруженных противников

Костяные наконечники стрел сибирских татар

Изображения сибирских татарских
воинов с луками и копьями
на миниатюрах Ремезовской
летописи

Реконструкция сибирского
татарского конного лучника

Новые книги. Отзывы и рецензии

Книги, изданные Центром исследований Золотой Орды
и татарских ханств им. М.А. Усманова в 2014 г.

Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 1: Транскрипция, факсимиле. Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 1 / Транскрипция Дерья Дерин Пашаоглу; отв. редактор И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 420 с.

Золотоордынская цивилизация. Научный ежегодник. – № 7. – 2014. – 352 с. + 20 с. цв. вкл.

Нумизматика Золотой Орды. Научный ежегодник. – № 4. – 2014. – 228 с.

Курат А.Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Перевод с турецкого языка Р.Р. Галеева; редактор текстов на арабице М.Р. Исмагилова; ответственные редакторы Л.И. Шахин, И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – 256 с.

New Books. Feedback and Reviews

The **books** published by Usmanov Center for Research on the Golden Horde
and Tatar Khanates in 2014

Abdulgaffar Qirimi. Umdet ul-ahbar. Issue 1: Transcription, facsimile. Series «Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage». Volume 1 / Transcription by Derya Derin Paşaoğlu; Executive editor I.M. Mirgaleev. – Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2014. – 420 p.

Golden Horde Civilization. Research Annual. – № 7. – 2014. – 352 p. + 20 colored ins.

Golden Horde Numismatics. Research Annual. – № 4. – 2014. – 228 p.

Kurat A.N. Collected Writings. Book 1. Yarlyks and Bitiks of the Golden Horde, Crimean, and Turkestan Khans in the Archives Topkapi Palace Museum / Translation from Turkish by R.R. Galeev; edition of Arabic texts by M.R. Ismagilova; Executive editors L.I. Shahin, I.M. Mirgaleev. – Kazan: Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2014. – 256 c.

Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории АН РТ является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данной книги (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates of the Institute of History of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material in this book (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

Золотоордынская цивилизация

Golden Horde Civilization

№ 8. 2015

Научный ежегодник

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева, Л.С. Гиниятуллина, А.Р. Тухватуллина*

Подписано в печать 09.09.2015 г. Формат 60×84 ¹/₈

Усл. печ. л. 51,0 Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре Института истории АН РТ
420014 г. Казань, Кремль, подъезд 5. Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

Издания Центра исследований
Золотой Орды и татарских ханств
Института истории АН РТ на сайте:
<http://www.tataroved.ru/institut/cizc/1/>